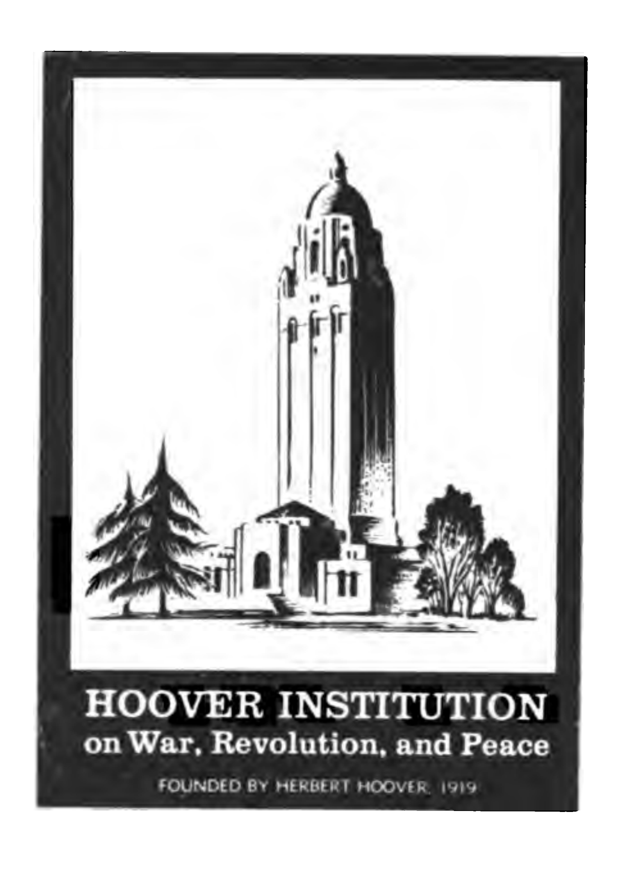
G.D.
Kuña
C + P

HOOVER INSTITUTION
on War, Revolution, and Peace
FOUNDED BY HERBERT HOOVER 1919

G.D.
Kuisa
C+P

See table of contents at end of this part.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1870 ГОДУ ЖУРНАЛА:

ЧТЕНІЯ

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

«Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» будуть издаваться и въ наступающемъ 1870 году, по той же самой программѣ, какъ доселѣ, въ томъ же самомъ объемѣ, направленіи и въ тѣ же сроки.

ПОДПИСКА ГОДОВАЯ:

Шесть рублей серебромъ въ Москвѣ, а съ пересылкою въ другія мѣста *семь* рублей *50* к. сереб.

Съ требованіями обращаться:

1. Въ самое Общество, или

2. Въ книжный магазинъ Московскаго книгопродавца и Коммисіонера Общества Ивана Григорьевича Соловьева (бывшій Ивана Васильевича Базунова), на Страстномъ бульварѣ, противъ Университетской Типографіи.

ЧТЕНІЯ

ВЪ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

ОБЩЕСТВѢ

ИСТОРІИ и ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ПОВРЕМЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ПОДЪ ЗАВѢДЫВАНІЕМЪ

О. М. Бодянскаго.

1869

Іюль — Сентябрь.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.
1869.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОЕДИНЕНИИ ПОДЪ ОБЩИМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ

БОЛГАРСКАГО РЫЛЬСКАГО И РУССКАГО АѲОНСКАГО МОНАСТЫРЕЙ.

Братія Болгарскаго Рыльскаго монастыря, посѣщая, по временамъ, Св. Аѳонскую Гору, которая не перестала и, надѣемся, не перестанетъ никогда быть духовною школою для Православнаго иночества, оказываютъ особенное расположеніе нашей Русской Аѳонской обители (Руссику). Расположеніе это, по ихъ объясненію, кромѣ духовныхъ причинъ, имѣетъ и основы историческія; въ доказательство чего они, въ 1867 году, привезли въ Руссикъ копію съ акта, хранящагося у нихъ, въ числѣ отборныхъ бумагъ, въ особомъ кивотѣ. Актъ этотъ относится къ 1466 году, и составленъ возстановителями Болгарскаго Рыльскаго монастыря (послѣ запустѣнія его, въ слѣдствіе разоренія Турками, при завоеваніи Болгарскаго Царства, въ концѣ XIV столѣтія), Игуменомъ Давидомъ и, братомъ его, Іеромонахомъ Ѳеофаномъ, по смерти старшаго ихъ брата, перваго Игумена обновленной обители, отца Іоасафа.

Исторія этого возстановленія и обратнаго перенесенія изъ Тернова въ обновленную обитель мощей ея основателя, Преподобнаго Іоанна Рыльскаго (содѣйствіемъ вдовы, Царицы Мары, супруги Султана Амурата II-го, а младшей дочери Сербскаго Деспота, Георгія Бранковича, 1428—1457), описана подробно и обстоятельно въ драгоцѣнномъ сборникѣ, именуемомъ «Панегирики», составленномъ въ XV же столѣтіи Грамматикомъ Владиславомъ и хранящемся въ томъ же Рыльскомъ монастырѣ. Описаніе это со-

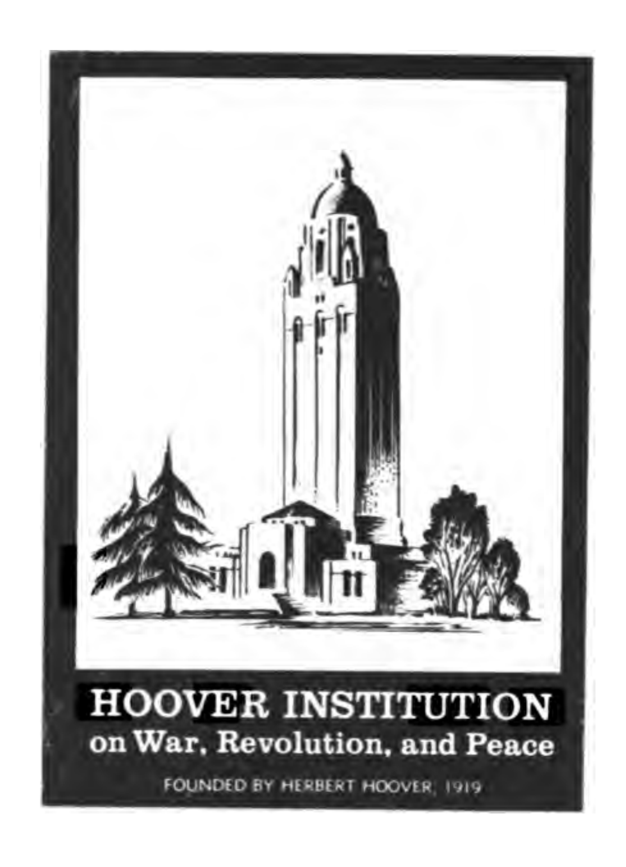
ставляетъ добавленіе къ Житію Пр. Іоанна Рыльскаго, написанному, какъ извѣстно, послѣднимъ Терновскимъ Патріархомъ, блаженнымъ Евѳиміемъ, и принадлежитъ перу самого составителя Сборника, Владиславу Грамматику (см. «Гласникъ Српскога Ученога Друштва,» новаго реда кн. V, 1867 года). Упоминаемыхъ въ этомъ актѣ хрисовуловъ прежнихъ святыхъ ктиторовъ (Рыльской обители): «како суть были оба монастыра (Рыльскій Болгарскій и Русскій Аѳонскій) едино и прежде,» (т. е., прежде разоренія Рыльской обители Турками въ концѣ XIV, или началѣ XV, столѣтія), хрисовуловъ, которые, по объясненію отцевъ Давида и Ѳеофана, видѣны были ими нѣкогда въ Русскомъ Аѳонскомъ монастырѣ, нынѣ нѣтъ, такъ какъ большинство древнихъ Славянскихъ актовъ этой обители утратилось во время оставленія ея Русскими иноками въ прошломъ столѣтіи. По нашему заключенію обстоятельство, упоминаемое въ актѣ, то есть, соединеніе обоихъ монастырей подъ общимъ управленіемъ при прежнихъ ктиторахъ, судя по извѣстнымъ намъ историческимъ событіямъ обѣихъ обителей, можно съ достовѣрностію отнести къ первой половинѣ XIV столѣтія, по слѣдующимъ соображеніямъ: Обновителемъ Болгарскаго Рыльскаго монастыря, послѣ обветшанія его зданій, былъ, какъ извѣстно, одинъ изъ вельможъ Царя Стефана Душана (владѣвшаго тогда всею Македоніею), Правитель Струмицкой области, Протосевастъ (а потомъ Кесарь) Хреля Охмучевичъ, скончавшійся въ 1343 году, въ монашескомъ образѣ подъ именемъ Харитона, и погребенный въ обновленной имъ обители, гдѣ доселѣ указываютъ надгробную плиту съ полуистертой надписью. Воздвигнутыя Хрелею въ Рыльскомъ монастырѣ зданія истреблены пожаромъ въ началѣ текущаго столѣтія; уцѣлѣла лишь одна каменная башня, которую народъ и доселѣ зоветъ «Релинъ пиргъ»; на ней находится надпись, составленная изъ каменнаго кирпича: «При державі Господина прѣвысокаго Стефана Доушана Крала созд[а] сеи пиргъ Господинъ Протосевастъ Хрель с троудомь великимь [и] исходомь светомоу отцоу Іоанноу Рыльскомоу и Матери Божіеи нарицаемѣи Осеновица, въ лѣто ,ѕѡмг (6843=1334), Ноемврія є (5).» Владиславъ Грамматикъ, говоря о современномъ ему возстановленіи обители Рыльской въ 1460 году, упоминаетъ и объ обновленіи ея въ XIV столѣтіи Хрелемъ, говоря: «юже (обитель) добрѣ зд[а] и благолѣпьнѣ же прѣвьзорьныи онъ Кесарь Хрела, образомь

иноѹческыимь нареченыи Харитонъ монахь, вь славословие Божие и вь чьсть прѣподобьномоѵ, отъ основанна къдеиже и създа» (Гласникъ кн. V, стр. 288).

Относительно Русской Аѳонской обители Св. Пантелеимона также извѣстно, что въ 1340 г. (по завоеваніи Душаномъ всей Македоніи и части Ѳракіи) она была принята Стефаномъ Душаномъ подъ его личное покровительство, и онъ, видя «нищетв послѣдню монастира и всакаго промишлениіа и попеченија тьщь и пвсть, и еще оть Рвсие вьсеконьчно оставлениие,» сдѣлавшись, по просьбѣ иноковъ, ктиторомъ сей обители, «наложиль попечение и промышление» о ней на одного «многолюбимаго и вѣрнаго» ему монаха, Исаию, «томв и не хотещв, одва впросивь его, сь великимь вмилениемь и метаниемь, вькупѣ и сь Царицею Кѵра Еленою.» * По прошенію избраннаго такимъ образомъ настоятеля, щедролюбивый Царь надѣлилъ монастырь метохіями въ той же Струмицкой области, которою управлялъ тогда Кесарь Хреля, а послѣ него Царица Евдокія (вдова Деака), съ сыновьями Деспотами, Костандиномъ и Драгашемъ. Такое видимое благоволеніе Царя къ Русской Аѳонской обители, сравненной при томъ въ правахъ своихъ, по просьбѣ того же многолюбимаго Царемъ старца Исаіи (Игумена обители), съ Царскою Сербскою Хилендарскою Лаврою, не могло не привлечь къ Русскому монастырю вниманія и Сербскихъ властелей. Вотъ по чему и ктиторъ возобновленной тогда же Рыльской обители, Кесарь Хреля Охмучевичь (Харитонъ), легко могъ присоединить свой монастырь къ Русской Аѳонской обители на томъ же основаніи, какъ сдѣлалъ это Правитель сосѣдней Овчепольской области, Великій Воевода Оливеръ (братъ супруги Душановой, Царицы Елены), относительно обновленнаго имъ монастыря Пр. Гаврiила Лѣсновскаго (между Истибомъ и Кюстендилемъ), «записавь златопечатнымь хрисовоуломь и предавь оный (монастырь) оу светоу горою Богородици Хиландарьской сь всакимь

* См. хрисовулъ Царя Стефана Душана Русику 1349 г., Іюня 12, въ «Гласникѣ 1868 г., кн. VII, статья: «Стара Српска писма,» стр. 232 и слѣд. Въ этомъ хрисовулѣ, коимъ онъ подтверждаетъ за монастыремъ его владѣнія внутри и внѣ Св. Горы, объ упомянутыхъ выше событіяхъ, по устройству монастыря, говорится въ прошедшемъ времени, слѣдовательно, онъ относится къ началу 40-хъ годовъ XIV столѣтія.

HOOVER INSTITUTION
on War, Revolution, and Peace
FOUNDED BY HERBERT HOOVER, 1919

G.D.

Kuisa

C + P

былъ Октября 22 дня, на память Аверкія, Епископа Іерапольскаго.[1]

Аврамій Палицынъ, бывшій тогда при войскѣ Русскомъ, говоритъ также, что Воеводы взяли Китай городъ приступомъ Октября въ 22-й день.[2]

Во второмъ сказаніи о Самозванцахъ, сходномъ съ сказаніемъ Аврамія Палицына, указывается тоже число.[3]

Въ Никоновской лѣтописи говорится, что на память Аверкія Великаго (22 Октября) Китай взяша.[4]

Въ Новомъ лѣтописцѣ, сходномъ съ Никоновскою лѣтописью, также говорится, что Китай городъ взяли 22 Октября.[5]

Въ Прологѣ, на который часто ссылается Новый лѣтописецъ, сказано: «Взяша градъ Китай Октября въ двадесятъ вторый день.»[6] Тоже читаемъ въ Филаретовой рукописи (Сбор. Мух., изд. 2-е, стр. 320). Отдѣльнымъ стоитъ свидѣтельство отписки Воеводъ Трубецкаго и Пожарскаго къ Новгородскому Митрополиту, Исидору, въ которой днемъ взятія Китая города назначается Сентября 22-й.[7] При сличеніи съ предшествующими событіями, должно думать, что здѣсь допущена описка и, вмѣсто Сентября, слѣдуетъ читать Октября 22-й.

Въ иномъ сказаніи о Самозванцахъ говорится: «Пріяша вои Русскія Москву Октября въ 24 день, на память Святаго муче-

---

[1] Стр. 265: «Какъ убо взяли Китай, что сами видѣхомъ очима своима, что многіе чаны насолены быша человѣческими мясами.»

[2] Осада Троицкаго монастыря, 245.

[3] Временникъ, кн. XVI, 130.

[4] Никонов. лѣт. VIII, 196.

[5] Временникъ, кн. XVII, 158.

[6] Первая и вторая часть Пролога напечатаны въ первый разъ въ 1642 г.

[7] Дополн. къ Акт. Истор. т. 1-й, № 166.

ника Ареѳы.» Здѣсь на два дня позднѣе полагается взятіе Китая города. [8]

Взятіе Кремля въ большей части сказаній сливается съ взятіемъ Китая города.

Въ статьѣ, помѣщенной предъ Дворцовыми Разрядами, сказано, что въ память взятія Китая города и Кремля уставлено празднованіе образу Пречистыя Богородицы Казанскія Октября въ 22-й день. [9]

Въ грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича говорится, что въ 121 г., Октября 22, Московское Государство отъ Литовскихъ людей очистилось, по сему и установлено при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ праздновать въ Москвѣ въ сей день явленіе Казанской иконы Божіей Матери. [10]

Въ сказаніи о дѣйственныхъ чинахъ Московскаго Успенскаго Собора, писанномъ въ третій годъ Патріаршества Филарета (1621 г.), говорится о большомъ ходѣ крестномъ Октября 22-го. Къ сему сказанію прибавлено объясненіе происхожденія сего крестнаго хода, именно, что въ сей день въ 1612 г. Москву отъ Польскихъ людей взяли, и всѣхъ ихъ изъимали. [11]

У Аврамія Палицына, въ Прологѣ и въ Никоновской лѣтописи, говорится, что въ день недѣльный Русскіе вступили въ Кремль.

---

[8] Временникъ, кн. XVI, 71. Что подъ Москвой здѣсь разумѣется Китай городъ, видно изъ слѣдующихъ за симъ словъ: «потомъ же и крѣпкій Кремль градъ пріяша, и множество Польскихъ и Литовскихъ людей побиша.» Сказаніе это составлено современникомъ, какъ замѣтилъ издатель его въ предисловіи.

[9] Дворцов. Разряд. стр. 8.

[10] Акты Археогр. IV, стр. 60.

[11] Вивл. Росс. ч. 6, стр. 179. Объясненіе праздника, конечно, приписано посл.

Въ Новомъ лѣтописцѣ сказано: «Октября 23-го вошли въ Кремль, и очистися царствующій градъ Москва отъ Латинъ, 7121, мѣсяца Октября въ 23 день.»[12]

Въ первой Псковской лѣтописи говорится: «въ 121 г., Октября въ 20 день, Москву взяли у Литвы.»[13]

Въ отпискѣ Воеводъ Трубецкаго и Пожарскаго къ Митрополиту Новгородскому, Исидору, говорится, что они вошли въ Кремль Октября 26 дня.[14]

Книга Дворцовыхъ Разрядовъ даетъ отличное отъ всѣхъ свидѣтельство. Она начинается извѣстіемъ: «Лѣта 7121... промысломъ и радѣніемъ ко всей земли Боярина и Воеводы, Дмитрія Тимоѳѣевича Трубецкаго, да Стольника и Воеводы, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго... царствующій градъ Москву отъ Поляковъ, и отъ Литовскаго Короля, и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, изъ плѣну и изъ работы очистили и учинили свободно Ноября въ 27 день.»[15]

При такомъ разногласіи современныхъ свидѣтельствъ неудивительно, что и у нынѣшнихъ историковъ мы встрѣчаемъ не одинаковое опредѣленіе времени очищенія Кремля отъ Поляковъ. Для примѣра приводимъ выписки изъ сочиненій Гг. Соловьева и Костомарова. С. М. Соловьевъ припоминаетъ, что 22 Октября Казаки взяли Китай городъ. Въ Кремлѣ Поляки держались еще мѣсяцъ. 27 Ноября Русскіе вступили въ Кремль.[16]

По разсказу Н. И. Костомарова: 22 Октября Трубецкой приступомъ взялъ Китай городъ. 24 Октября Поляки отворили во-

---

[12] Новый лѣт. во Временникѣ, кн. XVII, стр. 158.

[13] П. С. Р. Л. IV, 340.

[14] Допол. къ Акт. Ист. т. 1, № 166.

[15] Дворц. Разр. стр. 9.

[16] Истор. Рос. т. VIII, стр. 455, 456.

рота на Неглинную и стали выпускать Бояръ и Русскихъ людей. На другой день, 25 Октября, отворились всѣ ворота Кремля, и Русскіе торжественно вступили въ Кремль.[17]

Г. Соловьевъ основалъ свое показаніе, очевидно, на свидѣтельствѣ Дворцовыхъ Разрядовъ. Держаться этого свидѣтельства побудила его, вѣроятно, невозможность въ два, три, дня помѣстить тѣ событія, какія совершились послѣ взятія Китая города до выхода Поляковъ изъ Кремля.

Что Кремль очищенъ былъ отъ Поляковъ въ Октябрѣ, въ этомъ, кажется, не можетъ быть ни какого сомнѣнія. Отписка Трубецкаго и Пожарскаго къ Митрополиту Новгородскому, Исидору, извѣщающая объ очищеніи Кремля, писана 15 Ноября, слѣдовательно, за двѣ почти недѣли до 27 Ноября, которое указываетъ Г. Соловьевъ. Вступленіе въ Кремль они въ отпискѣ своей относятъ къ 26 Октября; на Октябрь указываютъ и всѣ прочія свидѣтельства. Дворцовые Разряды, указывая на 27 Ноября, разумѣютъ здѣсь, вѣроятно, тотъ день, когда миновала опасность для Москвы отъ Сигизмунда съ Владиславомъ, подходившаго къ Москвѣ. Только тогда, какъ Сигизмундъ началъ свое отступленіе въ Польшу, можно было сказать: «царствующій градъ Москву отъ Поляковъ, и отъ Литовскаго Короля, и отъ Польскихъ и Литовскихъ людей, изъ плѣну и изъ работы очистили и учинили свободно.» Такъ связываетъ 27 Ноября Бантышъ-Каменскій съ отступленіемъ Сигизмунда. Онъ пишетъ: «22 Октября Поляки, бывшіе подъ предводительствомъ Николая Струся, принуждены были сдаться военноплѣнными. Неожиданную сію вѣсть получа Король Польскій, въ пути своемъ уже изъ Вязьмы, съ печалію поворотилъ въ Польшу. Симъ образомъ очистивъ столичный городъ отъ непріятелей, посланы были, Ноября 27, отъ Московскихъ Бояръ во всѣ города Указы, повелѣвающіе, чтобы въ Москву высланы были со всѣхъ сторонъ Депутаты отъ духовенства, Дворянъ и мѣщанъ, для избранія новаго Россіи Государя.»[18]

---

[17] Вѣстн. Евр. 1867, ч. III, стр. 31, 32.

[18] Чтенія въ Императ. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1861, кн. 1, отд. 2: «Переписка между Россіею и Польшею,» ч. II, стр., 124, 125.

Такимъ образомъ мнѣніе Г. Соловьева не можетъ быть принято.

Отписка Воеводъ къ Митрополиту Исидору, въ которой говорится, что они вступили въ Кремль 26 Октября, не позволяетъ согласиться и съ тѣмъ распредѣленіемъ времени, какое принимаетъ Г. Костомэровъ. Она подверждается и показаніемъ Филаретовой рукописи, въ которой сказано: «Октября 22 взяша Китай градъ и много Литвы побиша, а иніи побѣгоша въ Кремль и тамо затворишася, и сидя во градѣ три дня, чтобы града не сдати.»[19] Если Поляки три дня послѣ 22 Октября держались въ Кремлѣ, то сдача ихъ также и по Филаретовой рукописи должна происходить 26 Октября.

Статься можетъ, Г. Костомарова привело къ назначенію торжественнаго вступленія въ Кремль въ 25 день Октября то указаніе, что оно было въ день недѣльный. Но это указаніе можетъ быть объяснено инымъ образомъ. Октября 22 въ 1612 г. было дѣйствительно въ Четвертокъ, и по тому первый Воскресный день послѣ 22 Октября приходится 25 Октября. Но, за исключеніемъ Новаго лѣтописца, ни одно свидѣтельство не говоритъ, чтобы Поляки сдались въ тотъ же день, когда взятъ Китай городъ, или на другой день. Изъ предшествующаго разсказа въ самомъ Новомъ лѣтописцѣ видно, что отъ 22 Октября прошелъ не одинъ день до вступленія Русскихъ въ Кремль. Здѣсь говорится, что, послѣ взятія Китая города, Королевскіе люди, и съ ними измѣнники, «запрошася во градѣ Кремлѣ, гладъ же тамо паче соодолѣ ихъ и утѣсненіе; Королевскіе же люди повелѣша измѣнникомъ всѣмъ женъ своихъ и дѣтей изъ града выпустить.» Послѣ выпуска женъ и дѣтей, Королевскіе люди и измѣнники начали переговоры о сдачѣ, и сначала вышли Русскіе, а на другой день Поляки. Очевидно, что эти событія не могли совершиться въ одинъ день. Предварительная высылка женъ и дѣтей изъ Кремля, вопреки желанію Бояръ, бывшихъ съ Поляками въ Кремлѣ, показывала намѣреніе Поляковъ сохранить нѣкоторое количество жиз-

---

[19] Сборн. Мух., изд. второе, стр. 320.

венныхъ запасовъ для выдержанія осады. Воеводы писали также Митрополиту Исидору, что они приступомъ хотѣли брать Кремль: очевидное доказательство намѣренія Поляковъ держаться въ Кремлѣ. Но жизненныхъ припасовъ не было; еще до 22 Октября Поляки питались кошками, крысами и даже человѣческимъ мясомъ. Рѣшимость защищаться въ Кремлѣ была не болѣе, какъ порывомъ отчаяннаго мужества. Не ожидая пощады, въ случаѣ взятія Кремля приступомъ, и съ изнеможенными голодомъ не надѣяся отразить его, Струсь созвалъ свою дружину, указалъ на бѣдственное положеніе, невозможность дальнѣйшаго сопротивленія. Рѣшено было сдаться. На канунѣ сдачи Поляковъ отпущены были изъ Кремля Бояре Русскіе, и 26 Поляки сдали Кремль.

Г. Костомаровъ вынужденъ въ своемъ разсказѣ допустить, что прежде войска Русскаго вступило въ Кремль духовенство съ крестнымъ ходомъ; за нимъ ополченія, которыя раздѣлили между собою бросившихъ оружіе Поляковъ. Но вѣроятно ли, чтобы Русскіе пошли съ крестнымъ ходомъ въ Кремль прежде, нежели были обезоружены и отданы подъ присмотръ Поляки, которыхъ было въ Кремлѣ до 9000? Вожди могли ожидать, что безъ кровопролитія не обойдется сдача Поляковъ, какъ и случилось. Притомъ удобно ли было идти крестнымъ ходомъ въ Кремль, въ которомъ, по словамъ современниковъ, было всякое оскверненіе святыни и скажденіе, когда вездѣ валялись трупы, кости и головы человѣческія? Можно ли было въ такое короткое время собрать все нужное для крестнаго хода? И какимъ образомъ могъ первенствовать въ этомъ ходу Архимандритъ Троицкій, Діонисій, за которымъ, по словамъ самаго Г. Костомарова, нарочно послали? Конечно, Троицкая Лавра всего въ 65 верстахъ отъ Москвы, но въ осеннюю пору, безъ насыпной дороги, сутки приходилось ѣхать въ одинъ конецъ по этому пути.

По тому мы полагаемъ, что торжественное вступленіе Русскихъ въ Кремль съ крестнымъ ходомъ было уже въ слѣдующее Воскресенье, то есть, 1-го Ноября, когда празднуется память Святыхъ Безсребренниковъ Космы и Даміана. Пять дней прошли въ распоряженіяхъ касательно плѣнныхъ Поляковъ, въ приведеніи въ извѣстность того, что осталось отъ Царской казны, въ очищеніи

храмовъ и Кремля отъ нечистотъ и труповъ, въ посылкѣ въ Лавру за Діонисіемъ и въ приготовленіи къ крестному ходу.

Остается вопросъ: почему 22 Октября поставлено было праздновать освобожденіе Москвы отъ Поляковъ? Конечно, по тому, что взятіемъ Китая города рѣшена была судьба Поляковъ, державшихся въ Москвѣ; это была послѣдняя, рѣшительная побѣда народнаго ополченія, имѣвшая слѣдствіемъ сдачу Поляковъ. Первые переговоры, можетъ быть, начались и на другой день, и показывая рѣшимость защищаться, Поляки хотѣли выпросить себѣ болѣе выгодныя условія сдачи. Сдача же безъ битвы послѣдовала вскорѣ; по тому у многихъ современниковъ оба событія сливаются вмѣстѣ, и 22 Октября осталось навсегда для Православной Церкви днемъ воспоминанія освобожденія Москвы отъ Поляковъ.

По чему въ этотъ день празднуется Казанской иконѣ Божіей Матери, лучше всего, по нашему мнѣнію, разъясняетъ Новый лѣтописецъ. Неясныя извѣстія Лѣтописи о мятежахъ и Никоновской лѣтописи подали нѣкоторымъ мысль, что въ Москвѣ находится подлинная Казанская икона Богоматери. Новый лѣтописецъ излагаетъ обстоятельно исторію сей иконы: «Егда во градѣ Москвѣ сидѣша Королевскіе люди во облежаніи отъ Боярина отъ Князя Дмитрія Тимоѳѣевича Трубецкаго съ товарищи, тогда въ таборы ихъ изъ града Казани принесли образъ Пресвятыя Богородицы, списанный съ того явившагося образа въ Казани, и былъ сей образъ Ея въ таборахъ подъ Москвою до зимы.» Конечно, по мысли Патріарха Гермогена, описавшаго явленіе Казанской иконы и составившаго Службу Ей, принесена была сія икона изъ Казани. Полный усердія и вѣры въ ней, онъ хотѣлъ, чтобы она знаменемъ и щитомъ была для воинства Русскаго. «Бояринъ же Князь Дмитрій Тимоѳѣевичь Трубецкой (говорится далѣе въ лѣтописцѣ), отпусти образъ той съ Протопопомъ Казанскимъ вспять. Протопопъ же съ образомъ пріиде въ Ярославль, а въ Ярославль въ тоже время пріиде изъ Нижняго Новгорода со множествомъ воинства Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, и видѣвъ оную икону и слышавъ что пришествіемъ Е[illegible] подъ Москву подъ Королевскими людьми Новодѣвичей монастыр

взяша, повелѣ съ онаго образа списати, и съ онымъ Протопопомъ отпустити, а тую икону поставити повелѣ въ Ярославлѣ, и начатъ къ ней велію вѣру имѣти, и многія сотворишася чудеса отъ иконы тоя во время бою съ Гетманомъ съ Хоткевичемъ, и во взятіи града Москвы; того ради по взятіи Кремля, Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій воздвигну храмъ Пресвятѣй Богородицѣ честнаго Ея въ церковь Введенія, и оную икону внесе и постави ту въ церкви въ своемъ приходѣ. Царь Михаилъ Өеодоровичъ слышавъ о чудесѣхъ устави..... ходъ Октября въ 22 день, егда царствующій градъ очистися.»

Патріархъ Гермогенъ, возбудитель новаго ополченія и мученикъ за независимость Отечества, по своей вѣрѣ привлекъ Казанскую икону Богоматери въ Русское ополченіе, стоявшее подъ Москвою. Князь Пожарскій, наслѣдовавъ его ревность къ освобожденію Москвы отъ Поляковъ, наслѣдовалъ усердіе и вѣру Патріарха Гермогена къ Казанской иконѣ Богоматери. Чувства двухъ великихъ дѣятелей времени междуцарствія сошлись въ одномъ упованіи на помощь Пресвятой Богородицы. На что надѣялся только Гермогенъ, то Пожарскій видѣлъ исполненнымъ. По сему учрежденіе празднества Казанской иконѣ Богоматери, въ память освобожденія Москвы отъ Поляковъ, имѣетъ глубокій историческій смыслъ.

Д. Членъ **Петръ Казанскій.**

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

ГЛАВА XLIV.

Нечаянное безпокойство.

Проживъ дней съ пять въ Одессѣ и осмотрѣвъ все, что въ ней было любопытнаго, я уже задумывалъ о нашемъ отъѣздѣ, и совсѣмъ собрался уѣхать 12-го числа; простился съ Дюкомъ, объявя, что ѣду въ Крымъ, къ чему и онъ меня подстрекалъ не мало и на сей конецъ былъ у меня самъ, по крайнему снисхожденію, начертилъ маршрутъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, кои тамъ примѣчательнѣе: любить Крымъ значило приласкать самаго Дюка. Всѣ пособія въ пути отъ него мнѣ доставлены были; всѣ ордера и подорожныя даны, словомъ, за однимъ только собственнымъ моимъ произволомъ могло остановиться такое предпріятіе. Тамошній Губернаторъ, старый пріятель, звалъ къ себѣ прямо на мызу. Все привлекательное соединялось съ моимъ любопытнымъ намѣреніемъ, какъ встрѣтило его вдругъ нечаянное препятствіе.

Проведя день по обыкновенію почти на улицѣ, уже я легъ спать съ тѣмъ, чтобъ на завтра ѣхать, какъ жена меня будитъ и отдаетъ мнѣ записку. Я протираю глаза, дивлюсь необычайной перепискѣ; ибо я давно уже ночныхъ записокъ не получаю; узнаю руку Сентъ-При, читаю въ ней дружеское увѣдомленіе, что флотъ Турецкій въ виду Севастополя и, можетъ быть, высадитъ войска на Крымскіе берега, или придетъ показать себя въ Одессу, и что Дюкъ, получивъ съ симъ извѣстіемъ нарочнаго, поскакалъ въ Херсонъ; далѣе проситъ меня предохранить жену мою отъ всякого страха и безпокойства, которое дамамъ столь свойственно имѣть и безъ основательныхъ причинъ, отъ однихъ слуховъ; а ими Одесса вся уже наполнена была, по случаю внезапнаго отъѣзда Дюка опять въ Херсонъ, изъ котораго онъ такъ недавно прибылъ.

Я сообщилъ женѣ вѣсточку, закутался въ одѣяло и легъ опять спать въ твердомъ намѣреніи еще на сутки остаться въ Одессѣ, дабы видѣть, чѣмъ кончится вся эта суматоха. «Ну, пусть придутъ, думалъ я, Турки къ Одессѣ: что они сдѣлаютъ? Ни чего!

А я, между тѣмъ, погляжу на нихъ и потолкую объ этомъ въ Москвѣ.» Сонъ скоро замѣнилъ своими грезами мечты воображенія; я уснулъ и проспалъ долго. На завтра, т. е., 13 числа побѣжалъ къ Сентъ-При. Онъ, бѣдный, отъ простуды разнемогался горячкой, и я его не могъ видѣть: это меня еще болѣе Турокъ на сутки задержало. «Нѣтъ, сказалъ я женѣ, не уѣду отсюда, не видавшись съ Сентъ-При, и не увѣрясь, что ему лучше: я слишкомъ полюбилъ его, чтобъ съ нимъ разстаться равнодушно.»

Однако жена моя, наслушавшись о Туркахъ, колебалась въ намѣреніи ѣхать въ Крымъ; пробывъ цѣлыя сутки почти одни, мы имѣли все время одумать наше предпріятіе. Крымъ хорошъ, любопытенъ, не спорю; тамъ, говорятъ, царствовалъ Митридатъ; тамъ крестился Владиміръ; тамъ Ифигенія принесена была на жертву; а чего стоитъ Чатырдагъ, гора, просѣкающая облака? Все это очень заманчиво; но ѣздить въ одну лошадь верхомъ, по скаламъ и утесамъ между пропастей, и ѣздить, потерявъ такъ, какъ я, совершенно привычку къ верховой ѣздѣ, это также имѣло большой вѣсъ въ нашей думѣ. Въ коляскѣ всѣхъ прелестей Крыма не увидишь, срокъ отпуска недалекъ. Надобно будетъ торопиться, глядѣть безъ примѣчанія и все потомъ забыть. Сколько сильныхъ причинъ приводили меня въ неудоумѣніе, а на жену, какъ женщину, дѣйствовалъ одинъ страхъ и Турки; къ тому же одинъ изъ нашихъ товарищей отправился, не доѣзжая Одессы изъ Николаева, въ Крымъ; и такъ онъ намъ все объ немъ разскажетъ, будто какъ видѣли, говорила мнѣ жена. Я молчалъ, никто не противорѣчилъ, и мы рѣшились оставить Крымъ въ сторонѣ, а возвращаться по прежнему плану, прямо изъ Одессы въ Кіевъ. Какъ быть съ бумагами, выпрошенными у Дюка: извиниться и оставить ихъ у Графа. «Такъ, точно такъ!» закричала вся компанія. И пославши за лошадьми, уложили все съ тѣмъ, чтобъ 14 числа уѣхать. Не судила мнѣ судьба видѣть природу во ужасѣ въ нашей Россійской Португаліи; и чего смотрѣть? Руинъ древностей! Развѣ не вездѣ онѣ одинаковы болѣе или менѣе? Онѣ же и молчатъ; а исторія, какъ сказка: не разберешь, что было въ правду, что къ стати солгала. О! передъ исторіей виноватъ я, какъ Ѳома передъ Мессіею: вѣрю тому, что слышалъ отъ самовидца; а далѣе что было, Богъ то вѣдаетъ. Что лежитъ до на-

туры, то гдѣ она не равна? У нея нѣтъ пасынковъ: рѣже, или чаще, но ясный день также хорошъ и въ Колѣ, какъ и въ Судацкой долинѣ; солнце вездѣ одно и то же, и захожденіе его лучезарное также восхищаетъ Вотяка, какъ и Абиссинца, скажите, Господа, скажите, я прощаю: «Вотъ какъ невѣжество ищетъ найти предлогъ, когда чего сдѣлать не хочется!»

Въ самую меланхолическую минуту моего о томъ размышленія подаютъ мнѣ письма: откуда? Не еще ли Турки? Ахъ! нѣтъ, я узнаю руку моихъ домашнихъ: это изъ Москвы. Слава Богу! Они живы и насъ помнятъ: свычка первое чувство въ природѣ. Тотчасъ пакетъ растерзанъ; съ какимъ удовольствіемъ видѣлъ я почеркъ каждаго изъ дѣтей, изъ ближнихъ! Такъ, милые моему сердцу, надобно быть розно съ вами, чтобъ умѣть цѣнить добро быть неразлучно вмѣстѣ. Что дѣлать? Такая противоположность въ естествѣ нашемъ. Я тщетно искалъ тутъ же извѣстія изъ Володиміра: ни слова! Нѣтъ полной радости; я опять унылъ. И такъ у меня есть друзья, которыхъ память жизнь мою краситъ.

ГЛАВА XLV.

Отъѣздъ изъ Одессы.

Наканунѣ отъѣзда нашего день былъ не хорошъ, дождливъ, пасмуренъ. Одесскіе жители такъ привыкли къ солнцу, что они грустятъ, когда его не видятъ: это имъ въ диковинку, а мы, Сѣверные бродяги, къ непостоянству этого свѣтила привыкли. Не смотря на непогодь, мы весь день то тамъ, то сямъ, прошатались и ходили на военную гавань. Пріятно было видѣть, что тамъ всѣ пушки вычищены, приготовлены, какъ полы въ церквахъ на Свѣтлый День Христовъ, все на мази; только покажись Чалма, то и батцъ изъ нѣсколькихъ сотъ орудій; а все, однако, это прикрыто скромностію, будто не нарочно, будто такъ и всегда. Надобно было вглядываться, чтобъ увидѣть, что подлинно на батареяхъ было что-то суетнѣе прочихъ дней. Впрочемъ, отдадимъ это и на счетъ предубѣжденія.

Нашатались мы еще до полнаго удовольствія по рядамъ, театру и клубной залѣ, въ которой тогда встрѣтились намъ Графъ Раз.... и Апраксинъ какой-то: первый лѣчится, какъ слышалъ я, отъ мотовства и глупости, а послѣдній страждетъ нервическими болѣзнями. Подъ вечеръ любовались съ купеческой гавани на отходящій корабль. Вѣтеръ воздымалъ море, и корабль, какъ наша шлюбка онамеднишная, очень высоко прыгалъ, не смотря на свою величавую фигуру, когда онъ прикованъ якорями къ матерой землѣ. О! вода, раскачавшись отъ бури, научитъ вальсировать всякое человѣческое строеніе, хотя бы тысячи лѣтъ на созиданіе его употребили. Что выше натуры? Кто сладитъ съ разъяренными ся стихіями?

Когда мы не обѣдывали и не вечеряли у Графа, или у нашей доброй и любезной хозяйки, которая такъ мило насъ угощала въ своемъ уединеніи, то намъ носили ѣсть изъ трактира, и кормили довольно хорошо, разумѣется, за хорошую плату. Здѣсь все дорого, кромѣ натуры, которая прекрасна и ни кому ни чего не стоитъ: богачъ и нищій равно ею наслаждаются!

Г. Р. обѣщался со мною заѣхать по дорогѣ изъ Одессы въ Болгарскую колонію и показать славныя заведенія овецъ Г Пиктета, къ чему я и готовился, но съ утра рано прислалъ извиниться и сказать, что плотину прорвало отъ дождя и доѣхать туда нельзя. Не изыскивая прямой причины такого отзыва, мало тужилъ, что не видалъ овчарни, а Болгарскія населені имѣлъ еще въ надеждѣ видѣть подъ Николаевымъ.

14 числа побѣжалъ я къ Графу, но онъ еще былъ въ жар въ постелѣ; и такъ я принужденъ былъ, не простясь съ ним уѣхать изъ Одессы. Сердце мое, эта самая привязчивая часть всего меня, стократно о томъ сѣтовало. Я неоднократно прочитывалъ тѣ прекрасные стишки, кои онъ мнѣ вписалъ въ мои «Сумерки.» У всѣхъ есть альбомъ; а я, какъ странный человѣкъ, вожу, вмѣсто того, съ собой «Сумерки» мои съ бѣлыми листами прозвалъ ихъ: «Nigrum.»

Пора, пора оставить край волшебный, пріятный, непостижимый въ скорости своего созиданія. Простясь съ Графиней

поблагодаря ее за всѣ ласки и пріязнь, простясь съ почтенною Госпожею Турчаниновой, я еще разъ сходилъ на балконъ взглянуть, и можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни, на Черное море, отъ котораго столько имѣлъ отрадъ по вечерамъ и страха въ прогулку. Оно меня учило тогда не быть дерзкимъ. Поскакалъ еще въ крѣпость, окинулъ глазами море съ самой высокой точки горы, откуда ужь оно не кажетъ ни какихъ границъ, а въ городѣ видны еще Очаковской области берега. Тамъ, воздавъ хвалу Творцу, показавшему мнѣ прелести новаго міра, я воротился домой. Дрожки меня разтрясли до смерти; я тихонько побранилъ ихъ хозяина, который вѣрно охотнѣе потратитъ свой доходъ на покупку лишняго вола, чѣмъ на ресоры. Есть люди, для коихъ барышъ драгоцѣннѣе покоя.

Лошади были уже готовы. Мы сѣли въ наши коляски и поскакали въ Россію. Такъ изъясняются всѣ, говоря здѣсь о нашей сторонѣ, когда въ нее сбираются ѣхать. Прости, Одесса! Можно тебя не полюбить, и по причинамъ, мнѣ собственно свойственнымъ; но не дивиться тебѣ, не похвалить тебя, не возможно. Правда, что ты предметъ хвастовства многихъ журналистовъ; объ тебѣ, какъ и о красавицахъ, хорошіе наши писатели много пишутъ лишняго, но простимъ имъ маленькую крайность: она плодъ восхищенія отъ истинныхъ твоихъ добротъ и льстивыхъ о тебѣ наслышекъ.

Изъяснимъ, однако, отъ чего собственно мнѣ не совсѣмъ полюбилась Одесса. Я признаюсь въ моемъ свойствѣ. Мнѣ милы тѣ удовольствія и разсѣянія, которыя не требуютъ рекомендательныхъ писемъ и знакомствъ. Они хороши для пріязни и дружества, но для забавы хорошо жить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ даромъ, или за деньги, можно видѣться со всякимъ въ саду, въ трактирѣ, на площади, словомъ, въ публичномъ мѣстѣ, а не безпрестанно въ гости ѣздить, рекомендоваться, знакомиться съ скучнымъ иногда хозяиномъ, съ вертопрашной хозяйкой, для того только, что они богаты и у нихъ можно видѣть то, чего публично нигдѣ не увидишь, по тому что оно слишкомъ дорого д[illegible] частнаго содержателя. А этѣ принужденія несносны! Я любл[illegible] всѣхъ видѣть, но видѣться только съ тѣми, съ кѣмъ я знаком[illegible]

Я надѣюсь, что читатель захочетъ различить силу, которую я даю слову видѣть просто и видѣться. Гдѣ есть такія общія увеселенія, я называю ихъ публичною жизнію; а гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ неволя и. ея несносныя послѣдствія, скука, тоска. Но можно ли требовать того общаго разсѣянія въ Одессѣ, какого мы еще и въ столицѣ нашей, въ моей родинѣ, которая столько вѣковъ живетъ на свѣтѣ, не имѣемъ? Прошу здѣсь припомнить начало моей книжки: «Уѣхалъ бы въ Парижъ,» и проч., и проч., и проч.

ГЛАВА XLVI.

Ночлегъ въ Анчекрагѣ.

Погода вдругъ перемѣнилась: дождь проливной лилъ два дни сряду. Стало вѣтрено и холодно; понадобился капотъ, а жена закуталась въ ватку. И въ Одессѣ также холодно, какъ въ нашемъ градусѣ! Въ 10 часовъ утра 14 числа отправились мы въ любимый Николаевъ. Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали мимо маленькихъ морскихъ заливовъ, кои называются балками и вдаются въ матерую землю, видѣли воду зеленую. Она цвѣтетъ и очень тяжело пахнетъ. На самомъ Черномъ морѣ отмели его такъ зелены, что издали кажутся лугомъ. Мы ѣхали шибко; въ Дофинѣ остановясь мѣнять лошадей, взглянули еще разъ па Одессу. Отсюда она очень видна: обѣдали худо на станціи Г. Комеиданта Коблева. по тому что поваръ нашъ занемогъ, и я весь день ѣхалъ сердитъ. По всей дорогѣ ни чего примѣчательнаго не нашли, кромѣ могилы и камня надъ какимъ-то Маіоромъ, котораго люди свои убили. Видно, хотѣлъ похозяйничать прилежно и скорѣй набогатиться.

До города не успѣли доѣхать; ночь застигла насъ въ Анчекрагѣ: * послѣдняя станція въ 28 верстахъ отъ Николаева. Нужда укажетъ пристанище. Здѣсь жила сама помѣщица того мѣста. Госпожа Генеральша Гаксъ. Она случилась дома, приняла насъ. позволила у себя ночевать, угостила вкуснымъ ужиномъ; спасибо

---

* Анчокракъ или Янчокракъ при колодцахъ на балкѣ того же имени, въ 95 верстахъ отъ Уѣзднаго города (Одессы), съ 82 дворами и церковью. О. Б.

ей, много разъ спасибо! Эта заслуженнаго Офицера вдова поселилась здѣсь по необходимости. Не имѣя достатка жить въ Россіи, она купила тутъ 130 душъ счетомъ, а нашла только 30; на работу выходитъ 15; остальные всѣ въ ревизскихъ сказкахъ, а въ натурѣ разбѣжались. Что мудренаго? Сторона новая, завоеванная, вся заселена бѣглыми и бродягами. Въ самой Одессѣ ихъ 20 тысячъ слишкомъ душъ, кои только числятся по окладу; у многихъ нѣтъ ни какого виду, и откуда взялись, ни кто не знаетъ; всякой поселянинъ бѣжитъ, куда глаза глядятъ и гдѣ нахвастаютъ ему, что лучше. Границы близки: одинъ скрывается въ Молдавіи, другой въ Турціи; и такъ нѣтъ у помѣщика ни чего надежнаго. Съ одной стороны это очень хорошо и спокойно для полиціи кроткой: помѣщики мягче обходятся съ своими вассалами, чтобъ не растерять ихъ. Сверхъ такого непрочнаго состоянія хлѣбопашца, погода имѣетъ свои непостоянства: засухи часто лишаютъ вовсе жатвы; пожары истребляютъ въ степяхъ сѣнокосы. Всякой помѣщикъ подверженъ большимъ потерямъ въ замѣну большихъ иногда барышей. Здѣшняя хозяйка увѣряла меня, что для прибытка въ самой торговлѣ нужны часто протекція и хитрость; иначе ни чего недостанешь. Кизяку у нея наставлено пропасть. Странно видѣть Русскому человѣку такія огромныя кучи жесткаго навозу. Столъ ея чистъ и вкусенъ. Черезъ ея селеніе гоняютъ рекрутскія партіи, и она очень этѣмъ распорядкомъ скучаетъ.

Семейство ея состоитъ изъ нея съ замужней дочерью, зятя, и двухъ родственницъ, съ ней въ сосѣдствѣ живущихъ. Всѣ они очень не худо говорятъ по Французски. въ домѣ водятся клавикорды и, натурально, очень разстроены. Тѣмъ больше этого жаль, что меньшая изъ барышенъ имѣетъ склонность къ музыкѣ и довольно твердо уже играетъ; въ степи слышать фортепіано необыкновенно. Мы, по благосклонности Госпожи Генеральши, у нея переночевали и проспали до 10 часовъ, между тѣмъ какъ Дюкъ уже возвращался мимо насъ изъ Херсона, а Графъ Безбородько, преслѣдуемый свитой своей, спѣшилъ въ свои Римскія развалины. Довольно было услышать, что Дюкъ пріѣхалъ, чтобъ всякому на догадкѣ своей основать причину отъѣзда его туда. Вотъ что при насъ объ этомъ сказывали сторонніе въ Анчекракѣ:

Турки потерлись, де, около нашихъ судовъ съ хлѣбомъ, посчечились маленько и ушли. Видно, что голодъ ихъ пронялъ не на шутку.

На завтра Іюля 15 предстоялъ намъ великій подвигъ: надлежало переѣхать Бугъ прежде, нежели наслаждаться роскошнымъ покоемъ въ Николаевѣ, а буря рѣку сильно трясла. Напившись чаю въ Анчекрагѣ, поблагодаря, какъ умѣли лучше, благодѣтельную Генеральшу, скоро перебѣжали мы лоскутокъ степи до Буга: но тутъ какъ быть! Кромѣ бѣднаго хутора ни какого жила; не допросишься ни яицъ, ни молока, нѣтъ ни чего: убожество пустынное! Вотъ бы гдѣ хорошо жить монахамъ! Поварня наша была уже въ Николаевѣ, слѣдовательно, и пища тамъ. Бугъ разгоряченъ былъ волнами; одна другую пробивала и берега во кругъ его взмылились отъ пѣны; легкая лодка давала по три и по четыре оборота изъ края въ край и не могла прибиться къ пристани. На большихъ баркахъ поднять паруса не можно: вѣтеръ изорветъ, какъ паутину, да и противъ вѣтра ити тяжело. Мы выжидали часъ, два и три: буря не утоляется. Какое зрѣлище ужасное разъяренная рѣка! Бугъ же по натурѣ своей безпокоенъ. Мощное дѣтище бѣшенаго моря! Между тѣмъ голодъ насъ пошевеливалъ; ночи дожидаться тутъ еще болѣе боялись: надобно было рѣшиться. Сперва послали мы слугу въ городъ за чѣмъ ни будь съѣстнымъ, чтобъ надежнѣе располагать остатками дня, естьли вихрь на ту сторону ни какъ не перепуститъ. Поѣхала лодка и зачала съ слугой нашимъ нырять такъ сильно, что мы ее изъ глазъ теряли.

Это насъ остановило опять на полчаса; межъ тѣмъ день склонялся къ вечеру, и мы рѣшились пустить впередъ нашу карету порожнюю на баркасѣ по канату, чтобъ видѣть ея движеніе и по оному ввѣрить себя волнамъ. Колымагу нашу сильно било, однако она шла, и уже мы начинали ей завидовать. Взглянулись другъ на дружку, чтобъ занять взаимно храбрости—и пустились. Баркасъ былъ великъ, обширенъ, но канатъ не весьма надеженъ. Однако сѣли, поставили тутъ же нашу коляску; кинулись къ намъ на судно еще Казакъ и Офицеръ Казацкій; отчалили, потянули насъ матросы по канату поперекъ рѣки: вода ревѣла подъ

[redacted]

нами и подымала насъ очень высоко; вспомнилъ я тутъ 9-й валъ, надъ которымъ такъ смѣялся въ несчастной оперѣ своей: «Любовное волшебство,» которой ни кто не покупаетъ; отмстилъ мои насмѣшки мнѣ этотъ валъ и внутренность вся во мнѣ мутилась: одному изъ нашихъ товарищей Казаковъ сдѣлалось такъ дурно, что онъ бросился на полъ и метался, какъ угорѣлый. «Казакъ вашъ братъ, говорилъ я другому, велико дѣло на конѣ, а на водѣ дряны!»

Лодка съ пищей шла къ намъ на встрѣчу и перекинула на баркасъ хлѣба, мяса кусокъ, вина. Добрый нашъ Кл. пекся объ нашемъ благосостояніи. Онъ насъ ожидалъ на томъ берегу. Мы плавали съ часъ и, не смотря на страхъ и ужасъ, среди качки ѣли и пили. По мѣрѣ приближенія вечера, сталъ стихать и вѣтеръ, рѣка по немножку успокоилась; поверхность ея снова получила кристальный свой блескъ и гладкую струю. Весело было приставать къ тому берегу, и я издали восклицалъ уже Николаеву:

Утихло на Бугѣ волненье;
Отъ сердца прочь отходитъ страхъ;
Гостепріимно утѣшенье
Вблизи насъ ждетъ на берегахъ.
Бѣгутъ пріятели на встрѣчу,
Несутъ всѣхъ радостей предтечу,
Край хлѣба, пищу и вино.
Хвала тебѣ, Творецъ вселенной,
Что насъ стихіи разъяренной,
Еще не погрузилъ на дно!

Вотъ доказательство, что и страхъ не мѣшаетъ стиховъ сочинить! Къ счастію нашему, уцѣлѣлъ канатъ: порвись — и бѣда! Баркасъ унесетъ къ чорту; онъ же и худъ былъ. «Великъ Богъ Русской!» справедливая пословица. Онъ одинъ охраняетъ насъ отъ нашей неосторожности. Естьли бъ изъ каждой минуты нашей безпечности должна была родиться новая бѣда, какъ бы жить нашему лѣнивому народу! Скажемъ еще: «Подлинно великъ Богъ Русской!» Съ Нимъ все и прочно и надежно.

На берегу нашли мы Кл., который провожалъ въ Одессу Г. Ф. Дук., главнаго товарища или повѣреннаго Господина

Цертца. Особа толстая, пышная, богатая и, слѣдовательно, рѣдко учтивая! Я думаю, что я съ нимъ тутъ увидѣлся и простился вдругъ. Не на чемъ было еще всѣ наши экипажи довести въ городъ; намъ хотѣлось всѣмъ поскорѣй до мѣста. Въ нетерпѣніи сѣли мы двое, жена и я, на дрожки къ нему. Ахъ, какъ мы обрадовались его комнатамъ, какъ будто бы своимъ собственнымъ! Тотчасъ насъ напоили чаемъ, скоро мы отдохнули, согрѣлись; все насъ занимало, веселило, пошли розсказни, появились шутки. Кто изъ путешествовавшихъ въ свой вѣкъ не признается, что отрады искренняго гостепріимства въ краяхъ самыхъ отдаленнѣйшихъ отъ нашей хижины обольстятъ и заставятъ подумать, что ты дома? Виноватъ добрый нашъ хозяинъ!

ГЛАВА XLVII.

Балъ на берегахъ Буга.

Какъ скоро свѣдали о нашемъ пріѣздѣ въ Николаевъ Господа морскіе Офицеры и тѣ, кои болѣе прочихъ намъ были знакомы, тотчасъ насъ посѣтили. Недавно воротясь изъ чужихъ краевъ, имѣли они чѣмъ наполнить бесѣду. Всякой хвасталъ своими диковинками: кто хвалилъ Тріестъ, кто Корфу, а домосѣды восхищались Крымомъ. На это я одному пустилъ свою шутку: конечно, Богъ изъ 7 дней цѣлые сутки употребилъ на то только, чтобъ отдѣлать Крымъ и удивить міръ своимъ искуствомъ, а прочія части свѣта слѣпилъ, за недосугомъ, на скорую руку, и отъ того на нихъ смотрѣть не такъ пріятно. Мы всѣ посмѣялись этой мысли. Она насъ завела въ другія: похохотали и надъ Страховой Одесской Конторой, которая все беретъ на страхъ и сама всего боится, и заключили день нашего пріѣзда тѣмъ опредѣленіемъ, что торговля есть банкъ, въ который не всякой играетъ съ увѣренностію выиграть. Безпокойства путевыя мнѣ дали почувствовать ночью лихорадочный пароксизмъ; одолѣли меня грехы одна другой чернѣе. Сильный потъ разорвалъ жаръ, и я проснулся здоровъ и бодръ по прежнему.

Въ планѣ моемъ было ѣхать смотрѣть окрестностей города; но разшумѣлись небеса: громъ былъ большой во все утро и ведромъ пошелъ дождикъ. Мы остались на весь день въ стѣнахъ. Утромъ я заходилъ съ моимъ почтеніемъ къ Адмиралу: нашелъ его, какъ и всегда, одного, совсѣмъ одного. Уединеніе не моя страсть; я ее даже понять не могу и въ другихъ. А у насъ, разумѣется, что цѣлый день были люди. Спасибо добрымъ и вѣжливымъ мореходамъ: они насъ не покидали. Отецъ Ефимій потчивалъ своими абрикосами. Бостонъ и бесѣда скоро промчали день и набѣжалъ вечеръ: къ ужину разговоръ всегда бываетъ отважнѣй, зашелъ споръ; кто вступается за Французовъ, кто за Англичанъ. Виноватъ! я послѣднихъ не люблю: этотъ народъ все продаетъ за гинеи, и всему измѣнитъ. Что намъ до чужихъ народовъ? Поговоримъ лучше, Господа, объ нашихъ. Какъ вы поживали въ Корфу? Дешево ли тамъ, дорого ли? «Изрядно! Хлѣбъ ставили туда мукой; она сюда обходилась въ 10 руб. четверть подрядомъ, а туда становилась въ 20 руб.; завезли ея до 40 тысячъ четвертей, и когда флотъ нашъ, снявъ людей, былъ отданъ и съ орудіями Французамъ, то все сіе количество хлѣба въ Тріестѣ брошено: предметъ, составляющій до милліона рублей убытка. Сюда теперь въ Николаевъ Г. Перетцъ порядился ставить хлѣба въ Черноморское Адмиральтейство по 6 руб. четверть слишкомъ.»

Между прочими баснями, Господа наши путешественники Средиземнаго моря разсказали мнѣ анекдотъ, очень пріятный для имени Русскаго. Французы, принимая наши корабли, низко цѣнили мачты, и хотѣли принять ихъ въ качествѣ дровъ и по той же самой оцѣнкѣ. Отважный начальникъ эскадры обидѣлся такимъ пренебреженіемъ. «Коль такъ, сказалъ онъ, пусть берутъ дрова, а не мачты!» велѣлъ ихъ изрубить въ полѣнья и сдавалъ дровами, а не уронилъ чести кораблей уничиженіемъ мачтъ. Прямая Скиѳская гордость! Естьли это и выдумано, скажемъ Италіянскимъ выходцамъ тамошнюю пословицу!

«Si non è vero, è ben trovato.»

17 числа Іюля время поправилось; утро было прекрасное, и мы въ селѣ Божьемъ слушали обѣдню: отправлялъ ее отецъ Ефимій, пѣли морскіе пѣвчіе. Послѣ обѣдни старый и добрый Іерей

убѣдилъ насъ посѣтить его зятя, у котораго въ саду мы нашли пропасть плодовъ и винограду, но еще зеленаго. Самыя малыя усадьбы тамъ разработываются съ большимъ тщаніемъ, и на сады въ этой сторонѣ залюбуется всякой путешественникъ. Обѣдали дома въ семействѣ Черноморскихъ Офицеровъ, и я прибавилъ знакомство Флотскаго монаха изъ Черногоровъ: хворый человѣкъ, замученный въ походахъ, но довольно интересный. Странно слышать Италіянскій языкъ въ устахъ монаха: уши наши къ тому не приготовлены; впрочемъ, этотъ монахъ въ одежѣ только и похожъ на нашихъ чернорizцевъ: я говорю о самыхъ послѣднихъ, о тѣхъ, кои въ церквахъ носятъ поясъ усменъ, а въ кельяхъ пьютъ крѣпкую брагу.

Я рѣдко проводилъ такъ пріятно вечеръ, какъ сегодня! По Воскресеньямъ бываетъ съѣздъ въ Спаскомъ. Я уже объ немъ говорилъ, ѣхавши въ Одессу. Пусть позволятъ мнѣ повториться въ послѣдній разъ. Спаское стоитъ того, чтобъ остаться въ памяти. Мы поѣхали туда на гулянье. Ахъ, какое очаровательное мѣсто! Какой божественный уголокъ въ природѣ! Натура! Гдѣ ты взяла свои замыслы и планы, кои образовала на этой благословенной почвѣ земнаго шара? Надъ горой, изчерченной садовыми дорожками, усаженной плодоносными деревьями, скрывающей овраги невинные, откуда не хищные выбѣгаютъ звѣри, но, какъ изъ курильницъ огромныхъ, вылетаютъ на воздухъ благоуханія тысячи разныхъ ароматическихъ растеній и окуриваютъ вокругъ васъ весь воздухъ, надъ этой горой нѣкогда великой человѣкъ, Потемкинъ, построилъ залу, пожилъ въ ней и бросилъ. Преемники его поддерживали строеніе и открыли въ немъ публичные съѣзды. Маркизъ де Траверсе, полубогъ Николаева, давалъ тутъ балы и пріохочивалъ публику къ прогулкамъ; привычка увѣнчала благія его намѣренія успѣхомъ. Сюда съѣзжается весь городъ, а кто не имѣетъ коня, тотъ бѣжитъ пѣшкомъ: это не далеко.

По склоненію горы, которую не надобно представлять крутой, разсыпаны для отдохновенія лавки и убѣжища, а сойдя весь покатъ до низу, вы находитесь на пологомъ берегу рѣки Буга. Обдѣланный родникъ на подобіе фонтана четырьмя кранами выливаетъ воду въ воду и возвратно ее получаетъ. По краямъ зем-

ли гладкая тропинка помогаетъ идеямъ и развертываетъ тѣ картины, которыми пылкое воображеніе всегда обогащается. Тутъ-то мы пріѣхали погулять среди 300 человѣкъ свободныхъ и веселыхъ людей. Морскіе Офицеры, одушевленные самой тонкой и прихотливой вѣжливостью, безпрестанно въ залѣ танцовали, и каждая дѣвушка почитала этотъ день особымъ праздникомъ въ ихъ сторонѣ: никогда здѣсь такого множества кавалеровъ не собиралось. Все шутило, смѣялось и плясало. Роговая музыка раздавала по рѣкѣ свои унылые звуки; духовая въ кущѣ, утаенной отъ общества, наигрывала меланхолическія пѣсенки; а скрыпки, бубны, барабаны гремѣли Польскіе и вальсы на широкомъ преддверьѣ залы. Въ ней было душно и тѣсно; я протанцовалъ одинъ Польской, и бросился дышать въ садъ. О, какая величественная картина! Сколько нѣги для глазъ и ушей!

Въ обществѣ Черноморскихъ краевъ я забывалъ, что я въ Россіи, гдѣ такъ часто молодые люди безъ извиненія толкаютъ дамъ и дѣвушекъ, мараютъ ихъ нѣжныя платья грубыми своими сапогами, дерутъ ихъ шпорами безбожно. Я думалъ, что я въ какой ни будь иностранной пристани Средиземнаго моря: всѣ говорятъ чужеземными языками, или своего природнаго не коверкаютъ.

Гулявши по саду, я скоро задумался и, очутившись нечувствительно одинъ, дошелъ до любимой моей стихіи: я такъ люблю смотрѣть на воду; ходя по берегу Буга, размышленія мои увлекли далеко мое воображеніе. Я мечталъ, не умѣя дать самому себѣ ни въ одной мысли отчета. Бугъ зачинаетъ здѣсь стремиться въ Лиманъ и обдѣлывать его; суда по нему плаваютъ, и мореходы прислушиваются къ музыкѣ, на горѣ все пляшетъ; я слышу топотъ ногъ, нестройную смѣсь голосовъ, гулъ страшный сверху катится по воздуху къ ушамъ моимъ; а рядомъ со мной шумятъ быстрыя струи Буга, бьютъ въ берегъ и сливаютъ звукъ свой со звономъ струнъ. Пещаный берегъ ноги не безпокоитъ; густый рядъ деревъ служитъ вамъ оградой; чистый родникъ въ разные смыслы бѣжитъ изъ каменной колонны и даетъ животворную прохладу жаждущему. Царь міра, Фаетонъ, кончаетъ бѣгъ свой и въ глазахъ моихъ скрывается въ антиподы. О, какъ я тутъ наслаждался! Здѣсь не Крымскія одни прелести натуры,

нѣтъ; здѣсь подлѣ меня, среди неописанныхъ красотъ той же натуры, люди, миръ, забавы, нѣга, роскошь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весь видъ дикаго уединенія и шумной водопадъ; хочу я,—одинъ, хочу я—въ кучѣ непринужденныхъ весельчаковъ. Вотъ, гдѣ можно писать романы, пылать страстью, и дать ее почувствовать другому! Но что я говорю? Мое воображеніе уже вездѣ погасло; старость остудила восторги ума и сердца.

Долго любовался я берегомъ, небомъ и водой. Между тѣмъ сумерки опустошили залу; собранье, которое никому ни чего не стоитъ, по тому что музыка казенная, оканчивается подъ вечеръ за тѣмъ, что зала не освѣщается. И такъ надобно было и намъ ѣхать домой; но прежде чѣмъ уѣду, долженъ дать читателю идею еще объ одной руинѣ на этомъ же самомъ мѣстѣ. На нижней площади горы представляется развалившаяся хижина. «Что такое?» спросилъ—я. «Баня Потемкина.» Онъ властвовалъ надъ самой натурой: вода, поднятая насосами вверхъ до нарочитой высоты, сбѣгала къ нему подъ крышку, и сквозь потолокъ, уподобленный ситу, упадала въ его купальню и орошала его внезапу съ головы до ногъ: какая сладострастная выдумка! Подумайте, что былъ Николаевъ при немъ: конечно, Царство радостей мірскихъ въ Россіи! Когда Екатерина набивала сваи въ Петербургскія болота и творила канавы, Потемкинъ на другомъ краю свѣта нашелъ дѣвственную природу и въ степи насаждалъ вертограды! Посадите колъ, и черезъ годъ онъ, какъ жезлъ Аарановъ, покрывается зеленью и даетъ плодъ. Роскошь столько же чудотворна въ затѣяхъ богатаго владыки, какъ натура въ десницѣ премудраго своего Творца.

Еще поговоримъ о Спаскомъ. За симъ отдѣленіемъ сада для прогулки онъ простирается еще далеко чрезъ оврагъ: я и тамъ былъ. Какая дичь! Густой лѣсъ скрываетъ почти сводъ небесный и сквозитъ мѣстами одинъ Бугъ: но тамъ онъ позволяетъ шутить съ собой и играть своей волной; а здѣсь онъ кажетъ свои одни ужасы; вездѣ около его стремнины, ущелины и взглянуть на него страшно. Одна узенькая тропа доводитъ къ прозрачному источнику. Утомишься, ходя по горамъ и оврагамъ. О милый вечеръ въ Николаевѣ! Я тебя никогда не забуду: ты много

дорожныхъ безпокойствъ вознаградилъ мнѣ собою. Дышать всегда и вездѣ возможно: преимущество не важное! Но жить, какъ жилъ я часа два сегодня на берегу Буга, и именно въ Спаскомъ, это такой даръ неба, котораго ни чѣмъ оцѣнить нельзя!

ГЛАВА XLVIII.

Описаніе Богоявленскаго.

Пожилъ Потемкинъ, и Николаевъ сталъ бы шире Москвы: отъ города до Богоявленскаго считается 12 верстъ, а все это пространство было уже разбито на кварталы. Дорога лежитъ по берегамъ Буга, подобно Петергофской; на ней розданы были мѣста подъ загородные домики многимъ приближеннымъ. Иной строился для своего, иной для его, удовольствія. Мѣста безлѣсныя, но быстрый токъ воды утѣшаетъ зрѣніе. Вельможа умеръ, и все исчезло!

Въ самомъ Богоявленскомъ прелесть. Я туда ѣздилъ и не могъ довольно налюбоваться этимъ мѣстомъ. Я нигдѣ не видалъ такого соединенія вдругъ богатства природы, роскоши искуственной и нищеты. Потемкинъ любилъ это мѣсто, и разводилъ тутъ сады. Всякое растеніе и дерево, какое только въ томъ климатѣ достать можно около Крыма, все сюда превезено было на подводахъ и посажено безъ пощады человѣческаго поту; все принялось и пустилось, а послѣ все поросло тростникомъ и облеклось въ пустыню. Тутъ уже не садъ теперь пышный и пространный, а дичь одна необработанной природы.

Посреди сада видна еще купальня. Она изъ дикаго камня на 8 столбахъ. Нѣсколько ступеней сводятъ васъ въ чистую и прохладную воду; подъ сводомъ гранитнымъ васъ солнце не печетъ. Тутъ орошался нѣкогда исполинъ, и ни кто, кромѣ нимфъ, приближиться къ нему не смѣлъ. Дабы сохранить и нынѣ, сколь возможно, сей памятникъ роскоши его отъ суровости погоды,

паче соблюсти источникъ въ чистотѣ, поставлена бѣдная избушка, не стоющая ни чего, изъ хворосту и тростника: одинъ широкій шагъ поставитъ васъ на ея кровлю; но взгляните вкругъ этого убогаго шалаша, въ которомъ старичекъ стражъ плететъ лапти и куритъ табакъ, взгляните: около его разрослись не рябина, или черемуха, нѣтъ; тутъ отягченныя вѣтки абрикосами, бергамотами, осѣняютъ верхъ его и обвиваютъ столбы его ограды. Высокій кустъ Грецкихъ орѣховъ царствуетъ надъ прочими плодами; съ нимъ сближила природа и каштановое дерево. Старикъ глядѣлъ на насъ съ изумленіемъ; онъ не понималъ, отъ чего мы такъ дивимся: столь для него сіе зрѣлище было обыкновенно! Гдѣ жъ вы такъ тѣсно найдете вмѣстѣ рѣдкія прозябенія лучшихъ странъ свѣта, нищету хижины, вросшей въ землю, и величолѣпную купальню? О деревьяхъ обыкновенныхъ, какъ-то: грушѣ и яблони, говорить ужь нечего: пропасть!

Сердце ноетъ, когда видишь въ такомъ все запущеніи. Садъ этотъ отданъ одному фабриканту, который тутъ содержитъ суконную фабрику и все мѣсто получилъ изъ казны въ аренду. Онъ печется о своемъ промыслѣ и, конечно, мало думаетъ о садѣ. Я весь его исходилъ съ конца до другого, неоднократно возвращался къ банѣ, близъ которой обрывалъ бергамоты, запивалъ хорошимъ виномъ и задумывался о скоромъ теченіи случаевъ и всей жизни нашей.

Я сидѣлъ на самой той скамейкѣ, на которой Потемкинъ сматривалъ рано по утру, какъ возятъ въ садъ щебень, песокъ, деревья, какъ все шевелится для прихоти его и ищетъ его благосклоннаго взора. Натура, думалъ я, все та же, но снятъ съ нея нарядъ, душа сихъ мѣстъ удалилась въ другія селенія: все мертво было около меня.

Садъ при немъ назывался Витовкой.. Въ то время, какъ онъ убиралъ его, Госпожа Витъ кружила ему голову. О, я въ томъ стою, умру съ тѣмъ, что въ жизни нашей то только время и можно счесть блаженнымъ, въ которое любовь сводитъ насъ съ ум

Меня водилъ по дорожкамъ, кои трудно отыскать уже в густой травѣ, одинъ современникъ Потемкина и тѣхъ самыхъ

дней, когда Богоявленское во всей красѣ своей сіяло: одинъ морской Офицеръ былъ въ нашемъ обществѣ, который видѣлъ здѣшнее мѣсто въ 89 году. Онъ намъ казалъ тамъ сухіе рвы и болотистыя тинныя мѣста, гдѣ я ни какъ не повѣрилъ бы, что были когда либо токи свѣжей воды, естьли бъ онъ не засвидѣтельствовалъ намъ, что тутъ прорыты были вездѣ каналы и столько наполнены водою, что Князь разъѣзжалъ на нихъ въ раззолоченныхъ лодочкахъ. Гребцы пѣли, кричали, весла отражали лучи яркаго дневнаго свѣтила; вода сливала съ нихъ крупные свои перлы, а Князь не вмѣщалъ своихъ восторговъ. Вездѣ тутъ нынѣ илъ, камышъ и на каждомъ шагу увязнешь. Вмѣсто торжественныхъ пѣсенъ и кликовъ народныхъ, одинъ слышенъ крикъ неугомонныхъ лягушекъ. Ахъ, что печальнѣй сей картины!

Домъ Княжой сломанъ, но онъ былъ такъ великъ, что изъ матеріаловъ его вышелъ прекраснѣйшій лазаретъ для морскихъ силъ. Онъ тутъ же расположенъ; ни что не заслуживаетъ такого прилежнаго вниманія; его построилъ Маркизъ, и къ зимней огромной больницѣ присоединилъ лагерный гофшпиталь, какого я еще нигдѣ не видывалъ: самое спасительное изобрѣтеніе для недужныхъ, истинный, а не тщеславный только, опытъ человѣколюбія! Сказывали мнѣ, что и во всѣхъ портахъ настроены такіе же. Вотъ его расположеніе:

Все строеніе состоитъ изъ стѣны деревянной не выше $1\frac{1}{2}$ аршина, и съ самой крутой и высокой крышкой, которая уподобляется полотняному намету. Эта кровля не доходитъ до земли, слѣдовательно, воздухъ не стѣсненъ и проходитъ между ею и стѣнъ чрезъ всю галерею. Кровать больнаго поставлена головами къ стѣнѣ и въ крышкѣ надъ каждой слуховое окошко, которое занавѣсомъ защищаетъ больнаго отъ солнца. Полъ земляной, но крѣпко убитъ, усыпанъ зеленью и всегда свѣжъ, чистъ и сухъ: больному покойно, прохладно и пространно: выгодная замѣна зимнимъ лазаретамъ, въ коихъ лѣтомъ такъ сгущается воздухъ; а между тѣмъ двоякая польза: ибо когда хворые переносятся сюда, тогда зимнія казармы больничныя провѣтриваются и дѣлаются въ нихъ необходимыя починки; самая перемѣна мѣста столь часто для больнаго служитъ отрадой. При насъ было

ихъ здѣсь до 100 человѣкъ, а иногда накопляется до 400. При больницѣ 6 лѣкарей, докторъ одинъ и сверхъ того Инспекторъ. Все содержаніе этого лазарета, относительно пищи, бѣлья, опрятства и чистоты около постелей, отмѣнную честь дѣлаетъ надзирателямъ. Рѣдко немощное человѣчество видитъ подобныя о себѣ попеченія.

И такъ кромѣ сада есть въ Богоявленскомъ и полезныя заведенія. Я упомянулъ о больницѣ. Скажу нѣчто и о фабрикѣ. Арендаторъ на многихъ станахъ точетъ здѣсь сукно изъ тонкой шерсти въ свою пользу. Чтобъ доказать, домой пріѣхавши, что можно уже обходиться и безъ иностранныхъ суконъ, я здѣсь купилъ на фракъ по 6 руб. аршинъ, сукно, которое выткано было изъ шерсти не совсѣмъ Испанской, но снятой съ породы отъ смѣси Крымскихъ нашихъ овецъ съ мериносами, т. е., отъ mé-tis происшедшей. Оно нѣсколько сурово, но носить можно; за то какая же разница въ цѣнѣ съ иноземными суконами! Передъ нашими щеголями тѣмъ-то оно и виновато, что дешево. Хозяинъ фабрики работаетъ съ усердіемъ и успѣхомъ: станковъ много, заведеніе обширное, строеніе казенное, работники вольные. Есть тутъ машина, посредствомъ которой одинъ ткачъ очень легко отдѣлываетъ сукно въ 3 аршина слишкомъ ширины, но онъ не ломается, какъ тотъ, о которомъ я говорилъ, бывши въ Полтавѣ; этотъ, просто одной кистью руки шевеля рукоятку, посылаетъ челнокъ съ удивительною скоростію чрезъ всю основу съ края стана на другой. Главный предметъ этой фабрики — выдѣлка солдатскихъ суконъ. Бывъ въ Богоявленскомъ, надобно зайти и ее посмотрѣть, какъ заведенія достойнаго примѣчанія.

Но я, не будучи смышленъ въ этой промышлености, все обращалъ глаза мои на сады, источники и купальню. Сколько разъ я обошелъ ее вокругъ, сколько пилъ тутъ воду и подставилъ черепъ подъ фонтанъ и, подъ тѣнью пожилаго орѣшника, оплакивалъ мысленно разрушеніе такихъ драгоцѣнныхъ прелестей! Изъ саду пошедши къ коляскѣ, я еще наполненъ былъ тѣми идеями, кои мѣстоположеніе и исторія его въ нестройной кучѣ всѣяли въ мое воображеніе, какъ наступилъ на мягкое и жирное тѣло. «Ай!» закричала жена. «Что такое?»—«Убитая змѣя.»

Онѣ часто, говорятъ, изъ густыхъ травъ вытягиваются и шипятъ. Согласимся, сказалъ я своимъ товарищамъ, что вездѣ есть добро и зло: прекрасенъ садъ, но змѣя не хороша.

Гдѣ чижъ поетъ вверху, тамъ змѣй шипитъ въ травѣ,
Не все то хорошо, что взоръ прельщенный хвалитъ.
Червь точитъ алый цвѣтъ на мягкой муравѣ,
И прежде, чѣмъ ѣсть медъ, пчела тебя ужалитъ.

«Правда, правда!» закричали мои товарищи: сѣли въ коляску и поскакали въ Николаевъ. Отъѣхавъ съ версту, я кинулъ еще взоръ на вѣтвистый орѣшникъ и на куполъ великолѣпной ванны. Витовка! мѣста безподобныхъ очарованій! Естьли ты и нынѣ дивишь любопытныхъ, что жь была ты тогда, какъ вельможа сыпалъ въ тебя всѣ свои сокровища! Конечно, рай земной!

ГЛАВА XLIX.

Потемкинъ.

Естьли кто хочетъ имѣть прямое понятіе о Потемкинѣ, нигдѣ такъ не успѣетъ, какъ здѣсь. Мнѣ удавалось объ немъ слыхать въ свѣтѣ разныя разсужденія: иные чли его лѣнивцемъ, другіе человѣкомъ немилосердымъ, большая часть порицали горкостью. Здѣсь скоро я нашелъ доказательство, что все то болѣе изъ предубѣжденія и ненависти разглашали, чѣмъ по любви къ истинѣ и справедливости. Льстить ему теперь мудрено: онъ умеръ и никому ни на что не надобенъ; и такъ естьли можно что похвальное объ немъ сказать, то теперь самая пора.

Начальники морскіе, изъ любви и особенной ко мнѣ довѣренности, позволили мнѣ прочесть двѣ большія книги въ хорошемъ переплетѣ, въ которыя съ большимъ тщаніемъ собраны разные Князя Потемкина Ордера къ Фалѣеву и предложенія Черноморскому Адмиралтейству. Я ихъ всѣ прочелъ, и не одинъ разъ, нѣкоторыя изъ нихъ выписалъ, и думаю, что сообща публикѣ, принесу ей

удовольствіе: каждое слово чрезвычайнаго человѣка, каковъ былъ Потемкинъ, и которому, естьли не вовся можно дать титло великаго, по крайней мѣрѣ, ни кто не отниметъ у него названія чрезвычайнаго, каждое его, говорю, слово, мысль, строка, должны быть предметомъ общаго вниманія.

Повѣрятъ ли, что этотъ лѣнивый Князь въ состояніи былъ исписывать, когда прямая нужда и польза того требовали, цѣлыя страницы своей рукой, и давать самыя подробныя предписанія, не только на счетъ отличныхъ работъ и распоряженій, но даже въ иныхъ мѣстахъ упоминалъ, какой фрегатъ течетъ, отъ чего именно, и что къ исправленію его потребно: приказанія его иногда доходили до самыхъ крайнихъ мелочей. Повѣрятъ ли, что этотъ вельможа, котораго донынѣ едва не тираномъ ли своего времени многіе почитаютъ, былъ столько сострадателенъ, сколько то увидятъ въ письмѣ его къ Фалѣеву, отъ 6-го Іюля изъ Колотени?

Извѣстно, что онъ не щеголялъ перомъ, и по тому въ его бумагахъ не надобно искать ни слога, ни красоты. Онъ писалъ просто, но вразумительно, бранился не рѣдко подлыми выраженіями и на письмѣ, въ бумагахъ оффиціальныхъ. Кто поспоритъ что это не прилично? Конечно, нѣтъ. Но гдѣ жь мы находили человѣка чрезвычайнаго въ его дѣяніяхъ, который бы вмѣстѣ с тѣмъ не имѣлъ чрезвычайныхъ странностей и навыковъ своевольныхъ? Этѣ люди уже не подходятъ подъ общія правила. Они сами себѣ законъ. Довольно, естьли въ нихъ душа, умъ и сердце расположены къ благу; впрочемъ, Потемкинъ былъ, что мы называемъ, чудакъ.

Онъ особенно любилъ здѣшнее мѣсто: Николаевъ, Богоявленскъ, Спаское были его утѣшеніе и отрада! Изъ самой переписки его видно, сколько онъ пекся о малѣйшемъ украшеніи своихъ садовъ, какъ часто отвлекался онъ отъ своихъ занятій чтобъ объ нихъ подумать. Многіе иностранцы живыми красками описали его портретъ, и дали объ немъ понятіе всему свѣту. не умѣю дать преимущества ни которому изъ тѣхъ двухъ, кои читалъ и въ самое даже мое путешествіе около Николаева. Х

рошо обрисовалъ его Сегюръ, но живо изобразилъ также и де Линь. Кто не читалъ ни того, ни другого, тотъ, конечно, не осердится на меня, прочтя обоихъ, что я у него выпросилъ на этотъ трудъ полчаса времени: оба стоятъ вниманія и каждый приличной ему похвалы.

Наслушавшись здѣсь отъ всѣхъ очень много о Потемкинѣ, я пожелалъ видѣть гробъ его, и для этого только съѣздилъ въ Херсонъ. Тамъ онъ похороненъ въ Соборѣ, который отстроенъ иждивеніемъ Екатерины и представляетъ на фронтонѣ своемъ слѣдующую надпись: «Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ.» Коротко, но чувствительно и красно! Тутъ подъ церковью былъ сдѣланъ погребъ и поставленъ гробъ исполина. Передъ нимъ горѣлъ неугасаемый елей въ золотой лампѣ; окружали мертвенность его и собраніе сухихъ костей богатыя подсвѣчники со свѣчами. Все возвѣщало въ преисподнемъ и мрачномъ томъ жилищѣ, что скрытъ тутъ въ землю прахъ знаменитаго вождя Екатерининыхъ храбрыхъ воевъ. И все засыпано землею. Нѣтъ уже нынѣ туда ни входа, ни отверстія. Я любопытствовалъ узнать хотя снаружи то мѣсто, подъ коимъ онъ погребенъ былъ: не хотѣли, или не умѣли, мнѣ и того причетники указать. Я, выходя изъ Собора, вспомнилъ столь извѣстныя слова псаломника: «Мимо идохъ, и се не бѣ, и не обрѣтеся мѣсто его.» Подлинно правда! Многіе нашлись съ готовыми доказательствами о правѣ своемъ на раздѣлъ оставшагося послѣ Князя имѣнія,—и кто тогда, какъ онъ былъ въ силѣ, не приклепывался ему въ родственники?—а нынѣ, когда дѣло идетъ о томъ только, чтобъ открыть гробъ его, оживить его памятникъ, воспрославить, воскресить, такъ сказать, имя его въ потомствѣ, нѣтъ ни друга, ни сродника, ни облагодѣтельствованнаго, кто бы похлопоталъ о томъ. Учитесь, вельможи, читать глубже и яснѣе въ сердцѣ вашихъ тварей!

Я ни чего еще здѣсь не говорю о Херсонѣ, хотя упоминаю уже о самой первой тамошней рѣдкости; но, начавъ рѣчь мою о Потемкинѣ, мнѣ хотѣлось все то сказать вдругъ, что лично до него относилось. За симъ слѣдуютъ списки нѣкоторыхъ его писемъ. Они не изъ самыхъ уважительныхъ по его начальству и

званію, но мнѣ показались всѣхъ замысловатѣе, въ его собственномъ вкусѣ.

4 Августа. Бендеры.

«Я черезъ нѣсколько дней буду къ вамъ, батюшка Михайла Леонтьевичъ!

Поворачивайся!»

«Николаевъ.

Федотъ течетъ по четыре дюйма; приказалъ его отправить, и уже ему не быть военнымъ. Поговори съ Семеномъ Ивановичемъ; я думаю хорошенько разбирать старые фрегаты и что годное употреблять на меньшія суда, а то коштъ и трудъ напрасно пропадаетъ, да и конструкція ихъ дурна. Кораблей умножается; лучше людей на нихъ употребить; такъ и оставьте Матвѣя и Григорія Богослова.

Наши, благодаря Бога, такого перцу задали, что любо. Спасибо Федору Федоровичу.—Коли бы трусъ былъ В., то бы онъ ср. у Тарфанова куста, либо въ гавани.

Вашъ другъ

К. Потемкинъ Таврической.»

Получено 16 Августа.

«Бендеры, 14 Августа.

Я вчера къ обѣду рано пріѣхалъ, употребя въ дорогѣ 15 час.

Прикажи домъ въ Богоявленскѣ скорѣй отстроивать и на крышу гонтъ доставить, оштукатурить, а паче внутри ровнѣе, ибо по стѣнамъ письмо будетъ. Скажите Аладову, что ему готовится бархатный кафтанъ, или брань жестокая, а коли разсержусь, то въ матросы. Алексѣевъ скоро отправится. Найдя хорошихъ арбузовъ и дынь, пришлите съ нарочнымъ, да и моркови.

Вѣрный слуга

К. Потемкинъ Таврической.

Ps. Пріискивайте воду около Николаева, также покопайтесь и лѣсковъ!»

Получено 4 Декабря, 1788 года.

«Послушай, Михайло Леонтьевичъ! Когда былъ ты у меня, то всему былъ просторъ, а теперь сдѣлалось тѣсно. Я говорилъ тебѣ, что людей много, а ты сказалъ, что еще мало; а теперь кричите караулъ, что некуда помѣстить. О конвойныхъ я тогда же тебѣ приказывалъ, и еще, какъ помнится, изъ Дубоссаръ, чтобъ содержать имъ караулъ, и когда бы ты мнѣ сказалъ, что Астраханскому быть у тебя не нужно, я бы ихъ въ то время поставилъ въ другомъ мѣстѣ, а теперь трудновато ходить, однако я приказалъ перевести.

Князь Репнинъ, говоря о землянкахъ Тамбовскихъ, упоминаетъ, что хотя и просторно расположены, но больныхъ у насъ вездѣ умножается, а вы мнѣ о такомъ умноженіи ни слова не говорите, тоже и объ успѣхѣ Елинговъ не увѣдомляете. Молчите, молчите, да вдругъ потребуете чего ни будь прислать изъ Сибири, или изъ Астрахани.

На одежу я приказалъ ассигновать сумму.

О святой Аннѣ возмите мѣры, чтобъ не повредилась въ зиму. Судно въ ходу было самое легкое. Вы не дивитесь, что я ворчу. Богу извѣстно, что силъ не достаетъ: вездѣ самому быть нельзя, а все до малѣйшихъ способовъ отъ меня требуютъ.

К. Потемкинъ Таврической.»

«Оберъ-Интендантъ по моему требованію о числѣ пушекъ, о чемъ и тебѣ записка дана была, ни слова не отвѣчаетъ, а я не могу сдѣлать распредѣленія.

Объ желѣзѣ говняли изъ Таганрога. Нанимали перевозить, промѣшкали, да вдругъ ко мнѣ кинулись, чтобъ я велѣлъ доставить. Какъ уже теперь возить одному? Словомъ: мнѣ кажется, что оня любятъ остановки, и ихъ ищутъ.»

Получено 10 Іюля.

«Колотени. 6 Іюля.

Лучше въ десятеро заплачу, нежели отдать жиду Гильму поставку. Пора отстать отъ мошенниковъ подрядчиковъ, кои истощили сумму и все недостатками потчивали; чрезъ нихъ разворовали много. Прикажи въ Чутѣ заготовлять больше тѣхъ членовъ, какихъ тамъ найти можно, прочее въ Смѣлѣ.

Канатному заводу въ Херсонѣ быть, или нѣтъ, посмотрю самъ. На прочія донесенія дамъ резолюцію, пріѣхавши въ Богоявленское, а теперь только скажу о числѣ умершихъ, которыхъ не могло бы больше и въ чуму пропасть. Что прибыли доставать людей, ежели ихъ морятъ, какъ нарочно? Вамъ бы надлежало мнѣ доносить правду, и я не знаю, какъ вамъ не совѣстно скрывать отъ меня истину! Я опредѣлялъ людей въ работу, да еще и съ заплатою, а изъ сего сдѣлали каторгу, и по нещастію, какъ вездѣ мое имя, то они могутъ думать, что я тиранъ, а вмѣсто того мучатъ другіе, а потакаете вы.

К. Потемкинъ Таврической.»

ГЛАВА L.

Херсонъ.

Отъ Николаева Херсонъ очень близко, только 60 верстъ: дорога ровная и степная. Мы двое съ женой послѣ обѣда туда поѣхали, и ранѣе вечера прибыли. На пути нѣтъ ни какого жила, кромѣ почтоваго сарая, въ которомъ, на половинѣ дороги, мѣняютъ лошадей. Полиція тутошная позаботилась о нашей квартирѣ, и отвела намъ ее въ лѣсной конторѣ Г. Перетца, у одного Жида: вездѣ намъ судьба судила стоять въ его домахъ, но не вездѣ такіе у него хозяева, какъ въ Николаевѣ. Поздно было ходить по городу; тотчасъ съ пріѣзда мы отъужинали и легли спать, но разныя твари, коихъ пыль и нечистота производятъ, не дали намъ заснуть хорошенько.

На завтра пріѣзда нашего, 19 числа, дождь пошелъ пресильный и безъ экипажу нельзя было выйти изъ дому; окошки наши на дворъ: и такъ, сидя въ четырехъ стѣнахъ въ скукѣ, я имѣлъ досугъ одумать все состояніе неволи, которой подвержены заключенные въ тюрьму, какъ въ клѣтку, и не имѣющіе передъ глазами ни какого предмета. Я только могъ замѣтить, не выходя изъ горницы, что здѣсь пропасть Жидовъ и комаровъ: либо перваго увидишь, либо послѣдняго убьешь. Я старался прогонять скуку пріятнѣйшимъ для сердца упражненіемъ: я писалъ письма къ домашнимъ, къ друзьямъ, готовилъ ихъ заранѣе къ отсылкѣ, при случаѣ удобномъ.

Около полудня улыбнулось небо: стало ясно, тихо, хорошо, и здѣшній Г. Губернаторъ посѣтилъ меня. По приглашенію его, я у него обѣдалъ, ужиналъ и весь день пробылъ. Онъ молодъ, но наполненъ усердія къ своей должности; супруга его—барыня прелюбезная и мастерица играть на фортепіано. Цѣлый вечеръ слушалъ я ее безъ устали. Съ ними жили тогда, по случаю родинъ ея, нѣсколько ихъ родственниковъ. Они дома въ городѣ не имѣютъ: онъ еще строится, а между тѣмъ занимаютъ домъ Военнаго Губернатора, верстахъ въ двухъ отъ города, въ крѣпости: это удаляетъ отъ нихъ общество городское, особливо въ осенніе длинные вечера, въ которые такъ нуженъ всякому кто ни будь; они во большой части одни въ своей семьѣ. Кабинетъ его наполненъ бумагами:—обыкновенная роскошь и убранство внутреннихъ покоевъ дѣловыхъ людей! Боже мой! Какая куча пакетовъ, и когда это все читать! Я одни сутки провелъ въ ихъ бесѣдѣ довольно пріятно; сожалѣлъ только объ ихъ собственной скукѣ, которую, кажется, ни кто изъ цѣлаго ихъ дома скрыть не можетъ. И правда, что Херсонъ мѣсто не прекрасное. Губернаторъ далъ мнѣ свой экипажъ, и самъ безъ принужденія возилъ меня по всѣмъ занимательнымъ мѣстамъ города. Станемъ говорить объ немъ.

Городъ разбитъ на Днѣпрѣ, но очень непріятенъ: улицы нечисты, строеніе скверное, ни одного нѣтъ хорошаго дома, кромѣ, такъ называемаго, обжорнаго ряду, который выстроенъ изъ городскихъ доходовъ. Надобно знать, что Херсонъ имѣлъ въ пользу свою весь собираемый съ него въ тогдашнее 4-хлѣтіе от-

купный доходъ. Онъ населенъ бродягами, бѣглыми, всякимъ сбродомъ. Крѣпость, хотя еще не стара, однако требуетъ уже значительныхъ поправокъ и только что поддерживается отъ совершеннаго разрушенія. Внутри много разныхъ каменныхъ строеній, какъ-то: домъ Военнаго Губернатора, Комендантскій и Ордонансъ-Гаузъ, тутъ же и Соборъ. Я объ немъ говорилъ прежде, а теперь добавлю то только, что въ этомъ великолѣпномъ и огромномъ храмѣ нѣтъ ни какой примѣчательной утвари. Иконостасъ сведенъ круглымъ куполомъ на 8 столпахъ голубаго цвѣта; ризница неважная; показывали мнѣ ризы и стихарь, кои приложены Екатериной, но безъ отличнаго богатства, и естьли бъ не снабдила здѣшній Соборъ многими драгоцѣнными вещами Госпожа Мартынова, у коей сынъ, убитый на ратномъ полѣ, похороненъ здѣсь, то бы и похвастать не чѣмъ было; ея приклады всѣ роскошны и со вкусомъ въ отдѣлкѣ.

Сколько знаменитыхъ гробницъ около Собора! Тутъ увидите вы храбраго Миллера. Я остановился у его мавзолея: шишак надъ нимъ столько жъ чистъ еще понынѣ, какъ и слава его. Она сохранилась безъ пятна: рѣдкое счастіе для воина. Тамъ подалѣе былъ его сынъ, достойный таковаго отца. Тутъ Князь Волконскій. Кто не знаетъ его кончины подъ Очаковымъ? Кто не оплакалъ отважности его геройской: я первые тогда почувствовалъ восторги славы; смерть его восхитила мою душу, еще прикованную къ школьнымъ теоріямъ; я развернулся и осмѣлился первые мои стихи выдать въ свѣтъ на смерть его. Здѣсь предан землѣ нѣжная отрасль Царскаго Дома. Въ молодости сущей Принц Виртенбергскій позналъ нетлѣнной жизни сокровище. Камень на гробный его великъ, огроменъ, но безъ всякой красоты.

Корабельная верфь любопытна; при насъ отстроивался тут одинъ корабль 74 пушечный; такого же размѣра дѣлались еще два и одинъ 100 пушечный былъ уже заложенъ. Капитанъ над портомъ, Г. Миз.—Газ. всѣ работы намъ показывалъ. При нас корабль обивали мѣдью: предосторожность необходимая отъ морскихъ червей, кои, какъ говорятъ, въ Черномъ морѣ очень скоро проѣдаютъ корабль. Какое страшное зданіе на берегу, а на морѣ—лукошко; подъ него готовятся уже и катели для спуска ег

къ тому мѣсту, гдѣ онъ оснащиваться будетъ. Говорили, что онъ полетитъ въ Днѣпръ 8-го Августа. На лѣвой сторонѣ рѣки весь берегъ усыпанъ корабельными лѣсами: они лежатъ на открытомъ мѣстѣ, отъ чего удобно и повреждаются. Видно, что или еще лѣсу много, что нѣтъ нужды его беречь, или издержки для предохраненія его болѣе важны, нежели сама цѣна вещи; въ такомъ случаѣ жаль, что не оставили тамъ множества дубовъ и сосенъ на корнѣ: они бы еще пожили и не опоздали стать на своемъ мѣстѣ въ кораблѣ.

Гавань купеческая очень хороша: въ ней строится много транспортныхъ судовъ по самымъ прекраснымъ образцамъ. Многіе изъ нихъ при насъ были въ отдѣлкѣ. Торговля животворитъ совершенно берега Днѣпровы при скучномъ Херсонѣ. Лѣсная пристань обогащена бревнами и досками. Днѣпръ приноситъ сюда все богатство лѣсовъ Бѣлорусскихъ: на немъ чрезъ Кременчугъ приплыло сюда въ 1810 году до 150 тысячъ деревъ. Какое важное пособіе для Крыма и Николаевской степи! Днѣпръ по берегу убитъ сваями, и отъ пристани саженъ на сто убавили его широты.

Чего не дѣлаютъ искуство и труды?
Каналъ, Азовъ и Понтъ вѣнчаютъ, какъ пруды.
И древній Борисфенъ, теряя здѣсь свободу,
Сто саженъ отступилъ для пристани народу.

Канатная фабрика помѣщается въ огромномъ строеніи на 240 саженяхъ длины. Внизу крутятъ веревки, а вверху подъ крышкой, на чердакѣ съ просторомъ, прядется пенька. Народъ употребляется ссылочный, осуждаемый по приговорамъ къ каторжнымъ и крѣпостнымъ работамъ. Ни на одно лицо взглянуть нельзя равнодушно: всякаго черты ужасны; печать злодѣйства отражаетъ всякое состраданіе. То ли бы было, подумалъ я, ходя по этой пространной галереѣ и прислушиваясь къ нестройному звону желѣзъ, естьли бъ по обоимъ концамъ поставили громкіе оркестры и вдоль строенія вытянуть въ два фрунта экосесъ? Всякой, думаю, воленъ дѣлать въ себѣ и про себя, какія хочетъ, примѣчанія. Волтеръ гдѣ-то сказалъ: «Les volontés sont libres.» Кажется, онъ ошибся: а тому, кто скажетъ: «Les pensées sont libres,» не чѣмъ возразить.

Много здѣсь хорошаго и полезнаго вздумала Екатерина; скажемъ же и то, что Потемкинъ многое и исполнилъ хорошо. Память Херсонской Царицы здѣсь незабвенна; цѣлы еще стѣны того строенія, въ которомъ нѣкогда она ужинать изволила; говорятъ, что на столѣ, вмѣсто обыкновеннаго убранства, въ модели изображенъ былъ искуственнымъ образомъ весь ея флотъ, и что какъ скоро она сѣла кушать, то на немъ поднялись флаги. Скажемъ это тысячу разъ: «Вѣкъ ея былъ вѣкъ очарованія.»

Здѣсь я опять настигъ нитку политическихъ происшествій: нѣсколько прочелъ № «Сѣверной Почты,» узналъ о новой монетной системѣ. Удалясь нѣсколько отъ центра новостей, всякой листочикъ свѣжѐнькой печати займетъ чрезвычайно. Я часто это испытывалъ дорогой. Здѣшнему Губернатору нѣкогда лишній часъ проспать. Дюкъ опять сегодня проскакалъ въ Крымъ: видно, флотъ Турецкой хоть не страшенъ, да и не забавенъ.

Вездѣ есть диковинки: почтетъ ли читатель мой ею то, что я готовлюсь ему сказать, не знаю; но для меня весьма удивительно было услышать, что въ Херсонѣ Городской Голова—Французъ, поселившійся здѣсь болѣе 20 лѣтъ тому назадъ. Чудо!

Въ день отъѣзда нашего отсюда, 20 числа, я, съ дозволенія Господина Губернатора, ходилъ купаться въ Днѣпръ: у него закрытая и пловучая ванна. Прохлада не совсѣмъ пріятная; вода мутна и съ зеленью. Въ Володимірской Губерніи Нерль не Днѣпръ, но какая разница для этого наслажденія! Мы позавтракали у Губернатора, простились съ нимъ, съ его семействомъ, и поѣхали, какъ будто домой, въ Николаевъ. Въ четыре часа съ половиною мы проскакали 60 верстъ: лошади не бѣгутъ, летятъ, и ихъ дикі лошади у насъ не отпрягали. Я долженъ эту строчку объяснить иначе она будетъ казаться непонятною.

Одинъ путешественникъ, напечатавъ многое объ Одессѣ здѣшнихъ мѣстахъ, между прочимъ, помѣстилъ слѣдующее извѣстіе

* Пр. «Письма о Крымѣ,» переводъ съ Французскаго сочиненія, съ которымъ домъ выпечатанъ и оригиналъ.—1810. Полное заглавіе его таково: «Письма

«Сія степь сколь ни худа, однако питаетъ дикихъ лошадей, которыя и имѣютъ странный инстинктъ освобождать лошадей, естьли увидятъ запряженными: онѣ нападаютъ иногда толпами на запряженныхъ лошадей, разбивая повозки, перерываютъ збрую, потомъ убѣгаютъ съ новыми товарищами, естьли удастся имъ освободить ихъ.»

Я Херсонскую степь, т. е., разстояніе между Херсономъ и Николаевымъ, проѣхалъ два раза, и по утру и въ вечеру, но ни отъ кого этого не слыхалъ, нигдѣ этого не видалъ. Замысловатыя лошадки! Видно, и въ ихъ родѣ водятся республиканскія головки, кои узды не терпятъ. Благодаря Бога, или лучше сказать Херсонскую фею, это все ея, видно, превращенія! Наши кони очень смирно довезли насъ до Николаева, гдѣ мы нашли всю свою домашнюю бесѣду, и въ ней отстатокъ дня весьма пріятно проводили.

ГЛАВА LI.

Отъѣздъ изъ Николаева.

Въ послѣдній день нашего пребыванія въ Николаевѣ расхарчился нашъ хозяинъ, зазвалъ много гостей и не пожалѣлъ хорошей бутылки вина. По утру я таскался по рядамъ, по базару: купилъ, во первыхъ, сукно, но ошибся въ выборѣ, сукно гнило; однако фракъ стоилъ 30 рублей: изрядныя бы деньги и не для фрака лѣтъ 20-ть ранѣе. Арбузовъ и дынь въ Николаевѣ пропасть и дешевы. Купя за 40 копѣекъ двѣ штуки, я на силу ихъ съѣлъ въ моей компаніи, которая была не мала въ тотъ день.

Откланявшись Господину Адмиралу, зашелъ проститься къ Отцу Ефимію: засталъ благоговѣйнаго Іерея, читающаго Соломона.

Крымѣ, Одессѣ и Азовскомъ морѣ; соч. Г-жи Гутри, перевелъ съ Французскаго И. Снегиревъ, на Россійскомъ и Французскомъ языкахъ. М. Въ типографіи Всеволожскаго. 1810. 8.» О. Б.

Поговорили мы съ нимъ о многихъ предметахъ суеты человѣческой. Онъ, провожая меня, кричалъ: «Всяческая суета!» а я ему отвѣчалъ: «Безъ нея нельзя!» и съ этѣмъ мы разстались.

Господа морскіе пожаловали къ намъ на вечеръ и привезли всю свою роговую музыку. Какое прекрасное изобрѣтеніе! Оно питаетъ унылыя мысли, развертываетъ ихъ и даетъ душу меланхоліи. Я не могъ равнодушно слушать звуковъ этѣхъ мѣдныхъ, разноголосныхъ трубъ. Лакримальные сосуды мои напружились, и я потихоньку плакалъ, ходя одинъ въ саду. Есть такія минуты, въ которыя печаль, одна печаль, овладѣя всѣми нашими чувствами, среди самыхъ шумныхъ бесѣдъ и роскошныхъ вечеринокъ, даетъ намъ чувствовать всю свую тягость. Это было на канунѣ 22-го Іюля, дня имянинъ покойной дочери моей. Я вспомнилъ Машу, которая, когда я слушалъ искуственные мусикійскіе звуки, плѣнялась уже далеко отъ меня согласіемъ превосходной небесной гармоніи. Хорошо дѣлаетъ Русской человѣкъ, что пьетъ, когда ему грустно: самое вѣрное лѣкарство отъ печали! Я изъ саду вышелъ въ комнаты; всѣ пили пуншъ, давайте-ка и мнѣ! Выпилъ очередную чашу, голова закружилась, и я скоро забылъ, что радость и что печаль. Въ такомъ расположеніи чувствъ мы отужинали и ѣли много. Всякой разсказывалъ свое, кто быль, кто небылицу. Помѣстите, куда вамъ угодно, слѣдующее:

Въ Тріестѣ, сказывалъ намъ нѣкто изъ собесѣдниковъ нашихъ, содержатель Театра обязанъ платить очень дорого за привилегію свою Французскому Двору. Какъ-то сборъ началъ упадать и содержатель сдѣлался неисправнымъ. Правительство не шутитъ: давай деньги! Содержатель жалуется, что многіе богатые жители не ѣздятъ въ Театръ, не берутъ ложъ изъ одного ругательства Французамъ. Правительство, чтобъ выручить свои деньги, принуждаетъ богачей брать мѣста годовыя. Они ихъ откупаютъ, насильно ѣздятъ забавляться, а содержатель оплачиваетъ долгъ свой, и всѣ довольны. Славная контрибуція! Вотъ что называется прекраснымъ насосомъ выжимать изъ чужихъ кармановъ деньги. Вѣдь, можетъ быть, это и вздоръ!

Распростясь со всѣми, мы расположились на другой день, 22 числа, рано по утру, выѣхать, и намѣреніе наше исполнилось. Въ

минуту нашихъ сборовъ узнали мы, что часть Россійской эскадры заняла Сухумъ-Кале, крѣпостцу на матеромъ берегу Мингреліи. Ею управлялъ отцеубійца. Кого пощадитъ тотъ, кто не чтитъ родителя? Народъ взволновался, звалъ Русскихъ на помощь, увидѣлъ флаги ихъ и покорился.

Прости, Николаевъ! Я тебя вспомню всегда и вездѣ въ радости и въ печали. Настоящія наши наслажденія суть рода удовольствій нашихъ въ будущемъ. Естьли бъ воспоминанія не оживотворяли души человѣческой, она бы отходила къ своему Создателю, не испытавъ ни какой радости въ свѣтѣ. Такъ, такъ мы живемъ въ прошедшемъ стократно болѣе, чѣмъ въ настоящемъ: это нашъ удѣлъ, это участь человѣка чувствительнаго! Простите, Спаское, Богоявленское, мѣста славы знаменитаго вельможи, мѣста взнѣженныя самой природой! Вы всегда привлечете къ себѣ восторги тѣхъ, кои любятъ жить въ натурѣ, по натурѣ и не разлучно съ нею; равно обратятся къ вамъ и мысль и взоры тѣхъ, коихъ изумляло когда ни будь и изумитъ впредь, въ лѣтописяхъ нашихъ, величество Потемкиныхъ:

Таврической! Тебѣ въ твой вѣкъ дивился Питеръ:
Но въ немъ ты былъ лишь Князь, а здѣсь ты былъ Юпитеръ.

Съ этѣмъ восклицаніемъ я уѣхалъ, и скоро скрылся отъ глазъ моихъ Бугъ. Съ великолѣпными его берегами пропали высокія Ингульскія трости. Опять я скачу въ степи и возвращаюсь въ Елисавету.

4 версты отъ Николаева есть селеніе Терновки. Сюда проводили насъ хозяинъ нашъ и Боб. Прежде тутъ была Турецкая слободка; въ ней видны и понесь разоренный домъ Паши и маленькая рощица, подъ которой бѣжитъ чистый ключъ воды. Здѣсь въ уединеніи онъ, чаю, исповѣдывался въ тайнѣ своему Пророку и лобызалъ раболѣпныхъ наложницъ; а нынѣ тутъ обитаютъ Болгары, вытѣсненные Турками изъ Адріанополя и прибѣгшіе подъ покровительство Россіи. Здѣсь они забываютъ смутныя времена своего отечества и живутъ спокойно. Вотъ прямо полезная колонія! Болгары трудолюбивы, любятъ хлѣбопашеств

и разумѣютъ искуство воздѣлывать землю: у нихъ ни одна черта земли не теряется, все засѣяно и воспитано. По огороднымъ своимъ усадьбамъ они еще разводятъ и шелковичныя деревья. Я долго радовался, глядя на ихъ сельскія упражненія.

Старая мечеть обращена въ Греческую церковь; башни ея однако сохранены, какъ памятникъ, и этѣ два различныя по началу своему зданія странное представляютъ соединеніе язычества съ Православіемъ. На одной изъ нихъ повѣшены колокола. Я ходилъ на самый верхъ ея, но видовъ пріятныхъ она не открываетъ. При храмѣ семъ Священникъ изъ Болгаръ; иконостасъ въ Греческомъ вкусѣ, но безъ всякихъ украшеній, рѣзнаго нѣтъ ничего. Утварь пожалована Государемъ не богатая, но полная.

Здѣсь послѣднюю рюмку вина выпилъ я съ добрымъ моимъ хозяиномъ и съ Черноморскимъ пріятелемъ Б. и, разцѣловавши обоихъ, прижавши крѣпко къ сердцу, надвинулъ шляпу на сырые очи и ускакалъ во всю конскую скачь.

Доѣхавъ со мною до первой станціи, читатель вспомнилъ, что ее зовутъ Кандыбино, что тутъ славный источникъ въ горѣ. Я подошелъ къ ней, выпилъ стаканъ воды изъ ключей ея, освѣжилъ осеннюю свою голову и, перемѣня лошадей, удалился отъ Николаева. На пути встрѣтился намъ какой-то Ливонецъ Бар., ѣдетъ въ Крымъ искать ужасовъ и развалинъ. Счастливый ему путь! Право я ему не позавидовалъ. Крымъ, признаюсь, ни сколько не раздражалъ моего любопытства.

Въ Виландовой мызѣ или, по здѣшнему, трактирѣ (пустомъ, однако) мы потерпѣли задержку въ лошадяхъ, по тому что день былъ почтовый и лошади въ оба конца въ разгонѣ; объ обѣдѣ въ суетахъ мы не подумали; поварня ѣхала съ нами и успѣла дать намъ только яичницу, которую очень скоро сварили и вдвое скорѣе мы съѣли. Лежа на травѣ, похлебали молока, и за трапезой простой натуры насытившись, поспѣшали на ночлегъ, который судьба, случай, нечаянность, такъ часто гораздо лучше с насъ промышляющія, нежели самыя заботливыя наши суеты, приготовили намъ на пути, въ мызѣ доброй Госпожи Лореновой, гдѣ мы уже очутились въ 64 верстахъ отъ Николаева.

ГЛАВА LII.

Ночлегъ у Госпожи Лореновой. Путь до Новоміргорода и пріѣздъ туда.

Послѣ такой ночи, какую провели мы, естьли вспомнитъ читатель, въ Громоклеѣ, въ степи, на сырой землѣ, нынѣшній ночлегъ нашъ казался Божественнымъ угощеніемъ; въ самомъ дѣлѣ, случай намъ очень благопріятствовалъ. Помѣщица здѣшняго хутора, Госпожа Лоренова охотно насъ къ себѣ приняла, не смотря на тѣсноту своихъ комнатъ; и какое было мое удивленіе, когда въ самыхъ маленькихъ ея горенкахъ, по нашему даже убогихъ, ибо въ нихъ не было дощатыхъ половъ, а набитая земля вымазана желтой глиной и подкрашена, нашелъ я краснаго дерева мебель, т. е., зеркала, столы, Турецкій диванъ, хорошіе клавикорды, на которыхъ нѣкогда играла, вышедшая за мужъ, дочь нашей хозяйки, и шкапъ съ книгами: тутъ были романы Госпожи Сталь и Жанлисъ на оригинальномъ ихъ языкѣ: все это мнѣ такъ было странно, что я думалъ быть въ области какой ни будь феи. Въ степи находить книги, музыку, нѣкоторую роскошь не только просвѣщенныхъ, но уже и испорченныхъ отъ излишнихъ наслажденій, городовъ, все это меня очень удивляло; а къ удивленію мало по малу присоединилось и уныніе. Вотъ причина:

Все, что мы видѣли, занимало любопытство; намъ хотѣлось узнать, у кого мы. Госпожа Лоренова, добрая и гостепріимная наша хозяйка, сестра родная извѣстному по Москвѣ (что нужды, впрочемъ, съ какой стороны!) К. Ц., котораго жена, любезная и достойная барыня, нѣкогда въ Москвѣ, бывъ случайно очень съ домомъ отца моего знакома, крестила дочь мою, Машу. Крестницы ея уже нѣтъ на свѣтѣ, а мать ея крестную мнѣ не случалось видѣть съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она милое мое дитя въ Москвѣ принимала отъ купели. Надобно было мнѣ самымъ неожиданнымъ образомъ попасть на ночлегъ въ такой домъ, который живѣйшее представить могъ мнѣ напоминаніе о Машинькѣ въ самый день ея имянинъ, чтобъ умножить тѣмъ сердечную

болѣзнь. Какое странное стеченіе случаевъ! Непостижимая судьба! Для чего я именно сего дня, а не вчера, не въ другой день, попалъ къ Госпожѣ Лореновой, съ которой никогда болѣе, можетъ быть, не увижусь? Тщетно я тебя спрашиваю: ты смертнымъ никогда ни на что не отвѣчаешь.

Госпожа Лоренова не удовольствовалась однимъ нашимъ помѣщеніемъ: при недостаткахъ своихъ она дала намъ хорошій ужинъ. Комнатки ея тѣсны, но опрятны. Видно изъ книгъ и инструментовъ, что она о воспитаніи дочери своей пеклась съ усердіемъ и разумомъ. Мы тутъ спокойно провели ночь въ верхней свѣтелкѣ, и на завтра отправились въ путь, осыпавъ ее признательнѣйшими ласками. Мы не могли ни чѣмъ, кромѣ благодарности, платить за благосклонность къ намъ тутошнихъ жителей. Тѣмъ цѣннѣе были въ глазахъ нашихъ малѣйшія ихъ услуги.

Проѣзжая Громоклею, мы порадовались за будущихъ путешественниковъ: тутъ уже строится чей-то довольно огромный домъ деревянный; и такъ здѣсь можно будетъ года черезъ три ночевать, и не на голой землѣ.

Въ Судоклеѣ хотѣли обѣдать, но только поѣли. На столъ поставить было нечего: ни яицъ, ни молока, ни масла. Привелъ бы сюда главнаго ресторатора Aimé, далъ бы ему сто рублей и велѣлъ показать свое искуство. Изъ ни чего выходитъ ни чего: самая вѣрная посылка. Мы поглодали старыхъ засушеныхъ запасовъ и поскакали. Отдыхалъ съ нами тутъ же проѣзжій церковникъ: онъ пробирался домой верстъ за 20-ть отсюда. На досугѣ и онъ собесѣдникъ, вошли мы въ рѣчь: гдѣ и чему учился, давно ли славитъ Всепѣтаго? Каково жить, дорого ли, дешево ли? Что даютъ за молебенъ и пр. и пр.? Добился только того, что онъ Дьяконъ, ходилъ пѣшкомъ верстъ за 500 ставиться въ чинъ. Это подумалъ я, тяжелѣе старой нашей Герольдіи. Бѣдные люди Здѣсь есть мѣста, за 1000 верстъ отъ Владыки отстоящія, и Дьячекъ долженъ пройти весь Крымъ до Екатеринославля, чтобъ получить право, воротясь домой, надѣть изорванный стихарь. Вотъ хоть и не прилично, да къ стати вспомнить пословицу иностранную: игра свѣчи не стоитъ! Дьяконъ мой, однако, здоровъ

дюжъ; голосъ у него прекрасный; мы съ нимъ пропѣли: «О паче ума,» въ честь Богородицы, и распростились. Я думаю, что онъ съ восторгомъ, а можетъ быть и съ насмѣшкой, разсказывалъ, пришедъ къ себѣ, домашнимъ, что проѣзжій заставилъ его пѣть, любовался его голосомъ, самъ съ нимъ подтягивалъ, и знаетъ также, какъ онъ, съ конца до другого, Осмогласникъ.

Въ Елисаветѣ мы долго слонялись по городу безъ квартиры; старая была заперта: хозяинъ куда-то отъѣхалъ, а хозяйка пьяна, и мы толку не добились; на силу нашли мы какого-то доброхота купца, который изъ тщеславія растворилъ для насъ огромную залу съ картинами, эстампами и прочими красотами купеческихъ домовъ въ провинціяхъ. Кони насъ сюда очень скоро поставили, мы проѣхали 100 верстъ; погода была въ степномъ климатѣ прекрасная, не жарко и не пыльно: сильный дождь выпалъ за сутки до насъ, и избавилъ отъ этого безпокойства. Надлежало за то вытерпѣть другое, т. е., посѣщеніе Молдаванскаго Князя, который у насъ посидѣлъ и помолчалъ.

Весь вечеръ мы освѣдомлялись, отъ кого могли, какъ доѣхать до Кіева и гдѣ лучше выбрать туда дорогу. Переночевавъ тутъ, я имѣлъ еще время, прежде нежели привели намъ лошадей, коихъ мы и не очень торопили, сходить въ Соборъ къ обѣднѣ. Храмъ пространный и хорошъ, письмо старинное. Народу было много для Воскресенья, и опять появились здѣсь около паперти нищіе: мы давно ихъ не видали. Пѣвчіе кричали во весь голосъ, басы ревѣли безъ всякаго вкуса; обѣдня шла до полудня, и, къ несказанному отягощенію Православныхъ, Пресвитеръ разсудилъ пощеголять проповѣдью. Я ушелъ, не дослушавши конца, и онъ вѣрно принялъ меня за невѣжу.

Изъ Собора ѣздилъ я съ визитомъ къ Молдаванамъ въ ихъ экипажѣ. Опять тоже великолѣпіе, цугъ въ шорахъ, а кучеръ съ широкими усами въ Турецкомъ своемъ одѣяніи. У нихъ не много посидѣвши (ибо они уже были мнѣ не въ диковинку), пріѣхалъ домой, отобѣдалъ, сѣлъ въ коляску, взглянулъ раза два еще на Елисаветградъ, и пустился въ Кіевъ.

ГЛАВА LIII.

Новоміргородъ и Златополь.

Отъ Елисаветы сюда 60 только верстъ, хотя словарь и утверждаетъ, что 150. Дорога прекрасная: мы проѣхали ее очень скоро. Степь продолжается, но не такъ уже гола; появились пріятные виды; показался мѣстами кустарникъ; вездѣ золотыя нивы радуютъ взоръ путешественника. Жатва, сѣнокосъ, все въ своей порѣ и народъ въ движеньѣ. Разнообразіе предметовъ украсило для насъ этотъ путь совершенно. Я съ удовольствіемъ любовался на сарафанъ нашего покроя, какого уже давно не видалъ. Подъ самымъ Новоміргородомъ селились при насъ Обоянскіе крестьяне, душъ до 100.

Недалеко отъ города встрѣтились намъ кучи Турокъ плѣнныхъ, коихъ везутъ на волахъ также селить подалѣе отъ своей родины. Война гоняетъ людей съ мѣста на мѣсто, какъ садовникъ пересаживаетъ деревья. И къ стати вспомнилъ: у самой заставы увидите вы старинный садъ, и также, какъ и я, вѣрно объ немъ потужите. Нѣкогда владѣлъ имъ Архіерей; потомъ, по стеченію случаевъ, обратился въ оброчную статью и поступилъ въ казенное вѣдомство, а тамъ, разумѣется, и брошенъ; всѣ плодовитыя деревья погибли, осталась одна только густая зелень, которая свидѣтельствуетъ, что человѣкъ столько удобенъ все воздвигнуть и создать, столько же и разорить все можетъ: однако и этотъ нечистый лѣсокъ, что былъ прежде садъ, здѣсь для глазъ пріятенъ.

Въѣхавши въ городъ довольно рано, мы остановились у Г. Пот...., тутошняго Гор., который прямо принялъ насъ въ свой домъ и позволилъ у себя ночевать. Съ нимъ жены не было, онъ хозяйничалъ одинъ. Домикъ у него маленькой, но крайне опрятенъ; впрочемъ, лучшей квартиры въ городѣ нѣтъ, хотя тутъ до 2000 душъ считается народу. Время было прекрасное, и мы имъ воспользовались, просидя на крыльцѣ весь вечеръ. Я неосторожно напустилъ на груши: ихъ здѣсь очень много.

Природа никогда насилій не прощаетъ:
Невоздержаніе недуги привлекаетъ.

И подлинно: натура, чтобъ доказать мнѣ справедливость моихъ стиховъ, потѣшила меня индижестіей и сильной мигренοй, отъ которой я самую худую ночь провелъ. Это мнѣ не помѣшало, оставляя Новоміргородъ, на завтра взять грушъ съ собою хорошій въ дорогу запасъ, и на упреки жены моей, что я неумѣренъ въ прихотяхъ своихъ, или короче и яснѣе сказать, жаденъ, я ей отвѣчалъ слѣдующими стихами:

Безъ груши нѣтъ въ саду хорошаго плода;
Безъ груши земляной нѣтъ вкуснаго стола;
Безъ груши для невѣстъ серегъ нѣтъ драгоцѣнныхъ,
Безъ груши для меня нѣтъ въ жизни дней блаженныхъ.

Жену мою зовутъ Аграфеной: что ей оставалось сдѣлать, какъ улыбнуться, замолчать и дать мнѣ волю наѣдаться грушъ?

Виноватъ! Я ужь собрался изъ Новоміргорода, не сказавъ ни чего объ немъ самомъ. Городъ не важный; домовъ хорошихъ деревянныхъ въ немъ очень мало, все мазанки. Онъ заштатный и безъ уѣзда: въ немъ нынѣ только Магистратъ, Городничій, два частныхъ Пристава, и нѣсколько Десятскихъ: вотъ все его правительство! Нѣтъ ни Ст. Ком., ни Казначейства, и обыватель ѣздитъ судиться судомъ и расправой въ Елисавету, и когда доводится Уѣздному Суду съ Магистратомъ держать общее присутствіе, то членъ Уѣзднаго Суда изъ Елисаветы наѣзжаетъ въ Новоміргородъ.

Въ Россіи все дѣлается творческимъ духомъ: да будетъ то,— и бысть! Здѣсь нѣкогда была граница наша къ Польшѣ и живали иностранные Консулы, цвѣла торговля. Вдругъ потомъ поставленъ былъ здѣсь же престолъ Вознесенской Губерніи. Губернскій ея городъ хотя и назначенъ былъ въ Вознесенскѣ, посреди области Бугскихъ Казаковъ, но, до отстройки того мѣста, все гражданское его сословіе поселилось въ Новоміргородѣ. Недолго это такъ побыло; наконецъ Новоміргородъ, обратясь въ посадъ, удостоенъ остаться безуѣзднымъ городомъ, и теперь весь составленъ изъ развалинъ: судьба многихъ нашихъ городовъ!

Я полюбопытствовалъ видѣть здѣшнее рекрутское депо. Командиръ его, Г. С., принялъ меня очень учтиво и дозволилъ весь свой лагерь видѣть. Шалаши ихъ лѣтніе, кои повсемѣстно уже зовутъ биваками, хотя, думаю, Французское слово bivaq совсѣмъ не то значитъ: сдѣланы изъ прутника и обмазаны глиною; на строеніе ихъ матеріалъ отводятъ имъ изъ казеннаго лѣсу. Пекарни очень хороши, и здѣсь уже топятъ дровами: мы по маленьку разстаемся съ кизикомъ. Лазаретъ въ особомъ домѣ, который отводитъ купеческое общество. Сюда сбираются рекруты Харьковской и Симбирской Губерній.

Чтобъ договорить о Новоміргородѣ, скажу еще нѣчто на счетъ здѣшняго мѣста весьма странное. Городъ этотъ принадлежитъ къ Херсонской Губерніи; отъ него въ верстѣ мѣстечко Златополье въ Кіевской уже Губерніи. Міргородскіе жители сами покупаютъ хлѣбъ въ Златопольѣ, однако проходящія команды обыватель Златопольскій обязанъ кормить за 8-мь, а въ Міргородѣ за 5-ть копѣекъ.

Златополье не что иное, какъ очень не важная полоса земли подъ городомъ. Мы тутъ, продолжая путь свой, остановились: не знаю, кому оно принадлежитъ. Тутъ выстроены ряды, по наружности своей ни чего не обѣщающіе; въ нихъ торгуютъ Жиды всѣмъ, что только вздумать можно. Вы найдете въ нихъ прекраснѣйшія сукна, казимиръ, бархатъ, дамскіе уборы и старые богатые придворные кафтаны, совсѣмъ сшитые, которые распродали, конечно, съ плеча 18-го вѣка Господа Камергеры, когда увидѣли, что сѣдинъ ихъ и шитые кафтаны уже не красятъ. Нынѣ такое платье обратилось въ театральный костюмъ, и въ немъ увидишь только Украсова въ оперномъ домѣ въ Москвѣ; признаюсь, что я не могъ надивиться той обширной торговлѣ, какую я здѣсь нашелъ, въ разныхъ предметахъ роскоши, почти на чистомъ полѣ. Кому купить, кому продать? однако, все это идетъ своимъ чередомъ, а Жиды еще долго будутъ здѣсь Польскія злоты притягать въ свои запачканные карманы.

ГЛАВА LIV.

Путь до Звенигородки.

Проѣхавшій Златополь, мы впали въ предѣлы Кіевской Губерніи. Ахъ! какая разница со степью! По всѣмъ сторонамъ открылись плѣнительныя зрѣлища плодоносной земли и благосклонной къ мѣстамъ симъ природы: изобильная жатва вездѣ, наметаны огромныя скирды хлѣба. Дорога хуже степной тѣмъ, что гориста, но отъ того-то самаго она кажетъ разныя пріятныя картины; селенія встрѣчаются чаще; во всякомъ изъ нихъ увидишь ручей, чего глаза наши лишены были уже такъ давно. По нѣкоторымъ мѣстамъ сохранились отъ бурь и лѣсныхъ надзирателей дубовыя и кленовыя рощи, но весьма уже рѣдки: дубъ одинъ отъ другого въ большой разлукѣ. При всемъ томъ каждое дерево густотою своею окружаетъ около себя довольно большую тѣнь. Я не примѣтилъ валежника въ прозрачныхъ сихъ лѣснахъ, въ коихъ болѣе площадей, нежели живыхъ деревьевъ; все очень выметено: не валяется ни прутъ, ни кустъ. По такой примѣтѣ можно бы думать, что нуждающійся въ дровахъ обыватель, для тепла своей хижины, бережливо вычищаетъ свою дачу; но видѣлъ же я и сухостою пропасть, который сохраняется, не знаю для чего, а между тѣмъ печалитъ взоръ самаго веселаго странника. Для меня нѣтъ ни чего способнѣе къ возбужденію меланхоліи самой мрачной, какъ видъ сухаго дерева: мертвецъ обнаженный на ногахъ — какая страшная идея для воображенія! Безъ того этѣ рощи могли бы показаться садами.

Вообще можно залюбоваться всѣмъ этѣмъ лоскуткомъ старой Польши, * который имѣетъ разновидныя прелести. Въ селеніяхъ роскошь; Жиды вездѣ торгуютъ и копышатся, какъ пчелы въ ульяхъ; на поляхъ трудники собираютъ дары природы и города ставятъ хлѣба.

---

* По понятіямъ Польскимъ, собственно же это часть исконной Южной Руси или Украины, Малой Россіи. О. Б.

У самой почти большой дороги, у подошвы небольшой горы, при чистомъ источникѣ, омывающемъ нѣсколько жилъ крестьянскихъ, разсѣянныхъ на зеленой лужайкѣ, увидѣли мы часовню. «Вотъ нѣчто наше, Россійское!» закричалъ я, и мы остановились. Подошелъ къ намъ старецъ съ крестомъ: онъ изъ монастыря, который въ 5-ти верстахъ отсюда во имя Георгія поставленъ. Здѣсь молятся о Митрополитѣ Кіевскомъ, и мы уже приближаемся къ селеніямъ святымъ, гдѣ Провидѣнію угодно было воздвигнуть вѣчные памятники своей славы.

Лошадей мѣняли мы въ Шполѣ. Это мѣсто принадлежитъ, по наслѣдству, послѣ Князя Потемкина. племянницѣ его, Госпожѣ Лопухиной. Село огромное, но ни чего не значущее ни по мѣстоположенію, ни по строенію, а съ перваго взгляда оно обѣщаетъ очень много, по тому, что въѣдешь какъ бы въ заставу городскую: двѣ колонны и рогатки. Лошадей даютъ тутъ прескверныхъ, не смотря на большой перегонъ, и мы съ большимъ трудомъ доѣхали до Звенигородки, гдѣ и остановились ночевать. *

За нѣсколько верстъ отъ нея проѣхали мы сквозь большое имѣніе Потоцкаго, по имени Богачево. ** Здѣсь должно замѣтить, и съ большимъ вниманіемъ, огромные камни, кои природа раскидала по берегамъ умѣренной рѣки. Издали и при упадающемъ свѣтѣ дня они наводятъ ужасъ разнообразіемъ своихъ фигуръ. Нѣтъ! Изъ такихъ каменьевъ не выдолбить того, что въ Одесскихъ каменоломняхъ надѣлать можно. Тотъ снисходительнѣе гораздо этого. Я очень долго дивился на дикіе хребты камней, кои опоясуютъ, кажется, большое пространство здѣшнихъ земель.

---

* Она напоминаетъ намъ городъ Звенигородъ, близъ Кіева, на р. Ветѣ, упоминаемый не разъ въ Исторіи, и другой Звенигородъ, Уѣздный городъ Московской Губерніи, въ 50 верстахъ отъ столицы. Звенигородка теперь Уѣздный городъ, на лѣвомъ берегу рѣки Гнилаго Тикича, впадающаго въ Синюху, съ 21,000 жителей, въ 188 верстахъ отъ Губернскаго города. Въ концѣ прошлаго вѣка Звенигородка была мѣстечкомъ Екатеринославскаго Уѣзда Вознесенскаго Намѣстничества. О. Б.

** Теперь Богачевка. О. Б.

Съ большимъ сожалѣніемъ принужденъ я былъ проскакать подъ городомъ самую пріятную долину, но сумерки не позволили мнѣ мѣшкать въ дорогѣ. Днемъ коляска—прекрасная квартира, но не ночью. Самая худая изба для меня ея лучше. Извѣстно тѣмъ, кто меня читывалъ, что

Я ночью не ѣздокъ, хоть дай почтовыхъ даромъ.

Спустясь съ горы, лежитъ путь между холмами, въ долу, покрытомъ зеленью, какъ эмалью, и усыпанномъ благовонными цвѣтами. Никто ихъ не разсаживалъ: вѣтеръ ихъ сюда занесъ; солнце пригрѣло, выросли и курятъ воздухъ. Отъ долины версты на три пошелъ небольшой дубовый лѣсокъ: тѣнь повсюду вокругъ его разстилается. Уходить сюда въ жаръ—безподобно. Пріятно и вечеркомъ полежать на травѣ, отдохнуть и поблагодарить натуру. Еще я все это придумывалъ и загадывалъ, какъ ужь кони наши подвезли къ Звенигородкѣ. И мы очутились на квартирѣ,—уже темно было.

Звенигородка, Повѣтовый или Уѣздный городъ Кіевской Губерніи, населенъ Жидами и Козаками. Квартиръ хорошихъ нѣтъ: все мазанки, или Жидовскія корчмы: и въ тѣхъ, и въ другихъ нечисто: во всемъ городѣ одинъ только каменный домъ, занимаемый Присутственными Мѣстами, можетъ быть названъ зданіемъ. За недостаткомъ жилъ удобныхъ, Городничій принужденъ былъ пустить насъ къ себѣ, и изрядно потѣшилъ: безъ театра комедія! Этотъ добрый, заслуженный Офицеръ, молодецъ на штурмѣ, станется: но въ гражданскомъ состояніи, увы! Мы почти насильно къ нему въѣхали и заняли одну только комнату. На бѣду нашу Господинъ Маіоръ, лѣтъ до 60-ти дожившій, судя по лицу, за три передъ симъ мѣсяца, разсудилъ жениться, и тѣмъ сдѣлалъ домъ свой еще тѣснѣе для услугъ гостямъ.

Поелику мы не прямо еще ѣхали въ Кіевъ, а хотѣлось взглянуть на славную въ томъ краю Софіевку, садъ Графа Потоцкаго, куда, по слухамъ, дорога сворачивала отсюда въ сторону, то мы и просили нашего Городничаго наставить насъ, какъ держать путь въ Умань, той же Губерніи и такой же Уѣздный городъ, какъ и здѣш-

коляскѣ читать и рѣдко отрываясь отъ книги, тутъ, не смотря на самое занимательное сочиненіе, закрылъ книгу, велѣлъ ѣхать шагомъ и все глядѣлъ на двуличневую гречу. Ни какой живописецъ, конечно, не подобралъ бы искусною кистію на холстѣ столь живыхъ тѣней, ни самъ Рафаель, хотя онъ для живописи былъ то, что Богъ для естества.

Подъ самой Уманью прекрасная роща. Остановитесь тутъ погулять, естьли вы рано пріѣдете, а мы торопились на квартиру: вечеръ стращалъ своей темнотой. Что ближе къ Умани, то горы круче и чаще, лошади наши утомились и насилу везли. Облака спрятали мѣсяцъ, зги не видать: поскорѣй хотѣлось вонъ изъ коляски въ комнату и напиться чаю въ комнатѣ; повозки отъ насъ всѣ отстали: ни поварни съ нами, ни постели; все надобно было брать чужое. Пріѣхавши въ Умань, мы заняли квартиру у богатаго и семьянистаго Жида. Онъ снабдилъ насъ своими постелями; отъужинавши очень дурно, мы на нихъ повалились, и ночь провели безпокойно. На разсвѣтѣ собрались наши люди и повозки.

Къ умноженію досады съѣхался здѣсь со мной человѣкъ, котораго оставлялъ я въ Николаевѣ для доставленія мнѣ писемъ изъ дому; но онъ, доставя мнѣ разныя извѣстія тамошняго края, по отъѣздѣ моемъ оттуда дошедшія, ни строчки не привезъ отъ родныхъ и друзей. Какъ я разсердился! Топалъ ногами, бѣгалъ по широкимъ комнатамъ стараго Еврея, который думалъ, что я въ бѣлой горячкѣ; но что ни дѣлай, писемъ нѣтъ. Ахъ! Сколько бываетъ неудачъ на нашей пакостной планетѣ. Признаюсь, что этотъ день былъ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ въ нашемъ путешествіи. «Увидимъ, увидимъ,» ворчалъ я про себя, «что за прелести такія необыкновенныя въ хваленомъ саду Потоцкаго, и стоятъ ли они такихъ сильныхъ безпокойствъ, какія для него мы терпимъ.» Скоро увидя Софіевку, согласился, что подлинно для такого зрѣлища много труда перенести возможно, и пакостная планета обратилась въ прекраснѣйшій міръ во всемъ твореньи. Это стоитъ Іонивой тыквы.

ГЛАВА LVI.

Умань и разные въ ней предметы.

Умань есть Повѣтовый городъ Кіевской Губерніи, и какъ онъ, такъ и весь его Уѣздъ, составленъ изъ имѣнія Потоцкаго, и до нынѣ ему принадлежитъ. Казна имѣетъ здѣсь своего Полиціймейстера и Уѣздный Судъ. Городъ сидитъ на горѣ, но не хорошъ: строеніе тѣсно и безъ правильности, а вкуса и совсѣмъ нѣтъ. Каменныхъ зданій важныхъ не найдете, по большой части все Жидовскія корчмы. Наша квартира была изъ лучшихъ въ цѣломъ городѣ.

Среди большой улицы выстроенъ каменный тюремный домъ во обѣ стороны и связанъ двумя колоннами со сводомъ, кои издали кажутъ видъ торжественныхъ воротъ; но какъ удивишься, когда, подойдя къ нимъ, услышишь жалостный стонъ колодничій. Я не думаю, чтобъ это было хорошо, во первыхъ, по тому, что заключенные въ тѣсномъ сообщеніи съ народомъ и проходящими, а во вторыхъ, и для того, что имъ на воздухъ выйти некуда: они окружены строеніемъ и улицами.

При насъ тутъ стоялъ Гусарской полкъ и содержалъ караулъ въ городѣ: прекрасные люди, одѣты щегольски, мастера своего дѣла. Каждое утро разводъ съ музыкой; каждый вечеръ заря отправляется съ музыкой; а народъ, какъ и вездѣ, около гауптвахты толпится, слушаетъ и дивуется.

Церковь Россійская бѣдна, но велика; иконостасъ въ ней круглый на столбахъ и съ куполомъ. Храмъ строенъ еще во время Польскаго владѣнія Потоцкимъ, и въ немъ стоятъ портреты его и женинъ. Священникъ старъ, и 30 уже лѣтъ поетъ тутъ своему Господу. Онъ съ большимъ тщеславіемъ хвалился мнѣ тѣмъ, что приводилъ въ этой церкви къ присягѣ Князя Прозоровскаго на чинъ Фельдмаршала. Рядомъ съ большимъ или главнымъ престоломъ, на поворотѣ въ другую сторону, и по нашему совсѣмъ не на востокъ, поставленъ тутъ же подвижный храмъ полковый, въ которомъ иногда для полку поется и обѣдня. Духовные люди пусть разсудятъ, прилично ли такое несходство съ

правилами. Для меня собственно, когда дѣло идетъ о призываніи Бога, Востокъ и Западъ, Югъ и Сѣверъ, все равно. Лучшій дом молитвы предъ Вышнимъ есть сердце праведнаго.

Я ходилъ въ костелъ и слушалъ тутъ Уніятскую обѣдню мнѣ очень пріятно было видѣть образъ ея отправленія. Смѣс Католицкаго съ нашимъ. Двѣ важныя разницы, кои я нашел противъ нашей обѣдни, состоятъ въ томъ, что поминаютъ Пап на ектеніяхъ и на выносѣ даровъ, и въ Символѣ Вѣры испові дуютъ происхожденіе Духа Святаго не по Гречески. Впрочем существо литургіи тоже, но образъ совсѣмъ различенъ. Подобн Католикамъ, Уніяты не имѣютъ иконостаса и трехъ вратъ, к нему принадлежащихъ. Престолъ ихъ наружи; Священникъ слу житъ предъ нимъ, открытъ отвсюду; выходитъ изъ особой ком наты боковой въ полномъ облаченіи, какъ наши Іереи, выносит утвари церковныя, ставитъ ихъ на престолъ и начинается обѣдня; ектеньи всѣ читаются и крылосы поютъ по Русски. Причетъ тутошній похвастаться хотѣлъ пѣвчими. Они отправляли при мнѣ службу и многое довольно хорошо пѣли по нотѣ; одѣты всѣ 6 человѣкъ въ стихаряхъ бѣлыхъ.

Во время отправленія сей службы предъ главнымъ престоломъ въ слухъ, вышелъ другой Священникъ изъ другой комнатки со всѣми церковными принадлежностями и въ облаченіи, уставилъ ихъ на особомъ престолѣ въ боковой стѣнѣ и въ одно и то же время съ первымъ отправлялъ свою обѣдню, но все читалъ про себя. Самая молчаливая и сокровенная молитва! Странно было весьма слышать и видѣть этѣ двѣ обѣдни въ одно время и въ томъ же храмѣ, особливо на нашемъ природномъ языкѣ. Естьли дозволено о вкусахъ разсуждать и въ этомъ предметѣ, то признаюсь, что мнѣ Уніятскіе обряды не показались. Скажемъ просто: ни то, ни се — немножко нашего, немножко Папскаго. Согласимся, что все можетъ имѣть двоякой видъ въ свѣтѣ, и даже въ самой природѣ, кромѣ Вѣры, которая вездѣ, всегда, для всѣхъ одна, и обряды ея должны въ сложеніи своемъ быть началу сему совершенно подобны, т. е., одно и тоже вездѣ. *

---

* Извѣстно, что Уніяты первоначально отличались отъ Православныхъ только од-

Костелъ весь вообще огромное строеніе; въ немъ нѣсколько престоловъ по сторонамъ, кромѣ главнаго въ срединѣ. Стѣны зданія внутри убраны колоннадой: это даетъ храму видъ великолѣпный. При этомъ домѣ учреждена и школа: строеніе большое, уважительное. Здѣсь преподаютъ науки, Философію и Богословію. По случаю вакаціи въ настоящее время, мы ни кого не видали изъ учащихся. Замѣтьте, что почти вездѣ, при всѣхъ отличныхъ костелахъ или Католицкихъ и Уніятскихъ храмахъ, заведены училища: отъ этого величайшая происходитъ польза для духовенства и прихожанъ; первое не терпитъ унынія и скуки, обыкновеннаго плода праздности; ибо всякой болѣе или менѣе занятъ и не имѣетъ времяни удовлетворять подлымъ страстямъ низкаго человѣка; а послѣдніе, приходя въ церковь слушать внятныя поученія, не все выпускаютъ въ другое ухо, что въ одно приходитъ. Общая выгода!

ГЛАВА LVII.

О Жидахъ вообще, ихъ промыслѣ и Богослуженіи.

Городъ наполненъ Жидами; много и Хохловъ. Русскаго и Поляка мало примѣтишь. При насъ былъ въ Умани торговый день, и народу собралось пропасть; я цѣлое утро шатался въ рядахъ. Торговля обширная, и все найдете, что вамъ угодно. Товары привозятся прямо изъ чужихъ краевъ; о цѣнѣ ихъ нечего и говорить: все отмѣнно дорого. Сверхъ того, безъ большой потери трудно за что ни будь платить бумажками. Лучшая монета здѣсь червонныя; ихъ много, и они очень ходки; потомъ серебро, и чѣмъ старѣе, тѣмъ выгоднѣе. Жиды въ лавкахъ обступятъ проѣзжаго, какъ мухи, и, не купя чего отъ нихъ, не отобьешься: я самъ это

нимъ признаніемъ главенства Папы надъ собою въ дѣлахъ духовныхъ, но въ послѣдствіи, мало по малу, Езуиты и ихъ воспитанники стали привносить много изъ Католическаго въ Православное Богослуженіе, и тѣмъ показали, что Унія есть для признающихъ ее просто ступенькой къ Католичеству. О. Б.

испыталъ: одинъ ухватился за фалду, другой держитъ за другую; всякой хочетъ заманить къ себѣ въ лавку и, подъ благовидныхъ словомъ продажи, ищетъ обмануть.

Я въ лавкѣ своего хозяина купилъ сукна на фракъ, и не успѣлъ выйти изъ гостиннаго ряду, какъ человѣкъ 5 портныхъ Жидовъ меня окружили; и всякому хотѣлось меня одѣть. Пока я договаривался съ однимъ, остальные съ мѣрками своими около меня прыгали и требовали преимущества; наконецъ снялъ ее одинъ, и въ тотъ же вечеръ принесъ мнѣ фракъ совсѣмъ готовый. «Ну! что за работу (прикладъ его)?»—«Три червонныхъ.» По тамошней цѣнѣ это составляло 27 рублей. Бѣшеная рада! Но дѣлать нечего: надобно было заплатить. Пошумѣлъ я напередъ немножко, и Жидъ, чтобъ смягчить мою досаду и уловить меня другимъ образомъ, повинился мнѣ коротко и ясно, что онъ взялъ лишняго половину: «Но съ кого же, прибавилъ, мнѣ и взять? Свой братъ не даетъ. Вы путешествуете по доброй волѣ, тратите деньги на то и на другое: для чего же не кинуть лишній пѣнязь и въ мою кису? Вѣдь и все, что вы расточаете дорогой, лишнее: сидя дома, ни кто бы съ васъ ни чего не взялъ.» — «Резонъ! Спасибо, Жидъ, за праўду; по крайней мѣрѣ ты не льстивъ, и вотъ тебѣ за то твои червонныя!»

Около рядовъ мѣняловъ пропасть, и вы на многихъ столахъ увидите кучи огромныя серебра и мѣди. Здѣсь-то, я думаю, они черезъ разные обороты и плавятся и выбѣгаютъ за границу. Жиды—великіе мастера повертывать деньги, и въ ихъ рукахъ червонной прытко вальсируетъ.

Между ими есть особые услужники, кои называются факторы. Совѣтую ихъ остерегаться: это, по Русски сказать, сводчикъ; онъ вамъ достанетъ все, что вамъ нужно и не нужно; чтобы вамъ на мысль ни пришло, одно слово фактору,—и готово. Онъ вамъ натаскаетъ хлѣба, вина, мяса, пригонитъ четверню и цугъ лошадей въ коляску, или карету, отнесетъ письма, исправитъ коммисію, заманитъ рядовича съ товаромъ, размѣняетъ деньги; словомъ, для фактора нѣтъ не возможнаго, но ужь не плачьте, какъ дѣло дойдетъ съ нимъ до счету. Ни какой аптекарь вамъ

такого не подастъ, и мой портной противъ этого—бездѣлка. Мало того, что онъ за все съ васъ возметъ двойную цѣну и прибавитъ къ тому плату себѣ за труды, онъ еще на каждый рубль бумажный возметъ лажъ, приводя его въ равную цѣну съ мѣднымъ рублемъ; да, разочтясь съ вами, еще возметъ и съ того, у кого забиралъ для васъ припасы, или товары, за то только, что онъ у него, а не у другого, для васъ ихъ бралъ. О! факторы—люди отмѣнной чести и доброты души, а при всемъ томъ и голы и босы. Естьли увидите Жида въ отрепьяхъ, не спрашивайте, кто такой—факторъ!

Едва успѣли мы попасть въ Умань, какъ къ намъ набѣжало ихъ нѣсколько, и я принужденъ былъ на угадъ ввѣриться изъ нихъ любому. Поживши дни съ три, благочестивый мой Еврей подалъ мнѣ свой счетъ, самое трогательное сочиненіе для всякаго Православнаго кармана; я сокрушенно воздохнулъ, оросилъ итогъ чувствительными слезами и расплатился, съ намѣреніемъ впредь бѣгать впередъ отъ фактора, какъ отъ піявки: одна лишаетъ крови естественной, а тотъ высосетъ всю сущность живота.

И здѣсь я былъ въ ихъ Синагогѣ. При мнѣ случилось обрѣзаніе—отвратительной обрядъ Ветхозаконной Церкви. Младенца вносятъ въ преддверіе ихъ сборища: оно уже наполнено Жидами. Ближній къ дверямъ беретъ его у бабки, а прочіе всѣ по очереди принимаютъ его одинъ отъ другого, и такъ передаютъ въ пеленкахъ до Раввина, который въ клѣткѣ, сидя подъ столярнымъ зонтомъ, нажидаетъ его съ ланцетомъ. Принявъ его, кладетъ на колѣни, возводитъ глаза горѣ, кричитъ какъ бѣснуемый, и всѣ Жиды за нимъ: ребенокъ испуганъ, пищитъ; операція скора: все кончено въ минуту; младенецъ обрѣзанъ; среди шуму и крику вопль его не слышанъ. Раввинъ потомъ подноситъ его къ табернаклу, гдѣ Декалогъ у нихъ хранится, нарицаетъ ему имя и, надъ стаканомъ пива прокричавъ еще нѣсколько стиховъ, омываетъ имъ уста младенца и отдаетъ его принесшей женщинѣ; тѣмъ все и оканчивается. Сколько я любопытствовалъ это видѣть, столь потомъ унесъ съ собою изъ храмины ихъ непріятныхъ впечатлѣній. Врачи говорятъ, будто въ горячихъ климатахъ обрѣзан

необходимо, для сохраненія мужескаго пола отъ разныхъ болѣзней. Я этого не знаю, но только знаю то, что это очень не миловидно. Я спрашивалъ ученыхъ Жидовъ, для чего всѣ они берутъ младенца и на перерывъ его изъ рукъ въ руки передаютъ. «Мы это дѣлаемъ, отвѣчали они мнѣ, въ увѣренности такой, что чѣмъ болѣе людей занимается въ это время младенцемъ, тѣмъ для него будто бы спасительнѣе; равно и тотъ для души своей получаетъ пользу, кто услугой своей способствуетъ сему дѣйствію.» Вотъ какъ всякой самъ себѣ сочиняетъ законъ и Вѣру!

Въ тотъ самый день, когда происходила у нихъ эта церемонія, Жиды постились и воспоминали разореніе храма во Іерусалимѣ. Этотъ постъ называется у нихъ констерпація Іерусалимская и продолжается весь день: они не должны ѣсть до заката солнечнаго и не обуваются, сходятся въ Синагогу и по обыкновенію въ шляпахъ: такъ имъ велитъ ихъ заповѣдь; тутъ они тужатъ о своемъ храмѣ, сѣтуютъ, поютъ жалобнымъ напѣвомъ «Плачь Іереміи,» и этотъ превосходный псаломъ, вдохновенный Царю Давыду любовью къ родинѣ: «На рѣкахъ Вавилонскихъ» оканчиваетъ ихъ унылое Богослуженіе. Нигдѣ такъ сильно не выражено чувство любви къ отечеству, какъ въ этомъ прекрасномъ стихѣ: «Аще забуду тебе, Іерусалиме.» Сколь ни омерзительно настоящее положеніе Жидовъ, ихъ обряды, службы и сходбища, не могъ, однако, не тронуться, видя кучку людей, сошедшихся оплакивать свое очечество, свою церковь, свою землю, гонимую повсюду, посѣщенную гнѣвомъ Божіимъ, не имущую ни алтаря ни кадила, ни всесожженія. Въ эту трогательную минуту я забывалъ всѣ предубѣжденія разсудка и, по внушенію сердца одного, глядѣлъ на послѣдняго Жида, какъ на брата своего по человѣчеству.

ГЛАВА LVIII.

О семействѣ нашего хозяина.

Послѣ описанія не весьма обольстительнаго, которое я сдѣлалъ Жидамъ вообще, справедливость требуетъ, чтобъ я ознакомилъ нѣсколько читателя съ моимъ хозяиномъ. Мы квартировали въ Умани, въ домѣ богатаго Еврея, имѣющаго знатный торгъ во всей Кіевской Губерніи, по имени Гуровича. Онъ имѣлъ сына 24 лѣтъ, съ которымъ я проводилъ вечера въ самой пріятной бесѣдѣ. Онъ никуда, кромѣ Лейпцига, не ѣзжалъ, и нигдѣ не былъ, воспитался дома, но, какъ видно, съ большимъ тщаніемъ: очень хорошо знаетъ по Нѣмецки, по Французски и по Русски, а еще лучше на каждомъ изъ сихъ языковъ пишетъ, нежели говоритъ. Упражняясь съ охотой и даже съ жаромъ въ Словесности, онъ перевелъ на Еврейскій языкъ Французское сочиненіе подъ именемъ:—«La découverte de l' Amerique.» Образъ мыслей его гораздо выше его сферы: онъ разсуждаетъ о вещахъ здраво, понятія остраго и въ разговорахъ со мною о разныхъ нравственныхъ предметахъ удивилъ меня качествомъ своего сердца. Этотъ молодой человѣкъ очень занимателенъ. Онъ сидитъ въ лавкѣ у своего отца, торгуетъ, ѣздитъ за товаромъ иногда въ Прусскія области, и сѣтуетъ только о разныхъ глупыхъ обычаяхъ своей собратіи, отъ которой онъ отличается умомъ, поведеніемъ, благопристойностью и чистотой. Чтобъ лучше еще дать объ немъ понятіе, я передамъ публикѣ здѣсь одинъ разговоръ мой съ нимъ, который, по рѣзкимъ чертамъ его характера, тогда же записалъ въ свою книжку; онъ со мной говорилъ всегда по Французски. Вотъ переводъ нашей бесѣды:

«Чего недостаетъ къ вашему счастію?»

—«Я бы желалъ, чтобъ намъ запретили прежде всего носить наше шутовское платье, по тому что оно кладетъ на насъ печать безчестія и срамоты. Кто презрѣнъ, тотъ теряетъ духъ, теряетъ уваженіе къ самому себѣ и вдается въ слабость: вотъ отъ чего нашъ народъ нынѣ такъ срамен, глупъ и невѣжественъ. Всяк[illegible] что

меня увидитъ въ моей скуфьѣ, указываетъ пальцемъ и говоритъ: «Это Жидъ!» а я слишкомъ человѣкъ, чтобъ плюнуть на этотъ не справедливый позоръ, который всегда запираетъ мнѣ входъ и отчуждаетъ меня отъ свѣта.»

«Для чего же вы не перемѣните вашей одежды?»

—«Когда бы на это послѣдовалъ Указъ: о! ни кто скорѣй бы меня его не исполнилъ; но самъ собою не смѣю, не могу.»

«Да для чего?»

—«У меня мать старуха и суевѣрна: перемѣня платье, я бы ее огорчилъ, а я лучше вынесу уничиженіе ста Христіянъ правовѣрныхъ, нежели допущу мать свою отъ меня уронить одну слезу.»

О! какое превосходное чувство! Скажи мнѣ, читатель-философъ, а я тебя спрошу на ушко, много ли нашей братьи Православныхъ такъ чувствуютъ и разсуждаютъ? Я забылъ въ ту минуту, что онъ Жидъ, вскочилъ ему на шею и расцѣловалъ его.

«Любите ли вы чтеніе?»

—«Очень! Я читалъ неоднократно вашъ Новый Завѣтъ. У меня онъ есть, и я хочу его перевесть на Еврейскій языкъ. За то вся моя братья почитаетъ меня атеистомъ, или еретикомъ.»

«Какъ вы не боитесь читать Евангелистовъ?»

—«А что жь такое! Развѣ это запрещенная переписка? (очень остро!) Рано, или поздно, насъ надобно насильно осчастливить. Мораль Евангельская превосходнѣе всего въ нравственномъ мірѣ. Я хочу съ ней ознакомить моихъ соотчичей, хочу, чтобъ они ее читали. Мы властны вѣрить, или нѣтъ, Евангелію, но вкушать изящное всегда пріятно. Пора сжечь нашъ Талмудъ, который не что иное, какъ книга, наполненная дурачествъ, обезобразившая совсѣмъ истинный законъ Моисеевъ. Пусть намъ оставятъ одни его книги въ неприкосновенномъ ихъ видѣ: его правила суть наилучшія для насъ.»

«Нравятся ли вамъ Христіане?»

—«Безъ нихъ намъ обойтись нельзя. Мы погибли бы въ Палестинѣ, естьли бы насъ туда услали. Когда у насъ празднуютъ шабашъ, мы не смѣемъ даже пожара домашняго потушить безъ пособія Христіанскаго: намъ ни за что не велятъ тогда приниматься, и въ этой глупой нѣгѣ мы бы въ несчастную минуту въ гробъ вселились.»

«За то у васъ въ этѣ дни гораздо свѣтлѣе!»

«Напротивъ: мы зажжемъ пропасть свѣчъ, это правда; а у васъ одна, или двѣ; но наши нагораютъ, мы ихъ не смѣемъ снять, и отъ того вѣчная темнота въ шабашѣ у Жида. Для чего не уничтожить всѣхъ этѣхъ глупостей? Народъ Еврейскій не посмѣетъ тому воспротивиться; а естьли кто изъ невѣждъ и покусился бы на то, пусть его ѣдетъ, куда знаетъ; какая польза отъ шалуновъ? Всѣ дурачества, какъ цѣпь, связываются между собою звеньями. Сорвите первое кольцо, подъ которымъ разумѣю Талмудъ, всѣ прочіе вздоры разсыплются сами собою, и этѣмъ только способомъ прервутся всѣ узы нашихъ глупыхъ предубѣжденій, отъ которыхъ мы столько бѣдствуемъ въ свѣтѣ. Когда отъ насъ приглашали депутатовъ, для участія въ образованіи нашего народа, старики послали глупцовъ, которые ни за что болѣе не стояли, какъ за свою одежду, и снисходительное Правительство насъ оставило въ этомъ поганомъ нашемъ рубищѣ.»

Вотъ каковъ былъ сынъ Жида, нашего хозяина. Онъ много читалъ, обогатилъ память свою разными историческими произшествіями, и умѣетъ въ разговорѣ приложить познаніе свое къ стати, никогда не забывается, всегда скроменъ, вѣжливъ, не уступчивъ, когда торгуется, и счета не теряетъ. Я рѣдко видалъ подъ Еврейскимъ саваномъ такого воспитаннаго человѣка. Жаль, что суевѣріе его ближнихъ препятствуетъ ему открыть себѣ дорогу къ лучшему состоянію! Онъ горячо любитъ свой народъ, жарко защищаетъ его выгоды и, кажется, готовъ жизни лишиться, чтобъ только возспособствовать благоденствію своей собратіи.

И такъ мы дни съ три провёли въ Умани очень пріятно: утромъ шатались въ рядахъ и мотали, днемъ ѣзжали гулять въ Софіевку, а по вечерамъ, воротясь домой, толковали съ нашимъ молодымъ хозяиномъ. Хвала и честь родителямъ его, что они такъ пеклись объ его воспитаніи! Можетъ быть, далеко доведенное понятіе о сравнительномъ добрѣ прочихъ народовъ съ его племенемъ приготовитъ ему многія злоключенія въ свѣтѣ; ибо не всѣ еще его сотоварищи могутъ вмѣстить истинное просвѣщеніе и не расположены къ оному; но лучше, я такъ думаю, по крайней мѣрѣ, кончить вѣкъ непрочный, но пережить его въ наслажденіяхъ любомудрія и чувствительности, нежели очень глубоко состарѣться и умереть, не вкусивъ прямыхъ отрадъ ума и сердца въ жизни.

Естьли ты поѣдешь, читатель, въ Умань, смотрѣть на торжество натуры, въ Софіевку, то заверни поговорить съ Гуровичемъ, и вѣрно имъ будешь доволенъ.

ГЛАВА LIX.

Предисловіе къ описанію Софіевки.

Кто читалъ «Вѣстникъ Европы,» тотъ, конечно, кинулъ взоръ и на описаніе этого мѣста: оно помѣщено въ № 6-мъ. * Здѣсь, въ слѣдъ за симъ повторится. Кто не видалъ Софіевки, тотъ еще не имѣетъ полнаго понятія о томъ, что можетъ искуство на природу. Камни, вода—вотъ здѣсь все ея сокровище. Потоцкій купилъ эту усадьбу у своего вассала и, какъ слышалъ я, только за 300 руб. серебромъ; но оцѣнить, чего она стоила въ отдѣлкѣ, ни какой бухгалтеръ не будетъ въ состояніи. Онъ самъ, сказываютъ, никогда не сматривалъ своихъ счетовъ и не любилъ, чтобъ спрашивали его, чего ему стоитъ Софіевка.

---

* 1811 года, стр. 123, въ переводѣ съ Французскаго Поспѣлова. Подъ описаніемъ выставлена подпись: «К. И. М. Д—ій (Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій.» О. Б.

Милліоны сыпалися на камни безъ расчету,
И въ ужасахъ скалы воздвигнутъ храмъ Эроту.

Жалѣлъ я о томъ, что многихъ надписей Польскихъ на усыпанныхъ по саду памятникахъ не понималъ.

Эта прогулка въ двухъ верстахъ отъ Умани. Странно, что вельможа ни чего не успѣлъ для жилища построить: негдѣ пріютиться, а жить подавно нѣтъ средства. И такъ одинъ садъ, и не весьма пространный, не подаетъ издали ни какой надежды, чтобъ въ немъ была какая ни будь прелесть. Войдешь,—и не вышелъ бы вѣчно: все прекрасно, превосходно, божественно. Вездѣ видѣнъ геній вкуса. О! что можетъ быть равно во вселенной съ Софіевкой? Одинъ Едемъ, естьли онъ есть и на небѣ.

Не знаю, всѣмъ ли ее кажутъ во всей ея красотѣ и пышности. Предупредить надобно, что этотъ садъ не имѣетъ и половины своихъ прикрасъ, когда воды не шумятъ. При насъ всѣ фонтаны брызнули, каскады зашумѣли, смирные ручьи потекли, и всякая капля воды заиграла. Мы симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ обязаны были благосклонному письму Цесарскаго Консула, проживающаго въ Одессѣ. Онъ, по знакомству съ Графомъ Сенъ-При, далъ намъ открытую рекомендацію къ надзирателю садовъ Графа Потоцкаго, котораго хотя мы тутъ и не застали, но старшій подъ нимъ всѣ чудеса Софіевки намъ показалъ, и садовникъ съ отличнымъ снисхожденіемъ подчивалъ насъ плодами.

Оранжереи съ садомъ сравниться не могутъ: онѣ не велики и не богаты плодами и деревьями, совсѣмъ не отвѣчаютъ дикимъ каменьямъ, изъ коихъ каждый дороже въ обдѣлкѣ многихъ алмазовъ. Оранжерей такихъ, какъ въ Умани у Потоцкаго, много въ Россіи; Софійки другой нѣтъ въ мірѣ; она стоитъ этой пословицы:

Кто хочетъ видѣть рай,
Въ Софійку поѣзжай.

Въ одну изъ моихъ тутъ прогулокъ, сидя противъ большой каскады, подъ навѣсомъ обширнаго камня, на лавочкѣ, занялся

я чтеніемъ домашнихъ писемъ, которыя, садясь въ коляску, въ городѣ получилъ. Я въ нихъ углубился и забылъ на минуту развернутую предо мной картину. Что милѣе свычки? Родные мои, дѣти, друзья, скучали о моей съ ними разлукѣ. О! естьли бъ вы видѣли, милые обыватели моего сердца, гдѣ я, что вижу, чѣмъ наслаждаюсь: какъ бы (восклицалъ я къ нимъ мысленно) потужили вы, что васъ здѣсь нѣтъ со мной! Вы воображаете меня въ дорожныхъ безпокойствахъ, въ пыли, въ усталости несносной. Какая разница! Я живу въ прекраснѣйшей природѣ, вкушаю дары Творца непостижимаго въ дѣлѣ рукъ своихъ; вижу торжество естества и любуюсь чѣмъ ни будь на каждомъ шагѣ: повѣрьте, что жить для васъ и съ вами есть одно счастіе, съ которымъ Софіевка теряетъ равновѣсіе. Впрочемъ, чему не предпочту сихъ селеній райскихъ?

Описаніе Софіевки слѣдуетъ за симъ на обоихъ языкахъ; я имъ занимался въ деревнѣ, у сестры моей, на свободѣ, писалъ его по Французски, а напечаталъ переводъ его; я имъ доволенъ, но отнюдь не смѣю хвалиться живописью словесной: отдадимъ эту кисть ея Творцу на нашемъ языкѣ.

О рай земной! дерзну ль твои красы писать?
Державинъ пусть придетъ здѣсь списокъ съ неба снять.

SOPHEIKA.

Si vous voulez vous faire une juste idee de ce qu'on nomme vulgairement jardin d'Edem, champs Elysées, paradis; venez à Sopheika et admirez y un génie Créateur. Là, la nature et l'art ont confondu tous leurs moyens pour produire un chef d'oeuvre éclatant. Quelle belle harmonie dans l'ensemble miraculeux de leurs combinaisons! Riche d'une simplicité majestueuse, ce local efface tout souvenir d'Armide et de Babylone; rien n'est à comparer à ce qu'on y voit; tout séduit et tout enchante. Ne croyez pas, que ce soit un beau idéal ou romanesque, dont je veuille vous offrir la peinture; bien au contraire! c'est un de ces heureux résultats de l'industrie humaine, lesquels n'ont pas toujours réussi même à la providence, qui lorsqu'elle a travaillé toute seule s'est plu à négliger les attraits du luxe, et de la somptuosité.

Figurez-vous d'abord une chaîne de montagnes appuyée et soutenue par des rocs immenses, un tas de pierres accumulées sans ordre l'une sur l'autre, depuis la création du monde, et dont la moindre n'a pu être ni taillée ni dérangée sans le secours de la poudre à canon. Celle-ci comme vous savez, quand un habile ingénieur s'en sert, feroit sauter jusqu'au crâne de l'Olympe. Quelques sources, qui filtrent leurs eaux fraîches dans la cavité de ces mêmes rochers, qui les distillent; une centaine d'arbres isolés ça et là et que rien n'abrite contre le souffle du Nord. Tels sont ici les dons du ciel sur un terrain de trois à quatre verstes en diamètre. L'art toujours émule de la nature, jaloux de la surpasser, se mit en frais pour embellir ces horreurs; mais il lui falloit de l'or; sans lui tout périt dans la planète terraquée des hommes.

СОФІЕВКА.

Естьли вы хотите получить справедливое понятіе о томъ, что обыкновенно называютъ полями Елисейскими, земнымъ раемъ, придите въ Софіевку, и подивитесь въ ней генію Творческому. Тамъ природа и искуство, соединя всѣ силы свои, произвели превосходнѣйшее твореніе. Какое стройное согласіе въ чудномъ сліяніи ихъ взаимныхъ работъ! Величественная своею простотою Софіевка приводитъ въ забвеніе сады Армидины и Вавилонскіе; ни что не можетъ сравниться съ тѣмъ, что здѣсь видишь; все плѣняетъ и приводитъ въ восторгъ. Не думайте, однако жъ, чтобы я хотѣлъ представить вамъ красоту вымышленную! Садъ сей есть одно изъ счастливыхъ и непремѣнныхъ послѣдствій искуства человѣческаго, послѣдствій, кои не всегда заканчивало и самое Провидѣніе, которое когда трудится, то не обращаетъ вниманія на чары роскоши и пышности.

Представьте себѣ рядъ горъ, оперщихся на скалахъ ужасной величины и ими поддерживаемыхъ: громады камней, съ начала міра въ безпорядкѣ одинъ на другомъ лежащихъ, изъ которыхъ и самой меньшій безъ подрыва порохомъ не могъ бы быть ни разсѣченъ, ни съ мѣста сдвинутъ. Извѣстно, что порохъ, когда направляетъ его искусный инженеръ, можетъ силою своей потрясти и самые верхи Олимпа; представьте еще нѣсколько источниковъ, ліющихъ свѣтлыя воды свои въ разсѣлинахъ тѣхъ самыхъ утесовъ, изъ нѣдръ коихъ они выходятъ, и сотню разбросанныхъ деревъ, ни чѣмъ не защищаемыхъ отъ дуновеній Сѣвера. Таковы были здѣсь дары Неба, на пространствѣ трехъ, или четырехъ, верстъ. Искуство, всегдашній соперникъ природы, ревнуя превзойти ее, взялось сдѣлать прекрасными самые ея ужасы. Но что искуство безъ денегъ? Безъ нихъ все гибнетъ на земноводной людской планетѣ.

Arrive un millionaire, Grand de Pologne Pototzky. Un coup d'oeil juste le séduit et l'anime; une pluye d'or inonde ce roc aride et stérile, et bientôt la nature fatiguée d'un aussi long repos, tourmentée de produire, offre à la vue la végétation la plus belle et la plus rapide. Tout s'élance, se meut et se colore. Après quinze années d'un travail opiniâtre et dur, le propriétaire enfin lui même ne s'y retrouve plus; étonné dans son paradis, il ne sait si le Tout-puissant s'est donné la peine de débrouiller un nouveau cahos dans ses domaines, ou si las de créer l'Architecte du monde a arraché un morceau de son dôme azuré pour le lancer dans son jardin.

C'est là, que j'aurois desiré un Thomson, un Virgile, un Delille pour en éterniser une image fidèle. Essayons de vous en tracer quelques traits principaux. Prenez un fil pour ne pas vous y perdre et suivez-moi dans ce jardin plus magique cent fois, que celui des Hespérides.

À peine entré, qu'une Cascade vous frappe et vous étonne; elle est magnifique. Un torrent, dont on ne voit ni ne devine la source, s'élance avec la rapidité des éclairs du haut d'un roc sourcilleux, couvre d'écume comme de neige, un granit escarpé. Dans ses sinuosités admirables l'art a découpé des échelons tors, aigus, angulaires. Chaque gradin produit mille nouveaux jets d'eau. La vague se brise à tout moment, mugit et vient enfin crever à vos pieds; dès lors plus tranquille elle forme un lac transparent; vous voyez dans l'onde un tas de petits poissons, qui serpentent, se jouent aux rayons du soleil, sautent par dessus votre badine sans crainte et sans défiance, sûrs que vous n'en saurez attraper un seul. Au milieu de ce fluide condensé, une belle corbeille de porphyre, remplie de fleurs odoriférantes embaume l'air autour de vous des parfums les plus suaves. Un peu plus loin du sein d'une pierre gauchement enfoncée

Являетса Потоцкій, владѣлецъ милліоновъ, вельможа Польши. Первый взглядъ здѣсь его одушевляетъ. Золотый дождь упадаетъ на каменныя безплодныя горы, и природа, утомленная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, мучимая производить, открываетъ взору прекрасное и самое быстрое прозябеніе. Все прорастаетъ, движется и получаетъ цвѣтъ. Послѣ пятнатцати лѣтъ безпрерывной и трудной работы, владѣлецъ самъ наконецъ не узнаетъ болѣе сихъ мѣстъ. Удивляясь въ своемъ раѣ, онъ думаетъ: не взялъ ли Всемогущій на себя трудъ привести въ стройность хаосъ его владѣній, или Зиждатель міра, переставъ творить, отторгнулъ клочекъ небеснаго жилища и бросилъ его среди сада.

Сюда желалъ бы я привести Томсона, Виргилія, Делиля, чтобъ увѣковѣчить изображеніе Софіевки. Постараюсь обрисовать хотя главныя только черты ея. Возьмите нить, чтобъ не заблудиться, и слѣдуйте за мною въ этомъ саду, сто разъ болѣе волшебномъ, нежели Гесперидской.

Едва вошли, какъ взоръ вашъ пораженъ каскадою. Что ея величественнѣе? Потокъ, котораго источника нельзя ни видѣть, ни угадать, съ быстротою молніи низвергается съ верху высокой скалы и покрываетъ пѣною, какъ снѣгомъ, утесистой гранитъ. Въ его удивительныхъ крутизнахъ искуство высѣкло излучины, углы и повороты. На каждомъ уступѣ вода получаетъ тысячу новыхъ отпрысковъ; волна дробится ежевзглядно, шумитъ, реветъ и падаетъ у ногъ вашихъ. Здѣсь тише, тише, она образуетъ прозрачное озеро; въ немъ видите вы множество маленькихъ рыбъ; онѣ плаваютъ туда и сюда, ныряютъ на солнцѣ, прыгаютъ на поверхность безъ страха и безъ опасенія, зная, что вы ни одной изъ нихъ не тронете. Посреди сей затвердѣлой влаги, прекрасная порфировая корзина, наполненная душистыми цвѣтами, окуриваетъ вокругъ васъ воздухъ пріятнѣйшими благовоніями. Нѣсколько далѣе изъ камня съ лѣ-

dans le lit d'un étang et qu'on voudroit en arracher, une autre fontaine fait jaillir son eau à quatre ou cinq toises de hauteur et arrose un gazon frais qui borde son enceinte.

Osez escalader ce roc, arrêtez—vous sur un pont, vous y verrez la chûte de la première cascade, roulant ses eaux du plus loin qu'on puisse en apercevoir, la source prenant à chaque échelon de la montagne un nouvel essort. Ombragé à droite et à gauche par des saules pleureurs, qui semblent à l'envie vouloir se baigner dans son onde, elle semble être prête à submerger la galerie du pont qui vous soutient; mais bientôt comme si elle avoit craint de vous jeter une rosée indiscrète, elle va se cacher sous la digue, blanchit, travaille et enfante un nouveau torrent, qui fait culbute dans le bassin, auprès duquel vous admiriez un moment avant sa chute inconcevable. Un seul coup d'oeil embrasse à la fois toutes ces varietés pittoresques. Qui n'en seroit enthousiasmé? On verroit cette cascade avec le plus grand plaisir, même après s'être extasié sur la chûte du Rhin à Schaf-hause.

Avançons! vous voilà dans un caveau, dont la voute est masquée de verdure; l'issue n'en est pas à comprendre, le bruit, des vagues dans cette profonde obscurité vous fait pressentir le voisinage d'un moulin. Quelle est votre surprise, quand vous entrez dans un temple, dont le dôme soutenu par quatre colonnes de granit, tout d'une pièce, vous offre le plus doux asyle! Chacun vous voit, personne ne peut pénétrer jusqu'à vous, au dessus du temple une nouvelle cascade fidele à la loi de la gravité et cherchant à tomber quelque part, vient devant vous dérouler son rideau; vous croyez voir une gaze transparente; point du tout c'est de l'eau; elle seule garantit le sanctuaire des grâces et vous met à l'abri d'un abord indiscret; la mobilité continuelle de ce store ondoyant, les draperies variées à chaque clin d'oeil,

вой стороны неекладно вдавшагося въ прудъ, и который хотѣлось бы оттуда вырвать, бьетъ фонтанъ на четыре или на пять саженъ вверхъ и орошаетъ свѣжій лугъ, его остѣняющій.

Вы все смотрѣли съ низу, отважтесь теперь взойти на черепъ самаго утеса, и остановитесь на мосту; вы откроете тамъ начало перваго водопада; вамъ не видно ключей его, они бьютъ гораздо далѣе, и по крутизнѣ покатой горы получаютъ на каждомъ переломѣ новое усиліе. Съ обѣихъ сторонъ осѣняютъ его плакучія ветлы, которыя на перерывъ другъ передъ другомъ хотятъ, кажется, погрузиться въ волнахъ его. Они готовы уже затопить перилы, васъ охраняющія; но вдругъ, какъ будьто боясь омочить васъ своими брызгами, вода скрывается подъ плотину, клубится и прорвавшись составляетъ новый потокъ, низвергающійся съ бассейна, подлѣ котораго за минуту предъ этимъ вы удивлялись сильному той же воды стремленію. Одинъ взоръ вдругъ обнимаетъ всѣ эти живописныя прелести. Кто бы отказалъ имъ въ своемъ восхищеніи? На такое зрѣлище природы съ величайшимъ удовольствіемъ взглянули бы и тѣ, которые въ восторгѣ видали паденіе Рейна при Шафгаузенѣ.

Далѣе! вы вдругъ въ темной пещерѣ, которой сводъ заровненъ зеленью. То, что ожидаетъ васъ при выходѣ, непостижимо: шумъ волнъ, которой слышите вы среди этого глубокаго мрака, не инаго чего заставляетъ васъ ожидать, какъ приближенія къ плотинѣ; но сколь велико ваше удивленіе, когда, вмѣсто того, входите вы въ храмъ, котораго верхъ, подерживаемый четырьмя гранитными колоннами, высѣченными изъ одного камня, открываетъ вамъ пріятнѣйшее уединеніе. Всякой можетъ тутъ васъ видѣть, но никто къ вамъ проникнуть; надъ куполомъ новая каскада. слѣдуя законамъ тяготѣнія и стремясь куда ни будь упасть, развиваетъ предъ вами свой завѣсъ; вы думаете видѣть дымку—совсѣмъ нѣтъ; это вода: она одна охраняетъ это святилище Грацій и удалитъ отъ васъ приступъ нескром-

le murmure des flots, et cet élan rapide, qui aidé par les reflets du soleil donne à chaque goutte d'eau l'éclat du crystal ou du diamant; toute cette magie vous étonne et vous éblouit au point, que vous vous croyez transporté au troisième ciel. Quel réduit pour la volupté!

Vous n'êtes pas plutôt dehors, que vous perdez la trace, l'indice le plus léger de cet enchantement: vous voilà sur un sol uni émaillé des dons de Flore. Avancez, nouveau spectacle! dans un rocher de grosseur énorme ou la poudre à canon a du faire sentir toute sa force, on a pratiqué une grotte auguste et sombre. Cette masse de pierres, qu'à la voix de l'Eternel quelque athlète d'un bras nerveux aura lancé en tout sens, joints et resserrés par les siècles, ne fait plus qu'un seul bloc, dont le volume vous épouvante. Tous les meubles y sont excavés dans la pierre. Admirez dans le coin cette source d'eau vive, qui scintille par quatre ou cinq crevasses et vous désaltère en profusion. La nature n'en a pas été avare. Tout ce creux a été excavé dans le roc vif. Une caverne aussi menaçante repose sur une seule colonne elle est taillée d'une pierre; Hercule est venu la poser, sans doute c'est Atlas, qui soutient le monde et se courbe sous sa sphère. Vos yeux rencontrent plus d'un reposoir dessus, dessous, dans le rocher; je me suis assis moi même sur des banquettes, dont les pavillons ont été si artistement suspendus et l'illusion si frappante, qu'en vérité on a quelque raison de craindre en s'asseyant dessous, que quelque fragment de caillou ne se détache du rocher et ne vienne vous écraser dans la minute. C'est d'ici qu'une Radcliff épouvantée la première au clair de la lune, auroit donné au monde mille nouveaux sujets de terreur.

Allons plus loin sur la côte. Une chaloupe élégante et commode vous invite à vous promener par eau. Nous al-

напа. Безпрестанное движеніе водяна стора, перемѣняющійся каждый ми видъ его, шумъ потока и тотъ быстрый порывъ, который, вмѣстѣ съ отраже ніемъ солнечныхъ лучей въ каждой ка лѣ, производитъ блескъ кристалла и діаманта, всѣ этѣ очарованія изумлят васъ столько, что вы мните себя восх щенными до третьяго неба. Какое убѣ жище для сладострастія!

Вышедъ отсюда, тропинка, служи шая для васъ проводникомъ къ этом волшебному мѣсту, исчезаетъ: вы види те себя на открытомъ лугу, украшен номъ дарами флоры. Подойдите сюда новое зрѣлище! въ преогромной горѣ гдѣ порохъ, конечно, далъ почувствовал всю свою силу, выдѣланъ гротъ велич ственный и мрачный. Эта громада кам ня, которую по гласу Вѣчнаго какой ни будь атлетъ могучею своей рукою повергъ на землю, гдѣ вѣки еще болѣ связали и укрѣпили ее, образуетъ одн скалу, поражающую величиною своею. Всѣ украшенія въ гротѣ нарѣзаны на томъ же камнѣ. Не чудно ли видѣть, как в этомъ углу рѣзвый источникъ воды про бивается, сквозь пять, или шесть, рассе линъ; онъ съ избыткомъ можетъ уто лить вашу жажду, природа была здѣс не скупа. Вся эта пустота, изрыта въ каменной твердынѣ, и столь ужас ная пещера, держится на одномъ стол тѣмъ же кремнемъ округленномъ. Герку лесъ, никто больше, его тутъ поставилъ: эт атлантъ, поддерживающій міръ и изне могающій подъ его бременемъ. Межд тѣмъ взоръ вашъ находитъ въ разны мѣстахъ нѣсколько прилавокъ. Я сам садился на иныхъ, надъ коими навѣс столь искусно опущены и обвороже здѣсь такъ сильно, что по исти имѣешь причину бояться, не оторвал бы камень отъ горы и не расшибъ тебя въ одну минуту. Здѣсь, з какая ну будь Радклифъ первая свѣтѣ луны, испытавъ ужасъ ночи, ставила бы свѣту тысячу новыхъ пр метовъ страха.

Сверните въ сторону. Красивая покойная шлюбка ждетъ васъ для гулки по водѣ, на стеклянной ея пове

[illegible] dans la plage et cotoyons d'abord une isle déserte; deux avenues de peupliers superbes en dessinent le contour; au milieu c'est un petit monument, il vous rappelle le tombeau du citoyen de Genève! Qui peut lui refuser son tribut? Sa mémoire vous arrache un soupir, et deux trois larmes; puis votre pensée se livre toute entière à ses méditations mélancoliques; vous cherchez la trace d'un doux souvenir, seule ressource habituelle et triste d'un coeur, qui a joui, qui malgré soi palpite encore sous sa frêle enveloppe et s'accroche à l'illusion du sentiment. Soudain vous entendez du bruit; les rameurs quittent leurs rames; cela vous rend à vous même; la barque au gré du courant se jette avec vous dans un souterrain de cent toises de longueur recouvert de gazon. On n'y voit goutte, on se sent seulement bercé sur un corps fluide; sa fraîcheur à midi aide à la respiration. Vous ne savez, où vous allez, mais vous en avez déja assez ou pour démêler le prestige du danger et pour voguer sans crainte. Non, nous ne descendons pas dans les Enfers. Quelques lucarnes pratiquées d'en haut jettent un rayon de lumière dans cet aqueduc ténébreux pour servir de fanal au pilote. Quel moment pour l'amour chaste et discret! A l'aide de cette lueur pâle vous parvenez à une écluse, entrant dedans, deux portes cochères se ferment sur vous; tout à coup le canal disparoit; on fait jouer les machines hydrauliques, qui remplissent le bassin d'eau; les flots soulevant la nacelle, elle monte et petit à petit se trouve au niveau du terrain. Vous en sortez tout émerveillé et vous vous promenez un peu sur une superbe pelouse, qui aboutit à un grand lac; ici ce n'est plus une chaloupe, c'est un bâtiment plus sûr et plus grand, qui est à votre service. Grand mât, mât de misaine, cordages, voiles, ancres, on n'a rien négligé pour rendre l'illusion d'un vaisseau complette; imitons Vespuce, cherchons un nouveau monde. Vous verrez le grand réservoir, qui fournit l'eau à toutes ces fontaines et cascades, dont vous avez admiré le jeu, c'est là, que vous prenez la nature sur le fait, que se développe à vos yeux le grand secret

ности. Мы плывемъ мимо пустаго острова, два ряда прекрасныхъ тополей замыкаютъ окружность береговъ его, въ срединѣ небольшой памятникъ: онъ напоминаетъ вамъ гробницу гражданина Женевскаго. Кто откажетъ въ дани ему должной? память его вырвала вздохъ; за нимъ у васъ катятся слезы; мысль ваша предается вполнѣ печальной своей думѣ. Вы ищете слѣда пріятныхъ воспоминаній: единственное и обыкновенное прибѣжище увлеченнаго сердца, которое нѣкогда наслаждалось, которое противъ воли своей трепещетъ еще подъ бренною своею оболочкою и прилѣпляется къ обольщенію чувства! Вдругъ слышенъ шумъ: гребцы бросаютъ весла; это приводитъ васъ въ себя. Шлюбка по теченію воды несетъ васъ въ подземной проводъ саженъ во сто длины и сверху закрытый лугамъ; въ немъ ни чего не видно, чувствуешь только, что зыблешься на влажной стихіи, которой прохлада въ полдень способствуетъ дыханію. Вы не знаете, гдѣ вы, но довольно уже видѣли, чтобъ не подозрѣвать тутъ ни какой опасности и плыть безъ боязни. Нѣтъ, мы не въ царство тѣней опускаемся; нѣсколько отверстій, сдѣланныхъ въ сводѣ, бросаютъ блѣдные лучи свѣта въ этотъ мрачной водоводъ, чтобъ служить маякомъ для кормщика. О какая минута для любви скромной и непорочной! При этомъ слабомъ озареніи вы достигаете шлюзъ; тутъ двое воротъ тихо опускаются. Приводятся въ движеніе машины, которыя наполняютъ бассейнъ водою. Волны подымаютъ лодку мало по малу выше, и она становится наровнѣ съ землею. Вы выходите изъ нея въ изумленіи, и прогуливаетесь нѣсколько по прекрасному лугу, который ведетъ къ озеру. Здѣсь не лодка уже, но строеніе, гораздо ея большее и безопаснѣйшее для васъ, готово. Мачты, снасти, парусы, якори, ни что не забыто, чтобъ обмануть васъ картиной корабля. Перейменъ у Веспуція, станемъ искать новаго міра. Вы увидите большое водохранилище, доставляющее воду для всѣхъ фонтановъ и каскада, которыхъ игрѣ вы удивлялись. Здѣсь-то находите вы натуру въ ея работѣ; глазамъ вашимъ открываются всѣ чудотворенія искуства

de l'art et le systême hydraulique au moyen duquel, dès le commencement de l'année, l'eau s'accumule dans des citernes, et donne au jardin son superflu nécessaire. La digue 'et les pompes sont ici tout ce qu'on connoît de plus achevé dans ce genre d'ouvrage. Mais nous avons assez vogué; abordons, il en est tems.

Entrons dans cette allée oblique, jonchée de fleurs à droite et enrichie à gauche de toutes les plantes exotiques, dont vous avez jamais lu la nomenclature. Quel mélange d'odeurs suaves et délicieuses! Quel air on y respire. Je vous amène à un banc de pierre, où il faut enfin vous asseoir. Vous voyez devant vous un bloc de granit, qui après 7 mille ans d'existence passive se prête au ciseau d'un artiste habile; et pour vous être utile, prend la forme d'une table; l'hospitalité toujours aimable la combla des trésors de Pomone; vous savourez des fruits exquis. Accoudé sur une colonne de marbre, vous flottez encore, d'idée dans cette série de toutes sortes d'extases, dont votre ame fut émue pendant la promenade et dont elle n'a pu suivre les gradations infinies. Un doux murmure à côté de vous éveille et vous fait appercevoir dans un bassin de porphyre un courant d'eau limpide; jamais vous n'en avez bu et n'en boirez d'aussi fraîche. Egale dans sa chûte et son mouvement elle tombe d'un robinet comme une glace de miroir et remplit son assiette. Un bel arbre à perruque s'incline au dessus d'elle et fait voute; il semble, que la nature l'a placé là exprès afin qu'ébranlée par un doux zéphir son feuillage rosé éloigne de là tout insecte vénéneux ou les moucherons, si incommodes dans les climats chauds. Ici vous vous délecterez, vous faites vos libations au dieu du plaisir. Fixez encore cette source bienfaisante ; la fontaine de Vaucluse n'est pas plus belle; celle de Salgire en Crimée n'est pas plus pure.

и опытъ системы гидравлической, посредствомъ которой сначала весны вода собирается въ водоемъ и доставляетъ саду необходимое ея излишество. Плотины и насосъ здѣсь суть совершеннѣйшія произведенія въ искуствѣ сего рода. Но довольно плавать; пристанемъ; пора.

Войдемъ теперь въ эту косвенную дорогу, съ обѣихъ сторонъ пестрѣющую цвѣтами и обогащенную чужеземными растеніями, какихъ только названія вамъ извѣстны. Какое смѣшеніе пріятнѣйшихъароматъ! Какой воздухъ для дыханія! Мы доходимъ до каменной скамьи, гдѣ наконецъ надобно присѣсть. Тутъ неподвижный гранитъ, который, послѣ семи тысячъ лѣтъ ни чѣмъ невозмущаемаго бытія, покорился рѣзцу искуснаго художника, и чтобъ быть вамъ полезнымъ, принялъ видъ стола. Гостепріимство, всегда любезное, обременяло его сокровищами Помоны, и вы наслаждаетесь прекраснѣйшими плодами. Опершись на мраморную колонну, вы переходите мысленно всю связь многоразличныхъ восторговъ, которыми душа ваша была тронута во время прогулки и которыхъ за безчисленными измѣненіями едва могла она слѣдовать. Тихое журчаніе васъ пробуждаетъ; его производитъ паденіе воды въ порфировой бассейнъ. Никогда не пили вы и никогда не будете пить столь свѣжей. Ровна въ своемъ движеніи, она упадая кажетъ видъ зеркальнаго стекла и потомъ наполняетъ свою лахань. Прекраснѣйшее дерево перютъ осѣняетъ ее и дѣлаетъ изъ листьевъ своихъ сводъ. Кажется, что природа нарочно здѣсь его возрастила, чтобы розовыя и пуховыя его вѣтви колеблемыя вѣяніемъ Зефира, отгоняли отсюда всѣхъ ядовитыхъ насѣкомыхъ и столь безпокойныхъ въ жаркомъ климатѣ. Здѣсь вы утоляете жажду свою, здѣсь совершаете изліяніе въ жертву богу удовольствій. Остановитесь еще на минуту у этихъ водъ благотворныхъ. Право, потокъ Петрарковъ въ Воклюзѣ не прекраснѣе, и не свѣтлѣе источникъ Салгира на полуостровѣ Крымскомъ.

Quittons pourtant puisqu'il le faut, la vie de ces lieux enchanteurs, produit d'une féerie sans exemple. Agenouillons nous devant le père des hommes et rendons grace à la Nature, qui a bien voulu nous donner ici le plus merveilleux spectacle. Heureux celui, dont le sort conduit ici les pas.

Наконецъ должно оставить эту волшебную страну. Преклонимъ колѣна предъ отцемъ земнородныхъ и дадимъ хвалу природѣ, приготовившей здѣсь зрѣлище толико чудесное. Счастливъ тотъ, коего стопы судьба сюда направитъ!

Voilà **Sopheika**! j'ai tâché de vous en décrire la mille millième partie peut être; suppléez y par votre imagination: vous n'avez pas à craindre d'excès; on ne sauroit exagérer, en traçant le portrait de ce jardin; moi, qui l'ai vu je sens toutes les défectuosités de mon tableau. Mais tous les chantres du vieux et du nouveau monde y seroient en défaut. Je ne vous parle plus de cette quantité prodigieuse de colonnes, statues, cariatides, vases et monuments symboliques, que le luxe a répandu par ci par là dans ce jardin. Celui, qui parmi ces derniers doit le plus arrêter votre attention, c'est une colonne à moitié brisée; elle base sur trois gradins de granit ombragée de deux jeunes tilleuls, qu'on a soin de ne pas laisser croître jusqu'à maturité d'âge et adossée à une muraille de gazon. Elle rappelloit au propriétaire un souvenir douloureux. Pototzky dépouillé de son faste ordinaire venoit pleurer ici la perte de deux jeunes enfans. Quel endroit touchant! j'ai cru y voir aussi absorbé dans mes rèveries les ombres de Marie et d'Héléne, douce illusion d'un coeur ulcéré de sa perte! Eugénie du haut du ciel ajoutoit au tableau qu'inventoit mon idée

Вотъ Софіевка! Я описалъ вамъ, можетъ быть, только тысячную частя ея. Дополните прочее вашимъ воображеніемъ, не опасаясь вдаться въ крайности. Изображая красоты ея, нельзя сказать ни чего лишняго. Я, который видѣлъ этотъ садъ, глядя на свою картину, я лучше прочихъ чувствую недостатки моей кисти; но ни одинъ бы изъ пѣвцовъ древняго и новаго міра не избѣжалъ ихъ. Не говорю уже вамъ о множествѣ пирамидъ, статуй, каріатидъ, вазъ и таинственныхъ памятниковъ, которые роскошь разбросала по всему саду. Между сими послѣдними болѣе всего должна привлекать ваше вниманіе не додѣланная колонна: она прислонена къ дерновой стѣнѣ; основаніемъ ей служатъ три дикаго камня уступа. Осѣняемый двумя молодыми липами, которымъ съ умыслу не даютъ достигнуть полнаго ихъ возвраста, обелискъ сей служитъ владѣльцу горестнымъ напоминаніемъ. Потоцкій, освобождась отъ пышности, его вездѣ окружавшей, приходилъ сюда грустить о потерѣ двухъ юныхъ дѣтей своихъ. Какое трогательное мѣсто! Погрузившись тутъ въ глубокую задумчивость, и я самъ, какъ мнѣ казалось, видѣлъ тѣни Маріи и Елены; сладостное обольщеніе сердца, потерею своею сокрушеннаго! Видъ Евгеніи, улыбающійся съ высоты небесъ, умножалъ унылость моего воображенія.

Il faut, qu'avant de partir vous aperceviez encore un léger filet d'eau; ce n'est qu'un puits creusé sous une voûte de pierre molle, on peut s'asseoir vis-à-vis sur une couchette dont le marbre, par une élasticité surnaturelle, semble avoir gardé l'empreinte incrustée du coude de quelque voyageur fatigué, qui étoit venu s'y reposer. Effet étonnant de

Прежде нежели выйдете отсюда, я васъ остановлю у небольшаго ключа воды: это не что иное, какъ колодязь, покрытый сводомъ изъ мягкаго камня; въ соотвѣствіе ему на мраморной скамьѣ сверхъестественною какою-то силою сохранился отпечатокъ руки одного странника, пришедшаго сюда отдохнуть; локоть его какъ будто вдав-

l'art, dont la recherche a été si ingénieuse! c'est ici, qu'on se rappelle de Pythagore et qu'on veut s'ecrier avec lui: Quoi! tout est sensible.

Encore un mot, il est indispensable; ne vous attendez pas à trouver dans ce jardin des buchers artificiels, kiosques, pagodes, chaumières et toutes ces frêles masures, dont on charge les palais de nos grands seigneurs et qu'un luxe mal entendu, pour mieux éblouir le vulgaire, qui ne veut qu'un éclat mesquin recouvre de clinquant, coquilles, vitrages et tant de misères semblables. Non, tout ici a été travaillé dans le grand genre; le créateur a versé de l'eau et jeté par terre des pierres énormes; la nature et le tems en ont façonné des montagnes. L'artiste aprés, mais bien tard est venu y poser ses chefs d'oeuvre. Ce n'est que marbre, granit et porphyre; tout y résiste au tems et au climat; rien n'est fragile et ne craint la vicissitude des saisons.

Pototzky, fils aîné du bonheur, enfant gâté de la fortune fut heureux d'en jouir. Je le suis davantage si mon récit vous a plu.

ленъ въ мраморъ. Удивительное дѣйствіе искуства и утонченнаго его вымысла. гляда на это вспомнишь Пиѳагора и вмѣстѣ съ нимъ скажешь: «Такъ! Все имѣетъ чувство.»

Еще одно слово: оно необходимо. Примѣтьте, что вы не нашли въ этомъ саду искуственныхъ стоговъ сѣна, костровъ, Китайскихъ и Индѣйскихъ домиковъ, хижинъ, поддѣльныхъ развалинъ, которыми наполнены сады нашихъ вельможъ и которые обманчивая роскошь, чтобъ лучше ослѣпить чернь, ищущую одного только пустаго блеска, украшаетъ мишурою, ракушками, стеклами и подобными бездѣлками. Нѣтъ, здѣсь все прямо великолѣпно. Творецъ пролилъ воду на землю, и бросилъ въ нее страшные камни; природа и время составили изъ нихъ горы; Послѣ, гораздо послѣ, пришелъ художникъ и разставилъ свои работы. Всюду здѣсь гранитъ, порфиръ и мраморъ; все въ состояніи противиться погодѣ и прихотямъ климата, все твердо и не боится перемѣны времени года.

Потоцкій, старшій сынъ фортуны, любимецъ счастія, блаженъ былъ здѣсь въ своихъ наслажденіяхъ: но я ему не позавидую, естьли мое описаніе вамъ понравилось.

ГЛАВА LX.

Отъѣздъ изъ Умани. Продолженіе пути.

29-го числа Іюля мы поѣхали изъ Умани; на силу добились лошадей: почту держатъ Евреи и по наряду возить не охотники; у нихъ ни шлей, ни хомутовъ, збруя негодная и все рвется. Ихъ надобно вездѣ остерегаться на пути, и на мѣстѣ у нихъ свой вѣсъ, мѣра и счетъ; они въ то употребляютъ остроту ума своего, чтобъ обмануть: не вѣрьте имъ ни въ чемъ!

Возвращаясь въ Звенигородку, мы обѣдали на томъ же мѣстѣ, гдѣ и прежде, т. е., въ Тальной, но послѣ Уманскихъ са-

довъ здѣшніе каменные утесы намъ уже не такъ прелестны казались. Въ Звенигородку мы довольно рано пріѣхали, и опять пристали у нашего балагура. Онъ увѣдомилъ насъ, что тутъ расположенъ новоформирующійся Уланскій полкъ изъ Татаръ, котораго я ни въ сборѣ, ни порознь, не видалъ. Городъ намъ показался сегодня въ самомъ торжественномъ видѣ: вездѣ иллюминація; подумать можно было, что у всякаго хозяина радостный пиръ; что жь? Это шабашъ: Жиды имѣютъ привычку въ своихъ корчмахъ съ навечерія Субботы все заготовлять къ завтрему такъ, чтобъ можно было уже ни руками, ни ногами не дѣйствовать, сидѣть, лѣниться и славить день Субботній, въ ожиданіи котораго вездѣ зажгутъ пропасть свѣчъ; свѣтъ въ комнатахъ превеликой, а хозяинъ лежитъ и ни за что не принимается.

Переночевавши въ этомъ мѣстечкѣ, мы поторопились ѣхать далѣе, имѣя въ предметѣ деревню сестры моей, куда намъ хотѣлось пріѣхать на ночлегъ. Дорога наша лежала на Ольшанку,* отъ Звенигородки 26-ть верстъ. Горъ много, однако ѣхали изрядно. Это селеніе большое. Оно принадлежитъ В. В. Енг. Тутъ господской домъ, двѣ богатыя мельницы и для Жидовъ построено, по обѣ стороны широкой улицы, множество домовъ; они еще пусты, но со временемъ, конечно, и здѣсь этотъ досужій и хитрый народъ расторгуется. Здѣсь намъ показалось рано обѣдать, и мы въ 12 часовъ поѣхали въ Корсунь. Какъ прекрасно воздержаніе наше было наказано! До Корсуня 32 версты: долго ли бы доѣхать? Но лошадей намъ въ Ольшанкѣ впрягли тощихъ: горы стали увеличиваться, и цѣпь ихъ далѣе сдѣлалась почти безпрерывной; послѣ полденъ усилился жаръ; лошади везли насъ по пескамъ шагомъ, а иногда вовсе становились, и я, для облегченія ихъ, версты по двѣ мѣстами шелъ пѣшкомъ.

Непріятные походы! Тутъ между многими забавными воспоминаніями, пришелъ мнѣ на мысль проектъ, однимъ пожилымъ градодержателемъ сочиненный, подъ названіемъ: «Объ учрежденіи конной почты по образу пѣшаго хожденія.» Я этотъ проектъ

* Ольшана. О. Б.

испытывалъ на самомъ дѣлѣ.. Естьли позволяется иногда сказа правду и не совсѣмъ льстивую, то можно ли обвинить того п тешественника, который сѣтуетъ и ропщетъ, когда, заплатя з подорожную пошлины впередъ, заплатя за лошадей всѣ прогон впередъ, принужденъ итти пѣшкомъ, по тому что лошади стал и думать, не смотря на то, что онъ по почтѣ ѣдетъ? Мы 32 ве сты ѣхали 6 часовъ, и пріѣхали обѣдать въ Корсунь въ 7 ча по полудни. Жаръ насъ истомилъ, а голодъ выучилъ вперед быть умнѣй и обѣда не откладывать.

По всему этому тракту виды прекраснѣйшіе; но они ме не веселили, по тому что я спѣшилъ къ сестрѣ, а почта, котор шла тише пѣшехода и, признаюсь, голодъ, все вмѣстѣ нанос мнѣ большую досаду.

Корсунь—мѣстечко, принадлежащее Князю Лопухину: о имѣетъ тутъ славный винокуренный заводъ, и селеніе большое, о нако ни путнаго ночлега, ни припасовъ съѣстныхъ хорошихъ от скать не можно. Евреевъ пропасть, да гдѣ ихъ нѣтъ? Камня дика громады. Натура та же, что и въ Умани, но, дѣйствуя здѣсь одн не произвела Софіевки. На большой дорогѣ черезъ рѣку, заде жанную вездѣ въ потокѣ своемъ каменьями, воздвигнутъ широк и прекрасный мостъ, но не помѣщикъ его строилъ: онъ имѣе только участіе въ общей складкѣ, которую для него собира со всего Уѣзда.

Исправникъ здѣшній, будучи знакомъ зятю, уже дожида нась здѣсь, чтобъ указать къ нимъ дорогу. Онъ съ нами отоб далъ на скорую руку, и мы, въ слѣдъ за нимъ, отправились. О считалъ отсюда до ихъ деревни 45 верстъ; мы очень скоро ѣ ли, дорога началась ровнѣе, но сколько я самъ себѣ ни дѣла насилій, не могъ до нея добраться. Скоро постигли насъ сум ки и сама ночь; темнота ея отъ тучъ еще сдѣлалась ужаснѣ молнія разсѣкала облака и гулъ отдаленнаго грома безпоко сердце. Хотя мѣсяцъ изъ за тучь иногда и показывалъ бѣл зракъ свой, но что въ его свѣтѣ, когда отражаемые имъ пр меты непріятны? Поля, пустыня, неизвѣстность разстоянія, пр селочная дорога, на которую мы еще засвѣтло съ большой св ротили, все это дѣйствовало на наши чувства.

Я началъ проситься на ночлегъ, какъ малое дитя послѣ школы рѣзвиться, но гдѣ пристать? Жилъ другихъ нѣтъ, кромѣ Жидовскихъ сараевъ, въ которыхъ гаду и свѣчъ много, а покою ни какого. Наконецъ въ 6 верстахъ отъ сестры увидѣли мы деревню. Какое счастіе! Она принадлежала Госпожѣ Турчаниновой, матери той самой, у которой мы гостили въ Одессѣ. Благодарность требовала отъ насъ, чтобъ мы къ ней заѣхали, а желаніе поскорѣй быть подъ крышкой, представило намъ эту обязанность въ самомъ большомъ видѣ, и мы рѣшились тутъ остановиться.

ГЛАВА LXI.

Пріѣздъ и пребываніе мое у зятя.

Съ какой радостью на завтра моего пріѣзда къ Госпожѣ Турчаниновой увидѣлъ я въ своей комнатѣ Бедрина, стараго прикащика отца моего, который, бывъ отданъ сестрѣ моей при ея замужствѣ, пріѣхалъ отъ нея поздравить насъ съ пріѣздомъ въ ихъ край и привелъ лошадей насъ довезти до зятниной деревни. Старый слуга нашего дома, посѣдѣвшій отъ лѣтъ и всякихъ трудовъ, поклонился мнѣ, по старинному, до земли, ударилъ въ полъ челомъ и прочелъ длинную свою поздравительную проповѣдь. Я вспомнилъ, глядя на него, мое ребячество, забылъ неравенство состояній и обнялъ ветхаго служителя родительской моей семьи. Съ нимъ, къ умноженію моей радости, получилъ я и письма изъ Москвы. Тамъ адресовали ихъ сюда, зная, что я въ эту пору уже буду около сихъ мѣстъ. Все соединилось къ моему удовольствію. Содержаніе писемъ было сходно съ моимъ желаніемъ, всѣ у меня были здоровы: чего больше!

Но какъ согласить нетерпѣливость видѣться съ сестрой съ благопристойностію противъ хозяйки дома. Госпожа Турчанинова, воротясь домой, просила насъ у нея отобѣдать. Совѣстно было отказать послѣ всѣхъ одолженій, сдѣланныхъ намъ ея любезною дочерью въ Одессѣ; съ другой стороны и непріятно было

въ 6 верстахъ остановиться и показать такую безпечность на счетъ свиданія. Сестра и зять не могли по зву хозяйки нашей къ ней пріѣхать, по тому что, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ отъ Исправника, назвали всѣхъ своихъ сосѣдей къ себѣ въ тотъ же день для насъ въ гости. Надобно было пожертвовать пріязнію благодарности и мы остались обѣдать дома, и угощены были со всею ласковостію старинныхъ людей: нынѣ чиновъ больше, а пріязни ни чего!

Помѣстье Госпожи Турчаниновой прекрасно. Она имѣетъ домъ изрядной величины и на хорошемъ мѣстѣ; видъ изъ ея саду пріятенъ: отсюда разглядѣть уже можно дачи зятя моего и его мельницы. Здѣсь церковь и маленькія ярмарки бываютъ, а гдѣ ярмарки, тамъ и Жидовъ какъ мухъ.

Отобѣдавши, посвѣшили мы къ сестрѣ, а хозяйка наша насъ туда же проводила. На границѣ ихъ земель встрѣтилъ насъ племянникъ мой съ няней своей—милой ребенокъ! Онъ на силу держалъ превеликой хлѣбъ съ солью, и поднесъ намъ, сказавши: «Я обыватель здѣшній.» Мы взяли его къ себѣ въ коляску, посадили на колѣни. Жаръ былъ несносный. Дитя не умѣлъ понять, что около его дѣлается; все было для него ново: въ три года отъ роду что не удивляетъ человѣка! Отъѣхали съ версту еще, и родные мои уже прижимали меня къ своему сердцу. Слезы, смѣхъ, радость, все смѣшалось, и ни кто не умѣлъ разобрать ни чувствъ своихъ, ни мыслей. Всѣ мы бѣгали, суетились, вопросъ за вопросомъ: намъ въ одну минуту хотѣлось другъ другу все то разсказать, что мы, нѣсколько лѣтъ не видавшись, видѣли, слышали, испытали. Какое множество происшествій разныхъ мы вспомнили и опять постарались спрятать подалѣе въ памяти: сколько потерь и вознагражденій! Сестра обнимала жену мою, я зятя, и мы долго не могли прійти въ себя; между тѣмъ, какъ Миша уже спокойно, принявшись за свою игрушку, спускалъ волчка и говорилъ нянѣ: «Посмотри!» Сосѣди зятнины занимались нашими путешественниками и ознакомливались съ ними, а мнѣ было не до нихъ.

Войдя въ гостиную и увидя въ ней портреты моего отца, матери, первой жены, всѣхъ родныхъ моихъ, я не буду изъ

сказать, что я почувствовалъ: это выше всякаго выраженія. Я въ чужой сторонѣ, за тысячу слишкомъ верстъ отъ своей, находилъ домъ свой и свою родину. Черты людей, вѣчно въ памяти моей поселившіяся, мнѣ представляли тѣ же покои, въ коихъ я живу обыкновенно дома, тѣ же тутъ видѣлъ лица и, казалось, живую на нихъ видѣлъ улыбку. Такъ! пріятно обольщаться и думать, что разлучившіеся съ нами по закону естества, не разлучны по закону любви и по связи животной въ природѣ. О! безподобное искуство живописи! Этѣми живыми впечатлѣніями, этой сущностью восторговъ нашихъ, даже и по смерти тѣхъ, кои намъ были милы, мы обязаны тебѣ, тебѣ единственно; ты питаешь нашу меланхолію и даешь чувство вещамъ неодушевленнымъ.

Я прожилъ здѣсь въ деревнѣ у зятя * отъ 1-го Августа до 5-го числа, и провелъ все это время въ неограниченной свободѣ

---

* О немъ вотъ что сказано сочинителемъ сего путешествія въ его «Капищѣ моего сердца.» — 20 Февраля. Василій Лаврентьевичъ Селецкій, зять мой родной, мужъ сестры моей, человѣкъ, обязавшій меня чрезвычайно много. Благороднѣйшій его поступокъ, который дѣлаетъ честь его характеру, состоитъ въ томъ, что онъ, полюбя сестру мою уже въ лѣтахъ, но не имѣя возможности на ней жениться, по тому что не былъ раздѣленъ съ матерью своей и не могъ доставить ей участи независимой, вдругъ скрылся изъ Москвы въ свою родину, Малороссію, и тамъ прожилъ лѣтъ двѣнадцать, не давалъ о себѣ ни какой вѣсти. Съ той же скоропостижностію, съ какой оставилъ онъ нашъ домъ, написалъ изъ Чернигова сестрѣ моей письмо, которымъ увѣдомляя, что онъ получилъ свое имѣніе, умножилъ его и можетъ доставить ей спокойное состояніе, возобновилъ исканіе руки ея. Сестрѣ было почти сорокъ лѣтъ: раздулся прежній огонь. Онъ пріѣхалъ немедленно въ Москву, женился на ней и повезъ въ свой край. Мы тамъ у нихъ были, видѣли ихъ житье, и сестра совершенно счастлива. Рѣдкой примѣръ вѣрности и благородства. Потомъ, какъ мать моя скончалась и я обязанъ былъ, по выданной сестрѣ родной, выдѣлить ей часть изъ имѣнья, Селецкой, отъ лица жены своей, поступилъ съ оной въ пользу дочерей моихъ, и, взявъ съ меня векселя, передалъ право полученія денегъ по онымъ тѣмъ дочерямъ моимъ. Какой родной и другъ нынѣшняго образованія поступитъ столь нѣжно и благодѣтельно? Я до гроба не забуду сихъ его одолженій, коими болѣе обязанъ прашлагь его, нежели родству, и по тому-то онъ и превосходенъ въ глазахъ моихъ; ибо здѣсь побудительной причиной былъ не случай, не пристрастіе, по пословицѣ старинной: «Свой своему по неволѣ другъ,» а характеръ, готовой на все благородное, возвышенное и доброе. Въ сіе число (20-го Февраля) родила сестра сына. Онъ одинъ у нихъ и есть. Дай Богъ, чтобы онъ былъ имъ въ радость!» В. Л. Селецкій умеръ 1831 года. О. Б.

и упражненіяхъ прямо пріятныхъ для сердца. Здѣсь я вставалъ и ложился спать, когда хотѣлъ, бѣгалъ, читалъ, писалъ, рѣзвился, и все по произволу, безъ роскоши и безъ принужденія: какъ Царь въ своемъ дворцѣ, я приготовлялъ себѣ забавы; здѣсь я писалъ мою Софіевку, и заочно еще восхищался ея райскими прелестями; здѣсь я ко всѣмъ моимъ роднымъ писалъ о себѣ, о нашемъ путешествіи, бесѣдовалъ съ друзьями и занимался уже заранѣе тою радостью, которую они, увидѣвши меня, почувствуютъ; или, оставя перо, бумагу, забывъ и умъ и сердце, машинально съ Мишеіі * кубари каталъ и смѣялся съ нимъ въ запуски, когда волчекъ засвищетъ.

Временемъ мы ѣзжали по сосѣдямъ ихъ, а по вечерамъ, сидя дома, говаривали о всякой старинкѣ: тотъ свое вспомнитъ, другой свое. Подъ кровомъ чистаго неба, въ ясную погоду, на лавкѣ у воротъ дома, иногда любовались на хороводы, иногда на возвратъ съ поля тучныхъ овецъ и коровъ: все въ полѣ лѣтомъ занимательно, все прекрасно. День великъ, а не увидишь, какъ пройдетъ въ обществѣ пріятномъ и непринужденномъ.

Въ первый день пріѣзда нашего зять мой велѣлъ пошарить у себя въ погребѣ, и такимъ прекраснымъ подпоилъ насъ Венгерскимъ, что я на силу нашелъ дверь къ себѣ въ спальню. Скажемъ къ извиненію сего семейственнаго пиршества, вмѣстѣ съ хорошимъ переводчикомъ затѣйливой Французской пѣсенки:

Вина употребленье
Самъ Богъ не запретилъ,
Зримъ Его въ томъ изволенье,
Что вино сладко сотворилъ.

---

* Михаилъ Васильевичъ Селецкій, единственный сынъ Василія Лаврентьевича, въ послѣдствіи служилъ въ Полтавѣ, и, будучи Надворнымъ Совѣтникомъ и Вице-Губернаторомъ, между прочимъ, съ 14-го Октября, 1843 года, исправлялъ должность Полтавскаго Гражданскаго Губернатора послѣ Д. С. С. Александра Егоровича Аверкіева, до Іюня 1845 года, когда былъ назначенъ

ГЛАВА LXII.

Мѣстоположеніе. Сосѣдство. Здѣшнее хозяйство.

Деревня Селецкихъ называется Ковали. Церкви здѣсь нѣтъ, ярмарокъ также, а по тому и Жиды не такъ часто бродятъ. Приходъ ихъ въ 4 верстахъ отсюда. Зять отстроиваетъ большой и прекрасный домъ, однако со всякимъ хозяйствомъ и умѣренностію. Мы застали его отдѣланнымъ въ чернѣ: но они жили, и мы съ ними вмѣстѣ расположились, въ старомъ низенькомъ домикѣ, весьма помѣстительнымъ для ихъ семейства: комнаты не высоки, но теплы, крышка соломенная.

Мѣстоположеніе прекрасное Садъ разбитъ въ ущелинахъ и оврагахъ; горъ пропасть, и я, какъ вепрь, прыгалъ поминутно съ холма на другой. Со временемъ здѣсь красотъ будетъ много, и тѣ, кои любятъ, что называется pittoresque, найдутъ въ прогулкахъ своихъ большое удовольствіе.

Зять—искусный хлѣбопашецъ; у него не одинъ садъ въ предметѣ: онъ мастеръ обработывать поля свои; объѣзжая ихъ вмѣстѣ съ нимъ, я дивился его дѣятельности и предусмотрѣнію; ни одно зерно не пропадаетъ: все обдумано, сбережено, приказано; за то какія огромныя у него скирды хлѣба поставлены! Какъ весело смотрѣть на этѣ кучи богатыхъ сноповъ, которые сама натура золотомъ покрыла! Зимой все это обратится въ горѣлки; горѣлка даетъ деньги, а на деньги, когда ихъ много, покупай, что изволишь!

Селецкій имѣетъ около 500 душъ, кои даютъ ему до 20 тысячъ доходу посредствомъ винокуренія: отнимите эту вѣтвь промышленности (говоря по модѣ) у здѣшнихъ обывателей, они обнищаютъ и не получатъ ни чего, по тому что съ хлѣбомъ некуда будетъ дѣваться: здѣшніе шинки многихъ обогатили.

Губернаторы Д. С. С. Николай Ильичъ Озноблишинъ. Теперь Михаилъ Васильевичъ въ отставкѣ Д. С. С. и живетъ въ своемъ помѣстьѣ, Коваляхъ. О. Б.

Когда этотъ край былъ присоединенъ къ Россіи, то Князь Понятовскій, имѣвшій здѣсь до 40 тысячъ душъ, знатную часть владѣній своихъ распродалъ. Многіе поспѣшили покупать здѣшнія земли, населенныя Хохлами, которыми вся эта страна наполнена, по тому что она отъ самой древности составляла одну область съ Малороссіей и отнюдь не болѣе принадлежала Польшѣ, нежели намъ. Тогда душа продавалась по 80 и 70 руб., а нынѣ ни кто не возметъ и по 250 руб.; ибо узнали, какъ они доходны и какъ велику пользу приносятъ. Безъ труда же, извѣстно, что нигдѣ нѣтъ ни чего.

По многимъ селеніямъ ярмарки, т. е., торговые съѣзды еженедѣльно, хлѣба у всякаго помѣщика пропасть, мельницы прекрасныя; Жиды разъѣзжаютъ съ товарами, продаютъ, мѣняютъ, обманываютъ; вездѣ ихъ встрѣтишь, такъ какъ въ нашей Россіи разнощиковъ, кои на возахъ по деревнямъ развозятъ всякую всячину.

Деревень правильныхъ и вытянутыхъ въ улицу здѣсь не найдешь; всякой строится, какъ вздумалъ. Усадьбы у крестьянъ обширны. Онѣ по большой части въ оврагахъ и строятся при подошвахъ горъ. Лѣсу у обывателей немного, однако на нужд есть. Рѣкъ проточныхъ мало, но ключей и родниковъ вездѣ много; помѣщики подпимаютъ плотины и роютъ пруды.

Хохолъ по природѣ, кажется, сотворенъ на то, чтобъ пахат землю, потѣть, горѣть на солнцѣ и весь свой вѣкъ жить с бронзовымъ лицомъ. Лучи солнца его смуглятъ до того, что он свѣтится ,какъ лакомъ покрытъ, и весь черепъ его изъ желта по зеленѣетъ; однако онъ о такомъ порабощенномъ состояніи т тужитъ: онъ не умѣетъ понять ни чего лучше. * Я съ ними гово рилъ. Онъ знаетъ плугъ, вола, скирдъ, горѣлку, и вотъ весь е лексиконъ. Естьли бы гдѣ Хохолъ пожаловался на свое состо ніе, то тамъ надобно искать причину его негодованія въ како либо жестокости хозяина, по тому что онъ охотно сноситъ вс

---

* Естественно, въ томъ незавидномъ положеніи, въ какомъ находился. О. Б.

кую судьбу и всякой трудъ, только нужно его погонять безпрестанно; ибо онъ очень лѣнивъ: на одной минутѣ пять разъ и волъ и онъ заснутъ и проснутся; такъ, по крайней мѣрѣ, я замѣтилъ его въ моихъ наблюденіяхъ, и, смѣю думать, что естьли бы весь этотъ народъ не былъ обязанъ помѣщикамъ добронравнымъ за ихъ къ себѣ доброхотство и уваженіе къ человѣчеству, то бы Хохла трудно было отдѣлить отъ Негра во всѣхъ отношеніяхъ: одинъ прѣетъ около сахару, другой около хлѣба. Дай Богъ здоровья и тѣмъ и другимъ!

ГЛАВА LXIII.

Каневъ. Монастырь.

Зять возилъ меня, за 9 верстъ отъ деревни, смотрѣть мѣстечко, называемое Каневъ. Мы много горъ переѣхали, и очутились въ близи Днѣпра, который тѣшитъ своими излучинами. Говоря согласно съ тамошними преданіями, я скажу вотъ что. Нѣкогда, и очень, очень давно, была тутъ складка всѣхъ Азіятскихъ товаровъ, кои отсюда развозились въ Польшу, Молдавію, Украйну, Малую и Великую Россію. Нынѣ Каневъ только безъуѣздный городокъ и принадлежитъ къ Богуславскому Уѣзду. Населенъ Жидами и Хохлами: есть нѣсколько и Шляхты, но мало. Во времена Польши тутъ было Староство, въ которомъ считалось отъ 12 до 14 тысячъ душъ. *

---

* Каневъ, при рѣкѣ Каневкѣ, впадающей въ Днѣпръ, упоминается уже въ XI-мъ столѣтіи; онъ одинъ изъ крайнихъ Русскихъ городовъ на югъ Кіева и Переяслава по Днѣпру, и по тому былъ не разъ мѣстомъ съѣзда Русскихъ Князей съ Половцами по разнымъ дѣламъ. Въ 1239 г. онъ былъ взятъ Батыемъ, и съ тѣхъ поръ сдѣлался было пребываніемъ Татарскихъ Баскаковъ, управлявшихъ оттуда окрестною страною. Во время Польскаго владѣнія онъ составлялъ Староство, изъ Старостъ коего въ послѣднее время выдается въ особенности Николай-Василій Потоцкій, извѣстный въ Заднѣпровьѣ своими забубенными похожденіями. О. Б.

Самаго городка я не видалъ, а ѣздилъ смотрѣть близъ лежащаго клостера или монастыря, который заслуживаетъ, по древности своей, особенное любопытство. Въ немъ старая церковь деревянная, а новую выстроили изъ кирпича, и уже освященіе ея при насъ назначено было къ 1-му Октября; думаю, что совершилось. Обѣ этѣ церкви, разумѣется, Уніятскаго Исповѣданія. * Во всякомъ храмѣ по два и по три престола на всѣ стороны безъ разбора. Въ деревянномъ иконостасъ былъ отдѣланъ по нашему, а въ каменномъ не было еще ни какого внутренняго убранства. Первоначально церковь эта основана тутъ въ 1145 году, и тогда поставленъ былъ въ ней престолъ Греческій; въ послѣдствіи времени, когда Поляки восхитили и присвоили себѣ всю по обѣ стороны Днѣпра Малороссію, храмъ этотъ превращенъ въ Уніятской.

До того времени правилъ монастыремъ симъ Архимандритъ Макарій, котораго нынѣ церковь наша чтитъ святымъ Чудотворцемъ Переяславскимъ, гдѣ и мощи его почиваютъ. Наконецъ храмъ сей со 160 лѣтъ былъ пустъ и забытъ; нынѣ возобновленъ тщаніемъ, и усердіемъ одного Русскаго Дворянина Г. Казаринова, который женился на Полячкѣ и здѣсь сдѣлался помѣщикомъ. Въ обители 6 монаховъ Базиліянскаго (Св. Василія) Ордена, т. е., Уніяты. Одинъ изъ нихъ ожидалъ себѣ скоро посвященія по ихъ въ Опаты (Аббаты), по нашему въ Архимандриты. Уже и Указъ объ немъ въ наше время полученъ былъ.

На церкви фронтонъ съ слѣдующею подписью: «Богу въ Святой Троицѣ Единому, Справедливому. Твоя отъ твоихъ Тебѣ приношу 1810.» Простое выраженіе благодарной твари предъ своимъ Создателемъ.

Монахи здѣсь не тунеядцы и лѣнтяги: они обучаютъ разнымъ языкамъ юношество и получаютъ за то жалованье. При костел

---

* А прежде были Православнаго. Въ этомъ монастырѣ похороненъ славный Малороссійскій Гетманъ, Иванъ Серпяга, въ народѣ извѣстный подъ именем Подковы, измѣннически убитый 1578 года въ Львовѣ. Въ Каневъ тѣло ег привесъ товарищъ и другъ его, Гетманъ Жахъ (или Шахъ), который тут же и постригся черезъ годъ въ монахи. Дорога, по которой везли мертва

выстроенъ каменный большой домъ, въ которомъ учреждены школы. Поляки отдаютъ сюда дѣтей своихъ учиться разнымъ наукамъ; это заведеніе подобно Академіи. Оно подъ главнымъ вѣдомствомъ Министерства Просвѣщенія и Католицкаго Духовнаго Правленія, а на мѣстѣ управляетъ въ подробности Митрополитъ Униятскій. Я не утаю примѣчанія, общаго между помѣщиками Русскими, что Поляки дѣтей своихъ не учатъ по Русски и, кажется, будто мѣстоначальники на это смотрятъ очень равнодушно. Мы ни кого изъ школьниковъ не видали: время было вакантное; всѣ по домамъ, а Настоятель на ту пору отлучился отъ монастыря въ городъ Каневъ. По правамъ Польскимъ, туда пріѣзжалъ въ этотъ день Повѣтовый Богуславскій Судъ учреждать конкурсъ надъ имѣніемъ одного Жида, объявившаго себя банкротомъ; а какъ онъ долженъ былъ и монастырю, то Архимандритъ выѣзжалъ въ Судъ защищать свое право; ибо и чернорizцы хотятъ жить, а для этого потребны деньги.

Мѣстоположеніе монастыря прекрасно: когда монахи селятся на худыхъ мѣстахъ? Вездѣ лучшія усадьбы подъ ними, отдадимъ имъ эту справедливость. Обитель на горѣ, въ низу ея, въ небольшомъ разстояніи, видѣнъ Днѣпръ, и я, глядя на его быстрыя

Серпягу до Канева, называлась долгое время Серпяжинымъ шляхомъ (трактомъ). О смерти этого Гетьмана упоминаютъ двѣ Малороссійскія думы:

1-ая:

«Охъ и сила, сила, сила, силу подолѣла,
Серпягови да у Львовѣ сподѣлась могила.»

2-ая:

«Ой зъ города изъ Полтавы выѣжжали Козаки,
Усѣхъ було три таборы, да всѣ три однаки.»

Въ послѣдней поется также:

«А въ городѣ у Каневѣ да й заголосили,
Що Серпягу у могилу тихо положили!»

См. Украинскія народныя пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. Москва, 1834, стр. 78—80. А о походѣ Серпяги по Черному морю см. Думу въ Сборникѣ Украинскихъ пѣсенъ, изд. тоже М. А. Максимовичемъ. Кіевъ, 1849, стр. 27—30. О. Б.

струи, мечталъ о Кіевѣ, о томъ препрославленномъ градѣ въ лѣтописяхъ нашихъ, куда стремились нетерпѣливо мой духъ и мысли.

Дачи въ окрестности сихъ мѣстъ вездѣ пріятныя; я ѣздилъ съ зятемъ къ сосѣду его, тому самому Казаринову, который украшаетъ Каневскую церковь, былъ имъ обласканъ чрезвычайно, и видѣлъ всѣ его заведенія. Садъ попечительною рукой разведенъ и воспитанъ: какъ онъ лелѣетъ каждое дерево! Какія возвышенныя тополы, какія стройныя раины осѣняютъ не богатый, но со вкусомъ прибранный, его домикъ! Онъ въ немъ живетъ просто, безъ чиновъ, гостямъ радъ безъ принужденія. Мы у него посидѣли часа съ два. Хлѣбопашество его въ цвѣтущемъ состояніи. Онъ богатъ, по тому что кажется доволенъ, и у него можно найти маленькой оттѣнокъ патріархальныхъ нравовъ.

Жена его изъ Полячекъ, барыня скромная, вѣжливая и любезная: ихъ ни что не раздѣляетъ, кромѣ Вѣры; все у нихъ за одно, но церкви разныя. Она Уніятка, а онъ—нашъ братъ Католикъ Греческаго Исповѣданія. Любя свою подругу, онъ для нея выстроилъ при домѣ маленькую Католицкую церковь: въ ней отправляется служба по Польски, а книги церковныя тѣ же, что и наши, да и на нашемъ языкѣ. Сколько я ни всматривался въ Унію, находилъ въ ней ядро Папистовъ подъ скорлупою Греко Восточной Церкви. Я ни какой смѣси не терплю: она хороша въ одной поварнѣ, а въ нравственности, наипаче же въ Религіи, Химія никуда не годится. Но что до этого? У Казаринова много пріятнаго и хорошаго; онъ добрый и ласковый панъ; такъ и спасибо ему, что полюбилъ насъ!

У зятя я находилъ себя ближе къ своему дому, ко своимъ пенатамъ; онъ окруженъ добрыми сосѣдями, и со всѣми ими меня ознакомилъ; ласки ихъ меня трогали, искренность привлекала: какъ не любить того, что любезно? Сверхъ того, сестра, живучи здѣсь постояннымъ образомъ, установила ходъ переписки своей съ нашими общими домашними и, получая отъ нихъ порядочно каждую недѣлю извѣстія, снабжала меня ими; и такъ я отвыкъ отъ антиподовъ и чувствовалъ, что приближаюсь по маленьку къ тому краю, гдѣ Богъ велѣлъ мнѣ родиться и первые лучи солнца увидѣть.

ГЛАВА LXIV.

Балъ у зятя, прощанье и отъѣздъ.

4 Августа зять мой бываетъ имянинникъ: достаточная причина для роскоши и мотовства; нашъ пріѣздъ увеличивалъ праздникъ; и такъ явились сюда всѣ сосѣди Польскіе, Малороссійскіе, Русскіе, привезли съ собой женъ и дѣтей: собраніе сдѣлалось большое; съ утра до вечера день прошелъ въ пляскѣ и удовольствіи. Сперва, какъ водится за обѣдами, хозяева начали пить здоровье гостей, а гости хозяйское. Вино развязываетъ языки и у самыхъ скромныхъ: пошли поговорки. На мою долю пришлось бокаловъ съ 10; отказъ не пріемлется. Какъ скоро сказано: «Въ ренцѣ!» надо бѣжать къ сигналу, брать бокалъ въ руки и осушивать его до дна. Поляки, не знаю, всѣ и вездѣ ли, по крайней мѣрѣ, здѣшніе, выпивъ чье ни будь здоровье, вызывали того, кому хотѣли передать рюмку, говоря: «Въ ренцѣ, панъ» такой-то! Слово «въ ренцѣ,» значитъ въ руки, слѣдовательно, вызванный на этотъ прекрасный поединокъ гость бѣжитъ къ тому, который зоветъ, и за нимъ дѣлаетъ тоже. «Въ ренцѣ» чаще всѣхъ словъ было у нихъ слышно. Замѣтить еще надобно, что Поляки иначе не называютъ другъ друга, какъ «панъ,» прибавляя его чинъ, или званіе, на пр.: панъ Хорунжій, или панъ Подкоморій, и такъ далѣе.*

Выпивши здоровье всѣхъ тетушекъ, матушекъ и бабушекъ, всѣ между собой застучали рюмками, не пустыми, однако, и кричали въ одинъ голосъ: «Виватъ! Кохаймось!» Это уже крайнее выраженіе согласія и любви. Всѣ стаканы чокъ, чокъ! а гости чмокъ, чмокъ! и радость во всѣ чувства полилась рѣкой. Славное Венгерское вино, какого, кромѣ Польши, нѣтъ нигдѣ, цѣльное, безъ обмана, вскружило всѣ умы, и въ честь Бахусу часть большая зятнинаго погреба осушилась. Простительно въ праздничный день, въ хорошей семьѣ, въ пріятной бесѣдѣ, забыть мѣру

---

* Съ Итальянскаго обычая. О. Б..

въ наслажденіяхъ. У пьяныхъ, какъ и у трезвыхъ, своя логика, умствованіе и вкусъ. Послѣ стола я говорилъ сосѣду:

По чести, можетъ ли что быть
Хмѣльныхъ пріятнѣе напитковъ?
Не надо золота мнѣ слитковъ,
Когда могу такой я пить.

Что думалъ тогда, то теперь написалъ: «In vino veritas.»

Молодымъ дѣвушкамъ хотѣлось поплясать: ихъ было доволь-но, молодцовъ также, а музыка готова. Начался балъ, и панъ Подкоморій въ Польскомъ своемъ платьѣ, подпоясанъ богатымъ кушакомъ, открылъ его своимъ отечественнымъ танцомъ. Что мо-жетъ быть прелестнѣе для глазъ въ искуствѣ Терпсихоры, как Польской, когда его водитъ Полякъ? Какіе изгибы во всѣхъ му-скулахъ, какой изворотъ въ ходьбѣ, какъ онъ рисуетъ путь свой, какъ прекрасно водитъ даму; на всякомъ переломѣ новое паде-ніе до ногъ; съ какою ловкостью Полякъ закидываетъ свои ру-кава назадъ, бросаетъ шапку подъ мышку и поглаживаетъ усы, какъ живъ у него взоръ, когда онъ танцуетъ: все его лице изъяс-няетъ его чувства! Нѣтъ ни чего любострастнѣе этого танца; и что можетъ быть усыпительнѣе его же, когда мы, по своему, по Русски, называя Польскимъ какой-то прескучный ходъ изъ угл въ уголъ по большой залѣ, шагаемъ просто, безъ снаровки с музыкой, тащимъ дѣвушку, которая бѣжитъ во весь духъ, ил дремлетъ, естьли передняя пара остановилась: тутъ нѣтъ ни каког выраженія, мертво. Я вспомню при этомъ шутку одного моег пріятеля, который, танцуя паръ въ сорокъ предлинный Польскі въ клубѣ и съ трудомъ продираясь сквозь кучу людей, говорил мнѣ: «Nous allons à la terre promise, мы шествуемъ въ обѣтован ную землю.»

Послѣ пана Подкоморія и панъ Совѣтникъ Казариновъ от дернулъ Польской. Потомъ начались Мазурка, Краковякъ и проч Польскія же пляски. Какъ мило отличались проворствомъ, иску ствомъ и прелестьми многія здѣшнія барышни! Какъ много дав ли чувствовать тоненькіе ихъ каблучки, когда они, избоченясь, им постукивали! Межъ ними нашелъ я родню свою, Княжну Долгоруку

она воспитывается у родной своей бабушки, Генеральши Бандеръ, которая изъ ближней своей деревни на это время пріѣхала къ сестрѣ и у нея погостила. Съ какимъ вниманіемъ и сердечнымъ удовольствіемъ она любовалась, глядя на свою внучку, а та обучилась иностраннымъ языкамъ съ прилежностью, мастерски говоритъ по Польски и вообще приготовлена воспитаніемъ своимъ къ счастію семейному. Веселый панъ Викуловскій, острая и пригожая пани Хорунжева, жена Хорунжаго, учувствовали безъ принужденія во всѣхъ нашихъ забавахъ. Всѣ играли, смѣялись, искали удовольствія, и находили его безъ хлопотъ и труда. Можно забыть мѣста, воды, прохладный источникъ, тѣнистый лѣсъ и всѣ красы природы; но гдѣ тотъ смертный равнодушный, который забудетъ пріязнь, искренность, ласку? Нѣтъ, я васъ не забуду, удостоившіе меня вашей ласки, новые мои соотчичи: всѣ вы въ мысляхъ моихъ и теперь!

Однако на всякомъ сраженіи бываютъ раненые: какъ безъ того? И здѣсь кого запалилъ Бахусовъ огонь, тотъ простывалъ на мягкой перинѣ; а коихъ стрѣлы Венерины пронзили, тѣ вздыхали ходя, сидя и лежа. Бѣдный мой Алексѣй до того допрыгалъ мазурку, что не зналъ, куда дѣвать свое сердце: оно подымалось у него, какъ волны морскія, «Ахъ, папинька! Естьли бъ вы знали, какъ мила моя Плезирушка!»—«Вѣрю, мой другъ: такіе припадки и меня схватывали часто. Умные люди считаютъ то время счастливымъ, когда отъ нихъ совсѣмъ вылѣчишься: что въ этомъ здоровьѣ? Съ нимъ жизнь хуже смерти:

О юноша любезный!
Дней красныхъ не теряй;
Сложи совѣтъ полезный—
И чувства разбирай!
Желать и наслаждаться,
Есть дѣйство естества;
Любить и восхищаться, —
Внушенье Божества.

Вотъ какъ мы проводили время у зятя, и отпраздновали его именины въ новомъ его домѣ, хотя и не совсѣмъ еще готовомъ; но лѣтомъ вездѣ крышка и покой. На завтра расположились

ѣхать къ Казаринову позавтракать, и отъ него въ путь. До Кіева намъ оставалось не съ большимъ 100 верстъ. Сестра и зять обѣщали и туда пріѣхать раздѣлить съ нами время; и такъ прощанья наше еще не рѣшительны, и мы, отдохнувши отъ имянинъ, разцѣловавши Мишу, поѣхали и хозяевъ съ собой увезли къ Казаринову.

ГЛАВА LXV.

Пиръ у Казаринова. Отъѣздъ и путь до Кіева.

Нашедши у Казаринова на завтра всю туже компанію, которая была на канунѣ у зятя, нетрудно было догадаться, что мы тутъ пробудемъ весь день и ночуемъ. Немного для сего потребно было убѣжденія: два слова съ пріязнію,—и мы остались. Возобновилась вечерняя потѣха, хозяинъ не пощадилъ своего погреба; полилось Венгерское, и самое превосходное. Какъ отказаться отъ рюмки хорошаго вина? А вторая, третья и такъ далѣе, тѣ сами текутъ въ душу. Немножко головѣ накладно, но ума съ друзьями не надо, были бы искренни чувства; а вино такъ очищаетъ сердце, какъ бѣлка облупитъ орѣхъ.

Мы пили, ѣли, играли, рѣзвились и всѣ были молоды: хозяева люди добрые, зажиточные и не скупы. Еще прогостили день съ родными, отдохнули, и по утру рано, 6 числа, простяс со всѣми на долго, естьли не навсегда, а съ родными еще только на недѣлю, скрылись отъ дальнихъ проводовъ, и на зятниныхъ лошадяхъ поѣхали въ Богуславль обѣдать.

Лошади рабочія и на силу насъ туда довезли: ѣхать скоро было нельзя, верстъ 40 слишкомъ, а дорога еще гориста и тяжела. Окрестности по пути хороши, много деревень разныхъ пановъ Польскихъ и вездѣ пропасть гусей: ни какой птицы так много не увидишь, и ни какихъ фруктовъ въ такомъ изобиліи не найдешь, какъ абрикосовъ: мы переставали даже находить вкус

въ нихъ. Вездѣ разныя хозяйственныя заведенія, огромныя скирды хлѣба, прекрасныя и очень частыя мельницы, также винокурни. Погоду мы имѣли сухую и самую жаркую

Городъ Богуславль* самъ по себѣ не завиденъ: онъ имѣетъ свой Уѣздъ; въ немъ есть и Городничій. Въ этотъ самый день, т. е., въ Преображенье, тутъ бываетъ ярмарка; но такъ какъ это былъ шабашъ, то Жиды не торговали, и отъ того она была очень пуста. Подъѣзжая къ городу, спуститься надобно въ долину, которая обросла дубнякомъ и очень хороша положеніемъ своимъ и тѣнью.

На счетъ Жидовъ мнѣ къ стати помѣстить пресмѣшное приключеніе. Лошади наши шли худо; меня безпокоило нетерпѣнье доѣхать до мѣста. Увидѣлъ я у Жидовской корчмы лошадей; Жиды выпрягли ихъ изъ повозки, пустили по лугу, а сами сѣли на лавки, сложили руки и, какъ мертвые, не дохнутъ: шабашъ!— Я къ нимъ подослалъ нанимать лошадей, чтобъ перемѣнить своихъ: еще оставалось до города бѣжать 10 верстъ. Нѣтъ, Жиды не согласились, самимъ надобно! «Да вѣдь, у васъ шабашъ, а къ завтрему воротятся.»—«Ни подъ какимъ видомъ.» Желая посмотрѣть, что отъ нихъ будетъ, естьли лошадей впрячь насильно, я послалъ ихъ переловить, опутать и привести. Жиды все это видѣли. Стали ихъ впрягать,—ни одинъ ни слова, какъ прикованы были къ лавкѣ. Мнѣ жаль стало ихъ дурачества, я лошадей ихъ отпустилъ и дотащился на своихъ. Вотъ каковъ шабашъ! Жида хоть зажали, онъ сгоритъ, и не тронется. Отъѣхавъ отъ Богуславля 30 верстъ съ небольшимъ, мы остановились ночевать въ имѣніи Графа Браницкаго; дорога сюда ровнѣе, горъ меньше, мѣстами степь, но корчмы Жидовскія очень часто настроены. Винцентовка— вотчина большая; о ней можно сказать, какъ о градѣ Ниневіи: «и скоти его мнози;» ибо стада огромныя, а сливокъ за червонной не достанешь: не продадутъ и не дадутъ. Прикащика не было дома, а жена его, женщина прегрубая, надѣлала намъ множество неучтивостей, и не только отказала въ порядочной квар-

* Богуславъ, съ 8-го Декабря, 1796 года, Уѣздный городъ, на рѣкѣ Росѣ. О. Б.

тирѣ на своемъ дворѣ, гдѣ бы мы, не стѣсняя ее, могли помѣститься; даже была такъ невѣжлива, что не хотѣла дать ни какого свѣдѣнія о разстояніяхъ и окрестностяхъ этого мѣста: во все путешествіе не случилось намъ встрѣтить другой такой грубіянки; прямая Горгона, и видомъ и нравомъ. Я въ тотъ день, читая какую-то книжку въ коляскѣ, нашелъ два стиха Латинскіе, которые очень идутъ къ ней и къ ея сестрамъ, бѣшенымъ бабамъ:

Aspidi quid pejus?—Tigris.
Quid tigride?—Demon.
Quid Demone?—Mulier.
Quid muliere?—Nihil.

Намъ хотѣлось съѣздить въ Бердичевъ, мѣсто въ здѣшней сторонѣ знаменитое, по его ярмаркѣ, монастырю и торговлѣ; это Польскій Парижъ. Естьли молодой человѣкъ, окончивъ воспитаніе, не былъ въ Бердичевѣ, то онъ сто процентовъ въ большомъ свѣтѣ теряетъ. Узнавши, что туда 100 верстъ крюку и что, в разсужденіи военнаго тракта, прогоны должно платить вдвое, я раздумалъ въ Бердичевъ ѣхать: жаль стало денегъ, а при томъ признаюсь, что очень спѣшилъ поскорѣй доѣхать до Кіева.

7 числа былъ Воскресный день. Какъ въ большомъ селеніи не быть большому храму и крупному благовѣсту? Я услышалъ звонъ и пошелъ къ обѣднѣ, но ея не было: иконостасъ весь выломанъ и дѣлается новой. Дьячекъ прочелъ Часы, а Попъ прочелъ на престолѣ Евангеліе того дня, вотъ и вся служба! Народ собралось много. Одинъ Хохолъ или Козакъ, вымѣнявши самую большую свѣчу, разсудилъ съ ней стоять во время службы. Один съ такою тягостью, онъ былъ очень примѣтенъ въ толпѣ прочих смиренныхъ овецъ. Я хотѣлъ узнать отличности такой причину спросилъ: «На что ты держишь такое бремя?»—«Такъ!» Мнѣ очен полюбился этотъ резонъ. Я прежде его вышелъ изъ церкви, не знаю, отдалъ ли онъ ее, или еще и теперь стоитъ съ нею в церкви.

День былъ вѣтренъ, дорога безпокойна, въ 20 верстахъ м[...] нали лошадей въ селеніи Проскуры; тутъ почтовый домъ дер[...]

вянный, обмазанъ; далѣе 20 верстъ селеніе Гребенки, * почтовый домъ по общему фасаду съ прочими Малороссійскими, каменный, выстроенъ отъ казны; здѣсь мы обѣдали, и еще проѣхавши 28 верстъ, увидѣли Васильковъ, и колебались, остаться тутъ, или нѣтъ; еще было рано; до Кіева отсюда только 33 версты; но устрашили насъ пески; сверхъ того, мы не хотѣли пріѣхать туда ночью, чтобъ не потерять перваго взгляда издали на Лавру. Услужливый Жидъ держитъ тутъ хорошій трактиръ; онъ обольстилъ насъ своею уклончивостью, зазвалъ къ себѣ, и мы, хотя уже съ тонкими ѣхали на богомолье карманами, однако склонились одинъ вечеръ въ жизни подарить Василькову, и расположились тутъ на ночлегъ.

Васильковъ прежде былъ пограничный городъ. Тутъ учрежденъ былъ карантинъ и таможенная застава; теперь въ немъ стоялъ какой-то пѣхотный баталіонъ, который оживотворялъ нѣсколько сей запустѣвшій городокъ. Въ немъ есть по немногу каменнаго строенія. Онъ разбросанъ по холмамъ и долинамъ, издали видъ его хорошъ; двѣ церкви каменныя, одна деревянная; я въ нихъ былъ: нѣтъ ни чего особенно примѣчательнаго. Соборъ на самой высокой точкѣ города, и отъ него видъ долу очень красивъ. За Васильковомъ, приближаясь къ Кіеву, мы опять въѣхали въ старую свою Россію и оставили бывшія за Польщею земли. **

Отъ Василькова до Кіева пески утомительны, на силу лошади насъ дотащили. Верстахъ въ 10 отъ города видна уже Лаврская колокольня, и я отъ радости затрепеталъ. Уже Богъ благословлялъ давнишнее мое намѣреніе, и я достигалъ главнаго предмета моего путешествія. Въѣхавши въ городъ, пустились, не заходя на квартиру, прямо въ Лавру: тамъ, изнуренныя трудомъ, молитвою и напастьми, почивали кости почтенной прародительницы моей, схимонахини Нектаріи. Сердце мое, приближась къ

---

* Гребенка. О. Б.

** Въ древности Василевъ, построенный Великимъ Княземъ Владиміромъ Святославичемъ; съ 1795 года Уѣздный городъ. О. Б.

мертвеннымъ ея остаткамъ, готово было выскочить; въ пыли въ поту, въ слезахъ, я воздѣлъ руки къ небу, воздалъ хвалу Богу, палъ ницъ на гробъ, толико знаменитый въ родѣ нашемъ онъ въ самыхъ вратахъ Лавры, накрытъ простой доскою безъ надписи: я угадалъ его по предчувствію, и вспомнилъ тутъ глаголъ Іякова, пробудившагося отъ сна своего на пути въ Харранъ «Страшно мѣсто сіе: нѣсть сіе, но домъ Божій, и сія врата небесная.» *

ГЛАВА LXVI.

О Княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой.

Гробъ схимонахини Нектаріи былъ главный предметъ моего путешествія и давнишняя цѣль моего желанія. Достигнувши его, начну тѣмъ, что сообщу публикѣ нѣкоторыя черты исторіи сей знаменитой Россіянки.

Родилась она 1714 года, Генваря 17 дня, и наречена при крещеніи Наталіей. Послѣ отца своего, Фельдмаршала Графа Бориса Петровича Шереметева, осталась она 4 лѣтъ, а послѣ матери 14, и сію эпоху она въ Запискахъ ** своихъ сама называетъ началомъ

---

* Быт. XXVIII, 17. О. Б.

** Записки этѣ первоначально напечатаны были въ журналѣ: «Другъ юношества,» издававшемся Максимомъ Невзоровымъ, 1810 года, въ Генварской книжкѣ, стр. 8—69, за тѣмъ въ: «Сказаніяхъ о родѣ Князей Долгорукихъ,» составленныхъ Княземъ Петромъ Владиміровичемъ Долгорукимъ. Спб.. 1840, стр. 128—156, но не вполнѣ и съ поновленіемъ слога; вполнѣ же, по подлиннику, принадлежащему семейству покойнаго Князя Дмитрія Ивановича Долгорукаго, правнука ея, а сына Князя Ивана Михайловича, изданы въ 1-мъ выпускѣ «Русскаго Архива» 1867 г., и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Памятныя записки Княгини Натальи Борисовны Долгорукой;» рукопись въ 4-ку, на 48 листахъ, въ старинной, тисненой черной кожѣ; коегдѣ на листахъ, на одной сторонѣ рукопись, а на другой изображенія благочестиваго и иносказательнаго значенія, сдѣ

всѣхъ своихъ бѣдъ. Въ 1730 году, Апрѣля 5, вышла она замужъ за дѣда моего роднаго, Князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго. Кто читалъ Россійскую Исторію, тотъ знаетъ, что онъ былъ ближайшій любимецъ Петра II-го. По кончинѣ сего порфироносцаго покровителя всѣхъ Долгорукихъ, перемѣнились обстоятельства нашего рода. Императрица Анна искала крови каждаго изъ нашихъ; Биронъ гналъ все наше племя. Дѣдъ мой сосланъ, и Княгиня Наталья Борисовна поѣхала съ нимъ въ Сибирь, на третій день послѣ вѣнца. Тамъ, въ Березовѣ, за крѣпкой стражей, прожили они, со всѣми ихъ родными, 8 лѣтъ; никуда, кромѣ церкви, ихъ не выпускали, да и Богу молились подъ карауломъ.

По прошествіи 8 лѣтъ, разлучили ее съ мужемъ, и вотъ какъ она сама о семъ изъясняется: «Отняли у меня жизнь мою, безпримѣрнаго моего милостиваго отца и мужа, съ кѣмъ я хотѣла свой вѣкъ окончить и въ тюрмѣ ему была товарищъ; эта черная изба, въ которой я съ нимъ жила, казалась мнѣ веселѣе Царскихъ палатъ, но попущеніемъ Божіимъ, за грѣхи мои, его лишилась.»

Въ 38 году дѣдъ мой заключенъ въ особливый покой. Сіи пытки новыхъ мученій начались Апрѣля 10 дня; приставленъ двоенный караулъ; не велѣно допускать къ нему жены. Любя его страстно, она изобрѣла одно средство видѣть его по одной минутѣ въ сутки тогда, какъ сама носила ему ѣсть; но и кушанье передавала ему не она, а часовой; такое страдательство продолжалось для нея до 4 Августа.

санныя тушью; въ началѣ раскрашенное изображеніе Св. Великомученицы Варвары, а въ концѣ приписка сына Княгини, Князя Михаила Ивановича, сына Ивана Михайловича, слѣдующаго содержанія: «Получилъ сію книгу изъ Кіева, по кончинѣ нещастной матери моей въ 1773 году, Января 17 дня, въ день ея рожденія.» Къ Запискамъ присоединено нѣсколько писемъ Княгини и эта статья объ ней внука ея, Князя Ивана Михайловича. Записки въ этомъ изданіи сопровождены многими подстрочными примѣчаніями. Кромѣ того, переводъ Записокъ изданъ по Французски Княземъ П. В. Долгорукимъ, въ Парижѣ, озаглавленный такъ: «Souvenirs de la princesse Natalie Borisovna Dolgoroukow, née comtesse Schérémétew.» О. Б.

Прискакалъ гвардіи Капитанъ съ командой, разорвалъ дву супруговъ; не далъ имъ проститься и увезъ дѣда моего въ Но городъ. Здѣсь опять дамъ говорить ей самой: «Я не знала, ч его уже нѣтъ; пришла къ той комнатѣ, вижу, что караулъ св денъ; и такъ спѣшно туда вошла,—его тутъ нѣтъ; мнѣ сказываютъ что его, де, увезли. Что я дѣлала? Кричала, билась, волосы себѣ драла. Кто ни попадетъ на встрѣчу, всѣмъ валялась въ ног прошу со слезами: «Помилуйте, когда вы Христіяне: дайте толь взглянуть на него и проститься!» Не было милосердаго человѣк кто бы словомъ меня утѣшилъ, а только взяли меня и посади въ темницу, и часоваго, примкнувши штыкъ, поставили.»

По разлукѣ съ мужемъ, оставшись въ Сибири съ двумя сыновьями, отцомъ моимъ и дядей, она тутъ жила еще годъ и 1(мѣсяцевъ. Какая мука для души нѣжной и чувствительной! Тогда мучить была система правленія. 1739 года, Ноября 8 дня дѣдъ мой казненъ въ Новѣгородѣ, а въ 40 году, по повелѣні кроткой Самодержицы, Елисаветы, бабка моя, съ малолѣтными сыновьями своими, изъ коихъ старшему, отцу моему, было 8 лѣтъ вывезена изъ Сибири въ Россію Іюня 17 дня, а въ Москву пріѣхала Октября 17.

И здѣсь не въ радостяхъ текли дни ея: сперва странствовала по чужимъ домамъ, со слезами и всякимъ трудомъ воспи тывала дѣтей своихъ, сносила нападки, тѣсноту, нужду и разны домашнія нестроенія. Богатый Лазарь (такъ назову брата ея ро наго, Графа Петра Борисовича), не рѣдко допускалъ отца моег ходить безъ обуви у него въ домѣ и просить сапоговъ у глупаго ег Библіотекаря, Воробьевскаго: да, такъ, это правда! На судѣ Бож емъ онъ истяжется съ нами, а здѣсь, по словамъ Царя Соломон «Кто съ богатымъ поборется и на сильнаго вознесетъ глаголъ?»

Для тѣхъ, кои захотятъ осужденіе мое почесть клеветой (н нѣтъ нечестиваго, который бы кому ни будь не сдѣлалъ ино да добра), для нихъ скажу два слова: Графъ Петръ Борисович остался наслѣдникомъ 60 тысячъ душъ не одинъ: у него было д брата и нѣсколько сестръ, въ томъ числѣ и бабка моя, о ко рѣчь идетъ; она выдана послѣ отца братомъ; слѣдовательно, ра

суждая о порядкѣ наслѣдства по настоящимъ временамъ, она имѣла право на 14 часть, которая составляла болѣе, нежели 500 душъ, ей братомъ почти Христа ради данныя изъ ругательства къ ея злосчастію; ибо, ѣхавши въ ссылку, она могла бы и тѣхъ не получить; подъ штыками въ Сибири апелляціи нѣтъ. Поворотимъ теперь въ другую сторону законъ наслѣдства и опредѣлимъ такъ. Все слѣдуетъ, по старымъ узаконеніямъ, старшему сыну, и тогда не Петръ Борисовъ, но Михаїло, у котораго были малолѣтныя дѣти, пустившія потомъ свое племя, имѣлъ право на все родительское достояніе. И такъ ясно, что Графъ Петръ Борисовичъ отнялъ все у безсильнаго и сдѣлался могучъ на чужихъ развалинахъ. Но обратимся къ небесному существу, къ схимонахинѣ Нектаріи. Наконецъ Княгиня Наталья Борисовна, женивъ отца моего, въ 1758 году, въ Мартѣ, прибыла въ Кіевъ, а Сентября 27 постриглась и приняла имя Нектаріи. Тутъ она посвятила всю себя Богу и въ уныніи взывала: «Кто дастъ главѣ моей воду и глазамъ моимъ слезы? Недостаетъ силъ ни плакать, ни вздыхать.» Но гдѣ уйдетъ человѣкъ отъ злоключеній? Бѣды въ горахъ, бѣды во градѣхъ, бѣды и въ пропастяхъ земныхъ. Въ 1767 году, Марта 18 дня, приняла схиму и въ умиленіи Христіанскомъ писала къ отцу моему: «Господь совершилъ всѣ мои намѣренія: сподобилась и схиму принять; теперь только осталось ожидать повелѣнія Господня, когда душѣ моей выйти изъ тѣла и стать предъ Судьей къ отвѣту.»

Но не у пріиде часъ кончины; еще житейскія бури волновали праведную ея душу: въ 1768 году, Генваря 30, лишилась она брата своего, Графа, Сергѣя Борисовича, о которомъ такъ изъясняется въ своей перепискѣ: «Скончался любезный мой братъ, отецъ и другъ, Графъ Сергѣй Борисовичъ.» Казалось, истощило небо всѣ свои удары. О! нѣтъ, еще остался одинъ, сильнѣйшій, и который отверзъ ей самой двери гроба. Скончался сынъ ея меньшій, Князь Дмитрій Ивановичъ: поврежденный умъ вселилъ его въ молодости сущей въ монастырь; тамъ, бывъ въ разныхъ трудахъ и послушаніяхъ, онъ долго хворалъ и не могъ ни чѣмъ исправить своего воображенія, умеръ наконецъ въ монашескомъ рубищѣ и погребенъ въ глазахъ матери своей, въ Лаврѣ. Что могло быть еще чувствительнѣе для нея сей послѣдней потери? Жизнь станови-

лась для нея тягостнѣйшимъ бременемъ; одна вѣчность могла представлять ей отрады. И въ самыхъ послѣднихъ дняхъ бытія своего Нектарія, испытавъ всѣ ужасы моровой язвы въ Кіевѣ, изливала кровью послѣднія свои жизненныя силы. Наконецъ, судьба тихой смертью праведныхъ прекратила біеніе утомленнаго ея сердца и перенесла ее въ одно мгновеніе изъ ада въ рай.

Въ Запискахъ ея, предъ кончиной, какъ думать надобно, оставленныхъ, видно слѣдующее увѣщаніе: «Оставшіе по смерти моей, пролейте слезы, вспомня мою бѣдственную жизнь; всякаго Христіанина прошу сказать, вспомня меня: «Слава Богу, что окончалась ея жизнь; не льются уже токи слезъ и не вздыхаетъ сердце ея!» Я васъ Богу вручаю; онъ васъ наградитъ за всѣ ваши успокоенія въ моемъ странствіи и усугубитъ вамъ небесныхъ и земныхъ благъ. Отецъ мой милосердый помилуетъ и доведетъ меня къ тихому пристанищу.»

Такъ умирала, такъ умерла, схимонахиня Нектарія, вдова Князя Долгорукаго, дочь Графа Шереметева. По собственному ея изволенію, тѣло ея погребено при самомъ входѣ въ Кіево-Печерскую Лавру, рядомъ съ гробомъ сына ея, котораго потеря растворила всѣ ея раны душевныя. Надъ сими остатками положены были, наровнѣ съ чугуннымъ поломъ, двѣ чугунныя же плиты съ надписями; но какъ шествовалъ чрезъ Кіевъ Государь Павелъ въ чужіе краи, тогдашній Митрополитъ Кіевской * разсудилъ приказать доски повернуть гладью вверхъ; причина этого не извѣстна. Съ тѣхъ поръ надгробныя доски такъ и остались; надписей не видно, всѣ черезъ нихъ ходятъ. ** И мнѣ, когда я подошелъ ко вратамъ собора, какое-то внутреннее предчувствіе сказало: «Пади! Это та, кого ты ищешь.»

---

* Гавріилъ Кременецкій. О. Б.

** Въ «Описаніи Кіевопечерской Лавры, Преосвященнаго Евгенія, Митрополита Кіевскаго, изданномъ въ Кіевѣ 1826 года,» въ «Прибавленіи,» на стр. 178 и 1… въ статьѣ: «Списокъ разныхъ надписей въ Кіевопечерской Лаврѣ, внутрь…

ГЛАВА LXVII.

Общій взглядъ на Кіевъ.

Кіевъ поставленъ на горахъ: подъ ними течетъ быстрый Днѣпръ и краситъ картину города. Нѣтъ ни чего пріятнѣе, какъ видъ изъ за рѣки отъ самыхъ Броварей; за 18 верстъ шпицъ колокольни Лаврской кинется вамъ въ глаза.

Мѣстоположеніе самой Лавры безподобно: ни чего я лучше не видывалъ. Владиміръ, какъ говорятъ многіе, маленькой рисунокъ Кіева: я на это согласенъ. Крѣпость и Печерскій монастырь стоятъ на срединѣ горы; тутъ земля, какъ будто уступая свято-

---

борной великой Успенской Церкви, и внѣ оной,» подъ № 25 и 26 сказано, именно № 25: «На преддверіи Великой Лаврской Успенской Соборной церкви, на двухъ чугунныхъ доскахъ, лежащихъ на землѣ одна подлѣ другой, вылиты слова съ надписью, на правой: «Подъ сей доской положено тѣло Княгини Наталіи Борисовны Долгоруковой, дочери Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, супруги Оберъ-Камергера Князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, которая родилась въ Лубнахъ въ 1714 году, Генваря 17 числа. въ супружество вступила въ 1730 году, Апрѣля 5, а овдовѣла въ 1739 году, Ноября 8 числа, постриглась въ монахини въ Кіево-Флоровскомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ 1758 году, Сентября 28, и наименована при постриженіи Нектаріа, и въ томъ имени приняла схиму въ 1767 году, Марта 18 числа, и поживе честно и богоугодно по чину своему, скончалась въ 1771 году, Іюля 3 дня.» На второй: «На семъ мѣстѣ погребенъ тѣломъ Князь Димитрій Ивановичъ Долгоруковъ, внукъ Генералъ-Фельдмаршала, Графа Бориса Петровича Шереметьева, сынъ Генералъ-Аншефа, Князя Ивана Алексѣевича, родился 1738 года, мѣсяца Октября, служилъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку отъ 1751 году по 1761 годъ, и за болѣзнію отставленъ съ рангомъ Армейскаго Порутчика; 1763 года, Іюня 26, пріѣхалъ въ Кіевъ, имѣлъ желаніе постригтися въ монахи Кіевопечерской Лавры, имѣлъ жительство на пещерахъ Преподобнаго Θеодосія по 1767 годъ, Апрѣля 8 день, потомъ, по обѣщанію, жилъ въ Кіево-Николаевскомъ Пустынномъ монастырѣ по 1769 годъ, гдѣ и заболѣлъ Апрѣля 24 дня, на Свѣтлой Недѣлѣ, въ Четвертокъ, и, будучи въ болѣзни, шесть разъ причащался Святыхъ Таинъ и Елеемъ Святымъ Соборомъ помазанъ, и на исходъ души Канонъ читанъ, и Маія въ 26 день, во Вторникъ по полудни, въ 5 часу въ 50 минутѣ, на канунѣ отданія Свѣтлаго Христова Воскресенія, въ вечерній благовѣстъ, отъиде съ сего свѣта, и 29 погребенъ Архимандритомъ той же Лавры, Зосимою

сти мѣста, дала впадину; отъ монастыря внизъ до Днѣпра тянется хребетъ горъ, и въ нихъ двѣ пещеры, ближняя и дальняя. При каждой есть каменный соборъ, и все это вмѣстѣ несказанно плѣняетъ взоръ.

Подъ всѣми этѣми горами, какъ будто изъ самаго Днѣпра, выходитъ пространный городокъ, наполненный монастырями, прекрасными зданіями, населенный множествомъ обитателей; тутъ рынки, торги, лавки, магазины, и это только часть Кіева, называющаяся Подолъ.

Колокольня Печерская огромна и высока, архитектуры нерегулярной, но для меня она меньше великолѣпна Ивановской въ Москвѣ, и не такъ красива, какъ Троицкая въ Лаврѣ.

Городъ дѣлится на три части: Старый Кіевъ, Печерская Сторона и Подолъ. Въ Старомъ Кіевѣ Соборъ * и Михайловскій монастырь, на Печерской сторонѣ крѣпость, построенная Петромъ Великимъ, и дворецъ, въ которомъ изволила ожидать весны въ 1787 году Екатерина II, на Подолѣ Братскій монастырь, и въ немъ Академія.

Вообще городъ великъ и хорошо устроенъ; онъ имѣетъ 1[illegible] верстъ длины и много домовъ со вкусомъ. Безпрестанно надобн[illegible] всходить, или сходить, съ горы; до сихъ поръ ихъ обработываютъ и углаживаютъ. Улицы не мощеныя. Недавно разломаны ворота, такъ называемыя, Золотыя, какъ и во Владимірѣ, для употребленія матеріяловъ съ большею пользою въ другомъ мѣстѣ. Трактировъ нѣсколько, модныхъ лавокъ болѣе 10, музыкальны[illegible]

Валкевичемъ, но душа его со Святыми да упокоится, и вся видящіи гробъ с[illegible] и чтущіи, поминая свою смерть, молитеся объ немъ, да водворитъ его Госпо[illegible] въ царствіи своемъ.» Говорятъ, Императрица Екатерина II, будучи въ Кіе[illegible] 1787 года, велѣла поставить рѣшетку вокругъ надгробной плиты Княгини. [illegible] нынѣшнее время могилы матери и сына означены боковыми надписями на ст[illegible]нахъ трапезы, справа и слѣва при входѣ въ Успенскую Соборную Лаврск[illegible] церковь. О. Б.

* Кіево-Софійскій. О. Б.

магазины и книжныя лавки; одна изъ нихъ съ надписью: «Cabinet de lecture.»

Дворецъ—строеніе огромное, залы большія и прекрасный садъ; въ немъ живетъ Военный Губернаторъ и часто даетъ роскошные праздники. Музыка почти ежедневно забавляетъ публику въ его саду, и онъ всегда наполненъ.

Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ великъ, но меньше Владимірскаго корпуса, также каменный съ колоннами и строенъ по новѣйшей архитектурѣ; для Губернатора Гражданскаго каменный же домъ построенъ отъ казны. Идучи отъ дворца къ монастырю, отдѣлываютъ бульваръ, и деревья при насъ садили.

Въ крѣпости Комендантъ, и для караула стоятъ въ Кіевѣ нѣсколько баталіоновъ пѣхоты.

Ремесленниковъ въ городѣ очень много; все нужное есть; въ каждомъ домѣ увидишь вывѣски три, четыре, разнаго мастерства: жить здѣсь въ свободѣ пріятно, я очень этому вѣрю; но по обязанностямъ службы, думаю, что очень тягостно, по тому что Губернія наполнена всякимъ народомъ: въ ней Полляки, Малороссы (Хохлы) и Россіяне; разность правъ, нравовъ и обычаевъ каждаго изъ нихъ наносятъ служащимъ большія хлопоты и затрудненія.

На Подолѣ выгорѣли ряды и строятся новые; между тѣмъ купцы торгуютъ по домамъ. Ни что такъ не удивляетъ, какъ магазинъ Губарева, у котораго вы найдете все, что можетъ обворожить самаго равнодушнаго къ прелестямъ роскоши скупца; все выписное: стекло, фарфоръ, золотыя вещи, бронзы; о мелочахъ уже и говорить нечего—сюрпризы, какихъ лучше нѣтъ и въ Москвѣ; все это завелось здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ сюда перенесены Контракты. * Это очень возвысило красоту города и воспособило его отстройкѣ.

---

* Контракты этѣ первоначально были въ Львовѣ, изъ котораго, по присоединеніи Галиціи къ Австріи, перешли, въ 1774 году, въ Дубно, а изъ него уже, по Указу 27-го Сентября, 1797 года, переведены въ Кіевъ. О. Б.

Домъ для Контрактовъ выстроенъ превеликой на Подо. на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда живали мои родители, ко они со мною, сущимъ младенцемъ, пріѣзжали видѣться съ Кня нею Натальей Борисовной; нынѣ этого мѣста и тотъ бы не узна кто здѣсь бывалъ послѣ ребячества. Всѣ знаютъ, что такое К тракты: они начинаются въ Генварѣ и продолжаются недѣли т Въ эту бѣшеную пору всѣ магазины и лавки опустошаются, раскупятъ. Поляки наѣзжаютъ кучами отвсюда для своихъ п дажъ, размѣновъ, арендъ и откуповъ. Изъ кармановъ ихъ пос плются кучи золота, и я видѣлъ такіе домы, которые невѣро ный даютъ хозяину доходъ, на примѣръ, домъ Г-на Спер., которомъ жилъ тамошній Прокуроръ, занимается уже нѣсколь лѣтъ сряду во время Контрактовъ какой-то Графинею Потоцкой, торая за двѣ недѣли найма платитъ до 4 тысячъ рублей; а до деревянной и далекъ отъ того, чтобъ быть очень обширны мнѣ самъ постоялецъ это сказывалъ.

На спросъ мой и съ нѣкоторымъ удивленіемъ: «Для ко такъ много вещей, прямо драгоцѣнныхъ и ломкихъ, выписывае въ свою лавку Губаревъ?» сидѣлецъ его мнѣ отвѣчалъ: «Ни чего останется: въ Контракты все раскупятъ Поляки;» а конечно, продажной цѣнѣ судя, которая и въ Кіевѣ нынѣ, благодаря щему стѣсненію торговли, на все поднялась страшнымъ образо конечно, Губаревъ имѣлъ тогда въ своемъ магазинѣ на нѣскол сотъ тысячъ товару.

Театръ хотя и есть въ Кіевѣ, и снаружи хорошъ и вел но, за недостаткомъ актеровъ, въ немъ игры нѣтъ. На одни ко Контракты наѣзжаетъ какое-то иноплеменное сборище с роховъ и что-то представляетъ; роскошь и мотовство болѣе, жели вкусъ къ театру, его наполняютъ.

Вотъ крупныя черты города. Кіевъ старъ, но древност не такъ видна, не такъ осязательна, какъ Новгородская. столѣтія на всякомъ церковномъ зданіи, на всякомъ шпицѣ локольни, явственно изображены и свидѣтельствуютъ дол менность того города; здѣсь все что-то новое, больше моды, ше старины.

Нигдѣ, однако, думаю, во всей Россіи, нѣтъ столько предметовъ, возбуждающихъ любопытство, какъ въ Кіевѣ. Я постепенно буду говорить о всемъ томъ, что меня занимало, и начну съ Печерской Лавры, но скажу напередъ, что мы, по особенному доброхотству Госпожи Турчаниновой, у которой гостили въ деревнѣ, заняли собственный ея въ Кіевѣ домъ. Онъ хорошо построенъ, прибранъ со вкусомъ, на лучшемъ самомъ мѣстѣ, противъ Лавры. Не проходило дня, чтобъ я, проснувшись, не устремилъ на нее первый мой взглядъ; не проходило ночи, чтобъ я не засыпалъ подъ томную и унылую гармонію Печерскаго звона. Прерывистый его благовѣстъ, рѣдкое ударенiе колокола и протяженный звукъ, все душу мою располагало къ меланхоліи. Хозяйка дома намъ дозволила занять всѣ его покои. Къ намъ подъѣхали сестра съ зятемъ, и мы препріятно провели еще здѣсь дней вмѣстѣ.

ГЛАВА LXVIII.

Кіево-Печерская Лавра.

Печерская Лавра есть первый предметъ любопытства въ ...ѣ; она внутри крѣпости. Кто здѣсь бывалъ, тотъ вѣрно имѣ..., или читалъ, книжку, въ которой помѣщено подробное описа... всѣхъ ея памятниковъ и красотъ. * Всякой на все глядитъ своими глазами. Описывая Лавру, я коснусь только того, что преимущественно заняло меня.

При самомъ входѣ въ ограду, по стѣнамъ написаны всѣ Свя..., въ Лаврѣ почивающіе. На одной сторонѣ Антоній, на дру... Ѳеодосій, знаменитые основатели пещеръ, держа въ рукахъ

---

* ...ное историческое описаніе Кіевопечерскія Лавры, соч. Митрополита Саму... (Миславскаго). Кіевъ, въ типографіи Академіи Кіевской, 1795, 98, 1801 ..., въ 8 д. л. О. Б.

икону Успенія Богородицы, предшествуютъ сонму избранныхъ Божіихъ и, кажется, идутъ въ срѣтеніе богомольцамъ, отвсюда въ Кіевъ приходящимъ. Я не говорю о живописи: она не хороша, однако дѣйствуетъ на воображеніе, и первый сей взглядъ уже располагаетъ душу вашу къ умиленію.

У вратъ церковныхъ представится вамъ также много наружной живописи и лѣпной работы. Всѣ стѣны въ краскахъ, а главы, коихъ нѣсколько разной величины, всѣ въ золотѣ, какъ огнемъ горятъ: преддверіе храма отмѣнно богато.

Въ самомъ соборномъ храмѣ вотще искалъ я того великолѣпія, какое мечталъ по славѣ сего мѣста въ Россіи. Архитектура старинная, но ни чего чрезвычайно величественнаго въ ней нѣтъ; богатства большаго, которое бы кинулось въ глаза, я вовсе не примѣтилъ, хотя, конечно, въ Успеньевъ день, во время обѣдни Лавра щеголяетъ всѣмъ тѣмъ, что только есть въ ней превосходнаго.

Монаховъ мало, или они лѣнивѣе, или, можетъ быть, безкорыстнѣе прочихъ извѣстныхъ обителей: въ иныхъ по два, по три, бѣгутъ за богомольцемъ, чтобъ убѣдить его отслужить молебенъ и получить что ни будь за то; а здѣсь на силу добьешься съ большими поклонами, чтобъ монахъ отправилъ службу: это случилось со мной. Обрядъ церковный установилъ поминовеніе надъ усопшими; я хотѣлъ отправить его надъ гробомъ моей бабки, и съ большимъ трудомъ склонилъ какого-то старичка удовлетворить моей просьбѣ: всѣ мимо меня шли, говоря: «Не время, не досугъ!», хотя еще къ обѣднямъ не было и приготовленія.

Хуже всего то, что въ самой церкви, позади столбовъ, в трапезѣ, сидитъ монахъ за столомъ, записываетъ подаяніе, ведетъ бухгалтерію и разсчитывается съ Православными въ копѣйкѣ, въ денежкѣ; весь этотъ порядокъ могъ бы быть соблюдаемъ внѣ храма, а не въ немъ: канцелярія въ церкви есть что-то отвратительное. А на паперти старички монахи продаютъ крестики и образа; народъ около ихъ шевелится: тотъ передалъ и проситъ сдачи, другой переплатилъ, монахъ ловитъ за платье; часто шумъ, брань, я чаю, и драка: какое безчинство!

Иконостасъ при насъ былъ выломанъ и отданъ въ починку; одинъ нижній рядъ иконъ оставался. Надъ Царскими дверьми есть образъ Успенія Богородицы, который спускаютъ внизъ, когда кто хочетъ прикладываться. Онъ очень хорошо убранъ Госпожею Опочининой. По примѣру Лавры, и во многихъ другихъ церквахъ въ Кіевѣ спускаются образа съ Царскихъ дверей. Мнѣ случилось спросить одну духовную особу: «Съ чего завели это въ Кіевѣ?» Умный монахъ отвѣчалъ мнѣ: «Все то, что удалено отъ прикосновенія человѣческаго, кажется ему священнѣе тѣхъ вещей, кои онъ всегда удобно осязать можетъ; особливо же сошествіе образа сверху внизъ поражаетъ сильно воображеніе простолюдиновъ.» Согласился я на эту причину, но проворчалъ ему тихонько и свою: «Если бы образъ лежалъ на налоѣ, всякая бѣдная старушка, сирота, или недужный, могъ бы дотащиться до него и поцѣловать икону; но когда ее надобно спустить, то напередъ слѣдуетъ попросить о томъ монаха, и за трудъ его потомъ дать денегъ, не такъ ли, святой отецъ?» Преподобный замолчалъ.

На правой сторонѣ церкви выставлена въ ракѣ, со многими частьми разныхъ мощей, глава Св. Князя Владиміра: рака бѣдна; я не могъ довольно пожалѣть о томъ. Уже ли, думалъ я, Владиміръ менѣе заслужилъ признательности Христіянской, чѣмъ Сергій у Троицы, Димитрій въ Ростовѣ? Не онъ ли начальникъ и основатель въ Россіи Вѣры Греческой? Не ему ли обязаны мы Боговдохновеннымъ нашимъ крещеніемъ? И какъ могла одна голова его отыскаться? Сомнѣнія нѣтъ, что онъ схороненъ въ Кіевѣ: когда голову его нашли, найденъ гробъ и весь человѣкъ: для чего же не вырыты изъ земли всѣ его остатки? Для чего не сдѣлано ему памятника, сообразно славѣ его и дѣяніямъ? * Такъ ли почитаютъ въ отечествѣ нашемъ мужа, вѣчной славы достойнаго? Кому приличнѣе во всѣхъ храмахъ воспѣть можно: «Вѣчная память!» какъ не Владиміру? Однако при всемъ томъ онъ разрушенъ; тѣло оставлено въ могилѣ, и гдѣ? Ни кто не знаетъ, не умѣетъ сказать, ни указать; ни кто не любопытствовалъ до нынѣ открыть его

* Извѣстно, однако, что памятникъ Владиміру имѣется нынѣ уже въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, новый, хотя, правда, не совсѣмъ соотвѣтствующій славѣ и дѣяніямъ его. О. Б.

гроба: одна глава наружи, и то въ ракѣ простой, ни чѣмъ не украшенной: и стыдно, и жалко!

Противу сихъ мощей выстроенъ гробъ Св Михаила Епископа, который, вмѣстѣ съ Владиміромъ, крестилъ Россіянъ. *

Сверхъ Соборной церкви множество придѣловъ, но, судя объ нихъ по описанію общему, нѣтъ ни чего отмѣнно любопытнаго, кромѣ двухъ, изъ которыхъ въ одномъ погребенъ Фельдмаршалъ Графъ Румянцевъ, въ другомъ Фельдмаршалъ Князь Прозоровскій.

Монументъ Графа Петра Александровича поставленъ не на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ лежитъ его тѣло: расположеніе церкви какъ-то помѣшало. Бюстъ его изъ бѣлаго мрамора изображаетъ грозный видъ постояннаго побѣдителя; онъ держитъ въ рукѣ булаву, подъ нимъ золотыми литерами: «Внемли, Россъ! Предъ тобою гробъ Задунайскаго.» Какая жалкая суета въ храмѣ Божьемъ и противъ алтаря! Задунайской весь здѣсь умеръ: предъ Богомъ нѣтъ Гетмановъ: всѣ раби Господни.

Надъ Прозоровскимъ еще нѣтъ ни какого памятника: подождемъ! Можетъ быть и онъ будетъ грозить небесамъ мечемъ булатнымъ.

Со входа въ Соборную церковь, на лѣвой сторонѣ, мраморный мавзолей надъ Княземъ Литовскимъ. ** Темнота тѣней, по тому что онъ вдался въ стѣну, представляетъ его въ ужасномъ видѣ

---

* Память его 30-го Сентября, а скончался 992 года. Онъ былъ родомъ Сиринъ, присланъ изъ Царьграда Великому Князю въ Корсунь; онъ погребенъ былъ въ Десятинной церкви, гдѣ мощи его въ послѣдствіи обрѣтены и перенесены въ началѣ XII столѣтія, въ Антоніевскую пещеру, а оттуда, въ 1730 году, въ Соборную Успенскую Лаврскую церковь. О. Б.

** То есть, надъ знаменитымъ Княземъ Константиномъ Ивановичемъ Острожскимъ, Гетманомъ Великаго Княжества Литовскаго, извѣстнымъ «защитникомъ Восточнаго Благочестія, многія церкви Божія, ради отроковъ училища, вторую Геѳсиманію Пресвятыя Богородицы Печерскія домъ, ущедрившимъ пребогатно, въ немъ же яко ктиторъ именитый по преставленіи своемъ, сподобися положенъ бытя 15.. года,» какъ сказано въ надписи золотыми буквами на гробѣ, поставленномъ въ сдѣланномъ изъ гипса монументѣ. О. Б.

онъ изображенъ изнемогающимъ на одрѣ смерти; одръ сей поддерживается тремя львами на огромномъ катафалкѣ. Трудно разглядѣть искуство художества, по тому что въ эту впадину свѣтъ дневный мало даетъ ударенія.

Въ Ризницѣ нѣтъ ни какихъ достопамятныхъ рѣдкостей, или отмѣнныхъ сокровищъ. Нельзя сравнить ее ни мало съ Троицкой. Хорошъ прикладъ Екатерины II-й : лампада золотая къ мощамъ Князя Владиміра, но она спрятана и, подъ предлогомъ боязни, чтобъ ее не украли, ее кажутъ въ ризницѣ тѣмъ посѣтителямъ, кои могутъ заплатить что ни будь за такое снисхожденіе, и все это отъ той же причины, отъ которой, какъ выше изъяснено, спускаются иконы сверху внизъ. Естьли бы лампада висѣла, ее всякой видѣлъ бы даромъ; но она заперта, и безъ денегъ ея не покажутъ. Другая причина также не болѣе извинительна: «Естьли, де, ее повѣсить передъ образъ, или мощи, она затускнетъ, замарается, чистка чаще.»—«Лѣнивый! Это твое дѣло.»—«Но оно, де, требуетъ труда.» И такъ, лучше спрятать? Между нѣкоторыми портретами видѣлъ я портретъ дяди моего, Князя Дмитрія Ивановича, въ весь ростъ; въ монашескомъ одѣяніи; со дня кончины его онъ тутъ сохранился; въ собраніи церковныхъ одеждъ кажутъ также любопытнымъ трои ризы, кои приложила Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, бабка моя, живши въ Кіевѣ. Она, конечно, не за тѣмъ дала ихъ въ Лавру, чтобъ ихъ показывали. Я прошу прощенія у всѣхъ духовныхъ властей; но для меня всегда казаться будетъ неприличнымъ, что изъ ризницъ сдѣлались ломбарды, гдѣ собраны разныя драгоцѣнности, кои показываются за деньги. Всякой вкладчикъ приноситъ свой даръ для церкви, для ея употребленія. Изломается ли вещь, издерется ли риза, другіе вкладчики явятся и обновятъ ветхое, а недостатокъ наполнятъ. Церковь не должна разсчитывать, упрочивать, беречь: пусть она носитъ, употребляетъ, расточаетъ; Вѣра Христіянъ никогда богатствъ ея не умалитъ; но накласть полны кладовыя золота, серебра, каменьевъ, чтобъ хвастать ими, — оставимъ это суетѣ человѣческой.

При Лаврѣ учреждена Типографія; въ ней печатаются церковныя книги, и тутъ же продаютъ ихъ: я нѣсколько купилъ и

съ собой привезъ. Буквы, форматъ, бумага, переплетъ ихъ, вс различествуетъ отъ гражданскихъ сего рода заведеній. Тутъ вы найдете и планъ Печерской печатный на атласѣ.

Любопытство завело меня одинъ разъ къ схимникамъ в кельи. Ихъ двое. Я не помню, когда бы я видѣлъ монаха под такимъ нарядомъ: одинъ простъ и слѣпъ, а по тому трогаетъ чу ствительныя фибры сердца; на него глядя, тронешься по неволѣ онъ живое носитъ изображеніе того, что все на свѣтѣ тлѣнъ, что старость въ недугахъ есть натуральная и неизбѣжная схим Другой всѣ этѣ печальныя воображенія разсѣетъ: онъ еще н слишкомъ старъ, пьетъ и ѣстъ исправно, любуется своимъ нар домъ, надѣваетъ его для всякаго, кто къ нему ни войдетъ, дур чится въ немъ. Сколько одинъ сожалѣнія, столько другой н годованія, возбудитъ. И такъ платье, все платье: сатана может быть подъ митрой такъ, какъ Ангелъ въ шитомъ кафтанѣ.

Тутъ же познакомился я съ отставнымъ, бывымъ Вологo скимъ, Епископомъ Ѳеофилактомъ: онъ въ кельяхъ живетъ обѣщаніи, человѣкъ пожилой, добродушный и, кажется, не х рый. Бесѣда его для меня была занимательна, не смотря на е простоту, по тому что онъ зналъ мою бабку, разсказывалъ м многое объ ней. Онъ тогда еще былъ Дьякономъ и служилъ п погребеніи дяди моего; онъ мнѣ и указалъ удостовѣрительно, г гробы ихъ похоронены. Я съ удовольствіемъ принималъ всяк впечатлѣніе сего современника двухъ лицъ, толико для ме драгоцѣнныхъ.

ГЛАВА LXIX.

Пещеры.

Праведные два мужа, Антоній и Ѳеодосій, нѣкогда пос тили жизнь свою Богу на семъ обѣтованномъ мѣстѣ, созд обитель, утрудились въ ней, какъ говоритъ Царь Давыдъ, возд ханіемъ сердечнымъ и скончали жизнь, исполненную поста и д

рыхъ дѣлъ. Примѣръ ихъ привлекалъ многихъ къ Христіанскому ученію; собралася братія, ископали для остатковъ своихъ могилы при Днѣпрѣ, и тутъ положили кости свои; все спаслось около ихъ; земля исполнилась благовонія; святость убогихъ тружениковъ возсіяла во всемъ мірѣ Христіянскомъ. Вотъ исторія Кіевскихъ пещеръ!

По времени стекаться стали отвсюда богомольцы. Обогатилась казна монастырская, и роскошь украсила пустыню дикую и непроходную. Нынѣ уже надобенъ большой запасъ духовной приверженности къ Вѣрѣ, чтобъ не соблазниться великолѣпною наружностію Печерской Лавры, которая, украсивъ соборы, иконы и утвари церковныя, оставила вездѣ знаки внутренняго пренебреженія къ святынѣ и дому Божію. * Удалились отъ насъ тѣ дни, когда блаженные старцы, Духомъ Божіимъ ежеминутно тутъ водимые, силились утвердить корень Вѣры въ сердцахъ благодушныхъ Христіянъ. Посмотримъ на пещеры нынѣ въ такое время, когда богатые и пресыщенные прикрыли золотомъ кровы церквей и обнищали въ усердіи къ Богу.

У обѣихъ пещеръ выстроены пятиглавые соборы, въ коихъ свѣтло, просторно и хорошо; отъ нихъ по лѣстницамъ спускъ въ самые подземныя жилища Святыхъ, лѣстницы не круты, а притомъ нѣсколько на нихъ сдѣлано площадокъ для отдохновенія. Днѣпръ въ весеннее время близко подтекаетъ къ пещерамъ, и для охраненія ихъ отъ разрушенія, Правительство занимается укрѣпленіями, на кои казна не щадитъ ни чего.

Прежде нежели вы на лѣстницу ступите, вы найдете у воротъ множество булошницъ съ кренделями и сайками: тутъ торгъ и рынокъ настоящій; безпорядокъ сей прикрытъ благовидной причиной: по лѣстницѣ разложены недужные, разслабленные и всякіе уроды; не будучи въ силахъ молиться Богу, они лежатъ, стонутъ и просятъ куска хлѣба у проходящихъ. Не всякой въ состояніи кинуть въ эту Силоамскую купель столько денегъ, чтобъ

* Слишкомъ строгъ приговоръ, и потому односторонень. О. В.

надѣлить ими ужасное множество странныхъ; и для того богомолецъ накупитъ сухарей и хлѣбовъ, и ими снабжаетъ лежащихъ.

Какое трогательное зрѣлище и какъ оно приготовляетъ къ ожиданному предмету! Вдругъ въ подземное жилище растворяются чугунныя двери; престарѣлый монахъ даетъ вамъ свѣчу; ибо безъ огня ни чего тамъ не видно, и, идучи передъ вами, онъ вамъ называетъ имена почивающихъ праведниковъ. Ихъ сонъ тихъ и безмятеженъ; для нихъ утро прекраснѣйшаго и вѣчнаго дня уже наступило; каждый изъ нихъ, кажется, говоритъ вамъ: «Тако тецыте, да постигнете!» (1 Кор. 9, 24). Мысль о пещерахъ страшна, приближаешься съ ужасомъ, но войдешь въ нихъ, и спокойнымъ окомъ, безъ малѣйшаго смятенія, видишь гробы по обѣ стороны себя; воздухъ чистъ, свѣжъ и прохладенъ, нѣтъ ни какого зловонія. Безъ проводника ходить ни какъ нельзя: потеряешься въ изворотахъ. Монахи, особо приставленные къ тому дѣлу, очень навычны и пещеры для нихъ не лабаринтъ: все покажутъ и выведутъ осторожно.

Въ одной изъ соборныхъ церквей надъ пещерами всѣ приклады отъ Мазепы, а въ самыхъ пещерахъ, т. е., въ землѣ, до 6 придѣловъ настроено. Темнота мѣшаетъ разсмотрѣть работу рѣзную и по золоту, которая въ иныхъ съ отмѣннымъ тщаніемъ отдѣлана; мы спросили факеловъ, и видѣли много художества. Жаль, что оно здѣсь безъ всякой пользы употреблено.

Между множествомъ мощей, къ коимъ мы прикладывались, идучи другъ за дружкой ниткой, я осмѣлюсь особенно отличить нѣкоторыя: иныя поразили мое воображеніе, иныя подѣйствовали на сердце.

Учредители обители, Антоній и Ѳеодосій; во имена ихъ устроены придѣлы, но сами они подъ спудомъ.

Несторъ лѣтописецъ: при названіи его я невольно палъ и прикоснулся ко гробу его съ благоговѣніемъ. Отлагая святость, которой Богъ одинъ только можетъ опредѣлить сущность и достоинство, Несторъ былъ первый нашъ лѣтописецъ, вождь Рос-

сійскихъ дѣеписателей, источникъ историческихъ событій своего вѣка: какъ не поклониться ему и не уважить его гроба! но онъ малымъ чѣмъ отличенъ отъ прочихъ. Для чего не вынести его въ соборъ, не поставить предъ очами каждаго? Несторъ ли такого торжества не стоитъ? Или же мы не уразумѣли, что онъ его достоинъ? *

Св. Іоанна Многострадальнаго: снимаютъ шапочку и надѣваютъ на голову, чтобъ она не болѣла; онъ вкопанъ въ землю.

У Марка Гробокопателя подносятъ святую воду въ крестѣ, изъ котораго самъ онъ пивалъ: этотъ крестъ былъ мѣра его дневнаго питья.

Нѣсколько мироточивыхъ главъ: у одной изъ нихъ, гдѣ мажутъ приходящихъ, миро ни какого запаха не имѣетъ.

Много затворниковъ, коихъ видѣть можно въ круглыя маленькія окошки. Я съ большимъ трудомъ вижу и днемъ, когда тѣни много, а въ пещерахъ при свѣчкѣ ни одного не разглядѣлъ.

Екатерина II, въ бытность свою въ Кіевѣ, изволила къ каждымъ мощамъ приложить парчевое покрывало: но они всѣ прибраны, лежатъ въ ризницѣ, ихъ кажутъ за деньги, а праведники лежатъ въ ракахъ простыхъ, не пышныхъ, и прикрыты ризами беднѣйшими. При насъ одно только богатое покрывало видѣли мы на гробѣ Евфросиніи Полотской.

Пещеры очень узки и тѣсны: двумъ пройти рядомъ не возможно. Одинъ голосъ монаха раздается въ уединенныхъ сихъ стѣнахъ; набожные Христіане идутъ молча за нимъ, прикладываются и не отстаютъ отъ товарищей, чтобъ не потеряться.

Среди самыхъ искреннихъ ощущеній Христіанской религіи часто мнѣ приходило здѣсь на мысль, что весь видимый нашъ

* По крайней мѣрѣ, рака его мощей окована серебромъ (см. «Описаніе Кіево-печерской Лавры. Кіевъ, 1826, стр. 86), и надъ ними серебреная доска съ надписью: «Отъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.» О. Б.

міръ не что иное, какъ плачевная картина человѣческой бѣдности, и ежели бы сонъ вѣчнаго упокоенія, какое ожидаетъ насъ въ могилѣ, было даже началомъ вѣчнаго ничтожества, то и тогда умереть лучше, нежели жить.

Близъ пещеръ примѣтилъ я памятникъ свѣтской: мѣдная доска съ литерами, и прочелъ имя Княгини Екатерины Петровны Хованской, * вспомнилъ ее и принесъ ей обыкновенную жертву человѣческаго сожалѣнія—нѣсколько слезъ.

Мнѣ разсудилось отслушать обѣдню въ самыхъ пещерахъ. Добрый старецъ, и почти уже мертвый, отслужилъ ее для насъ 17 числа въ придѣлѣ Св. Антонія. Церковь такъ мала, что вокругъ престола даже обхода не дано: онъ прислоненъ къ стѣнѣ; въ алтарѣ и въ церкви вездѣ свѣчки горѣли, и тусклый ихъ огонь удвоивалъ мрачный видъ плачевнаго сего жилища: душно, темно, тѣсно, пѣніе нестройное и непривлекательное. Позволятъ ли мнѣ сказать мысль мою? Я не нашелъ, чтобъ прилично было возсылать Богу жертву хвалы и воскликновенія въ нѣдрахъ земли, гдѣ ни какой лучъ дневнаго свѣта не проходитъ. Какое сообщеніе свѣта со тьмою! Не мертвые восхвалятъ тя, Господи, но мы, живые. Спастись можно вездѣ. Богъ и червей въ преисподнихъ земли согрѣваетъ такъ же, какъ и живущихъ на прекрасной ея поверхности; рука Божія вездѣ, и мы отъ нея нигдѣ не скроемся. Такъ, конечно! Но когда мы слушаемъ обѣдню, когда купно съ служителемъ Вѣры говоримъ: «Горѣ имѣемъ сердца,» тогда къ небесамъ и взоръ нашъ обращаться хочетъ. Мы всегда невольнымъ движеніемъ глядимъ вверхъ, когда призываемъ Бога; мы Его ищемъ выше звѣздъ, а не посреди тлѣнныхъ гробовъ человѣческихъ. Естьли бъ можно было, я бы желалъ, чтобъ литургія отправляема была, какъ можно выше, какъ можно ближе къ небесному кругу, коего славится въ пѣснопѣніяхъ нашихъ непостижимый верхотворецъ. По мнѣнію моему, гораздо бы лучше сл

* Урожденной Нарышкиной, а по матери Репниной, р. 1757 г., Іюля 3, супру Кіевскаго Вицегубернатора, Бригадира Князя Василія Алексѣевича Хованска умерла 1795 г., Октября 22 дня. О. Б.

ли, естьли бы деньги, употребленныя на иконостасы и храмы нутри пещеръ, обратили на то, чтобъ одѣть гробъ Нестора, обонить его, и тѣмъ память въ исторіи духовной и ученой воспроинить; но суевѣріе долго еще питаться будетъ вещественностію. Пусть мое разсужденіе назовутъ энтузіазмомъ пылкаго воображеія.* Согласенъ. Но что же и Религія? Восторгъ въ самой высшей степени. **

ГЛАВА LXX.

Михайловскій монастырь. Софійской соборъ. Левада.

Въ старомъ Кіевѣ есть мужескій монастырь, Михайловскимъ менуемый. Въ немъ лежатъ мощи Великомученицы Варвары. Кто ъ не знаетъ? Кто не слыхалъ объ ея Христіянскихъ подвигахъ? ушавши у гроба ея обѣдню и молебенъ, мы прикладывались рукѣ ея, обогащенной алмазами: на каждомъ пальцѣ нѣсколь перстней; въ ногахъ тарелка съ кольцами; послѣ умилительныхъ вздоховъ и молитвословій, ихъ выбираютъ въ самомъ бѣ, какъ въ ящикѣ: монахи торгуются и просятъ подороже, Богомольцы, не теряя головъ, хотятъ достать ихъ подешевле: ъ да крикъ. Какая неблагопристойность!

По исторіи Святой извѣстно, что у нея отрублена голова; довательно, рака скрываетъ обезглавленный трупъ мученицы. нѣ уже вмѣсто головы накладываютъ живописное изображеніе ея: оно представляетъ ея страдальчество и хорошо для кары. Но на что такое дополненіе къ натурѣ, да еще и къ моъ? Увы!

Намъ показывали тотъ самый образъ, съ котораго снятъ ъ рисунокъ. На немъ написанъ и золотомъ обложенъ ликъ

---

* таки то и есть и при томъ напрасный и неумѣстный. О. Б.

** не совсѣмъ точно и сбивчиво! О. Б.

Великомученицы Варвары. Монахъ сказывалъ, что это натурал
копія съ нея, присланная въ Кіевъ изъ Рима лѣтъ десять назад
«Да гдѣ же настоящая?» спросилъ я. — «Въ Македоніи.» Вѣры
или нѣтъ, какъ вамъ угодно.

Рака, въ которой мощи лежатъ, богата, обита серебромъ
украшена рѣзными позолоченными убранствами вокругъ все
балдахина. Она въ лѣвой сторонѣ стоитъ отъ входа въ соборну
церковь, въ особомъ своемъ придѣлѣ. Настоящій храмъ доволь
великъ; стѣнное письмо хорошо; иконостасы въ немъ и прид
лахъ стариннаго вкуса и немного значатъ. Екатерина посвяти
гробницѣ Великомученицы Варвары лампаду золотую съ кисто
кой изъ жемчужныхъ нитокъ и алмазныхъ по поламъ; ее кажу
въ ризницѣ, а у мощей виситъ простая. Въ ризницѣ видѣлъ
и славный Часословъ, печатанный въ Краковѣ въ 1491 год
и сохранился въ ней доселѣ: рѣдкость настоящая!

Въ этомъ монастырѣ живетъ Викарій Митрополита Кіевска
Епископъ Чигиринскій, Ириней: я любопытствовалъ видѣть его
служеньи. Онъ уже немолодъ и отправляетъ званіе свое бе
всякой сановитости; нѣтъ въ немъ ни величія, ни пріятной п
стоты. Онъ не ходитъ, а бѣгаетъ; движенья его всѣ отмѣнно с
ры; рѣдко смотритъ вверхъ, или по сторонамъ, всегда взоръ
потупленъ въ землю, даже и тогда, какъ осѣняетъ свѣчами. В
кое Воскресенье онъ поетъ обѣдню и, вмѣсто проповѣди, онъ т
куетъ Апостольскія Посланія съ амвона всенародно. Ни слово е
ни обращеніе, не плѣняетъ. Я входилъ къ нему въ келью: прі
принужденный, бесѣда пустая. Говорятъ, что онъ очень уче
и такъ видно, что онъ не хотѣлъ предъ нами разсыпать умст
ныхъ своихъ сокровищъ. *

* Фальковскій, происхожденіемъ изъ села Бѣлоцерковки или Бѣлоцерко
Лохвицкаго Уѣзда Полтавской Губерніи, 2-го стана, при рѣкѣ Многѣ (въ
нѣшнее время съ 344 дворами), въ 42 верстахъ отъ Лохвицы (отнюдь же не
Бѣлоцерковки близъ Кіева), родился 1762 года, Мая 28 дня, отъ Священни
названъ былъ Иваномъ. По смерти жены, отецъ отправился съ нимъ въ Кі
постригся, 1774 года, подъ именемъ Іустина (въ мірѣ Іоакимъ) въ чернец
Братскомъ монастырѣ, чтобы самому наблюдать за ученіемъ единственнаго

Между разными въ Кіевѣ древностями нигдѣ я такой не ви-дѣлъ, какъ въ Софійскомъ соборѣ: онъ въ старомъ Кіевѣ. Въ немъ множество предметовъ вдругъ бросятся въ глаза и останов-ятъ ихъ:

...го сына. Отправляясь, въ Генварѣ 1775 г., въ Угрію Настоятелемъ Русской церкви въ городѣ Токаѣ, онъ взялъ съ собою и сына, обучавшагося тогда уже въ Академіи до класса Поэзіи (съ 1773 г.); сдѣсь онъ, исправляя причетничес-кую должность, посѣщалъ тамошнія школы Піаровъ, гдѣ усвоилъ себѣ окон-чательно языки Латинскій и Нѣмецкій; отсюда отосланъ былъ отцомъ въ Прес-бургскую Гимназію, для слушанія Риторики, а въ 1779 г., по кончинѣ отца, отправился въ Пештъ, и въ Гимназіи его 7 мѣсяцевъ слушалъ Философію, Исторію и Математику, въ слѣдующемъ 1780 годѣ Физику въ Будинскомъ (Офенскомъ) Университетѣ, въ Мартѣ 1781 опредѣлился въ Канцелярію Рус-скаго Посольства въ Вѣнѣ, но черезъ 3 мѣсяца (въ Маѣ) возвратился въ Токай и поступилъ въ Канцелярскіе же Русской Коммисіи, бывшей тогда тамъ, и продолжалъ заниматься Философскими науками. Въ началѣ 1783 г. поѣхалъ въ отечество, и прибывъ, въ Апрѣлѣ, въ Кіевъ, поступилъ въ Академію, для изу-ченія Богословія и языковъ Еврейскаго и Французскаго, а въ Декабрѣ, бывши еще Студентомъ, опредѣленъ Учителемъ Ариѳметики, по окончаніи же ученія, преподавалъ тамъ языки Латинскій и Нѣмецкій, Математику, Архитектуру и Философію. Онъ былъ для Академіи того времени незамѣнимымъ, какъ обла-давшій самой многосторонней ученостью, и по тому, гдѣ только недоставало преподавателя, его употребляли, и онъ порученное ему излагалъ, по свѣдѣтель-ству современниковъ, въ самомъ лучшемъ видѣ по тому времени. Въ 1786 году, продолжая преподаваніе, принялъ монашество и нареченъ Иринеемъ; 1789 Архимандритъ Гамаліевскаго монастыря (Черниговской Губ. Глуховскаго Уѣзда, близъ слободки Гамаліевки, на рѣкѣ Шосткѣ), 1803 Кіевобратскаго и Ректоръ Ака-деміи; 8-го Сентября переведенъ въ Кіево-Николаевскій, а Февраля 25, 1804 г., оставилъ Ректорство; 1807, Генваря 25, Епископъ Чигиринскій и Викарій Кіевскій, 1811 г. получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени, а Февраля 7, 1812 года, пере-веденъ на Смоленскую Епархію, на коей находился и во время осады Фран-цузами Смоленска и удалился изъ него въ самый день приступа (4-го Августа), получивъ приказаніе на то отъ высшаго Начальства, за 30 верстъ, гдѣ принялъ чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери Одигитріи (Путеводительницы), вынесенный изъ Успенскаго Собора духовенствомъ, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, и отправился съ нимъ въ Москву, въ коей и прежде укрывалась она отъ непріятелей (въ XV и XVII стол.), а изъ Москвы въ Ярославль, откуда возвра-щена въ Смоленскъ 24 Декабря по изгнаніи враговъ и поставлена на прежнемъ мѣстѣ. Что до другой иконы той же чудотворной Смоленской Божіей Матери, то это—списокъ съ первой, сдѣланный во время возвращенія ея изъ Москвы при Великомъ Московскомъ Князѣ, Василіѣ Васильевичѣ въ 1455 г., повелѣвшемъ отпу-стить принесенный въ Москву образъ за 50 лѣтъ предъ тѣмъ (во время напа-

1. Весь куполъ церкви отдѣланъ мозаической работой. Ап столы во весь ростъ донынѣ почти невредимы; правда, что у мѣстами наборка портится, и жаль, что ни кто не умѣетъ, и не печется, возобновлять его; но удивительно навсегда остае ся, что такое изящное художество сохранилось до дней наши Кто не знаетъ, что въ самомъ этомъ соборѣ нѣкогда враждебн полки лошадей своихъ ставили?

денія Вел. Кн. Литовскаго, Витовта, на Смоленскъ, Князь тамошній, Юрій, у лился съ онымъ къ Вел. Кн. Василію Дмитріевичу и оставилъ у него). Смол получивъ отъ Москвичей свою чудотворную икону, несли ее на рукахъ до маго города, и тамъ, гдѣ остановился торжественный ходъ, воздвигли по храмъ во имя Божіей Матери Одигитріи, и въ немъ поставили одну изъ иконъ, лученныхъ въ Москвѣ, именно списокъ съ чудотворной. По разсказамъ эта и на первоначально поставлена въ крѣпости (построенной въ началѣ XVII в.), н одними изъ воротъ ея, откуда уже перенесена въ воздвигнутый для нея осо храмъ, а изъ него перемѣщена временно въ Благовѣщенскій, такъ какъ, по р поряженію Епископа Серафима (въ послѣдствіи Митрополита) новостроивші для нея болѣе обширный не былъ еще оконченъ; изъ Благовѣщенской-то цер по приказанію Генерала А. П. Ермолова (см. его «Записки,» въ «Чтеніяхъ въ И Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1864, кн, 4, отд. II, стр. 170, и отдѣл вынесена была эта надворотная Одигитріи икона, послѣ всенощнаго служенія, в ромъ 5-го Августа, за городъ и оставила Смоленскъ вмѣстѣ съ Русскими. Она, приказанію Князя Кутузова, обнесена была, на канунѣ страшнаго побоища Бородинѣ, по всей линіи войска, при чемъ самъ Кутузовъ встрѣтилъ ее и по нился ей до самой земли, а воины, больше ста тысячъ, падали на колѣна, кас тоже челомъ оной, крестясь и восклицая: «Помоги, Пресвятая Мать Богород постоять за родную Русь!» Послѣ истребленія Французовъ и очищенія с щеній, икона сія, взятая Артиллерійскою ротою Полковника Глухова и н дившаяся при 3-й пѣхотной дивизіи, возвращена была, по волѣ Главнонач ствующаго, обратно въ Смоленскъ, 6-го Ноября, и сдана 10-го Ноября гва Поручикомъ Шембелемъ, при письмѣ Генерала П. П. Коновницына къ стар духовному лицу, съ разными вкладами и приношеніями (между коими од серебра, отбитаго у непріятеля, въ лому было пудъ). Объ этомъ свѣдѣ ствуетъ самая надпись, сдѣланная на одной (2-ой) изъ досчечекъ сей и (см. «Историко-статистическое описаніе Смоленской Епархіи,» Преосвящен Антонія (нынѣ Казанскаго Архіепископа). Спб. 1864). Это случулось чере мѣсяца, какъ бы въ оправданіе словъ: «пребысть же Маріамъ съ нею яко мѣсяцы, и возвратися въ домъ свой» (Лук. 1, 56). Съ этого времени Смоленскѣ празднуется изгнаніе враговъ ежегодно всенощнымъ служен 5-го Ноября предъ образомъ Путеводительницы. Ириней же освятилъ н ротній храмъ, по возвращеніи своемъ въ Смоленскъ, назвавъ его Одигит

2. Мощи Святаго Макарія, * для которыхъ приготовлена серебряная гробница съ приличнымъ убранствомъ.

скимъ; но самъ, не видя возможности въ разоренной Епархіи оставаться, и испытывая безпрестанно нѣкоторыя огорченія при приведеніи въ порядокъ Епархіи, перепросился, Іюля 6-го, 1813 года, на прежнее мѣсто, съ званіемъ Коадъютора Кіевскаго Митрополита. Черезъ десять лѣтъ, 29 Апрѣля, 1823 года, онъ скончался въ Кіево-Золото-Верхо-Михайловскомъ монастырѣ, на 61-мъ году отъ рожденія, и погребенъ въ немъ, съ лѣвой стороны придѣла Св. Великомученицы. Между исправленіемъ своей должности и благочестивыми размышленіями, онъ не оставлялъ своихъ любимыхъ научныхъ занятій, изъ коихъ нѣкоторыя только напечатаны, большая же часть остается въ рукописяхъ и хранится въ семъ монастырѣ, Софійскомъ Соборѣ и Лаврѣ. Изъ печатныхъ извѣстны: 1. Orthodoxae Theologiae dogmaticae compendium. M. 1802, 2 тома въ 8-ку, «хотя (какъ замѣчаетъ «Обзоръ Русской духовной литератеры. Черниговъ, 1863, стр. 210) по плану Ѳеофановой догматики, но далеко лучше ея по содержанію и по изложенію. Это—лучшая догматика изъ писанныхъ дотолѣ въ Россіи, по ея ясности, отчетливости и систематической строгости.» Она была довольное время классической книгой въ Семинаріяхъ. 2. Толкованіе на посланія Апостола Павла къ Римляномъ и Галатомъ. Кіевъ, 1806, 1807. 3. Сокращеніе Церковной Хронологіи или науки о Пасхаліи. К. 1797, 8. 4. Два Календаря на 1797 и 1798, въ 8, съ историческими статьями. К. въ 4. А изъ рукописныхъ: 1. Изъясненія на всѣ посланія Павловы. 2. Словъ и бесѣдъ нѣсколько книгъ. 3. Рѣчи и стихи на Русскомъ и Латинскомъ. 4. Сокращеніе церковныхъ Прологовъ на весь годъ, въ 12 книгахъ, съ краткими поученіями на каждый день. 5. Мартирологъ, т. 1, неоконченный. 6. Ежедневныя размышленія. 7. Сокращеніе смѣшенной Математики Вольфіевой. 8. Записка о своей жизни до прибытія въ Кіевъ: извлеченіе изъ нея, сдѣланное Протоіереемъ и Профессоромъ Кіевскихъ Академіи и Университета, И. М. Скворцовымъ, помѣщено въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1862 года. Ириней пользовался большою славой въ Академіи и любовью своихъ слушателей, которые до того привязаны были къ нему, что очень многіе старались усвоить себѣ даже почеркъ его, который очень красивъ и четокъ, хотя и сжатъ. Замѣчательно также, что почти всякій изъ его воспитанниковъ отличался Математическими познаніями. Это былъ (по словамъ Филарета, Архіепископа Черниговскаго) человѣкъ съ дарованіями необыкновенными и свѣдѣніями разнообразными. Оставшаяся по немъ библіотека хранится въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, но принадлежитъ имъ, по поступной моихъ двоюродныхъ и роднаго братьевъ отъ лица ихъ родителей, какъ единственныхъ законныхъ наслѣдниковъ имущества сего Архіерея. О. Б.

* Онъ былъ Архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря и Митрополичьимъ Намѣстникомъ, въ Митрополиты же избранъ и посвященъ въ Вильнѣ 1495 года, гдѣ онъ и пребывалъ, по примѣру своихъ предмѣстниковъ, при Великихъ Кня-

3. Два древніе образа Богородицъ, явившихся въ Польшѣ и сохранившихъ тамошнія наименованія, кои, думать надобно, перешли къ намъ отъ Католиковъ.

4. Надгробный камень, скрывающій гробъ Ярослава, сына Владимірова, который, раздѣляя дѣтей своихъ, далъ имъ удѣлы и написалъ Русскую Правду. Памятникъ сей въ придѣльномъ алтарѣ; на немъ высѣчены разные эмблеммы: сухія деревья и рыбы; довольно взглянуть на него, чтобъ, безъ сомнѣнія, удостовѣриться въ его древности.

5. Иконостасъ старинный, украшенъ рѣзнымъ искуствомъ и роскошной позолотой. Въ храмѣ есть каѳедра: ее ли не назовемъ первой въ нашей Россійской Церкви? Здѣсь Леванда проповѣдуетъ.

Митрополитъ живетъ въ Архіерейскомъ домѣ по зимамъ, при соборѣ, а на лѣто переѣзжаетъ въ Печерскую Лавру, и тамъ для него огромныя есть покои; видъ на Днѣпръ безподобенъ, и всѣ прелести природы для него готовы.

Нѣкогда былъ здѣсь пастыремъ и скончался Самуилъ, мужъ скромный, благоразумный, набожный. Я имѣлъ счастіе изъ дѣтства быть отличенъ его благосклонностью, до смерти моей сохраню письмо его Латинское и книгу, которую онъ мнѣ еще въ 70-тыхъ годахъ подарилъ. Онъ похороненъ въ соборѣ; я отыскалъ гробъ его и поклонился великому сему человѣку въ исторіи нашей Церкви, великому, говорю, по разуму, какой я даю сему слову. Пусть Самуилъ не былъ громокъ, но сколько мы видимъ мелкихъ людей, о коихъ міръ шумитъ непрестанно и сколько прямо великихъ мужей, коихъ прославитъ вѣчность, а современники объ нихъ и не шепчутъ! *

зьяхъ Литовско-Русскихъ, такъ какъ въ Кіевѣ, безпокоемомъ частыми нападеніями Татаръ, нельзя было проживать. Желая посѣтить свою паству, онъ, въ 1497 году, Мая 1-го дня, въ нее отправился, но былъ убитъ на пути своемъ въ Кіевъ, въ деревнѣ Стриголовѣ, при рѣкѣ Припети, а по Кіевскому лѣтописцу при рѣкѣ Вчичи, въ пяти миляхъ отъ Мозыря. О. Б.

* Родился въ селѣ Полошкахъ Глуховскаго полка, 1731 г., Мая 24, и названъ Симеономъ, отъ Священника Григорія, учился въ Кіевской Академіи и училъ къ

Говоря о великихъ и въ Кіевѣ, мысль представляетъ тотчасъ Леванду: какой выродокъ во дняхъ нашихъ! Потомки позавидуютъ такому современнику предковъ своихъ. Я нѣсколько разъ посѣщалъ его, ѣздилъ слушать его бесѣды, учиться у него, думать, чувствовать и жить. Почтенный старецъ не скучаетъ своими сѣдинами; онъ бодръ еще и съ перомъ въ рукахъ паритъ, какъ юный орелъ. Какой сладкій органъ! Какая скромность въ выборѣ предметовъ разговора! Какая нѣжность въ произношеніи! Для чего Небо мало такихъ людей ниспосылаетъ на землю? Я не смѣлъ говорить при немъ, слушалъ, молчалъ, благоговѣлъ. Видъ его всякому благопріятенъ и вѣжливъ въ обхожденіи. Кажется, будто память ему не всегда вѣрно служитъ, однако жь онъ еще говоритъ проповѣди и сочиняетъ. Давно ли похоронялъ онъ тамошняго Губернатора и съ такою рѣчью вселилъ его во гробъ, какой ни самые наши молодые духовные витіи не сочинятъ и не скажутъ? Въ словахъ его, а паче въ надгробныхъ, неизчерпаемая руда чувствительности. Гдѣ онъ возметъ свои мысли и выраженія? Откуда родятся чувствованія? Но онъ плѣнитъ, изумитъ, восхититъ; ему-то прилично, идучи на каѳедру, сказать: «Отверзу уста моя,—и наполнятся духа!»

Проповѣдникъ слова Божія болѣе всѣхъ заимствовать премудрость свою долженъ отъ самаго Бога; онъ всегда долженъ быть вдохновенъ: такимъ показался мнѣ Леванда. При этой глу-

---

ней съ низшихъ классовъ до высшихъ; 1754 кончивши курсъ и принявши монашество съ именемъ Самуила, 1757 Профессоръ Философіи и Префектъ, 1759 Профессоръ Богословія, съ исправленіемъ Ректорской должности, 1761 Архимандритъ Братскій, Ректоръ и Членъ Дикастеріи по 1764, а въ 1766 оставилъ Академію по болѣзни, но съ 1768 вторично поступилъ въ нее, съ переводомъ, въ Августѣ, въ Кіево-Николаевскій монастырь, и вскорѣ вызванъ на чреду служенія въ Петербургъ, гдѣ рукоположенъ тогда же въ Бѣлгородскаго Епископа, въ 1771 (24 Сентября) поступилъ на Крутицкую Епархію, съ пожалованіемъ въ Члены Синадальной Конторы и порученіемъ надзора по обновленію Московскихъ соборовъ, за что сдѣланъ Членовъ Синода (1775), 1776 (Марта 17) Ростовскій Епископъ, 1777 Архіепископъ (22 Сентября), а 1783 (Сентября не 22) Митрополитъ Кіевскій, куда прибылъ въ концѣ Ноября; ум. 1796, Генваря 5. Онъ издалъ отысканные имъ Богословскіе трактаты Ѳеофана Прокоповича (въ Кенигсбергѣ и Москвѣ 1773—1776) въ VII частяхъ, продолжилъ ихъ,

бокой старости, ибо ему болѣе 70 лѣтъ, онъ, живучи на Подолѣ для выгодъ своихъ, по тому что ближе и къ рѣкѣ и къ рынку, для всякой закупки нужнаго домашняго запаса, не лѣнится ѣздить въ соборъ, подниматься на крутую гору въ старый Кіевъ, и тамъ отправлять службу. Сколько его ни награждаютъ, свѣтскія почести никогда не войдутъ въ соразмѣрность съ его дарованіями; духъ его не ослабѣваетъ еще и сердце не увядаетъ. Образъ жизни его простъ. Окруженъ книгами, рукописями, читаетъ, пишетъ, или очищаетъ въ саду деревья и наслаждается природою. Леванда любимое дитя натуры и небесъ; я ласку его и пріязнь почитаю пріобрѣтеніемъ. *

также исправилъ и напечаталъ въ видѣ Богословія (въ Лейпцигѣ) 1782, въ 3-хъ частяхъ въ 8 д. л., издававшагося не разъ для Семинарій; исправилъ и разсужденіе Адама Зерникова о происхожденіи Св. Духа и издалъ (въ Кенигсбергѣ) 1774, въ 4 д. л., въ 2-хъ томахъ. Слова и рѣчи его печатались въ Петербургѣ и Москвѣ и нѣкоторыя переводились на Греческій, Латинскій и Нѣмецкій: онѣ отличаются чистотою языка и правильностію изложенія. Имъ составлено также Краткое описаніе Кіевской Лавры, и Наказъ о преподаваніи въ Академіи, въ которую, равномѣрно и въ Переяславскую Семинарію, зависѣвшую отъ оной, ввелъ Математику (чистую и смѣшенную), Всеобщую и Естественную исторію, Географію, равно какъ преподаваніе языковъ Нѣмецкаго и Французскаго, въ особенности жо чистаго Русскаго языка (по Велико-Русскому выговору), изученіе которыхъ пренебрегалось, какъ извѣстно, изъ за древнихъ языковъ, къ большему вреду вообще образованности и въ частности развитія Словесныхъ наукъ, этой основы всякой грамотности; посылалъ также способнѣйшихъ Студентовъ въ Московскій Университетъ и за границу; имъ же введено и преподаваніе въ Академіи нѣкоторыхъ искуствъ, на пр., рисованія и т. п., а при Лаврѣ завелъ для Академіи гражданскую типографію, въ коей и напечатана была, 1787 г., первая книга его «Поздравительныя рѣчи» Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ II-ой, сказанныя въ пребываніе ея тогда въ Кіевѣ. При Самуилѣ послѣдовало подведеніе и Кіевской Іерархіи подъ штатъ наровнѣ съ прочими Русскими. О. Б.

* Иванъ Васильевичъ, р. 1736 г., въ Кіевѣ, сынъ ремесленника (сапожника) Секачки, помѣщеннаго въ Академію Священникомъ Кіевской Воскресенской церкви Іоанномъ Левандою, полюбившимъ его за его проворство и ловкость и позволившимъ принять его и фамилію. По окончаніи ученія, онъ былъ, съ 1759 г., самъ въ ней учителемъ въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, 1763 Священникъ Успенской Со-

ГЛАВА LXXI.

Разные духовные предметы.

Пустынно-Николаевскій мужеской монастырь стоитъ на горѣ, и съ нея видѣнъ Днѣпръ. Мѣстоположеніе прекрасное, съ верху до низу густой садъ и много тѣни. Храмъ старинный. Строенъ Мазепой. Иконостасъ высокъ и очень хорошей работы; стѣнное письмо аллегорическое. Противъ алтаря хоры и подъ ними во всю ихъ величину картина, изображающая Никейскій Соборъ; лицъ написано множество. Въ задней стѣнѣ соборной церкви, по обѣ стороны входныхъ дверей, два шкапа съ книгами; на одномъ написано по Русски: «Для ума и сердца.» На другомъ въ томъ же духѣ Латинская надпись—затѣя въ монастыряхъ нашихъ необыкновенная! Ризница небогата и отмѣннаго нѣтъ ни чего. Настоятель обители Архимандритъ Кипріянъ, человѣкъ немолодой, но сни-

борной церкви Подола, 1783 Протоіерей, а 1786 первый Протоіерей Софійскаго Собора, по переименованіи его изъ монастыря въ Соборъ, гдѣ ревностно проповѣдывалъ почти при каждомъ служеніи съ необыкновеннымъ краснорѣчіемъ, и по тому пользовался большою извѣстностью; въ особенности слова его отличаются теплотою чувства и картинностію выраженій, что, при богатыхъ внѣшнихъ качествахъ, производило на слушающихъ необыкновенное дѣйствіе. Собраніе его словъ и рѣчей издано въ Петербургѣ 1821 г., въ 3-хъ частяхъ, но, по замѣчанію Преосвященнаго Евгенія (Словарь писателей духовнаго чина, ч. 1-ая, стр. 289), изданы по невѣрному и неполному списку, и при томъ неисправно напечатаны. Другіе замѣчаютъ въ нихъ до 1769 года словосочиненіе большею частію Латинское и не совсѣмъ чистый языкъ, но послѣ того времени онъ у него легокъ, боекъ и совершенно Русскій. Награды сыпались на него щедро: Императрица Екатерина II-я, въ бытность свою въ Кіевѣ, подозвавъ его послѣ заамвонной молитвы во время Преждеосвященной въ Андреевской церкви, на 5-й недѣлѣ Великаго Поста, въ Четверкъ, сама возложила на него кабинетный крестъ съ брильянтами на алой лентѣ, а 15 Марта повелѣла ему употреблять при священнослуженіи жезлъ, присвоенный только Архимандритамъ и Архіереямъ; 1798, Октября 7-го, получилъ онъ митру; 1806, Ноября 19 орденъ Анны 2-й степени, а 12 Декабря, 1810 года, и 1-ой: отличія, до которыхъ ни кто изъ бѣлаго духовенства не достигалъ прежде; скончался въ глубокой старости, Іюня 23, 1814 года, и погребенъ въ своемъ Софійскомъ Соборѣ, въ Благовѣщенскомъ предѣлѣ, въ углу, при южной стѣнѣ. О. Б.

сходительный; онъ насъ принялъ очень ласково, угостилъ дружелюбно; кельи его не просторны, но натура поставила въ каждомъ окошкѣ прекраснѣйшіе виды. Это лучше золота и серебра особливо въ климатѣ тепломъ, гдѣ ранняя весна прелестями своими не скупится.

Говорятъ, что на самомъ этомъ мѣстѣ Оскольдова была могила: живыхъ и достовѣрныхъ знаковъ нѣтъ, одно увѣряетъ преданіе, или общая сказка. Но кто знаетъ истину? Что Оскольдъ кости свои оставилъ въ Кіевѣ, это вѣрно, но тутъ ли, гдѣ Никольскій монастырь, позволено усомниться: можетъ быть в полверсты выше, или ниже. Но какъ бы то ни было, ветхая церковь, здѣсь существовавшая, разломана, и, вмѣсто ея, на полугорѣ поставленъ круглый храмъ каменный съ куполомъ въ новомъ вкусѣ. Онъ обведенъ колоннадой. Вмѣсто обыкновеннаго яблока на главѣ поставлена вызолоченная корона и надъ ней большой крестъ. Все это построено коштомъ Воронежскаго откупщика, котораго жена, пріѣхавъ въ Кіевъ на богомолье, умерла и завѣщала себя здѣсь похоронить. Вотъ причина обновленія Оскольдовой могилы отъ которой она новую славу получила!

Подъ церковью въ землѣ сдѣланы кругообразныя пещеры и для погребенія тѣлъ заготовлены въ стѣнахъ мѣста. По мѣрѣ какъ впадины сіи будутъ наполняться каждая своимъ гробомъ она снаружи замажется и въ церкви видна будетъ только надпись, кто похороненъ въ этомъ гнѣздѣ (Спустя лѣтъ триста пять сотъ, и здѣсь, можетъ быть, будутъ пѣть молебны, есть ли Днѣпръ, неугомонное дитя Нептуна, не предварить человѣческихъ замысловъ и не подмоетъ каменныхъ оградъ новаго зданія). Подземная церковь построится во имя Ольги, а верхняя посвящена Святителю Николаю. Освященіе ея предназначено было 20 Августа, 1810 года.

Исторія дала намъ знать, что Владиміръ построилъ первую здѣсь Христіанскую церковь, которая донынѣ называется Десятинною, по тому что Князь сей велѣлъ въ нее сбирать десятую долю всякаго отъ земли пріобрѣтенія. Сія церковь, или на томъ мѣстѣ другая, еще существуетъ. Я ее видѣлъ и воздохнулъ, гля

на ея опустошеніе и бѣдность; нѣтъ еще ни чего приманчиваго для глазъ, все опущено: одно воображеніе даетъ цѣну и мѣсту тому и храму. Неоспоримо, что съ такого отдаленнаго времени и Татары, и Поляки, и пожары, все подѣйствовало на Десятинную церковь, и изъ великолѣпнѣйшей привело ее въ убогое состояніе. Но никогда бы я не подумалъ, что она такъ брошена и презрѣна, какъ я ее нашелъ. Чудно ли, что храмъ Владиміра въ такомъ низверженномъ состояніи, когда самъ онъ безъ пощады растерзанъ? Голова его въ Лаврѣ, часть его мощей въ Соборѣ, а весь онъ гдѣ? Ни кто не знаетъ, не искалъ, не любопытствовалъ. Мы скорѣй пустимся добывать кусокъ лавы изъ подъ Римскихъ развалинъ, нежели похлопочемъ о славѣ собственной нашей древности.

Недалеко отъ Десятинной увидите вы церковь Трехъ Святителей: она, сказываютъ, основана на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ идолъ Зевесовъ кинутъ въ Днѣпръ и напоминаетъ старое преданіе, будто бы язычники, видя его утопающа въ волнахъ, кричали: «Выдыбай же намъ, Боже!» т. е., выплыви на берегъ! Иконостасъ въ ней изрядный; церковь стара, но не старинная. Вѣроятно, что всѣ сіи знаменитые по исторіи храмы уже нѣсколько разъ были по разореніи Кіева поновляемы и иные совсѣмъ перестроены: довольно, естьли, по крайней мѣрѣ, сохранили тѣ самые пункты, на коихъ происходили историческія событія. Гора и тутъ довольно высока. Тяжело бы катиться золотому болвану по ней и падать въ Днѣпръ.

У подошвы самой высокой горы, при краяхъ Днѣпра, поражаетъ взоръ, такъ называемый, Крещатикъ. Это купель, въ которой Владиміръ крестилъ Кіевлянъ; она украшена монументомъ. На аркахъ выстроены каменныя стѣны съ рѣшеткою, и фонтанъ охраненъ отъ всякой нечистоты; вокругъ его разставлены образа; на стѣнѣ надпись, означающая только годъ и время, когда граждане Кіева соорудили этотъ памятникъ, въ возблагодареніе Александру I-му за дарованныя городу права. Изъ щели проведена труба о 4-хъ кранахъ. Каждый изъ нихъ льетъ воду въ большой общій бассейнъ или лахань, и для жаждующихъ виситъ глиняный ковшъ; но вода мутна и видомъ непріятна:

видно, что еще до сихъ поръ не очистилась струя отъ погру-жавшихся въ ней идолопоклонниковъ. Надъ сводомъ этой палат-ки вытянута въ нѣсколько саженъ вышины кирпичная колонна: конецъ ея жестяный шаръ, а надъ нимъ вызолоченный крестъ.

Памятникъ этотъ вообще не соотвѣтствуетъ важности своег предмета. Но мысль все здѣсь дополняетъ: она краситъ кажду пядень земли, вездѣ говоритъ о древности, о старыхъ Россіянах о младенчествѣ нашей Религіи, о мужествѣ нравовъ, и все, н что ни взглянешь,—драгоцѣнный монументъ.

Весь хребетъ Кіевскихъ горъ наполненъ живописныхъ кра сотъ. Какъ бывши тамъ, бывши вездѣ, спорить противъ этого Не возможно. Однажды шелъ я, задумавшись, по вершинамъ стар го Кіева; мысли мои быстро текли одна за другою и предмет мѣнялись, какъ воздухъ: вдругъ увидѣлъ я на холму превысоко огромную церковь; она разсѣяла всѣ мои размышленія и привле ла всю дѣятельность моего воображенія къ себѣ: это хра Андрея Первозваннаго. Что можетъ быть восхитительнѣе величавѣе во всей природѣ этого мѣстоположенія. Нельзя остан виться на паперти его безъ восторговъ. Не станемъ говорить самой церкви: иконостасъ красный, вызолоченъ, но ни работо ни вкусомъ не отличенъ. Чтобъ художество отвѣчало здѣсь н турѣ, надобно разбудить Рафаелевъ и самаго Апелла и дать и кисти въ руки. Подъ храмомъ построены жилыя комнаты кладовыя, въ коихъ Коммисаріатъ хранитъ свои заготовленія содержитъ при нихъ караулъ вокругъ всего храма. На крыш этого жилья выстроена широкая открытая галерея. Она церкви, слѣдовательно, всякому по ней гулять свободно и лю ваться на красоту природы: отсюда видѣнъ весь Днѣпръ и по сторону его сыпучіе пески, открытая Московская дорога, право овраги, буераки, пропасти, окружающія гробы Святы и мірное жилище ихъ въ прохладныхъ пещерахъ; налѣво, рядо съ волнами Днѣпра, открывается Подолъ со всѣми своими зод скими красотами и кажетъ вамъ городъ въ водѣ. Обольщеніе в ра превосходно!

Не здѣсь ли Іисусъ искушаемъ былъ діаволомъ, когда за одинъ себѣ поклонъ сулилъ ему все, что съ высоты показа

Я безъ мѣры этимъ мѣстомъ прельщался. Истину провидѣлъ Андрей Первозванный, когда, какъ говоритъ исторія, идучи изъ Херсона, водрузилъ на сей горѣ крестъ въ знаменіе настоящаго Православія. И подлинно: гдѣ Вѣра убидительнѣе свою славу кажетъ, какъ не въ Кіевѣ? Здѣсь тьмы мучениковъ всю землю кровію своей оросили. Здѣсь уединенные праведники изъ вертеповъ создали храмы, обогатили ихъ и прославили. Но оставимъ чудодѣйства Вѣры: они сами о себѣ вѣщаютъ повсюду, и, обратясь къ природѣ, скажемъ, что тотъ не видалъ ее въ торжествѣ, кто не взглянулъ на нее у храма Андрея Первозваннаго въ Кіевѣ.

ГЛАВА LXXII.

Фроловскій монастырь.

Сойдемъ на Подолъ, и онъ имѣетъ свои достопамятности. Тутъ женскій монастырь, именуемый Фроловскимъ. Самъ по себѣ онъ не значилъ бы ни чего особеннаго, но для меня что можетъ быть уважительнѣе? Въ немъ проводила жизнь свою въ монашествѣ бабка моя, Княгиня Наталья Борисовна. Родители мои, изъ почтенія къ ней, каждые три года ѣзжали сюда со всѣмъ семействомъ нашимъ, и меня два раза, въ моемъ младенчествѣ, сюда возили. Я не могъ ни чего вспомнить, но такъ часто твердили мнѣ о бабушкѣ, о Подолѣ и о Фроловскомъ монастырѣ, что воображеніе мое представляло мнѣ всѣ здѣшнія предметы, какъ будто знакомые. Монастыремъ управляетъ игуменья Княгиня Шаховская. Она отличена наперснымъ крестомъ и знакомъ ордена Св. Екатерины.

Я видѣлъ бабушкины кельи; мнѣ сказали, что это онѣ; впрочемъ, весь видъ свой перемѣнили, и въ нихъ живутъ уже другіе люди: что нужды? Довольно для меня было, что она на самомъ этомъ мѣстѣ скончала дни свои: тутъ я испыталъ ея нѣжныя ласки, принималъ неоднакратно ея благословеніе, былъ предметомъ горячей любви ея; она осыпала меня милостями своими. И мнѣ ли ихъ забыть? Нѣтъ, во вѣки!

Нашлись престарѣлыя сиротки, кои при ней жили, служили ей, помнятъ ее, плачутъ объ ней ежедневно предъ престоломъ Божіимъ и меня съ удовольствіемъ увидѣли, вспомня мое ребячество: они свидѣтелями были благоволенія ко мнѣ старицы Нектаріи.

Ею построена была больничная церковь, и я въ ней служилъ обѣдню. Сюда и по прочимъ придѣламъ монастыря раздацы были оставшіяся по смерти ея образа и крестъ, къ которому въ послѣдній разъ уста ея прикоснулись.

Внѣ церкви, на монастырѣ, погребены многія ея современницы и здѣшнія Игуменьи: Апраксина, Милославская: эта послѣдняя намъ родня. Надъ гробомъ той и другой ни кто пышныхъ памятниковъ не ставилъ: смиреніе Христіанское не ищетъ сей суеты мірской.

Соборная церковь обыкновеннаго со многими другими рисунка и формы; ни чего въ ней нѣтъ отмѣннаго. Мощей монастырь не имѣетъ, но хвалится сокровищемъ прямо чудеснымъ: въ маленькомъ ковчегѣ, за стекломъ, поставленъ сосудъ самой крошечный и подъ нимъ подписано: «Здѣсь кровь Іисуса Христа.» На что спрашивать: кто и откуда ее доставилъ? Какъ она до сихъ дней сохранилась? Мы въ храмѣ; все свято въ домѣ Божіемъ: поклонимся и дадимъ вѣру преданію многихъ вѣковъ!

Всякой, кто читалъ память великихъ женъ, придетъ сюда вспомнить схимонахиню Нектарію, и память ея увѣнчаетъ похвалами. Я не одинъ разъ приходилъ въ сію обитель и, не тревожа никого, садился на камнѣ противъ бывшихъ ея келій, переносился мысленно во дни ея здѣсь пребыванія, и каждое ея слово, переданное мнѣ ея сыномъ, моимъ отцемъ, приводилъ на памяти. Здѣсь она источила рѣки слезъ, умертвила всѣ свои страсти, пригвоздила всѣ чувства ко кресту; послѣдній вздохъ былъ для нея мгновеніе отрады и зарею невозмущаемаго блаженства. Хижина ея обвалилась, вросла въ землю, такъ какъ и гробъ ея, но духъ пребудетъ вѣченъ и перейдетъ имя ея изъ рода въ родъ. Такъ славится прямая добродѣтель: она и за гробомъ восхищаетъ мзду свою въ потомствѣ.

ГЛАВА LXXIII.

Интересная сумасбродка.

Въ этомъ же Фроловскомъ монастырѣ, въ особой кельѣ при больницѣ, содержится подъ присмотромъ супруга Г. Рахманова, урожденная Пас. Я ее не видалъ, по тому что она мужчинъ не принимаетъ: жена моя съ сестрой ее навѣстили. Несчастная! Она говорила имъ вздоръ, все еще безумствуетъ. Вспомнивши вѣкъ славы ея и обольщенія въ Москвѣ, я далъ волю моему воображенію: оно уже не пылаетъ, но иногда еща загорается. Вотъ стихи мои, кои напечатаны были въ Аглаѣ:

Тебя ли видѣлъ я, владычица Москвы,
Плѣнявшая въ свой вѣкъ брега самой Невы?
Тебя ли видѣлъ я отшельницею нынѣ,
Безъ друга, безъ родни, отчаянну въ пустынѣ,
Куда, чтобъ испытать послѣднюю напасть,
Не Вѣра привлекла, обманутая страсть?
Гдѣ дѣлась красота? Гдѣ дѣлся видъ прелестный,
Въ Россіи до тебя едва ль кому извѣстный,
Которымъ Божество, создавъ твои черты,
Хотѣло, чтобъ ему подобилася ты?
Что сталося съ твоей осанкой горделивой,
Сей вывѣской души невинной и счастливой?
Кто жаломъ острымъ стеръ, подобно злой пчелѣ,
Рисунокъ совершенствъ на радостномъ челѣ?
Потухъ всежгущій взоръ и пламенныя очи
Померкли, какъ звѣзда въ туманахъ темной ночи;
Прелестны тѣ уста, гдѣ вся любви краса
Въ отверстьи нѣжномъ ихъ вмѣщала небеса,
И каждымъ словомъ духъ въ восторгахъ изумляла,
Безмолвная печать на вѣкъ ихъ нынѣ сжала.
Куда ушли толпы вельможескихъ сыновъ,
Бѣгущихъ за тобой искать златыхъ оковъ,
Которыми ты ихъ опутывать любила,
Когда не сердцемъ ихъ, улыбкой лишь дарила?
О время! ты летишь, и нѣтъ тебѣ преградъ:
То рай намъ на пути, то страшный кажешь адъ.
Блаженство и бѣда, печаль и восхищенье,
Все случаевъ однихъ различное стеченье.
И ты лукавыхъ дней игралищемъ была,

Платила дань страстямъ и чувственно жила.
Чье сердце противъ язвъ любви жестокой твердо,
Коль Богъ попуститъ ей насъ гнать немилосердо?
Какъ кормчій въ тростникахъ увязнувши съ ладьей,
Изыскиваетъ путь за легонькой струей,
Чтобъ ею чистыхъ водъ пробиться на средину,
Далеко за собой оставивши пучину:
Такъ силился твой умъ изъ омута суетъ
Прочистить сердцу путь и выйти съ нимъ на свѣтъ;
Но бѣдный одолѣть свой рокъ сколь ни стремился,
Погибъ, и наконецъ всѣхъ дѣйствій онъ лишился.
Что дѣлать безъ ума? Жизнь мука,—свѣтъ—хаосъ;
Не внемлется совѣтъ; не страшенъ гласъ угрозъ,
Готовъ уже твой стражъ, звенятъ неволи узы;
Весь свѣтъ расторгъ твои общественны союзы.
Бѣги отъ міра прочь, отрекся онъ тебя,
И ближній твой не зритъ въ тебѣ уже себя;
Иди тянуть свое дыханіе въ пещеру.
О если бы ты тамъ облобызала Вѣру,
И сладости ея внутрь сердца ощутивъ,
Когда бъ могла познать, сколь духъ ея правдивъ!
Но могутъ ли вмѣстить ея дары священны
Потерянная мысль, разсудокъ помраченный?
Куда же, если смерть себя заставитъ ждать,
Дѣваться дни свои плачевныя скончать?
Безъ мира въ мірѣ жить несносно—скрыться въ кельи:
Тамъ, четки замѣнятъ алмазны ожерельи;
Тамъ, думалъ, посмотрѣвъ я съ жадностью на ту.
Которой славилъ вѣкъ прошедшій красоту:
Вздохнулъ и пороптал. На что жь намъ дарованья,
Художествъ и наукъ полезныя познанья,
Когда не бережетъ натура ни чего?
Тоскуй, сѣдѣй, умри, и вотъ предѣлъ всего!
Разсудокъ мой вздрогнулъ. Чти Вѣчнаго законы,
Паси въ степяхъ овецъ, или садись на троны,
Остеръ будь, или тупъ, силачъ, иль дряхлъ и слабъ—
Ты узникъ естества, титулъ твой—Божій рабъ:
Сынъ персти, крупный червь, мятущійся всечасно,
Въ которомъ и добро не вовся безопасно.
И слѣдуетъ ли намъ отколь, что давимъ тварь,
Тотчасъ и заключить, что мы надъ нею царь?
Откуда человѣкъ на гордость права хочетъ?
Царь съ скиптромъ, а Парфенъ съ сумой равно хлопочетъ.
Ни что здѣсь не для насъ, мы сами для того,
Чтобъ цѣпь кольцомъ связать творенія всего.

Сегодня ты востокъ и западъ покоряешь,
Сегодня ты моря судами покрываешь,
А завтра какъ ни будь и не спросясь тебя,
Животный механизмъ разстроитъ чуть себя,
То дурь твою всѣхъ царствъ умы не сладятъ справить,
И надобно тебя въ безумный домъ отправить.
По что же ты, какъ кедръ, вздымаешь дерзкій лобъ,
Когда деспотъ и Негръ въ одинъ ложится гробъ?
Когда тотъ и другой, по дѣйствію природы,
Трепещутъ иногда малѣйшей непогоды?
О истинно! тебя все намъ познать велитъ,
И благо лишь тому, кого Господь смиритъ!

ГЛАВА LXXIV.

Академія.

Недалеко отъ Флоровскаго монастыря, на Подолѣ же, мужской монастырь, называемый Братскій, въ которомъ помѣщена Академія; при ней живетъ и Ректоръ. Я не могъ порядочно разсмотрѣть Академію, по тому что всѣ пользовались вакаціями: видѣлъ строеніе, и нашелъ его прекраснымъ; зала собранія велика, т. е., въ сравненіи съ прочими, ей подобными, и со вкусомъ расписана.

Мнѣ полюбились болѣе прочихъ слѣдующіе замыслы живописца: надъ дверьми Философскаго класса изображенъ Фаетонъ, надъ дверьми Богословскаго Аполлонъ; Фаетонъ хотѣлъ поревновать солнцу и взялъ его упряжку, но кони его помчали, и онъ стремглавъ низвергся на землю: живой образъ Философіи, которая ищетъ премудрости, плѣняется ложнымъ умозрѣніемъ и пропадаетъ въ своихъ путлявыхъ системахъ; Аполлонъ, напротивъ, прямые лучи Феба отражаетъ на себѣ, и лира его плѣняетъ всю вселенную: не такъ ли учитъ насъ Богословія, когда она прямо отъ источника Вѣры заимствуетъ свои доказательства и истины?

Далѣе примѣтилъ я нѣчто также замысловатое: написанъ юноша: онъ глядитъ на солнце, силится разсмотрѣть его, но жму-

рится и взоръ его темнѣетъ: такъ глядитъ атеистъ, или язычникъ, на Саваоѳа. Другой рядомъ съ нимъ держитъ трубу, наводитъ на солнце, и видитъ его безъ помѣхи; труба въ рукахъ его— есть Вѣра. Когда она дѣйствуетъ на наши мысленныя очи, мы тогда видимъ и ощущаемъ Божество.

Кромѣ сихъ аллегорическихъ изображеній, зала наполнена портретами благотворителей Академіи, и Самуилъ между ними: какъ забыть его? Надъ ними на хорахъ разставлены грудные списки съ остроумныхъ писателей въ Язычествѣ. Вы найдете Цицерона, Саллюстія, Виргилія и проч. Кто располагалъ эту залу, тотъ не былъ суевѣръ.

Академія считаетъ у себя до 1400 учениковъ; изъ нихъ 400 на казенномъ коштѣ. При ней библіотека хотя не велика, но хороша, составлена изъ книгъ отборныхъ и во вкусѣ лучшей Словесности; много иностранныхъ сочиненій на разныхъ языкахъ, въ томъ числѣ Еврейская Псалтырь, подаренная Потоцкимъ.

Церковь при Академіи только что изрядная, утварь небогата. Храмъ соборный въ обители великолѣпенъ, и такой почти архитектуры, какъ Пустынно-Николаевскій. Встарину всѣ церкви строились на одинъ образецъ до тѣхъ поръ, какъ сыскался одинъ человѣкъ отважный, который дерзнулъ ввести въ обычай новый рисунокъ. Понятія о Божествѣ опредѣляли самый тѣсный и матеріяльный смыслъ, и поставленный разъ на Востокѣ столъ, или дверь, не могли безъ потрясенія совѣсти Православныхъ быть перенесены на Западъ. Чувственность одолѣвала всѣ усилія разума, и онъ сквозь плотяную свою оболочку едва наконецъ могъ пробиться. Слава Богу! Но побережемся другой крайности.

ГЛАВА LXXV.

Гражданскія строенія и заведенія.

Я уже сказалъ нѣчто о Дворцѣ, а теперь войду въ подробность. Онъ строенъ при Елисаветѣ, а исправленъ при Екатеринѣ. Огромное деревянное зданіе, при которомъ обширный садъ до самаго почти Подола, по всей горѣ аллеи; деревьевъ и зелени много. Онъ не совсѣмъ брошенъ, да и не совсѣмъ въ томъ состояніи, въ какомъ желательно видѣть садъ на такомъ превосходномъ мѣстѣ. Утомительно долго гулять по его крутизнамъ. Оранжереи наполнены кадками, но плодовъ уже мы не застали, а видѣли на воротахъ, на черной доскѣ, одну только таксу имъ. Публика тутъ ежедневно гуляетъ: всякой вечеръ въ хорошую погоду можно застать большое собраніе. Музыка и пѣсенники безпрестанно къ услугамъ прогульщиковъ готовы. Для отдохновенія сдѣлана въ саду большая галерея, изъ которой видѣнъ Днѣпръ, съ разными его излучинами, и вездѣ, вездѣ Подолъ довершаетъ прелесть всѣхъ видовъ Кіевскихъ. Но здѣсь картины не такъ восхитительны, по тому что Днѣпръ пересыхаетъ.

Крѣпость въ большомъ содержится порядкѣ: видно, что въ нее смотритъ попечительное око. Внутри ея, кромѣ Лавры, замѣтить можно Арсеналъ. Онъ окруженъ еще и другими строеніями, какъ то: Комендантскимъ домомъ, въ которомъ разведенъ большой садъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ пещерами, и Провіантская Коммисія; но домъ ея не краситъ этой части города.

Посмотримъ прилежнѣе на Арсеналъ: онъ стоитъ нашего вниманія. Зданіе прекрасное выстроено изъ здѣшняго кирпича, который не стыдливъ, и даже отъ огня не краснѣетъ: желтая глина, добываемая въ Кіевской Губерніи, всегда сохраняетъ въ немъ свой цвѣтъ такъ, что стѣны Арсенала кажутся почти похожи на камень. Онъ не штукатуренъ, только вычищенъ, чтобъ блѣдность желтизны не терялась.

Въ Арсеналѣ для выходовъ сдѣланы спуски довольно пологіе, покойнѣе гораздо господскихъ лѣсницъ; по нимъ катаются

орудія. Бомбъ и ядеръ пропасть: но кто на витязя Русскаго ихъ наготовится? Безпрестанно на волахъ возятъ въ Молдавію: дни два постоятъ вокругъ Арсенала пирамиды, а потомъ и въ походъ. Чалма тянетъ къ себѣ нашъ чугунъ, какъ магнитъ желѣзо.

Разгуливая по пространнымъ заламъ сего огромнаго зданія, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на все, и особенно любовался на слѣдующіе предметы: 1-е. Шатеръ кумачный, шитый, завоеванный Румянцевымъ у Визиря—огромный наметъ, вывѣска всей пышности Восточныхъ народовъ! Взглянувши на такой памятникъ Россійскихъ подвиговъ, невольно вздыхаешь о томъ, кто умѣлъ и себя и свою родину прославить. 2. Мѣдныя орудія, взятыя у Турокъ, хороши! Однако не удержались, перестали стрѣлять и неподвижныя стоятъ въ Кіевѣ. 3. Ихъ же бунчуки—странный знакъ почести: навязать лошадиный хвостъ, два и три на палку, и возить передъ собой, чтобъ узнавалъ народъ чиновника! 4. Гетманскія булавы съ каменьями тутъ же хранятся. Все имѣетъ свое время, подумалъ я; теперь кинь самую богатую изъ нихъ куда хочешь, а въ рукахъ Мазепы, я чаю, не очень близко къ ней подходили. 5. Всякихъ Россійскихъ орудій, ружей, палашей, пистолетовъ запасъ изрядный. Между ими случилось мнѣ видѣть и Французскія, къ употребленію готовыя. На всю четвертую дивизію выписано нужное по штату количество. 6. Въ особомъ ряд выставлены подъ надписью: мѣдныя разнокалиберныя пушки, пожертвованныя во время милиціи. А знаменамъ разнородныимъ нѣтъ и счета: иныя завоеваны, другія отобраны отъ полковъ по разнымъ реформамъ. Вся лѣстница ими уставлена съ низу до верх по обѣ стороны, и когда выходишь изъ этого военнаго хранилища подъ сводъ мирнаго неба, то сколько разныхъ уносишь с собою впечатлѣній и чувствъ, сколько въ одномъ покоѣ сближается вѣковъ, людей и дѣлъ! Нельзя равнодушно смотрѣть на такое зданіе. Но при томъ какъ сравнить Арсеналъ Кіевскій с Тульскимъ!

Заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія разсѣяны в нѣсколькихъ верстахъ вокругъ города. Я не ѣздилъ ихъ смотрѣт по тому что они не имѣютъ тамъ большой славы. Равнымъ образомъ не знаю и Гимназіи Кіевской: ни кто меня не завалъ

ное, и я ни чего объ ней отъ жителей не слыхалъ. Право, я не хо-лодѣю подъ старость къ просвѣщенью, но, видѣвъ нѣсколько учи-лищъ, смѣю спросить: тамъ ли оно, гдѣ по стату есть домъ, Ди-ректоръ и учители?

Въ Уѣздѣ не далеко отъ Кіева устроенъ Фаянсовый заводъ: онъ называется, а по немъ и посуда слыветъ Межигорской. Большая часть его до насъ не задолго сгорѣла, и онъ еще былъ не въ полномъ дѣйствіи. Я видѣлъ работы тамошнія: можно ихъ назвать лучшими въ Россіи; конечно, далеко еще фаянсъ нашъ отъ иностраннаго: нечистъ въ отдѣлкѣ и не всегда выдерживаетъ горячую воду.

Одинъ иностранецъ держитъ Пансіонъ для благородныхъ дѣвушекъ; я его не видалъ, и судить достоинства заведенія не могу; а заѣхавши нечаянно въ обѣденную пору, засталъ барышень за столомъ: хозяева, мужъ и жена, вмѣстѣ съ ними обѣдали, и мнѣ показалось содержаніе сего училища по наружности благопристойнымъ.

Я нашелъ тутъ давнишнюю знакомку. Жена этого иностранца жила у Господина Л. въ то время, какъ я въ первый разъ женился. Я видалъ ее тогда въ суетахъ около жениного приданаго. Старое пріятное знакомство всегда приноситъ удовольствіе, напоминая молодость нашу, счастливыя событія судьбы: оно насъ переноситъ въ прекраснѣйшую полосу жизни, мы забываемъ старость и, естественныхъ ея подругъ, уныніе и скуку, и стараемся схватить бѣглую минуту наслажденія въ воспоминаніяхъ прошедшихъ. Тоже ощущала и жена моя: она живала долго съ первымъ мужемъ своимъ въ Кіевѣ, нашла много знакомыхъ, вспомнила старинку, и мы, раздѣляя между собою чувство прошедшихъ нашихъ радостей, находили въ томъ взаимное и новое для насъ удовольствіе въ настоящемъ; ибо любовь искренняя во всѣ годы и вездѣ умѣетъ дать цѣну всякому ощущенію, и память прошедшаго наслажденія не тревожитъ, когда источникъ его чистъ.

Окрестности Кіева, какъ слышалъ я, и вѣрю безъ труда, прекрасны; жаль, что я не имѣлъ времени ихъ осмотрѣть. Умѣ-

чемъ будучи въ короткое время пребыванія моего въ городѣ общественными обязанностями, приглашеніями и любопытствомъ на мѣстѣ, я не могъ удаляться отъ него по произволу, и не всегда имѣлъ удобныя средства. Болѣе всего жаль, что не видалъ Китаевой пустыни: мнѣ ее расхвалилъ съ восторгомъ поселившійся въ ней свѣтскій человѣкъ. Кто жь?—Врачъ Владимірскій, Г. Сланецкій, тотъ самый, который нѣкогда отнялъ ногу у славнаго человѣка, у Принца Ангальта въ Финляндіи. Какъ я ему удивился, когда увидѣлъ его съ длинною сѣдою бородой въ монашеской расѣ! Онъ бросилъ свѣтъ и шниперъ, * не пишетъ рецептовъ, не мучитъ живыхъ, не рѣжетъ мертвыхъ, поетъ на крылосѣ, читаетъ книги церковныя, и въ уединенной кельѣ готовится къ вѣчности. Не имѣя жены, ни потомства, о чемъ ему жалѣть въ мірѣ? Имѣлъ малое сокровище, нажитое трудами, и то въ монастырѣ похитили; однако жь философически снесъ свою потерю и не тужитъ объ деньгахъ, радуется своею родиною, наслаждается теплымъ климатомъ, дышетъ свободно, и въ дѣяніяхъ своихъ не даетъ, кромѣ Бога, ни кому отчета. Вотъ жизнь прямо благостынная! Счастливъ, кто умѣетъ ощутить ея прелести и ими себя ограничить, но въ нѣкоторыя лѣта мила еще суета, проклятая суета!

ГЛАВА LXXVI.

Успеньевъ день.

Успеньевъ день въ Кіевѣ есть день величайшаго духовнаго торжества. За сутки переѣхалъ Митрополитъ Серапіонъ въ Лавру и занялъ свой домъ. Всенощная на праздникъ тяжела: начинается въ 7 часовъ, оканчивается въ полночь. Митрополитъ въ обыкновенное время выходилъ съ своей свитой. Народу было множество почти негдѣ поворотиться. Я со многими уходилъ въ алтарь, и имѣлъ тутъ минуту свиданія съ Преосвященнымъ. Онъ очень в

---

* Жидобой, снарядецъ для кровопусканія. О. Б.

боженъ, и, при всей своей слабости, особливо мучимъ будучи глазною болѣзнію, онъ выдерживаетъ столь продолжительную службу почти всю на ногахъ; берегитесь только при немъ табакъ нюхать: онъ этого не любитъ. Пѣніе монаховъ мнѣ не полюбилось: напѣвъ протяжный, но безъ выраженія и красоты.

Въ самый праздникъ Митрополитъ служилъ обѣдню съ Архіереемъ Ѳеофилактомъ, о которомъ говорено выше. Разумѣется, что вся почесть относилась къ старшему, а сей отставной Епископъ едва замѣтнѣе былъ рядоваго Священника. Я удивлялся тому чрезвычайно; мнѣ всегда странно, что въ самые духовные обряды вводятся обычаи свѣта. Епископъ можетъ быть безъ епархіи, но все онъ Архіерей, и у престола Божія Митрополитъ и онъ равныя имѣютъ преимущества, по тому что Митрополитъ не выше всякаго Епископа въ служеніи: та же власть, тотъ же обрядъ, чинъ и мѣсто. Между Попами старшіе становятся выше младшихъ, такъ точно и Митрополитъ между Епископами; а здѣсь Ѳеофилактъ лишенъ всякаго преимущества, и порабощеніе его предъ Серапіономъ, не дѣлая чести Настоятелю, обращало къ послѣднему сожалѣніе зрителей. Я стоялъ въ алтарѣ, по тому что въ церкви духота и тѣснота выгоняли всѣхъ изъ нея вонъ. Въ служеніи Серапіона нѣтъ ни того великолѣпія, ни той сановитости, какую мы привыкли съ восторгомъ видѣть въ Платонѣ. Пѣвчіе здѣшніе поютъ громко, кричатъ, но безъ всякаго вкуса, а ... держатся своего напѣва и уши только безпокоютъ. Протодіаконъ одаренъ голосомъ твердымъ, звонкимъ, но не всегда умѣетъ имъ владѣть. Евангеліе превеликое выносили два Діакона и насилу тащили. Викарій и Леванда служили въ этотъ день въ ... мѣстахъ. Проповѣдь у праздника говорилъ учитель Филоѳей* самую монашескую: экстрактъ изъ Акаѳиста! Ни одной ... занимательной, ни одной мысли превосходной. Замѣтить ... кстати, что духовенство черное въ Кіевѣ, почти вообще

---

* Ѳеофилъ Моховъ, Іеромонахъ и Префектъ, въ послѣдствіи Архимандритъ и ...ледній Ректоръ старой Академіи (уволенный въ Мартѣ 1817 г., въ Кіево-Печерскую Лавру на покой, гдѣ и скончался) передъ ея преобразованіемъ въ 1819 г. О. Б.

говоря, не блистательно; Викарій, проповѣдникъ, Ректоръ, главныя лица въ здѣшнемъ сословіи духовномъ, не привлекаютъ особеннаго вниманія. Викарій, такъ сказать, простонароденъ; Ректоръ* въ служеніи кривляется и вскрикиваетъ на возгласахъ какъ Діаконъ. Леванда одинъ восхищаетъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Кіевъ и словомъ и обращеніемъ. Ужъ ли прямая набожность не совмѣстна съ свѣтскою благосклонностію? Ужъ ли чинъ Іерея требуетъ удаленія всякой привѣтливости и грубыхъ отношеній ко всѣмъ? Такъ думать значитъ, по мнѣнію моему, унижать сущность Вѣры и Богопочитанія; учтивость и лукавство не суть одно и то же. Пора пастырямъ нашимъ быть довольно просвѣщенными, чтобы стыдиться мнѣніемъ общимъ ихъ братьи, простыхъ монаховъ, будто тотъ и угоденъ Богу, кто кидаетъ на всѣхъ свирѣпый взглядъ и ни кому добраго слова не хочетъ молвить.

Митрополитъ сему мнѣнію не слѣдуетъ: онъ возращенъ въ Столицѣ, и далъ намъ послѣ обѣдни превеликолѣпный пиръ. Много было знатныхъ чиновниковъ, пріѣзжихъ въ Кіевъ изъ разныхъ сторонъ, и за столъ насъ сѣло человѣкъ до ста. Зала большая и помѣстительная, а обѣдъ продолжался до вечера: мы за стола встали въ 6 часовъ. Чего не ѣли и не пили? Угощеніе было свѣтское и роскошное; плоды всякаго времени на столѣ стояли. Пѣвчіе пѣли во весь обѣдъ духовныя пѣсни. Разумѣется, что пили разныя здоровья и

По нотѣ много лѣтъ намъ пѣвчіе сулили.

Изъ внутреннихъ покоевъ видъ въ пещеры и на Днѣпръ безподобенъ. Пастырь привѣтливъ, обходителенъ, не тяготится собраніемъ народнымъ, любитъ, кажется, людей и охотно раздѣляетъ съ ними время. Послѣ обѣда онъ водилъ насъ на монастырь

---

* Іакинѳъ Лагоновскій, въ мірѣ Иванъ, сынъ бѣднаго Кіевскаго Дворянина, учился въ Академіи съ 1779 по 1792 годъ, по выходѣ изъ нея былъ учителемъ Грамматики и Греческаго языка въ Переяславской Семинаріи, откуда вызванъ въ Академію на Математику, 1795 монахъ, 1800 Префектъ и Архимандритъ, 1804 (Марта 30) Ректоръ; 1813 переведенъ въ Курскій Знаменскій монастырь, гдѣ и умеръ 1817 года. О. Б.

слушать главнаго звона, который плѣнялъ, сказываютъ, Потемкина. На Лаврской колокольнѣ есть колоколъ, прозванный Орелъ; я не упомню, какъ онъ тяжелъ на вѣсъ, * но слышалъ его звукъ, и признаюсь, что онъ меня ни сколько не восхитилъ. Въ одинъ только этотъ день въ его звонятъ, по тому, думаю, что трудно съ нимъ обходиться. ** Его раскачиваютъ разомъ человѣкъ 30, и когда раскачаютъ хорошенько, то пустятъ и языкъ, ударяя изъ стѣны въ стѣну, раздаетъ звонъ отъ себя очень далеко. Многіе (и, конечно, изъ предубѣжденія) увѣряютъ себя и другихъ, будто онъ въ себѣ всѣ тоны содержитъ: дишкантъ, теноръ, альтъ и басъ. Я очень вслушивался въ тоны и, кромѣ шуму, ни чего не слыхалъ, реветъ да и только. Впрочемъ, я до колоколовъ не охотникъ и роскоши въ этомъ вкусѣ не разумѣю. Въ Кіевѣ народъ любитъ звонъ: да гдѣ же не такъ? Чернь почти вездѣ одинакіе имѣетъ вкусы. Здѣсь, какъ и во всей Малороссіи, обычай звонить при смерти каждаго гражданина въ той церкви, гдѣ онъ былъ прихожаниномъ; равнымъ образомъ звонятъ во всѣ колокола въ церквахъ, мимо коихъ несутъ мертвеца, какого бы званія онъ ни былъ, о чемъ заранѣе и дается по пути знать: это входитъ въ обрядъ погребенія.

Митрополитъ хорошо живетъ и при Соборѣ; мы тамъ у него были. Кельи его не велики, но для пріема вседневнаго изрядны. Въ день пріѣзда нашего въ городъ онъ прислалъ намъ пять большихъ хлѣбовъ съ солью, и самъ пожаловалъ, посѣтилъ насъ. Благосклонность его ко мнѣ во все время пребыванія нашего тутъ оказывалась постоянно. Прощаясь съ нимъ, я получилъ отъ Его Высокопреосвященства въ подарокъ разныя книжки Кіевской печати и планъ Лавры, вытисненный на атласѣ.***

---

* Въ 500 пудовъ. О. Б.

** Звонятъ въ этотъ день въ колоколъ Успенскій, вылитый въ Москвѣ Моторинымъ, при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, въ 1000 пудовъ, по тому такъ и называемый. О. Б.

*** Митрополитъ Серапіонъ Александровскій, по городу Александрову Владимирской Губерніи, въ коемъ родился 22-го Іюля, 1747 г., сынъ Священника, учился

Въ Успеньевъ день Кіевъ наполненъ богомольцами; пѣшаго народу пропасть, и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ; пріѣзжихъ множество, но совсѣмъ тѣмъ ярмарки нѣтъ, и торгъ самый неважный разными бездѣлушками на базарѣ. И такъ, кто хочетъ молиться въ Кіевѣ, тотъ пріѣзжай сюда къ Успеньеву дню; а кто ищетъ въ немъ забавъ, пусть жалуетъ сюда въ Генварѣ, къ Контрактамъ.

ГЛАВА LXXII.

Общія увеселенія города. Жизнь Кіева при насъ.

Лѣтомъ ни кто не живетъ въ городахъ, и Кіевъ не изъятъ изъ сего правила, тѣмъ болѣе, что около его мѣстоположенія завидны. Однако Успеньевъ день многихъ привлекаетъ въ Лавру, за нѣсколько дней жизнь городская становится живѣе. По особенному какому-то счастію, на которое во все мое путешествіе не было мнѣ причины пожаловаться, изъ разныхъ сторонъ наѣхали въ Кіевъ мои знакомые, какъ-то, на прим.: Графъ Безбородько, изъ Рима очутились Мятлевъ съ женою и семействомъ; переведенный изъ Москвы Губернаторъ Г. Л. * подъѣхалъ къ той ж

у Троицы Сергія въ Семинаріи, съ 1750 (съ Марта) до 1770 (Сентября 23) учитель въ ней Латинскаго языка и Географіи, 1771 (Февраля 8) монахъ, 177 проповѣдникъ въ Московской Академіи и Іеромонахъ по 1775 г., съ 15 Марта Игуменъ Воздвиженскаго монастыря и Членъ Консисторіи, 1776 (Генваря 7) Знаменскій Игуменъ, 1779 (Февраля 17) Архимандритъ Богоявленскій, 1782 в чредѣ въ Петербургѣ, послѣ чего возвратился на свое мѣсто; 1785 Цензоръ духовныхъ книгъ по Іюнь 1788; съ Іюня (11-го) того же года Викарій Московскій, 1799 Епископъ Калужскій (16 Октября), но вскорѣ (21-го) Казанскій Архіепископъ, а Декабря 11-го, 1803, Митрополитъ Кіевскій и Членъ Синода; въ Кіевъ прибылъ Февраля 5-го, 1804, гдѣ 24 Генваря, 1822 г., уволился по прошенію на покой въ Московскій Даниловъ монастырь, но скончался тамъ же 14-г Сентября, 1824, и погребенъ 17-го въ Софійскомъ Соборѣ. При немъ Кіевская Академія, 14-го Августа, 1817 года, по Указу Синода, обращена была въ Семинарію, до преобразованія оной по новому Уставу, которое и послѣдовал 28-го Сентября, 1819 года, а Семинарія основана новая. О. Б.

* Д. С. С. Дмитрій Семеновичъ Ланской? О. Б.

порѣ. И такъ время проводилъ я очень пріятно въ разныхъ обществахъ, у каждаго изъ нихъ. Досуги мои, послѣ любопытныхъ занятій, бывали очень коротки и всегда наполнены пріятной бесѣдой путешествующихъ.

Я часто воображалъ себѣ, что мы въ чужихъ краяхъ, гдѣ соотечественники, собравшись вмѣстѣ, дѣлятъ между собой дни и часы и проводятъ время какъ бы на своей родинѣ. Такъ точно и здѣсь: мы всѣ заѣзжіе люди, не имѣя ни какой особенной связи ни съ кѣмъ въ Кіевѣ, съѣзжались между собой. Кіевляне были для насъ какъ бы чужеземцы, и мы одни проводили вечера во взаимныхъ разсказахъ о томъ, что кто изъ насъ видѣлъ. Натурально, что Г. Мятлевъ, пріѣхавши изъ Рима, первую ролю игралъ въ разговорѣ: его новости были занимательнѣе прочихъ, и я съ жадностію всегда его слушалъ.

Военный Губернаторъ Кіевскій, занимая весь дворецъ, живетъ въ немъ очень роскошно. Кромѣ ежедневныхъ публичныхъ съѣздовъ въ его садъ для того, чтобъ гулять, глазѣть, слушать музыку и пѣсни, онъ далъ огромный праздникъ 10 числа Августа, въ честь Г-жи Мятлевой. У него былъ во дворцѣ прекрасный балъ, залы великолѣпнѣйшимъ образомъ были освѣщены. Богатый ужинъ, огромная музыка, большое число гостей, все способствовало къ общему удовольствію. Мы также приглашены были, и пробыли тутъ часовъ до трехъ утра.

Хозяинъ отмѣнно вѣжливъ и благосклонно всѣхъ принимаетъ: нѣтъ ни чего гордаго, суроваго, несноснаго въ его обращеніи. Онъ веселъ и любитъ, чтобъ у него было весело; не щадя своихъ доходовъ, расточаетъ ихъ безъ всякой бережливости. Вкусъ и роскошь неразрывны были на его балѣ, и я отъ сердца пожелалъ, чтобъ онъ имѣлъ милліоны. Его богатство не ему одному, но многимъ доставило бы отрадныя минуты.

Графъ Безбородько пользуется въ городѣ прекраснѣйшей усадьбой, и выстроилъ не весь домъ еще, какой для него приличенъ, но многія его принадлежности, и отдѣлалъ для себя флигель, въ которомъ при насъ на недѣлю расположился. Онъ его убралъ со

вкусомъ прелести; видъ изъ окошекъ наполненъ: съ правой стороны открывается холмъ съ Михайловскимъ монастыремъ, съ лѣвой Софійской соборъ на своей высотѣ: все вмѣстѣ несравненно и одному Кіеву прилично. Въ этомъ домѣ Графъ разсудилъ позвать Мятлева, Военнаго Губернатора и насъ къ себѣ по Русски на полдникъ—у иностранцевъ тоже самое нынѣ называется un thée, т. е., чай: чего мы тутъ не ѣли и не пили? Лучшіе плоды земнаго шара, изящнѣйшее вино въ природѣ. Сосуды, чаши, подсвѣчники, все соглашалось съ богатствомъ хозяина, вездѣ въ глаза кидались бронза, фарфоръ превосходный, стекло отмѣнное, живопись лучшая. Взглянувши на каждую вещь, трудно было снять съ нея глаза и обратить въ другую сторону, гдѣ новыя прелести также ихъ задерживали. Присоединимъ къ такой роскоши ласковое угощеніе хозяина, остроумныя шутки гостей, бесѣду безпрерывную и ума наполненную, готовность каждаго блеснуть замысловатымъ словцомъ. Все восхищало, и нельзя было довольно возблагодарить Графа за доставленіе такой пріятной вечеринки.

Сестра познакомила насъ съ однимъ родственникомъ мужа ея, Черниговскимъ помѣщикомъ Г. Ми** который два раза насъ угощалъ у себя съ истинной пріязнью; мы у него обѣдали и ужинали: семейство любезное, благосклонное, готовое къ услугамъ. Такое знакомство всегда находка.

На Подолѣ одинъ Кіевлянинъ, нѣкто Могилевскій, отецъ любезнаго молодаго человѣка, который нѣкогда дѣлилъ занятія мои по службѣ, захотѣлъ насъ имѣть у себя въ домѣ и пригласилъ по Малороссійски на борщъ. Мы у него обѣдали и ѣли всякое тамошнее кушанье. Столъ былъ жирный, сытый и лакомый, вино пили доброе, хозяинъ радовался нашимъ посѣщеніемъ, а мы его лаской, и разстались другъ съ другомъ взаимно довольны.

Онъ зналъ свычку мою съ его сыномъ и мое къ нему доброхотство. Признательность его дѣлаетъ честь его чувствамъ, что нужды, что онъ незнатенъ? Лучшая порода—душа и сердце.

---

* Миклашевскимъ? О. Б.

Вообще Кіевляне, сколько я ихъ видѣлъ и изъ посѣщеній у нѣкоторыхъ распознать могъ, гостепріимны и до людей охотники. Имѣя мало публичныхъ увеселеній, какъ и всѣ Губернскіе города, они съѣзжаются между собой, принимаютъ другъ друга, составляютъ частныя общества и ни одинъ гость не уѣдетъ, не выпивъ за здоровье хозяина добраго бокала славнаго Венгерскаго вина.

Между живущими въ Кіевѣ безъ службы и дѣла примѣтенъ особенно Молдавскій бывшій Господарь, Князь Ипсилантій, который, послѣ бывшаго Кіевскаго Комендапта, Вигиля, * купилъ здѣсь прекрасный домъ. Я нигдѣ не имѣлъ случая съ нимъ встрѣтиться.

Чаще всѣхъ и почти всякой день запросто бывали мы у Мятлевыхъ, которые тамъ оказывали намъ большую ласку; всѣ вечера мы у нихъ просиживали, говорили о Римѣ, о руинахъ, о тамошнихъ красотахъ. Возможно ли находить время длиннымъ въ пріятной бесѣдѣ?

Однажды Пр. Ив. угодно было написать нѣсколько лестныхъ строкъ въ моихъ «Сумеркахъ.» ** Тутъ она и мужъ ея оставили почеркъ свой въ память частыхъ нашихъ свиданій въ Кіевѣ. Вотъ мой отвѣтъ:

Давно, весьма давно, призналъ ученый свѣтъ,
Что Римъ есть тронъ наукъ, изящнаго искуства,
Нигдѣ, какъ говорятъ, такихъ диковинъ нѣтъ,
И такъ рѣзецъ и кисть не дѣйствуетъ на чувства.
Я вѣрилъ; но чтобъ быть увѣрену неложно,
Я опыта для глазъ и для души желалъ;
Сомнѣнію сему продлиться не возможно,
Я въ «Сумеркахъ» моихъ нашелъ, чего искалъ:
Искуснаго пера прекрасныя черты,
Какъ солнца яркій лучъ въ листахъ моихъ явились;
Откуда, думалъ я, такія красоты

---

* Филиппъ Лаврентьевичъ 1788—1798, отецъ Филиппа Филипповича Вигиля. О. Б.

** Есть книжка моихъ стиховъ, прозванная «Сумерки моей жизни,» въ которую, какъ въ альбомъ, мои знакомые дарили меня своимъ перомъ.

Волшебнымъ слогомъ вдругъ въ тѣни изобразились?
Желая пошутить, попробовать перо,
Изъ Рима на пути пригожая Московка
Черкнула строчекъ пять и нѣжно и остро,
Нечаянно плѣнять знакома ей уловка.
О! вѣрить я теперь и возгласить готовъ,
Что точно Римъ одинъ изяществомъ владѣетъ;
Нѣтъ, скажемъ, что владѣлъ, благодаря боговъ,
Ужъ Мятлеву не Римъ, Москва въ себѣ имѣетъ.

ГЛАВА LXXVIII.

Отъѣздъ изъ Кіева. Козелецъ.

Проживши дней 10 въ Кіевѣ въ безпрестанномъ, такъ сказать, изумленьи, пора было ѣхать домой. Изъ переписки моей съ родными я видѣлъ нетерпѣливость ихъ опять съ нами увидѣться; я ее цѣнилъ въ полной мѣрѣ, и при всемъ томъ удовольствіи, какое доставило мнѣ мое путешествіе, я скучалъ по своимъ домашнимъ. У кого есть дѣти, тому безъ нихъ вездѣ скучно; кто имѣетъ друзей, тотъ всегда ищетъ къ нимъ приблизиться.

Мы рѣшились выѣхать отсюда 18 числа. На канунѣ я ходилъ еще разъ взглянуть на Кіевъ съ Андреевской башни или галереи: это было въ вечеру. Солнце, оканчивая бѣгъ свой, скрывалось отъ нашихъ странъ; закатъ его былъ ясенъ, чистъ; небо ни чѣмъ не помрачено, и лазурный сводъ его принималъ на себя отраженіе послѣднихъ солнечныхъ лучей. Въ такое время дня взошелъ я на Андреевскую гору и окинулъ глазами весь Кіевъ еще разъ въ жизни. Нѣтъ ни чего прекраснѣй сего зрѣлища; отъ него былъ внѣ себя и не вмѣщалъ своихъ восторговъ. На Подолѣ выстроенъ Магистратъ: онъ держится Германическихъ обрядовъ, будучи образецъ тамошнихъ Ратушъ. По обыкновенію того края трубачъ выходитъ на каланчу, трубитъ въ часъ утренней и вечерней зари и въ полдень: музыка заиграла въ эту самую минуту; я ее слышалъ съ горы, и звукъ трубъ раздавался далеко по струямъ Днѣпра. Все способствовало къ потрясенію моихъ

чувствъ; они были живы, пламенны, обнимали вдругъ прошедше и настоящее. Простясь съ солнцемъ, простился съ Кіевомъ и пошелъ домой готовиться къ отъѣзду.

Въ самый день нашего отъѣзда посѣтилъ я въ послѣдній разъ гробъ моей бабки, принесъ ей жертву моего благоговѣнія, оросилъ слезами мертвенное ея покрывало и пожелалъ всѣмъ сердцемъ, чтобы они проникли до безсмертной души ея, и естьли мертвые въ селеньяхъ пренебесныхъ могутъ убѣждаться чувствами единородныхъ, еще населяющихъ юдоль міра, то пусть великая душа ея приметъ наше поклоненіе съ такимъ же благопріятствомъ и кротостію, съ какимъ Отецъ тварей, изливая на насъ щедроты свои, внемлетъ моленію сыновъ, ищущихъ угождать ему.

Съ трепещущимъ сердцемъ и въ сильномъ волненіи его выѣхали мы изъ Кіева. Сестра провожала насъ: она не плакала, чтобъ насъ не растрогать; но черты лица ея изображали истинное положеніе огорченнаго ея сердца. Проводы ея мужа умножили безпокойство наше внутреннее: намъ жаль было разставаться съ ними; намъ жаль было ихъ—Кіево-домашнихъ, словомъ, всему хотѣлось ѣхать, хотѣлось остаться. Чувствительный человѣкъ есть самое мятежное существо во вселенной.

Нечаянная встрѣча насъ разсмѣшила на минуту. Одинъ бѣдный Полякъ, издавна знакомый женѣ моей, странствующій въ Кіевѣ безъ пристанища, увидѣвши ее, узналъ и, называя старымъ именемъ: «Ah! Madame Pojarina (сказалъ онъ ей), grand triste et grands jours!» Такъ онъ хотѣлъ изъявить сожалѣніе свое о томъ, что ея давно не видалъ; а за два дня передъ тѣмъ видѣлъ ее и спрашивалъ у всѣхъ: кто такая? Прямой Полякъ: и холоденъ и жарокъ въ одну и ту жь минуту; мы всѣ этому посмѣялись.

Екипажи наши дожидались насъ за рѣкой; чтобъ дойти до нихъ, надобно спуститься съ превысокой и крутой горы, которую стараются всячески сдѣлать отложе, и не безъ успѣха; но работа сія стоитъ казнѣ до 4,000 руб. Многіе критикуютъ эту издержку и не совсѣмъ безъ основанія разсуждаютъ, говоря: въ VI-мъ вѣкѣ строенъ городъ; въ него и изъ него въ цѣлыя XV столѣтій

выѣзжали по другой сторонѣ, гдѣ путь съ объѣздомъ былъ несравненно легче и отложе: для чего же въ XIX вѣкѣ вздумали проложить на Днѣпръ новый спускъ, который крутъ, опасенъ и дорогъ!

На берегу Днѣпра я простился съ сестрой, съ зятемъ. Минуты разлуки съ людьми любезными несносны: ни что ихъ не красить. Я побѣжалъ, не оглядываясь, за мостъ, и, на той сторонѣ остановясь нѣсколько секундъ, взглянулъ на Лавру: какъ видѣ ея изъ за рѣки величественъ! Тутъ надобно глядѣть на Кіевъ, и дивиться этому хребту горъ превысокихъ, на которыхъ онъ поставленъ. Отсюда глядя на нихъ, признаться должно, что они много выше Владимірскихъ холмовъ; да и Днѣпръ, при всѣхъ его отмеляхъ, гораздо шире и важнѣе Клязьмы. Чтобъ много похвалить Владиміръ, довольно сказать, что онъ—Кіевъ въ маленьком видѣ. Какъ всю картину города украшаетъ Подолъ! Ни какое описанію повѣрить нельзя; надобно это видѣть: одинъ собственный взоръ увѣритъ въ превосходствѣ мѣстоположенія. Думаю, что въ цѣлой Россіи нѣтъ ему подобнаго. Долго я не могъ усидѣть въ коляскѣ: сяду—и опять вонъ; оборочусь назадъ—и смотрю на Кіевъ. Чѣмъ больше я отъ него удалялся, тѣмъ плѣнительнѣе представлялась картина его въ отдаленіи. Онъ восхитителенъ, и я только тогда пересталъ закидывать глаза назадъ, какъ взбѣсили меня пески: тутъ я спрятался въ уголъ моей коляски, понялъ ее и задремалъ. *

До Броварей 18 верстъ только, но онѣ утомительны: пески сыпучіи, лошади едва тащатъ повозки, насъ пекло до смерти. На силу въ 4 часа времени доѣхали. Во всю дорогу двигал...

---

* О Кіевѣ см. прекрасное сочиненіе Н. В. Закревскаго, подъ заглавіемъ: «Описаніе Кіева,» явившееся въ первый разъ въ Ревелѣ 1836: «Очеркъ исторіи города Кіева», стр. 68; вторично въ «Чтеніяхъ въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1848 г.: «Лѣтопись и Описаніе города Кіева,» ... стр., кн. II, и особо, и въ третій въ 1868 г., въ Москвѣ, отдѣльно, въ 2 большихъ томахъ, съ изображеніями и чертежами: «Описаніе Кіева,» вновь обработанное и значительно умноженное изданіе, но при чтеніи его слѣдуетъ имѣть подъ руками и не менѣе прекрасныя изслѣдованія о Кіевской старинѣ М. А. Максимовича, въ особенности его: «Объяснительные параграфы о Кіевѣ. Кіевъ, 1869.» О. Б.

шагомъ, и почти третью часть ея шли пѣшкомъ. Какая тоска! Отъ Броварей до другой станціи, Семиполки, 27 верстъ, пески не такъ глубоки, но все еще есть, и мы ѣхали не очень скоро. Это селеніе принадлежитъ Княгинѣ Хованской, которая сама тутъ живетъ.* Карета и повозки отъ насъ отстали, но намъ не хотѣлось терять дня, и мы съ женой одни въ коляскѣ поскакали въ Козелецъ. Тутъ дорога пошла лучше. Мы 24 версты проѣхали въ два часа. Селенія часты, и рощи есть. Вечеръ былъ прекрасный, и послѣ горячихъ песковъ эта станція дала намъ отраду. Мы захватили часа полтора сумерекъ и темноты, но доѣхали въ Козелецъ одни, безъ прислуги и всѣхъ товарищей оставя назади. Козелецъ — уѣздный городокъ Черниговской Губерніи: она начинается подъ самымъ Кіевомъ, тотчасъ за Днѣпромъ, и мы, вступя въ нее, увидѣли тѣ же распоряженія по дорогѣ, какія въ Полтавѣ. По обѣ стороны деревья, но, проклятыя, не хотятъ ни какъ приниматься. До Козельца прогоны почтовыя платятся по 3 копѣйки на лошадь, по тому что это называется военный Петербургскій трактъ.

Городничій далъ намъ квартиру въ своемъ домѣ. Козелецъ — городъ неважный и можетъ хвалиться только отмѣннымъ множествомъ водяныхъ мельницъ, коихъ до 12 почти рядомъ. Часть ихъ принадлежитъ казнѣ, другая помѣщикамъ, и когда воды для всѣхъ недостаточно, то они мелютъ по очереди, понедѣльно. Гербъ города мнѣ показался забавенъ: серебряный козелъ, и на немъ золотые крестъ и держава. Какъ могли такіе священные аттрибуты соединиться между рогъ самаго неблаговоннаго скота? Вотъ все, что о Козельцѣ сказать можно.* Всѣ наши от-

---

* Какъ Броварн, такъ и Семиполки, прежде принадлежали Кіевопечерской Лаврѣ, теперь же первое—мѣстечко съ 2 церквами, Еврейской молельней, 2 ярмарками и торгами; въ немъ около 300 дворовъ или 2,000 душъ обоего пола, лежитъ при озерѣ Свѣдловщинѣ; другое при ручьяхъ Пилевкѣ и Татаркѣ, надъ болотомъ Смоложью, съ 163 дворами или почти около 2,000 жителей обоего пола, церковью и тремя заводами. О. Б.

* Козелецъ дѣйствительно можетъ похвалиться своими мельницами, такъ какъ онъ стоитъ надъ рѣкой Остромъ и рѣчкой Карашней. Остеръ течетъ по нему извилисто, окружаетъ его съ 3-хъ сторонъ и впадаетъ въ Десну; мѣстоположеніе

ставшіе спутники пріѣхали очень поздно, и мы, пообѣдавши сегодня на скорую руку въ Броваряхъ, легли спать не ужинавши. Послѣ всѣхъ тѣхъ наслажденій, кои намъ представилъ Кіевъ, одинъ день поста перенести было не трудно. Обыкновенно при выѣздѣ изъ большихъ городовъ, особливо гдѣ нѣсколько дней промѣшкаешь, наши люди не умѣютъ скоро собраться, и пока господа любопытствуютъ, смотрятъ старыхъ, или новыхъ, диковинъ, слуги шатаются по трактирамъ, пробуютъ свойство хмѣля, сравниваютъ чужестранный съ своимъ, наконецъ не стоятъ на ногахъ, и когда надобно сбираться, то или спятъ, или отстали, или чего ни будь въ поклажахъ не сыщутъ. Да здравствуютъ Русскіе холопы!

ГЛАВА LXXIX.

Нѣжинъ.

19 числа выѣхали мы изъ Козельца съ намѣреніемъ поспѣть ночевать въ Нѣжинъ, въ чемъ и успѣли. Поѣхавши въ 9 часовъ утра, пріѣхали въ 5 по полудни. Дорога сюда песчана, а къ Нѣжину гати и недомостки очень безпокоятъ. Обѣдали мы въ Носовкѣ, помѣстьѣ Графа Безбородька, гдѣ у него для пріюта маленькой флигель построенъ. Графъ еще въ Кіевѣ во всѣ свои Малороссійскія деревни далъ намъ приказы, которымъ одолжены мы были большими пріятностями.

равное со многими въ предмѣстьяхъ садами. Въ немъ была когда-то и крѣпость обнесенная валомъ; въ городѣ теперь церквей 5, изъ коихъ одна построена матерью Графовъ Разумовскихъ, во имя Рождества Богородицы, по плану архитектора Графа Растрели, съ колокольней, похожей на Кіевопечерскую; въ церкви многія иконы Итальянской живописи. Извѣстно, что въ 7 верстахъ отъ Козельца находится село Лемеши—родина реестроваго Козака сего полку, Григорія Розума, отца Разумовскихъ. За городомъ находятся женскій Богоявленскій монастырь, а въ нѣсколькихъ верстахъ мужской Георгіевскій, управляемый Игуменомъ; сверхъ того Еврейскихъ двѣ молельни, Уѣздное и Приходское Училище, Больница, ярмарокъ 5, еженедѣльные торги и нѣсколько заводовъ. Жителей около 450 дворовъ съ 5,000 обоего пола. Отъ Губернскаго города Чернигова

Лишь въѣхали въ Нѣжинъ, какъ встрѣтили любопытное зрѣлище—Жидовскую свадьбу. Одинъ Жидъ шелъ отъ жениха съ дарами къ невѣстѣ, неся по улицѣ на головѣ какой-то не покрытый коленкоръ, который мы скоро, ѣхавши рядомъ, накрыли пылью. За нимъ пѣшешествовали три Жида, изъ которыхъ одинъ игралъ на скрыпкѣ, другой на цымбалѣ, а третій шумѣлъ кастаньетами или гремушками. Гуляки этѣ дошли до дому невѣсты и встрѣчены были у двора ея роднею. Черезъ часъ началась свадьба, и я нарочно пошелъ ее посмотрѣть. Вотъ въ чемъ состоялъ ихъ обрядъ:

Новобрачные выведены были изъ дому на улицу подъ большой наметъ, на четырехъ жердяхъ висящій. Женихъ 16 лѣтъ одѣлся въ шубу и надвинулъ шапку. То же сдѣлала невѣста, совершенная ему ровестница; все лице у нея было закрыто. Около навѣса торчали родственники и наша братья зрители. Жиды, по обыкновенію, кричали во весь голосъ. Тотъ, который бракъ совершалъ, стоялъ подъ общимъ съ ними холстомъ, обручалъ ихъ кольцами, поилъ виномъ, держалъ подъ носомъ у нихъ свѣчи и стаканъ, изъ котораго ихъ поилъ: опорожнивъ, бросилъ на земь, и его въ мелкіе кусочки истопталъ народъ; все это сопровождалъ онъ пѣніемъ и кривляньемъ, безъ котораго у Жидовъ нѣтъ ни какого духовнаго дѣйствія. Послѣ различныхъ своихъ фарсъ, онъ прочелъ имъ брачный договоръ, и тѣмъ все кончилось. Отъ вѣнца повели ихъ подъ руки въ домъ; тѣ же музыканты заиграли плясовыя пѣсни, Жиды и жены пріударили въ ладоши, и самые усердные пріятели новобрачныхъ, идучи впереди, въ присядку плясали. Какая трогательная церемонія!

Я эту чету проводилъ до воротъ, но въ домъ не пошелъ, за тѣснотой; я могъ вообразить, какъ тамъ душно, тѣсно, гадко!

отстоитъ въ 62 верстахъ, а прежде былъ, до открытія Намѣстничествъ, онъ главнымъ городомъ Кіевскаго полка съ своей сотней. Нынѣшней гербъ его взятъ съ печати городской Магистратской, между тѣмъ какъ печать Полковая представляла Кіевскія горы съ крестомъ, водружаемымъ Апостоломъ Андреемъ, который благословляетъ еще свыше десницей. О. Б.

Между Жидовокъ одно только лицо можно замѣтить было по красотѣ его и пригожеству: впрочемъ, въ этомъ разсѣянномъ сбродѣ людей, я мало встрѣчалъ хорошихъ лицъ женскаго пола. Сколько ни старался узнать, отъ чего женихъ и невѣста вѣнчались въ шубахъ и шапкахъ, не могъ ни какъ причины добиться, а жаръ былъ несносный, и ихъ вѣрно солнце пекло, какъ огонь куропатокъ на вертелѣ. Я думаю, что это для того, чтобъ они всегда были жарки другъ къ другу и холодны къ другимъ. Хорошо, естьли имъ это удастся.

Поговоримъ о самомъ городѣ. Онъ неопрятенъ и нехорошъ, но видно, что торговый, и отъ того богатъ. По превосходству числа жителей въ немъ изъ Грековъ, можно назвать его Греческимъ городомъ. Мостовыхъ нѣтъ, и такъ осенью и весной въ большія грязи ни проходу, ни проѣзду. Площадей и регулярныхъ улицъ не увидишь, а пустырей много; рѣчка скверная или лучше сказать, протечная лужа. Домъ для Присутственныхъ Мѣстъ каменный; Магистратовъ два: одинъ Уѣздный, по общему стату всѣхъ Россійскихъ городовъ, и строеніе его такой же формы, какъ въ Кременчугѣ, только поменьше и не столь великолѣпно; другой учрежденъ собственно для Грековъ, кои пользуются здѣсь разными преимуществами, и изъ нихъ самое важное то, что домы ихъ свободны отъ постоя. * Ряды скверные: обыватели намѣреваются строить новые.

---

* Въ нынѣшнее время Грековъ въ Нѣжинѣ очень мало, не болѣе 365 душъ обоего пола, изъ коихъ многіе, со времени перевода Всеѣдинской ярмарки в Роменъ, живутъ въ другихъ Русскихъ городахъ, не выписываясь, однако же изъ своего общества и присылая въ своей Магистратъ о себѣ сказки, откуда получаютъ видъ на прожитіе. Они отличаются отъ прочихъ Нѣжинскихъ обывателей только однимъ своимъ типомъ; впрочемъ, между ними было и есть довольно и Булгаръ, говорящихъ по Гречески и выдающихъ себя за Грековъ, чтобы участвовать въ тѣхъ выгодахъ, которыя предоставлены имъ были у насъ еще со времени Гетмана Богдана Хмельницкаго, старавшагося привлечь ихъ въ Малороссію для развитія торговли. Выгоды этѣ въ наше время ограничиваются свободой отъ податей, постоевъ, подводъ и личной службы, платежа гильдій всей Черниговской Губерніи, поступленіемъ въ войско на правахъ личныхъ Дворянъ, имѣютъ своей Магистратъ съ Членами его, утверждаемыми Губернскимъ Начальствомъ, и пользуются преимуществами купцовъ 1 и 2-й гильдіи. Кромѣ то

Въ Нѣжинѣ есть мужской монастырь, построенный Яворскимъ, котораго и портретъ стоитъ въ соборномъ храмѣ. Онъ заложенъ при Петрѣ 1, ровесникъ Полтавской побѣдѣ. Около тѣхъ дней поставленъ тутъ престолъ во имя Благовѣщенія. Отсюда его названіе Назаретъ. * Архимандритъ тутошній, Ректоръ

Нѣжинскіе Греки имѣютъ свое Александровское Училище на правахъ Уѣзднаго. Нѣжинъ раскинутъ на равнинѣ, по обоимъ берегамъ рѣки Остра, протекающей черезъ городъ прорытымъ каналомъ, конченнымъ въ 1812 году, теперь заросшимъ травою, а по тому жители нуждаются въ водѣ, пользуясь ею отчасти изъ колодцевъ. Южная часть города больше сѣверной. Основаніе его теряется въ древности; думаютъ, что онъ встрѣчается уже около XII-го столѣтія (подъ 1147 г. въ Ипатьев. спискѣ упоминаются Нѣжатинъ въ одномъ мѣстѣ, и Унепѣжь въ другомъ, но одно ли и то же этѣ названія, равно какъ и Нѣжатина нива?). Судьба его нераздѣльна съ судьбою прочихъ Малорусскихъ городовъ; въ XVII столѣтіи онъ получилъ Магдепбургскія права, нѣкоторыя земли (на 12 верстъ кругомъ себя и нѣкоторыя населенные хутора и села въ своемъ и Борзенскомъ Уѣздахъ) и самый гербъ: Георгій на конѣ, поражающій копьемъ змія: онъ употреблялся въ Магистратѣ до открытія Черниговскаго Намѣстничества; настоящій же гербъ Нѣжина: четвероугольный продолговатый щитъ, коего нижніе углы закруглены, а въ нижнемъ краю на срединѣ острое возвышеніе; щитъ перерѣзанъ съ права на лѣво, па двѣ части, изъ коихъ въ верхней, въ красномъ полѣ, двѣ руки, одна другую держащія, а въ нижней въ синемъ полѣ золотой жезлъ Меркуріевъ. Этотъ гербъ употреблялся Полковой Канцеляріей, и утвержденъ навсегда Государыней въ 1782 году. При Гетманахъ Нѣжинъ высоко было поднялся: преимущества, полученныя имъ какъ прежде, отъ Польскихъ Королей, такъ и отъ Гетмановъ своихъ, подтверждались и Русскими Государями. Онъ былъ одинъ изъ 4-хъ увѣрительныхъ Малороссійскихъ городовъ (съ Переяславомъ, Черниговомъ и Полтавой) для Московскаго Государя, и по тому занимался Русскимъ войскомъ съ Комендантомъ. Съ 1782 г. Нѣжинъ сдѣлался Повѣтовымъ городомъ Черниговскаго Намѣстничества, а потомъ Уѣзднымъ Малороссійской, послѣ Черниговской, Губерніи. Нынѣ Нѣжинъ принадлежитъ къ значительнѣйшимъ городамъ своей Губерніи по величинѣ, храмамъ (22 Православныхъ, 1 Католическій и Синагога), учебнымъ заведеніямъ (6-ть: Лицей, Гимназія, Греческое, Уѣздное, Приходское и Еврейское казенное Училища) и другимъ учрежденіямъ (Больница, домъ для Инвалидовъ, Богодѣльня, 2 частныхъ Пансіона), населенію (2,334 дома съ 20,000 жителей обоего пола) и промышленности, производимой особенно Греками и Малороссіянами (папушный табакъ, соленые огурцы и другіе плоды, отправлямые на Покровскую ярмарку въ Кролевецъ, а оттуда развозимые по всей Россіи). Есть свой гостинной дворъ, и т. п., еженедѣльные торги; Полицеймейстеръ съ 4 Квартальными. О. Б.

* Митрополитомъ Рязанскимъ Стефаномъ, какъ въ мѣстѣ, въ которое (городъ

Черниговской Семинаріи, родомъ изъ Болгаръ, и худой, сказываютъ, проповѣдникъ. По случаю вакаціоннаго времени во всѣхъ училищахъ, мы его застали въ своемъ монастырѣ и познакомились съ нимъ. Онъ показался мнѣ человѣкомъ скромнымъ и благодушнымъ, принялъ насъ очень ласково, и самъ посѣтилъ на нашей квартирѣ; водилъ меня по всему монастырю и всѣ его красоты показывалъ. Всѣхъ рѣдкостей выше кровь Іоанна Предтечи, которую онъ самъ мнѣ съ разными частьми мощей показывалъ на престолѣ, въ особомъ ковчегѣ; впрочемъ, ни чего я не нашелъ отмѣннаго. Церковь прекрасна, судя по вкусу—старинной архитектуры. Архимандритъ этой обители имѣетъ права служенія подобнаго Настоятелямъ Ставропигіяльныхъ монастырей, т. е. осѣняетъ свѣчами, принимаетъ дары и пр. и носитъ панагію.

Между новыми строеніями замѣтить можно Греческую церковь. Она похожа на всѣ новѣйшіе соборы, какіе видѣли мы в Одессѣ и Херсонѣ. Иконостасъ и убранство церкви въ Греческомъ вкусѣ. Мнѣ не понравилось только то, что подъ ней сдѣланы подвалы, изъ которыхъ, думать надобно, отпускаются в продажу бочки съ виномъ. Стыдно, по мнѣнію моему, унижать достоинство домовъ Божіихъ такими економическими, да еще большею частію и къ пользѣ разврата служащими, заведеніями. Колокольня хороша и сквозная. Жаль, что поскупились Греки сдѣлать съ третьимъ уступомъ еще одинъ этажъ. Она бы тогда была образцовой красоты.

Но оставимъ эти предметы, какъ входящіе въ рядъ весьма обыкновенныхъ человѣческихъ предпріятій, а обратимся къ совершенно диковинному зданію. Нѣжинъ уже и теперь имъ щеголять можетъ, а со временемъ прославится въ ученомъ свѣтѣ. Графъ Безбородько пожертвовалъ милліономъ рублей на то то.

Нѣжинъ) родители его, избѣгая гоненій отъ Уніятовъ, выселились изъ мѣстечка Явора Волынской Губерніи, въ коемъ онъ родился 1658 года; но храмъ построенъ не въ 1709, а въ 1716 году. Этой обители онъ завѣщалъ и свою многочисленную библіотеку, которая, однако, по просьбѣ Бѣлогородскаго Епископа, Досиѳея, въ 1731 г., перенесена въ Харьковскій Коллегіумъ, но, говорятъ, въ этомъ монастырѣ все таки осталось нѣсколько его рукописей на Латинскомъ языкѣ. О.

ко, чтобъ здѣсь основать огромную Гимназію для Грековъ и Малороссіянъ. Основательные здѣшніе жители до сихъ поръ утверждаютъ, что братъ его, Свѣтлѣйшій Князь, очень привязанъ былъ къ Нѣжину, хотѣлъ тутъ построить для себя домъ, и въ немъ перестать жить, такъ какъ Разумовской скончался въ Батуринѣ; но всѣ предположенія человѣческія суетны: Князь умеръ на Невѣ, а въ Нѣжинѣ, вмѣсто дома для него, подымаетъ братъ его колосальное зданіе для распространенія наукъ и художествъ. Мысль прекрасная, достойная знатнаго расточителя! *

Этотъ домъ строится изъ кирпичу, и длина его будетъ 40 саженъ. Первый этажъ уже выведенъ; года въ три, думать долж-

---

* Князь Александръ Андреевичъ былъ сынъ Малороссійскаго Генеральнаго Судьи. Андрея Яковлевича Безбородька, родился въ Глуховѣ 1746 г., учился сперва въ домѣ родительскомъ, а потомъ въ Кіевской Академіи; 1765 Бунчуковый Товарищъ и Правитель Канцеляріи Графа Румянцова-Задунайскаго, Генералъ-Губернатора Малороссіи; 1767 Членъ Генеральнаго Суда, черезъ два года предводитель Нѣжинскаго, Лубенскаго, Миргородскаго и Компанейскихъ полковъ, участвовалъ въ сраженіяхъ съ Турками при Румянцовѣ, завѣдывая, кромѣ того, его походными дѣлами; 1774 Полковникъ, 1775 у принятія прошеній на Высочайшее имя; 1779 Бригадиръ; 1780 Генаралъ-Маіоръ; 1784 Тайный Совѣтникъ, Вице-Канцлеръ и Графъ Римской Имперіи; 1786 Гофмейстеръ; 1790 Д. Т. Совѣтникъ; 1797 Канцлеръ и Свѣтлѣйшій Князь. Послѣ себя оставилъ брату своему, Ильѣ Андреевичу (см. выше стр. 63, примѣч. 1-е), около 40,000 душъ, которыя перешли потомъ въ домы Графа Г. Г. Кушелева и Князя А. Я. Лобанова-Ростовскаго, женатыхъ на дочеряхъ Графа Илья, изъ коихъ сынъ первой получилъ позволеніе именоваться Графомъ Кушелевымъ-Безбородькомъ, старшій изъ его рода всегда Почетный Попечитель Гимназіи высшихъ наукъ, а нынѣ Нѣжинскаго Лицея. Въ бумагахъ Князя по смерти отыскалось завѣщаніе вносить ежегодно въ теченіе 6 лѣтъ по 10,000 въ пользу Богоугодныхъ заведеній, а потомъ въ продолженіе 8-ми по 20,000. Графъ Илья, присоединивъ отъ себя по 15,000 въ годъ на вѣчныя времена, съ обезпеченіемъ того 3000 душъ, рѣшился основать въ Нѣжинѣ Училище высшихъ наукъ, подарилъ для него мѣсто съ садомъ, что и одобрено Императоромъ 29 Іюля, 1805 г. Постройка зданія стоила 400 т. бум.; открытіе послѣдовало въ 1820 г. Гимназія состояла изъ 9 классовъ, въ коихъ преподавались науки Словесныя, Политическія, Физико-Математическія; отличные изъ воспитанниковъ выпускались съ званіемъ Кандидата и чиномъ 12 класса, а прочіе Дѣйствительнаго Студента и чиномъ 14-го класса. Въ 1832 (по другимъ 1834) Гимназія эта переименована въ Лицей съ 3-хъ курснымъ Физико-

но, что и весь корпусъ кончится. Графъ для пріѣздовъ своихъ имѣетъ и въ Нѣжинѣ деревянный домъ, но ни чего незначущій, хуже деревенскихъ его квартиръ. При немъ старый садъ, разведенный какимъ-то Обыдовскимъ, * отъ котораго усадьба дошла къ Безбородьку и до сихъ поръ называется Обыдовщина. Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ сей обширный храмъ наукъ обезсмертитъ имя учредителя и Нѣжинскаго патріота.

Мы въ Нѣжинѣ одну ночь переночевали и стояли въ прекрасной квартирѣ. По сосѣдству Черниговскихъ своихъ помѣстьевъ, зять мой знакомъ съ однимъ зажиточнымъ обывателемъ Нѣжинскимъ, Грекомъ купцомъ, по имени Клица, и далъ къ нему письмо. Онъ насъ принялъ очень ласково, отдалъ намъ весь домъ, который, при выгодномъ расположеніи покоевъ, очень хорошо прибранъ. Садъ его не великъ, но для прогулки довольно просторенъ; въ немъ бесѣдка круглая на изрядномъ мѣстѣ; мы въ ней пили чай на завтра, рано по утру, передъ отъѣздомъ нашимъ и въ удовольствіе хозяина хвалили нѣкоторыя окрестности Нѣжина, кои, впрочемъ, изъ одной учтивости, для привѣтствія, можно назвать хорошими. Хозяинъ добрымъ ужиномъ насъ угостилъ, и мы ему остались очень благодарны. Кто охотникъ до ликеровъ, пусть ѣдетъ сюда: они превосходны; не напрасно хвалится всякими водками Нѣжинъ; правда, что нигдѣ такихъ отличныхъ не дѣлаютъ.

Математическимъ Факультетомъ, а 1840 въ Юридическій Факультетъ; при Лицеѣ учреждена еще особая Гимназія, въ которой приготовлялись бы къ поступленію въ оный. Оба основателя покоятся въ Петербургѣ: первый скончался 6-го Апрѣля 1799, а второй 3-го Іюня, 1815 г. О. Б.

* Полковникомъ Нѣжинскимъ и племянникомъ по сестрѣ, Александрѣ Степановнѣ, Гетьмана Ивана Степановича Мазепы, бывшей въ замужствѣ за Обидой, Полковникомъ Гетмана Ханенка, котораго въ 1670 г. онъ посылалъ къ Царю въ Москву съ увѣреніемъ въ своей вѣрности и проч. Этотъ племянникъ бы

ГЛАВА LXXX.

Батуринъ. Гробъ Графа Разумовскаго.

Отъ Нѣжина до Батурина 80 верстъ, и мы туда поспѣли ночевать 20 числа. Дорога ровная, но еще пещана. Во многихъ мѣстахъ разводятъ табакъ. Къ удивленію нашему, яровые хлѣбы еще не поспѣли; гдѣ же? Въ Малоросіи! Чего же у насъ ожидать? Гати и проспекты продолжаются: первыя мучительны въ грязную пору, а послѣднія цѣлыми верстами прерываются и сохнутъ. Обѣдать останавливались мы въ Борзнѣ: городокъ Уѣздный, ни чего не значущій, въ которомъ мы ни кого и ни чего не видали. * На квартирѣ замѣтилъ я, что передъ образомъ положено въ переднемъ углу два пучка ржаныхъ колосьевъ и ступка соли. Хозяйка сказывала намъ, что у нихъ въ обрядѣ первые начатки плодовъ земныхъ приносить къ образамъ, а потомъ они эти зерны смѣшиваютъ съ тѣми, кои у нихъ идутъ на посѣвъ.

Батуринъ—мѣстечко, принадлежащее Разумовскимъ. Само по себѣ оно ни чего не значитъ: строеніе въ немъ бѣдное, положеніе мѣста самое некрасивое. Здѣсь нѣкогда была столица Малороссійскихъ Гетмановъ. Фельдмаршалъ Графъ Кириллъ Григорьевичъ, извѣстный своею роскошью, послѣдніе годы жизни провелъ въ Батуринѣ и въ немъ скончался. Говорятъ, что и здѣсь жилъ очень пышно: такъ думать должно, судя по его домамъ; одинъ изъ нихъ деревянный и похожъ на Дворецъ. Мы не нашли уже въ немъ ни

лежатъ на Аннѣ Васильевнѣ Кочубей, дочери извѣстнаго Василія Леонтьевича Кочубея, а сестрѣ Матроны Васильевны, соблазненной Мазепой, хотя и крестницѣ его. О. Б.

* Онъ лежитъ при болотистой рѣчкѣ того же имени, на ровной мѣстности. Около половины XVII столѣтія Борзна является въ Исторіи Сотеннымъ мѣстечкомъ Нѣжинскаго полка, потомъ была Повѣтовымъ, а теперь Уѣзднымъ, городомъ. Вокругъ его множество вѣтряныхъ мельницъ (за сто), такъ какъ обитатели ведутъ большую торговлю хлѣбомъ (особенно рожью), коего сбывается до полумиліона пудовъ въ годъ; кромѣ того занимаются изготовленіемъ сапоговъ (до 10,000 паръ ежегодно), продаваемыхъ въ окрестностяхъ и далѣе. Домовъ за 1200 съ 9,000 жителей, 4 церквами, Еврейской молельней, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками, еженедѣльными торгами. О. Б.

какого убранства; онъ обнаженъ всѣхъ своихъ прелестей, но, по огромности своей и количеству покоевъ, достоинъ и понынѣ при мѣчанія. При немъ садъ великъ, но запущенъ; оранжереи напол нены плодами. Другой домъ каменный: въ немъ Графъ и жит не успѣлъ, только что отдѣланъ; онъ поставленъ на лучшем мѣстѣ, какое отыскаться могло въ Батуринѣ, на горѣ и надъ рѣ кой. Домъ въ три этажа, съ широкимъ балкономъ и колоннадой Комнатъ большихъ нѣтъ, а отъ того онъ внутри и не очень ве ликолѣпенъ, но снаружи, особливо изъ за рѣки, видъ его довол но пригожъ. Это имѣніе принадлежитъ нынѣ Графу Андрею Ки рилловичу * одному, и даетъ ему доходу до 200 т.; за нимъ сч тается здѣсь 16 тысячъ душъ; управляетъ всѣмъ этимъ добромъ Ан гличанинъ, родившійся въ Россіи и воспитанный въ Лондонѣ; он говоритъ очень чисто по Русски и весьма привѣтливъ, отвелъ нам покой въ большомъ деревянномъ Графскомъ домѣ, накормилъ нас освѣтилъ и запотчивалъ фруктами: яблокъ здѣсь и абрикосо пропасть. Повѣрятъ ли, однако, что въ этомъ климатѣ былъ м розъ 10 Іюня, и съ 7 Августа опять начались морозы? Не зна такой ли былъ годъ, или это обыкновенно и въ Малороссі какъ у насъ около Сѣвера; но узнавши это, я сказалъ про себ «Славны бубны за горами. Искали тепла—нашли стужу.»

Въ Батуринѣ разныя заведенія. Извѣстно, что здѣсь дѣлают славныя восковыя свѣчи; нынѣ зачали лить коротенькіе огар нарочно для ночниковъ; свѣтъ ихъ теменъ, но очень полезнѣе

---

* Сыну Гетмана Графа Кирилла Григорьевича, р. 22-го Октября, 1752 г.: на году Мичманъ, учился съ 1764 за границей въ Университетахъ по 1769, с жилъ въ Англійскомъ флотѣ и вышелъ изъ него Лейтенантомъ, участвовалъ походѣ въ Архипелагъ, 1773 Капитанъ-Лейтенантъ и Камеръ-Юнкеръ, 17 Бригадиръ, 1775 Генералъ-Маіоръ; 1776 Полномочный Министръ въ Венец 1778 въ Неаполѣ по конецъ Ноября 1783, 1784 Дѣйствит. Камергеръ, 17 Чрезвычайный Посланникъ въ Стокгольмѣ, 1790 помощникъ нашего Посла Вѣнѣ (Князя Д. М. Голицына), съ 1792 самъ Посолъ при этомъ Дворѣ; 17 Д. Т. Совѣтникъ; 1806 уволился, но не выѣхалъ изъ Вѣны; былъ первы Полномочнымъ нашимъ на Вѣнскомъ Конгресѣ и возведенъ въ Князья 1815 вскорѣ за тѣмъ получилъ и титулъ Свѣтлости; 1819 Д. Т. С. 1-го класса; ск чался въ Вѣнѣ, 11-го Сентября, 1836 г., на 84 г. отъ рожденія; потомства оставилъ по себѣ. О. Б.

пріятнѣе всякой лампы ночью; они горятъ часовъ 12; тѣхъ и других мало продаютъ, по тому что Графъ Андрей Кирилловичъ истребовалъ къ себѣ въ Вѣну до 400 пудовъ свѣчъ. Какая пропасть! Жаль, что это не разойдется по насъ въ Россіи и что отъ того мы съ другихъ фабрикъ скверныя свѣчи будемъ покупать гораздо дороже!

Въ 40 верстахъ отсюда Графъ имѣетъ овчарный заводъ; сказываютъ, что на немъ считается до 1200 настоящихъ Испанскихъ овецъ. Разумѣется, что есть и фабрика суконная; пятьдесятъ становъ въ работѣ; на иныхъ точется солдатское сукно, а на другихъ тонкое. Для храненія ихъ устроенъ особый магазинъ, изъ котораго сукна выпускаются на вольную продажу. *

Всѣмъ вообще управляетъ сказанный Англичанинъ. Я читалъ любящее письмо, которое изъ Вѣны отъ Графа ему прислано. Силою сей довѣренности онъ имѣетъ право на всякое распоряженіе: можетъ даже для изворотовъ хозяйственныхъ продавать и закладывать. Неограниченное полномочіе! Отецъ его поселился здѣсь 40 лѣтъ назадъ и правилъ имѣніемъ Фельдмаршала. Когда тотъ и другой скончались, сынъ того же иноземца смѣнилъ въ правленіи своего отца и угодилъ Графу Андрею Кирилловичу. Условія его всѣ состоятъ въ томъ, что онъ съ чистаго Графскаго дохода получаетъ десятую долю. Въ прошедшемъ году ему дошло пятъ тысячъ съ 16, кромѣ того столъ, услуга, погребъ, освѣщеніе, квартира, все Графское и все съ большою роскошью: какое прекрасное состояніе! За 30 тысячъ доходу его нельзя себѣ достать нигдѣ въ Россіи. Обязанности другой онъ не несетъ, какъ присылать годовой отчетъ въ доходѣ и расходѣ. Отчетъ сей состоитъ безъ всякихъ мелочныхъ подробностей въ показаніи крупныхъ статей сбора и издержекъ. Расходы по дѣламъ въ Присутственныхъ Мѣстахъ совершенно лежатъ на его совѣсти; за тѣмъ чистый барышъ переводится въ Вѣну. Графъ Андрей Кирилловичъ такъ привыкъ ему вѣрить, что онъ ни чего болѣе не требуетъ, а все аппробуетъ. Естьли такая довѣренность дѣлаетъ

---

* Это была первая суконная фабрика въ нынѣшней Черниговской Губерніи, устроенная 1756 года; нынѣ, говорятъ, находится въ бездѣйствіи. О. Б.

много чести Англичанину, который черезъ 40 лѣтъ ее не упо-
треблялъ во зло и всегда больше и больше оной удостоивался, то
не меньше, смѣю думать, похвально и для помѣщика-вельможи,
что, испытавъ качества повѣреннаго своего, не мучитъ его ме-
лочьми, не дрожитъ изъ копѣйки и не прѣетъ надъ расходными
кипами бумагъ.

Въ Батуринѣ 4 церкви: въ лучшей изъ нихъ, каменной, по-
хороненъ Фельдмаршалъ. * Онъ умеръ по философски и самъ на-
значилъ мѣсто своего погребенія. За нѣсколько мѣсяцевъ перед
кончиною онъ поручилъ Англичанину, отцу нынѣшняго Управи-
теля, вырыть ему въ церкви могилу. Болѣзнь препятствовала ем
долго самому ее осмотрѣть. Онъ спросилъ иностранца: «Зробив

---

* Построена она имъ во имя Воскресенія Христова въ послѣднее время сво
жизни. Да и все, что ни было тогда въ Батуринѣ хорошаго, либо создано и
либо же улучшено: дворецъ, садъ, паркъ, каменныя лавки, мосты, мельни
фабрики, церкви и т. д., такъ какъ до назначенія Батурина, въ 1750 г.,
пребываніе ему, какъ Гетьману, городъ этотъ лежалъ въ развалинахъ пос
взятія его Меньшиковымъ въ 1709, коему и подаренъ былъ 1726, а пото
считался казеннымъ. Извѣстно, что онъ основанъ Польскимъ Королемъ, С
фаномъ Баторіемъ, коего имя и носитъ (Батуринъ вмѣсто Баторинъ), и наз
ченъ въ пребываніе для Гетьмановъ Козацкихъ на самой крайней точкѣ По
скихъ владѣній. Для той же цѣли онъ всѣми мѣрами поощрялъ Козак
переходить съ праваго берега Днѣпра на лѣвой и заселять оный. Имѣлось
томъ въ виду Заднѣпровскихъ Козаковъ употребить, въ случаѣ надобности
оплотомъ противъ Московскаго Государства, начинавшаго уже время отъ врем
замѣтно усиливаться, и по тому безпокоить Поляковъ. Но безпокойныя об
ятельства послѣ Баторія долго мѣшали его укрѣпленному городу быть стол
Козацкой, такъ что онъ, вмѣстѣ съ другими Южнорусскими городами, лиш
много, даже сталъ частной собственностью (Пана зъ Тенчина Осолинска
Лишь при Гетьманѣ Многогрѣшномъ Батуринъ ожилъ и сдѣлался его мѣ
пребываніемъ (съ 1669 г.). Гетьманъ этотъ, при переходѣ въ него, расчиты
конечно, на возможность скораго пособія отъ Воеводъ Московскихъ въ
тивлѣ, Сѣвскѣ, Бѣлгородѣ и другихъ. Преемники этого Гетьмана по тому
оставались въ немъ; изъ нихъ Мазепа чрезвычайно пышно зажилъ въ Батури
на славу укрѣпилъ его. Извѣстно, что Батуринъ упорно сопротивлялся Мен
кову, а по взятіи артиллерія его состояла изъ 315 пушекъ, которыя отправ
были въ Сѣвскъ. Теперь отъ прежняго Батурина немного сохранилось: серед
замѣтны еще остатки стариннаго вала и рвовъ; не въ далекѣ урочище «Городо
въ коемъ былъ дворецъ Мазепы, а въ другомъ урочищѣ «Тепловкѣ»—полу
валившійся дворецъ Разумовскаго. О. Б.

мнѣ хату?» Графъ любилъ весьма нарѣчіе своей родины и часто въ Батуринѣ мѣшалъ его въ разговоръ свой. Узнавши, что яма готова, самъ ее осмотрѣлъ и одобрилъ. Не всякой вельможа такъ равнодушно спустится въ землю!

Монументъ надъ гробомъ его хорошъ и величественъ своею простотой; сработалъ его извѣстный ваятель Мартосъ изъ мрамора. Надпись безъ всякаго витійства, и нѣтъ регистра его титуловъ; въ средней части памятника бюстъ его и въ подножіи урна подъ покровомъ. Противъ его мавзолея, на лѣвой сторонѣ, на черной доскѣ, изображенъ гербъ Фельдмаршала, со всѣми его доспѣхами. Мраморъ и работа стоили на мѣстѣ въ Петербургѣ 12 тысячъ.

ГЛАВА LXXXI.

Обѣдня въ Бутуринѣ. Дорога до Сѣвска.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, бывши Посломъ въ Вѣнѣ, имѣлъ своихъ пѣвчихъ, которыхъ, оставя службу, возвратилъ въ Батуринъ. Они учились въ Россіи у Бортнянскаго * и у превосходныхъ мастеровъ въ чужихъ земляхъ. Теперь живутъ здѣсь, и въ праздничные дни поютъ обѣдни у гроба стараго своего господина: ихъ только 12 человѣкъ. Дисканты еще слабы, недавно набраны и требуютъ навыковъ, а прочіе голоса образованы съ найлучшимъ искуствомъ. Я остался на полсутки лишняго въ Батуринѣ, чтобъ ихъ услышать. Они при мнѣ пѣли обѣдню. Подлинно, я давно не слыхалъ такой сладкой гармоніи: какіе нѣжные голоса! Какая музыка! Какое выраженіе въ лицѣ каждаго

---

* Дмитрія Степановича, род. въ Глуховѣ 1752 года; онъ былъ взятъ въ Придворную пѣвческую, 1768 посланъ Императрицей въ Италію, гдѣ въ Венеціи обучался у Капельмейстера Галупи, сочинилъ двѣ оперы и нѣсколько ораторій, одобренныхъ знатоками, путешествовалъ по извѣстнымъ городамъ Италіи и, возвратясь въ Россію, въ концѣ 1779, сдѣланъ былъ Композиторомъ Придворнаго хора, а Императоромъ Павломъ пожалованъ въ Регенты, послѣ былъ Директоромъ Пѣвческаго Придворнаго хора. Онъ написалъ множество концертовъ и другихъ пѣвческихъ піесъ; умеръ Д. С. С. въ Петербургѣ 1826 г. О. Б.

изъ нихъ! Всякой не ноту только беретъ и не голосъ возвышаетъ: онъ въ это время чувствуетъ, восхищается, восторгъ одушевляетъ всѣ его черты; словомъ, вспомните время Екатерины, зимній ея Дворецъ, обѣдню тамошняго храма. Я нечувствительно былъ перенесенъ въ тотъ вѣкъ и тронутъ до глубины души.

Церковь очень хорошо отдѣлана, иконостасъ отличной работы. Старичекъ Священникъ служитъ просто и, кажется, забывается, по тому что онъ, растворя Царскія двери во время выхода съ Евангеліемъ, не затворялъ уже ихъ до самаго Причастнаго; или и служба Божія подходитъ подъ общую пословицу: «Всякъ молодецъ на свой образецъ?» Примѣчено, что Графъ Кириллъ Григорьевичъ, гдѣ у себя ни строилъ по волѣ своей церкви, вездѣ посвящалъ или Воскресенію Христову, или Захарію и Елисаветѣ: преданность похвальная къ имени той Владычицы, которая развела родъ ихъ и разсыпала на него свои щедроты! Кто не знаетъ многихъ замысловатыхъ словъ покойнаго Графа? Изъ разныхъ поступковъ его можно было замѣтить, что онъ отъ природы одаренъ возвышенными чувствами благороднаго человѣка.

Послѣ обѣдни мы остались обѣдать у Англичанина: онъ далъ намъ столъ прекрасный. Чужимъ подчивать забавно! На что тутъ мѣра, счетъ и вѣсъ? Во время стола пѣвчіе пѣли разные духовные канты, потомъ Италіянскіе и наконецъ Малороссійскія пѣсни. Симъ послѣднимъ они насъ совершенно обворожили: въ Малороссійскихъ пѣсняхъ я всегда находилъ что-то томное, унылое, что идетъ прямо до души: они запѣли меня до слезъ!

Видѣть у Графа Разумовскаго въ домѣ при немъ самомъ множество людей въ богатой ливреѣ, столъ его въ большомъ убранствѣ, слышать музыку и пѣвчихъ, пить настоящее Шампанское— немудрено; но всѣмъ этѣмъ наслаждаться безъ него, въ его деревнѣ, у прикащика иноземца, надо признаться, что не скоро повѣришь своимъ глазамъ, особливо, когда сравнишь съ изобиліемъ такого иностранца тѣсноту и бѣдность многихъ Россійскихъ Дворянъ, да какихъ?—Изувѣченныхъ! Гдѣ?—На полѣ брани. За кого?— За Отечество!!. Глядя на это, запечалишься и безъ Черкаскихъ романсовъ. Однако, оставя разсужденія, скажемъ спасибо доброму

Англичанину за то, что онъ такое учредилъ здѣсь пріятное гостепріимство.

Запоздавши въ Бутуринѣ, * мы не могли далѣе доѣхать Кролевца, 44 версты. Дорога сюда пещана и безпокойна; лошади тощія, къ тому же и холодно стало; воздухъ перемѣнился, какъ будто давалъ намъ чувствовать, что мы приближаемся къ Сѣверу.

Жиды отъ самаго Кіева уже мало попадались. Когда деревья по пути разростутся, то лоскутокъ этой дороги будетъ очень хорошъ; но теперь еще голо и степно; частыя гати, мѣстами очень нехорошія, наносятъ большія непріятности. Перемѣнивъ лошадей въ селеніи, по имени Алтыновка, ** пріѣхали въ Кролевецъ къ закату солнца.

Кролевецъ—Повѣтовый городокъ, очень плохой и квартирами бѣдный. *** На ту пору Городничій былъ въ отпуску, а Ст. Ком.

---

* Батуринъ нынѣ мѣстечко, съ 1855 года съ его волостью взятъ въ казну за долги его владѣльцевъ. Въ немъ теперь до двухъ съ половиною тысячъ жителей обоего пола или 559 дворовъ, 2 годовыхъ значительныхъ ярмарки, 2 церкви, почтовая станція и контора, 3 завода (свѣчновосковый и 2 свѣчносальныхъ). О. Б.

** При колодцахъ, Козачье, въ 18 верстахъ отъ Уѣзднаго города, съ 580 дворами или 2500 душъ обоего пола, 2 церкви, приходское Училище, Волостное Правленіе, ярморокъ 3 и торги. О. Б.

*** При рѣкѣ Свиднѣ, основанъ кѣмъ-то изъ Польскихъ Королей, отъ чего и названіе свое получилъ; имѣлъ Замокъ, Магдебургію, потомъ былъ Сотеннымъ, послѣ Повѣтовымъ, нынѣ Уѣзднымъ; теперь съ 800 слишкомъ домовъ или за 4,000 жителей обоего пола, 6 церквами, Уѣзднымъ и Приходскимъ Училищами, Больницей, 3 ярмарками и еженедѣльными торгами; въ немъ много разныхъ заводовъ. Положеніе его возвышенное и покатое къ р. Свиднѣ. Изъ ярморокъ особенно замѣчательна 14-го Сентября, болѣе 200 лѣтъ существующая и считающаяся въ Малороссіи (послѣ Ильинской и Крещенской и послѣ перевода Ильинской изъ Ромна) значительнѣйшей, годъ отъ году видимо усиливающейся. Будучи послѣдней въ году изъ большихъ ярмарокъ, чрезвычайно цѣнится купцами, которые посылаютъ товары свои на нее уже послѣ Успенскаго поста, а торговля длится почти до конца Сентября (съ 10-го съѣзжаются купцы, а съ 14-го покупатели). О. Б.

Офицеръ едва умѣлъ сыскать для насъ одну какую-то горницу, въ которой мы и помѣстились коекакъ ночевать. Это безпокойство было слѣдствіемъ удовольствій нашихъ въ Батуринѣ: естьли бъ мы рано выѣхали оттуда, мы бы его миновали.

Имѣя въ предметѣ поспѣть въ одинъ день въ Сѣвскъ, 110 верстъ отъ Кролевца, мы 22 числа очень рано собрались въ путь, и никогда еще во всю дорогу я не испытывалъ такихъ безпокойствъ, какъ сегодня. Самъ на станціяхъ выгонялъ лошадей, чтобъ не потерять времени напрасно, а мало успѣвалъ въ желаемомъ. Нигдѣ почти не останавливаясь, мы не путешествовали, а скакали во весь духъ, и совсѣмъ тѣмъ прихватили два часа ночи. По моему разсчету и дорожнику, мнѣ необходимо было поспѣть въ Сѣвскъ, и отъ этой суеты я многихъ мѣстъ по пути хорошихъ не разглядѣлъ порядочно: ночь была темна; подъѣзжая къ городу, или шелъ пѣшкомъ, или ѣхалъ шагомъ.

Обѣдъ насъ на часокъ задержалъ въ Глуховѣ. Я досадовалъ и жалѣлъ вмѣстѣ, что не могъ побыть тутъ нѣсколько подолѣ и высмотрѣть городъ; онъ съ наружнаго виду показался мнѣ хорошъ, домовъ и церквей примѣтилъ я довольно: одна, съ куполомъ и колоннадой, за заставой мнѣ очень полюбилась. Мы лошадей дожидались въ трактирѣ и насилу ихъ добились. * Тѣм

* Глуховъ находится при рѣчкахъ Есмани и Березѣ, на скатахъ пологихъ берегов нихъ; онъ одинъ изъ древнѣйшихъ и важнѣйшихъ городовъ Сѣверы, по крайне мѣрѣ упоминается уже въ половинѣ XII-го столѣтія; во время нашествія Т таръ Глуховъ одинъ только, говорятъ, остался неприкосновеннымъ: въ 1663 выдержалъ осаду Поляковъ почти двухмѣсячную; въ 1708 сдѣлался пребываніе Гетьмана Скоропадскаго, по смерти коего учреждена въ немъ Малороссійск Коллегія, помѣщавшаяся въ обширномъ въ 3 жилья домѣ съ 250 комнатами: 1836 уцѣлѣвшее отъ нея разобрано на постройку Присутственныхъ Мѣстъ: 1782 году Уѣздный Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества, потомъ Черниговск Губерніи. Теперь въ Глуховѣ 11 церквей, Еврейскихъ молелень 2, Уѣзд и Приходское Училища, Богадѣльня и Больница, много хорошихъ домовъ каменныхъ лавокъ; есть улицы, вымощенныя камнемъ; отъ старины остат вала и каменныя крѣпостныя ворота; домовъ больше тысячи почти съ 12 тыс нымъ населеніемъ обоего пола. Онъ весьма промышленный городъ, особенно х бомъ и сахаромъ, и по тому считается по капиталамъ первымъ въ Губерніи; имѣ

временемъ зашелъ къ намъ одинъ монахъ изъ монастыря, въ 20 верстахъ отъ Глухова находящагося, * слоняется по городу и таскаетъ связку сухихъ грибовъ. Поговоря съ нимъ, я узналъ, къ крайнему моему удивленію, что онъ Владимирскій мужикъ, отпущенный изъ деревни Плесецъ ** въ монашество. Сколько тунеядцевъ по монастырямъ! Что онъ тутъ дѣлаетъ? Не лучше ли бы ему пахать землю, платить подать и окружить себя семействомъ? А въ монастырѣ онъ тянетъ брагу, лѣнится, или въ ясный день собираетъ березовые грибы въ рощѣ и ходитъ въ Глуховъ и пропиваетъ ихъ на чарку горѣлки.

Отдаленность монастыря отъ города помѣшала мнѣ видѣться съ однимъ знакомымъ мнѣ Архимандритомъ, отцомъ Филаретомъ, который, будучи здѣшній уроженецъ, избралъ его по отставкѣ въ жилище себѣ. Онъ на родинѣ, ему прекрасно; я чаю, для него Глуховъ лучше всѣхъ столицъ обширнаго міра. Я тамошнему бродягѣ поручилъ отправить ему отъ меня поклонъ; естьли онъ его не исправилъ и естьли путешествіе мое попадется въ руки чернорязца Филарета, то пусть онъ видитъ, что я его не забылъ, и что со мною заочные мои знакомые ни чего не теряютъ.

До Глухова все еще кряжъ земли песчаный, но дорога хороша. Черниговская Губернія вся въ проспектахъ: многія деревья разрослись. Видно, что этотъ предметъ занимаетъ Правительство. Со временемъ, когда ветлы дадутъ тѣнь, похвалятъ и тѣхъ, кои занимались насажденіемъ ихъ, а теперь еще бранятъ и бранить долго будутъ, по тому, что ни кто труда не любитъ, а безъ труда ни чего сдѣлать нельзя полезнаго.

общественный Банкъ, лавокъ за 200, большею частію каменныхъ, ярмарокъ 4, торгъ 2 раза въ недѣлю, фабрикъ и заводовъ много, раздѣляется на 4 квартала. О. Б.

* Нынѣ въ 24 верстахъ отъ Глухова, на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Клевени, посреди густаго дубоваго лѣса. Обитель во имя Св. Верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, основанная около 1230 г.; съ 1744 Архимандрія вмѣсто Игуменства. Въ 3-хъ верстахъ отъ монастыря скитъ, въ которомъ Св. Димитрій Ростовскій писалъ «Житія Святыхъ.» О. Б.

** Нынѣ погостъ при р. Уводи Ковровскаго Уѣзда, въ 7 верстахъ отъ Коврова, съ 8 дворами, 40 душами обоего пола и церковью. О. Б.

ГЛАВА LXXXII.

Сѣвскъ.

И такъ простились мы съ Малороссіей и въѣхали въ Орлов скую Губернію. Появились рощи, а съ ними вмѣстѣ и бѣдно жилье, называемое курни. Далеко позади насъ остались мазанк и бѣлыя хаты, въ коихъ чистота красила убожество; зачалъ по дувать и сѣверный вѣтерокъ: полно легко одѣваться. Учтивый Го родничій Сѣвскій позволилъ намъ пристать въ своихъ покояхъ. Он самъ живетъ въ огромномъ каменномъ корпусѣ Присутственны Мѣстъ, и занимаетъ комнаты большія съ зеркалами, паникадилам и всякими прихотливыми убранствами. Жалованья ему только 30 рублей. Чудеса! На дрова и на свѣчи, конечно, мало. Догадку к сторонѣ: спасибо доброхотному хозяину! Естьли бъ онъ насъ ввел и къ ключнику своему въ избу, я бы и той обрадовался, по том что ночью нѣтъ для меня ни чего хуже коляски: я изъ нея ра всюду выскочить.

Сѣвскъ имѣетъ мѣстами хорошіе виды, на пр., съ старой кр пости, или обрытаго землянаго валу, гдѣ еще бомбы и пуш какія-то разметаны, когда въ одну точку зрѣнія соберешь стечен двухъ рѣкъ, Сѣва (по ней и городу имя дано) и Морицы; и нихъ плотина и мельница въ самомъ сельскомъ расположені за ней, въ одну сторону, Архіерейскій домъ, Семинарія и мон стырь, съ другой часть города, называемая Замориццкая: ког на это вдругъ взглянешь съ верху, получишь пріятную картин Впрочемъ, хоть городъ вообще, собравъ всѣ его части, и доволь великъ, но виды его не прекрасны, особливо Морица може справедливѣе названа быть болотомъ, нежели рѣкой. *

Орловскій Архіерей имѣетъ здѣсь свой домъ верстахъ двухъ отъ города, и живетъ въ немъ постоянно; тутъ же пом

* Собственно Сѣвскъ на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки Сѣва, при впаденіи нее Морицы, отъ чего городъ распался на двѣ части: на Городскую (Сѣвск и Заморицкую. Древность Сѣвска не далѣе XVI-го столѣтія. Прежде въ н до новѣйшаго времени пребывали Архіереи, называвшіеся Сѣвскими и Бр скими, какъ Викаріи Московской Митрополіи, а съ 1788 Орловскими и С скими. О. Б.

щается Семинарія въ двухъ деревянныхъ флигеляхъ; для нея строится каменный домъ. Все пусто: ученики гуляютъ, а Богословія пылится въ шкапахъ. Я заходилъ къ Преосвященному съ визитомъ и побесѣдовалъ съ нимъ; я зналъ его прежде. Онъ мнѣ показался человѣкомъ умнымъ, просвѣщеннымъ, любитъ Словесность и много читаетъ; обхожденіе его ни чѣмъ не разнитъ отъ вѣжливости людей свѣтскихъ; онъ монахъ, но монахъ опрятный, вѣжливый, благоразумный. Но поелику я съ одинакой откровенностью сообщаю читателю худое и доброе, по мѣрѣ, какъ что тѣмъ, или другимъ, мнѣ въ пути покажется, то со всей похвалой, какой я обязанъ Епископу Сѣвскому, за его ласку и пріязнь, не могу не признаться, что я удивился построенному трудами его собору въ городѣ.

Храмъ прекрасный, обширный, сообразный лучшимъ рисункамъ новѣйшей Архитектуры; входъ въ него величественъ; первый взглядъ плѣняетъ; нигдѣ нѣтъ пестроты, вездѣ видѣнъ вкусъ, разборчивость; стѣны расписаны подъ мраморъ; иконостасъ окруженъ колоннами; на верхнемъ ярусѣ во всю церковь хоры: они окружаютъ и алтарь; слѣдовательно, безпрепятственно на служеніе пастыря у престола женской полъ глядѣть можетъ, когда хочетъ, обходя хоры кругомъ. Но чего я простить не могу, это живопись алтарную: на всѣхъ стѣнахъ и даже на мѣстныхъ иконахъ внутрь алтаря увидите вы зелень, деревья, сельскіе виды, садовыя картины, словомъ: престолъ жертвы безкровной въ здѣшнемъ Успенскомъ соборѣ поставленъ въ храмѣ натуры—это боскетъ. Можно для вкуса подражать иногда свѣту, вводить его и въ церковныя зданія, но до нѣкоторой степени: все имѣетъ свое приличіе и мѣру; крайности во всякомъ родѣ досаждаютъ. Можетъ быть новость меня поразила: я нигдѣ еще такихъ затѣй въ церквахъ не видалъ. Мнѣ пришли на мысль Дамаскины, Златоусты. Ахъ! естьли бы они увидѣли нашу бѣдную Вѣру и ея богатыя жертвы!

Мы заѣхали въ женской монастырь: * онъ очень также хорошъ и богатъ. Въ немъ все золото и стекло; гдѣ нѣтъ перваго,

---

* Троицкій 3-го класса, на большой Московской дорогѣ, близъ земляного вала, выстроенъ въ концѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

тамъ окошко, а гдѣ стѣна, тамъ позолота! Храмъ отъ этого очень свѣтелъ и торжественный видъ имѣетъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ спущено до 6-ти паникадилъ хрустальныхъ: солнце отражаетъ въ нихъ свои лучи, камушки даютъ повсюду блескъ, и игра отъ нихъ чрезвычайно веселитъ взоръ. Чистота самая строгая въ церкви, и это болѣе всего домъ Божій украшаетъ. Игуменья, женщина простая, позвала насъ къ себѣ въ келью; мы застали у нея сестру родную Генерала Вязмитинова, Маргариту: она 20-ть лѣтъ тутъ монахиней и еще не очень стара. Портретъ Досиѳея * поставленъ въ церкви надъ мѣстомъ Игуменьи. Такъ и должно: это значитъ, что пастырь всегда въ храмѣ на сестръ своихъ о Христѣ назираетъ и, какъ добрый стражъ, блюдетъ стадо Господне.

Переночевавъ въ Сѣвскѣ и по милости Г. Городничаго отобѣдавши у него, часовъ въ 12 мы поѣхали далѣе, и прибыли 23 числа въ Дмитріевскъ: это 63 версты отъ Сѣвска. Съ нами хорошій былъ запасъ тамошнихъ вишенъ и сливъ. Дорога хороша; ни что не мѣшаетъ ѣхать скоро, разумѣя, когда напередъ заготовлены лошади. Эта предосторожность почти вездѣ необходима; безъ того или пойдешь пѣшкомъ, хотя бы кучу имѣлъ подорожныхъ въ карманѣ за всѣми знатѣйшими подписаньями въ Государствѣ, или простоишь на одномъ мѣстѣ до послѣдняго издыханія. Смотрителя почтоваго ни одного не учтешь, не уговоришь. Деньги, деньги, деньги: вотъ, господа путешествующіе, ключъ во всѣ двери и надежнѣйшая подорожная!

Мы переѣхали сегодня очень длинный просѣкъ, который ведетъ въ имѣніе Князя Н. П. Голицына. Знаменитая вотчина! Здѣсь не во время пошевелились крестьяне. Фельдмаршалъ Князь Р. посѣдѣвшій въ подвигахъ военныхъ, пріѣзжалъ стращать пушками: далъ два, три залпа—мужики стали валиться; увидѣли, что не шутятъ—бѣжать домой; спрятались и покорились. Кого ядра не урезонятъ? Аргументъ превосходный!

---

* Досиѳей Ильинъ, изъ Викаріевъ Новгородскихъ, 1798 г., Октября 26, переведенъ былъ на каѳедру Орловскую и Сѣвскую. О. Б.

Солнце садилось, какъ мы вышли изъ коляски на ночлегъ: оно вездѣ мило, вездѣ прекрасно, но въ дорогѣ особливо на него глядишь, какъ на Божество, покровительствующее тебѣ: не хочется потерять ни одной искры его лучей.

ГЛАВА LXXXIII.

Дмитріевскъ. Домъ Безбородька. Кромы.

Городъ Уѣздный Дмитріевскъ, въ которомъ мы остановились, не великъ, но довольно хорошо расположенъ. Въ немъ строятся каменный Соборъ и корпусъ Присутственныхъ Мѣстъ. Около города было нѣкогда все имѣніе Кантемира, но казна взяла послѣ него до 13 тысячъ душъ въ свое вѣдомство, и Императоръ Павелъ пожаловалъ ихъ всѣ Свѣтлѣйшему Князю Безбородьку.* Нынѣ они по наслѣдству дошли къ брату его, Графу, а сей изъ Кіева снабдилъ меня приказомъ къ здѣшнему своему Управителю, у котораго я ожидалъ найти квартиру самую простую; но сколько удивленъ я былъ, войдя въ домъ Графской, который стоилъ ему до 100 тысячъ!

Онъ расположенъ великолѣпнѣйшимъ образомъ: нижній этажъ каменный, а верхній деревянный; по обѣ стороны колоннада съ крыльцами; на концахъ ея два флигеля: одинъ для гостей, другой для первыхъ надобностей дома, т. е., для поварни; на боковыхъ сторонахъ еще два большіе флигеля, и отъ нихъ, противъ дома, полукружіемъ смыкается заборъ съ красивыми въ срединѣ воротами. Внутри домъ прибранъ просто, но со вкусомъ: всѣ комнаты

---

* Въ старину городъ этотъ принадлежалъ къ Украйнѣ; въ немъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, было и Управленіе Комарицкихъ Государевыхъ волостей; въ смутное время держалъ сторону Самозванца, и по тому былъ послѣ разоренъ совершенно; въ послѣдствіи, по пожалованіи Петромъ I-мъ его округи бывшему Молдавскому Господарю, Дмитрію Кантемиру, за его Молдавское Господарство (вмѣстѣ съ

расписаны, всѣ окошки убраны самыми лучшими ситцами, эстампы отборные, паникадилы новыхъ рисунковъ, зеркала чистой самой воды и дорогой мѣры; словомъ, домъ такой вездѣ бы былъ прекраснымъ, въ Дмитріевскѣ это Дворецъ.

Садъ великъ, но не убранъ и разбитъ не по Англійски; дороги всѣ правильно проведены и очень узки, а отъ того и темны; между ними въ квадратныхъ густотахъ насажены плодовитыя деревья, около сада обводится каменная высокая ограда, которая станетъ дорого, по тому что садъ занимаетъ 10 десятинъ земли: изрядное поле для хлѣбопашества! Но что можетъ разстроить такое имѣніе, какъ Графское? Для него сотни тысячъ меньше, чѣмъ рубль для многихъ тысячъ Дворянъ, его братьи. Счастье есть что-то такое, что мы никогда не поймемъ и чему завидовать не перестанемъ. Я знаю, что Философы насъ учатъ находить его въ умѣренности. Какъ имъ угодно, но я пристану къ Вольтеру и скажу вмѣстѣ съ нимъ, что для счастья излишество иногда очень необходимо.

Это завело меня въ глубокія размышленія. Въ большой залѣ дома поставленъ на колоннѣ бронзовый бюстъ Павла I. Долго я на него глядѣлъ, ходилъ шибко по комнатѣ, вспомнилъ ту эпоху жизни моей, въ которую, безъ поврежденія ума, могъ я думать, участвуя въ его забавахъ, что со временемъ и у меня, по милости его, будутъ залы. Остановясь на сихъ впечатлѣніяхъ, я далъ свободу мыслямъ своимъ и, забывъ на минуту все преимущества роскоши и богатства, сказалъ неодушевленному кумиру:

Ты дать мнѣ не судилъ ни вотчинъ, ни мильона,
И только лишь одну мнѣ душу подарилъ,
Но душу ту самъ Богъ въ Евгенію вложилъ,
И ею жребій мой возвысилъ выше трона.

другими помѣстьями), это мѣсто было возобновлено Господаремъ, заселено Малороссіянами и Молдаванами и названо по его имени Дмитровкой, а въ 1788 г., съ обращеніемъ въ Уѣздный, Дмитріевскомъ (вмѣсто города Л...ганы). О. Б.

Вѣрьте, что я ихъ не сочинялъ: душа мгновенно ихъ въ уста мои вложила.

Графскимъ имѣніемъ управляетъ отставной Офицеръ, которому онъ даетъ жалованья три тысячи рублей; разумѣется, что, сверхъ того, онъ пользуется всякимъ домашнимъ довольствомъ. Онъ насъ принялъ отмѣнно вѣжливо, отворилъ намъ весь домъ, далъ намъ ужинъ и унялъ назавтра отобѣдать. Угощеніе было не пышное, но безъ недостатка; мы за столомъ выпили за здоровье Графа Ильи Андреевича хорошимъ Горскимъ виномъ, и съ признательностію оставили Орловскія его помѣстья. Говорятъ, что здѣсь нуждаются очень проѣзжіе лошадьми, иногда сутки двое ждутъ ихъ, протверживаютъ наизустъ свои подорожныя и насилу добьются, что ихъ отпустятъ. Причина очевидна: лошадей на станціи въ городѣ держатъ мало, обывательскихъ нельзя нарядить иныхъ, какъ съ деревень Безбородька. Маломощный Дворянинъ въ другомъ мѣстѣ поспоритъ, пошумитъ, но уймется и пару свою вышлетъ, чтобы избавиться хлопотъ и не прослыть невѣжей; а знатный баринъ, каковъ Графъ, выше всѣхъ обыкновенныхъ принужденій, усилія земской полиціи раздѣляются около его и расходятся, какъ облака подъ скалами высокихъ горъ. И такъ безъ снисходительнаго Графскаго приказа невыгодно ѣздить на Дмитріевскъ по почтѣ.

Отправясь нерано отсюда, проѣхали мы 50 верстъ и ночевали въ Кромахъ, городѣ Орловской Губерніи. Дорога нехороша, вся въ клеяхъ и неровная. Въ деревнѣ Чувардинѣ, гдѣ приходится по тракту мѣнять лошадей, нашли мы самаго помѣщика, Г. Шипова. Пріятное пристанище для людей утомленныхъ отъ жару и пыли! Хозяинъ привѣтливъ и держится старинняго гостепріимства, хотя, по молодости лѣтъ своихъ питомецъ новѣйшаго времени. Онъ встрѣтилъ насъ, пригласилъ къ себѣ, потчивалъ чаемъ, плодами и конфектами. Домъ у него маленькой, но уютенъ и пригожъ: собственные ремесленники украсили его лѣпной работой и снабдили модною мебелью. Онъ, вѣрно, любитъ музыку, по тому что у него я видѣлъ фортепіано и разные струнные инструменты; думать надобно, что онъ отъ заботъ хозяйства сельскаго умѣетъ находить пріятныя отдохновенія, и что онъ не далеко отъ себя

ихъ ищетъ. У него строятся большія 4 связи для суконной фабрики на 15 становъ.

Мѣстоположеніе дома выгодное и для глазъ пріятно. Домъ поставленъ на высотѣ и обстроенъ весь со вкусомъ. Не знаю, дѣлитъ ли кто съ нимъ уединеніе: мы, кромѣ его, ни кого тутъ не застали и не видали. Ему казалось пріятнымъ наше посѣщеніе; онъ унималъ насъ ночевать у себя, но мы чѣмъ ближе подвигались къ Москвѣ, тѣмъ больше спѣшили до нея доѣхать, а сверхъ того не всякое привѣтствіе можно принимать за чистыя деньги: они въ общежитіи то, что банковыя ассигнаціи въ монетѣ—всегда есть лажъ.

Что сказать о Кромахъ? Городъ Уѣздный, ни чего не значущій. Два каменные корпуса показываютъ въ развалинахъ своихъ Присутственныя Мѣста и составляютъ все великолѣпіе города. Квартира у насъ была изрядная. Переночевавши, мы отправились въ Орелъ, и доѣхали къ обѣду, не смотря на большую остановку въ лошадяхъ на станціи Кнубри: на силу добились ихъ и почти отъемомъ брали у хозяевъ со дворовъ; счетъ почтовыхъ лошадей здѣсь очень ограниченъ: только по десяти на перемѣнѣ а* разгонъ превеликой. Совѣтую всѣмъ путешествующимъ противъ сего неудобства брать всякія мѣры, а въ жаркое время ни что такъ не смягчитъ досады дѣятельнаго вояжера, какъ прогулка въ березовой рощѣ, которая послѣ степей покажется сокровищемъ; подлѣ нея, близъ мельницы, есть родникъ самой свѣжей и прозрачной воды: я ее пилъ, окачивался ею и съ удовольствіемъ вспомнилъ Кандыбинской фонтанъ.

---

* При рѣчкахъ Кромѣ (впадающей въ 10 верстахъ въ Оку) и Недвѣ, сливающейся съ первой въ самомъ городѣ. Упоминается уже въ половинѣ XII столѣтія, укрѣпленъ въ концѣ XVI или началѣ XVII-го столѣтія. О. Б.

ГЛАВА LXXXIV.

Орелъ и Болховъ. Деревня Княгини Урусовой.

Подъѣзжая къ Орлу, я вспомнилъ услугу здѣшняго Г. Полицеймейстера, по милости котораго мы такой худой ночлегъ имѣли въ Хотѣтовѣ, и сбирался ему попенять. Но его не было въ городѣ, и мы, чаятельно, никогда уже другъ съ другомъ не сойдемся. Остановились мы въ трактирѣ, который зовутъ Итальянскимъ, хотя нѣтъ ни макароновъ, ни шеколаду, ни мороженаго. По чему жь Итальянской?—Простой Орловской постоялый дворъ; плата вездѣ и за все дорога.

Орелъ—городъ большой, но не отвѣчаетъ пышному своему имени. Онъ мнѣ совсѣмъ не показался хорошимъ: въ немъ множество настроено мучныхъ лавокъ, по причинѣ знатнаго торга хлѣбомъ. Ока здѣсь очень мелка, бѣдна водою и ни чего не значуща. Нигдѣ не было за мной такого присмотра, какъ здѣсь; я не знаю, для чего, но полицейскіе Офицеры меня не покидали; я не могъ приписать этого особливой ихъ вѣжливости, по тому что они, по Русской пословицѣ судя: «Каковъ Попъ, таковъ и приходъ,» были бы въ большой противоположности съ своимъ начальникомъ. Сколько я ни старался съ нимъ ознакомиться, ни какъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Мы обмѣнялись карточками, другъ у друга были, другъ друга не застали. И въ Петербургѣ застаютъ вельможу иногда дома, а въ Орлѣ, гдѣ разсѣяній и занятій, кажется, меньше, Г-на Губернатора трудно въ глаза увидѣть.

Заведенія здѣшняго Приказа Общественнаго Призрѣнія не заслуживаютъ ни какого вниманія. Они расположены въ старомъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ нѣкогда Г. Мацневу, и дѣлятся на общія и обыкновенныя части: безумный домъ, больницу и покои для инвалидовъ. Все это нечисто, тѣсно и неопрятно. Около того же дома садъ для публичныхъ лѣтнихъ гуляньевъ, который также никуда негодится. Естьли бъ онъ опредѣленъ былъ для прогулки хворыхъ, можно бы его назвать хорошимъ; двѣ, три куртины есть, чего для нихъ и больше? Но для гулянія цѣлаго общества на него и глядѣть жалко. Алгвазилы,

кои насъ провожали, хвастали, какъ рѣдкостью, колодцемъ, ледникомъ и поварней. Кто въ хорошемъ саду любуется на погребъ, очагъ и колодязь? Тутъ другіе предметы должны приворачивать зрѣніе; домикъ для увеселенія при огнѣ, когда вечеръ сгонитъ всѣхъ въ комнату, отвѣчаетъ и наружностью своей и внутреннимъ убранствомъ всему прочему—жалкая храмина: для Орла! Въ степяхъ гулянье пышнѣе и опрятнѣе.

Для сукна поставлено два стана. Приказъ тратитъ деньги, сукно точится сквозное, и отъ этой вѣтви промышленности большихъ плодовъ ожидать трудно. Неволя дерево это посадила, а хозяйственный умъ и разсчетъ скоро его вырвутъ съ корнемъ.

Гимназія бѣдна книгами и машинами, и вообще не заслуживаетъ поставлена быть въ виду путешественника, какъ предметъ примѣчанія достойный. Директоръ ея, человѣкъ очень вѣжливый, посѣтилъ меня: мы долго говорили объ учености, о пользѣ частныхъ заведеній въ городахъ Губернскихъ; онъ очень вступился за свою Гимназію, оправдывалъ жарко ея недостатками, но отъ того она все не лучше.

Нигдѣ нѣтъ такого затрудненія достать лошадей, какъ здѣсь: со всѣми предосторожностями, какія принялъ я къ избѣжанію безпокойства, но нигдѣ такого не вытерпѣлъ несноснаго, какъ въ Орлѣ. Вотще предварилъ Г. Губернатора изъ Кіева еще о моемъ возвратномъ пути: ни какія убѣжденія не сильны; учтивость одна и простая благосклонность къ проѣзжему суть безполезныя средства; надобенъ страхъ и гроза. Такъ какъ я ни того, ни другого не имѣлъ, то я мучительнымъ задержкамъ былъ подверженъ: лошадей вездѣ мало, а снаровки нѣтъ вовся; почтовые Смотрители дѣлаютъ, что хотятъ: жмутъ, тѣснятъ и ни кого не слушаютъ.

Пробывши одни только сутки въ Орлѣ, я бы не сообразилъ съ скукой, естьли бы на помощь мнѣ, къ облегченію ея, не подоспѣли письма изъ Москвы отъ 15, изъ Володиміра отъ 8 числъ. Прочтя ихъ, я успокоился, а перечитывая, находилъ безпримѣрное удовольствіе, а особливо, когда чувствовалъ, что всѣ тѣ, кои ко мнѣ писали, черезъ недѣлю будутъ говорить со мною, и я ихъ услышу. Жаль, что нельзя было привязать крыльевъ, а коляска

на почтовыхъ въ Орловской Губерніи не скорѣе бѣжитъ черепокожной твари.

Товарищъ нашъ, Г. Ш., отлучился въ деревню къ знакомымъ, а мы съ женой, чтобъ не потерять напрасно ни часу времени (ибо у меня и минуты были разочтены), оставили прочихъ товарищей своихъ въ Орлѣ и поѣхали въ Болховъ. Тамъ живетъ сестра моя двоюродная, Княгиня Урусова: ей хотѣлось съ нами видѣться, я не могъ ей въ томъ отказать; и такъ, уговорясь съ нашими, чтобъ они, дождавшись Г. Ш., настигали насъ въ Болховѣ, взяли только 6 лошадей въ коляскѣ, и самъ другъ, 26 числа, ускакали, ни мало не жалѣя объ Орлѣ.

Отъ него до Болхова верстъ 50. Къ Орлу дорога вся въ горахъ и тяжела, а сюда ровна, и было бы только на чемъ, а то можно скоро ѣхать. Отъѣхавши 30 верстъ, мы перемѣнили на станціи свою шестерку, предупредили, что на завтра будутъ еще за нами экипажи, и отправились далѣе, но напередъ вспомнили, что съ нами отпущено было коечто поѣсть, и расположились позавтракать въ лѣску, сидя на травѣ, подъ тѣнью густыхъ березъ. На что столъ, приборы и прочія затѣи? Аппетитъ научитъ услужить себѣ безъ большихъ вымысловъ и въ рощѣ.

Болховъ—Уѣздный городъ Орловской Губерніи, обширенъ и хорошо расположенъ; онъ стоитъ на горѣ, и отъ того видъ его издали очень хорошъ, по тому что вдругъ открываются какъ бы въ кучѣ два монастыря и до 20 приходскихъ церквей.* Сестра насъ тутъ уже дожидалась и, посадя въ свою карету, увезла къ себѣ въ деревню верстъ 5 отъ города. Тамъ, съ милой простотой, угостила она насъ совершенно по деревенски; она тутъ живетъ въ строгомъ уединеніи. Я весь день занятъ былъ перепиской моей въ Москву и далѣе, на свѣжія письма отвѣчалъ живыми впечатлѣніями; это меня очень заняло, а, сверхъ того, будучи у

---

*Онъ былъ когда-то Удѣльнымъ Княжествомъ; лежитъ по лѣвую сторону рѣки Нугры, впадающей за 17 верстъ въ Оку, также при рѣчкахъ Клечетнѣ и Болховкѣ. Изъ монастырей женскій Рожественскій въ городѣ, а мужской Оптинъ за городомъ, на берегу Нугры; оба заштатные. О. Б.

родни, съ которой росли въ одно время, много старинки занимательной вспомнилъ, видѣлъ предметы, напоминающіе мою молодость: когда не весело объ ней вспомнить и говорить! Ржевскаго портретъ, отца ея, привелъ мнѣ на мысль старыя наши театральныя игры; то она мнѣ, то я ей разсказывали взаимно давнишнія приключенія и въ запуски смѣялись. Старики наши померли, а мы вступили въ ихъ мѣста и состарѣлись. Но что въ молодости подѣйствовало на душевные органы, то останется навсегда врѣзано въ памяти. Такъ, на примѣръ, я никогда не забуду остроты Ржевскаго и Толстаго; умъ и бесѣда ихъ были свойства превосходнаго, по сравненію со многими ихъ современниками, и сравненію не моему только, но людей, способныхъ судить объ умахъ человѣческихъ и отличить изрядное отъ прекраснаго. Нынче и умъ будто въ широкомъ капотѣ у всякаго; не скоро его отыщешь

ГЛАВА LXXXV.

Двое сутки у сестры. Пріѣздъ и пребываніе въ Бѣлевѣ.

Въ ожиданіи товарищей нашихъ мы очень спокойно время проводили до вечера; но когда стало темнѣть и по расчету нашему пора приходила имъ съ нами съѣхаться, то мы помаленьку начали приходить въ безпокойство, что ни кто изъ нашихъ не ѣдетъ. Не прежде глухой полночи пріѣхали повозки съ необходимой услугой. Люди наши сказывали, что каретѣ съ последней станціи тронуться не чѣмъ, по тому что у нихъ праздникъ, народъ пьянъ; передоваго, изъ города, посланнаго съ приказомъ, ни кто не слушаетъ: ни лошадей, ни толку добиться нельзя. Я шумѣлъ, сердился, но досадой ни чему ни поможешь. Сестра, будучи меня разсудительнѣе, послала по деревнямъ собирать своихъ лошадей, чтобъ ихъ оттуда выручить, а между тѣмъ мы провели худую и самую безпокойную ночь.

Не думаете ли вы, что, проснувшись по утру, мы успокоились, собравши нашихъ расточенныхъ товарищей? Совсѣмъ нѣтъ: цѣлый день еще мы ихъ ждали, и въ самомъ жалкомъ положеніи явились они наконецъ къ намъ подъ вечеръ, изнурясь голо

домъ и холодомъ, по тому что сильный отъ Орла подулъ холодный вѣтеръ и началась осенняя непогода; дождь ведромъ, какъ сквозь сито, изъ темныхъ облаковъ пустился. Отъ этой суматохи мы потеряли цѣлый день въ дорожномъ счетѣ и пріобрѣли опытъ тѣхъ непріятностей, какія на пути встрѣчаться могутъ. Естьли бъ сидя на мѣстѣ всякой зналъ, что они неизбѣжны и не надѣялся ихъ отвратить, то бы ни кто и въ Римъ не поѣхалъ смотрѣть драгоцѣнныхъ рытвинъ городовъ погибшихъ.

Сколько ни былъ я радъ, увидѣвшись съ родней и признателенъ къ ея ласкѣ, но поѣхавши изъ деревни, сказалъ: «Слава Богу!» Нѣтъ, я не могу жить въ уединеніи, природа не приготовила меня къ тихимъ удовольствіямъ пустыни; вѣрю, что онѣ плѣнительны; что лугъ, роща, вода, хозяйство домашнее, все это очень пріятно занимаетъ многихъ, но ощущать самъ того не способенъ. Какъ все ходить за грибами, все ловить пискарей на уду! Все смотрѣть, какъ гонятъ стадо или въ поле, или въ деревню! Все тянуть для забавы круглые хороводы сонныхъ нашихъ крестьянокъ, которыя, часа два на одномъ мѣстѣ стоя, съ ноги на ногу переваливаются! Для меня это походило бы на ссылку. Нѣсколько часовъ въ сутки гдѣ бы то ни было остаться самому съ собою, отдаться въ свободѣ своимъ мечтамъ, творить около себя новый міръ, по своему произволу, это не только весело, даже, смѣю сказать, для поддержанія душевной жизни, необходимо; но всегда быть одному, или, что, по мнѣнію моему, все тоже, съ людьми, которые меня не понимаютъ, не разумѣютъ, не чувствуютъ, и такъ жить всегда, всегда: нѣтъ цѣны, за которую бы я согласился кого ни будь этѣмъ потѣшить!

Въ такомъ размышленіи доѣхалъ я до другой деревни, гдѣ жила тетка родная жены моей, Г-жа Бунина. Ей было лѣтъ 80 слишкомъ и, по виду ея судя, нельзя было еще думать, чтобъ ей оставалось меньше года жить послѣ нашего свиданія. Она очень намъ обрадовалась. Съ ней дѣлятъ время двѣ внуки ея, дѣвицы Юшковы, воспитанныя съ большимъ тщаніемъ, знающія иностранные языки, умѣющія рисовать и заниматься музыкой. Словесность имъ пріятна: онѣ читаютъ все, что выходитъ новаго. Я тутъ нашелъ изрядное собраніе книгъ, и мы цѣлые сутки съ

ними провели препріятно, забывая, что мы въ деревнѣ; но только одни сутки: я оговорился, чтобъ меня не укорили въ противорѣчіи съ самимъ собой.

Дорога сюда отъ Болхова лежитъ по горамъ. Въ сторонахъ прекрасные виды, и много помѣщичьихъ селъ съ домами. Деревня тетушкина отъ Бѣлева только двѣ версты. Домъ большой старинный, разумѣется, съ залами, аванзалами. Въ нихъ портреты древнихъ праотцовъ фамильныхъ, въ латахъ и съ доспѣхами, ведутъ мысль за многія столѣтія назадъ. Краски уже стерлись, золото с рамъ слетѣло, но воображеніе наполнено именами ихъ и славой Широкой балконъ, почти въ просторную комнату, съ котораго сойти въ хорошую погоду не хочется. Съ него видѣнъ весь городъ Бѣлевъ; онъ открытъ, какъ на блюдѣ, и стоитъ на горѣ; Ока плещетъ въ него волнами; разбросанныя 20 церквей между хорошими домами придаютъ совершенству картины. *

Въ Августѣ да и въ концѣ ловить надобно ясныя минуты на воздухѣ. Жаль, что погода была холодна, хотя утихъ утренній несносный вѣтеръ, но все еще было свѣжо. Однако, не смотря на то, мы съ барышнями пошли гулять по селу и окрестностямъ много нашли пригожихъ мѣстоположеній, хорошія высоты, тѣнистыя рощи. Звукъ Бѣлевскихъ колоколовъ доходилъ въ уши нашна зарѣ и пріятную составлялъ вдали гармонію: рѣдки такія прогулки; я заглядѣлся на прекрасную долину. Одна изъ молодыхъ хозяекъ, которой она особенно нравится, потребовала тутъ отъ меня стиховъ. Долго ли дѣлать ихъ, когда воображеніе воспламеняется самой природой? Мѣсячная ночь удвоила восторгъ, и онъ произвелъ ихъ въ минуту.

Какъ бы убить осенній вечеръ? Онъ такъ длиненъ. Это вопросъ и въ городѣ часто слышенъ: что жь въ деревнѣ? Право не видалъ, какъ онъ у нихъ прошелъ. Поминутно читали разные стихи, разсуждали объ нихъ по своему и кто какъ умѣлъ, критиковали, или плѣнялись. Между прочими бумагами попался и

---

* Нынѣ Православныхъ 16, Единовѣрческая 1, монастырь, О. Б.

тотъ номеръ «Вѣстника Европы,» въ которомъ выписаны были лучшія мѣста изъ проповѣди Левандовой на кончину Кіевскаго Губернатора, Г. Панкратьева. * Какъ сладко смягчалъ онъ горесть плачущихъ надъ его гробомъ! Какъ убѣдительно увѣщевалъ сѣтующихъ объ немъ! Я не могъ читать его безъ слезъ: онѣ невольно брызнули. Скоро послѣ того поднялся и смѣхъ: всякой изъ насъ читалъ свой отрывокъ: иному нравилось веселое, иному унылое; впечатлѣнія скоропостижно мѣнялись и слѣдовали одно другому безпрерывно. И такъ безъ всякаго шума и трескотни мы провели день весело, и въ заключеніе нашей бесѣды я прочелъ и подарилъ милой А. П. ** слѣдующіе стихи, ею, конечно, ею вдохновенные:

Нѣтъ средства не сказать: прекрасная долина!
Прелестнѣй во сто кратъ, чѣмъ мертвая руина,
Какія сохранилъ отъ Генуезцевъ Крымъ,
Какихъ мы посмотрѣть во весь духъ скачемъ въ Римъ,
Живой натуры тронъ! Дыханіе зефира
Не стонетъ въ заперти подъ сводами порфира;
Въ свободѣ полной мысль—волшебныя мечты
Повсюду вкругъ меня рождаютъ красоты.
Безсонный чародѣй, мое воображенье,
При каждомъ шагѣ духъ приводитъ въ восхищенье.
Здѣсь Солнца западъ зрю; тамъ вишу всходъ Луны
И слышу въ далекѣ Бѣлевскіе звоны.
О родина *** моя! Москва, къ которой таю,
Котору въ жизни я подобилъ часто раю,
Которая по смерть пребудетъ мнѣ мила—
Мнѣ слышатся же твои колокола!
Природа! предъ тобою что наши милліоны?
Люблю твои дары, блажу твои законы.

---

* Тайный Совѣтникъ Петръ Прокофьевичъ Панкратьевъ 1802—1810 г., а надгробное слово ему помѣщено въ № 16-мъ 1810 года, стр. 316 и слѣд., съ разборомъ его В. Измайлова. О. Б.

** Авдотья Петровна Елагина. О. Б.

*** Кто родину любитъ, тотъ кстати и не кстати всегда найдетъ случай заочно вспомнить ее.

Божественны мѣста: еще побудемъ здѣсь;
Пусть врѣжутся въ умѣ лѣса, рѣка, вся весь!
Дай память вѣчну кисть, рисуйся въ ней картина,
Дай, сердце, имя ей: блаженная долина!

ГЛАВА LXXXVI.

Бѣлевъ. Козельскъ. Дачи Г. Пилисьера.

Бѣлевъ—городъ прекрасный, лучше многихъ Губернскихъ, въ томъ числѣ и Володиміра, но не по мѣстоположенію: онъ на Окѣ; а Уѣздныхъ городовъ такихъ, какъ онъ, конечно, мало. Улицы всѣ правильныя и вымощены дикимъ камнемъ, т. е., булыжникомъ. Домовъ кирпичныхъ множество, * площадь широкая и красивая. Мы его проскакали, не останавливаясь, и за нимъ попали въ пески, которые насъ утомили. Подъ Козельскомъ переѣзжается на паромѣ рѣка Жиздра, но ни она, ни городокъ не важны. Онъ также разбросанъ на горѣ, но не великъ и не заманчивъ с[ъ] виду. Два корпуса для Присутственныхъ Мѣстъ и каменныя порядочныя лавки: вотъ все, что въ немъ примѣтить можно! **

Въ 7 верстахъ отъ города, который принадлежитъ уже Калужской Губерніи, имѣетъ домъ свой и поселился жить Инспекторъ по лѣсной части, мнѣ очень хорошій знакомый, старикъ Г. Пилисьеръ. Будучи такъ близко, совѣстно казалось не заѣхать

---

* Въ нынѣшнемъ Бѣлевѣ всѣхъ домовъ считается около 1300 съ 8 тысячны[мъ] населеніемъ. Въ немъ Уѣздное Училище, публичная Библіотека, Лѣчебниц[а], Больница, Вдовій Домъ, еженедѣльные торги. Какъ извѣстно, въ Бѣлевѣ нах[о]дится домъ, въ коемъ родился нашъ славный поэтъ, В. А. Жуковскій. О. Б.

** Козельскъ на лѣвомъ берегу Жиздры и по обѣимъ сторонамъ Драгунки и Другусны, съ 1200 душами или 8,000 жителей обоего пола, 8 церквами, 2 Учил[и]щами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, еженедѣльными торгами, т. [д.] Извѣстенъ съ XII-го столѣтія, а во время нашествія Батыя долго ему сопр[о]тивлялся, взять, разрушенъ, жители избиты, и прозванъ имъ злымъ го[ро]домъ. О. Б.

Мы въ городѣ лошадей не перемѣнили, но дорогою заплатили за упрямство; ибо свѣжія были готовы, а намъ, или лучше сказать, мнѣ одному, не разсудилось выпрягать старыхъ и помѣшкать минутъ пять: отъ этого мы принуждены были итти почти всю дорогу пѣшкомъ: старыя лошади стали. Досада весь день меня искушала и ни что не помогло ее разсѣять. Пришедши къ доброму Швейцаро-Русскому мореходцу, мы нашли, однако, обѣдъ еще не початымъ. И порядочно поѣли: хозяинъ предупрежденъ былъ на счетъ нашего прiѣзда и ждалъ насъ.

Помѣстье его изрядное и чрезвычайно уединенно; тѣмъ-то оно ему и нравится: о вкусахъ спорить не должно. Г. Пилисьеръ родился въ Швейцаріи, служилъ же во флотѣ, попалъ въ лѣса и живется между горъ, около сосновыхъ рощъ. Естьли кто хочетъ имѣть понятіе о натуральной семейственной жизни, пусть завернетъ къ нему въ гости. Онъ, жена и ребенокъ—вотъ вся семья, весь домъ и вся компанія! Живучи въ самой глуши, они не скучаютъ, и онъ только тужитъ о томъ, что служба отнимаетъ у него много досуговъ. Надобно прямо изъ пріязни къ нимъ пріѣхать, чтобъ не почувствовать не только скуки, даже тоски; кажется, весь міръ отъ нихъ отрѣзанъ. Домикъ маленькой и помѣщеніе не широкое. Я весь вечеръ просидѣлъ у камина и поджигалъ дрова. Въ окошко смотрѣть любя: небо ясно, воздухъ чистъ, солнце ярко, а лишь только на дворъ, холодъ всѣмъ костямъ говоритъ: «Скоро зима! Пора къ огню, въ покои!» Бесѣда наша о чемъ бы ни началась, все сбивалась на лѣса и лѣсныя постановленія. Мы съ хозяиномъ толковали, а жены наши, какъ подъ сказки, дремали.

Для лѣсоводства или лѣсогубства заведенъ Институтъ: онъ близи этого помѣстья, окруженъ лѣсами для лучшихъ опытовъ въ натурѣ. Всѣ ученики изъ Дворянъ, живутъ въ казенномъ зданіи и обучаются Форшмейстерской наукѣ. По присвоенной имъ привилегіи, они, изучась въ три года, выпущаются въ Офицерскій классъ, прямо въ Форшмейстеры. Ихъ въ то время обучалось до 60-ти человѣкъ. Имъ преподаютъ Химію и Ботанику лѣсную, сверхъ того еще часть лѣснаго искусства, называемую технически Форстъ-Маненція: что она значитъ и въ чемъ состоитъ, меня

не спрашивайте. Долго слушалъ и ни чего не понялъ; да едва и изъ самыхъ теористовъ кто понимаетъ ли самъ себя, однако учители учатъ, ученики учатся и, подивитесь, выучиваются. О; глубина премудрости!

Домъ и все заведеніе этого Института стало казнѣ въ 40 тысячъ, а содержаніе училища требуетъ до 15 тысячъ. Я очень жалѣлъ, что не могъ удѣлить часа четыре на то, чтобъ посмотрѣть его; но послѣ поздняго нашего обѣда скоро смеркаться стало, а на цѣлый день лишній для этого остаться не позволялъ расчетъ времени, котораго я строго держался.

Для смѣшливыхъ отлучусь на часъ отъ дороги и разскажу нѣчто изъ лѣсной теоріи. Всѣ лѣса имѣютъ свои чувства и навыки. На примѣръ, сосна, она—дерево обходительное и любитъ сообщество себѣ подобныхъ, но не во всякомъ возрастѣ. Молодой соснякъ терпитъ густую зелень около себя: ему еще немного питательныхъ соковъ для жизни потребно; но чрезъ каждыя 5 лѣтъ, естьли хотятъ дать дереву выгодную толстоту, надобно обрыть около его маленькія деревья и вырубить, чтобъ большое доставало прямо изъ земли болѣе влаги и соковъ—это его пучитъ: оно подымается, ростетъ, дородничаетъ; черезъ десять лѣтъ надобно еще уединить его больше, и наконецъ товарищество ему такъ наскучитъ, что около его цѣлыя десятины свалить потребно. Вотъ чему обучаются ученики лѣсоводства! Они выѣзжаютъ въ рощу и примѣчаютъ, около которой сосны пора вырубить лишнюю компанію; узнаютъ, когда настоящая пора уединить ее; тогда, въ пособіе теоріи, практика тотчасъ принимается за топоръ и, оставя на сырой землѣ пеньки, совершаетъ полезный курсъ лѣсоводства. Желалъ бы я, чтобъ это была шутка, но къ несчастію, дороговизна въ дровахъ и вообще въ лѣсѣ скоро намъ покажетъ, что Форстъ-Маненція не шутитъ.

Возвратимся къ нашему пункту. Ѣздить по деревнямъ—настоящая фантасмагорія: во всякой свой Богъ, свой обрядъ, свое занятіе. Подъ Болховымъ мы убили два вечера за картами; близъ Бѣлева читали, писали и плели стихи, какъ лапти; а около Козельска насмотрѣлись на настоящую картину сельской домашней жизни: ни картъ, ни книгъ; пять, шесть минутъ бесѣды

часъ задумчивости у камина. Вотъ кстати гдѣ сказать: день слѣдуетъ за днемъ, но всѣ они несходны.

30-е число мнѣ хотѣлось взять въ Калугѣ—не удалось. Выѣхали въ 8-мъ часовъ утра отъ нашего добраго Генерала, который принялъ насъ съ самой доброхотной лаской и угостилъ наилучшимъ образомъ для деревни. Мы съ нимъ распрощались очень дружелюбно; онъ далъ намъ своихъ лошадей до Козельска. Тамъ, не мѣшкавши, взяли почтовыхъ и пустились обѣдать въ Перемышль. Мы эти 34 версты проѣхали отъ 9 часовъ утра до 3-хъ пополудни: нигдѣ желчь моя такъ не кипѣла во всю дорогу. Погода поправилась и стало тепло; дорога хотя песчана, но не чрезвычайно, а лошади совсѣмъ стали, и мы всячески старались возобновить ихъ силы, но природа готовила уже ихъ на живодерню. То, вышедши изъ коляски, ходили по рощамъ, то по селамъ и деревнямъ, у всѣхъ воротъ стучались, чтобъ выпросить свѣжихъ лошадей, и вездѣ отъ насъ запирали ворота на крюкъ. Коекакъ дотащились до Перемышля, гдѣ отъ хлопотъ и досады посѣтила меня моя мигрень, и я, чтобъ не усилить ее, принужденъ былъ поститься. Отъ Козельска до Перемышля дорога усыпана, такъ сказать, господскими мѣстностями и прекрасно отстроеными. Болѣе всѣхъ прочихъ глядѣть хочется на деревню Г. Кашкина. Большой каменный домъ въ три жилья; вокругъ него прекрасный садъ, бесѣдки, павильонъ, искуственные шатры, стогъ сѣна съ многочисленными круглыми окошками (oeils de boeufs) немножко не кстати: въ стогахъ окошекъ не бываетъ; но простимъ роскоши нѣкоторыя отступленія отъ натуры; впрочемъ, мнѣ не до видовъ было: я бѣсился на почтаря, на лошадей, на всѣхъ, на все; и это примѣчаніе, можетъ быть, съ сердцемъ вылетало тогда у меня на бумагу.

Перемышль—городокъ пустой, но вездѣ есть какой ни будь Засѣдатель, какъ котъ въ избѣ. Появился къ намъ тотъ, который, правилъ городомъ и очень учтиво съ нами обошелся, доставилъ всякія средства какъ можно скорѣе съ собою распрощаться, чего мы и добивались, чтобъ дотянуть до Калуги. Подъ Перемышлемъ переправа черезъ Оку: она тутъ не широка. * Въ сторо-

---

* Перемышль на берегу ручья, составляющаго 3 озера: Силаевское, Глубокое и

нѣ отъ Перемышля—монастырь или пустыня, такъ называемая Лютикова. ** Послѣднюю къ Калугѣ отсюда станцію мы проскакали очень шибко: путь ровный и безъ горъ; лошади попались рѣзвыя, но совсѣмъ тѣмъ отъ утренней мѣшкоты мы при лунномъ свѣтѣ въѣхали въ Губернскій городъ. Гора до моста и гора за мостомъ чрезвычайно круты, спускъ и подъемъ экипажей труденъ. Мы шли пѣшкомъ, и остановились въ домѣ стараго знакомца жены моей, члена Врачебной Управы, Г. Баумгартена. У кого лучше найти прибѣжище больному, какъ не у медика? Я тотчасъ далъ головѣ моей покой, приложилъ ее къ подушкамъ, протянулся на софѣ и благополучно уснулъ. «Извольте понѣжиться,» говаривалъ старый мой панглосъ, Кливеръ, когда я съ молоду бывало пожалуюсь нездоровьемъ: «Превосходнее лѣкарство!» Въ самомъ дѣлѣ, простой совѣтъ понѣжиться иногда дѣйствительнѣе премудренаго рецепта.

Подгорное, близъ рѣки Оки, по косогорамъ; построенъ Великимъ Княземъ Юріемъ Долгорукимъ и названъ въ память Южно-Русскаго Перемышля. Въ немъ теперь за 300 домовъ съ 3 тысячами жителей обоего пола, 6 церквей, 3 Училища (Уѣздное, Приходское и женское первоначальное), Больница, Богадѣльня, 3 ярмарки, еженедѣльные торги. О. Б.

** Во имя Св. Троицы 3-го класса мужская обитель, на правомъ берегу Оки, въ 7 верстахъ отъ Перемышля. Построенъ, по преданію, Князьями Воротынскими а названіе дано яко бы по имени бывшаго при строеніи Надзирателемъ нѣкоего Лютика. До 1663 правили имъ Игумены, а съ того времени Архимандриты съ правомъ служить на коврѣ; въ 1704 опять Игумены, а съ 1807 Архимандриты. О. Б.

ГЛАВА LXXXVII.

Калуга.

Губернскій городъ Калуга можетъ назваться прекраснымъ. ...нъ великъ и выстроенъ правильно, домовъ каменныхъ много, ...ерквей довольно. * Соборъ строится огромный, куполъ его почи... ...ется по величинѣ своей рѣдкостью; подлѣ него отдѣлывается ...тіерейской домъ и для Семинаріи пространное зданіе. Между ...рыми строеніями видны большіе разные домы. Для Присут... ...енныхъ Мѣстъ длинныя стѣны безъ всякой красоты въ фаса... ...ъ; Гостинный дворъ съ лавками Готической архитектуры, Губернаторскій домъ, выстроенный по общему образцу, не... ...вно аппробованному: вотъ тѣ казенныя строенія, кои стоютъ ...ѣтъ мѣсто въ описаніяхъ города; большая часть приводитъ на ...мять вѣкъ Кречетникова. ** Подъ самымъ городомъ отведена дача ...и кладбища. Я рѣдко видалъ такое обширное пепелище. Видно, ...о Калужскіе жители, или въ тѣсной связи съ парками и ча... ...садятся въ Харонову шлюбку, или въ самой землѣ хотятъ ...тлѣвать въ широкихъ гнѣздахъ: и въ этомъ есть своя роскошь ...предубѣжденія.

Генералъ-Губернаторъ человѣкъ весьма уединенный, почти ...юдимъ, но уменъ и благоразуменъ (на моемъ языкѣ эти два ...ства разныя), дѣятеленъ, честенъ, пріятенъ въ бесѣдѣ и лю... ...ъ острую шутку. Онъ насъ очень обласкалъ, посѣтилъ въ

...къ 33, Единовѣрческая 1, монастырей 2 (мужской и женской), Раскольниче... ...я моленья, за 4,000 домовъ съ 40,000 почти населеніемъ обоего пола, ...ныхъ заведеній 12: мужская и женская Гимназіи, Семинарія, Уѣздныя ...лища, духовное и свѣтское, 7 Приходскихъ (3 муж. и 4 жен.), разныя ...творительныя заведенія, пристань на Окѣ для судовъ и плотовъ, торги ...ую недѣлю и проч. О. Б.

...айла Никитича, открывшаго, въ Генварѣ 1777 года, Калужское Намѣстниче... ...о и бывшаго Генералъ-Губернаторомъ 3-хъ Намѣстничествъ, Калужскаго, ...скаго и Рязанскаго, тоже имъ открытыхъ, по 1791 годъ. О. Б.

нашей квартирѣ и доставилъ всѣ средства, какъ прожить ту
два дни съ самымъ тихимъ удовольствіемъ, такъ и на пути н
гдѣ не терпѣть остановокъ; самъ возилъ меня съ собою по гор
ду и казалъ всѣ заведенія Приказа. Обращеніе его со мною б
ло очень обязательно, и я былъ бы невѣжда, естьли бъ не оста
ся ему весьма признательнымъ.

Узнавши его, естьли можно жалѣть о чемъ, такъ о том
что онъ не любитъ общества. Извѣстно, что болѣе или мен
свойства перваго человѣка въ городѣ отливаются въ общест
И такъ публичная жизнь въ Калугѣ скучна и единообразна;
селостей нѣтъ, ни какого даже нѣтъ редута, безъ котораго в
кій Губернскій городъ и сиръ и пустъ. Гдѣ ихъ нѣтъ? Теа
былъ когда-то деревянный, но заросъ травою: онъ вдовствуе
Актеровъ нѣтъ, играть на немъ некому, и скоро, говорили, п
детъ совсѣмъ въ ломку.

Богоугодныя заведенія здѣсь особенную честь принос
начальнику. Онъ все придумалъ, обстроилъ и поставилъ на н
совершеннаго порядка. Они состоятъ въ слѣдующемъ: 1-е, Ин
лиды, и 2-е, Безумные помѣщаются въ большомъ каменномъ
ніи. Нѣкто Хлюстинъ пожертвовалъ онымъ. Во всѣхъ поко
видна особенная попечительность и большое раченіе. Мало п
зы растянуть огромное строеніе, поставить вездѣ колонны и
голять фасадой, межъ тѣмъ какъ не рѣдко бѣдный старикъ,
несчастный сумасбродъ, страждутъ въ прекрасныхъ стѣнахъ
призора. Здѣсь совсѣмъ противное: нехороши стѣны снар
но прямо, въ полномъ смыслѣ слова, Богоугодное содержані
нихъ. Сколько настроено дворцовъ, кои носятъ на себѣ выв
не призрѣнія, но презрѣнія общественнаго! При томъ Инва
номъ домѣ маленькая церковъ внизу, въ которой много но
вкуса. 3-е, Лазаретъ расположенъ въ старинномъ двуэтаж
домѣ, не такъ достаточенъ во всемъ, какъ прежнія два завед
но, по возможности, строенія содержатся найлучшимъ образ
Довольно для доказательства примѣра, не изъ теоріи, а изъ
та взятаго: въ 6 мѣсяцевъ изъ 200 больныхъ умерло только
человѣка. Я душевно пожелалъ другого Хлюстина, чтоб
Больница въ строеніи своемъ сравнялась съ Инвалиднымъ. Х

ю привлекать и пожертвованія гражданъ туда, гдѣ они такъ олезно употребляются. 4-е Сиротскій Домъ, внутри города въ аленькомъ деревянномъ домѣ; дѣтей въ немъ немного; взрослыя сылаются въ Московскій Воспитательный Домъ, а грудные млаенцы раздаются вольнымъ кормилицамъ изъ платы отъ Приказа.

Сверхъ всѣхъ сихъ заведеній найдете вы въ Калугѣ небольшой адетскій Корпусъ. Онъ содержится прекрасно. Въ немъ до 0 человѣкъ Калужскихъ Дворянъ воспитываются и обучаются, казенный коштъ пользуются пищей и одеждой. Нельзя не хвалить такой основательной заботы о благѣ человѣчества. Я идѣлъ этѣхъ мальчиковъ въ собраніи, въ лѣтнемъ ихъ домѣ: они ятъ въ мундирахъ, занимаются полевыми упражненіями, по рабану движутся и маршируютъ, какъ добрые солдаты; въ нихъ ть уже воинской духъ; на зарѣ жизни своей они прилѣпляются уже къ славѣ и достигать ея стремятся. Когда исполнится кошѣ 16 лѣтъ, его отсылаютъ въ С.-Петербургской Кадетскій орпусъ: недавно туда отправлено 20 человѣкъ воспитанниковъ шнихъ. Такое благодѣтельное училище содержится изъ капиа, въ пользу его собраннаго, разумѣется, добровольно съ Двоянъ; Государь изволилъ пожаловать 5 тыс. Каждый пансіонеръ кадетъ стоитъ содержаніемъ своимъ до 100. Очень дешево! о замѣтьте, что обученіе ихъ наукамъ не требуетъ ни какихъ держекъ: они ходятъ въ классы въ общую Губернскую Гимназію.

Около этого лѣтняго дома, гдѣ лагеремъ стоятъ Кадеты, но ъ палатокъ, я видѣлъ рѣдкое мѣстоположеніе въ натурѣ: чрезайность его самая необыкновенная. Я съ умыслу это говорю, тому что въ нынѣшнихъ сравненіяхъ естественныхъ видовъ ъ много чрезвычайнаго въ путешествіяхъ, что и въ нихъ нало настоящей чрезвычайности сдѣлать изъятіе. Представьте ъ, окруженный водою, за ней роща, какъ стѣна; она выходитъ ой около этого мѣста; въ полукружіи ея есть выемки, кои по ъ рощи видъ дѣлаютъ завѣсовъ съ нарядными борами и орами; а что всего для глазъ чудеснѣе—съ конца до другого деревья, какъ будто фрунтъ солдатъ по ранжиру, вытянуты рой по мѣрѣ своего роста. Картина, наполненная пріятности! Богъ, чтобъ Козельскіе лѣсоводы не приходили сюда прак-

тиковаться въ своей Форстъ-Маненціи, а то—прощай лѣсно строй, ранжиръ вѣтвистыхъ березъ! Молодцы все повалятъ.

Прогуливаясь по городу, я завернулъ въ одинъ переулокъ, н чая ни чего найти особеннаго. Ошибся: часто нечаянность нав детъ на прекрасное. Въ углу небольшой деревянный домъ несет громкую надпись: «Домъ Старичковыхъ.» Кто не помнитъ это витязя храбрыхъ Россійскихъ воевъ? * Мало ли было шуму об немъ въ газетахъ? Патріоты, т. е., тѣ, кои гортанью это имя з работали, уцѣпились за него, какъ за штандартъ Магометовъ, пр славляли его во всѣхъ листахъ и сочиненіяхъ; помнится, и на тез рѣ видѣли мы Старичковыхъ. Здѣсь они: вотъ и домъ ихъ! Сю да, сюда, господа энтузіасты Старичковыхъ! О! какъ я счас ливъ! Я видѣлъ въ жизни своей Одессу, Черное море, Очаков Херсонъ, Николаевъ и домъ Старичковыхъ!

ГЛАВА LXXXVIII.

Еще нѣчто о Калугѣ. Малоярославецъ. Боровскъ.

Чтобъ видѣть Калугу, и не только взглянуть на нее, но осмотрѣть совершенно, довольно одного дня. Пріязнь застав меня провесть здѣсь день лишній противъ моего предположен Издавна друженъ будучи съ здѣшнимъ Архіереемъ, я не могъ ему, ни себѣ, отказать въ продолженіи моего пребыванія: я ц лый день гостилъ у него и съ нимъ. Сказавши, что онъ м другъ, я отнялъ у себя средство воздать ему должную похва

---

* Старичковъ былъ Унтеръ-Офицеръ Азовскаго пѣхотнаго полка, который во вр Аустерлицкаго сраженія умѣлъ спрятать свое знамя подъ одежду, былъ от денъ въ плѣнъ и умеръ, передавъ его, бывшему съ нимъ въ неволѣ, рядов Бутырскаго пѣхотнаго полка Чайкѣ, для возвращенія въ полкъ, что тот исполнилъ. Знамя это хранится теперь въ Петербургскомъ Арсеналѣ. Импе торъ Николай I подарилъ (15 Генваря, 1848 г.) въ Чесменскую Богадѣл картину, представляющую подвигъ Старичкова. О. Б.

можетъ быть, ее отнесутъ къ пристрастію, но не лишу себя удовольствія поговорить объ немъ.

Онъ для насъ служилъ обѣдню Сентября 1-го числа. Я увидѣлъ въ немъ образъ юнаго Платона: та же осанка, видъ, произношеніе! Онъ не тянетъ голоса на возгласахъ, онъ выговариваетъ ихъ. Лѣта его еще не глубоки, но болѣзни даютъ ему видъ старости; подагра лишаетъ его свободы порядочно ступать: онъ ходитъ съ принужденіемъ; при всемъ томъ пріятно видѣть его во храмѣ: настоящій пастырь! Онъ любимъ многими въ городѣ, и церковь, гдѣ онъ служитъ, всегда полна народу.

Не имѣя еще дому въ городѣ, Евлампій * живетъ въ Лаврентьевскомъ монастырѣ ** версты двѣ отъ города; тамъ у него храмъ не великолѣпенъ, но ризница богата; нѣсколько въ ней изрядныхъ саккосовъ, а митра есть одна съ алмазами и жемчугомъ; какъ рѣдкость, замѣтить должно панагію изумрудную съ бриліянтами, въ которую вставленъ одинъ большой камень, но не очень чистой воды. Исторія этой панагіи говоритъ, что она предмѣстникомъ его *** сдѣлана изъ ефеса, пожалованнаго Екатериною II

* Введенскій, въ мірѣ Евѳимій, сынъ Дьячка Юрьевскаго Введенскаго дѣвичьяго монастыря; воспитывался въ Троицкой Семинаріи въ 1771 г., гдѣ въ послѣдствіи былъ 1781 Учителемъ Синтаксическаго класса, 1786 Риторики и Поэзіи въ Переренской Семинаріи, съ 1787 монахъ и тогда же возвращенъ въ Троицкую Семинарію, 1789 Префектъ ея, 1792 и Ректоръ, за тѣмъ съ 1795 г. Ректоръ Московской Духовной Академіи, 1801 Епископъ Архангельскій, 1809 Калужскій; умеръ 1813 года. О. Б.

** Монастырь этотъ 3-го класса, на гористомъ мѣстѣ лѣваго берега, далеко окруженный рощами. О. Б.

*** Ѳеофилактомъ Русановымъ, р. 1765 г. въ Архангельской Губерніи, учился въ Холмогорской Семинаріи и Александро-Невской Академіи, изъ коихъ въ послѣдней былъ Учителемъ Поэзіи и Реторики, 1794 монахъ и законоучитель Кадетскаго Корпуса, въ Мартѣ 1795 Архимандритъ Зеленецкаго, потомъ 1796 Сергіевой пустыни, 1798 Новогородскаго Антоніева монастыря и Членъ Синода, а съ Октября 1799 Тверскаго монастыря, въ Септябрѣ Епископъ Калужскій, 1807 на чредѣ въ Синодѣ, 1808 г., Декабря 25, Архіепископъ, 1809 Рязанскій (Марта 5), 1813 уволенъ въ свою Епархію (11 Ноября), 1817 (Мая 14) Екзархъ Грузіи, 1819 (1-го Февраля) Митрополитъ; скончался 19-го Іюня, 1821 г. и погребенъ въ Сигнахскомъ Георгіевскомъ Соборѣ. Былъ вліятельнымъ Членомъ Коммисіи Духовныхъ Училищъ; кавалеръ Св. Анны, Владимира и Александра Невскаго 1-й степени. О. Б.

въ 1774 году Генералъ-Маіору Князю П. В. Репнину. Я не распрашивалъ, какъ она сюда попала; конечно, смерть героя вселила его въ церковную ризницу: общая участь многихъ сокровищъ, кровію, или алчностію, нажитыхъ!

Архіерей живетъ хорошо и прилично своему сану. Мы у него обѣдали: онъ кормитъ сытно и поитъ умѣренно. Покои его просты, но приборны и вездѣ чисто. Пѣвчіе поютъ согласно, хоть не чрезвычайно хорошо; басъ много выражаетъ: онъ отъ души поетъ, а не по наряду, и отъ того невольно его замѣтишь. Я съ Преосвященнымъ до вечера просидѣлъ у него, а вечеръ онъ пробылъ у меня; и такъ мы съ нимъ не разставались цѣлыя сутки; бесѣда наполнила все это время. Это лучшая пища для сердца. Я не изъ тѣхъ людей, кои въ самомъ разговорѣ съ другимъ помрачаются, когда порода собесѣдника ихъ не равна ихъ происхожденію. Для меня все равно, изъ какого бы саду ни принесли, изъ богатой ли оранжереи вельможи, или изъ крестьянскаго огорода, благовонный цвѣтокъ всегда пріятенъ; цѣна его въ немъ, не во внѣшностяхъ его: такъ и умъ, гдѣ бы онъ ни былъ природой насажденъ, а обстоятельствами образованъ, въ героѣ, ил рабѣ, въ отшельникѣ, иль Царедворцѣ, почерпать отъ него по знанія всегда драгоцѣнное занятіе. И такъ мы, угождая собствен ному своему вкусу и понятію, промѣшкали сутки въ Калугѣ: н что день для дружбы? Одна минута!

2-го Сентября въ Калугѣ великое празднество, всѣ колоко въ городѣ шумятъ; всѣ Попы съ иконами приходятъ къ Собор и тамъ торжественное воздается Богу благодареніе за избавл ніе Калуги отъ чумы; однако, въ такой близости отъ Столиц ни что не сильно было насъ еще удержать на пути, и мы ра выѣхали.

Лошади намъ попались прекрасныя, и мы прибыли очень ск ро въ Малой Ярославецъ, Уѣздный городъ Калужской Губе ніи, въ 60 верстахъ отъ Губернскаго. Дорога сюда славная, го немного, лошадей перемѣняли только одинъ разъ, въ Салѣйкин Малоярославецъ ни чего не значитъ, хотя натура снабдила его х рошимъ мѣстоположеніемъ. Отъ него до самой рѣки Лужи

нется гора со многими переломами и очень украшаетъ городъ. * Здѣсь мы обѣдали, и пріѣхали довольно рано въ Боровскъ, городъ Калужской же Губерніи; погода во весь день была теплая.

На дорогѣ замѣтить можно только деревню и въ ней большой домъ Г. Болтина. Въ Боровскѣ ** мы остановились у зажиточнаго купца Большукова. Каменный большой домъ, строенъ 50 лѣтъ назадъ и въ старинномъ вкусѣ, лучшій въ городѣ и славенъ по тому, что Гг. Губернаторы всегда въ немъ останавливаются.

Подъ городомъ монастырь мужской, въ которомъ почиваютъ мощи подъ спудомъ Пафнутія, Боровскаго Чудотворца.*** Поздно было итти туда пѣшкомъ, а когда всѣ наши повозки собрались, то еще позднѣе было собираться ѣхать далѣе; и такъ мы остались тутъ ночевать. Городъ для Уѣзднаго довольно великъ, но писать объ немъ совершенно нечего, хотя онъ и не изъ новыхъ; развѣ сказать, что въ немъ для Присутственныхъ Мѣстъ выстроенъ новый корпусъ по образцу, изданному для всѣхъ, ему подобныхъ, по Уѣзднымъ городамъ въ Россіи.

---

* На правомъ берегу рѣки Лужи, при впаденіи въ нее рѣчки Ярославки, почти съ 400 домовъ и 3,000 обитателей обоего пола, 4 церквами, мужскимъ монастыремъ, 3 Училищами (Уѣзднымъ, Приходскимъ и первоначальнымъ женскимъ), Больницей, 5 ярмарками, еженедѣльными торгами и проч. т. п. При немъ и въ немъ происходило славное сраженіе 12 и 13 Октября, 1812 года, послѣ котораго Наполеонъ принужденъ былъ потянуться на разоренную уже имъ Смоленскую дорогу во время движенія въ Москву, и сдѣсь положенъ былъ предѣлъ его завоеваніямъ и начало спасенію Россіи. О. Б.

** Расположенъ по обѣимъ берегамъ рѣки Протвы и при впаденіи въ нее рѣчки [illegible], съ 900 домовъ и 9 тысячнымъ населеніемъ обоего пола, 8 церквами, 1 Единовѣрческой, 2 Училищами (Уѣзднымъ и Приходскимъ), Больницей, 4 ярмарками, еженедѣльными торгами. Извѣстно, что Боровскъ былъ нѣкогда удѣльнымъ Княженіемъ меньшихъ дѣтей Московскаго Великаго Князя. По нему Калужскій Епископъ пишется и Боровскимъ. О. Б.

*** Первоклассный, на устьѣ рѣчки Истремы, впадающей въ Протву, въ 3-хъ верстахъ отъ города; основанъ въ 1444 г. Пафнутіемъ, скончавшимся въ 1479; съ начала правили имъ Игумены, а со времени Св. Синода—Архимандриты. Въ немъ погребены многіе изъ Князей Оболенскихъ, Щербатовыхъ, Лыковыхъ и Репниныхъ. О. Б.

ГЛАВА LXXXIX.

Послѣдняя.

По разстоянію мѣста для добрыхъ коней, для нетерпѣли выхъ ѣздоковъ, отъ Боровска до Москвы—нѣсколько часовъ ѣзд Карета наша съ своими сѣдоками взяла у насъ полсутокъ пер ду, отправясь въ ночи, но, не смотря на всѣ предварительн средства, принятыя къ тому нами, чтобъ вездѣ имѣть лошадей летѣть въ Москву во весь духъ, убили мы цѣлый день до вече въ дорогѣ. Чѣмъ ближе къ Москвѣ подъѣзжаешь, тѣмъ бол готовишься къ терпѣнію разныхъ искушеній и досадъ. По окружила столицу затрудненіями для поспѣшающихъ въ ея кам ныя ограды. Начинаются на каждой станціи натяжки, сдѣл насилія и разныя безпокойства: ямщикъ знаетъ, что всяк хочется скорѣе доѣхать, и прижимаетъ изъ всѣхъ силъ проѣзжи почталіонъ, или Смотритель на станціи, тотъ же Воевода въ го дѣ, дѣлаетъ, что хочетъ: даетъ лошадей, или не даетъ, впряга и выпрягаетъ по своему произволу, и на него нѣтъ ни суда, аппеляціи. Отъ такихъ хлопотъ однѣ деньги оборонить могу зазвени кошелькомъ—и всѣ ямщики становятся услужливы. П нужденъ былъ и я, за двѣ станціи отъ Москвы, сорить послѣ свои пѣнязи, лишь бы поскорѣй ѣхать и увидѣть небо моей роди

Не знаю, можно ли что ни будь примѣтить по пути отъ ровска въ Москву и сохранить въ запискахъ дорожныхъ. Я былъ занятъ Москвою и моимъ возвращеніемъ домой, что ни го около себя не видалъ такого, чтобъ отъ нея отвлекло вниманіе на минуту. Съ Калужской дороги своротили мы на жайскую, чтобъ въѣхать въ городъ ближайшей заставой къ шему дому подъ Дѣвичьимъ, и передъ вечеромъ проѣхали мы ло Волынское, принадлежавшее нѣкогда отцу моему: * от видна уже Москва. Я выскочилъ изъ коляски, и всею дачею

---

* Село владѣльческое, при рѣчкѣ Сетуни, въ $9^1/_2$ верстахъ отъ Москвы, дворами и 35 душами обоего пола и церковью. О. Б.

лынскаго прошелъ пѣшкомъ. Тутъ же пришли мнѣ на мысль живѣе, чѣмъ гдѣ ни будь, ребяческіе мои годы; увидѣлъ, спустясь съ горы, въ правую сторону, старую аллею, усаженную липами, въ которой такъ часто съ мамой своей я хаживалъ гулять и въ перелѣскахъ грибы бралъ. Цѣлъ еще тотъ храмъ, въ которомъ мы приносили Богу по праздникамъ дѣтскія наши молитвы. Не тотъ уже ветхій домъ, которой былъ при насъ: гораздо огромнѣе и великолѣпнѣе выстроенъ новый съ колоннами; но та же подъ нимъ гора, тѣ же уступы, съ которыхъ мы падали нерѣдко и приносили на лбу живые знаки нашей рѣзвости. Въ лѣвой сторонѣ Давыдково, * деревня, гдѣ живали наши кормилицы и заманивали насъ въ избы свои поѣсть ягодъ съ молокомъ въ ясную погоду. Вотъ и мостъ, съ котораго я удочкой ловить любилъ рыбу и гдѣ осторожный дядька назиралъ всякое мое движеніе, чтобъ я не упалъ въ воду! Вотъ и Сетунь—рѣка, воспоившая меня въ первые годы моей жизни. Она также свѣтла, быстра, прозрачна, но она уже не моя, струи ея принадлежатъ другому, а мнѣ въ удѣлъ досталось только то, чего ни чьи предки продать не могутъ—пріятное воображеніе о прошедшемъ и пристрастіе къ мѣсту: оно тутъ, тутъ, въ глубинѣ моего сердца, и ни кто его у меня по купчей никогда не отниметъ. За рѣкой была при насъ прекрасная роща, называемая Борокъ. Когда мы пріѣзжали изъ Москвы въ Волынское на все лѣто и появлялись въ немъ наши кареты и линѣйки, залпы пушечныхъ выстрѣловъ изъ села во всю рощу раздавали свои отголоски. То было тогда, но теперь я шелъ между пеньковъ: они свидѣтельствуютъ одни, что тутъ нѣкогда была роща, которую нынѣшніе владѣльцы изъ прибытка вырубили совершенно.

На сихъ развалинахъ я позволилъ себѣ быть на минуту малодушнымъ: взглянулъ назадъ на село, окинулъ взоромъ весь свой горизонтъ, собралъ всѣ напоминанія въ одну точку, точно такъ, какъ въ зажигательное стекло собираются всѣ лучи солнца; они жгутъ подверженный предметъ огнемъ физическимъ; такъ

---

* Деревня владѣльческая при рѣкѣ же Сетуни, въ 9 верстахъ отъ Москвы, съ 36 дворами и 250 душами обоего пола. О. Б.

и душа моя загорѣлась своимъ пламенемъ, и на зеркалѣ ея по текли слезы. Такъ, я не стыжусь признаться, что я заплакалъ я дерзну сказать болѣе: съ этѣмъ лоскуткомъ земли бѣдный, н всегда честный, родитель мой терялъ послѣднюю свою собствен ность и домъ, который нѣкогда считалъ за собою тысячи душъ отъ воли котораго зависѣло, не весьма давно, пріобрѣтать без численное въ Россіи, приведенъ былъ не виной, но бѣдствіями лишиться послѣдняго своего имущества. О patria, patria! И твой л дымъ мнѣ будетъ сладокъ? Осуждайте суету мою, философы, н да избавитъ васъ Богъ отъ пагубной необходимости думать и чув ствовать по моему въ настоящемъ случаѣ! Чувствительный чело вѣкъ извинитъ мой жаръ и пожалѣетъ обо мнѣ.

Сѣвши въ коляску, я не помню почти, какъ я доѣхалъ до По клонной Горы, и еще терялся въ глубокомъ размышленіи, как милая жена моя, дѣлившая во все это время мою грусть со мною чтобъ разсѣять ее, закричала: «Другъ мой! Москва!» Я проснулся какъ отъ сна, взвидѣлъ Ивановскую колокольню и, по чувств непостижимой любви къ родинѣ, сердце мое затрепетало. «Москва Москва!» вскричалъ я съ нею и, не смигая съ нея, до Застав ѣхалъ стоя. Ужь солнце кидало послѣдніе лучи свои на наш земли поверхность. Дѣти наши ожидали насъ въ Дорогомилово слободѣ: они бросились къ намъ на шею, и мы, отлучавшіеся от нихъ не надолго, но далеко, прижимали ихъ къ нашему сердц Ахъ! какъ оно бьется, когда оно довольно! Тутъ же получилъ письмо изъ Володиміра, и одно чувство радости ощущая внезап но за другимъ, я вдругъ очутился на прагѣ родительскаго дом въ дрожащихъ объятіяхъ престарѣлой моей матери. Тутъ, воздав хвалу Богу, совершающему всѣ начинанія наши, я нашелъ въ эт блаженую минуту невидимый рай въ видимомъ мирѣ.

Все, Боже, отъ тебя,
И все по благости твоей!

ДОПОЛНЕНІЕ.

Къ стр. 274—277, примѣч. Говоря тутъ, въ примѣчаніи (стр. 276), о надворотной иконѣ Смоленской Божіей Матери, я сообщилъ свѣдѣнія о ней по тѣмъ источникамъ, которые были у меня подъ рукою, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратился за ними и къ извѣстному нашему военному писателю, И. П. Липранди, какъ участнику въ нашемъ славномъ прошедшемъ 12-го и слѣдующихъ годовъ. Но свѣдѣнія его не поспѣли, по краткости времени, къ отпечатанію помянутаго примѣчанія, и я ихъ, по ихъ важности, сообщаю при семъ. На вопросъ мой: «Присягали ль Русскіе, какъ ходятъ слухи, предъ Смоленской иконой Божіей Матери на канунѣ Бородинскаго побоища?» И. П. отвѣчаетъ:

«Ни какихъ присягъ предъ иконой Смоленской Божіей Матери, на канунѣ Бородинской битвы, дѣлаемо не было. Князь Кутузовъ приказалъ поднять ее и обойти полки. Для приданія болѣе торжественности, собраны были полковые Священники съ хоругвями и другими принадлежностями. * Князь, окруженный Штабомъ, въ числѣ котораго находились тутъ: Принцъ Александръ Виртембергскій, Бенигсенъ, Графъ И. И. Марковъ, а равно и нѣкоторые начальники отдѣльныхъ частей: Платовъ, Милорадовичъ и

* Св. икона на Смоленскомъ предмѣстьѣ поставлена была на запасной лафетъ батарейной роты (№ 1) Полковника Глухова, корпуса Н. А. Тучкова 1-го, и такъ совершила весь походъ; здѣсь было и два Священника съ причтомъ, сопровождавшихъ ее. Можетъ быть, когда-либо кто изъ усердія и служилъ ей въ походѣ молебны, не знаю; ибо я былъ въ корпусѣ Дохтурова; но знаю навѣрное, что А. П. Ермоловъ первый подалъ мысль поставить ее на лафетъ, для сопутствованія арміи.

др., были ли они призваны, или случились при Князѣ, не знаю. Главнокомандующіе же 1-й и 2-й арміями, корпусные, дивизіонные и другіе начальники, встрѣчали Св. икону при своихъ частяхъ и присоединялись къ процессіи, нѣкоторые слѣдовали и далѣе расположенія своихъ частей, увеличивая такимъ образомъ кортежъ.

Фельдмаршалъ прослѣдовалъ около половины всего протяженія, само собою разумѣется, съ открытыми головами. Каждый полкъ преклонялъ колѣна, когда Св. икона приближалась къ оному. Въ промежуткахъ двухъ полковъ процессія останавливалась и совершала краткія молебствія, какъ это бываетъ во всѣхъ крестныхъ ходахъ. Особенность была только въ томъ, что обстоятельства выходили изъ круга обыкновенныхъ случаевъ. Здѣсь каждый мыслено стоялъ на своей могилѣ.»

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОБРЯДНЫЯ.

I.

Колядныя.

Въ навечеріе Рождества Христова, въ селахъ и деревняхъ, дѣвицы, * собравшись по нѣскольку вмѣстѣ, ходятъ кучками по улицамъ отъ одного дома къ другому и подъ окнами поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Приходила коледа
Напередъ Рождества.
Винограде красно зеленье мое. **
Напала пороша,
Снѣгу бѣлинькаго;
Какъ по этой по порошѣ
Гуси, лебеди, летѣли,
Коледовщички,
Недоросточки, ***
Недоросточки,

---

* Во многихъ мѣстахъ мальчики и парни.

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

*** Это слово употребляется по тому, что сюда собираются несовершеннолѣтніе.

Красны дѣвушки
Сочили и искали
Иванова * двора.
И Ивановъ дворъ,
Ни близко, ни далеко:
На семи верстахъ,
На восьми столбахъ;
Вокругъ этого двора
Тынъ серебряный стоитъ;
Вокругъ этого тына,
Все шелковая трава;
На всякой тынинкѣ
По жемчужинкѣ.
Во этомъ во тыну
Стоитъ три терема,
Стоитъ три терема,
Златоверхіи:
Во первомъ терему
Свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему
Красно солнышко,
Въ третьемъ терему
Часты звѣздочки.
Свѣтелъ мѣсяцъ—
То хозяинъ во дому,
Красно солнышко—
То хозяюшка,
Часты звѣздочки—
Малы дѣточки.
Какъ самаго господина
Дома нѣтути,
Дома нѣтути,
Не случилося,
Въ Москву съѣхавши
Суды судить,

* Сдѣсь упоминаютъ имя хозяина, подъ чьимъ окномъ поютъ.

Суды судить,
Да ряды рядить.
Посудивши, порядивши,
Домой ѣдетъ онъ:
Онъ женѣ-то везетъ
Кунью шубу, кунью шапочку,
А своимъ-то сынамъ
По добру коню,
Своимъ доченькамъ
По злату вѣнку,
Своимъ служенькамъ
По сапоженькамъ.
Наша-то коледа
Ни мала, ни величка,
Она въ двери не лѣзетъ,
И въ окно намъ шлетъ.
Ни ломай, ни гибай,
Весь пирогъ подавай!
Виноградье красно зеленье мое!

Сообщ. М. И. Семевскимъ Псков. Губ.

2.

Ходили, гуляли, коледовщики,
Сочили, искали, Боярскаго двора:
Нашъ Боярскій дворъ на семи верстахъ,
На семидесяти столбахъ.
Какъ поѣхалъ Государь на судимую гору,
Судъ судить по сто рублей,
Рядъ рядить по тысячи.
Какъ ѣдетъ Государь со судимой со горы,
Везетъ своей женѣ кунью шубу,
Своимъ сыновьямъ по добру коню,
Своимъ невѣстушкамъ по кокошничку,
Своимъ дочушкамъ по ленточки,

Своимъ служенькамъ по сапоженькамъ.
Подарите, не знобите, коледовщичкамъ.
Наша коледка ни мала, ни велика,
Ни въ рубль, ни въ полтину,
Ни въ четыре алтына.
Подарите, не знобите, каледовщичковъ,
Либо съ печи пирогомъ,
Либо съ клѣти осьмакомъ.
Наша коледка ни мала, не велика,
Въ двери не лѣзя,
Въ окно какъ щье (?):
Либо кружечку пивца,
Либо чарочку винца.
Хозяинъ, ясенъ мѣсяцъ,
Хозяйка, красно солнышко во дому. *

Тамъ же и тѣмъ же.

3.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Мы ходили, 2
По Мишину селу
Авсень, Авсень! 2 **
Кишки да желудки
На печкѣ сидѣли,
На насъ-то глядѣли,
Въ кошель захотѣли.
Какъ у Павла на дворѣ
Стоитъ дровъ костеръ.
Ему пиво варить,

---

* Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ повторяется припѣвъ: «Виногра, красно зеленье мое!»

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Ему сына женить.
Самъ-то Павелъ—
Свѣтлой мѣсяцъ,
Его жонушка—
Красно солнышко,
Его дѣточки—
Часты звѣздочки.
Даримъ Павлу шадру: *
Да чѣмъ погоняти?
Простой кишкой,
Шелудивымъ парсукомъ.

Зап. А. И. Худяковымъ, Ряз. Г. Зар. У., въ с. Мишинѣ.

4.

Таусинь! Таусинь!
Ребята, ребята,
Таусинь!
Берите топоры!
Таусинь!
На что брать топоры?
Таусинь!
Рубите вы сосны!
Таусинь!
На что рубить сосны?
Таусинь!
Колите вы доски!
Таусинь!
На что колоть доски?
Таусинь!
Мостите вы мосты!
Таусинь!
На что мостить мосты?

---

* Лошадь.

Таусинь!
Кому по немъ ѣздить?
Таусинь!
Василію ѣздить;
Таусинь!
На чемъ ему ѣздить?
Таусинь!
На сивенькой свинкѣ;
Таусинь!
Чѣмъ ее погонять-то?
Таусинь!
Цуцкимъ поросенкомъ;
Таусинъ!
А чѣмъ ему взнуздать-то?
Таусинь!
Жирною кишкою,
Таусинь!

(Въ одинъ голосъ:)

Пышка лепешка
Въ печи сидѣла,
На насъ глядѣла,
Въ ротъ захотѣла.
Дайте намъ кишку съ локоть,
Чтобъ семерымъ не слопать;
Дайте намъ ломоть пирога,
Во всѣ коровіи роги.
Не дадите лепешки,
Закидаемъ всѣ окошки;
Не дадите пирога,
Закидаемъ ворота. *

Зап. В. А. Мясоѣдовой, Сар. Г. Серд. У., въ с. Пашѣ.

---

* Поется мальчиками передъ каждымъ домомъ.

5.

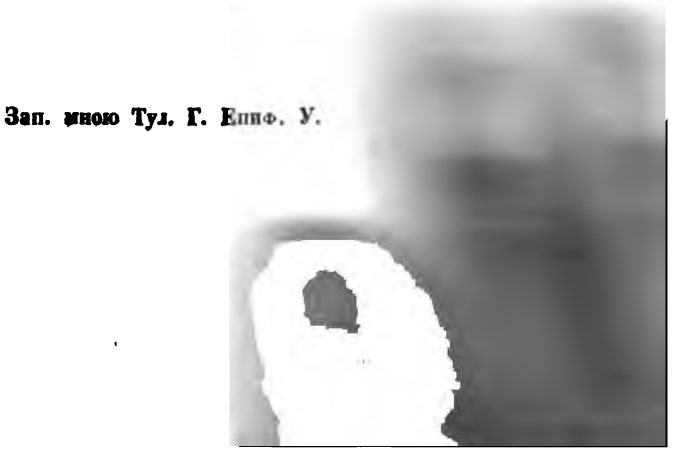
У Иванова двора
Стоитъ горенка нова,
Баусимъ, баусимъ!
Вы этой вы горенки
Стоятъ двѣ скамеечки,
Баусимъ, баусимъ!
На этихъ скамеечкахъ
Сидятъ двѣ дѣвчоночки.
Баусимъ, баусимъ!
Онѣ косы плетутъ,
Приговариваютъ:
Баусимъ, баусимъ!
Ты рости, рости, коса,
До шелкова пояса,
Баусимъ, баусимъ!
До Нѣмецкаго чулка,
До чернаго башмака.
Баусимъ, баусимъ!
Кишки, желудки,
Въ печи сидятъ,
На насъ глядятъ.
Давайте пирога!
Кто не дастъ пирога,
Сведемъ корову за рога.

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У., въ с. Муравьевнѣ.

---

* Въ другихъ:
Не дадите пирога
Мы корову за рога,
Авсень, Авсень!
Не дадите ножку—
Мы свинью объ сошку.

Зап. мною Тул. Г. Епиф. У.

II.

Подблюдныя.

Подъ Новый Годъ дѣвушки собираются вмѣстѣ и обыкновен но гадаютъ о своемъ суженомъ такъ: ставятъ на столъ чашку с водою, и кладутъ въ нее кольца и серьги, потомъ накрываютъ ск тертью. Всѣ садятся, не крестясь, за столъ, и женщины, которы лучше знаютъ пѣсни, поютъ. Въ это время каждая старается вы нуть свое кольцо подъ звуками того пѣсеннаго стиха, который е особенно по сердцу.

1.

Я золото хороню, хороню! 2
Прiучистово серебро хороню! 2
Я по краснымъ по дѣвушкамъ,
По молодымъ молодушкамъ.
Гадай, гадай, дѣвица!
Отгадывай, красная!
Во чьи руки перстень,
Во чьи золоченый.
Ядеръ сударь гадайте,
Отъ батюшки идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ поплетаючи,
Златомъ первиваючи.
Сыщите, найдите!
Пани моей матушки
Вы не скажите.
Пани моя матушка,
Ена ернива,
Чтобъ меня молоду не побила,

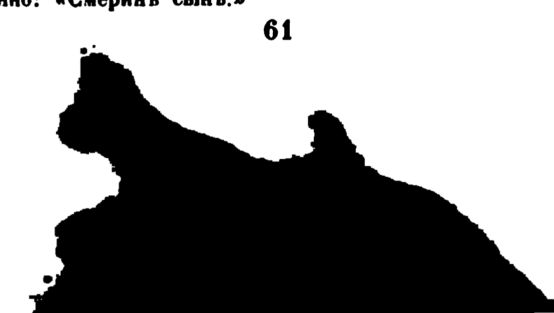
Да на игрища отпустила.
Вы, кумушки, гадайте,
Голубушки гадайте!
По три утра, по чатыре,
По три прута золотые,
Чатвертый замчужный.
Палъ, палъ перстень,
У калины, у малины,
У черную смородину.
Смородина не ягода,
Смердинъ * сынъ не баръ сынъ:
Енъ во шапочки хорошъ,
Во колпанчики пригожъ.

Зап. мною Пск. Г. Великол. У. въ с. Өедорцовѣ.

2.

И я золото хороню, 2
Чисто серебро хороню, 2
Я у батюшки въ терему,
Я у матушки въ высокомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину,
Очутился перстень
У дворянина у молодова, 2
На правой на ручкѣ, на мезинцѣ.
Ужь вы кумки, вы голубки,
Вы скажите, не утайте:
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,

* Пѣвица произносила собственно: «Смеринъ сынъ.»

По три прута золотые,
Четвертый жемчужный.
Гадай, гадай, дѣвица!
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиная крылица?—
Я бы рада гадала,
Черезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи,
Златомъ приплетаючи.
Ищи золото со свѣчами:
Золото пропало,
И порохомъ запало.

Сообщ. Граф. В. Д. Толстая, Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменском

3.

Исусъ Христосъ,
У воротъ стоитъ,
Онъ съ хлѣбомъ, съ солью,
Со скатертью,
Съ скотинкою,
Съ животинкою.
Слава Дѣвы!
Кому вынется,
Тому и сбудется,
Не минуется. Слава!

4.

Зерно, зерно Бурмиское!
Нѣтъ на тебѣ, зерно, погибели.
Кому вынется, и т. д.

5.

Маленькій точокъ,
Большой ворошокъ.
Кому вынется, и т. д.

6.

Разсыплю я монисто по закрому,
Съ кѣмъ монисто собирать будетъ?
Собирать монисто съ милымъ дружкомъ.
Кому вынется, и т. д.

7.

Расколю колоду
Дубовую.
Кому вынется, и т. д.

8.

Заинка, повиляинка!
Ты виляй, виляй,
Не отвиляешься:
Вилялъ, вилялъ,
Въ тенета попалъ.
Кому вынется и т. д.

9.

Рылась курочка на заваленкѣ,
Вырыла курочка золотъ перстень,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися.
Кому вынется, и т. д.

10.

Мышь пищитъ,
Коровать тащитъ;
Еще попищу,
Еще потащу.
Слава Дѣвы!
Кому вынется, и т. д.

11.

Курочка ряба
Изъ подъ порога навозъ гребла,
Вырыла золотъ перстень.
Кому вынется, и т. д.

12.

На печи звѣзда
Высоко взошла.
Кому вынется, и т. д.

13.

Сидитъ воробей
На Пилѣ городѣ,
Глядитъ воробей
На чужую сторону.
Кому вынется, и т. д.

14.

За дежей сижу,
Пятерней вожу,
Ай, Дѣва!
Ай, Слава!
Кому вынется и т., д.

15.

Еще посижу,
Еще повожу,
Ай, Дѣва!
Ай, Слава!
Кому вынется, и т. д.

16.

Ужь вы, саночки мои,
Самокаточки,
Ай, Дѣва!
Ай, Слава!
Кому вынется, и т. д.

7.

Я за закромъ мету,
Ай, Дѣва! и т. д.

18.

Еще посижу,
Еще помету,
Ай, Дѣва! и т. д.

Всѣ 16 зап. мною Тул. Г. Епиф. У. въ с. Ѳед

19.

Растворю квашонушку
На донушко,
Поставлю квашонку
На столбушкѣ,
И моя квашонка,
Полнымъ полна.
Ладу! Ладу!
И съ краями ровна.
Кому вынется, и т. д.

20.

Бѣгала мышка по закромцамъ,
И сбирала мышка по зернышку.
Кому вынется, и т. д.

21.

Сидѣлъ пѣтухъ на повѣти,
И кричалъ онъ кукареку!
Кому вынется, и т. .д

22.

Катилось колечко
По бархату,
Прикатилось
По яхонту.
Кому вынется, и т. д.

23.

Бѣле клубокъ,
Красе клубокъ,
Трястить нитки
И стрястить поясокъ.
Кому вынется, и т. д.

24.

Валялась шубенка
По подлавочью.
Кому вынется, и т. д.

Всѣ 6 зап. мною въ Москвѣ отъ крестьянки Смол. Г. Дух. У.

25.

Катилось, валилось,
Одонье ржи,
Погодя маленько
Скирдъ овса.
Кому мы спѣли,
Тому добро;
Кому вынется,
Скоро сбудется,
Не минуется!

26.

За дежей сижу,
Пятерней вожу,
Еще посижу,
Еще повожу.

Кому вынется,
Скоро сбудется,
минуется.

27.

Курочка ряба
Навозъ гребла,
Выгребла колечко серебреное.
Кому вынется, и т. д.

28.

За корытомъ сижу,
Корысти себѣ жду.
Еще посижу,
Еще подожду.
Кому вынется, и т. д.

29.

За рѣкой мужики живутъ богатые,
Гребутъ жемчугъ лопатами.
Кому вынется, и т. д.

30.

Ѣдутъ Бояре изъ города,
Торчатъ ноги изъ гроба.
Кому вынется, и т. д.

31.

Сидѣла ворона на столбикѣ,
Очутилась ворона середь избы.
Кому вынется, и т. д.

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

III.

Святочныя игрища.

1.

Какъ и нонче у насъ святые вечера пришли,
Святые вечера, святыя игрища,
Всѣ мои подружки, всѣ на игрища ушли,
Всѣ на игрища ушли, по дворамъ нарядныя ходятъ,
А красная дѣвица дома замѣшкалась,
Дома замѣшкалась, работой занялась. *

Зап. мною Ряз. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

2.

Охъ, хо, хо!
Я по келійку хожу.
Черничку бужу:
Черничка, встань!
Молодая, встань! —
Не могу я встать,
Головы поднять.
Ужь и встати было,
Поплясати было,
Для милыхъ гостей,
Поломать костей:
Ты, святой отецъ, Игуменъ,
Постриги меня, пожалуй!
Охъ, хо, хо! и т. д.
Растриги меня, пожалуй!
Мой батюшка растригся,
Такъ и мнѣ захотѣлось.

* Дальше пѣвица не могла вспомнить.

Сообщ. Граф. В. Д. Толстая Р. Г. Данк. У. въ с. Знаменскомъ.

Примѣчаніе. Эта пѣсня играется такъ: избирается изъ ср ды играющихъ одна личность въ Игумены, ей даютъ въ ру жгутъ, и каждая изъ играющихъ подходитъ къ ней по одиночкѣ, когда хоръ поетъ: «Ты, святой отецъ, Игуменъ! Постриги меня, п жалуй!» онъ наклоняется къ нему и даетъ легкій ударъ жгутом по спинѣ; этотъ отходитъ прочь, его мѣсто заступаетъ другой. такъ каждый, по очереди, пока перейдутъ мимо него всѣ. Пото всѣ, схватясь руками, начинаютъ пѣть: «Охъ хо хо!» Остановивши вдругъ среди пѣнія, начинаютъ спрашивать: «Пріѣхалъ ли Игуме Тотъ отвѣчаетъ: «Еще далеко.» Тогда опять продолжаютъ кругов пѣсню и, кончивши, снова спрашиваютъ: «Далеко ли Игуменъ?» О скажетъ: «Близко;» и это вновь повторяется, пока скажетъ: «Пр халъ.» Тогда подходятъ къ нему каждый поочередно, какъ и пре де, наклоняясь передъ нимъ, а хоръ поетъ: «Растриги меня, по луста. Мой батюшка растригся, такъ и мнѣ захотѣлось,» тотъ е даетъ сильный ударъ жгутомъ и игра кончается.

3.

Ужь вы, кумушки мои, голубки!
Вы которому святителю молилися,
Вы которому чудотворцу обѣщалися?
Что у васъ-то мужья молодые,
У меня ли у младеньки старичище,
Не пущаетъ старичище на игрище;
Я уходомъ отъ старова уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
У сосѣда подъ навѣсомъ одѣвалась,
Я бѣлымъ-то снѣжкомъ умывалась,
Я кисейнымъ рукавомъ утиралась,
Я не долго и не мало проходила,
Со вечерней зари до бѣла дня.
Я не знаю, какъ старому подъявиться:
Ужь я утушкою прилетала,
А касаточкою подъявилась,
Ужь я стукъ-то, стукъ за колечко

Ужь я брякъ-то, бряки у калитки,
Какъ за то ли золотое, за витое,
Какъ не лютые медвѣди заревѣли,
Не борзыя ли собаки завизжали,
Заревѣлъ-то мой старый старичище,
Слѣзаетъ старичище со печищи,
Онъ снимаетъ съ черна крюка плетище,
Онъ и бьетъ ли, не бьетъ, полегоньку,
Что на каждое мѣсто по десятку.
Какъ и тутъ я старому возмолила:
Ты прости, сударь, меня, я не буду:
Какъ другой-то разъ уйду, я не приду.

4.

Мимо нашего села,
Мимо свекрова двора,
Что ни въ гусельки играютъ,
Ни въ свирѣль говорятъ,
Говорятъ, мои подруженьки,
На игрища пошли,
А меня младу, младешеньку,
Свекоръ не пускаетъ.
Какъ заставилъ свекоръ батюшка,
Гумно грести,
Какъ гумно грести,
Все метлой мести;
Ужь я въ сердце-то войду,
Разсердитоваюсь;
Ужь гумно-то истопчу,
Я метлу-то изломлю,
А сама млада, младешенька,
На игрища пойду.

Мимо нашего села,
Мимо свекрина двора,
Что ни въ гусельки играютъ,

Ни въ свирѣль говорятъ,
Говорятъ, мои подруженьки,
На игрища пошли,
А меня младу, младешеньку,
Свекровь не пускаетъ.
Какъ заставила свекровь матушка,
Красна дотыкать:
Ужь я въ сердце-то взойду,
Разсердитоваюсь,
Я красна-то изорву,
Я челнокъ-то залукну,
А сама млада, младешенька,
Во игрища пойду.

Обѣ зап. В. М. Кузьминою, Симб. Г. Буин. У. въ с. Серезвеѣ.

5.

Какъ во старова мужа молодая жена,
Вотъ на емъ, хо, хо!
Вотъ на емъ, охти мнѣ!
Ена часто неможетъ, все поохиваитъ:
Такъ вохъ, таки вохъ! да головушка болитъ,
Такъ вохъ, таки вохъ! ретиво сердце щемитъ!
Вотъ на емъ, хо, хо,
Вотъ на емъ, охти мнѣ!
Охъ ты мужъ, муженекъ, молодой разумокъ!
Ты поѣзжай, мужъ, въ городъ, ты купи жаны лыньк
Ты купи жаны лынька, ты купи животка!
Вотъ на емъ, хо, хо!
Вотъ на емъ, охти мнѣ!
Присадился мой лынекъ, присадился животокъ,
Ко сырой землѣ, ко желтымъ пескамъ,
Потихошечку, помалешечку, *

---

* При этѣхъ словахъ одна изъ играющихъ потихоньку садится на
впереди всѣхъ, и при пѣніи послѣдующихъ стиховъ становитс

Вотъ на емъ хо хо!
Вотъ на емъ охти мнѣ!
Какъ присѣлъ же мой лынекъ, какъ присѣлъ же животокъ,
Лынекъ ножку протянулъ, онъ другую протянулъ,
Лынекъ ручушкой махнулъ, енъ другою махнулъ,
Лынекъ бровку теребилъ, енъ другую теребилъ,
Лынекъ ручкой скоблилъ, онъ другою скоблилъ,
Подымался мой лынекъ, подымался животокъ,
Отъ сырой землѣ, отъ желтыхъ пескахъ;
Полетѣлъ же мой лынекъ, полетѣлъ же животокъ,
У сырые боры, у желтые пески.
Вотъ на емъ, хо, хо!
Вотъ на емъ, охти мнѣ!

Зап. мною Псковск. Губ. Великол. У. въ с. Ѳедорцовѣ.

6.

Играющіе раздѣляются на два разряда, изъ которыхъ одинъ изображаетъ собою представителей деревни, т. е., деревенскихъ жителей, а другой представителей Боярскаго сословія, и становятся другъ противъ друга. Во время пѣнія перваго стиха выступаетъ, двигаясь, подъ медленный тактъ, впередъ парень (Бояринъ) во главѣ Боярскаго ряда. При пѣніи втораго стиха выступаетъ такимъ же порядкомъ деревенскій рядъ, потомъ опять Боярскій, и т. д., и это чередованіе продолжается до конца пѣсни, т. е., до тѣхъ поръ, пока Бояринъ не выберетъ облюбованной имъ невѣсты.

Деревня. Да пусти въ карагодъ!
Ай да ли года! *
Бояринъ. Да за чѣмъ въ карагодъ?
Деревня. Дѣвить любовать.

колѣна и исполняетъ все въ нихъ сказанное: то протягиваетъ одну ногу, то другую, махнетъ одной рукой, махнетъ и другой, и т. д.

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Бояринъ. Покажи женишка!
Деревня. Вотъ мнѣ женишокъ!
Бояринъ. Покажи шапку!
Деревня. Вотъ мнѣ шапка!
Бояринъ. Покажи мнѣ кафтанъ!
Деревня. Вотъ мнѣ кафтанъ!
Бояринъ. Покажи мнѣ кушачекъ!
Деревня. Вотъ мнѣ кушачекъ!
Бояринъ. Кая тебѣ невѣста люба?
Деревня. Вотъ мнѣ эта люба!

Сиди, сиди, ящеръ,
Ладу, Ладу!
Въ орѣховомъ кустѣ,
Ладу, Ладу!
Въ бѣлой капустѣ,
Ладу, Ладу!
Въ бѣлой капустѣ,
Чего досидѣти?
Ладу, Ладу!
Выбирай, ящеръ, папью,
Ладу, Ладу!
Кая тебѣ люба,
Ладу, Ладу!
Кая у ферезцахъ,
Ладу, Ладу!
Кая у сапожкахъ,
Ладу, Ладу!
Мнѣ Машинька люба,
Ладу, Ладу!
Ена по совѣту,
Ладу, Ладу!
Ена по привѣту.
Ладу, Ладу!

8.

Составляется кругъ. Одинъ изъ играющихъ выступаетъ впередъ и ходитъ по кругу. Хоръ поетъ:

Ходилъ Борисъ, гулялъ Борисъ*
Енъ по карагоду, енъ по дѣвичью,
Енъ по дѣвичью, енъ по молодичью;
Искалъ Борисъ ласковую тещу,
Привѣтливой невѣсты.
Вотъ моя теща, вотъ моя невѣста!

(Указывая на избранную дѣвушку:)

Поѣзжай, Борисъ, на рыночикъ,

(При этомъ парень выходитъ за кругъ).

Ты купи жены подарочикъ;
Что подарочикъ, на шею жемчужку.
Принимай, жена, не гнѣвайся!
Молодая, не сердися на меня!
Поѣзжай, Борисъ, на рыночикъ,
Ты купи жены подарочикъ,
Что подарочикъ, ременну плеть!

(Входя опять въ кругъ, предлагаетъ избранницѣ своей:)

Принимай, жена, не гнѣвайся!
Молодая, не сердися на меня! **

---

* Вар. Ходилъ баринъ, гулялъ баринъ.

** При послѣднихъ словахъ онъ бросаетъ на полъ плеть, а она тотчасъ ее поднимаетъ, за тѣмъ оба схватятся за руки и цѣлуются.

9.

(Царевна въ кругу, а Царевичь за кругомъ:)

Кругъ города ходитъ
Царевъ сынъ, Королевъ,
Невѣстъ выбираетъ,
Царевъ сынъ, Королевъ.
Что за городомъ Царевичъ,
Что во городѣ Царевна
Золотымъ перстнемъ сіяла,
Все Царевича прельщала,
Золотымъ ключомъ бряцала.
Разрубай, Царевичь, вороты,
Что воротички пошире,
Что еще того пониже!
Войди, Царевичъ, во городъ,
Подойди, Царевичъ, поближе,
Что еще того поближе!
Поклонись, Царевичъ, пониже,
Что еще того пониже!
Поцѣлуй ее послаще,
Что еще ль того послаще!
Ты возьми ее за ручку,
Поведи ее за городъ!
Выбирай себѣ другую,
Что изъ тысячи любую!

(Ср. въ отд. хороводн. игров. № 73 и 149).

Всѣ 4 зап. мною Пск. Г. Великол. У., въ с. Ѳедорцовѣ.

IV.

Пѣсни волочебниковъ. *

1.

Стояло древо тонко, высоко,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ! **
Тонко, высоко, листомъ широко,
На томъ древѣ сидѣлъ орелъ,
Сизой орелъ, сизы перья.
А гдѣ же взялся препышный стрѣлецъ,
Препышный стрѣлецъ, Михаилушка.
И хочетъ онъ да й лань убити.
Не бей меня, Михаилушка,
А я жъ тебѣ понадоблюся,
Принадоблюся, пригожуся:
Поѣдешь, братъ, жениться,
Не будетъ тебѣ ни переѣзду, ни переходу,
А я жь тебе возьму подъ право крыло,
Суженую я возьму подъ лѣвое,
Хартовъ твоихъ всѣхъ пересвищу.

---

* Т. е., ходящихъ изъ деревни въ деревню крестьянъ пѣсенниковъ поздравляющихъ хозяевъ съ праздникомъ Святлаго Христова Воскресенія.

** Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

2.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ХОЗЯИНУ.

Стояла рыня тонка, высока,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ! *
Тонка, высока, широмъ широка,
У той рыни два столика,
Два столика дубовые,
Дубовые, тесовые;
На тыхъ столикахъ
Все скатерти,
Все скатерти, все бранныя,
Все бранныя, нашиванныя;
На тыхъ столахъ
Все святки, все праздпички:
Первое Свято—Великъ Христовъ день,
Великъ Христовъ день съ краснымъ яичкомъ;
Другое Свято—Юрій-Егорій,
Во чистомъ полѣ стадокъ спасаетъ,
Стадокъ спасаетъ, домой гоняетъ;
Третье свято—Святой Микола,
Святой Микола около двора,
Около двора кануни варицъ,
Кануни варицъ, коники гладзицъ;
Четвертое Свято—Свято Вознесенье,
Свято Вознесенье съ синимъ цвѣтомъ;
Пятое Свято—Святый Пяцеръ, **
Святый Пяцеръ съ бѣлымъ сыромъ;
Шестое Свято—Илья Пророкъ,
Илья Пророкъ по межамъ ходзицъ,
По межамъ ходзицъ, рожь зажинаицъ,
Рожь зажинаицъ, ярь наливаицъ.

---

* Повторяется послѣ каждаго стиха

** Петръ.

Ясенъ, красенъ макъ въ огородѣ,
Яснѣй, краснѣй на полѣ снопы,
Все аржаные, все яровые.
Широкъ, высокъ, на небѣ мѣсяцъ,
Шире и выше на полѣ копы,
Все аржаныя, все яровыя.
Часты и густы на небѣ звѣзды,
Чащѣй, гущѣй на полѣ бабки,
Все Ивана, все Михеича.
За этимъ же хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебѣ Богъ сколько въ полѣ дубковъ,
Столько тебѣ сынковъ,
Сколько въ полѣ ялушекъ,
Столько тебѣ дочушекъ.
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

3

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ХОЗЯИНА ДОМА.

Не гуси летять, не лебеди,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ. *
Идуть, бредуть, волочебнички,
Волочебнички, полуночнички,
Феломъ здоровъ, хозяинушка!
Чи спишь, ляжишь, аль спочиваешь?
Коли жь ты спишь, такъ Богъ съ тобой!
Коли жь не спишь, говори ты съ намъ!
Не хошь говорить, ходзи ты съ намъ!
Ходзи ты съ намъ, съ волочебничкамъ,
Съ волочебничкамъ, съ полуночничкамъ,
По темной ночи грязи толочи,
Собакъ дразнить, людзей смѣшить!

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Не хошь ходзить, дари жь ты насъ!
Наши подарки малы, велики,
Малы, велики, въ двери не лѣзуть,
Въ двери не лѣзуть, въ окны каташіють:
Починальничку сорокъ яичекъ,
Сорокъ яичекъ, золотой червонъ,
Золотой червонъ, кварту горѣлки,
Кварту горѣлки, сыръ на тарелки;
Помощничкамъ хоть по десятку,
Хоть по десятку, хоть полъ золотаго,
Кварту горѣлки, сыръ на тарелки;
Миханому пирогъ съ ношу,
Дударини хоть солонины:
Дуду помазать, струны погладзить,
Чтобы играла, не залегала.
За этимъ же, хозяинушка,
Живи здорово, живи богато!
Дай тебѣ, Боже, пиво варить,
Пиво варить, сыновъ женить,
Горѣлку гнать, дочекъ отдавать!
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ!

4.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ ДѢВУШКѢ.

Ой рано, рано, солнце играло,
Христосъ воскресъ на весь свѣтъ! *
Ой раньше того пава летала,
Пава летала, перья роняла,
Красная дѣвка тамо гуляла,
Красная дѣвушка, Прасковьюшка,
Тамо гуляла, перья сбирала,
Перья сбирала, въ рукавокъ брала,

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Съ рукавовъ брала, вѣнокъ вила;
А и гдѣ узялись буйны вѣтры,
Буйны вѣтры, добры дожди,
Схватили да й златъ вѣнокъ,
Да й златъ вѣнокъ, золотыя перья,
Понесли на сине море, на лукоморье.
Пошла Прасковьюшка
Заплакавши, зарыдавши;
На сустрѣчу три рыболова,
Три рыболова, три холостые:
Чего, дѣвка, слезно плачешь,
Слезно плачешь, слезно рыдаешь?—
Какъ же мнѣ не плакати, не рыдати?
Ой рано, рано, солнце играло,
Ой раньше того пава летала, и т. д. *
Три рыболова, три молодые,
Закинули сѣточку,
Да й сѣточку шелковую;
Они поймали да й златъ вѣнокъ,
Да й златъ вѣнокъ, золотое перья.
Пошла дѣвка домой заплакавши,
Заплакавши, зарыдавши.
Чего, дѣвка, слезно плачешь,
Слезно плачешь, слезно рыдаешь?
Какъ же мнѣ не плакати, не рыдати?
Ой рано, рано, солнце играло,
Ой раньше того пава летала и т. д. **
Иди ты, батька, вѣнокъ принеси!
Пошелъ батька, коня повелъ:
Подайте, дайте, мой вѣнокъ,

* Дѣвушка разсказываетъ, что съ нею случилось, до стиха: «Понесли на сине море, на лукоморье.»

** Дѣвушка разсказываетъ родителямъ все, что съ нею случилось, какъ рыбаки молодцы закинули шелковую сѣточку и поймали ея вѣнокъ да не отдали ей, до стиха: «Да й златъ вѣнокъ золотое перья.»

Не мой вѣнокъ, дочки моей! —
Коня не беремъ, вѣнка не даемъ!
Иди, матушка, вѣнокъ принеси!
Матушка пошла, платокъ понесла:
Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
Не мой вѣнокъ, дочки моей! —
Платка не беремъ, вѣнка не даемъ!
Иди, братецъ, вѣнокъ принеси!
Братецъ пошелъ, корову повелъ.
Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
Не мой вѣнокъ, сестры моей! —
Корову не беремъ, вѣнка не даемъ!
Пошла дѣвка заплакавши,
Заплакавши, зарыдавши:
Три рыболова, три молодые,
Три молодые, три холостые!
Подайте, дайте, мой вѣнокъ,
Золотъ вѣнокъ, золотое перья:
Одному дамъ перчаточки,
Другому дамъ шелковой платокъ,
Третьему дамъ золото кольцо;
Что дамъ перчаточки,
То братецъ мнѣ;
Что дамъ шелковой платокъ,
То сосѣдъ мнѣ;
Что дамъ золото кольцо,
То миленькій мнѣ!

Всѣ 4 зап. Пск. Г. Тор. У. К. Ф. Тышецкой. Сообщ. М. И. Сем...

Эгѣ пѣсни поются преимущественно въ деревняхъ Торо каго Уѣзда, пограничныхъ съ Велижскимъ Уѣздомъ.

V.

Весеннія.

Когда, весною, въ первый разъ услышатъ кукушку, дѣвушки украшаютъ цвѣтами и лентами ивовую вѣтку и идутъ съ пѣснями въ лѣсъ, гдѣ онѣ водятъ хороводъ и крестятъ кукушку: крестятъ онѣ и пѣснями, и скаканіемъ или пляскою, и всѣ дѣвушки, которыя дружны и хотятъ покумиться, цѣлуются во время хоровода.

Когда выходятъ изъ деревни, поютъ:

1.

Кукушка ряба,
Кому ты кума?—
Я, кумушки, голубушки,
Богородицѣ кричу.

2.

Въ лѣсу поютъ:

Кабы знала я да вѣдала,
Молоденька чаяла,
Свою горьку долю,
Несчастье замужество,
Замужъ не ходила бы,
Доли не теряла бы:
Пустила бъ я долю
По чистому полю,
Пустила бъ красоту
По цвѣтамъ лазоревымъ,
Отдала бъ я черны брови
Ясному соколу.
Красуйся, красота,
По цвѣтамъ лазоревымъ!
Гуляй, гуляй, воля,

По чистому полю!
Бѣлѣйся, бѣлета,
На бѣлой березѣ!
Чернѣйтеся, очи,
У чернаго ворона!

Зап. Ю. Ѳ. Ауербахъ. Орл. Г. Дмитр. У. въ с. Глодневѣ.

VI.

Семицкія.

1.

Калинушка, малинушка, лазоревый цвѣтъ!
Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ;
Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой,
За мной младой шлетъ,
Ужь я млада, младешенька, замѣшкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За мелкою, за пташечкой, за журинькою,
Какъ зорюшка вечерняя по бережку шла,
Шелковую листъ-травушку защипывала,
Холодною водицей захлебывала.
Тутъ за рѣчкой за быстрой четыре двора,
Въ этѣхъ во дворикахъ четыре кумы.

2.

Калинушка съ малинушкой разолевый цвѣтъ! 2
Смиренная бесѣдушка, гдѣ милова нѣтъ, 2
Веселая кампанія, гдѣ миленькій пьетъ, 2
Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой, 2
За мной молодою онъ шлетъ, 2
А я млада, младешенька, замѣшкалася, 2
За утками, за гусями, за лебедями, 2
За вольною за пташечкой, за журушкой, 2

Какъ журушка вдоль берега похаживаетъ, 2
Шелковую во полѣ травушку пощипываетъ, 2
Холодною водицею прихлебываетъ, 2
За рѣченьку за быструю посматриваетъ; 2
Какъ за рѣчерькой за быстрою слободка стоитъ, 2
Не маленькая слободушка, четыре двора, 2
Въ томъ ли во четвертомъ дворикѣ четыре кумы: 2
Вы, кумушки голубушки, подружки мои! 2
Кумитеся, любитеся, любите и меня! 3
Вы пойдете въ зеленъ садъ гулять, возьмите и меня! 2
Вы будете цвѣточки рвать, сорвите и мнѣ! 2
Вы станете вѣнки вить, сплетите и мнѣ! 2
Вы будете на воду бросать, бросьте вы и мой! 2
Какъ и всѣ вѣнки по воды поплыли, а мой потонулъ, 2
Какъ и всѣ дружки домой пришли, а маво дружка нѣтъ! 2

Зап. Вл. Тюкинъ, Твер. Г. Осташ. У. въ сельцѣ Өедорова двора.

3.

Торна бойка дороженька, гдѣ миленькій шелъ,
Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьетъ;
Онъ пить не пьетъ, за мной младой шлетъ,
А я млада, младешенька, замѣшкалася,
За утками, за гусями, за лебедями,
За вольною за пташечкой за журушкой.
Какъ журушка вдоль берега похаживаетъ,
Ковыль, травку шелковую, защипываетъ,
Холодною водицею захлебываетъ.
За рѣкою за быстрою четыре двора,
Во этихъ во дворикахъ четыре кумы:
Вы кумушки голубушки, подружки мои,
Вы пойдете въ зеленъ садъ, возьмите меня!
Вы станете вѣнки вить, свейте и мнѣ!
Вы пойдете на Дунай рѣку вѣнки бросать, бросьте и мой!
Какъ всѣ вѣнки посверхъ воды, а мой потонулъ,
Какъ всѣ мужья изъ Москвы пришли, а мой не бывалъ.

Зап. мною Тул. Г. Епиф. У.

4.

Что сильна, сильна пчела
По полету летала,
Ай, Лели, Лели!
По полету летала,
Разные цвѣты рвала,
Мнѣ младой вѣнокъ плела,
Ай Лели, Лели!
Мнѣ младой вѣнокъ плела,
На мою головушку,
На мою на буйную,
Ай Лели, Лели!
На мою на буйную.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовиновѣ.

5.

Во лѣсу ли, во лѣсочку,
На желтинькомъ на песочку,
На мягкой травы, 2
Тамъ и дѣвушки гуляли,
Съ лужка цвѣточки 2 собирали,
Вѣночки плели 2
На вѣнкахъ онѣ гадали,
Вѣнки въ рѣку 2 побрасали:
Чей вѣнокъ всплыветь,
Про ту милый вспомянетъ.
Мой вѣнокъ въ волнахъ всплываетъ,
Знать мнѣ варваръ клятву измѣняетъ,
Знать онъ позабылъ,
Знать онъ разлюбилъ.
Одна дѣвушка вскричала,
Во слезахъ она сказала:
А мой потонулъ! 2
Къ ней подруженьки сбирались,

Утѣшать ее старались: 2
Полно, глупая, тужить,
Можно лучшаго нажить,
Можно разлюбить, 2
Можно позабыть.—
Я не слушаюся васъ,
Полюбила дружка разъ,
Буду до смерти любить. 2

Зап. Гр. А. А. Татищевой Моск. Г. Серп. У. въ с. Бѣгичевѣ.

VII.

Жнивныя.

1.

На ленъ роса пала, 2
На ленъ студеная,
Ранымъ рано! *
Кому роса теплая,
А мнѣ холодненькая.
На чужой сторонкѣ,
Во чужово батьки, 2
Поздно спать ложатся,
Рано побужаютъ,
Рано побужаютъ,
Къ дѣлу принужаютъ, 2
Ко тяжкой работѣ 2
Ко бѣлому камацю, 2
Ко сырой пшеницы, 2
Къ болотной водицы. 2

---

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго двустишія.

2.

Жали мы, жали,
Жали, пожинали,
Жнеи молодыя,
Серпы золотые.
Два поля пожали,
Третье распахали, 2
Жнеи молодыя,
Серпы золотые.
Нива долговая, 2
Постать широкая,
По мѣсицу жали, *
Серпы поломали,
Въ краю не бывали, 2
Людей не видали.

3.

По зарѣ, матушка,
По зарѣ, матушка,
Сиза птица поеть,
А меня молодещеньку,
Да и мысли беруть:
За старова, матушка,
Да замужъ дають;
Охъ замужъ дають!
А у меня молодешеньки,
Да старый мужъ старешенекъ,
Со вечера, матушка,
Поздно спать ложиться,
Ко бѣлу свѣту, матушка,
Енъ рано побужаить,
И никогда мнѣ, молодешеньки,
Просвѣту нѣтути.

---

* По мѣсицу, т. е., до восхода солнца.

4.

Я дорогою шла, я широкою,
Я пущу голосокъ черезъ темный лѣсъ,
Не заслышалъ бы мой лютый свекоръ,
Не сказалъ бы енъ мому мужу,
Мому мужу, своему сыну.
Какъ и мой мужъ горькій пьяница:
Енъ вина, пива не поеть, *
Всегда пьянъ живеть.
Енъ и боеть ** жену понапрасницу,
По чужимъ рѣчомъ, по моимъ плечомъ:
Не ходи, жена, ты на вулицу,
Не играй, жена, со ребятами,
Со ребятами неженатыми!

5.

Надъ рѣкою, надъ рѣкою,
Груша зеленая стояла, 2
Буйная шумѣла,
Сучикомъ махала, } 2
Листикомъ трепала; }
Какъ подъ той ли подъ грушей,
Да кровать тесовая,
На той на кровати,
Да перина пуховая,
На той на перинѣ
Одѣяло теплое,
Лежить мой милый дружочикъ,
Енъ лежить со мною,
Съ красной дѣвушкою.

Всѣ 5 зап. мною Пск. Г. Великолуц. У. въ с. Өедорцовѣ.

---

* Не пьетъ.

** Бьетъ.

VIII.

Толочныя. *

1.

Друброва моя, дубровушка,
Дуброва моя зеленая!
По тебѣ, моя дубровушка,
Дробныя пташки разлетались.
Одна пташка оставалася,
Горемышная кукушечка,
Куковала кукушечка день до вечера,
А со вечера до полуночи:
Кабы знала я млада, вѣдала,
Про свое про горе про великое,
Про замужьице несчастливое,
Я бъ сидѣла вѣкъ во дѣвушкахъ,
Я бъ чесала буйну голову,
Я бъ плела свою русу косу,
Я бъ, плетучи, приговаривала:
Не доставайся, моя руса коса,
Что ни Князю, ни Боярину,
Ни мому мужу Татарину!

---

* Т. е., тѣ, которыя поются во время толоки; толокою же н зываются всѣ работы по накладкѣ, свозкѣ и разметкѣ въ пол или огородѣ, навоза, по чему онѣ иногда и называются нав ными толоками. Онѣ совершаются, по приглашенію хозяина, со ща нѣсколькими дворами, или даже цѣлыми деревнями. Награ за трудъ—приличное количество водки. Такія общественныя р боты во внутреннихъ и Приволжскихъ Губерніяхъ извѣст подъ названіемъ «Помочь.»

2.

Черезъ Дона досочка тонка, гибка, лежала,
Что нихто по ёй не ходить,
Только я млада съ горы шла,
Я со миленькимъ дружочкомъ,
А я милому говорила:
Ты, мой миленькій дружочикъ,
Ты не бей жану безъ вины,
Ты бей жану за вину,
За великую за бѣду:
Мой батюшка далече,
Моя матушка дальше того,
Голосочка маво не слышить,
Горючихъ моихъ слезъ не видить.

3.

На той горы на крутой,
Стоить церква безъ верха,
Что безъ золотова безъ креста,
Безъ Священника, безъ Попа:
Во той церкви соловей,
Соловей поеть пѣсенки:
Горбуновщины дѣвушки, *
Девять дѣвокъ брюхатыхъ,
А десятая родила,
Во сыромъ бору хоронила,
Что подъ бѣлою березой,
Да подъ горькою осиной.

На той горы на крутой,
Стоить церква съ верхомъ,
Со золотымъ со крестомъ,

---

* Сосѣднихъ деревень помѣщика Горбунова.

Со Священникомъ, со Попомъ;
Во той церкви соловей,
Громко пѣсенки поетъ;
А сходить было мнѣ къ соловью,
Воспросить было мнѣ соловья:
У Семевскова дѣвушки,
Девять дѣвокъ шелкомъ шьють,
А десятая золотомъ.

4.

На той горы на крутой, 2
Молодецъ зелье копаить, 2
Енъ самъ его не знаить, 2
Енъ у батюшки пытаить: 2
Государь, родной батюшка!
Вотъ и што это за зелье? —
Ой, дитё ль мое, дитятко,
Ето зелье—козелье,
Да й дѣвичья красота,
Молодецкая сухота.

Всѣ 4 зап. мною Пск. Г. Великолуц. У. въ с. Ѳедорцов

IX.

Когда рубятъ капусту.

1.

Я колышки тешу,
Я огородъ горожу,
Я капусту сажу,
Я сажу капусту,
Сажу бѣленькую,

Развеселинькую:
Ты родись, моя капуста,
И бѣла, и вила,
И со тыномъ ровна!
Ахъ ребята, вы ребята,
Удалые молодцы!
Кому надобно капусту,
Приходи ко мнѣ торговать,
А я буду продавать!
Гдѣ ни взялся паренекъ,
Зашелъ къ дѣвкѣ въ огородъ,
Онъ капусту не торгуетъ,
Самъ на дѣвущку смотритъ,
Онъ на дѣвушку глядитъ,
Вѣрно хочетъ полюбить,
За себя ее становить;
Кабы волюшка была,
Ночевать дружка взяла;
Черезъ волюшку ступлю,
Ночевать дружка возьму;
Мы спали, ночевали;
Вдругъ проснулися — заря,
Пора милому со двора.
Какъ на улицѣ бѣлый снѣгъ,
Погляжу милому въ слѣдъ,
Куда миленькій пошелъ,
Куда скоро побѣжалъ,
Вдоль улицы столбовой,
Ко Дуняшѣ вдовиной;
Какъ Дуняша вдовина,
Чѣмъ же лучше она меня?
Она умильнѣй глядитъ,
Поучливѣй говоритъ.

Зап. мною Тул. Г. и У. въ с. Лотовиновѣ, отъ дворовой женщины.

X

Масляничныя.

1.

ВО ВРЕМЯ КАТАНЬЯ.

За рѣкою, матушка,
Гусельки гудятъ,
За быстрою, сударыня,
Звончатые;
Пусти меня, матушка,
Гуслей послушать!—
Пустить тебя, дитятко,
Вѣкъ не видать!—
Приду, приду, матушка,
На Великъ День,
Съ красненькимъ, матушка,
Со яичкомъ,
Съ молоденькимъ со зятечкомъ.—
Милое дитятко!
Мнѣ тебя далече ждать!—
А ты меня, матушка,
Кличь закликай!—
Дитя мое милое!
Голосу нѣтъ.—
А ты, моя матушка,
Близко подойди!—
Дитя мое милое,
Ножки не идутъ.—
А ты, моя матушка,
П сьмо напиши!—
Дитя мое милое!
Писаря нѣтъ

Зап. Ю. Ѳ. Ауербахъ, Орл. Г. Дмитр. У. въ с. Гледневѣ.

2.

Мы масляницу сострѣчали, 2
Люли, люли, сострѣчали,
Гоголекъ, гоголечикъ!
На горушки не бывали, 2
Люли, люли не бывали,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Сыромъ гору набивали, 2
Люли, люли набивали,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Наши горушки катливы, 2
Люли, люли, катливы,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Наши дѣвушки игривы,
Люли, люли, игривы,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Молодушки веселыя. 2
Люли, люли, веселыя,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Стары бабушки воркотливы, 2
Люли, люли, воркотливы,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Ены на печки сидять, 2
Люли, люли, на печки сидять,
Гоголекъ, гоголечикъ!
На насъ воркотять, 2
Люли, люли, воркотять,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Вы, бабушки, не ворчите, 2
Люли, люли не ворчите,
Говолекъ, гоголечикъ!
Дайте масляницу намъ прогулять, 2
Люли, люли, прогулять,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Съ ребятами поиграть, 2
Люли, люли, поиграть,
Гоголекъ, гоголечикъ!

Съ ребятами со холостыми, 2
Люли, люли, со холостыми,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Со холостыми, не женатыми, 2
Люли, люли, не женатыми,
Гоголекъ, гоголечикъ!

3.

На горы Казаки,
Подъ горой мужики,
Гоголекъ, гоголечикъ! *
Все посвистываютъ,
Погаманиваютъ,
Меня молоду
Подговариваютъ,
А у меня, молодой,
Свекоръ батюшка лихой:
Енъ на горушку
Меня не пущаить;
А я свекру угожу,
Три бѣды наряжу 2
Подошлю воровъ,
Чтобъ покрали коровъ;
Подошлю людей,
Чтобъ покрали клѣтей;
Подошлю куманей, **
Чтобъ увели комоней.

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

** Кумовей.

4.

Горе мое гореванье, 2
Люли, люли, гореванье, *
Гоголекъ, гоголечикъ!
Тяжело мое уздыханье! 2
На чужой дальней на сторонкѣ, 2
У чужова у батьки, 2
У чужой у матки, 2
Протекала рѣка слезовая, 2
Воколо той рѣкѣ же лѣсочикъ, 2
Усе лѣсочикъ, усе рябина, 2
Усе пташки, усе кукушки: 2
Ены день и ночь усе кукують, 2
А меня молоду усе прослезують, 2
На чужой дальней на сторонкѣ! 2

5.

Съ горы на гору снѣги сыплють, 2
Люли, люли, снѣги сыплють,
Гоголекъ, гоголечикъ!
Меня молоду домой кличуть: 2
Будь, невѣстка, домой, 2
Будь, лебедка, домой! 2
У насъ дома нездоровье: 2
Убился свекоръ съ палатей; 2
Кабы знала молода, 2
Подняла бы полатья, 2
Что повыше того, 2
Чтобъ убился свекоръ, 2
Да побольше того. 2

---

* Послѣ каждаго стиха повторяется: «Люли, люли,» съ прибавленіемъ послѣдняго слова стиха, и потомъ «Гоголекъ, гоголечикъ!» Тоже самое и въ слѣдующихъ пѣсняхъ.

6.

Наша масляница годовая, 2
Ена гостика дорогая, 2
Ена пѣшою къ намъ не ходить, 2
Все на комоняхъ разъѣзжаить, 2
Чтобы коники были вороные, 2
Чтобы слуги были молодые. 2

7.

На долинушки сыръ дубъ стоить,
На дубу сидить самъ сизой орелъ,
Во когтяхъ енъ держить черна ворона,
Да черна ворона, да сeово недруга;
Енъ пустилъ же руду по сыру дубу:
Ужь вы возвейтеся, вѣтры буйные,
Вы и выбивайте да сизова ворона,
Сизова ворона да свово недруга,
Свово недруга, да братца роднова!

Всѣ 6 зап. мною Пск. Г. Великол. У. въ с. Ѳедорцовѣ.

III

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ

ОЧЕРКЪ ИСТОРІИ

ЧЕШСКАГО ВѢРОИСПОВѢДНАГО ДВИЖЕНІЯ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА КЛЕВАНОВА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еще до 1848 года выпала было очередь для Студентовъ Московскаго Университета по Историко-Филологическому Факультету писать сочиненіе на золотую медаль по преподававшемуся тогда мною предмету. Я задалъ разсмотрѣть дѣятельность извѣстнаго Славянскаго преобразователя, Гуса, непосредственно по имѣющимся источникамъ. Какъ источники, такъ, для соображеній при изслѣдованіи, и пособія, я доставилъ во всей полнотѣ желавшимъ заняться тѣмъ, очертивъ напередъ самый ходъ работъ и т. п. Черезъ годъ съ небольшимъ представлены были въ Факультетъ два изслѣдованія, которыя, по разсмотрѣніи моемъ, признаны оба единогласно достойными искомой награды, и по тому обоимъ присуждено по золотой медали: одному золотая медаль отъ Правительства, а другому на пожертвованныя самими Профессорами деньги. Въ послѣдствіи я раздвинулъ рамки вопроса, предложивъ первому заняться отношеніемъ къ Чешскому преобразователю преобразователя Нѣмецкаго, плодомъ чего было критическое изслѣдованіе: «Гусъ и Лютеръ», представленное въ тотъ же Факультетъ въ 1848 году на степень Магистра по каѳедрѣ Исторіи и Литературы Славянскихъ Нарѣчій, которое, однако, тогдашній Деканъ Факультета успѣлъ устранить, и по тому Магистрантъ долженъ былъ написать другое изслѣдованіе, доставившее уже ему искомую ученую степень въ концѣ 1849 года, а опальное сочиненіе могло появиться въ свѣтъ только черезъ семь лѣтъ. Первая часть его напечатана въ повременномъ Московскомъ изданіи: «Русской Бесѣдѣ» 1857 — 1858 г., а вторая въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» 1858 — 1859 года, и потомъ отдѣльно, въ 2-хъ частяхъ (см. объ этомъ Предисловіе

мое къ сему сочиненію). Это, въ высокой степени добросовѣстное, изслѣдованіе, какъ извѣстно, обратило на себя вниманіе и удостоилось лестныхъ отзывовъ людей свѣдущихъ. Другому изъ соискателей поручилъ я сдѣлать критико-историческій очеркъ вообще Чешскаго Вѣроисповѣднаго движенія, что и выполнено имъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ, и я приступилъ было къ печатанію его въ названномъ повременномъ изданіи Московскаго Историческаго Общества: уже оттиснуто было 13 листовъ на бѣло, а 14 набирался, но извѣстный погромъ, постигшій это Общество въ концѣ 1848 года, пріостановилъ его повременное изданіе, а съ нимъ и печатаніе этого изслѣдованія.

Празднованіе Чехами въ нынѣшнемъ году Пятисотлѣтія со дня рожденія ихъ Гуса побуждаетъ меня обнародовать и этотъ трудъ другого моего нѣкогда слушателя, не менѣе замѣчательный, какъ и трудъ перваго, по многимъ и многимъ достоинствамъ, написанный тоже прямо по источникамъ, съ обращеніемъ вниманія на все, сдѣланное по этому предмету въ прежнее и новѣйшее время, за исключеніемъ нѣсколькихъ только сочиненій самыхъ послѣднихъ лѣтъ. О нихъ, какъ не вошедшихъ въ предлагаемый «Очеркъ,» представленъ будетъ отчетъ въ особой добавочной статьѣ, въ заключеніе всего труда.

О. Бодянскій.

12-го Октября, 1869 г.
Москва.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Объемъ и содержаніе вопроса. — Важность его. — Планъ изслѣдованія.

Неистощимъ міръ явленій человѣческой природы; но всѣ они служатъ проявленіемъ немногихъ постоянныхъ законовъ, независимыхъ отъ внѣшнихъ случайныхъ обстоятельствъ. Одни и тѣ же законы высшаго духовнаго міра дѣйствуютъ и проявляются и въ частныхъ, отдѣльно взятыхъ, людяхъ, и въ народахъ, и въ человѣчествѣ, и часто внутренняя жизнь того или инаго лица, много жившаго мыслью и сердцемъ, а не однимъ тѣломъ, важнѣе предъ лицемъ Всемогущаго и предъ нелицепріятнымъ судилищемъ потомства, безконечно важнѣе, чѣмъ прозябательная жизнь милліоновъ людей, нулей на поприщѣ мысли. Безконечно велико число всѣхъ явленій жизни человѣчества за его прошедшее: не уступитъ оно ни какому матеріальному множеству, ни какому иному количеству явленій внѣшней природы. Если бы Исторія была только хранительницею явленій, если бы назначеніе ея состояло въ томъ, чтобы сложить въ ея архивы какъ можно болѣе ихъ, то тогда она была бы дѣломъ одной памяти, а не разумнаго изслѣдованія. Но человѣчество не есть и само по себѣ собраніе отдѣльныхъ существъ, носящихъ человѣческую форму, гдѣ числится по головамъ, по матеріальному ихъ количеству. Нѣтъ! Человѣчество есть разумное цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, управляемое высшими духовными законами и представляющее въ своемъ развитіи тѣ же явленія, которыя совершаются въ духѣ каждаго, не одною внѣшностью живущаго лица. Человѣчество имѣло свой періодъ дѣтства и отрочества, когда оно не отдавало себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и — тогда оно не имѣло и не могло имѣть исторіи; она началась съ совершеннолѣтія человѣчества, съ минуты пробужденія его къ разумному сознательному

бытію; къ нему призваны всѣ лица и народы, и никто не вправѣ лишить ихъ этого назначенія. Дошедшій до высшей степени внутренняго развитія, Европеецъ, и, совершенно чуждый внутренней (духовной) жизни, Бошеменъ предназначены свыше къ одной и той же высокой цѣли—быть гражданами одного и того же небеснаго отечества; ибо все здѣшнее разумное развитіе человѣчества есть приготовленіе къ высшей степени совершенства, въ которомъ уже невозможно развитіе и движеніе, которое само въ себѣ заключаетъ полноту неизреченнаго блаженства. Къ разумному развитію человѣчества призваны всѣ безъ различія, но не всѣ въ немъ участвуютъ. Главная цѣль здѣшняго развитія духа человѣческаго есть возможное распространеніе внутренняго совершенствованія, внутренняго образованія между наибольшимъ числомъ лицъ. Если несправедливо то, что немногіе сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ средства внѣшняго благосостоянія, и если высшимъ идеаломъ внѣшняго состоянія человѣчества будетъ то его положеніе, въ которомъ каждый его членъ будетъ пользоваться наибольшею ему доступною массою благосостоянія, безъ вреда для другихъ, то не менѣе несправедлива монополія духовнаго образованія, присвоенная себѣ извѣстными классами общества, и не менѣе отрадна каждому другу человѣчества будетъ та минута, когда всѣ люди будутъ имѣть между собою не одну внѣшнюю форму, имъ общую, но и будутъ соединены единствомъ духовнаго развитія, единствомъ нравственной физіономіи, будутъ представлять одно тѣло, въ которомъ будетъ витать одинъ духъ. И это не пустая утопія; нѣтъ. Этѣ мысли возникаютъ изъ наблюденія надъ фактами и оправдываются всею исторіею человѣчества. Кто же принадлежитъ къ человѣчеству, какъ духовному тѣлу, и кто имѣетъ право на то, чтобы составлять его часть? Всѣ лица и народы, жизнь которыхъ не есть сплетеніе событій, условленныхъ причинами второстепенными и современно случайными, не есть простой перечень самыхъ обыкновенныхъ явленій, а совокупность разумныхъ явленій, проявляющихъ въ себѣ законы духовнаго міра вѣчные, неизмѣнные, неумолимые. Эти лица и народы не всегда дѣйствуютъ съ полнымъ сознаніемъ, но ихъ дѣйствія всегда имѣютъ внутренній смыслъ, разгадать который есть назначеніе исторіи. Степень духовнаго развитія даетъ право гражданственности въ мірѣ человѣчности. Исторія была бы невозможна, если бы она зани

ся каждымъ лицомъ, каждымъ его дѣйствіемъ; потому то она занимается изслѣдованіемъ внутренней жизни и внѣшнихъ ея проявленій только тѣхъ народовъ, которыхъ развитіе есть вмѣстѣ развитіе человѣчества.

Рабство тѣлесное ничто въ сравненіи предъ рабствомъ духа и мысли, и горе народу и человѣку, который въ теченіе всего своего поприща дѣйствовалъ сообразно влеченію случая, не развивалъ благородныхъ сѣмянъ, лежащихъ въ груди его, и жилъ только внѣшнимъ образомъ. Есть цѣлые народы, не говоря уже объ отдѣльныхъ лицахъ, дѣйствія которыхъ лежатъ внѣ сферы исторіи: можетъ ли исторія, благородная наука о томъ, какъ чрезъ ряды вѣковъ въ народахъ развиваются нравственныя начала и примѣняются къ дѣлу, говорить объ нихъ? Долго смотрѣли на исторію какъ на складочное мѣсто, куда должны улечься всѣ происшествія изъ жизни народовъ за ихъ прошедшее; теперь же видимъ въ исторіи осуществленіе и оправданіе высшихъ законовъ духовнаго развитія человѣчества въ внѣшнихъ измѣняющихся явленіяхъ. Потому тѣ народы, которые еще не созрѣли для самобытнаго нравственнаго бытія, которые еще живутъ и дѣйствуютъ, такъ сказать, ощупью, которыхъ дѣйствія лишены внутренняго смысла—не имѣли и не могутъ имѣть исторіи. Но и здѣсь необходимо различать тѣ народы, въ жизни которыхъ по чему либо не хотятъ видѣть внутренняго развитія, отъ тѣхъ, которые вовсе чужды его. Особенно значительную роль играютъ здѣсь интересы родовые, національные, твердое убѣжденіе въ превосходствѣ того племени, того народа, къ которому принадлежишь. Не безъизвѣстно гордое мнѣніе Китайцевъ въ томъ, что будто бы они одни хранители образованія, что Европейскіе и всѣ иные народы погружены, въ сравненіи съ ними, въ глубокое невѣжество; та же странная, смѣшная самоувѣренность встрѣчается и въ области Европейской науки. Что бы ни твердили о необходимости для ученаго быть скромнымъ и не возгордиться своимъ знаніемъ, на опытѣ всегда видимъ и будемъ видѣть противное: это уже лежитъ въ слабости человѣческой природы. И по истинѣ, если человѣкъ, обладающій большею силою физическою, вправѣ ею гордиться, то тѣмъ съ большимъ правомъ человѣкъ, одаренной значительными духовными, силами, можетъ гордиться ими: отъ сознанія своего достоинства проистекаетъ, съ одной стороны, стремленіе оставаться вѣрнымъ своему высшему назначенію и не уклоняться отъ предположеннаго пути, а съ дру-

гой—вредное убѣжденіе въ превосходствѣ предъ другими, что легко можетъ повести къ тысячи непріятностей и разочарованій. Если же наука, въ теченіи значительнаго промежутка времени, сосредоточиваетъ всю свою дѣятельность въ лицахъ, принадлежащихъ къ одному какому ни будь народу, то почти всегда происходятъ отъ того печальныя слѣдствія: этотъ народъ привыкаетъ смотрѣть на науку, какъ на свою частную собственность, заставляетъ ее служить своимъ особеннымъ, частнымъ интересамъ, уменьшаетъ чрезъ то ея высокое значеніе; сверхъ того въ этомъ народѣ очень легко укореняется мнѣніе, что онъ одинъ сосудъ образованія, источникъ свѣта, и что иные народы несравненно ниже его стоятъ на степени духовнаго развитія. Особенно вредныя послѣдствія влечетъ за собою то, когда частные интересы лица, или народа вкрадываются въ исторію, когда ее дѣлаютъ орудіемъ особенныхъ цѣлей, предубѣжденій партій и народныхъ предразсудковъ.

Ложный взглядъ, управляемый народнымъ предубѣжденіемъ, противенъ высокому назначенію исторіи. Случается, что цѣлое племя, взросшее подъ вліяніемъ особенно благопріятныхъ обстоятельствъ, наслѣдовавшее безъ особеннаго труда науку, развивши ее у себя, воздымается гордостью и приписываетъ исключительно своему достоинству то, чему значительно благопріятствовалъ случай, пренебрегаетъ иными народами, труженикамі исторіи, которымъ достался менѣе блистательный удѣлъ, которые съ кровавымъ пóтомъ отстаивая свое существованіе, не имѣли времени для развитія науки. Мы назвали бы чудовищемъ и безумцемъ того образованнаго богача, который, гордясь своимъ, дорого купленнымъ, образованіемъ, сталъ бы упрекать бѣднаго поденщика за то, что тотъ не образованъ; а между тѣмъ для насъ очень естественно, если какой ни будь напыщенный Германецъ упрекаетъ племя Славянское вообще, и насъ Русскихъ въ особенности, въ томъ, что мы отстали въ развитіи противъ нашихъ западныхъ братій. Такимъ образомъ племя Германское, отъ упавшаго Рима принявшее сокровище его образованія, воспитавшее свое развитіе при благопріятномъ и счастливомъ соединеніи идей, принесенныхъ Христіанствомъ, съ матеріаломъ, добытымъ древними Греками и Римлянами, возгордилось своими успѣхами преимущественно предъ племенемъ Славянскимъ. Въ слѣдствіе такого односторонняго направленія Германской науки и самая исторія стала вѣрнымъ отраженіемъ Германской народно

Германскихъ предъубѣжденій и интерессовъ. Немногіе, очень немногіе историки Германскіе, и то въ послѣднее время, умѣли возвыситься надъ тѣснымъ взглядомъ своихъ предшественниковъ и дали Славянамъ право гражданства въ исторіи. Рѣзкими чертами природа обозначила характеръ обоихъ племенъ: Славянское племя миролюбиваго и семейнаго характера, Нѣмецкое — воинственнаго и дружиннаго; кромѣ различія характеровъ многія внѣшнія и внутреннія причины, на которыя мы будемъ имѣть случай указать въ теченіи нашего изслѣдованія, указали обоимъ племенамъ особенные различные пути развитія: точки соприкосновенія ихъ обозначаются враждебными столкновеніями. Не смотря на то, развитіе обоихъ племенъ совершалось своимъ чередомъ, по непреложнымъ законамъ каждаго человѣческаго развитія. Племя Нѣмецкое, почти исключительно присвоившее себѣ науку, считало свое развитіе единственнымъ общечеловѣческимъ, и какъ оно было твердо убѣждено, что нѣтъ спасенія внѣ Римской Церкви, такъ не менѣе твердо вѣрило и тому, что нѣтъ развитія внѣ его собственнаго; на всѣ иныя племена и народы оно смотрѣло, какъ на лишенные высокаго нравственнаго и духовнаго развитія, живущіе одною животною жизнью, и потому считало священнымъ и необходимымъ дѣломъ пропаганду своего образованія. Полное чистосердечнаго убѣжденія въ превосходствѣ своей національности, оно распространяло его всѣми возможными средствами — насиліями и убѣжденіями, и даже удивлялось, почему грубые Славяне такъ упрямо отказываются принимать благодѣянія Нѣмецкой гражданственности, къ нимъ приносимой! Самые образованные представители Нѣмецкой націи считали Славянскія племена лишенными всякаго внутренняго развитія, животно живущими; они до такой степени были ослѣплены, что не хотѣли видѣть успѣховъ Славянской гражданственности и тамъ, гдѣ они яснѣе дня. Отъ того всѣ безъ исключенія исторіи, Западными Европейцами писанныя даже до половины XVIII стол., суть исторіи Нѣмецкаго племени съ его многочисленными подраздѣленіями: Славяне совершенно исчезаютъ въ лучахъ блистательнаго свѣтила Нѣмецкой національности. При самомъ лучшемъ братскомъ расположеніи къ племени Нѣмецкому, справедливость требуетъ записать несомнѣнный фактъ; это—постоянное недоброжелательство племени Нѣмецкаго къ Славянскому, какая-то тоскливая зависть къ успѣхамъ послѣдняго, какое-то не

опредѣленное сознаніе невозможности удержать и собою мо полію развитія гражданственности, и потому не менѣе неопредѣленное, но дѣйствительно существующее, темное чувство враж и (въ нѣкоторыхъ) даже ненависти къ своимъ сверстникамъ наслѣдникамъ на пути образованія, чувство, подобное тому, съ торымъ скупецъ бережетъ свое богатство и хранитъ не терп наслѣдниковъ, которые имъ воспользуются. Очень естествен что историки Западные смотрѣли съ пренебреженіемъ на жи племенъ Славянскихъ, мало удостоивали ее вниманія, а она, без ихъ вѣдома, шла своимъ путемъ, и развитіе племенъ Славянски совершавшееся втихомолку, не уступало развитію народовъ Нѣмецкихъ; но въ характерѣ народа Славянскаго вообще лежит особенная, можетъ быть странная, но, вмѣстѣ, прекрасная, черт *совершать есть*, самые геройскіе, *подвиги, какъ дѣла, очень обыкновенныя, не трубя объ нихъ по всему свѣту.*

Доселѣ въ исторіи господствуетъ Нѣмецкій взглядъ, завистл вый ко всему Славянскому, и потому неоцѣнена еще вполнѣ рол которую Славяне играютъ въ исторіи Европы, и участіе, приняти ими во всѣхъ великихъ событіяхъ, знаменующихъ шаги человѣчества на пути его развитія. Племя Славянское не уступитъ Гер скому въ богатой почвѣ для образованія: оно обладаетъ неистощ мымъ богатствомъ духа, *удивительною легкостью восприниматель свою все богатство развитія иныхъ народовъ, сосредоточивать в себѣ черты, разбросанныя въ другихъ народахъ, отвѣчать свои сочувствіемъ всѣмъ народамъ.* Но самое это богатство духа усл вило для племени Славянскаго особенное *медленное развитіе* поставило его въ тѣсную зависимость отъ внѣшнихъ условій Такъ въ природѣ растительной видимъ, что деревья высшихъ по рядъ требуютъ, для полнаго и успѣшнаго прозябанія, несравнен но болѣе времени и благопріятныхъ внѣшнихъ условій, нежел растенія низшаго разряда: при малѣйшемъ вредномъ вліяніи нѣж ныя растенія блекнутъ и умираютъ, а, подлѣ нихъ, растенія, бо лѣе грубыя, живутъ совершенно здоровыя. Славянскія племена тр буютъ чистаго, вольнаго, воздуха, простора и, что главное, во для полнаго и безпрепятственнаго развитія богатыхъ, неистощ мыхъ силъ своего духа; но въ этихъ дарахъ отказала имъ суд ба. Да! ни одно племя не вынесло такихъ тяжкихъ испытані не перенесло столькихъ бѣдствій, не было преслѣдуемо съ таки ожесточеніемъ своими врагами, какъ племя Славянское. Самое г

графическое положеніе странъ, имъ занятыхъ, со всѣхъ сторонъ открытыхъ, условило его тяжкую судьбу: ему не на что было опереться, у него не было ни хребтовъ горъ, ни морей, ни рѣкъ, чтобы остановить врага, чтобы отдохнуть, собраться съ силами. Съ Запада племена Германскія, съ Востока дикія Азіатскія орды, стремились на гибель Славянъ: первыя хотѣли ихъ народности, вторыя только свободы, и эти послѣднія были милостивѣе. Сильные Славянскіе народы, жившіе до самаго Рейна, опасные враги и вѣрные союзники Карла Великаго, истреблены въ теченіи четырехъ вѣковъ пагубной и безпрерывной войны, и съ самой Эльбы все стало Нѣмецкимъ. Какъ Южные Славяне покорностью и гибкостью своего характера спасли свое существованіе, такъ Сѣверные всѣмъ своимъ значеніемъ и даже бытіемъ обязаны оружію.

Въ исторіи Славянъ самый неопытный глазъ различитъ три, рѣзко отдѣленные, періода, отличительная черта которыхъ одна и та же; это—борьба. Въ первомъ періодѣ Славяне борются за свое существованіе отъ нападеній многочисленныхъ враговъ; ибо нигдѣ такъ не укоренились семейныя вражды, какъ въ народахъ Славянскихъ: тутъ не время было думать Славянамъ о развитіи мирныхъ дарованій человѣческаго духа, и кто, хотя сколько нибудь знакомый съ ихъ исторіею, станетъ укорять ихъ за то? Продолжительность этого періода для разныхъ Славянскихъ племенъ не равна: ее условили и географическое положеніе, и сосѣдство, и частныя наклонности самаго племени. Раньше другихъ нашихъ братьевъ отстояли свою самобытность мы, Русскіе: побѣда Куликовская рѣшила судьбу Руси и положила конецъ ея шаткому положенію со стороны Азіатскихъ варваровъ. Южные Славяне первые должны были принять своею грудью напоръ Турковъ, и до самаго Бѣлградскаго мира не были увѣрены въ своей самостоятельности и даже бытіи. Славяне Средней Европы сохранили бытіе, но съ потерею своего народнаго правленія: одни Поляки были счастливѣе, какъ отдѣленные своими соплеменниками отъ Нѣмцевъ и принимавшіе удары послѣднихъ, уже притупленные о грудь Славянскую. Отстоявъ свое бытіе, Славяне должны были бороться за свою національность, за свою народную личность, за то, что составляетъ священную, неотъемлемую собственность каждаго народа. Главнымъ дѣломъ было здѣсь положить преграду наводненію Нѣмецкой національности. Эта борьба, которую выдержали исключительно Западные Славяне, имѣла болѣе опа-

сный характеръ, нежели первая борьба за существованіе: въ последней дѣло шло о сопротивленіи врагу открытому, явному, средствами очевидными и позволенными; въ первой—врагъ принималъ наружность друга, незамѣтно вкрадывался въ сердце довѣрчиваго Славянина, приманивалъ его внѣшностью жизни, ея удобствами, и за нихъ бралъ—его духовную личность, его нравственную физіономію. Ни одно Западное Славянское племя не избѣгло совершенно чуждаго вліянія: не въ равней степени, но каждое изъ нихъ причастилось Нѣмецкаго духа, приняло въ свои жилы Нѣмецкой крови. Только часть Южныхъ Славянъ, именно Сербы и Булгары, живущіе въ Турецкой имперіи, сохранили въ цѣлости свою національность, которой Турки никогда не касались, служа въ томъ живымъ укоромъ Нѣмцамъ. У насъ только не было этой борьбы, потому что, если со времени преобразованія, попытка, которая принадлежитъ Петру Великому, часть общества увлеклась легкомысленнымъ пристрастіемъ къ чужому, во вредъ и пренебреженіе своего роднаго, то большинство народа и, вмѣстѣ, лучщая, нетронутая часть его, оставались всегда вѣрными своимъ роднымъ началамъ, кореннымъ убѣжденіямъ и обычаямъ своего племени. Такимъ образомъ, борьба за народность кончилась несчастливо для племенъ Славянскихъ, за исключеніемъ Сербовъ, Булгаръ и Русскихъ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи начался, подъ счастливыми предзнаменованіями, третій періодъ — то же борьбы, но борьбы торжествующей, борьбы съ инымъ, нежели прежнія, характеромъ: это мирная борьба или, лучше, соперничество, цѣль котораго—успѣхи на поприщѣ нравственнаго развитія, успѣхи, оспориваемые у Нѣмцевъ. Многозначителенъ характеръ этой борьбы, носящей уже въ себѣ зародышъ побѣды: Цѣль ея — духовное освобожденіе племени Славянскаго отъ ига какого бы рода оно ни было: оно носитъ въ себѣ имя великихъ жизненныхъ вопросовъ человѣчества.

Отколь начинается эта борьба? спросите вы. Уже давно приготовилась она, но первое великое ея явленіе совершилось въ 1812 — 1814 годахъ. Внезапное появленіе Наполеона, такъ дерзко поправшаго всѣ законы и учрежденія, вѣками добытые Западною Европою, такъ явно подавившаго, непомѣрнымъ развитіемъ матеріальной силы, всѣ духовныя начала, такъ горько насмѣявшагося надъ коренными основами Западнаго общества, показало всю слабость Нѣмецкихъ народовъ, показал то, что формы ихъ быта отжили свое существованіе, что исто

шилось развитіе началъ ихъ и пришло къ крайностямъ. Совершенное отсутствіе твердаго, нравственнаго убѣжденія, твердыхъ, внѣ человѣческаго произвола, началъ, повлекло за собою неслыханное и въ самыя времена мнимаго варварства господство матеріальной силы. Опираясь на штыки своихъ воиновъ, Наполеонъ дерзко и безнаказанно игралъ всѣмъ, что считалось еще священнымъ на Западѣ: ему не стоило ни какаго труда подчинить себѣ массы людей, потерявшихъ вѣру въ самихъ себя, въ нравственныя начала. Не забудемъ, что могущество его стало безсильнымъ предъ народомъ Русскимъ, сохранившимъ неприкосновенно убѣжденія отцевъ и народную личность; а тѣ, которые добровольно отреклись отъ своего народа и его началъ, не вправѣ присвоивать себѣ участія въ подвигѣ, котораго они оставались праздными зрителями. Кѣмъ возстановлены ниспровергнутыя деспотизмомъ Западныя учрежденія, кѣмъ подняты отъ земли обломки ниспровергнутаго и отжившаго порядка вещей и слѣпленные на живую нитку на короткій срокъ, какъ не Русскими или, что все то же, Славянами? Не буйная молодежь Нѣмецкая возстановила спокойствіе и порядокъ, хотя на время, въ Европѣ: она не въ состояніи была отразить Наполеона, и никогда не могла бы она и ниспровергнуть однажды наложенное на нее иго. Какъ бы то ни было, но Наполеонъ исчезъ, а порядокъ вещей, которому онъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, остался: съ того времени замѣчаемъ странныя явленія на Западѣ въ Нѣмецкой его половинѣ: едва только не стало общаго врага, какъ народы Нѣмецкіе обнаружили явное и совершенное недовольство возстановленіемъ тѣхъ отношеній, которыхъ они такъ пылко желали, и устремились къ ихъ ниспроверженію. Вообще, племена Нѣмецкія отжили свое нравственное существованіе: у нихъ не осталось уже ни одного начала, на которое можно было бы опереться, ни одного убѣжденія: все уже пережито, остается умереть; но человѣку и народамъ жить хочется, и если не духомъ, если не нравственными, то промышленными интересами. Вся ослѣпительная внѣшность Запада, блескъ и роскошь его, все это прикрываетъ совершенную нравственную пустоту: одна промышленность господствуетъ нераздѣльно на развалинахъ религіи, поэзіи, науки и искусства; это самъ Западъ знаетъ вполнѣ.

Чей, самый непривычный, самый предубѣжденный взглядъ не поразитъ одновременность упадка нравственныхъ, духовныхъ началъ

на Западѣ и пробужденіе къ самобытной дѣятельности племенъ, сохранившихъ въ неприкосновенности родныя начала своего духа — племенъ Славянскихъ? Съ этого-то времени начинается всеобщее броженіе въ народахъ Славянскихъ: тѣ изъ нихъ, которые изъ страсти къ подражанію увлеклись легкомысленымъ пристрастіемъ къ чужому, начали возвращаться къ началамъ роднымъ, народнымъ (Русскіе); а тѣ, которые, по несчастнымъ обстоятельствамъ, потерпѣли чуждое вліяніе, поработали чуждымъ идеямъ, теперь, когда этѣ идеи отжили, и тамъ, гдѣ явленіе ихъ было послѣдовательно и необходимо, начали пробуждаться къ своей народной жизни и проникать въ неистощимый рудникъ своихъ народныхъ началъ, давно забытый. Наконецъ, и племя, вполнѣ сохранившее Славянскую физіономію, не опасаясь теперь за свое существованіе, обратилось къ духовному развитію: уже первые шаги этого узника въ неволѣ, разучившагося ходить, обращаютъ на себя вниманіе и Западной Европы; что же будетъ, когда этотъ узникъ забудетъ свое рабство, потеряетъ слѣды, на немъ оставленные его тяжкими цѣпями, и пойдетъ, вольный и полный надеждъ, по пути, куда призываютъ его и собственное призваніе, и опредѣленія Судьбы?

Съ самаго недавняго времени начали вникать во внутреннее развитіе Славянскихъ народовъ, искать въ огромной массѣ фактовъ значенія и смысла. Между тѣмъ какъ философская исторія племенъ Германскаго происхожденія богата столькими превосходными твореніями, философская исторія Славянъ еще ждетъ дѣятеля. Пора уже не вѣрить на слово Нѣмцамъ и признавать хорошимъ только то, что прошло сквозь ихъ сужденіе; пора углубиться въ прошедшее нашего народа и ему родственныхъ, и указать всему свѣту высокое значеніе и того и другихъ, значеніе доселѣ очень мало, а отчасти и вовсе, непризнанное. Явленіе не удивительное, что Нѣмецкіе историки, или Славянскіе онѣмеченные, отдаютъ вездѣ пальму первенства племени Нѣмецкому, вездѣ даютъ ему играть первую роль. Во всѣхъ всемірныхъ исторіяхъ, доселѣ писанныхъ, видимъ исторію племени Нѣмецкаго и его развитія; *Исторія Славянскихъ народовъ и ихъ развитія, къ стыду нашему, пренебрежена до крайности.* Молодой образованный человѣкъ знаетъ очень хорошо исторію Вавилонскаго Царства, Мидіи т. п., но вовсе ничего не знаетъ изъ исторіи Хорватовъ, Словенцевъ Словаковъ, Моравцевъ, и даже Чеховъ, доколѣ они не становят

членами тѣла Нѣмецкой Имперіи. Удивительное и печальное явленіе!

Развитіе народовъ Славянскихъ совершалось медленно и постепенно: не скоро зрѣли силы, которымъ суждено было дѣйствовать, но тѣмъ продолжительнѣе и вѣрнѣе было ихъ дѣйствіе. И вотъ послѣ долгаго, незамѣтнаго движенія, вдругъ возникаетъ грозное и поразительное явленіе. Такъ большія рѣки весною долго сохраняютъ свое обыкновенное теченіе, уже и тогда, когда меньшіе потоки бушуютъ, но потомъ вдругъ возвышаютъ свои воды и распространяютъ повсюду удивленіе и страхъ, тѣмъ больше, чѣмъ менѣе ожидали самаго явленія. Въ XIII и XIV стол., въ періодъ торжества Нѣмецкой народности, имя Славянъ едва было извѣстно: самые ученые люди Нѣмецкаго Запада едва ли были знакомы съ исторіею этого племени. Тогда же Чехія была извѣстна какъ одно изъ Курфиршествъ Имперіи, не болѣе: она стала извѣстнѣе, благодаря благородному королю своему, Карлу IV, императору Германіи; но прошло XIII ст., и уже въ первой четверти XV вся Европа была наполнена вѣстями о Чехіи: Чехи привлекли всеобщее вниманіе; происшествія, у нихъ возникшія, произвели у большей части ужасное негодованіе, въ немногихъ только благородное сочувствіе. Удивленіе было во всѣхъ одинаково; всѣ спрашивали: какъ это народъ, дотолѣ рабски покорный королямъ, преданный всею душею Католической Церкви, въ высшей степени терпѣливый, какъ такой народъ назвалъ папу антихристомъ, презрѣлъ власть императора, лишилъ его престола, на которомъ уже онъ сидѣлъ въ мысляхъ, отразилъ нѣсколько разъ силы всей Германіи и сталъ грозою сосѣдей, даже самыхъ отдаленныхъ? И дѣйствительно, съ Нѣмецкой точки зрѣнія, признающей развитіе только у Нѣмцевъ, вовсе непонятно становится *религіозное движеніе въ Чехахъ, произведенное Гусомъ:* оно является какимъ-то среднимъ, неопредѣленнымъ явленіемъ, безъ предъидущаго и послѣдующаго. Между тѣмъ, или исторію великаго религіознаго движенія въ Чехіи разсматривать въ связи съ предъидущею исторіею Чеховъ и Славянъ вообще, или видѣть въ этомъ религіозномъ движеніи одинъ изъ великихъ періодовъ развитія Славянъ, совершавшагося подлѣ развитія Нѣмцевъ, но скромно и безъ шуму. Не опасаясь преувеличенія, смѣло можемъ сказать, что доселѣ религіозное движеніе Чехіи не представлено въ его надлежащемъ свѣтѣ, въ его истинномъ зна-

ченіи; причины тому, кромѣ преобладанія въ исторіи Нѣмецкой школы, самая важность и многосторонность вопроса, заживо задѣвающаго многіе важные интересы. Самые лучшіе историки Чешскіе не могли обойдти всѣхъ подводныхъ камней, ограждающихъ этотъ вопросъ. Религіозное убѣжденіе, политическіе разсчеты останавливали на устахъ ихъ слова и давали имъ иное соединеніе и значеніе. Обстоятельства въ этомъ отношеніи намъ благопріятствуютъ: мы можемъ не щадить интересовъ, которые руководили и лучшими Чешскими историками; наше положеніе скорѣе всего можетъ указать намъ истинную точку зрѣнія на вопросъ, въ коемъ, по нашему мнѣнію, главное дѣло. Давно уже по этому предмету собрано множество фактовъ друзьями и недругами, но никто еще не освѣтилъ ихъ свѣтомъ идеи, не бросилъ на нихъ взгляда, исполненнаго глубокаго сочувствія, не разгадалъ ихъ внутренняго смысла.

Религіозное движеніе въ Чехіи до и послѣ Гуса не есть только частное явленіе жизни Чешскаго народа: оно имѣетъ болѣе одной стороны для изученія и заключаетъ въ себѣ, какъ въ зернѣ, множество частныхъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый очень важенъ въ своей сферѣ; и потому, при указаніи на значеніе нашего предмета, мы разсмотримъ его сначала въ его полномъ объемѣ, а потомъ въ частныхъ, имъ представляемыхъ, отдѣлахъ. При изслѣдованіи этого предмета въ цѣломъ, мы обратимъ вниманіе на значеніе его въ исторіи Чешскаго народа, въ исторіи Славянъ вообще, и мѣсто его въ ряду явленій жизни человѣчества. Сверхъ того, предметъ принадлежитъ равно духовной или, правильнѣе, церковной, и свѣтской или политической, исторіи. Однимъ словомъ, ни на одинъ предметъ нельзя смотрѣть съ стольких точекъ зрѣнія и съ каждой находить столько новаго и поучительнаго, какъ на предметъ, изученіемъ котораго мы займемся. Такъ точно взглядъ вдругъ обнимаетъ небольшой холмъ и со всѣхъ сторонъ видитъ въ немъ одно и тоже; но не то бываетъ съ исполинскою горою, богатою пропастями для самонадѣяннаго путника и прелестными видами, вполнѣ вознаграждающими подъятый трудъ: она на каждомъ шагу, въ разное время дня, съ разныхъ сторонъ представляетъ взору все новыя и новыя явленія.

Исторія Чешскаго религіознаго движенія безконечно важна для человѣчества, и каждый мыслящій человѣкъ найдетъ въ ней осо-

бенный интересъ. Общечеловѣческое не есть пустое, безсмысленное слово, не есть совершенное отрицаніе всѣхъ народныхъ и личныхъ частностей, и, съ другой стороны, оно не есть принадлежность одного извѣстнаго народа, по своей гордости принявшаго себя за единственнаго представителя человѣчества и свое образованіе за образованіе всего человѣчества. Общечеловѣческое не исключаетъ ни одной народности: всѣхъ ихъ воспринимаетъ въ себя и соединяетъ узами братства и любви. Взглядъ исключительной народности, перенесенный въ исторію, кромѣ того, что противенъ истинѣ, лучшему качеству историка, способенъ еще произвести многія и важныя ошибки: всѣ событія представляются только одною стороною, а тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ исторіи инаго народа, инаго развитія, совершенно являются искаженными и не въ надлежащемъ свѣтѣ. Такъ Римскій взглядъ на исторію древнихъ народовъ ошибоченъ въ высшей степени; не менѣе ошибоченъ взглядъ Нѣмецкій, признающій развитіе только у народовъ своего племени. При такомъ взглядѣ исторія религіознаго движенія въ Чехіи въ XV стол. совершенно необъяснима и невозможна; она стоитъ въ тѣсной связи съ исторіею развитія Славянскихъ племенъ вообще и Чешскаго въ особенности. Ставъ на эту точку зрѣнія, вы увидите, что всѣ явленія великой Чешской религіозной борьбы разумны и послѣдовательны къ высшей степени. А въ жизни Чешскаго народа его религіозное движеніе XV стол. событіе первой важности, рѣшительный моментъ, къ которому все предъидущее развитіе его было приготовленіемъ и все послѣдующее слѣдствіемъ. Никогда и нигдѣ не выразилась такъ вполнѣ вся мощь, вся энергія Чешскаго народа: важные вопросы политическіе и религіозные, жизненные вопросы проникли въ самый народъ и подвинули не часть одну, а весь на геройскіе подвиги. Между тѣмъ какъ въ иныхъ великихъ переворотахъ народъ играетъ роль страдательную, идетъ за тѣми, которые умѣли увлечь его, здѣсь весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, долго сдерживая свое негодованіе, вдругъ и страшно разразился грознымъ гнѣвомъ на тѣхъ, которые хотѣли лишить его единственнаго достоянія: его религіозныхъ убѣжденій и его народной личности.

Жестоко ошибаются тѣ, которые хотятъ видѣть въ Гусѣ единственнаго виновника вспышки Чешскаго народа, и думаютъ, что если бы онъ не явился, то Чехи остались бы въ бездѣйствіи и человѣчество цѣлымъ вѣкомъ опоздало въ развитіи. Нѣтъ!

Гусъ не есть виновникъ религіознаго движенія Чеховъ. Мало по малу и издалека накоплялись горючіе матеріалы, угрожавшіе страшнымъ пожаромъ, и не Гусъ подложилъ подъ нихъ огонь, не онъ разорвалъ плотину, едва удерживавшую буйный потокъ: притязанія папъ на нравственную и притязанія королей на политическую свободу Чеховъ были главнымъ и побудительнымъ орудіемъ, понудившимъ ихъ раскрыть удивительное, неслыханное богатство своихъ силъ и средствъ. По этому не льзя представить себѣ весь Чешскій народъ послушнымъ слугою Гуса, дѣйствующимъ по его мановенію: это было бы придавать слишкомъ много значенія Гусу и отымать слишкомъ много у Чешскаго народа. *Гусъ былъ представителемъ народа Чешскаго*; онъ безсознательно олицетворилъ въ себѣ весь народъ Чешскій съ его тогдашними требованіями, съ вопросами, его волновавшими, и отъ лица всего Чешскаго народа онъ возсталъ противъ нравственнаго и политическаго порабощенія, угрожавшаго Чешскому народу, и тѣмъ подалъ знакъ къ ожесточенной борьбѣ, рѣшившейся пагубнымъ днемъ 8-го ноября, 1620 г. Никогда, ни прежде, ни послѣ исторія не представляетъ ничего подобнаго этому дивному двухсолѣтнему напряженію силъ; никогда не встрѣчалось на одномъ полѣ столько религіозныхъ и политическихъ вопросовъ, сплетшихся въ одинъ чудовищный клубъ, нити котораго разобрать принадлежитъ еще будущимъ историкамъ.

Періодъ времени отъ 1412 до 1620 года есть самый блестящій періодъ Чешской исторіи, самая славная страница изъ страдальческой исторіи Чешскаго народа. Какъ мало знаютъ сердце человѣческое тѣ, которые приписываютъ движеніе Чешскаго народа въ XV стол. минутному негодованію на безнравственность духовенства, а самую вспышку—сильному чувству оскорбленія въ лицѣ сожженнаго Гуса. Сильныя страсти дѣйствуютъ недолго: и человѣкъ и народъ въ сильномъ порывѣ негодованія заходятъ слишкомъ далеко, даютъ полную волю своимъ дѣйствіямъ и мыслятъ осуществить самыя завѣтныя мечты свои. Но проходитъ первый жаръ, первый порывъ досады, и человѣкъ и народъ возвращаются назадъ, сами помогаютъ разрушать свое дѣло и становятся мягче и снисходительнѣе. Не таково религіозное Чешское движеніе XV-го стол.—не подъ вліяніемъ дневныхъ побужденій воспиталось оно и не въ безсознательномъ порывѣ гнѣва разразилось оно: внимательный и непредубѣжденный глазъ увидитъ удивительную постепенность въ дѣйствіяхъ Чешскаго на-

рода въ этѣ торжественныя для него минуты, разумную осмотрительность, перешедшую даже въ излишнюю медлительность. Немногія народныя движенія произошли въ слѣдствіе столь тяжкихъ обидъ, каковы были нанесены Чешскому народу, а этотъ послѣдній подавлялъ въ груди своей негодованіе, доколѣ не коснулись его религіозныхъ и политическихъ убѣжденій: тогда, затронутый въ томъ, что у него было самаго священнаго, онъ, подобно Леониду, сказалъ: Прійди и возьми! взялся за оружіе и — дорого поплатились ему императоръ и папа, посягнувшіе на его политическія и нравственныя права. Силы всей Германіи сокрушились о желѣзную крѣпость груди Чеховъ.

Оскорбляемые самымъ чувствительнымъ образомъ въ своихъ народныхъ интересахъ, Чехи не тотчасъ прибѣгли къ оружію, а вступили въ состязаніе съ противниками своей народности словомъ, и представителемъ этого то періода великой религіозной Чешской борьбы является Гусъ. Онъ именно потому привлекъ на себя одного жесточайшее негодованіе враговъ Чешской народности, и именно потому заслужилъ благословенія и вѣчную память у друзей Чешскаго народа, что понялъ и оцѣнилъ свое положеніе и безстрашно представилъ предъ лицо папы и всего свѣта жалобы Чеховъ, утвердилъ ихъ неоспоримыми доводами, и когда всѣ усилія образумить противниковъ были тщетны, онъ запечатлѣлъ кровію своею свою долговременную, словесную борьбу Чешскаго народа, и отъ того, по справедливости, благодарный Чешскій народъ *придалъ его имя своему великому религіозному движенію.* Гусъ не былъ только проповѣдникъ, но адвокатъ Чешскаго народа, защитникъ его и его интересовъ передъ папою и императоромъ, и такимъ онъ долженъ явиться и предъ потомствомъ; онъ не причинилъ и не ускорилъ религіознаго движенія, а шелъ передъ нимъ вѣрнымъ его представителемъ; отсюда въ немъ, какъ бы въ миніатюрѣ, видимъ всѣ черты Чешскаго народа, видимъ то, чего этотъ послѣдній хотѣлъ и требовалъ. Отсюда будетъ понятно высокое значеніе Гуса въ цѣломъ развитіи Чешскаго народа; *въ Гусѣ сходится настоящее, прошедшее и будущее Чешскаго народа:* онъ есть послѣднее проявленіе Чехіи въ XIV стол., т. е., онъ вмѣщаетъ въ себѣ все прошедшее развитіе Чешскаго народа, есть крайній, возможный результатъ его. А относительно послѣдующаго развитія Чешскаго народа, совершившагося по смерти Гуса, Гусъ есть его источникъ; въ немъ

имѣютъ корень свой всѣ послѣдующія явленія Чешской жизни. И это очень естественно: Гусъ не значитъ ничего самъ по себѣ, и все вмѣстѣ съ Чешскимъ народомъ, потому что онъ есть олицетвореніе *нуждъ этого послѣдняго.*

Человѣческое развитіе есть совокупность развитій народовъ, которые дѣйствовали не по вліяніямъ одного инстинкта къ грабежу, или къ перемѣнѣ, но народовъ, жизнь которыхъ представляетъ осуществленіе вопросовъ, интересующихъ каждаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи. Чешскій народъ, какъ и всякій иной, есть членъ человѣчества и, слѣдственно, какъ такой, призванъ участвовать въ его развитіи. И тщетно бы какой ни будь привилегированный народъ сталъ называть себя единаго представителемъ развитія человѣческаго. Исторія неоспоримо показываетъ, что не одни народы Нѣмецкаго племени осуществляютъ законы разума въ своихъ дѣйствіяхъ, что не въ нихъ однихъ совершалось внутреннее развитіе и совершенствованіе человѣчества. Религіозное движеніе Чехіи въ XV стол. есть фактъ *всемірной важности, есть шагъ на пути развитія человѣчества.* Во имя какихъ побудительныхъ причинъ поднялся Чешскій народъ? Не во имя корыстолюбія, алчности къ чуждымъ владѣніямъ, не изъ пустаго мщенія, но за вопросы, которые, бывъ глубоко народными Чешскими, дороги для каждаго человѣка. Чехи возстали за *права человѣчества* противъ религіознаго и политическаго деспотизма, подававшаго другъ другу руку помощи, заключившаго въ виду общей опасности самый тѣсный союзъ. Между тѣмъ какъ вся остальная Европа, раздробленная на множество мелкихъ владѣній, еще не умѣла возвыситься надъ мелочными частными интересами и вела войны за куски земли, пренебрегши высшими вопросами, Чехи рѣшали въ своей жизненной дѣятельности эти вопросы, которыхъ окончательное завершеніе столько занимало и еще будетъ занимать человѣчество. Были люди, наскучившіе этою внѣшностью, въ которой сосредоточили все, люди, которымъ опостылѣли этѣ безжизненныя формы, которые обратились къ вопросамъ высшимъ, вопросамъ религіознымъ, но они не осмѣливались вступать въ борьбу съ сильнымъ и могущественнымъ, вѣками утвержденнымъ, порядкомъ вещей. Въ XIII стол. папская власть достигла высшей степени могущества и значенія; но никогда она не простирала своего гнета до такой степени, какъ въ XIV стол. Самый расколъ способствовалъ къ тому. Папская власть не признавала на землѣ ничего выше себя, а права человѣчества н

ставила ни во что. Воспользовавшись періодомъ глубочайшаго невѣжества, Папство утвердило свое владычество на началахъ, самыхъ прочныхъ; политикою его было: постоянно подавлять противодѣйствіе, гдѣ бы и подъ какою бы формою оно ни явилось. Но Чешское религіозное движеніе нанесло жестокій и рѣшительный ударъ папской власти; не только Чехи отказали папѣ въ его притязаніяхъ, но и заставили предоставить имъ то, чего бы они прежде никогда не смѣли ожидать. Притомъ Чехи вступали въ бой съ Папствомъ еще совершенно здоровымъ и сильнымъ; но они совершенно истощили его силы своимъ постояннымъ противодѣйствіемъ и сдѣлали легкою и возможною полную побѣду надъ нимъ, одержанную Лютеромъ. И тогда, когда человѣчеству были обезпечены плоды долгой и исполненной тяжкихъ бѣдствій борьбы Чеховъ, Провидѣнію угодно было послать на этихъ послѣднихъ великія испытанія, страшныя и, по видимому, незаслуженныя наказанія. И не удивительно ли, что годъ гибельный для политической и религіозной свободы Чехіи, былъ годомъ, обезпечившимъ навсегда политическую и религіозную свободу Германіи, а чрезъ нее и всего человѣчества? Такимъ образомъ безкорыстно страдали и дѣйствовали Чехи: они трудились не для себя, а для послѣдующихъ поколѣній, которые не только не умѣли быть благодарными, но и оцѣнить ихъ безвинныя страданія. Реформа Лютера, столь превозносимая, была бы невозможна безъ явленія Гуситовъ, приготовившихъ своими усиліями, своими войнами и даже своимъ истребленіемъ торжество разума надъ авторитетомъ, свободы надъ деспотизмомъ. Подъ главнымъ религіознымъ вопросомъ скрываются и важные политическіе вопросы: для вольнолюбиваго народа Чешскаго свобода мысли была нераздѣльна съ свободою дѣйствій, и годъ паденія Чехіи былъ годомъ уничтоженія не только религіозныхъ позволеній, прежде данныхъ и самимъ Фердинандомъ II-мъ скрѣпленныхъ, но также и правъ народа Чешскаго и привилегій разныхъ его сословій, разорванныхъ императоромъ со словами: „Эти-то бумажки стоили такого труда моимъ предшественникамъ!“

Въ религіозномъ движеніи Чеховъ должны принимать участіе всѣ Славяне; сюда долженъ привлечь ихъ и самый характеръ борьбы: Чехи сражаются за народность обще Славянскую съ Нѣмцами. Въ самой борьбѣ ихъ всѣ сосѣдніе Славяне: Лужичане, Шлезане, Моравцы, Словаки, отчасти Поляки, принимаютъ дѣятельное

участіе. Такимъ образомъ Чехи идутъ во главѣ *великаго Славянскаго движенія.* Вообще, хотя, можетъ быть, не найдете въ исторіи примѣра подобнаго разъединенія, разногласія и *отсутствія единодушія*, какое встрѣчаемъ *между народами Славянскими*, однако *это отсутствіе* единства, столь поразительное при первомъ взглядѣ, болѣе *внѣшнее*, нежели внутреннее: ни одни народы не имѣютъ столь тѣсной *духовной симпатіи*, столь сходнаго *духовнаго настроенія*, *какъ народы Славянскіе*; *они постоянно чувствуютъ влеченіе другъ къ другу*; *ихъ судьбы дополняются взаимно* и представляютъ удивительное воздѣйствіе однѣ на другихъ. Торжество Фердинанда II надъ Чехами было торжествомъ *начала Нѣмецкаго надъ Славянскимъ*, и съ тѣхъ поръ преобладаніе перваго не встрѣчало себѣ препятствія по самое начало нынѣшняго столѣтія.

При многозначительности историческаго періода, который мы будемъ разсматривать и при множествѣ частныхъ явленій историческихъ, въ него входящихъ, необходимо, прежде нежели приступимъ къ источникамъ, которыми мы будемъ пользоваться, предначертать планъ изслѣдованія.

Въ религіозномъ движеніи Чешскаго народа до и послѣ Гуса различаемъ *три главные періода*: А) *Періодъ предъуговительный*, отъ принятія Христіанства Чехами до появленія Гуса, какъ народнаго проповѣдника (862—1402). Б) *Періодъ словесной борьбы* Чеховъ съ ихъ противниками, или исторія дѣятельности Гуса до его кончины, а его послѣдователей до смерти Вацлава IV (1402 — 1419). В) *Періодъ открытой борьбы* Чеховъ съ ихъ врагами Нѣмцами и Католиками, отъ смерти Вацлава IV-го *до несчастнаго* дня битвы на Бѣлой Горѣ, или, правильнѣе, до гоненія противъ всего Чешскаго (1419—1620). Въ слѣдствіе этого мы посвятимъ каждому періоду особенную *книгу*; въ *заключеніе* будетъ присоединена краткая исторія несчастныхъ остатковъ религіознаго движенія Чешскаго народа, ушедшихъ отъ преслѣдованія Іезуитовъ и Фердинанда II, или исторія Моравскихъ Братьевъ. Мы уже выше указали на значеніе Гуса: изучая его, изучаете весь характеръ движенія, котораго онъ былъ представителемъ; потому главнымъ нашимъ стараніемъ будетъ — опредѣлить характеръ этого великаго человѣка, изучить его по отношенію къ мѣсту, имъ занимаемому въ религіозномъ движеніи Чешскаго народа. Сюда относится его дѣятельность отъ его появленія, ка-

проповѣдника народнаго, до его отъѣзда на Костницкій Соборъ; слѣд., его дѣятельность въ Чехіи; здѣсь изучимъ его личный характеръ и характеръ его ученія, его отношеніе къ народу и къ Католицизму въ Чехіи. За тѣмъ мы послѣдуемъ за нимъ, какъ защитникомъ чести Чешскаго народа отъ клеветъ въ ереси, предъ Костницкій Соборъ; здѣсь намъ надобно будетъ изучить отношеніе его къ Церкви Католической вообще. Слѣдственно, *вторую* нашу *книгу*, которая будетъ содержать исторію дѣятельности Гуса, какъ Чеха и проповѣдника, мы раздѣлимъ на два отдѣла: I) исторія дѣятельности Гуса въ Чехіи, и II) исторія дѣятельности Гуса на Костницкомъ Соборѣ. Въ первомъ отдѣлѣ различимъ главы: 1. О первыхъ годахъ жизни и дѣятельности Гусадъ до 1402 года; 2. О дѣятельности Гуса отъ 1402 года до изгнанія Нѣмцевъ изъ Пражскаго Университета; 3. О дѣятельности Гуса отъ изгнанія Нѣмцевъ изъ Пражскаго Университета [1] до спора его съ папою Іоанномъ XXIII за индульгенціи; 4. исторія дѣятельности Гуса отъ времени спора его за индульгенціи съ папою Іоанномъ XXIII до его отъѣзда на Костницкій Соборъ. Во второмъ отдѣлѣ второй книги будутъ изложены слѣдующіе предметы: въ главѣ 1-й: — путешествіе Гуса въ Костницъ; переписка съ дороги съ друзьями; прибытіе въ Костницъ и событія до его задержанія; въ главѣ 2-й: судебное изслѣдованіе и осужденіе Гуса; въ главѣ 3-ей: судъ надъ Іеронимомъ Пражскимъ и казнь его; дѣйствія Собора въ отношеніи къ Чешскому религіозному движенію до избранія папы Мартына V; въ главѣ 4-й: исторія религіозныхъ движеній въ Чехіи отъ сожженія Гуса и Іеронима Пражскаго по самую смерть Вацлава IV (1419).

Но ни какого историческаго явленія не льзя изучить вполнѣ, не изслѣдовавъ причинъ, условившихъ его и сообщившихъ ему такую, а не иную, форму; тѣмъ болѣе въ всемірно-историческомъ явленіи, каково нами разсматриваемое, необходимо прослѣдить ту нить происшествій, которою оно связывается съ прошедшимъ. Въ слѣдствіе того *первая книга* будетъ посвящена причинамъ появленія Гуса, какъ историческаго дѣятеля. И такъ какъ мы уже выше видѣли, что Гусъ есть столько же явленіе Чешско-Славянскаго сколько и обще-человѣческаго раз-

[1] Здѣсь будетъ вкратцѣ помѣщена исторія Чаши въ Евхаристіи, столь важный эпизодъ Чешской исторіи.

витія, и что онъ, защищая интерессы Чешской народности, былъ, въ то же время, защитникомъ правъ человѣчества, то, на этомъ основаніи, во второмъ отдѣлѣ первой книги, будутъ изложены причины общія, заимствованныя изъ состоянія Католической Церкви и Имперіи и изъ расположенія умовъ. Въ первомъ отдѣлѣ первой книги разсмотримъ частныя причины изъ жизни Чешскаго народа, приготовившія то религіозное движеніе, которому Гусъ оставилъ свое имя, и тѣ явленія, въ которыхъ вырывались наружу религіозныя мнѣнія и расположеніе умовъ Чеховъ. Множество матеріаловъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отдѣлѣ заставляетъ насъ раздробить ихъ на нѣсколько главъ, изъ которыхъ въ каждую войдетъ особенно важное явленіе въ кругу иныхъ, второстепенныхъ. *Первая книга.* Отдѣлъ I-й. *Глава первая:* исторія религіознаго броженія въ Чехіи, отъ введенія туда Христ. вѣры до изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря (862—1097). *Глава вторая:* исторія религіознаго движенія въ Чехіи отъ изгнанія Славянскихъ монаховъ изъ Сазавскаго монастыря до появленія Гуса проповѣдникомъ въ Виѳлеемской церкви; воздѣйствіе въ народѣ противъ Католицизма; такъ называемые предшественники Гуса и значеніе ихъ. *Глава третья:* причины изъ развитія Чешскаго народа, приготовившія появленіе Гуса, и политическія, народныя и иныя обстоятельства, условившія характеръ самаго народа и великаго двигателя. Отдѣлъ II-й. *Глава первая.* Отношеніе Чешскаго религіознаго переворота къ религіознымъ движеніямъ, возникшимъ въ другихъ земляхъ: §. 1. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ Манихейскимъ ересямъ, а въ особенности къ Вальденсамъ. §. 2. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ такому же движенію въ Англіи; различіе характеровъ Виклифа и Гуса. §. 3. Отношеніе Чешскаго религіознаго движенія къ инымъ, тайнымъ и явнымъ, современнымъ религіознымъ движеніямъ. §. 4. Исторія послѣдователей ересей Манихейскихъ, Вальденскихъ и Виклефитовъ. *Глава вторая.* Состояніе Католической Церкви вообще въ минуту появленія Гуса и значеніе этого послѣдняго къ инымъ явленіямъ ея развитія.

Историческое явленіе тѣмъ важнѣе, чѣмъ долговѣчнѣе послѣдствія его; чѣмъ глубже всколыхается народъ, чѣмъ крѣпче пріиметъ онъ къ сердцу какую нибудь идею, тѣмъ она необходимѣе становится ему, тѣмъ ярче отражается во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Притомъ, идея

есть пустая отвлеченность: она, какъ совокупность всѣхъ частныхъ вопросовъ, въ ней заключающихся, однажды живо коснувшись сознанія народнаго, живетъ съ нимъ одною жизнью; она развивается сообразно съ потребностями народа, и какъ народъ живетъ своимъ сознаніемъ, сообразно съ своими внутренними потребностями, такъ и самая идея проходитъ тѣже самыя ступени развитія, какъ и самый народъ, въ которомъ она пребываетъ. Нѣтъ ничего любопытнѣе, какъ слѣдить за развитіемъ идеи въ народѣ, за ея видоизмѣненіями, тѣмъ важнѣйшими, что они всегда соотвѣтствуютъ измѣненіямъ характера и правилъ народа, знаменуютъ его нравственное движеніе. Не въ природѣ человѣка и народовъ неподвижность: все въ человѣкѣ и внѣ его измѣняется и идетъ впередъ. Такъ и Чешскій народъ не остановился на первомъ явленіи своего религіознаго движенія; въ слѣдствіе внезапнаго, но послѣдовательнаго, переворота въ самомъ характерѣ народа, и характеръ борьбы измѣняется; идея религіознаго движенія переходитъ изъ области слова въ область дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ народъ совершилъ шагъ впередъ: тѣ, которые думали остаться при прежнемъ пониманіи идеи и старались удержать при своемъ личномъ мнѣніи весь народъ, были обойдены иными, болѣе прозорливыми, смѣтливыми, постигавшими потребности народа и потому ставшими его представителями. Такъ, при видоизмѣненіи отношенія религіозной идеи къ народу Чешскому, легко объясняется перемѣна характера лицъ дѣйствующихъ и самыхъ дѣйствій: вмѣсто Гуса являются Жижка, Прокопій; то, что прежде рѣшалось словомъ, теперь предоставляется оружію. Но здѣсь-то и обнаруживается важность и значеніе характера Гуса и религіознаго движенія, котораго онъ былъ главнымъ дѣятелемъ: *въ ученіи Гуса видимъ сѣмя всѣхъ послѣдующихъ частныхъ ученій, раздѣлившихъ Чешскій народъ*; *въ его личномъ характерѣ находимъ зародыши всѣхъ послѣдующихъ дѣятелей Чешскаго религіознаго движенія.* Рокицана и Жижка суть оба послѣдователи Гуса, и этотъ послѣдній соединяетъ въ своей физіогноміи черты лицъ того и другаго. Въ изслѣдованіи нашемъ это будетъ развито подробнѣе изъ самихъ явленій. Такъ мы постараемся показать тѣ видоизмѣненія, которыя принимала религіозная идея у Чеховъ, прослѣдить ея развѣтвленія, указать, какъ изъ одного и того же пункта вышли столь расходящіяся направленія, отношенія этихъ направленій одного къ другому, и

мѣсто, какое каждое изъ нихъ занимаетъ въ жизни Чешскаго народа. Изучивъ характеръ религіознаго движенія Чеховъ въ его самомъ полномъ и вѣрномъ представителѣ, Гусѣ, намъ надлежитъ прослѣдить это религіозное движеніе въ связи его съ внутреннимъ развитіемъ Чешскаго народа и послѣ смерти Гуса: этому будетъ посвящена вся *третья книга*, которая будетъ заключать въ себѣ исторію религіознаго движенія Чешскаго народа отъ смерти Вацлава IV до пагубной битвы на Бѣлой горѣ. Точками поворота религіознаго движенія и внутренней жизни Чеховъ въ этотъ періодъ, до несчастной Бѣлогорской битвы, парализовавшей на цѣлыя 180 лѣтъ самостоятельное развитіе Чешскаго народа, суть: битва у Липанъ (1434), гдѣ истреблены Табориты, и смерть Юрія Подѣбрада (22-го марта, 1471). Промежутку времени между этими событіями будутъ посвящены три главы; четвертая третьей книги представитъ, по возможности, гибельныя послѣдствія Фердинандова торжества относительно религіознаго и политическаго развитія Чешскаго народа. Въ *заключеніе* будетъ представлена: исторія Чешскихъ и Моравскихъ Братьевъ и, по возможности, опредѣлено значеніе религіознаго броженія въ Чехіи для исторіи Чешскаго народа вообще, исторіи народовъ Западной Европы и исторіи человѣчества, а равно и отношеніе къ соотвѣтствующему движенію Германскому, котораго главнымъ дѣятелемъ былъ Лютеръ.

Обратимся теперь къ критической оцѣнкѣ *источниковъ* и *пособій*, которыми мы пользовались при предлежащемъ трудѣ.

ГЛАВА II.

Источники и пособія.

§. 1. *Источники.*

По значительному числу, ихъ необходимо подвести подъ опре дѣленные разряды, и потому мы разсмотримъ сначала сочинен *самихъ дѣятелей* великаго религіознаго движенія Чехіи. Здѣ различимъ при разсматриваніи: 1) *сочиненія Гуса*; 2) *сочинен* его *предшественниковъ*, и 3) *учениковъ и послѣдователей.* тѣмъ мы займемся изслѣдованіемъ *Чешскихъ источниковъ*, кас ющихся этого періода, и, наконецъ, разсмотрѣніемъ источнико

не Чешскихъ, но проливающихъ хотя нѣсколько свѣта на отношенія этого народа въ самый важный періодъ его существованія.

А. *Сочиненія Гуса.* Онъ оставилъ послѣ себя чрезвычайное множество сочиненій, которыхъ часть напечатана, а часть еще находится въ рукописи. *Печатныя сочиненія Гуса*: 1) На *Латинскомъ* языкѣ. Что касается до сочиненій Гуса на этомъ языкѣ, то они напечатаны гораздо позднѣе Чешскихъ: Моравскіе или Чешскіе братья еще около 1509 и 1510 издали нѣкоторыя сочиненія Гуса, на Чешскомъ языкѣ [1]; между тѣмъ письма Гуса въ *Латинскомъ* переводѣ изданы Лютеромъ не прежде 1536 *года* [2]; и даже изданныя Оттономъ Брунфелзіемъ нѣкоторыя мелкія сочиненія, будто бы Гусу принадлежавшія, относятся уже къ 1524 году; во всякомъ случаѣ книжечка Оттона Брунфелзія *заслуживаетъ* вниманія [3]. Въ ней помѣщены, какъ бы сочиненіе Гуса, слѣдующіе трактаты: 1) De anatomia Antichristi, liber unus. 2) De mysteriis iniquitatis Antichristi, fragmentum unum. 3) De revelatione Christi et Antichristi, fragmentum unum. Палацкій [4] говоритъ, что сочиненіе: De anatomia Antichristi, изданное Оттономъ Брунфелзіемъ, не только не принадлежитъ Гусу (а Матѳею Янову), но что отрывки изъ сочиненій Янова искажены Брунфелзіемъ до безсмыслія. 4) De abolendis sectis et traditionibus hominum, liber 1. 5) De unitate ecclesiae et schismate vitando. 6) De Evangelica perfectione, l. 1. 7) De pernicie traditionum humanarum. Эти четыре небольшіе трактата безспорно принадлежатъ Гусу, но 8) De regno, populo, vita et moribus Antichristi долженъ быть отрывкомъ изъ сочиненій Янова, потому что онъ ясно написанъ тою же рукою, какою и трактаты первой, второй и третій. Къ нимъ Оттонъ прибавилъ свои собственныя размышленія, гдѣ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ выраженій относительно папы. За тѣмъ слѣдуетъ краткая Vita Ioannis Huss,

---

1 *Dobrowsky's* Geschichte der böhmischen Litteratur. Изд. 1-е, 1792, стр. 143, изд. 2-е, стр. 226.

2 *Hussi* Opera. T. I. Praef.

3 Она находится въ Библіотекѣ Императорскаго Московскаго Университета и составляетъ небольшой томикъ въ 4-ку; печать очень хороша, но бумага до крайности пожелтѣла, вѣроятно отъ времени.

4 *Palacky's* Gechichte von Böhmen. 3-ten B. 1-te Abth. S. 176. Anm. 215.

которому Оттонъ даетъ слѣдующій аттестатъ: „Nascentis ecclesiae Jesu Christi Apostolus, vir sapientia, doctrina vitaeque exemplo clarus, populum Boemicum fide instituit.“ Далѣе называетъ онъ Гуса—„discipulus Wiclephi.“ Изъ приложеннаго списка сочиненій Гуса узнаемъ, что Оттону были извѣстны, кромѣ вышеисчисленныхъ трактатовъ, еще слѣдующіе: Объясненія на пророка Озію, Объясненія на нѣкоторыя мѣста Апокалипсиса, Sermones ad populum plures, item fragmenta quaedam, и только. Оттонъ Брунфельсій посвящаетъ свое изданіе Лютеру и между прочимъ пишетъ[5]: „Теперь я издаю въ свѣтъ самаго величайшаго врага[6], какого „только имѣлъ онъ (Антихристъ, папа), а именно — Гуса, и „твердо убѣжденъ, что тѣ, которыхъ онъ поражаетъ здѣсь, „будутъ готовы снова воздвигнуть на него всю землю; а „онъ былъ, какъ тебѣ извѣстно лучше моего, мужъ знаменитый вѣрою, святостью жизни и ученостью преимущественно „предъ всѣми другими, и, что болѣе (безъ всякой зависти можно сказать), единственный и первый, который отъ имени раждавшейся Церкви дерзнулъ исповѣдать Христа предъ синагогою сатаны.“ Увѣщевая Лютера къ терпѣнію и постоянству, Оттонъ ставитъ ему въ примѣръ Гуса, въ судьбѣ котораго находитъ очень много сходнаго съ судьбою Лютера. Относительно издаваемой книги Оттонъ пишетъ: „Ты, можетъ быть, спросишь, какъ „мнѣ попали въ руки эти трактаты? Такъ знай, что это длинная исторія и на первый разъ довольно будетъ, если я тебѣ „скажу, что они изъ числа перехваченныхъ книгъ Гуттена et „quod bona fide vetustissimisque exemplaribus testari possumus, „suppositiitium non esse. Болѣе говорить объ этомъ и безполезно „и небезопасно: utinam vero integre fuisset assignatus (слѣд. самъ Оттонъ имѣлъ сомнѣнія на счетъ полноты попавшагося ему въ руки сочиненія)! Nam erat adhuc alius ejusdem nominis, qui „deperiit, ad quem ille remittebat frequenter: quo dici non potest, quantum caruerimus aegre ad restitutionem. Nam multa non „cohaerebant, multa vetustate nimia erant abrasa, quaedam si „scripta a libraris, ut nesciremus, quid vellent. — In Bohemici „quoque vehementer laboravimus ad marginem scriptis: quae qui

---

[5] Opera Hussi f. CCCXXXIII. 2 и CCCXXXIV. 1. Tomus I.

[6] Ago in lucem quo nunquam habuit pestilentiorem hostem Ioannem Hus.

„niam non intelleximus, multa coacti sumus praeterire. Quaedam „tamen adscripsimus.“ Лютеръ, между прочимъ, отвѣчалъ на это Оттону слѣдующее: „Радуюсь, что Іоаннъ Гусъ, поистинѣ му-„ченикъ Христовъ, является въ свѣтъ снова въ наше время и „что его совершенно заслуженно причисляютъ къ лику святыхъ, „хоть бы всѣ Папистьі лопнули отъ досады. Дай Богъ, чтобы я „достоинъ былъ того, чтобы мнѣ заслуженно были посвящены „труды столь великаго мужа. — Поторопись и издай въ свѣтъ „и то, что осталось, да вполнѣ прославляется этотъ мужъ [7]“.

Знакомый еще въ отрочествѣ [8] съ трудами Гуса, Лютеръ никогда не упускалъ ихъ изъ виду; но находка Оттона Брунфелзія, вѣроятно, много содѣйствовала къ тому, что Лютеръ рѣшился издать письма Гуса: онъ избралъ изъ нихъ четыре, имѣющія характеръ болѣе общій, нежели другія, и, присоединивъ къ нимъ посланіе магнатовъ и вельможъ Чехіи и Моравіи къ Костницкому Собору, издалъ въ 1536 г. Намъ сохранилось [9] предисловіе Лютера къ этимъ письмамъ и другое къ изданію 1537, которое заключало ли въ себѣ какія ни будь дополненія и прибавки, не знаемъ. Въ предисловіи изданія 1536 года Лютеръ говоритъ, что, издавая письма Гуса, онъ имѣетъ въ виду двѣ цѣли: первую, чтобы примѣромъ Костницкаго Собора доказать недѣйствительность и безполезность Собора, около того времени назначеннаго Карломъ V; вторую, чтобы сдѣлать то, что я всегда охотно дѣлаю и впередъ съ радостью буду дѣлать—клеймить поворомъ Костницкій Соборъ, самый достойный безславія [10]. Цѣль предисловія 1537—предостеречь богослововъ, отправлявшихся на папскій Соборъ, чтобы они, посто-

[7] Op. Hussi T. I. f. CCCXXXVI. 1.

[8] Op. Hussi T. I. f. 4, 1. Praef.

[9] Добровскій въ Исторіи Чешской Литературы (изд. 1-е, стр. 230) говоритъ: „Первыя Латинскія письма, которыя Лютеръ съ своимъ первымъ предисловіемъ и подъ заглавіемъ: Tres (а не четыре?) Epistolae Sanctissimi Martyris Ioannis Hussi e carcere Constantiensi ad Bohemos scriptae, переведены съ Чешскаго. Также въ болѣе полномъ изданіи его писемъ (Виттенбергъ, 1537, 8) встрѣчаются еще произведенія, какъ то: intimationes и нѣкоторыя письма, также первоначально писанныя по Чешски.

[10] Op. Hussi, T. I. f. 2. 1.

янно помышляя о тиранствѣ судей Костницкаго Собора, были осторожны. Это сочиненіе Лютера, заключающее въ себѣ его мнѣніе на счетъ обстоятельствъ жизни и ученія Гуса, чрезвычайно важно, и мы возвратимся къ нему, когда будемъ говорить объ отношеніи двухъ великихъ представителей: одного представителя религіознаго движенія въ Чехіи, а другаго представителя такого же движенія въ Германіи.

Объ изданіи сочиненій Гуса въ свѣтъ первые подумали Чешскіе Братья, которые въ Литомышлѣ выдали два небольшія сочиненія Гуса [11]: одно, направленное противъ священника, доказывавшаго, что Гусъ хуже всякаго дьявола (1509, in 8°), а другое — извѣстный его трактатъ *О шести заблужденіяхъ* (O ssesti bludjch), 1510, in 8°). Въ числѣ запрещенныхъ Римскою Куріею книгъ, подъ 1449 стоитъ письмо Гуса къ священнику *Галлу*; но Добровскій не считаетъ этого года годомъ изданія самаго письма; въ томъ же Указателѣ запрещенныхъ книгъ подъ 1459 (а не подъ 1495) находимъ и другія сочиненія Гуса. Добровскій [12] упоминаетъ еще объ изданныхъ въ 1495 г. Passiones, гдѣ, въ особенномъ приложеніи для Утратраквистовъ, въ шестнадцати мѣстахъ изложено повѣствованіе о жизни и смерти Гуса, къ которому приложено четыре письма Гуса изъ Костница къ священнику Гавлику и др. мелкія его сочиненія. Въ 1533 г., въ 8-ку, вышло второе изданіе этихъ писемъ у Павла Северина. Изложеніе 12 Членовъ Символа Вѣры, сдѣланное Гусомъ, вышло въ 1520 въ л. Съ 1540 года начали тщательно собирать и печатать сочиненія Гуса; особенно ревностно занимался этимъ Духекъ Хмелиржъ зе Семехова [13]. Этому любителю и собирателю Гусовыхъ сочиненій Утраквистскій священникъ церкви Св. Галла посвятилъ изданное имъ въ томъ же 1545 году сочиненіе Гуса: Prowázek Třjpramenný); тогда же Быджовскій (Bydżowsky) издалъ въ Прагѣ Гусову проповѣдь: о Тѣлѣ Христовомъ и Якубка слово о Тайной Вечери, оба сочиненія по Чешски и по Латыни. Въ 1554 году изданы въ Магдебургѣ двѣ проповѣди объ Антихристѣ, переведенныя на Чешскій Викториномъ Анксигиномъ. Въ 1558 го-

---

[11] Все это лежитъ на отвѣтственности Добровскаго. — G. der Böhm. Litt., стр. 226 и слѣд.

[12] *Dobrowsky's* Исторія Чешской Литтературы, изд. 2-е, стр. 226—229.

[13] Это былъ богатый гражданинъ Стараго Города Праги.

ду вышли въ свѣтъ два огромные тома въ л. сочиненій Гуса, подъ заглавіемъ: Ioannis Hus et Hieronimi Pragensis, confessorum Christi, historia et monumenta, partim annis superioribus publicata [14], partim nunc demum in lucem prolata et edita. Noribergae.

Цѣль изданія высказана въ Предисловіи типографщика: сочиненія Гуса должны были служить новымъ свидѣтельствомъ противъ Папистовъ и доказательствомъ истинности и древности оппозиціи противъ папы. Замѣчательно видѣть, какъ для Нѣмецкихъ Реформаторовъ Гусъ уже остался назади, его ученіе казалось слишкомъ мягкимъ и снисходительнымъ. Типографщикъ въ Предисловіи говоритъ: „При чтеніи предлагаемыхъ здѣсь сочиненій надобно дѣйствовать осмотрительно и не терять изъ виду того, что писавшіе ихъ должны были съ большимъ трудомъ возставать (?) противъ отовсюду окружавшаго ихъ мрака. Ибо нѣтъ сомнѣнія, что они дошли бы до ученія еще чистѣйшаго и болѣе святаго (которымъ было, безъ сомнѣнія, ученіе Лютера?!), если бы Богу угодно было продлить ихъ жизнь и споспѣшествовать ихъ начинаніямъ.“ Это изданіе было потребностью того времени, какъ замѣчаетъ и самъ издатель, присовокупляя къ тому, что онъ собралъ со всѣхъ сторонъ все, что относилось къ памяти *Святыхъ исповѣдниковъ и мучениковъ*, Іоанна Гуса и Іеронима Пражскаго, и *что было пощажено* яростью Папистовъ. Издатель надѣется присоединить въ послѣдствіи къ издаваемымъ двумъ томамъ Объясненіе Воскресныхъ Евангелій Гуса, которое по тому не могло быть тогда же издано, что его необходимо было перевести съ Чешскаго на Латинскій [15]. Далѣе, издатель (Typographus) говоритъ, что относительно неизданныхъ еще сочиненій Гуса онъ

---

[14] Cum scriptis et testimoniis multorum nobilitate, eruditione atque pietate praestantium, qui Sanctorum Martyrum doctrina praeclare instituti, tandem tractationum omnium in Synodo Constantiensi conscii, et crudelium et indignissimorum suppliciorum spectatores fuerunt. — Эпиграфъ: Vox sanguinis fratri tui clamat ad me de terra. — Издатели: типографщики Монтанъ и Нейберъ.

[15] Explicatio Evangeliorum Dominicalium, e Bohemica in Latinam linguam convertenda, aliquando post adjungetur.

пользовался единственнымъ спискомъ, и то до крайности испорченнымъ. Эти два дома сочиненій Гуса необходимы при изученіи Чешскаго религіознаго движенія; они должны лежать въ основаніи каждаго изслѣдованія по этому предмету: въ нихъ находимъ сводъ, хотя не всѣхъ сочиненій Гуса, но именно тѣхъ, которые объясняютъ намъ его характеръ, какъ народнаго дѣятеля.

Можно смѣло сказать, что доселѣ ни одинъ изъ историковъ, занимавшихся этимъ предметомъ, не воспользовался богатствомъ матеріаловъ, щедро собранныхъ въ этихъ двухъ томахъ. Мы ограничимся здѣсь только перечнемъ статей, которыя въ каждомъ изъ нихъ содержатся, и краткими замѣчаніями объ ихъ относительномъ достоинствѣ. Въ послѣдствіи, показывая развитіе характера народнаго религіознаго Чешскаго движенія и постепенное его развитіе, какъ въ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ явленіяхъ, мы будемъ обращаться къ подробному изслѣдованію каждаго изъ сочиненій Гуса въ томъ порядкѣ, въ какомъ они появлялись, и здѣсь-то покажемъ, какую сторону и что именно изъ характера религіознаго движенія каждое изъ нихъ содержитъ и обнаруживаетъ. Сочиненія Гуса относятся къ весьма различнымъ между собою временамъ: разсматривая всѣ ихъ вмѣстѣ, легко впасть въ крайнія ошибки и заблужденія на счетъ характера Гуса; сочиненія его написаны не всѣ подъ одними и тѣми же впечатлѣніями и содержатъ, какъ мы увидимъ, мнимыя противорѣчія. Но разсматривая внутреннее содержаніе сочиненій Гуса въ порядкѣ ихъ историческаго появленія, мы, во первыхъ, узнаемъ лучше самый ходъ событій жизни Гуса и его дѣятельности, каждому періоду которой соотвѣтствуетъ извѣстное сочиненіе Гуса, и во вторыхъ, прослѣдимъ внутреннее развитіе религіозныхъ мнѣній Гуса и Чешскаго народа, которыя не всегда же однѣ и тѣ же. Какъ великія народныя движенія условлены бываютъ важными и существенными причинами, а не пустою прихотью и не внезапнымъ капризомъ, которымъ болѣе подвержены отдѣльныя лица, такъ великія народныя идеи, какъ политическія, такъ и религіозныя, созрѣваютъ медленно и, однажды поразивъ сознаніе народа, производятъ перемѣну во всемъ его внутреннемъ существѣ, но онѣ не принимаютъ постоянныхъ формъ и продолжаютъ развиваться. Тутъ-то необходимы историческіе дѣятели, какъ сосуды, проводники идеи, и дѣйствія ихъ важны, какъ вы-

раженіе этой послѣдней. Сквозь сочиненія Гуса мы прослѣдимъ, по періодамъ, переворотъ религіозный, совершавшійся въ Гусѣ и Чешскомъ народѣ, и его развитіе и тѣ измѣненія, которыя въ немъ совершались и которыя внѣшнимъ образомъ высказываются въ историческихъ явленіяхъ. За первымъ изданіемъ твореній Гуса въ 1558 г. послѣдовало скоро другое, а именно, въ 1583 г., но рѣшительно безъ всякихъ поправокъ и прибавленій [16]. Въ 1715 году, опять въ Нирнбергѣ, послѣдовало третье изданіе сочиненій Гуса, по прежнему въ двухъ томахъ: это изданіе гораздо исправнѣе предыдущихъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ и рѣже: въ немъ на поляхъ обозначены страницы предыдущихъ изданій, 1558 и 1583 г., для удобнѣйшаго отысканія ссылокъ писателей, разсуждавшихъ объ этомъ періодѣ. Послѣ оглавленія, гдѣ издатель указалъ на тѣ сочиненія Гуса, которыя были прежде изданы, и тѣ, которыя никогда прежде не являлись въ свѣтъ, слѣдуетъ извлеченіе историческихъ данныхъ, относящихся къ главнѣйшимъ событіямъ жизни Гуса и религіознаго Чешскаго движенія. За тѣмъ приведенъ тридцать первый членъ Лютера, осужденный папою Львомъ X-мъ, гдѣ говорится, что еретиковъ сожигать противно духу Св. Писанія и что сожженіе Гуса и Іеронима на Костницкомъ Соборѣ ничего не доказываетъ, потому что „Ioannem Hus et Hieronymum, viros Catholicos, combusserunt haeretici ipsi et apostatae et Antichristi discipuli.“ Тутъ слѣдуетъ: epitaphium Ioannis Hussii, Apostoli et Martyris Christi Jesu, гдѣ, между прочимъ, Гусъ названъ: docto Vuiclephi de grege discipulus. Далѣе, приложено изображеніе Гуса, сожигаемаго на кострѣ: онъ представленъ среди пламени, въ шапкѣ съ изображеніемъ драконовъ, въ одной рубашкѣ, прикованный у пояса и у шеи къ столбу цѣпями, правая нога обнажена, а лѣвая въ обуви; лицо совершенно не походитъ на обыкновенно изображаемые портреты Гуса; вверху изображенія и внизу его стихи, гдѣ прославляется память Гуса, показывающіе, что ихъ сочинялъ какой нибудь Чехъ [17].

---

[16] Wilhelmi *Seyfridi* Norimbergensis Commentatio de Iohannis Hussi Martyris vita, fatis et scriptis, p. 295 sqq.

[17] Вотъ эти стихи, очень замѣчательные:

На первомъ листѣ перваго Тома встрѣчаемъ: Historia sanctissimi Martyris Ioannis Hus, digna quae a piis hominibus cognoscatur (f. I—XXIX). Она была издаваема нѣсколько разъ и прежде, какъ увидимъ ниже при изслѣдованіи, кому принадлежитъ редакція этого сочиненія. Неизвѣстный сочинитель говоритъ въ началѣ: „Отъ насъ не должно ожидать полнаго жизнеописанія Гуса, хотя этотъ мужъ въ высшей степени достоинъ, чтобы сохранить всѣ малѣйшія, до него относящіяся, подробности. Мы имѣемъ въ виду изложить самымъ простымъ и краткимъ образомъ только то, что случилось во время путешествія Гуса въ Костницъ и во время, тотчасъ за тѣмъ послѣдовавшее." Въ концѣ находимъ слѣдующія слова сочинителя: „Очень хорошо знаю, что весьма слабо изобразилъ въ этомъ сочиненіи страданія пресвятаго (sanctissimi) мученика, Св. Іоанна Гуса, и его многотрудные подвиги, въ сравненіи съ которыми ничтожны кажутся хваленые подвиги Геркулеса. Тотъ древній Геркулесъ побѣдилъ нѣсколько чудовищъ, но нашъ Геркулесъ съ удивительною твердостью духа вызвалъ на бой и побѣдилъ міръ, мать всѣхъ чудовищъ и отвратительнѣйшихъ гадовъ. Предметъ заслуживалъ бы изложенія болѣе краснорѣчиваго, но, не могши ничего сдѣлать болѣе, предлагаю благочестивымъ душамъ самую истину, потому что я не отъ другихъ слышалъ объ этомъ, но *лично присутствовалъ при всемъ повѣствуемомъ и записалъ, какъ могъ*, да какимъ бы то ни было образомъ сохранится память святѣйшаго мужа и проповѣдника чистой Евангельской истины." Что касается до этого труда, то онъ представляетъ чрезвычайно богатую массу важныхъ матеріаловъ: здѣсь не только въ самомъ подробномъ видѣ узнаемъ всѣ дѣйствія Гуса предъ Костницкимъ Соборомъ, но и получаемъ

Albicolas niveo vincens candore volucres
Salve Boioemis, anser amande, tuis:
Te manet aeternum decus, et memorabile nomen,
Quod furor, aut aetas tollere nulla potest.
Atra licet cornix furtivis abdita pennis,
Candorem spurco vellicet ore tuum.
Nulla sed Boemis, nec erit praestantior ales,
Conferri viva quae tibi voce queat.
Grex avium vanis oblectat cantibus aures,
Tumentes niveo pectore, ore pias.

изъ отвѣтовъ самаго Гуса объясненія многихъ важныхъ фактовъ его предшествовавшей жизни. Это сочиненіе невольно вселяетъ къ себѣ полную довѣренность, какъ чуждое всякой полемической формы: это простой, голословный перечень всего, что случилось на Костницкомъ Соборѣ относительно Гуса: здѣсь говорятъ факты за себя. Записавшій совершенно уничтожилъ свою личность и не позволилъ себѣ ничего прибавить: онъ даже не произнесъ ни одного браннаго слова ни на императора, ни на отцевъ Собора. Правдивость, откровенность и хладнокровіе — вотъ черты этого труда, и если бы мы имѣли подобное сочиненіе относительно всего поприща дѣятельности Гуса, то намъ ничего болѣе не оставалось бы желать.

2. Explicatio Symboli, Decalogi, Orationis Dominicae, cum aliis quibusdam scriptis de peccato mortali, de matrimonio, de cognitione et dilectione Dei, de tribus hostibus hominis, et septem peccatis mortalibus, de poenitentia, de sacramento corporis et sanguinis Domini, quae omnia in carcere in gratiam custodum composuit (f. XXIX—XLII). Эти трактаты всѣ вмѣстѣ составляютъ [21], такъ называемый, Катехизисъ Гуса; они очень мало замѣчательны въ историческомъ отношеніи, но чрезвычайно важны въ догматическомъ и нравственномъ.

3. De sanguine Christi sub specie vini a laicis sumendo, quaestio Magistri Ioannis Hus, quam Constantiae conscripsit, priusquam in carcerem conijceretur. Отвѣтъ на вопросъ: Utrum expediat laicis fidelibus sumere sanguinem Christi sub specie vini? (f. XLII—XLIV). Это сводъ мѣстъ Св. Писанія и Св. Отцевъ въ пользу утвердительнаго рѣшенія вышепредложеннаго вопроса: сочиненіе въ высшей степени важное во всѣхъ отношеніяхъ.

4. a) I. Hus De sufficientia legis Christi ad regendam Ecclesiam, positio Magistri Ioannis Hus, quam sibi collegerat, volens in Concilio Constantiensi, si sibi data fuisset audientia, intentionem suam publice declarare (XLIV—XLVIII). b) I. Hus Sermo de fidei suae elucidatione, quem intendebat in Concilio Constantiensi proponere. (XLVIII—LII). c) Sermo Mag. I. Hus de pace, quem etiam intendebat praedicare in Concilio Constantiensi (f. LII—LVII). Всѣ важны въ догматическомъ отношеніи.

---

[21] *Seyfridi* Commentatio: Hi tractatus conjunctim *Catechismus Husi* [illegible] solent; p. 155.

5. Epistolae Ioannis Hus et aliorum sub tempus Concilii Constantiensis scriptae [19]: онѣ занимають въ первомъ томѣ отъ л. 57 до листа 86; ихъ числомъ 68, но не всѣ они принадлежать Гусу. Въ изданіи Твореній Гуса, они раздѣлены на два отдѣла: одни, писанныя Гусомъ прежде его заключенія въ темницу, числомъ 9, а другія, написанныя въ темницѣ. Къ числу первыхъ относятся: 1) Магистру Мартину, письмо, написанное Гусомъ еще до отъѣзда въ Костницъ; 2) письмо прощальное къ Чехамъ предъ отъѣздомъ на Костницкій Соборъ; 3) письмо изъ Нирнберга; 4) письмо, писанное по Чешски и по Латынѣ и принадлежащее, если вѣрить надписанію, Іоанну изъ Яновицъ, одному изъ лицъ, провожавшихъ Гуса въ Костницъ; 5) письмо Гуса, къ друзьямъ изъ Костница; 6) письмо Гуса оттуда же; 7) письмо Гуса къ народу, писанное уже въ 1415 г. и, слѣдственно, изъ темницы; 8) письмо Гуса къ Пражанамъ, которое содержитъ общія увѣщанія остаться вѣрными истинѣ; 9) письмо Гуса къ нѣкоему священнику объ обязанностяхъ его сана. Тутъ (f. LIX) II. слѣдуютъ: Epistolae, quas conscripsit M. Ioannes Hus, anno 1415 in carcere Constantiae apud Minores, ad Bohemos, cum summariis eorundem, ex Bohemico versis: 1) письма Іоанна Гуса къ своимъ послѣдователямъ вообще; наставительнаго содержанія — отъ 10 до 15-го письма включительно; 2) письмо Гуса къ священнику Гавлику (XVI); 3) письмо Гуса къ Магистру Христану; 4) письмо Гуса къ Пражскому Университету; 5) прощальное письмо Гуса къ его благодѣтелямъ; 6) прощальное письмо Гуса ко всему Чешскому народу; 7) письма Гуса къ Чехамъ, его провожавшимъ въ Костницъ (21, 22, 23 и 24, 27 и 29); 8) письма Гуса къ его друзьямъ въ Чехіи: Лидерію, Генриху изъ Скопова, ученику своему, Мартыну (25, 26, 28 и 42); 9) письма Гуса вообще къ его послѣдователямъ, гдѣ онъ изображаетъ состояніе своего духа и внутреннія страданія, имъ переносимыя (30, 32 и 33); 10) письма Гуса, относящіяся къ разнымъ обстоятельствамъ его борьбы съ Соборомъ: 1) къ первой аудіенціи, данной ему Соборомъ относится письмо 31-е; 2) къ отношеніямъ Гуса и Сигисмунда относится письмо 35-е; 3) ко второй аудіенціи Гуса пред

---

[19] Письма Гуса составляли любимое чтеніе Гуситовъ и Лютеранъ и были издаваемы нѣсколько разъ; мы уже говорили о двухъ изданіяхъ ихъ, надъ которыми трудился самъ Лютеръ.

Соборомъ письмо 36; 4) къ отношеніямъ Гуса и Кардинала Гостійскаго относятся письма 38, 39 и 40. II). Письма Гуса, содержащія изложеніе его собственнаго нравственнаго положенія и его мнѣній—37 и 41. За тѣмъ, на л. 71; читаемъ: Epistolas sequentes scripsit M. I. Hus de carceribus, in quibus primum detentus fuit apud fratres Praedicatores in stageo Constantiensi extra muros civitatis. Эти послѣднія письма, которыхъ числомъ 15, составляютъ часть переписки Гуса съ его друзьями Чехами, бывшими въ Костницѣ, а именно, съ Хлумомъ, Петромъ нотаріусомъ, и иными. Здѣсь, среди писемъ Гуса, находятся три письма къ нему, одно Петра нотаріуса, другое Іоанна Хлума и третье друзей Гуса вообще. Письма Гуса исполнены высокаго значенія: безъ нихъ невозможно опредѣлить характеръ Гуса и того религіознаго движенія, котораго онъ самъ былъ главнымъ дѣятелемъ. Это не письма частнаго человѣка, имѣющія предметомъ только его частныя нужды, а письма человѣка, играющаго великую историческую роль, человѣка, исполненнаго сознаніемъ важности своего назначенія. Въ письмахъ Гуса видимъ внутреннюю сторону религіознаго движенія, проникаемъ въ изгибы сердца великаго дѣятеля: здѣсь онъ раскрываетъ предъ своими друзьями всю свою душу, всѣ свои помышленія, не думая, чтобы онѣ могли быть когда нибудь извѣстны потомству. И что же? Нельзя безъ глубокаго чувства, безъ умиленія, читать эти сердечныя изліянія великаго Гуса его друзьямъ: такъ чисты, такъ благородны они, такъ неожиданно поражаютъ душу читателя, настроеннаго на пониманіе всего прекраснаго; здѣсь только узнаемъ вполнѣ прекрасный характеръ Гуса, сосудъ религіозныхъ мнѣній его и народа Чешскаго, съ которымъ онъ имѣетъ одни и тѣ же помыслы, одни и тѣ же чувства. Кромѣ этого общаго интереса, письма Гуса имѣютъ и частный: одни изъ нихъ объясняютъ намъ отношеніе Гуса и Чеховъ къ императору и Собору, другія содержатъ его нравствено-религіозныя размышленія и совѣты; но все это представляетъ важность второстепенную главное то, что мы узнаемъ изъ писемъ Гуса духъ этого великаго человѣка и религіознаго движенія, во главѣ котораго онъ шелъ. Подлинность и достовѣрность писемъ Гуса неподвержена сомнѣнію: онѣ были собраны другомъ Гуса, нотаріусомъ Петромъ, который счелъ нужнымъ присоединить къ нимъ свое свидѣтельство, которымъ тожественность писемъ Гуса поставлена внѣ всякаго со-

мнѣнія [20]. За тѣмъ въ твореніяхъ Гуса помѣщены нѣкоторы акты, относящіеся къ дѣятельности Гуса и его послѣдователей 1) Litterae quaerimoniales de injuria Papae, quas Dominus Ioa nes de Chlum in lingua Latina et Teutonica cum suo sigillo a xit valvis ecclesiarum Constantiae; 2) Epistola Baronum regni B hemiae, quam scripserunt Romanorum et Hungariae Regi Sigism do ad Constantiam (1414); 3) Alia Baronum epistola ad eundem (1415); 4) письмо Бароновъ Чехіи и Моравіи, собравшихся в Бьрнѣ и требовавшихъ, чтобы Гусу дана была аудіенція; 5 Syngrapha quaedam Magnatum et Procerum regni Bohemiae Marchionatus Moraviae, circiter sexaginta, qua promittunt se co muni opera veram Evangelii doctrinam, in Constantiensi Conci damnatam, summo studio defensuros esse (1415); 6) Письмо Ма натовъ, Бароновъ и Вельможъ, подписанное болѣе нежели тыся благородныхъ людей, воиновъ и гражданъ; 7) Посланіе Собо къ Чехамъ; 8) Посланіе Собора къ Моравцамъ; 9) Testimoniu Universitatis Pragensis de doctrina et vita Ioannis Hus; 10) Sum maria ratio fidei totius communitatis Pragensis; 11) Archiepiscopus Pr gensis scribit Regi Ungariae, renuncians omnibus juramentis, quibus illi obstrinxerat; 12) Invectiva quorundam amicorum Ioannis Hus, qu Concilium Constantiense injuste damnaverat eum. Важность эт актовъ видна уже изъ самихъ надписей: особенно замѣчате и въ историческомъ отношеніи полезны: 5 й, 6 й, 9 и 10 й.

6. Sequitur narratio et scripta quaedam reverendi viri M. Ioa Hus, quibus occassiones, initia et progressus certaminum ipsius c factione Pontificia explicantur, quorum omnium aliquoties in Hist Synodi et epistolis mentio facta est. Ordo procedendi in causa Ioannis Hus, per ipsumet signatus, cum aliquot Pontificum ac leg sententiis, ab ipso adjectis, de non comparendo coram judici suspectis, et in loco minus securo. Здѣсь раскрываются отно шенія Гуса къ Сбинку, Архіепископу Пражскому, и споръ съ нимъ по случаю сожженія книгъ Виклефа (LXXXVI—LXXXI Сюда же относится и слѣдующее за тѣмъ сочиненіе: Tenor pellationis Magistri Ioannis Hus, cum sibi adhaerentibus, a sente

[20] Opera Hus — t. I. f. LXXV: I. Testimonium Petri Notarii (послѣ письма): Istae cartae praemissae, omnes sunt de schedulis Magistri Io Hus de manu ipsius scriptis bona fide redditae. Respondent enim de v ad verbum cum suis originalibus.

Archiepiscopi Pragensis, contra combustionem librorum Ioannis Vuigleff, et contra alia, in eadem appellatione contenta, ad sedem Apostolicam (LXXXIX — XCIII.).

7. Epistolae aliquot Ioannis Hus, tempore anathematis et interdicti Pontificii scriptae. Они всѣ принадлежатъ Гусу, за исключеніемъ пятнадцатаго, гдѣ одинъ Виклефовъ ученикъ, саномъ священникъ, подкрѣпляетъ Гуса и его послѣдователей къ борьбѣ противъ злоупотребленій, вкравшихся въ Церковь. Изъ четырнадцати писемъ собственно Гуса 8 обращено къ вѣрнымъ, находящимся въ Прагѣ (fidelibus, qui Pragae sunt), одно къ вѣрнымъ города Лунъ, одно къ Кардиналамъ, четыре къ разнымъ инымъ лицамъ (XCIII—CII). — Стоитъ только сравнить письма Гуса изъ Костинца съ его письмами, относящимися къ времени, когда онъ, принужденный оставить Прагу, потерпѣвшую за него папское запрещеніе, чтобы тотчасъ увидѣть безконечную перемѣну, происшедшую въ образѣ мыслей Гуса и въ его направленіи, а равно и въ направленіи религіознаго движенія, котораго онъ былъ самымъ вѣрнымъ представителемъ. Тщательное и долговременное чтеніе всѣхъ сочиненій Гуса, какія только мы могли имѣть, а равно и знакомство со всѣми явленіями, въ которыхъ выражалось наружу преобразованіе, совершавшееся въ умѣ и расположеніи народами, привело насъ къ тому выводу, что Чешское религіозное движеніе, начавшись съ глубокаго негодованія, возбужденнаго страшною безнравственностью духовенства, а еще болѣе его наглымъ обхожденіемъ со всѣмъ, что Чешскій народъ привыкъ считать святаго, и съ безъотчетной ненависти къ нему и его внѣшнимъ дѣйствіямъ богослуженія, начинало возвращаться къ народнымъ источникамъ, къ силамъ духа народнымъ въ постепенномъ своемъ ходѣ. Приготовленный къ живому воспріятію всего, что только вооружалось противъ наглости духовенства, Чешскій народъ жадно принималъ въ себя все, что только приносило ему хотя минутное облегченіе, все, что удовлетворяло на первый разъ его негодованію; но мало по малу Чешскій народъ обратился къ своему собственному духу и вынесъ изъ него неразрѣшимые и страшные вопросы, которые заставили содрогнуться Рому на его престолѣ. Не забудемъ и того, что народный Чешскій вопросъ о пріобщеніи Св. Таинъ подъ обоими видами только тогда коснулся сознанія народнаго, когда близорукіе отцы Костинскаго Собора думали, что имъ нечего опасаться дальнѣйшихъ

[illegible] что [illegible]
[illegible] Чешскій [illegible]
[illegible] внутренній [illegible]
[illegible] народа. [illegible]
[illegible] Чешскаго народа [illegible]
[illegible] своей [illegible]
[illegible] отъ [illegible]
[illegible] органахъ [illegible]
[illegible] что [illegible]
[illegible] существенно [illegible]
[illegible] томъ, что въ [illegible]
[illegible] потребности Чешск[illegible]
[illegible] только [illegible]
[illegible] Чрезвычайно [illegible]
[illegible] движенія [illegible]
[illegible] реформатора, [illegible]
[illegible] и силою [illegible]
[illegible] свободу [illegible]
[illegible] личныхъ [illegible]
[illegible] Чешскаго [illegible]
[illegible] глубоко [illegible]
[illegible], нѣтъ [illegible]
[illegible] различіе, [illegible]
[illegible] написанныхъ [illegible]
[illegible] писанныхъ [illegible]
[illegible] растерян[illegible]
[illegible] сочиненіяхъ [illegible]
[illegible] положен[illegible]
[illegible], которы[illegible]
[illegible] народа. Такъ [illegible]
[illegible] письмахъ изъ [illegible]
[illegible] первыхъ отъ [illegible]
[illegible]
[illegible] Legencis (CII—CVIII): простой [illegible]
[illegible] пользу утвердительнаго рѣшенія пред[illegible]
[illegible]

..us pro defensione libri Ioannis Wiclef de Trinitate San-
..ice celebrata an. 1410 (CV—CVIII).
..я сочиненія въ защиту Виклефа: 1) Replica Magistri Ioan-
..contra Anglicum Ioannem Stokes, Viclephi calumniato-
..брь 1411); 2) Defensio quorundam articulorum Ioan-
.. (1412) (CVIII — CXVII).
.. ablatione temporalium a clericis, determinatio Ioannis
..2), (CXVII—CXXV): въ высшей степени замѣчательное,
.. и послѣдующее:
.. decimis (1412) (CXXV—CXXXV.).
..ca contra occultum adversarium (1412) (CXXXV-CXLIV).
..ca contra praedicatorem Plznensem (1412) (CLIV-CXLIX).
..estio Magistri Ioannis Hus de arguendo clero pro con-
..LIX — CLIV).
.. quinque officiis sacerdotis (CLIV).
..erminatio quaestionis, cum suo tractatulo, de omni san-
..ti glorificato, per Ioannem Hus (CLIV—CLXIII).
.. corpore Christi (CLXIII—CLXVIII).
.. tribus dubiis factis in Holomutz, quae idiotae asserunt
..t tanquam fidem, anno Domini 1412 (CLXVIII—CLIX).
..estio de credere (CLXIX—CLXXI).
..ненія Гуса и вообще бумаги относительно индульген-
.. Іоанна XXIII; сюда относится четыре акта: 1) Bulla
..rum Papae Ioannis XXIII pro subsidio contra Ladislaum,
..uliae, Pragam allata. 1412. 2) Alia bulla commissariis
.. erectione crucis contra Ladislaum, continens remissionem
..peccatorum a poena et a culpa. 3) Quaestio Magistri Io-
.. disputata ab eo anno Domini 1412 post Viti de indulgen-
..de cruciata Papae Ioannis XXIII, fulminata contra Ladislaum,
..egem. 4) Ioannes Hus contra bullam Papae Ioannis XXIII, in
.. crucem contra Ladislaum, Regem Apuliae, Replica, facta post
.. sanctam Synodum, an. 1412 (CXXXI—CXCI). Всѣ эти акты
..ты имѣютъ чрезвычайно важное историческое значеніе.
..Opusculum Magistri Ioannis Hus, de sex erroribus compila-
..e cura ipsius parietibus Bethlehemiticis inscriptum, an. 1413
.. — CXCVI).
.. Tractatus Magistri Ioannis Hus *de Ecclesia*, quem collegit an.
..13 et est pronunciatus publice in civitatie Pragensi (CXCVI—
..). Безспорно, самое важное сочиненіе Гуса.

24) 1. Responsio Magistri Ioannis Hus ad scripta M. Stephani Paleč, Theologiae Doctoris; 2. Responsio ad scripta M. Stanislai de Znoyma, Doct. Theologiae; 3) Refutatio (Ioannis Hus) scripti octo Doctorum Theologiae. За тѣмъ слѣдуетъ: Repetitio Magistri Ioannis Jessinetz, Doctoris juris Canonici, pro defensione causae Magistri Ioannis Hus, scripta anno 1412, die 16 mensis Decembris (CCLV—CCCXXIV).

25) Мнимыя сочиненія Гуса: 1) De Antichristo et membrorum ejus anatomia; 2) De regno, populo, vita et moribus Antichristi (CCCXXXVI — CCCXXV). Эти два сочиненія перепечатаны издателями по Оттону Брунфелзію, котораго два предисловія и отвѣтъ Лютера присоединены здѣсь. 3) De sacerdotum et monachorum abhorrenda abominatione desolationis in ecclesia Christi, Tractatio loci ex Oseae cap. V. Издатели присоединили къ этому трактату 41 главу, нигдѣ прежде не напечатанную (отъ 46 до 87) (CCCLXXV — CCCCLXXII).

26. За тѣмъ слѣдуетъ нѣсколько мелкихъ сочиненій, обыкновенно Гусу приписываемыхъ: 1) De abolendis sectis et traditionibus hominum; 2) De pernicie traditionum humanarum; 3) De unitate ecclesiae et schismate, съ предисловіемъ Оттона Брунфелзія.
„Уже изъ этой одной книги читатель Христіанинъ узнаетъ, что І. Гусъ
„далеко не былъ еретикомъ и что онъ безвинно осужденъ тѣми
„поджигателями и палачами. Можно ли написать что нибудь бо-
„лѣе въ духѣ Христіанскомъ? Существуетъ и другое твореніе
„Гуса, но гораздо большаго объема, хотя подъ схожимъ назва-
„ніемъ: это доказываетъ, что оно не можетъ не быть подлин-
„нымъ, хотя, къ величайшему несчастію, единственный, до насъ
„дошедшій, списокъ испорченъ и неполонъ. Этимъ мы обязаны
„тѣмъ же истребителямъ и тиранамъ; ибо что удивительнаго, если
„изведши самаго мужа, они сочиненія его изгнали изо всѣхъ би-
„бліотекъ?"[21] 4) De evangelica perfectione, съ небольшимъ предисловіемъ Оттона Брунфелзія, гдѣ объясняется содержаніе этого трактата, затемненнаго въ началѣ отсутствіемъ нѣсколькихъ главъ. 5) De mysterio iniquitatis Antichristi fragmentum. Въ краткомъ предисловіи Оттонъ Брунфелзій говоритъ, что рукопись, откуда онъ заимствовалъ этотъ отрывокъ, была совершенно испорчена и предурно написана. „Думаю, продолжаетъ онъ, что это и

[21] Opera *Hussi* T. I. p. 445, 2.

писки какого ни будь студента изъ значительнаго сочиненія, котораго заглавіе было: De mysterio iniquitatis Antichristi." Раздѣленіе на главы этого отрывка принадлежатъ Оттону: дотолѣ не было никогда раздѣленія и все было написано сплошь; 6) De revelatione Christi et Antichristi, fragmentum 2. И этотъ отрывокъ найденъ Оттономъ въ очень испорченной и неполной рукописи; 7). Quaedam fragmenta (какъ бы Ioannis Hus). Оттонъ считаетъ ихъ простыми выписками для памяти изъ иныхъ, болѣе значительныхъ, сочиненій (CCCCLXXII — CCCCCI). — Изъ многочисленныхъ сочиненій Гуса, которымъ мы упомянули только названіе, чаще другихъ перепечатываемы въ Германіи и болѣе другихъ находили себѣ слушателей его сочиненія полемическія, или тѣ, въ которыхъ онъ вооружается противъ злоупотребленій духовенства и особенно папы; такъ издатели твореній Гуса говорятъ, что еще прежде, нежели они принялись за свой трудъ, были напечатаны: 1) Historia Hussii in Concilio Constantiensi; 2) Epistolae Ioannis Hus et aliorum; 3) Tractatus de corpore Christi; 4) Tractatus de Ecclesia; 5) Всѣ сочиненія относительно Антихриста были особенно часто издаваемы; 6) Мелкія сочиненія Гуса, исчисленныя у насъ подъ N0 22. Много упрекали издателей твореній Гуса въ томъ, что они помѣстили ихъ не въ порядкѣ, а на удачу, гдѣ какое пришлось. Мы думаемъ, что эти обвиненія напрасны: принять при изданіи сочиненій Гуса основаніемъ ихъ размѣщенія то время, когда каждое изъ нихъ вышло, невозможно, отчасти потому, что время написанія нѣкоторыхъ сочиненій Гуса очень сомнительно, а отчасти потому, что къ одному и тому же году относится множество сочиненій, которыхъ пришлось бы распредѣлять по мѣсяцамъ и днямъ. Относительно содержанія также нельзя подвести Гусовыхъ сочиненій подъ опредѣленные разряды: всѣ они болѣе или менѣе соединяютъ въ себѣ элементы: богословскій и историческій. Это условливаетъ ихъ важность и значеніе для историка, потому что нѣтъ ни одного сочиненія, которое сплошь было бы посвящено вопросамъ богословскимъ: во всѣхъ изъ нихъ есть историческія указанія и намеки. Потому ихъ невозможно иначе съ пользою разсматривать и изучать, какъ въ связи съ самою жизнью Гуса. Гусъ былъ Славянинъ по своему характеру: *какъ всѣ Славянскіе дѣятели въ области умственной, онъ не пристрастенъ къ умствованіямъ и схоластическимъ тонкостямъ*, составлявшимъ тогда все богословіе; онъ н[illegible]

движеній Чешскаго народа, потому что они обманомъ и кривдою заманили къ себѣ Гуса. Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Виклефа глубоко подѣйствовало на Чешскій народъ, но оно дѣйствовало недолго, оно изрыло внутренній составъ народа и коснулось жизненныхъ силъ Чешскаго народа. Ученіе Виклефа не могло удовлетворить требованіямъ Чешскаго народа: оно только поманило ихъ къ себѣ и тѣмъ условило ихъ развитіе. Гусъ потому-то и великъ, что онъ совлекъ свой личный характеръ и свои личныя убѣжденія, что онъ отказался отъ дѣятельности самостоятельной, что онъ рѣшился быть органомъ мнѣній своего народа, сосудомъ его убѣжденій. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ съ горячностью принялъ мнѣнія Виклефа, какъ утолившія хотя на минуту его безконечную жажду къ обличенію существовавшаго порядка вещей; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что въ послѣдствіи онъ приблизился болѣе къ религіознымъ потребностямъ Чешскаго народа и что изъ мнѣній Виклефа онъ удержалъ только тѣ, которые соотвѣтствовали народному развитію. Чрезвычайное непониманіе характера всего религіознаго Чешскаго движенія обнаружилъ бы тотъ, кто сталъ бы видѣть въ Гусѣ реформатора, изъ глубины духа высказывающаго свои личныя мнѣнія и силою краснорѣчія и твердостью воли невольно увлекающаго за собою умы слушателей, или вообще современниковъ. Гусъ не имѣлъ личныхъ мнѣній и убѣжденій: его мнѣнія и мнѣнія народа Чешскаго были одни и тѣ же, и потому въ ученіи Гуса, живомъ изліяніи глубоко страждущаго Чешскаго сердца, нѣтъ неподвижности, нѣтъ рѣзкихъ и постоянныхъ пунктовъ; этимъ-то объясняется различіе, которое встрѣчаемъ въ первыхъ сочиненіяхъ Гуса, написанныхъ подъ вліяніемъ Виклефа, и въ послѣдующихъ, на пр., писанныхъ въ Костницѣ. Только самый тупой и въ мелочахъ растерявшійся взоръ не примѣтитъ той постепенности въ сочиненіяхъ Гуса по которой онъ, отправившись отъ религіозныхъ положеній Виклефа; пришелъ къ тѣмъ религіознымъ мнѣніямъ, которыя наиболѣе удовлетворяли потребностямъ Чешскаго народа. Такъ Гусъ гораздо мягче, снисходительнѣе кажется въ письмахъ изъ Костница, чѣмъ въ нынѣ нами разбираемыхъ: въ первыхъ онъ ближе къ народу, а во вторыхъ онъ богословъ-мистикъ.

8. De libris haereticorum legendis (CII—CVIII): простой сво[...] мѣстъ Св. Писанія въ пользу утвердительнаго рѣшенія пред[...]женнаго въ заглавіи вопроса.

9. Actus pro defensione libri Ioannis Wiclef de Trinitate Sancta, publice celebrata an. 1410 (CV—CVIII).

10. Два сочиненія въ защиту Виклефа: 1) Replica Magistri Ioannis Hus contra Anglicum Ioannem Stokes, Viclephi calumniatorem (Октябрь 1411); 2) Defensio quorundam articulorum Ioannis Wicleff (1412) (CVIII — CXVII).

11. De ablatione temporalium a clericis, determinatio Ioannis Hus (1412), (CXVII—CXXV): въ высшей степени замѣчательное, равно какъ и послѣдующее:

12. De decimis (1412) (CXXV—CXXXV.).

13. Replica contra occultum adversarium (1412) (CXXXV-CXLIV).

14. Replica contra praedicatorem Plznensem (1412) (CLIV-CXLIX).

15. Quaestio Magistri Ioannis Hus de arguendo clero pro concione (CXLIX — CLIV).

16) De quinque officiis sacerdotis (CLIV).

17) Determinatio quaestionis, cum suo tractatulo, de omni sanguine Christi glorificato, per Ioannem Hus (CLIV—CLXIII).

18. De corpore Christi (CLXIII—CLXVIII).

19) De tribus dubiis factis in Holomutz, quae idiotae asserunt pro vero et tanquam fidem, anno Domini 1412 (CLXVIII—CLIX).

20) Quaestio de credere (CLXIX—CLXXI).

21) Сочиненія Гуса и вообще бумаги относительно индульгенцій папы Іоанна XXIII; сюда относится четыре акта: 1) Bulla indulgentiarum Papae Ioannis XXIII pro subsidio contra Ladislaum, Regem Apuliae, Pragam allata 1412. 2) Alia bulla commissariis data de erectione crucis contra Ladislaum, continens remissionem omnium peccatorum a poena et a culpa. 3) Quaestio Magistri Ioannis Hus, disputata ab eo anno Domini 1412 post Viti de indulgentiis sive de cruciata Papae Ioannis XXIII, fulminata contra Ladislaum, Apuliae Regem. 4) Ioannes Hus contra bullam Papae Ioannis XXIII, in qua erexit crucem contra Ladislaum, Regem Apuliae, Replica, facta post Viti, post sanctam Synodum, an. 1412 (CXXXI—CXCI). Всѣ эти акты и трактаты имѣютъ чрезвычайно важное историческое значеніе.

22) Opusculum Magistri Ioannis Hus, de sex erroribus compilatum atque cura ipsius parietibus Bethlehemiticis inscriptum, an. 1413 (CXCI — CXCVI).

23) Tractatus Magistri Ioannis Hus *de Ecclesia*, quem collegit an. D. 1413 et est pronunciatus publice in civitatie Pragensi (CXCVI—CCLV). Безспорно, самое важное сочиненіе Гуса.

но безконечно превосходящими ихъ *скромностью*, эти привилегированные народы требовали вниманія человѣчества, какъ мнимые его единственные представители въ его внутреннемъ развитіи? Строгія и безпристрастныя изслѣдованія показываютъ, что Русь и до Петра Великаго не была, какъ думали на Западѣ, Татарскою державою, гдѣ народъ жилъ только прозябательною жизнью, гдѣ все, что еще оставалось жизненнаго въ его развитіи, удалилось въ голову, и гдѣ подъ гнетомъ Азіатскаго деспотизма задавлено было всякое самостоятельное движеніе силъ народа, но что она постоянно дѣйствовала по законамъ высшаго духовнаго развитія, осуществляла ихъ въ себѣ и представляла игру самыхъ благородныхъ силъ, высшихъ потребностей духа человѣческаго. *Пора вникнуть попристальнѣе и въ исторію иныхъ Славянскихъ племенъ*, и въ ней, отдѣливъ внѣшнія, безконечно разнообразныя, явленія, найдемъ *развитіе*, найдемъ *высокую степень внутренняго образованія*. Но *удѣломъ Славянскаго племени было только дѣйствовать, а удѣломъ Германскаго дѣйствовать и говорить за себя*, и тѣмъ только можно объяснить взаимныя ихъ отношенія, которыя безпристрастно изслѣдовать принадлежитъ, наконецъ, намъ, Славянскимъ писателямъ.

Въ Нирнбергѣ, въ 1563 году, напечатано было собраніе Чешскихъ проповѣдей (Postille) Гуса, гдѣ присоединено нѣсколько иныхъ мелкихъ сочиненій его, но, какъ Добровскій замѣчаетъ, издатели не воспользовались многими, доступными имъ, сочиненіями Гуса [25]. Въ слѣдующемъ году (1564), неизвѣстно гдѣ, вышло второе изданіе Гусовыхъ Проповѣдей и при немъ Прибавленіе, содержащее Воскресныя посланія Якубка. Нѣкоторые писатели приписывали Гусу переводъ Чешской Библіи; но Чехи имѣютъ изъ XIII стол. Псалтырь, изъ XIV Новый Завѣтъ и нѣкоторыхъ Пророковъ: очень можетъ быть, какъ думаетъ Добровскій, что Гусу принадлежитъ первая редакція Библіи, что онъ дополнилъ недостававшія книги ея, исправилъ языкъ уже переведенныхъ и издалъ тѣ и другія вмѣстѣ. Многія сочиненія Гуса написаны на Чешскомъ языкѣ, особенно тѣ, которыя имѣли цѣлью наставленія народу: таковы объясненія Десяти Заповѣдей и Воскресныхъ Евангелій. Неподвержено сомнѣнію и т

[25] *Dobrowsky's* Geschichte der Böhm. Litt. S. 143.

что Гусъ перевелъ на Чешскій Тріалогъ Виклефа: на стѣнахъ Виѳлеема, народной Чешской церкви, былъ написанъ трактатъ о *шести* заблужденіяхъ, составленный Гусомъ; многія духовныя пѣсни принадлежатъ безспорно Гусу. Нѣтъ сомнѣнія, что Чешскихъ сочиненій Гуса далеко болѣе, нежели Латинскихъ, но ни тѣ, ни другія вполнѣ доселѣ неизвѣстны. Самъ Гусъ пишетъ, что Соборъ осудилъ его книги, которыхъ онъ и разумѣть не могъ: конечно, здѣсь разумѣются Чешскія книги, потому что всѣ члены Собора не могли не знать по Латынѣ. Одинъ Утраквистъ въ сочиненіи отъ 1496 года, опровергая мнѣніе одного Францисканца относительно Чаши въ Евхаристіи, замѣчаетъ, приведши слова Гуса изъ его проповѣди о Тѣлѣ Христовомъ: „какъ мы имѣемъ и иныя его проповѣди, писанныя его рукою [26].“ Его Чешскія сочиненія разсѣяны по разнымъ рукописямъ: такъ въ рукописи Голомуцкой Библіи (второй по Добровскому) находится принадлежащее Гусу объясненіе 10-ти Заповѣдей послѣ книги Бытія съ напоминаніемъ на концѣ: „Um Gottes Willen lass es stehen.“ Въ городской Нирнбергской Библіотекѣ должна храниться рукопись, содержащая проповѣди (Postille) Гуса, съ припискою: Kratičky wýklad na přikazanie bozie desatero pro sprostne a neprazdne w pracy, wyložene skrzie mystra.“.... самое имя выскоблено и на концѣ приписано: „Nechay stati pro Boh!“ Проповѣдь Гуса о Страстяхъ Іисуса Христа должна находиться въ Стокгольмѣ (въ Hodynář [27]). Прекрасный и полезный былъ бы трудъ собрать всѣ сочиненія Гуса, какія только уцѣлѣли отъ времени и страстей человѣческихъ, и вмѣстѣ съ тѣми, которые уже были изданы, напечатать въ самомъ точномъ хронологическомъ порядкѣ; но, къ несчастію, въ наше время любятъ болѣе поверхностныя умствованія, чѣмъ основательный и существенный трудъ. Изслѣдованіе судьбы, которымъ подвергались сочиненія Гуса и его послѣдователей, могло бы составить порядочное разсужденіе. Такъ съ 1540 года, послѣ того, какъ Католики и Утраквисты на сеймѣ въ 1539 г. постановили, чтобы всѣ богословскія сочиненія подвергались цензурѣ Ректора и Консисторіи, книги, относившіяся къ великимъ дѣятелямъ

---

[26] Jakožto y gine geho kazanie máme geho ruku psane.

[27] Добровскаго путешествіе по Швеціи, стр. 69.

Чешскаго религіознаго движенія, Гусу, Якубку и другимъ, должно быть попали въ число запрещенныхъ, потому что иначе мы объяснить себѣ не можемъ, почему съ того самаго времени Нирнбергъ сталъ мѣстомъ, гдѣ издавалось все, что было объявляемо относительно Гуса и поры его дѣятельности: всѣ значительныя изданія твореній Гуса, Якубка и другихъ вышли въ Нирнбергѣ, а не въ Прагѣ или иномъ Чешскомъ городѣ. Такимъ образомъ, честь издать значительное число сочиненій Гуса принадлежитъ Нѣмецкому городу: такъ враждебная судьба не оставила преслѣдовать мученика и во гробѣ и его мнѣнія не переставали страдать отъ несчастныхъ обстоятельствъ, потому что не холодности Чеховъ къ Гусу должно приписать выше указанное явленіе, напротивъ, Чехи всегда усердно чтили память Гуса, котораго имя соединено съ періодомъ блестящей судьбы Чешскаго народа, когда онъ разорвалъ и политическіе и религіозные оковы и жилъ всею полнотою своей свѣжей жизни. Къ этому періоду времени устремлены мечты и надежды каждаго Чеха, въ которомъ еще не замерло народное чувство [28].

Б. *Сочиненія предшественниковъ Гуса.* Первое мѣсто по времени принадлежитъ *Конраду изъ Вальдгуза* или *Вальдгаузена* (Conradus de Watdhusa, in Waldhausen) (1349 — 1369), родомъ Нѣмцу, изъ Австріи, а потому не рѣдко *Conradus ab Austria*, но долго жившему въ Чешской землѣ, гдѣ особенно гремѣлъ онъ своими проповѣдями въ Прагѣ противъ порчи духовенства. Онъ проповѣдывалъ на родномъ своемъ языкѣ, бывшемъ тогда, и слѣдствіе тѣсныхъ связей Чеховъ съ Имперіей и ихъ Нѣмецкаго Владѣтельнаго Дома, довольно извѣстнымъ, особенно в столицѣ; впрочемъ, къ намъ дошли сочиненія его только и Латинскомъ, именно: 1) Postilla studentium Universitatis Pragensis. „Postillam hanc, — говоритъ Конрадъ въ самомъ началѣ ея,—supra evangelia dominicalia, quae leguntur per anni circulum per talem modum, quo ipsam ad populum proprio declamavi gutture, conscribere vellem, creberrimis precibus rogitatus, piis vocibus refragari nequiens, ad laudem Dei, ut potui, perfeci.“ 2) Pr

[28] Нѣкоторыя, болѣе подробныя указанія, о сочиненіяхъ Гуса на Чешскомъ языкѣ см. въ Исторіи Чешской Словесности, соч. Іос. *Юнманомъ*, 1825, стр. 59, 83, 95, 127, 139, 141, 143, 231 и 270

themata sermonum. Небольшое сочиненіе. 3) Apologia противъ обвиненій, взведенныхъ нищенствующимся монахами на Конрада передъ Архіепископомъ Пражскимъ, Арнестомъ: „Haec sunt, quae praedicavit Conradus in ecclesia et foro contra religiosos Minorum et specialiter Mendicantium.“ Всѣ эти сочиненія находятся въ рукописи въ библіотекѣ Чешскаго Музея и Пражскаго Капитула. Бальбинъ, въ своемъ Epitome rerum Bohemicarum (p. 406 ff.), говоритъ, что онъ видѣлъ между книгами, принадлежащими Крумловской церкви „quoddam Conradi volumen manuscriptum grande,“ названный: „Accusationes mendicantium,“ а писанный еще при жизни сочинителя, въ Прагѣ, 1364 г. Судя по огромности этого сочиненія, должно полагать, что это было отличное отъ упомянутаго выше, которое въ спискѣ Чешскаго Музея содержитъ въ себѣ всего только 13 л.

Второе мѣсто занимаетъ *Янъ Миличь изъ Кромѣржицъ*, Моравецъ (1350 — 1374), оставившій по себѣ сочиненія на Латинскомъ и Чешскомъ языкахъ. Къ Латинскимъ принадлежатъ: 1) Libellus de Antichristo. Это небольшое сочиненіе состоитъ изъ 4-хъ главъ и сохранено намъ Матѳеемъ изъ Янова, вполнѣ внесшимъ его въ одно изъ своихъ твореній. 2) Gratia Dei, i. e., Postilla, sive Sermones de tempore et de Sanctis per totum anni circulum. Два большихъ писанныхъ тома. 3) Sermones quadragesimales, особенное сочиненіе, но почти также, какъ предыдущее, огромно. Всѣ находятся въ Пражской Публичной Библіотекѣ. Унгаръ (въ дополненіяхъ къ Балбиновой Bohemia docta (II. p. 183) говоритъ, что есть еще (но гдѣ именно, не сказываетъ) „Milicii manuscriptae epistolae ad summos quosque praesules et principes (Gregorium XI Papam, Carolum IV Imperatorem, Cardinalem Albanensem, Arnestum et Ioannem Ocellum, Archiepiscopos Pragenses, Udalricum et Ioannem de Rosenberg etc.).“ На Чешскомъ же языкѣ: 1) Knižky o zarmúcenich welikých cierkwe swaté i každe duše wěrné, kteréž mají trpěti od draka na poslednie dni Antikristowy, и пр. Павелъ Быджовскій и М. Брикцій изъ Личка издали это сочиненіе (съ предисловіемъ послѣдняго) въ Прагѣ, 1542, въ 4-ку. Бальбинъ такъ отозвался о немъ: „Hunc librum haeretici et catholici commendant,“ что, однако же, не спасло ее отъ Index librorum prohibitorum. Содержаніе ея чисто нравственное. 2) Postilla a wýklady na Ewangelia weyročnj, тоже напечатанная по указанію того же Index libr. prohib., въ 4-ку.

Третье мѣсто между предшественниками Гуса принадлежитъ Магистру *Матөею изъ Янова*, по прозванію Magister Parisiensis, род. около 1342, умер. 30 Ноября, 1394 года, въ Прагѣ. Оставшіяся послѣ него сочиненія всѣ почти въ рукописи и писаны на Латинскомъ языкѣ; списокъ ихъ имѣемъ въ рукописи библіотеки Пражскаго Капитула (Г. 55); вотъ онъ: 1) Regulae veteris et novi testamenti: весьма большое и важное сочиненіе, состоящее изъ пяти книгъ и многихъ отдѣльныхъ трактатовъ. 2) Tractatus de praeceptis Domini. Это сочиненіе неизвѣстно въ полномъ видѣ, а имѣются изъ него одни отрывки. 3) Слова на разные случаи; болѣе несуществующее, а можетъ статься неотысканное сочиненіе; извлеченія же остались въ рукописи библіотеки Пражскаго Капитула. Важнѣйшее изъ сочиненій Матөея и во всякомъ случаѣ одно изъ замѣчательнѣйшихъ твореній духовнаго содержанія, написанныхъ въ Чехіи, есть вышеупомянутое сочиненіе: Regulae или De regulis veteris et novi testamenti, или, какъ можно было бы назвать его съ приличною ясностью и краткостью: Книги объ истинномъ и ложномъ Христіанствѣ. Сочиненіе это уже нигдѣ, сколько, по крайней мѣрѣ, извѣстно, не существуетъ въ совершенно полномъ видѣ, хотя изъ отдѣльныхъ рукописей, которыя доныне извѣстны, можно возстановить его въ истинномъ видѣ. Объемъ его очень великъ, и сочинитель началъ его въ 1388 году, а въ 1392 году покончилъ. Первая книга была окончена и явилась въ свѣтъ именно предъ Соборомъ, имѣвшимъ мѣсто въ Прагѣ въ 1388 году, 19-го Октября, и только гораздо послѣ, и уже по закрытіи Собора, умножено различными прибавленіями, какъ это ясно видно изъ рукописи, хранящейся въ Чешскомъ Музеѣ. Магистръ Матөей самъ говоритъ въ своемъ предисловіи, что онъ сначала предполагалъ написать только одну эту книгу, но позднѣе, особенно по случаю опредѣленій вышеупомянутаго Собора, онъ прибавилъ вторую и третью книгу, а еще позднѣе присоединилъ четвертую и пятую. Рукопись въ Чешскомъ Музеѣ № 289, которая на бумагѣ въ л. и имѣетъ 364 листа, современна автору и, можетъ статься, подъ надзоромъ его написана. Этотъ экземпляръ содержитъ только первыя четыре книги, и то неполныя, ибо тамъ и сямъ вырваны отдѣльные листы; отъ пятой же книги остался лишь одинъ Указатель. Но эту-то пятую книгу имѣемъ полную въ рукописи, хранящейся въ Пражской Университетской библіотекѣ, отъ листа 105 по 175 и, по счас

ливой игрѣ случая, въ томъ же самомъ экземплярѣ, который нѣкогда принадлежалъ сочинителю. Для пополненія недостающихъ мѣстъ въ первыхъ четырехъ книгахъ рукописи Музея можетъ служить списокъ Пражскаго Капитула, на бумагѣ въ 4°-ку, который на листахъ 1 — 154 содержитъ всю первую книгу и части двухъ слѣдующихъ.

В. *Сочиненія послѣдователей и учениковъ Гуса.* Число ихъ столь велико, что мы принуждены здѣсь поименовать только важнѣйшія: 1) *Якубка изъ Стржибра*, *Стржибрскаго* (Jacobellus de Mies), профессора Пражскаго Университета, Проповѣди (Postille), присоединенныя къ 3-му издан. Гусувыхъ проповѣдей, 1564 г. 2) Магистра *Яна Рокицаны*, тоже Проповѣди на цѣлый годъ, 1470. 3) Яна *Августы*, Епископа Чешскихъ Братьевъ, друга Лютера и Меланхтона: Spis jmenem wsj Jednoty, и Rejstřjk a Řeči, гдѣ изложено ученіе Чешскихъ Братьевъ. 4) *Билеговскаго*, священника въ Кутной Горѣ и Прагѣ (живш. около 90 л.): Kronyka Česka, въ которой много хорошихъ свѣдѣній о нашемъ предметѣ и которая первоначально явилась 1537 г., въ Прагѣ, а послѣ повторена 1816 тамъ же, подъ заглавіемъ: Kronjka Cýrkewnj и пр., изд. *Скалицкимъ*, съ примѣчаніями. 5) Яна *Благослава*, преемника Августы: Ziwot J. Augusty, издан. въ Прагѣ 1837 Франтой Шумавскимъ. 6) *Жаланскаго*, ученаго священника въ Кутной Горѣ, а потомъ Прагѣ: O mucedlnjcjch Českych, Janowi z Husince a Jeronymowi Pražskému, 1619, и пр. 7) В. *Будовца изъ Будова*, который, окончивши ученіе въ Парижѣ и объѣздивши почти всю Европу, занималъ весьма важное мѣсто при Дворѣ, былъ ученѣйшимъ знатокомъ Правъ Государственныхъ, ораторомъ и самымъ пламеннымъ и могущественнымъ защитникомъ Чешскихъ Братьевъ; онъ то заставилъ Императора Рудольфа 1609 г. даровать вѣроисповѣдную свободу и писалъ, кромѣ прочаго, отъ лица Государственныхъ Чиновъ многія апологіи въ защиту ея, изъ коихъ особенно замѣчательны первая и вторая, въ Прагѣ 1618, въ 4-ку. 8) *Яна Амоса Коменскаго*, род. въ Комнѣ на Моравѣ 1592 года, умер. въ Амстердамѣ въ 1672: онъ былъ послѣдній Епископъ Братьевъ Чешскихъ, учился въ Герборнѣ, былъ ректоромъ школы въ Пржеровѣ и въ Фульнекѣ, потомъ, будучи уже изгнанникомъ, находился въ Лешнѣ инспекторомъ школъ и Суперъинтендентомъ въ Лондонѣ, въ Стокгольмѣ и въ Эльбогенѣ, далѣе у Сигисмунда Ракоція въ Шарошпатакѣ, въ Угріи, опять въ

Лешнѣ, оттуда въ Гамбургѣ и, наконецъ, въ Амстердамѣ, гдѣ скончался. Важнѣйшія его сочиненія суть: 1) Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae (безъ означенія мѣста) 1648. въ 12 доло листа. Она сочинена собственно всѣми Старшими Чешскихъ Братьевъ въ Лешнѣ, между коими былъ и Коменскій. На Чешски вышла подъ заглавіемъ: O těžkých protiwenstwjch Cjrkwe České, потомъ переведена на Латынскій А. *Гартманомъ*, съ предисловіемъ Коменскаго, въ Лешнѣ 1655, въ Амстердамѣ 1663 въ 12., на Нѣмецкій же языкъ перевелъ ее *Эльснеръ*. Послѣднее Чешское изданіе подъ заглавіемъ: Hystoria o těžkých protiwenstwjch Cjrkwe České až do léta 1632, вышло въ Гиршбергѣ 1844 г., въ 12 дол., съ двумя изображеніями въ началѣ, Гуса и Коменскаго. 2) Ioan. Lasitii, nobilis Poloni, historiae de origine et rebus gestis Fratrum Bohemorum liber octavus, qui et de moribus et institutis eorum. Lissae 1649, Amstelodami 1660, въ 8-ку на Чешскомъ тамъ же и въ томъ же форматѣ: Urozeného Pana Jana Lasytského historye o půwodu a činech Bratřj Českých kniha osma od Jana Amos. Komenského přeložena 1649. Ласицкій написалъ полную исторію Братьевъ Чешскихъ, но Коменскій издалъ только одну 8-ю книгу оной. 3) Ratio disciplinae ordinisque ecclesiastici in Unitate Fratrum Bohemorum, cum praemissa de Ecclesiae Bohemicae ortu, progressu mutationibusque historiola. Amstelod. 1660. 8. Полное исчисленіе сочиненій Коменскаго въ ихъ хронологической послѣдовательности помѣщено въ Ж. Чеш. Музея. 1829 г., Кн. III., стр. 113 — 120, гдѣ показано ихъ 92.

Списокъ остальныхъ сочиненій, менѣе важныхъ, какъ этихъ такъ и иныхъ писателей, служащихъ и могущихъ послужить источникомъ къ лучшему уразумѣнію событій Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія, можно найдти въ слѣдующихъ книгахъ: 1) Geschichte der böhmischen Sprache und ältern Literatur, v. *Dobrowsky*. Prag. 1818. 224 — 255; 317 — 321; 332 — 335; 370 и 375. 2) Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten, v. P. J. *Schaffarik*. Offen 1826. 316 — 330; 337 — 352; 3) Historie literatury České, *Josefa Jungmann*. W Praze, 1825, стр. 127 — 148, 170—177, 257—318, и пр.

Обращаемся къ *Чешскимъ лѣтописцамъ*, оставившимъ повѣствованіе о томъ періодѣ Чешской исторіи, къ которому относится великое Чешское религіозное движеніе. Разсмотримъ тѣ Чешскія лѣтописи, которыми мы могли пользоваться, и, прежде всего,

тѣхъ, которыя напечатаны *Добнеромъ*, трудолюбивымъ Чешскимъ ученымъ XVIII стол., въ его чрезвычайно полезномъ сборникѣ: Monumenta historica Boemiae, nusquam ante hac edita, VI томовъ [29]. 1) Въ Штегликіанской рукописи Добнеръ, между прочими сочиненіями относительно Чешской исторіи, нашелъ статью подъ заглавіемъ: Incipit Cronica Bohemorum ab ipsorum initio conscripta, de multis aliis provinciae Cronicis excerpta, quae ta breviata memoriam inducit posteris, et tradita, qui fuerunt inventores terre, Judices, Duces, Principes, Reges et Episcopi, Archiepiscopi scriptotenus relicta [30]; по палеографическимъ признакамъ эта рукопись принадлежитъ къ XV стол. [31]. Хроника, нами разсматриваемая, представляетъ сводъ изъ многихъ Чешскихъ лѣтописей; видно, что писавшій ее, пользовался Косьмою и, его продолжателемъ, Винцентіемъ [32] и Францискомъ [33]; но съ Мартинисмъ изъ Драгониць (о которомъ ниже) она не имѣетъ ничего общаго, а индѣ и прямо противорѣчитъ ему. Кто сочинитель этой Хроники, не извѣстно. Добнеръ доказалъ неосновательность мнѣнія, нѣкоторыми высказаннаго, будто бы она принадле-

---

[29] Quibus non modo patriae aliarumque vicinarum regionum, sed et remotissimarum gentium historia mirum quantum illustratur, collegit et partim ex autographis, partim ex legitimis apographis codicibus recensuit, cum aliis manuscriptis exemplaribus contulit, pluribus animadversionibus atque incisis sigillis adornavit, denique locupletissimo indice instruxit, P. Gelasius *Dobner*, a S. Catharina, e clericis regularibus scholarum piarum. Pragae 1764 — 85. in 4°. Трудолюбивый Добнеръ, безсмертный своими услугами для Чешской исторіи, издалъ въ 6 томахъ: Объясненія на Чешскую Лѣтопись (Хронику) Гайка: Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum, e Bohemica editione Latine redditi et *notis illustrati*, etc. Pragae, 1761—82. in 4°.

[30] Mon. hist. Boem. *Dobner* T. III. a. 1774. p. 43.

[31] Другія статьи этой рукописи написаны рукою начала XV или конца XIV стол., но Хроника безъименнаго (Chronicon Anonymi) приписана позднѣе и крупнѣйшимъ письмомъ.

[32] Винцентій, Пражскій Канонйкъ, жилъ въ XII стол. и оставилъ лѣтопись, обнимающую событія отъ 1140 по 1167.

[33] Францискъ, Каноникъ и Священникъ Пражскій, жилъ въ XIII и XIV стол., оставилъ лѣтопись дѣяній Карла IV и, его отца, Яна, помѣщенную у Пельцеля и Добровскаго Script. Bohem. II.

жить Франциску, канонику Пражскому. Во всякомъ случаѣ видно, что сочинитель ея былъ очевидцемъ Гуситскихъ волненій и самъ не былъ имъ чуждъ: онъ подробнѣе разсказываетъ о нихъ, нежели о многихъ предъидущихъ происшествіяхъ. Добнеръ называетъ его зараженнымъ язвою Гуситскою, или, по крайней мѣрѣ, благорасположеннымъ къ сектѣ Сиротъ и Таборитовъ. Какъ бы то ни было, но въ этой Хроникѣ находимъ очень важныя и любопытныя извѣстія. 2) *Бенешъ* (Бенедиктъ) *Крабице изъ Вейтмиля*, Пражскій каноникъ, оказалъ большія услуги Чешской исторіи: о немъ Бальбинъ [34], Менкенъ, Добнеръ и др. критики сдѣлали самые лестные отзывы; не смотря на то, онъ долго оставался въ рукописи. Собственно ему принадлежащая лѣтопись носитъ названіе „Chronica ecclesiae Pragensis" и обнимаетъ исторію Чехіи отъ 1283 до 1374 г.; она раздѣлена на 4 книги, изъ которыхъ четвертая содержитъ въ себѣ жизнеописаніе Карла IV-го въ хронологическомъ порядкѣ. Это сочиненіе Бенеша издано уже Добровскимъ и Пельцелемъ. Бенешъ происходилъ изъ древняго и знаменитаго рода Чешскаго, Крабице изъ Вейтмиля. Отецъ его, также Бенешъ, былъ въ большой милости у Іоанна, Герцога Хорутанскаго и Графа Тирольскаго, который ввѣрилъ его управленію Трутновскій округъ. Что касается до лѣтописца Бенеша, то, онъ, по мнѣнію издателей его лѣтописи, воспитанъ былъ при Дворѣ и сопровождалъ Карла IV во всѣхъ его путешествіяхъ [35]. За тѣмъ мы встрѣчаемъ его подъ названіемъ Архидіакона Жатецкаго, и притомъ вмѣстѣ съ тѣмъ и Каноника Пражскаго [36]. Съ 1355 г. былъ онъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые, третьимъ смотрителемъ (director fabricae) созидавшейся соборной церкви Св. Вита, что исполнялъ въ теченіи 20 лѣтъ, и дѣло, возложенное на него, кончилъ съ успѣхомъ въ 1374. Съ тѣхъ поръ до самой смерти мы рѣшительно ничего не знаемъ о немъ, а потому и годъ этой послѣдней съ достовѣрностью опредѣленъ быть не можетъ. Что касается до самой Хроники Бенеша, то она полезна и необходима въ высшей степени: Бенешъ собственными глазами видѣлъ часть религіознаго Чешскаго волненія и, по своему высокому положенію, могъ знать болѣе, нежели одну внѣш-

---

[34] *Dobrowsky* et *Pelzel*. Script. rerum Boh. t. II.

[35] *Dobner*. t. III. p. 19.

[36] *Dobner*. t. III. p. 13

ную сторону происшествій. Добнеръ издалъ продолженіе его лѣтописи до 1487 года; такихъ продолжателей было нѣсколько; Добнеръ знаетъ ихъ два или три. Одна изъ этѣхъ краткихъ лѣтописей написана Гуситомъ и, начавшись съ 1487 г., доходитъ до 1497; къ сожалѣнію, она очень потерпѣла отъ времени и многаго въ ней недостаетъ. Добнеру случилось еще найти рукопись, содержащую повѣствованіе о событіяхъ Чешской исторіи съ 1497 года подъ заглавіемъ „Continuator Benesii," очень подробную и замѣчательную.

Переходимъ къ такъ называемымъ *продолжателямъ Пулкавы*. Подъ ними разумѣемъ всѣхъ тѣхъ лѣтописцевъ Чешскихъ, которые повѣствуютъ намъ о событіяхъ Чешской исторіи послѣ того времени, на которомъ остановился Пулкава (около 1330 года). Добнеръ знаетъ много такихъ продолжателей [37]; въ четвертомъ томѣ его Monumenta [38] находимъ трехъ лѣтописцевъ Чешскихъ, повѣствующихъ объ исторіи Чехіи въ XIV и XV ст. Лѣтопись перваго, очень краткая, не переходитъ 1378 года и потому намъ безполезна. Лѣтопись втораго продолжателя Пулкавы, найденная Добнеромъ въ Штегликіанской рукописи, начинается съ 1310 года и доходитъ до 1419: извѣстія ея очень кратки; но замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Несравненно важнѣе ея *третье* продолженіе Пулкавы. Добнеръ нашелъ его въ Литомѣржицкой рукописи [39] на Чешскомъ языкѣ и, разсмотрѣвъ его, увидѣлъ, что въ немъ содержатся происшествія отъ послѣднихъ годовъ царствованія императора Карла IV даже до 1470 г.; скоро послѣ того Добнеръ случайно досталъ Латинскую рукопись XV ст., содержащую вѣрный и даже слишкомъ буквальный переводъ вышеупомянутой Чешской лѣтописи. Древность этого Латинскаго перевода поставила Добнера въ сомнѣніе на счетъ того, Чешскій, или Латинскій, текстъ считать подлинникомъ; но это сомнѣніе даже странно: сочинитель лѣтописи долженъ былъ, естественно, писать на своемъ родномъ языкѣ а потомъ или самъ (что очень часто случалось) перелагалъ на Ла-

---

37 Dobner Mon. t. IV, p. 124. Observationes praeeviae in tres Continuatores Pulcavae.

38 Monumenta Boh. t. IV, p. 124 — 190.

39 Такъ названный кодексъ имъ по тому, что онъ принадлежалъ графу Емануэлю Вальдштейну, Епископу Литомѣржицкому.

тинскій, или заставлялъ другихъ. Эта лѣтопись сообщаетъ многія драгоцѣнныя извѣстія относительно Чешскаго религіознаго движенія, котораго сочинитель былъ очевидцемъ [40]. Нѣтъ никакого сомнѣнія на счетъ того, что вся лѣтопись принадлежитъ не нѣсколькимъ, а одному лицу [41]. Какъ истинный Чехъ, сочинитель, котораго имя осталось, къ несчастію, неизвѣстно, былъ приверженцемъ Гуса и, кажется, членомъ Пражскаго Университета, потому что все, что относится къ этому послѣднему, онъ записалъ съ особенною любовью и знаніемъ дѣла. Изъ хроники его можно заключить, что онъ принадлежалъ въ послѣдствіи къ числу Чешскихъ Братьевъ. Эта лѣтопись тѣмъ драгоцѣннѣе, что очень мало имѣемъ мы современныхъ источниковъ относительно внѣшней стороны великаго Чешскаго религіознаго движенія; вотъ что объ этомъ говоритъ Добнеръ, опытный знатокъ въ дѣлѣ Чешской исторіи. „Всякому занимающемуся Чешскою исторіею, извѣстно, какъ рѣдки и малочисленны [42] современные Чешскіе „лѣтописцы, которые сохранили бы намъ повѣствованіе о событіяхъ нашего отечества съ 1412 г. и далѣе, когда, съ распространеніемъ заразы Гуситства, обнявшей всю Чехію и Моравію, „многіе монахи и священники изгибли, а съ ними погибла и „надежда и возможность записать дѣла того времени, когда страхъ „препятствовалъ браться за перо, или водилъ имъ въ направленіи, противномъ истинѣ (по этой то причинѣ и нашъ лѣтописатель, третій продолжатель Пулкавы [43], умолчалъ свое имя, а „индѣ и самыя происшествія, какъ замѣчаетъ въ многихъ мѣстахъ лѣтописецъ), и когда, однимъ словомъ, занятіе отечественной (Чешской) исторіей было совершенно опущено [44]." Въ этомъ, въ высшей степени, важномъ лѣтописцѣ находимъ многія важныя извѣстія, которыхъ тщетно стали бы искать въ другихъ источникахъ. Удивительно и даже непонятно, какъ мало умѣли воспользоваться имъ всѣ писатели, занимавшіеся этимъ періодомъ

---

[40] *Dobner* Monumenta t. IV, p. 127.

[41] Доказательства у Добнера t. IV, p. 128.

[42] Вотъ его слова: „Quam rari perpaucique ab ea aetate nobis superstites patrii synchroni scriptores, nemini historiam patriam tractanti potest esse incognitum."

[43] *Dobner* p. 126.

[44] Omne patriae historiae studium „penitus intercidit."

Чешской исторіи, не смотря на то, что изданіе Добнера, обнародовавшаго его на Латинскомъ языкѣ, сдѣлало его всѣмъ доступнымъ.

Бартошекъ или Варѳоломей *изъ Драгоницъ* оставилъ (дошедшее до насъ) обстоятельное описаніе событій Чешской исторіи отъ 1419 до 1443. Бальбинъ говоритъ о немъ съ похвалою [5]. Бальбинъ пользовался Чешскимъ текстомъ Варѳоломея и приводитъ изъ него многія мѣста въ своихъ Miscellanea. Добнеръ уже не могъ найти Чешскаго текста, а досталъ себѣ Латинскій, въ которомъ недостаетъ многихъ мѣстъ, приводимыхъ Бальбиномъ [46]; это, впрочемъ, нисколько не препятствуетъ Добнеру считать подлинникомъ свой Латинскій текстъ и говорить, что та лѣтопись, которою пользовался Бальбинъ, есть переводъ съ Латинскаго текста, гдѣ позднѣе сдѣланы внесенія (интерполяціи); съ этимъ мы согласиться не можемъ и думаемъ, что, напротивъ, Латинскій есть извлеченіе изъ Чешскаго подлинника, какъ тотчасъ мы увидимъ доказательство тому относительно хроники Лаврентія изъ Бржезова. Варѳоломей, родомъ изъ Драгоницъ (замка, въ округѣ Прахинскомъ, во время Добнера составлявшаго собственность графовъ Коловратовъ), изъ Дворянскаго рода, принадлежавшаго къ второстепенному Чешскому Дворянству, родился въ концѣ XIV-го стол., и жилъ даже за половину XV-го стол., какъ видно изъ его исторіи; онъ служилъ въ военной службѣ и достигъ до званія Capitaneus. Постоянно вѣрный своимъ Католическимъ убѣжденіямъ, Варѳоломей сражался противъ Таборитовъ и принималъ участіе въ рѣшительной битвѣ, происшедшей между Чешскимъ Бродомъ и Куржимомъ; въ своей лѣтописи (какъ она напечатана у Добнера) онъ часто говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ, но никогда не называетъ себя по имени. Исторія его, написанная съ Католической и императорской [47] точки зрѣнія, сообщаетъ много новаго, но вовсе не имѣетъ той важности, какую придавалъ ей Добнеръ. Сочинитель, самъ дворянинъ, преимущественно обращаетъ вниманіе на свое сословіе и столько занимается подробностями и слѣдствіями событій, сколь-

---

[5] *Balbini* Epitome rerum Bohemicarum l. IV. 5.

[6] *Dobner* Mon. t. IV.

[7] Бартошекъ изъ Драгоницъ былъ приверженцемъ папы и императора Сигисмунда.

ко исчисляетъ, какіе дворянскіе роды принимали въ нихъ участіе; мелочность и односторонность сочинителя не препятствуетъ, впрочемъ, ему имѣть своего рода относительное достоинство при недостаткѣ иныхъ источниковъ [48].

Добнеръ нашелъ при своей рукописи Бартошка изъ Драгониць еще отдѣльную краткую лѣтопись событій отъ 1310 по 1464 годъ и не усумнился приписать ее тому же писателю. Она представляетъ замѣтки о разныхъ событіяхъ, сдѣланныя послѣ для памяти на языкахъ Латинскомъ и Чешскомъ и набросанныя безъ всякаго порядка, но притомъ, большею частью, новыя, и потому эта лѣтопись, не смотря на свою краткость, важна при изученіи нашего періода Чешской исторіи [49].

Во второмъ томѣ „Памятниковъ" Чешской исторіи, изданныхъ Добнеромъ, находится крайне замѣчательное и полезное сочиненіе, полное заглавіе котораго: „De adventu Gubernatoris Hungariae Archiducis Mathiae in Bohemiam a. 1608, qua de causa venire et quid agere dignatus sit. Item quid factio sub utraque ratione religionis et privilegiorum tunc proposuerit, et quid effecerit. Item quomodo sua Archiducalis gratia cum populo suo e Bohemia exire dignata sit." Это небольшое сочиненіе, какъ будетъ видно изъ самой исторіи, безконечно важно; къ нему присоединенъ еще отрывокъ: „Solemnis ingressus Mathiae Regis Hungariae anno 1611 in urbem Pragam, et trium Statuum regni Bohemiae ad eum accessus [50]." Въ этихъ двухъ небольшихъ сочиненіяхъ видны, какъ въ зеркалѣ, чисто и ясно всѣ внутреннія и политическія отношенія, развившіяся въ Чешскомъ народѣ въ слѣдствіе его двухвѣковаго религіознаго движенія, которыя знать для насъ тѣмъ важнѣе, что мы видимъ ихъ наканунѣ совершеннаго разстройства и истребленія въ слѣдствіе жестокости Фердинанда II. Сочинитель самъ принадлежалъ къ Утраквистамъ и былъ однимъ изъ пановъ Чешскихъ, но кто именно, неизвѣстно; развѣ повѣрить Добнеру, который считаетъ имъ Славнаго Вацлава изъ Будова, но на это нѣтъ ни малѣйшаго основанія [51]. Добнеръ здѣсь ...

---

48 *Dobner* Monumenta t. I. Observationes previae 130 sq.

49 *Dobner* Monumenta t. I. Observationes praeviae 208 и 209. A Appendix historiae temporum Бартошка тамъ же p. 209 — 218.

50 *Dobner* Mon. t. II. p. 301 — 322.

51 *Dobner* p. 302.

рить, что при этомъ сочиненіи находилось множество важныхъ документовъ и актовъ, объясняющихъ отношенія Чиновъ Чешскихъ къ Рудольфу и уясняющихъ всѣ ихъ дѣйствія. Какъ же съ ними поступилъ Добнеръ? Выпишемъ его слова: „Изъ этихъ „документовъ нѣкоторые (quaepiam, а прежде сказалъ объ нихъ: „quorum notitiam copiamque vix aliis, quam summis hujus facti„onis regnique ministris factam fuisse, suspicari licet) мы извлек„ли и помѣстили въ сборникѣ Угро-Чешскихъ актовъ [52]; другіе „достойно мы осудили на забвеніе, которые въ духѣ омерзитель„ной наглости Утраквитской партіи написаны противъ власти и „величія благочестивѣйшаго императора, Рудольфа [53]."

Въ шестомъ томѣ „Памятниковъ Чешской исторіи" Добнера [54] помѣщено „Chronologica compilatio brevis anonymi," найденное имъ въ Штеглиціанской рукописи: оно обнимаетъ время отъ 1310 до 1432 г. и составлено въ первой половинѣ XV стол. До 1400 году эта краткая лѣтопись представляетъ сводъ извѣстій о времени различныхъ событій, заимствованныхъ изъ различныхъ лѣтописей, но съ 1400 года видно, что неизвѣстный, ее писавшій, записывалъ то, что видѣлъ и слышалъ. Не смотря на свою краткость, эта лѣтопись весьма любопытна, и неизвѣстный составитель ея, хотя Католикъ и явный противникъ Гуса и Іеронима, откровенно и съ подробностью разсказываетъ о безнравственномъ состояніи духовенства [55]. — Смѣло можно сказать, что мы доселѣ, не смотря даже на труды Пельцеля и Палацкаго, не имѣемъ полной исторіи Чешскаго религіознаго движенія, и она не будетъ написана, доколѣ не будутъ найдены и изданы вмѣстѣ всѣ, сюда относящіеся, источники, которые теперь недоступны историкамъ или по незнанію языка Чешскаго, или по невозможности имѣть ихъ подъ рукою. Вообще, не смотря на то, что столько писали и пишутъ объ этомъ предметѣ, это еще дѣло не наше и ждетъ трудолюбиваго историка. Совершенно правиль-

---

[52] Тотчасъ за Diarium Anonymi Добнеръ во второмъ томѣ своего изданія Monumenta помѣстилъ „Specimen diplomatarii Bohemico-Hungarici," необходимаго для уразумѣнія отношеній обѣихъ странъ.

[53] Вотъ эти замѣчательныя слова: „Cetera merito ad umbras condemnavimus, quod detestanda factionis utraquisticae audacia adversus authoritatem majestatemque piissimi imperatoris Rudolphi scripta sunt."

[54] Dobneri Mon. t. VI, p. 483.

[55] Dobneri t. IV, p. 484—491.

ное разумное представленіе событія, его философское значеніе можно вывести только изъ наблюденія самихъ явленій историческихъ въ ихъ полнотѣ и связи; а какъ это можетъ случиться, если большая часть лѣтописцевъ, собственными глазами видѣвшихъ великое Чешское религіозное движеніе, или слышавшіе о немъ разсказъ отъ другихъ, доселѣ еще скрываются въ пыли библіотекъ, удерживаемые тамъ отчасти собственнымъ нерадѣніемъ ученыхъ, отчасти разнымъ политическимъ и вѣроисповѣдным расчетомъ? *Добровскій* въ своей исторіи литтературы Чешской [56] упоминаетъ объ одной хроникѣ, представляющей обширную компиляцію изъ многихъ лѣтописей, изъ которыхъ, конечно, иныя для насъ вовсе погибли, обнимающую событія отъ 1312 до 1509 года, коей не воспользовался вполнѣ еще ни одинъ историкъ; особенно любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ она относительно Рокицаны. Издана ли эта хроника? Нѣтъ, какъ и многія другія. Не говоримъ уже о другихъ, менѣе обширныхъ, но не менѣе замѣчательныхъ, о которыхъ упоминаетъ *Добровскій* и которыя также не изданы. Небольшая, къ нашему времени относящаяся, хроника неизвѣстнаго сочинителя, напечатана въ изданныхъ въ 1784 году источникахъ Чешской исторіи, найденныхъ *Добровскимъ* и *Пельцелемъ* въ библіотекѣ Собора Пражскаго [57]: издатели помѣстили ее подъ заглавіемъ „Chronicon Bohemicum anonymi“ [58], заимствовавъ изъ одного списка 1477 года. Она сложена около времени Базельскаго Собора и до 1420 года представляетъ одно собраніе историческихъ актовъ безъ всякихъ подробностей, но съ этого времени до 1432, которымъ оканчивается самая хроника, разсказъ становится подробнѣе и представляетъ много новыхъ и любопытныхъ подробностей.

Въ извѣстномъ Сборникѣ „Collectio Reliquiae manuscriptorum ac monumentorum ineditorum adhuc Петра *Лудевига* [59],“ находим

---

[56] *Dobrowsky* Gesch. d. böhm. Liter. S. 68.

[57] Scriptores rerum Bohemicarum (*Dobrowsky* и *Pelzel*), t. II. Chronicon anonymi, p. 447 — 487.

[58] Вмѣстѣ съ хроникою помѣщено „Series Episcoporum et Archiepiscoporum Pragensium omnium,“ гдѣ содержатся нѣкоторыя извѣстія относительно Сбинка и др. архіепископовъ Пражскихъ, принимавшихъ участіе въ движеніи религіозномъ.

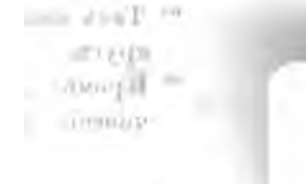
[59] Francofurti et Lipsiae 1724. t. VI.

слѣдующій памятникъ относительно Чешской исторіи, и именно нашего періода: „*Laurentii Byzynii*, Cancellarii novae urbis Pragensis sub Wenceslao Imperatore, origo et diarium belli Hussitici ab a. 1414 ad 1423 (T. VI, p. 124 по 216).“ Издатель, въ небольшомъ предисловіи [60], замѣчаетъ, что *Лаврентій изъ Бржезова* занимаетъ какъ бы средину между двумя крайними партіями, дѣлившими тогда Чешскій народъ, что онъ, съ одной стороны, не одобряетъ крайностей Гуситовъ, но съ другой самыми рѣзкими красками описываетъ безнравственность, жестокость и злобу Католиковъ; вообще, Лаврентій, по замѣчанію Людевига, лѣтописецъ чистосердечный и вполнѣ заслуживающій довѣріе. Рукопись, которою пользовался Людевигъ, искажена; на концѣ ея недостаетъ нѣсколькихъ листовъ и въ серединѣ попадаются пропуски. Добнеръ въ одномъ мѣстѣ своего сборника [61] замѣчаетъ, что изданная Людевигомъ лѣтопись есть только отрывокъ, fragmentum, полной хроники Лаврентія изъ Бржезова, котораго онъ называетъ самымъ подробнымъ и пріятнымъ изъ Чешскихъ лѣтописцевъ. „Я, говоритъ „Добнеръ, получилъ полный, исправный и современный списокъ „хроники Лаврентія изъ Бржезова, которая обнимаетъ только событія отъ 1414 по 1421 г.“ Во второмъ мѣстѣ [62] тотъ же Добнеръ замѣчаетъ, что онъ полную (integrum) хронику Лаврентія изъ Бржезова издалъ въ сборникѣ: „Manuscripti Bohemiae.“ Очень вѣроятно, что оба списка суть извлеченія, дѣланныя различными лицами изъ подлинной, обширной и доселѣ не изданной, лѣтописи изъ Бржезова, обнимающей событія отъ начала дѣятельности народнаго Гуса до 1425 и даже далѣе. Въ то время, при отсутствіи всей возможности имѣть дешево и безъ труда списки замѣчательныхъ историческихъ сочиненій, каждый, достававшій по случаю какую историческую лѣтопись, дѣлалъ изъ нея извлеченіе; отъ того отъ каждаго извѣстнаго Чешскаго лѣтописца мы имѣемъ нѣсколько различныхъ редакцій, на примѣръ, Пулкавы, Бенеша изъ Горшовица, Бартошка изъ Драгоницъ, а также и Лаврентія изъ Бржезова. Кромѣ этихъ извлеченій, болѣе или менѣе подробныхъ, многіе записывали себѣ на память краткія замѣтки изъ полныхъ

Ludewig t. VI, p. 10.

Dobner t. I, p. 141.

Dobner t. IV, p. 22.

отечественныхъ лѣтописцевъ, попавшихся имъ подъ руку, иног-
да одни числа событій, и къ нимъ присоединяли болѣе подроб-
ныя извѣстія относительно тѣхъ происшествій, которые совер-
шились передъ ихъ глазами; отсюда то множество безыменныхъ
краткихъ хроникъ, которыя, обыкновенно, начинаются хроноло-
ческимъ перечнемъ и переходятъ потомъ въ разсказъ очевидца
происшествіяхъ его времени. Редакторы этѣхъ сводныхъ хроникъ
дѣлали ихъ *для* себя, а не *для потомства*, и потому не сч-
нужнымъ выставить на нихъ своихъ именъ; нѣкоторыя (из-
изъ такихъ хроникъ разсмотрѣли мы выше. Въ 1843 г., на-
нецъ, Палацкій нашелъ эту, столько неоцѣненную, лѣтопись в
Дѣчинской библіотекѣ, на Чешскомъ языкѣ. Подлинное загл-
ея таково: „Tatot' jest Kronika, kterauž jest sepsal mistr Wa-
někdy písař radní nowého města Pražkéko za času krále W-
Českého, které se wěci dáli w králowstwí Českém před
božské paměti mistra·Jana Husy, a po smrti jeho za času Žižky
kterýžto lituje jeho smrti s jinými bratřími welké škody
učinil w zemi České s záhubem duchowenstwí." Нѣсколько от-
ковъ изъ нея было уже помѣщено въ Журналѣ Чешскаго М-

Изъ современныхъ великому Чешскому религіозному движ-
лѣтописцевъ, *не принадлежавшихъ къ Чешскому народу*,
касались событій его исторіи; но ими очень немногіе воспо-
вались; къ сожалѣнію, мы пользовались очень немногими.
вое мѣсто по праву принадлежитъ здѣсь житію Іоанна X
описанному *Теодорикомъ изъ Нима* [64]. Этотъ писатель,
Нѣмецъ, болѣе 37 лѣтъ занималъ разныя должности при 5
личныхъ папахъ, Григоріѣ XI, Урбанѣ IV, Бонифаціѣ IX, И-
кентіѣ XII, Григоріѣ XII, и умеръ въ 1418 г. Въ напис-
имъ „*Vita Ioannis* XXIII," одномъ изъ многочисленныхъ со-
изведеній [65], находимъ поразительную и страшную картину сос-

---

[63] А именно: трехъ (будто би) продолжателей Пулкавы, хрон-
неизвѣстнаго компилатора (*Dobner*, t. IV), Appendix ad Chronic-
зей de Weitmil (t. IV) и неизвѣстнаго хроника, изданная Добр-
и Пельцелемъ.

[64] Такъ названнаго отъ г. *Нигемъ* или Нимъ въ Падерборнско-
кругѣ.

[65] Кромѣ „Vita Ioannis XXIII," [онъ написалъ важное и огромное
чиненіе „De schismate," другое „Nemus unionis" и еще нѣсколько

[Ка]толическаго духовенства того времени въ лицѣ его представителя, [ны]; сочинитель проникаетъ въ самыя внутреннія причины событій. Геодорикъ изъ Нима, какъ Нѣмецъ, одушевленъ какою-то безразсудною брюзгливостью относительно всего Чешскаго и, присутствуя самъ при судѣ и казни Гуса и Іеронима, оставилъ не много подробностей относительно ихъ дѣятельности, по скольку [он]ъ самъ видѣлъ и слышалъ, но очень любопытнымъ образомъ [изобр]азилъ отношенія, въ которыхъ два знаменитые представите[л]и Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія находились къ Нѣм[ц]амъ, имѣвшимъ сильный перевѣсъ на Костницкомъ Соборѣ и [воспол]ьзовавшимся имъ, какъ орудіемъ народныхъ предубѣжденій и вражды. — Кромѣ того, мы пользовались сочиненіемъ *Гобелина*, Декана Бильфельдскаго и Падерборнскаго приходскаго священника: „Cosmodromium, hoc est Chronicon Universale, complec[te]ns [et] Ecclesiae et Reipublicae usque ad 1418"[66]. Оно гораз[д]о болѣе обѣщаетъ заглавіемъ, нежели сколько представляетъ содержаніе. Гобелинъ[67], родившись въ 1358 году, присутствовалъ при зарожденіи Чешскихъ вѣроисповѣдныхъ движеній, при постепенномъ ихъ развитіи дотолѣ, покуда оно не измѣнило своего характера и изъ области слова пришло на самое дѣло; но онъ остался чуждъ этой великой, въ его глазахъ разыгрывавшейся, драмы и не постигалъ ея значенія: о судьбѣ Гуса онъ разсказалъ точно также, какъ нѣсколько прежде о [д]рабѣ бичевавшихся монаховъ[68]. Нѣкоторыя любопытныя из[вѣ]стія касательно Гуса и его послѣдователей находимъ у Сиг[изм]унда *Мейстерлина* въ его „Norimbergensis civitatis S. R. I. hi[stor]ia a. 1470," помѣщенной Лудевигомъ въ его „Reliquiae," [то]мѣ VIII-мъ[69]. Мейстерлинъ жилъ во второй половинѣ XV-го [сто]лѣтія и около 1480 года, бывши приходскимъ священникомъ [у] св. Себальда, по порученію Ниринбергскаго Сената, составилъ хронику своего города, очень подробную, гдѣ старается [защити]ть Сенатъ отъ притязаній Ниринбергскихъ Бургграфовъ.

[...]ихъ сочиненій. Мы пользовались Vita Ioannis XXIII въ *Meibomii* Rerum Germanicarum t. I, p. 5 — 52.

[66] *Meibomii* Rerum Germ. t. I. p. 52 — 369.

[67] *Meibomii* t. I, p. 54.

[68] *Meibomii* t. I, p. 341 — 344.

[69] *Ludewig* Reliquiae t. VIII, p. 145.

Относительно Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія Мейстерлинъ знаетъ немного новаго: главнымъ его источникомъ, для составленія главъ своей исторіи относительно этого періода, служитъ Эней Сильвій; впрочемъ, ему были извѣстны и другіе источники, но, какъ Католикъ, онъ крайне поноситъ Гуситовъ и ихъ дѣйствія [70]. Вотъ все изъ иностранныхъ лѣтописцевъ, намъ доступныхъ, относительно нашего времени: какъ видно, это очень немного, но станемъ надѣяться, что со временемъ будемъ въ состояніи глубже разработать этотъ вопросъ по современнымъ Чешскимъ и не Чешскимъ историкамъ и лѣтописцамъ.

Обращаемся теперь къ историку временъ Гуситскихъ, наиболѣе извѣстному и пользующемуся авторитетомъ значительнымъ, который съ XVI-го стол. до нашего времени былъ главнымъ источникомъ всѣхъ извѣстій для западной Европы о Чешскомъ вѣроисповѣдномъ движеніи и который служитъ источникомъ той лжи, которая такъ смѣло господствуетъ въ большей части всѣхъ позднѣйшихъ сочиненій этого періода, который далъ умышленно ложное понятіе западной Европѣ и отдаленному потомству о великихъ явленіяхъ всемірной драмы Гуса, который былъ родоначальникомъ тѣхъ историковъ, что смотрѣли на исторію, какъ на науку, въ коей можно безсовѣстно выдавать ложныя показанія за истину; мы намѣрены говорить объ „*Aeneae Sylvii* Senensis, S. Rom. Eccles. Cardinalis tituli S. Sabinae, de Bohemorum et ex his Impp. Rom. aliquot origine et restis ad illustrissimum Principem et Dominum Alfonsum Regem Aragonum Historia" [71]. Мы пользовались этимъ сочиненіемъ въ сборникѣ памятниковъ Чешской исторіи, изданныхъ въ 1602 г. Марквардомъ *Фрегеромъ*. Предисловіе этого замѣчательнаго ученаго, обращенное къ Христофору Радзивилу, показываетъ удивительное пониманіе важности Чешскаго народнаго движенія XV-го стол. и Чешской исторіи вообще: „Если есть только народъ или вѣкъ историческій, который „достоинъ того, чтобы глядѣть на него съ глубокимъ чувствомъ „удивленія и сохранить о немъ подробное и полное свѣдѣніе „потомству, то, конечно, этотъ народъ есть отрасль Славянъ, Чехи

---

[70] *Ludewig* Reliquiae t. VIII, p. 141 199.

[71] *Freheri* Rerum Bohemicarum antiqui scriptores aliquot insignes, partim hactenus incogniti. Hanoviae 1602, p. 118 — 206.

„И это ихъ право на вниманіе потомства и на удивленіе совре-„менниковъ лежитъ не въ геройскихъ подвигахъ ихъ доблести, „не въ раннихъ успѣхахъ наукъ и гражданственности, но въ „томъ, что они первые возвратились къ чистотѣ ученія Еван-„гельскаго, не безъ явнаго содѣйствія Промысла. Когда еще всѣ „народы Европы терпѣливо несли вѣроисповѣдное и государствен-„ное рабство, одни Чехи смѣло возстали противъ него: имъ долж-„но было разрушить цѣлый порядокъ вещей, еще крѣпкій и силь-„ный, и они совершили свое міровое назначеніе сквозь рядъ бра-„ней междоусобныхъ, на перекоръ врагамъ внѣшнимъ и внутрен-„нимъ, и когда дѣло, котораго честь принадлежала имъ однимъ, „было навсегда обезпечено для иныхъ народовъ, Чехи поплати-„лись горько за свою побѣду: на нихъ пала вся тяжесть гнѣва „безсильнаго порядка вещей, который умѣлъ мстить, не зная „побѣждать." Эней Пикколомини родился въ 1405 году въ г. Сіенѣ, учился тамъ праву и, по случаю безпорядковъ въ этомъ городѣ, оставилъ его и на двадцать шестомъ году отправился въ Базель. Какъ секретарь Базельскаго собора, онъ принималъ уча-стіе въ оппозиціи противъ умственнаго и внѣшняго деспотизма, и даже былъ секретаремъ, по выбору Базельскаго Собора, папы Феликса V. Въ 1443 году сталъ извѣстенъ императорскому канц-леру, графу Каспару Шлику, который принялъ его въ число им-ператорскихъ секретарей, въ званіи которыхъ Эней, при различ-ныхъ императорахъ, оставался до избранія въ папы. Императоры поручали ему важныя дѣла: въ 1450 Фридрихъ III отправилъ его въ Чехію и Эней успѣшно совершилъ дѣло, ему порученное. Онъ долго жилъ въ Прагѣ, имѣлъ тамъ много знакомыхъ и поль-зовался большею извѣстностью. Послѣ Базельскаго Собора онъ спѣлъ спасти Папство своими благоразумными мѣрами (1450—7). Въ различное время онъ былъ епископомъ Тріентскимъ, по-томъ Сіенскимъ, потомъ кардиналомъ, а съ 1458 года папою подъ именемъ Пія II. Въ качествѣ высшаго духовнаго лица, онъ старался возвратить Папству утраченное значеніе и дѣйствовалъ очень удачно до своего страннаго спора съ Подѣбрадомъ, коро-лемъ Чешскимъ, въ которомъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ своего личнаго оскорбленнаго самолюбія и принесъ ему въ жерт-ву благо всего Христіанства, и свою добрую славу. Онъ много способствовалъ распространенію раждавшейся любви къ обра-зованію: среди общаго невѣжества и суевѣрія, онъ отличался

знаніемъ древности и свѣтлымъ проницательнымъ умомъ. ... это сдѣлало его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей сво... времени. Всѣ его слова пользовались авторитетомъ необыкно... нымъ. Эней въ бытность свою въ Чехіи имѣлъ случай у... Чешскій народъ, а великія событія жизни его совершались пред... его глазами: чего болѣе для того, чтобы оставить вѣрную подлинную лѣтопись событій? Но истины нечего искать въ ... ріи Энея: вся она есть сплетеніе ложныхъ или сомнитель... извѣстій, при чемъ сочинитель думалъ не столько о томъ, ч... бы дать потомству вѣрное понятіе о событіяхъ, которыхъ ... былъ свидѣтелемъ, сколько о томъ, чтобы округлить фразу. С... вершенное незнаніе языка Чешскаго закрыло отъ него исто... ки о прошедшемъ Чехіи; его собственное высокоуміе и ис... тельность Католическаго взгляда совершенно ослѣпили его взгл... на событія, который при томъ онъ не только поставилъ въ ло... номъ свѣтѣ, но и умышленно исказилъ. Замѣчательно посла... Энея къ Альфонсу, королю Португальскому, которому онъ по... носитъ посвященіе своей исторіи Чехіи. Ничто не нанесло та... го удара Среднevѣковымъ вѣрованіямъ, какъ появленіе и ... мое положеніе Гуситовъ. Періодъ духовнаго единодержавія ... на которомъ основывался весь внутренній и внѣшній бытъ Ср... невѣковой, кончился: дотолѣ папа все держалъ подъ стро... уровнемъ, заставлялъ все покорятѣся своему престолу; его ... щество было страшно; внутренняя сторона его опиралась на о... щественномъ мнѣніи, внѣшняя на дѣйствительности средствъ д... ховныхъ, лежавшихъ въ его рукахъ. Но Гуситы сильно ... ли на бой Римскую Церковь и папу: проклятія послѣдняго ... рестали имѣть силу; Богъ перестаЛъ вѣщать устами своего ... мѣстника и давалъ побѣду и благодѣйствіе тому, кого этотъ ... слѣдній осыпалъ самыми страшными проклятіями. Крестовые ... ходы имѣли самый неблагопріятный конецъ: и надъ свѣтс... властью папы торжествовали Чехи. Дотолѣ ничто не могло ... ществовать внѣ Католическаго единства: теперь важная ст... отдѣлилась отъ него и составила себѣ свой порядокъ вещей, ... казала, что и безъ папы, что и внѣ Католической Церкви, ... жетъ существовать благоустроенное государство. Это безсиліе Р... ской Церкви, это противорѣчіе ея ученія, не признающаго с... сенія внѣ своихъ предѣловъ, съ неумолимымъ фактомъ безз... занности, упрекнувшимъ эту Церковь въ внутреннемъ разстр...

ствѣ, въ уклоненіи отъ истины, не могло не поразить умы людей величественной и неравной борьбой. Все посланіе Энея къ Альфонсу служитъ отвѣтомъ на сомнѣнія, необходимо возникавшія въ душѣ каждаго относительно того, что Богъ лишилъ свою Церковь помощи. „Въ наше время преступные люди, отвергнувъ „повиновеніе Римской Церкви, поправши религію отцевъ своихъ, „избивъ священниковъ Христа, разграбивъ св. храмы, презрѣвъ „вѣру и добрую нравственность, въ грабительствѣ, прелюбодѣя„ніи и всякой нечистотѣ живущіе, остались непобѣдимы передъ „могущественными царями, сильными народами, искусными вож„дями и наилучшими войсками. А тѣ, которые защищали бла„гое дѣло или погибли въ мученіяхъ, или были изгнаны изъ „отечества.“ Эней рѣшаетъ это, какъ обыкновенно рѣшаютъ подобныя сомнѣнія, говоря, что Жижка, Коранда, Якубекъ, вмѣстѣ съ Гусомъ, Іеронимомъ и Рокицаной, горятъ въ вѣчномъ огнѣ, а тѣ, которые остались вѣрны Католицизму, получили вѣчное блаженство. „Источники моей исторіи, пишетъ между прочимъ Эней, были мои глаза и слухъ: я писалъ то, что слышалъ и видѣлъ. Съ Божіею помощію намѣренъ я изложить исторію Чехіи отъ происхожденія Чешскаго народа до нашихъ временъ. Хотя вся исторія этого народа заслуживаетъ вниманіе, однако преимущественно предъ прочимъ новыя событія, которыя, правда, удивительны, но тѣмъ не менѣе вполнѣ достовѣрны. Мое мнѣніе, что въ наше время ни въ одномъ королевствѣ не случилось столько переворотовъ, столько войнъ и битвъ, столько чудныхъ дѣяній, сколько ихъ показала намъ Чехія.“ Все сочиненіе Энея раздѣлено на 72 главы, и простирается отъ самыхъ древнихъ временъ Чехіи до избранія въ короли ея Подѣбрада. Тридцать четыре первыя главы исторіи Энея * посвящены древней исторіи Чехіи до Вацлава IV-го, гдѣ сочинитель сообщаетъ сказки простонародныя или свои поверхностныя сужденія, опуская самыя важныя подробности. Отъ тридцать четвертой до 72-й главы разсказываются, съ удивительною злонамѣренностію и пристрастіемъ, происшествія Чешской исторіи отъ появленія Гуса до коро-

* Какими чертами описалъ Эней Чеховъ? „Plebs tuto regno bibula et veneri dedita, superstitionumque sequax et auida nouitatum.“ *Aeneas.* c. I. p. 121 (ed. *Freher*).

ля Чешскаго, Юрія Подѣбрада. Далѣе мы будемъ не одинъ разъ имѣть случай обличать это сочиненіе, написанное съ цѣлью оболгать предъ потомствомъ весь Чешскій народъ и ввести оное въ заблужденіе, на счетъ происшествій, послѣдовавшихъ за появленіемъ Гуса.

„Historiae Hussitarum libri duodecim per ioannem *Cochlaeum*, artium et sacrae Theologiae Magistrum, Canonicum Vratislaviensem, operose collecti ex variis et antiquis, tum Bohemorum, tum aliorum codicibus, antea nunquam excusis. Quibus adjuncti sunt duo de sacramentis septem et de ceremoniis ecclesiae tractatorum Bohemorum, Io. Rokyzanae et Io. Przibram: cum Philippica septima Cochlaei de publica Caroli V Imperatoris ordinatione, quae vulgo interim dicitur. 1549.[72]" Вотъ полное заглавіе этой, до крайности занимательной, книги. Кохлей пользовался постоянно дурною славою: его обвиняли въ излишнемъ фанатизмѣ воззрѣнія, въ искаженіи событій, въ пристрастномъ ихъ изложеніи. Съ перваго взгляда принимаясь за книгу Кохлея, предубѣждаешься противъ него; видя его любовь къ дѣлу Католицизма, читая его проклятія на его противниковъ, останавливаясь вездѣ на возгласахъ, самыхъ странныхъ и пылкихъ, видишь въ немъ человѣка, который и на поле исторіи перенесъ всю желчь вѣроисповѣдныхъ диспутовъ, все неистовство фанатика. Но бранчивая наружность исторіи Кохлея также обманчива, какъ и внѣшность строгаго историка, которую принимаетъ на себя Эней Сильвій Пикколомини. Видимое хладнокровіе и безпристрастіе Энея нанесли исторіи несравненно болѣе вреда, нежели пылкость и одушевленіе къ дѣлу Католицизма, которымъ отличается Кохлей. Если выбросить изъ исторіи Энея все сомнительное и ложное, то въ ней останутся развѣ одни заглавія книгъ истинными; напротивъ, если у Кохлея отнять всѣ его вѣроисповѣдныя сужденія, всѣ его размышленія, все, что онъ говоритъ отъ своего лица, то у насъ останется еще подробная и вѣрная исторія событій временъ Гуса. Внимательно изучая подробную исторію Кохлея, не останавливаясь на одной внѣшности ея, но постигая самый духъ ея, проникая въ намѣренія и характеръ самаго Кохлея, какъ историка мы дошли, наконецъ, до того результата, что въ Кохлеѣ соединя

---

72 Apud Vietorem, prope Moguntiam, ex Francisci Behem typographi officina. 1569.

ются два, весьма различнаго характера и направленія, человѣка: Кохлей-богословъ Католическій, ревностный приверженецъ и твердый защитникъ всѣхъ убѣжденій Церкви, ненавидитъ ересь и еретиковъ, осыпаетъ ихъ величайшими ругательствами; Кохлей-историкъ ищетъ болѣе всего истины. Эти два характера, историка и богослова такъ рѣзко обличаются въ исторіи Кохлея, что ихъ можно примѣтить рядомъ въ разныхъ мѣстахъ его исторіи. Кохлей-историкъ, сообщаетъ и тѣ факты историческіе, которые относятся не къ свѣтлой сторонѣ исторіи Церкви (такъ, на пр., Кохлей очень ясно указалъ на двусмысленное поведеніе папы Пія, и относительно Чешскаго короля, Юрія Подѣбрада, на подвиги Жижки, на прекрасныя государственныя качества Юрія Подѣбрада), но тотчасъ Кохлей-богословъ является на сцену и своими возгласами старается уничтожить благопріятное впечатлѣніе, которое возникаетъ изъ откровеннаго разсказа Кохлея-историка. Эней Сильвій написалъ всю свою исторію изъ своей головы, на основаніи своей памяти, и всѣ ошибки ея вошли въ исторію, будучи повторены тысячу разъ. Напротивъ, Кохлей представляетъ начало самостоятельнаго историческаго изученія на основаніи различныхъ достовѣрныхъ источниковъ. Уже любовь Кохлея къ истинѣ и его желаніе узнать ее, видны въ томъ тщаніи, съ которымъ онъ сообщаетъ подлинные документы, которые могутъ служить къ усиленію и уразумѣнію историческихъ событій; важность этихъ актовъ, изъ которыхъ нѣкоторые нигдѣ въ другомъ мѣстѣ найдены быть не могутъ, понимаетъ самъ Кохлей и, мало, пользуясь ими, онъ, приводя ихъ, замѣчаетъ: „Ad certiorem itaque hujus rei cognitionem habendam, subjungam ipsa materialia," или „operae praetium est Lectori," или „quorum tenorem, qui ad historiae cognitionem nonnihil conducat, hic ex vetusto codice recitare convenit." Мы постараемся, при нашемъ изслѣдованіи, отдѣлить то, что сообщилъ Кохлей-историкъ изъ любви къ истинѣ, отъ того, что Кохлей-богословъ, въ негодованіи и досадѣ, сказалъ о томъ или иномъ лицѣ и событіи. Кохлей обращался болѣе къ кореннымъ источникамъ Чешскимъ и къ старымъ ихъ памятникамъ: онъ обнаруживаетъ очень плохую вѣру къ *Сильвія* и не разъ обличаетъ его невѣдѣніе [73]. Въ предисло-

[73] Заимствуя, при недостаткѣ иныхъ источниковъ, цѣликомъ мѣста изъ Исторіи Сильвія, Кохлей, приводя какой-либо древній источникъ,

віи своемъ къ Іоанну де Гангестъ, Епископу и Графу Невшательскому, которому Кохлей посвящаетъ свою книгу, онъ предостерегаетъ его на счетъ вреда, который можетъ произойти отъ распространенія во Франціи различныхъ еретическихъ книгъ, а особенно сочиненій Кальвина, котораго неуважительныя слова относительно Тридентскаго Собора Кохлей не забываетъ привесть и указываетъ ему на то, что случилось въ прекраснѣйшемъ[74] королевствѣ Чешскомъ *чрезъ козни одного еретика*, и что онъ (Кохлей) намѣренъ, болѣе сожалѣя, чѣмъ обличая, изложить откровенно, на основаніи старыхъ рукописей[75]. Далѣе, говоря для Французскаго Епископа о страшномъ вредѣ, который можетъ произойти для всей Франціи отъ сосѣдняго съ нею ученія Кальвина, Кохлей говоритъ: „Такъ, если въ цвѣтущее время[76] королевство „Чешское принесло столько опасности, смятеній и гибели чрезъ „огромное пространство земли, чрезъ столькія страны и чрезъ „самое море, тѣмъ молодымъ Чехомъ, который принесъ сюда не„многія Латинскія (которыя Гусъ, потомъ, перевелъ на Чешскій „языкъ) сочиненія Виклефа, то какія бѣдствія могутъ послѣдо„вать для Франціи отъ распространенія Кальванизма[77]." Предъ подробнымъ оглавленіемъ своей исторіи Кохлей, между прочимъ, замѣчаетъ: „Въ этой книгѣ читатель найдетъ упоминаніе о многихъ дѣйствіяхъ и прочтетъ многіе документы, найденные въ разныхъ старыхъ рукописяхъ"[78]. Въ концѣ самой исторіи (p. 441) находимъ извѣстіе, что она сочинена въ Дрезденѣ, при Герцогѣ Саксонскомъ, Георгѣ, въ 1533 году. Въ предисловіи къ изданному имъ трактату Рокицаны, Кохлей, обращаясь къ Шведскому Архіепископу и изгнаннику, Олаю, сначала жалуется на то, что онъ въ

обличающій ложь Энея, наивно замѣчаетъ: „Haec Aeneas Sylvius, ceterum in vetusto codice clarius, licet non elegantius, hac de re dictum est."

74 Pulcherrimum Regnum Bohemiae, p. 5.

75 Deplorans potius, quam exprobrans, bona fide ex antiquis codicibus commemoravi.

76 Florentissimum r. B.

77 Здѣсь Кохлей показалъ не мало историческаго предвѣдѣнія.

78 Multa est in hisce libris epistolarum gestorumque commemoratio ex variis et vetustis exemplaribus collecta.

чужихъ земляхъ видитъ къ себѣ болѣе сочувствія и уваженія, чѣмъ въ своей родной. Далѣе, относительно своей исторіи Гуситовъ и цѣли ея, самъ Кохлей замѣчаетъ: Я издаю это не изъ „ненависти или презрѣнія къ кому либо; напротивъ, я отъ Че„ховъ, не видѣлъ ничего, кромѣ добра, а между ними имѣю мно„гихъ добрыхъ знакомыхъ. — Все это написалъ я въ примѣръ „и наставленіе нѣкоторыхъ набожныхъ Католиковъ, особенно „Нѣмецкихъ, которыхъ теперь новыя главы сектъ стараются у„влекать въ мнѣнія, болѣе вредныя и опасныя, нежели каковы „были мнѣнія Гуситовъ." Что касается до трактата Рокацины о „Таинствахъ, то Кохлей счелъ его нужнымъ издать, для того, „чтобы нынѣшніе Гуситы въ Чехіи, а Лютеранс и послѣдова„тели Цвинглія въ Германіи, узнали, сколько удалились они отъ „истиннаго ученія Церкви и мнѣній Св. Отцевъ (на сужденіе „которыхъ ссылается и самъ Рокицана, который, въ теченіи „многихъ лѣтъ, изъ всѣхъ Гуситовъ былъ злѣйшій врагъ и по„носитель Церкви и Римскаго Первосвященника)." Мы разсмотримъ этотъ трактатъ въ своемъ мѣстѣ. Помѣстивъ, въ видѣ дополненія къ своей исторіи, Рокицаны De septem Sacramentis Ecclesiae [79], Кохлей далѣе переходитъ къ трактату Пржибрама De professione fidei Catholica et errorum revocatione, который scriptus est Pragae 1428 г. Этому трактату предшествуетъ очень замѣчательное посланіе Кохлея къ Іоанну Газенбергу, Епископу Литомѣржицкому, котораго онъ зналъ уже болѣе 20 л. Изъ него узнаемъ, что онъ былъ въ Чехіи; а именно въ Прагѣ и Литомѣржицахъ, и что Кохлей самъ ни слова не зналъ по Чешски: переводчикомъ ему и въ дружескомъ разговорѣ служилъ выше сказанный Епископъ Литомѣржицкій. „А ты, обращается къ нему Кохлей, превосходно знаешь свой отечественный языкъ и „отлично говоришь на немъ не только дома, но и въ проповѣдяхъ, „произносимыхъ всенародно (предъ всѣмъ народомъ): ему ты у„чилъ Эрцгерцоговыхъ дѣтей и Императора, которые будутъ имѣть „великую выгоду отъ того при управленіи дѣлами." Замѣчательно еще слѣдующее мѣсто Кохлея изъ этого же письма. „Вамъ, „которые изъ личнаго обращенія со мною, знаете очень хорошо

---

[79] Tractatus Magistri Ioannis *Rokyzanae*, Bohemi, de septem sacramentis Ecclesiae (p. 440—500).

„мой характеръ и правила, извѣстно, что я не позволилъ себѣ „ни малѣйшей горечи, ни малѣйшаго пристрастія противъ племени Чешскаго. А каковы мои занятія этимъ народомъ, которымъ я посвятилъ столько лѣтъ, это увидитъ легко изъ того, „что я нынѣ издаю, всякій благорасположенный читатель.“ Затѣмъ Кохлей упоминаетъ о трудахъ людей, предшествовавшихъ ему и посвятившихъ силы свои одному съ нимъ предмету: онъ приводитъ Энея Сильвія, Альберта Саксонскаго или Альберта Кранца, Ганноверскаго декана, въ его Vandalia, Іоанна Штумпфа, Швейцарца, который собралъ и напечаталъ въ Торговѣ (Торгау) много свѣдѣній о Гусѣ. „Этотъ послѣдній писалъ свою книгу довольно спустя послѣ того, какъ я, Кохлей, окончилъ свою, и потому я, при составленіи ея, не могъ ничего изъ нея заимствовать [80]. Разсказъ Штумпфа, какъ Цвингліанца, заподозрѣваетъ Кохлей. Что касается до Кранца, то этотъ сочинитель многихъ исторій, въ своей Vandalia, состоящей изъ XIV книгъ, собралъ многое, что относится къ дѣйствіямъ Гуситовъ, но набросалъ это безъ всякаго опредѣленнаго и строгаго порядка. Заключеніе письма слѣдующее: „Будьте увѣрены, что я предпринялъ этотъ трудъ въ славу и честь славнаго народа и твердаго племени Чеховъ, откуда прочіе народы, особенно Германскій, узнаютъ, сколь упорныя гоненія и битвы вытерпѣли Чешскіе Католики [81].“ — Наконецъ, остается еще, изданное Кохлеемъ, его собственное сочиненіе Philippica Septima contra Melanchtonem, которое, впрочемъ, къ намъ не относится. Кохлей жилъ въ самый разгаръ Лютеровой реформаціи; въ качествѣ богослова, онъ долженъ былъ, волею, неволею, защищать Католическую Церковь отъ нападокъ многочисленныхъ Протестантскихъ проповѣдниковъ. Это заставило его поискать корня Лютеранизму, напасть на него въ самомъ его сердцѣ и обратиться къ изслѣдованію исторіи, которая одна могла дать ему средства бороться съ успѣхомъ противъ враговъ. Это историческое изслѣдованіе показало ему, что ученіе Гуса есть корень послѣдующаго ученія Лютера и возбудило въ немъ охоту прослѣдить развитіе перваго. Кохлей принялся за дѣло съ замѣтнымъ искуствомъ и талантомъ и испол-

---

[80] *Cochlaei* p. 502.

[81] *Cochlaei* p. 500—549 и p. 549—598 — Philippica.

нилъ свое дѣло возможно добросовѣстно. Пользуясь имъ, мы будемъ здѣсь брать на разсмотрѣніе только самые факты, сообщаемые Кохлеемъ, а его личныя мнѣнія, какъ порожденныя его убѣжденіями и извѣстнымъ порядкомъ вещей и сравнивать ихъ съ тѣми же фактами по другимъ источникамъ. Кохлей болѣе историкъ, нежели богословъ, но и тотъ и другой вмѣстѣ составляютъ болѣе частный личный его характеръ; во всякомъ случаѣ мы очень много обязаны Кохлею и тѣмъ важнымъ актамъ, которые необходимы были намъ при изученіи духа Чешскаго народнаго исповѣдн го движенія въ связи съ политическимъ его бытомъ [82].

Очень важны по своему содержанію тѣ прибавленія, съ которыми *Фрегеръ* въ Scriptores Rerum Bohemicarum издалъ исторію Чехіи Энея Сильвія; вотъ они: 1) *Poggii* Florentini de Hieronymi haeretici obitu et supplicio narratio [83], столь необходимое для полнаго понятія о характерѣ и дѣйствіяхъ этого славнаго мученика за свободу Чехіи; 2) Quomodo Bohemi vocati productique sint ad Basiliensem Synodum Oecomenicam et quid illic egerint, ex verbosissimis commentariis compendio relatum, изображаетъ очень хорошо отношенія, въ которыхъ стали Чешскіе Гуситы къ Германіи [84]. 3) Описаніе путешествія Энея Сильвія въ Таборъ и вѣроисповѣднаго прѣнія, которое имѣло тамъ мѣсто: сочиненіе [85], изображающее намъ пристрастно, но подробно, состояніе Чешскихъ Таборитовъ.

Iacobi *Picolominei*, Cardinalis Papiensis, de Hussitis et Georgio Pogiebracio (Подѣбрадѣ), Bohemorum Rege historica narratio (ex commentariorum ejus l. VI desumta), написана съ самой Папистской точки зрѣнія: сочинитель большею частью списываетъ Энея Сильвія, но прибавляетъ, особенно относительно Юрія Подѣбра-

---

[82] Дальнѣйшее историческое изслѣдованіе болѣе и ближе оправдываетъ историческую честь Кохлея; такъ Палацкій подтвердилъ его разсказъ объ осужденіи книгъ Виклефа и Гуса вмѣстѣ съ прочими.

[83] *Freheri* p. 143—145.

[84] *Freheri* p. 158—170. Онъ предполагаетъ, что это извлеченіе принадлежитъ Энею Сильвію; во всякомъ случаѣ оно очень важно и заключаетъ, въ видѣ дополненія, на концѣ просьбы и предложенія, сдѣланныя Чехами, и рядомъ съ ними отвѣты Собора.

[85] *Freheri* p. 181 — 193 въ видѣ письма Энея Сильвія къ Кардиналу Карвалу.

да, подробности, которыхъ у того нѣтъ; здѣсь находимъ довольно подробный разсказъ о знаменитой борьбѣ Юрія Подѣбрада съ Папскимъ престоломъ [86].

Melchioris *Goldasti* Heiminsfeldii Commentarii de Regni Bohemiae incorporatorumque provinciarum juribus et privilegiis, in libros VI divisi [87]. Эта книга заключаетъ въ себѣ нѣсколько очень важныхъ изслѣдованій о Чешскомъ правѣ сравнительно съ Германскимъ и проливающихъ ясной свѣтъ на отношенія Чехіи къ Имперіи, какъ члену ея. Впрочемъ, самыя изслѣдованія мы оставимъ въ сторонѣ: для насъ важенъ приложенный, въ пополненіе, къ нимъ: Appendix, in quo continentur privilegia, documenta et alia instrumenta, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ [88]; вотъ тѣ, которыя послужатъ намъ къ яснѣйшему представленію событій: 1) Imperatoris Sigismundi edictum de salvo conducti Hussi, 1414 [89]. 2) Copia literarum Regis Sigismundi ad Barones regni Bohemiae foventes memoriam Hus, 1417 [90]. 3) Articuli XXIV a Patribus Conciliis Constantiensis praescripti, ad reducendos ab Hussica haeresi Bohemos, a. 1417. 4) Articuli excessuum et culparum contra Regem Ungariae, quas intulit Regno et Coronae Bohemiae, oblati eidem per Barones ac Civitates Bohemiae, a. 1421. 5) Epistola Hussitarum ad quendam Principem et ad Lusatiae populos, a. 1421. 6) Dehortatoriae literae Martini Pontificis, ad Vitoldum, Ducem Lithuaniae, a. 1422. 7) Campactata Pragae proposita, a. 1433. 8) Literae Thaborensium sacerdotum, a. 1434. 9) De gratiis Deo agendis, pro victoria Bohemorum adversus Thaboritas. a. 1434. 10) Sigismundi Imp. Decretum, quo compactata et concordata Legatorum Synodalium de calicis usu laicis petentibus concedendo, iterum comprobavit confirmavitque Iglaviae in Moravia, a. 1434. 11) De conciliatione Bohemorum in materia articulorum fidei, in Comitiis Imperialibus Ratisbonae concludenda, a. 1434. 12) Responsa Legatorum Conci-

---

[86] *Freheri*, p. 206—221.

[87] Ученая дѣятельность Гольдаста относится къ первой половинѣ XVII ст. и его соч. Commentarii de regni Bohemiae juribus ac privilegiis вышло въ первый разъ въ 1627, а въ 1719 издано съ дополненіями 1. Германномъ Шминкомъ.

[88] Этотъ Appendix занимаетъ 243 страницы въ л.

[89] Есть въ соч. Гуса Т. I.

[90] У Кохлея есть.

lii ad dubia Bohemorum, a. 1435. 13) Copia Mandati pro obedientia sub sigillo Regni, a. 1435. 14) Formula Pactionum Imperatoris Sigismundi cum Bohemis, a. 1435. 15) Executoria Dominorum Legatorum, super Compactatis data Bohemis, a. 1436. 16) Sigismundi Imperatoris confirmatio articulorum, cum Hussitis concordatorum per legatos Synodales, an. 1436. 17) Literae concordiae, Thaboritis concessae, an. 1436. 18) Literae Magistrorum Pragensium super IV arbitris, an. 1436. 19) Tenor literarum Sacri Concilii, an. 1436. 20) Tenor literarum Imperatoris et Ducis Alberti, an. 1436. 21) Tenor literarum Concilii. 22) Copia mandati ad subditos Regni Bohemiae et Marchionatus Moraviae pro pace servanda, an. 1436. 23) Articuli editi per Magistros et Clerum Pragensem, Feria IV ante festum S. Viti, a. 1442. 24) Responsum Cardinalis S. Angeli, legati de latere, ad articulos, sibi oblatos, per generalem Congregationem Regni Bohemiae, an. 1448. 25) Bulla Nicolai V ad Capistranum, an. 1451. 26) Epistola Nicolai de Cusa Cardinalis ad Bohemos. an. 1452. 27) Epistola Ladislai Regis ad Pragenses, an. 1455. 28) Pontificis Romani vocatio Georgii Regis Bohemiae ad conventum Mantuanum, an. 1458. 29) Friderici III Confirmatio Privilegiorum Boemicorum, an. 1459. 30) Literae Baronum Regni Bohemiae ad Slesitas, an. 1459. 31) Bulla Pontificis ad Vratislavienses, an. 1459. 32) Pontificis epistola ad Georgium Regem Bohemiae, an. 1459. 33) Formula concordiae, inter Regem et Vratislavienses factae, an. 1460. 34) Capitula concordiae, a Vratislaviensibus proposita et petita, atqe etiam obtenta, an. 1460. 35) Bulla Pii II Papae, Georgii Regis Bohemiae, juramentum continens, an. 1463. 36) Literae deprecatoriae Georgii Regis Bohemiae, ad summum Pontificem, an. 1463. 37) Responsum Pontificis ad intercessionem Friderici III pro Georgio rege Bohemiae, an 1463. 38) Recognitio Ferdinandi I Imperatoris de libera electione Bohemica, an. 1526. 39) Obligatio Ferdinandi I de conservatione privilegiorum Bohemicorum, an. 1526. 40) De haeresi sacramentaria Zwinglianorum exterminanda, an. 1534. 41) Ferdinandi Imp. aurea bulla de societate Jesu, an. 1563. 42) De exercitio religionis libero Augustanae Confessionis et interdicto aliarum sectarum, an. 1564 43) Judicium de Brocardo Baronio Italo, qui consultationem quandam Pontificis Romani de extirpandis in Bohemia, Moravia, Slesia etc. Evangelicis, a. 1603 per Germaniam divulgavit. 44) Rudolphi II edictum de pace religionis concessa Bohemis et conjunctarum Provinciarum incolis, Silesiis, Moravis, Lusatis, a. 1609. 45) Ferdinandi Archiducis Pactum cum Rege

Hispaniarum de successione Hungariae et Bohemiae, an. 1617. Издатель сочиненія Гольдаста, Шминкъ, присоединилъ опущенные этимъ послѣднимъ акты, заимствовавъ ихъ изъ Miscellanea Бальбина. Изъ нихъ [91] для насъ замѣчательны: 1) Salvus Conductus, datus a Caesare Friderico Bohemis, ut Comitia Viennae celebrare possint, an. 1447. 2) Concordia inter Vladislaum, Bohemiae Regem, et Matthiam Hungariae, an. 1478. 3) Literae Rudolphi II, datae Ordinibus Bohemiae pro fratre suo Archiduce Matthie. 4) Reversales literae Archiducis Matthiae, datae Ordinibus Bohemiae, an. 1608. 5) Imperatoris Matthiae literae reversales ante suam coronationem, a. 1611. 6) Regis Matthiae Reversales et obligatio universalis quoad religionem et privilegia, post coronationem Ordinibus datae, an. 1611. [92]. Изъ документовъ исторіи Чехіи на Нѣмецкомъ языкѣ, помѣщенныхъ во второй части Гольдаста, мы пользовались слѣдующими: 1) Kayser Sigmunds Schreiben an die Landtsstaende zu Czaslau versamblet, 1421. 2) Kayser Sigmunds anderweit Schreiben an den Landtag zu Czaslau. 3) Antwort aus d. Czaslavischen Landtag auf Kaysers Sigmunds Schreiben, an. 1421. 4) Beschluss des Landtags zu Czaslau gehalten, an. 1421. 5) Kayser Sigismundi erste concordata mit den Staenden des Koenigreichs Boeheim, a. 1435. 6) Kaysers Sigismundi privilegium den Pragern gegeben sonderlich wegen der Religion, 1435. 7) Kayserliche Obligation den Staenden des Koenigreichs Boehmen gegeben, an. 1436. 8) Kayser Sigmunds Concession wegen der freyen Wahl eines Ertzbichoffs zu Prag, an. 1436. 9) Königs Ladislai Juramentum, so er hat sollen auf den Graentzen schweren, aber erst hernacher zu Prag bey der Krönung geleistet worden, an. 1453. 10) Koenigs Georgen Jurament bey der Krönung geschworen, an. 1458. 11) Kayser Fridrichs Lehenbrieff, König Wladislawen gegeben, über Boeheim a. 1477. 12) Знаменитый актъ: Kayser Rudolphis Majestaet-Brieff den Ständen des Königreichs Boeheim gegeben über die Freyheit der Religion, an. 1609. 13) Articul und Vergleichung von Verordnung, Gewalt und Verrichtung der Defensorum, desgleichen von Uebergab des Consistorii und der Academien, auch dem rechtlichen Austrag in vorfallenden Religions-Streitigkeiten, a. 1609. 14) Kayser Rudolfs Majestätbrieff, Religionsfrieden den Herrn Fürsten und Ständen in

---

[91] *Goldasti* p. 244—351.

[92] *Goldasti* t. II p. 269—408.

Schlesien gegeben, an. 1609. 15) Königliche Ladung an Herrn Heinrichen von Wallenstein, wegen eines auf sein Anordnung gedruckten Famoslibells, a. 1617. 16) Extract aus der Landtags Proposition, so gehalten zu Prag, den 18 Martii, an. 1619 17) и 18) Два списка лицъ, которые на сеймѣ Чешскомъ, Марта мѣсяца, 1619 года, лишены чиновъ и навсегда изгнаны изъ Чехіи. 19. Confirmation aller Privilegion Чешскаго Королевства Фердинандомъ II-мъ (1619). Большая часть актовъ, помѣщенныхъ въ первомъ разрядѣ, находятся у Кохлея, которому первому (сколько намъ извѣстно) принадлежитъ честь попытки составить исторію какого н. времени на основаніи дипломатическихъ актовъ. Хотя онъ ими не воспользовался, а помѣстилъ ихъ по порядку времени въ своей исторіи, однако, онъ уже за свою добросовѣстность, съ которою обращался къ самимъ источникамъ исторіи, заслуживаетъ, чтобы дать ему мѣсто въ ряду историческихъ изслѣдователей несравненно выше, нежели какое занимаютъ Эней Сильвій, Дубравскій, Гаекъ и под. имъ.

10. *Dubravii*, Olomucensis Episcopi, historia Bohemica, ab origine gentis per diversas temporum et familiarum vices usque ad Ferdinandi Imp. et Regis auspicia deducta, изданная съ прибавленіями и объясненіями Ѳомой Іорданомъ [93]. Изъ предисловія, написаннаго въ 1574 году, отъ лица одного медика, Іоанна Крато, къ Рудольфу и Эрнесту, Эрцгерцогамъ Австрійскимъ, узнаемъ, что Дубравскій, Епископъ Голомуцкій, напечаталъ въ Моравскомъ городѣ *Простѣевѣ* свою Чешскую исторію въ 1551 г., но что она извѣстна очень немногимъ: это-то было главною причиною, понудившею издать вновь, въ болѣе исправленномъ видѣ, исторію Дубравскаго. Дѣло это взялъ на себя Іоаннъ Іорданъ, медикъ: издатель совѣтовалъ ему сличить извѣстія, сообщаемыя Дубравскимъ, съ тѣмъ, что говорятъ объ нихъ Угорскіе, Чешскіе и Силезскіе историки. „Но, замѣчаетъ самъ издатель, относительно дѣлъ Чешскихъ и Моравскихъ существуетъ очень не много Латинскихъ источниковъ и даже, если исключить записки Энея, или лучше сказать его вымыслы (praeter commentaria. Aeneae S. seu

[93] — a Thoma Jordano Medico novis Genealogiarum Episcoporum, Regum, Ducum Catalogis, necessariis atque annotationibus ornata et illustrata, Hanoviae, 1602.

potius „*opinionum commenta*"), вовсе нѣтъ никакихъ." Дубравскій отличается постояннымъ недоброжелательствомъ Нѣмцамъ, а также и крайнимъ пристрастіемъ ко всему, что касается интерессовъ Католицизма вообще и его ордена въ частности. Послѣ очень замѣчательныхъ генеалогическихъ таблицъ Королей Чешскихъ, Польскихъ и Угорскихъ по Іордану, слѣдуетъ краткая Vita authoris. Іоаннъ Дубравскій родился въ Пьлзнѣ: родъ, изъ котораго онъ происходилъ, назывался, до полученія дворянскаго достоинства, *Скала*. Онъ воспитывался въ Италіянскихъ Университетахъ и, по возвращеніи оттуда, сдѣлался помощникомъ Станислава Турзы, Епископа Голомуцкаго. Іоаннъ Дубравскій по смерти его занялъ Епископство Голомуцкое, которое оставалось за нимъ до самой смерти: въ этомъ званіи онъ былъ посредникомъ въ великомъ спорѣ Силезцевъ и Чеховъ, а потомъ и членомъ Коммиссіи, которой назначено было судить виновныхъ въ заговорѣ противъ Фердинанда, и дѣйствовалъ очень умно и благородно [94]. Исторія Чехіи Дубравскаго простирается отъ начала Чешской земли до несчастной Могачской битвы (26 Августа, 1526), и исторія Гуса и его послѣдователей занимаетъ въ ней довольно мѣста [95]. Дубравскій рѣшительно нигдѣ не указываетъ на источники, изъ которыхъ онъ почерпнулъ свой разсказъ: въ томъ, что онъ говоритъ о Гусѣ, видно вліяніе на Дубравскаго исторіи Энея Сильвія; не смотря на то, что Дубровскому былъ извѣстенъ Чешскій языкъ, его природный, нигдѣ, однако, не замѣтно, чтобы онъ пользовался источниками родными. Что касается до историческаго значенія исторіи Дубравскаго, то это болѣе разсказъ старика, много видѣвшаго и слышавшаго въ свою жизнь, нежели основательный и подробный разсказъ умнаго и смѣтливаго лѣтописца. Если Эней Сильвій позволилъ себѣ изъ своей собственной головы сочинить (въ полномъ смыслѣ этого слова) исторію, и представлять за историческіе факты догадки и соображенія свои, то Дубравскій составилъ свою исторію изъ народныхъ разсказовъ. Извѣсти

[94] См. Vita Dubravii p. 1. Эти подробности сохранены Яномъ изъ Бискупицъ, который, учившись въ дѣтствѣ у Епископа, принужденъ собственною рукою переписать большую часть соч. Епископа.

[95] Все соч. заключаетъ въ себѣ тридцать три книги; съ 23 й излагаются извѣстія о Чешскомъ вѣроисповѣдномъ движеніи.

что народъ, какъ дитя, удерживаетъ въ памяти внѣшнюю сторону событія, тѣ его черты, которыя представляютъ что-нибудь новое и странное: такъ и Дубравскій ищетъ во всѣхъ событіяхъ ихъ внѣшней стороны, ихъ подробностей, иногда разукрашенныхъ воображеніемъ народа. Онъ не ищетъ истины и не заботится объ ней, но старается собрать какъ можно болѣе невѣроятныхъ, удивительныхъ частностей, и онъ исполнилъ это такъ хорошо, что вся исторія, отъ первой до послѣдней страницы, есть собраніе народныхъ разсказовъ по поводу того или инаго событія, состоитъ изъ эпизодическихъ статей касательно того или инаго, особенно многостороннняго, происшествія. Но, по нашему, мнѣнію, болтливость Дубравскаго полезнѣе наглости Энея: первый, собирая нарочные разсказы, хоть не взначай могъ простодушно высказать истину, тогда какъ второй слишкомъ уменъ для того. При такомъ образѣ мыслей Дубравскаго исторіей его презирать не должно, но необходимо съ строгою критикою изслѣдывать его извѣстія и тщательно отдѣлять ложь отъ истины [96].

Wacława *Hayka z* Liboczan Kronyka Czeska, въ Прагѣ 1541, въ *л.* [97]. Іоаннъ Сандель перевелъ эту книгу на Нѣмецкій языкъ и издалъ въ 1596 году въ Прагѣ въ *л.* Вацлавъ Гаекъ изъ Либочанъ, проповѣдникъ при монастырѣ св. Ѳомы, на Малой Странѣ, въ Прагѣ, посвятилъ свой трудъ Императору Нѣмецкому и Королю Чешскому, Фердинанду 1-му. Предисловіе постоянно толкуетъ о пользѣ исторіи, а ничего объ источникахъ ея и направленіи, которому намѣренъ былъ послѣдовать Гаекъ; но въ немъ замѣчательны двѣ частности: первое, онъ съ глубокою горестью упоминаетъ о сожженіи Архивовъ и актовъ Королевства, въ кото-

---

[96] За исторіею Дубравскаго помѣщено тотчасъ небольшое сочиненіе, въ видѣ дополненія, подъ заглавіемъ „Catalogus Episcoporum Olomucensium“, гдѣ исчислены Епископы Голомуцкіе отъ св. Кирилла, поставленнаго будто бы на Епископство Велеградское, до Станислава Турзы. Это сочиненіе принадлежитъ Августину, praeposito церквей Голомуцкой и Бьрнской, и находится у Freheri R. B. p. 276—286; въ немъ встрѣчаемъ подробности объ извѣстномъ Конрадѣ, въ послѣдствіи Пражскомъ Архіепископѣ.

[97] Перепечатано въ 1819 г., въ листъ: этимъ изданіемъ я пользовался.

ромъ погибли всѣ лѣтописи исторіи и драгоцѣнцые акты. Второе, то, что исторія его, по словамъ его, должна представить сводъ всѣхъ иныхъ Чешскихъ лѣтописей, очищенныхъ, въ ихъ естественномъ порядкѣ. Послѣ краткаго и неважнаго вступленія, находимъ списокъ всѣхъ лѣтописей и источниковъ, которыми пользовался Гаекъ. Посмотримъ, какими источниками пользовался Гаекъ для исторіи великаго Чешскаго религіознаго движенія въ XV вѣкѣ: это были: Aeneas Sylvius, Mistr Wawřynec z Březowa — и только. Но Гаекъ принадлежитъ къ числу историковъ, которыхъ не очень затрудняетъ недостатокъ источниковъ, который они могутъ легко восполнить свою собственною фантазіею. Огромное вліяніе, которое имѣли книги Гайка на народъ Чешскій, условилось самою наружною формою хроники, которая, представляя непрерывный связный разсказъ, индѣ оживленный рѣчами дѣйствующихъ лицъ, заключаетъ сходство съ историческими книгами Ветхаго Завѣта. Критики касательно большей или меньшей достовѣрности событій, внесенныхъ имъ въ исторію, у Гайка нѣтъ вовсе, да и тщетно было бы искать ее у него, простаго разскащика, не болѣе. Исторія Гайка, которая простирается до 1517, не вся одинаковаго достоинства: лучшая и достовѣрнѣйшая часть ея это та, гдѣ Гаекъ записываетъ то, чему былъ самъ свидѣтелемъ, то, что случилось предъ его глазами; это въ первой четверти XVI-го стол. Вторая часть представляетъ смѣсь истины съ ложью и въ ней истинныя событія украшены небывалыми подробностями, даже подлинными разговорами разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь нельзя не замѣтить методы Гайка: за основаніе бралъ сухой фактъ, но онъ разлагалъ его на составныя части и каждую часть украшалъ, дополнялъ, передѣлывалъ по своему, доколѣ самое событіе принимало совершенно иной, нежели какой оно имѣло прежде, видъ. Къ этой-то второй части относятся и событія Гуситскаго періода: съ перваго взгляда удивимся, заглянувъ въ исторію Гайка, откуда этотъ человѣкъ набралъ столько свѣдѣній новыхъ, нигдѣ болѣе не встрѣчаемыхъ; но, разсмотрѣвъ подробное описаніе событія, видимъ, что Гаекъ давалъ полную волю своему воображенію и присоединялъ такія подробности, гдѣ мы видимъ одинъ фактъ. Потому книга Гайка очень занимательная для читателя, мало полезна для историческаго изслѣдованія; но не должно пренебрегать и тѣми немногими драгоцѣнными свѣдѣніями, которыя зарыты въ хлам

подозрительныхъ и сомнительныхъ частностей. Касательно отношенія Дубравскаго къ Гайку, замѣтимъ, что Дубравскій собираетъ анекдоты, дѣйствительно случившіеся, форму воспоминаній народа о рѣшительныхъ минутахъ его жизни, представленіе народа о томъ или иномъ лицѣ. Гаекъ сообщаетъ такія же частныя подробности, но не изъ жизни народа заимствованныя, а записанныя на основаніи размышленій, изобрѣтенныя досужимъ воображеніемъ такъ, что одно непонятое или странное слово или имя, стоящее въ современной хроникѣ, должно было непремѣнно быть объяснено, а въ слѣдствіе того возникала цѣлая басня по поводу или непонятаго звука, или переставленной запятой. Третья часть исторіи Гайка, содержащая древнѣйшую исторію Чехіи, состоитъ вся всплошь изъ басенъ, сказокъ и небывальщины.

Наконецъ, остается намъ разсмотрѣть три сочиненія, изданныя уже послѣ того, какъ иго религіознаго и политическаго деспотизма подавило всякую самостоятельную жизнь въ Чехіи, сочиненія, изданныя Чешскими изгнанниками, поставленныя ими какъ памятники славнаго былаго ихъ отчизны, теперь уже памятники надгробные. Грустно и вмѣстѣ умилительно читать эти сочиненія, проникнутыя живою любовью къ родинѣ, къ ея чести и славѣ. Бѣдные изгнанники, которыхъ прихоть деспота осудила на вѣчное изгнаніе, позаботились, прежде всего, о томъ, чтобы, если въ настоящемъ все для Чехіи погибло, такая же участь не постигла и великихъ воспоминаній Чешскаго народа, чтобы потомство не было обмануто торжественными кликами побѣдителей, заглушавшими слабый стонъ побѣжденныхъ. Древняя славная Чехія кончила свое славное существованіе жертвою несогласія и низкой измѣны; но она завѣщала исторіи рядъ блестящихъ подвиговъ, страницы самихъ величественныхъ воспоминаній. Отъ того-то несчастные Чехи, имѣвшіе горе пережить паденіе славы и свободы своего отечества, смотрѣли и сами на исторію его, какъ бы на оконченную, и потому старались сохранить хоть что нибудь потомству изъ его славныхъ воспоминаній.

I. Historia persecutionum Ecclesiae Bohemicae, jam inde a primordiis conversionis suae ad Christianismum, hoc est a. 894 ad annum usque 1632, Ferdinando Secundo Austriaco regnante, in qua inaudita hactenus arcana politica, consilia, artes, praesentium bel-

lorum verae causae et judicia horrenda exhibentur [98] (A. D. 1648
Обыкновенно приписываютъ эту книгу Іоанну Амосу *Коменск*
му, или Коменіусу, извѣстному ученому, родомъ Моравцу, „из
„гнанному, вмѣстѣ съ другими Некатоликами, изъ Чехіи въ 162
„Типографщикъ пишетъ въ предисловіи, что ему случайно по
„палась въ руки рукопись съ надписью: Synopsis historica per
„cutionum Ecclesiae Bohemicae. Отъ друга своего, доставивш
„ему ее, онъ узналъ, что авторы предполагали издать ее, въ вид
„приложенія, при Martyrologium Foxii, и что, послѣ неудачи
„предначертаній, они оставили рукопись ненапечатанною, пред
„лагая собрать болѣе матеріаловъ и издать подробную истор
„своего времени; но такъ какъ, продолжаетъ типографщикъ,
„узналъ, что нѣкоторые изъ собирателей этой исторіи (his
„riae hujus collectores) умерли, то я рѣшился сохранить
„для читателей, желая, чтобы не погибло это сочиненіе, за
„ключающее въ себѣ исторію Церкви, и проч." Предисловіе
извѣстнаго (Pio lectori S.) исполнено грусти невыразимой: о
тоскуетъ по отечествѣ, по вѣрѣ.... касаясь слегка несчастій,
стигшихъ Церковь Чешскихъ Братьевъ, онъ примѣняетъ къ Ф
динанду II эти страшныя слова Маккавея: „Мы терпимъ за гр
хи наши, но, ты, который ведешь войну съ Богомъ, нала
„руки на его служителей, не избѣжишь суда Всемогущаго." От
сительно цѣли сочиненія, авторъ говоритъ, что издатели Marty
rologii Фокса отъискивали и собирали вездѣ дополненія для
ваго его изданія: „Услышавъ это (слова сочинителя) соотечес
„венники мои, разсѣянные по Бельгіи, не отказались присоед
„нить и описаніе нашего гоненія и изгнанія, и написали къ брат
„ямъ, разсѣяннымъ по Мишніи, Польшѣ и Угріи, прося у ни
„подробнѣйшихъ извѣстій касательно разныхъ частныхъ пр
„исшествій, относящихся къ этому времени." При этомъ случ
неизлишнимъ показалось присоединить краткія извѣстія, заи
ствованныя изъ лѣтописей (ex annalium nostrum monumenti
accuratius excerpta), относительно религіозныхъ страданій Чеш
ской Церкви отъ крещенія ея въ Христ. вѣру до гоненія Фер
динанда II-го. Изъ древнихъ Чешскихъ историковъ замѣтно тол

---

[98] „Написанная, прибавляетъ онъ, 14 лѣтъ тому назадъ," слѣдствен
но въ 1634 году.

ко знаніе Дубравскаго; все же относительно времени религіознаго гоненія записано со словъ очевидцовъ. Изъ 107 главъ, изъ которыхъ состоитъ все сочиненіе, 43 относятся къ исторіи Чехіи до Бѣлогорской битвы, а остальныя 64 содержатъ въ себѣ описаніе борьбы Фердинанда II съ вѣроисповѣднымъ упорствомъ Чеховъ, которые, легко отказывавшись отъ политической свободы, твердо и крѣпко стояли за свою религіозную свободу, за свои духовныя и нравственныя права. Разныя явленія этой борьбы, гдѣ народъ Чешскій показалъ столько благороднаго, страдательнаго сопротивленія, записаны въ разсмотрѣнномъ нами сочиненіи [99].

2. M. Paulus *Stransky* de republica Bohemiae, книга, изданная въ первый разъ въ Лейденѣ въ 1634 году [100]. Сочиненіе это посвящено сыновьямъ несчастнаго Фридриха Пфальцкаго, погубившаго себя и Чешскую землю, Роберту и Маврикію. Оно заключаетъ въ себѣ подробное описаніе Чешской земли во всѣхъ отношеніяхъ такою, какою она существовала до гибельнаго Бѣлогорскаго сраженія [101]. Разнообразіе предметовъ и важность этой книги достаточно показываетъ ея содержаніемъ: Caput I. De situ et qualitatibus Bojemiae. II. De districtibus Bojemiae. III. De statu Bojemiae. IV. De incolis Bojemiae et eorum moribus. V. De regimine Politico Bojemiae. VI. De religionis mutationibus et regimine ecclesiatico in Bojem., особенно для насъ важная глава. VII. De provinciis, coronae unitis. VIII. De principibus regibusque Bojemiae. IX. De reginis Boiemiae. X. De regum Bojemiae liberis. XI. De ordinibus Bojemiae. XII. De Bojemorum legibus. XIII. De comitiis Bojemorum. XIV. De muneribus seu officiis publicis in Bojemia. XV. De consilio seu consistorio regio. XVI. De tribunalibus juri dicundo constitutis. XVII. De opulentia et potentia regni Bojemiae. XVIII. De re numaria et computandi ratione. XIX.

---

[99] См. выше стр. 47 и 48.

[100] Respublica Bohemiae, a M. Paulo Stransky descripta. Lugd. Batav. Ex officina Elzeviriana etc.

[101] Слова предисловія: „Adumbravi vero Remp. Bojemam, non ea facie, in quam belli hactenus flagrantis iniquitate est transformata, sed qua eam cum jam olim, tum sedente adhuc ad ejus clavum patre vestro beatae memoriae Rege, ornatisimam vidimus, quaque eam reflorescentem, a nobis et posteritate videri cum lacrymis optamus.“

De regiis reditibus. XX. De regum apud Bojemos funebralibus. Вообще это сочиненіе изобилуетъ чрезвычайно важными извѣстіями относительно Чехіи, хотя, должно признаться, Странскій многія изъ нихъ вносилъ такъ, на удачу: оно представляетъ все прошедшее Чехіи, которое завершено было кровавымъ гоненіемъ на Чеховъ Фердинанда II го.

Bellum Bohemicum, recensente *Andrea* ab *Habernfeld*, ab anno MCXVII. Lugd. Batav. 1645[102]. Въ ней содержится написанное очевидцемъ повѣствованіе о событіяхъ, повлекшихъ за собою политическое и религіозное порабощеніе Чеховъ; главное вниманіе автора постоянно устремлено на дѣла религіозныя и все, что относится къ ихъ исторіи. Кромѣ того, помѣщены, въ видѣ особеннаго приложенія, многіе акты, особенно тѣ, которыми утверждается политическая свобода Чехіи; изъ нихъ намъ принесли особенную пользу: 1) Missiva omnium trium ordinum ad collegium electorale, Francofurti ad Moenum congregatum. 2) Recognitio Ferdinandi I-mi Imperatoris de libera electione Bohemica[103]. — Вопросъ о религіозномъ движеніи Чешскаго народа въ XV, XVI и XVII стол. есть вмѣстѣ вопросъ всей Чешской жизни: потому источники Чешской жизни вообще суть тѣ источники, изъ которыхъ только можемъ прослѣдить историческое развитіе религіознаго переворота Чешскаго. Отдѣлить изученіе религіозныхъ явленій отъ политическихъ въ этомъ періодѣ невозможно: однѣ и тѣ же причины условливаютъ ихъ. Вокругъ религіозныхъ вопросовъ сосредоточивается загадка жизни и бытія Чешскаго народа: въ нихъ заключается все его прошедшее, въ нихъ же и зародышъ его блестящаго будущаго.

§ 2.

Пособія.

Подъ *пособіями* разумѣемъ не только позднѣйшія сочиненія, составленныя на основаніи первостепенныхъ источниковъ, но и современныя лѣтописи и сочиненія, которыя имѣютъ предметомъ исторію инаго народа или событія и въ которыя извѣстія о Чех-

---

[102] Небольшая книжечка въ 64 долю листа.

[103] Bellum Bohemicum p. 106 sqq.

скомъ вѣроисповѣдномъ движеніи вошли случайно или эпизодически; таковы сочиненія относительно исторіи странъ сосѣднихъ съ Чехіею, дѣла которой естественно должны были найти въ ней свое мѣсто, какъ то: лѣтописи Польскія, Нѣмецкія и Французскія; таковы же всѣ сочиненія относительно Костницкаго Собора, обезславившаго себя пристрастнымъ судомъ Гуса и Іеронима Пражскаго, въ которыхъ, какъ бы они ни были кратки, найдется извѣстіе о знаменитыхъ Чешскихъ страдальцахъ. Множество сочиненій, въ которыхъ мы должны отдать отчетъ, заставляетъ насъ приступить къ нимъ по извѣстному и заранѣе предначертанному порядку. Итакъ прежде всего скажемъ о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя относятся къ исторіи самаго Гуса, въ которомъ сосредоточилось все развитіе Чешскаго религіознаго движенія, и притомъ не только тѣ, которыя излагаютъ исторію всей его жизни, но также и тѣ, которыя относятся къ одному какому ни будь частному событію его жизни; слѣдственно: А) Сочиненія относительно Гуса и относительно Костницкаго Собора. За тѣмъ мы коснемся тѣхъ сочиненій, которыя относятся къ религіозному броженію Чеховъ вообще, или къ отдѣльному какому ни будь его явленію; слѣдственно: Б) сочиненія, имѣющія предметомъ религіозное движеніе въ Чехіи до и послѣ Гуса. Наконецъ, сочиненія въ которыхъ повѣтствованіе о великомъ Чешскомъ религіозномъ переворотѣ составляетъ только эпизодъ, малую часть всего труда, т. е., сочиненія касательно Чешской и Церковной исторіи будутъ разсмотрѣны по степени ихъ важности и относительнаго достоинства. Всемірное значеніе Чешскаго религіознаго переворота уже видно изъ того, что вопросъ о немъ естѣ вопросъ исторіи всемірной, вопросъ, который камнемъ преткновенія лежитъ на пути каждаго историка, котораго обойти невозможно: по какому направленію вы ни пойдете въ исторіи Среднихъ вѣковъ, а рано или поздно вы прійдете къ этому неизбѣжному вопросу. Въ какое горькое противорѣчіе съ истиною, съ самими собою впадаютъ тѣ, которые привыкли видѣть въ народахъ племени Нѣмецкаго единственныхъ представителей духовнаго развитія, которые видятъ въ Славянахъ только второстепенныхъ дѣятелей исторіи, назначенныхъ (будто бы) для того, чтобы дѣйствовать не разумнымъ развитіемъ силъ, а одною мертвою силою массы. Въ XV стол., гдѣ лучше и полнѣ развиваются жизненные вопросы человѣчества, какъ не у наерода Чешскаго? Какой народъ

является съ большимъ правомъ представителемъ духовныхъ интересовъ человѣчества, какъ не Чехи, ставшіе такъ твердо за права свои и вмѣстѣ права, природныя человѣку, противъ духовнаго деспотизма Папы Римскаго, которому въ этомъ отношеніи помогала сильная аристократія свѣтскаго и монашествующаго духовенства? Какъ бы кто ни старался умышленно унижать религіозный Чешскій переворотъ XV стол., называть его однимъ случайнымъ и чисто внѣшнимъ явленіемъ частной жизни Чешскаго народа, но мы твердо убѣждены, что рано или поздно будетъ принято за историческую аксіому, что *не Германія*, а *Чехія*, первая положила основаніе теоретическое и первая сдѣлала попытку на дѣлѣ освободить человѣчество отъ тѣхъ вѣроисповѣдныхъ и политическихъ оковъ, которыя наложены на него суевѣріемъ и обманомъ. До сихъ поръ не было ни одного сочиненія, въ которомъ опредѣлено было бы надлежащимъ образомъ значеніе Чешскаго религіознаго переворота для человѣчества, въ которомъ показанъ былъ бы духовный смыслъ явленій, доселѣ необыкновенныхъ. Но чѣмъ важнѣе переворотъ въ жизни человѣчества, чѣмъ болѣе слѣдствій имѣетъ онъ, чѣмъ глубже обхватилъ онъ умы людей, тѣмъ труднѣе бываетъ оцѣнить его вполнѣ. Между тѣмъ какъ каждый охотно говоритъ истину касательно того или инаго мелкаго историческаго явленія, никто не можетъ и не смѣетъ высказать откровенно свое мнѣніе относительно великаго переворота, гдѣ были затронуты всѣ самые глубокіе народные интересы, гдѣ за живо были задѣты скользскіе вопросы, которыхъ рѣзкое рѣшеніе повлекло бы измѣненіе всѣхъ общественныхъ и вѣроисповѣдно-государственныхъ отношеній. Кто доселѣ измѣрилъ всю глубину и важность Чешскаго религіознаго переворота, кто оцѣнилъ его многоразличныя стороны, которымъ онъ глядитъ вмѣстѣ и въ область политической, и въ область духовной, и въ область внутренней исторіи развитія? Кто вникъ вполнѣ въ цѣль и смыслъ Чешской религіозной борьбы, опредѣлилъ и разобралъ вопросы, за которые ведена она, внутренній смыслъ въ внѣшнихъ скоропреходящихъ явленіяхъ? Кто показалъ, какое значеніе играютъ въ Чешской религіозной борьбѣ политическіе вопросы? Кто, наконецъ, обнялъ въ цѣломъ всю слишкомъ двухвѣковую Чешскую религіозную борьбу и, не теряясь въ частныхъ явленіяхъ, постарался немногими, но рѣзкими чертами опредѣлить духъ этой религіозной борьбы, главную ея идею и тѣ второстепенныя, ко

торыя необходимо потомъ изъ нея развились? Кто отдѣлилъ внѣшнія измѣняющіяся явленія отъ великихъ духовныхъ законовъ, законовъ развитія духа человѣческаго и, не останавливаясь на поверхностномъ знаніи событій, поискалъ въ нѣдрахъ народнаго Чешскаго духа источниковъ къ надлежащему рѣшенію всемірнаго значенія великаго религіозно-нравственнаго Чешскаго переворота XV стол.? Мы сказали, что чѣмъ значительнѣе какое ни будь событіе по своему внутреннему смыслу или послѣдствіямъ, тѣмъ долѣе остается оно неоцѣненнымъ вполнѣ. Самое лучшее оправданіе нашему положенію представляетъ нынѣ насъ занимающій вопросъ. Сколько толковали и писали объ немъ! Сколько разъ выставляли его въ новомъ видѣ, въ новомъ свѣтѣ! И, однако, безъ всякаго ущерба славѣ тѣхъ, которые приложили свои усилія и старанія къ посильному рѣшенію этого вопроса, смѣло можемъ сказать, что много и много осталось еще дѣлать касательно этого предмета, что необходимы и трудолюбивыя усилія историка-труженика, и разумныя соображенія историка-философа, чтобы дать видъ нѣкоторой окончанности этому великому историческому періоду.

Довольно обширное и занимательное сочиненіе написалъ бы тотъ, кто изложилъ бы исторію различныхъ взглядовъ на исторію религіозной Чешской борьбы XV вѣка, исторію различныхъ мнѣній и соображеній, вызванныхъ у людей мыслящихъ наблюденіемъ ея внѣшнихъ явленій. Значительную услугу исторіи мысли человѣческой оказалъ бы тотъ, кто прослѣдилъ бы внутреннюю исторію вопроса о Чешской религіозной борьбѣ XV столѣтія, показалъ бы всѣ видоизмѣненія, которыя отражались въ ней, какъ въ зеркалѣ, произведенныя или внѣшними, внѣ власти человѣка лежащими, условіями, или внутренними, медленно обнаруживающимися, но тѣмъ болѣе продолжительными, измѣненіями въ расположеніи умовъ, въ общественномъ мнѣніи. Послѣ приговора и казни Гуса и Іеронима на Костницкомъ Соборѣ, на этихъ обоихъ великихъ именахъ историческихъ наложено было клеймо отверженія и проклятія, еще всесильнаго. Тѣмъ драгоцѣннѣе этѣ имена для Чеховъ, для которыхъ съ ними связаны были ихъ жизненные вопросы, всѣ надежды на будущее: отъ того оба этѣ имена пользовались необыкновенною признательностью и памятью Чеховъ. Но во всей Западной Европѣ Гуса считали великимъ еретикомъ, а у Нѣмцевъ и самое имя Чеховъ стало означать ерети-

ка. При такомъ образѣ мыслей естественно было не до хладнокровной оцѣнки событій, такъ глубоко взволновавшихъ страсти всѣхъ. Отъ того, при господствующемъ нераздѣльно вездѣ (за исключеніемъ одной Чехіи) Католическомъ воззрѣніи, нечего было ожидать вѣрнаго представленія событій жизни Гуса, ужъ не говоря о его духовномъ значеніи: если бы кто изъ Католиковъ и хотѣлъ и могъ узнать истину относительно Гуса, то онъ не въ силахъ былъ познакомиться вполнѣ съ этимъ послѣднимъ, т. е., не могъ узнать его сочиненій и его дѣйствій; онъ зналъ только то, что Церковь заблагоразсудила открыть ему на этотъ счетъ. Въ Чехіи, гдѣ религіозная борьба продолжалась, гдѣ былъ пріютъ свободной мысли и самостоятельнаго историческаго изслѣдованія, произошла первая біографія Гуса, заключающая въ себѣ, по крайней мѣрѣ, историческія явленія жизни этого великаго дѣятеля. Особенно дорожили памятью Гуса и всѣмъ, что къ ней относится, Чешскіе Братья, хотя труды ихъ по этой части погибли большею частью, особенно въ гоненіе Фердинанда II го. И тѣ источники Чешскіе, которые уцѣлѣли, доселѣ мало были изучены, потому что доселѣ монополія историческаго изслѣдованія принадлежала историкамъ Нѣмецкаго племени, которые вовсе не знали Чешскаго языка и потому невольно должны были пользоваться вымыслами Энея Сильвія и иныхъ. Съ появленіемъ Лютера и распространеніемъ его ученія по Германіи, Гусъ сдѣлался предметомъ болѣе дѣятельнаго историческаго изученія. Новое ученіе должно было всѣми силами отражать нападки перваго; оно необходимо должно было опереться на исторію и доказать, что оно произошло не вчерашняго дня, что основаніе его лежитъ глубже, нежели въ охотѣ свѣтскихъ лицъ завладѣть духовными имѣніями. Въ длинномъ ряду лицъ, составлявшихъ опозицію противъ Папъ, прежде всего вниманіе богослововъ Лютерова ученія пало на Гуса, и съ того времени, въ теченіи XVI и XVII стол., много въ Лютеранской Германіи писали о Гусѣ. Даже Католики, возражая Лютеранамъ, должны были изучать его и говорить объ немъ (Кохлей). Писатели Лютеровыхъ мнѣній, естественно, превозносили Гуса, какъ врага Папства и Католической Церкви, но въ своемъ усердіи сдѣлать Гуса, во что бы то ни стало, Лютераниномъ, они вкоренили въ поколѣніяхъ превратное объ немъ понятіе: Гусу приписывали тѣ мнѣнія, которыхъ ему никогда не приходило въ голову, и дѣлали изъ него

какого-то нововводителя, который хотѣлъ основанія Католической Церкви ниспровергнуть или, по крайней мѣрѣ, существенно измѣнить. Слѣдствіемъ такого жаркаго заступничества за Гуса со стороны писателей - Лютеранъ было то, что Католическіе писатели напали на него съ усиленною яростью: они охотно готовы были видѣть въ Гусѣ Лютера или Кальвина XV столѣтія, чтобы обратить на него всю моцъ своей догматики. И Католическіе, и Лютеранскіе писатели XVI и XVII вѣковъ не поняли Гуса: не изучая хорошо и основательно характера его, какъ историческаго дѣятеля, они, наконецъ, создали себѣ небывалое существо съ вымышленнымъ ученіемъ и дѣйствіями, котораго они назвали Гусомъ и которому, если они были Лютеране или вообще Некатолики, не щадили похвалъ, а какъ Католики, самыхъ страшныхъ обвиненій. Есть ли хотя одно противу Католическое мнѣніе, которое первые въ своемъ слѣпомъ рвеніи не навязывали бы Гусу? Не думаю. Либеральная Католическая партія, возникшая въ XVIII стол., во Франціи, которая добровольно отказывалась отъ Католическихъ убѣжденій, обратила особенное вниманіе на всѣхъ, дѣйствовавшихъ противъ Католической Церкви, и привѣтствовала въ нихъ своихъ братій и предшественниковъ; но и при этомъ случаѣ не пускались въ точныя изслѣдованія духа каждаго религіознаго предпріятія и переносили образъ мыслей XVIII вѣка въ XV й. Только въ позднѣйшее время обращено дѣятельное и трудолюбивое вниманіе на явленіе Гуса, на смыслъ религіознаго Чешскаго движенія, не минутной вспышки, но глубокаго, изъ внутри самаго народа, возникшаго явленія. Но во всякомъ случаѣ недостаточно самаго свѣтлаго соображенія и самыхъ трудолюбивыхъ изслѣдованій, если и тѣ и другія управляются одностороннимъ воззрѣніемъ. Гусъ есть дѣятель мировой, но, прежде всего, Чешскій, и только какъ такой, онъ занимаетъ такое высокое мѣсто въ исторіи; потому недостаточно изучать его съ обще человѣческой точки зрѣнія, но, главнымъ образомъ и прежде всего, должно представить Гуса, какъ представителя Чешскаго народа, явленіе его жизни. Здѣсь-то, въ исторіи развитія Чешскаго народа, настоящая точка опоры, самое выгодное мѣсто для оцѣнки Гуса, потому что изслѣдованіе исторической дѣятельности Гуса внѣ таковой же Чешскаго народа не будетъ ни на чемъ утверждено, будетъ висѣть въ воздухѣ. Не въ томъ главное дѣло, что Гусъ возсталъ противъ индульгенцій Іоанна XXIII; при всей

важности этого шага его не было бы достаточно, чтобы придать такую высокую историческую важность имени Гуса. Нѣтъ! Каждое дѣствіе Гуса становится безконечной важности потому, что оно соотвѣтствуетъ такому же дѣйствію Чешскаго народа, который съ такою славою предшествовалъ всѣмъ инымъ народамъ Западной Европы на пути духовнаго развитія, который первый пытался осуществить въ своей жизни священнѣйшіе идеалы человѣчества, которымъ покланяться хотя въ умѣ никакая тирания не въ состояніи отнять у человѣка — полную политическую и религіозную свободу, основанную на вѣчныхъ законахъ Откровенія и разума.

А. Въ числѣ сочиненій *относительно Гуса* первое мѣсто, по справедливости, принадлежитъ біографіи этого мужа, составленной *Зейфридомъ:* Wilhelmi *Zeyfridi* Norimbergensis commentatio de Iohannis Hussi martyris vita, fatis et scriptis; cum annotationibus M. Iohannis Christophori *Mylii* adj. et biblioth. Ienensis denuo publicata; praefetus est de hodierno Moravorum Fratrum coetu nec priscis Fratrum unitatis nec Evangelicis ecclesiis adscribendo Frid. Andreas, *Hallbauer* SS. Theol. D. et Professor Ordinarius, Ienae 1743 [104]. Изъ предисловія, принадлежащаго Г. Галлбауеру, узнаемъ, что сочиненіе Зейфрида о Гусѣ въ первый разъ вышло въ 1688 году, и потомъ перепечатано было три раза, а именно въ 1711 году, въ 1728 и, наконецъ, въ 1743 г., съ примѣчаніями Милія, которыя значительно увеличиваютъ достоинство и безъ того очень полезной книги. Въ 1728 нѣсколько Моравцевъ нашли себѣ убѣжище въ помѣстьѣ Графа Цинцендорфа, Бертельдорфѣ, и, съ помощью другихъ бѣглецовъ изъ Чехіи, основали вѣроисповѣдное общество, члены котораго возстановили у себя ученіе древнихъ Чешскихъ Братьевъ и назвались потому Моравскими Братьями. Скоро тамъ и сямъ въ Шлезіи, Лужицахъ и Саксоніи образовались другія общины; недовольствуясь этимъ Моравскіе Братья пытались утвердиться въ Эстоніи, Швеціи, Даніи и особенно въ Кобургъ-Готѣ, но быстрое распространеніе ихъ ученія, а равно его истинно Христіанская общность возбудили опасеніе въ Лютеранахъ и имъ было отказано. Предисловіе

[104] Небольшой томъ въ 4 ку, около 300 страницъ.

Зейфриду Галлбауера, заглавіе котораго уже показываетъ его содержаніе, направлено противъ новыхъ Моравскихъ Братьевъ, по случаю ихъ просьбы у Герцога Готскаго основать въ его владѣніяхъ свою общину. Главною цѣлью своего разсужденія [105] имѣетъ Галлбауеръ доказать, что новые Моравскіе Братья Графа Цинцендорфа существенно отличны отъ древнимъ Чешскихъ Братьевъ или Пикардовъ; по этому случаю онъ представляетъ важныя выписки изъ сочиненій Амоса Коменскаго, Камерарія и Лазицкаго относительно древнихъ Чешскихъ Братьевъ, которыми мы воспользуемся въ своемъ мѣстѣ. Первый отдѣлъ сочиненія Зейфрида представляетъ разборъ источниковъ, которыми онъ пользовался (p. 1—10); здѣсь онъ пишетъ, что онъ твердо рѣшился изучить жизнь Гуса, о которой (говоритъ онъ) такъ различно толкуютъ съ тѣхъ поръ, какъ ему попалась въ руки медаль, выбитая въ честь Гуса. Относительно источниковъ вообще Зейфридъ говоритъ: „Нѣтъ ни одного учебника Церковной исторіи, гдѣ не были бы разсказаны подробно обстоятельства его смерти. Многіе, начавши говорить о Гусѣ, увлекались посторонними предметами и отъ того важнаго слегка коснулись, а многое вовсе просмотрѣли. Но большая часть писателей (plurimi scriptores) начинаютъ исторію Гуса отъ временъ Костницкаго Собора, и всѣ прежнія обстоятельства его жизни или вовсе опускаютъ, или едва, едва упоминаюъ.“ Это очень важный фактъ. И дѣйствительно, для Лютеранскихъ писателей важна стала жизнь Гуса съ той минуты, когда онъ вступилъ въ явный и открытый споръ съ Папою; но жизнь Гуса вся есть полное цѣлое, необъяснимое безъ знанія Чешской исторіи. Потому, что же удивительнаго, если писатели Нѣмецкіе не могли оцѣнить Гуса и осыпали его похвалами, къ нему не относившимися? То забыли, что Гусъ на Костницкомъ Соборѣ явился не столько *нововводителемъ въ дѣлѣ религіи и врагомъ Папства*, сколько *представителемъ потребностей Чешскаго народа*, *защитникомъ правъ человѣчества*. Изъ источниковъ Зейфридъ прежде всего упоминаетъ о Кохлеѣ и Варильясѣ, приводя о нихъ строгое сужденіе Спангема [106]. Здѣсь же мы узнаемъ, что Кохлей, родомъ Австріецъ

[105] Оно было изд. отдѣльно какъ то видимъ у Пельцеля—G. von Böhmen. F. A. Hallbauer — de hodierno Moravorum Fratrum coetu. Hilperghasae; in 4°.

[106] Вотъ оно: „Cave historiam Hussiticam requiras ex Ioanne Cochlaeo et ex Varillasio nupero, quibus historiam non scribere, sed fingere hocce fuit negotii.

и чуть ли не Славянинъ; у него два фамильныхъ прозванія, одно Dobenek, а другое Wendelstein, которое онъ перевелъ по Латынѣ Cochlaeus [107]. Къ Папистскимъ писателямъ, писавшимъ о Гусѣ, самъ Зейфридъ относитъ еще, кромѣ Кохлея и Варильяса, и Рейхенталя (о коемъ ниже), а Милій присоединяетъ къ этому же разряду Александра Ноэля (Natalis), въ его Церковной исторіи [108], Майлебурга—Histoire du schisme d'Occident, и даже Лянфана — Исторію Костницкаго Собора. Въ первой половинѣ XVI стол., нѣкто Іоаннъ Агрикола, родомъ изъ Ислеба, родины Лютера, издалъ въ Гановерѣ [109] на Нѣмецкомъ языкѣ жизнь Гуса: въ ней читаемъ, что Агрикола, изъ библіотеки Павла Рокенбаха получилъ (будто бы) оригинальную Латинскую рукопись Нотарія Петра изъ Младеновицъ, съ которой сдѣланъ Нѣмецкій переводъ другомъ Агриколы, Николаемъ Кромпахомъ. Кохлей пользовался этимъ сочиненіемъ и представилъ изъ него отрывки. Но сочиненіе Петра Младеновица гораздо прежде уже было издано въ Чехіи съ нѣкоторыми письмами Гуса; по свидѣтельству Лупача (подъ 7 Февраля) это жизнеописаніе Гуса читали въ церквахъ, и потому то, вѣроятно, оно было присоединено къ Пассіоналу, напечатанному въ Прагѣ въ 1495 году, потомъ въ 1533 году оно было отдѣльно издано въ Прагѣ [110]. Книга, изданная Агриколою, служила главнымъ источникомъ неизвѣстному автору Нѣмецкой книжки: Die im Hussen bekriegte, doch unbesiegte, Wahrheit. Francof. und Leipz. 1686, in 8°. Но, замѣчаетъ Зейфридъ, и Агрикола, и неизвѣстный описываютъ только дѣйствія Гуса на Костницкомъ Соборѣ, какъ въ этомъ подражалъ имъ Штумпфъ въ своей Нѣмецкой исторіи этого Собора. Что же касается до предшествовавшихъ обстоятельствъ жизни Гуса, продолжаетъ Зейфридъ, то немного объ этомъ находимъ въ соч. Геремирія и Нигрица хотя они посвятили этому особен-

---

datum." Гораздо справедливѣе сужденіе Милія: „Continet quidem haec historia res veriosas, sed auctor parum accuratus est."

107 *Zeyfridi* Comm. de vita *Hussi*, p. 5 et 16.

108 Historia Ecclesiastica saec. XV.

109 Historia de Ioh. *Husso*. 1548, in 8°.

110 *Dobrowsky* Gesch. des Böhm. Sprache und Litt. S. 266.

ное сочиненіе, въ соч. Бальбина (Epitome rerum Bohemicarum), который пользовался трудомъ Жаланскаго, въ соч. Самуила Горзовія: Hussi et Lutheri historiea collatio, въ сочиненіи Захарія Теобальда. Затѣмъ Зейфридъ упоминаетъ о сочиненіи Христофора Бальпургера, Протенстантскаго богослова, подъ заглавіемъ: Hussus combustus, non convictus; оно писано на языкѣ Нѣмецкомъ (имѣло два изданія 1624 in 4°, и 1628), и если вѣрить Милію, то Вальпургеръ собралъ въ своемъ сочиненіи многіе, очень важные, документы, которые нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не находятся [111]. Многое относительно Гуса находится въ трудахъ Филиппа Меланхтона tom. 2 Declamatio de Sigismundo Imperatore, ab Oelhafio Norimbergae recitata. Мюллеръ въ 1728 г. издалъ соч. подъ, много обѣщающимъ, заглавіемъ: Des standthafften Märtyrers Ioh. Hussens entdecktes Lutherthum vor Luthero, mit einer historischen Nachricht von Hussens Ursprung, Leben und Tod; но вы раскрываете книжку, и находите тамъ, вмѣсто всего обѣщаннаго, соч. Гуса: de pernicie traditionum humanarum. Кромѣ этихъ источниковъ, Зейфридъ еще пользовался рѣчью относительно Гуса, говоренною въ Іенскомъ Университетѣ (въ 1566 г., in 8° издана). Мы перечислили всѣ этѣ сочиненія относительно Гуса не потому, чтобы они были особенно важны, но съ тѣмъ, чтобы показать, какъ дѣятельно въ XVI и XVII столѣтіяхъ занимались въ Германіи всѣмъ тѣмъ, что относилось къ памяти Гуса. Милій, трудолюбивый дополнитель Зейфрида, замѣчаетъ, что, къ сожалѣнію, многіе Чешскіе памятники относительно Гуса не переведены на языкъ, болѣе извѣстный; такъ, на пр., Житіе Гуса при его Словахъ, изданныхъ въ 1621 году: Die Unverweckliche Krone der Böhmischen Märtyrer Christi, in Böhmischer Sprache. Изъ

---

[111] *Walpurger* egregia documenta, quae alibi non occurant, ad exarandum scriptum suum in manibus habuit, nimirum *ipsius Hussi manuale relictum*, item Protocollum Secretarii Baronis dè Chlum, nec non instrumenta, quae *Hussius* propter quasdam actiones a notariis et testibus concifienda curaverat, partim ex antiquis bibliothecis et variis Missivis, uti vocant, varia subsidia inusum suum convertit Walpurgerus; но ниже тотъ же Милій говоритъ: Qui *Hussi* opera possidet, ipso hoc Walpurgeris cripto non opus habet.

Латинскихъ источниковъ упоминаетъ еще Милій: уже извѣстное намъ соч., Historia de actis et martyrio I. Hussii, которое одно и тоже съ переведеннымъ Агриколою трудомъ Петра Младеновица; Camerarius въ Histor. narr. de Fratrum orthod. ecclesiis in Bohemia, Moravia et Polonia оставилъ довольно подробное жизнеописаніе Гуса; наконецъ, еще соч. какого-то Мартинія о Гусѣ, и много другихъ.— Сочиненіе Зейфрида представляетъ сводъ всего, что только онъ нашелъ гдѣ либо касательно Гуса, и потому представляетъ чрезвычайно богатый матеріалъ; что же касается до воззрѣнія Зейфрида на дѣла и ученіе Гуса, то оно въ высшей степени ложно и странно: онъ влагаетъ въ уста Гуса Лютеранскія мнѣнія, въ Гусѣ видитъ смѣлаго нововводителя, а въ его дѣйствіяхъ мнимую непріязнь къ Кат. Церкви и Римскому Первосвященнику. Примѣчанія Милія, составляющія болѣе половины всей книги, очень важны. Милій, какъ библіотекарь Іенской библіотеки, пользовался чрезвычайно богатыми и важными источниками, заимствуя ихъ изъ книгъ этой библіотеки. Здѣсь мы приведемъ его слова касательно одной, весьма важной, Чешской рукописи, относящейся къ жизни Гуса и доселѣ еще ни однимъ знающимъ Чешскій языкъ не разобранной [112]. Эта книга состоитъ частію изъ печатныхъ, а частію изъ рукописныхъ листовъ .... Къ сожалѣнію, Милій говоритъ [113], такъ какъ Струве сдѣлалъ описаніе этой книги въ Observationum Halensium t. IV, p. 171—188, то онъ сообщитъ о ней только тѣ подробности, которыхъ Струве не сообщаетъ. Печатная часть этого кодекса издана въ Костницѣ въ 1486 (какъ заключаетъ Струве изъ Чешской приписки), а рукописная написана, безъ сомнѣнія [114], тѣмъ же богословомъ, которому принадлежатъ (какъ видно изъ заглавія), всѣ изображенія въ этомъ кодексѣ. Первая часть этого кодекса содержитъ въ себѣ 60 изображеній, представляющихъ антитезъ Христа и Антихриста: изъ нихъ изображаютъ искаженныя черты церкви, прочія же дѣла Іисуса Христа и вѣрныхъ съ одной стороны, а съ противуположной дѣла Антихриста. Потомъ четвероякое изображеніе Гуса на кострѣ, и всякой разъ отличное. Четыре письма Гуса и

---

112 *Zeyfridi* p. 44—49.

113 *Zeyfrid*, p. 44. Струве былъ библіотекаремъ Іенскаго Университета и профессоромъ исторіи и правъ.

114 Все это говоритъ Милій p. 46.

Чешскомъ языкѣ (которыя суть тѣ же самыя, что переведены подъ руководствомъ Лютера и изданы въ 1536 году и, вѣроятно, переведены изъ этого кодекса, принадлежавшаго Фридриху Саксонскому, извѣстному покровителю Лютера и основателю Іенскаго Университета). За тѣмъ слѣдуютъ 22 письма или акта, написанные отчасти Гусомъ, отчасти Іеронимомъ Пражскимъ; послѣднее письмо принадлежитъ Поджи Флорентинскому и адресовано къ Леонарду Аретино. Далѣе слѣдуютъ два изображенія: одно представляетъ служеніе обѣдни, а второе звѣрство Крестоваго похода. Тутъ идетъ рукописная часть. За тѣмъ 26 изображеній представляютъ разные случаи, имѣвшіе мѣсто во время Гуса и относящіеся къ дурнымъ нравамъ монаховъ и монахинь. Тутъ опять слѣдуетъ Чешскій текстъ, въ который вставлено 20 меньшихъ фигуръ. Многіе изъ этихъ изображеній имѣютъ, безъ сомнѣнія, историческое значеніе, но смыслъ большой части ихъ не понятенъ потому, что объясненіе, къ нимъ приложенное, написано по Чешски [115]. Рисунки сдѣланы съ большимъ тщаніемъ на бумагѣ, а нѣкоторые и на пергаменѣ, и всѣ болѣе или менѣе украшены золотомъ. На первой страницѣ кодекса находятся слова: Bohuslaus de...suae causa memoriae manu prорria me fecit; имя автора, слѣдовавшее послѣ de, выскоблено, говоритъ Милій, а мы думаемъ, что его вовсе тамъ не было, потому что составитель книги такого рода имѣлъ не одну причину осторожности скрывать свое имя. Милій думаетъ, что это Богуславъ изъ Козле, но на слишкомъ шаткомъ основаніи. Нѣтъ сомнѣнія, что Лютеръ многое въ своихъ памфлетахъ противъ Католической Церкви и Папы заимствовалъ изъ этого кодекса; самъ Милій не скрываетъ этого: вотъ еще одно звено, чтобы связать явленія Чешскаго вѣроисповѣднаго движенія съ таковыми же Германскаго, и вотъ новое доказательство того, какъ много пользовался Лютеръ тѣмъ, что было сдѣлано Гусомъ и его послѣдователями. Зейфридъ упоминаетъ на самомъ концѣ своего сочиненія о книгѣ Богуслава Чеха, говоря, что свѣдѣніе о ней пришло къ нему слишкомъ поздно, и что потому онъ не могъ

---

[115] Ex solis figuris non satis cognosci potest, quid auctor indicare voluerit, sed si ea, quae in lingua Bohemica adscripta sunt, in notiorem linquam essent translata, forsitan haud difficili negotio sensus ubique pateret.

прежде его воспользоваться; главное содержаніе ея (говоритъ онъ) состоитъ въ подробномъ изложеніи дѣйствій Гуса на Костницкомъ Соборѣ [116].

Hussiten Krieg, darinnen begriffen das Leben, die Lehr und Tod Magistri Iohannis Hussii und wie derselbige von den Böhmen, besonders Iohanne Zisska und Procopio Raso, ist gerochen worden. Alles aus glaubwürdigen Geschichtschreibern, alten Monumenten und Manuscriptis, mit fleiss zusammen getragen, und Teutscher Nation allerdings gnugsam zum nöthigen Bericht in öffentlichen Druck verfertiget, durch M. Zachariam *Theobaldum* den Iüngern. Wittemberg, gedruckt bey Lorentz Seuberlich, in Verlegung bey Samuel Selfisch, Buchführer, 1609 [117]. Теобальдъ былъ пасторомъ прихода Крафтсгофъ, и въ то самое время, какъ былъ назначенъ профессоромъ математики въ Альторфѣ, умеръ въ 1627 году, на 43 своего возраста [118]. Его имя находимъ въ числѣ прочихъ жертвъ нетерпимости Фердинанда II, осудившаго ихъ, въ 1626 г., на вѣчное изгнаніе [119] изъ Чехіи. Захарій Теобальдъ оставилъ, кромѣ Гуситской войны, еще нѣсколько другихъ трактатовъ касательно Чешской исторіи [120]; но изъ нихъ всѣхъ наибольшею извѣстностью пользуется жизнеописаніе Гуса и Гуситская война; Гизелеръ отнесъ даже это сочиненіе къ источникамъ относительно Гуса, но это незаслуженнымъ образомъ. Изданіе 1609 г. посвящено славному историческому лицу Чехіи, твердому защитнику вѣроисповѣдной свободы, графу Іоакиму Каспару Шлику. Изъ посвященія узнаемъ, что сочинитель учился, за пять лѣтъ до изданія этого своего труда, въ Виттенбергскомъ Университетѣ: здѣсь чтеніе сочиненій Гуса возбудило въ немъ любопытство уз-

---

[116] *Zeyfrid* p. 285.

[117] У Пальцеля заглавіе приведено вовсе иначе: Hussiten Kreig oder Geschische des Lebens und der Lehre Ioh. *Hussens*, ingleichen der böhmischen Kirche, nebst einem Anhange des böhmischen Glaubenbekenntnisses. Wittenberg 1609, Nürnberg 1621 in 4°, 1640, Вратиславa, 1750, въ 4-ку. Латинскій переводъ Понтана, почти современный самому подлиннику, вышелъ въ 1621 г., in f°.

[118] *Zeifrid* p. 8., прим. (i).

[119] *Pelzel* Gesch. von Böhmen, 3 Auflage, 1782, S. 759.

[120] *Pelzel* Gesch. v. B. S. 976 и 977.

нать всѣ подробности его жизни. Оставивъ Университетъ, Теобальдъ, съ друзьями, молодыми людьми, отправился въ Чехію, и тутъ тщательно собралъ всѣ извѣстія, все, что относились къ памяти Гуса. Но онъ не зналъ Чешскаго языка, и хотя заставлялъ переводить для себя Чешскія лѣтописи, однако никогда не могъ (какъ ниже увидимъ) вознаградить того недостатка въ своихъ знаніяхъ, который былъ неизбѣженъ; отъ сего ему осталась неизвѣстна большая часть важныхъ Чешскихъ памятниковъ. Списокъ авторовъ, предпосланный исторіи Теобальда, носитъ на себѣ крайнюю односторонность; такъ онъ пользовался не только писателями, едва, едва коснувшимися дѣла Гуса, какъ то Баптистомъ Фульгозою, Вилибальдомъ Виркгаймеромъ и др., но и писателями, которые не имѣютъ никакого авторитета въ дѣлахъ Гуса, какъ то Кранцомъ, Энеемъ и Дубравскимъ. Единственные хорошіе и къ дѣлу относящіеся источники: Acta concilii Constantiensis, Confessio Fratrum Bohemicorum, Laurentius Professor Pragensis (?), Procopius Lupacius — только: все прочее—одинъ наборъ именъ, не болѣе. Какой матеріалъ для изученія Гуса и Гуситскихъ войскъ могутъ доставить Герсонъ, Вальденъ, Певьеръ и под.? Въ краткомъ Латинскомъ извѣстіи, слѣдующемъ тотчасъ за исчисленіемъ источниковъ, Теобальдъ говоритъ, что онъ пользовался многими рукописными сочиненіями, которыя бралъ у Якова Будыхія, пасынка профессора Пражскаго и вмѣстѣ книгопродавца, Прокопія Лупача изъ Главачова. Сюда, продолжаетъ Теобальдъ, я внесъ описаніе всего того, что случилось встрѣтить мнѣ въ храмахъ и другихъ общенародныхъ мѣстахъ относительно моего предмета [121]: Nihil enim omittere volui, quod ad veram, planam plenamque narrationem facit. Въ главѣ 1 своей исторіи въ началѣ Теобальдъ говоритъ: „Я намѣренъ кратко, но чистосердечно, изобразить все, что знаю касательно ученія, жизни и смерти Гуса, и того, что случилось при Императорѣ Сигизмундѣ до 1436 г. [122]" И дѣйствительно, въ изданіи 1609 года Теобальдъ довелъ исторію Гуситовъ только до пріѣзда Императора Сигизмунда въ Чехію и принятія его Королемъ Чешскимъ на всей волѣ Чеховъ. Странны слова Тео-

---

[121] Adjici etiam antiqua monumenta, quae in templis vel aliis locis publicis vidi et descripsi; nihil enim omittere etc.
[122] *Theobald.* p. 1.

бальда: „Лучшимъ доказательствомъ моего безпристрастія можетъ служить то, что я мало читалъ Чешскихъ писателей, а напро- „тивъ очень много Папскихъ[123].“ Многословная исторія Теобальда служила источникомъ извѣстій относительно Гуса для писателей Протестантскихъ точно также, какъ Эней Сильвій былъ таковымъ же источникомъ для Католическихъ писателей. Теобальдъ не только что не въ состояніи былъ понять значенія Гуса, но и не собралъ для потомства извѣстій изъ жизни этого мужа совѣстливо, безъ всякой задней мысли. Какъ Лютеранинъ, Теобальдъ навязалъ Гусу мнѣнія, которыхъ тотъ никогда не выдавалъ своими. Какъ Эней Сильвій сдѣлалъ Гуса Вальденсомъ, такъ Теобальдъ не менѣе неосновательно приписалъ Гусу самыя нелѣпыя мнѣнія. Ни Католики, ни Протестанты не хотѣли видѣть въ Гусѣ того, чѣмъ онъ былъ: первые сожгли его и потому волею неволею, для оправданія своего съ нимъ поведенія, должны были обвинять его въ еретическихъ мнѣніяхъ. Напротивъ Протестанты хотѣли видѣть въ Гусѣ одного изъ своихъ, и тѣмъ умножить точки опоры своей защиты противъ обвиненій Папства. Гусъ, Чешскій историческій дѣятель XV-го стол., совершенно не похожъ на того Гуса, котораго сдѣлали себѣ Паписты и Протестанты: его дѣйствія и слова совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя приписываютъ ему Эней Сильвій и Теобальдъ, оба произвольно исказившіе характеръ Гуса. Впрочемъ, Теобальдъ, не смотря на то, что совершенно невѣрно изобразилъ Гуса, замѣчателенъ и полезенъ потому, что представляетъ множество извѣстій относительно него хотя совершенно безъ всякаго разбора, безъ всякой оцѣнки ихъ важности или неважности.

Много въ разное время выходило сочиненій касательно Гуса и его ученія, но всѣ они мало замѣчательны: составленныя по выше упомянутымъ источникамъ, онѣ не приносятъ ничего новаго въ исторію, повторяютъ то, что тысячу разъ прежде было повторено, и потому не имѣютъ никакого научнаго интереса[124].

---

[123] Solche Geschichten hab ich sonderlichen aus Bästischen und wenig Böhmischen Scribenten zusammen gelesen, darumb desto weniger in Verdacht ein kann, als hette ich einer Parthey mehr als der andern zugelegt.

[124] Geschichte des Hussiten Krieges als Lesebuch, bearbeitet von W. I. *Schubert*. Neustadt 1824.

ᵎя Гуса и Гуситовъ *Шуберта*, со-
ᵔ чтенія; она дѣйствительно
ᵔвляетъ выборъ самыхъ
ᵔена всякихъ глубо-
ескихъ, однако со-

ᵔти Костницкаго Собора,
л много важныхъ предме-
л онъ совершилъ много очень
ıъ дѣломъ его, безъ сомнѣ-
.нма Пражскаго или, лучше ска-
религіознымъ движеніемъ Чеховъ,
лости стали во главѣ его, одинъ сло-
омъ. Мало по малу религіозное движеніе,
пепломъ, вдругъ обличило себя съ самыми
п общностью своего характера, и удобоприло-
рахъ на Императора и Папу. Оба равно ви-
нномъ сожженіи Гуса и Іеронима Пражскаго:
о Чехія добровольно подклонитъ свою выю поли-
елигіозному рабству, потерявъ своихъ первыхъ пред-
защитниковъ, но оба горько обманулись въ своихъ
Слѣдственно, не въ томъ важность, что Гусъ и Іеро-
жскій были сожжены: они не первые и не послѣдніе
л нетерпимости и мірскаго духа Католической Церкви; но
историческомъ изслѣдованіи, ни на минуту не должно забы-
(и мы постараемся не забыть), что Гусъ и Іеронимъ не суть
тныя лица, призванныя предъ судилище отвѣчать обществу
н свои вредныя и рушительныя для него мнѣнія, но два пред-
ставителя Чешскаго народа, призванные на судъ Германской Ев-
ропы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, защитники правъ духовной и полити-
ческой свободы человѣка отъ притязаній Императора и Папы,
олицетворившихъ въ себѣ свѣтскій и духовный абсолютизмъ. Съ
этой точки зрѣнія, единой истинной, всѣ дѣйствія Гуса и Іеронима
получаютъ особенное, высшее значеніе, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, ста-
новятся послѣдовательны и понятны; потому-то для насъ важ-
ны всѣ сочиненія, относящіяся къ этому *процессу* Чехіи предъ
Западной Европой; иногда самый забытый, оставленный, маловаж-
ный фактъ, проливаетъ здѣсь свѣтъ на цѣлый рядъ событій и
служитъ къ яснѣйшему постиженію ихъ смысла.

Полное собраніе памятниковъ и подлинныхъ актовъ относительно Костницкаго Собора представляетъ сборникъ *Гардта.* Magnum Oecumenicum Constansiense Concilium ex ingenti antiquissimorum manuscriptorum mole diligentissime erutum opere Hermann von der *Hardt.* VI tom. Francofur. et Lips.; 1627—1700, in f°, Tomus VII, sistens indicem generalem, congessit *Bohnstedt.* Berol. 1742 [125]. Прежде изданія этого сборника, не было ничего издано, за исключеніемъ сокращенныхъ актовъ изъ подлинныхъ документовъ относящихся къ исторіи Костницкаго Собора [126]; нѣкоторые изъ нихъ, разсѣянные по библіотекамъ Германіи, погибли тамъ: въ 1623 въ пожарѣ, случившемся въ Кенигсбергѣ, сгорѣла исторія Костницкаго Собора, составленная Іоанномъ де Валенродомъ, братомъ Рижскаго Епископа того же имени, присутствовававшаго лично на Соборѣ; различные пожары въ Соборной церкви г Костница, въ Шпейерѣ, въ Брауншвейгѣ, и въ 1697 г. въ монастырѣ Салмансвейерѣ, въ Швабіи, пожрали не мало актовъ, относящихся къ Костниц. Собору. Рукописи Швеціи и Палитината перешли въ Ватиканъ, чтобы тамъ, безъ сомнѣнія, на вѣки остаться [127]. Съ цѣлью сохранить отъ истребленія и привести въ общую извѣстность всѣ документы, которые еще можно было имѣть относительно Костницкаго Собора, столь важнаго для исторіи Германіи, Герцогъ Брауншвейгскій, Рудольфъ Августъ, поручилъ Герману фонъ деръ *Гардту*, Профессору Восточныхъ языковъ въ

---

[125] Что касается до Чешской исторіи Энея Сильвія, то отъ 1458 по 1765 вышло, по Пельцелю (S. 968) извѣстныхъ одиннадцать изданій (Romae 1475, Basileae 1532, 1575, 1589; Salingiaci 1538; Hanov. 1602; Wolfenbütt. 1620, Francof. 1687; Helm. 1699; Pragae 1766. Кромѣ того вышелъ Италъянскій переводъ исторіи Энея Сильвія Venetiis 1544; Чешскій переводъ вышелъ въ Прагѣ уже въ 1510 году; также съ Cutheni Chronico et Epistola Pogyii Flor. 1585.

[126] Эти сокращенные акты Костницкаго Собора въ томъ видѣ, какъ ихъ утвердилъ Соборъ Базельскій въ 1442, въ первый разъ изданы Іеронимомъ de Кроаріа, профессоромъ Юриспроденціи въ Инголыштадтѣ: Aca scita dignissime docteque concinnata Concilii Constantientis celebratissimi; съ немногими дополненіями вышли послѣдующія изданія 1506—1511 и 1606 года.

[127] Lenfant L'hist. du Conc. de Constance; Introduction, p. XXXV. sq.

Гельмштадтѣ, отыскать и издать всѣ бумаги, какія только найдутся въ библіотекахъ Костницкаго Собора. Сильное покровительство Герцога и неутомимое трудолюбіе Гардта исполнили удачно это трудное дѣло; сборникъ Гардта необходимъ каждому историку Костницкаго Собора, столь важнаго для исторіи всей Европы, что не изслѣдовавъ дѣйствій этого знаменитаго Собора, непонятенъ вовсе ходъ современныхъ событій. Главный матеріалъ Гардту доставили библіотеки: Брауншвейгская, Вольфенбютельская, Гельмштадская и Целльская; отчасти пользовался онъ рукописями библіотекъ Вѣнской, Берлинской, Готской, Эрфуртской и особенно библіотеки Св. Павла въ Липскѣ. Конечно, нельзя не сожалѣть, что Гардту были недоступны многія библіотеки Швабіи и Франконіи, не говоря уже о библіотекахъ Франціи, Англіи, Италіи и др., скрывающихъ многія сокровища, но намъ нельзя достаточно оплакать то обстоятельство, что архивы Чехіи, по многихъ причинамъ, остались вовсе нетронутыми; этимъ достаточно объясняется бѣдность Гардтова сборника на счетъ дѣлъ Чешскихъ; впрочемъ, во всякомъ случаѣ, процесъ Гуса и Іеронима Пражскаго вполнѣ изучаемъ быть не можетъ безъ помощи документовъ, напечатанныхъ въ сборникѣ Гардта; особенно важенъ для насъ третій томъ, гдѣ содержатся всѣ постановленія и дѣйствія собора относительно догматовъ Вѣры.

Въ сборникъ Гардта не вошло нѣсколько исторій Собора Костницкаго, писанныхъ на языкѣ Нѣмецкомъ: это труды *Дашера*, *Рейхенталя* и *Штумпфа*, которые Гардтъ намѣревался издать отдѣльно подъ заглавіемъ „Нѣмецкихъ историковъ Костницкаго Собора", но не успѣлъ въ томъ. *Дашеру* поручено было отъ Курфирста Рудольфа Саксонскаго записывать имена всѣхъ чужестранцевъ, бывшихъ на Соборѣ; Дашеръ не только исполнилъ это съ крайнею отчетливостью и точностью, но и записалъ все, случившееся на Соборѣ, поденно; впрочемъ, рукопись его доселѣ вполнѣ издана не была. Тѣмъ замѣчательнѣе трудъ совершенно такого же рода, принадлежащій Ульрику *Рейхенталю*, другу Дашера. Ульрихъ *Рейхенталь*, Каноникъ Костницкаго Собора, долженъ былъ, по порученію Императора Сигизмунда, приготовить въ Костницѣ все для принятія и содержанія Отцевъ Собора, а также и записать все, что замѣчательнаго случится на Соборѣ. Сочиненіе Рейхенталя заслуживаетъ полнаго довѣрія на счетъ всей внѣшности Собора, названій, титуловъ и гербовъ разныхъ лицъ и прочихъ мелочей, но имъ надо поль-

зоваться съ чрезвычайною осторожностью и осмотрительностью относительно повѣствованія его о внутренней сторонѣ дѣйствій Собора и даже относительно хронологіи, потому что Рейхенталь записывалъ не тотчасъ, какъ случилось, а уже въ 1434 году и, вѣроятно, съ памяти; этимъ только можно объяснить странную неточность и небрежность его исторіи, заключающей важнѣйшія данныя рядомъ съ мелочами, а иногда и просто ложью. Первое изданіе сочиненія Рейхенталя вышло въ 1486; въ 1536 году исправлено было, сообразно съ потребностями языка, и издано вновь подъ заглавіемъ: Das Concilium so zu Constanz gehalten ist worden des jars do man zalt von der geburdt unsers erlösers MCCCCXIII Jar. и т. д.

Сочиненіе *Штумпфа*, Швейцарскаго историка XVI стол. (первой его половины), котораго Швейцарцы называютъ своимъ Титомъ Ливіемъ, очень важно. Относительно процеса Гуса, правда, оно заключаетъ въ себѣ только переводъ извѣстнаго уже намъ протокола Петра изъ Младеновицъ и отчасти актовъ Собора, но относительно процеса Іеронима представляетъ извѣстія, очень любопытныя и драгоцѣнныя по отсутствію другихъ источниковъ. Des grossen gemeinen Conciliums zu Costentz gehalten kurtze, doch grundlichere und volkommnere dann vor nie in Teütsch gesähen, beschreybung, was täglich von einer Session zu der andern, in geistlichen und weltlichen sachen, darinn und darnebend gehandlet ist, durch Johann Stumpffen (Sine Loco et Anno). Въ предисловіи Штумпфъ пишетъ, то онъ пользовался всѣми книгами относительно Костницкаго Собора и разныхъ происшествій, на немъ случившихся; такъ видно, что ему извѣстны: Рейхенталь, Эней Сильвій, письмо Поджи и многое другое. Семь отдѣловъ сочиненія распредѣлены такъ, что *первый* посвященъ причинамъ и началу собора, *второй* всему, что относилось къ процесу Гуса и Іеронима Пражскаго, *третій* повѣтствованію о войнѣ Сигизмунда съ Фридрихомъ Австрійскимъ, *четвертый* уничтоженію Папскаго раскола, *пятый* вѣнчанію и посвященію, а равно и дѣйствіямъ Папы, Мартына V, *шестый* попыткамъ преобразованія, имѣвшимъ мѣсто на Соборѣ, и изслѣдованію плодовъ этого преобразованія, поскольку оно было совершено Костницкимъ Соборомъ, и *седьмый* описанію внѣшности Собора, числу его членовъ, ихъ людей и проч. Вообще, эта книга чрезвычайно полезна и написана очень просто и завлекательно.

Ланфанъ, трудолюбивый ученый XVIII стол., написалъ очень хорошее и дѣльное сочиненіе относительно Костницкаго Собора, подъ заглавіемъ: Histoire du Concile de Constance, par Jaques Lenfant. Amsterdam. 1727. Сочиненіе *Ланфана* есть излеченіе и переводъ документовъ, собранныхъ Гардтомъ и представляетъ первое сочиненіе, авторъ котораго воспользовался богатыми матеріалами Гардтова сборника. Мы уже замѣтили, что этотъ сборникъ бѣденъ памятниками относительно религіознаго Чешскаго движенія: сочиненіе Ланфана относительно Костницкаго Собора очень слабо въ этомъ отношеніи. Но должно отдать совершенную справедливость *Ланфану*, что онъ первый критически прослѣдилъ жизнь Гуса и отдѣлилъ отъ нея и то, что ненависть Католиковъ вымыслила, и то, что слѣпое рвеніе Протестантовъ выдумало въ пользу своего дѣла; сочиненіе *Ланфана* представляетъ немногіе, но за то вѣрные, факты. Въ исторіи Пизанскаго собора *Ланфанъ* подробно, на основаніи несомнѣнныхъ источниковъ, прослѣдилъ внѣшнія явленія жизни Гуса. Вообще, за исключеніемъ того, что *Ланфанъ* не изучалъ Гуса, какъ явленія Чешской исторіи, и потому, естественно, ошибался и при оцѣнкѣ его, какъ перваго дѣятеля, изслѣдованія *Ланфана* о немъ суть самыя безпристрастныя и истинныя, какія мы только до сихъ поръ имѣемъ. Здѣсь мы разумѣемъ изслѣдованія писателей Нѣмецкаго племени.

Б. Что касается до сочиненій, имѣющихъ спеціальною своею цѣлью *изслѣдованіе Чешскаго религіознаго движенія*, то, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одного, которое бы обнимало всѣ явленія этого религіознаго движенія, его причины и слѣдствія. Многіе изъ ученыхъ Чеховъ, пережившихъ страшное гоненіе Фердинанда, сознали, что великій, геройскій періодъ ихъ отечества, кончился, и спѣшили собрать и издать все, что имъ было извѣстно. Такому-то побужденію обязаны мы трудами *Бальбина*, *Амоса Коменскаго*, *Павла Странскаго*, *Теобальда* и многихъ др. Въ великую историческую эпоху не до того бываетъ, чтобы хладнокровно записывать событія: тутъ дѣятельность поглощаетъ все и не даетъ отдыху; но съ возвращеніемъ дѣлъ въ ихъ обыкновенный уровень, настаетъ время собирать и записывать все, что случилось прежде: послѣ періода дѣйствія настаетъ періодъ науки. Однако, въ исторіи Чехіи немедленно за періодомъ высокой исторической дѣятельности настало время религіознаго и поли-

тическаго рабства: не только писать, но и говорить о страшномъ для Австріи народномъ движеніи Чеховъ было опасно, и трудолюбивые Чешскіе историки XVII и XVIII стол. тщательно обходятъ самый славный періодъ исторіи своего отечества. Потому, за исключеніемъ историческихъ трудовъ Пельцеля и, недавно вышедшаго тома исторіи Чехіи, Палацкаго, мы не имѣемъ рѣшительно ничего важнаго относительно періода, насъ занимающаго. Писатели, незаботливые о своей исторической доброй славѣ, лгутъ, очертя голову, но истинолюбивые писатели тщательно избѣгаютъ говорить о немъ. Кромѣ сочиненій, выше разсмотрѣнныхъ, сюда относятся слѣдующія: 1) Kronyka czeska, spuosob wijry Křestianske pod obogi zpuosobu Tiela a Krwe Pana Gesu Krysta, y take pod gednau w sobie obsahuge, sepsaná od *Bohuslawa Bjlegowského.* 1537; во второй разъ издана подъ заглавіемъ: Kronyka Cýrkewnj, w njž se přjběhowé a přjhody cýrkwe České od gegjho počátku až do léta Paně 1532 wyprawugj, sepsaná před třemi sty lety od Boh. Bjlegowského, Kněze strany pod obogj, nyni pak wydana s předmluwau a mnohými zaznamenanjmi od *Jozefa Skalického,* Kněze strany pod gednau. W Praze. 1816. 2) Kalendarž hystoryczky, sepsaný a wydaný praczy *Adama z Weleslawjny.* W Praze. 1577. 3) Rerum bohemicarum Ephemeridis historicae liber primus, concinnatus studio atque opera Procopii *Lupacii.* Norimb. 1578. 4) Chronologica Bohemicae Ecclesiae adumbratio, authore Zacharia *Theobaldo* juniore. Wittenberg. 1611. 5) Balth. *Lydii* M. F. Palatini Ecclesiastae apud Dordrechtanos, Waldensia, i. e., conservatio verae Ecclesiae, demonstrata ex confessionibus, cum Thaboritarum ante CC fere annos, tum Bohemorum circa tempora reformationis, scriptis. Roterodami. 1616. 2 tomi [123]. Число сочиненій относительно какого ни будь изъ многочисленныхъ дѣятелей великаго Чешскаго религіознаго движенія или какого нибудь изъ частныхъ его событій—безчисленно; такъ, сколько и въ Чехіи и внѣ ея было написано относительно Гуса, Іеронима Пражскаго, Жижки! Сколько писали и издавали сочиненій относительно Гуситскихъ войнъ и различныхъ ихъ событій! Изъ числа спеціальныхъ сочиненій относительно этого періода мы приведемъ только тѣ, которыя прибавляютъ какой ни

[123] См. на концѣ третьяго изданія исторіи Пельцеля (1782) Verzeichniss der Geschichtsbücher von Böhmen, S. 957—1014.

будь новой фактъ въ наукѣ, или отличаются новымъ и свѣтлымъ взглядомъ. Намъ не извѣстно ни одного сочиненія, за исключеніемъ уже выше разсмотрѣннаго труда Амоса Коменскаго, которое содержало бы исторію Чешскаго религіознаго движенія отъ первыхъ его началъ до его парализаціи гоненіями Фердинанда II го. Болѣе всѣхъ прочихъ замѣчательно и здѣсь сочиненіе *Ланфана*: Histoire de la guerre des Hussites et du Concile de Basle. Amsterdam. 1731. Оно представляетъ необходимое продолженіе исторіи Костницкаго Собора того же сочинителя. Изъ предисловія [129] узнаемъ, что Ланфанъ намѣренъ былъ довести исторію Гуситовъ до 1460 г., но смерть застала на 1453 г., до котораго только доходитъ разсказъ его. Ланфанъ пользовался многими и хорошими источниками, длинный списокъ которыхъ выставленъ предъ его трудомъ. Яковъ Ланфанъ, Реформатскаго исповѣданія, былъ родомъ изъ Франціи, гдѣ родился въ 1686 году; въ слѣдствіе Нантскаго едикта, онъ, 22 лѣтъ отъ роду, принужденъ былъ оставить Францію и удалиться въ Женеву; скоро потомъ онъ переѣхалъ въ Берлинъ, куда удалилась большая часть Реформатовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, и здѣсь, въ теченіи 39 лѣтъ, былъ пасторомъ при этой Французской колоніи; онъ умеръ, отъ паралича, въ 1728 году и оставилъ послѣ себя множество сочиненій, изъ которыхъ самыя замѣчательныя суть исторіи соборовъ Пизанскаго, Костницкаго и Базельскаго. Ланфанъ въ исторіи Гуситовъ и Базельскаго Собора попытался представить Гуса явленіемъ жизни Чешскаго народа нормальнымъ и послѣдовательнымъ и объяснить появленіе его изъ прошедшаго жизни этого народа: опытъ чрезвычайно удачный и замѣчательный, обличающій въ Ланфанѣ качества хорошаго историка, откровенность и прозорливость къ проникновенію идеи, выражающейся въ внѣшнихъ явленіяхъ. Онъ разсказываетъ здѣсь не только подробно жизнь Гуса въ связи съ исторіею Чехіи и Церкви Католической вообще, но и касается исторіи религіозной Чехіи до Гуса; это самый сомнительный и малоизвѣстный періодъ исторіи Чехіи, отъ котораго осталось чрезвычайно мало памятниковъ, да и тѣ, большею частью, неизвѣстны. Столь важный

---

[129] Pag. XI.

переворотъ, каковъ тотъ, котораго словеснымъ представителемъ является Гусъ, принадлежитъ къ числу кризисовъ въ жизни народовъ и человѣчества, кризисовъ, къ которымъ приготовленіемъ является вся предшествующая исторія народа и человѣчества. Великое религіозное движеніе Чешское XV стол. не уступаетъ ни важностью своихъ слѣдствій, ни глубокимъ интересомъ событій великому политическому движенію во Франціи конца XVIII стол., и причины перваго не менѣе зависятъ отъ всей жизни Чешскаго народа, какъ и причины втораго имѣютъ корнемъ все развитіе Французскаго народа. Меньше всего доселѣ сдѣлано историками для изученія явленій религіозной жизни въ Чехіи до Гуса, а между тѣмъ въ нихъ-то лежитъ зародышъ всѣхъ послѣдующихъ явленій. Ланфанъ чувствовалъ необходимость связать явленіе Гуса съ жизнью всего Чешскаго народа и, такимъ образомъ, разумно и послѣдовательно объяснить его ученіе и дѣйствія: при бѣдности матеріаловъ его относительно этого періода, онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, и то, что онъ сдѣлалъ, было единственнымъ доселѣ источникомъ для изученія періода до Гуса. Только изслѣдованія Палацкаго стоятъ выше изслѣдованій Ланфана, самаго дѣльнаго изъ всѣхъ Западныхъ историковъ, писавшихъ относительно Чешской исторіи и Гуса. До изданныхъ въ самое новѣйшее время изслѣдованій Палацкаго, основанныхъ на совершенно новыхъ и замѣчательныхъ источникахъ, все, что говоритъ Бальбинъ на счетъ мнимыхъ предшественниковъ Гуса, было единственнымъ источникомъ для ихъ изученія: съ Бальбиномъ не соглашались, но все таки принуждены были возвращаться къ нему, за недостаткомъ другихъ источниковъ: самыя ошибки Бальбина вошли въ исторію и повторены всѣми. Вообще, относительно религіознаго состоянія Чехіи до Гуса мы принуждены были собирать отвсюду матеріалы и не пренебрегать никакимъ, самымъ ничтожнымъ, по видимому, извѣстіемъ. Относительно вліянія Католическаго и Православнаго Богослуженій в Чехію отрывочныя, но важныя, извѣстія находимъ у *Палацкаго* „Исторія Чехіи," т. I й, и у *Пельцеля* „Исторія Чехіи," т. Относительно исторіи Православнаго исповѣданія въ Чехіи мы совѣтовались съ сочиненіемъ *Мацѣевскаго*: „Исторія первобытной Христіанской Церкви у Славянъ (переводъ О. Евецкаго. Варшава 1840)"; относительно Славянскаго обряднаго богослуженія (rіtu

замѣчательныя свѣдѣнія сообщаетъ *Добровскій* въ „Исторіи Чешской Литературы" ; относительно исторіи Сазавскаго монастыря, какъ представителя не только Славянскаго языка и обряда, но и остатковъ Православія въ Чехіи, важныя свѣдѣнія представляетъ *Добнеръ* въ примѣчаніяхъ на Гайка [130]. Здѣсь Добнеръ предложилъ, въ хронологическомъ порядкѣ, сводъ разныхъ извѣстій относительно древней Чешской исторіи, изъ множества Чешскихъ и иностранныхъ писателей; такъ онъ прекрасно очертилъ исторію Сазавскаго монастыря, основываясь на словахъ неизвѣстнаго Сазавскаго лѣтописца, продолжателя Козьмы. *Добровскій*, въ своей исторіи Чешской Литературы, представилъ исторію Славянскаго Богослуженія въ Чехіи, которая заключаетъ въ себѣ много важныхъ данныхъ; онъ же очень хорошо опредѣлилъ вліяніе религіознаго Чешскаго движенія на ихъ умственную дѣятельность и внѣшнюю сторону Литературы. Чрезвычайно важные матеріалы для исторіи предуготовительнаго періода великаго Чешскаго религіознаго движенія содержатся въ двухъ трудахъ извѣстнаго Чешскаго историка, *Пельцеля:* это — Исторія царствованій двухъ королей Чешскихъ, изъ которыхъ при одномъ пришли въ зрѣлость сѣмена, давшія такой богатый плодъ во второмъ: царствованіе Карла IV въ Чехіи важно особенно, какъ преддверіе царствованія Вацлава IV го. Оба царствованія, съ своимъ особеннымъ историческимъ характеромъ, составляютъ непрерывное продолженіе событій, гдѣ все связано цѣпью причинъ и слѣдствій. Обыкновенно видятъ въ царствованіи Вацла́ва внезапный переломъ въ жизни Чешскаго народа, переворотъ въ его характерѣ и дѣйствіяхъ, а въ образѣ мыслей и поступковъ обоихъ королей, Карла IV и Вацлава, замѣчаютъ противуположность. Но по закону исторической необходимости, царствованіе Вацлава должно было смѣнить царствованіе Карла IV. Народъ не есть масса единицъ безъ всякаго духовнаго значенія, не есть только одна отрицательная, матеріальная сила: въ немъ, какъ цѣломъ, совершается

---

[130] Wenceslai Hagek a Liboczan Annales Bohemorum, e Bohemica editione latine redditi et notis illustrati a P. Victorino a S. Cruce e scholis piis, nunc...aucti a P. Gelasio a S. Catharina. VI. Pragae.

постоянное развитіе, движеніе, въ которомъ каждый изъ частныхъ лицъ принимаетъ безсознательное участіе. Процесъ этого развитія скрытъ во глубинѣ духа народнаго и разгадать его принадлежитъ истинной исторіи, которая скажетъ, что приписываемое личнымъ качествамъ и усиліямъ того или иного историческаго дѣятеля, дано ему народомъ, поскольку этотъ дѣятель есть представитель народа. Не великія личности по своему произволу влекутъ за собой народъ, но этотъ послѣдній, отъ времени до времени, въ слѣдствіе своего собственнаго внутренняго развитія, выдвигаетъ человѣка, который, дѣйствуя, будто бы, отъ своего лица, сознаетъ только то, что безсознательно совершилось уже или совершается въ тайнѣ духа народнаго. *Народъ весь, взятый вмѣстѣ, живетъ разумною жизнью, которая высказывается преимущественно въ тѣхъ лицахъ, которыя сознаютъ потребности народа*; въ этой жизни народа, какъ отвлеченнаго цѣлаго, различаемъ двѣ стороны: внутреннюю и внѣшнюю. Законы развитія духа народнаго одни и тѣже, но самое развитіе безконечно: неистощимъ міръ явленій внѣшней природы; во сколько же разъ богаче міръ внутренній, міръ духа человѣческаго? Внѣшнія явленія жизни народа, какъ проявленія его разумнаго развитія, служащія къ постиженію направленія, хода и поступанія впередъ этого развитія, важны всѣ безъ исключенія: иногда самыя пренебреженныя, ничтожныя явленія служатъ къ разгадкѣ тайны жизни народа. *Чешскій народъ, какъ народъ, живетъ своею разумною жизнью: постигнуть тайну и смыслъ его жизни—вотъ дѣло его историковъ!* Но если трудно бываетъ постигнуть явленія міра внутренняго человѣка, какъ лица, то тѣмъ невозможнѣе подмѣтить тайну жизни народа; остается отгадывать ее въ частныхъ явленіяхъ, изъ которыхъ каждое, съ этой точки зрѣнія, бываетъ исполнено смысла. Доселѣ, за исключеніемъ немногихъ, кто обращалъ вниманіе на народъ? Строгое изученіе историческихъ явленій покажетъ рано или поздно, что въ народѣ совершается втихомолку великое дѣло развитія, что тамъ приготовляются и матеріалы для исторіи и историческіе дѣятели, что, по видимому тупая и безсмысленная масса народа господствуетъ надъ всѣми дѣйствіями историческихъ лицъ, которыя потому только и историческія, что суть представители народа. Карлъ IV и Вацлавъ IV были необходимыми явленіями въ жизни Чешскаго народа

характеръ того и другаго былъ условленъ характеромъ народа и зависѣлъ непосредственно отъ него. Потому-то, по видимому, внезапная перемѣна въ характерѣ Вацлава IV, надъ разгадкою которой тщетно трудились историки, находитъ себѣ полное и удовлетворительное объясненіе въ измѣненіи внутренняго расположенія всего Чешскаго народа. Потому-то царствованія Карла IV, (1 го въ порядкѣ Чешскихъ Королей) и Вацлава IV го важны для насъ, какъ проявленія расположенія Чешскаго народа въ двухъ періодахъ времени, столь, по видимому, близкихъ и столь разнохарактерныхъ. Въ этомъ смыслѣ важны для насъ два слѣдующіе сочиненія Пельцеля: 1) Kaiser Karl der Vierte, König in Böhmen. Prag. 1780. 2) Lebensgeschichte des Römischen und Böhmischen Königs Wenceslaus. Prag. 1788. Каждое изъ этихъ сочиненій состоитъ изъ тома текста и тома актовъ и документовъ различнаго рода и представляетъ богатый матеріалъ изучающимъ Чешскій народъ и жизнь его въ ея внѣшнихъ явленіяхъ: этѣ послѣднія являются здѣсь совершенно такъ, какъ были неискажены личными любимыми идеями автора. Тутъ много видимъ фактовъ относительно религіознаго Чешскаго движенія, его предуготовительнаго и его дѣятельнаго періода, фактовъ, которыми доселѣ никто не воспользовался: изъ многихъ приведемъ одинъ примѣръ; таковъ актъ, приложенный Пельцелемъ къ концу перваго тома своей исторіи, актъ безконечный важности для исторіи религіознаго движенія въ Чехіи — это: Acta in Curia Romana a Genzenstein, Archiepiscopi Pragensis, извлеченныя Пельцелемъ изъ Ватиканской библіотеки, такъ живо представляющія религіозное состояніе Чехіи предъ выступленіемъ Гуса на поприще дѣятельности. Исторія Карла IV превосходно обработана Пельцелемъ по богатымъ собраніямъ актовъ, относящихся ко времени этого Императора. Что касается до жизнеописанія короля Вячеслава, то самъ авторъ видитъ въ немъ продолженіе царствованія Карла IV го; составляя его, онъ пользовался множествомъ источниковъ, списокъ которыхъ приложенъ тамъ же. Добросовѣстный трудъ Пельцеля, истинно Славянскаго историка, заслуживаетъ большей извѣстности: важность его для изученія идеи развитія Чешскаго народа — безконечна. Только изъ подробнаго и дѣятельнаго изученія явленій можетъ возникнуть общая идея времени или событія; въ этомъ отношеніи каждый исто-

рикъ, занимающійся Чешскою исторіею, благословитъ въ душѣ память трудолюбиваго Пельцеля, который трудился для другихъ, доставлялъ матеріалы къ полному и свѣтлому воззрѣнію на исторію Чешскаго народа, воззрѣнію, которое безъ трудолюбиваго Пельцеля было бы или не возможно, или не основано на истинѣ [151].

Въ иномъ отношеніи замѣчательна исторія Чехіи *Палацкаго* [152]; это трудъ историка, впервые пытающагося пролить свѣтъ на исторію Чешскаго народа, проникнуть въ тайну его внутренней жизни и, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Палацкій уже не старается, какъ его предшественники (не исключая и Пельцеля), сообщить, какъ можно болѣе фактовъ Чешской исторіи, но онъ пытается проникнуть въ ихъ внутреннюю сторону, подвести ихъ подъ законы высшаго развитія. Нельзя было бы не пожелать сочинителю большей живости и свѣжести чувства любви къ народному своему и Славянскому въ особенности; но нельзя не замѣтить и того, что сочинитель, по причинамъ, очень понятнымъ, вездѣ избѣгаетъ случая высказывать свои личныя убѣжденія и мнѣнія; онъ боится на шагъ удалиться отъ событій. Къ сожалѣнію, кромѣ разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя способны была остановить слово правды на концѣ пера историка и повести его въ иномъ направленіи, нежели въ какомъ ему было бы желательно, и самый личный характеръ и убѣжденія г. Палацкаго не всегда благопріятствовали безпристрастному и свѣтлому взгляду на событія, особенно ихъ смыслъ. Религіозныя убѣжденія чрезвычайно вредны при оцѣнкѣ великаго Чешскаго религіознаго движе-

---

[151] *Franz Martin Pelzel's* Geschichte der Böhmen, von den ältesten bis an die neuesten Zeiten. Aus den besten Gechichtschreibern, Kroniken und gleichzeitigen Hundschriften zusammen getragen. Prag, 1782. Это третье изданіе, доведенное до смерти Императрицы Маріи Терезіи, умножено многими прибавленіями, очень важными, съ изображеніемъ умственной жизни Чеховъ по истеченіи каждаго періода, и т. д.

[152] Geschichte von Böhmen, grösstentheils nach Urkunden und Handschriften von *Franz Palacky*. Prag. 1836 — 1845. 3 Bände.

нія, и его оцѣнить вполнѣ нельзя ни Католику, ни Протестанту: непремѣнно надобно быть *Славяниномъ и Православнымъ*, чтобы вполнѣ понять глубокое значеніе этого событія, которое и доселѣ оставило глубокіе слѣды въ жизни Западныхъ Славянъ. Въ первомъ отдѣлѣ третьяго тома Г. Палацкій изложилъ исторію Чехіи при Вацлавѣ IV, гдѣ коснулся (не болѣе) исторіи религіознаго Чешскаго движенія: умно и ясно излагаетъ онъ событія, но и только; ему было извѣстно много новыхъ источниковъ для оцѣнки Гуса, и онъ воспользовался ими; но прочтите все, что у Палацкаго написано о Гусѣ, и вы все таки не узнаете ни характера этого дѣятеля, ни его значенія. Масса вашихъ свѣдѣній о немъ умножилась, но свѣтлаго взгляда, обнимавшаго бы всѣ частныя событія Гуса и [illegible]завшаго имъ смыслъ, у васъ не останется послѣ чтенія Палацкаго. Вообще это — *исторія внѣшнихъ дѣйствій Гуса*, а не его внутренней жизни въ связи съ развитіемъ Чешскаго народа.

Недостатокъ книги Г. Палацкаго выполняетъ съ избыткомъ сочиненіе *Боншоза*: Les Réformateurs avant la Réforme. Siecle. XV. Jean Hus et le Concile de Constance, par *Emile de Bonnechose*. Paris. 1845. 2 voll. Все это сочиненіе, отъ первой до послѣдней страницы, дышетъ самымъ Христіанскимъ чувствомъ, не исключающимъ никакой народности, никакого явленія. Боншозъ принесъ къ изученію Гуса зрѣлое, общехристіанское, воззрѣніе, и тѣмъ уже сталъ безконечно выше всѣхъ своихъ предшественниковъ, смотрѣвшихъ на Гуса съ точки зрѣнія своихъ личныхъ, или народныхъ религіозныхъ, взглядовъ. Это сочиненіе написано человѣкомъ, глубоко чувствительнымъ, способнымъ на все доброе: къ сердцу взялъ онъ дѣло Гуса и далъ ему вовсе иной оборотъ, нежели какой оно имѣло прежде. И не странно ли? Человѣкъ инаго племени, съ иными убѣжденіями, приступаетъ къ изученію Гуса и невольно проникается любовью къ нему и его ученію, со всѣмъ жаромъ благородной души заступается за него и грудью отстаиваетъ его отъ ложныхъ обвиненій враговъ. А между тѣмъ одинъ новѣйшій историкъ остается холодно равнодушенъ и важно строгъ при изученіи самаго лучшаго періода своего народа. Конечно, чувство иногда способно увлечь, но оно же открываетъ великія истины, которыхъ никогда не найдти холодному, систематическому уму. *Не уже ли и въ оцѣнкѣ явленій нашей Сла-*

вянской жизни должны обогнать насъ люди иного племени? Но уже ли у нихъ научимся понимать событія, въ которыхъ принимали участіе наши предки? Сочиненіе Боншоза вышло почти въ одно время съ Палацкаго третьимъ томомъ, и первый дополнитъ недостатокъ втораго, и на оборотъ. Съ какою любовью смотрѣлъ на Гуса Боншозъ, покажутъ слѣдующія строки [133]: „Излагая исторію Гуса и Костницкаго Собора, я знаю заранѣе, „что, представляя на удивленіе нѣкоторыхъ жизнь этого праведника, жертвы Собора, я подвергну его новымъ обидамъ. Но каждому, кто захотѣлъ бы оскорбить его память, я скажу: Гусъ „отвергнулъ мысль, чтобы человѣкъ, по какому бы то ни было „поводу, долженъ былъ оглушать голосъ своей совѣсти и дѣйствовать противъ внутренняго убѣжденія, согласитесь ли вы съ „нимъ или нѣтъ? Скажу еще: пройдите мыслью всѣ обстоятельства его жизни, прочтите его письма, его трогательныя письма, въ которыхъ обличается душа самая непорочная и святая „ревность; посмотрите, сколько любви къ благу, сколько отвращенія отъ зла, сколько преданности истинѣ! Посмотрите на жизнь „его, на его смерть: потомъ положите руку на сердце и скажите: Я лучшій Христіанинъ, нежели этотъ человѣкъ.... И тогда „оскорбляйте его!....“ Боншозъ изложилъ не только исторію борьбы Гуса съ Католическою Церковью, но и слѣдствія ея въ самой Чехіи. Но здѣсь-то обнаружилась односторонность его взгляда. Своимъ чистымъ неиспорченнымъ чувствомъ, Боншозъ отгадалъ многое чрезвычайно удачно, но, при всей силѣ и полнотѣ своего таланта, онъ не могъ вознаградить недостатка основательныхъ и твердыхъ познаній касательно жизни всего Чешскаго народа. Гуса невозможно разсматривать врозь отъ народа, котораго онъ есть первокласный представитель. *Гусъ прежде всего Чехъ, потомъ Славининъ, а потомъ уже Реформаторъ-Христіанинъ*: всѣ его дѣйствія нераздѣльны съ дѣйствіями народа Чешскаго, и онъ потому такъ великъ, какъ всемірный дѣятель, что онъ не только свидѣтельствуетъ о высокой степени нравственнаго воспитанія Чешскаго народа, но и воплощаетъ въ себѣ всѣ его элементы, всѣ его требованія и постоянно дѣйствуетъ не во имя

---

133 Preface p. XXX.

своихъ частныхъ интересовъ, но во имя Чешскаго народа. Къ сожалѣнію, Боншозу мало была извѣстна жизнь Чешскаго народа, а потому онъ смотрѣлъ на Гуса издали, съ высоты общечеловѣческаго воззрѣнія, давалъ ему слишкомъ общій и всесторонній характеръ. Гусъ въ изображеніи Боншоза теряетъ вовсе свой Чешскій характеръ и является какимъ-то философомъ-космополитомъ новаго времени [134]. Но свѣтлый взглядъ Боншоза отрадно поражаетъ насъ и заставляетъ забыть въ немъ недостатокъ самобытнаго изслѣдованія и излишнюю самонадѣянность на свои силы.

Остается сказать о *тѣхъ сочиненіяхъ*, *которыя не имѣютъ спеціальною цѣлью изученіе Чешскаго религіознаго движенія*, *но касаются его мимоходомъ*, *излагая исторію всеобщую*, *свѣтскую*, *или церковную*, или тѣ сочиненія, *которыя занимаются исторіею религіознаго развитія до Гуса и въ иныхъ странахъ*, и, такимъ образомъ, показываютъ его отношеніе къ нашему Чешскому движенію. Здѣсь особенно важны тѣ сочиненія, которыя могутъ служить къ тому, чтобы оцѣнить мѣсто Чешскаго религіознаго движенія въ ряду иныхъ оппозиціонныхъ Католицизму движеній, въ разное время и въ разныхъ странахъ Европы обнаружившихся, особенно тѣхъ, которыя проявились въ Вальденсахъ и Виклефѣ. Относительно *Вальденсовъ* мы пользовались слѣдующими сочиненіями: 1) De Vraldensibus eorumque doctrina et moribus, liber a Pontificio scriptore (Reinerium quidam putant) ante CCC annos sriptus, ex veteri codice desumptus (это слова Фрегера въ 1602 году), сочиненіе [135], заключающее въ себѣ драгоцѣнныя извѣстія относительно Вальденсовъ, которыя могутъ повести къ полезнымъ выводамъ относительно сходства Вальденсовъ съ Чешскими Братьями. Это сочиненіе тѣмъ важнѣе, что оно написано Католикомъ, которому невозможно было обмануться въ своихъ наблюденіяхъ сочувствіемъ къ Вальденсамъ: вездѣ онъ величаетъ ихъ еретиками, но даетъ объ ихъ ученіи иное, и довольно откровенное, свѣдѣніе; только тотъ узнаетъ вполнѣ цѣну этому сочиненію

---

[134] Доказательствомъ тому все предисловіе Боншоза, исполненное высокихъ идей, сильнаго и благороднаго чувства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ идеальное, не имѣетъ ничего, или очень мало, общаго съ дѣйствительностью.

[135] *Frekeri* Rerum Bohemicarum aliquot scriptores insignes, p. 222—232.

кому извѣстны тѣ жалкія фанатическія выходки, которыми Католическіе писатели запутали исторію ересей въ Средніе вѣка. 2) Disputatio Academica de Valdensium secta ab Albigensibus bene distinguenda, a *Petro Jas*. Lugduni Batav. 1834. Цѣль этого разсужденія, основаннаго на совѣстливомъ изученіи источниковъ, есть доказать, что Вальденсы существенно отличны отъ Альбигойцевъ; потому-то первая часть посвящена повѣркѣ всего того, что различные писатели сообщили намъ относительно Вальденсовъ и Альбигойцевъ, и доказательствамъ тому, что Вальденсы и Альбигойцы существенно отличны другъ отъ друга; вторая часть показываетъ, въ какихъ именно точкахъ состояло различіе Вальденсовъ и Альбигойцевъ. Сочинитель этого труда чрезвычайно совѣстливо разработалъ источники и представилъ выводы своихъ изслѣдованій, опираясь на этихъ источникахъ. Хотя онъ преимущественно занимается Альбигойцами, но и относительно Вальденсовъ сообщаетъ много важнаго.

Какъ Католическіе, такъ и Протестантскіе, писатели постепенно твердятъ, что Гусъ есть ученикъ и послѣдователь Виклефа: нелѣпость этого мнѣнія мы увидимъ въ самомъ изслѣдованіи; теперь укажемъ на тѣ *источники, которые помогли намъ разобрать отношеніе Виклефа къ Гусу*. Важнѣйшій изъ нихъ есть, конечно, „Trialogus“ [135] Виклефа, котораго вліянія на первый юношескій періодъ дѣятельности Гуса отрицать нельзя, хотя въ послѣдствіи самъ Гусъ, сознавъ важность свою, какъ представителя Чешскаго народа, отказался отъ безусловнаго одобренія всѣхъ мнѣній Виклефа. Необходимо прочесть Тріалогъ Виклефа и увидѣть то различіе, которое находится между мнѣніями Англійскаго Богослова и Чешскаго духовнаго народнаго оратора: тутъ увидимъ ясно и чисто народно-Чешскій характеръ Гуса и того движенія, во главѣ котораго онъ стоялъ, и то глубокое различіе, которое находится между Гусомъ и его предшественникомъ въ Англіи. Гусъ не только не ученикъ Вик-

---

[136] Joan. *Wiclefi* Dialogorum libri quatuor. Francofurti et Lipsiae MDCCLIII Этому предшествуетъ: D. Iohannes *Wiclefii* wahrhafte und gegründete Nachrichten von seinem Leben, Lehrsätzen u. Schriften, aus bewährtesten Urkunden u. Schriftsteller gezogen u. entworfen von L. Ph. *Wirth* Bayreuth und Hof. 1754.

лефа, но и несравненно высшій его историческій дѣятель; если онъ въ первомъ періодѣ своего славнаго поприща увлекся блестящими софизмами Виклефа, то въ послѣдствіи онъ забылъ ихъ и сталъ дѣйствовать самостоятельнымъ представителемъ духовныхъ потребностей своего народа. До сихъ поръ не было еще ни одного труда, посвященнаго именно тому, чтобы разобрать тѣ отношенія, которыя дѣйствительно существовали между мнѣніями Гуса и Виклефа; а этотъ предметъ вполнѣ заслуживалъ бы того.

Очень естественно, что каждая исторія Церкви Христіанской, обнимающая Средніе вѣка, должна непремѣнно коснуться Чешскаго религіознаго движенія и его отношенія къ инымъ, прежнимъ и послѣдующимъ, религіознымъ движеніямъ, но составители сборниковъ и учебниковъ Церковной исторіи повторяютъ постоянно однѣ и тѣ же извѣстія относительно Чешскаго религіознаго движенія, основываясь на авторитетѣ нѣкоторыхъ, особенно уважаемыхъ, писателей, которые на самомъ дѣлѣ безсовѣстно искажали событія. Всѣ ложныя свѣдѣнія, сообщаемыя Энеемъ Сильвіемъ, безусловно приняты въ большую часть книгъ относительно Всеобщей и Церковной исторіи Средняго вѣка. Странно читать, какъ упорно въ нихъ держатся старыхъ, опровергнутыхъ уже, мнѣній, выдаютъ за факты то, что существовало только въ головѣ Энея Сильвія, Дубравскаго, Гайка и др. Изъ древнѣйшихъ писателей Церковной Исторіи особенно замѣчателенъ *Рейнальдъ* [157], начавшій свой трудъ съ событій 1198, на которыхъ остановился Бароній, и продолжившій его по 1565 годъ: это трудолюбивое и старательное изслѣдованіе всѣхъ современныхъ памятниковъ и актовъ Церковной Исторіи, кои сочинитель могъ видѣть и изучать въ Ватиканской библіотекѣ; оно заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ и важныхъ извѣстій относительно Чешскаго религіознаго движенія. Протестантскіе писатели, несравненно болѣе Католическихъ сдѣлали для изученія оппозиціонныхъ религіозныхъ движеній, которыхъ привыкли называть *ересями*: они первые начали изучать своихъ предше-

---

157 *Raynaldi* Annales ecclesiastici ab anno 1198 usque ad annum 1565. Romae. 1646—77. 10 tomi. fol. Это продолженіе Бароніевой Лѣтописи Церковной въ 12 т. in f°.

ственниковъ, которые, если во многомъ важномъ отъ нихъ и отличались, однако всѣ за одно возставали противъ духовнаго деспотизма въ лицѣ Папства. Цѣлью при этомъ имѣли Протестанты опровергнуть упрекъ, который имъ дѣлали Католики, упрекъ въ *новизнѣ*, въ неслыханномъ, будто бы, никогда прежде уклоненіи отъ единой истинной Церкви; для того Протестанты обратились къ прошедшему Церкви и, послѣ многотрудныхъ изысканій, увидѣли, что Папство постепенно находило противодѣйствователей своимъ крайнимъ стремленіямъ, и что рядъ этихъ противодѣйствователей тянется безпрерывно отъ первобытной Церкви до Лютера. Съ такою цѣлью составлены Магдебургскія Центуріи, первый опытъ Церковной Исторіи, основанный на изученіи источниковъ; съ такою же цѣлью утвердить корень Протестантства въ прошедшемъ Церкви составлена книга: Catalogus testium veritatis, qui ante nostram aetatem Pontifici Romano et Papismi erroribus reclamarunt pugnantibusque sententiis scripserunt. 1562, 2-е изд. Francofurti 1666 [138]. Составитель этой книги есть Матѳей *Флакъ* (собственно *Flacich*), Илирикъ, одинъ изъ Славянскихъ дѣятелей и церковныхъ защитниковъ Реформаціи XVI стол. Онъ родился, въ 1520 году, въ г. Альбонѣ, въ Иллиріи, и потому носилъ названіе Илирика, воспитывался въ Базелѣ, потомъ въ Тюбингенѣ, гдѣ жилъ у своего земляка, профессора Греческой Словесности, Гарбиція. Сперва профессоръ въ Виртембергѣ, Флакъ отправился въ Іену и тамъ былъ профессоромъ Св. Писанія; въ началѣ Смалькальденской войны онъ переселился въ Магдебургъ, гдѣ издалъ, съ нѣкоторыми иными учеными, Магдебургскія Центуріи. Принужденный оставить Магдебургъ по случаю ссоры съ Викториномъ Стригеліемъ, происшедшей по поводу диспута объ участіи воли въ спасеніи человѣка (при чемъ Флакъ защищалъ свободу дѣйствій человѣка), онъ остальное время своей жизни (Флакъ ум. въ 1575) провелъ въ различныхъ городахъ Германіи, занимаясь важными учеными трудами, которыми доселѣ пользуются историки. Catalo

---

[138] Все сочиненіе направлено къ опроверженію упрека Католиковъ тамъ же выставленнаго. Католики говорили Протестантамъ: „Vestra nova est Religio, nuper ante XXX annos a Luthero orta et instituta. Igitur nostra Ecclesia ac Religio, hoc est Romana, vera ac genuina est.“

gus testium veritatis явился, какъ сказано, въ 1562 году, Магдебургскія Центуріи отъ 1554—1574; по его же внушенію изданы сочиненія Гуса въ Нирнбергѣ [139] (Opera Hussi an. 1558 г.), и, такимъ образомъ, первымъ изданіемъ сочиненій Гуса мы обязаны нашему и его соотечественному Славянину, Матөею Флаку. Онъ самъ считаетъ Catalogus testium veritatis необходимымъ дополненіемъ Магдебургскихъ Центурій; не излишнимъ будетъ замѣтить, что составляя Catalogus, онъ пользовался множествомъ рукописей и рѣдкихъ сочиненій. Дѣйствительно, Catalogus представляетъ удивительное богатство и разнообразіе матеріаловъ, хотя нельзя не признаться, что Флакъ очень мало обращалъ вниманія на выборъ, значеніе и заслуги своихъ „свидѣтелей"; важные историческіе дѣятели, оставившіе по себѣ долгіе, неизгладимые слѣды, и ничтожные проповѣдники, ни чѣмъ не ознаменовавшіеся, имена которыхъ едва извѣстны, занимаютъ его совершенно одинаково, такъ что онъ, сообщая много пустыхъ и незначительныхъ лицъ, не многое только сказалъ относительно Гуса, Виклефа и иныхъ. Но особенно сильное сочувствіе питаетъ онъ къ Вальденсамъ и Таборитамъ, которыхъ считаетъ послѣдователями одного и того же ученія; касательно Вальденсовъ Catalogus представляетъ хорошую и подробную статью; замѣчательны также статьи о Гусѣ, Яковѣ изъ Стржибра, Миличѣ и нѣкоторыя другія [140].

Изъ *Церковныхъ исторій*, принадлежащихъ ко времени позднѣйшему, замѣчательны, особенно по изложенію Чешскаго религіознаго движенія, слѣдующія: 1) Allgemeine Geschichte der christlichen Kirche nach der Zeitfolge, von H. P. C. *Henke* (Professor d. Theologie zu Helmstadt). 3 Aufl. Braunschweig. 1795—97, 4 Theile. Здѣсь, во второмъ томѣ, находимъ превосходно очерченное состояніе Церкви Католической предъ появленіемъ Гуса, гдѣ яркими красками изображено ея внутреннее устройство, дошедшее, наконецъ, до крайности, до такихъ путей, которые приходили къ мѣстамъ непроходимымъ; но относительно Гуса и его значенія Генке по-

---

[139] Videatur (Catal. p. 727) ingens volumen ejus Operum, quod Norimbergae *curavi* edi.

[140] Кромѣ извѣстій, содержащихся въ Catalogus testium veritatis, присоединенъ еще, въ изданіи 1667 года, Auctarium Catalogi testium veritatis, гдѣ весь *восьмой* отдѣлъ посвященъ Чешскимъ дѣятелямъ, p. 176 — 195, in 4°.

казываетъ мало проницательности: онъ какъ-то не можетъ отдать себѣ отчета въ его духовномъ значеніи. За тѣмъ у него изложена сокращенно исторія Гуситовъ, безъ всякихъ новыхъ данныхъ и соображеній; за то хорошо и подробно описано происхожденіе и ученіе новыхъ Гуситовъ или, обыкновенно называемыхъ, Моравскихъ Братьевъ. 2) Christliche Kirchengeschichte, v. J. M. *Schröckh* (Professor der Geschichte auf Universität Wittenberg.); 34 томъ. Лейпцигъ. 1802. Здѣсь Шрекъ изложилъ исторію Чешскаго религіознаго движенія отъ его начала до 1517; онъ вполнѣ сознаетъ важность и значеніе этого движенія въ исторіи Церковной вообще и излагаетъ очень подробно и обстоятельно всѣ его явленія. Начавши съ принятія Христіанства Чехіею, Шрекъ пытается провести до самаго Гуса оппозицію большей части народа противъ Католичества; очень также хорошо изложено у него ученіе Гуса, при чемъ онъ разбираетъ каждое его сочиненіе порознь. Вообще, изложеніе всего Чешскаго религіознаго движенія въ Чехіи до 1517 сдѣлано чрезвычайно хорошо Шрекомъ, хотя и онъ внесъ въ свою исторію мнимое вліяніе Виклефа на Гуса и нѣкоторыя иные сомнительныя данныя; впрочемъ, во всякомъ случаѣ Шрекъ прекрасно опредѣлилъ отношеніе Гуса къ Католической Церкви и критически разсмотрѣлъ его ученіе и жизнь. 3) Lehrbuch der Kirchengeschichte, von J. C. L. *Gieseler* (Professor d. Theologie an d. Rheinuniversität.). Bonn. 1827—1840. Этого сочиненія доселѣ (сколько мнѣ извѣстно) вышло 3 тома, изъ которыхъ первые два состоятъ изъ двухъ отдѣленій (Abtheilung), а третьяго вышло, покудова, еще только первое отдѣленіе, въ которомъ событія Церковной исторіи доведены до 1648 года. Самый разсказъ событій не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго: въ первыхъ двухъ томахъ онъ такъ кратокъ, что содержитъ въ себѣ только перечень главнѣйшихъ происшествій съ означеніемъ времени, когда они случились; въ третьемъ томѣ до 1517 года разсказъ Гизелера становится подробнѣе и потому важнѣе. Но главное неотъемлемое достоинство первыхъ двухъ томовъ Гизелера заключается въ выпискахъ изъ подлинныхъ документовъ и современныхъ сочиненій, по большей части недоступныхъ простымъ изслѣдователямъ, выпискахъ, сдѣланныхъ съ удивительнымъ знаніемъ дѣла; каждая выписка такъ важна, что безъ нея не возможно имѣть яснаго понятія о событіи, или лицѣ дѣйствовавшемъ: пустыхъ выписокъ вовсе нѣтъ. Превосход

ные матеріалы въ выпискахъ своихъ представилъ Гизелеръ относительно чрезвычайно запутанной секты ересей Манихейскихъ и Вальденсовъ, а мы ниже увидимъ ту важность, какую имѣютъ Вальденсы въ исторіи Чехіи. Не менѣе полезныхъ свѣдѣній сообщаетъ Гизелеръ относительно, такъ называемыхъ, предшественниковъ Гуса въ Чехіи, потомъ относительно самаго Гуса. Прекрасно прослѣдилъ онъ, по источникамъ, развитіе религіозныхъ мнѣній въ Чехіи до 1517 года; менѣе важности имѣетъ то, что онъ говоритъ въ третьемъ томѣ о религіозной исторіи Чехіи послѣ 1517 года. 4) Kirchengeschichte, von B. *Hase*. Leipzig. 1837. Въ ней находимъ отчетливое и живое, хотя въ немногихъ словахъ, изображеніе Чешскаго религіознаго движенія; но главное право этой книги на упоминаніе здѣсь — это прекрасное изложеніе литературы книгъ, къ нашему вопросу относящихся.

Вотъ главнѣйшія сочиненія, съ которыми мы совѣтовались при изложеніи исторіи религіозной Чешской борьбы до и послѣ Гуса. Въ наше разсмотрѣніе источниковъ и пособій, ради краткости, не вошли многія сочиненія, менѣе важныя, которыми мы пользовались (сюда относятся труды Бальбина, Спитлера, Варильяса и мн. др.); мы ихъ поименуемъ въ началѣ той главы нашего изслѣдованія, къ которой они особенно относятся. Не считаемъ излишнимъ замѣтить, что, дабы безъ пользы не умножать примѣчаній и ссылокъ, мы предъ каждою главою укажемъ на заглавія и мѣста сочиненій, которыя вошли въ ея составъ; чрезъ это мы будемъ имѣть возможность дать большій объемъ тексту.

Множество сочиненій, которыми мы пользовались, по видимому, оставляетъ намъ только легкій трудъ извлекать то, что намъ покажется важнымъ: матеріаловъ много; кажется, остается только воспользоваться ими. И дѣйствительно, у насъ въ головѣ накопилось множество фактовъ, но значитъ ли это разумно изложить исторію религіознаго Чешскаго движенія, если мы сообщимъ ихъ одинъ за другимъ? Ставить главную цѣль изслѣдованія нашего въ томъ, чтобы собрать отовсюду, какъ можно болѣе данныхъ, мы не думаемъ; главное намѣреніе наше — представить *смыслъ* великой *Чешской религіозной борьбы*, показать, какъ въ Чешскомъ народѣ высшія идеи духовной свободы зрѣли и развивались; какія измѣненія, въ слѣдствіе перемѣны народнаго характера, претерпѣвали онѣ; какіе дѣятели и въ какой степени

воплощали въ себѣ духовныя потребности Чешскаго народа; однимъ словомъ, показать значеніе всей Чешской религіозной борьбы отъ первыхъ ея началъ до несчастной Бѣлогорской битвы. Отсюда, для насъ особенно важны будутъ тѣ только событія, въ которыхъ выражается религіозное развитіе Чешскаго народа, тѣ только дѣятели, изучая которыхъ мы смѣло можемъ быть увѣрены, что изучаемъ представителей этого развитія. Гусъ, вполнѣ воплотившій въ себѣ духовныя потребности Чешскаго народа, будетъ главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія: въ немъ-то выражается преимущественно характеръ Чешской религіозной борьбы вполнѣ. Однимъ словомъ, мы постараемся, сколько станетъ на то нашихъ силъ и средствъ, чтобы наше предлежащее изслѣдованіе не понапрасну носило названіе Исторіи религіознаго движенія въ Чехахъ, а представило бы духовный смыслъ борьбы, не одни только ея внѣшнія явленія.

IV

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ

КНИГА ПЯТАЯ

ОПИСАНІЯ НОВАГО ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ ПЕРСІЮ,

ПОВѢСТВУЮЩАЯ О ПЕРСИДСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ И ОБЪ ЕГО ОБИТАТЕЛЯХЪ.

ГЛАВА I.

О Персидскомъ Царствѣ вообще.

Царство Персидское, получившее имя свое отъ одного Греческаго героя, Персея, издревле было въ высшей степени знаменитымъ и славнымъ Государствомъ и Монархіею, такъ что, какъ свѣдѣтельствуетъ Брисонъ (De regio Persarum principatu. Paris. 1606, lib. 1, pag. 2), въ цѣломъ свѣтѣ не было ни одного Государства, которое превосходило бы его въ силѣ и величіи. По этому-то и правители его назывались великими Царями, и даже Царями всѣхъ Царей, какъ это читаемъ мы у Платона (De legib. Dial. 3, pag. 783; Platonis opera. Lugd., 1590), Страбона (lib. 15, pag. 502, 1587), у Светонія (in Caligula § 5. Lugd., 1547), а также и въ 1-й книгѣ Есѳирь (Esther, гл. 3, ст. 12). Монархія эта простиралась далеко и широко въ своихъ предѣлахъ, содержала подъ своимъ владычествомъ весьма много областей, богатыхъ народонаселеніемъ, что, между прочимъ, можно видѣть и изъ несмѣтнаго войска и воинскихъ снарядовъ, съ которыми Царь Дарій ходилъ войною противъ Александра, и свѣдѣнія о которыхъ сообщаетъ Кв. Курцій (lib. 3, cap. 2. Coloniae Agrippinae, 1628).

Въ такомъ цвѣтущемъ состояніи и благоденствіи находилась эта, именно 2-я, Монархія, начатая Киромъ и существовавшая 230 лѣтъ, и при Царѣ Даріи, передъ послѣднимъ сраженіемъ при Арбеллахъ; но вскорѣ за тѣмъ, вмѣстѣ съ симъ Царемъ, стала клониться къ упадку, и наконецъ совершенно пала.

Съ теченіемъ времени Персія была весьма ослаблена войнами, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ, Государей, иногда же была совершенно порабощаема и низводима въ тяжелое рабство, даже до того, что жители ея, Персіяне, при покореніи ихъ Арабами (въ 632 г.), принуждены были отречься отъ своего имени и называться не Персами, но Сарацинами, какъ повѣствуетъ о томъ Ботеръ (Boterus), въ своей «Politia Regia» (Marpurgi, 1620), на стр. 146. Иногда же Персіяне снова усиливались и пріобрѣтали опять своихъ собственныхъ Царей, которые опять расширяли предѣлы своего Царства и свое владычество.

Какъ далеко и широко простиралось Царство это въ древности, о томъ находимъ мы свѣдѣнія у древнихъ писателей. Особенно повѣствуютъ объ этомъ Страбонъ, въ помянутой сейчасъ 15 книгѣ, и Бизаръ (Bizarus), въ «Historia rerum Persicarum» (Francofurti, 1601), книга 1, страницы 2 и 3; послѣдній заимствуетъ свои свѣдѣнія у Армянскаго географа, Гайтона (Haithon). Что касается до положенія Персіи въ настоящее время и до названія ея областей, то хотя объ этомъ и можно найти свѣдѣнія у новыхъ географовъ, но они частію слѣдуютъ древнимъ писателемъ (какъ, на прим., въособенности, Марій Нигеръ (Marius Niger), въ своей географіи (Basiliæ, 1557), въ заглавіи которой значится, впрочемъ: «Loca ut nostro tempore sunt sita et denominata,» и смѣло выписываютъ изъ нихъ, частію же даютъ областямъ и городамъ невѣрныя и странныя названія, въ слѣдствіе чего тѣмъ же грѣшатъ и обыкновенныя Персидскія карты, находящіяся въ большомъ Атласѣ, кромѣ того, что въ нихъ невѣрно опредѣлены долгота и широта мѣстъ. Я не видалъ еще ни одной изъ этѣхъ картъ, которая бы, относительно Персидскихъ областей, подходила къ истинѣ ближе Французскихъ географическихъ таблицъ Самсона де Аббевиля (Samsons de Abbeville), вышедшихъ недавно на большомъ листѣ и вырѣзанныхъ на мѣди. Но изъ этѣхъ переведенныя

на Латинскій языкъ тоже не выдерживаютъ критики и сбиваются на древніе образцы.

Я изложу здѣсь и назову этѣ области такъ, какъ онѣ въ настоящее время, по свѣдѣніямъ и описанію теперешнихъ Персовъ, называются, по ихъ собственному произношенію, на сколько оно можетъ быть передано въ Нѣмецкомъ выговорѣ.

Извѣстно, что такъ какъ Персія и Парѳія, хотя онѣ были совершенно разныя Государства, но по тому, что Парѳяне часто находились внутри Персіи и описывались подъ однимъ именемъ, именно подъ именемъ Персіи, то въ слѣдствіе этого и вокругъ лежавшіе подвластные имъ края и области считались какъ бы членами Персидскаго Царства. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, и такимъ образомъ къ Персидскому Государству принадлежитъ все, что отъ сѣвера къ югу лежитъ между Каспійскимъ моремъ и Персидскимъ заливомъ, или Sinu Persico; съ востока же на западъ, между Евфратомъ и границами Кандагара (Candahar). Оно простирается даже по западной сторонѣ Каспійскаго моря до половины его, вверхъ до Армянскихъ горъ; на западъ же до самой рѣки Ruth-Chane-kurkahn (въ древности Оксъ, Oxus, называвшейся), въ сѣверной части которой обитаютъ Узбеки или Бухарскіе Татары, которые суть также отчасти данники Царя Персидскаго.

При этомъ Іоаннъ Ботеръ впадаетъ въ ошибку, говоря, въ своей «Politia Regia,» что Персидское Государство отъ полуночи къ полудню имѣетъ протяженіе 18 градусовъ по равноденственному, тогда какъ собственно оно имѣетъ его едва 12 градусовъ. Если возмемъ только самые крайніе предѣлы, или мѣста, находящіяся на двухъ, лежащихъ другъ противъ друга, моряхъ, именно: на Каспійскомъ морѣ и Персидскомъ заливѣ, не только такъ, какъ я обозначилъ ихъ на моей картѣ Персіи, но и какъ полагаютъ ихъ сами Арабы и Персы, и какъ старательный и ученый мужъ, Г. Іоаннъ Граве означалъ ихъ въ изданіи своемъ, напечатанномъ недавно въ Англіи (Elementa linguæ Persicae. Londini, 1649), то найдемъ, что городъ Гусумъ (Husum) (который туземцы называютъ Рештъ, Rescht, и который лежитъ только въ 2-хъ малыхъ

миляхъ отъ Каспійскаго моря), находится подъ 37, а Ормусъ (Ormus) въ Персидскомъ заливѣ подъ 25. По сему объемъ этой широты будетъ не болѣе 12 по равноденственнику. Длину же я полагаю согласно съ мнѣніемъ Ботера, что она простирается болѣе 20 градусовъ, хотя 1 градусъ долготы подъ 33 градусомъ широты, гдѣ находится средина Персіи, содержитъ въ себѣ едва 50 минутъ.

ГЛАВА II.

О разныхъ краяхъ и областяхъ, входящихъ въ составъ Персидскаго Царства. Въ особенности же объ Эракѣ, Фарсѣ, Ширванѣ, Иранѣ и Адирбейджанѣ.

Славнѣйшія области въ Персіи суть слѣдующія, начиная съ главнѣйшихъ изъ нихъ:

عراق	Erak,	Эракъ.
فارس	Fars,	Фарсъ.
شروان	Schirwan,	Ширванъ.
كيلان	Kilan,	Киланъ.
ادربيجان	Adirbeitzan,	Адирбейджанъ.
طبرستان	Thabristan, vel Mesanderan,	Табристанъ, или Масандеранъ.
ايران	Iran, vel Karabach,	Иранъ, или Карабахъ.
خراسان	Chorasan,	Хорасанъ.
زبلستان	Sablustan,	Саблустанъ.
سجستان	Sitzestan,	Сиджестанъ.
كيرمان	Kirman,	Кирманъ.
خوزستان	Chusistan,	Хусистанъ.
جزيرة	Tzisire,	Джисире.
دياربكر	Diarbek,	Діарбекъ.

Еракъ.

Имя Еракъ (Erak) присвоивается двумъ различнымъ областямъ, а именно той, въ которой находится Багдадъ или Вавилонъ, бывшая Ассирія, и нѣкоторые пишутъ ее также Еракайнъ (Erakain); эта область сюда не относится. Другой Еракъ (Erak) лежитъ среди страны, границa съ Фарсомъ (Fars) или Персіей, въ отличіе отъ перваго называется онъ Еракъ Аджемъ (Erak atzem), и есть то, что въ древности была Пареія (Parthia). Этой области вовсе не придается названіе Харасенъ (Charassen), какъ значится это въ «Archontologia.» Хуаресмъ же (Chuaresm) есть совсѣмъ другая область, которая простирается по восточному берегу Каспійскаго моря и принадлежитъ Узбецкимъ Татарамъ.

Важнѣйшіе города въ этой Персія суть: Исфаганъ (Isfahan), который Бизаръ называетъ Спага (Spaha), а другіе Спаа (Spaa), и Аспаханъ (Aspachan), въ древности же назывался Гекатомпиле (Hecatompile), отъ сотни воротъ, которыя онъ имѣлъ по причинѣ своей громадности. Теперь это есть столичный городъ Персидскихъ Царей, и скоро я буду говорить еще о немъ подробнѣе.

Каевинъ (Kaswin), Солтаніе (Solthaniæ), были также мѣстопребываніе Царя; Сенканъ (Senkan), Кашанъ (Kaschan), Эббегеръ, (Ebbeher), Савва (Sawa), Рей (Rhey), Гемеданъ (Hemedan), Комъ (Kom), Шагеррисуръ (Schaherrisur), Деркасинъ (Dercasin), Тегеранъ (Theheran), и Кульпаянъ (Kulpajan), въ которомъ дѣлаются лучшіе луки. Кромѣ того въ этой области есть еще множествомалыхъ городовъ, городковъ и селеній.

Фарсъ.

Область эту Іоаннъ де Лаэтъ (Johannes de Laet), въ своемъ «Описаніи Персіи» (in descriptione Persiæ), несправедливо пишетъ Фарс и Farc; она-то собственно называется Персіей, а не Парѳіей, какъ думаетъ Граве, въ «Tabulis Geographiæ Persarum,» и главный городъ въ ней былъ Персеполь (Persepolis), славный своимъ паденіемъ (причиною котораго была непотребная женщина, Таисъ, Thais). Изъ оставшихся камней этого города выстроенъ потомъ

городъ Ширасъ (Schiras), который и теперь еще находится въ цвѣтущемъ состояніи. Этотъ послѣдній городъ весело стоитъ въ горахъ и виноградникахъ при рѣкѣ Бендемирѣ (Bendemir), у Курція Араксомъ именуемой. По своимъ превосходнымъ виноградникамъ, кисти котораго висятъ словно бѣлые, красивые мѣшки, онъ славится во всемъ Царствѣ. Выдѣлываемое сдѣсь изъ этихъ виноградниковъ вино составляетъ лучшій напитокъ Шаха и знатныхъ Вельможъ, и оно развозится отсюда по всей странѣ. Вино это въ самомъ Ширасѣ довольно дорого, и кружка его стоитъ тамъ, на Нѣмецкія деньги, половину рейхсталера, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Фонъ Мандельсло, бывшій мой товарищъ по путешествію, проѣзжавшій черезъ Ширасъ. Кромѣ винограда тамъ множество и другихъ всякаго рода прекрасныхъ садовыхъ плодовъ. Въ этой области кромѣ того находятся еще 4 слѣдующіе большіе города: Касирунъ (Kasirun), Буниджанъ (Bunitzan), Фирусабатъ (Firusabath) и Астаръ (Astar). Къ этой же области причислена и страна Лагоръ (Lahor), съ городомъ того же имени.

Ширванъ.

Область Ширванъ (Schirwan), именуемая Европейцами обыкновенно Серванъ (Servan), въ древностии азывалась Media Atropatia, но не Hircania, какъ пишетъ Англичанинъ Антонъ Дженкинсонъ (Anton Jenkinsonius), въ своемъ «Itinerario.» Это была сѣверная часть Мидіи, и по тому мы нашли справедливымъ, что писалъ о ней Геродотъ, въ 1 книгѣ, на стр. 47: «Media valde montosa est et edita ac nemoribus frequens, reliqua vero tota admodum plana:» и Страбонъ въ 11 книгѣ, на стр. 361: «Media magna sui parte sublimis et frigida,» т. е., что она лежитъ высоко и очень холодна: о чемъ я сообщилъ уже подробное свѣдѣніе выше, говоря о пути изъ Мидіи въ Моганъ. Главный городъ въ этой области есть Шемаха (Schamachie), а не Сумахія (Sumachia), какъ пишутъ его многіе, и лежитъ онъ за Дербентомъ на сѣверѣ, о чемъ я также говорилъ уже выше. За тѣмъ

Городъ Баку (Bakuje), лежитъ на горѣ у моря, отъ чего и самое море у нѣкоторыхъ писателей получило имя: «Бакуйское море» (Mare de Baku). Городъ этотъ ведетъ значительную торговлю.

Дербентъ (Derbent), который, находясь въ узкомъ проходѣ, составляетъ одни изъ воротъ Каспійскаго моря. Это городъ, который Александръ Великій выстроилъ для покоя своимъ старымъ, отслужившимъ ему, Македонянамъ, и который назвалъ онъ своимъ именемъ Александрія (Alexandria), какъ свѣдѣтельствуетъ о томъ Кв. Курцій, въ 7 книгѣ, въ концѣ 3 главы. По этому и нынѣ еще жители его одну часть города называютъ «Греческимъ городомъ» (Schaher Junan).

Шабранъ (Schabran), чистенькій городокъ въ области Мискуръ (Miskür), гдѣ мы пристали къ берегу; лежитъ недалеко отъ моря.

Эресъ или Арасъ (Eres, Aras), о которомъ упоминалось уже нѣсколько разъ, городъ опустошенный и теперь не болѣе, какъ голое мѣсто, находящееся при рѣкѣ Арасѣ, называемой нынѣ Арисбаръ (Arisbâr).

Иранъ или Карабахъ.

Иранъ (Iran), который большинство, особенно простые люди, называютъ Карабахъ (Karabach), есть область, лежащая между двумя благородными рѣками, Араксомъ и Куромъ (Araxes, Cyrus), нынѣ Aras и Kür называемыхъ, и заключающая въ себѣ часть Арменіи, которую жители называютъ Арминія (Arminieh), и Грузія, которую они называютъ Гурджъ (Gurtz): это весьма плодородная и богатая страна, особенно шелкомъ, и раздѣляется на нѣсколько малыхъ краевъ, изъ коихъ важнѣйшіе суть:

Каппанъ (Kappan), Цицiанъ (Sisian), Эрванъ (Eruan) или Ирванъ (Iruan), Ахстава (Achstawa), Саршатъ (Sarschat), Туманисъ (Thumanis), Джульфа (Tzulfa), Кештасъ (Keschtas), Аберанъ (Aberan), Индже (Intze), Альгетъ (Alget), Шабусъ (Schabus), Сарсебиль (Sarsebil), Керхбулахъ (Kerchbulach), Шёргель (Schörgel), Табакъ-Мелекъ (Tabak-melec), Вцильдеръ (Wzilder).

Въ этихъ областяхъ находятся многіе красивые города, городки и крѣпости; извѣстнѣйшія изъ нихъ: Берде (Berde), Берку-

шатъ (Berkuschat), Маку (Maku), Билаганъ (Bilagan), Нахчуанъ (Nachtschuan), Магасбуртъ (Magasburt), Шемкуръ (Schemkur), Ордебатъ (Ordebat), Тифлисъ (Tiflis), Кендже (Kentze), Баесидъ (Bajesied), Джилдеръ (Tzilder).

Я пріобрѣлъ отъ Персовъ изображеніе этой Карабахской области, вмѣстѣ съ описаніемъ того, что есть замѣчательнаго въ той, или другой, крѣпости, такъ какъ онѣ лежатъ на Турецкой границѣ и часто подвергаются нападеніямъ. Но чтобы привести все это сдѣсь, я долженъ бы былъ войти въ довольно пространныя описанія; по этому я помѣщу ихъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ, рядомъ съ описаніемъ нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, которые я, по извѣстнымъ причинамъ, не могъ помѣстить въ этомъ изданіи, но постараюсь скоро, съ Божіей помощію, сообщить въ общую извѣстность.

Адирбейджанъ.

Область Адирбейджанъ (Adirbeitzan), которую иные изъ нашихъ также довольно странно переиначиваютъ, занимаетъ южную часть Мидіи, и, слѣдовательно, она была когда-то Великая Мидія (Media major). Нубіецъ (Nubiensis), въ своей Географіи, полагаетъ, что въ древности область эта составляла сѣверную часть Ассиріи, каковому заключенію даетъ поводъ самая страна; ибо она граничитъ съ Курдестаномъ (Curdestan), который былъ прежде Ассиріей. Съ другихъ сторонъ она отдѣляется Могайскою степью отъ Ширвана и рѣкою Арасомъ отъ Карабаха, а на восточной сторонѣ сосѣдями имѣетъ Гилянцевъ.

Область эта полна горъ и заключаетъ въ себѣ много другихъ малыхъ краевъ, каковы: Эршекъ (Erschek), Халхалъ (Chalchal), Мешкинъ (Meschkin), Таруматъ (Tharumat), Кермерутъ (Kermeruth), Сульдусъ (Suldus), Серабъ (Serab), Уджанъ (Utzan), и проч.

Сдѣсь города: Ардебиль (Ardebil), мѣсто рожденія Шихъ Софи, основателя Персидской секты, городъ, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе и въ которомъ онъ погребенъ, рядомъ

многими другими Царями. Выше было уже подробно говорено объ этомъ городѣ.

Табрисъ (Tabris), Европейцами Таврисъ (Tauris) называемый, и по нынѣ еще у Персовъ удержалъ имя, данное ему Птоломеемъ Ταβρίς. Нѣкоторые считаютъ его принадлежащимъ Великой Арменіи, съ которою граничитъ Адирбейджанъ. Нѣкогда онъ былъ главнымъ городомъ Экбатаной (Ekbatana), и въ прошломъ еще столѣтіи былъ столицею Царя Персидскаго.

За тѣмъ также довольно большіе города:

Меррагe (Merrage), Карніарухъ (Karniaruch). Салмасъ (Salmas), Тесу (Thesu). Хой (Choi), Тель (Thel), Міане (Miane), Джейстеръ (Tzeuster).

Джорeсъ (Tzors) и Уруми (Urumi)—превосходныя крѣпости; изъ послѣдней изъ нихъ показываютъ гробъ Бурле (Burlae), жены Царя Касана (Kasan), длиною въ 40 футовъ.

ГЛАВА III.

О Килапѣ и о Карибъ-Шахѣ.

Область Киланъ (Kilan), Гилянъ, получившая имя свое отъ грубаго народа Килекъ (Kilek), жившаго тамъ, въ древности называлась Гирканія (Hircania), и лежитъ прямо у Каспійскаго моря, по описанію Кв. Курція, какъ бы полумѣсяцемъ окруженная высокими горами, поросшими кустарникомъ, имѣетъ весьма жирную и плодородную почву, орошаемую многими, вытекающими изъ горъ, рѣками, которыя большею частію весьма богаты рыбою.

Natura (говоритъ Курцій lib. 6, cap. 6.) difficilis aditu, perpetua vallis jacet, usque ad mare Caspium patens, duo terrae ejus velut brachia excurrunt: media flexu modico sinum faciunt lunae maxi-

me similem, cum eminent cornua nondum totum orbem sidere impl-lente.» Также: «pingue vallis solum rigantibus aquis, quae ex petris eminentibus manant.»

Но это, впрочемъ, не уполномочивало Радера (Raderus), у-тверждать, что Курцій хотѣлъ сдѣсь описать ворота Каспія (portas Caspias).

Область эта дѣлится на нѣсколько малыхъ краевъ. Персы при-числяютъ теперь сюда и сосѣднюю страну Табрустанъ (Tha-rustahn) или Масандеранъ (Masanderan), и въ Царской Кан-целяріи означаютъ эту страну названіемъ Daralmers دارالمرز, как пишутъ они, хотя въ древности это была особая область, жите-которой, во времена Александра, по свѣдѣтельству Курція (lib. с. 9) назывались Марды (Mardi).

Станы (Tractus) и края, исчисляя ихъ отъ сѣвера внизъ, суть слѣдующія:

Кизильагачъ (Kisilagatsch), Машиханъ (Maschichan), Бу-лади (Buladi), Килекеранъ (Kibekeran), Дисекеранъ (Disekeran), Рикъ (Rihk), Лагеджанъ (Lahetzan), Дештевендъ (Deschtewend), Ленжеркунанъ (Lengerkunan), Шихкеранъ (Schichheran), Го (Howe), Лисаръ (Lissar), Кескеръ (Kesker), Масандеранъ (Ma-sanderan), Маранку (Maranku), Астара (Astara), Нѐкеранъ (N-keran), Лемуръ (Lemur), Джейланданъ (Tzeulandan), Решт (Rescht), Астарабатъ) Astarabath).

Во всей Киланской странѣ Персы считаютъ 46 городовъ и г-родковъ, и кромѣ того множество селеній. Главнѣйшіе города су

Въ Астрабатѣ: Астрабатъ (Astrabath), главный город Фируску (Firuscu), гдѣ находятся прекрасные бирюзовые кам

Въ Масандеранѣ: Амюль (Amül), Тюнкабюнъ (Tünkabün) Ней (Nei), Сару (Saru), Нуркеджуръ (Nurketzur), и прекрасн веселый городъ Ферабатъ (Ferabat), который прежде называл Тагона (Tahonà), но который Шахъ-Абасъ (часто, особенно въ з нее время, проживавшій и наконецъ даже умершій тамъ), съ г мадными издержками и множествомъ народа, приведеннаго туда

Карабаха, отстроилъ трудами и потомъ этого народа, и далъ ему сказанное имя Ferabat, отъ слова ferah, فراح, что значитъ веселый.

И вся страна эта чрезвычайно пріятная и веселая. Іоаннъ (Johannes) de Persia оказываетъ этой странѣ большую несправедливость, говоря, что въ Масандеранѣ, по причинѣ горъ, такая сильная стужа, что овощи созрѣваютъ тамъ весьма рѣдко. Это замѣчаніе можетъ быть отнесено или только къ мѣстностямъ на горахъ и въ горахъ выше Масандерана, или же и совсѣмъ не имѣетъ сдѣсь мѣста; ибо всѣ Персіяне единогласно утверждаютъ, что въ цѣлой Персіи нигдѣ нѣтъ болѣе умѣреннаго климата, какъ въ Масандеранѣ, и по тому тамъ собираются самые лучшіе плоды, и почва его никогда ни зимою, ни лѣтомъ, не снимаетъ, такъ сказать, своей зеленой, всевозможными цвѣтами украшенной, одежды. Это явствуетъ и изъ слѣдующаго глубокомысленнаго Персидскаго стихотворца, Гакима Фирдуси (Hakim Firdausi):

چو مازندران چو گلنکنده زار
نکوم نسرد همیشه نهار

Tschu Masanderan, tschu kulchende sar?
Nikerem we nesert, henische besar.

То есть: «Что такое Масандеранъ? То же, что и долина розъ: ни слишкомъ жарко, ни холодно, вѣчная въ немъ весна!

Въ Лагеджанѣ (Lahetzan), гдѣ выдѣлывается лучшій шелкъ, города суть: Ленкеру (Lenkeru), Куджесбаръ (Kutzesbar), и Амелекенде (Amelekende).

Въ Рештѣ (Rescht) города: Рештъ, главный городъ; Кисма (Kisma), Фуменъ (Fumen), Тулумъ (Tullum), Шефтъ (Schefft), Дилумъ (Dilum) и Масула (Massula), на горѣ, гдѣ находятся желѣзные рудники и заводы. Жители сдѣшніе большею частію кузнецы, которые дѣлаютъ всякаго рода желѣзные снаряды и вещи, коими и снабжаютъ эту и вокругъ лежащія страны. Въ этой же странѣ, на протяженіи 20 миль, растутъ большею частію Волошскія (Грецкія) орѣховыя деревья, изъ которыхъ туземцы выдѣлываютъ всю свою деревянную посуду и орудія.

Въ Кескерѣ (Kesker) города: Кескеръ, Шагеррутъ (Schaherruth), Курабъ (Kurab), Энсели (Enseli), Дулабъ (Dulab), Шаль (Schal).

За тѣмъ, подымаясь къ сѣверу, лежатъ: Рюсеру (Ruesseru), Міаншакеръ (Mianschaker), Сенжергасара (Sengerhasara), Гове (Howe), Хошкадегене (Choschkadehene), Ленкеранъ (Lenkeran), и Кизильагачъ (Kisilagatz).

Въ этой странѣ лежитъ и гора Шинданъ (Shindan), на которой находится вольное селеніе Шахъ-Сагаданъ (Schah Sahadan): ибо тамъ жилъ и погребенъ одинъ изъ бывшихъ учителей Шиха Сефи, поимени Сагадъ (Sahad). Какіе плоды еще произрастаютъ собственно въ этой области и краяхъ, и какою промышленностію занимается большинство сдѣшнихъ жителей, обо всемъ этомъ скажу я еще ниже, при описаніи проѣзда нашего черезъ этѣ мѣста.

Такъ какъ Киланъ, какъ сказано, окруженъ высокими, нависшими одна надъ другой, скалистыми горами, то въ него существуетъ только 4 дороги и узкихъ прохода. 1-й съ сѣвера изъ Макана, черезъ Ленкеркунанъ (Lenkerkunahn), 2-й съ юго-запада, черезъ Pyle Rubar: 3-й и 4-й съ юга, черезъ Масандеранъ, при Ферабатѣ, и черезъ Хорасанъ, при Астарабатѣ.

Эней Сильвій (Aeneas Sylvius) пишетъ: «De portis Caspiis multa memoria est, nemo tamen satis explicat, ubi terrarum existent.» Много говорится о Каспійскихъ воротахъ, но никто не сказываетъ, гдѣ именно находятся они. Смотри объ этомъ Blancard in Curt. pag. 502.

По моему мнѣнію, названные сейчасъ проходы и суть настоящіе ворота Каспія, Portae Caspiae, о которыхъ упоминаютъ Птоломей, Плиній, Страбонъ, а заимствуя изъ сихъ, и Солинъ (Solinus); или, по крайней мѣрѣ, они могутъ быть названы такимъ образомъ; ибо проходы этѣ изъ Персидскаго Царства къ Каспійскому морю идутъ словно узкія ворота. Въ нихъ не только двѣ лошади, или два верблюда, рядомъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ

таю не могутъ проходить безъ опасности эти животныя и гуськомъ одно за другимъ, какъ это дознали мы сами, на обратномъ пути нашемъ, при Пиле Рубарѣ (Pyle Rubar) и Ленкеранѣ (Lenkeran). Сюда же можетъ быть причисленъ и лежащій также у Каспійскаго моря городъ Дербентъ, такъ какъ въ немъ также находится узкій проходъ изъ Татаріи въ Персію; нижняя часть этого города какъ бы выходитъ изъ моря, а другой конецъ его заканчивается въ горѣ; для того же, чтобы никто не могъ пройти черезъ гору, отъ города черезъ эту гору, на цѣлыя 50 миль, (какъ сказываютъ Персы), проведена была довольно толстая каменная стѣна къ морю (Pontus), и только черезъ городъ оставлены были для прохода одни ворота. Самое имя Дербентъ также обозначаетъ это значеніе его, воротъ; ибо слово Der значитъ дверь или ворота, а Bende узелъ (band), или засовъ, затворъ. Если кто самъ обозритъ эту мѣстность и страну, то также скажетъ, что Дербентъ для тѣхъ, которые захотятъ сухимъ путемъ пройти оттуда въ Персію, есть единственная и довольно крѣпкая дверь, такъ что если запереть эту дверь, то ни собака, ни кошка (какъ выражаются Персы) не можетъ пройти въ Персію, какъ это нѣкоторымъ образомъ можно видѣть и изъ изображенія самаго города.[1] Но въ упомянутыхъ сейчасъ Pylis я не нашелъ того, что пишетъ Солинъ, заимствуя изъ Плинія: «Caspiae portae panduntur itinere manufacto longo 8 miliaribus passuum;» это былъ бы довольно длинный проходъ. Персидскія дороги хорошо извѣстны Персіянамъ, и отъ нихъ я не слышалъ ни чего подобнаго, а тѣмъ менѣе то, что разсказываетъ Радеръ (Raderus) въ своихъ «Praeludiis super Q. Curtium,» заимствуя изъ Меѳодія (Methodio),[2] будьто бы Александръ заставилъ Іудеевъ, которыхъ Царь Салманасаръ вывелъ изъ Ассиріи въ Мидію (назадъ они уже не возвратились), пройти въ Каспійскія ворота, и своею молитвою къ Богу достигнулъ того, что гора замкнулась за Іудеями, такъ что послѣ этого ни къ нимъ нельзя уже было пройти, ни имъ выйти снова оттуда.

---

[1] Въ подлин. стр. 720—721. О. Б.

[2] Патарскаго. О. Б.

Киланъ, страна очень богатая, въ прежнее время имѣла даже своихъ собственныхъ Царей правда незначительныхъ, содержала ихъ, и нѣкоторые изъ потомковъ этѣхъ Царей существуютъ еще и по нынѣ, хотя теперь они не смѣютъ передъ другими хвалиться своимъ Царскимъ происхожденіемъ и ставить себя выше другихъ. Вообще Киланцы неспокойный и дерзкій народъ, особенно живущіе между Масандераномъ и Кескеромъ, которые, видя, что природа окружила ихъ, словно твердымъ валомъ, непроходимыми суровыми горами, и щедро надѣлила страну ихъ всякаго рода произведеніями, избытокъ которыхъ удѣляютъ они и другимъ областямъ, часто не очень-то уважаютъ Шаха Персидскаго.

Сдѣсь я долженъ упомянуть объ одномъ возмущеніи, происшедшемъ въ царствованіе уже теперешняго Шаха Сефи. Шахъ-Абасъ, не за долго до своей смерти, въ то время, когда Киланцы имѣли еще собственныхъ Государей, покорилъ ихъ своей власти. За тѣмъ, когда онъ умеръ и Киланцы услыхали, что Шахъ Сефи началъ свое правленіе множествомъ кровопролитій, они возмутились и выбрали себѣ своего собственнаго Царя, котораго Персіяне назвали Карибъ-Шахомъ (Karib-Schah). Царь этотъ происходилъ изъ племени одного древняго Киланскаго Царя въ Лагеджанѣ (Lahetzan), и родомъ былъ изъ селенія Лештеншахъ (Leschtenschah). Чтобы упрочить свое правленіе, Карибъ тотчасъ же поставилъ на ноги войско въ 14 тысячъ человѣкъ, и для снаряженія его всѣмъ необходимымъ, пошелъ на главный городъ Рештъ, завладѣлъ тамъ земскою и Царскою казною, сдѣлалъ то же и въ другихъ близъ лежавшихъ городахъ и поспѣшилъ скорѣе занять проходы. Между тѣмъ нѣкоторые изъ Киланскихъ Хановъ извѣстили о такомъ возстаніи Шаха Сефи, бывшаго тогда въ Касвинѣ. Шахъ тотчасъ же приказалъ Ханамъ: Астарскому, Саруханy, Кескерскому, Эмиръ Хану, Сейтерабатскому, Магумеду Хану Кохтюму, Хану степей Тунехабюнскихъ, Султану Койнлюгесару Масандеранскому Адаму Султану Георгіану (Georgianus) (Грузину), захватить Карибъ-Шаха со всею его силой и уничтожить. Названные Ханы поспѣшно снарядились, образовали 3 войска и съ двумя изъ нихъ пошли на Карибъ-Шаха, котораго и нашли между Рештомъ и Кескеромъ въ полномъ вооруженіи. Они тотчасъ

же напали на Кариба, но такъ какъ онъ имѣлъ болѣе выгодное положеніе, то онъ отбросилъ ихъ назадъ, и на этотъ разъ удержалъ поле за собою. Ободренные этѣмъ успѣхомъ, одолѣвшіе сдѣлались смѣлѣе и увѣреннѣе въ себѣ, подумали, что навели на непріятеля такой страхъ, что онъ не скоро еще воротится; и по тому расположились стоянками въ окрестныхъ селеніяхъ и городахъ, веселились въ нихъ, пировали и оставили Царя своего съ небольшимъ отрядомъ въ Кисмѣ и Фуменѣ (Kisma и Fumen). Ханы же, соединившись съ остальнымъ 3-мъ войскомъ (всего вмѣстѣ 40 тысячъ человѣкъ), двинулись вторично на Кариба, зашли на него съ правой и лѣвой сторонъ и разбили его на голову. Самъ Карибъ спрятался было въ Фуменѣ, въ саду, за шелковичнымъ деревомъ, называемымъ Туръ (Tur), но его увидалъ тамъ нѣкто Джебни (Tzebni), слуга Эмиръ-Хана, и узналъ его по красивой одеждѣ. Когда Джебни хотѣлъ схватить Карибъ-Шаха, то этотъ послѣдній сталъ просить его не выдавать его, а, напротивъ, помочь ему скрыться, обмѣнявшись съ нимъ одеждой, за что обѣщалъ наградить его множествомъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Джебни охотно пошелъ на сдѣлку; но когда помѣнялся платьемъ съ Карибъ-Шахомъ и навѣсилъ на себя его саблю, то сказалъ: «Ну, теперь я Царь, а ты Haramsade, т. е., пройдоха, выходика-ка теперь наружу!» При этомъ крикнулъ другимъ и Кариба схватили. Ему набили колодку (palenk) на шею и руки (по ихъ обыкновенію), одѣли въ богатое платье, посадили на осла и такимъ образомъ привезли къ Шаху Сефи. При въѣздѣ его къ Шаху Сефи ему предшествовали и сопровождали его, съ большими торжественными кликами, нѣсколько сотенъ непотребныхъ женщинъ.

Шахъ Сефи приказалъ подковать Кариба, по рукамъ и ногамъ, желѣзными подковами, словно лошадь, съ такою бранною къ нему рѣчью: «Ты привыкъ, пройдоха, въ Киланѣ ходить по мягкой и мягкой почвѣ, и тебѣ сдѣшняя каменистая страна трудновата для ходьбы, по этому тебя и слѣдуетъ подковать!» Послѣ такихъ тридневныхъ истязаній, Карибъ-Шахъ выведенъ былъ на Майданъ, привязанъ тамъ къ верхушкѣ шеста, употребляемаго для стрѣльбы въ цѣль, и разстрѣлянъ стрѣлами и ружьями. Шахъ Сефи самъ сдѣлалъ въ него первый вы-

стрѣлъ и сказалъ: «Кто любитъ меня, Царя своего, тотъ сдѣлаетъ тоже!» Послѣ этого полетѣло нѣсколько тысячъ стрѣлъ въ Кариба, и черезъ полчаса все тѣло его было утыкано ими до того, что за ними не видать было и самаго трупа. Въ такомъ видѣ тѣло это провисѣло на шестѣ еще три дня, послѣ чего было сброшено съ шеста и погребено.

При одержаніи этой побѣды и усмиреніи возстанія мужественнѣе всѣхъ оказалъ себя Саруханъ, Князь Астарскій, за что и получилъ великую Царскую милость, какъ разсказывалъ нам это онъ самъ.

Въ это время въ селеніи Лештенщѣ (Leschtenscha) проживалъ одинъ знатный купецъ, по имени Миръ-Муратъ (Myr-Murath), у которого ходило въ морѣ 7 торговыхъ кораблей и богатство котораго считалось въ три тонны золота. Такъ какъ Карибъ-Шахъ былъ родомъ изъ сказаннаго селенія, Лештенща, то въ слѣдствіе Киланскаго возстанія Миръ-Муратъ, за то, что не тотчасъ же донесъ о немъ Царю, впалъ у него въ большую немилость, что чуть было не былъ истребленъ со всѣмъ своимъ родомъ, если бы только не выпросилъ ему помилованія у Царя Саруханъ, бывшій хорошимъ пріятелемъ Миръ-Мурату.

По усмиреніи возстанія, Киланцы, именно жившіе между Масандераномъ и Кескеромъ, всѣ были обезоружены, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ имѣть у себя ни сабли, ни ружья, ни лука, ни стрѣлъ, ни даже ни какого секира (sekir) или лукового кольца, которое употребляютъ Персіяне при натягиваніи лука и носятъ обыкновенно на большомъ пальцѣ. Они могли имѣть только эксенъ (Exen) и другія орудія, изогнутыя, словно коса, называемыя дасъ (Dâs) и употребляемыя при деревянныхъ подѣлкахъ и полевыхъ работахъ. Остальные Киланцы, отъ Кескера до Кизильагача, называемые Талишъ (Talisch), такъ какъ они все время пребывали вѣрными Царю и помогали низверженію Кариб-Шаха, могли употреблять свои оружія, точно какъ и всѣ другіе Персіяне.

ГЛАВА IV.

Объ областяхъ Хорасанѣ, Саблустанѣ и Сиджестанѣ.

Хорасанъ.

Область Хорасанъ (Chorasan) граничитъ на востокѣ съ Мазандерапомъ и называлась нѣкогда Бактріаной (Bactriana), раздѣляется на нѣсколько малыхъ краевъ, изъ коихъ важнѣйшій Гери Heri), въ которомъ извѣстенъ мнѣ только главный городъ Гератъ Herât). Это страна весьма богатая, какъ по плодородію, такъ и по еличинѣ своей, имѣетъ много большихъ, великолѣпныхъ городовъ, оторымъ подобныхъ немного въ остальныхъ Персидскихъ обла-тяхъ; въ нихъ изготовляются всякаго рода товары и производится начительная торговля. Важнѣйшій изъ всѣхъ городовъ сдѣсь сть большой городъ Мешедъ (Meschеd), который въ Персидскихъ спискахъ земель и каталогѣ пишется Тусъ (Thus). нъ хорошо украшенъ городскою каменною стѣною, башнями и другими зданіями. Въ немъ считаютъ до 200 башенъ, а йксера (Teixera) пишетъ даже о 300 башняхъ, которыя всѣ стоятъ одна отъ другой на ружейный выстрѣлъ.

Сдѣсь покоится прахъ одного изъ 12-ти Персидскихъ Имамовъ и великихъ святыхъ, изъ рода Аали, по имени Имана Ризы (Iman за), и находится богатый мисаръ (Mesar) или гробница сего итаго, которая великолѣпіемъ постройки, доходами и богатомъ, мало уступаетъ гробницѣ Шиха Софи въ Ардебилѣ. Въ этой юбницѣ совершаются такія же службы, обрядности и моленья, къ и при гробницѣ Софи. Многіе Князья и знатные Вельможи ой страны также имѣютъ сдѣсь свои гробницы. Недалеко отъ ешеда лежитъ городъ Нисабуръ (Nisabur), у одной горы, изъ торой добываются самые красивые бирюзовые камни, составющіе исключительное достояніе Шаха. Послѣ Мешеда Гератъ erât) есть найбольшій и найкрасивѣйшіе городъ. Сдѣсь дѣлаютъ лучшіе ковры, и Индійцы ведутъ въ этотъ городѣ значительную рговлю. Путешествующіе изъ Испагани въ Кандагаръ должны юѣзжать черезъ этотъ городъ. Сдѣсь же задержаны были лошау Индійскаго Посланника, о которомъ говорено было выше.

Шикгардусъ (Schikhardus) въ Тарихъ (in Tarich) полагаетъ, что сюда же прибыли нѣкогда и уведенные Израильтяне.

Тунъ (Thun), Табесъ-Килеки (Thabes-kileki), Табесъ-Мессинанъ (Thabes Messinan), суть также большіе города, въ которыхъ выдѣлываются и распродаются разные шелковые товары. Также: Себсеваръ (Sebsewar), Турфхисъ (Turfchis), Каинъ (Kain), Пушенджъ (Puschentz), Бадкисъ (Badkis), Меру (Meru), Мерверудъ (Merwerud), Джурджанъ (Tzurtzan), Фаріабъ (Fariab), Ашурканъ (Aschurkan), Бельхъ (Belch), Баміанъ (Bamian), Семканъ (Semkan), Талеканъ (Thalecan), Сусенъ (Susen), все это многолюдные и промышленные города, а при нѣкоторыхъ изъ нихъ собирается разнаго рода Манна (Manna).

Саблустанъ.

Область Саблустанъ (Sablustan) лежитъ далѣе на востокъ, и жители ея у Курція называются Паропамисцы (Paropamisadae), именно по весьма высокой, вокругъ лежащей, горѣ, составляющей часть Тавра (Taurus) и называемой Паропамизусъ (Paropamisus). Область эта окружена далѣе множествомъ лѣсовъ.

Горопій Беканъ (Goropius Becanus), въ своей книгѣ объ Индо-Скиѳахъ (Indoscythicis, pag. 476), въ противность мнѣнію всѣхъ Отцовъ, утверждаетъ, что сдѣсь-то, на горѣ, остановился ковчегъ Ноя. Въ этой области и нынѣ обитаетъ такой же суровый и жестокій народъ, какъ и во времена Александра, безъ всякаго образованія. Города въ ней: Бексабатъ (Beksabath), Меймене (Meimine), Асбе (Asbe), Бустъ (Bust), и Саренджъ (Sarentz).

Сиджистанъ.

Сиджистанъ (Sitzistan), который называютъ нѣкоторые Сижестанъ (Sigestan), Сажестанъ (Sagestan) и даже Систонъ (Siston), есть область, лежащая на югъ отъ Саблустана, и въ древнія времена въ ней находились Дранге (Drangae). Область эта также окружена сплошными горами, и она есть отечество храбраго богатыря Рустама (Rustam), котораго Персіяне не знаютъ как

достойно прославить за его геройскій духъ и храбрыя дѣянія, такъ что, если они хотятъ воздать кому либо великую похвалу за храбрость, то говорятъ: «Онъ подобенъ Рустаму.» Важнѣйшіе города въ этой области суть: Систанъ (Sistan), Халукъ (Chaluk), Кеджъ (Ketz) и проч.

ГЛАВА V.

О Кирманѣ, Ормусѣ и Діарбекѣ.

Кирманъ.

Кирманъ (Kirman) есть также большая область, лежащая между Фарси и Сиджестаномъ и простирающаяся внизъ до моря и острова Ормуса, отъ котораго береговая часть ея получила и свое имя. Хотя въ ней также находятся горы, однако есть и прекрасныя долины, богатыя произрастеніемъ всякаго рода цвѣтовъ и плодовъ, въ особенности же розъ, изъ которыхъ Персіяне искусно гонятъ воду, называемую у нихъ khül или gül-Ab (можетъ быть и наше Guleb, означающее вообще прохладительный напитокъ, получило отсюда свое имя). Воды этой тамъ выдѣлывается такъ много, что множество ея вывозятъ въ другія мѣста и торгуютъ ею. Она привозится также и въ Испагань однимъ племенемъ, называемымъ Луръ (Lur), которое живетъ собственно въ Кирманѣ, но торговцы котораго, по своему промыслу, состоящему преимущественно въ продажѣ превосходнѣйшихъ ковровъ, проживаютъ въ Испагани. У людей этого племени головныя повязки или тулипанты (Tulipanten) длиннѣе, но уже, чѣмъ у другихъ Персовъ, и изъ повязокъ этѣхъ идутъ концы, висящіе внизъ. Между прочимъ цѣлебнымъ зельемъ, растущимъ въ странѣ Кирманъ, есть одно, составляющее хорошее средство противъ глистовъ. Персіяне называютъ его Дару Керманъ (Daru Kerman), названіемъ, которое можетъ быть толкуемо двояко, именно: средствомъ отъ глистовъ, и средствомъ изъ Кермана; ибо Керманъ не только есть названіе этой мѣстности, но означаетъ также и червь, глистъ. По этому двойному значенію одинъ Пер-

сидскій поэтъ сочинилъ и написалъ одно довольно забавное слѣдующее сказаніе:

Одинъ изъ могущественныхъ Царей Персидскихъ проѣзжалъ однажды по этой странѣ и услыхалъ позади себя голосъ, назвавшій его по имени. Когда же Царь оглянулся, то не видѣлъ ни чего, кромѣ полусгнившей уже, лежавшей на землѣ, мертвой головы. Догадавшись, что голосъ могъ исходить только изъ этой мертвой головы, онъ спросилъ: «Кто ты? и по чему ты знаешь мое имя?» Черепъ отвѣчалъ: «Знай, что нѣкогда и я былъ человѣкъ и, подобно тебѣ, носилъ вѣнецъ; я покорилъ многія земли и области; когда же достигъ до Кермана (Kerman) (т. е., червиваго, или глистоваго, verniculos), и хотѣлъ тамъ сдѣлаться также Государемъ, то червь (глистъ, Kerman) одолѣлъ и пожралъ меня. По этому, прими къ свѣдѣнію этотъ примѣръ, и обдумай его на дальнѣйшую для себя пользу!»

Въ странѣ Кирманъ, вверху, на сѣверѣ, лежитъ большая, пустынная степь, внизу же, къ морю, въ ней находятся красивые города и удобная для обработыванія земля. Названія городовъ суть слѣдующія:

Берсиръ (Bersir), Бермасиръ (Bermasir), Бемъ (Bem), Хабисъ (Chabis), Джирефтъ (Tzirefft), Камронъ (Kamron) и Ормусъ (Ormus).

Камронъ (Kamron), лежащій у воротъ моря, называется иногда Бендеръ (Bender), а иногда и Бендеръ Камронъ (Bender Kamron), Ормусъ же, (Ormus), который Персіяне пишутъ Hörmüs, есть большой островъ въ Персидскомъ заливѣ, лежащій въ 3-хъ миляхъ отъ материка. Прежде онъ принадлежалъ Португальцамъ, которые вели на немъ значительную торговлю; но Шахъ-Абасъ снова отнялъ этотъ островъ у Португальцевъ и присоединилъ къ Персидскому Царству. Причины этого событія, и какъ оно совершилось, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ самой мѣстности острова, будутъ изложены въ описаніи путешествія въ Индію Іоанна Альбрехта Фонъ Мандельсло, которое, съ Божіею помощію, я скоро издамъ въ свѣтъ, и которое, надѣюсь, прочтется каждымъ съ удовольствіемъ. Къ этому описанію я и отсылаю благосклоннаго читателя.

Въ этой же полосѣ на востокъ лежитъ еще край Мекеранъ (Mekeran), который также подвластенъ Царю Персидскому и причисляется къ области Кирманъ. Извѣстные города сдѣсь суть: Тиръ (Tihr), Киджъ (Kitz), Халакъ (Chalak). Объ этомъ краѣ, такъ какъ онъ рѣдко посѣщается Персіянами, живущими въ Еракѣ, я не могъ получить ни какихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній.

Хусистанъ.

Хусистанъ (Chusistan), нѣкогда была Сузіана (Susiana), а также Еламъ (Elam), откуда и названіе Еламитовъ; область эта лежитъ между Фарсомъ и рѣкою Диджель (Ditzel), и въ ней находятся обширный когда-то городъ Суза (Susa), упоминаемый въ 8-й книгѣ Даніила; сдѣсь Даніилъ имѣлъ видѣніе и предсказалъ паденіе Персидской и начало Греческой Монархій.

Этотъ городъ Суза называется теперь Десу (Desu). Въ немъ былъ и Царскій дворецъ Сусенъ (Susen), лежавшій при рѣкѣ Улай (Ulai), называемый у Плинія, въ 6-й книгѣ, главѣ 27-й, Eulaeus, въ которомъ Агасееръ, обладатель 127 странъ, имѣлъ свое жительство и давалъ великій пиръ. Кромѣ того въ Хусистанѣ есть еще нѣсколько многолюдныхъ и промышленныхъ городовъ, каковы: Агавасъ (Ahawas), Рамегёрмусъ (Ramehörmus), Шабуръ (Schabur), Аскеръ (Asker), и Арганъ (Arhan). Жители этѣхъ городовъ, на сѣверѣ которыхъ лежатъ горы, въ лѣтнее время, вслѣдствіе невыносимыхъ жаровъ, обыкновенно уходятъ въ горы.

Джисирегъ.

Область Джисирегъ (Tzisireh) находится въ каталогѣ городовъ (in catalogo urbium), и подъ нею должно разумѣть Месопотамію, какъ упоминаетъ это и г. Яковъ Голій, въ своемъ Арабскомъ Лексиконѣ (Lexicon Latino-Arabicum. Lugduni, 1653). Область эта теперь обыкновенно называется Діарбекъ (Diarbek) и находится между двумя славными рѣками, Евфратомъ и Тигромъ, изъ которыхъ первая называется теперь по Турецки Морачу (Moratsu), а вторая Диджель (Ditzel). На обыкновенныхъ картахъ рѣка эта пишется Digel, но произносится Нѣмцами по ихъ выговору неправильно,

ибо буква g должна выговариваться здѣсь по произношенію Фран-цузскому.

Страна эта невсегда находилась подъ владычествомъ Царя Персидскаго. На границахъ и внутри ея находится два главных города (при Тигрѣ): Мосулъ (Mosul), называвшійся нѣкогда Ниневіей (Ninive), и Багдадъ (Bagdad), бывшій нѣкогда Вавилон (Babylon). За этѣ города между Персами и Турками велись част великія и кровавыя войны, въ слѣдствіе которыхъ то тѣ, т другіе, народы дѣлались ихъ обладателями.

По списку Персидской земли Багдадъ записанъ собствен не въ области Діарбекѣ, а въ Эракайнѣ (Erakain), составляющ часть древней Ассиріи. Въ томъ же спискѣ значатся города: Васит (Wasith), Бесре (Besre), Куфа (Kufa), Медаинъ (Medain).

Нахожу нужнымъ сказать здѣсь еще нѣсколько словъ о Багдадѣ. Онъ хотя построенъ изъ древняго Вавилона, но не на томъ же мѣстѣ. Вавилонъ лежалъ при рѣкѣ Евфратѣ, которая даже протекала черезъ городъ, какъ это видно у Страбона, изъ книги 15-й 508). Багдадъ же лежитъ при Тигрѣ. Обѣ этѣ рѣки сливаются вмѣстѣ нѣсколько миль ниже Багдада. Намъ разсказывал Персидскій Посолъ, который съ нами ѣхалъ изъ Персіи, а также мой Hakwirdi, оба старые люди, хорошо знающіе положені Персіи, что Вавилоняне, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ тепер Багдадъ, такъ какъ это была низменная и веселая мѣстность, имѣли свои увеселительные сады и бесѣдки, какъ свѣдѣтельствуетъ это и самое имя Багдадъ; ибо Bag означаетъ садъ, а Багдадъ, мѣсто, гдѣ много садовъ. Когда Вавилонъ былъ разрушенъ, жители его совсѣмъ перебрались на житье въ сказанные сады и выстроили тамъ городъ, такъ какъ онъ есть тамъ теперь. Вотъ и все о разныхъ областяхъ и важнѣйшихъ въ нихъ городахъ, состоящихъ теперь подъ властію Царя Персидскаго.

ГЛАВА VI.

О Царскомъ стольномъ городѣ Испагани и о томъ, что находится въ немъ и внѣ его.

Такъ какъ Испагань (Ispahan) есть теперь главный городъ въ цѣлой Персіи и составляетъ мѣстопребываніе Шаха, мы же пробыли въ немъ довольно долгое время и видѣли много достопримѣчательнаго, почти всю Персію, узнали также въ немъ и свойства этой страны, то я не лишнимъ считаю пространнѣе поговорить сдѣсь объ этомъ городѣ и написать о немъ особую главу, тѣмъ болѣе, что я не видалъ еще, чтобы кто либо изъ Европейцевъ сообщилъ о немъ обстоятельное и основательное вѣдѣніе.

Испагань не за долго до времени Тамерлана назывался Сипагань (Sipahan), частію по множеству жителей въ немъ, частію же по тому, что въ немъ собирались и приводились въ порядокъ войска въ тѣхъ случаяхъ, когда Персіяне задумывали ити войной противъ непріятеля. Ибо Сипганъ (Siphan) есть множественное число отъ Узбецкаго и Древне-Персидскаго слова Сипе (Sipae), которое также, какъ и Лескеръ (Lesker), означаетъ войско, рать, по чему и теперь еще военачальника Персіяне называютъ иногда Сипесаларъ (Sipesalar). Послѣ же Тамерлана слово это, перестановкой буквъ (per Methatesin literarum), перешло въ имя Испагань. Арабскій лѣтописецъ, Агмедъ-бинъ-Аребша (Ahmed bin Arebscha), писавшій «Военныя дѣянія Тамерлана» (Tamerlani res gestas), называетъ его Исбаганъ (Isbahan), съ буквою ب; нынѣшніе же Персы пишутъ его اصفهان Исфаганъ (Isfahan), отъ Арабскаго صف, которое также означаетъ aciem и seriem. Я же слышалъ самъ, что они безразлично говорятъ то Ispahan, то Isfahan. Высоту полюса я нашелъ сдѣсь также, какъ полагаютъ ее и Персіяне: 32°, 26′, долготу же 86°, 40′. Магнитная стрѣлка имѣетъ уклоненіе сдѣсь на 17° отъ сѣвера къ западу.

Городъ стоитъ на равномъ, гладкомъ полѣ, и только кругомъ, въ 3-хъ и 4-хъ миляхъ отъ города, виднѣются горы, а именно:

на югъ и юго-западъ гора Демавендъ (Demanend) и на сѣверо-востокъ къ Масандерану гора Ейлакъ-Перянъ (Jeilak Perjan). Вмѣстѣ съ предмѣстіями городъ имѣетъ въ окружности 8 миль, такъ что, если бъ кто захотѣлъ объѣхать его верхомъ въ одинъ день, то не долженъ зѣвать много по сторонамъ. Городскія стѣны плохи и выведены просто изъ земли, толщиною внизу въ 6 локтей, а вверху только въ 1 футъ, съ башнями, которыя однѣ собственно сложены изъ камня, высушеннаго только на солнцѣ. Ровъ кругомъ города совсѣмъ завалился, такъ что черезъ него, почти вездѣ, и зимою и лѣтомъ, можно перейти, не замочивъ ноги. Такимъ образомъ сказанныя городскія стѣны сдѣланы вовсе не изъ лѣсу, какъ это пишетъ Петръ Бизаръ (Petrus Bizarus lib. 12, p. 331), а за нимъ и другіе писатели. Одинъ только замокъ или казнохранилище, окруженное стѣной и башнями, было, вѣроятно, выбѣлѣно когда-то мѣломъ, или известью, что и теперь еще видно въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно же на сѣверной сторонѣ его.

Мимо города, у юго-западной и южной стороны, течетъ довольно большая рѣка Сендерутъ (Senderut), выходящая изъ горы Демавендъ; рѣка эта раздѣляется на нѣсколько малыхъ ручьевъ, которые жители проводятъ по всему городу и жилищамъ и нѣсколько водоемовъ (Cisternen), называемыхъ ими Гавсъ (Haws) и Бурке (Burke), не смотря на то, что тамъ и сямъ, по разнымъ дворамъ, находится у нихъ множество вырытыхъ колодцевъ. Тотъ часъ за городомъ отъ этой рѣки отдѣляется рукавъ, идущій въ помянутый выше звѣринецъ Гасарджирибъ (Hasartzirib), и въ другомъ мѣстѣ, черезъ проложенную подъ землею трубу, протекающій въ главнѣйшій Царскій садъ Джарбагъ (Tzarbagh); назади за этѣмъ садомъ, черезъ главное русло рѣки, перекинутъ довольно изящный, длинный каменный мостъ, построенный однимъ Ширазскимъ Ханомъ, Аллавердиханомъ (Allawerdichan), на свой собственный счетъ.

Шахъ-Абасъ цѣлыя 14 лѣтъ усиленно старался другую рѣку Абкуренъ (Abkuren), текущую по другой сторонѣ горы Демавендъ (Demawend), провести черезъ гору въ рѣку Сендерутъ (Senderut), для чего у него ежедневно работало, попеременно

отъ 800 до 1000 человѣкъ, и каждому изъ нихъ выдавалось заработной платы, въ день, по полуабасу или по 4 гроша. Но, по причинѣ великой стужи и снѣгу, которые бываютъ сдѣсь большую часть времени года въ сѣверной части, ни въ одинъ изъ сказанныхъ годовъ нельзя было работать болѣе 3-хъ мѣсяцевъ въ году. Если бъ въ то время жилъ еще великой Персидскій Святой чудотворъ, Аали, и употребилъ бы свое искуство, которое Персы ему приписываютъ, яко бы въ Карабахѣ (Karabach) онъ мечемъ разсѣкъ скалы, то тогда сказанный проводъ рѣки можно было бы сдѣлать съ меньшимъ трудомъ и издержками. Такъ, Персы разсказываютъ, что великая скала, черезъ которую протекаетъ р. Арасъ, и которая кажется какъ бы расколотою на двое, была разсѣчена Ааліемъ; по этому они называютъ эту узкую бездну или разсѣлину: Aaly deretjj, т. е., Aaly angustiae. Ханы и разные знатные Вельможи, чтобъ угодить Царю и пособить дѣлу, приняли на себя пробить извѣстную часть скалы, и хотя она и была весьма тверда и въ этомъ мѣстѣ высотою во 100 локтей, тѣмъ не менѣе прорыто и пробито ея было уже около 100 локтей. Но около этого-то времени Шахъ-Абасъ умеръ, а слѣдовавшій за нимъ юный Царь охотнѣе любилъ наслаждаться на мягкомъ ложѣ своего гарема, нежели заботиться о какой ни будь твердой скалѣ, а по тому и дѣло это осталось не приведеннымъ въ исполненіе.

Городъ Испагань былъ дважды опустошенъ Тамерланомъ: въ первый разъ при взятіи его, и во второй, когда онъ возмутился противъ Тамерлана. Такое же опустошеніе потерпѣлъ онъ и отъ Ходжи (Chotza), въ слѣдствіе возстанія же; ибо при этомъ не только разрушены были зданія, но и самое народонаселеніе въ немъ истреблено и перебито было во множествѣ. Такъ, по свѣдѣтельству Іосафата Барбаро, бывшаго въ Персіи послѣ этого событія, именно въ 1471 году, высланнымъ противъ этого города воинамъ было строго наказано, чтобы ни кто изъ нихъ не возвращался безъ головы хоть одного возмутившагося. Въ слѣдствіе чего, нѣкоторые воины, за недостаткомъ мужчинъ, отрубливали головы женщинъ, брили ихъ и приносили вмѣсто головъ мужчинъ, которыя также были бритыя. При Шахѣ Измаилѣ I положеніе города Испагани нѣсколько улучшилось; Шахъ же Абасъ, пере-

несшій сюда, ради пріятнаго мѣстоположенія, свое Царское мѣстопребываніе изъ Касвина, не только обстроилъ городъ великолѣпными зданіями, но и заселилъ его множествомъ народа, переведеннаго сюда изъ разныхъ другихъ областей, такъ что теперь Испагань представляетъ собою какъ бы небольшой міръ, въ которомъ считается болѣе 500 тысячъ душъ жителей. Обширности города во многомъ, впрочемъ, помогаетъ то обстоятельство, что при каждомъ домѣ непремѣнно находится одинъ, а иногда и два, довольно просторныхъ сада. Персіяне очень любятъ сады, но они не украшаютъ ихъ въ родѣ Европейцевъ всѣми возможными прекрасными цвѣтами, но усаживаютъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ всякаго рода плодовыми деревьями и виноградникомъ, въ особенности же любятъ, за красоту и тѣнь, дерево чинаръ, неизвѣстный въ Германіи родъ платана, которое растетъ прямо, вышиною съ ель, и толщиною вообще въ половину, а иногда и въ цѣлый локоть. Листъ этого дерева широкій, похожій на листъ винограда, но само дерево не приноситъ ни какого полезнаго плода, а даетъ плодъ, или наростъ, величиною и твердостію подобный каштану, только безъ ядра. Цвѣтъ дерева въ подѣлкахъ свѣтло-коричневый, съ жилками, забѣгающими одна въ другую, подобно волнистому дереву. Персы употребляютъ это дерево на дверныя и оконныя принадлежности, и оно, выполированное масломъ, имѣетъ довольно изящный видъ. Я привезъ довольно большой кусокъ этого дерева съ собою домой, и помѣстилъ его въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей.

Лучшее за тѣмъ, послѣ такихъ деревьевъ, удовольствіе и украшеніе садовъ составляютъ неглубокіе, выложенные камнемъ, колодцы и подземныя водохранилища, съ жолобами, положенными въ извѣстномъ порядкѣ, черезъ которые вода могла быть проводима изъ одного колодязя въ другой. Обыкновенно колодязи этѣ устраиваются одинъ выше другого, такъ что, въ случаѣ надобности, вода изливается изъ одного въ другой, бѣжитъ далѣе и орошаетъ садъ. Болѣе зажиточные Персіяне, кромѣ всего этого, устраиваютъ въ садахъ своихъ открытыя галереи и особыя бесѣдки, которыя часто бываютъ разукрашены лучше, чѣмъ ихъ жилые дома. Рядомъ съ обыкновенными домами гражданъ въ городѣ есть много дорогихъ палатъ, которыя, впрочемъ, снаружи

не такъ великолѣпны, какъ внутри. Всѣ онѣ, по употребительному у Персовъ способу, выстроены четырехъугольниками, частію изъ глиняныхъ и земляныхъ кирпичей, высушенныхъ только на солнцѣ, частію же, принадлежащія именно важнѣйшимъ гражданамъ, изъ обожженныхъ кирпичей, выведены въ два, три и даже четыре яруса, и каждый ярусъ имѣетъ свое особое названіе. Погребъ называютъ они сирсеминъ (Sirsemin), нижнее за тѣмъ жилое помѣщеніе ханè (Chanè), слѣдующее надъ нимъ кушкъ (Kuschk), третій ярусъ джауфе (Tzaufè), и четвертое касеръ (Kasser). Открытые покои ихъ, снабженные сверху наружу низкими рѣшетками, называютъ они эйванъ (Eiwan). Этѣ послѣдніе устраиваются иногда на всѣхъ четырехъ сторонахъ дома, и въ жаркое лѣто, въ слѣдствіе того, что въ нихъ постоянно продуваетъ вѣтеръ и воздухъ свѣжѣе, они попеременно служатъ спальнею. Окна въ этѣхъ домахъ, большею частію такой же величины, какъ и двери, и также, какъ этѣ послѣднія, доходятъ до полу, или до мостовой, вовсе безъ стеколъ, но снабжены деревянными рѣшетками, которыя зимою заклеиваются пропитанною масломъ бумагой. Зимнія жилыя комнаты обыкновенно бываютъ въ нижней части дома.

Сдѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ мало лѣсу, нужда научила жителей сноровкѣ имѣть тепло въ комнатахъ. Для этого въ земляномъ полу они вырываютъ тенуръ (Tenûr), т. е., круглую яму, величиною съ большой горшокъ, въ которомъ и держутъ раскаленные уголья; надъ этой ямой ставятъ низенькой стулъ, или столъ, покрытый широкимъ ковромъ, который опускается на землю и стелется по ней со всѣхъ сторонъ; желающіе погрѣться располагаются кругомъ сказаннаго стула или курси (Kursi), подсовываютъ подъ него ноги, покрываютъ половину своего тѣла ковромъ, и въ такомъ положеніи отлично спятъ во время ночи. Немногихъ угольевъ бываетъ достаточно для того, чтобы добыть тѣлу пріятную теплоту, а иногда даже и довольно сильный жаръ, производящій испарину. Вмѣстѣ съ сбереженіемъ топлива, этотъ способъ нагрѣванія Персы считаютъ и здоровымъ, по тому что при немъ голова постоянно остается на вольномъ и чистомъ воздухѣ. Для того же, чтобы отъ угольевъ не было чаду, изъ тенура подъ землею проводятся трубы на дворъ. Такіе тенуръ Персы употребляютъ иногда и вмѣсто печей, въ которыхъ пекутъ и жарятъ

кушанья. При домахъ имѣются обыкновенно передніе дворы (или преддверія), черезъ которыя ходятъ въ жилыя части дома и покои.

Переулки и улицы между домами въ прежнее время были такъ велики и широки, что 20 и болѣе человѣкъ могли по нимъ ѣхать верхомъ рядомъ; во время жь Шаха-Абаса, въ слѣдствіе увеличенія числа домовъ, большая часть улицъ сдѣлались такъ тѣсны, что часто въ нихъ съ трудомъ можно разойтись при встрѣчѣ другъ съ другомъ, особенно по близости Майдана и торжища, гдѣ обыкновенно бываетъ большое движеніе, такъ что иногда, если встрѣтится Харбенде (Charbende, погоньщикъ ословъ), съ 10, 20 и болѣе навьюченными ослами, которые тянутся обыкновенно гуськомъ одинъ за другимъ, то приходится совсѣмъ остановиться и порядочно подождать, пока они пройдутъ мимо. Самый же Майданъ, или большая площадь для торговли и прогулокъ, такъ обширенъ, что подобнаго мы еще нигдѣ не видали, и онъ содержитъ въ себѣ именно: въ длину 700 и въ ширину 250 шаговъ. На западной сторонѣ, гдѣ Царскій Дворъ и Палаты, вдоль Майдана тянется довольно порядочно устроенное сводомъ зданіе, въ два яруса, съ эйванами (открытыми покоями) и коридорами, въ которомъ золотыхъ дѣлъ мастера, ювелиры и другіе ремесленники промышляютъ своимъ ремесломъ; а передъ зданіемъ этѣмъ насажены красивыя, стройныя деревья, называемыя шимшадъ (Schimschad, особый родъ буковаго дерева), изящно подстриженныя, такъ что изъ за листьевъ ихъ виднѣются лавочки и разныя питейныя заведенія, полузакрытыя деревьями, дающими въ то же время отрадную тѣнь. Еще передъ этѣми деревьями устроено длинное, неглубокое каменное корыто, на подобіе высѣченной изъ камня мостовой, нѣсколько возвышенное надъ этой послѣдней; черезъ это корыто по всему Майдану кругомъ доставляется вода для омовенія и другихъ потребностей горожанъ.

Насупротивъ же, на восточной сторонѣ, воздвигнуты сводомъ же широкіе ходы съ арками и столбами, подъ которыми всякаго рода ремесленники, каждый по собственному цеху своему, имѣютъ свои мастерскія; ибо Персіяне обыкновенно или вовсе не работаютъ, или мало работаютъ въ своихъ жилыхъ домахъ, и работа

юя издѣлія открыто, представляютъ для прохожихъ довольно ріятное развлеченіе. За этой галереей къ Царскому Дворцу идетъ іаніе, съ двумя, другъ противъ друга лежащими, ходами, назыіемое накара-хане (Nakara chane), на которомъ ежедневно играютъ іейтщики, барабанщики и керенеи (Kerenei), трубачи, свою музыку и закатѣ солнца, и также во время входа и выхода Шаха. Музыка и захожденіи солнца употребляется по всей Персіи, гдѣ только ть Ханы и большіе господа; обычай этотъ введенъ Тамерланомъ, гда онъ былъ еще обладателемъ сдѣшнихъ странъ, и соблюдается отно и понынѣ его потомками.

Что касается до Царскаго Дворца, то Персіяне называютъ о Дёвлетъ-Хане (Döwlet Chane), а также Деръ Хане-Шахъ (Der ane Schah). Передъ дверьми Дворца въ наше время лежало сколько большихъ металлическихъ пушекъ, подобныхъ полоіныімъ и цѣльнымъ картаунамъ, только нѣсколько короче и убой, нечистой работы. Пушки этѣ лежали на бревнахъ на лѣ неподвижно, привезены сюда издалека, изъ Ормуса, и значены для защиты воротъ; но если не становиться у самаго рла ихъ, то онѣ во все не опасны. Дворъ самъ по себѣ не обенно укрѣпленъ, но обведенъ только кругомъ высокою стѣю. Днемъ у внѣшнихъ воротъ сторожатъ обыкновенно не болѣе ъ, или 4 человѣкъ; ночью же сдѣсь ставится 15 тѣлохранией, а у Царскаго покоя еще 30 человѣкъ, большею частію ь дѣтей Хановъ, которые частію стоятъ на часахъ, частію ходятъ кругомъ дома, гдѣ и спятъ подъ открытымъ небомъ. шикджи (Kischiktzi) или сторожевой писарь обязанъ каждый еръ сообщать Шаху имена долженствующихъ быть на стра, чтобы Шахъ зналъ, чтó за люди находятся около него. редній покой за воротами при насъ былъ высокій, снабжен- й множествомъ рѣшетчатыхъ оконъ и внутри изящно изукраъ выдающимися изображеніями (картинами) и золоченою лѣпо работой. Другіе, главнѣйшіе покои въ Шахскомъ дворцѣ ь: табхане (Tabchane), большой залъ, въ которомъ Шахъ своими Ханами и знатными Вельможами празднуетъ Наврусъ orus) или Новый Годъ. Другой покой составляетъ упомяну- й уже неоднократно Диванъ-Хане (Diwan Chanè) или Судеб- і Палата: въ ней Шахъ обыкновенно принимаетъ Пословъ

собственно по тому, что при ней находится дворъ, удобн для показа его убранныхъ лошадей и другого великолѣпія, а та же и для предъявленія подарковъ. Третій покой гарамъ-х (Haram Chane), залъ дѣвицъ Царскихъ, въ которомъ собир ются Царскія Хасега (Chasseha) или наложницы, сохраняем обыкновенно въ отдѣльныхъ комнатахъ; сдѣсь онѣ пляшутъ пер Шахомъ, при чемъ играютъ особые холощеные музыканты. Ч твертый покой деке (Dekae), собственно жилой Шаха, въ ко ромъ онъ ежедневно и послѣ общественныхъ дѣлъ (actibus publi обѣдаетъ съ своими законными женами или Царицами. Кромѣ т есть еще множество богатыхъ покоевъ, служащихъ для разны потребностей и украшеній Царскаго двора. Въ этомъ же дворѣ е нѣсколько большихъ садовъ съ прекрасными бесѣдками. При вх въ дворъ, въ 40 почти шагахъ отъ воротъ, на правой рукѣ, есть дв ведущая въ большой садъ, по срединѣ котораго стоитъ часов Этотъ-то садъ и есть великое убѣжище (Asylum), которое Пер не называютъ Аллакапи (Allakapi), т. е., Божьи ворота, к убѣгаютъ должники, убійцы и другіе преступники, и гдѣ остаются до тѣхъ поръ, пока содержатъ тамъ себя на свой с ственный счетъ; воровъ, впрочемъ, тамъ долго не терпятъ. наше время въ этомъ саду, въ одной палаткѣ, проживалъ съ се ей своей одинъ Султанъ, впавшій въ немилость Шаха и опас шійся по этому за жизнь свою. Позади Царскаго двора на дится Таберикъ-Кале (Taberik Kalè), казнохранилище, или ско замокъ и крѣпость, какъ явствуетъ это изъ самаго слова К (Kalè); оно посредственной величины, окружено весьма вы кими земляными стѣнами и множествомъ высокихъ же ос верхихъ башенъ, которыхъ Николай Геммъ (Nicolaus Hemm насчитываетъ болѣе 40 (Этого писателя, который самъ былъ т въ 1623 году по Р. Х., по свѣдѣнію Іоанна де Лаэта, въ описаніи, я считаю за достовѣрнѣйшаго изъ всѣхъ, особенно носительно того, что касается Испагани). Сказанный за постоянно снабженъ множествомъ войска, и хотя самъ Ш не живетъ въ немъ, но въ ономъ хранятся лучшія сокровища относящіяся до всякаго рода воинскихъ вооруженій и снаряд За тѣмъ, на другой сторонѣ Майдана, въ особой улицѣ, есть большое зданіе, Чегиль Сютунъ (Tschehil Sütun) называе получившее такое названіе свое отъ 40 балокъ; ибо въ эт

нія есть мечеть (Mestzid), имѣющая по срединѣ своей огромный лбъ, на которомъ сходятся и лежать 40 балокъ, подерживацихъ крышу мечети. Въ эту мечеть толпами стекались Персы, гда Тамерланъ хотѣлъ казнить возмутившихся противъ него; ь пощадилъ только эту мечеть и укрывшихся въ ней Персіянъ; альныхъ же, бывшихъ на кладбищѣ и около зданія, всѣхъ убилъ саблями и самый дворъ вокругъ разрушилъ до осноія. Шахъ Измаилъ снова возобновилъ все зданіе и самое ло это сдѣлалъ убѣжищемъ (Asylum).

Въ южной части Майдана находится огромная, великолѣпи богатѣйшая мечеть, которую началъ строить и почти троилъ Шахъ-Абасъ; Шахъ Сефи уже въ наше время приалъ только покрыть въ ней еще одну стѣну нѣсколькими тами изъ мрамора. Мечеть эта посвящена одному изъ 12 лѣднихъ Имамовъ Персидскихъ, Мегеди (Mehedi), который лъ въ пещеру близъ Куфы (Kufa), и когда придетъ его время, а явится верхомъ Аали на конѣ Дюльдюль (Düldül), и цѣлый ъ обратитъ къ Алкорану. Объ этомъ подробнѣе будетъ сообю ниже, при описаніи Вѣры Персовъ. Въ слѣдствіе всего занного мечеть самая называется мечетью Мегеди Сагебесеманъ stzid Mehedi Sahebeseman). Въ ней, надъ большими воротами, ится слѣдующая надпись:

مهدي صاحب الزمان

Ходъ въ мечеть идетъ черезъ мостовую, сложенную изъ шихъ четыреугольныхъ камней, на которой устроенъ боль, четырехъугольный водоемъ (Cisterne), для омовенія приходяъ сюда на молитву. За этимъ колодцемъ, двумя ступенями ъ, всходишь на узкую площадку, послѣ которой, еще ъ одну ступень, входишь и въ мечеть. Послѣднія ступени аны дѣйствительно изъ мрамора; но чтобы входъ въ эту ть состоялъ изъ 13 ступеней, которыя всѣ будьто бы высѣы изъ одного мраморнаго камня, какъ разсказываетъ это нъ de Лаэтъ (Johannes de Lael), изъ relation. Nic. Hemmio, я, признаться, не видѣлъ. Ворота сложены изъ искусвысѣченнаго мрамора, и также высоки, какъ и ворота при

мечети Ходабенде (Meschaich Chodabende) въ Султаніи. Двер растворяющаяся на обѣ стороны на прочныхъ крючкахъ, ѝ крыта плотнымъ листовымъ серебромъ, мѣстами вызолоч нымъ. Вошедши въ ворота, видишь по обѣимъ сторонамъ д широкихъ, съ высокими сводами хода (галереи), устланны на полу рогожами, на которыхъ Персіяне молятся. Ходы и идутъ кругомъ около большаго Геятъ (Hejat) или двора, и среди котораго находится другой, восьмиугольный водоемъ (ц стерна), полный до верху водою. Вверху, надъ большими хода воздвигнуты другіе малые, снабженные къ сторонѣ двора столба разукрашенными мраморомъ и золотомъ. Прошедши черезъ пл щадку, въ самой глубинѣ достигаешь главной мечети, гдѣ на дятся мегерабъ (Meherab) и катибъ (Cathib), т. е., алтарь и ѳедра. Входъ въ нее составляетъ сводъ, высоты достойной уд вленія, уложенный весь камнями, расписанными голубою глазур и золотомъ. Мечеть сама по себѣ также чрезвычайно высока, нѣсколькими придѣлами и углами, и множествомъ столбовъ прекраснаго мрамора. На право отъ мечети, черезъ ворота, в ходишь въ особый, изящно устроенный, дворъ. Самое дорогое всемъ эмератѣ (Emerat), т. е., зданіи, состояло въ томъ, что стѣны въ ходахъ, дворахъ и главной мечети, на высотѣ 4-хъ лок отъ полу, выложены мраморомъ, гладко, словно зеркало вы лированнымъ, состоящимъ, правда, изъ плитъ, но такихъ, ко рыя всѣ длиною были выше роста человѣка, шириною же сколько уже, и вдѣланы онѣ были одна къ другой чрезвыча искусно. Meherab или алтарь, за исключеніемъ двухъ столбо стоящихъ по сторонамъ, высѣченъ изъ одного цѣльнаго кам Мраморъ, большею частію совершенно бѣлый, добытъ бы для всего этого изъ горы Эльвендъ. Шахъ-Абасъ постро подобную же мечеть въ честь Мегеди въ Таврисѣ, но то та значительно меньше Испаганской, и мраморъ въ ней, лый какъ мѣлъ и выполированный будьто зеркало, доставл былъ изъ Еруана (Eruan). Кромѣ описанной сдѣсь, въ Испаг тамъ и самъ находится и еще несчетное множество мечете часовенъ.

Обращаюсь къ дальнѣйшему описанію Майдана. По сред его, не вдалекѣ отъ Царскихъ воротъ, стоитъ высокій ше

подобный нашему шесту для стрѣльбы, на который втыкаютъ иногда дыню, арбузъ, или яблоко, а иногда ставятъ серебряную тарелку съ деньгами, и въ этѣ вещи Шахъ, забавляясь съ своими Ханами и знатными Вельможами, стрѣляетъ на всемъ скаку, мчуя верхомъ, при чемъ держатся большіе заклады. Попавшій въ цѣль, или получившій какую выгоду отъ выигрыша заклада, считается хозяиномъ игры, и къ нему отправляется въ гости Шахъ съ другими Вельможами. Сбитыя выстрѣломъ съ тарелочки деньги отдаются, впрочемъ, прислужникамъ. Въ этомъ же мѣстѣ знатные господа потѣшаются также игрою, называемою куйчауканъ (Kuitschaukan), въ которой, таже верхомъ на лошади на всемъ скаку, мечутъ палкой, нарочно для этого приспособленной, въ мячикъ, или въ деревянный шаръ. Сдѣсь же упражняются они и въ джиридъ (Tzirid) или въ метаніи копья, о чемъ подробнѣе сказано уже выше. Наконецъ сдѣсь же, на Майданѣ, поставлены, вверху и внизу, двѣ пары плоскихъ столбовъ, служащихъ цѣлію для состязающихся въ бѣгѣ на перегонку.

Внизу Майдана стоитъ небольшой деревянный домикъ, на ...хъ колесахъ, называемый Шанешинъ (Schaneschin), въ которомъ иногда помѣщается Шахъ, чтобы смотрѣть на описанныя игры и огненныя потѣхи, и въ этомъ домикѣ подвозятъ его къ любому мѣсту.

Кромѣ того тутъ есть и гадатели, которые обыкновенно сидятъ на западной сторонѣ, не вдалекѣ отъ Döwlet chane и раскладываютъ сдѣсь свои лавочки: о нихъ скажу подробнѣе, при описаніи суевѣрія Персіянъ.

Въ сѣверной части Майдана находится нѣсколько кабаковъ или харчевенъ, каковы: 1. Шире-Хане (Schire Chane): это суть распивочныя лавочки или кабаки, въ которыхъ большею частію сидятъ разгульные люди, заставляющіе плясать передъ собою суркеръ (Surker) или плясуновъ, обыкновенно мальчиковъ, которые пляшутъ съ разными сладострастными тѣлодвиженіями и представленіями. Когда, глядя на такія пляски у зрителей возбуждается вожделѣніе, распаляемое въ нихъ и виномъ, то они уходятъ съ мальчикомъ куда ни будь въ уголокъ, или же отправляются въ общественные дома непотребныхъ женщинъ.

2. Джай-Хатай-Хане (Tzai Chattai Chane): это такая хар-чевня, въ которой пьютъ иностранную теплую воду, [1] о кото- подробнѣе скажу скоро ниже. Попивая этотъ напитокъ, Персі- не играютъ сдѣсь въ шашки, или же и въ шахматы. Въ игрѣ эт- они искуснѣе даже Русскихъ игроковъ, также хорошихъ, и П- сіяне говорятъ, что игра эта изобрѣтена ими, какъ значится и- изъ самаго ея названія Шахъ, означающаго Царя. Шахмат- игру называютъ они седренцъ (Sedrenz), т. е., сто заботъ, - тому что она заставляетъ много думать и направлять свои мыс- на различныя обстоятельства. О томъ, кто былъ первый изобр- татель этой игры, мною сообщено уже подробное свѣдѣніе - Персидской «Долинѣ Розъ,» въ 7 книгѣ, 13 Исторія.

3. Каве-Хане (Kahweh Chane), харчевня, въ которой собн- ются курители табаку и любители кофе (Kahveh). Во всѣхъ эт- трехъ родахъ харчевенъ присутствуютъ также поэты и истори- которыхъ я встрѣчалъ тамъ сидящими посреди комнаты, на в- сокихъ стульяхъ, и расказывающими разнаго рода событія, бас- и другія поэтическія произведенія. Во время разсказовъ сво- люди этѣ помаваютъ палочкою, подобно тому, какъ дѣлаютъ - фокусники; не вдалекѣ отъ этой кофейни сидятъ, въ своихъ - шатрахъ и лавкахъ, двоякаго рода цирюльники (Chirurgi), - которыхъ одни называются хирургами джерра (Tzerrah), кото- только лѣчатъ раны, а не убираютъ; другіе же не лѣчать, только брѣютъ, или стригутъ и убираютъ волосы, называю- деллакъ (Dellak) и употребляются и для обрѣзыванія. Къ эт- послѣднимъ ходитъ множество народа, такъ какъ Персіяне б- ютъ себѣ всю голову и дѣлаютъ это часто. Каждый приходя- сюда приноситъ съ собою и собственную свою бритву, по то- что, изъ опасенія кеши (Keschi) (такъ называютъ они Фран- скую болѣзнь), они не дозволяютъ прикасаться къ себѣ ни ка- чужою бритвой.

Внизу, у сѣверной части Майдана, начинается уже наст- щее торжище, гдѣ находится огромная Кайзеріе (Kaiserie) (галере-

---

[1] Напитокъ этотъ чай, какъ видно сдѣсь изъ названія самой харчевни. Пр- Перев.

ь которой продаются самые дорогіе товары. Надъ входомъ въ го зданіе висятъ большіе часы, устроенные при Шахъ-Абасѣ шимъ Англичаниномъ, по имени Феси (Fessi); часы этѣ внача-ѣ, когда еще въ цѣлой Персіи не было ни колоколовъ, ни такихъ ольшихъ часовъ, считались чудомъ, въ наше же время они ке не ходили, были испорчены, а самый мастеръ изрубленъ блями, подобно Рудольфу Стадлеру, за убіеніе имъ одного ерсіянина.

Базаръ или торгъ раздѣляется на множество улицъ, боль-ею частію крытыхъ. Сдѣсь можно получить всякаго рода вары и все то, чего только можетъ пожелать душа, сообраз-свойствамъ страны. И каждый родъ товаровъ размѣщенъ по жамъ отдѣльно отъ другихъ и въ извѣстномъ порядкѣ, въ эличныхъ мѣстахъ.

Между прочими отличалась красивымъ видомъ одна богатая ка естественныхъ произведеній (Materialisten-Kram), находящая-водлѣ большой мечети, на лѣвой рукѣ, по пути къ ней. Кромѣ ыкновенныхъ, въ ней находится и множество иноземныхъ, восходныхъ травъ, сѣмянъ, корней, камней и рѣдкихъ расте-ѣ. Тамъ во множествѣ продаются: Radix Tzinae или козій ко-ь, какъ называетъ его Tabernaemontanus, Персы же называютъ Bich-Tzini; и Rhabarbarum, называемый Персами Rawende-й; оба этѣ растенія привезены сюда изъ Китая и Великой Та-іи, и стоятъ за фунтъ по 3 абаса или по одному рейхсталеру.

Въ Испагани находятся купцы и лавочники всѣхъ возмож-ь народностей, торгующіе оптомъ и по мелочамъ, въ розницу, ѣзными кусками, а именно: кромѣ Персовъ, Индійцы, разные ары изъ Хуаресма, Китая (Chattai) и Бухары, Турки, Іудеи, ине, Грузины, и кромѣ нихъ: Англичане, Голландцы, Фран-ы, Итальянцы и Испанцы.

Кромѣ Персидскихъ на торгѣ находились большею частію йскіе магазины и лавки, съ шелковыми и бумажными то-ами, которые добротою и изяществомъ превосходили Персид-ь. Самихъ Индійцевъ въ городѣ проживало постоянно до

12,000, и многіе изъ нихъ имѣли на лбу нарисованную шафраномъ черту, спускающуюся внизъ къ носу длиною и толщиною въ палецъ; что означаетъ эта черта, я дознать не могъ. Большинство этихъ Индійцевъ Магометане, нѣкоторые же язычники, и обрѣзанные; эти послѣдніе и понынѣ сожигаютъ своихъ покойниковъ, для чего употребляютъ абрикосовое дерево (Abricos), называемое ими мешмешъ (Meschmesch); въ нашу бытность сожженъ былъ ими одинъ такой трупъ.

Находясь здѣсь, на торжищѣ, при куплѣ и продажѣ, сдѣлаемъ обозрѣніе и Персидскимъ монетамъ, которыя у нихъ въ употребленіи при торговлѣ вообще.

О персидскихъ монетахъ (деньгахъ).

Деньги, находящіяся въ обращеніи на торжищѣ, суть серебряныя и мѣдныя: золотыя бываютъ въ торговлѣ очень рѣдко. Серебряныя монеты суть: Абасъ (Abas), Гаремъ-Абасъ (Garemabas) или Ходабенде (Chodabende), Шахи (Schahi) и Бисты (Bisti). Абасъ (Abas) цѣнятъ Персіяне наравнѣ съ рейхсталеромъ; на Мишенскую же монету считаютъ его равняющимся 8 грошамъ и 8 пфеннингамъ. Но одинъ рейхсталеръ вѣситъ четыре Абаса. Большіе и дорогіе товары оцѣниваютъ туменами (Tumain), а одинъ туменъ содержитъ въ себѣ 50 абасовъ. Особо чеканеной такого рода монеты нѣтъ, и туменъ собственно исчисляется суммообразно, подобно тому, какъ Русскіе считаютъ свой рубль. Абасъ получилъ свое названіе отъ Шаха-Абаса, который повелѣлъ чеканить эту монету, точно также, какъ полуабасъ называется Ходабенде (Chodabende) по тому, что введенъ Шахомъ Ходабенде. Прежде Персы имѣли иную монету, называвшуюся Лари (Lari): это была сложенная вдвое и изогнутая серебряная проволока, посреди сплюснутая вгладь, гдѣ и выбита печать (величина и видъ этой монеты значится на прилагаемомъ изображеніи); [*] монета эта нѣсколько тяжеле одной Ходабенде и введена была Шахомъ Измайломъ I. Этого рода монета находится

[*] Въ подлин. стр. 560. О. Б.

Княжескомъ Готторфскомъ Книгохранилищѣ, между множествомъ другихъ древнихъ монетъ разныхъ народовъ. Послѣ полуабаса идутъ Шахи (Schahi)—четверть абаса, и потомъ Бисти (Bisti), которыхъ въ одномъ Schahi заключается $2^1/_2$.

Мѣдныя монеты, которыя Персіяне вообще называютъ Пулъ (Pul), а въ отдѣльности Касбеки (Kasbeki), стоимостію считаются по 40 штукъ въ одномъ абасѣ. Когда Европейцы торгуютъ съ Персіянами и покупаютъ у нихъ что либо на чистыя деньги, то даютъ рейхсталеры, которые и размѣниваются на ихъ монету; для этого, тутъ же, на Майданѣ, находится нѣсколько мѣнялъ, Серафъ (Seraf). Монетный дворъ Серабъ-хане (Serab chane), также стоитъ не далеко отъ торжища. Монетчики, имѣющіе за огромную сумму монету на откупу, получаютъ, по упомянутой причинѣ, на рейхсталеровъ большія выгоды и пользу. Испанскіе реалы берутъ они также охотно, и почти охотнѣе, чѣмъ рейхсталеры. Вообще относительно мѣдной монеты у Персіянъ дѣлается такъ, что каждый большой городъ имѣетъ у нихъ свою особенную монету, которая нигдѣ и не ходитъ, какъ только тамъ, гдѣ она отчеканена, и при этомъ не далѣе, какъ на одинъ годъ, такъ что и знаки на этѣхъ монетахъ ежегодно перемѣняются. Знаки этѣ или изображенія бываютъ иногда олень, кова, сатиръ, рыба, змѣя и тому подобное; въ наше время на Казбекахъ (Kasbeki) въ Шамахѣ было изображеніе Фавна (Faunum) или молодаго дьявола, въ Кашанѣ изображеніе пѣтуха, въ Испагани льва, и въ Киланѣ рыбы. Съ наступленіемъ Новаго Года, совпадающаго по нашему Календарю съ Февралемъ мѣсяцемъ, старые Казбеки воспрещаются, стоятъ уже по два старыхъ за одинъ новой, и по этому должны поступить снова на монетный дворъ, гдѣ они только раскаляются и клеймятся новымъ знакомъ. Фунтъ мѣди стоитъ тамъ около абаса, и изъ него вычеканивается обыкновенно 64 Казбека.

Такъ какъ въ Испагани скопляется много купечества и ведется такая громадная торговля, то въ немъ находится и великое множество каравансераевъ, въ которыхъ производится оптовая торговля. Этѣ каравансераи, какъ уже выше сказано, суть большіе дворы, построенные четырехъугольниками, съ высокими

каменными стѣнами и разными покоями, анбарами и галереями въ два и три яруса, въ которыхъ иноземные люди имѣютъ всѣ возможныя удобства, какъ для собственнаго проживанія, такъ и для складки своихъ товаровъ.

Между прочими красивыми зданіями, одно не изъ послѣднихъ составляетъ Царская главная конюшня съ довольно высокою башнею, называемою Келеминаръ (Kelemінar), и сложенною изъ роговъ оленей и агу (Aahu), сплоченныхъ землею. Шахъ-Тамасъ въ одной изъ охотъ убилъ болѣе 2000 оленей и агу, и въ память о такомъ событіи приказалъ выстроить сказанную башню изъ роговъ этѣхъ животныхъ.

За городскою стѣною, на южной сторонѣ, недалеко отъ большаго моста, находится помянутый выше чрезвычайно богатый садъ Джарбагъ (Tzarbagh), подобнаго которому мы не видѣли еще въ Персіи. Названіе свое получилъ онъ отъ того, что въ слѣдствіе крестообразнаго хода и протекающей въ немъ рѣки, онъ кажется какъ бы раздѣленнымъ на четыре сада. Въ окружности онъ простирается на добрую четверть мили, устроенъ четырехъугольникомъ и на каждой его сторонѣ имѣются особыя ворота. На южной сторонѣ его возвышается холмъ, красиво отдѣланный множествомъ уступовъ или террасъ. По обѣимъ сторонамъ его и въ серединѣ находится вода, проведенная сюда черезъ проложенную подъ землею трубу изъ рѣки Сендерутъ, и игравшая здѣсь протоками и водометами. Протоки сдѣланы были изъ высѣченнаго камня шириною въ локоть, ровные будьто шнуръ и на уступахъ положены довольно круто, такъ что вода, совершая по нимъ быстрое паденіе, производитъ въ то же время и шумъ. Въ этѣхъ же протокахъ подѣлано было множество маленькихъ трубокъ, которыя высоко подбрасывали текущую по нимъ воду. Кромѣ того въ нѣсколькихъ мѣстахъ находились особые водометы изъ бѣлаго мрамора, которые играли чрезвычайно высокими водяными лучами и представляли пріятное зрѣлище. Изъ водометовъ вода стекала въ большой прудъ, лежавшій въ нижней части сада, изъ средины котораго вода также била вверхъ, на высоту 12 локтей. Подлѣ этого пруда стояла одна изъ 4-хъ изящныхъ бесѣдокъ, построенныхъ въ четырехъ углахъ сада и

разъукрашенныхъ внутри всякаго рода золоченою рѣзьбою, изображающую листья и цвѣты. Открытые покои, увеселительные ходы и ходы для гулянья, повсюду усажены прекрасными и высокими чинарами, которыхъ было сдѣсь нѣсколько тысячъ деревьевъ.

Кромѣ чинаръ сдѣсь растетъ множество и плодовыхъ деревьевъ и винограднику, которыя Шахъ-Абасъ, засадившій садъ этотъ, повелѣлъ привезти сюда изъ многихъ мѣстъ и областей; такъ сдѣсь растутъ разнаго рода яблони, груши, миндаль, фиги, абрикосы, персики, гранаты, лимоны, померанцы, каштаны, Грецкіе и обыкновенные орѣхи, вишни, смородина и всякаго - рода виноградъ, котораго нѣкоторые виды давали виноградины величиною и толщиною въ большой палецъ, цвѣта коричневаго, съ жесткимъ мясомъ и безъ зеренъ; этотъ сортъ винограда называется тамъ галаже (Hallage). Для надзора и ухода за садомъ приставлено 4 садовника, съ 40 человѣками пособниковъ имъ.

Въ то время, когда плоды созрѣютъ, дозволяется всякому, заплатившему только 4 Касбека (на Мишненскія деньги 9 пфеннинговъ), входить въ садъ, и ѣсть тамъ плоды досыта; но изъ саду съ собою брать плодовъ не позволяется ни сколько.

У города Испагани находится шесть большихъ Рабатъ (Rabath) или предмѣстій, изъ которыхъ важнѣйшее, найбольшее и красивѣйшее есть Джульфа (Tzulfa), съ 3000 домовъ и 12-ю мечетями, которыя въ богатствѣ постройки не уступятъ находящимся въ городѣ. Жители этого предмѣстья исключительно богатые Армянскіе купцы, которыхъ Шахъ-Абасъ переселилъ сюда изъ Великой Арменіи. Они платятъ Шаху дань по 200 тумановъ въ годъ, которые должны были вносить бывшіе при насъ ихъ Даруга, Хосровъ Султанъ и Калентеръ Сеферасбекъ.

По ту сторону рѣки Сендерута лежитъ другое предмѣстье Табрисабатъ (Tabrisabath), иначе также Абасабатъ (Abasabath) называемое, по тому что жителей этого предмѣстья Шахъ Абасъ перевелъ сюда изъ Тавриса (Tabris). За тѣмъ

Гасенабатъ (Hassenabath), есть также предмѣстье, населенное Джурджи (Tzurtzi) или Грузинскими Христіянами, которые

переведены сюда изъ Грузіи. Жители его тоже знатные купцы, которые по торговымъ дѣламъ своимъ, также какъ и Армяне, далеко разъѣзжаютъ кругомъ и посѣщаютъ разныя иныя земли.

Есть еще замѣчательное предмѣстье на западной сторонѣ, называемое Кебрабатъ (Kebrabath), а жители его Кебберъ (Kebber), которые тоже богатые купцы. Жители этѣ носятъ длинныя бороды и совсѣмъ другое платье, чѣмъ обыкновенные Персіяне; они ходятъ въ длинныхъ, не повязанныхъ кафтанахъ, которые только на шеѣ и плечахъ имѣютъ отверстія, гдѣ и завязываются лентами. Жены ихъ не стыдясь ходятъ съ открытымъ лицомъ; вообще же люди этѣ считаются совѣстливыми, кроткими и добросердечными. Они древняго языческаго происхожденія, не признаютъ ни обрѣзанія, ни крещенія и не имѣютъ ни жрецовъ, ни храмовъ. Въ чемъ собственно заключается Вѣра ихъ, я узнать не могъ; но позднѣе я старательно распрашивалъ о ней, и узналъ только то, что они не огнепоклонники, ignicolae, какъ древніе Kebber, хотя Готтингеръ и считаетъ ихъ таковыми (Hottinger Thesaur. Philol. Tiguri, 1651, pag. 56).

Если кто умретъ у этѣхъ Кебберовъ, то изъ дому умершаго выпускаютъ и гонятъ въ поле пѣтуха, и если лисица поймаетъ и унесетъ этого пѣтуха, то они полагаютъ, что душа умершаго принята въ другую жизнь. Такъ какъ подобные опыты не всегда удавались, и даже давали поводы къ подозрѣнію въ злоупотребленіи, то они приняли другую мѣру, въ которую наиболѣе вѣрятъ, а именно: они выносятъ трупы умершихъ, одѣтые въ лучшія платья и увѣшанные золотыми цвѣтными и всякаго рода другими украшеніями, на кладбище и подпираютъ ихъ деревянными вилами, приставляя къ стѣнѣ; если за тѣмъ птицы небесныя выклюютъ у покойника правый глазъ, то умершій считается уже непремѣнно удостоившимся Неба; если же птицы выклюютъ лѣвый глазъ, то значитъ покойникъ осужденъ на муку. По этому на кладбищѣ имѣются и двѣ глубокія ямы: въ одну тихо и бережно спускаютъ трупы блаженныхъ, въ другую же просто бросаютъ стремглавъ осужденныхъ.

Кажется, это уцѣлѣвшіе еще остатки способа погребенія умершихъ у древнихъ Персовъ; ибо въ древности покойни

ковъ ихъ также предоставляли на расклеваніе птицъ; объ этомъ повѣствуетъ Herod. Agatias: «Cadaver ad quod non statim dilacerandum advolent aves, aut canes accedant, hominis fuisse affirmant, qui inquinatis moribus fuerit iniquiorisque animi, et dignus plane, qui in baratrum detrudatur, inque pravi Daemonis ditionem veniat.»

Около города Испагани считается 1460 мѣстечекъ и селеній, в которыхъ находятся всякаго рода ткачи.

Хотя лѣтомъ, особенно въ Іюнѣ и Іюлѣ мѣсяцахъ, въ Испагани весьма жарко, но противъ этого неудобства жители имѣютъ покои, со сводами, прохладные покои, черезъ которые проводятъ воду и гдѣ воздухъ можетъ проходить со всѣхъ сторонъ; кромѣ того у нихъ есть и погреба со льдомъ, въ которыхъ они сберегаютъ ледъ во все лѣто для прохлажденія себя. Вообще зимою морозы и снѣгъ тамъ не велики, и въ случаѣ суровой стужи, ледъ образуется толщиною не болѣе, какъ въ палецъ, и ледъ этотъ въ полдень обыкновенно растаеваетъ. Тѣмъ не менѣе жители сдѣшніе умѣютъ искуственно добывать ледъ толщиною въ локоть. Приготовляютъ они такой ледъ слѣдующимъ образомъ: в холодномъ мѣстѣ, обращенномъ на сѣверъ, они складываютъ изъ четырехъугольныхъ камней покатый помостъ, который всю ночь, когда морозитъ, и поливаютъ водою. Въ одну ночь образуется при этомъ ледъ толщиною въ полъ локтя. На день, для защиты отъ солнечнаго тепла, надъ этѣмъ добытымъ льдомъ раскладывается крыша, и на слѣдующую ночь продолжаютъ поливаніе водою. Когда ледъ сдѣлается такимъ образомъ достаточно толстъ, его разбиваютъ на куски, укладываютъ въ погреба, и потомъ очень дешево продаютъ всякому желающему.

ГЛАВА VII.

О свойствѣ воздуха (климата), болѣзняхъ, почвѣ земли и произведені Персидской страны.

Страна Персовъ лежитъ отъ равноденственника въ 25 градусахъ и простирается на сѣверъ до 37 градуса; по этому она находится вся въ умѣренномъ поясѣ (zona temperata). Суровый скалистый Тавръ проходитъ посреди всей страны и, отбрасывая отъ себя тамъ и сямъ свои отроги, въ разныхъ мѣстахъ получ различныя наименованія. Въ слѣдствіе прохожденія этого хреб и воздухъ въ разныхъ областяхъ оказывается различный. Въ об ластяхъ, у которыхъ горы лежатъ на сѣверѣ, лѣтомъ бываетъ великій жаръ; въ тѣхъ же, у которыхъ горы на югѣ, пріятн и умѣренный воздухъ. Отсюда произошло то, что Персидскі Цари искони перемѣняли, въ извѣстныя времена года, свои мѣ стопребыванія и удалялись въ разныя области. Писатель Leo cus Tomaeus (De varia historia. Basileae, 1531, lib. 3, cap. 94) сч таетъ это въ нихъ роскошью и изнѣженностью, что они, по пр чинѣ воздуха, не хотятъ выносить уже ни какихъ неудобствъ; н по моему мнѣнію, и другіе Государи не отвергли бы этого обы новенія, если бъ находились въ подобныхъ же обстоятельства Лѣтомъ Персидскіе Цари держали обыкновенно свой дворъ въ Э батанѣ (теперь называемой Таврисомъ), которая, имѣя съ за западной стороны горы, даетъ сдѣсь пріятный и прохладный во духъ. Зимою въ Сузѣ, въ нынѣшнемъ Сусистанѣ; ибо сдѣсь бл на сѣверѣ находится горный хребетъ, который, отражая солнечн лучи, дѣлаетъ мѣстность теплой и пріятной, какъ это видно и ея названія; ибо слово сусенъ (Susen) по Персидски знач лилія. Осенью и весной отправлялись они въ Персеполь и Вав лонъ, и проживали тамъ эти времена года. Такимъ удобство воздуха Персидскіе Цари продолжаютъ пользоваться и поны Шахъ-Абасъ зимою любилъ область Масандеранъ, и жилъ та въ Ферабатѣ. Шахъ-Сефи, часто объѣзжая страну свою (что д лаютъ Персидскіе Цари), останавливался и въ Таврисѣ, и в Ардебилѣ, и въ Касвинѣ, гдѣ и держалъ свой дворъ по извѣс нымъ временамъ.

Кромѣ того, теперешняя столица Царя, Испагань, также обна для проживанія въ ней и лѣтомъ и зимою; ибо лежитъ а на широкой равнинѣ, гдѣ горы удалены отъ нея на три ли, и гдѣ, по этому, воздухъ привольный и умѣренный, и въ номъ городѣ, какъ выше помянуто, имѣются удобныя и продныя помѣщенія.

Перемѣну воздуха въ различныхъ мѣстахъ испытывали так- и мы, не безъ тягостей, въ нашемъ путешествіи. Такъ какъ, причинѣ сильныхъ жаровъ, днемъ ѣхать мы не могли, а путествовали только ночью, то, когда бывали мы между горами, чалось иногда, если путь шелъ на югъ, что намъ напротивъ ъ такой жаркій воздухъ, будьто изъ печи; иногда же, когда поворачивали на востокъ, и при этомъ дулъ сѣверный вѣтеръ, ощущали такую сильную стужу, что остановившись, утромъ гостинницѣ, зябли до того, что большая часть нашихъ людей могли слѣзть съ лошадей и ходить на ногахъ. Мы испыты- и тогда то же, что и Патріархъ Іаковъ, въ полѣ, у тестя своего, ана, именно: днемъ онъ изнемогалъ отъ жара и ночью отъ ода; [1] отъ этого-то, какъ помянуто выше, мы заболѣвали нъ за другимъ, во время этого путешествія нашего.

Въ слѣдствіе такого различія воздуха, какъ легко догадаться, ерсіи есть здоровыя и нездоровыя мѣстности и разныя обыкноныя и опасныя болѣзни. Въ Ширванѣ и Гилянѣ въ особенности ы лихорадки; напротивъ воздухъ въ Таврисѣ считается за самый ровый и цѣлительный, и жители тамъ никогда не заболѣваютъ радкой; и если даже такой больной лихорадкою придетъ от- либо въ Таврисъ, то у него тотчасъ же она прекращается. этому Персіяне говорятъ, что городъ Таврисъ, или какъ произтъ его Гилянцы, Тебрисъ (Tebris), получилъ и названіе свое того, что въ немъ лихорадка у больнаго проходитъ; ибо слово ъ (Teb) значитъ у нихъ лихорадка, и рисъ (ris) вонъ. Кромѣ то- о у Персіянъ бываютъ и другія болѣзни, какъ, на примѣръ, кровый поносъ (dysenteria), а иногда и моръ (язва, чума), хотя и

---

[1] Быт. 31, 40: Быхъ во дни жегомь зноемъ, и студенію въ нощи.

не такъ часто и сильно, какъ въ Германіи. Наиболѣе же всего страдаютъ отъ скверной Французской болѣзни, которую они причиняютъ сами себѣ, удовлетворяя свою горячую природу и похоть непозволительными средствами. Подобно тому, какъ у насъ болѣзнь эта получила свое имя отъ Французскаго народа, по тому что въ немъ она наиболѣе распространена, такъ и Персіяне называютъ ее Сегеметъ каши (Sehemet kaschi), Кашанскою немочью, по тому что она болѣе всего господствуетъ въ городѣ Кашанѣ. Ибо Кашанъ, не смотря на пріятность своего мѣстоположенія, отличается вовсе нездоровымъ воздухомъ: въ немъ мало свѣжей воды и обиліе гадовъ, каковы самые большіе скорпіоны и тарантулы, о которыхъ говорилось при описаніи города Кашана. Въ Киланѣ господствуетъ по преимуществу болѣзнь ушная (Tympanis) и водяная; но одержимыхъ каменною болѣзнію очень немного и, къ удивленію, ни одного подагрою.

Вообще же между Персіянами встрѣчаются довольно старые люди, много близкихъ къ сотнѣ лѣтъ, а нѣкорые живутъ и за сто. Въ наше время былъ тамъ одинъ областной начальникъ, въ краѣ Серабъ, между Мокановъ и Ардебилемъ, которому было уже 130 лѣтъ. Дѣдъ нашего Гаквирда, который жилъ у насъ въ Голштиніи, имѣлъ 120 лѣтъ. Вообще Персіяне довольствуются немногими и недорогими яствами и большею частію живутъ умѣренно.

Что касается до почвы земли, то тамъ, гдѣ идетъ ровная страна и безъ горъ, мы нашли ее вообще, за исключеніемъ Килана, сухою, крупно песчаною, смѣшанною съ красноватымъ каменистымъ щебнемъ, и на ней не ростетъ ни чего, кромѣ чертополоху или волчца и отдѣльныхъ кустарниковъ, которые, въ мѣстахъ безлѣсныхъ, собираютъ и употребляютъ на топливо въ поварныхъ печахъ. Въ долинахъ же и лощинахъ, на которыхъ есть горы, тянущіяся внутрь страны, и гдѣ расположена большая часть селеній, почва покрыта зеленью и плодородна. Ибо Персіяне умѣютъ бѣгущіе изъ горъ источники собирать въ ручей, шириною не болѣе двухъ локтей, и искусно проводятъ воду эту у подошвы горъ кругомъ, часто на пространствѣ полумили, чтобы, за недостаткомъ дождя, мало выпадающаго въ Персіи, орошать

этой водой сады и поля свои. Поля же свои они устроиваютъ такъ: разбиваютъ ихъ на отдѣльныя площадки, въ 8 и 12 квадратныхъ саженъ величиной, иногда и менѣе, и запруживаютъ этѣ площадки, лежащія одна подлѣ другой, небольшими, въ футъ вышиною, плотинами, и за тѣмъ отводомъ сказаннаго ручья орошаютъ площадки одну изъ другой, и часто, смотря по надобности, держатъ ихъ совсѣмъ подъ водою цѣлую ночь, днемъ же на нихъ дѣйствуетъ горячее солнце, отъ чего и бываетъ тамъ превосходная растительность и плоды.

Чтобы вспахать землю, Персіяне также употребляютъ плуги, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ почва жирна и жестка, какъ, на примѣръ, въ Ерванѣ и Арменіи, плуги этѣ такіе огромные, что для управленія ими требуется четыре и болѣе человѣка, и запрягаются отъ 12 до 24 буйволовъ; борозды дѣлаютъ ими въ одинъ футъ глубиною и въ два шириною.

Изъ хлѣба и произведеній земли Персіяне воздѣлываютъ преимущественно рисъ, пшеницу и ячмень. Рожь они считаютъ ни во что и не сѣютъ ея; если же иногда зерна ея попадутся въ пшеницѣ, изъ которой она собственно и происходитъ, то на нихъ смотрятъ тамъ также, какъ мы смотримъ на куколь или плевелы во ржи. Объ овсѣ они даже и вовсе не знаютъ. Кромѣ того, они воздѣлываютъ много проса, чечевицы, бобовъ и гороху. Горохъ у нихъ двухъ родовъ: овечій (стручковый), называемый у нихъ нагутъ (Nagud), и обыкновенный, который они называютъ кюлюль (Külül).

Они засѣваютъ также цѣлыя поля дивнымъ (клещевиннымъ) деревомъ (Ricinus) какъ его у насъ называютъ, у Персовъ же кюнджютъ (Küntzüt) называемымъ. Изъ сѣмянъ его бьютъ масло, на вкусъ сладковатое и пріятное, которое называется ими ширбахтъ (Schirbacht) и употребляется въ кушаньяхъ. Крестьяне же ѣдятъ это растеніе, вмѣсто лакомства, просто въ зернахъ, смѣшивая его съ коринкой и струковитымъ горохомъ.

Хлопчатая бумага (Pambech) воздѣлывается почти во всѣхъ областяхъ, и ею засѣваются цѣлыя страны; растетъ она кустарни-

комъ въ локоть вышиною; листья у нея, какъ у винограда, только значительно меньше; вверху, на вершинѣ стебля, у нея образуются головки, подобныя крупнымъ круглымъ Волошскимъ орѣхамъ; когда наступаетъ время созрѣванія, то головки этѣ, по сторонамъ, въ 4-хъ, или 6-ти, мѣстахъ открываются, и бумага протѣсняется сквозь этѣ трещины. Хлопчатая бумага обработывается здѣсь въ громадномъ количествѣ для всякаго рода бумажныхъ товаровъ, и вообще она составляетъ предметъ значительной промышленности и торговли. Многіе города и селенія существуютъ единственно и исключительно только ею. Болѣе же всего собирается хлопчатой бумаги въ Арменіи, Ерванѣ, Нахичевани, во всемъ Карабагѣ, у Арасбара, въ Адирбейджанѣ и Хорасанѣ. Въ Киланѣ же сѣется льняное сѣмя, выдѣлывается ленъ и ткется полотно для рубашекъ, по тому что въ немъ хлопчатая бумага не растетъ.

Для корма скота, именно лошадей, Парсіяне употребляютъ ячмень, смѣшанный съ мякиной, а за неимѣніемъ этого, особенно въ Киланѣ, сѣчку изъ рисовой соломы съ рисомъ. Послѣ такого корму Персіяне оставляютъ лошадей стоять безъ пойла слишкомъ 1½ часа. Турки же этого не дѣлаютъ. У Персіянъ есть еще родъ травы, называемой ими Гончегъ (Gontscheh), которую они разводятъ сѣменами; ростомъ она болѣе полутора локтя въ вышину, съ листьями, какъ у клевера (дятлины) съ голубыми цвѣтами во время цвѣтенія, когда и скашивается въ первый разъ, а черезъ шесть недѣль въ другой разъ. Такой съемъ этой травы дѣлаютъ они въ продолженіи шести лѣтъ сряду; на седьмой же годъ землю вспахиваютъ опять и снова засѣваютъ, и поле это, или лугъ, должно быть также орошаемо, какъ и другія хлѣбныя поля. Изъ этого рода травы Персіяне собираютъ лучшее сѣно, которое идетъ въ кормъ лошадей, принадлежащихъ знатнымъ Вельможамъ. Вообще же у Персіянъ мало обыковенныхъ сѣнныхъ покосовъ, и самыя большія находятся въ Армянской области и въ Ерванѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ тепло и влажно, особенно въ Мюскюрѣ (Müskür), у Каспійскаго моря, ни зимою, ни лѣтомъ, недостатка въ травѣ не бываетъ, въ слѣдствіе чего тамъ нѣтъ и надобности много накашивать ее.

Кромѣ кормоваго горошка и чечевицы, у Персіянъ въ большомъ ходу и Греческое сѣно (foenum Graecum) или козій рогъ,

какъ его у насъ называютъ, которымъ иногда засѣваются цѣлыя поля. Это лучшій кормъ для быковъ и коровъ, особенно же буйволовъ, и имъ откармливаютъ скотъ передъ убоемъ. Персіяне мнѣ разсказывали, что если масло ихъ потеряетъ свѣжесть и вкусъ, то слѣдуетъ только вскипятить его съ шембебиле (Schembebile), (такъ называютъ они сѣмена foenum Graecum) и нѣсколькими луковицами, и дать ему остынуть, послѣ чего масло опять получаетъ хорошій вкусъ. Я же думаю, что это можетъ быть только съ масломъ, добытымъ отъ коровы, которая питалась этѣмъ кормомъ.

ГЛАВА VIII.

Объ откармливаемыхъ на убой и другихъ рабочихъ животныхъ.

Скотъ, откармливаемый у Персовъ на убой, и другой рабочій ихъ скотъ, составляютъ: овцы, козы, буйволы и обыкновенный рогатый скотъ (быки), верблюды, лошади, мулы и обыкновенные ослы. Овецъ держатъ Персіяне большія стада, ибо баранина составляетъ преимущественную и ежедневную ихъ мясную пищу. Тамъ есть довольно странная порода овецъ, мясо которыхъ имѣетъ совсѣмъ особый вкусъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ овцы этѣ величиной такія же, какъ и наши обыкновенныя, нѣкоторыя же изъ нихъ больше, чѣмъ Дитмарсенскія, и болѣе крупныя и лучшія изъ нихъ горбоносыя, съ длинными, отвислыми, какъ у нашихъ ищейныхъ собакъ, ушами, и съ хвостами, вѣсящими 10, 20 и даже 30 фунтовъ и состоящими изъ чистаго жиру, но за то во всемъ остальномъ тѣлѣ и на ребрахъ у этѣхъ овецъ жиру бываетъ уже немного. Хотя такой хвостъ имѣетъ всѣ обыкновенныя кости и члены, какъ и хвосты другихъ Европейскихъ овечьихъ породъ, но скопляющійся въ немъ жиръ дѣлаетъ его такимъ большимъ и широкимъ, что хвостъ этотъ становится похожимъ на большія синія шапки Голландскихъ моряковъ, которыя дѣлаются изъ косматой шерсти. По громадности своего хвоста, овцы этѣ не могутъ ни бѣгать быстро, ни прыгать. Въ области Курдистанѣ, въ сторонѣ къ Діарбекиру, и въ

Обѣтованной Землѣ, эта порода овецъ возитъ за собою хвосты свои на двухъ колесахъ и палкахъ, укрѣпляемыхъ у нихъ на шеяхъ, чего я самъ хоть и не видалъ, но мнѣ разсказывали это многіе Персіяне и другіе достовѣрные люди, бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ. Подобныя же свѣдѣнія сообщаютъ и писатели по Исторіи; такъ, Джонстонъ (Jonston, libro de quadruped. pag. 67), заимствуя изъ другихъ писателей, говоритъ что въ Аравіи находились овцы, у которыхъ одинъ хвостъ вѣсилъ 44 фунта.

Овцы, разводимыя Татарами, живущими на западной и сѣверной сторонѣ Каспійскаго моря, походятъ на обыкновенныхъ Персидскихъ овецъ. Мы привезли ихъ нѣсколько головъ съ собою въ Голштинію; онѣ дали ягнятъ и сохранили свою породу. Нѣкоторые изъ нихъ подарены были въ Глюксбургъ, другія въ Евтинъ (Eutin); оставшіяся же у насъ со временемъ вымерли. Овцы Узбецкихъ и Бухарскихъ Татаръ даютъ болѣе длинную, сѣрую шерсть, заканчивающуюся бѣловатыми, словно жемчугъ, завитками, чрезвычайно красивыми на видъ и на ощупь мягкими, какъ шелкъ. Шерсть эта гораздо дороже шерсти остальныхъ овецъ вообще. Самыя овцы, дающія такую шерсть, требуютъ хорошаго ухода: ихъ воспитываютъ большею частію въ тѣни, и если нужно бываетъ выгонять ихъ на лугъ на солнце, то ихъ покрываютъ и укутываютъ, какъ лошадей, особыми попонами (одѣялами). Хвосты же у этѣхъ овецъ малые.

Персіяне держатъ также цѣлыя стада козъ, мясо которыхъ употребляютъ въ пищу, сало (по 25 фунтовъ въ козѣ) на свѣчи, а изъ шкуръ ихъ выдѣлываютъ сафьянъ, который привозится и къ намъ черезъ Польшу и Московію.

У нихъ много и буйволовъ, особенно въ сѣверной части, у Каспійскаго моря, въ Серабѣ, Ардебилѣ, въ Эрванѣ и Херюлѣ, гдѣ нѣкоторые поселяне имѣютъ ихъ по 400, по 600 и болѣе головъ. Они живутъ только въ сырыхъ, или влажныхъ, мѣстностяхъ; молоко и масло ихъ очень освѣжаютъ. Кромѣ того, Персіяне держатъ и простыхъ быковъ (крупный рогатый скотъ), подобныхъ Европейскимъ; но быки этѣ въ Киланѣ, также какъ водящіеся въ Индіи, имѣютъ на шеѣ, у плечъ, жировой наростъ

Мнѣ единогласно разсказывали многіе Персіяне довольно ıабавную вещь о томъ, какъ поступаютъ они съ своими корова-ıи, которыя не даютъ доить себя, если тутъ же не находится те-ıенокъ. Когда случается, что теленокъ околѣетъ (телятъ тамъ ıе бьютъ и не ѣдятъ), то шкуру его набиваютъ соломой, посы-ıаютъ чучело это немного солью и приносятъ къ коровѣ; поли-ıавши нѣсколько это чучело, корова дѣлается спокойной; иначе ıе она злится и бѣсится и не даетъ молока.

Свиней Персіяне ставятъ ни во что и отнюдь не ѣдятъ сви-ıины; по этому-то и Армянскіе Христіяне, живущіе у Персіянъ, ъ нѣкоторыхъ мѣстахъ совсѣмъ не держатъ, а въ нѣкоторыхъ, ıѣ живутъ одни, какъ, на примѣръ, въ Джульфѣ, держатъ сви-ıей немного. Персіяне, впрочемъ, думаютъ, что, по ихъ уче-ıю, есть великія причины, по чему они, равно какъ и Ев-ıеи, ненавидятъ такъ сильно свиней и воздерживаются отъ ıотребленія ихъ въ пищу. Поводъ къ воспрещенію ѣсть свини-ı Сарацынъ (Saracaner) заимствуетъ изъ одной чисто свинской ıторіи, или скорѣе срамной и грубой сказки, которая находится у Библіандра (Bibliander, in doctrina Saracinica, на страницѣ 197 ıe Saracenorum moribus historiae, una cum Alcorano, a Bibli-ıdro Latine edito. Anno 1550). Для удовольствія благосклоннаго ıтателя я приведу сдѣсь эту сказку изъ Персидскаго толкователя ıaraphraste). «Ученики Христа просили однажды своего учителя, ıоритъ сказочникъ, чтобы онъ сообщилъ имъ свѣдѣнія о томъ, ı происходило съ Ноемъ въ ковчегѣ, и какъ проживалъ онъ тамъ ı своимъ семействомъ. На это Господь Христосъ молча слѣпилъ ъ грязи, взятой имъ полную руку, фигуру, бросилъ ее на зем-ı и сказалъ: «Возстань, во имя Отца моего!» Тогда изъ грязи ıсталъ сѣдовласый мужъ, котораго Христосъ вопросилъ: «Кто ı?» Старецъ отвѣчалъ: «Я Яфетъ, сынъ Ноя!» «Развѣ жь Яфетъ ıръ такой сѣдой?» Отвѣтъ: «Нѣтъ; я сдѣлался такимъ сѣдымъ ıько сейчасъ, изъ страха; ибо думалъ, что такъ внезапно по-ıнъ былъ къ вѣчному суду, для котораго долженъ былъ воз-ıть изъ мертвыхъ.» За тѣмъ Христосъ приказалъ Яфету: «Раз-ıжи моимъ ученикамъ, какъ Ной проживалъ въ ковчегѣ.» Я-ıъ разсказалъ все по порядку и, между прочимъ, слѣдующее: ıнажды, когда корабль или ковчегъ въ той части, гдѣ было

отхожее мѣсто, въ слѣдствіе чрезмѣрнаго количества накопившихс испражненій, отяжелѣлъ и наклонился, мы боялись, что ковчегъ совсѣмъ наконецъ упадетъ и потонетъ; по этому отецъ мой, Ной испрашивалъ совѣта у Бога, что дѣлать при такомъ положені На это Богъ приказалъ будьто бы (чего не выдумаетъ нечести вый!), чтобы Ной поставилъ одного слона задницею къ отхоже мѣсту. Когда это было исполнено, то изъ смѣшенія помета сло на и человѣка произошла огромная свинья, которая рылом своимъ разбросала весь пометъ по ковчегу, отъ чего корабл снова поплылъ прямо. Между тѣмъ при такой работѣ у свинь набилось дерма полныя ноздри, отъ того она фыркнула, и чихнула, и выбросила изъ носа мышь. Это породило нов опасеніе и заботы Ною; ибо мышь начала точить и грызть к рабельныя доски. Когда онъ вторично призвалъ Бога на совѣт то ему было повелѣно, чтобы онъ ударилъ палкою льва по г ловѣ, и когда Ной исполнилъ это велѣніе, то левъ озлился разсвирѣпѣлъ до того, что извергъ изъ носа кошку, котор постоянно преслѣдовала мышь и не давала ей времени пр прогрызть ковчега.» Не полагаешь ли ты, спрашиваетъ при эт грязный сказочникъ, причину эту достаточной, по чему Богъ з претилъ ѣсть мясо такого нечистаго и грязнаго животна Сдѣсь можно было бы кстати сказать, что должно быть м этого мужа сказочника была очень опрятная женщина, та какъ отъ нея произошла такая великая и срамная нечисть.

Персидскій толкователь Алкорана, въ этомъ же мѣстѣ, п должаетъ это срамное повѣтствованіе подобнымъ же свинскі образомъ и говоритъ: Когда Ной отдѣлилъ всѣ живыя твари ковчегѣ, самцовъ отъ самокъ, для того, чтобы они не чер мѣру уже размножились тамъ въ теченіи 40 лѣтъ, которыя Н долженъ былъ пробыть въ ковчегѣ, то собаки при этомъ им дозволеніе свободно ходить на кораблѣ, и самцы и самки вмѣс Однажды кошка увидѣла, что песъ и сука повели себя другъ другомъ такъ, какъ другимъ животнымъ вести себя не позво лось, и съ досады пошла и донесла о томъ Ною (который Божьему изволенію, могъ понимать языкъ всѣхъ животныхъ. же узнавать ихъ желанія по движеніямъ ихъ). Ной укорилъ бакъ за такое ихъ злоупотребленіе, но собаки запирались

емъ. Когда же подобныя жалобы на нихъ стали поступать все ще и чаще, то Ной пожелалъ и попросилъ у Бога знаменія, узнать истину. Въ слѣдствіе сего и случилось, что собаки во время совокупленія склещиваются, чего прежде не бывало. Ной, застигнувши такимъ образомъ собакъ на дѣлѣ, уже неоспоримо очевиднымъ, отдѣлилъ за тѣмъ и ихъ самцовъ отъ самокъ. Ради того-то предательства возникла, и донынѣ существуетъ, такая дикая вражда между собакой и кошкой.» Вотъ все объ этой магометанской гадости, которую я счелъ нелишнимъ привести здѣсь, говоря о свиньяхъ.

Персіяне держатъ много верблюдовъ, различныхъ породъ; которые изъ нихъ имѣютъ два горба: они называются у насъ дромедарами (Dromedarii), а у Персіянъ бугуръ (Bughur), другіе съ однимъ горбомъ, и называются у нихъ шютуръ (Schüttur). Между этими послѣдними Персіяне различаютъ еще 4 вида, имѣющіе различныя способности и достоинства. Лучшій изъ нихъ мужескаго рода называютъ они, secundum excellentiam, неръ (Ner), самецъ; это такіе верблюды, которые происходятъ отъ смѣси бугура или двугорбаго самца съ одногорбой самкой, еще бывшей въ случкѣ и называемой у нихъ мае (Maje). Верблюды этѣ сильны, носятъ по 6-ти, 8-ми и 10 центнеровъ, особенно когда они бываютъ въ течкѣ, которая продолжается у нихъ 40 дней и случается зимою; въ это время они ѣдятъ мало, испускаютъ изо рта множество пѣны, дѣлаются сердиты, такъ что во все это время рыло ихъ надо бываетъ держать завязаннымъ въ желѣзный намордникъ, называемый аграбъ (Agrab). Такой верблюдъ неръ стоитъ сто рейхсталеровъ. Дѣти, рожденные отъ нера, уже не такъ проворны и сильны, но лѣнивы, непослушны и злы, охотнѣе любятъ быть дома, нежели въ пути, по чему ихъ и называютъ по Турецки: юрда кайдемъ (Jurda kaidem), т. е., такими, которые все норовятъ воротиться въ конюшню или въ стойло. Такого верблюда можно купить за 30, или за 40, рейхсталеровъ. Третій видъ называютъ они лёгкъ (Löhk). Хотя этотъ видъ верблюдовъ также бываетъ въ течкѣ, однако они не такъ способны къ приплоду, какъ бугуры, и въ это время морда у нихъ не пѣнится, какъ у нера, но, вмѣсто пѣны, у нихъ показывается большой красноватый пузырь, который они извергаютъ изъ гор

ла и опять втягиваютъ назадъ, при чемъ держатъ голову вверхъ и хрипятъ. Такого верблюда можно купить за 60 рейхсталеровъ. Изъ этого различія верблюдовъ у Персовъ образовалось особаго рода иносказаніе или реченіе, именно: храбраго, смѣлаго человѣка они называютъ неръ (Ner), а малодушнаго, труса, или сварливаго человѣка лёкъ (Lōhk). 4-й самый веселый видъ верблюдовъ по Персидски называется шютюри баадъ (Schüttüri baad), а по Турецки ель дёвеси (Jel döwesi), т. е., верблюдъ-вѣтеръ; онъ меньше ростомъ, но за то быстрѣе другихъ, и тогда какъ другіе ходятъ только шагомъ, этѣ послѣдніе бѣгаютъ, какъ лошади, и часто сильнѣе лошади.

Шахъ и Ханы имѣютъ обыкновенно по нѣскольку упряжекъ верблюдовъ, и въ каждой упряжкѣ запрягается по 7-ми верблюдовъ, одинъ за другимъ. Они употребляются частію для пріема Посланниковъ, и въ такомъ случаѣ ихъ покрываютъ красными бархатными попонами и обвѣшиваютъ на шеѣ и на груди бубенчиками или колокольчиками и другими украшеніями, и осѣдлываютъ ушитыми золотомъ сѣдлами; частію же ихъ употребляютъ для почтовой гоньбы и въ войнѣ; ибо если въ послѣднемъ случаѣ придется обратиться въ бѣгство, то съ этѣми животными Персіяне могутъ быстро спасти свои лучшіе пожитки и снаряды. Нѣкоторые верблюды бѣгаютъ бойкою, неспокойною рысью, и вожакъ-прислужникъ, сидящій обыкновенно на передовомъ верблюдѣ или пешенкѣ (Peschenk), долженъ привязывать себя покрѣпче вокругъ тѣла къ этому верблюду; ибо на бѣгу онъ такъ сильно качаетъ и такъ больно трясокъ, что, не привязавшись, никто не въ состояніи бываетъ удержаться долго на немъ. Когда верблюды бѣгутъ, то поднимаютъ высоко вверхъ голову, расширяютъ и раздуваютъ ноздри, и тогда никто ихъ не удержитъ. При въѣздѣ нашемъ въ Шамаху и въ Ардебиль, мы видѣли подобный поѣздъ верблюдовъ, когда они, богато разубранные, въ полномъ бѣгѣ своемъ, безпрестанно показывались то впереди, то позади Посланниковъ.

Съ помощію верблюдовъ въ Персіи удобно и быстро можно путешествовать и довольно дешево перевозить большія тяжести. Одинъ человѣкъ можетъ править 7-ю и болѣе животными, кото-

рыхъ онъ всѣхъ пристегиваетъ гуськомъ одного къ другому, а самъ садится на передняго, или же идетъ впереди его. Кто не хочетъ ѣхать одинъ, тотъ можетъ пристать къ каравану, или къ обществамъ, которые въ странѣ, во всякое время ходятъ туда и сюда, по сотнѣ и болѣе человѣкъ, и съ караванами итти еще безопаснѣе. У верблюдовъ свой извѣстный шагъ, и въ каждый день пути черезъ шесть, восемь и 10 миль дѣлается привалъ въ какомъ ни будь постояломъ дворѣ, или селеніи, или въ нарочно для путешественниковъ устроенномъ дворѣ, который называется каравансераемъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этѣхъ каравансераевъ есть кормъ для животныхъ, въ другихъ же нѣтъ ни чего, кромѣ голыхъ стойлъ или конюшенъ. Такъ какъ проводники или возчики знаютъ уже этѣ мѣста, то они возятъ съ собой кормъ туда, гдѣ нельзя ни чего добыть.

Верблюдъ довольствуется самымъ неприхотливымъ кормомъ: онъ ѣстъ репейникъ, крапиву и прочее негодное зелье. На репейникѣ попадается иногда ядовитый родъ улитки, или слизнячка, который Персіяне называютъ мегере (Möherė), и если улитка эта ужалитъ верблюда въ носъ, то онъ околѣваетъ. По этому, когда Персіянинъ разсердится на верблюда, то говоритъ: «Чтобъ тебя мегерѐ ужалила!»

Обыкновенно же кормятъ верблюда такъ: мѣшаютъ мякину, или высѣвки, съ ячменною мукою, дѣлаютъ довольно крутое тѣсто, въ видѣ длинноватаго хлѣба, вѣсомъ до 3-хъ фунтовъ, и засовываютъ все это верблюду въ пасть. Я видѣлъ также, что въ тѣсто это примѣшиваютъ и сѣмена хлопчатобумажника, которыя величиною съ большую горошину и сладки, какъ орѣхъ. При такомъ кормѣ верблюды могутъ сносить жажду 2 и болѣе дня. Такъ разумно устроила это предусмотрительная природа; ибо въ сухихъ пустыняхъ и песчаныхъ мѣстахъ, черезъ которыя лежитъ обыкновенно путь верблюдамъ, нельзя иногда добыть ни капли воды. Они легко дозволяютъ навьючивать на себя тяжести: для этого потрогиваютъ ихъ гибкой палочкой слегка по колѣнамъ переднихъ ногъ и почешутъ, или потрутъ, ихъ ртомъ, и они становятся на колѣни, такъ что брюхомъ достигаютъ земли, и въ такомъ положеніи допускаютъ дѣлать съ собою, что угодно.

Они бодрѣе носятъ свою ношу, когда слышатъ пріятное пѣніе или звукъ и звонъ; по этому Персіяне привязываютъ нѣкоторымъ верблюдамъ по два бубенчика около колѣнъ, а на шею вѣшаютъ колокольчикъ. Арабы по этому же самому, когда отправляются въ путь черезъ пустыню, берутъ съ собою всякій разъ барабанъ, или бубны, какъ подробнѣе упомянуто мною объ этомъ въ Персидской «Долинѣ Розъ,» въ 23 разсказѣ 2-й книги.

Удивительно какую превосходную память и желаніе отомстить своему оскорбителю имѣютъ верблюды, и какъ долго питаютъ они гнѣвъ въ такомъ случаѣ. Такъ, если кто сдѣлалъ верблюду какое насиліе, или ужь черезъ чуръ больно побилъ его, то онъ не можетъ забыть этого, и долгое время, иногда даже цѣлый годъ, терпитъ, а потомъ, чуть представится случай, разражается мщеніемъ. По этому Персіяне о неуживчивомъ, или зломъ, человѣкѣ говорятъ: «У него гнѣвъ верблюда.» Примѣръ такой мстительности, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Персіи, видѣлъ и разсказалъ мнѣ одинъ хорошій пріятель мой, Гансъ Георгъ Фарсъ (Hans Georg Fars), Персіянинъ, состоящій нынѣ начальникомъ артиллеріи Его Княжеской Свѣтлости (Герцога Голштинскаго), а именно: въ Ерванѣ случилось, что одинъ верблюдъ, бывшій въ течкѣ, оставленъ былъ съ незавязанной мордой, и онъ укусилъ за руку шедшаго передъ нимъ возчика (прислужника). Возчикъ поколотилъ верблюда, давши ему порядочное количество тяжкихъ ударовъ палкою по шеѣ (мѣсто наиболѣе чувствительное у верблюдовъ). Верблюдъ въ этомъ же путешествіи выждалъ случай, и когда однажды караванъ сдѣлалъ привалъ подъ открытымъ небомъ, и верблюда опять оставили, покормивши его, съ незавязанной мордой, то ночью онъ поднялся, сталъ искать своего обидчика, и нашелъ его лежащимъ подлѣ другихъ верблюдовъ, съ ногами, подсунутыми, ради тепла, подъ верблюжью грудь (по ихнему обыкновенію), и покрытаго одѣяломъ. Отыскавши такимъ образомъ возчика, верблюдъ вытащилъ его и истопталъ до смерти, будьто мѣшокъ, наполненный киселемъ и костями. Отецъ убитаго возчика, бывшаго единственнымъ у него сыномъ, принесъ судьѣ жалобу, и ему присужденъ былъ виновный верблюдъ, въ его полное распоряженіе, и такимъ рѣшеніемъ хозяинъ верблюда, разумѣется, остался доволенъ. Послѣ этого, если желчь

есть основаніе гнѣва, principium irae, какъ говоритъ Целій Родигинъ (Cael. Rodiginus), въ 29-й книгѣ, главѣ 19-й (Lectiones antiquae. 1550, pag. 1132), то какъ понимать то, что пишетъ Плиній (lib. 9, pod. 17), будьто верблюдъ, также какъ лошадь и оселъ, ни какой желчи не имѣютъ? Также не могъ дознать я и того, правду ли пишетъ онъ въ 8-й книгѣ, въ главѣ 18-й, будьто верблюдъ, по природѣ своей, питаетъ ненависть къ лошади; это говоритъ и Ксенофонтъ: «Equi Camelos fugiunt» (Basiliae, 1572, книг. 7, стр. 140). Когда я спрашивалъ объ этомъ у Персіянъ, то они шутя, съ улыбкою отвѣчали мнѣ: «Да, говорятъ, что верблюды по справедливости могутъ гнѣваться на лошадей; ибо носятъ гораздо большую тягость и получаютъ худшій кормъ, чѣмъ лошади. И когда они останавливаются вмѣстѣ на ночлегъ въ селеніи, то лошадь можетъ найти себѣ пристанище въ какой ни будь избѣ, гдѣ обыкновенно дверь небольшая, верблюдъ же, по громадности своей, долженъ оставаться больше на дворѣ и быть доволенъ уже тѣмъ, если иногда лошадь помѣстятъ вмѣстѣ съ нимъ въ одномъ верблюжьемъ стойлѣ. Вообще же, очень обыкновенно, что въ одномъ караванѣ находятся верблюды, лошади и ослы (какъ это извѣстно), и часто животныя этѣ помѣщаются близко другъ съ другомъ. Но Плиній справедливо пишетъ, что самки верблюдовъ ходятъ тельныя 12 мѣсяцевъ, прежде чѣмъ даютъ дѣтеныша. Совокупленіе же свое (congressum) самцы и самки совершаютъ не такъ, какъ говорятъ нѣкоторые, retrorsum (хотя стоя въ стойлѣ самцы держатъ членъ свой обращеннымъ назадъ, что и могло дать поводъ къ такому заключенію; при случкѣ же обращаютъ его обыкновеннымъ образомъ), но также, какъ и другія животныя, «sed faemina genubus incumbente, et quamvis camelus ingentis magnitudinis sit animal, memorum tamen virile (ultra tres pedes quidem longum) crassitiem nucis avellanae non excedit.»

Такъ какъ верблюды дороги и очень полезны для возки тяжестей, то ихъ не легко употребляютъ въ пищу, и бываетъ это только тогда, когда, изнемогши подъ тяжестью вьюка (что случается въ слѣдствіе бойкой комковатой дороги), верблюдъ падаетъ, или когда его ужалитъ мегере, или если онъ такъ заболѣваетъ чѣмъ либо: въ такихъ случаяхъ его убиваютъ и ѣдятъ. Способъ убоя верблюда такой: дѣлаютъ ему два удара, или над-

рѣза, въ шею: одинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ шея соединяется съ головою, другой же тамъ, гдѣ она соединяется съ грудью; если убить его иначе, то, говорятъ, верблюдъ нескоро издыхаетъ.

Лошадей въ настоящее время Персіяне держатъ въ великомъ множествѣ, и большею частію лошади этѣ съ красивой головой, ушами, шеей и бедрами. Въ древности область Мидія (Media) славилась тѣмъ, что въ ней водились лучшія и роскошнѣйшія лошади, которыхъ называли «equos nobiles Nisaeos,» отъ города того же имени, о чемъ смотри Геродота (Herod. lib 3, cap. 106), и Амміяна Марцеллина (Ammianus Marcell. lib. 23, pag. 27). Те были любимыя лошади Царей Персидскихъ, какъ свидѣтельствуетъ Страбонъ (lib. 11, pag. 365), и кто хотѣлъ показаться въ полномъ своемъ великолѣпіи, тотъ садился на такую лошадь, какъ это видно у Геродота, въ 9-й книгѣ, въ главѣ 20-й

Хотя и теперь еще Мидійскія лошади, особенно попадающіяся въ Эршекѣ, не вдалекѣ отъ Ардебиля, также составляютъ очень хорошую породу, но Персіяне отдаютъ преимущество Арабскимъ лошадямъ, которыя считаются теперь важнѣйшими изъ любимыхъ Царскихъ лошадей; ибо онѣ обладаютъ прекрасной головой, шеей, крестцомъ, грудью, бедрами и вообще всѣмъ, чего только можно пожелать отъ природы лошади. Послѣ Арабскихъ они очень цѣнятъ Турецкихъ, особенно тѣхъ, которыя водятся въ Туркоманіи и этѣхъ лошадей у нихъ множество. Шахъ имѣетъ свои собственные конскіе заводы въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно же въ Эршѣ, Ширванѣ, Карабахѣ и Моганѣ, гдѣ находятся лучшіе луга. Лошадей своихъ Персіяне употребляютъ главнымъ образомъ для верховой ѣзды, нѣкоторыхъ только для возки тяжестей и въ Мюрсурѣ не многодля упряжи въ двуколескахъ своихъ; телѣгъ четырехколесныхъ у нихъ вовсе нѣтъ. И такъ какъ они особенные любители лошадей и славятся также конницей (въ которой на войнѣ, въ древности, по свѣдѣтельству Амміяна Марцеллина (Amm. Marcell. lib. 24, pag. 291) состояла, до и нынѣ состоитъ ихъ, главная сила), то они заботливо держатъ и холятъ лошадей своихъ. Для лошадиной подстилки они не берутъ ни соломы, ни чего подобнаго, но употребляютъ собственной лошадиный навозъ, который сушатъ на солнцѣ и накла-

ваютъ за тѣмъ на полъ конюшни на цѣлую пядень дресвины, на такой-то подстилкѣ лошади лежать также мягко, какъ на хлопчатой бумагѣ, и если подстилка эта хоть немного смокнетъ въ стойлѣ, то ее берутъ вонъ и снова просушиваютъ. Въ такомъ положеніи Персіяне окутываютъ еще лошадей волосяными одѣялами, подбитымъ мягкимъ войлокомъ. Они привязываютъ также ногами, или веревкою, лошадей за заднія ноги къ колышку, вбитому въ землю, и говорятъ, что дѣлаютъ это для того, чтобы тамъ, гдѣ много стоитъ лошадей, онѣ не могли лягать другъ друга. Я налюжу, что это былъ даже и древній обычай у Персовъ; ибо Ксенофонтъ пишетъ о немъ, какъ о существовавшемъ еще до временъ Александра Великаго, какъ это явствуетъ изъ его книги (р. 245) de exp. Cyri, и онъ полагаетъ, что древніе дѣлали это для того, что если лошадь сорвется съ повода, то все таки убѣжать она никуда не можетъ; но это доставляло имъ большое неудобство на войнѣ, когда требовалось неожиданно скакать скорѣе. Лошадей своихъ Персіяне ни къ чему болѣе не пріучаютъ, какъ только къ быстрому бѣгу и чтобы онѣ не были пугливы, и такую быстро бѣгущую лошадь они называютъ бадъ-пай (Bad pay), т. е. ноги-вѣтеръ. У многихъ бѣлыхъ и съ сѣрыми пятнами лошадей своихъ, ради красы, Персіяне окрашиваютъ хвосты, гривы, а у нѣкоторыхъ даже бедра и брюхо красною, и желтопомеранцевою краскою. О томъ, какъ составлять эти краски и красить ими, сказано будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Персіяне очень щеголяютъ украшеніями лошадей; отъ этого, чуть только дозволяютъ достатки, убираютъ ихъ уздечками, сѣдлами и попонами, обитыми золотомъ и серебромъ и изящно вышитыми, подобно тѣмъ, которыя подарили Царь и знатные Вельможи нашимъ Посланникамъ, какъ объ этомъ было выше упомянуто. Это былъ древній еще придворный обычай Персовъ, бывшій въ ходу еще во времена Царя Ксеркса, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Діонисій (Dionisius de situ orbis р. 1132).

На разубранныхъ такимъ образомъ лошадяхъ отправлялись на войну, какъ видно изъ примѣра Масистія (Masistii), начальника конницы въ Ксерксовомъ войскѣ, о чемъ говорится у Геродота въ 9-й книгѣ, главѣ 20-й.

Персіяне держатъ и множество муловъ, особенно для ш-ховой ѣзды во время путешествій, и на нихъ ѣздятъ также зн-ные Вельможи и даже самъ Царь. Мулы оказали намъ, по пр-нѣ ихъ спокойнаго шага, большую услугу, когда мы впали в изнеможеніе во время нашего путешествія и все таки дол-были продолжать путь. Они цѣнятся также дорого, какъ и л-шади, и хоть сколько ни будь порядочный мулъ стоитъ до с-рейхсталеровъ. Мнѣ говорили, что въ нѣкоторыхъ мѣстност-Персіи водятся бѣлые мулы, весьма дорого стоющіе и пр-даемые только въ даръ Царю и Ханамъ; но я самъ не вид-такихъ ни одного.

Ословъ, перевозящихъ тяжести, въ Азіи всегда водил-болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта; въ Персіи же, я полаг-ихъ болѣе, чѣмъ въ остальныхъ Восточныхъ странахъ, и въ Ис-гани мы видѣли ихъ въ неисчислимомъ множествѣ. Такъ к-тамъ возка на телѣгахъ не въ большомъ обычаѣ, то на вс-улицахъ встрѣчается бездна вьючныхъ ословъ. Погонщики эт-ословъ имѣютъ на кнутахъ цѣпочку съ примой (Prime, Tza-dar), которой позванивая, постоянно подгоняютъ ословъ, -томъ то и дѣло покрикиваютъ на нихъ. По этому у нихъ -поговорка:

«Два осла и двѣ лѣнивыя женщины требуютъ порядочнаго погонщика

ГЛАВА IX.

О садовыхъ растеніяхъ и плодахъ.

Такъ какъ Персія страна теплая, въ которой лѣто прод-жительнѣе зимы, и въ теченіи лѣта погода въ ней болѣе -стоянная и ясно-солнечная, то въ ней растутъ превосходные -довые плоды, служащіе не только для удовлетворенія потреб-стей поварни, но и для наслажденія лакомствомъ. Что касается -обыкновенныхъ поварныхъ овощей, то тамъ есть все, что в -Германіи, но только многіе изъ нихъ крупнѣе и вкуснѣе. -

ю другихъ поварныхъ овощей, упомяну сдѣсь только о лукѣ, юрый въ области Тарумъ (Tarum), граничащей съ Халхалемъ (chal), такой громадный, что одна луковица вѣситъ 3 фунта. уста сафо попадается тамъ величиной съ голову, растетъ кра-о-курчавая, хорошо водится и имѣетъ пріятный вкусъ.

Персіяне большіе охотники до дынь, разводятъ ихъ въ громъ количествѣ, и дыни этѣ тамъ сладкія, будьто сахаръ, ему ихъ ѣдятъ тамъ безъ сахару, и Персіяне даже смѣялись, ізавши, что мы ѣдимъ дыни съ сахаромъ. Такія дыни, какія ютъ у насъ въ Голштиніи, хотя бы самыя лучшія, они ставятъ ю что. Настоящихъ же своихъ дынь у нихъ тоже двѣ породы, но: лѣтнія и зимнія дыни. Лѣтнія дыни, называемыя кер-і (Kermek), отъ кермъ (Kerm), тепло, суть раннія, созрѣваютъ онѣ, желтыя какъ воскъ и самыя сладкія. Другія же, хар- пася (Charbusei pasi) (арбузы?), созрѣваютъ только осенью, ія, отъ 30, 40 и до 50 фунтовъ вѣсомъ, могутъ быть сбе-ы не только въ теченіи зимы, но и на цѣлый годъ. Пер- большіе знатоки ухаживать за ними и сберегать ихъ свѣ-, и сберегаемыя ими дыни такъ хороши, что во время при-новыхъ, прошлогоднія какъ разъ купишь за свѣжія, если братишь вниманія на различіе, обнаруживающееся при пода- кожицы. Ихъ вѣшаютъ между камышемъ или тростни-, который срѣзывается зеленый и проспособляется къ этому мъ образомъ. Такимъ же способомъ Персіяне сберегаютъ ый годъ виноградъ и другіе плоды.

Есть еще тамъ другой, особый родъ дынь, называемыхъ шам- (Schammame), величиной не болѣе померанца, разписанныхъ ыми и зелеными пятнами, между которыми кожица очень ше-ата. Дыни этѣ на вкусъ вовсе не сладкія, но имѣютъ весьма ый запахъ, и именно ради этого запаха и разноцвѣтныхъ къ Персіяне носятъ ихъ въ рукахъ и играютъ ими. Персид-юэты также пользуются этѣми дынями, при описаніяхъ ы и прелестей дѣвицъ, говоря собственно о персяхъ по-ыхъ. По запаху своему дыни этѣ получили и свое имя ame, отъ Арабскаго слова Schammeh, что значитъ за-, видный. Господинъ Якобъ Голій (Jacobus Golius) также

упоминаетъ объ этихъ дыняхъ въ своемъ Арабскомъ лексик на стран. 1309. Есть у Персіянъ и арбузы, которые они называ гиндуане (Hinduane), по происхожденію ихъ изъ Индіи; сдѣсь буазы этѣ еще болѣе тѣхъ, какіе мы видѣли въ Астрахани о коихъ я уже говорилъ при описаніи этого города. Такъ к такой громадный плодъ растетъ, лежа на землѣ на тоненько стеблѣ, плоды же громадныхъ и высокихъ Грецкихъ дерев очень малы, то различіе это дало поводъ Персидскимъ поэт къ слѣдующему стиху, въ которомъ намекается на то, как которые великіе господа приносятъ часто на свѣтѣ мало пол и какъ, напротивъ, ничтожные простые люди доставляютъ ин огромную пользу:

درخقي كبرندكان ازان بوزوركي
درجتى هندوانه ال اكبر

Drachti kirdekan es ohn busurki,
Drachti Hinduane! Alla ekber!

Что значитъ:

Съ великаго Грецкаго дерева падаетъ очень маленькій плодъ,
А длинный и слабый стебель арбуза приноситъ громадный плодъ.
Кто бы искалъ тебя, Hinduane, на такомъ стеблѣ.
Такъ-то устроено это на свѣтѣ, Тобою, Боже великій!

Персіяне имѣютъ нѣсколько видовъ тыквы и, между про один видъ у насъ, въ Германіи, не обыкновенный, у нih кабахъ (Kabach) называемый, а въ Травникахъ Cucurbita natia, величиною съ голову человѣка, даже больше, съ ядй, [1] какъ у гуся, шеей, съ головою на верху, какъ вид на изображеніи впаденія рѣки Волги около Астрахани. Уп ляютъ ихъ тогда, когда онѣ еще зелены и не совершенно с ли; когда же онѣ совсѣмъ поспѣютъ, то наружная кожиц дѣлается такою твердою, какъ древесная кора, и такою не цаемою, какъ кожа. Мясо тогда совершенно ссыхается так въ нихъ уже ни чего не остается, кромѣ сѣмянъ. Самую к высушенную Персіяне употребляютъ вмѣсто чана для воды общё вмѣсто посуды для питья.

У Персіянъ есть еще плодъ намъ, Нѣмцамъ, не извѣстный; называемый ими падинджанъ (Padinlzan), величиной и наружнымъ видомъ похожій на малыя дыни, или на спѣлый уже огурецъ, и растетъ онъ подобно послѣднему. Плодъ вездѣ зеленый, только снаружи у стебля синеватый. Сѣмя у него круглое, нѣсколько продолговатое, какъ барбарисовая ягода. Сырой его не ѣдятъ, потому что онъ горьковатъ; вареный же и жареный въ маслѣ доставляетъ пріятное кушанье.

О виноградѣ.

Виноградъ въ Персіи превосходный и во всѣхъ областяхъ растетъ большими сладкими кистями; но Магометане, по закону своему, не могутъ выдѣлывать изъ него ни какого вина, ни пить его, хотя многіе изъ нихъ не соблюдаютъ этого послѣдняго запрещенія. Причиною такого запрещенія приводятъ они довольно забавное сказаніе, которое для шутки я разскажу сдѣсь. Было два Ангела, по имени Аротъ и Маротъ (Aroth, Maroth), которыхъ Богъ послалъ съ неба на землю, чтобы они творили между людьми судъ и правду, при чемъ онъ далъ имъ троякій запретъ, именно: они не должны никого убивать, не должны судить неправедно, и не пить ни какого вина. Во исполненіе такого запрета Ангелы довольно долгое время управляли на землѣ хорошо. Но однажды случилось, что одна молодая, непомѣрно красивая женщина, не поладивши съ своимъ мужемъ, пришла съ жалобою на него къ нимъ, какъ къ своимъ обычнымъ судьямъ; для того же, чтобы склонить ихъ на свою сторону и достигнуть желаемаго ею рѣшенія, или суда, она хотѣла задобрить ихъ, и пригласила ихъ къ себѣ въ домъ попировать съ нею. Ангелы охотно согласились на приглашеніе, и когда сѣли за столъ, то красавица, между прочими напитками, принесла и прекрасное вино и упрашивала Ангеловъ выпить его; хотя Ангелы сначала и сильно отнѣкивались, но, послѣ долгихъ просьбъ и неоднократныхъ обольстительныхъ предложеній прекрасной женщины, они наконецъ уступили и стали пить кубокъ за кубкомъ. Когда же наконецъ вино распалило Ангеловъ, то въ нихъ возбудилось грѣховное пожеланіе къ хозяйкѣ, и они не долго уже думали, стали просить ее раздѣлить съ ними ложе. Красавица согласилась уступить ихъ желаніямъ, но съ слѣдую-

щимъ условіемъ, чтобы прежде одинъ изъ нихъ открылъ ей дорогу, по которой они сошли съ неба, а другой, по которой они всходятъ на небо. Ангеламъ понравилось это предложеніе: они открыли ей обѣ этѣ дороги, послѣ чего она тотчасъ же поднялась и ушла на небо. Когда Богъ увидалъ красавицу на небѣ, то спросилъ, откуда она пришла туда? Красавица разсказала все, какъ было дѣло, изъ котораго цѣломудріе ея обнаруживалось какъ нельзя яснѣе, по чему, тронутый этѣмъ, Богъ восхотѣлъ прославить ее и обратилъ ее въ звѣзду Венеру, для того, чтобы она, бывши на землѣ прекраснѣйшею изъ женщинъ, точно также и на небѣ была блистательнѣйшею изъ звѣздъ. Ангеловъ же Богъ потребовалъ къ себѣ на судъ, и объявилъ имъ такой приговоръ: такъ какъ они, помимо своего проступка, сдѣлали на землѣ много добраго, то Богъ предоставилъ имъ самимъ избрать себѣ наказаніе, которое было бы срединою между вѣчнымъ и временнымъ.

По этому, по ихъ собственному желанію, они были повѣшены на желѣзной цѣпи за ноги, въ одной безднѣ, называемой Бебилъ (Bebil) и лежащей между Вавилономъ и Бесретомъ (Bessreth), гдѣ и должны висѣть до Страшнаго Суда.

Такъ какъ вино причиняетъ такое нечестіе, то Магумедъ, по велѣнію Бога, справедливо запретилъ употребленіе его. Но Персіяне, будучи большими охотниками до вина, и желая въ то же время хоть чѣмъ ни будь удовлетворить требованіе закона, рѣшили тѣмъ, что сами ни какого вина не дѣлаютъ, а предоставляютъ это Армянскимъ Христіянамъ, которыхъ, ради этой причины, и терпятъ вездѣ у себя въ городахъ и по селеніямъ, и у нихъ уже покупаютъ вино. Но Армяне этѣ не умѣютъ изготовлять вина такъ хорошо, какъ Европейцы. Они сберегаютъ его въ большихъ выжженныхъ кружкахъ, въ которыхъ вмѣщается по ому [1] (Ohm) и болѣе вина, ставятъ его въ малыхъ узкихъ погребахъ, или же зарываютъ въ землю, но не оттягиваютъ (не очищаютъ) его при этомъ. Иногда, когда вино недовольно красно, его

---

[1] Особая мѣра жидкостей. Прим. Перев.

подсвѣчиваютъ краснымъ деревомъ, или шафраномъ. Бѣлое же вино они не ставятъ ни во что. Но Персіянамъ позволяется употреблять виноградное сусло и дѣлать изъ него сиропъ, называемый у нихъ душабъ (Duschab); они варятъ сусло это до того долго, что изъ него остается только шестая часть, которая дѣлается густою и льется какъ масло. При употребленіи этого масла или душабъ, его мѣшаютъ съ водою и не большимъ количествомъ уксусу, каковая смѣсь даетъ довольно пріятный напитокъ, которымъ угощалъ меня Шамахинскій Минадримъ или Астрологъ, на устроенной имъ для меня пирушкѣ, какъ объ этомъ говорилъ я выше.

Иногда Персіяне варятъ душабъ этотъ такъ густо, что его можно рѣзать только, и путешествующіе люди обыкновенно засушиваютъ его, берутъ съ собою въ дорогу и, по мѣрѣ надобности, разводятъ его въ водѣ, для питья своего.

Заговоривъ объ этомъ вареномъ до суха виноградномъ суслѣ, вспомнилъ я объ одномъ славномъ изобрѣтеніи, заявленномъ славнымъ химикомъ, Г-мъ Іоанномъ Рудольфомъ Глауберомъ (Iohan Rudolph, Glauber), моимъ добрымъ другомъ, а именно: будьто 5-ть возовъ [1] вина могутъ быть перевезены на одной тележкѣ съ такими же незначительными издержками, какія нужны только для перевоза одного воза вина; для этого стоитъ только извлечь изъ винограда, описаннымъ сейчасъ способомъ просушки, наибольшую часть воды, а за тѣмъ, въ своемъ мѣстѣ, снова подлить ее въ опредѣленномъ количествѣ, изъ самотечной ключевой воды. Не упускается ли при этомъ изъ виду, что виноградъ, прежде чѣмъ еще начнетъ бродить, долженъ потерять спиртъ отъ жара при высушеніи сусла? Искуство это слѣдовало бы испытать. Персіяне примѣшиваютъ иногда душабъ въ вино, особенно жители области Келекъ; ибо вино ихъ не такъ сладко, какъ въ южныхъ областяхъ. Съ такою примѣсью вино получаетъ вкусъ, подобный Испанскому вину.

---

[1] По Нѣм. das Fuder, по Франц. le foudre, возъ вина, тоже особая мѣра жидкости, содержащая 6 омовъ, или 480 кружекъ. Прим. Перев.

Въ Таврисѣ изъ такого душаба дѣлаютъ Персіяне еще особое лакомство, или конфекты, называемыя у нихъ халва (Helwà); при чемъ они примѣшиваютъ въ душабъ размельченный миндаль, пшеничную муку и ошелушеные Грецкіе орѣхи; все это вмѣстѣ сдавливается въ длинноватыхъ мѣшкахъ и дѣлается такимъ твердымъ, что въ зимнее время лакомство это рубить можно только косарями, или топорами. Изъ такого же тѣста приготовляютъ они въ длинноватыхъ формахъ, на подобіе колбасъ, конфекты, называемыя ими суджухъ (Sutzuch), въ срединѣ которыхъ помѣщаютъ, или замѣшиваютъ нитку изъ бумажной матеріи, въ родѣ парусинной нитки, на которой собственно и держится вся конфекта.

Въ Персіи растетъ много видовъ винограда; самый сладкій и лучшій растетъ въ Ширасѣ и Таврисѣ; самый же лучшій изъ растущаго въ Таврисѣ Персіяне называютъ таберсегъ (Tabersch): онъ попадается и въ другихъ мѣстахъ, но сдѣсь наиболѣе: ягоды этого винограда продолговатыя, безъ зеренъ, и могутъ держаться цѣлую зиму. Другой родъ винограда кесеки (Keseki), желтоватый и чрезвычайно сладкій, растетъ болѣе всего въ Тарумѣ, Таврисѣ и Ордебатѣ. Отъ этого послѣдняго винограду, если не въ мѣру поѣсть его, легко получить кровавый поносъ (dysenteriam).

Персидская коринка темножелтоватая, крупнѣе нашей, и лучшая получается изъ Бавaната (Bawanat), лежащаго при Гератѣ, и называется кишмишъ (Kischmisch). Кромѣ того, есть еще два необыкновенныхъ вида винограда, подобныхъ которому нѣтъ въ Германіи. Первый Персіяне называютъ галлаже (Hallage), ягоды котораго болѣе полутора дюйма въ длину и дюймъ въ ширину, цвѣта темноватаго, съ жесткимъ мясомъ, безъ особой сочности, также безъ зеренъ, и могутъ быть сберегаемы до другого лѣта. Другой необыкновенный видъ винограда есть энкури Аали дереси (Enkuri Aaly deresi); кисти его очень велики, въ полълоктя длиною, ягоды величиной съ Испанскія сливы, темнокрасноватыя, очень сочны, но не могутъ быть долго сберегаемы, и по тому ихъ ѣдятъ только свѣжія; этотъ виноградъ нигдѣ не растетъ, кромѣ какъ въ Иранѣ, и именно только между Ордебатомъ и Ходдаферином (Choddaferin); послѣдній есть мостъ, или проходъ, о которомъ

скажу еще въ другомъ мѣстѣ. Отъ чего виноградъ этотъ получилъ свое названіе, Персіяне разсказываютъ слѣдующую исторію: Однажды зимою прибылъ въ это мѣсто ихъ великій, святой чудотворъ, и когда его встрѣтилъ сдѣсь виноградарь или садовникъ, то Аали сказалъ ему: «Дай мнѣ поѣсть винограду!» Садовникъ отвѣчалъ, что не возможно сдѣсь достать винограду въ зимнее время; тогда Аали приказалъ ему пойти въ виноградникъ, гдѣ онъ найдетъ его вдоволь. Виноградарь повѣрилъ словамъ Аали, пошелъ въ виноградникъ, и нашелъ тамъ на лозахъ превосходнѣйшія и громадныя виноградныя кисти, какихъ онъ никогда не видывалъ. Отсюда-то этотъ родъ винограда и получилъ свое названіе Enkuri Aaly deresi, т. е., виноградъ въ узкой долинѣ Аали.

Древесные плоды.

Изъ древесныхъ плодовъ у Персіянъ есть всякаго рода, общіе съ нашими, а также и чуждые роды. Между прочими есть одинъ родъ грушъ, называемый ими мелледже (Melletzö); груши тѣ растутъ въ Ордебатѣ, цвѣтомъ и наружнымъ видомъ почти похожи на лимонъ; имѣютъ пріятный запахъ, довольно странный вкусъ, и чрезвычайно сочны.

Гранаты, миндаль и фиги или винныя ягоды растутъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но особенно въ дикомъ состояніи въ лѣсахъ и горахъ Гилянскихъ. Дикія гранаты всѣ кислы, и ихъ множество находится около рѣкъ въ Карабахѣ. Персіяне вынимаютъ изъ нихъ зерна, высушиваютъ ихъ и продаютъ ихъ въ другихъ мѣстахъ подъ названіемъ нарданъ (Nardan) (отъ Nar гранатовое яблоко). Зерна тѣ Персіяне употребляютъ для того, чтобы сдѣлать свои кушанья винноватыми и кисловатыми; для этого ихъ размачиваютъ въ водѣ и выжимаютъ изъ нихъ сокъ сквозь полотно. Они также выжариваютъ и свѣжій сокъ изъ гранатъ, изготовляютъ и сберегаютъ его, подкрашиваютъ имъ обыкновенно на пиршествахъ свое Сарачинское пшено, которому придаютъ тѣмъ и пріятную кислоту. Для такого же употребленія служитъ имъ также и плодъ извѣстнаго у насъ красильнаго дерева (Sumach). Персіяне вообще охотники до кисловатыхъ соковъ, которые употребляютъ чистыми и въ своихъ кушаньяхъ; по этому изъ нихъ немногіе только подвергаются скорбуту, болѣзни, къ сожалѣнію, у насъ довольно распространенной.

Что касается до остальныхъ древесныхъ плодовъ, каковы на-ринджъ (Narintz), померанцы, лимоны, мешмеши (Meschmeschi), а пр-косы, шаптала (Schafftala) и персики и проч., которые частію раз-ведены и въ нашей странѣ, частію растутъ и воздѣлываются только въ Персіи, то я не считаю нужнымъ много писать о нихъ. Плоды эт въ различныхъ мѣстахъ бываютъ различной доброты и достоинства. Персіяне обыкновенно считаютъ, что въ Ештѣ и Касвинѣ ра-тутъ лучшія гранаты, въ Карабазѣ самыя крупныя; въ Испаган лучшія дыни, въ Касвинѣ лучшіе персики, въ Таврисѣ лучші априкосы; въ Лагеджанѣ и Киланѣ лучшія шелковичныя дерев

О шелковичныхъ деревьяхъ и шелковичныхъ червяхъ.

Шелковичныя деревья привожу и исчисляю я по справедли вости между садовыми плодовитыми деревьями, по тому что Пер сіяне имѣютъ цѣлые огороженные сады, засаженные ими. Де ревья этѣ сутъ не что иное, какъ шелковицы или тутовыя де ревья съ бѣлыми и красными ягодами, которыя Персіяне ра саживаютъ весьма густо и часто, такъ что человѣкъ едва может пройти межъ ними; ихъ не пускаютъ рости выше пяти съ пол виной футовъ для того, чтобъ человѣку вездѣ можно было до стать и обрѣзывать вѣтьви ихъ. Листва ихъ дается въ кормъ шел ковичнымъ червямъ. Все производство съ шелковичнымъ черве дѣлается слѣдующимъ образомъ: весною, когда тутовое дере распустится и покроется листьями, Персіяне берутъ сѣмя шелк вичныхъ червей и въ небольшомъ мѣшечкѣ держатъ его под мышкою полдня, а иногда и цѣлый день. Въ слѣдствіе теплот червячки въ сѣмени пробуждаются и выползаютъ вонъ; тогд ихъ помѣщаютъ на листья тутоваго дерева, положенныя на де ревянномъ блюдѣ. Къ этѣмъ листьямъ ежедневно подбавляют свѣжихъ, при чемъ слѣдуетъ весьма остерегаться, чтобы не не пало на нихъ ни какой мокроты, или влаги. На листьяхъ чер вячки сидятъ и кормятся пять дней, за тѣмъ три дня они уж не ѣдятъ и спятъ. Въ это время они бываютъ уже такой вел чины, какъ сырные червячки. Послѣ сна червячковъ помѣщают въ сарайчикъ или устроенныя для того нарочно чистыя покої цы, которыя обыкновенно простираются болѣе въ длину. В Киланѣ Персіяне устроиваютъ для этого особые домики, на п

добіе нашихъ кирпичныхъ сараевъ. Балки или брусы вездѣ уложены шахтами или расщепленными жердями, изъ которыхъ у насъ дѣлаютъ обыкновенно обручи, на жерди набрасываютъ цѣлыя вѣтви и пруты со всѣми листьями, на которые сажаютъ шелковичныхъ червей, и каждый день опять прибавляютъ свѣжихъ вѣтвей. Когда же червячки совсѣмъ станутъ большими и будутъ по этому ѣсть много, то свѣжихъ прутьевъ съ листьями подбавляютъ по два и по три раза въ день. Наконецъ червячки принимаютъ видъ гусеницы, и тогда сарайчики, въ которыхъ они помѣщаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть отверстія и доступъ къ червячкамъ, покрываются сѣткой, чтобы птица не поклевала червей.

Въ это время, прежде чѣмъ червячки достигнутъ совершенной зрѣлости и способности прясть, они снова спятъ 8 дней. При этомъ надо хорошенько присматривать, чтобы къ нимъ не касался грязный человѣкъ, или не чистая женщина, иначе они тотчасъ околѣваютъ и какъ бы растаеваютъ, расплываются въ своей собственной влагѣ. Послѣ семи недѣль сидѣнья ихъ на полномъ корму, наступаетъ время пряденья ихъ, и тогда они уже ѣсть не могутъ, а изъ верхняго ихъ отверствія, изъ горла, показывается нитка, которую они слѣпляютъ, и прядутъ изъ нея вокругъ себя помѣщеньица (коконы). Тогда покой или сарай, въ которомъ они помѣщены, крѣпко закрывается, и сторожатъ, чтобы ни чья чуждая рука не имѣла въ него доступа. Черезъ 12 дней покой снова открывается, и тамъ находятъ: сколько прежде было червячковъ, столько и коконовъ (помѣщеньицъ или домиковъ), видомъ и величиною похожихъ на сливу. Найбольшіе изъ нихъ выбираются и откладываются на племя (сѣмена), остальныя же тысячами бросаются въ жестяной котелъ съ горячей водой, въ которомъ отъ того образуется нѣчто въ родѣ соуса или кашицы. Въ этой кашицѣ бьютъ коконы розгами, или особо приготовленной для того метелкой, отъ чего на прутьяхъ этой метелки нацѣпляются нитки, которыя за тѣмъ собираютъ и разматываютъ. Червячки, или коконы, которые оставались отложенными и оказывались въ тонкой кожицѣ, выбрасываются вонъ; тѣ же, которые должны служить для разводу, на племя, выкладываются на столъ и менѣе 14-ти дней вылупливаются (прогрызаютъ личинку), и изъ нихъ выползаютъ бѣлыя бабочки или бѣлыя

капустницы. Самцы и самки бѣгаютъ сдѣсь вмѣстѣ, кладутъ за тѣмъ болѣе чѣмъ по сотнѣ яицъ, величиною въ маковое зерно, послѣ чего оба ложатся и умираютъ. Этѣ янчки или сѣмена сберегаются не въ жаркомъ, но и не въ холодномъ мѣстѣ до слѣдующей весны, когда съ ними поступаютъ прежнимъ же порядкомъ. Великое чудо природы открывается намъ въ этомъ маленькомъ червячкѣ, именно въ его работѣ, въ измѣненіяхъ, которымъ онъ подвергается, и наконецъ въ его плодѣ, или произведеніи. Торговля шелкомъ доставляетъ Персіянамъ огромные доходы, и многіе изъ нихъ, особенно имѣющіе по нѣскольку описанныхъ сараевъ, богатѣютъ отъ этѣхъ червячковъ.

Вотъ все о плодахъ, которые сдѣшняя страна доставляетъ своимъ обитателямъ, для содержанія и пропитанія ихъ. Къ этому могутъ быть также причислены нефтяные колодцы при Баку, также превосходнѣйшія соляныя горы и копи (ямы), находящіяся въ разныхъ мѣстахъ страны, какъ, на примѣръ, въ Нахичеванѣ (Nachtschuan), гдѣ добывается лучшая соль и свѣтлая, какъ кристалъ (Sal gemmae). Онѣ находятся также въ Кульбѣ, Урумѣ, Кемрѣ, Гемеданѣ, Бисетунѣ, Сульдусѣ и Килисимѣ (Kilissim).

Разработываемыхъ рудниковъ въ странѣ немного; хотя и есть желѣзныя рудныя горы при Масулѣ и Кенджѣ; при Масулѣ добывается и разработывается лучшее желѣзо, которое такъ гибко, что даже холодное подъ молоткомъ выдѣляется на малые куски. Хотя между Серабомъ и Міаномъ есть извѣстныя и золотыя и серебряныя мины, но Персіяне говорятъ, что разработывать ихъ нѣтъ ни какихъ выгодъ; ибо въ мѣстности этой нѣтъ лѣсу для плавки этѣхъ рудъ. Такой же недостатокъ въ топливѣ ощущается и во многихъ другихъ областяхъ. По этому, если даже отыщутся по всѣмъ признакамъ и хорошіе пріиски, то для разработки руды въ нихъ нельзя найти охотниковъ.

Тавръ и нѣкоторыя другія скалистыя мѣстности отъ солнечнаго жара выжжены до черна. Между Пирмарусомъ и Шамахою мы видѣли у дороги одну высокую гору изъ шпата, Lapidibus Specularibus, которые на солнцѣ блестѣли какъ настоящій алмазъ.

ГЛАВА X.

О происхожденіи и названіи Персіянъ.

Что касается до самыхъ Персіянъ, то я буду описывать такъ, какъ нашелъ ихъ по наружному виду, одеждѣ, природѣ, нравамъ, въ свѣтскомъ и духовномъ состояніи и по другимъ обстоятельствамъ. Въ этой же главѣ скажу я также о томъ, какъ назывались они въ различныя времена.

Геродотъ упоминаетъ (lib. 7, c. 105), что посолъ Ксеркса, Царя Персидскаго, заявлялъ Грекамъ, что они, Персы, ведутъ свое начало отъ Греческаго Князя Персеса (Perses), который былъ сыномъ Персея (Perses), рожденнаго Андромедой, и что, слѣдовательно, они суть происхожденія Греческаго. Аммiянъ же Марцелинъ (lib 31, p. 469) говоритъ, что происхожденіе Персіянъ—Скиѳское. Скиѳы всегда славились своимъ воинскимъ искусствомъ и умѣньемъ ловко стрѣлять изъ лука. «Unde etiam Persae, говоритъ онъ, qui originitus Scythae, pugnandi sunt peritissimi». Скиѳами называетъ ихъ и Плиній, въ 6-й книгѣ, главѣ 17-й. Евреи въ древности называли ихъ Эламитами, отъ Персидской области Эламъ (Elam), какъ это видно изъ Пророка Исаіи и Дѣяній Апостольскихъ (гл. II, 11). Въ настоящее время они называются также, какъ и въ началѣ, и какъ назывались они у большинства историческихъ писателей и у насъ, Персами (Perser). Нѣкоторые называютъ ихъ и Софіанами (Sofianer), отъ Софи, основателя ихъ секты (Вѣры). Сами же себя Персіяне, въ отличіе отъ Турокъ, которыхъ они именуютъ Суннами (Sunni), называютъ Шаи (Schai), отъ Аали (Aaly), котораго они уподобляютъ Шаху. Такое же названіе даютъ имъ и Турки, въ отличіе отъ Вѣры. Они называются также Кизильбашами (Kisilbasch), красная голова, каковое названіе дано было имъ вначалѣ Турками, какъ бранное. Теперь же Персіяне сами полюбили это названіе, охотно дозволяютъ называть себя такимъ образомъ и полагаютъ, что въ названіи этомъ скрывается великая тайна отъ Вѣры и оно доставляетъ имъ великую честь. Я нахожу, что названіе это у нѣкоторыхъ Европейскихъ писателей пишется раз-

лично; такъ его пишутъ: Cuselbas, Quezelbach и Querzelbach. Собственно же оно должно писаться: Kisilbasch, такъ какъ оно есть Турецкое слово, состоящее изъ Kisil, قزل красный, а также и золото, и Basch, باش голова. Большинство писателей именно говоритъ, что это значитъ красная голова; но весьма немногіе только упоминаютъ о томъ, отъ чего Персамъ дано такое имя. Правда, нѣкоторые писатели говорятъ, что оно произошло отъ красной, съ 12 складками, шапки, которую носятъ Персіяне; но отъ чего Персіяне, и при томъ отъ чего не всѣ, а только нѣкоторые носятъ красныя шапки, писатели этѣ не упоминаютъ.

Хотя Іовій и пишетъ въ своей Исторіи (Basileae, 1678), lib. 13, p. 236, а заимствуя изъ него, повторяетъ и Бизаръ въ книгѣ 10, на стр. 267, что изобрѣтатель такой шапки былъ нѣкто Техелій (Techellis), ученикъ Гардуэля (discipulus Harduellis), иначе Эйдеръ называемый, но они ошибаются, точно также, какъ и Іовій ошибается въ томъ, что считаетъ Гардуэля основателемъ Персидской секты, и что секта эта возникла будьто бы во время Лютера; ибо она существовала уже за долго прежде, какъ это будетъ скоро доказано. По этому онъ справедливо опрѳвергается Минадомъ (Minadoo, lib. 2 Belli Turco-Persici. Francofurti, 1601), p. 531.

Обо всемъ этомъ я хочу представить здѣсь благосклонному читателю настоящее свѣдѣніе, какое я самъ слышалъ отъ свѣдущихъ Персіянъ, и какое частію извлекъ я изъ книгъ на Персидскомъ языкѣ, хранящихся въ Княжеской Готторфской библіотекѣ. Свѣдѣніе это заключается въ слѣдующемъ: Когда Персіяне чрезъ Софи, основателя ихъ секты, отдѣлились отъ Турецкаго исповѣданія и стали возвышать и почитать Аали выше ложныхъ наслѣдниковъ Магумеда, Омара, Османа и Абубекера, то они захотѣли, чтобы и 12 ближайшихъ потомковъ Аали (имена которыхъ исчислены будутъ ниже, когда будетъ рѣчь о Вѣрѣ Персіянъ) были также почитаемы, какъ ихъ Святые и Имамы. Въ ознаменованіе этого и было установлено, чтобы духовныя лица Персіянъ носили шапки съ 12-ю складками, по прилагаемому здѣсь образцу[1].

---

[1] См. подлин. стр. 582; т. е., точь въ точь какъ тыква. О. Б.

Когда же послѣ этого Турки неоднократно ходили войной на Персіянъ, побѣждали ихъ (о чемъ читайте Бизара «De rebus Persicis») и мучили Персидскихъ духовныхъ, которыхъ наиболѣе ненавидѣли они за отпаденіе отъ ихъ Вѣры, то шапки этѣ во многихъ мѣстностяхъ вышли изъ употребленія. За тѣмъ Шахъ Измаилъ Великій снова возсталъ противъ Турокъ, которые заняли уже почти всю Персію. Онъ разослалъ изъ Килана, въ который вынужденъ былъ бѣжать отъ Турокъ, гонцовъ въ главнѣйшія области и города и велѣлъ тамъ объявить опасность, грозящую странѣ и Вѣрѣ ихъ отъ владычества Турокъ, и увѣщевать жителей, чтобы они собрались къ нему и помогли изгнать изъ отечества врага, съ обѣщаніемъ, что если онъ снова получитъ царство свое, освобожденное отъ непріятеля, то всѣ, оказавшіе ему дѣйствительную въ томъ помощь, сдѣлаются на вѣчныя времена съ своими потомками людьми свободными, которые не будутъ облагаемы ни какою податью. Это воззваніе понравилось Персіянамъ, они поспѣшно собрали войско въ триста тысячъ человѣкъ, сдѣлали первое нападеніе на Ардебиль, гдѣ основатель ихъ секты, Шахъ-Софи, почтенъ былъ гробницею, и выгнали оттуда Турецкій гарнизонъ, безъ сопротивленія. Сдѣсь области составили съ Царемъ союзъ, отдать свое имущество и кровь за Вѣру ихъ и Царя. Въ знакъ этого Царь приказалъ изготовить описанныя выше шапки съ 12-ю складками, означавшія 12 ихъ Имамовъ, и одарилъ ими воиновъ. Но такъ какъ нельзя было тамъ тотчасъ найти запасъ краснаго сукна, то одинъ бачмачникъ въ Ардебилѣ сдѣлалъ первыя 12 шапокъ изъ краснаго сафьяну и подарилъ ихъ Царю, который и роздалъ ихъ важнѣйшимъ изъ Офицеровъ; послѣ этого всѣ уже, кто только участвовалъ въ этой Измаилитской войнѣ, носили такія шапки. Когда Турки увидѣли на воинахъ красныя шапки, то и прозвали Персіянъ красноголовыми, Kisilbasch. Шапки этѣ должны быть краснаго цвѣта, означая золотую корону, которой весьма былъ достоинъ Аали, считавшійся Персіянами за близко-родственнаго съ божествомъ и называемый ими Шахомъ, или Царемъ. Отсюда такія шапки назывались у нихъ тачь (Tatsch),—корона. Персіяне по этому бываютъ очень довольны, когда ихъ называютъ красными или золотыми головами. Оставшіеся и понынѣ потомки Аали носятъ подобныя же шапки; но онѣ обматываются обыкновенно особой повязкой и называются такіе (Takie).

Но подобно тому, какъ въ настоящее время не всѣ Персіяне, но только не многіе изъ видѣнныхъ нами, и именно только потомки помянутыхъ выше союзниковъ поколѣнія Софи (Suffian) и Аали, носятъ такія шапки, точно также и не всѣ Персіяне называются безразлично Кизильбашами (Kisilbasch), но только именно сказанные потомки. Кромѣ того, названіе это носятъ и Царскіе тѣлохранители и важнѣйшіе изъ воинскихъ прислужниковъ при Царскомъ дворѣ, и за тѣмъ Курджи (Kurtzi), стрѣлки изъ лука. Царскіе тѣлохранители изъ рода товарищей союза цѣнятся, ради мужества и вѣрности предковъ ихъ, также высоко, какъ и Швейцарцы при Императорскомъ Римскомъ Дворѣ.

ГЛАВА XI.

О видѣ и сложеніи Персіянъ.

Что касается до вида и сложенія Персіянъ, то они роста средняго. Ксенофонтъ (Basileæ, 1572) въ своей Рѣчи de Agesilao на стр. 518, говоритъ, что Персіяне въ его время вообще были тучны. Аммiанъ же Марцелинъ (Hamburg, 1609) пишетъ противное: «Graciles fere sunt omnes, subnigri et livido colore pallentes», и это повторяетъ онъ и въ книгѣ 24, на стр. 303. Я держусь теперь свѣдѣтельства Марцелина и нахожу, что большинство Персіянъ худощавы, но крѣпки членами (крѣпкаго сложенія); лицомъ темножелтоватые и имѣютъ вообще ястребиные съ горбиной носы. Такой носъ былъ у Кира, и по тому Персіяне всѣ любятъ изогнутые съ горбиной носы.

Мужчины гладко брѣютъ волосы на головѣ, именно черезъ каждые 8 дней. По этому у нихъ нѣтъ того, что пишетъ Сенека въ 124 письмѣ: «Parthorum crines effluere,» т. е., они носили длинные волосы. Это могло относиться только къ Сеидамъ (Seid) потомкамъ Магумеда, которые носили на головѣ длинные волосы, такъ какъ такіе носилъ и Магумедъ. Но Персіяне носятъ за то длинные, висящіе въ низъ, усы, и чѣмъ длиннѣе они могутъ

пустить ихъ, тѣмъ болѣе это нравится имъ. Подбородокъ они акже брѣютъ, за исключеніемъ ихъ Пировъ (Pyhr), старыхъ, вятыхъ людей, которые изможлаютъ тѣло свое воздержаніемъ ь пищѣ и питіи, постоянно молятся и представляютъ собой обрый примѣръ благочестія; этѣ люди отпускаютъ длинныя и ирокія бороды и бакенбарды, подобно Русскимъ, и такія бо- оды у нихъ въ большомъ почетѣ.

Есть еще особый родъ людей въ Персіи, которые никогда е подстригаютъ усовъ, но отпускаютъ ихъ длинными, висящими ерезъ ротъ, такъ что люди этѣ, также какъ и наши лѣнивые рестьяне, только черезъ усы этѣ и могутъ хлебать питье. Люди ѣ называются Суффи (Suffi), и говорятъ, что Аали носилъ такіе линные висячіе усы, а въ честь его и они должны отпускать акіе же усы.

Причину же, по которой Аали носилъ длинные усы, Персіяне объясняютъ слѣдующимъ баснословнымъ сказаніемъ: Когда агумеда потребовали къ Богу на небо (о чемъ говорится въ Коранѣ его, Azoara 27), то Аали тоже поднялся за нимъ туда, тамъ этого послѣдняго не хотѣли было сначала впустить, когда нъ постучался у воротъ неба. Но Аали сказалъ: «Это стучится Shir Chodda, Божій Левъ», по этому его впустили, и тамъ онъ видѣлъ, какъ Ангелы угощали Магумеда драгоцѣннымъ напиткомъ. Когда же и ему, Аали, поднесли полную чашу того напитка, то онъ обмочилъ въ этой дорогой влагѣ свои усы; ало, съ его стороны было бы грѣхомъ, если бъ онъ послѣ того стригъ, или утратилъ хотя бы одинъ волосъ изъ своихъ усовъ. сня эта находится въ Персидской «Долинѣ розъ», на стр. 89.

Рыжихъ волосъ Персіяне рѣшительно терпѣть не могутъ, не любливаютъ также и сѣдыхъ волосъ, но чрезвычайно уважаютъ черные какъ смоль волосы, въ слѣдствіи чего у нихъ въ бычаѣ и въ большомъ ходу красить волосы. Для этого они рутъ траву съ сѣменемъ, которую называютъ они весме (Wesme) привозятъ изъ Вавилона. Трава эта въ сборникахъ травъ очень хожа на Securidaca, если только не есть она самая; Персіяне рошутъ ее мелко, примѣшиваютъ къ ней гранатовую корку, нѣ-

сколько мыла и желтаго мышьяку, варятъ все это въ водѣ, и т[...] симъ настоемъ мажутъ волосы. За тѣмъ они снова обмываютъ [...] щелокомъ, въ которомъ разведена негашеная известь. Они со[...] раютъ также весною влагу, вытекающую изъ подрѣзанны[...] виноградныхъ розъ, и жидкостью этой смачиваютъ мужч[...] свои усы, а дѣвицы волосы (которые они носятъ заплетенн[...] въ нѣсколько косъ, спереди и сзади длинно ниспадающимъ [...] спинѣ и плечамъ), полагая, что отъ этого будутъ расти длин[...] и черные волосы.

У Персіянъ также въ большомъ употребленіи, равно как[...] у всѣхъ Турокъ (какъ свидѣтельствуетъ о томъ Geuffraeus, lib. [...] De Religione et cerem. Turcarum. Basileae 1573, pag. 63), кра[...] руки красножелтой краской; нѣкоторые же красятъ ею только о[...] пальцы и ногти. Такіе ногти похожи на ногти нашихъ коже[...] ковъ. Другіе красятъ всѣ руки и ноги, и у Персидскихъ нев[...] это составляетъ необходимое украшеніе. Такая краска на св[...] бахъ даже открыто выставляется и удѣляется гостямъ. Крас[...] этой нѣкоторые красятъ и трупы, особенно дѣвицъ, что бы [...] могли показаться изящно убранными для двухъ Ангеловъ, [...] examinatoribus въ гробу (о чемъ подробнѣе будетъ сказано ви[...] при описаніи погребенія умершихъ). Сказанная краска добыв[...] ся изъ растенія, которое они называютъ хинне (Chinne); ли[...] этого растенія почти такія же, какъ зелень сладкаго дерева, [...] еще ближе, какъ у мирты. Сѣется оно и собирается въ обл[...] Эракъ. Для употребленія его высушиваютъ, трутъ мелко, [...] муку, смачиваютъ сокомъ кислаго граната, или лимона, или [...] только негодною водою, и смѣсью этой мочатъ руки. Если [...] тятъ потемнѣе окрасить руки, то нѣкоторые трутъ къ [...] этого посильнѣе свѣжими кистьями изъ Волошскаго орѣха. К[...] ска эта остается цѣлые 14 дней, хотя бы ежедневно умывал[...] водою.

ГЛАВА XII.

Объ одеждѣ Персіянъ, именно мужской.

Что касается до одежды Персіянъ и того, какими они представляются въ ней, то объ этомъ хотя кратко, но вѣрно и хорошо говоритъ Амміянъ Марцелинъ слѣдующее (pag. 279, Hamburgi, 1609): «Persae adeo dissoluti sunt, ut artuum laxitate, vagoque incessu jactantes se, ut effaminatos existimes, cum tamen sint celeberrimi bellatores». Одежда виситъ у нихъ вокругъ тѣла распущенно и небрежно, и издали мужчины кажутся въ нихъ женщинами; ходятъ они, покачиваясь, словно гуси, со стороны на сторону, особенно же ихъ женщины, и я мало видѣлъ Персіянъ, которые бы имѣли важную и почтенную походку. Я полагаю, что это происходитъ отъ ихъ образа сидѣнья; ибо всѣ они, какъ портные во Франціи, сидятъ на землѣ, поджавши подъ себя и положивши ноги одна на другую, въ слѣдствіе чего они еще съ дѣтства привыкаютъ не прямо опираться на бедра. Отъ чего же Персіяне пришли къ употребленію такой полуженской одежды, о томъ сообщаетъ свѣдѣніе Ѳеодоръ (Hannoviae, 1604), во 2-й книгѣ, на стр. 94, будьто одежда эта введена была Семирамидой, и случилось это такимъ образомъ: однажды, когда Царь Нинъ воевалъ съ Бактріянами, и осадилъ главный городъ ихъ, Бактры, то между другими знатными начальниками онъ имѣлъ при себѣ и Менона, Правителя Сирійскаго. У этого Менона была чрезвычайно красивая и отмѣнно умцая жена, по имени Семирамида (бывшая въ послѣдствіи женою Царя Нина и строившая Вавилонскія стѣны), и такъ какъ осада затянулась долѣе, чѣмъ предполагалось, то нетерпѣливый въ любви Менонъ вызвалъ къ себѣ въ станъ жену свою. Для того же, чтобы она безопаснѣе совершила свое къ нему путешествіе, на которое требовалось нѣсколько дней, онъ приказалъ ей сдѣлать и надѣть особое платье, по которому нельзя было бы узнать, мущина ли то, или женщина. Когда она прибыла въ станъ и когда, по ея мудрому совѣту, осажденный городъ скоро былъ взятъ, то она вошла у всѣхъ (по тому еще, что была и чрезвычайно красива) въ великое уваженіе, и такъ какъ всѣ находили при этомъ, что и одежда ея также способна украшать, то Мидане, равно какъ и

Персы, начали подражать ей и въ одеждѣ. «Tantaque vestis gra erat, говоритъ онъ, ut Medi postea et Persae Asia potiti, Semiramidis stolam gestarent». Позднѣе Царю Киру, по извѣстнымъ причинамъ, тоже понравилась такая одежда, и онъ совѣтовалъ носить ее своимъ людямъ; ибо она придавала красивый и величественный видъ и ею ловко можно было скрыть тѣлесный недостатокъ, что подробнѣе можно читать у Ксенофонта въ 8-й книгѣ, стр. 168 (Basileae, 1572). Обозримъ одежду Персіянъ по поряд

Мужчины носятъ на головѣ большія толстыя повязки (чал изъ бумажныхъ и ситцевыхъ платковъ, обмотанныхъ одинъ на другомъ, и повязки этѣ называются мендиль (Mendil); ткутся платы обыкновенно съ пестрыми полосами, и нѣкоторые изъ ни прошиты золотыми нитками; длиною они обыкновенно въ 16 18 локтей. У духовныхъ лицъ, особенно же у Гафисъ (Haf повязки вообще бѣлыя, равно какъ и остальная одежда и Нѣкоторые оставляютъ назади у мендиля конецъ, висящій полъ локтя, другіе же не дѣлаютъ этого. Сеиды (Seid), т. е., которые славятся происхожденіемъ отъ Магумеда и считают его потомками, носятъ такіе концы только зеленаго цвѣта, должны носить только такіе, хотя нѣкоторые, изъ угожде придворному обычаю, перестаютъ носить ихъ. Нѣкоторые П сіяне, даже великіе господа, носятъ мохнатыя шапки, внутри снаружи обложенныя курчавымъ, Бухарскимъ бараньимъ мѣхо На обшивкѣ этѣхъ шапокъ мѣхъ виситъ длиною съ палецъ, шерсть этого мѣха на ощупь мягкая, какъ шелкъ; шапки также высоко цѣнятся, какъ у насъ бобровыя шляпы, и за кую шапку, если она красива, надо заплатить 50 Любецк марокъ или 16 рейхсталеровъ слишкомъ. Описанные менди и шапки Персіяне носятъ зимою и лѣтомъ, и удивительно к могутъ они въ сильные лѣтніе жары держать такъ тепло гол въ такихъ мендиляхъ и шапкахъ. Такъ какъ головы ихъ при ли къ этому, то они становятся у нихъ мягковаты (изнѣженн не могутъ долго оставаться открытыми и совершенно не въ сост ніи выносить ни малѣйшаго прохладнаго воздуху. Сдѣсь привел то, что пишетъ Геродотъ въ 3-й книгѣ, а именно: однаж Персіяне имѣли съ Египтянами такую жестокую битву, что обѣихъ сторонъ на городскомъ валу осталось множество убиты

кости убитыхъ каждымъ изъ этѣхъ народовъ сложены были въ отдѣльныя мѣста; но такъ какъ съ теченіемъ времени нѣкоторые черепа перемѣшались другъ съ другомъ, то различали ихъ только по тому, что черепа Персіянъ были такъ мягки и хрупки, что ихъ можно было пробить небольшимъ черепкомъ и легко раздробить; черепа же Египтянъ были такъ тверды, что ихъ едва можно было разбить большимъ крѣпкимъ камнемъ. Геродотъ самъ видѣлъ этѣ черепа и слышалъ отъ жителей этого мѣста объясненіе причины такого явленія, именно, что черепа Египтянъ крѣпки будьто отъ того, что съ дѣтства они брили головы свои, такъ съ непокрытыми головами ходили на солнцѣ, отъ чего и головы ихъ затвердѣли отъ солнечнаго жара. Черепа же Персіянъ мягки и хрупки по тому, что Персіяне постоянно кутаютъ свои головы въ теплыхъ Tiaris, или мендиляхъ, и шапкахъ. Такія шапки и повязки они не снимаютъ, ни когда молятся, ни при встрѣчѣ съ знатными, ни даже съ самимъ Шахомъ. По этому у нихъ теперь не въ обычаѣ уже, что пишетъ Евстафій (Eustathius) in Dionys. de situ orbis, именно, что если Персы хотятъ привѣтствовать кого, то снимаютъ съ головы повязку; вмѣсто этого они теперь только кланяются и прикладываютъ руку къ сердцу. Они носятъ длинные, до лядвей достигающіе, кафтаны изъ бумажной и шелковой матеріи разныхъ пестрыхъ цвѣтовъ. Бумажные кафтаны ихъ вообще украшены набивными или нарисованными цвѣтами; а по тому справедливо въ этомъ отношеніи говоритъ Аммiанъ на стр. 280: «Indumenta lumine colorum fulgentia vario»: Кафтаны этѣ выстегиваются на хлопчатой бумагѣ, подобно нашимъ тюфякамъ, напереди закидываются пола на полу и завязываются подъ мышкой лѣвой руки. На бедрахъ Персіяне повязываются особымъ платкомъ или поясомъ, называемымъ джаркеси (Tzarkesi), по тому что онъ бываетъ длиною въ 4 локтя. Если же чуть дозволяютъ достатки, то сверхъ этого они опоясываются еще другимъ, щегольскимъ шелковымъ поясомъ, который они называютъ шалью (Schal). Шали этѣ, равно какъ и платы на мендили, покупаются Индійскія, которыя вообще лучше и красками прочнѣе, чѣмъ Персидскія. Молла или Священникъ Персидскій, если носитъ такой поясъ, то снимаетъ его, когда стоитъ предъ алтаремъ, или готовится къ молитвѣ, въ знакъ своего смиренія передъ Богомъ. За такими поясами Персіяне носятъ иногда кин-

жалъ, ножъ, носовой платокъ, деньги, а если это писарь, то и всѣ письменныя принадлежности, точильный камень, а также и письма, подобно тому, какъ Русскіе носятъ все это въ сапогахъ. Поверхъ описаннаго кафтана Персіяне познатнѣе, а также и самъ Шахъ, носятъ еще короткіе плащи или капюшоны, называемые курди (Kurdi), достигающіе только до бедеръ; плащи этѣ безъ рукавовъ, спереди отвороты у нихъ сбложены, или обвѣшены до низу соболемъ, какъ у насъ женскія шубки. Когда Персіяне выходятъ куда, или выѣзжаютъ верхомъ, то посверхъ такой одежды надѣваютъ еще одинъ кафтанъ, обыкновенно шелковый, шитый золотыми цвѣтами; кафтанъ этотъ называется Якубъ Кани (Jakub Cahni), по имени того Шаха, который первый сталъ носить и ввелъ въ употребленіе его. Штаны у нихъ изъ бумажной матеріи, подъ колѣнами съуживаются, достигаютъ до щиколодки, надѣваются прямо на голое тѣло и шнуромъ собираются въ складки; чулки они носятъ суконные, скроенные безъ всякаго фасону, по чему всегда спускаются и мотаются около ногъ. Многіе Персіяне носятъ чулки изъ зеленаго сукна, что приводитъ въ негодованіе Турокъ, и составляетъ также остатокъ несогласія въ ихъ Вѣрахъ. Турки говорятъ, что Магумедъ носилъ шапку изъ зеленаго сукна, а этотъ цвѣтъ Персіяне безчестятъ, нося его на ногахъ. Башмаки у Персіянъ, кефсъ (Kefs), остроносые, съ низкими задками, такъ что они надѣваютъ ихъ, какъ мы наши туфли, легко и прямо, и тотчасъ снова могутъ снять ихъ. Если они хотятъ походить, или посидѣть у себя въ комнатахъ, то всегда снимаютъ башмаки и ставятъ ихъ у двери. Я часто удивлялся, когда въ Шамахѣ ходилъ бывало къ Хану, и онъ засѣдалъ въ Судѣ, какое множество паръ башмаковъ всегда стояло тамъ у двери: точно тамъ была башмачная лавка. Къ башмакамъ обыкновенно приставляется сторожъ, который, когда посѣтители выходятъ, подаетъ имъ башмаки особой палочкой, сдѣланной на подобіе вилки.

ГЛАВА XIII.

Объ одеждѣ женщинъ.

Одежда женщинъ еще легче мужской; онѣ не опоясываются вокругъ тѣла, штаны и рубахи носятъ по образцу мужчинъ; чулки у нихъ большею частію изъ краснаго и зеленаго бархата; на головѣ онѣ не носятъ ни какихъ особенныхъ украшеній, но заплетаютъ волосы въ косы, которыя и висятъ у нихъ спереди и сзади. Вокругъ щекъ и подбородка онѣ надѣваютъ рядъ, или два, жемчуга, или пряжки, такъ что у нихъ почти все лицо завѣшено жемчугомъ и пряжками, какъ это можно видѣть, съ изображеніемъ и остальной Персидской одежды, на прилагаемомъ при семъ рисункѣ. [1] Я полагаю, что подобный жемчугъ и пряжки были весьма древнимъ Восточнымъ украшеніемъ, ибо на нихъ указывается въ высокой пѣснѣ Соломона, именно тамъ говорится: твои ланиты прекрасно окаймлены пряжками, и шея твоя въ цѣпяхъ. [2] Дѣвицы носятъ также въ правой ноздрѣ кольца, съ драгоцѣнными каменьями, подобно описаннымъ выше Татарамъ; пальцы свои онѣ украшаютъ кольцами, а руки широкими, изъ листоваго серебра выбитыми, браслетами. Кольца же, которыя носятъ на пальцахъ мужчины, должны быть, по закону Магумеда, не золотыя, а только серебряныя; по этому-то Государственный Канцлеръ, Сару Тагги (Taggi), когда наши Посланники подарили ему прекрасный брильянтовый золотой перстень, тотчасъ же приказалъ вынуть брильянтъ изъ золота, вдѣлать его въ серебряное кольцо, и въ такомъ видѣ поднесъ его въ даръ Шаху. Женщины, выходя на улицу, лица не показываютъ и покрываются

---

[1] Подлин. стр. 485. О. Б.

[2] Греч. (Polyglotten-Bibel, v. Stier u. Theile; Bielefeld, 1854) гл. 1, ст. 10: Τί ὡραιώθησαν σιαγόνες σου ὡς τρυγόνες, τράχηλός σου ὡς ὁρμίσκος. Тоже Греч. по 70, изд. Тишендорфа (Lipsiae, 1850): Τί ὡραιώθησαν σιαγόνες σου ὡς τρυγόνος, τράχηλός σου ὡς ὁρμίσκοι. Вульгата: Pulchrae sunt genae tuae sicut turturis, collum tuum sicut monilia. Нѣмецк. у Лютера: Deine Backen stehen lieblich in den Spangen, und dein Hals in den Ketten. Славян., 1, 9: что украшенни ланити твоя яко горлицы, выя твоя яко монисты. О. Б.

длиннымъ, съ головы до лядвій висящимъ на нихъ, бѣлымъ покрываломъ, оставляя только у лица небольшую прорѣху или отверстіе, черезъ которое едва только могутъ видѣть куда итти. Подъ такими покрывалами скрываются часто прекрасныя, а иногда подъ изящными покровами и отвратительныя лица. Что случилось однажды со мною въ Ардебилѣ въ этомъ отношеніи, я разсказалъ въ моей Персидской «Долинѣ розъ», при 56-й пословицѣ въ 8-й книгѣ. Богатый мыслію, Персидскій поэтъ Шихъ-Саади (Schich Saadi) пользуется этѣмъ обычаемъ покрывать лицо, для сравненія, въ описаніи человѣка, который на словахъ и въ движеніяхъ кажется и хорошъ, но если разсмотрѣть его жизнь и поступки, то найдешь совсѣмъ другое. Стихъ его объ этомъ заключаетъ слѣдующее:

پس قیامتر خوشکه زیر چادر بلند ﭼ
چون بانرکي مادر بلند :.:

«Многихъ считаютъ красавицами, когда они закутаны въ покрывало; но когда онѣ снимутъ его, то смотрятъ точно старыя маменьки.»

Достойно похвалы въ Персіянахъ то, что они очень опрятно и чисто держатъ какъ свои покои, такъ и одежду. У знатныхъ людей хоть немного запачкается, или замарается чѣмъ платье, они тотчасъ же его оставляютъ; простолюдины же почти еженедѣльно моютъ свои одежды, что совершенно противоположно обыкновенію Русскихъ; ибо у этѣхъ послѣднихъ болѣе грязныя и блестящія отъ пятенъ, чѣмъ чистыя платья, точно также какъ и избы Русскихъ простолюдиновъ далеко не такъ чисты, какъ Персидскія конюшни.

Чистота же одежды соразмѣрна съ чистотою природы, Сенека очень хорошо говоритъ объ этомъ въ 379 письмѣ (ed. Antverpiae, 1605): «Mundae vestis electio appetenda est homini; natura enim homo est mundum et elegans animal». Должно любить чистую одежду, ибо человѣкъ отъ природы есть чистое и красивое животное; quod de veste dixi (пишетъ онъ далѣе весьма умно), idem de corpore me dixisse existima. Nam hoc quoque natura ut quandam vestem animo circumdedit, velamentum ejus est». Что сказалъ я

бъ одеждѣ, то желаю, чтобы разумѣли и о тѣлѣ, которое сть такая одежда и покровъ души, чтобы и въ ней не было ни акого грязнаго обычая и порока, въ чемъ Персіяне, впрочемъ, казываются очень несостоятельны, какъ это мы скоро увидимъ.

ГЛАВА XIV.

О внутренней природѣ и нравахъ Персіянъ.

Персіяне отъ природы одарены отличными способностями и орошимъ разсудкомъ, остроумны и любознательны, отъ этого ежду ними есть много превосходныхъ поэтовъ, которые пишутъ озвышенныя творенія и вообще держатъ свободныя искуства на ысокой степени. Нравомъ они не горды, такъ чтобы презирать оихъ ближнихъ, но ласковы и общительны, обращаются со всѣ-и, особенно съ иностранцами, весьма дружески; въ разговорахъ потребляютъ особую вѣжливость и благорасположеніе; такъ, на римѣръ, если они приглашаютъ кого къ себѣ въ домъ, то гово-ятъ: «Удостой облагородить домъ мой своимъ присутствіемъ»; акже: «Я предаю себя тебѣ въ жертву»; или: «Повергаюсь къ гопамъ твоимъ; зрачекъ глазъ моихъ отдаю, чтобъ онъ по-лужилъ тропинкою для ногъ твоихъ» и проч. и проч. Такимъ бразомъ они умѣютъ, также какъ Французы, и даже еще лучше, вертывать изысканныя и льстивыя слова; но, какъ справедливо амѣчаетъ Амміянъ Марцеллинъ, въ приведенномъ уже неодно-ратно мѣстѣ, слова этѣ часто бываютъ только пустою скорлупой, abundantes sunt verbis inanibus».

Вспомнилъ я при этомъ, какъ разъ одинъ Персіянинъ при-шелъ къ нашему врачу жаловаться на сильную боль въ ляшкахъ, думая, что у него камень, и просилъ лѣкарства, а когда тотъ по-могъ ему, то онъ предлагалъ врачу свою голову; когда же я амѣтилъ: «Какая же тебѣ польза, что ты здоровъ, если сей-часъ же долженъ будешь отдать голову»? онъ отвѣчалъ: «По тому-то я и не сдѣлаю этого, а это только такъ говорится у насъ».

Дѣеписатели обыкновенно дѣлаютъ упрекъ Персамъ, что они скупы на правду, и даже считаютъ почти за простака того, кто всегда говоритъ истину. У нихъ вовсе не считается оскорбленіемъ говорить другъ другу: «Drugh mikui», или по Турецки: «Galan dierfen», т. е., ты говоришь неправду, ты лжешь. Гонорій, тотчасъ въ началѣ своего «Tractatus de statu Regni Persici (Thesaurus politicus. Francofurti, 1617) говоритъ: «Eae nationes sunt natura mendaces»; также Горацій, lib. 2. Epistol: «mendatior Parthis»; и Юстинъ, lib. 41, c. 3: «Fides dictis promissisque nulla, nisi quatenus expedit». Они мало исполняютъ слово, развѣ когда видятъ въ томъ свою выгоду. Но въ древнія времена это было не такъ. Геродотъ пишетъ, въ 1-й книгѣ, § 138: «Turpissimum apud Persas ducitur mentiri, secundo loco, aes alienum, debere tum ob alias multas causas, tum quod necessum sit eundem, qui debet, mendacio quoque obnoxium esse».

Ложь считалась у нихъ главнѣйшимъ порокомъ и дѣлала лжеца какъ бы должникомъ другого; кромѣ разныхъ другихъ причинъ, считалась такъ главнымъ образомъ по тому, что должникъ обыкновенно пробивается (помогаетъ себѣ) ложью. Юношей своихъ они также наставляли главнымъ образомъ въ слѣдующихъ 3-хъ вещахъ: крѣпко держаться и ѣздить на лошади, употреблять лукъ и стрѣлы и говорить правду, какъ это можно читать у Геродота въ 1 кн., § 136.

Въ то время, по ученію Платона, у Персіянъ не могло быть и никакихъ врачей; ибо въ 3 книгѣ «De Republica (Lugduni 1590, p. 433), онъ говоритъ, что однимъ только врачамъ лгать не запрещается. Можетъ быть, Персіяне унаслѣдовали ложь съ Греческой Монархіей и научились лгать отъ Грековъ, которые въ отношеніи къ правдѣ, вѣрности и вѣрѣ, всегда пользовались дурной славой.

Но Персіяне пребываютъ вѣрны другъ другу, если заключаютъ между собой особую дружбу; ибо у нихъ есть обычай вступать въ союзъ другъ съ другомъ и на все время ихъ жизни держать вѣрную дружбу и братство; дѣлается же это у нихъ, не такъ какъ у насъ, за попойкой и посредствомъ питья другъ съ другомъ, но слѣдующимъ образомъ:

Такъ какъ Персіяне даютъ большое значеніе фамиліямъ и родамъ, то всѣ, достигшіе совершеннолѣтія, мужчины ежегодно собираются однажды вмѣстѣ, бесѣдуютъ о своихъ состояніяхъ и потѣшаютъ себя пирушкою. Если окажутся здѣсь между ними такіе, которые пожелаютъ питать другъ къ другу особую любовь и заключить между собою вѣчную дружбу, то они говорятъ: «Будемъ братьями». Это случается большею частію между двумя парами. А такъ какъ братья должны имѣть и отца, то они выбираютъ изъ остальныхъ еще одного, къ которому имѣютъ полное довѣріе, подходятъ къ нему, хватаютъ его за край кафтана и говорятъ: «Мы выбираемъ тебя въ нашего Бабба, или отца»! и тотъ отказываться не можетъ. Тогда этѣ трое идутъ впередъ и отправляются къ Калифу (Kalife), котораго имѣетъ у себя каждый родъ, цѣлуютъ у него руку, въ знакъ своего союза, и испрашиваютъ у него благословенія; для этого каждый ложится, одинъ за другимъ, животомъ на землю, сперва отецъ, а потомъ братья, и Калифъ ударяетъ каждаго изъ нихъ посохомъ по спинѣ три раза, произнося, за первымъ ударомъ: «Алла!» за вторымъ: «Магумедъ!» и за третьимъ: «Аали»! За тѣмъ отецъ съ братьями цѣлуютъ посохъ, чѣмъ и связуется союзъ дружбы. Тѣ братья крѣпко и вѣрно живутъ другъ съ другомъ, даже болѣе, чѣмъ кровные братья, и говорятъ, что въ будущей жизни они прежде и блаженнѣе соединятся, чѣмъ кровные братья; ибо они были духовными братьями. О такой дружбѣ, что она должна соблюдаться нерушимо, и что скорѣе можно надѣлать другіе большіе грѣхи, чѣмъ измѣнить ей, Персіяне сложили пословицу, которую, впрочемъ, они часто повторяютъ, говоря и объ обыкновенной дружбѣ, а именно:

Mei buchur munber bussusan oteschi ender chirkhe sen,
Sakini but chane basch merdum asari mekun.

Пей вино, зажги въ церкви каѳедру, подпали кафтанъ Абдалы, дозволь себѣ войти въ капище идолопоклонниковъ (все это вещи, высшей степени воспрещаемые), но только не оскорбляй друга твоего!

Если случится, что между такими братьями возникнетъ большое неудовольствіе, то они должны примириться снова открыто

на собраніи въ слѣдующемъ году; тогда считающій себя об-женнымъ приходитъ къ двери обидчика, печально опуст[illegible] внизъ руки и голову, стоитъ тамъ до тѣхъ поръ, пока обид[illegible] трижды не пригласитъ его къ себѣ въ домъ. Послѣ этого [illegible] идутъ вмѣстѣ въ собраніе, отдаютъ тамъ себя на судъ, и кто [illegible] нихъ окажется болѣе виновнымъ, тотъ обязанъ, ради примире[illegible] задать пирушку, на которой братьевъ снова благословляютъ, [illegible] и въ первый разъ.

Вообще же Персіяне склонны на доброе дѣло, благод[illegible] къ тѣмъ, которые подарили имъ что либо, но и страш[illegible] отношеніи къ своимъ оскорбителямъ. Они также храбры, [illegible] изъ себя добрыхъ воиновъ, и часто отваживаютъ жизнь с[illegible] на видимую опасность. По наружному виду они тоже скром[illegible] стыдливы: «Nec stando mingens, nec ad requisita naturae sedens [illegible] visitur Persa», справедливо говоритъ Амміянъ Марцеллинъ въ пр[illegible] денномъ уже неоднократно мѣстѣ, т. е., не легко увидѣть Персія[illegible] отправляющаго свою малую нужду; для этого они всегда сад[illegible] на корточки, и за тѣмъ обмываютъ уды (pudenda) и пальцы. [illegible] этому на свадьбахъ ихъ и пирушкахъ, въ сокровенныхъ мѣст[illegible] всегда уже стоитъ нѣсколько кувшиновъ съ водой. Посему так[illegible] когда они проходятъ мимо проточной воды, или рѣки, къ кото[illegible] можно подойти, то всегда почти присаживаются подлѣ, отъ [illegible] Турки ради брани называютъ ихъ херъ-шагеи (Cher Schahei), т. [illegible] ослами Шаха (именно Аали); ибо оселъ, переходя черезъ р[illegible] всегда мочится. Въ противуположность этому Персіяне назы[illegible] Турокъ сексюнни (Seksünni) за то, что они, подобно соба[illegible] мочатся на стѣну, что обыкновенно дѣлаютъ Турецкіе вои[illegible] простолюдины. Знатные же и почтенные люди также прис[illegible] ваются для этого на карточки. Сдѣсь упомяну еще слѣдующ[illegible] ни Персіянинъ, ни Турокъ, для отправленія своихъ надоб[illegible] стей, отнюдь не присядетъ, обратившись спиною, или лиц[illegible] на полдень, по тому что они обращаются туда лицемъ во вре[illegible] молитвы.

ГЛАВА XV.

О великомъ любодѣяніи въ Персіи.

Въ сладострастіи и нецѣломудріи Персіяне ни на волосъ не уступятъ ни какому другому народу; ибо, кромѣ того, что они имѣютъ по нѣскольку женъ, они сильно предаются и любодѣйству. Во всѣхъ городахъ (за исключеніемъ Ардебиля) содержатся открытые дома терпимости, покровительствуемые и Правительствомъ. Когда мы стояли въ Шемахѣ, и одинъ изъ нашихъ солдатъ, побывши въ такомъ мѣстѣ, не уплатилъ слѣдуемаго, то на него подана была жалоба Хану. Ханъ же прислалъ къ нашимъ Посланникамъ съ просьбою заставить солдата уплатить. Ибо Kabeh (такъ называются по Турецки непотребныя женщины) платитъ большую подать, то справедливость требуетъ, чтобы онѣ получали свое.

О томъ, какъ потѣшаются такими общественными женщинами на пирушкахъ, сказано мною уже выше, въ 44-й главѣ 4-й книги. Кажется, что у Персіянъ это былъ древній обычай. Такъ, когда однажды Аминта, Царь Македонскій, на одной пирушкѣ роскошнѣйшимъ образомъ угостилъ Персидскихъ Пословъ, то Послы эти пожелали еще дѣвицъ, говоря: «Nobis Persis consuetudinis est, quoties magnam exhibuimus coenam, tunc etiam concubinas ad assidendum introducere», то есть, такъ какъ Царь угостилъ ихъ богатѣйшимъ образомъ, недостаетъ еще только того, чтобы приказалъ онъ, по обычаю Персовъ, доставить имъ и дѣвицъ. Когда же, для того чтобъ хоть нѣсколько исполнить ихъ желаніе, привели на пиръ нѣсколькихъ женщинъ и посадили ихъ насупротивъ Пословъ, то этѣ послѣдніе заявили, что отъ этого только больно глазамъ ихъ; почему просили, для того чтобы поласкать женщинъ, имъ дозволено было перейти на ихъ сторону; хотя и въ этомъ имъ также дано было согласіе, но какъ произошло далѣе самое возлежаніе, и какъ Послы должны были воротиться домой безъ головъ, подробнѣе обо всемъ томъ можно читать у Геродота, въ книгѣ 5-й, гл. 19, стр. 296 и слѣд.

Шахъ Сефи самъ содержалъ нѣсколько такихъ женщинъ, которыя часто прислуживали ему для забавы, но только плясками и скоморошествомъ, какъ говорили онѣ. По этому такія женщины должны быть не только красивы, но искусны какъ въ пляскѣ, такъ и во всякаго рода забавныхъ представленіяхъ.

Такихъ женщинъ и нынѣ возитъ Шахъ съ собою и въ походъ, подобно тому, какъ дѣлали это искони древніе Цари. Царь Дарій возилъ съ собою 360 непотребныхъ женщинъ, всѣхъ въ Царскихъ украшеніяхъ и во всемъ ихъ порядкѣ, какъ свидѣтельствуетъ Курцій, описывая походъ этого Царя.

Но гнуснѣе всего то, что у Персіянъ въ полномъ ходу и обычаѣ постыднѣйшій порокъ, называемый у насъ Содомитскимъ «pueros muliebria pati assvetos», какъ говоритъ приведенный выше писатель (lib. 3, ст. 7). За этотъ порокъ Государственный Канцлеръ потерялъ свое patrimonium, какъ уже выше упомянуто мною въ 4 книгѣ, и порокъ этотъ самый древній и былъ у нихъ въ ходу съ давнѣйшихъ временъ. Хотя Геродотъ и говоритъ, что Персы научились этому пороку у Грековъ, и именно отъ Ѳивскаго Царя Лаюса (Lajus), qui primus formosum puerum amoribus arsisse, et Chrysippum, filium Penelopis, rapuisse dicitur. Ex quo factum, ut honestum apud Thebanos amare elegantes (referente Aeliatno, lib. 11 pag. 15. variarum histor.). Plutarchus (Francof. 1599, p. 857) vero de malignitate Herodoti dicit: «Persas Graecis hujus impuritatis mercedem debere». Но Персы знали этотъ порокъ и прежде, до знакомства своего съ Греками. Шахъ Сефи также заподозрѣнъ въ этомъ порокѣ; по этому онъ не преслѣдовалъ его и въ другихъ. Намъ разсказывалъ Рудольфъ Штадлеръ, часовщикъ, котораго Шахъ приказалъ изрубить саблями, что въ 1634 году, когда Шахъ Сефи отправился съ войскомъ своимъ въ походъ, для взятія города Ервана, то при этомъ находился одинъ военачальникъ, имѣвшій при себѣ одного красиваго и скромнаго мальчика. Однажды, возвратившись изъ Царскаго стана весьма пьянымъ домой, начальникъ этотъ вздумалъ было силою заставить этого мальчика уступить его страсти; ибо прежде уже нѣсколько разъ добромъ онъ того чего добиться отъ него не могъ. Мальчикъ же, увидавши, что уже не можетъ ни какъ защититься отъ своего преслѣдователя

хватилъ кинжалъ, заткнутый за поясомъ начальника, по обычаю Персовъ, и пронзилъ имъ его въ сердце. На слѣдующее утро, когда Офицеры явились для службы къ Шаху, и между ими не оказалось убитаго, Шахъ спросилъ, гдѣ онъ? бо любилъ видѣть при себѣ отсутствующаго болѣе другихъ. му отвѣчали, что начальникъ тотъ не будетъ уже служить Шаху, бо его мальчикъ закололъ его. Потребованный къ Шаху мальчикъ разсказалъ ему все дѣло: какъ сперва сказанный начальникъ нѣсколько разъ склонялъ его на порокъ, къ которому онъ иалъ отвращеніе, и какъ, наконецъ, вчера онъ силою хотѣлъ довлетворить своему желанію, и онъ, мальчикъ, ни какимъ друимъ образомъ не могъ защититься отъ насилія, какъ только оступивши такъ, какъ онъ поступилъ, и по тому просилъ о помиловании его. Но Шахъ жестоко разгнѣвался, приказалъ мальчика затравить собаками, и такъ какъ приведенныя для этого перва двѣ собаки не брали его, то добыто было два большихъ англійскихъ догга, которые должны были напасть на мальчика бегу: этѣ настигли и растерзали его. Такой способъ казни рѣдокъ у Персіянъ. Это ужасное зрѣлище, вмѣстѣ съ другими, видѣлъ и сказанный Рудольфъ, который также находился тамъ числѣ слугъ Шаха. Но послѣ этого въ Шаховомъ станѣ сталъ необычайный моръ, такъ что въ короткое время умерло сколько тысячъ людей.

Что Персіяне даютъ уже слишкомъ большую волю своимъ плотскимъ желаніямъ, къ тому не мало подаетъ поводъ ихъ лжепророкъ, Магумедъ, который, будучи самъ сладострастнымъ псомъ, въ мѣру уже дозволилъ плотское наслажденіе въ угоду людямъ. Они вѣрятъ даже, благодаря ихъ ложному ученію, что такое наслажденіе составитъ большую долю радостей въ жизни вѣчной, отъ чего и самая вѣра сдѣлалась пріятнѣе народу невѣжественному. Объ этомъ можно прочесть дополненіе къ Алкорану у Библіандра (Bibliandro), стр. 175; тамъ развратитель говоритъ: «Si ullum oblectamenti genus in Paradyso deesset, beatitudo minime plena esset. Frustra ergo deliciæ adessent, si voluptas deesset. Quinimo si id volunt, praesto est, et quascunque et quomodocunque volunt, habent, et qualiter, et ubi, et quando, et quantum, et quotieus volunt, sine mora et difficultate, ita quidem, quod quas hiç habuerint

uxores fideles, habebunt et illic, caeterae concubinae erunt. Ancillarum vero non erit numerus».

Для возбужденія и усиленія сладострастія Персіяне употребляютъ всевозможныя средства; на пирушки свои они призываютъ плясуновъ и плясуній, которые пляшутъ съ совершенно непристойными и страстными тѣлодвиженіями и возбуждаютъ въ зрителяхъ пожеланія. Пляску они чрезмѣрно любили всегда, какъ говоритъ Геродіанъ (Herodianus, lib. 14. histor. Francof., 590, pag. 552). Многіе изъ нихъ употребляютъ въ большомъ количествѣ конопляное сѣмя и листья, которыя будьто укрѣпляютъ природу и дѣлаютъ ее болѣе пылкою къ плотскимъ наслажденіямъ. Наши же травники (Herbaria) всѣ приписываютъ коноплѣ совершенно противное дѣйствіе, а именно, что отъ нея природа холодѣетъ, ослабѣваетъ и портится. Не знаю, какъ служитъ конопля для достиженія ихъ цѣли; ибо она производитъ скопленіе вѣтровъ (flatulentiam); или же, можетъ быть, растеніе это въ ихъ жаркой мѣстности и въ ихъ природѣ имѣетъ иное свойство. Приготовляется конопля для такого употребленія слѣдующимъ образомъ: собираютъ съ нея листья прежде еще, чѣмъ покажется на стеблѣ сѣмя, высушиваютъ ихъ въ тѣни, стираютъ въ порошокъ, замѣшиваютъ съ медомъ и дѣлаютъ изъ этого шарики величиною съ голубиное яйцо; шарики этѣ ѣдятъ по два, или по три, и тѣмъ съѣвшій ихъ готовъ въ дѣло. Они поджариваютъ также конопляныя зерна, посыпаютъ ихъ солью и ѣдятъ, вмѣсто лакомства. Персидскій Посланникъ въ Голштиніи, Имамъ-Кули-Султанъ, человѣкъ 70 лѣтъ, употреблялъ это средство постоянно въ дорогѣ, послѣ того, какъ въ Асрахани взялъ себѣ молодую жену.

Впрочемъ тѣ, которые употребляютъ этѣ средства, въ Персіи у почтенныхъ людей не пользуются доброй славой; люди этѣ зовутъ ихъ бенги (Bengi), киди-бенги (Kidibengi), т. е., обжоры конопляные, или цапли конопляныя и развратныя собаки. Они говорятъ даже, что это большой грѣхъ, равный тому, какъ еслибы кто свою мать обезчестилъ на гробѣ Магумеда; но предающіеся сладострастію не очень-то считаютъ это грѣхомъ.

Удовлетворившіе свою похоть думаютъ, что если только наружно очистить себя, то самое дѣло ни чего не значитъ;

ому въ Персіи множество общественныхъ бань во всѣхъ мѣстахъ, въ этѣхъ баняхъ они собираются во множествѣ и тотчасъ посѣ совокупленія. Нѣкоторые, не могущіе выносить бани, окачиють все тѣло водою; отъ этого-то въ домѣ, въ извѣстномъ мѣѣ, вода всегда уже стоитъ на готовѣ.

ГЛАВА XVI.

) домоводствѣ Персіянъ, и въ особенности о стряпнѣ и погребѣ, или объ яствахъ и напиткахъ.

Домоводство у Персіянъ вообще недорогое; хозяйство ихъ дому, т. е., содержаніе поварни и погреба, если только немного нъ, требуетъ незначительныхъ издержекъ. Бумажные и шелные товары, какъ туземные и тамъ же производимые, стоятъ рого. Домашней утвари у нихъ немного, нѣтъ ни ларей, шкафовъ, и если комнаты у нихъ устланы на полахъ коврами, юловая снабжена рисомъ, то имъ остается покупать только о, которое вездѣ очень дешево, за исключеніемъ Испагани; народу въ Испагани чрезвычайно много и продовольствіе доставляется изъ другихъ мѣстъ. Плоды, которые ѣдятъ во множествѣ, доставляетъ имъ садъ, находящійся при домѣ, ігребъ ихъ составляетъ протекающая вблизи рѣка, или источь. Покои ихъ устланы коврами, по которымъ они ходятъ въ ахъ, и сидятъ. Въ комнатахъ ихъ не допускается ни какой неоты, собакъ въ нихъ не бываетъ, и вообще для сору имѣются юкояхъ особые, приспособленные къ тому, горшки, назыые тюфтанъ (Tüfthan), которые всегда они ставятъ подлѣ и, при ѣдѣ плодовъ и кушаній, бросаютъ въ нихъ корки неиужные объѣдки, равно какъ и плюютъ въ нихъ. Такихъ гановъ всегда вдоволь при пиршествѣ, такъ что непремѣнно ится между двумя гостями по одному.

Что дѣлаютъ Персіяне зимою для доставленія себѣ тепла и еженія топлива, и какъ употребляютъ они тенуръ (Tenur)

для печенія и жаренія своихъ кушаній, о томъ сказано уже выше, въ 6-й главѣ этой 5-й книги. *

Для варки кушаній Персіяне употребляютъ горшки изъ луженой мѣди и обожженной земли (глины), и горшки эти у которыхъ старательно вмазаны въ очаги, походятъ на наши гонныя (дистилляціонныя) печи. Топливо у нихъ, смотря по области, составляютъ лѣсъ, солома, коровій и верблюжій Блюда у нихъ мѣдныя, чисто и тонко выточенныя и вездѣ вылуженныя, такъ что ихъ можно принять за серебряныя. У въ большомъ ходу также фарфоровыя блюда и другая посуда, по селеніямъ большею частію земляные, изъ обожженной сосуды. Что касается кушаній ихъ, то вообще онѣ не и Персіяне довольствуются малымъ. По этому у нихъ нѣтъ въ чемъ обвиняетъ ихъ Бизаръ (Bizarus lib. 12, p. 333), будто говядина у Персіянъ дорога такъ по тому, что они ужасно вы; такъ, старики будьто бы ѣдятъ по 4 раза въ день; ку же должны были ѣсть молодые ихъ люди? Но Бизару я вопоставлю Юстина (Argentorati, 1631, lib. XLI, c. 3, p. 144), торый говоритъ: «Persae sunt in cibum parci»; Атенея (Lugduni vor. 1597), который свѣдѣтельствуетъ: «Paucis cibis utuntur et bellariis multis»; также Александра ab Alexandro «Dies (Francof., 1594), заимствуя изъ котораго Штуке (Stuckius), Antiquit. convival. (Tiguri, 1582, lib. 1, c. 11, p. 26), что Персіяне ѣдятъ едва однажды въ день, и именно въ Съ этѣми тремя послѣдними писателями соглашаюсь и я; ибо шинство Персіянъ въ теченіи дня дѣйствительно ѣдятъ едва полный обѣдъ; но, кромѣ того, они ѣдятъ немного масла, садовыхъ плодовъ; впрочемъ, видѣлъ я и такихъ, которые въ день по два раза вареныя кушанья. Главное блюдо ихъ, всегда подаютъ прежде всего, составляетъ простой разваренный рисъ; называютъ они его плау (Plau), и на этотъ рисъ обыкновенно вареную баранину. Кромѣ того, рисъ же приготовл они различнымъ образомъ, мѣшаютъ его съ коринкой, подкрашиваютъ гранатовымъ, или вишневымъ, сокомъ,

---

* Въ подлинникѣ сказано: 4-й книги, по ошибкѣ. Перев.

шафраномъ, а отъ Шахскаго стола мы получали бывало на одномъ блюдѣ рисъ, наложенный въ извѣстномъ порядкѣ, различныхъ цвѣтовъ.

Они укладываютъ еще рисъ жареными курами и рыбой, также шпинатомъ, кислымъ щавелемъ и бѣлой капустой; сѣрой капусты они не употребляютъ. У нихъ есть разнаго рода пернатая дичь, которую они и ѣдятъ также, какъ и мы, за исключеніемъ индѣекъ. Намъ разсказывали, что одинъ Грузинскій купецъ привезъ, во времена еще Шаха Абаса, нѣсколько индѣекъ изъ Венеціи въ Испагань, и ему давали за каждую по одному тумену или по 16-ти рейхсталеровъ. Но куропатокъ и фазановъ у нихъ довольно, и тамъ, гдѣ онѣ водятся, очень дешевы.

Хотя Персіяне употребляютъ рисъ вмѣсто хлѣба, но все же они имѣютъ и разнаго рода хлѣбы, изъ пшеницы печеные, таковы: комачъ (Komatsch), печенье, толщиною въ 3 пальца и длиною полъ локтя слишкомъ; лавашъ (Lawasch), круглый хлѣбъ, въ полъ дюйма толщиною; пеасекеше (Peasekesche), длиною въ локоть; его налѣпляютъ на домовую печь или тенуръ (Tenur), и проводятъ по немъ борозды пятью пальцами (отъ которыхъ онъ получилъ и свое названіе); сенгекъ (Sengek), взбиваемый на горячихъ булыжникахъ, которыми обкладываются нѣкоторыя печи, отъ чего хлѣбъ этотъ горбоватый; юха (Jucha), тонкое печенье, почти какъ бумага, длиною въ локоть и такое же почти въ ширину; употребляютъ его вмѣсто салфетокъ, или передниковъ, и вытираютъ имъ пальцы; ибо рисъ съ блюда Персіяне берутъ прямо 4-мя первыми пальцами и ими же подносятъ его въ ротъ. Они и мясо также разрываютъ пальцами, почему у нихъ очень рѣдко увидишь, чтобы употребляли ножъ за едою. Когда юха отслужитъ свое назначеніе, то ее разрываютъ на куски, завертываютъ въ нихъ кусочки мяса, или рисъ, и все это съѣдаютъ, иногда же она съѣдается и одна безъ мяса и рису.

Для супу самыя употребительнѣйшія у нихъ, даже за Царскимъ столомъ, не серебряныя, какъ у насъ, но деревянныя, ложки, овальныя, съ тонкой, въ полъ локтя длиною, ручкой; такого рода ложку я привезъ съ собою домой.

Напиткомъ большей части Персіянъ, особенно простаго на-рода, служитъ только вода, иногда смѣшанная съ душабомъ и небольшимъ количествомъ уксусу. Вино хотя и недорого; ибо, на-примѣръ, въ Эракѣ, Адирбеджанѣ и Ширванѣ, одинъ лулей (Lülein) (такой же величины, какъ наша мѣра, или кружка) стоитъ два, или 3, гроша; но такъ какъ, по закону ихъ, оно воспре-щается, то отъ этого очень многіе Персіяне совсѣмъ не пьютъ ви-на, также какъ и хаджи (Hatzi), т. е., бывшіе въ Меккѣ и Меди-на поклоненіи у гроба Магумеда, которые во всю жизнь свою уже не должны пить ни какого вина. Но есть, однако жь, и много такихъ Персіянъ, особенно состоящихъ при Дворѣ, которые страстно любятъ вино и которые думаютъ, что грѣхъ этотъ бу-детъ отпущенъ имъ тѣмъ же средствомъ, какимъ отпускаются другіе грѣхи, и если только они не сами дѣлаютъ вино, то спо-койно дозволяютъ себѣ угощаться имъ. Послѣ обѣда всегда, и главнымъ образомъ на пирушкахъ ихъ, обносится въ кругу теплая вода, для омовенія засаленныхъ жиромъ рукъ.

ГЛАВА XVII.

О другихъ предметахъ, употребляемыхъ Персіянами кромѣ необходи-мыхъ яствъ и напитковъ, именно: объ опіумѣ, табакѣ, кофеѣ и чаѣ.

Персіяне, хотя не всѣ, но весьма многіе, имѣютъ привычку … вольно часто принимать опіумъ, называемый ими офіунъ (Offiun) … также тирякъ (Tiriak), который дѣлаютъ они въ видѣ круглыхъ ша-риковъ, величиною съ горошину, и шарики этѣ просто глотаютъ. Привыкшіе къ нему, могутъ употреблять его по половинѣ кван-тина [1] (Quentin) и даже болѣе; нѣкоторые же принимаютъ … черезъ день и черезъ два на третій, когда захотятъ толь-ко быть въ туманѣ и какъ бы выпивши. Опіуму въ Персіи въ … ныхъ мѣстахъ, особенно же въ Испагани, собирается …

---

[1] Мѣра вѣса, равная 2-мъ лотамъ. Перев.

много. Для этого маковыя головки, еще зеленыя, надрѣзываютъ, и изъ надрѣзокъ этѣхъ выступаетъ бѣловатый сокъ, который, когда немного постоитъ и сдѣлается чернымъ, снимаютъ, и тогда онъ уже дѣлается годнымъ къ употребленію. Персидскіе аптекари и продавцы москательныхъ товаровъ выручаютъ отъ опіума огромную прибыль, по тому что потребляется его весьма много.

Но опіумъ не въ одной только Персіи: онъ въ большомъ употребленіи также въ Турціи и Индіи. Беллони (Belloni, Observationes singularium et memorabilium rerum in Graecia Asia, Aegypto aliisque provinciis conspectarum, per Carolum Clusium. Raphelingii, 1605), въ 3-й книгѣ, въ главѣ 15-й, пишетъ, что въ Турціи нѣтъ человѣка, который бы, имѣя одинъ пфеннингъ, не отдалъ половину его на опіумъ. Онъ разсказываетъ, что во время пребыванія его тамъ, 50 верблюдовъ, нагруженныхъ опіумомъ, прошли изъ Малой Азіи въ Турцію, Персію и Индію. Одинъ янычаръ въ его присутствіи проглотилъ разъ полквентина, и въ немъ не было ни чего замѣтнаго отъ такого пріема, кромѣ только того, что на ходу онъ нѣсколько покачивался. Персіяне увѣряютъ, что опіумъ придаетъ смѣлость и бодрость духа, полагаю я, въ родѣ того, какъ бываетъ у пьянаго, «qui in bellum trudit inermem.»

Нѣкоторыя женщины, дурно живущія съ своими мужьями, не привыкши къ опіуму, сокращаютъ имъ иногда свою безотрадную жизнь. Онѣ принимаютъ его разомъ въ большомъ количествѣ, и запиваютъ его водою.

Персіяне любятъ также безъ мѣры и табакъ, и всякаго званія люди встрѣчаются у нихъ вездѣ, даже въ храмѣ, сидящими и курящими.

Табакъ привозятъ они изъ Багдада или Вавилона и изъ Курдистана, гдѣ онъ растетъ въ изобиліи. Но Персіяне не умѣютъ приготовлять его, и сушатъ его просто, какъ и другія травы. Въ Испагани цѣлыя лавки полны табакомъ, гдѣ онъ сложенъ въ большихъ мѣшкахъ, и листья его крошатъ такимъ образомъ, что онъ принимаетъ видъ скошенной травы. Они очень любятъ

Европейскій табакъ, называя его Инглисъ тамбаку (Inglis Tambaku), по тому что привозятъ его туда преимущественно Англичане. Когда я, бывши въ Шамахѣ, подарилъ своему учителю, о которомъ я упоминалъ выше, кусочекъ такого табаку длиною въ палецъ, то онъ былъ очень доволенъ и готовъ всѣ для меня услуги. Обыкновенный способъ пить (т. е., курить) табакъ у нихъ слѣдующій: берутъ стеклянную флягу, или кружку, Индійскій орѣхъ, или кабабъ (kabab) (жесткую кору особого рода тыквы), и наливаютъ ее болѣе, чѣмъ на половину, водою, смѣшиваемою иногда съ благовонною водою; затѣмъ сверху проводятъ въ эту воду трубочку, а на ней придѣлывается чашечка, въ которую накладываютъ табакъ, а на табакъ горячій уголь. Наконецъ, другую трубочку, величиною съ локоть, или два, вводятъ въ сосудъ надъ водою, и чрезъ эту вторую трубочку втягиваютъ въ себя воздухъ; отъ этого, такъ какъ трубочки вставляются въ сосудъ плотно, табачный дымъ проходитъ черезъ воду, въ которой и осаждаются черныя и жирныя части. Нѣкоторые же, за недостаткомъ сосудовъ, тянутъ дымъ по нашему, сквозь длинныя деревянныя трубки, у которыхъ на переднемъ концѣ придѣлывается изъ обожженной глины наконечникъ съ отверстіемъ, который и берутъ въ ротъ.

Когда курятъ табакъ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, Персіяне попиваютъ и горячую черную воду, называемую кофе (Cahwae). Это отваръ плода, получаемаго сдѣсь изъ Мисера (Misser) или Египта, походжаго въ сущности на Турецкую, а внѣшнимъ видомъ на нашу пшеницу; величиною же плодъ этотъ съ Турецкій бобъ и даетъ бѣлую муку. Зерна поджариваются, или скорѣе ихъ жгутъ, мелютъ въ порошокъ, который варятъ въ водѣ, и воду эту пьютъ. Напитокъ этотъ имѣетъ сженный и непріятный вкусъ. Онъ очень охлаждаетъ и дѣлаетъ природу безплодною, для чего большею частію и пьютъ его.

Если же напитокъ этотъ (Cahwae) употреблять уже черезъ чуръ много, то онъ совершенно убиваетъ въ человѣкѣ плотское пожеланіе. Персіяне пишутъ объ одномъ Шахѣ, Султанѣ Магмудѣ Касвинѣ (Mahmud Casnin), царствовавшемъ въ Персіи еще де

Тамерлана, будьто бы Шахъ этотъ до того пристрастился къ напитку Cahwae, что за нимъ совсѣмъ забылъ жену свою и получилъ отвращеніе отъ брачнаго ложа съ ней, что Царицѣ было крайне прискорбно. Однажды Царица эта, возлежа на окнѣ, увидѣла, какъ на дворѣ повалили жеребца для того, чтобы охолостить его, и спросила у окружающихъ: «Что бы это значило?» Когда ей, въ приличныхъ выраженіяхъ, объяснили, что это дѣлается для уничтоженія у жеребца охоты и вожделѣнія, чтобы онъ не вскакивалъ на другихъ и былъ равнодушенъ къ кобылицамъ, то она замѣтила, что ни чего бы этого дѣлать не нужно, а поить бы только жеребца скверною водою Cahwae, и онъ скорехонько сдѣлается похожимъ на Шаха, мужа ея.

Персіяне разсказываютъ еще о сынѣ этого Шаха, называвшемся тоже Магумедъ, что когда онъ, по смерти отца, принялъ управленіе страной, то оказался чрезвычайнымъ любителемъ поэзіи, и приказалъ одному, славному въ то время, поэту, по имени Гакиму Фирдуси (Firdousi), написать ему какое ни будь поэтическое произведеніе въ веселомъ духѣ, обѣщая за каждый стихъ заплатить сочинителю по червонцу. Фирдуси засѣлъ и написалъ 60 тысячъ стиховъ, которые и понынѣ читаются и высоко уважаются Персіянами. Когда сочиненіе было готово и представлено, то хотя Шахъ и хотѣлъ было вознаградить поэта, согласно съ своимъ обѣщаніемъ, но совѣтники Царскіе отговорили его давать такъ много поэту, который долженъ быть доволенъ и меньшимъ вознагражденіемъ. По этому поэту послано было только нѣсколько червонцевъ, что весьма раздосадовало его, и онъ тотчасъ же написалъ Шаху другое стихотвореніе, въ которомъ доказывалъ, что присланный ему даръ отнюдь не Царскій; что только ремесленники, каковы, на примѣръ, хлѣбникъ и башмачникъ, могутъ благодарить такими подарками; и развѣ жь онъ не сынъ Царя, а плодъ и кровь какого ни будь хлѣбника? Царь понялъ это такъ, что поэтъ обозвалъ его сыномъ хлѣбника и, въ негодованіи, жаловался на это своей матери и спросилъ ее: «Развѣ жь не Султанъ Магумедъ былъ отецъ его?» Мать подумала, что поэтъ, написавшій такое сочиненіе, должно быть, знаетъ дѣло, и въ тайнѣ призналась сыну, что такъ какъ Шахъ весьма часто и много пилъ напитокъ кофе (Cahwae), отъ чего исчезла

всякая надежда имѣть наслѣдника, то чтобы пріобрѣсть послѣдника Царству, она допустила до себя одного придворнаго хлѣбника, имѣвшаго нѣжныя бѣлыя руки. Если бъ не было хлѣбника, не было бъ и его, сына ея; по чему и совѣтовала сыну ублаготворить поэта, чтобы истина не разошлась далѣе. Другіе же шутъ, что все это случилось съ Августомъ и Виргиліемъ (Bergman Comment. in Virgil., de vita ipsius).

Такъ какъ чрезмѣрное употребленіе напитка кофію (Cahwa) уничтожаетъ плотскія пожеланія, къ которымъ Персіяне, по природѣ своей, весьма склонны, и большинство ихъ поставляетъ въ этѣхъ удовольствіяхъ свое высшее благо (summum bonum), то поэты Персидскіе, хуля этотъ напитокъ, сложили слѣдующій стихъ:

ان سبه رو كه نام اوستر قهوه
قاتل نوم قاطع شهوه

То есть:

Ohn syc Ru ki namiust Kahwae,
Katil naum kathehi schahewe.

Ты, черное лицо—Кофій!
Можно ли терпѣть тебя?
Куда входишь ты, тамъ ужь нѣтъ
Ни страсти, ни наслажденія съ женщиной.

Выше, въ 6-й главѣ этой 5-й книги, было упомянуто, что въ Испагани, на Майданѣ, въ числѣ другихъ гостиницъ, находилась и такая, которую Персіяне называютъ: «Tzai Chattai Chane» и въ которой, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, они пьютъ то черную (темноватую) воду, отваръ изъ растенія, привозимаго Узбецкими Татарами въ Персію изъ Китая. Листья этого растенія продолговаты, остроконечны, около дюйма въ длину, и полъ дюйма въ ширину, и будучи высушены, получаютъ видъ черноватый, свертываются и закручиваются словно червячки. Это именно то растеніе, которое Китайцы называютъ чаемъ (Thee), Японцы и Индійцы Хіа и Хаа (Chia, Chaa), и оно въ большомъ почетѣ у этѣхъ народовъ. Персіяне варятъ его въ чистой воды, прибавляютъ туда анису, укропу, а нѣкоторые не много гвоздики

сахаромъ. Оно имѣетъ вяжущій или стягивающій, какъ бы, вкусъ. Персіяне, Китайцы, Японцы и Индійцы приписываютъ этому напитку превосходную силу и дѣйствіе: оно полезно, дѣйствуетъ на желудокъ, печень, легкое, на кровь и, вообще, на внутренность человѣка, очищаетъ ихъ, укрѣпляетъ, изгоняетъ камень, облегчаетъ головныя боли и уничтожаетъ всѣ мокроты, отъ которыхъ человѣкъ дѣлается вялымъ и соннымъ. Напившійся вдоволь этого напитка, можетъ нѣсколько ночей сидѣть свѣжо и бодро, безъ обремененія сномъ и съ охотою заниматься головною работою. Употребляя его умѣренно, человѣкъ можетъ не только пользоваться постоянно добрымъ здоровьемъ, но и достигнуть глубокой старости.

Это растѣніе чай (Thee) хорошо извѣстно теперь и въ Голландіи и его привозятъ туда мореплаватели Восточно-Индійскіе. Его можно найти въ Амстердамѣ, хотя и не въ большомъ количествѣ; ибо, какъ извѣщали меня, Французы закупаютъ его чрезвычайно много.

Кто желаетъ прочитать объ этомъ растеніи другихъ писателей, тотъ да обратится къ Маффею (Maffeum), къ его «De rebus Indicis,» 6-й книгѣ, стран. 108 (Joh. Petr. Maffei Historia Indica. Colon. Agrippinae, 1589), гдѣ пишетъ онъ о Китайцахъ: «Ex herba quadam expressus liquor admodum salutaris, nomine Chia, calidus hauritur, ut apud Japonios, cujus maxime beneficio pituitam, gravedinem, lippitudinem nesciunt, vitamque, bene longam sine ullo fere languore traducunt.» И книга 12, стр. 242: «Circa potionem illam diligentissimi sunt, ac principes interdum viri suis ipsi manibus eidem temperandae ac miscendae amicorum honoris causa dant, operam certasque habent aedium partes, ad hoc destinatas, venientibus et abeuntibus amicis pocula porrigunt.»

Линшотанъ (Linschotanus), въ главѣ 26, de Insula Japonia, стр. 1: (Joh. Hug. Linschotani Navigatio in Orintalem Indiam etc. Amstelodami, 1614): «Ex herba, quam Chaa vocant, in magnam hujus potus aestimatione et Indi, qui aliqua opulentia pollent, loco fere secreto aquam hanc servant, eamque excipientes amicos summa dignitate depromunt, ollas peculiares ad coquendas habent: etc.»

Помянутые народы, желая оказать всевозможную любезность, встрѣчаютъ гостей своихъ этѣмъ напиткомъ, т. е., чаемъ; онъ же есть и прощальный напитокъ, при разставаніи съ гостьми. У нихъ есть особые, весьма чистые, сосуды, въ которыхъ заваривають и изготовляютъ чай; нѣсколько такихъ сосудовъ, вмѣстѣ съ растеніемъ, хранится у насъ, въ Готторфской Палатѣ рѣдкостей. Объ этомъ растеніи, изъ приведенныхъ сейчасъ, а также и изъ другихъ писателей, Николай Тульпій (Nicolaus Tulpius) сообщаетъ подробнѣйшія свѣдѣнія, какъ это видно въ послѣдней главѣ 4-й книги его «Observationum medicarum (Observationes medicae. Amstelodami, 1652).

ГЛАВА XVIII.

О ремеслахъ и промышленности Персіянъ, которыми они снискиваютъ себѣ пропитаніе.

Промышленность Персіянъ, которою они снискиваютъ себѣ пропитаніе, кромѣ земледѣлія и садоводства, отъ которыхъ собираютъ и продаютъ огородные и садовые плоды, исчисленные выше, составляютъ всякаго рода ремесла, торговля, письменность, а также и воинское дѣло. Когда идешь въ городахъ къ Майдану и базару, то съ удовольствіемъ видишь, какъ всякаго рода промышленники занимаются своими ремеслами, въ своихъ мастерскихъ, расположенныхъ въ извѣстномъ порядкѣ другъ за другомъ. Ибо никто изъ Персіянъ, за исключеніемъ развѣ очень немногихъ, именно не могущихъ выходить, не сидитъ дома, а постоянно на базарѣ, въ опредѣленныхъ для того улицахъ и въ открытыхъ со сводами зданіяхъ. Большинство ремесленниковъ составляютъ ткачи и красильщики, или рисовальщики цвѣтовъ, которые занимаются обработкой хлопчатой бумаги и шелку, обращая ихъ довольно искусно въ разныя ткани и въ золотыя парчи, кусками не длиннѣе 10-ти, или 12, локтей, потребными на постройку одного Персирскаго кафтана. Въ Ездѣ и Кашанѣ есть такіе искусные ткачи, которые на

ной ткани выводить всевозможныя фигуры, преимущественно е свои письмена, такъ тонко и изящно, что и лучшій писецъ не в состояніи написать красивѣй, какъ доказываетъ образецъ такой работы, привезенный нами домой. Такіе товары, именно все ихъ количество, которое не пошло на туземныя платья, вездѣ страны распродаются вмѣстѣ съ хлопчатой бумагой и сырымъ шелкомъ, съ большими выгодами. Замѣчу здѣсь подробнѣе о шелслѣдующее: въ самой странѣ фунтъ шелку стоитъ 16 и 18 грошей или двѣ Любскихъ марки и нѣсколько болѣе. Персіяне у себя вѣшаютъ все на бадманъ (Badman), который въ разныхъ мѣстахъ различный: Таврискій бадманъ содержитъ 6 фунтовъ; Шахскій бадманъ, употребляемый наиболѣе въ Гилянѣ, 12 фунтовъ, Шамахинскій и Карабахскій бадманъ 16 фунтовъ.

Вообще считаютъ, что въ Персіи, смотря по году, собирается ежегодно шелку отъ 10 до 20 тысячъ тюковъ или 10 тысячъ тюковъ Soom (каждый соомъ содержитъ два тюка), въ тюкѣ полагается 216 фунтовъ. Одинъ Гилянъ, въ хорошіе годы, даетъ 8000 тюковъ; Ширванъ доставляетъ 3000 тюковъ; Хорасанъ до 3000; Масандеранъ 2000, Карабахъ 2000, не считая уже того, что даетъ Грузія, также богатая шелкомъ, и другія мѣстности. Изъ всего этого количества, все, что остается въ Персіи на разныя потребы, не превышаетъ 1000 тюковъ. Все остальное продается въ Индіи, Турціи, Италіи, на Англійскіе и Голландскіе корабли. Этѣ послѣдніе изъ своихъ странъ привозятъ олово, ..., Англійское, Французское и Голландское сукно, которое, по мнѣнію Персовъ хорошо обдѣлывать шерсть и изготовлять ю, высоко одобряется и цѣнится ими, такъ что за локоть лучшаго сукна въ Испагани платится по 8, 10 и по 12 рейхсталеровъ.

Самые многочисленные и богатѣйшіе купцы и торговые люди Персіи суть Армянскіе Христіяне, которые повсюду ѣздятъ по странѣ и внѣ ея; ибо Персія есть свободно открытая, а не замкнутая, какъ Русская земля. Жители Персіи и чуждые народы могутъ выѣзжать и въѣзжать въ нее, торговать и промышлять тамъ, какъ хотятъ, лишь бы только Правительство получало съ нихъ свои пошлины и доходы.

Персіяне и Турки установили между собою договоръ, чтобы торговые люди ихъ въ военное, также какъ и въ мирное время безпрепятственно разъѣзжали и торговали другъ съ другомъ, въ самой странѣ и внѣ ея, и чтобы караваны ихъ безопасно могли ходить вездѣ; ибо это равно необходимо и выгодно как тому, такъ и другому, изъ этихъ народовъ.[1]

Персіяне могли бы извлечь изъ своей торговли гораздо значительнѣйшія выгоды, если бъ были искусны въ управленіи большими кораблями и вообще въ мореходствѣ, но искусства этого у нихъ нѣтъ.

Такъ какъ въ Персіи книгопечатанья нѣтъ, а книги вообще высоко и дорого цѣнятся, то по этому книга у нихъ, и особенно Алкоранъ, который у насъ, если бъ его напечатать, стоилъ бы одинъ рейхсталеръ, тамъ писанный стоитъ 15, 20 и болѣе рейхсталеровъ. Въ слѣдствіе сего многіе Персіяне, особенно у кого много дѣтей, стараются обучать ихъ хорошому письму, и въ Персіи есть нѣсколько тысячъ людей, добывающихъ себѣ пропитаніе писаніемъ такихъ книгъ и инымъ письмоводствомъ.

Различныя области должны держать на готовѣ извѣстное войско въ мирное и военное время; по этому многія тысячи кизильбашей и воиновъ живутъ жалованьемъ. Объ этомъ я скоро буду говорить подробнѣе.

ГЛАВА XIX.[1]

О брачномъ состояніи Персіянъ; многоженствѣ и о томъ, что случается иногда при многоженствѣ.

Сказавши о домоводствѣ Персіянъ, обозрѣвъ ихъ поварскую, погребъ, равно какъ и промыслы, которыми они занимаются

[1] А въ Европѣ только теперь добиваются того. О. Б.

[1] Въ подлинникѣ XXI, очевидно по ошибкѣ. Перев.

пройдемъ теперь поближе въ ихъ покои, и взглянемъ на брачное ихъ состояніе. Персіяне, чуть только позволяютъ достатки, рѣдко ограничиваются одною женою. Съ давнихъ временъ у нихъ въ обычаѣ брать по нѣскольку женъ. Страбонъ полагаетъ, что не происходило «multiplicandae prolis gratia,» ради того, что они лишь желали расплодить и возрастить побольше дѣтей. Ибо Цари ихъ ежегодно назначали будьбо бы подарки для раздачи тѣмъ изъ подданныхъ, которые имѣли наиболѣе сыновей. Но въ настоящее время Персіяне охотники до многоженства не по этой причинѣ, даже многіе изъ нихъ желали бы теперь лучше вовсе не имѣть дѣтей. По этому-то нѣкоторые обращались къ нашему Врачу и, провѣдавъ, что онъ славится излѣченіемъ въ иныхъ болѣзняхъ, спрашивали его, не имѣетъ ли онъ какого либо медицинскаго средства для молодыхъ женъ, чтобъ онѣ не такъ скоро рождали дѣтей? на что Врачъ отвѣчалъ, что онъ скорѣе готовъ помочь женамъ тѣмъ въ рожденіи дѣтей, чѣмъ мѣшать имъ въ томъ. Я полагаю, что, по причинѣ такого сладострастія Персіянъ, они сложили слѣдующій стихъ и пословицу, въ которой они вновь взятую ими жену сравниваютъ съ Мѣсяцесловомъ, годнымъ только на одинъ первый годъ:

مرقي نوكن لي خراجه هر بوبهلر
كه تسقويم پلرين نيايد بكلم

Бери чаще новую жену, чтобъ у тебя была постоянная весна.
Мѣсяцесловъ негоденъ ни къ чему, когда годъ уже прошелъ.

Магуметъ въ Алкоранѣ (Azoar 8) дозволилъ, и даже милостиво повелѣлъ, чтобъ Персіяне, даже по Вѣрѣ своей, могли брать себѣ столько женъ, сколько имъ угодно и сколько они могутъ прокормить ихъ. Богатые купцы, торгующіе въ Персіи въ нѣсколькихъ городахъ, имѣютъ въ главнѣйшихъ мѣстностяхъ свои собственные домы и женъ, такъ что, куда бы они ни пріѣхали, они вездѣ дома. Но того, чтобы Персіяне, особенно будьто бы въ Индіи, должны были имѣть не менѣе 7-ми женъ, и чтобы дѣти сами должны были убивать своихъ родителей, проживпшихъ за 70 лѣтъ, какъ пишетъ о томъ Нигеръ, въ своей Географіи (Basileae, 1557, стр. 531), ни чего этого ни въ настоящее, ни въ отдаленнѣйшія времена въ обычаѣ у Персіянъ не было.

Но что частенько причиняетъ имъ многоженство, они находятъ это на дѣлѣ съ великимъ прискорбіемъ. Между людьми, находящимися въ такомъ бракѣ (многоженствѣ), не можетъ быть истинной, горячей любви и довѣрія. Ибо, какъ говоритъ Аммiанъ Марцеллинъ: «Apud eos per libidines varias charitas dispersa torpescit.» Мужья не могутъ любить всѣхъ женъ одинаково. Ибо любовь раздѣленная никогда не бываетъ такъ сильна, какъ сосредоточенная и обращенная только на одно лице. Подобное встрѣчается и въ другихъ случаяхъ, особенно у владѣтельныхъ особъ, когда одинъ Государь имѣетъ многихъ слугъ. Скорѣе можно допустить, что многіе, и даже всѣ слуги, сердечно любятъ одного Государя, чѣмъ одинъ Государь всѣхъ слугъ. Отсюда и происходитъ, что если они въ чемъ хоть немного не угодили, попадаютъ въ опалу. И такъ, если, на примѣръ, жена видитъ, что мужъ ея оказываетъ другой такіе же, часто еще и большіе, чѣмъ ей, знаки супружеской любви, то настаетъ, также какъ это бываетъ при любви, по комику (Terent. in Eun.) ссора, нерасположеніе, зависть и вражда. Между женами часто возникаетъ даже опасная ссора и споръ, къ великой досадѣ и неудовольствію мужа. По этому случаю есть одна Турецкая пословица:

ايكي اورن بير ديوان
ايكي ايشك بير كاروان

Iki Ischek bir karwan,
Iki arwat bir diwan.

То есть:

Два осла—стоятъ одного каравана,
На двухъ женъ нужно цѣлое судилище.

Это значитъ, что съ двумя ослами, такъ какъ они лѣнивы, столько возни, какъ съ животными цѣлой странствующей толпы, или общества. И у кого двѣ сварливыя жены, тотъ постоянно долженъ судить и укрощать. Иногда такое брачное состояніе доводитъ мужа до величайшей опасности и несчастія, и стоитъ ему даже жизни. Такъ какъ мнѣ разсказывали много подобныхъ примѣровъ, то два изъ нихъ, случившіеся при Шахѣ Аббасѣ, я хочу привести здѣсь.

Въ Шамахѣ былъ одинъ Ханъ, по имени Сильфагаръ (Silfahar), пользовавшійся большимъ уваженіемъ Шаха и всей страны и имѣвшій женой сестру Шаха Ходабенде (отца Шаха Абаса). Видя, что мужъ ея беретъ себѣ еще молодую жену, и что къ этой молодой онъ оказывается ласковѣе, чѣмъ она желала, прежняя жена Сильфагара, будучи дочерью Шаха, по высокомѣрію своему, возненавидѣла мужа, написала племяннику своему, Шаху Абасу, чтобы онъ остерегался мужа ея, который яко бы замышляетъ на жизнь его, Абаса. Шахъ Абасъ, и безъ того человѣкъ подозрительный, повѣрилъ такой клеветѣ, и послалъ Мешедскаго Хана, Карчихай-Хана, находившагося тогда у него въ Ардебилѣ, достать голову Хана Сильфагара. Карчихай-Ханъ тотчасъ же отправился въ Ширванъ, расположился тамъ у горы Эльбруса и послалъ къ Сильфагару, чтобы тотъ прибылъ къ нему. Не ожидая ни чего дурнаго отъ Карчихай-Хана, какъ отъ давнишняго знакомаго своего и пріятеля, Сильфагаръ поздно вечеромъ прибылъ въ назначенное мѣсто и разбилъ свою палатку не въ далекѣ отъ палатки Карчихая. На другой день Карчихай всталъ рано утромъ, отправился съ нѣсколькими слугами въ палатку Сильфагара, котораго засталъ еще въ постели, хотя не спавшаго уже, дружески привѣтствовалъ его и сказалъ, чтобы тотъ всталъ и прошелъ съ нимъ прогуляться, такъ какъ ему нужно переговорить съ нимъ. Едва только Сильфагаръ всталъ, полуодѣтый, и хотѣлъ было совершать свою молитву, какъ Карчихай-Ханъ подалъ своимъ слугамъ заранѣе условленный знакъ, тѣ напали на Сильфагара и изрубили его саблями. Карчихай взялъ голову и поспѣшилъ съ нею къ Шаху. Вотъ что сдѣлало Сильфагару его двоеженство (Bigamia).

Послѣ этого былъ еще другой случай съ однимъ Ардебильскимъ виноторговцемъ, по имени Шириджи Аали (котораго хорошо зналъ нашъ Hakwirdi). Однажды виноторговецъ этотъ поздно вечеромъ сидѣлъ съ хорошимъ пріятелемъ своимъ на мосту Heider Aaly (мостъ этотъ изображенъ на рисункѣ города) и пилъ вино. Въ это время проходилъ мимо навьюченный оселъ одинъ безъ хозяина; хозяинъ его, какой-то купецъ, присѣлъ за своей надобностію у рѣки, а оселъ бѣжалъ отъ него и направился къ лежавшему вблизи городу. Увидѣвши осла одного, виноторговецъ

поймалъ его, снялъ съ него грузъ и отпустилъ его опять на волю. Купецъ приходитъ въ Ардебиль, ищетъ тамъ своего осла и хоть и находитъ его наконецъ на улицѣ, но безъ груза, почему и отправился къ Хану съ жалобою на свою пропажу. Но Ханъ объявилъ, что помочь ему не можетъ, такъ какъ онъ не знаетъ виновныхъ. Купецъ обратился послѣ этого къ Шаху, который тотчасъ же послалъ его опять назадъ въ Ардебиль съ строгимъ приказаніемъ Алла-Кули-Хану, что такъ какъ онъ, Ханъ, не содержитъ дорогъ въ безопасности и не сдѣлалъ обыска о пропажѣ, какъ бы слѣдовало, то онъ и долженъ уплатить купцу стоимость пропавшаго у него добра, по его оцѣнкѣ, безъ всякаго замедленія, что и было исполнено Ханомъ. Между тѣмъ виноторговецъ, завладѣвши купеческимъ добромъ, нѣсколько пообогатился, не захотѣлъ уже довольствоваться одной женой и, въ добавокъ къ прежде бывшей у него, взялъ другую, молодую жену изъ одного дома терпимости, собственно за красоту ея; но отъ нея не было ни одного ребенка. Единственное дитя его, сынъ первой жены, мальчикъ 9 лѣтъ, пришедши однажды изъ училища домой, увидалъ въ комнатѣ лежащую, начатую уже, дыню, которая была еще новенькою въ томъ году, и отрѣзалъ кусокъ этой дыни себѣ; молодая жена разгнѣвалась за это, ударила мальчика, послѣ чего обѣ жены вцѣпились другъ другу въ волосы. Когда мужъ пришелъ домой, то мать и сынъ передали ему все дѣло въ такомъ трогательномъ видѣ, что онъ постегалъ также молодую жену. Въ отмщеніе за такой позоръ, эта послѣдняя пошла тайкомъ къ Хану и открыла ему о покражѣ мужа; виноторговца тотчасъ же потребовали къ отвѣту, допросили и повѣсили, жены же его, за то, что онѣ такъ долго покрывали мужа, предали общественнииму позору и прогнали, а сына обратили въ невольники. Все ихъ имущество Ханъ забралъ себѣ, и, такимъ образомъ онъ получилъ опять больше еще того, что долженъ былъ уплатить купцу. Вотъ что значитъ взять двухъ женъ, и довѣрять имъ свои тайны.

V

СМѢСЬ

ДВѢ ГРАМОТЫ

изъ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ РУССКАГО ГОСУДАРСТВА.

I.

ГРАМОТА

...ныхъ людей Никитѣ Парамоновичу Лихареву, за его службу подъ ... Боярина и Воеводы, Князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкаго, ...ольника, Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, противъ Польскихъ и Литовскихъ полчищъ.

Московскаго Государства Митрополиты и Архиепископы, и ...искупы, и Архимариты, и Игумены, и весь Освященный ...оръ, и Бояринъ и Воевода Князь Дмитрей Тимоѳѣевичь Тру...цкой, да Столникъ и Воевода Князь Дмитрей Михайловичь ...жарской, с товарыщи, и Околничие, и Столники, и Стряпчие, ...воряне, и Дети Боярские, и всѣ ратные люди, приговорили ...ките Парамоновичу Лихареву, за его многую службу и за ...овь и за радѣнье, что онъ, помня Бога и свою душу и Право...вную Крестиянскую истинную Вѣру, на Польскихъ и на Ли...скихъ людей, разорітелей Божиехъ Церквей и гонителей на ...авославную Крестиянскую истинную Вѣру Польскихъ и Литов...ихъ людеі, Бояринъ и Воевода, Князь Дмитреі Тимоѳѣевичь Тру...цкой, и онъ зъ Бояры и Воеводы пришедъ подъ Москву, ...льскихъ людеі въ Москвѣ осадили. И какъ пришолъ подъ ...оскву Столникъ и Воевода, Князь Дмитреі Михайловичь Пожар...ой, и положилъ совѣтъ з Бояриномъ и Воеводою, со Княземъ

Дмитреемъ Тимофѣевичемъ Трубецкимъ, и со всѣю ратью, коі стоя ли подъ Москвою. И стоявъ подъ Москвою и на Москвѣ зъ Бояриномъ и Воеводою, со Княземъ Дмитреемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, многую службу показалъ, противъ Польскихъ і Литовскихъ людеі стоялъ, и ихъ всѣхъ ратныхъ людеі радѣниемъ Московское Государство очистилось. И образъ Пречистые Богородицы Владімерские, и Великихъ Чюдотворцовъ многоцелѣбныхъ мощей Петра, и Олексѣя, и Ионы, и сродникъ Великихъ Государеі Росиіскаго Царствия, Благовѣрнаго и Великаго Князя Михайла Черниговскаго, и Боярина его, Өеодора, и новаго страстотерпца, Благовѣрнаго Царевича Князя Дмитрея, доступили, и прежнихъ Великихъ Государей Боговенчанныхъ Росиіского Царствия Царя и Великого Князя Ивана Василевича всея Русиі, и праведного Государя Царя и Великого Князя Өедора Ивановича всея Русиі, и иныхъ прежнихъ Великихъ Государей гробоносные домы отъ того оскверненія очистили, и плѣнныхъ и насилующихъ отъ бѣдъ храбрѣствомъ свободили, Польскихъ и Литовскихъ людей побили и поимали: и по своему приговору дали ему в вотчину с помѣсново ево окладу, с тысечи четеі со ста четеі по двадцати четеі, и того двѣсти четеі, во Брянскомъ Уѣзде въ Воронитцой волости подъ Рославлемъ, * Дворцовую деревню Хорошкову, да деревню Бѣхову. А по дачѣ нынѣшнего 121, году, Декабря въ 15 день, по его, Микитине, скаске, въ деревняхъ написано: пашни и перелогу триста пятдесять четвертеіі въ поле, а въ дву по тому жъ, и перешло въ той ево отчине сто пятдесятъ четеі, и тѣмъ лишкомъ владѣти ему по прежнему въ помѣстье. А та вотчина ему, Миките, и женѣ ево, и дѣтямъ ево, і внучатомъ ** и правнучатамъ, и в родъ ихъ безповоротно. А какъ дастъ Богъ на Московское Государство Государя, и тогды Государь велитъ на ту вотчину дати свою Царьскую жалованную грамоту за красною печатью. К сей грамоте Бояринъ и Воевода Князь Дмитреі Тимо-

* Слова: «подъ Рославлемъ» приписаны сверху инымъ почеркомъ и чернилами нѣсколько отмѣнными, блѣднѣе чернилъ грамоты, которыя рыжеватыя.

** «І внучатомъ» тоже приписано сверху совсѣмъ инымъ почеркомъ и чернилами блѣдночерными.

ѣевичь Трубецкой, да Столникъ и Воевода Князь Дмитреі Михай-овичь Пожарской, велѣли земскую печать приложить. Лѣта. 121, Февраля въ 1 * день.

Печать чернаго воска, а на ней одноглавый орелъ съ опущенными крыльями, угомъ же въ ободкѣ надпись: «Печать Росѣіскаго Государства Москов-каго.»

На оборотной сторонѣ грамоты подписи:

Бояринъ Князь Дмитрей Тимофеевичъ Трубецкой.

А подписалъ Думной Діакъ Өедоръ.... **

Справилъ Өедка Ивановъ.

Грамота писана на двухъ листахъ желтоватой бумаги, протянутыхъ во всю иу и перехваченныхъ на концѣ ихъ бумажной подкладкой подъ печать.

это число написано другими чернилами блѣдными, одинаковыми съ подписью Думнаго Дьяка.

Далѣе нельзя разобрать.

II.

Царя и Великаго Князя, Михайла Ѳедоровича, Казарину Ивановичу Срѣзневу, за услуги его противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ при Царѣ Василіѣ, въ нужное и прискорбное время.

Божиею милостию Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михайла Федоровичь, всея Русиі Самодержецъ, пожаловали есмя Казарина Ивановича Срѣзнева, за его многу службу, что онъ, помятуя Бога, и Пречистую Богородицу, и Московскихъ Чюдотворцовъ, будучи у насъ въ Московскомъ Государствѣ при Царѣ Василие нужное и прискорбное время, за Вѣру Крестьянскую, и за Святыя Божіа Церкви, и за насъ за всѣхъ Православныхъ Крестьянъ, противъ враговъ нашихъ, Польскихъ и Литовскихъ людей и Русскихъ воровъ, которые хотѣли разорить Государство Московское и Вѣру Крестьянскую попрать, а онъ, Казаринъ, будучи у насъ, въ Московскомъ Государстве, во сопротивъ тѣхъ злодѣевъ нашихъ, стоялъ крѣпко, мужественно и многое дородство, и храбрость, и службу показалъ, и голодъ и наготу, и всякую нужду осадную терпѣлъ многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на какую не покусился, стоялъ въ твердости разума своего крѣпко и непоколебимо, безо всякия шатости, и отъ тоеи жъ великие службы и отъ терпѣния Польские и Литовские люди и Руские воры отъ Москвы отошли. И за тѣ за всѣ великие и нужные осадные службы я, Царь и Великій Князь, Михайла Ѳеодоровичь, всеа Русиі, пожаловалъ его, Казаринова, с помѣстного окладу, с семи сотъ с пятьдесят чети, и зо сто по дватцати чети, и старого его помѣстье в Каширскомъ Уѣзде, в Растовскомъ стану, на рѣчке на Корытне и деревне Корытне, да въ деревнѣ Такаревѣ, сто пятьдесятъ чети в вотчину со всѣмъ угодьемъ, что дано было ему в вотчину при Царѣ Василе за Московское осадное сиденье. А в Каширских книгахъ писцовыхъ писма и мѣры Князя Ивана Гагарина с товарыщи лѣта. 7186 в деревне Карытне написано: пашни паханые и перелогу середней земли доброю землею с наддачью с три чети, да в деревнѣ Такаревѣ пашни доброй земли тритцать чети, да перелогу дватцать восмь чети с осминою, и обоего в тѣхъ деревняхъ пашни и перелогу середней земли доброю землею

с наддачью сто шездесятъ одна четь с осминою в поле, а в дву по тому жъ, и перешло у него свѣрхъ вотчинного указу за вотчиною одиннатцать чети с осминою, и тотъ переходъ оставленъ за нимъ же, за Казариномъ, в помѣстье. Какъ по Кашире будутъ наши писцы или болшие мѣрщики, и онѣ тое его вотчинную землю отъ помѣстной земли отмежюютъ опрочѣ, ямы перекопаютъ и грани потешутъ, и всякие признаки учинятъ вотчинную землю с одново сряду, а помѣстную по тому же. И на ту его вотчину ся наша Царская жалованная грамота, за нашею за Царскою печатью, ему, Казарину, и дѣтемъ его, и внучатамъ, и правнучатомъ, и въ родъ ихъ неподвижно, чтобъ наша Царьская жалованная и ихъ великое дородство, и крѣпость, и храбрость, и служба за Вѣру и за свое отечество, послѣднимъ ихъ родомъ было на память, и ихъ служба и терпѣнья воспоминая впредь дѣти ихъ, и внучата, и правнучата ихъ, и хто по нехъ родъ будетъ, тако жъ за Вѣру Крестьянскую, и за святыя Божия Церкви, и за свое отечество, противъ враговъ стояли мужественно, безо всякаго позыбанія. А въ той вотчине Казаринъ, и дѣти, и внучата, и правнучата, по нашему Царьскому жалованью вольны. Писана нашего Государства в царьствующемъ граде Москвѣ лѣта 7121, Іюня въ 23 день.

Къ грамотѣ привѣшена на красномъ снуркѣ печать красного воска, а на ней, съ одной стороны, Георгій Побѣдоносецъ и вокругъ въ ободкѣ надпись: «Божиею милостию Царь и Великій Князь Михаилъ Федоровичь,» а на другой двуглавый орелъ и продолженіе надписи въ ободкѣ же: «всеа Русіи Самодержецъ і многихъ....» (печать отъ правой руки нѣсколько отбита).

Внизу написано: «Полполтина.»

На оборотной сторонѣ грамоты въ верху: «Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь всеа Русіи Самодержецъ.»

Внизу: «Справилъ Олекша Карнауховъ.»

Бумага и проч., какъ и у первой грамоты.

ЗНАКЪ

ОТЛИЧІЯ БЕЗПОРОЧНОЙ СЛУЖБЫ

и

НѢКОТОРЫЕ ПРОФЕССОРЫ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

ПИСЬМО

Профессора И. И. Давыдова къ Князю Н. Н. Голицыну. *

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь!

Прошлаго Апрѣля мѣсяца, 9-го числа, имѣлъ я честь подавать Его Сіятельству, Князю Сергію Михайловичу, прошеніе объ исключеніи изъ Послужнаго Списка моего, для Знака отличія безпорочной службы, отмѣтки касательно недоимки, происшедшей въ бывшемъ Университетскомъ Пансіонѣ, въ бытность мою Инспекторомъ онаго, отъ родителей, не платившихъ въ срокъ за содержаніе дѣтей своихъ, а послѣ съ процентами взысканной, и о представленіи меня вновь къ сему Знаку.

---

* Князь Николай Николаевичъ Голицынъ былъ въ это время Правителемъ Канцеляріи у своего родственника, Князя Сергѣя Михайловича Голицына, тогдашняго Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. О. Б.

Его Сіятельство, находя прошеніе мое совершенно справедливымъ и согласнымъ съ Высочайшими узаконеніями, составлявшимися по Знаку отличія безпорочной службы въ 1829-мъ году, Марта 30-го дня, и въ семъ 1831-мъ, Января 12-го дня, предложилъ Правленію Университета, въ томъ же Апрѣлѣ 13-го дня, за № 352, означенную отмѣтку изъ Послужнаго моего Списка исключить и вновь изготовить оный по прежнему, безъ сей токмо отмѣтки, и въ семъ видѣ препроводить къ Его Сіятельству, для представленія, вмѣстѣ съ прочими, къ удостоенію Знакомъ отличія безпорочной службы. Въ слѣдствіе сего предложенія Правленіе такимъ образомъ изготовленный Списокъ и препроводило къ Его Сіятельству.

Такъ какъ нынѣ настоитъ время представленія Чиновниковъ къ сему Знаку, то я покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство, соблаговолить привести въ исполненіе сіе предложеніе и представить Его Сіятельству къ подписанію мой Списокъ, изъ Правленія препровожденный; ибо перемѣны въ производствѣ дѣлъ предоставляются токмо къ высшему начальству. Симъ ко многимъ благодѣтельнымъ для меня дѣйствіямъ Вашего Сіятельства присоедините новое доказательство Вашего ко мнѣ вниманія, за что почитаю долгомъ всегда оставаться признательнымъ Вашему Сіятельству и благодарнымъ.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашего Сіятельства,

Милостивый Государь Князь,

покорнѣйшій слуга

Иванъ Давыдовъ.

1831 года, Ноября 11.

II.

ПИСЬМО

къ тому же Ректора Университета Н. А. Двигубскаго.

Милостивый Государь,

Князь Николай Николаевичь!

Г. Фаворскій * спросилъ у меня, по Вашему требованію, З
писки, поданной Князю Сергію Михайловичу мною и друг
Профессорами, не получившими Знака отличія безпорочной слу
бы; копіи той Записки у меня не осталось, и я просилъ его о
ратиться къ Г. Антонскому; ** между тѣмъ я нашелъ у себя ко
съ Записки особой, которую представлялъ Князю С. М. Дмит
Павловичъ *** и которую Его Сіятельство изъявилъ согласіе с
представить при удобномъ случаѣ Государю. Я рѣшился сію З
писку препроводить къ Вашему Сіятельству при семъ и покорн
ше просить, употребить все Ваше ходатайство у нашего добр
начальника. Д. П. мнѣ сказалъ, что Князь С. М., по прочте
посылаемой Записки, сказалъ именно: «О прочихъ Профессор
онъ не знаетъ, но о мнѣ лично походатайствуетъ;» изглад
сіе пятно изъ нашей службы, Князь окажетъ величайшее бл
дѣяніе. Надѣясь на Ваше ко мнѣ благорасположеніе, я осмѣл

---

* Н. П. Фаворскій, служившій тогда въ Канцеляріи Попечителя Москов
Университета. О. Б.

** А. А. Прокоповичу-Антонскому. О. Б.

*** Голохвастовъ, тогда Помощникъ Попечителя Университета. О. Б.

юсь безпокоить Васъ моею докукою о семъ дѣлѣ. Прослужа 30 лѣтъ съ лишнимъ при одномъ и томъ же мѣстѣ безъ всякаго другого порока, бывши Секретаремъ Совѣта 18 лѣтъ безпрерывно, и при сей же должности будучи десять лѣтъ сряду избираемъ въ Деканы Отдѣленія Физико-Математическихъ наукъ, и три раза въ Ректоры; кромѣ сего, участвуя всегда во всѣхъ при Университетѣ бывшихъ Комитетахъ по разнымъ случаямъ, бывши 11 разъ Визитаторомъ Училищъ, и никогда не отказываясь ни отъ какихъ препорученій, право, больно по одной только, и притомъ чужой, винѣ, и въ которой не столько Деканы, сколько Ректоръ * и Секретарь, по множеству дѣлъ, просмотрѣли мошенничество Бухгалтера, лишиться заслуженнаго отличія безпорочной службы. Странно видѣть не только намъ, но и постороннимъ, что наши Чиновники, не служащіе вмѣстѣ и въ другихъ мѣстахъ, награждаются по тѣмъ мѣстамъ, какъ люди того стоющіе, а по Университету нѣтъ. Но это дѣло постороннее; я не смѣю повторить мою просьбу Князю С. М., да теперь не время, о увольненіи меня отъ Ректорства, истинно для меня тягостнаго и по той причинѣ, которую представилъ я въ моемъ прошеніи Г. Попечителю въ прошломъ году; ибо точно мои силы начинаютъ ослабѣвать, и я боюсь сдѣлать что ни будь по Университету такое, что навлекло бы для него непріятность, и, сверхъ того, по тому, что Ректорское званіе, для поддержанія его хотя сколько ни будь приличнымъ образомъ, требуетъ излишнихъ издержекъ, которыя пополнялись изданіемъ изображеній растеній и Магазиномъ Естественной Исторіи; но теперь Г. Министръ и вторично отказалъ въ изданіи изображеній растеній, ссылаясь на то, что не онъ утверждалъ изданіе, и что онъ отдалъ это еще въ прошломъ году на произволъ Г. Попечителя. Я теперь въ большомъ затрудненіи, и покорнѣйше прошу извинить мое многоглаголаніе: право, отъ избытка сердца уста глаголютъ. Ни одного не было Попечителя, при которомъ я за мои труды не былъ бы чѣмъ ни будь награжденъ; и не уже ли при такомъ благонамѣренномъ, добромъ и могущественномъ, начальникѣ останусь брошеннымъ? Я твердо надѣюсь на его благодѣтельную справедливость въ испрошеніи

---

* Прокоповичъ-Антонскій. О. Б.

выключки изъ Послужнаго Списка непріязненной отмѣтки, д чемъ, конечно, не откажитесь пособить, по своему добродушію, Вы, Милостивый Государь, снисходя на всепокорнѣйшую прос того, который всегда съ чувствами истиннаго почтенія и ду ной преданности имѣетъ честь быть,

Милостивый Государь,

Вашего Сіятельства

покорнѣйшій слу

Иванъ Двигубск

1832, Мая 18.
Москва.

III.

ЗАПИСКА

объ

исключеніи изъ Послужныхъ Списковъ непріязненной отмѣтки.

Заслуженные Профессоры Московскаго Университета: П коповичъ-Антонскій, Двигубскій, Цвѣтаевъ, и Ординарные: Му и Сандуновъ, въ 1829 году, вмѣстѣ съ другими Профессор выслужившими 15 лѣтъ и болѣе, были удостоены Университетс начальствомъ представленія къ Знаку отличія безпорочной слу но до сихъ поръ не получили упомянутаго Знака отличія, вѣро по тому, что въ Послужныхъ ихъ Спискахъ, для сего состав ныхъ, подъ статьею IX: «Не былъ ли подъ судомъ и въ чи прощенныхъ Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, и имее какимъ?» находится слѣдующая отмѣтка:

«Подъ судомъ не былъ; въ числѣ прощенныхъ самъ по с не былъ, но по случаю растраты 1710 рублей казенныхъ де

вшимъ Бухгалтеромъ Университета и Помощникомъ Кассира, гулярнымъ Совѣтникомъ Попелахинымъ, пополненіе оныхъ деъ предполагалось Правительствующимъ Сенатомъ, по неимуству его, Попелахина, возложить на Присутствующихъ Университетскаго Правленія (въ числѣ коихъ Прокоповичъ-Антонскій лъ Ректоромъ, а Двигубскій, Цвѣтаевъ, Мухинъ и Сандуновъ канами); но на основаніи V-й статьи Всемилостивѣйшаго Маниta, 1826 года, Августа 22-го дня, отъ онаго избавленъ Указомъ авительствующаго Сената, даннымъ Московской Палатѣ Уголовнаго Суда 1-му Департаменту, 1828 года, 12 дня.»

1. Изъ самой отмѣтки явствуетъ, что никто изъ Присутющихъ въ Университетскомъ Правленіи Членовъ нигдѣ подъ омъ не былъ, и ни отъ одного изъ нихъ ни какихъ свѣдѣній апросовъ о растратѣ денегъ требовано не было, а находится ъ слѣдствіемъ одинъ только бывшій Бухгалтеромъ Попелахинъ, азанный за свою вину не опредѣленіемъ впредь ни къ какимъ амъ. Если бы онъ былъ въ состояніи самъ внести растраченую сумму, то и не было бы надобности возлагать пополненіе й на Присутствующихъ Университетскаго Правленія и распроянять на нихъ силу Всемилостивѣйшаго Манифеста. По симъ чинамъ и Правительствующій Сенатъ не опредѣлилъ вносить обстоятельства въ Послужные Списки выше означенныхъ фессоровъ, а сдѣлана прописанная отмѣтка въ слѣдствіе предженія бывшаго въ то время Попечителемъ, Генералъ-Маіора царева, съ оправдательнымъ, впрочемъ, объясненіемъ. Указомъ 1830 года, Генваря 13 дня, Высочайше повелѣно: «Отмѣчать въ служныхъ Спискахъ токмо выговоры отъ Высочайшаго Имени, рафы и взысканія, налагаемыя Правительствующимъ Сенатомъ Уголовными инстанціями.»

2. Въ дополнительныхъ статьяхъ 1829 года, Марта 30 дня, ючайше утвержденныхъ, въ статьѣ 14 повелѣно: «Не исключать выслуги лѣтъ бытности подъ судомъ, когда подсудимые аданы;» а упомянутые Профессоры не только не имѣли нужды оправданіи, но ни слѣдствію, ни суду, подвергаемы не были.

3. Въ 23 статьѣ упомянутыхъ дополненій изображено: «Предмять къ Знаку отличія безпорочной службы Чиновниковъ По-

чтоваго Вѣдомства, подвергшихся денежному взысканію и замѣчанію начальства за растрату денегъ, съ прописаніемъ только сущности дѣла и причинъ, побуждающихъ начальство представлять таковыхъ Чиновниковъ къ Знаку отличія, и на семъ основаніи повелѣно поступать и другимъ Вѣдомствамъ.» По сему же пункту одни только Чиновники, подвергшіеся по слѣдствію сомнѣнію въ умышленномъ злоупотребленіи и оставленные въ подозрѣніи, не удостоиваются Знака отличія безпорочной службы. Означенные же Профессоры не сами растратили деньги и ни какому сомнѣнію въ злоупотребленіи, или злоумышленіи, не подлежатъ, но въ теченіи многолѣтней своей службы и занимая разнообразныя должности, при непоколебимой нравственности, всегда оказывали себя вѣрными, постоянными и точными исполнителями въ дѣлахъ службы, что означено и въ Послужныхъ ихъ Спискахъ.

Касательно же отмѣтки въ графѣ XIV Послужнаго Списка Профессора Антонскаго, внесенной въ оной также въ слѣдствіе предложенія бывшаго Попечителемъ, Генералъ-Маіора Писарева и относящейся къ долгамъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, въ которомъ онъ былъ Директоромъ, то какъ долги сіи накопились не по его винѣ, а по не своевременному взносу денегъ родителями воспитывающихся въ ономъ Пансіонѣ дѣтей, и теперь взносомъ денегъ родителями и представленнымъ имъ, Антонскимъ вмѣстѣ съ бывшимъ Инспекторомъ Пансіона, Давыдовымъ, надлежащимъ залогомъ, совершенно очищены, и дѣло сіе почтено начальствомъ въ 1831 году конченнымъ, то обстоятельство сіе слѣдуетъ изъ Списка его, Антонскаго, исключить.

МОНИНСКОЕ СОГЛАСІЕ

ВЪ МОСКВѢ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Сдѣсь помѣщенъ Уставъ Согласія Покровской Монинской часовни; за тѣмъ Канонникъ, по которому совершался обрядъ вѣнчанія у, такъ называемыхъ, новоженовъ Монинскаго Согласія, и Епитимейникъ, въ которомъ изложены правила о церковномъ взысканіи за нарушеніе правилъ выше упомянутаго «Устава.»

Со дня раздѣла съ господствующею Церковью, Расколъ бросилъ вѣтви по всей Россіи; корень же его остался въ Москвѣ, какъ въ главной средѣ Старовѣрческаго движенія.

До 1771 года разновѣрующіе не дѣйствовали явно; вся дѣятельность ихъ ограничивалась совращеніемъ въ Расколъ слабѣйшихъ изъ членовъ господствующей Церкви: то дѣлалось въ тайнѣ, скрытно. Въ этомъ году постигла Москву моровая язва; Правительству, преслѣдовавшему до того времени Старообрядцевъ, не до нихъ было въ годину народнаго бѣдствія, а они, пользуясь симъ бѣдствіемъ, выпросили разрѣшеніе построить на свой счетъ карантинъ и при немъ кладбище, подъ предлогомъ общественной пользы; и такъ основалась секта Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища; въ слѣдъ за этѣмъ воздвиглось и Рогожское Поповщинскаго Согласія, * и за тѣмъ Покровская Монинская часовня Поморскаго Со

---

* Филипповская часовня.

гласія. Объ этой послѣдней помѣщаемъ мы нѣсколько свѣдѣній, со дня ея существованія до нашего времени.

Основателемъ ея былъ нѣкто Василій Емельяновъ, бывшій сначала самъ однимъ изъ главныхъ членовъ Преображенской Θеодосіевской общины, перешедшій къ Поморскому Согласію, въ слѣдствіе разномыслія съ Θеодосіевцами относительно моленія за Царя и брачной жизни, чего Преображенцы не допускали.

Василій Емельяновъ первый возсталъ на отверженіе Преображенцами браковъ, отошелъ отъ Θеодосіевской общины къ Поморцамъ, и вскорѣ обратился онъ къ своимъ единомышленникамъ съ такою рѣчью: «Стыдно намъ теперь, Православные Христіане, таиться, когда Θеодосіевцы кичатся; стыдно не имѣть общественной молельни. Они упрекаютъ насъ, будьто мы служимъ молебны и благословляемъ браки въ конюшняхъ: необходимо устроить намъ молитвенный домъ, чтобъ избѣгнуть поношенія.» Воззваніе было принято единодушно всѣми Поморцами, и немедленно, совокупными стараніями, они составили въ Москвѣ общество Поморцевъ изъ 50 человѣкъ, въ числѣ коихъ были и богатыя купеческія семейства, какъ то: Пименъ Алексѣевъ, каретникъ, жившій въ приходѣ Св. Пимена въ Воротникахъ, Василій Θедоровъ Монинъ, въ Покровской Части (нынѣшнемъ 5-мъ кварталѣ Лефортовской Части), Андрей Тимоѳеевъ Заикинъ, на Никитской улицѣ, и Никифоръ Петровъ, ленточникъ.

Василій Емельяновъ, пользуясь своимъ вліяніемъ и сочувствіемъ къ его воззванію богачей Московцевъ, выше упомянутыхъ нами, сдѣлалъ сборъ, для устройства и основанія молельни Поморскаго Согласія. Сборъ былъ такъ удаченъ, что немедленно было приступлено къ осуществленію возникшаго намѣренія: купленъ домъ съ большимъ количествомъ свободной земли, выстроили на дворѣ деревянную часовню, а при ней просторное зданіе для «призрѣваемыхъ,» по примѣру Преображенскаго кладбища. Эта молельня находилась въ нынѣшнемъ 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части, въ приходѣ Св. Ирины, на Покровской улицѣ. Мѣстность и домъ укрѣплены были за Московскимъ купцомъ Василіемъ Θедоровымъ Монинымъ, который занимался ходатайствомъ по частнымъ исковымъ дѣламъ, большею частію Старообрядческимъ, родственникомъ

Емельянова, въ слѣдствіе чего молельня эта и получила названіе Монинской.

Такъ какъ начало устройства часовни принадлежало Емельянову, то онъ былъ избранъ Настоятелемъ, а Василій Монинъ его помощникомъ, а въ послѣдствіи Монинъ былъ попечителемъ часовни.

Покровская Монинская часовня, съ самаго своего основанія, руководствовалась правилами, принятыми Выговскимъ общежитіемъ, т. е., уставомъ Андрея Денисова; хотя въ послѣдствіи и расширила она значительно предѣлы ученія о бракѣ, но никогда не отлагалась отъ ученія своего Согласія. Главныя начала Покровской часовни заключаются въ слѣдующемъ: «Женившіеся не согрѣшаютъ; бракъ чистъ, ложе не скверно и не блазненно. Подобаетъ молиться за предержащія власти.» Остальныя правила, какъ читатели увидятъ изъ прилагаемыхъ ниже постановленій Монинской часовни, составляютъ не болѣе, какъ исправленіе тѣхъ статей Ѳеодосіевскаго Устава, въ которыхъ послѣдователи Ковылина отступили отъ здраваго смысла и отъ коренныхъ положеній первоначальнаго Раскола.

Сдѣсь не лишнимъ считается указать и на иногородныя Согласія Поморской общины, которыя въ ту пору уже существовали въ слѣдующихъ городахъ: 1) въ Вологдѣ, подъ управленіемъ купцовъ братьевъ Кокоревыхъ; 2) въ Саратовѣ, подъ управленіемъ купца Алексѣя Казанова, очень вліятельнаго человѣка между Раскольниками, и не въ одной только Саратовской Губерніи, и 3) въ Рыбинскѣ, подъ настоятельствомъ купца Ѳедора Тюменева.

Ученіе Покровской молельни направлено было противъ ученія Преображенцевъ, и Настоятель ея, Василій Емельяновъ, заботился исключительно о привлеченіи въ свою общину Ѳеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища. Цѣль эта достигалась очень просто. Такъ какъ ученіе Ильи Ковылина не допускало правильной семейной жизни, и новожены не могли присутствовать на общей братской молитвѣ съ Преображенцами, да и не допускались между своими единовѣрцами «ни къ ястію, ни къ питію, ни къ любви, ни къ дружбѣ,» то Василій Емельяновъ допустилъ ихъ въ свою Покровскую общину, съ условіемъ предварительнаго испытанія весьма не отяготительныхъ обрядовъ: переходящій въ ихъ общину Ѳеодосіевецъ клалъ

только восемь поклоновъ въ моленьнѣ, отправлялъ непродол-
тельный постъ, цѣловалъ Крестъ и Евангеліе, и, по исполне-
сихъ обрядовъ, онъ дѣлался прихожаниномъ Монинской часов-
тогда какъ Ѳеодосіевцы, при переходѣ Поморцевъ въ ихъ Соглас-
заставляли переходившихъ класть тысячи поклоновъ, нести пр-
должительные посты и присягать торжественно на вѣрность кла-
бищу (смотр. Сборникъ Н. Попова, т. «I-й: Польскій уставъ
Чинъ оглашенія»). Кромѣ того, допускалось, и даже какъ бы дѣ-
лось необходимымъ, въ Покровской часовнѣ брачное сожительст-
съ благословенія родителей и Поморскихъ наставниковъ, также
моленіе за Царя, чего Ѳеодосіевцы не позволяли. Подобная усту-
Покровской часовни, въ глазахъ учителей Преображенскаго кла-
бища, служила для нихъ, единовѣрцевъ соблазнительнымъ примѣро-
въ слѣдствіе этого возникла между ними непримиримая враж-
выразившаяся въ послѣдствіи безконечнымъ рядомъ препиратель-
писемъ, направленныхъ преимущественно на Поморскихъ учите-
и «Новоженовъ.»

Ежели Покровская Монинская часовня уступала Преобра-
скому кладбищу численностію прихожанъ, то можно сказать, ч-
къ этой моленьнѣ принадлежали люди болѣе сильные и вліятель-
между Старобрядцами, и если не умомъ, то матеріяльными средст-
ми: «Хотя малое стадо, но крѣпкое,» говаривалъ Емельяновъ; Монинс-
Согласіе было образованнѣйшей частью Московскихъ Безпоповце-

Василій Емельяновъ управлялъ Покровской часовнею 30 лѣ-
умеръ въ 1797 году, на 68 году отъ рожденія. По смерти его з-
ніе Настоятеля принялъ на себя братъ Емельянова, Алексѣй,
управлялъ этой часовнею до начала XIX вѣка.

Въ послѣдствіи ревностнымъ прихожаниномъ Монинской м-
леньни былъ уроженецъ города Зарайска, Московскій купецъ Га-
ло Илларіоновъ Скачковъ, который, какъ видно изъ помѣщен-
ниже «Прошенія» на Преображенское кладбище, былъ Ѳеодосіев-
какъ и Емельяновъ. Онъ учился у кого-то изъ лицъ духовнаго з-
нія и былъ однимъ изъ лучшихъ Старообрядческихъ писателей. С-
ковъ въ скоромъ времени сдѣлался ревностнымъ распростран-
лемъ ученія Емельянова о сводныхъ бракахъ въ Безпоповщ-
совершаемыхъ въ Покровской моленьнѣ. Онъ установилъ пра-

для совершенія браковъ съ молебнымъ пѣніемъ, и написалъ для этого «Уставъ,» «Канонъ» и «Епитимейникъ,» о которыхъ мы упомянули выше. По принятіи имъ настоятельства въ часовнѣ, вниманіе его прежде всего было обращено на внутреннее устройство общины и на основаніе прочнаго капитала. Съ этою цѣлію Скачковъ завелъ при молельнѣ, такъ называемую, «Брачную книгу,» для внесенія въ нее именъ всѣхъ повѣнчанныхъ въ часовнѣ Московскихъ и иногородныхъ Старообрядцевъ, поручивъ веденіе этой книги зятю своему, Андреяну Сергѣеву (тоже перешедшему изъ Ѳеодосіевцевъ), и постановивши правиломъ дѣлать, при записи въ книгу, со стороны вступающихъ въ бракъ, посильныя денежныя приношенія, не менѣе, впрочемъ, 10 рублей; богатые платили гораздо больше, и ихъ пожертвованія доходили иногда до 1000 рублей Другому своему зятю, Захару Ѳедорову Бронину, Скачковъ поручилъ писаніе иконъ для молельни и на продажу, при чемъ вырученныя за иконы деньги тоже обращались въ общественное достаяніе часовни. Самъ Скачковъ принялъ на себя служеніе въ молельнѣ и надзоръ за проживавшими при ней, число коихъ простиралось тогда до 80 человѣкъ; онъ же былъ и духовнымъ отцомъ прихожанъ этой молельни.

При вступленіи своемъ въ управленіе часовнею, Скачковъ нашелъ въ своей общинѣ упущенія, несоблюденіе установленныхъ брачныхъ правилъ часовни, и написалъ «Епитимейникъ, т. е., уставъ о взысканіяхъ за несоблюденіе правилъ, который и помѣщаемъ въ слѣдъ за его брачнымъ «Канонникомъ.»

Покровская часовня, какъ мы уже сказали выше, имѣла прихожанъ болѣе вліятельныхъ и сильныхъ по вещественнымъ средствамъ. Еще до 1812 г. она пріобрѣла почти всѣхъ богачей изъ Старообрядцевъ того времени; почти всѣ они были прежде послѣдователями Преображенской Ѳеодосіевской общины: Максимъ Ѳедоровъ Зенковъ, Евѳимъ Ѳедоровъ Осининъ, Тимоѳей Даниловъ Щеглдышевъ, Ѳеопемптъ Яковлевъ, жившій въ Срѣтенской Части, Филиппъ Елисеевъ, Григорій Ивановъ Позументщиковъ, Акимъ Дмитріевъ, серебренникъ, Иванъ Пименовъ, каретникъ и проч. и проч Число прихожанъ Покровской часовни около 1812 года увеличилось до 4000, а число призрѣваемыхъ перешло уже за сотню.

Въ такомъ блестящемъ видѣ засталъ Монинскую часовню памятный для Россіи 1812 годъ. Въ это время Скачковъ употребилъ всѣ силы, чтобы сохранить достояніе своей часовни, какъ-то: деньги, иконы, книги и проч.; все это было вывезено изъ Москвы въ разныя Губерніи: Ярославскую, Саратовскую, Костромскую, Астраханскую. Призрѣваемыхъ же при часовнѣ Скачковъ, съ общаго согласія, перевезъ къ купцу Евстигнѣеву, и взялъ слово, что онъ не покинетъ «несчастныхъ» ни въ какомъ случаѣ; а этотъ крайній случай былъ очень возможенъ; по тому что Покровцы отнюдь не расчитывали вступать, подобно Ѳеодосіевцамъ Преображенскаго кладбища, въ какія либо сношенія съ Французами, тогда какъ Безпоповцы Преображенскаго кладбища выдали руками золото,—огромнаго быка, могилу отцовъ своихъ и родину врагу Отечества (смот. Исторію Преображенскаго кладбища въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1862 г., № 2). Самъ же Скачковъ, съ своими зятьями, тоже не выѣзжалъ изъ Москвы, дѣля съ призрѣваемыми радость и горе. Въ 1813 году онъ встрѣтилъ и возвратившихся изъ разныхъ странъ Россіи Покровцевъ.

1812 годъ для Москвы былъ, какъ извѣстно, самымъ бѣдственнымъ: пожаръ и враги Отечества превратили столицу почти въ одно пепелище, въ томъ числѣ и Покровская часовня была сожжена, такъ что отъ нея осталось едва одно основаніе.

Первымъ дѣломъ возвратившихся въ Москву Поморцевъ было построеніе новой часовни. Начались пожертвованія, явились богатые вклады купцовъ: Василія Ѳедорова Панфилова, Никона Матвѣева Гусарева, Акима Андреева, Ѳедора Макарова Фарыскова, Сидора Герасимова Шмакова, сургучника, Тимоѳея Михайлова Ракова, Михайла Васильева, рамщика, Петра Алексѣева Вѣтрова, Егора Семенова. Иногородные Поморцы также приняли участіе въ пожертвованіи: изъ Вологды прислали свои вклады Кокоревы, изъ Борисоглѣбска Звѣздины, изъ Рыбинска Тюменевы, изъ Углича Ждановъ, изъ Ярославля Молотковъ и Моховъ. Получивши такимъ образомъ богатые вклады, Скачковъ немедленно приступилъ, по совѣту своихъ прихожанъ, къ отдѣлкѣ новой часовни, которая была уже выстроена каменная въ два яруса. Перенесли изъ домовъ прихожанъ все нужное для часовни, и также свезенныя изъ разныхъ странъ вещи

вывозившіяся изъ Москвы отъ непріятеля. Часовня украсилась еще лучше прежней, и богослуженіе, совершавшееся Скачковымъ временно въ домахъ прихожанъ, перенесено въ часовню. Число призрѣваемыхъ при часовнѣ опять перешло за 100, а число прихожанъ дошло до 4256 человѣкъ.

Такимъ образомъ дѣла Покровской часовни шли весьма успѣшно, и число прихожанъ увеличивалось со дня на день, въ ущербъ Преображенскому кладбищу. Скачкову уже было трудно одному и настоятельствовать, и быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовникомъ прихожанъ его часовни; онъ, съ общаго совѣта прихожанъ, избралъ себѣ въ помощники Антипа Андреева, Московскаго мѣщанина, родомъ изъ Владиміра, который жилъ въ своемъ домѣ, въ Колосовомъ переулкѣ, Срѣтенской Части, и имѣлъ хорошее состояніе.

Принявши себѣ помощникомъ Антипа Андреева, Скачковъ, чрезъ нѣсколько времени отправился странствовать по Руси: посѣщалъ обители своихъ единовѣрцевъ, изучалъ ихъ общежитіе, службу, а главное предостерегалъ Поморцевъ отъ ученія, враждебныхъ Покровской часовнѣ, Ѳеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища. Не извѣстно, долго ли продолжалось путешествіе Скачкова, но во время его отсутствія Антипъ Андреевъ управлялъ часовнею и велъ дѣла не хуже самаго Скачкова: онъ усилилъ при часовнѣ торговлю книгами, писанными, большею частію, иногородными Поморцами, а равно торговлю иконами, такъ что Поморцы со всѣхъ концовъ Россіи начали съѣзжаться въ часовню для бесѣды съ ея наставникомъ и за пособіями, иные же и за покупками, именно книгъ и иконъ, которыя предпочитали другимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣзжались желающіе получить благословеніе на бракъ отъ Настоятеля часовни: «Онъ благословитъ, говорили Раскольники, да и въ книгу запишетъ.» Средства часовни тоже стали увеличиваться.

По возвращеніи Скачкова изъ путешествія, онъ снова вступилъ въ управленіе дѣлами часовни, и управлялъ ими, съ помощію Антипа Андреева, до самой своей смерти. Въ 1818 г. Скачковъ написалъ сочиненіе: «О мнѣніяхъ Ѳеодосіевцевъ Преображенскаго кладбища, и о различіи ихъ ученія отъ ученія Покровской часовни. Мы помѣщаемъ его ниже.

Въ 1821 г., 15 Августа, Скачковъ умеръ, проживши около осьмидесяти лѣтъ, и его должность занялъ Антипъ Андреевъ.

Какъ великъ былъ капиталъ Покровской общины, когда вступилъ въ должность Андреевъ, не извѣстно; извѣстно только, что общественныя деньги хранились, въ настоятельство Скачкова, у купца Гусарева. Антипъ Андреевъ, кромѣ торговли книгами и иконами, открылъ особый доходъ для часовни—отъ пѣвчихъ: это его личное нововведеніе. Въ то время пѣвчихъ, во всей Старообрядческой средѣ въ Россіи, имѣло только Преображенское кладбище. Были, правда, пѣвцы и въ Выговскомъ монастырѣ, на Керженцѣ, въ Стародубѣ и Москвѣ при Филипповской часовнѣ, но въ особенности славились пѣвчіе у Преображенцевъ. Андреевъ, желая ослабить и въ этомъ дѣлѣ преобладаніе Преображенскаго кладбища, завелъ своихъ пѣвчихъ, которые въ послѣдствіи были лучше и пѣли стройнѣе Преображенскихъ, что отчасти привлекало Старообрядцевъ къ Покровской часовнѣ. Прихожане вполнѣ сочувствовали этому нововведенію, и найболѣе достаточные изъ нихъ предложили Андрееву брать его пѣвчихъ на всенощныя, обыкновенно совершавшіяся въ домашнихъ молельняхъ богачей, чрезъ что, разумѣется, увеличились пожертвованія въ часовню. Кстати перечислимъ домашнія молельни: 1) купца Н. М. Гусарева, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 2) купца В. Ѳ. Панфилова, въ Прѣсненской Части; 3) купца Ѳ. Зенкова, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 4) купца С. Г. Шмакова, сургучнаго фабриканта, тамъ же; 5) Купца А. П. Соколенкова, тамъ же; 6) купца И. Макарова, тамъ же; 7) мѣщанина Соловьева, въ 3-мъ кварталѣ Лефортовской Части; 8) купца Д. Д. Бавыкина, тамъ же; 9) купца Панкратова, въ 6-мъ кварталѣ той же Части; 10) купца Ѳ. Макарова, во 2-мъ кварталѣ Рогожской Части; 11) купца Н. П. Шевалдышева, въ Тверской Части; 12) купца Прокофьева, тамъ же; 13) купца Бѣляева, въ Мѣщанской Части, и 14) купца Е. Евѳимова, въ Срѣтенской Части. Всѣ этѣ молельни, особенно молельни купцовъ Панфилова, Шевалдышева, Шмакова, Зенкова и Гусарева, имѣли богатые иконостасы и разнаго рода цѣнныя украшенія, а сходбища въ нихъ далеко не ограничивались семейными кружками: онѣ всегда были полны народомъ, особенно когда Андреевъ началъ являться въ нихъ съ своими пѣвчими.

Успѣхи Антипа Андреева наиболѣе были замѣчательны въ 1827 году. Прихожанъ въ Покровской часовнѣ набралось до 7000, а призрѣваемыхъ при ней состояло около 200 человѣкъ.

Это увеличеніе прихожанъ отчасти слѣдуетъ приписать миролюбивому духу распространенія Поморцевъ и отчасти отсутствію стѣсненія со стороны мѣстной полиціи, которая даже не задолго предъ тѣмъ выхлопотала, у высшаго начальства, признаніе законными браки, совершавшіеся въ Покровской часовнѣ, для чего и была заведена книга, какъ мы выше сказали, хранившаяся у Андреяна Сергѣева. Не дозволено было, однако же, Покровскимъ наставникамъ вѣнчать иногородныхъ Раскольниковъ. Разумѣется, на самомъ дѣлѣ это условіе въ отношеніи къ иногороднымъ не было исполняемо. Покровцы также вѣнчали иногородныхъ, какъ и Московцевъ, только съ большею платою за записку въ книгу, хотя она исключительно была установлена для столичныхъ Раскольниковъ. *

---

* «Свидѣтельство о бракѣ.

1835 года, Октября 24 дня, на основаніи Высочайшихъ существующихъ Указовъ, всемилостивѣйше Старообрядцамъ о бракахъ состоявшихся 1718, Марта 2 и Октября 9, 1719, Марта 24, 1762, Декабря 14, 1775, Марта 17, ст. ст., и Высочайше утвержденнаго въ 26 день Марта, 1819 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта и Правительствующимъ Сенатомъ распубликованнаго Указомъ въ Апрѣлѣ 1819 г., и по Указу Правительствующаго Сената, распубликованному отъ 4 Января, 1819 г., мы нижеподписавшіеся симъ свидѣтельствуемъ, что дворовый человѣкъ Семенъ Тимофѣевъ, Старообрядецъ Ярославской Губерніи, Ростовскаго Уѣзда, Економической Жадимеровской волости, деревни Сельниковъ, съ крестьянской дочерью, дѣвицею Матреною Федоровою, Старообрядкою, въ Москвѣ Лефортовской Части въ Старообрядческомъ общественномъ домѣ, сего 1835 г., Октября 23 дня, вступилъ въ законное супружество, оба первымъ бракомъ. Въ утвержденіе чего, по Указу Московскаго Магистрата 2-го Департамента 1804 г., Февраля 15 дня, означеннаго Старообрядческаго дома Попечители подписуемся: Московской 1 гильдіи купецъ Никаноръ Матвѣевъ Гусаревъ, Московской мѣщанинъ Маркелъ Никитинъ. Подпись рукъ удостовѣряю Лефортовской Части 4 квартала Квартальный Надзиратель Колосовскій.

Въ третьей книгѣ записной 1835 г., № 13.

Съ подлиннымъ вѣрно: Села Хаседѣева Священникъ Іоаннъ Николаевъ Воскресенскій.»

Чета, которой дано это свидѣтельство, Ѳеодосіевскаго Согласія.

Маловажный случай повелъ къ раскрытію этого злоупотребленія Покровской часовни. Разъ пріѣхала вѣнчаться какая-то богатая чета изъ Владимирской Губерніи. Бракъ совершился, молодые уѣхали домой, и дѣло, казалось бы, было кончено. Вышло, однако же, не такъ. Приходскій Священникъ той мѣстности, гдѣ жили новобрачные, донесъ своему начальству о злоупотребленіи Покровцевъ въ вѣнчаніи браковъ. Началось изслѣдованіе заявленнаго дѣла, по которому добрались и до другого, болѣе важнаго. Антипъ Андреевъ, не извѣстно по чему, вопреки Поморскимъ установленіямъ, отмѣнилъ молитву за Царя, и не признавалъ браковъ, совершенныхъ въ Православной Церкви. Это заставило мѣстныя власти упразднить молельню Покровцевъ, съ передачею земли, на которой она была построена, наслѣдникамъ Монина. Впрочемъ, полиція оказала тутъ Покровцамъ всевозможныя услуги, естественно, за извѣстную благостыню: прежде чѣмъ опечатывать часовню, она предупредила Покровцевъ, кои и успѣли вывезти изъ часовни иконы и утварь въ домашнюю молельню купца Гусарева. Тогда домашняя молельня купца Гусарева обратилась въ общественную, и призрѣваемые размѣстились частію у Гусарева, а частію у купчихи Рудаковой. Антипъ же Андреевъ продолжалъ распространять ученіе по прежнему.

Этотъ случай, постигшій Покровскую часовню, еще болѣе соединилъ общину, и заставилъ быть болѣе осторожными въ отношеніи полицейскихъ властей. Такъ какъ прихожане не могли помѣщаться въ одну общую молельню, и богослуженіе совершалось по разнымъ домамъ и по частнымъ молельнямъ, то Антипу Андрееву одному трудно было управляться съ службами: онъ вызвалъ двухъ помощниковъ: наставника Михайла Яковлева, изъ города Гороховца (Владимирской Губерніи), и Поморца Казанкова, изъ Саратова, поручивъ имъ отправленіе домашняго богослуженія.

Для вящшаго же значенія, Андреевъ вызвалъ еще, изъ того же Гороховца, гдѣ иноки славились своимъ благочестіемъ, монаха Тарасія. Лишь только появился при часовнѣ этотъ монахъ, какъ къ нему нахлынули цѣлыя толпы стариковъ и старухъ, для полученія разрѣшенія отъ грѣховъ: значительная часть прихожанъ избрала его своимъ духовникомъ.

Сдѣсь, для сохраненія послѣдовательности мы вынуждены возвратиться къ прежнимъ событіямъ, имѣющимъ неразрывную связь съ настоящими. Андреянъ Сергѣевъ, какъ мы видѣли выше, былъ зять Гаврила Ларіонова Скачкова. Онъ занималъ должность главнаго прикащика у купца Л. Осипова. Сергѣевъ, обойденный послѣ тестя настоятельствомъ, только наружно ладилъ съ часовнею. Въ его завѣдываніи была упомянутая выше брачная метрическая книга, привлекавшая къ Покровской часовнѣ многихъ Московскихъ и иногородныхъ Поморцевъ, только по тому, что записанные въ ней браки признавались Правительствомъ.

Андреянъ Сергѣевъ свелъ дружбу съ, призрѣваемымъ у купца Грачова, прихожаниномъ Преображенскаго кладбища, который, по своимъ убѣжденіямъ, болѣе подходилъ къ ученію Поморскому. Грачевъ, лишившись на старости лѣтъ единственнаго сына, выстроилъ, в память умершаго наслѣдника своего, молельню, во 2-мъ кварталѣ Лефортовской Части, и при ней помѣстилъ нѣсколько бѣдняковъ своего Согласія, съ тѣмъ, чтобы они молились за упокой души любимаго его сына. Въ числѣ призрѣваемыхъ былъ, между прочими, бѣглый солдатъ И. В. Онисимовъ, перешедшій, укрываясь отъ суда, въ Ѳеодосіевское Согласіе въ 1813 г. Благодаря стараніямъ Бѣлевскаго купца, Е. И. Сорокина, и содѣйствію, за извѣстную благодарность, Казначея Московской Управы Благочинія, Онисимовъ былъ приписанъ въ Московскіе мѣщане, по билету умершаго въ Бѣлевѣ его роднаго брата, и такимъ образомъ съ этой стороны положеніе Онисимова было обезпечено. Вотъ съ этѣмъ-то Онисимовымъ Андреянъ Сергѣевъ, изъ личныхъ своихъ видовъ, свелъ дружбу, какъ съ человѣкомъ нужнымъ въ молельнѣ Грачова. Онисимову представлялись выгоды отъ знакомства съ Сергѣевымъ, какъ съ человѣкомъ имѣющимъ въ рукахъ своихъ такую важную для Покровцевъ браковписную книгу. Изложеніе дальнѣйшихъ событій объяснитъ читателямъ поводы этого загадочнаго сближенія.

Сергѣевъ придумалъ съ своимъ сообщникомъ средство, для отвлеченія прихожанъ къ введенному Антипомъ Андреевымъ въ Покровской молельнѣ, крюковому пѣнію, о которомъ мы говорили выше. На это-то пѣніе Сергѣевъ обратилъ свое оружіе, доказывая,

что крюковое пѣніе извращаетъ слова церковныхъ пѣсней, которое идетъ не по удареніямъ, ни мало не вразумительно, между тѣмъ какъ Аввакумовскій Уставъ: «пѣть протяжно и безъ перемѣны голоса,» дѣлаетъ понятнымъ каждое слово. Старый Поморскій напѣвъ, введенный Антипомъ Андреевымъ, не соотвѣтствуетъ, говорили они, грамматическимъ правиламъ произношенія словъ, и исполнять его грѣшно; ибо заповѣдь Протопопа Аввакума обязываетъ «не тянуть голосъ, когда поешь, не дѣлать возвышеній и пониженій, не измѣнять словъ, но ровно произносить, какъ бы разговоръ, чтобы не было разврату.» Мысль Сергѣева раздѣляли: купецъ Ѳ. Фарыковъ, Чугуевскій Казакъ Т. Алексѣевъ, купецъ С. Яковлевъ и другіе. Отысканъ былъ Уставъ Аввакума, и мѣщанинъ П. В. Сорокинъ взялся обучить пѣвчихъ новому напѣву. Но лишь только новый безобразный хоръ огласилъ часовню, какъ Настоятель, Антипъ Андреевъ, прихожане купцы: Морозовъ, Гусаревъ, Шевалдышевъ и Зевковъ «возопили противъ новаго раскола, осквернившаго (перемѣною крюковаго пѣнія на нарѣчное) часовню.» Оскорбленные нововводители составили отдѣльную партію, и были преданы Монинцами проклятію. Хоръ пѣвчихъ раздѣлился: одни пѣли по крюкамъ, а другіе по Аввакумовски. Начались споры, брань, даже драка среди службы случалось, страсти разгорались до такой степени, что стоящіе забывали богослуженіе, бросали не отпѣтымъ покойника, къ огорченію родныхъ, и проч. Ни одна сторона не уступала. Раздѣленіе часовни на два враждебные стана должно было неизбѣжно послѣдовать; оно, впрочемъ, было задумано напередъ. Андреянъ Сергѣевъ перешелъ съ своими въ молельню Грачова, ввелъ въ ней съ Онисимовымъ Аввакумовское пѣніе, началъ вѣнчать браки, «съ записью ихъ въ похищенную имъ брачную книгу,» и число прихожанъ Грачовской молельни скоро достигло до 3000, да призрѣваемыхъ при ней собралось до 200 человѣкъ.

Слѣдствіемъ такого успѣха Сергѣева и Онисимова было соединеніе съ Грачовской часовней Поморскихъ общинъ: Стародубской, Волоколамской и Поморцевъ по берегамъ Хутыни, Оки и Волги. Хотя послѣдователи старой Покровской часовни и говорили: «Онисимовъ совращалъ слабодушныхъ слѣдовать его напѣву, и забыли малодушные Христіане крюковой уставъ, которымъ поютъ сами Ангелы, предались губящему душу нарѣчному пѣнію,» однако Онисимовъ

юдолжалъ свое дѣло безъ пререканій. Впрочемъ, отдѣленіе отъ кровской часовни Сергѣева вызвало усиленную дѣятельность въ Антипѣ Андреевѣ. Онъ успѣлъ подчинить своей часов- Поморцевъ подмосковнаго села Зуева и почти весь Покровскій ѣздъ Владимирской Губерніи, а брачную книгу, унесенную Сергѣе- мъ, замѣнилъ выдачею свѣдѣтельствъ, за подписью первостатей- хъ прихожанъ.

Въ 1836 году Антипъ Андреевъ умеръ. На его мѣсто избранъ ъ Настоятелемъ часовни нѣкто Петровъ, ленточникъ. Капиталъ овни простирался тогда до 60 тысячь рублей Въ помощники тровy, за старостію лѣтъ, избраны были Казанковъ и Тарасій.

Въ 1843 г. Казанковъ, по смерти Петрова, сдѣлавшись На- ятелемъ, снова объединилъ общину и увеличилъ ее до 9000 овѣкъ, но это было только до его смерти, послѣдовавшей въ 7 г. Тогда прихожане Покровской часовни все таки распались мелкія партіи, и изъ этѣхъ партій образовались еще особыя ельни: 1) три Морозовскія, въ 3 кварталѣ Яузской Части, въ ѣ богача Елисея Морозова, * сдѣлавшагося прихожаниномъ По- вской часовни изъ Поповцевъ; Настоятелемъ ея сдѣланъ былъ цанинъ М. Андреевъ; 2) въ Лефортовской Части, въ его же домѣ, назначена, для отправленія богослуженія, послѣ мѣщанина Д. Маморина, взятаго въ темницу, крестьянская дѣвка Дарья Не- ьева, съ старухами, содержавшимися при молельнѣ на счетъ юзова; 3) на фабрикѣ Морозова, въ селѣ Зуевѣ, гдѣ служба равлялась самимъ хозяиномъ. Молельня эта, благодаря дѣя- ьности Морозова, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе преуспѣ- : было дошло до того, что Морозовъ задумалъ увѣковѣчить е имя, назвавши Зуевскихъ фабрикантовъ «Морозовскимъ Тол- ъ,» для чего раздавалъ безплатно матеріи и другія вещи, при- ая этѣмъ мірянъ къ своему Согласію. Елисей Морозовъ при- етъ Антихриста чувственнымъ, вопреки Поморскому ученію, и ъ другія особенности противъ ученія Поповцевъ; 4) во 2-мъ талѣ Лефортовской Части, въ домѣ купца Соколова, въ которую

———

* Елисей Савичъ Морозовъ скончался въ Февралѣ 1868 г., въ Москвѣ.

наставниками назначены: С. Яковлевъ, С. Матвѣевъ и Г. И. Бронцевъ (первый въ 1854 году присоединился къ Единовѣрію); 5) въ 1-мъ кварталѣ Рогожской Части, въ домѣ Д., у купца А. П. Зайцева: наставникомъ въ ней былъ тотъ же Бронцевъ.

Та же участь постигла и Грачовскую молельню: она также распалась на партіи. Примѣръ Андреяна Сергѣева соблазнилъ одного изъ Петербургскихъ Поморскихъ наставниковъ, нѣкоего Петра Онуфріева. Онъ распространилъ слухъ, чрезъ своихъ людей между Старообрядцами въ разныхъ мѣстахъ Россіи, что ему позволено Святѣйшимъ Синодомъ совершать браки и выдавать брачныя свидѣтельства. Вѣнчаніе Поморцевъ пошло свободно и въ Петербургѣ. Слухи объ этомъ дошли и до Святѣйшаго Синода; назначено было слѣдствіе. Онуфріевъ указалъ на примѣръ Сергѣева. Послѣдній успѣлъ только скрыть до обыска брачную книгу и долженъ былъ спѣшить выпутаться въ Петербургѣ, снабженный отъ Грачовской общины 50 тысячами рублей. Разными происками онъ хоть и успѣлъ въ этомъ, но вести брачную книгу ему запрещено навсегда. * Документы Покровской Монинской молельни я получилъ отъ Евдокіи Гавриловны Брониной, родной дочери Настоятеля часовни, Гаврила Ларіонова Скачкова, бывшей прихожанки Монинской молельни, перешедшей, въ 1843 году, въ Единовѣріе. Эта женщина была замѣчательна своимъ, рѣдкимъ въ Расколѣ, образованіемъ и основательнымъ знаніемъ классическихъ языковъ, преимущественно Греческаго, а равно и Богословія. Въ послѣдствіи я помѣщу нѣкоторыя изъ ея статей противъ Раскола, особенно противъ Преображенскаго кладбища, гдѣ раскрыто много тайнъ Старообрядческаго быта. Е. Г. Бронина скончалась въ Москвѣ, въ 1862 году, на 76 году своей жизни.

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о религіозномъ значеніи Покровскаго (Монинскаго) Согласія. Оно было основано, какъ мы и сказали, на ученіи братьевъ Денисовыхъ,

---

* Этими свѣдѣніями мы воспользовались изъ статьи: «Исторія Покровской Молельни,» напечатанной въ журналѣ: «Православное Обозрѣніе,» № 6-мъ, за 186[illegible] годъ.

основателей Поморскаго Согласія, и дѣйствительно шло по основоположенію Поморскихъ учителей до настоятельства Гаврила Ларіонова Скачкова, человѣка весьма замѣчательнаго въ Старообрядческой средѣ. Читатели найдутъ ниже его сочиненія, и прочтутъ его «Прошеніе,» поданное объ увольненіи изъ общины Преображенскаго кладбища, изъ чего увидятъ, что Скачковъ также, какъ и Василій Емельяновъ, Андреянъ Сергѣевъ и другія замѣчательныя личности Раскола, былъ прежде Ѳеодосіевскаго Толка. Что именно заставило ихъ перейти отъ Преображенскаго Ильи Алексѣева Согласія къ Покровской Монинской часовнѣ, мы постараемся объяснить, на основаніи помѣщенныхъ ниже документовъ.

Согласіе Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища принадлежитъ къ числу Раскольническихъ Согласій самыхъ враждебныхъ Православной Церкви: сдѣсь характеръ ереси доходитъ почти до крайней степени ожесточенія, и развѣ только уступитъ въ своей напряженности Согласіямъ Филипповцевъ и Бѣгунковъ или же Странниковъ, и становится, такъ сказать, насилованіемъ совѣсти своихъ послѣдователей. Каждое насиліе, по законамъ природы, а равно и по законамъ общественнымъ, необходимо вызываетъ противодѣйствіе. Сдѣсь противодѣйствіе выразилось въ отпаденіи отъ Преображенской общины Согласія Покровской часовни. Изувѣрство Преображенцевъ пробудило нѣкоторые, не вполнѣ еще подавленные имъ, умы, указало имъ всю нелѣпость изувѣрныхъ убѣжденій, порожденныхъ не выводами безпристрастной мысли, а слѣпою, безсознательною враждою къ Православію. Покровцы отторглись отъ Толка, и въ «Уставѣ» своемъ (смотри ниже) искренно и безбоязненно исповѣдали свои прежнія заблужденія, и указали причины, побудившія ихъ отречься отъ этѣхъ заблужденій.

Отпаденіе этѣхъ новотолковъ не было вызвано какою либо богословскою распрею: оно совершилось естественнымъ ходомъ разочарованія, мирно, не шумно, не громко, благодаря дѣятельности Емельянова, Скачкова и другихъ, чрезъ которыхъ образовалось въ Москвѣ новое Согласіе Покровской Монинской часовни. Небольшое число людей, какъ мы видѣли, найболѣе образованныхъ въ общинѣ, отошло отъ кладбища, не для того, однако же, чтобы присоединиться къ Православной Церкви, убѣдившись въ истинѣ ея ученія, а един-

ственно, чтобы устраниться отъ исповѣданія безмысленныхъ вѣрованій, не имѣющихъ ни какого разумнаго основанія. Этѣ разновѣрцы не шли, какъ мы уже сказали, къ Православію, а, между тѣмъ, сами не зная того, къ нему приблизились, и это сближеніе было не притворнымъ сближеніемъ Окружнаго посланія, а искреннимъ невольнымъ сознаніемъ, не устраняемаго преобладанія истины. Замѣчательно, что основатели Покровской Монинской часовни были люди, какъ мы уже сказали, наиболѣе просвѣщенные изъ цѣлой общины, каковы: Василій Емельяновъ, Скачковъ, Андреянъ Сергѣевъ и другіе. Не доказываетъ ли это, что, по мѣрѣ распространенія истиннаго просвѣщенія въ Раскольничьихъ Согласіяхъ, свѣтъ истины все болѣе и болѣе проникаетъ въ нихъ? Не предвѣщаетъ ли это, что всѣ Раскольники, удерживаемые въ своихъ заблужденіяхъ только невѣжествомъ, необразованностію и закоренѣлымъ упрямствомъ, необходимымъ спутникомъ не просвѣтленной мысли, не развитой природы, обратятся къ истинной Церкви, какъ только свѣтъ истиннаго просвѣщенія озаритъ ихъ? Образованность тѣмъ, или другимъ, путемъ необходимо проникнетъ въ огрубѣвшій отъ историческихъ причинъ низшій слой нашего общества. Быть можетъ, мы не далеки уже отъ того времени, когда Русскій Старовѣръ раздвинетъ пошире теперешніе предѣлы своей разумно-нравственной дѣятельности, когда мысль его перестанетъ быть отголоскомъ чужихъ звуковъ, когда чувства его, застывшія въ холодной атмосферѣ безучастія, оттаютъ, осмыслятся, сдѣлаются воспріимчивѣе, и это омраченное подобіе Создавшаго его будетъ сердечно горѣть теплой истинной вѣрой къ Создателю, не по внѣшней только формѣ благочестія, завѣщанной ему праотцами, но и по душевной потребности, какъ долга совѣсти, какъ влеченія признательнаго сердца. Тогда Расколъ увидитъ свои заблужденія, и ему не нужно будетъ насилій изувѣрства, чтобы обратиться къ истинной Церкви, къ господствующему на Руси Православію.

ГАВРІИЛЪ ЛАРІОНОВИЧЪ СКАЧКОВЪ.

(Родился 1745 г. умеръ 1821 года.)

Вокругъ портрета Скачкова на подлинникѣ сдѣлана слѣдующая надпись:

«Московскій мѣщанинъ, Старообрядецъ, Гавріилъ Иларіоновичъ Скачковъ, родился 1745 г., Марта 18-го, скончался 1821 г., Августа 15-го.»

Внизу же самаго портрета написаны стихи, сочиненные Андреяномъ Сергѣевымъ, такого содержанія:

«Спасительна ума, премудрости любитель,
Чтилъ вѣру, чинъ, законъ, неправды обличитель,
Сей дѣвству честь принесъ, супружество почтилъ,
Закономъ дѣвства нѣтъ, писаньемъ изъяснилъ.»

I.

УСТАВЪ БРАЧНЫЙ

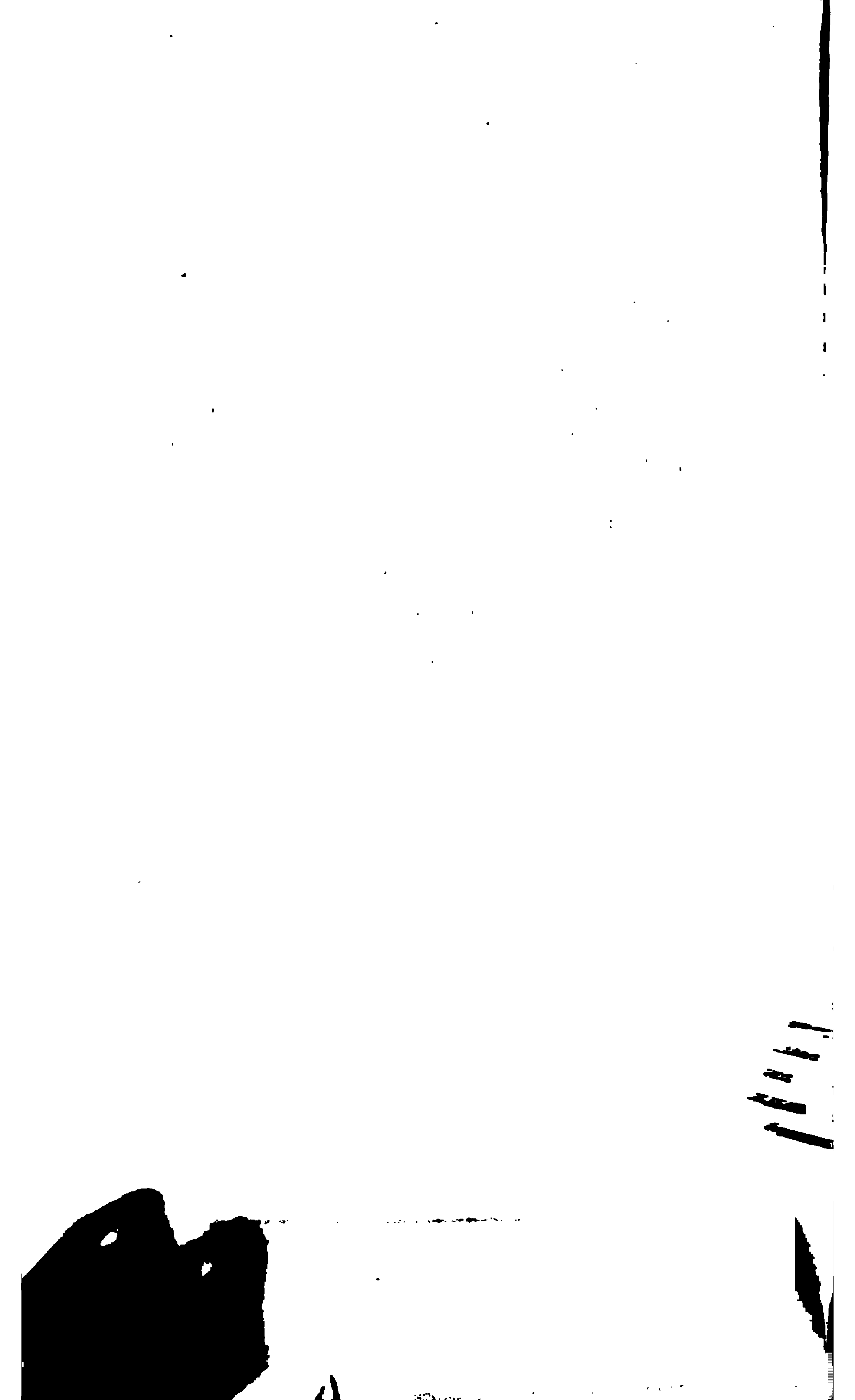
ПРАВОВѢРНАГО СТАРОВѢРЧЕСТВА.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ самаго начала, какъ родилось въ Россіи священное имя «Старовѣръ,» и до истеченія осьмагонадесять вѣка, такъ Старовѣрство угнетаемо было проклятымъ тиранизмомъ и постыднымъ предразсудкомъ, соединеннымъ съ суевѣріемъ, что едва могло возникать на стези откровенія и природы въ разсужденіи шестой тайны. А это все по тому, что нѣкоторые ученые, естьли жь ихъ можно назвать (таковыми), проповѣдавши о сей жизни трагическимъ образомъ и облекшись по большой части въ трауръ, почитая его истуканомъ, и представляя себѣ оное дѣйствіе въ видѣ священной роли, брали особенно каждая оружія клятвъ и поражали всякаго, противящагося ей..... Тогда невѣжество надъ ихъ сердцами торжествовало, премудрость попираема и обожаемъ былъ хаосъ; нѣкоторыя особы, познакомясь нѣсколько съ Откровеніемъ и натурою брачною, погрѣшность замѣчали, вздыхая и удивляясь слѣпотѣ ожесточенныхъ сердецъ. Но сами, напротивъ того, мало отступая отъ водворившейся въ душѣ ихъ постыдной мѣты; поелику не имѣли въ виду положительныхъ истинъ сего предмета, а по тому и не было, какъ рѣшительнаго исповѣданія о сей таинѣ, такъ и священнаго чина или порядка, совершаю-

---

* Первая половина Брачнаго Устава, отъ Предисловія до конца: «Предварительныя наблюденія законныхъ браковъ,» сочинена, 1803 года, въ Москвѣ, Павломъ Онуфріевымъ Любопытнымъ. Смотри его «Словарь и Каталогъ,» на стр. 161-й, изданія Н. И. Попова.—Сдѣсь, однако, тотъ и другой (Словарь и Каталогъ) составляютъ простую перепечатку ихъ изъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ,» 1863 г., кн. I, отд. 1, стр. 1—178. О. Б.

о намѣ-

I.

УСТАВЪ [illegible]

И ПРАВОВѢРНАГО СТАР[illegible].

[illegible]

Съ самаго [illegible]
«Старовѣръ,» и [illegible]
вѣрство угнетаемо [illegible]
нымъ предразсу[illegible]
ло возникать [illegible]
шестой тайны. А [illegible]
ли жь ихъ [illegible]
трагическимъ [illegible]
уръ, почитая его [illegible]
въ видѣ священной [illegible]
и поражали [illegible]
ихъ сердцами [illegible]
былъ хаосъ; [illegible]
веніемъ и натур[illegible]
удивляясь слѣпотѣ
того, мало отступа[illegible]
мѣты; поелику [illegible]
предмета, а по [illegible]
о сей таинѣ, [illegible]

[illegible]лесное.
[illegible]хъ Отецъ,

[illegible]его нѣтъ ли

[illegible]ть отпускную.

[illegible]а цѣломудрен-

[illegible]ющіе? Но сей
[illegible]ятельствъ и го-
[illegible]наченныхъ пун-
[illegible]описаніи свидѣ-
[illegible]должно таковыя
[illegible]бразомъ омолитво-
[illegible] разсмотрѣнію про-
[illegible]лаго, не молитвосло-
[illegible]ятельскаго сана, или

[illegible]ніе.

[illegible]іновы, либо которая изъ нихъ
[illegible]нія, то надобно ихъ исповѣдать,
[illegible]чистосердечно ли признаютъ су-
[illegible] согласіи жени[illegible] невѣсты, продол-
[illegible] И когда со[illegible]ся на сіе мнѣніе,
[illegible] нихъ первы[illegible]ложенія пункты,
[illegible]крыто не бу[illegible] ихъ слѣдуетъ

[illegible] Первая по[illegible]
тельныя [illegible]
[illegible] Ону[illegible]
[illegible], п[illegible]
[illegible]) [illegible]
Общ[illegible]
186[illegible]

щаго оную публично въ молитвенномъ храмѣ; по сей самой причинѣ въ истинномъ даже Старовѣрствѣ брачное совершеніе существовало во многовидномъ и преглупомъ безобразіи относительно до Религіи и наружностей. Не смотря на такія плачевныя разстройства, стыдъ и позоръ всѣмъ Внѣшнимъ, содрогались, вздыхали и ужасались, будучи Царское священіе, языкъ святъ, находилися у всѣхъ почти Исповѣданій въ крайнемъ презрѣніи, поношеніи и яко овощномъ хранилищѣ; для того пророчески сказать: «Ревность дому твоего, Господи, снѣсть мя.» Призвавъ въ помощь Всевышняго Бога, рѣшились всѣ оныя постыдства въ истинныхъ сочленахъ ослабить и пресѣчь, и образовать сей предметъ разумомъ, благочиніемъ и непоколебимостію; по чему, сообразуясь со временемъ и нравами людей, издали, на первый разъ, сей «Брачный Уставъ,» дабы Церковь сохранить отъ всѣхъ нелѣпостей, Творца своего восхвалять и прославить, совершающей же четѣ милость Божію получить, а труждьшимся въ священномъ семъ изданіи вящьшей благодати сподобиться, и, по заглажденіи всѣхъ продерзостей противъ своего виновника жизни, наслѣдовать превыспреннія небеса, и во вѣки вѣкомъ съ Создателемъ оныхъ царствовать.

ГЛАВА I.

Предварительныя наблюденія законныхъ браковъ.

Первое положеніе.

Всякъ, кто вознамѣрится вступить въ союзъ священнаго брака, и чтобъ оный навсегда былъ твердъ, непоколебимъ и счастливѣйшій, по подобію дому Израилева, то долженъ быть засвидѣтельствованъ въ храмѣ Бога живаго отъ служителей Всевышняго; а по тому и обязывается каждый истинный сочленъ Церкви о семъ предметѣ вступленія объявить за нѣсколько дней Настоятелю.

Настоятель, по извѣстіи сего, долженъ немедленно о намѣревающихся брачиться прилежно разсмотрѣть:

1. Родство ихъ степеней, какъ духовное, такъ и тѣлесное.
2. Годы, кои бъ были сообразны Правиламъ Святыхъ Отецъ, какъ молодыхъ, такъ и пожилыхъ, людей.
3. Не пущеница ли?
4. Не имѣетъ ли другого мужа, равно и у него нѣтъ ли другой жены?
5. Не господская ли: то надобно отъ онаго имѣть отпускную.
6. Не бѣглая ли?
7. Не было ли у котораго когда обѣщанія на цѣломудренную жизнь?
8. Дозволяютъ ли родители, или начальствующіе? Но сей дозволъ служитъ въ разсужденіи обстоятельствъ и годовъ брачущихся. И такъ, естьли въ означенныхъ пунктахъ не будетъ противорѣчія, то, по росписаніи свидѣтелей, на то въ опредѣленной книгѣ, должно таковый бракъ, яко законный, надлежащимъ образомъ омолитвословить. Буде жь что окажется сему разсмотрѣнію противное, то онаго брака, яко незаконнаго, не молитвословить, подъ казнію изверженія настоятельскаго сана, или строжайшаго наказанія.

Второе положеніе.

Ежели Ѳедосѣйцы, или Филипповы, либо которая изъ нихъ часть изъ упомянутаго Исповѣданія, то надобно ихъ исповѣдать, и при томъ еще узнать, что чистосердечно ли признаютъ существо брака въ взаимномъ согласіи жениха и невѣсты, продолжающемся во весь свой вѣкъ? И когда согласятся на сіе мнѣніе, тогда уже и разсматривать въ нихъ перваго положенія пункты, и естьли онымъ противнаго открыто не будетъ, то ихъ слѣдуетъ молитвословить.

Третіе положеніе.

Естьли жь случится Внѣшняя, или Уніятская, * либо Старообрядческая ** часть, то на этотъ разъ должно быть гораздо осторожнѣе; разсмотрѣвши всѣ опасныя обстоятельства подробно, приступать къ образованію оной такимъ образомъ: буде не окажется изъ обстоятельствъ противорѣчій, то разсматривать найстрожайше перваго положенія пункты, и, по неоказаніи противностей оными, надобно огласить, научить и крестить. Послѣ котораго омовенія не омолитвословливать восемь дней. Сіе наблюдать должно найстрожайше, подъ отлученіемъ отъ Церкви.

ГЛАВА II.

Порядокъ законнаго брака.

§ 1. Благоразумные родители, сообразуясь, какъ съ натурою *** дѣтей своихъ, такъ и со всѣми обстоятельствами внѣшностей, должны совѣтоваться съ сыномъ своимъ, что время ему сопрящись законному браку, равно и дщери предлагаютъ, что время ей быть въ супружествѣ.

§ 2. И естьли оные на такіе приговоры окажутъ знаки своего желанія, то родители, или воспитанники ихъ, должны не-

* Уніаты тѣ, которые, какъ новые, такъ и древніе, догматы признаютъ за равноспасительны.

** Поповщина; они называются такъ по тому, что имѣютъ бѣглыхъ, изверженныхъ и недостойныхъ, Поповъ; Старообрядцами же проименованы за то, что находящійся въ нынѣ существующей Россійской Церкви въ новомъ вкусѣ или фигурѣ церковный обрядъ замѣчаютъ быть не согласнымъ съ древнимъ Святыхъ Отецъ положеніемъ, и не вникая въ цѣль онаго, или разсматривая оной цереконіи таинство и исповѣданіе объ ономъ же Внѣшнихъ, по тому и принимаютъ отъ Россійской Церкви нѣкоторыя таинства за благодатныя.

*** Съ натурою, естьли они сложеніемъ крѣпки, здоровы и находятся въ нихъ особенно побужденія къ сонтію, или даже разумъ и лѣта довольныя.

недленно посылать свата, или сваху, съ объявленіемъ своего намѣренія, что такой-то имянно прислалъ объяснить требованіе свое, который желаетъ вашу дщерь сопрящи съ сыномъ своимъ законнымъ бракомъ, или намѣревается выдать дочь свою въ супружество вашему сыну.

§ 3. Особы, которыя въ совершенныхъ лѣтахъ и ни отъ кого не зависимы, сообразясь съ своими обстоятельствами, оное сватовство могутъ чинить самолично, но благопристойнѣе чрезъ ходатаевъ.

§ 4. Ходатаи должны быть правовѣрны, яко чада свѣта, а не тьмы внѣшнихъ толковъ.

§ 5. Чрезъ которыхъ ходатаевъ узнавши обѣ стороны свои пользы и желаніе, дѣлаютъ договоръ о приданомъ, родители жениха и невѣсты лично, или посредствомъ росписи ходатаи.

§ 6. И ежели согласятся съ обѣихъ сторонъ на упомянутое предложеніе росписи, то женихъ, или родители, либо воспитанники его, назначутъ время смотра.

§ 7. На сей смотръ сторона невѣсты, прибывшихъ въ хорошемъ уборѣ родителей жениха и родственниковъ, или, вмѣсто ихъ, пріятелей, принимаютъ благосклонно и учтиво въ домъ невѣсты; прибывшіе смотрѣльщики, при входѣ своемъ въ покои, перекрестясь, дѣлаютъ трикратное поклоненіе въ поясъ Святымъ иконамъ, и, поздравствовавшись съ домашними, приглашаются сими садиться подлѣ стола, впереди и назади онаго. Помѣшкавъ нѣкоторыя минуты, является невѣста въ великолѣпномъ видѣ присутствующимъ и, поклонившись, подносяпитіе, спрашиваема бываетъ женихомъ, или родительми жениха, иль ходатаемъ, о имени ея, состояніи, или другихъ какихъ вещахъ; равнымъ образомъ съ невѣстиной стороны должно наблюдаемо быть оное дѣйствіе. И такъ реченнымъ видомъ поступая, невѣста въ одномъ уборѣ выходитъ троекратно, или перемѣняя оное по волѣ жениха, или родителей, сколько разъ показывается, гдѣ обѣ стороны должны разсматривать одинъ другого весь фасонъ: всѣ черты лица, вкусъ, обороты и всю пріятность каждой особы. По рѣшеніи

сего, прибывшіе отпускаются въ свои домы, съ такою ласкою съ невѣстиной стороны, какъ и прибытіе ихъ было.

§ 8. И не усмотря съ обѣихъ сторонъ ни какихъ противорѣчій, опредѣляется отъ нихъ лично, или посредствомъ ходатая, время заруненія или рукобитія.

§ 9. Оное рукобитіе отправляется такимъ образомъ послѣ полденъ: собравшись въ домъ находящейся невѣсты, въ богатомъ платьѣ, какъ невѣстины родственники съ друзьями, такъ и женихъ съ своими родительми, естьли существуютъ, и родственниками, если есть, а то хотя съ друзьями, и краткое время посидѣвъ, вводится невѣста пышно одѣтая въ зало прибывшихъ гостей и, подходя къ онымъ тихимъ и важнымъ образомъ, и ставши, кланяется всѣмъ, говоря: «Здравствуйте, почтеннѣйшіе господа и госпожи навсегда!» Пришедшіе, по входѣ невѣстиномъ возстаютъ и откланиваются оной съ словами: «Равно и вамъ, сударыня, желаемъ того жь, и еще успѣть во всѣхъ предпріятіяхъ вашихъ счастливо!» И цѣлуетъ невѣста всѣхъ гостинныхъ женъ. По окончаніи сего подноситъ оная жениху, родителямъ, дружкѣ и прочимъ, смотря по большинству, кто какой употребляетъ напитокъ, послѣ чего, раскланявшись, невѣста отходитъ въ надлежащее свое мѣсто. Выдающіе и съ жениховой стороны родители, или ходатаи, дѣлаютъ разговоры относительно до нареченной четы, то есть, жениху и невѣстѣ, одинъ другому нравятся ли во всѣхъ обстоятельствахъ? Нѣтъ ли какихъ запутанностей или сумнительствъ, о приданомъ, равно и споровъ? И естьли съ обѣихъ сторонъ окажутъ знаки своихъ удовольствій, то родители новобрачныхъ поставляютъ рядомъ, жениха съ правой, невѣсту съ лѣвой, стороны, и кладутъ обыкновенный «началъ» всѣ прибывшіе гости, выключая Внѣшнихъ, по окончаніи котораго старѣйшій замолитствуетъ. По сказаніи аминя, поютъ стихи: Первой: «Владычице, пріими молитву рабъ своихъ!» Второй: «Не остави насъ въ человѣческое предстояніе!» «Третій: Подаждь утѣшеніе своимъ рабомъ, Всенепорочная!» И по пропѣтіи каждаго стиха, класть земный поклонъ. Наконецъ: «Слава и нынѣ,» «Господи помилуй,» дважды, «Господи благослови!» и отпускаетъ старѣйшина: «Господи Іусусе Христе, Сыне Божій, ради молитвъ пре-

чистыя ти Матере и святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостолъ, (и святыхъ, которыхъ имена имѣютъ женихъ и невѣста) и всѣхъ святыхъ, помилуй и спаси насъ, яко благъ и человѣколюбецъ!» и по «аминѣ: «Господи помилуй!» трижды. Потомъ отецъ невѣсты, ставши съ образомъ, лицомъ къ четѣ, а матерь оной, также обратясь лицомъ къ новобрачущимся съ хлѣбомъ, имѣющимъ на себѣ въ солоницѣ соль; чета становится лицомъ впередъ покоя, и, перекрестясь, полагаютъ два въ поясъ поклона, и, приступая благоговѣйно съ молитвою, перекрестясь, цѣлуютъ святый образъ и кланяются, перекрестясь, поклонъ до земли, и поцѣловавши въ уста отца, кланяются и ему до земли; потомъ матерь, взявши оную икону, а хлѣбъ отецъ, и сочетавающая чинятъ тотъ же священный обрядъ, какъ и со отцемъ производили; точно такимъ образомъ чета поступаетъ и съ жениховыми родителями. По прекращеніи сей церемоніи, отецъ невѣсты, взявши назначенную въ бракъ дщерь за десную руку, вручаетъ жениху, называя его имя съ отчествомъ, говоря: «Сія наша дщерь, которую вручаемъ тебѣ по волѣ Творца нашего въ вѣчно не расторженное супружество; и ты съ ней живи въ страсѣ Божіи и въ соблюденіи святыя его заповѣди, одинъ другого слушайте здравыхъ разсужденій, во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, ложе храните свято; и ты чадо, чти мужа своего, яко главу тѣла твоего!» Женихъ, принявши отъ отца руку невѣсты, кланяется ему въ поясъ и, поцѣловавъ ее трижды, ведетъ за правую руку, и садятся за столъ, за которымъ продолжая малое время, вставши невѣста, подноситъ жениху стаканъ квасу, или другого питія, по выкушаніи коего даритъ жениха, а по пріемѣ дара, чета дѣлаетъ три поцѣлуя. Такимъ образомъ поступаетъ невѣста съ родительми и всѣми гостями по большинству, и каждый, по принятіи дара, поклонившись говоритъ: «Господинъ новобрачный! Я желаю и хочу видѣть васъ навсегда въ супружеской любви.» Женихъ, по выраженіи сихъ словъ, цѣлуетъ невѣсту трижды. Въ продолженіи сей бесѣды женихъ держитъ у невѣсты руку, а пѣвчіе поютъ стихи: «Богъ, творецъ всесиленъ,» * и другіе, относительны къ сему предмету; и, по удовольствіи сего торжества всѣхъ присутствующихъ гостей, расходятся они въ свои домы.

---

* Смотр. Сборникъ о Расколѣ, изданіе Н. Попова, выпускъ IV-й.

§ 10. Къ вечеру, во второй день рукобитія, женихъ съ дружкою, одѣвшись въ хорошее платье, прибываютъ къ невѣстѣ съ принадлежащими ей подарками, при входѣ которыхъ, какъ богатоубранная невѣста, такъ и домашніе, жениха всѣми ласками встрѣчаютъ и, по обыкновенныхъ поясныхъ трехъ перекрестныхъ поклонахъ святымъ иконамъ, здравствуются съ родителями невѣсты и прочими, и цѣлуется чета троекратно, и, взявши женихъ невѣсту за руку, садятся за столъ, и нѣсколько времени поупражняяся въ хорошихъ разговорахъ, дружка съ родителями, или отважно смѣлый женихъ; невѣста, вставши за онымъ столомъ, подноситъ жениху стаканъ питья, и паки, взявъ его, по выкушаніи даритъ его, при полученіи коего цѣлуется чета трижды; симъ видомъ поступаетъ невѣста съ выдающими и прибывшими гостями. И каждый при полученіи оныхъ даровъ долженъ упомянутыя слова въ § 9-мъ говорить. Послѣ чего невѣста паки подноситъ жениху стаканъ питья, кой, откушавъ онаго, подноситъ невѣстѣ, и та поступаетъ тако, и отдаетъ стаканъ, потомъ просто прочимъ подноситъ. Въ продолженіи сей бесѣды поются брачные стихи. Таковое посѣщеніе жениха къ невѣстѣ одинаковымъ образомъ бываетъ до того дня, въ который совершается бракъ.

§ 11. Женихъ, посѣщавши такимъ образомъ нѣсколько разъ невѣсту, опредѣляетъ, посредствомъ дружки, или лично, либо начальствующими его, день торжественнаго сговора.

§ 12. На сговоръ прибывши въ вечеру женихъ въ такомъ видѣ, со всею своею свитою, въ домъ невѣсты, какъ предписано въ § 9-мъ, принимаютъ отъ невѣсты съ прочими, и онъ поступаетъ сдѣсь такъ, какъ описано въ § 10-мъ, выключая только изъ оныхъ, что сдѣсь прежде даровъ женихъ, яко глава, подноситъ рюмку питья невѣстѣ, и, не выпивши половину оной, принявъ, и самъ допиваетъ; послѣ сего невѣста даритъ его перстнемъ, равно и оный и ей подноситъ перстень, говоря: «Жизнь моя! Какъ сей перстень дарю вамъ въ знакъ сердечной любви моей, такъ равно искренно желаю и хочу оную продолжать во всю жизнь свою, по подобію Искупителя нашихъ душъ, обручившагося съ церковью своею.» Это выражаемо бываетъ съ обѣихъ сторонъ четы.

§ 13. Въ послѣдній день предъ бракосочетаніемъ, подъ вечеръ, отправляется дѣвичникъ, на который женихъ и дружка, прибывши въ домъ невѣсты въ изрядномъ уборѣ съ найлучшими подарками ея украшеній, долженъ поступать и приниматься прекрасно одѣтой невѣстою и всей ея свитою, такъ какъ показано въ § 10-мъ; по рѣшеніи даровъ, поцѣловавшись чета троекратно, оставляютъ столъ и подъ назрѣніемъ невѣсты, женихъ съ дружкою принимаютъ отъ выдающихъ по договору или росписи опредѣленное ей приданое, и отвозятъ въ домъ жениха; женихъ и дружка распрощавшись съ родителями невѣсты, а онъ съ супружницей своей, ласковыми поцѣлуями, отбываютъ какъ женихъ, такъ и всѣ собравшіеся, въ свои домы.

§ 14. Въ самый же день бракосочетанія прибываютъ, отъ жениха дружка со свахою и свѣчникомъ въ хорошемъ убранствѣ въ домъ невѣсты, которыя отъ выдающихъ встрѣчаются, и при входѣ своемъ въ покои, помолившись троекратно въ поясъ, и поздоровясь, приглашаются садиться въ передъ, коимъ тогда жь, посредствомъ выдающихъ, является богато убранная невѣста, и, поздравствовавшись съ прибывшими за ней, занимаетъ столъ, подлѣ коей правую сторону держитъ небольшихъ годовъ мальчикъ, лѣвую сваха, дружка жь съ свѣчникомъ въ переди, и по поднесеніи, невѣстою онымъ по стакану питья и даровъ, дружка, торгуя у мальчика косу невѣсты, забавнымъ и почтительнымъ образомъ и съ тысячъ или сотъ имперіаловъ сходятъ на рубли и копѣйки, и по окончаніи продажи сей, взявши мальчикъ договорную цѣну, оставляетъ столъ, сваха же беретъ косу, и, расчесавши оную, завязываетъ лентою, и оставивъ невѣста сѣдалище свое, становится въ рядъ со всею свитою лицомъ къ образамъ, и полагаютъ всѣ купно обыкновенный началъ, и по пропѣтіи трехъ при концѣ стиховъ, благословляется отъ выдающихъ, невѣста святою иконою, въ сообразность § 9-го, и вышедши въ другой покой, убирается оная въ найлучшій уборъ, и помолясь троекратно въ поясъ, распрощавается со всѣми домашними и выводится изъ дому опредѣленною особою, коимъ предшествуетъ свѣчникъ съ святою иконою, дружка жь и сваха съ прочими богато выряженными сопровождаютъ ее къ молитвенному храму, родители жь остаются въ домѣ. И прибывши невѣста въ такой пыш-

ности къ оному храму, встрѣчается ожидавшимъ въ уборной, женихомъ и прочими, и, ухватясь за руки, чета шествуетъ со всѣми прибывшими въ храмъ, коимъ предшествуетъ свѣчникъ со благословеннымъ образомъ, носящимъ предъ нимъ въ одномъ или двухъ подсвѣчникахъ возженныя свѣщи, и ставши новобрачные рядомъ среди храма, женихъ на правой, невѣста на лѣвой, сторонѣ, прочіе жь подлѣ ихъ благочинно у свѣчника жь. Взявши причетникъ образъ, поставляетъ на лѣвой сторонѣ, подлѣ крылоса, на налоѣ, съ горящею предъ нимъ въ подсвѣчникѣ свѣщею во все молитвословіе четы. Пѣвчіе жь при самомъ входѣ сей за прагъ церковный, поютъ по крылосамъ антифоны:

1. Гласъ 5. На горы души воздвигаемъ.

2. Десная ти рука.

3. Гласъ 7. Боящіися Господа.

4. Окрестъ трапезы.

5. Гласъ 8. Воззвахъ къ тебѣ, Господи.

6. Се нынѣ что добро.

§ 15. Женихъ на отбытіе къ молитвословію брака въ дому своемъ полагаетъ съ родительми своими обычный «началъ» и благословляется отъ оныхъ святою иконою предписаннымъ порядкомъ, кромѣ хлѣба и соли.

§ 16. По окончаніи молитвословія въ уборной заплетаютъ невѣстѣ косы и убираютъ главу ея женскимъ уборомъ.

§ 17. По прибытіи изъ молитвеннаго храма новобрачныхъ съ провождающими ихъ особами въ домъ жениха, предваряетъ имъ на крыльце, или въ сѣни, свѣчникъ съ благословящимъ образомъ. Родители жениха, встрѣтя, отецъ держа святую икону, а мать хлѣбъ, и на ономъ солоница съ солью, стоя рядомъ съ свѣчникомъ на упомянутомъ мѣстѣ лицомъ къ четѣ, коя въ особенности женихъ и невѣста, предъ сею иконою полагаютъ съ крестнымъ знаменіемъ два поясные поклона и, приложась къ нему, перекрестясь, полагаютъ третій поклонъ до земли, и поцѣ-

ловавъ отца, кланяются и ему до земли, и, приближась къ матери, цѣлують хлѣбъ и ее и кланяются до земли, потомъ шествують родители, свѣчникъ, новобрачные и вся ихъ взаимная свита, по два въ рядъ, въ покои, и поставя иконы въ падлежащее свое мѣсто, хлѣбъ и соль среди стола, полагаютъ всѣ совокупно, кромѣ Внѣшнихъ, перкрестясь, три поясные поклона святымъ образамъ, и поздравствовавшись чета со всѣми прибывшими, которые взаимно поздравя о благополучномъ совершеніи ихъ брака, желаютъ успѣвать во всѣхъ счастливыхъ успѣхахъ, при цвѣтущемъ здравіи. Послѣ сего новобрачные отходятъ въ особую комнату для сложенія лишняго съ себя платья; по переправкѣ ей, новобрачные впереди, а прочіе всѣ по большинству, занимаютъ столъ; чета, сидя не кушавъ, продолжаетъ до трехъ перемѣнъ яствъ, отходятъ въ свою спальню, изъ коей выходя, не однократно подчиваютъ гостей; по окончаніи стола свита, поблагодаря за угощеніе чету, и желая имъ быть навсегда счастливыми, распрощавшись, отбываютъ въ свои домы, а новобрачные наслаждаются драгоцѣннымъ своимъ покоемъ.

§ 18. На второй день бракосовершенія, новобрачная даритъ родственниковъ своего супруга и прочихъ; потомъ женихъ съ дружкою одѣвшись великолѣпно, прибываютъ въ домъ тестя и тещи, кои, встрѣтя ихъ, принимаютъ ласково и, помолившись троекратно въ поясъ, благодарятъ выдавшихъ, называя ихъ отцемъ и матерью, за честное и благонравное воспитаніе супружницы своей, и желаютъ имъ благоденствія и счастливыхъ во всемъ успѣховъ, и по просьбѣ выдававшихъ, зять съ дружкою садятся, по подареніи оныхъ и родственниковъ невѣсты, кои всѣ отдариваютъ взаимно, приглашаются къ столу кушать, кои, откушавъ легкимъ и оборотнымъ образомъ, просятъ къ себѣ кушать, и отбываютъ къ прочимъ супружницы своей родственникамъ съ дарами, которые также отдариваютъ, смотря по дарамъ, и просимы бываютъ кушать, и возвращаются немедленно въ свой домъ. По прибытіи всѣхъ гостей, чета лично угощаетъ ихъ, по мѣрѣ своего состоянія, и сіе угощеніе продолжается, по состоянію каждой особы, день, или два, либо три и болѣе.

II.

ПОРЯДОКЪ ПРИСОЕДИНЕНІЯ.

Присоединяющій спрашиваетъ.

Чего ради вы къ себѣ насъ призвали?

Отвѣтствуетъ:

Изъявити наше желаніе, чтобы присоединиться къ вашему Православному сословію.

Спрашиваетъ:

Для чего же вы отъ того общества, въ которомъ пребываете, объявляете желаніе самовольно отдѣлиться?

Отвѣтствуетъ:

Для того, что усмотрѣли мы нѣчто разгласное съ Православнымъ содержаніемъ.

Спрашиваетъ:

Извольте объявить истинно самую истину, для чего желаете къ намъ присоединиться?

Отвѣтствуетъ:

Азъ рабъ Божій (имя рекъ), разсматривая въ единосогласныхъ по Вѣрѣ Христіянѣхъ чиносодержанія и о разныхъ дѣяніяхъ разсужденія, усмотрѣлъ нѣкая разномнѣнія, и, по довольномъ разсматриваніи и разсужденіи, желаніе мое возымѣлось присоединиться къ вашему Православному собранію. Сего ради.

Какъ я, находясь въ обществѣ или Согласіи, называемомъ Ѳеодосіевымъ, усмотрѣлъ нѣкая разгласія съ мудрованіемъ и содержаніемъ Православно-Христіянскимъ, не упоминая ихъ (Ѳеодосіевцевъ) прежніе творимые съ Правовѣрными раздоры о четырехъ буквахъ, пишемыхъ на крестѣ Христовѣ: Ї. Н. Ц. Ї.; о воздѣваніи рукъ во

дни Святыя Пасхи, и прочихъ несогласіяхъ съ Древле-Православною Церковію, которая уже множайшими отложена суть, а воспоминаю токмо нынѣшняя:

1) Многіе изъ нихъ Святѣйшую Евхаристію отъ лѣтъ древнихъ, аще гдѣ хранимую, не пріемлютъ, и говорятъ: хотя бы гдѣ она и дѣйствительно была, но уже своей святости и силы лишилась. Чего ради и безчестными и злохульными нарицаніями именословятъ, въ чемъ я съ ними не соглашаюсь.

2) Святыхъ угодниковъ Божіихъ мощи, находящіяся во обладаніи Инославныхъ, именуютъ лишившимися Божія благодати и святости не имущими. Но я таковаго мнѣнія не имѣю, а паче увѣряюсь словесамъ Пророка, вѣщающаго: «Хранитъ Господь вся кости ихъ (Пс. 33, 21).

3) Святыя иконы, хотя гдѣ и древлеписанныя, имѣющіяся въ домахъ Православно-Христіянскихъ, но токмо не согласующихся съ ними, оныя иконы поклоненіемъ не почитаютъ и ни каковыя чести первообразнаго ради не воздаютъ. Но я таковое мнѣніе не пріемлю и съ таковымъ разумомъ не соглашаюсь.

4) Многіе Святое Писаніе не согласно разсуждаютъ и сущую исторію, ясно что сказующую, на иносказательный разумъ темно прелагаютъ, и тѣмъ сущее дѣяніе и бытіе, какъ не бывшее вмѣняютъ. Но я таковыхъ мыслей не оправдываю и самъ съ ними не соглашаюсь.

5) За предержащую власть, установленную отъ Бога, о мирѣ, здравіи, спасеніи, благополучіи и побѣдѣ на враговъ, Господа Бога не молятъ, и симъ противляются Апостольскому и Пророческому повелѣнію и ученію; ибо молитися за властей непремѣнно подобаетъ, хотя бы и невѣрніи были; а молящихся за властей Іапежниками называютъ и отъ общемоленія отлучаютъ. Но я таковое ихъ развращенное ученіе не почитаю быть правымъ, но сопротивнымъ Святоотеческому ученію, и въ семъ я съ ними не соглашаюсь.

6) Бракъ законный не пріемлютъ, ради того, что самое свойство, или сущность, его полагаютъ только въ одномъ единогласномъ священнодѣйствительствѣ, * не разсматривая времени, возможности, свободы и нужды, полноты, недостатка и сравненія одного дѣянія съ другимъ, и не разсуждая, что есть необходимое и случайное, и что естественное и самопроизвольное.

И тако Божіе всемощное благословеніе отлагаютъ, и таковою воздержностію не приводятъ ли многихъ въ слабость и распутство? Ибо не возможное возможнымъ быти опредѣляютъ, и не всѣмъ вмѣстимое вмѣщати установляютъ, несогласно самому Христу Спасителю, рекшему: «не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть» (Матѳ. 19, 11).

По сему лучше вѣровать Богу, благословившему быть браку законному, не на время нѣкое, но навсегда. Чего ради и я съ отлагающими законный бракъ согласіе имѣть опасаюсь.

И какъ вся помянутая ихъ толкованія, такъ и прочая ихъ самовольная мнѣнія, отлагаю, и соглашаться съ ними въ оныхъ ихъ толкованіяхъ не желаю, но прошу Всесильнаго Господа Бога, да соблюдетъ меня отъ таковыхъ не согласныхъ со Святымъ П саніемъ содержаній.

Того ради къ сему правомудрствующему Согласію и присоединяюсь и съ законною моею женою (имя рекъ) и съ дѣтьми нашими (имя рекъ). Аще ли же, по благоволенію Божію, будутъ рождаться у насъ (и еще) дѣти, то оныхъ крестить намъ въ Православномъ сословіи, а въ то Согласіе, отъ котораго мы нынѣ самовольно, несогласныхъ ради содержаній, отлучаемся, и ни въ какое иное не носить, и тѣмъ безчестія сему Православному сословію не наводить. Присоединяемся же не на время нѣкое, но какъ поможетъ Господь. Богъ, то быть съ вами, въ Святоотеческихъ положеніяхъ, всегда, до конца моея жизни желаю. Такъ же и духовнаго отца имѣть въ семъ же Правосла-

* Въ Іерейскомъ священнодѣйствія, а Іереевъ-то они и не пріемлютъ.

номъ Согласіи, а безъ духовника не пребывать, и тѣмъ прочимъ сомнѣнія и соблазна не наводить.

А что я сіе Православное Согласіе ругалъ и поносилъ, и Святоотеческое содержаніе, какое въ семъ обществѣ имѣется, злорѣчилъ и безчестилъ, оное я творилъ по незнанію и невѣжеству моему, и по внушенію мнѣ отъ не любящихъ истину, но развращенное имѣющихъ мнѣніе и самосмысленное ученіе. Въ чемъ я предъ Всемогущимъ Господомъ Богомъ чистосердечно приношу покаяніе, а отъ васъ всѣхъ всеусердно прошу прощенія.

А что я сіе творю не лживо, не лицемѣрно и безъ обману, но истинно, вѣрно и справедливо, въ томъ увѣряю васъ моею чистою совѣстію и цѣлованіемъ святаго и животворящаго Креста Христова. *

---

* О законномъ бракѣ, что въ немъ имѣется: 1-е, Матерія, то есть, изъ чего бракъ производится—женихъ и невѣста—и о прочемъ. Кормчая, глава 51-я; Катихизисъ Большой о 6-й тайнѣ. Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

2-е. Форма, отъ чего бракъ происходитъ въ совершенство. Кормч. глава 51; Катихизисъ Большой и Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

3-е. Дѣйствитель: кто долженъ и можетъ бракъ дѣйствовать и приводить въ собственный его образъ. Катихизисъ Большой о 6-й тайнѣ; Катихизисъ Малый о тайнѣ брака.

4-е Конецъ, т. е., для чего бракъ Богомъ устроенъ и продолжаться долженъ. Кормчая глава 51; Бесѣда Апостолъ 1 Коринѳян. нравоуч. 12; Іоаннъ Дамаскинъ книга 2-я, глава 35; Катихизисъ Большой, глава 62; Катихизисъ Малый о тайнѣ брака; Гавріилъ Филадельфійскій о 6-й тайнѣ.

5-е. По чему бракъ нареченъ тайною. Колосаемъ нравоуч. 12; тайною великою зач. 231 и бесѣда 20.

6-е. Долго ль продолжится бракъ и для чего потребенъ. Въ Благовѣстникѣ толкованіе на Марка зач. 55-е, на Луку зач. 102; Симеонъ Ѳессалонит. глава 276; Гавріилъ Филадельфійскій о 6 тайнѣ; Кирилловъ старопечат. листъ 58.

7-е. Для чего женихамъ вѣнцы. Бесѣд. Апостол. 1 Тимоѳею, нравоуч. 9; Симеонъ Ѳессалонит. глав. 270, 279, 289.

И цѣлуетъ Святый Крестъ Господенъ.

По семъ полагаетъ начальные поклоны и кланяется тутъ находящимся.

И потомъ къ присоединенію еще съ пріемлющимъ полагаютъ поклоны и поздравляютъ другъ друга

Брачные обѣты для вступающихъ въ супружество.

1.

Всесильнаго, Преблагаго и Премилосердаго, въ тріехъ упостасѣхъ прославляемаго Бога милостію щедротами и человѣколюбіемъ, находяся мы въ совершенномъ возрастѣ и лѣтахъ, по его же Всемогущаго Господа и Творца нашего благоволенію, и родителей нашихъ любовнымъ благословеніемъ,. сродниковъ и пріятелей нашихъ благопріятнымъ совѣтомъ, и собственнымъ нашимъ незазорнымъ другъ ко другу согласіемъ, вступаю я (имя рекъ) съ дѣвицею сею (имя рекъ) въ законнобрачное сожитіе, которое сохранять мы должны законно и соблюдать во всю жизнь нашу ненарушимо, нераздѣльно и во всемъ честно, какъ повелѣваетъ Божій законъ.

Но кто изъ насъ какое преступленіе учинитъ, вѣрность не сохранитъ и обѣщаніе свое премѣнитъ, или въ наученія странная уклонится и бракъ законный обезчеститъ, и яко незаконный, по ученію бракоотложителей, вмѣнять будетъ, или раждаемыхъ дѣтей во иное Согласіе крестити понесетъ, то сицевый явственно покажетъ себя противникомъ истины и нарушителемъ Божія закона, за что и будетъ самъ отвѣтствовать праведному судіи, Господу Богу, на страшномъ Его судѣ.

И что все сіе изреченное мною, какъ устами, такъ я исповѣдую и сердцемъ истинно, неложно и справедливо, въ томъ я увѣряю васъ моею чистою совѣстію и цѣлованіемъ честнаго и животворящаго Креста Господня.

2.

Когда Всесильный Господь Богъ произвелъ насъ отъ законнаго супружества на сей видимый свѣтъ, и по времени узнали мы себя, что уже въ совершенномъ возрастѣ и лѣтахъ, то, разсматривая жизнь нашу и состояніе, разсудили, что лучше вступить въ законное супружество, нежели входить въ безчестная и непристойная дѣянія.

И такъ благодѣтелей нашихъ благопріятнымъ совѣтомъ и собственнымъ нашимъ незазорнымъ другъ ко другу согласіемъ и единомысліемъ, не входя во Инославная общества, ради утвержденія и крѣпости, положили крѣпкое упованіе на Всесильнаго Господа Бога, и призвавше его въ помощь, я (имя рекъ) въ законнобрачно сожитіе, которое мы обѣщались, и нынѣ обѣщаемся хранить и соблюдать законно и во всю нашу жизнь.

3.

Всесильный Господь Богъ какъ сотворилъ и создалъ насъ человѣками, и умомъ, и словомъ, и дыханіемъ наградилъ, и даровалъ намъ смыслъ раздѣлять доброе отъ злаго, того Всемогущаго Бога благодатію и человѣколюбіемъ узнали мы свѣтъ Православныя Христіянскія Вѣры, въ которой и крестилися, что и хранить желаемъ непремѣнно. Но какъ духъ есть бодръ, а плоть немощна, то, по совѣту сродниковъ и благодѣтелей нашихъ, и родителей нашихъ благословеніемъ, да и собственнымъ нашимъ добровольнымъ изволеніемъ и согласіемъ, я (имя рекъ) вступилъ съ сею, бывшею тогда дѣвицею (имя рекъ) въ богоблагословенное брачное сожитіе, что мы и полагаемъ самою твердостію законнаго брака. Но воспослѣдовалъ такой (по нашему неразсужденію) случай, что, ради мнящіяся твердости, вступили мы къ несогласнымъ съ нами по Исповѣданію и Вѣрѣ, инодѣйствіе (пріяти), что почитаемъ мы, за грѣхъ и законопреступленіе, въ чемъ предъ Всемогущимъ Господемъ Богомъ чисто-

сердечное приносимъ покаяніе, а отъ васъ всеусердно просимъ о насъ молитвъ и прощенія.

И хотя мы признаемъ, что преступленіе наше есть не мало, но бракъ нашъ почитаемъ быть истинный и правильный, который и обѣщаемся мы соблюдать законно, безъ всякаго нарушенія, честно, какъ Божій законъ повелѣваетъ и Святоотеческая ученія и повелѣнія.

И съ таковымъ нашимъ твердымъ между собою залогомъ и съ дѣтьми нашими (имя рекъ) приходимъ и присоединяемся въ сіе правомудрствующее Согласіе, не на время нѣкое, но, какъ поможетъ Господь Богъ, вѣчно, гдѣ и отца духовнаго избрать себѣ, и быть намъ твердымъ въ разумѣ и содержаніи, а въ наученія странная и различная не прелагаться.

Но ежели кто изъ насъ вѣрность не сохранитъ и бракъ законный будетъ, по ученію браконенавистниковъ, отвергать, или раждаемыхъ (ежели будутъ) дѣтей въ иное Согласіе крестити пойдетъ, то сицевый будетъ нарушитель истины, за что да воспріиметъ казнь отъ самого страшнаго Судіи, Христа Господа. А что мы содержимъ такъ истинно, въ томъ увѣряемъ васъ цѣлованіемъ Креста Христова.

III.

КАНОНЪ,

ПѢВАЕМЫЙ ВО ВРЕМЯ СОЧЕТАНІЯ БРАКА, ИЛИ ЧИНЪ БРАЧНОМУ МОЛИТВОСЛОВІЮ. *

Наблюденія для брачущихся.

Здѣсь замѣчается, что во время пѣнія антифоновъ, должно немедленно зажечь свѣчи у мѣстныхъ образовъ и въ паникадилѣ,

* «Чинъ брачнаго молитвословія или Канонъ, пѣваемый во время сочетанія брака,» составленъ Гаврiломъ Ларіоновымъ Скачковымъ. При печатаніи «Брачнаго

налой же, на которомъ полагается Евангеліе съ Крестомъ, или животворящій Крестъ долженъ пріуготовленъ быть во всемъ своемъ видѣ среди часовни, отступя отъ крылосовъ взадъ на локоть, или полтора, до входа новобрачныхъ, предъ коимъ должны горѣть въ подсвѣчникахъ двѣ свѣчи. По окончаніи антифоновъ, Настоятель занимаетъ свое мѣсто, пѣвчіе жь по крылосамъ, кладутъ всѣ совокупно, кромѣ Внѣшнихъ, обыкновенный начало, послѣ коего подходитъ Настоятель къ брачущимся и спрашиваетъ ихъ велегласно: «Охотою ль и безъ всякаго принужденія берешь сію рабу Божію?» Отвѣчаетъ: «Охотою и безъ всякаго принужденія.» «Въ вѣчную ли и нераздѣльную жизнь съ нею вступаешь?» Отвѣчаетъ: «Въ вѣчную и нераздѣльную.» «За самый ли истинный бракъ вмѣняешь сіе священное обстоятельство?» Отвѣчаетъ: «За самый истинный.» Также и съ невѣстою поступается. По обязательствѣ семъ Настоятель провозглашаетъ четѣ: «Господа новобрачные! для точнаго засвидѣтельствованія вашей сердечной истины, цѣлуйте животворящій Крестъ!» кои, подходя благоговѣйнымъ образомъ къ оному, вкупѣ перекрестясь, съ двукратнымъ поклоненіемъ въ поясъ, и еще перекрестясь, цѣлуютъ праю ногу Христа Спасителя, и, паки перекрестясь, кланяются вмѣстѣ до земли, и идутъ на свое мѣсто.

Пѣвчіе жъ поютъ псаломъ 122-й: «Блажени всѣ боящіися Господа,» на шесть пріемовъ 7-мъ голосомъ. По пропѣтіи сего, Настоятель замолитствуетъ: «Аминь, Царю Небесный, Трисвятое. Слава и нынѣ, Пресвятая Троице, Господи помилуй 3, Слава и нынѣ, Отче нашъ.» По возгласѣ, чтецъ: «Аминь,» «Пріидите поклонимся,» съ поклонами; и читаетъ псаломъ: «Господи, услыши молитву мою.» По прочтеніи сего: «Слава и нынѣ, «Аллилуія» 2-жды съ поклонами, а третій разъ пѣть: «Богъ Господь» на 1-й гласъ.

...ния или канона,» мы имѣли подъ руками два экземпляра: одинъ, оставшійся послѣ смерти извѣстнаго Безпоповца, Елисея Саввича Морозова, другой, и

КАНОНЪ.

ПѢВАЕМЫЙ ВО ВРЕМЯ СОЧЕТАНІЯ БРАКА.

Тропарь (Гласъ 1-й).

Господи Боже, Спасителю нашъ, творяй всегда милость твою съ нами, и нынѣ призри на моленіе рабъ своихъ, помилуй и спаси насъ, яко единъ благъ и человѣколюбецъ.

Слава и нынѣ.

Богородиченъ.

Архангела Гавріила гласъ восприимше, Дѣво радуйся, вопіемъ ти; ты бо родила еси плотію безначальное слово отчее, его же моли, Всечистая, да подастъ намъ свою благоутробную милость, яко единъ благъ и человѣколюбецъ.

По семъ псаломъ 50-й: «Помилуй мя, Боже.»

По возгласѣ: «Аминь.»

Поютъ же ирмосъ овіи по единожды, овіи же по дважды.

Канонъ Всемилостивому Спасу: Съ краегранесіемъ: (Спасителю Христе, благослови бракъ сей!) Гласъ 1-й, пѣснь 1-я.

Ирмосъ.

Твоя побѣдительная десница боголѣпно въ крѣпости прославися, та бо, безсмертне, яко всемогущи, противныя сотре, Израилтяномъ путь глубины обновль ми * (Исходъ гл. 14).

какъ самый важный экземпляръ по собственноручной рукописи, Гаврила Ларіонова Скачкова.- Въ Скачковской рукописи нѣтъ предыдущихъ «Наблюденій для брачущихся.» Въ Морозовскомъ же поставленъ и годъ 1803, и Москва, чего также у Скачкова нѣтъ.

* Теперь поется, вмѣсто «обновль ли» «новосодѣлавшая» О. Б.

Запѣвъ: Милостиве Господи, услыши молитву рабъ своихъ, молящихся тебѣ.

Создателю всея твари, всесильному владыцѣ (Бытія гл. 1) вси вѣрніи со страхомъ припадемъ и со усердіемъ возопіемъ: призри на ны, Спасе всеблагій, и подаждь намъ твою неизреченную милость, да прославится и въ насъ твоя побѣдительная десница, жизнь всѣмъ обновляющая.

Премудрымъ своимъ изволеніемъ всякую тварь изъ небытія въ бытіе шестію деньми (Бытія гл. 1) привелъ еси, Всесильне, и человѣка по образу своему и по подобію создалъ еси, и въ раи жити ему повелѣлъ еси (гл. 2), да хвалитъ тя съ невещественными лики, вопія: Ты единъ еси, Создателю нашъ, всю тварь обновляющій.

Слава.

Адама отъ земли, Всесильне, создалъ еси, Евву же отъ ребра его произвелъ еси, и благословеніе свое, еже раститися и множитися, наполняти землю и обладати всѣми созданными отъ тебе тварьми, даровалъ еси, да прославляютъ тя съ лики невещественныхъ твоихъ слугъ, единаго всеблагаго, всякое созданіе обновляющаго.

И нынѣ.

Совѣтъ змія пріимши Евва, прельстивши снѣдію Адама, имъ же наведе всему человѣческому роду клятву: Ты же, Пречистая Дѣво, Владычице, безъ сѣмене зачешая и рождьшая плотію пребезначальное слово Отче, моли его прилежно, да ниспошлетъ намъ свою милость и благословеніе, яко единъ всякое созданіе обновляющій.

Катавасія.

Сохрани отъ бѣдъ рабы своя, Милостиве, яко усердно къ тебѣ прибѣгаемъ, къ милостивому Избавителю и всѣхъ Владыцѣ Господу Исусу.

Господи помилуй, 3-жды.

Пѣснь 3-я, Ирмосъ.

Едине свѣдый земныхъ существо немощное и милостивно въ не оболкся, препояши мя свыше силою воспѣвати ти, Святый, церкви * душевная неизреченныя славы ты, человѣколюбче.

Изгнанъ бысть Адамъ изъ рая сладости (Быт. гл. 3) и землю дѣлати въ потѣ лица своего осужденъ бысть. Услыша и Евва горестныя глаголы, еже въ болѣзнѣхъ родити чада, ихъ же имъ даровалъ еси, по неизреченнѣй милости твоей, человѣколюбче.

Твоимъ, всесильне Боже, промысломъ благоизволилъ еси умножатися роду человѣческому (Быт. гл. 4), и Сифа, сына Адамова, прославилъ еси, и сѣмя его возлюбилъ, являя неизреченную милость свою, человѣколюбче.

Слава.

Еноха праведнаго законно браку пріобщившагося (Быт. гл. 5) и чада родившаго, всесильне Спасе, возлюбилъ еси, преселивъ его не видѣти смерти до дне, ему опредѣленнаго, симъ являя, яко ты еси бракъ благословляя, по неизреченнѣй твоей милости, человѣколюбче.

И нынѣ.

Богородиченъ.

Лестію врага плѣненъ бысть человѣческій родъ, впаде во мновая беззаконія (Быт. гл. 6 — 7), и страшнымъ потопомъ наказася. Мы же молимъ тя, Пречистая Богомати, яко родшую Господа неизреченно, моли его, да спасетъ насъ по неизреченнѣй милости своей, яко единъ человѣколюбецъ.

---

* Старинная форма, образовавшаяся изъ «церкы,» вмѣсто новыхъ формъ: «церковь, церква.» О. Б.

Сѣдаленъ (Гласъ 6-й).

Владыко, Боже всемогущій, призри съ небесе и виждь наше смиреніе, и умилосердися, человѣколюбче преблагій. Благослови рабы твоя благословеніемъ благостыннымъ, да будетъ обрученіе ихъ другъ ко другу безъ всякаго соблазна и порока. Тѣмъ же буди съ нами, и ни кто же на ны.

Слава.

Разрушивый врата Адовы и смерти силу упразднивый, всесильне Господи, воньми моленію рабовъ своихъ и благослови бракъ сей, яко же благословилъ еси праведнаго твоего Ноя, и сочетай рабы твоя, якоже сочеталъ еси Товію и Сарру, да и сіи восхвалятъ тя, человѣколюбца, въ радости вопіюще: О Владыко, буди съ нами, и ни кто же на ны.

И нынѣ.

Исуса Христа рождьшую тя, присно Дѣво, въ напастѣхъ имамы твердую заступницу, въ скорбехъ крѣпкое спасеніе, въ печалѣхъ пресладкое утѣшеніе, въ бѣдахъ помощь непостыдную, на вся враги побѣду и одолѣніе необоримое, и вѣчное упованіе тобою получити спасеніе. Тѣмъ же, о Пречистая, буди съ нами, и ни кто же на ны.

Пѣснь 4, Ирмосъ.

Гору тя благодати Божія пріосѣнену прозорливыма Аввакумъ усмотривъ очима, изъ тебе изыти Израиля провозглашаше святаго, на спасеніе наше и обновленіе.

Юже показалъ еси милость угоднику твоему, праведному Ною (Быт. гл. 9), всемогуще Спасе, и благословеніе свое, и отъ него умножатися человѣческому роду второе даровалъ еси, яко и нынѣ намъ низпошли благодать твою, Всесильне, на спасеніе наше и обновленіе.

Хотяй, всесильне Творче, умножити сѣмя праотца твоего, Авраама, благословилъ еси Сарру родити въ старости сына, да

тѣмъ прославится пресвятое имя твое, пришедшаго воплотитися на спасеніе наше и обновленіе.

Слава.

Рожденному въ старости, Авраамъ, сыну своему, восхотѣвъ закономъ брака сопрящи жену, посылаетъ раба въ Месопотамію, да обрящетъ тамо невѣсту; той же обрѣтъ Ревекку, приведе ко Исааку, юже поятъ радостно, восхваляше грядущаго воплотитися Сына Божія на спасеніе наше и обновленіе. *

И нынѣ.

Богородиченъ.

Іаковъ, грядый путемъ, восхотѣ уснути, и видѣ во снѣ лѣствицу, утвержденну на земли, ея же глава досязаше до небесе; на ней же Господь утверждашеся, проявляя отъ тебе, Пречистая Богомати, неизреченное свое воплощеніе на спасеніе наше и обновленіе.

Пѣснь 5-я, Ирмосъ.

Богъ сый міра, отецъ щедротамъ, великаго совѣта ти Ангела мира подавающа, послалъ еси намъ (Исаіи гл. 9), тѣмъ богоразумія къ свѣту наставляеми, отъ нощи утреннююще, славословимъ тя, человѣколюбче.

Состарѣвся Іаковъ, рыдаше Іосифова лишенія, той же, царствуяй во Египтѣ, пребываше, жену поятъ и чада роди (Быт. гл. 37), славословяше избавльшаго его отъ узъ и темницы, всесильнаго всѣхъ Творца Бога, единаго человѣколюбца.

Твоему возлюбленному пророку, Моисею, благоволилъ еси, всеблагій Творче, пощадѣну быти отъ смерти во Египтѣ и во-

* Въ пришествіи Христовомъ самый бракъ обновленъ; по тому и совершаться имженъ по закону церкви Православно-Христіанской, во образъ союза Христа съ Церковію, какъ научаетъ Апостолъ: «Тайна сія велика есть, азъ же глаголю во Христа и во Церковь» (Ефес. 5, 32).

жити въ земли Мадіамстѣй, идѣже, поимъ жену и чада родивъ (Исхода гл. 3), сподобися видѣти купину, огнемъ горящу и не опаляему, восхваляше тя, единаго всеблагаго человѣколюбца.

Слава.

Егда благоволилъ еси, Господи, помиловати раба твоего, овію, тогда послалъ еси Ангела твоего, Рафаила, да избаитъ невѣсту его отъ бѣса человѣкоубійца, и да будетъ ему омощникъ въ законномъ брачномъ сочетаніи, да прославляетъ я, единаго человѣколюбца.

И нынѣ.

Божественный Исаія, аще и браку пріобщися, но Бога ѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесенна, отъ Ангелъ хвалу ріемлюща, видѣти сподобися, и тебе, Пречистая Дѣво, жезлъ зъ корене Іессеева быти проповѣда, восхваляше хотящаго волотитися отъ тебе единаго человѣколюбца.

Пѣснь 6-я, Ирмосъ.

Пророку Іонѣ подобяся (Іоны гл. 2), вопію: животъ мой, Влае, свободи из тли и спаси мя, Спасе міра, зовуща: Слава тебѣ!

Любяй человѣческій родъ, всемогущій Спасе, егда восхотѣлъ и воплотитися, тогда предуготовалъ еси Пречистую себѣ марь, отъ праведныхъ родителей, Іоакима и Анны прозябшую, и іхъ показалъ еси, яко честно есть супружество, да усердно вси бѣ взываютъ: Спасе міра, слава тебѣ!

Архангела твоего, Гавріила, послалъ еси, всесильне Господи лаговѣстити Захаріи, яко родитъ жена его, Елисавета, въ старои сына (Луки зач. 1), предтекуща твоему божественному вооще́нію, да симъ покажеши, яко честное супружество есть тебѣ лагопріятно, иже и взываютъ: Спасе міра, слава тебѣ!

Слава.

Гласъ словесе, свѣтильникъ свѣта, великій Предтеча (Лу- зач. 1), аще и отъ неплодныя утробы, но не безъ сѣмене ро-

дися, дѣвственную жизнь въ пустыни имый (зач. 4), но законопреступное смѣшеніе Ирода обличая (Матѳ. зач. 57), и яко проповѣдникъ и мученикъ пострада (Марк. зач. 24), взывая: Спасе міра, слава тебѣ!

И нынѣ.

Освятивый селеніе свое, Вышній, и плоть нашу восприять, безгрѣшный Христе, Владыко, на бракъ съ пренепорочною ти матерію и со святыми твоими ученики, въ Кану Галилейскую пришелъ еси, и тамо первое чудо сотворилъ еси, мы же вопіемъ ти: Спасе міра, слава тебѣ!

Кондакъ (Гласъ 4).

Избави насъ отъ всѣхъ напастей, благоутробне Господи, и подаждь неизреченную твою милость и благословеніе рабомъ твоимъ, совокупи ихъ совокупленіемъ спасительнымъ, и соблюди ихъ во единствѣ и цѣломудріи, даруй имъ вся, яже ко спасенію прошенія, и благослови бракъ ихъ, яко же въ Канѣ Галилейстѣй, едине прославляемый во святыхъ своихъ.

Икосъ.

Лѣность всю отложше, припадемъ къ Создателю нашему, Богу, и возопіемъ, глаголюще: призри, Господи, на предстоящія рабы твоя, и утверди бракъ ихъ, и благослови ихъ благословеніемъ духовнымъ, яко же благословилъ еси Авраама и Сарру (Быт. гл. 21); благослови ихъ, Владыко, яко же благословилъ еси Исаака и Ревекку (гл. 24); благослови ихъ, Святый, яко же благословилъ еси Іакова и Рахиль (гл. 30); благослови ихъ, Преблагій, яко же благословилъ еси Іосифа и Асенефу (гл. 41); благослови ихъ, Всемогущій, яко же благословилъ еси Товію и Сарру (Тов. гл. 7); благослови ихъ, Всесильне, яко же благословилъ еси Захарію и Елисаветъ (Лук. зач. 1); и подаждь имъ жизнь мирну и долголѣтну, и цѣломудріе и чистоту, самѣмъ къ себѣ любовь, яже есть союзъ міра, племя долгоживотно и неувядающій славы вѣнецъ; и сподоби ихъ видѣти чада и внучата добродѣтельныя, и наполни домъ ихъ всякаго изобилія, и даруй имъ и намъ вся, яже ко спасенію прошенія, едине прославляемый во святыхъ своихъ.

Пѣснь 7, Ирмосъ.

Отроцы, во блазѣй вѣрѣ воспитани, нечестива велѣнія небрегоша, огненнаго прещенія не убояшася (Даніила гл. 3), но посредѣ пламене стояще, пояху: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Со ученики твоими, Христе, и Пречистою ти Матерію на бракъ въ Кану Галилейскую пришелъ еси, мы же вопіемъ ти: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Льстиваго врага козней избавляя, Христе, человѣческій родъ, благоизволилъ еси воплотитися отъ чистыя Богоотроковицы (Лук. гл. 3), и симъ истинное дѣвство свѣтлѣйши солнца показалъ еси, *небесн*аго твоего царствія хранящія оное достойны сотворяеши, купно съ законнобрачными воспѣваютъ: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Слава.

Остави намъ грѣхи наша, всесильне Господи, и призри небесе святаго твоего, и виждь предстоящія люди и молящіяся твоему благоутробію, и просящія твоея великія милости, благословиши бракъ сеи благословеніемъ твоимъ, яко да согласно вси воспѣваемъ ти: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

И нынѣ.

Всенепорочная присно Дѣво Маріе, моли сына своего, Христа, Бога нашего, да благословитъ рабы своя предстоящія и молящіяся, просящія его великія милости, да продолжится жизнь ихъ въ православнѣй вѣрѣ и благочестіи, да въ радости вкупѣ да воспѣваютъ: Отцемъ Богъ благословенъ еси.

Пѣснь 8-я, Ирмосъ.

Чудо превеліе росодавицу вообрази пещь образомъ, яже бо пріятъ не опали юныхъ, такоже и огнь божественный

рѣчь, если не повреждена переписчикомъ, то очевидно требуетъ сличенія съ подлинникомъ Греческимъ и исправленія по нему.

дѣву юже пройде чисту, тѣмъ поюще возопіемъ: да благословитъ тварь всякая Господа и превозноситъ его во вѣки.

Изволивый, Христе, въ плоть нашу облещися и путь жизни вѣчныя всѣмъ вѣрующимъ въ тя показалъ еси, самъ, Владыко, устрой путь правый рабомъ твоимъ, да поидутъ по немъ во истинѣ твоей, хваляще тя, превозносимаго во вся вѣки.

Благословивый, Всесильне Боже, Авраама и Сарру, роди... сына въ старости, и рожденному отъ нихъ Исааку сочетатися с Ревеккой благоволилъ еси, и сихъ сыну, Іакову, съ Рахилію во... пріяти супружество благопоспѣшилъ еси, благослови и сія раби... сочетавающіяся днесь закономъ брака, да въ радости серд... восхваляютъ тя, превозносимаго во вся вѣки.

Слава.

Рабы твоя предстояще, Спасе, молятся тебѣ, благос... ви ихъ, яко же благословилъ еси вся праотцы наша, и я... же Товіи Ангела Рафаила помощника послалъ еси, тако и си... человѣколюбче, подаждь твое всемощное благословеніе, да и... живутъ въ цѣломудріи, соблюдутъ ложе нескверно и возвесел... ся о видѣніи сыновъ своихъ и дщерей, и восхвалятъ тя, пре... носимаго во вся вѣки.

И нынѣ.

Архангельскій гласъ взываемъ ти, Пречистая: радуйся, ... бо родила еси плотію единородное слово Отчее, его же мол... Царице, да подастъ рабомъ своимъ, сочетавающимся днесь... законное супружество, и намъ всѣмъ, неизреченную свою мил... да восхваляемъ его, превозносимаго во вся вѣки.

Пѣснь 9-я, Ирмосъ.

Образъ чистаго рождества твоего, распаляему купину яви... опалиму (Исх. гл. 3), и нынѣ на насъ напастей свирѣпѣющую... сити молимся пещь, да тя, Богородице, непрестанно велич...

Красное супружество богомудрыхъ Іоакима и Анны р... ствомъ Пречистыя Дѣвы, Христе Царю, прославилъ еси, и ...

наго во Пророцѣхъ Захарію и Елисаветъ (Лук. зач 4) прозябеніемъ крестителя твоего возвеличилъ еси, возвесели и сія, предстоящія и молящія, рабы твоя, и благослови бракъ ихъ благословеніемъ твоимъ, да тя непрестанно величаемъ.

Славное твое чудотвореніе въ Канѣ Галилейстѣй показалъ еси, Христе Боже, и благословеніемъ своимъ законное бракосочетаніе почтилъ еси; призри и нынѣ на рабы твоя сія, прошенія твоего благоутробнаго милосердія, и благослови бракъ ихъ, яко же и въ Канѣ Галилейстѣй, да тя съ любовію величаемъ.

Слава.

Едине щедре и всеблагій, со Отцемъ твоимъ безначальнымъ и Пресвятымъ Духомъ прославляемый, Христе Спасе, пошли твою благодать и милость сочетавающимся законнымъ бракомъ, симъ рабомъ твоимъ, подаждь имъ жизнь мирну и долголѣтну и душевное спасеніе, да тя непрестанно величаютъ.

И нынѣ.

Избавителя всѣхъ рождьшая, едина Пречистая Дѣво, подаждь помощь и милость симъ твоимъ рабомъ, въ законное сочетавающимся супружество, и благоспѣши имъ, Преблагая, во всемъ спасительномъ, да непрестанно вси величаемъ.

По исативаніи, * «Достойно есть яко во истину!» А иніи, вмѣсто «Дотойно есть,» поютъ сей стихъ, гласъ 8-й:

О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь, Ангельскій соборъ и человѣческій родъ, освященная церкви и раю словесный, дѣвственная похвало, изъ нея же Богъ воплотися и младенецъ бысть, еже прежде вѣкъ сый Богъ нашъ; ложесна бо твоя престолъ сотвори и чрево твое же пространнѣйши небесъ содѣла, дѣвице. О тебѣ радуется, Обрадованная, всякая тварь, слава Тебѣ.

Прокименъ: «Спаси, Господи, люди твоя, и благослови достояніе твое.»

---

* Исативаніи, не то ли значитъ, что послѣ: «Исаіе, ликуй?»...

IV.

ЕПИТИМЕЙНИКЪ.

1.

Ащ екто самовольно оставитъ Правовѣріе (?!) и присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и пріемлетъ тамо всѣ тайны съ вѣрою и любовію, и аще таковый обратится паки къ Правовѣрію, и принесетъ съ чистымъ сердцемъ прощеніе, и восхощетъ истинно покаятися, таковому епитимій два года ясти всякъ день не единожды, кромѣ Субботъ и Недѣль и дванадесятыхъ великихъ праздниковъ, такожде Свѣтлыя Недѣли, и по сошествіи Св. Духа и дванадесяти дней по Рожествѣ Христовѣ, и Недѣли Мытаря и Фарисея. Мяса же, млека, яицъ и рыбы никогда не ясти, и токмо въ помянутыя дни масло постное. А питія хмѣльнаго и винограднаго отнюдь не пити. Поклоновъ же полагати (кромѣ что за службу церковную) на всякъ день земныхъ шестьсотъ, поясныхъ четыреста. А стоять въ молитвословъ въ продолженіи всякія службы и молиться со смиреніемъ и сокрушеніемъ сердца позади всѣхъ, ясти же и пити купно съ Правовѣрными.

2.

Аще кто присоединится ко Внѣшнимъ безъ присяги, и пріиметъ тамо съ вѣрою всѣ тайны, таковому постъ, какъ выше сказано, единъ же годъ, поклоновъ на всякъ день земныхъ пятисотъ, а стояти во время службы позади всѣхъ.

3.

Аще кто по принужденію и неволѣ присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и пріиметъ ихъ тайны, таковому постъ шесть мѣсяцевъ, поклоновъ на всякой день земныхъ по сту и поясныхъ по четыреста, во время же службы стояли позади всѣхъ.

4.

Аще кто по неволѣ присоединится ко Внѣшнимъ безъ присяги, и пріиметъ ихъ тайны, таковому постъ три мѣсяца, пок

новъ на всякой день земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по двѣсти; во время же молитвословія стояти позади всѣхъ.

5.

Аще ли кто также присоединится ко Внѣшнимъ по неволѣ и принужденію безъ присяги, токмо чрезъ едину исповѣдь, кромѣ пріятія прочихъ таинъ, таковому постъ четыредесять дней, на всякій день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по сту, во время службы стояти позади всѣхъ.

6.

Аще ли кто притворно, а не истинно, но ради каковаго честолюбія, или своего ради прибытка, самовольно присоединится ко Внѣшнимъ съ присягою, и пріиметъ тамо тайны ихъ, и аще покается, то таковому постъ (какъ означено въ первой статьѣ) два года, поклоновъ на всякій день земныхъ по двѣсти, поясныхъ по пятисотъ.

7.

Аще ли кто такожде притворно, а не истинно, присоединится самовольно ко Внѣшнимъ безъ присяги, и пріиметъ тайны ихъ, хотя не ради пользы душевныя, но мирскихъ ради пріобрѣтеній, таковому посту годъ единъ, на всякій день поклоновъ земныхъ по сту, поясныхъ по триста.

8.

Аще кто ходитъ во храмъ Инославныхъ и токмо тамо исповѣдуется, не пріемля прочихъ таинъ, однако не со истиннымъ залогомъ, но нѣкихъ ради причинъ, собственную ему пользу составляющихъ, и аще покается, то таковому постъ шесть мѣсяцевъ, на всякъ день поклоновъ земныхъ по сту, и поясныхъ по сту.

9.

Аще кто по безразсудству входитъ въ храмъ Инославныхъ, и тамо въ молитвахъ съ ними и въ яденіи и питіи сообщается,

а ни какихъ тайнъ не пріималъ, таковый аще пріидетъ и про-щеніе принесетъ, то ему постъ три мѣсяца, поклоновъ на всякій день по сту земныхъ и по сту поясныхъ.

10.

Аще кто пойдетъ въ храмъ Инославныхъ * (кромѣ пріятія та-ковыхъ прочихъ тайнъ), а токмо ради единаго браковѣнчанія к всему обряду, и тамо весь чинъ вѣнчанія воспріиметъ, и оное, як истинное и совершающее законный бракъ, вмѣнять будетъ, и аще таковіи истинно покаются, то таковымъ поститися три мѣсяца на всякій день поклоновъ земныхъ по сту, поясныхъ по трист

11.

Аще кто пойдетъ въ храмъ Инославныхъ ради браковѣнчанія хотя и не вмѣняя оное за усовершенствованіе брака, но ра стыда отъ людей, и тамо весь чинъ пріиметъ, таковому пос шесть недѣль, на всякъ день поклоновъ земныхъ по пятидеся поясныхъ по двѣсти.

12.

Аще кто во храмѣ Инославныхъ былъ, рукоосѣненія жъ прочихъ дѣяній свободился, но токмо происходило чтеніе и пѣн таковому постъ шесть недѣль, поклоновъ на всякъ день земны по пятидесяти и поясныхъ по сту.

13.

Аще кто страха ради, или по принужденію, пріиметъ о Внѣшнихъ браковѣнчаніе, таковому постъ три недѣли, на вся день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по сту.

---

* У Мониицевъ бракъ пріемлется и правятся по ветхому Закону Моисееву, а н новой благодати въ церкви Свято-Православной дѣйствуемый бракъ не приня У Новоженовъ, вѣрно, также, равно и у другихъ Безпоповцевъ, не гнушающи ся бракомъ.

14.

Аще кто безъ нужды, но самовольно, впишется въ книги, аки браковѣнчався, и сообщится со Внѣшними въ яденіи и питіи, таковымъ постъ три недѣли, поклоновъ на всякъ день по сту земныхъ и по двѣсти поясныхъ.

15.

Аще ли кто самовольно же, безъ всякія нужды, впишется въ книги Инославныхъ, но не сообщится съ ними въ яденіи и питіи, таковому постъ двѣ недѣли, поклоновъ на всякъ день по пятидесяти земныхъ и поясныхъ по сту.

16.

Аще кто сыну своему, или дщери, дозволитъ сочетатися съ Внѣшнимъ лицемъ, и отпуститъ онаго въ храмъ Инославныхъ браковѣнчатися, но аще покается, таковому постъ шесть недѣль, поклоновъ на всякъ день земныхъ по сту и поясныхъ по четыреста.

17.

Аще которые родители тако сотворятъ, т. е., попустятъ дѣтямъ въ храмѣ Инославныхъ получить молитвословіе, боязни ради и притѣсненія отъ Внѣшнихъ, таковому постъ три недѣли, поклоновъ на всякъ день по пятидесяти земныхъ и по сту поясныхъ.

18.

Аще кто въ путешествіи (т. е., въ дорогѣ), по невозможности себя соблюсти, сообщится со Инославными въ яденіи и питіи, тотъ принесетъ въ молитвенномъ храмѣ прощеніе и сотворитъ поясныхъ сто поклоновъ.

19.

Аще кто по слабости и небреженію сообщится со Внѣшними многажды въ яденіи и питіи, той да принесетъ прощеніе и по-

ложитъ поклоновъ пятьдесятъ поясныхъ. Аще ли кто по вторы учинитъ тоже, то, по прощенія, да положитъ сто поклоновъ поясныхъ же. Но аще ли кто, небрегій самъ о себѣ, и въ третіе тоже учинитъ, той, по принесеніи прощенія, да положитъ поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ.

20.

Аще ли, по небреженію, самопроизвольно, въ разныхъ мѣстахъ многократно въ ядёніи и питіи общался съ Инославными, каковый, аще чистосердечно принесетъ прощеніе, то да постится двѣ недѣли, и на всякъ день да полагаетъ поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ.

21.

Аще кто сообщится въ ядёніи и питіи со Инославными дважды, или трижды, ради стыда людскаго, не хотя себя показати, что онъ не того Исповѣданія, таковому, скрывающему истину и покрывающемуся лжею, по принесеніи прощенія, постъ едина недѣля и на всякъ день поклоновъ земныхъ по пятидесяти и поясныхъ по пятидесяти же, или больше, смотря его дѣянія.

22.

Аще кто ходитъ ко Внѣшнимъ въ гости съ своими сосудами, не ради душевныя пользы себѣ и ближнему, но токмо ради забавы и увеселенія, а при томъ и ради человѣкоугодія, и аще въ томъ покается, то таковому за первый случай, яко соблазняющему таковымъ своимъ дѣяніемъ прочихъ, въ общемолитвенномъ храмѣ, предъ собраніемъ, съ положеніемъ начала, принести прощеніе. Аще ли во второе тоже учинитъ, то, по принесеніи прощенія, да положитъ пятьдесятъ поклоновъ поясныхъ. Аще ли и въ третіе тоже учинитъ, то, по принесеніи прощенія, да положитъ поклоновъ пятьдесятъ земныхъ и пятьдесятъ поясныхъ. А за четвертое таковое своевольство, по принесеніи прощенія, да положитъ поклоновъ сто земныхъ и сто поясныхъ. Но ежели же симъ не удовлетворится, и аще, любя свое чрево, паки тоже

творити имать, и аще покается, то, въ наказаніе своего преступленія, воспріиметъ епитимію: постъ двѣ недѣли и на всякій день сто земныхъ и сто поясныхъ поклоновъ.

23.

Аще ли кому въ домѣ, или въ своемъ жительствѣ, по крайней необходимости, не возможно себя будетъ соблюсти отъ общенія со Инославными, таковый да признаваетъ самъ свой грѣхъ, и да полагаетъ на всякую недѣлю поясныхъ поклоновъ по семидесяти, или на всякій день по дванадесяти поклоновъ безъ всякаго отложенія. Съ единовѣрными же, безъ полученія свободности и безъ прощенія, купно молитися, ясти и пити не долженствуетъ.

24.

Аще кто сообщится со Внѣшними въ ядeніи и питіи не своего ради сластолюбія и чревоугодія, но ради душевныя пользы ближняго, что и дѣйствительно ему, по благости Божіей, учинится, то таковому, ради прочихъ, дабы не было ни кому соблазна, въ молитвенномъ храмѣ положить начало и принести прощеніе въ томъ, что общался съ непріобщенными, объявляя и каковыя ради вины.

Всякъ же по каковому случаю, ежели когда со Внѣшними въ ядeніи и питіи сообщится, то не долженъ онъ съ прочими не общающимися купно молиться и ясти и пити изъ единыхъ сосудовъ, но прежде, аще не возможно каковыя ради причины, тогда ити въ молитвенный храмъ, то хотя предъ своими домашними, или во иномъ домѣ, куда прежде пріидетъ предъ необщающимися, съ положеніемъ обычныхъ начальныхъ поклоновъ, да принесетъ прощеніе. И тако ему купно съ ними молитися и ясти и пити, однако же, не продолжая времени, долженъ онъ въ молитвенномъ храмѣ объявити свое дѣяніе предъ всѣми, въ немъ обрѣтающимися единовѣрными, приносити прощеніе и пріяти по своей винѣ наказаніе.

Аще ли кто сего не учинитъ, т. е., не признаетъ себя виновнымъ и прощенія не принесетъ, и наказанія пріяти не восхо-

щетъ, таковый да не дерзнетъ съ прочими правомудрствующими и на единѣ и въ собраніи купно молитися, но да пребываетъ особно, имѣя своя сосуды ради яденія и питія.

Того ради всякъ доможитель долженъ имѣть различные сосуды: Едины ради единогласныхъ, а другія ради Иногласныхъ или Внѣшнихъ, дабы не имѣть съ ними общенія и не быть тѣмъ нарушителемъ положеніямъ и правиламъ Святыхъ Отецъ (?), за что полагается отъ Святыя Церкви прежесточайшее наказаніе.

Желающіе же истинно спастися и получить отъ праведнаго и страшнаго Судьи, Бога, своихъ грѣховъ прощеніе, тѣ во время продолженія епитиміи, святыхъ мощей и святыхъ иконъ и божественнаго Евангелія, и животворящаго Креста, и прочихъ святыны не цѣловати, и кутьи, съ которою поютъ по умершихъ панихиды, не ясти.

Поклоны же полагати при прощеніи или въ молитвенномъ храмѣ, или въ домѣ, сіе оставляется на благоусмотрѣніе и разсужденіе искуснаго врача, и гдѣ удобнѣе. Но въ Субботу и въ Недѣлю и въ великіе праздники, не земные, но поясные, поклоны полагати, яко же святоцерковное положеніе повелѣваетъ.

А кому положенъ будетъ постъ, то въ оные дни мяса, млека, яицъ, сыра и прочаго, и рыбы не ясти, и хмѣльныхъ и виноградныхъ напитковъ не пить, но въ трезвости и воздержаніи просити, съ сокрушеніемъ сердца и смиреніемъ духа, отъ всещедраго Бога грѣховъ прощенія, и глаголати: аще восхощеши разумно, истину изъявляй любезно. Аминь.

Въ Потребникѣ Большомъ предъ исповѣдію, на лис. 141-мъ на оборотѣ:

1. Прилогъ помысла безгрѣшенъ.
2. Соглаголаніе поклоновъ 12.
3. Сложеніе же запрещенію виновно.
4. Борьба или вѣнцемъ или мукамъ виновна и достойна.

Изъясненіе.

Прилогъ, т. е., ежели что приложится или пріидетъ въ омыслъ неблагопристойное, мерзкое, непотребное святохуль-ое и богопротивное, а умъ къ тому не соглашается, но и про-ивится, то оное неполезное и душевредное помышленіе, какъ е по своему желанію и любовному воображенію, но отъ случая), или отъ врага душъ нашихъ, приходитъ, того ради та ковыя ысли или прилогъ помысла безгрѣшенъ есть, и наказанія за то ія епитиміи не бываетъ.

Соглаголаніе, т. е., разговоръ, или совѣщаніе, или совѣтъ, еще нѣтъ согласія къ произведенію и исполненію грѣховнаго ла, и сіе называется соглаголаніемъ: за сіе епитиміи 12 по-оновъ.

Сложеніе, т. е., договоръ, положеніе, опредѣленіе и со-асіе къ дѣйствительному исполненію, но еще въ самое дѣло какому препятствію не произведенное, однако должное быть; отря и разсуждая по ихъ дѣянію, наказаніе.

Борьба, или вѣнцемъ или мукамъ виновна и достойна.

Борьба вѣнцемъ достойна за то, ежели мысли къ дѣянію ѣха согласятся, а разумъ воспротивится и Божіею помощію одолѣетъ, и грѣха въ дѣло не произведетъ, за сіе самое отъ га вѣнецъ пріиметъ и отъ духовника наказаніе не получитъ.

А мукамъ достойна за то, ежели что ради сотворенія ѣха помыслитъ, и хотя не скоро, но той грѣхъ самымъ дѣломъ олнитъ, то за сіе, по силѣ произведеннаго грѣха, должно ть неотложительно епитиміи или наказанію правильному.

Въ томъ же Словѣ ниже: въ цѣлованіе и осязаніе пришед-я, не растлѣвшежеся, еже о малакіи, запрещеніе да пріемлютъ, дней сухо ядущи и проч.

Въ Номоканонѣ.

Правило 58-е.

Иже малакію сотвори, да сухо ястъ четыредесять дней, по святому Іоанну Постнику, и да творитъ на всякъ день поклоновъ сто. Аще же не можетъ сухо ясти, да удержится отъ причастія едино лѣто, и поклоновъ пятьдесятъ на всякъ день.

Примѣчаніе.

Здѣ многіе останавливаться будутъ и произноситъ такія рѣчи: «Я не могу 40 дней такъ жестоко поститься, и Причастія у насъ нѣтъ, но епитиміи держать не возможно.»

Таковымъ отвѣтствуется: Хотя святаго Причастія у многихъ и нѣтъ, но желаніе къ полученію того, ежели кто признаетъ себя быть правовѣрнымъ Христіаниномъ, имѣть всегда съ сокрушеніемъ сердца должно. * А при томъ да исчислитъ, колико будетъ въ годъ по пятидесяти поклоновъ на каждый день, то въ годъ будетъ осемьнадцать тысячъ двѣсти пятьдесятъ, а въ 40 со стомъ поклоновъ, т. е., въ сорокъ дней по сту поклоновъ на день, только четыре тысячи. Здѣ избирай, что есть полезнѣе и лучше для тебя.

Въ Потребникѣ Большомъ, листъ 669.

Въ Номоканонѣ.

Да внимаетъ же себѣ духовникъ во время исповѣди, еже не испытывати имене лица прочихъ сообщниковъ грѣха, яко не есть лѣкъ духовнику имя лица иному являти, внегда совѣта и поученія искати ему о грѣсѣ нѣкоемъ недоумѣтельномъ, епити-

---

* Желаніе причастія не есть причастіе, и поклоны молитвенные не могутъ замѣнить ни какого таинства церковнаго, хотя бы всѣ четки истерлись на поклонахъ.

ради и исправленія. Се бо предательству Іудину подобно; обаче приступльшему къ исповѣданію, воспомянути и поучити его, не извѣщати имене лицъ оныхъ, съ ними же согрѣши.

Но да повелитъ исповѣдающемуся онѣхъ лицъ, съ ними же согрѣши, то, что рещи, санъ, чинъ, званіе, лѣта и рода близ-ность—вины грѣховъ, да речетъ, и всякъ грѣхъ особь и по виду на исповѣсть.

Внемли и сему:

1. Егда обрящется человѣкъ благоговѣйный и произволитъ ворити нѣколико метаній въ нощь и день, по силѣ своей, от-усти ему едино лѣто отъ мѣры канона причастія.

2. Аще же произволитъ сотворити милостыню по мѣрѣ сво-і, остави ему и другое лѣто.

3. Аще ли постится Среду и Пятокъ, по божественнымъ авилонъ, остави ему еще другое лѣто.

4. Аще же и Понедѣльникъ восхощетъ воздержатися отъ са, еще паки отпусти ему лѣто.

5. Аще ли отъ сыра и яицъ—другое.

6. Такожде и ину добродѣтель аще сотворитъ, другое паки усти ему лѣто.

7. Аще ли человѣкъ той нижае тридесяти лѣтъ есть, другое о паки остави ему.

Аще же есть и отъ двадесяти нижае, мнѣе да запрещается. е не изволитъ написанныхъ, да исполнитъ цѣло нарекован-лѣта.

Подобаетъ истинно кающимся и плоть жестокимъ пребыва-ъ изнуряти хотящимъ, и житіе благоразумное проходити, ныя злобы сопротивосильное, и по мѣрѣ воздержанія, таковымъ емене покаянія умаленіе, яко се·

Аще кто вина пити во уреченные дни не изволитъ, и мы годище судихомъ отъяти едино отъ уставленнаго его паденію отъ отецъ запрещенія.

Такожде: аще отъ мяса воздержатися обѣщевается на время, и мы другое лѣто отпустити искусихомъ.

Аще отъ сыра и яицъ, рыбы и масла, воздержатися обѣщаетъ, тогда на всякое воздержаніе единаго сицевыхъ вида, едино лѣто отъяти.

Но аще и частыми колѣнопреклоненіи Бога умилостиви изволитъ, подобнѣ творити.

Наипаче же аще обильное къ милостыни и силы не лишимое произволеніе показуетъ.

Пристяжаніе.

О, духовниче! да не погрѣшиши, при глубоцѣмъ разсуждсія три памятствуй:

1. Количество: много кто согрѣши, да многая пострадже

2. Качество: да противная противными врачуются, чре неистовство воздержаніемъ и проч.

3. Время: долго кто согрѣшающе, да долго и казни паче же всѣхъ желаніе и произволеніе въ кающемся зрите есть.

Въ Кормчей.

Изъ правилъ Святаго Василія Великаго.

Правило 33, листъ 236.

Жена аще на пути родитъ и о рождшемся отрочати нерадущи, оставитъ е, убійства грѣху повинна есть. Се разумно.

Правило 521, листъ 241.

Жена небрегши о рождшемся отъ нея отрочати на пустыни и оставльши е, тако убійца есть. Аще ли скудоти ради, не имѣющи потребныхъ, безъ вины есть.

Правило 34, листъ 236.

Въ тайнѣ убо прелюбодѣяніе сотворшую и обличаему увѣдѣномъ, безъ общенія сію поставляемъ, дондеже запрещеніе скончаетъ.

Толкованіе.

Жена прелюбы сотворши въ тайнѣ, и не обличена сущи, грѣхъ свой исповѣсть, съ говѣніемъ, или инако како отъ духовнаго отца своего обличена бывши, не подобаетъ предъ всѣми обличити ея; и яко любодѣица отъ своего мужа познана бывши, да не будетъ ей се вина смертная. Безъ общенія же сей повелѣваютъ пребыти отцы, и съ вѣрными женами стояти до скончанія лѣтъ, еже о прелюбодѣянія согрѣшеніи. Аще бо съ плачущимися и съ послушающими поставлена будетъ зазорна, будетъ своему мужеви, и единаче убіетъ ю.

Правило 49, листъ 240.

Растлѣніе по насилію не повинно, и раба нудима отъ господина безъ вины есть.

Толкованіе.

Дѣвица, нуждею растлѣнна бывши, и жена срамоту пріемши насиліемъ нѣкоего, не повинни суть, и тако раба, смѣсившися съ господиномъ своимъ, безъ запрещенія.

Къ сему согласно смотри въ Номоканонѣ правило 66, листъ 687:

Аще инокиня насилуема будетъ, или дѣвица отъ господаря своего, или иная жена отъ кого, явитъ же ся первое ея житіе чисто, 14 дней запрещается, или едино лѣто да не причастится.

V.

РѢЧЬ

ГАВРІИЛА ЛАРІОНОВА СКАЧКОВА ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ДОЛЖНОСТЬ НАСТОЯТЕЛЯ И ДУХОВНИКА ПОКРОВСКОЙ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ. *

Почтенное Собраніе!

Главная причина стеченія нашего состоитъ нынѣ единственно въ томъ, чтобы въ Православіи нашемъ (!) водворялись непрестанно любовь святая, миръ Божій и тишина церковная.

Каковыми божественными побужденіями Св. Христова Церковь во всѣ времена изобиловала, не только въ единомысленныхъ состояніяхъ, но и въ различности правильныхъ положеній.

О чемъ всему свѣту извѣстно, что и о крещеніи еретическомъ учинены Церковію Божіею различныя положенія. Ибо всякаго еретика крестить повелѣваютъ Правила Апостольскія: 46, 47 и 68. Сему слѣдуя, и священномученикъ Кипріанъ со священнымъ своимъ соборомъ утвердили, чтобъ отъ всякаго еретика, крещеннаго во имя Св. Троицы и въ три погруженія, безъ изъятія отметать крещеніе и совершенно крестить.

Все же правосудіе сихъ правилъ Святѣйшій Патріархъ Филаретъ съ соборомъ Первосвященниковъ изъясняетъ, и свято утверждаетъ, и причину полагаетъ вѣчно неоспоримую таковую, что (соборное изложеніе Филарета Патріарха, листъ 561): «яко вси еретики различныхъ еретическихъ Вѣръ не имутъ права святаго крещенія, еже водою и Духомъ Святымъ. И того ради отъ всѣхъ еретическихъ Вѣръ различныхъ приходящихъ къ Православному Христіанскаго закона, подобаетъ совершенно крестити святымъ крещеніемъ.»

---

* Сдѣсь содержится обличеніе на самочиніе и раздоры въ Расколѣ.

И что дѣйствительно токмо едина Святая Церковь имѣетъ право преподавать святое крещеніе, сіе же изъ Св. Писанія видно, въ коемъ сказано, что «Церковь Божія есть яко вертоградъ и источникъ запечатлѣнъ. (Апост. Толков. зач. 108). И того ради не возможно нигдѣ же тайнѣ статися, токмо въ единости Церкви Божіей.»

Но какъ въ обращеніи отъ еретикъ къ Православію явились препятствія, то Церковь Христова принужденною нашлась въ приятіи отъ еретикъ учинить нѣкоторыя изъятія. И, вмѣсто, чтобъ крестить, установила: нѣкоторыхъ токмо помазывать мѵромъ, иныхъ же, съ проклятіемъ только ересей, къ Благовѣрію присоединять. Какъ значится 1-го Вселенскаго Собора правило 8, Лаодикійскаго 7, 2-го Вселенскаго 7, 6 Вселенскаго 95 и Тимоѳея, Пресвитера Великія Церкви и другихъ.

Таковый же церковный пріемъ есть одно только снисхожденіе къ еретикамъ и раскольникамъ, для скорѣйшаго ихъ обращенія къ Церкви. По свидѣтельству Тимоѳея, Архіепископа Александрійскаго, пишущаго: «По что не покрещеваемъ еретики?» Отвѣтъ: «Аще бы се было, не бы ся человѣкъ скоро отъ ереси обращалъ, стыдясь по крещеніи: обаче и возложеніемъ рукъ и молитвою Іерейскою вѣсть приходити Духъ Святый.» Подобно же и имѣется въ толкованіи правила 1-го Василія Великаго, что Новатіанъ чистыхъ крещеніе Духъ Св. оставляетъ, но смотрѣнія ради будетъ пріято.»

Такъ же разность открылась и въ самихъ Апостолахъ, когда Петръ съ Павломъ и Павелъ съ Варнавою и Христіане изъ Іудей и Еллиновъ о снѣдяхъ и обычаяхъ препирахуся.

Тоже Восточные съ Западными согласились обще по полнолунію перваго мѣсяца Пасху праздновати въ Недѣлю, а Епископы Асійскіе сему не согласились.

Что жь? И въ дѣлѣ за отверженіе законныя супружницы за поятіе сродницы Царемъ Константиномъ, сыномъ благочестивыя Царицы Ирины, Патріархъ съ прочимъ духовенствомъ

и премногими вѣрными были на сторонѣ Царя, Ѳеодоръ же Студійскій и Царю и всѣмъ онымъ воспротивился, и претерпѣлъ за то многія мученія.

И не меньше сего таже съ мученіями явилась распря въ Христіанѣхъ и за изгнаніе Св. Златоуста до самаго возвращенія мощей его, хотя Св. Златоустъ, отходя въ заточеніе, за свое изгнаніе творити церковныхъ распрей не позволялъ и запрещалъ.

Да не маловажнѣе сего и Римская Церковь, когда въ ересяхъ Богословскихъ, вопреки Священному Писанію и противу естественныхъ законовъ, открылась, какъ-то: безженство клириковъ, опрѣсночное служеніе и прочія несообразности имѣла, однако жь истинная Церковь Божія, зная совершенно, что миръ святый болѣе пріятенъ Богу, нежели сколько поспѣшный и пагубный раздѣлъ, и она, при всѣхъ своихъ объясненіяхъ и обличеніяхъ всякимъ несогласностямъ, и разнообразнымъ мнѣніямъ, и чиноположеніямъ терпѣла, снисходила и уступала, и, не давъ совершеннаго суда, опасалась исключать Церкви и множить раздѣлы. И всякихъ погрѣшающихъ въ Вѣрѣ и обрядахъ не вскорѣ еретиками порицала и въ чинъ еретическій включала, какъ развѣ тогда только, когда кто явится въ глубочайшихъ заблужденіяхъ и нераскаянностяхъ погрязшимъ. И чтобы прочихъ предостеречь отъ заблужденія, дабы не заразились ядомъ еретичества, а заблужденнаго и нераскаяннаго, яко смертоноснаго члена, исторгнуть, тогда Св. Церковь, яко же мать чадолюбивая и правосудная, не хотя законный судъ исторженія на таковаго износить, по Евангельскому опредѣленію: «Аще же преслушаетъ Церковь, буди тебѣ яко же язычникъ и мытарь,» и по совѣту Святыхъ, о немъ возглашаетъ: «да возвѣстится о немъ всюду не пріяту ему быть на всяко общеніе.»

А доколѣ полагаются надежды въ обращеніи о заблуждающемъ, и доколѣ собираются всѣ подробности къ объясненію истины, и къ обличенію ложныхъ и вредныхъ содержаній, тогда обѣ противоборствующія страны, одна съ другой составляли едину Церковь, и спасались въ обѣихъ сторонахъ. Хотя, впрочемъ, между тѣмъ происходили и жаркія состязанія, по описанію церков-

ыхъ исторій, что и за не согласное празднованіе Пасхи, Вик-
)ръ, Папа Асійскихъ Епископовъ, клятвѣ предаде и общеніе от-
іче, которой клятвѣ, однако жь, многіе Епископы святые за-
іѣша и похулиша, яко таковыхъ Епископовъ дерзнулъ отлучи-
, каковыхъ ради причинъ прежніе Папы раздѣла не имѣли.

И Кипріанъ Священномученикъ, по собраніи двухъ Соборовъ,
торыми еретическое крещеніе отметать утвердили и крестить
аконили, писалъ же Папѣ Стефану, чтобы и онъ далъ о томъ
кое же свое согласіе. Стефанъ же Папа отписалъ къ Кипріа-
, ни что же возобновляти, кромѣ преданнаго, и согласія не
іъ. А Кипріанъ за сіе, гнѣваяся на Папу Стефана, и въ посла-
і своемъ поноситъ ему, гордымъ и немудрымъ его нарицаетъ
юмогающимъ еретикамъ числитъ. Котораго, однако жь, оправ-
ваетъ Блаженный Августинъ: ибо аще и упоренъ въ томъ бя-
, обаче любви и соединенія со Стефаномъ Папою не разрываше.

И Церковь Восточная Кипріана, а Западная Стефана, въ числѣ
іщенномучениковъ почитаютъ. Которые оба въ своихъ мнѣніяхъ
ончались, не каяся, да и причины не имѣлось извиняться. Поели-
что Кипріаново мнѣніе по резонамъ необходимымъ и основатель-
мъ было праведно и свято, а Стефаново, по случайнымъ и сни-
дительнымъ, тожъ было Церкви полезнымъ; Кипріаново и по
у хорошо, что древо зло не можетъ плоды добры творити, а
фаново и за тѣмъ изрядно, что и всякаго же плодоноснаго
ва не каждый сучецъ плоды одинаковы приноситъ, но иногда
о, или во многомъ, неподобны. И Стефаново было легчайшимъ
собомъ къ обращенію еретиковъ, каковаго мнѣнія держались
лѣ Вселенскіе и Помѣстные Соборы, и Василій Великій (прав.
и другіе Святые Отцы. А какъ снисхожденіе не есть необхо-
ый законъ, но уступка и случайность, то однѣ и тѣ же пра-
і повелѣваютъ крестити тѣхъ же еретиковъ.

Подобныхъ сему происшествій весьма довольно можно ви-
ь въ исторіяхъ церковныхъ, въ самой Восточной, и между За-
ной и Восточной Церквами.

И Восточная Церковь отъ Западной, не учиня рѣшительныхъ
смотрѣній, и доколѣ не открылась она заблужденіями, отчаянно,

безъ возвращенія, погрязшею, раздѣла съ нею не имѣла и пребывала въ мирѣ, любви и соединеніи, яко единыя матери, святыя Каѳолическія Вѣры, чада, многія времена.

И въ продолжительныхъ терпѣніяхъ, колико было въ Греческой Церкви святыхъ Учителей и премудрыхъ Патріарховъ, Митрополитовъ, Архіепископовъ и Епископовъ, и прочихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ слова Божія, но ни кто никогда изъ нихъ не смѣлъ дерзнуть составить расколъ.

Оные благоразумные пастыри знали совершенно величество грѣха, въ расколѣ живущаго, и его ужасались.

Колико же золъ и тяжекъ грѣхъ раскола, о семъ Златоустъ вѣщаетъ: «Ни что же тако раздражаетъ Бога, яко еже Церкви раздѣлятися; аще и безчисленная будемъ содѣявше благая, отъ иже тѣло Его пресѣцающихъ, не меньшую пріиметъ казнь, сѣцающе исполненіе церковное. Сія мною не къ начальникамъ токмо речена суть, но и къ начальствуемымъ, яко отъ еже въ ересь пасти, еще Церковь раздрати, не меньшее есть зло. Паче всего Богъ раздражается о раздорѣ церковномъ, ниже мученическа кровь можетъ сего загладити грѣха.»

И Св. Ѳеофилактъ, отъ лица Христова, рекъ: «Мое есть дѣло собирати, а діаволе еже расточати.»

Павелъ же Апостолъ пишетъ (Апостолъ зач. 121): «Блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры; сіи бо не работаютъ Господеви нашему Іисусу Христу.»

И Римская Церковь когда уже въ своихъ заблужденіяхъ явилась нераскаянною, тогда и Никита, мнихъ Студійскій, и Всероссійскій Патріархъ Филаретъ, Западной Церкви новыя ложныя и пагубныя узаконенія: клириковъ безженство, исхожденіе Св. Духа и отъ Сына и служеніе опрѣсночное, съ прочими новостями ересію именуетъ, и раздѣлъ съ нею имѣть состоявшійся почитаютъ правильнымъ, руководствуясь на таковый случай церковнымъ симъ закономъ: правило 15 собора второперваго: «Аще же

ѣцыи отступятъ отъ нѣкоего Епископа, не грѣховнаго ради из-ѣта, но за ересь его, отъ собора, или отъ Святыхъ Отецъ невѣ-ому сущу, таковіи чести и пріятія достойни суть, яко правовѣр-іи» (глава 19 Корм., л. 221).

Изъ сего всякой усмотрѣть можетъ, что сіе правило позво-яетъ отступать отъ Епископа токмо за ересь, кромѣ же ереси эступать позволенія не предвидится.

Сему Восточная Святая Церковь слѣдуя безпрекословно во ѣ времена, всякихъ несогласностей, внутри ея продолжающихся, отъ Римской Церкви разномысліями ея касающейся, но безъ ›борнаго суда и подробныхъ разсмотрѣній, раздѣловъ рѣшитель-ыхъ, кромѣ ересей, не производила, и заблуждающимъ бого-ювски и погрѣшающимъ противуестественно, * великодушно рпѣла. И ея святыя и премудрыя рукоположенныя церковныя асти являли человѣколюбное снисхожденіе и здраворазсудныя тупки творили, и коими при томъ повсеминутно были воспоми-емы Христа Спасителя сіи божественныя словеса, на случай губити заблуждающихъ желающимъ, рекшаго (Луки зач. 48): е вѣсте, коего духа есте вы; Сынъ бо человѣческій не пріиде губити, но спасти.»

Тоже и Святіи пастыри, спасители душамъ, неусыпно ста-лись соблюсти церковное соединеніе, болѣе и болѣе возграж-ли всюду святыій миръ, вездѣ любовь Божію и всегда союзъ инства, различными средствами, чрезъ которыя могли бы по-аваемы быть вѣрнѣйшими учениками человѣколюбиваго, крот-го и премудраго своего учителя, Христа, и тѣмъ имѣть бы всег-едино стадо и единого пастыря, Господа нашего Исуса Хри-, спасающаго всяческая.

А какъ и вѣрно, что Церковь Господня во времена какихъ либо ѣсненій творила все благоразумно, то и сіе въ томъ ее оправ-

---

* азумѣется, вѣроятно, безженство Священниковъ въ Западной Церкви, не сво-ольнымъ произволеніемъ пріемлемое, а закономъ наложенное и вынуждаемое, и ю тому противоестественно, т. е., противъ естественныхъ законовъ, какъ ыше сказано.

дываетъ, что Православнымъ Священникамъ, въ плѣну бывшимъ у Агарянъ и преподававшимъ святое крещеніе дѣтямъ Агарянскимъ, которыхъ родители почитали крещеніе за очарованіе или волшебство, а не за святость, и приносили дѣтей къ крещенію единственно токмо для отгнанія злосмрадныхъ воней, съ коими они раждались, а не вѣры ради во Христа, и не очищенія ради грѣховъ, ниже для наслѣдія вѣчнаго блаженства и усыновленія Богу, каковыхъ ради неблагочестивыхъ мыслей оное их крещеніе Святою Церковію узаконяется повторять, Священников же творящихъ оное не казнить и раздоровъ и раздѣловъ съ оными не имѣла. А какъ значится, и были къ тому резоны сіи: «не дадите святая псомъ,» и что на сей случай не имѣли никакого дозволенія, а дѣйствовали. И здѣсь премного удивляться должно премудрому церковному расположенію сему, что крещеніе, отгоняющее злосмрадныя вони и чудотворное, отмещется и повторяется, а дѣйствители того, Священники, казней свобождаются. Что же ихъ извиняеть? Нужда, обладаніе нечестивое, власть Агарянская.

И видно, что Церковь Божія, яко разумнѣйшая, нужду съ свободою различаетъ, и свободными правилами нужду не осуждаетъ и не казнитъ. Да и ни кому вопреки сему поступать не дается воли, и запрещается самимъ Богомъ и Святыми Отцами. Екклесіастъ глав. 3; Матѳ. зач. 44; Василія Великаго прав. 39, 85, 53, въ толков.; Лѣствица слов. 26, листъ 207 обор.; Златоустъ къ Галатамъ гл. 1-я, на стихъ 17 сказаніе; Апостолъ зач. 245, къ Филипсеемъ гл. 3, стихъ 16.

И такъ, ежели учители церковные и пастыри рукоположенные премного несогласностямъ терпѣли, снисходили и раздѣловъ убѣгали, то какою же бы властію наши, простолюдины суще, какъ нынѣ мы видимъ многихъ, и рукоположенія святаго у себѣ не имѣющіе, не разобравъ совершенно вещь, тѣми же одними книгами ее означающими, по необходимымъ и случайнымъ знакамъ дающимъ о ней истинное познаніе, отважно дерзали раздирать ризу Христову, растлѣвать Церковь Божію, разсѣвать въ ней раздоры, смущать единство Христіанское и творить расколы, безъ всякаго церковнаго соборнаго сужденія и подроб

разсмотрѣнія, но только послѣдуя собственно своему мнѣнію и упорно пренебрегая ясное и откровенное Писаніе, спорность о вещахъ разрѣшающее? А ко многимъ изъ таковыхъ пишется и Апостоломъ Павломъ (Апостолъ зач. 278): «Не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихъ же утверждаютъ. Человѣцы растлѣнни умомъ и не искусни о вѣрѣ (зач. 295). И должни суще быти учители лѣтъ ради, паки требуете учитися, кая письмена начала словесъ Божіихъ (зач. 312).» А иными не обрящется ли и сего, что отъ неправильныхъ ихъ ученій родилось и раждается то, о чемъ по Апостолу срамно есть и глаголати. Въ разсужденіи же вѣры то веліе нечестіе, а по жительству естественному и семейственному то обширное безобразіе, стыдъ и поношеніе отъ благомыслящихъ, и собственною совѣстію уличаемымъ, судимымъ и мучимымъ повсегда.

Каковые нынѣшніе новые лобзатели раздѣловъ до толикой высочайшей степени своевольствомъ возрасли, что маловѣдущихъ умовъ ко мнѣніямъ своимъ и обычаямъ противу воли каждаго склоняютъ!! Но буде кто ихъ ученіямъ не послѣдуетъ, отъ того Христіанина дѣлаютъ немедленно раздѣлъ: отсѣкаютъ его отъ церкви, отъ богослуженія, отъ общенія пищи и всякихъ Христіанскихъ соединеній, и лично и заочно, ни сколько не разсмотря и не познавъ вины исторженія. И совсѣмъ сіе ими предано забвенію, что исключеніе изъ Церкви не иное что значитъ (Златоустъ бесѣда 5), какъ отданіе Христіанина во власть и снѣдь діаволу, чего самые верховные первосвященники и святые пастыри безъ разбора трепетали строить и весьма ужасались Писаніемъ сказаннаго: «Ежели Епископъ кого отлучитъ не по закону, той самъ себе отлучилъ есть!»

И нынѣ на своевольникахъ нашихъ явственно исполняется Св. Златоуста писаніе слѣдующее: «Ни что же тако раздираетъ тѣло Церкви, яко же гордыня и любоначаліе. Аще тыяжде догматы, аще тыяжде тайны, чесо ради инъ начальникъ на ину церковь наскачетъ? Видите, рече, яко Христіанъ вся тщеславія исполнена суть, и любоначалія у нихъ и прелесть... есть, рече, всякому хотящему обрѣсти повинующихся, и никогда же оскудѣетъ сихъ. Оле смѣха! Сія коликаго студа суть: како претерпимъ отъ Еллиновъ смѣхъ!»

Да и подлинно, что нынѣшніе наши простолюдины сие тяжчайшее зло, грѣхъ раскола церковнаго, почитаютъ за великую добродѣтель и святою честію, что онъ произвелъ въ Церкви раздоръ и расколъ, и себя въ ономъ сдѣлалъ учителемъ, дабы отъ его имени возрасло новое согласіе, котораго до него не было, по чему и склоняетъ къ себѣ повинующихся. А самое высочайшее добро—единство Церкви, миръ ея, любовь тоя и согласіе въ ней полагаютъ за ни что. И свое душевредное ученіе прикрывая благими словесы и благословеніемъ, прельщаютъ сердца незлобивыхъ, непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестію (Апост. зач. 121), отступай отъ таковыхъ, Апостолу» (зач. 287) рекшу.

Сіе же сказано и для того паче, что свары и вражды между братіею творящіе, рождаютъ грѣхъ смертный противу Духа Святаго (Катихизисъ малый листъ 57).

И дѣйствительно, таковые своевольники за послѣдованіе своему мнѣнію подлежатъ писанію сему: «Кто своему мнѣнію послѣдуетъ, той еретикъ есть.»

Но явственнѣе, кто по чему еретикъ, то Преподобный Максимъ Грекъ сказуетъ (глава 81): «Еретикъ бо онъ есть, кто мнѣнію своему лживому крѣпцѣ прилѣпляется, и извѣстно совѣстію истину вѣдый, и сопротивъ глаголетъ жестоцѣ, безъ надежды исправленія. Аще бо отъ невѣдѣнія сіе сотвори, тогда наречется заблудникъ, а не еретикъ.»

То же и Киръ Зиновій, ученикъ Преподобнаго Максима Грека, глаголетъ: «Еретицы именуются отъ сего, яко не соглашаются правовѣрнымъ, кривѣ вѣрующе, и по крещенію оныи Христіане, кривовѣрія же ради они еретицы.

А равно же что есть ересь, то Св. Іосифъ Волоколамскій пишетъ (Слово 12), и великій Аѳанасій глаголетъ: «Тяжчайшій и страшнѣйшій всѣхъ смертныхъ грѣховъ грѣхъ, еже въ ересь впасти. А ересь глаголется, по многимъ богословцемъ, еже не тождe со Святыми Отцы мудрствовати, или что свое, и сему послѣдовати. Или аще кто похулитъ правое преданіе церковное, или от

метаетъ что Божественныхъ Писаній, мало, или велико, весь отметаетъ законъ.»

А наши нынѣшніе любители расколовъ и разсѣкатели союза церковнаго, сего ни сколько не страшатся.

И хотя они сколько ни приводятъ къ защищенію своихъ мнѣній свидѣтельствъ отъ Писанія Святаго, но какъ не по разуму, то повсегда остаются виновными, и ученія ихъ исчезаютъ, яко самая слабѣйшая влажность, весьма жаркими солнечными лучами сгараетъ и пропадаетъ, здраворазсудными церковными законами, противу ихъ являющимися.

Однако же они, какъ человѣкъ, пришедши во глубину золъ, не радитъ, или скверный да осквернится еще, или нечестивый да нечестивѣе будетъ (Апоколип. гл. 22), не хотя раскаятится, и еще изобрѣтаютъ въ Священномъ Писаніи, яко бы имъ помогающее повелѣніе, чтобъ имъ производить въ Церкви Христовой раздоръ и расколы, и глаголютъ, что «не всяко добро миръ и согласіе, но которые и расколы вещь Божія мнится быти.» Но сему въ каковыхъ же случаяхъ должно быть, ни сколько не понимаютъ и разсуждать не хотятъ, надъ всѣми же превозносятся и презираютъ святѣйшее предписаніе сіе, что Филаретъ, Патріархъ Всероссійскій, вѣдая же сіе, ими представляемое, и зная всю силу того, о расколѣ же вопіетъ (Соборн. излож. Филарета Патріарха): «идѣ же бо аще и мало раскольство учинится, и тамо возстаетъ вражда гнѣва Божія и мечь ярости, и пребывающимъ въ томъ конецъ мука вѣчная.»

Съ творящими же своевольные раздѣлы и молитися купно правило (Толков. 33) запрещаетъ: «Аще помолится кто съ еретики, и съ отлучившимися своею волею отъ Соборныя Церкви, самъ отлученъ да будетъ.»

А Христосъ, Сынъ Божій, о паденіи вѣрныхъ уподобительнѣ глаголетъ въ Евангеліи (Матѳ. зач. 46): «Всяко царство раздѣльшееся на ся запустѣетъ, и всякъ градъ, или домъ, раздѣлившійся на ся, не станетъ.»

О мирѣ же законополагаетъ, глаголя (Іоанна зач. 48): «Миръ оставляю вамъ, миръ мой даю вамъ.» (Зач. 56): «О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.»

И Златая Уста вѣщаютъ: «Безъ любви никое же можетъ добро быти, ни жизни нашея не требуетъ Господь безъ любви. Аще, рече, въ злобѣ живемъ, и аще и ни одинъ о насъ злоглаголяй будетъ, всѣхъ человѣкъ окаяннѣйшіи есмы.»

Максимъ же Грекъ, предостерегая и отъ письменныхъ заблужденій, умоляетъ: «Да внимаемъ себѣ прилежно, Господа ради, и да не безъ искуса вѣруемъ всякому духу ученія. Но да искушаемъ прилежно писанія, аще по всему согласуютъ Апостольскимъ и Пророческимъ преданіямъ и ученіямъ. Аще бо по нечесому разликуютъ, или сами къ себѣ не согласуютъ, да не пріимемъ я, но да отвержемъ отъ себе, аки лукаваго бѣса плевелъ, сѣянныхъ посредѣ чистыя пшеницы благовѣрія, на прельщеніе и погибель душамъ нашимъ.»

Онъ же пишетъ: «Сего ради должни есьмы во всѣхъ же, иъ же глаголемъ и творимъ, имѣти показаніе отъ Божественныхъ Писаній, да не, человѣческими помышленьми прельщаеми, испаднемъ съ праваго пути и впадпемъ въ пропасть погибели. Заповѣдь бо Господня свѣтла, просвѣщающи очи.»

И вѣрно сіе, что Писаніе Божественное не допускаетъ ввергнуться въ пропасть погибельныхъ мнѣній. И оно есть истинный спаситель отъ заблужденій, поколику что нынѣ и мы упражняемся во изслѣдованіи о мирѣ церковномъ и о важности раскола отъ Писанія же Святаго, которое и о томъ еще насъ увѣряетъ, что каждый, хотя бы священнаго чина былъ, но разрывающіі единство церковное и творящій расколъ, лишается хиротоніи, чуждъ бываетъ благодати Св. Духа, крестить воля отъемлется, крещеніе его отмещется, и повторяется, яко отъ самозванца безблагодатное, по изысканію и утвержденію вселенскаго учителя, Великаго Василія (Никонъ Слово 63), пишущаго слѣдующими словами: «Понеже начало раздѣленія произошло отъ раздора, а тѣ, которые совершенно отъ Церкве отступили, уже

ie имѣли болѣе благодати Св. Духа въ себѣ, по тому что оску-ѣло преподаяніе оныя, чрезъ пресѣченіе въ нихъ перваго пра-ильнаго мнѣнія; ибо первѣе всѣхъ отлучившіеся отъ Отцевъ Цер-овныхъ имѣли въ священствѣ рукоположеніе, и возложеніемъ рукъ ихъ имѣли дарованіе духовное, а отторгшіеся и мірскими сдѣлав-іеся, не имѣя власти ни крещать, ни рукополагать, не могли олѣе инымъ преподавать благодати Святаго Духа, которыя сами ишилися, и по сему отъ нихъ, аки отъ мірскихъ, крещаемые и ъ Церкви присовокупляющеся, истиннымъ крещеніемъ церков-ымъ паки очищаться должны были.»

И какъ здѣсь отъ Святыхъ Писаній нынѣ мы очевидно на-одимъ ко всякому Христіанину относящееся, столь правильное апрещеніе, возбраняющее чѣмъ либо колебать Церковь Божію, ли возраждать въ ней по своевольству распри и раздѣлы; но акъ же, кольми паче не меньше сего, усматривается и ко огра-ниченію особенно и предстателямъ церковнымъ, яко служителямъ Церкви и получившимъ власть отъ Церкви, во святость и спасе-іе Церкви, но употребляющимъ ее самовластно и высокомѣрно о зло, кромѣ святыхъ узаконеній, и угнетающимъ Христіанъ еправильными запрещеніями, о коихъ преподобный Никонъ Черногорскій пишетъ (Номок. листъ 63): «Вѣждь убо, отче мой, ко божественная Писанія съ божественными законами опредѣля-ютъ, яко неправедно налагаемая запрещенія у Бога не связу-ютъ. Аще я и Архіерей положилъ, кольми паче аще меньшій, ко же глаголетъ Св. Діонисій: «Иже убо неразсуднымъ изрече-ніемъ и невоздержнымъ сердцемъ отъ вѣрныхъ кого отлучи, что не токмо не коснуся, но и на главу его возвращается, яко е и Святыи Соборы провѣщаваютъ. Но сія запрещенія связуютъ, же по божественнымъ правиломъ и законамъ наложившася, а е по своей воли. Безсловеснѣ бо казнь налагаяй, самъ отлу-ается, и самъ сію казнь долженъ есть соблюдати, яко же боже-ственная и святая правила усмотряютъ.»

Тотъ же Номоканонъ (листъ 63 об.):

«Аще убо Архіерей чрезъ волю Божію кому запретитъ, огъ ему не послѣдуетъ, и се обрѣтается запрещеніе его не-праведное, и сего ради не крѣпкое.»

Того же Номоканона (листъ 86):

«Да будетъ же разумно, яко нѣсть лѣть, не точію Іереомъ, но ниже Архіепископомъ и Епископомъ, противу канономъ что дерзати, творити же и разрѣшати.»

Во увѣреніе же сего пишетъ Святый Игнатій: «Иже глаголетъ паче, яже узаконена суть, аще бы былъ и вѣрный, аще бы и постился, аще бы и дѣвственникъ былъ, аще бы и знаменія творилъ, аще бы и пророчествовалъ, волкъ тебѣ да мнится быти въ кожѣ овчей, убійство овцамъ содѣваяй.»

И великій Феодоръ Студитъ глаголетъ: «Власть предстателемъ ни въ чемъ же дается ко преступленію правила, развѣ токмо да прилежатъ тѣмъ, яже узаконена суть, и послѣдуютъ яже предыдоша, и да связуютъ и разрѣшаютъ неразмысленно, но яко же мнится истинѣ, и канону, и правилу высочайшаго закона.»

Пастырямъ же, не разумѣющимъ законовъ и правилъ, и ложная учащимъ слѣдовать, и пріемлющимъ отъ нихъ ложная ученія за истинныя, будетъ казнь Божія, по свидѣтельству Игнатія Богоносца, глаголющаго: «Всякъ человѣкъ, силу разсужденія отъ Бога пріявый, мученъ будетъ, аще не искусному пастырю последуетъ и ложное ученіе, яко истинное, пріиметъ.»

Таковыя святыя церковныя законы и содержанія мы предложивше, яко необходимыя и основательныя положенія, ко всякимъ Вѣры обязанностямъ принадлежащія, къ которымъ нынѣ мы являемъ истинное наше согласіе, неотмѣнно должно намъ всему слѣдовать токмо онымъ, и не иначе, какъ токмо по образности той, каковою Святая Соборная и Апостольская Церковь, при всѣхъ своихъ терпѣніяхъ и снисхожденіяхъ, отъ самыхъ временъ Апостольскихъ даже до позднѣйшихъ, ощущавши всегда внутри себя лжебратію и развраты, и внѣ постороннихъ злѣйшихъ враговъ, еретиковъ и невѣрныхъ, многообразными непристойностями спокойство и благочестіе его тревожащихъ, но, однако жь, какъ она никогда не бывала соучастницею и

ротивоборствахъ святости и спасенію, и что также никогда и
и чѣмъ не бывала руководствомъ ни къ какимъ беззаконіямъ и
аденіямъ, напротивъ неусыпно Апостольскими посланіями, общи-
и совѣтами, Соборами Вселенскими и Помѣстными, частными
ереписками, святоотеческими и гражданскими законами, яко
ребогатѣйшая здравомыслями, повсегда и всюду всякая без-
орядки приводила въ благочиніе, лжи обличала, еретичество
сторгала и въ недоумѣнія вразумляла, и кающихся врачевала
равосудно; по какимъ обстоятельствамъ и ею изданы и подтвержде-
ы Церковные законы и чины, по сообразности временъ и надоб-
остемъ необходимые, случайные и великолѣпные, необходимости
е вещей не разрушающіе, дабы чрезъ то явственно доказать
сему свѣту, что она существовала и будетъ существовать вѣчно
е дремлющею, и что она сообразительна, проницательна, знаетъ
войство вещей, вѣдаетъ достоинство произшествій, раздѣляетъ
ѣну послѣдствіямъ, а при семъ томъ, что и во всякомъ случаѣ
уководствуется Священнымъ Писаніемъ, и поступаетъ соотвѣт-
твенно тому Писанію, въ которомъ сказано (Апостолъ зач. 245,
57, 273, 141): «Въ неже достигохомъ, тоже да мудрствуемъ, и
ѣмъ же правиломъ жительствуемъ. Вся же благообразно и по
ину да бываютъ. Вся же искушающе, добрая держите. Отъ вся-
ія вещи злыя отгребайтеся. Да не хулится убо ваше благое.»

По чему и слѣдственно, о почтенное Собраніе, таковымъ-то
вященнымъ Писаніемъ, во всѣхъ стремленіяхъ къ миру Церков-
ому и соблюденію Вѣры Православныя, отъ нынѣ нашему благо-
ествовому сословію одушевляться слѣдуетъ, и все, что правовѣр-
о, благочинно и Христіанской благопристойности приличествуетъ,
еизмѣнно любить и исполнять. Все же, что симъ противорѣчитъ,
имательно и безпристрастно разсматривать, и снискивать пра-
льное познаніе о вещахъ, сомнѣнію подлежащихъ, словомъ
ещи: чтобы благовѣріе наше по всѣмъ Церковнымъ учрежде-
іямъ было всегда согласно съ Богомъ и съ его Святыми.

Но чѣмъ же именно миръ Церковный нынѣ у насъ колеблет-
, и что съ сего времени постепенно разсматривать и приво-
ить въ порядокъ должно, о томъ въ будущихъ собраніяхъ объ-
ьено быть имѣетъ.

Нынѣ же съ сего нашего собранія каждый можетъ отбы[ть] изъ онаго съ напоминаніемъ Священнаго Писанія сихъ словес[ъ] (Апост. зач. 116, 152): «Кійждо же васъ да угождаетъ ближне[му] во благое къ созданію. Да не будетъ распри въ тѣлеси.»

А за вся давшему намъ и сподобльшему насъ видѣть, сл[ы]шать и познать словеса Святаго Писанія о мирѣ Церковно[мъ] воздадимъ Господу Богу нашему усердную нашу благодарност[ь]. И да поможетъ намъ Господь Богъ пребывати всегда въ мирѣ [и] любви и Ему благоугождати плодами.

VI.

ПРОШЕНІЕ

ГАВРІИЛА ЛАРІОНОВА СКАЧКОВА, ОБЪ УВОЛЬНЕНІИ ЕГО ОТЪ ДОЛЖНОС[ТИ] НАСТОЯТЕЛЯ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ.

Православное (!) наше общество въ молитвенномъ об[ще]ственномъ нашемъ храмѣ, сего 1810 года, Марта 20 дня, собр[ав]шись, слушало прошеніе нашего Христіанина, Гавріила Илар[іо]нова, поданное имъ общему же нашему собранію, протекш[аго] 1809 года, Августа 1 дня, коего все содержаніе изображено [въ] слѣдующихъ словахъ:

«Почтенное Собраніе!

Прошедшаго 1807 года, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по пр[ед]ложенію и согласію покойнаго Евстрата Ѳедоровича, въ об[щемъ] молитвенномъ семъ храмѣ, единовѣрныхъ нашихъ собраніемъ, [на]значили, ради отправленія принадлежащихъ потребностей, [из]брать меня, всенижайшаго. А по прошествіи болѣе пяти мѣс[я]цевъ, 1808 года, 23 Февраля, и совершенно тоже собраніе[мъ] общественно утвердили, къ чему, я, по прошенію и воли об[]щества, и приступилъ, что, при помощи Божіей, по силѣ мое[й]

и исправлялъ. Но какъ долгъ сего дѣянія есть подобный стра-
камъ, смотрѣть и наблюдать, дабы не вшелъ кто и не обезпо-
коилъ бы правовѣрное собраніе, и не научилъ бы кого каковымъ
непринадлежностямъ Христіанству, кои у нѣкіихъ уже и являются,
что не токмо въ домахъ своихъ не раздѣляютъ сосудовъ своихъ
отъ Внѣшнихъ, но и явно нѣкіе вездѣ и со всѣми, намъ не со-
гласными, въ яденіи и питіи самопроизвольно общаются, такъ же
съ Православнымъ нашимъ обществомъ разглашающимися не
имѣютъ ни какого раздѣленія, и не признавая въ томъ ни какой
противу Святоотеческихъ положеній погрѣшности и противности,
но и защищая себя многими не по сущему разуму толкованіями,
развращаютъ мысли человѣческія; и тако не признавая въ семъ
ни каковой за собою вины, безъ обычнаго прощенія, ходятъ въ
общемоленіе, и тѣмъ прочимъ не общающимся съ несогласными,
но чисто соблюдающими Христіанство, наводятъ смущеніе, а всему
обществу отъ несогласныхъ за сіе причиняется подозрѣніе и по-
ношеніе; такъ же и ношеніемъ неприличнаго нашему Православію
одѣянія, въ каковомъ нѣкоторые не только въ публикѣ бываютъ,
но и въ молитвенный храмъ приходятъ съ отважнымъ дерзно-
веніемъ, и таковыми непристойностями наводятъ нашему право-
вѣрному обществу поношеніе и посмѣяніе. И хотя по не долгомъ
пребываніи моего опредѣленія, кратко отъ Священныхъ и Свято-
отеческихъ Писаній я предлагалъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ
удалить являющіеся въ нашемъ правовѣрномъ состояніи пороки,
дабы не уподобиться Инославнымъ, какъ сообщеніемъ въ пищѣ
и питіи, такъ и противными знаками одежды; но оная моя пред-
ложенія нѣкіимъ явились непріятны, отъ чего нѣкоторые пришли
въ огорченіе и начали оправдываться тѣмъ: «Ежели не сообщаться
намъ съ несогласными, то, по нашей привычкѣ и по нашему со
многими знатными людьми обхожденію, обойтися не можно, также
и за одежду не уже ли отъ Бога будетъ какое наказаніе?» Сія и
прочая подобная симъ, какъ я слышу: то чтобъ успокоить мно-
гихъ колебаніе мыслей, желаю быть не въ числѣ съ первенст-
вующими, но обще съ прочими на ряду, да утишатся волнующія
тѣхъ сердца, которымъ предложенія мои ко истребленію по-
роковъ являются непріятны. О чемъ ежели молчать и поступать
снисходительно, по прихотямъ каждаго, и дѣлать всякому потаков-
ку такъ, чтобы они были сами себѣ законъ, то страшусь и

ужасаюсь всемірнаго суда Христова, и трепещу за то нестерпимыхъ и вѣчныхъ адскихъ мученій. И сего ради лучше мнѣ остаться въ спокойствіи духа и несмущаемой совѣсти; и чтобъ не досадить тѣмъ, которые не хотятъ слѣдовать всеобщему Православному обычаю, то и желаю отъ возложеннаго на меня бремени освободиться, и при ономъ нынѣ соблаговолите меня не числить, и учинить извѣстнымъ, что я отъ возложенныя на меня должности освобожденъ. О чемъ я съ почтеніемъ моимъ, всѣмъ единогласнымъ нашего общества сіе прошеніе и предлагаю. Всепослѣднѣйшій Гавріилъ Ларіоновъ. 1809 года, Августа 1 дня.»

VII.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ НА ОНОЕ ПРОШЕНІЕ.

Таковому прошенію наше общее собраніе внявши, и его принявши во уваженіе, за благо признало разсмотрѣть, что причины, побудившія его просить увольненія отъ должности, на немъ лежащей, могутъ ли быть прочными къ тому основаніями. По разсмотрѣніи же существа предложенныхъ причинъ, и по соображеніи обстоятельствъ, онымъ прикосновенныхъ, отъ общаго собранія совѣтомъ къ разрѣшенію сего открылось, что какъ общество наше, будучи по всему (себѣ) Правовѣрнымъ, и что оно никогда не желаетъ отступить отъ учрежденныхъ въ Церкви Божіей святыхъ положеній, и что благообразныя и всеобщія обыкновенія, чѣмъ либо неблагопристойнымъ колебать и разрушать почитаетъ несвойственнымъ быти благочестію; къ непреложному же сего сохраненію и во отраженіе противностей, за свято полагаетъ ограждаться и себя руководствовать сими церковными законами: Кормчая, глава 71: «Любезнѣ божественная правила въ персѣхъ объемлемъ, и совершенно тѣхъ завѣщаніе и непоколебимо утверждаемъ.» И Никона Черногорскаго въ Слові 57: «Всяко уклоненіе отъ Православныхъ велѣній отпаденіе есть отъ Свободныя Апостольскія Церкви.» И верховнаго Апостола Павла въ 1 посланіи Коринѳ. зачал. 157: «Вся же благообразно

и по чину да бываютъ;» и 2-е посланіе Коринѳ. зач. 181-е: «Ни едино ни въ чемъ же дающе претыканіе, да служеніе безпорочно будетъ.» То, чтобъ отмѣнить сіи святоцерковные законы и преданія и къ превращенію благопристойностей, чтобы пагубныя самовольства и душевредныя дерзновенности, въ наше Православное Христіанство вводящія безобразіе, развращеніе, смятеніе и разрушеніе порядка, сообщеніями пищею съ несогласными и ношеніями неприличнаго одѣянія, могли успокоиться и не роптать, и быстрыми своими стремленіеми чтобы текли всегда обширно и свободно, безъ задержанія, и вмѣстѣ съ оными же и оставались бы съ нами въ соединеніи, общество наше для сихъ причинъ онаго, Гавріила Иларіонова, признать уволеннымъ отъ должности ни какъ не можетъ; поелику что общеніе пищею со Внѣшними и неприличность одѣянія нами не пріемлются, и святыми законами именно отмещутся, какъ явствуетъ:

Первое, о сообщеніи пищею со Инославными.

Первое, Св. Ефрема Сирина въ словѣ 106: «Горе сквернящимъ святую Вѣру ересьми, или съ еретики смѣшающимся. Второе, Василія Великаго, въ главѣ 279 о постничествѣ: «Съ еретики, съ Еллины и съ Жиды, ясти имамы запрещеніе.» Третіе, Преподобнаго жъ Ефрема Сирина, въ Словѣ 8, вторая книга: «Еретичествующія, яко хульнословящія и Божіи враги, Писаніе не именова человѣки, но псы, и волки, и свиніи, и антихристы, и съ ними не подобаетъ ниже купно молитися, ниже купно ясти, да дѣломъ тѣхъ лукавыхъ не сообщимся.» Четвертое, Священномученика Кипріана въ первой книгѣ 6-го посланія къ Магну: «Съ раскольниками и въ земномъ и въ свѣтскомъ ядѣніи и питіи общенія имѣть не должно.» Пятое, въ Потребникѣ Большомъ, въ Чинѣ исповѣданія, печати Іосифской: Или ѣдалъ еси съ волхвомъ, или съ еретикомъ, или съ некрещенными, или пивалъ еси съ ними и изъ ихъ сосуда?» Шестое, въ книгѣ Зонаръ, 72-е правило: «Иже со Армениномъ кто ястъ, или съ Павликіаниномъ, или со инѣмъ еретикомъ каковѣмъ либо, чему глаголемъ, да оставится; аще ли не послушаетъ наказанія, но хощетъ съ ними ясти и пити, таковый съ Христіаны да не ястъ и въ церкви не пріемлется, но отвращатися всякому Христіанину, яко отъ идолослужителя. Да еще паки когда пріидетъ

ко исповѣди, да отлучится на покаяніе три лѣта.» Седьмое, тояже книги, въ правилѣ 112: «Всякаго ядущаго съ еретики, или піющаго, или дружбы дѣющаго и любви единенія, таковаго анаѳема.» Осьмое, святаго Златоуста, въ Словѣ о лжеучителяхъ: «Услышите вси вы, иже съ еретики вкупѣ ядущіи, болѣзненный сей отвѣтъ, яко вы Христовы врази бысте. Послушайте, иже съ ними оскверняющіеся въ ядеіяхъ и питіяхъ, послушайте, Православніи, и съ еретики не смѣшивайтеся, да не сведени будете въ вѣчныя муки съ ними.»

Второе, о неприличныхъ одеждахъ.

Первое, святаго Пророка Софонія глава 1-я, глаголетъ Господь: «Изъиму безаконныя отъ лица земли, и отмщу на вся оболченная во одѣянія чуждая.» Второе, Св. Златоустаго въ 28 нравоуч. Колоссаемъ: «Ризы да будутъ, яже потребы, а не излишнія; сицевыми убо да облачимся ризами, яже потребу исполняютъ.» Третіе, Св. Кирилла Іерусалимскаго, въ 12 огласительномъ Поученіи: «Да проженется всякое украшеніе ухищренное, и всякое вредное зрѣніе, и всякое хожденіе распустное, и всякое одѣяніе и кажденіе сластопрелестное.» Четвертое, Вселенскаго Собора 6, въ толкованіи 71 правила: «Аще кто во одежду нѣкую, яже есть кромѣ общаго обычая, облечется, да отлучится.» Пятое, въ Благовѣстникѣ листъ 24, Евангелиста Матѳея: «Многихъ вижу отъ васъ, паче некрещенныхъ и горше пребывающихъ, и нерадящихъ и не имущихъ дѣлъ знаменія Христіанскаго. Внѣшніи бо сами извнѣ имуще знаменія, отъ сего явѣ познаваются; нынѣ же отъ куду аще поищу тебе познати, вездѣ чужимъ образомъ вижу тя ходяща; по чему прочее познати тя возмогу, яко вѣренъ Христіанинъ еси, толика сопротивна и другая множайша имуща?» Шестое, Святаго Златоуста, въ 6 нравоученіи къ Римляномъ: «Бѣгати же не въ имѣніяхъ сущаго точію лихоимства, но еже въ ризахъ; ибо много лютѣйшую мы воспріимемъ месть, не покоряющіеся Господнимъ закономъ.»

Но если же симъ святымъ закономъ воспротиворѣчимъ и въ угожденіе развратнымъ мыслямъ и досаждающимъ благочестію все законами сими зазрѣнное и отвергнутое буде въ Правосла

наше допустимъ и помѣстимъ, а Гавріила Иларіонова, что онъ печется соблюсти Правовѣріе въ непорочности, и Христіанство сохранить въ благообразіи и добродѣтеляхъ и что за потаковство онъ страшится всемірнаго суда Христова и трепещетъ вѣчныхъ адскихъ мученій, ежели уволимъ отъ должности, то за таковыя наши расположенія, яко же и на древнихъ Израильтянъ, отступающихъ отъ порядковъ, Богомъ установленныхъ, и болѣе любящихъ пресыщаться Египетскими брашны и ропщущихъ на Моисея и Аарона, благоразумно по законамъ Божіимъ управляющихъ, не сшелъ бы и на насъ гнѣвъ Божій и казни его, яко же и на тѣхъ Израильтянахъ бысть. Какъ Священномученикъ Игнатій Богоносецъ, въ Посланіи къ Магнисіанамъ, изъясняя, глаголетъ: «Моисей рече, не бо на насъ роптаніе, но на Бога, никто же пребысть безъ наказанія, иже вознесеся противу лучшихъ себѣ. Не закону бо Даѳанъ и Авиронъ противорѣчиша, но Моисею, и живи суще, во адъ снидоша. Корей же и единомысленницы его, возставшіе на Аарона, двѣсти пятьдесятъ, огнесожени быша.» Да и кромѣ сего за непристойныя единомыслія и соединенія не подпадаетъ ли еще и осужденію, Св. Златоустомъ, во 7 бесѣдѣ 1 послан. Коринѳ., глава 2 на стихъ 14 изреченному: «Видѣлъ ли еси дьявольско злодѣйство? Аще негдѣ нѣчто растлѣнно видѣ глаголющихъ, единомыслити всѣхъ сотвори; аще ли же негдѣ право нѣчто провѣщавшихъ, иныхъ на ня воздвиже.» А Св. Священномученикъ Игнатій Богоносецъ, въ посланіи къ Ирону Діакону, о изъявленіяхъ согласій, повелѣваетъ быти осторожнымъ, и глаголетъ: «Не всякому вѣруй, не на всѣхъ уповай, ниже аще бы кто ласкательствовалъ тя; мнози бо суть служители сатанины; себе чиста соблюдай, яко Божіе жилище; храмъ бо еси Христовъ и Духа Святаго орудіе.»

И по сему, въ силу существа означенныхъ законовъ и изъясненій, и нашего съ оными соединенія, причины къ освобожденію отъ должности, прошеніемъ представленныя, не имѣютъ никакого могущества, которое оному Гавріилу Иларіонову могло бы даровать увольненіе отъ степени, въ коей онъ находится. И такъ слѣдуетъ ему числиться и состоять съ оною неразлучнымъ и пребывать въ ней по прежнему, и по званію тоя паки продолжать со всевозможнымъ стараніемъ и прилежностію полное попеченіе,

каковыми усердіями къ лучшему и святому благообразію внутренняго и наружнаго состоянія нашего, да благотворитъ и возводитъ онъ каждаго изъ насъ на святыя и душеспасительныя стези, по законамъ и преданіямъ Церкви Христовой и Апостольской.

А какъ нашего Правовѣрнаго общества * вся связь и существо соединенія состоитъ токмо въ единомысленномъ содержаніи всѣхъ церковныхъ святыхъ законовъ и въ единообразномъ онымъ исполненіи, какъ всѣми нами вообще, такъ и каждому особенно всюду, съ помощію взаимныхъ пособій, то, чтобъ сію святую нашу связь вящше сохранить въ непорочности, мы нынѣ, общимъ нашимъ согласіемъ, способствуя успѣхамъ того Гавріила Иларіонова, попеченіе творя, содѣлать труды его легчайшими, отвергая и исключая изъ общества нашего душевредности, къ нашему же удобному исполненію законовъ и преданій, до сообщенія пищею съ несогласными и до неприличности платья относящихся, все въ законахъ сихъ содержащееся, вѣрно сохранять и изображать на самомъ видѣ, единомысленно и единообразно утверждаемъ и укрѣпляемъ слѣдующими положеніями:

VIII.

УСТАВЪ

ИЛИ ПРАВИЛА ДЛЯ ПРИХОЖАНЪ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ.

Положеніе первое.

Общенія пищею съ Инославными и съ несогласными намъ никогда нигдѣ не имѣть.

---

* Безъ церкви, безъ священства, безъ благодати Духа Святаго!!

Положеніе второе.

Неприличнаго намъ одѣянія не носить.

Положеніе третіе.

Общія наши обязанности общими силами намъ охранять и защищать.

Собственно же до перваго положенія касающееся слѣдуетъ исполнено нами быть въ таковыхъ видахъ:

1.

Каждый нашъ Правовѣрный Христіанинъ долженъ въ домѣ своемъ имѣть свою и внѣшнюю посуду.

2.

Никогда ихъ одну съ другою ни тѣмъ не смѣшивать.

3.

Кто либо когда въ домѣ своемъ по нечаянности, или по забывчивости, вкусить пищу изъ Внѣшней посуды, то тотъ же часъ, по узнаніи сего, долженъ полагать начало и прощаться. Извиненію же сему надлежитъ быть или предъ своимъ Правовѣрнымъ семействомъ, или когда нѣтъ такого, то предъ своими нѣкоторыми Православными Христіанами, живущими въ сосѣдствѣ и въ замѣшательствѣ таковомъ не участвующими. Буде же и сихъ гдѣ не случится, то предъ единымъ токмо Богомъ.

4.

Къ Инославнымъ и несогласнымъ намъ, и явно и тайно, съ измѣреніемъ, въ забавность, насытиться, или во угожденіе несогласному составить тѣмъ компанію, и съ своими сосудами не ходить.

5.

Въ домахъ Инославныхъ и несогласныхъ намъ, родство же имѣющихъ съ нашими Христіанами, но во особенномъ навсегда

отличіи и сохраненіи въ незамѣшанности нашей посуды, буде открывается сомнительность, то въ таковыхъ домахъ изъ ихъ сосудовъ пищи не вкушать.

6.

Отъѣзжающимъ въ дорогу брать свою посуду неотмѣнно.

7.

На случай же неимѣнія въ пути своихъ сосудовъ, принятіе пищи изъ несогласныхъ намъ, кромѣ новой, почитать согрѣшеніемъ, и при первой встрѣчѣ предъ нашими Христіанами прощаться.

8.

Пó возвращеніи же въ домъ свой, или по прибытіи гдѣ въ обществѣ нашихъ Христіанъ, хотя бы и не замѣшавшись, въ дорогѣ полагать начало и прощаться.

9.

Всѣхъ же тѣхъ замѣшавшихся, кои иногда извиняются, и соединиться съ нами хотятъ, или только для воспріемничества, или простоять вкупѣ какое съ моленіемъ молитвословіе, или токмо вкусить купно пищу, словомъ, точію на часовое только время, а не для отстатія отъ сообщеній съ несогласными и не для продолжительнаго соединенія съ нашимъ Христіанствомъ входящихъ въ общество наше, каковыхъ ни въ воспріемники, ни къ службамъ, ни къ купной пищѣ, ни числиться съ нами въ соединеніи, отнюдь не принимать, дондеже возъимѣютъ свободность и дадутъ обѣщаніе не сообщаться съ несогласными, и утвердить пребывать безъ замѣшательства возможнымъ и согласятся состоять въ соединеніи съ нами неразлучною продолжительностію.

10.

Каждый мужъ и каждая жена нашего Христіанства, сожиівущія съ супружескимъ своимъ лицемъ, или Инославной Вѣры, или не состоящимъ въ соединеніи съ нами, ежели хотя и до не-

возможности каковой будетъ мѣшаться сообщеніями пищею съ онымъ, то съ таковыми, ни въ ихъ домахъ, ни индѣ гдѣ, ни частно кому, ни общему собранію, ни моленіемъ, ни пищею не общаться и не мѣшаться.

11.

Въ коихъ домахъ нашихъ Христіанъ окажется замѣшательство и неразборчивость посуды] Внѣшней съ нашей, то съ таковыми ни въ домѣ ихъ, ни въ другихъ мѣстахъ, ни особенно кому, ни собраніемъ, какъ случается молитвословными празднествами, или кромѣ оныхъ, ни моленіемъ, ни пищею, общенія не имѣть.

12.

Всякому за сообщеніе простившемуся, изъ замѣшанной посуды пищи не вкушать, и надлежитъ имѣть, или новую, или ни когда не замѣшанную.

13.

Всякому замѣшавшемуся съ несогласными по вѣдѣнію и по незнанію, слѣдуетъ прощаться въ общемъ молитвенномъ храмѣ предъ собраніемъ, колико когда случится, а не потаенно или скрытно въ каковомъ либо мѣстѣ предъ единымъ Христіаниномъ. Поелику что сіе согрѣшеніе учиняетъ разрывъ союза не со однимъ Христіаниномъ, но со многими, то къ составленію связи съ обществомъ надлежитъ извиняться предъ многими же. *

14.

За сообщеніе съ несогласными пріемлется врачевствомъ не началъ токмо обыкновенный, но и поклоны земные и поясные,

---

* Такимъ образомъ прямо сказываютъ, что не къ спасенію души такъ заботливо устрояются, а къ сохраненію своего обособленнаго отъ общества положенія, а начальники при томъ и для удержаніе правъ власти надъ членами своего общества.

и въ собраніи и внѣ онаго, и не лобзаніемъ святыхъ иконъ, и въ собраніяхъ отлученіемъ чтенія книгъ и отъ крилосовъ, и отъ посуды же замѣшанной, на нѣкоторое время, смотря по причинамъ завлекшимъ и державшимъ въ сообщеніи, и прочихъ потребностей, до сего касающихся.

15.

Къ каковымъ либо должностямъ церковныхъ службъ при общихъ собраніяхъ и въ воспріемники, состоящихъ за сообщеніе въ епитиміяхъ, до окончанія оныхъ, участвовать не допускать.

16.

При всякомъ же прощеніи за сообщеніе, должно доказывать подробно, и именно, противу какихъ законовъ сіе сообщеніе учиняется, колико важно оное, и человѣка чѣмъ отъ того быть имать предъ Богомъ и Святыми его и предъ Православнымъ Християнствомъ. *

Положеніе второе.

Неприличнаго намъ одѣянія не носить.

Въ настоящемъ случаѣ, по мѣсту жительства нашего подъ общимъ именованіемъ, неприличность одежды разумѣется всякое платье мужское и женское, Нѣмецкаго и Французскаго покроя различныхъ формъ, и именно: капоты, шинели съ сборами и безъ сборъ, съ мантіями и безъ мантій, сюртуки, бекеши, халаты съ воротниками стоячими и лежачими и съ лацканами, жабо около шеи, рубахи съ пашивками въ видѣ галстуковъ, салопы, манте-

* Важность и достоинство сихъ правилъ вообще опредѣлены въ Писаніи. См. Матѳ. 23, 25; Колос. 2, 21. Въ разсужденіи же примѣненія ихъ къ состоянію Безпоповщинскихъ обществъ смотри: «Показаніе, яко воздержностію своею Ѳеодосіево Согласіе и подобніи имъ древнихъ еретиковъ многія ереси обновиша». Показаніе 2, 3 и 4.

лія, и къ симъ покроямъ приличные разныхъ фигуръ, головные женскіе уборы и многіе другіе прочихъ званій означенныхъ покроевъ, или иныхъ какихъ. Къ употребленію же нашему нынѣ оныхъ, всякому изъ насъ извѣстно, что нѣтъ ни какой необходимости и благопристойности по обрядамъ нашимъ, кромѣ какъ роскоши, забавы, подражанія Инославнымъ, подобнымъ быть онымъ. А симъ, принявши на себя Инославцый видъ одежды, чтобы отвести очи зрящихъ, разумѣть, не быти въ Старовѣрствѣ, или дабы имя и отличіе Старообрядецъ не стыдило и не задерживало сближаться, соединяться и мѣшаться съ несогласными обществами въ пищахъ, или для иныхъ какихъ пріобрѣтеній, могущихъ и безъ того въ состояніе пріити. То по симъ обстоятельствамъ всѣми благосмыслящими и постоянными Старообрядцами Московской сей столицы, означенныя преобразованія принять на себя, или помѣстить въ свое общество, почитается разрушеніемъ общаго Старообрядческаго обыкновенія, потеряніемъ благопристойности и лишеніемъ благочестія.

И такъ, чтобы отъ общихъ Старообрядческихъ благоразсужденій не отдалиться, и дабы еще не отступить отъ святоцерковныхъ и таковыхъ содержаній: Іисуса Сирахова въ главѣ 19: «Одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ, и стопы человѣка возвѣстятъ, яже о немъ»; и Минеи Четіи Декабря 25 дня на Рождество Христово: «Яко внѣшняя одежда внутреннѣй мысли и обычаю согласуетъ, и чрезъ внѣшнее одѣяніе внутренній сердца человѣкъ на яво выходитъ.» И общество наше, признавъ необходимымъ образомъ къ отличію наружнаго благочестія, и принявъ оное существеннымъ основаніемъ къ сему положенію, неприличнаго намъ одѣянія не носить, подтверждаетъ сіе сохранять таковыми благодѣяніями:

1.

Каждому Православному нашему Христіанину повседневно и въ праздничное время носить одежды, по обычаю общихъ Старообрядческихъ здѣшней столицы скромностей и пристойностей принятыхъ, по приличію или отъ образа градскихъ жителей, или обыкновеній сельскихъ, по собственному изволенію употребляемыхъ, но спокойство общественное не разрушающихъ.

2.

Всякое же таковое платье, которое у многихъ здѣшнихъ Старообрядцевъ общимъ обыкновеніемъ не состоитъ, съ перваго на него взгляда приводитъ оно, или когда наше собраніе, или кого иногда частно, въ смятеніе и колебаніе, и возраждаетъ мысли, признавать по оному въ носящемъ иновѣрство, или несогласность, отнюдь таковое не носить.

3.

Всякому, къ приличности платья соглашающемуся, и въ томъ составляющему общественное единомысліе, слѣдуетъ то исполнить не токмо устнымъ исповѣданіемъ, но и показать въ самой очевидности вседневнымъ ношеніемъ на себѣ самомъ приличнаго одѣянія.

4.

Буде жъ кто далъ словесное согласіе къ приличной одеждѣ, носить же будетъ несообразное одѣяніе, то съ таковыми всякихъ церковныхъ общеній не имѣть.

5.

Всѣхъ же, противное сему разумѣющихъ и ропщущихъ на общія Старообрядческія благопристойныя наблюденія и носящихъ неприличныя одежды, ни въ общемоленіе, ни къ купной пищѣ, ни въ воспріемники, не допускать и не вмѣщать, дабы сими разнообразностями не поколебать церковное единомысліе, не нарушить бы общественнаго спокойствія, не водворить бы въ оное распри и раздора, и не навлечь бы на свое благочестіе сихъ прискорбныхъ заключеній, что оно противностями составило единственность съ Инославными и съ несогласными и отступило со благопристойныхъ Христіанскихъ обязанностей.

Положеніе третіе.

Общія наши обязанности общими силами намъ охранять и защищать.

Симъ положеніемъ общество наше, основавшись на сихъ Апостольскихъ законахъ (Апостолъ зач. 272): «Созидайте кождо ближ

наго» и (зач. 273): «Вся же искушающе, добрая держите, и отъ всякія вещи злыя огребайтеся,» пріемлетъ на себе непреложнымъ Христіанскимъ долгомъ, чтобы къ отдаленію общеній со Внѣшними и ко исключенію неприличности одеждъ во всѣхъ о семъ въ общепринятыхъ обязанностяхъ другъ друга утверждать и подкрѣплять, дабы святоцерковное наше единомысліе пребывало въ насъ всегда непорочно и свято, сопротивныхъ же сему разумѣній всячески всѣмъ купно и каждому особенно отвращаться и удаляться, «да служеніе безпорочно будетъ» (Апок. зач. 18) сего же достигнуть усердно да потщимся, возбуждающе всегда сами себе и другъ другу повторяюще Св. Писаніе, сіи статьи и Закона: (книга 5) Моисеева (гл. 4, ст. 9 и 10): «Вонми себѣ, и снабди душу твою зѣло, и не забуди всѣхъ словесъ, яже видѣста очи твои, и да не отступятъ отъ сердца твоего вся дни живота твоего, и да наставиши сыны твоя и сыны сыновъ твоихъ» (глав. 6 ст. 7—8): «и да возглаголеши о нихъ сѣдяй въ дому и идый путемъ, и лежа, и востая, и навяжеши я въ знаменіе на руку твою, и да будутъ непоколеблема предъ очима твоима.» И сія сотворши вѣрно, услышати возможемъ верховнаго Апостола Петра (1 Петр. зач. 58), къ намъ вѣщающаго: «Вы же родъ избранъ, Царское священіе, языкъ святъ, люди обновленія, яко да добродѣтели возвѣстите изъ тмы васъ призвавшаго въ чудный свой свѣтъ, иже иногда не людіе, нынѣ же людіе Божіи.»

Такимъ образомъ, къ нашему продолжительному благосостоянію и къ честности истиннаго нашего Христіанства, во всѣхъ предположенныхъ благочестивыхъ содержаніяхъ, въ силу Апостольскаго сего закона (2 Коринѳ. зач. 188): «кійждо яко же изволеніе имать сердцемъ, ни отъ скорби, не отъ нужды,» и сами себе укрѣпивше, и тѣмъ, по словесамъ Святѣйшаго Патріарха Филарета, состоящимъ въ его изложеніи: «Се не новое преданіе введше, но древнее укрѣпляюще, поновыхомъ, послѣдующе заповѣдемъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, яко же они заповѣдаша.» Но симъ же самымъ на прошеніе Гавріила Иларіонова учинивши законное разрѣшеніе, общимъ нашимъ нынѣ совѣтомъ, надлежащимъ признано, чтобы сіе общественное наше исправленіе въ полномъ его образѣ, чрезъ управляющихъ общественнымъ

нашимъ дѣломъ, сообщить тому Гавріилу Иларіонову, вручивъ ему оное въ общемъ нашемъ молитвенномъ храмѣ.

Чѣмъ удостовѣря его общимъ нашимъ совѣтомъ признанным его быть въ первой должности по прежнему, и просить его производить по тому званію въ обществѣ нашемъ полное попеченіе. А по причинѣ дальняго его жительства, чтобы во всякіе свободные ему часы посѣщалъ нашъ общественный домъ и въ немъ исправлялъ все, ему принадлежащее, а равно также и каждаго нашего Христіанина, въ домъ къ ему пришедшаго, снабдѣвалъ всѣмъ необходимымъ по его должности. А чтобы сіе общественное наше исправленіе, какъ здѣсь, въ Москвѣ, такъ и во всѣхъ странахъ, всѣмъ нашимъ Христіанамъ было извѣстнымъ, и чтобъ ни кто незнаніемъ того не отзывался, то всѣмъ, съ нами согласнымъ его, объявить во всемъ его видѣ чрезъ тѣхъ же управляющихъ общимъ нашимъ домомъ, и на увѣдомленіе отъ оныхъ ожидать единообразныхъ и согласныхъ исправленій, такъ какъ мы всѣ съ ними, будучи единой святой Вѣры, единыхъ божественныхъ догматовъ, единыхъ благочестивыхъ обрядовъ и единыхъ благочестивыхъ обязанностей. Къ общему и согласному же нашему содержанію, все здѣсь изображенное, утверждаемъ.

Читано сіе Андреемъ Сергѣевымъ 1810 года, Марта 20 числа, въ общемъ домѣ, при собраніи многихъ, кромѣ Гавріила Иларіонова Скачкова.

IX.

О

ЦЕРКОВНОМЪ МИРѢ.

МОНИНСКІЙ СОГЛАСОВНИКЪ СЪ ПРЕОБРАЖЕНСКИМЪ КЛАДБИЩЕМЪ ГАВРІИЛА ЛАРІОНОВА СКАЧКОВА. 1814 года.

Московское Старобрядческое Православное (!) наше общество, подъ названіемъ Ѳеодосіевскаго состоящее, зная подлинно, что любовь, миръ и согласіе церковныя есть истинный образъ Вѣры Христовой, вражды же и расколы суть знаки Церкви про-

тивнической, Антихристовой; по чему и рѣшилось оно, сего 1814 года, Іюня 21 дня, собраться въ Богадѣльномъ Преображенскомъ домѣ, къ возстановленію внутри себя общественнаго согласія и церковнаго мира, и къ прекращенію распрей и несогласныхъ мнѣній, объ одной и той же вещи возымѣвшихся противорѣчій, и именно, о приглашеніи въ молитвословіяхъ: «побѣды и пособій даровати Православнымъ Христіанамъ,» или: «рабамъ своимъ Правовѣрнымъ», противу враговъ; но при томъ же, однако, тою и другою стороною подкрѣпляющихся Святымъ Писаніемъ, въ единообразность же еще не пришедшихъ. И общество наше, держася здравыхъ предосторожностей и разсмотрѣній внимательныхъ, разсудило за благо принять и содержать во всей Москвѣ одно, доселѣ съ давнѣйшихъ временъ предками введенное, кромѣ же сего, какое либо иное оставить и не употреблять всѣмъ и каждому впредь до обысканія того, или другого, во всей справедливости, свѣривъ и согласивъ оныя со Святымъ Писаніемъ, пользою и честностію благочестивыя Вѣры. Изъ чего и открывается, что съ сего времени та и другая сторона нашего общества взаимно нынѣ обязались принять всѣ возможныя и дѣятельныя упражненія, изобрѣтать, гдѣ и сколько можно, отъ Святаго Писанія подробныхъ, ясныхъ и основательныхъ доводовъ, руководствующихъ къ единообразному познанію о таковомъ важномъ догматѣ. По таковому дѣлу одна и другая сторона, снискавъ все потребное, и снесясь доказательствами Святаго Писанія и здравыми разсужденіями между собою, уваживъ истину, отдѣливъ необразности и давъ согласіе справедливости и правому разумѣнію, купно и обще водворять внутри себя на предбудущія времена единовидный тому порядокъ, святость Вѣры болѣе и яснѣе подтверждающій.

Учиня сіе, сообщить всѣмъ въ прочія страны, съ нами согласнымъ, дабы единомысліе церковное сіяло въ каждомъ и всю, въ чемъ и подписуемся.

Сія статья со страны общественной къ Настоятелямъ и Попечителямъ кладбищенскимъ послана Іюня 23, того же 1814 года, для подписанія, но они ее не подписали и отвергли, за тѣмъ что обыскивать не согласны.

X.

О

МНѢНІЯХЪ ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

Сочинено со стороны Поморскаго Согласія, извѣстнаго въ Москвѣ подъ именемъ моленной Монина, Гавриломъ Ларіоновымъ Скачковымъ. 1818 года.

Всякъ раздоролюбивый не желаетъ жить въ мирѣ и согласіи, какъ и многіе изъ общества Ѳеодосіевыхъ: они стараются больше умножать раздоръ, отвергать миръ и утверждать свои мнѣнія, оставляя прежде бывшая ихъ, какія имѣли они съ Поморскими и прочими раздѣленія (какъ то:) о титлѣ четырехлитерной, пишемой на крестѣ Господни: І. Н. Ц. І., которую по времени многіе сами оставили; такъ же о воздѣваніи рукъ на Святой Пасхѣ; * о пѣніи всенощныхъ съ псалмомъ 103-мъ; о моленіи за пищу, покупаемую на торжищѣ и проч.

Нынѣ же многіе содержатъ такое мнѣніе и ученіе:

1. Святѣйшую Евхаристію отъ лѣтъ древнихъ, аще гдѣ имѣется хранимая, не пріемлютъ и говорятъ: «Хотя бы гдѣ она и дѣйствительно была, но уже святости своей и силы лишилася», чего ради и безчестными и злохульными нарицаніями именуютъ. **

2. Святыя Святыхъ угодниковъ Божіихъ мощи, отъ мѣста содержащаго несогласная съ ними, почитаютъ, яко бы уже оскверненныя

* На возгласѣ: «Христосъ воскресе!» обращаемомъ къ народу, при окончаніи службы Пасхальной, у Безпоповцевъ было въ обыкновеніи поднимать руки, с отвѣтомъ, конечно: «Во истину воскресе!»

** Не такая Евхаристія и заповѣдана къ совершенію въ Христовой Церкви, какую вздумали было содержать Безпоповцы, чтобъ къ дарамъ прежде освященнымъ или запаснымъ притекать вновь, прилагая прежніе къ раствору новому.

не имѣютъ присутствующія съ ними и въ нихъ благодати Божія, но есть уже безблагодатныя и святости не имущія. А сего не видятъ, что глаголетъ псалмопѣвецъ: «Хранитъ Господь вся кости ихъ,» а божественный Златоустъ и книги, лежащія въ храмѣ Серапидовомъ (?), святыми именуетъ.

3. Святымъ иконамъ, не токмо новописаннымъ отъ Православныхъ Христіанъ, но и древлеписаннымъ, находящимся въ домахъ несогласмыхъ имъ и мнѣніямъ ихъ, многіе не поклоняются, такъ же и въ своихъ домахъ не дозволяютъ кланяться, предлагая, что оные несогласники ихъ грѣшные, и что они грѣхами своими оскверняютъ святыя иконы и отгонятъ отъ нихъ святость и благодать Божію. *

4. Многіе Святаго Писанія сущую исторію, ясно что сказующую, на иносказательный разумъ прелагаютъ, ** и тѣмъ сущее дѣяніе и бытіе аки не бывшее вмѣняютъ, хотя и сами не понимаютъ, какимъ разумомъ толкуютъ.

5. За Самодержавнѣйшую Высочайшую власть, не согласную имъ въ Вѣрѣ и чиносодержаніяхъ, о здравіи ихъ, спасеніи, благополучіи и побѣдѣ на непріятелей, Господа Бога не просятъ и не молятся. Повелѣнія и ученія Апостольскаго, Пророческаго и Св. Отецъ не слушаютъ и не пріемлютъ; ибо молитися за властей непремѣнно должно, хотя бы они и невѣрніи были: а молящихся за властей Пацежниками называютъ и общемоленія отлучаютъ.

6. Бракъ законный не пріемлютъ *** и разсуждаютъ несогласно ни съ естественнымъ, ни съ писаннымъ богопреданнымъ за-

---

* Ибо седмины Даніиловы наводятъ на нынѣшнее время, по ихъ мнѣнію, Антихристово, начавшееся отъ Никона Патріарха, также Апокал. и слова Святыхъ Ипполита и Ефрема превращаютъ на свои толкованія. Это начало премѣненія истины во лжу, и ведетъ въ погибель.

** Господь же говоритъ (Мат. зач. 20): «Не судите, да не судими будете.» И Св. Апостолъ (Тит. 1, 15): «Чистымъ убо вся чиста.»

*** Въ подрывъ общественнаго благосостоянія и чистоты нравовъ.

кономъ, ни съ Евангельскимъ, Апостольскимъ, Пророческимъ и Святоотеческимъ ученіемъ, и не соображая времени со временами, но только говорятъ, что тайна брака * чрезъ Іерея токмо свое имѣетъ совершенство, и самую сущность или свойство его полагаютъ только въ одномъ священнодѣйствителѣ, не разсматривая времени возможности, свободы и нужды, полноты и недостатка, и сравненія одного дѣянія съ другимъ, и не разсуждая, что есть необходимое и случайное, и что естественное и самопроизвольное, и не объясняя, что есть въ бракѣ (какъ и въ прочихъ тайнахъ) матерія, форма, кто дѣйствитель, и для чего установленъ, что есть конечная онаго причина.

Церковныя таинства, какъ то: Святое Крещеніе, Покаяніе, такъ же службопѣнія и проч., что соединяютъ человѣка съ Богомъ и безъ рукоположенныхъ Священнослужителей (Безпоповцы) дѣйствуютъ, а законный бракъ составитъ и соединитъ не человѣка съ Богомъ, но человѣка съ человѣкомъ, весьма упорно отлагаютъ, и какъ законный бракъ не пріемлютъ, то симъ явственно показуютъ, что Господь Богъ уже не печется и не промышляетъ о умноженіи и продолженіи рода Христіанскаго, чрезъ законнобрачное сопряженіе, но будто оставилъ Христіанскій родъ хуже всѣхъ животныхъ въ презрѣніи.

И такъ, говорятъ, что отъ Христіанъ нынѣ не наполняется послѣдственно число избранныхъ въ Царство небесное, а наполняться будетъ отъ приходящихъ въ Православіе ** еретиковъ, Магометанъ, Жидовъ, идолопоклонниковъ и прочихъ.

И по сему, по ихъ мнѣнію, Богъ только нынѣ печется о безсловесныхъ тваряхъ и людяхъ нечестивыхъ, въ невѣріи пребывающихъ, а Христіанскій родъ, по неимѣнію рукоположенныхъ служителей, оставилъ безъ всякаго призрѣнія, жить въ

---

* И точно, бракъ, какъ новоблагодатная тайна, чрезъ Іерея токмо свое имѣетъ совершенство.

** Въ какое же Православіе внѣ Церкви-то Христовой, и освящающія человѣка таинства безъ священнаго Іерарха?

вободѣ и творить всякія мерзости, не вмѣняя, по неимѣнію за-
она брачнаго, ни каковаго плотскаго грѣха. По сему разсужде-
ію, гдѣ нѣтъ о чемъ закона, то тамъ нѣтъ и преступленія; ибо
то преступаетъ законъ, тотъ долженъ пріимать наказаніе. А
езъ закона не должно быть наказанію, по словесамъ Боже-
твеннаго Златоуста, въ бесѣдѣ 63-й на Посланіе ко Евреомъ
іщающаго: «Аще бо женитва попущена бысть, праведнѣ блуд-
икъ мучится, праведнѣ прелюбодѣй томленіе пріемлетъ.» Изъ
его явственно показуется: гдѣ нѣтъ попущенія женитвѣ, тамо
ѣтъ блудниковъ, нѣтъ прелюбодѣевъ; по сему и не должно
ыть за тѣлесныя скверноdѣянія ни какова наказанія, и въ та-
омъ безчинномъ пребываніи не могутъ быть и почитаться
епени родства и свойства, * на подобіе псовъ и волковъ, и про-
іхъ звѣрей и скотовъ, и иныхъ животныхъ безсловесныхъ.

И такъ Божіе всемощное благословеніе отлагаютъ, таковою
здержностію приводятъ многихъ въ слабость и въ распутство:
о невозможное возможныхъ быти законоопредѣляютъ, и не
іимъ вмѣстимое вмѣщати установляютъ, не согласно Христу,
кшему (Матѳ. зач. 78): «Не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ
дано есть. По сему лучше вѣровать Богу, благословившему
ть браку законному, не на время нѣкое, но навсегда. И тако-
ю воздержностію едва ли не погибаетъ множество на свѣтъ
исшедшихъ и свѣтъ не видѣвшихъ младенцовъ; также и про-
ми содѣйствіями не истребилось ли довольное количество рода
ловѣческаго? и хотя не всѣмъ вмѣстимое дѣвство учатъ сохра-
ть, но нѣкоторые смѣло вопіютъ: «Лучше имѣть десять любов-
цъ тайно, нежели одну, называемую жену, явно, чему многіе
цуютъ; а многіе явственно имѣютъ, и называютъ женами, но-
онными именовать боятся, чего ради и называются «новоже-
ны,» каковаго названія ни въ какихъ языкахъ и странахъ не

стояніе отчаянія, въ которое низвергнувшись, отчаянные обыкновенно бого-
льно уполномочиваютъ себя пребывать въ противленіи истинѣ и въ развра-
еніи, сверженіемъ съ вы и своей закона Божія, и за тѣмъ, или вмѣстѣ съ тѣмъ,
въ совѣсти своей упраздняютъ сознаніе различія между добродѣтелію и по-
комъ, которыя и въ порядкѣ естественномъ обыкновенно различаются.

слышно, чтобы публично почитали женою, мысленно и по залогу блудницею.

Но Θеодосіевскіе учители всѣхъ хотятъ привести во един состояніе и всѣмъ одинаковое возлагаютъ бремя, не разсуждая о силѣ и возможности каждаго, и не воображая, что есть въ нашемъ естествѣ врожденное и въ произволеніи состоящее. Но многіе разсуждаютъ, что естественное съ произволительнымъ великое несогласіе и разнство имѣютъ.

Поморскихъ же и прочихъ, съ ними въ моленіи за власти не согласующихъ, живыхъ, нынѣ существующихъ, не признаютъ совершенно Православными, но аки бы отъ пути праваго заблуждающими, и почитаютъ съ тѣми за равно, что написано въ Филиповскомъ Соборномъ Изложеніи, которые согласились съ Римляны во всѣхъ ихъ содержаніяхъ и молятъ Бога за Папу; того ради и скончавшихся ихъ не поминаютъ, а многіе и явственно именуютъ ихъ отступниками и еретиками. *

За что нѣкія смѣлодерзостно и паки водою возобновляться** безстрашіе возъимѣли.

Прочая ихъ мнѣнія и дѣянія, несогласная съ правомудрствующими, не воспоминаемъ; ибо самомнительныхъ толкованій у них очень довольно.

---

* Вотъ что открывается самими Безпоповцами въ искреннихъ заявленіяхъ предъ лицемъ своихъ единовѣрцевъ относительно внутренняго состоянія Безпоповскихъ обществъ, и что, однако, доселѣ таится отъ истинно Православныхъ подъ благовидными наименованіями: «согласія, толка, старообрядчества, староверства» и проч.

** Т. е., перекрещиваться и перекрещивать: какую же силу послѣ того имѣетъ тайна крещенія, когда она такъ злоупотребляется?

XI.

СПИСОКЪ

ПРИХОЖАНЪ ПОКРОВСКОЙ МОНИНСКОЙ ЧАСОВНИ ВЪ 30-хъ ГОДАХЪ НАСТОЯЩАГО СТОЛѢТІЯ.

Никифоръ Петровичъ (ленточникъ), и жена его Пелагія Георгіева, Михаилъ Елисеевичъ Бавыки, и жена его Ирина Никифорова Семенъ Алексѣевичъ Сумороковъ, и жена его Татьяна Иванова, Аѳанасій Ивановичъ (умре) Паленовъ, и жена его Татьяна Ѳедорова (умре), и Ѳома Аѳанасьевичъ, съ женою Евдокіей Петровой, Алексѣй Аѳанасьевичъ, съ женою Ириною Аверьяновой, Паленовы, дѣти Аѳанасія: Иванъ Ѳедоровичъ Соколовъ, съ женою Евдокіей Петровою, Иванъ Ивановичъ Леонтьевъ (наборщикъ), съ женою Пелагеею Алексѣевой, Андреянъ Сергѣевичъ, съ женою Марью Гавриловой, Михаилъ Ивановичъ Дуланъ, съ женою Мариной Гавриловой, Семенъ Матвѣевичъ Сафоновъ, съ женою Агафьею Аѳанасьевой, Максимъ Филипповичъ Осиповъ, съ женою Екатериною Борисовой, Константинъ Степановичъ (бердошникъ), съ женою Ѳеодосіею Матвѣевой, Иванъ Кузмичъ Ѳеклинъ, съ женою Дарьею Прокофьевой, Захаръ Ѳедоровичъ Бронинъ, съ женою, Евдокіей Гавриловой (дочерью Скачкова) Андрей Васильевичъ (лѣсникъ), съ женою Ксеніею Викуловой, Осипъ Кондратьевичъ, съ женою Агриппиной Агаѳоновой, Гавріилъ Ефимовичъ (портной), съ женою Дарьей Ивановой, Иванъ Никитичъ (большой, переплетчикъ), съ женою Василисой Кондратьевой, братъ его (меньшой) Иванъ Никитичъ, съ женою Евдокіей Филипповой, Степанъ Онисимовичъ Ланинъ, съ женою Ксеніей Ѳаддѣевой, Петръ Онисимовичъ (портной), съ женою, Дарьей Панкратьевой, Степанъ Егорьевичъ (живорыбникъ), съ женою Прасковьей Ивановой, Филиппъ Ивановичъ (на Арбатѣ), съ женою Прасковьей Аѳанасьевой, Илья Владимировичъ, съ женою Аграфеной Карповой, Сергѣй Васильевичъ Ланинъ, съ женою Настасьей Степановой (умре), Епифанъ Егоровичъ (за Москвой рѣкой), съ женою Варварой Лаврентьевой. Ульянъ Гавриловичъ Скачковъ, съ женою Домной Игнатьевой, Семенъ Кондратьевичъ (зять Вас. Вас. Ланина),

съ женою Екатериной Васильевой, Андрей Васильевичъ Опаринъ, съ женою Еленой Онисимовой, Прохоръ Васильевичъ Опаринъ, съ женою Натальей Андреевой, Григорій Ивановичъ (зять Иван. Иван. наборщика), съ женою Пелагеей Ивановой, Иванъ Степановичъ (племянникъ Соколова, сусальщикъ), съ женою Агаѳьей Андреевой, Ѳедоръ Степановъ Лежневъ, съ женою Евдокіей Григорьевой, Андрей Ѳедоровичъ Бронинъ, съ женою Марьей Алексѣевой, Антипъ Ивановичъ Забахтыркинъ, съ женою Дарьей Степановой, Семенъ Терентьевъ (иконникъ), съ женою Ксеніей Ѳедоровой, Ѳедоръ Ермиловичъ Ермаковъ (зять Ирины Емельяновой), съ женою Ефросиніей Ульяновой, Александръ Ивановичъ Кокоревъ, съ женою Прасковьей Васильевой, Карпъ Ивановичъ (на Солодовкѣ), съ женою Евдокіей Ѳимовой, Власъ Михайловичъ Гладковъ (за Серпух. воротами), съ женою Степанидой Васильевой, Матвѣй Власьевичъ (также), съ женою Пелагіей Семеновой, Иванъ Андреевичъ Марковъ, съ женою Матреной Абрамовой, Ѳедоръ Марковичъ (на Срѣтенкѣ), съ женою Гликеріей Трофимовой, Иванъ Абрамовичъ (также) съ женою Пелагеей Петровой, Филиппъ Алексѣевичъ Корчагинъ, съ женою Степанидой Васильевой, Иванъ Прохоровичъ (въ городѣ), съ женою Евдокіей Леонтьевой, Иванъ Васильевичъ (лавочникъ изъ Кудрина), съ женою Вѣрой Ермиловой, Степанъ Никифоровичъ, съ женою Марьей Петровой, Филиппъ Елисеевичъ Бовыкинъ, съ женою Марѳой Степановой, Василій Ивановичъ Жуковъ, съ женою Ѳеклой Семеновой (дочь Сем. Алексѣев.), Ѳедоръ Алексѣевичъ (въ Семеновскомъ) Пучинъ, Максимъ Филиповъ, съ женою Натальей Егоровой (умре), Сидоръ Яковлевичъ (въ Преображенскомъ), съ женою Варварой Петровой, Александръ Ивановъ (сынъ Иван. Алексѣев. мучникова), съ женою Ѳеодосьей Дмитріевой, Тимоѳей Тихоновъ Раковъ (въ Преображенскомъ), Никифоръ Петровъ, съ женою Акилиной Леонтьевой, Михаилъ Аѳанасьевичъ, съ женою Аграфеной Андревой, Иванъ Андреевъ, съ женою Ксеніей Прокофьевой, Петръ Абрамовичъ съ женою Любовію Петровой (на Срѣтенкѣ), Василій Алексѣевичъ Медовщиковъ, съ женою Анисьей Петровой, Егоръ Самсоновичъ (въ Преображенскомъ), съ женою Агриппиной Ивановой, Аврамъ Васильевичъ, съ женою Ѳеклой Петровой, Василій Кирилловичъ (Тульскій), съ женою Вѣрой Ивановой, Петръ Андреевичъ Бѣляевъ, съ женою Прасковьей Филимоновой, Поликарпъ Емельяновичъ (за Москво-

рѣцкой), съ женою Соломоніей Николаевой, Евстратъ Ивановъ Пикиновъ, съ женою Агаѳьей Аѳанасьевой (урож. Полѣнова), Андрей Корниловичъ, съ женою Татьяной Максимовой, ихъ дѣти: Матвѣй, Евстаѳій, Антипъ, Матрена; Никонъ Матвѣевъ, съ женою Евдокіей Тихоновой, Яковъ Емельяновичъ (у Георгія, живорыбникъ), съ женою Анастасьей Евстаѳьевой, Климъ Васильевичъ (юхотникъ), съ женою Вѣрой Ларіоновой, Ѳеофанъ Трофимовичъ (ефанъ), съ женою Мареой Павловой, Яковъ Кузмичъ (кровельщикъ), съ женою Анисьей Никифоровой, Иванъ Абрамовичъ (Елисаветской столяръ), съ женою Евдокіей Семеновой, Гурій Ивановичъ (живописецъ) съ женою Агриппиной Павловой, Иванъ Антоновичъ Забахтыркинъ, съ женою Ѳедосіей Марковой, Иванъ Васильевичъ (портной), съ женою Матреной Ѳоминичной Полѣновой, Семенъ Ивановичъ (съ Зацѣпы), съ женою Ксеніей Степановой. *

XII.

ПОМОРСКІЕ ПРОТИВУ ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ СОДЕРЖАТЪ:

1. Мощи Святыхъ, во всякомъ мѣстѣ находящіяся, святости своея не лишаются, того ради благочестно ихъ почитаютъ и съ любовію цѣлуютъ.

2. Святымъ иконамъ, истово написаннымъ, покланяются и почитаютъ, яко они святость себѣ не отъ мѣста получаютъ, но отъ благодати Божіей и подобія къ первообразному.

3. Писанія Святыхъ, како гдѣ и каковымъ смысломъ написанная, тако и пріемлютъ.

4. Святѣйшую Евхаристію, отъ древнихъ лѣтъ сохраняемую, пріемлютъ, и любезно пріобщаются ея. **

---

* Этотъ списокъ, перепечатываемый съ подлинной руки Андреяна Сергѣева, вѣроятно былъ имъ составленъ, когда былъ Настоятелемъ часовни Никифоръ Петровъ.

** Но эта не та Евхаристія, какую Господь нашъ, Іисусъ Христосъ, установилъ въ

5. Всепресвѣтлѣйшаго Государя нашего о мирѣ и здравіи, спасеніи, благопребываніи и на враги побѣдѣ Господа Бога молятъ.

6. Бракъ законный не въ единомъ токмо священническомъ молитвословіи, но въ прочихъ необходимыхъ принадлежностяхъ состоящій, законно пріемлютъ, и со Апостоломъ возглашаютъ (Евр. зач. 333): «Честна женитва во всѣхъ и ложе нескверно. Аще ли же и оженишися, не согрѣшилъ еси, и аще посягнетъ дѣва, не согрѣшила есть» (1 Коринө. зач. 138), и съ таковыми не раздѣляются, но паче и подтверждаютъ, свидѣтельствуя, что и «лучше есть женитися и посягати, нежели разжизатися» (зач. 136).

Сдѣсь кратчайшее разнство показуется, а прочее, яко не весьма нужное, умалчивается, и таковыя разгласія можно ль и должно ль почитать за ни что, суди всякъ благоразумный.*

Церкви своей и повелѣлъ совершать до втораго своего пришествія, и по тому же спасительная.

* «Сіе различіе Өеодосіевыхъ съ Поморськими обьяснено справедливо отъ стороны Поморскаго Согласія, извѣстнаго въ Москвѣ подъ названіемъ «Монина.»

Въ 1-хъ, О Святѣйшей Евхаристіи. О сей древней Евхаристіи повѣствуютъ предки такъ: Когда, повелѣніемъ Государя Алексѣя Михайловича, былъ разоряемъ Соловецкій монастырь, тогда въ оном испекли большіе просфоры, сотворили какъ должно, запасные Святые Дары; а когда побѣжали изъ монастыря, то и Дары съ собою унесли; поселились сіи люди въ Поморьѣ, и въ семъ Поморскомъ монастырѣ, именуемомъ Выгорѣцкій, сохранили сіи запасные дары, кои раздавали разнымъ своего Толка людямъ. Но нынѣ уже оскудѣла сія древняя Евхаристія, которую Өеодосіяне многіе очень поносятъ. Въ нынѣшнихъ же святыхъ церквахъ совершаемую святѣйшую Евхаристію такъ же величайшими хулами поносятъ зѣло дерзостно, и о семъ должно внимательно разсудить. если Өеодосіяне почитаютъ древность благочестіемъ, то по чему дерзостно поносятъ запасные Святѣйшіе Дары, то есть, Евхаристію пресвятѣйшую, еще благочестивыми Соловецкими Іереями освященную?»

Это примѣчаніе въ рукописи приписано рукою Евдокіи Гавриловны Бровиной.

XIII.

ПИСЬМО

ЗАХАРА ѲЕДОРОВА БРОНИНА О ЦЕРКОВНОМЪ МИРѢ.

Почтенное общество!

Желаю пребывати въ единомысліи церковномъ.

Какъ Святымъ Ѳеодору и Ѳеофану еретики начертили на лицѣхъ ругательные стихи, такъ и въ слѣдствіе вашего неосмотрительнаго отверженія брачнаго Канона, на камнѣ * ревностнаго защитника истины, покойнаго отца нашего, Гавріила, написали слѣдующее:

«О горько плачевны слухи,
Прислали ко мнѣ нечисты духи,
Яко бы новобрачный Канонъ у васъ оставленъ,
Или вы не видите, что Антипъ прославленъ?
У меня въ рукахъ брачны свѣщи и обѣты,
А вы моего ученія наги и раздѣты.
Увѣряетъ васъ мой портретъ,
Будите давать мнѣ отвѣтъ.
Послушай же, мой намѣстникъ, Антипо,
Тебѣ наше новое разумѣніе открыто.
Други, вамъ самимъ извѣстно,
Что хорошо жить ни какъ невмѣстно.
Почувствуйте, почувствуйте!—
Слушаемъ, слушаемъ.»

Доздѣ изображенное на камнѣ. Зрите, братіе, противники восторжествовали радостно о семъ, что вы отвергнули безъ правильной причины брачный Канонъ. Зрите, какъ ихъ духъ прельстилъ васъ отринуть его; да они же и вознесли свой рогъ и воздвигли поносный на Церковь нашу свой гласъ! Изъ сего ясно усматривается, что имѣются въ нашей Церкви внутренніе ея враги,

---

* Могильномъ.

и ежели бы ихъ не было, то внѣшніе враги не узнали бы того, что между васъ происходило. И таковые тайные волки, покрытые овчею кожею, имущіи образъ благочестія, лицемѣрное смиреніе, преобразующіися во Ангела свѣтла, прельстили васъ, аки незлобныхъ младенцевъ, всему вѣру емлющихъ, лжи отъ истины не различающихъ, подъустили васъ къ незаконному отверженію брачнаго Канона. Положили насъ въ поношеніе сосѣдомъ нашимъ, въ поруганіе сущимъ окрестъ насъ, въ притчу во языцѣхъ, покиваніе главѣ въ людехъ, учинили нашему обществу язвительную укоризну сими словами: «а вы моего ученія наги и раздѣты;» слѣдовательно, ученія Христова; * ибо отецъ нашъ, Гавріилъ, еретикомъ не былъ, ни какого своего ученія, противнаго Богу и Церкви, не всѣвалъ, а содержалъ крѣпко ученіе Христово, Апостольское и Святыхъ Отецъ. И какъ самъ оное благочестно сохранялъ, такъ и прочихъ научалъ.

«Будете давать мнѣ отвѣтъ.» И хотя сіе сказано отъ непріятелей, однако справедливо; поелику онъ содержалъ твердо Божіе повелѣніе, то и будете давать Богу отвѣтъ на Страшномъ его Судѣ за сіе, что незаконно отвергаете Канонъ, содержащій хвалу Богу и нашей Церкви полезный, и особенно тотъ будетъ истязанъ, кто подалъ первоначальную причину къ отверженію Канона, и жестокое пріиметъ наказаніе отъ правосуднаго судіи, Бога, яко учинившій соблазнъ. Но горе тому человѣку, имъ же соблазнъ приходитъ, и таковый зачинщикъ долженъ исправить оное дѣло и покаяться. Но каковые же на отверженіе Канона употреблены неправильные извѣты, то изъ сего ясно видѣть можно, что произошли по злобѣ на нѣкоторыхъ людей и на самаго покойнаго; а зло за зло воздавать, и мщеніе дѣлать человѣку, отверженіемъ хвалы Божіей, есть знакъ недобродѣтельныхъ людей; ибо пылать гнѣвомъ и распыхаться сердцами есть подражать самому діаволу, изгнавшему по зависти Адама изъ рая, такъ же Каину, Дафану и Авирону, Езавели и древнимъ еретикамъ и всезлобной Евдокіи, которая, терзаясь злобою, за обличеніе богопротивныхъ дѣлъ ея, на Іоанна Златоустаго, тайною и ковар-

* Непослѣдовательно, далеко не то.

ную лестію возбуждала Епископовъ, а особливо Святаго Епифанія Кипрскаго, на изгнаніе Іоанново, много ему глаголющи: «и отъ великаго гнѣва вся трепетаніе,» яко же речется въ Житіи Святаго Златоуста. И паки рече Царица: «Нѣсть бо достойно многихъ отцевъ трудити, приводяще сѣмо на соборъ, но твоя святыня, отче: иждени его изъ Церкве, и вмѣсто его постави инаго, его же ти Богъ покажетъ, азъ же устрою, да вси начнутъ тебе послушати.» Рече же къ ней Епифаній: «Чадо, послушай твоего отца безъ гнѣва: аще Іоаннъ еретикъ есть, яко же глаголете, и аще не покается о той ереси, то недостоинъ будетъ Патріаршаго сана, и сотворимъ ему, яко же велиши. Аще ли же единыя ради вины тоя, яко похулилъ тя, изгнати его хощете, то Епифаній на то не соизволитъ: Царемъ бо подобаетъ (также и Начальникомъ церковнымъ) не памятозлобнымъ быти, но благимъ, кроткимъ и прощающимъ, яже на себе хулы; ибо и вы имате надъ собою Царя на небесѣхъ и прочее. Царица же рече къ Епифанію: «Отче, аще сотвориши препятствіе изгнанію Іоаннову, то отверзу храмы идольскіе, и сотворю, да мнози, отступившіе отъ Бога, поклонятся идоломъ, и будутъ послѣдняя горша первыхъ.» Сія глаголаше съ гнѣвомъ, и слезы изливаше отъ очесъ своихъ. Епифаній, удивившися безумному гнѣву ея, глагола: «Чистъ есмь отъ суда того,» и то рекши, изыде изъ палаты.» Доздѣ отъ Житія Іоаннова.

И я мню, братіе, не произнесены ли были и у васъ при собраніи словеса, подобныя симъ, Евдоксіинымъ, словамъ, но Епифанію видно мало подражали.

Прошу васъ, именемъ Божіимъ и Пречистою его Матерію, хранится отъ клеветниковъ и льстецовъ: отъ нихъ много зла раждается; ибо и Святый Кириллъ отъ таковыхъ былъ прельщенъ, имѣлъ вражду на Златоуста: «Гнѣвашеся бо Кириллъ Святый не токмо на живаго бывша Іоанна Златоустаго, но уже и кончавшагося, и не хотяше во Святыхъ того поминати. Бѣ же сей его гнѣвъ не отъ злобы, но отъ невѣдѣнія: ово бо отъ дяди своего, Θеофила Патріарха, ово же отъ иныхъ, на Святаго Іоанна враждовавшихъ, слышаше многія неправедныя клеветы на безвиннаго. Писа же къ нему и Аттикъ, Патріархъ Цареград-

скій, совѣтуя и моля, да имя Іоанново въ диптихи церковные, с
есть, въ книгѣ именъ Святыхъ, впишетъ; бяше же Аттикъ пре-
жде единъ отъ враждебниковъ Іоанна Златоустаго, но послѣди,
разсмотрѣвъ неповинность Святаго, каяшеся, и пріемъ по Арсе-
ніи престолъ Патріаршества Цареградскаго, вписа во Святые им
Златоустово, и донелѣ же живъ бѣ, увѣщеваше Святаго Кирил-
ла совѣтными писаніями, да тожде сотворитъ, онъ же не слуша-
ше его, не хотя уничтожити прежде бывшаго Ѳеофилова на Іо-
анна собора; таже Святый Исидоръ Пилусіотъ писа къ нему дер-
зновенно: яко подобаетъ разсмотрѣвши гнѣватися, аще что об-
рящется гнѣва достойно; ибо мнози, бывшіи съ тобою на Ефес-
скомъ Соборѣ, явѣ о тебѣ глаголютъ негодующе, яко неправед-
но гнѣваешися на неповиннаго, Ѳеофиловъ сущи племянникъ, по-
дражаеши нраву того,» и прочее. И въ другомъ писаніи глаго-
летъ: «Устрашаютъ меня сущія въ божественномъ Писаніи обра-
зы, и принуждаютъ глаголати и писати, яже суть потребна.
Аще отецъ есмь тебѣ, яко же ты мя нарицаеши, боюся осужде-
нія, еже прія Илій, ветхозаконный Священникъ, за то, яко н
наказоваше согрѣшающихъ сыновъ своихъ. Аще сынъ твой есмь,
яко же самъ вѣмъ, устрашаюся, да не постигнетъ мя казнь,
постиже Іонаѳана, сына Саулова, за то, яко отца своего, вол-
шебства ищущаго, можаше отвести отъ грѣха того, и не отвед
ни сотвори то, еже можаше сотворити; сего ради первый
на брани убіенъ бысть. Да не буду убо и азъ осужденъ; глаго
тебѣ, яже суть на пользу твою, и ты отъ праваго судіи да
осудишися. Послушай мя, отложи гнѣвъ твой, его же
на мертваго, да не смутиши живую Церковь и раздоръ въ
содѣеши,» и проч. Доздѣ Исидоръ. И сіе предложихъ вкратц
но како Святый Кириллъ покаяся, и како Златоустъ примири
ходатайствомъ Пречистыя Богородицы, прочтите въ Житіи
Іюля 9, въ Минеи Четіи.

Прошу васъ, братіе, для успокоенія внутреннихъ возму-
ній и отвращенія сопротивныхъ поруганій, не только сей брачн
Канонъ не оставлять, но должно и еще присовокупить дополне
къ брачной сей церемоніи, въ силу боговдохновеннаго Царя и Пр
рока Давида (Псал. то 14): «И приложу на всяку похвалу тво
ибо у насъ не новое какое мнѣніе имѣется о бракахъ, но дре

нее и утвержденное святыми законами. А когда отвергаете Канонъ, то отвергаете и бракъ, поелику отвергаете символъ брака, содержащійся въ семъ Канонѣ, при томъ же отвергаете и прошеніе благословенія Божія бракосочетавающимся.

Потребно убо каждому право мудрствующему и любящему истину сочлену нашему, противъ таковыхъ сопротивныхъ умышленій мужественно стати и вооружиться оружіемъ Божіимъ, облещися во броню правды, защитить свою Церковь, заградить уста ихъ словомъ Божіимъ, взять пращу духовную, прогнать волковъ отъ стада Христова, и обратить въ бѣгство полки чуждые. Но не оскорбитесь, братіе, что я дерзнулъ выше силъ моихъ писать къ вамъ: понеже сія должность есть пастырей и учителей церковныхъ; но, видя бѣду церковную и смущеніе ея, повинуюся предстоящаго предъ престоломъ Божіимъ, Святаго Іоанна Златоустаго повелѣнію, «яко не вся подобаетъ на учителей возверзати, но всѣмъ тщатися другъ друга созидати и другъ друга тяготы носити. (Евреомъ нр. 20). «Не убо вся на учителей возлагайте, не вся на наставники; можете и вы, рече, другъ друга созидати.» Еже и къ Солуняномъ пишай, глаголаше: «Единъ единаго созидайте, яко же и творите.» И паки: «Утѣшайте другъ друга въ словесѣхъ сихъ. Сія и вамъ завѣщаемъ нынѣ мы. Множайшее бо насъ, аще восхощетъ, вы другъ друга исправите; ибо множайшее время съ собою есте, и яже дружная паче меня вѣсте и другъ дружнихъ недостатковъ не не разумѣете, и множайшее дерзновеніе имате и любовь и обычай; не малая сія суть учение, но входы велицы и благовременства, и паче насъ и запретити и умолити возможете, и не сіе токмо, но яко азъ убо единъ есмь, вы же мнози: и возможете, елицы есте, вси быти учителіе. Тѣмже молю, не нерадите о дарованіи семъ.* Кійждо жену имать, друга имать, раба имать, сосѣда имать: сему да запрещается, того да наказуетъ. Како бо нѣсть безмѣстно, о пищи убо соучреж-

* Святитель даетъ наставленіе, чтобы Христіане учили другъ друга, при взаимныхъ своихъ отношеніяхъ, дома, въ кругу семейномъ, никого не освобождая отъ обязанности ходить въ церковь и знать своего пастыря, и здѣсь въ церкви пребывать ученикомъ.

денія творити и пиры и день имати учиненный, еже собратися другъ ко другу, и еже комуждо сущее оскудѣвшее собою исполнити пріобщеніемъ, сирѣчь, или на погребеніе ити требѣ будетъ, или на обѣды, или способствовати въ нечесомъ искреннему: въ наученіи же добродѣтели не творити сіе, ей, молю, никто же да не нерадитъ, мзду бо пріиметъ отъ Бога многую.» и прочее до конца. 1 Коринѳ. нр. 3. «Веліе убо благо, и еже миловати нищихъ; но ни что же таково, яко еже прелести свободити, иже бо сіе творяй, бываетъ яко Петръ и Павелъ. Достоитъ бо пріяти яко оныхъ проповѣдь, не бѣдствуемъ, яко же они, и глады и губительства и иные терпимъ, но да усердія тщаніе покажемъ. Ибо лѣть есть въ дому ходящимъ сію молитву содѣяти. Аще кто имать друга, и сродника, и домашняго, сія да творитъ, сія да глаголетъ, и будетъ яко Петръ и Павелъ; и что глаголю Петра и Павла? Устами будетъ Христовыми. 1 Коринѳ., нр. 25. «И ты убо, брате, аще и отъ брашна воздержаяся пребываеши, аще и пепелъ яси, и рыдаеши выну, а никого же инаго пользуеши, ни что же веліе содѣлалъ еси.» 2 Коринѳ. нр. 44. «Сице убо и мы другъ друга да наказуемъ, и ниже обличаяй да гнѣвается, нѣсть бо се исправленія, но страсти, ниже обличаемый да озлобляется, врачество бо есть бываемое, а не вражда.»

А о Канонѣ нѣкоторые говорятъ, что ежели отверженъ не будетъ, то и мы не будемъ съ вами; то о таковыхъ вѣщаетъ святый Кипріанъ: «Сію имѣть надобно въ Церкви простоту, сію должно любовь соблюдать, чтобы голубямъ братство подражало любовію, чтобы въ тихости и кротости агнцемъ и овцемъ подобилося. Что творитъ въ сердцѣ Христіанскомъ свирѣпство волчье, и ярость и смертоносный ядъ змінной, и кровожадная лютость звѣрская? Радоваться надобно, когда такіе отъ Церкви отлучаются, чтобъ голубей, чтобы овецъ Христовыхъ, лютою своею и ядоносною заразою не погубляти. Соединяться и сопряжені имѣть не можетъ горечь съ сладостію, тьма со свѣтомъ, ненастье съ ведромъ, брань съ миромъ, съ плодоносьемъ безплодіе, съ источниками сухость, съ тишиною буря. Не думай ни кто чтобы добрые могли отъ Церкви отступить. Не восхищаетъ вѣтръ пшеницы, и древа твердо укорененнаго жестокая буря не исторгаетъ. Пустые плевелы возметаетъ вѣтръ, и слабыя древа вихорь

превращаетъ. Гнушается и поноситъ сихъ Іоаннъ Апостолъ (1 Іоан. зач. 71). глаголя: «Отъ насъ изыдоша, но не быша отъ насъ; аще бо быша были отъ насъ, пребыли убо быша съ нами. Отсюда часто ереси и произошли и происходятъ, когда развращенная мысль мира не имѣетъ, когда безвѣріемъ раздоръ единства не содержатъ.» Доздѣ Кипріанъ.

Возлюбленніи братія, чада Церкви Христовой! Прошу васъ, ради имени Божія, не отлагати Канона, составленнаго изъ Священнаго Писанія, ради хвалы Божія и испрошенія благословенія его надъ сочетавающимися. И паки повторяю, что въ немъ содержится исповѣданіе законнаго брака, и ежели Канонъ не принимать, то сіе будетъ то же, что отвергнуть бракъ законный; и естьли бы въ семъ Канонѣ было какое еретическое мудрованіе и Православной Церкви нашей противное, то слѣдовало бы его отвергнуть. Въ жизни Святаго Θеодора Едескаго речется, яко нѣкая блудница молитвою воскреси мертваго отроча, которую молитву она сама составила, а не Святые Отцы; но Богъ услыши ея молитву, воскреси отроча; кольми же паче сіе наше прошеніе, составленное изъ боговдохновеннаго Писанія, не услышитъ ли, и не подастъ ли свою неизреченную милость?

И тако съ Θеотимомъ Епископомъ и Святымъ Аθанасіемъ Александрійскимъ глаголю: «Иже хулитъ сей Канонъ, той хулитъ, нихъ же суть словеса сія.

Извѣстный Вамъ Захаръ Θедоровъ Бронинъ.»

-то Іюля, 1822 г.

XIV.

О

МОЛЕНІИ ЗА ПАПУ РИМСКАГО. *

сочиненіе

Андрея Сергѣева.

Къ читателю.

Молиться за враговъ Христосъ самъ научаетъ,
Молитва и враговъ другами устроляетъ.
Молиться надлежитъ о всѣхъ и завсегда,
Чтобы зла не получить, явится гдѣ бѣда.
Егда желаетъ кто ко истинѣ прибѣгнуть,
Да разумъ просвѣтитъ, и ложно что отвергнуть,
Евангельски пожить, спокойствіе снискать,
И разны мысли здѣ, чтобъ явственно познать,
Вины раздоровъ всѣхъ да знаемъ откровенно,
И истину хранить не тайно, но явленно,
И людямъ и себѣ спасенія желать,
На Страшный Судъ предстать, отвѣтъ о семъ воздать.
Но спросимъ что другихъ, молчатъ какъ безсловесны,
Хотя и скажутъ что, рѣшенія безвѣстны;
Весь разумъ потемнятъ, доводовъ нѣтъ прямыхъ,
Хотя и говорятъ, но все умовъ своихъ,
Которые гласятъ не право, и что лукаво,
Разсудка не имѣвъ, не знаютъ справедливо;
Но мы отвергнемъ все ученіе чуждыхъ,
Потщимся сохранять преданія Святыхъ.

---

* Въ этомъ трактатѣ, хотя отъ шуіихъ, однако благопріятное для нравствен… догмата о моленіи за Царя и за всѣхъ, иже во власти суть, представл… разсужденіе, въ обличеніе тѣхъ изъ Безпоповцевъ, которые, въ силу с… вѣрованія воцаренію въ Русской землѣ Антихриста, неудобно преклоняютс… моленію о Царѣ своемъ и о гражданскихъ властяхъ.

Имѣть прилежное тщаніе, вѣдать о разныхъ вещахъ и дѣяніяхъ, дѣло есть полезное и похвальное.

Тако многіе желаютъ нынѣ знать о семъ.

Первое: Должно ли, и можно ли молиться Богу за Папу Римскаго? И ежели можно и должно, то чего ради и какъ молиться за него? А ежели не должно, то коль великъ есть грѣхъ, или преступленіе? Что будетъ тому, кто за него молиться будетъ?

Второе: Для чего Филаретъ, Патріархъ Московскій, не почитаетъ тѣхъ Православными Христіанами, которые молятъ Бога за Папу Римскаго, но и крещеныхъ отъ нихъ паки крестить повелѣваетъ.

На сіе люботщательнымъ изыскателямъ предлагаются рѣшенія.

На первое, раздѣленное на три части:

А. Должно ли и можно ли молиться Богу за Папу Римскаго?

Молиться Богу за Папъ Римскихъ можно и должно, по чтенію церковному изъ Апостола Павла, пишущаго къ Тимоѳею (1 Тим. зач. 282) тако: «Чадо Тимоѳее, молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки. Но Папа Римскій есть человѣкъ, слѣдовательно, и за него молиться можно и должно. Понеже онъ изъ числа всѣхъ человѣковъ не исключается, и существо его во иную тварь, какъ-то: въ скота, звѣря, птицъ, рыбъ, гада, червя, линицъ и прочихъ насѣкомыхъ, не претворилось, но былъ и есть всегда человѣкъ, но только во исповѣданіи и содержаніи Православія не согласующійся. Сего ради въ церковныхъ молитвословіяхъ, гдѣ должно поминать Православнаго Архіерея, онъ именно у насъ не поминается, да и поминать его не должно.

В. И ежели должно и можно, то чего ради и какъ молиться за него должно?

Сего ради должно, да просвѣтитъ ему Господь Богъ очи сердечніи, и да пріидетъ онъ въ соединеніе Православныя Вѣры.

А молиться за таковыхъ должно, какъ во вседневномъ По... повелѣвается тако: «Отступившихъ отъ Православныя Вѣры, погибельными ересьми ослѣпленныхъ, свѣтомъ твоего позна... просвѣти, и Святѣй твоей Апостольской Церкви причти!» Тако... божественный Златоустъ, въ толкованіи Апостольскаго посла... къ Тимоѳею (во главѣ 2, въ бесѣдѣ 1), глаголетъ: «Аще общ... хощешь разрѣшитися бранемъ и распрямъ, и мятежемъ, и с... ради за Царей и за Князей Священникомъ творити молит... много паче и людяниномъ достоитъ сіе творити. Се бо добро е... и пріятно, рече, предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ. Кое ... Еже молитися за всѣхъ, сіе пріемлетъ Богъ, сіе хощетъ. Вс... бо человѣкомъ хощетъ спастися, рече, и въ познаніе ист... пріити. Подражай Богу, иже и всѣмъ хощетъ спастися. Въ ... потѣ подобаетъ за всѣхъ молитися? Аще всѣмъ той восхотѣ с... стися, хощи и ты. Аще ли же хощешь, молися. Таковыхъ ... есть, еже молитися. Зриши ли, какъ отвсюду душу увѣща, т... еже и о Еллинѣхъ молитися. И прибытокъ показалъ, елико ... сего раждается: «да тихое, рече, и безмолвное житіе поживе... и еже много сего вящше есть, яко и Богу сіе угодно, и ... подобни сему по сему бываемъ, по чему же таяжде съ нимъ ... тѣти. Довольная суть сія умилити и звѣря. Да не убоишися п... чее о Еллинѣхъ моляйся: и той сего хощетъ; убойся точію, ... на ня молитися подобаетъ, яко о еретицѣхъ явленно есть; всѣхъ бо человѣцѣхъ молитися достоитъ; а не отгонити. Сіе ... и наше добро, о еже тогожде намъ естества пріобщит... и Богъ похваляетъ и пріемлетъ благоразуміе, и любленіе ... другъ къ другу. Аще убо самъ хощетъ, рече, дати Госп... кая потреба молитвъ, яже отъ мене? Много сіе онымъ и ... споспѣшаетъ. Къ любви ихъ привлачитъ, тебѣ не оставляетъ ... вѣритися. Довольна яже суть сія къ вѣрѣ привлещися. Мнози ... отъ человѣкъ за прю, сущую другъ къ другу, отступиша ... Бога. Сіе (моленіе) спасеніемъ слово нынѣ Божіе нарицаетъ: ... всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, реклъ; понеже и сіе во... тину есть спасеніе. Сего бо кромѣ, ни что же веліе ино е... но имя спасенія есть и нарѣчіе токмо. По сему образу не то... за Папу Римскаго, но и за всѣхъ, сущихъ на земли, человѣк... молитися должно и можно. Ибо и самъ Христосъ Спаситель г... голетъ (Матѳ. зач. 15): «Любите враги ваша, благословите кле...

щыя вы, добро творите ненавидящымъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть, и изгонящыя вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, яко солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.»

Г. Аще ли не должно, то коль великъ есть грѣхъ (или преступленіе), ежели кто за него (то есть, за Папу) молитися будетъ?

Таковаго повелѣнія, чтобы не молитися за Папу Римскаго, для того, что онъ Папа, едва ли обрѣсти можно; ибо Святый Іоаннъ Златоустъ, на посланіе ко Евреемъ, во нравоученіи 3, глаголетъ: «Инъ убо имать друга два, или три, инъ же четыре. Но не нѣсть Бога ради любимыи, но за еже любимымъ быти. А еже Бога ради любити, не сіе имать любое начало, но ко всѣмъ, яко же ко братьямъ, сицевый пребудетъ; единовѣрныхъ убо яко же нелицемѣрно сущихъ братій любяй, еретиковъ же, и Еллиновъ, и Іудеевъ, яко брата убо по естеству, злыхъ же сущихъ и непотребныхъ милуяй и истаевая за нихъ и слезой, о чемъ подобны будемъ Богу, аще всѣхъ любимъ и враговъ, а не аще знаменія творимъ.»

Отъ сего показуется, что молитися о еретикахъ, Еллинахъ и Іудеяхъ, грѣха нѣсть, но похвально и Богу пріятно. Папа же Римскій, яко единъ есть отъ воспомянутыхъ, по сему и за него молитися грѣха нѣсть, но похвально и Богу пріятно. Но токмо съ несогласующимися въ вѣрѣ и церковныхъ преданіяхъ согласоватися не должно.

А еще и сего ради молитися за Папу должны, ежели кто жительствуетъ въ его области, и есть ему подвластный, то и о таковыхъ великій Апостолъ глаголетъ (Римл. зач. 111): «Всяка душа властемъ предержащымъ да повинуется. И молитися повелѣваетъ за нихъ, иже во власти суть, ради того, чтобы «тихое и безмолвное житіе жити, во всякомъ благовѣріи и чистотѣ.» И таковое моленіе пріятно есть предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити. Ибо молитися и молитися повелѣваютъ Святіи за Царей иновѣрныхъ. Про-

сили Господа Бога, дабы подалъ имъ помощь и побѣду на врагови, но не на себя, почитаемыхъ по Вѣрѣ несогласующими и противящимися, а на тѣхъ враговъ, которые подвизаютъ брани и оружіе, нападаютъ на царство, разоряютъ селенія, плѣняютъ скотовъ и не подчиняются державѣ его. Того ради Святый Апостолъ повелѣваетъ молитися о Царѣ, тогда бывшемъ идолопоклонникѣ, гонителѣ на Церковь Христову, о великомъ мучителѣ Христіанъ, и о таковыхъ же властѣхъ, а причина сія: «да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. зач. 232). О чемъ и святый Златоустъ подтверждаетъ, глаголя: «Не быша бо во истинѣ тогда благочестивіи Царіе, но даже до много времени произыдоша нечестивіи нечестивыхъ преимающе. Та же да не ласкательства вещь будетъ (Апостолъ), предваритъ, рече, за всѣхъ, и тогда за Царей. Аще бы реклъ бы за самыхъ Царей, негли бы нѣкто сіе непщевалъ тяжцѣ. Понеже лѣпо бѣ Христіанстѣй души утерпѣти, сія слышащей и не припущати низказанія.» Аще о Еллинѣ во время таинъ достоитъ моленія приносити, зри, что глаголетъ и како полагаетъ прибытокъ, да повсюду пріиметъ назиданіе: «да тихое, рече, и безмолвное житіе поживемъ,» сирѣчь, о тѣхъ моленіе наше есть безпечаліе. Таковое повелѣніе Святаго Апостола и разсужденіе божественнаго Златоуста Православная Церковь всегда неотложительно имѣетъ. Но ни отъ кого, никогда, нигдѣ зазираема изъ разумныхъ и свойство Святаго Писанія вѣдущихъ не была; ибо сіе творяща, исполняла повелѣніе Апостольское и Пророческое. Понеже и въ Ветхомъ Завѣтѣ, за несогласныхъ въ вѣрѣ Царей молилисъ и жертвы приносили, о чемъ ясно показуется въ книгѣ Варуха Пророка въ главѣ 1: Когда плѣнены были Іудеи въ Вавилонъ, тогда, собравши злато, послали во Іерусалимъ, и писали, чтобы принесли жертву и молилися за житіе Навуходоносора, Царя Вавилонскаго, и за житіе Валтасара, сына его, да будутъ дніе ихъ, яко дніе небеснія на земли; но за сіе, ни тогда, ниже послѣ никогда, ни отъ кого зазрѣны не были. По сему, ежели кто за Папу, жительствующій въ его по гражданству области, яко власть предержащую, молитися будетъ, то погрѣшити не можетъ, но токмо бы не имѣлъ единомудреннаго и единосогласнаго въ Вѣрѣ исповѣданія и церковныхъ по ихъ догматамъ содержаній. Ибо кто за кого творитъ молитвы и моленія, той съ

тѣмъ по исповѣданію Вѣры, или содержанію каковыхъ догматовъ, не согласуется. По сему несправедливъ тѣхъ людей вопль, которые поносятъ приносящихъ Господу Богу молитвы за властей, отъ Бога устроенныхъ, аще и не единаго исповѣданія; ибо они, принося моленіе Богу, исполняютъ Апостольское и Пророческое ученіе, которое отъ самого Бога есть имъ вдохновенно.

По семъ предлагается второе:

Для чего Филаретъ, Патріархъ Московскій, не почитаетъ тѣхъ Православными Христіонами, которые молятъ Бога за Папу Римскаго, но и крещенныхъ отъ нихъ паки крестити повелѣваетъ?

Тако бо онъ въ своемъ Соборномъ Изложеніи опредѣляетъ: «А которой Бѣлорусецъ (пришедъ въ Россію) скажетъ о себѣ, яко крещенъ онъ въ Христіанскую Вѣру, а которой Попъ его крестилъ, и тотъ Попъ въ божественной Литургіи, въ приношеніи и во ектеніяхъ, во первыхъ поминаетъ Римскаго Папу, да и во всякомъ пѣніи и въ литіяхъ молитъ Бога за Папу, и таковаго подобаетъ совершенно крестити въ три погруженія, и мѵромъ и масломъ помазывати. Да и Латинскую ему ересь и Папежевъ Римскихъ еретиковъ проклинати.» И еще повторяетъ: «А который Бѣлорусецъ скажется, что былъ онъ въ иной Вѣрѣ, и пришелъ изъ оной Вѣры въ совершенныхъ лѣтахъ, и крестился въ Христіанскую Вѣру въ Литвѣ отъ Русскаго Попа, а тотъ Попъ, который его крестилъ, молитъ Бога за Папу, и таковаго совершенно крестити, и Латинское и еретическое отрицаніе ему говорити, и молитвы ему говорити, и младенческое отрицаніе такожде, что и еретику, для того, что крещенъ отъ отступника, который молитъ Бога за Папу же.»

Изъ сего многіе заключаютъ, аки бы Филаретъ Патріархъ, безъ всякаго разсмотрѣнія и разсужденія, не обрѣтши прочихъ винъ за оными Бѣлорусцами, но токмо за единое моленіе за Папъ, повелѣваетъ (оныхъ Бѣлорусцевъ) крестити; но противъ таковыхъ симъ показуется: Святѣйшій Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи, со освященнымъ соборомъ въ лѣто 7129, Де-

кабря 16 дня, установили крестить поминаемыхъ Бѣлорусцевъ, для того, что они отъ Православныя Восточныя Церкви отступили, и Римскія Церкви догматы приняли за истинные и спасительные, и Папу Римскаго признали за правомудрствующаго и совершенно съ нимъ соединились, что видно изъ словъ сего же Патріарха, которыя содержатъ тако: «Понеже азъ, смиренный Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Россіи, егда убо быхъ въ Польскомъ и Литовскомъ Государствѣ, и многая въ нихъ видѣхъ несогласія церковная, въ самыхъ тѣхъ Христіанѣхъ, иже суть Бѣлорусцы въ нихъ нарицаются.» Ниже: «А въ которой у нихъ церкви, аще она и Христіанская есть, молятъ Бога за Папу, и таковая церковь у нихъ нарицается Унѣя, и по ихъ же разсужденію нарицается отъ нихъ Уніей, сирѣчь соединеніе, еже мирующіися и соединяющіися съ Папежники. Въ чемъ же тогда у оныхъ Бѣлорусцевъ состояло съ Папежниками соединеніе и мирствованіе, о семъ явственно Показуется въ книгѣ «О правой Вѣрѣ,» глав. 24, какъ пять Владыкъ Рускихъ, а шестый Митрополитъ, въ лѣто 1595, отъ послушанія настоящаго имъ пастыря, Патріарха Константинопольскаго, отступили, и на всей воли Римскаго Папы заручную грамоту ему дали, и къ ихъ Исповѣданію согласились:

а). Духа Святаго исхожденіе отъ Отца и Сына вѣровать.

б) Опрѣснокъ и квасный хлѣбъ въ тайнодѣйствіи (всѣмъ по чину своея Церкве, Западныя и Восточныя) полагать за едино.

в) Подъ единымъ видомъ хлѣба простый народъ причащать.

г) Огнь чистительный проповѣдывать.

д) Папу Римскаго главою всея Церкви почитать.

е) И вся дѣйствуемыя ими тайны благодать подающими исповѣдывать. А повтореніе крещенія (дѣйствуемаго отъ несогласныхъ, въ противность всего церковнаго о крещеніи положенія) святотатствомъ исповѣдывать, и прочая, несогласная Православной Церкви содержанія, за правая и истинная вмѣнять, и тѣмъ съ древними Святыми Отцы и богоправославленными учители, и

божественными Апостолы, паче же съ самимъ Начальникомъ Вѣры и Совершителемъ, Христомъ, раздоръ имѣть. И тако Уніяты, хотя и Греческія Церкви видъ и обычай въ священнослуженіи содержатъ, но по залогу ихъ и данной (Папѣ со Исповѣданіемъ) присягѣ, мысленно и явственно съ нимъ соединились, и соединяются, и яко единыя Римскія Церкви чада, братіею себя другъ другу вмѣняютъ, и единаго верховнаго пастыремъ пастыря Папу проповѣдуютъ и прославляютъ, и противу Православныхъ вси равно противоборствуютъ.» Таковыхъ ради важнѣйшихъ ересепріятій, какъ отъ самыхъ, отъ нихъ же свидѣтельствуетъ въ лѣто 1054, подъ числомъ 6, на Грековъ въ винѣ 3, Бароній. что тогда Греки Римлянъ паки крестили, для того, что крещеніе, дѣйствуемое отъ еретиковъ Римлянъ, они за спасительное и святое не вмѣняли. Сему слѣдуя и Святѣйшій Филаретъ Патріархъ, какъ Римлянъ, такъ и единосогласниковъ ихъ, Уніятъ, законно и правильно крестити повелѣваетъ; о семъ и глаголетъ: «Тѣмже убо азъ, смиренный Филаретъ, Патріархъ Московскій и всея Русіи, съ сыновы моими положихъ и утвердихъ завѣтъ и уставъ грядущимъ по насъ сыновемъ и братіямъ нашимъ, и всѣмъ церковникомъ, сущимъ подъ нами, се, не новое, преданіе введше, но древнее укрѣпляюще, поновихомъ. Того ради да увѣдятъ вси людіе всея Россійскія земли, яко вси еретики различныхъ еретическихъ Вѣръ не имѣютъ права святаго крещенія, еже водою и Духомъ Святымъ. И того ради отъ всѣхъ еретическихъ Вѣръ различныхъ, приходящихъ Православію Христіанскаго закона, подобаетъ совершенно крестити святымъ крещеніемъ, по преданію и содержанію Святыхъ Вселенскихъ Патріархъ, еже утвердиша по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ!» Ибо Уніяты съ Римляны, отъ единаго горчайшаго злобы еретическаго корене, свое неправедное мудрованіе производятъ, и древо, приносящее плоды погибели душевны я (различныхъ ересей), произращаютъ. Отъ него же самохотно и безрасудно вкушаютъ умирающіи вѣчною смертію. Что и дѣйствительно случилось въ царство Царя Греческаго, Михаила Палеолога, когда Римляне, собравши свое воинство, принуждали Православныхъ Христіанъ къ соединенію своему: тогда пришли и на Аѳонскую Гору, гдѣ много монастырей, не восхотѣвшихъ съ ними согласиться, разорили, иноковъ великими мученіями различнымъ смертямъ пре-

дали. Потомъ пришли къ монастырю великому и славному, Ксиропотамскимъ именуемому. Иноки сего монастыря слышали, что съ прочими монастырями Римляне учинили, ослабѣли духомъ, устрашились и не восхотѣли противостати мужески и подвизатися какъ прочіе, но вышли во срѣтеніе ихъ со кресты, приняли ихъ съ любовію и честію, и на Унію (то есть, къ единомысленному съ ними соединенію въ Вѣрѣ и содержанію ихъ догматовъ) согласились, въ церковь съ ними вошли, начали пѣть вкупѣ Литургію. И какъ Діаконъ помянулъ въ ектеніи имя Папы Римскаго, страшное чудо совершилося: сталъ великій шумъ и страшное трясеніе земли, и вдругъ упали всѣ стѣны церковныя и монастырскія, чѣмъ подавило множество народа, какъ иноковъ Греческихъ, такъ и пришедшихъ Римлянъ. Но что сія казнь, не по случаю каковому, а по самому Божію изволенію, воспослѣдовала, то и еще другое удивленія достойное чудо всѣмъ явственно показано было: остались части стѣны и башни, чрезвычайно къ землѣ наклонившіяся, а не разсыпавшіяся, въ воспоминаніе чудеснаго Божія наказанія.

Симъ ясно показуется всякому, каковъ есть полезенъ миръ Грековъ съ Римляны, что страшнымъ показаніемъ отъ самаго Бога засвидѣтельствовано. Такова есть Унія (или соединеніе) съ Римскою Церковію, что многихъ мучительнымъ умерщвленіемъ не согласующихъ ей, жизни лишила. Таково ея мнящееся быти Богу жертвоприношеніе, что многимъ погибель душевную и тѣлесную исходатайствовало.

Взирая на сіе всякъ, истинно любящій Бога и Православную Церковь, не долженъ въ наученія странная и различная прелагатися, но поминати тѣхъ наставниковъ, которые глаголаша намъ слово Божіе, и взирати на скончаніе жительства ихъ, и подражати Вѣрѣ ихъ.

Отъ сего всякъ разумный, а не раздоротворный, усмотрѣти и разумѣти можетъ, что Святѣйшій Филаретъ, Патріархъ Московскій, со освященнымъ Соборомъ, не просто за едино творимое, по гражданской власти, за Папу Римскаго моленіе, не Православными нарицаетъ, и крещенныхъ отъ таковыхъ Поповъ паки

крестити повелѣваетъ, но за присоединеніе къ Папѣ, по исповѣданію Вѣры и прочихъ догматовъ и чиносодержанію единомудренное и единомысленное съ нимъ согласіе, таковыхъ не Православными именуетъ, и крестити отъ таковыхъ, по древлебывшему въ Православнѣй Церкви установленію, повелѣваетъ и утверждаетъ.

Но аще бы за едину токмо по гражданской или свѣтской власти моленіе за Папу, тако не Православными нарицалъ, и за сіе токмо единое крещенія отъ нихъ не пріималъ, но паки крестити крещенныхъ отъ нихъ повелѣвалъ, то явственно показалъ бы себя противниковъ Апостольскому, Пророческому и прочихъ Святыхъ духопросвѣщенныхъ пастырей ученію, повелѣвающихъ молитися, и молившихся, о Царѣхъ и сущихъ на властѣхъ, яко же и Папа по гражданству власть именуется, хотя бы и невѣрны были.

Того ради должно о всякой вещи истинно разсуждать, и не имѣть ни какого притворствія и своемнительнаго мудрованія, которое не приноситъ пользы, но паче вредъ душѣ и тѣлу и погибель вѣчную. Чего ради любитель истины избираетъ разумно видѣть, аще гдѣ правда обитаетъ, а прелесть и непостоянная ложь далече прогоняется, отъ нея же да избавитъ насъ всемилостивѣйшій Господь Богъ своею неизреченною благостію! Аминь.

XV.

ВОЗНИКШЕЕ НОВОЖЕНСТВО ВЪ СОГЛАСІЯХЪ БЕЗБРАЧНЫХЪ СТАРООБРЯДЦЕВЪ. *

СОЧИНЕНІЕ

Андрея Сергѣева.

Умніи уразумѣютъ, каково Новоженство.

Почтеннѣйшій читателю!

Любя вѣрность къ чести и славѣ правильнаго разумѣнія благоволите обратить ваше умное вниманіе на возшедшія слѣсь обстоятельства, которыя хотя въ краткости, но должно ясно сообщить о Новоженствѣ: откуда оно произошло, въ какомъ образѣ какія того дѣйствія, о чемъ знаменованіи, отъ кого, чему, за что удостоепо, какія отличія, сколько тому отъ рожденія годовъ: о матеріяхъ самыхъ знанію достойныхъ, легко можете усмотрѣть въ дѣйствіяхъ здѣсь идущихъ.

О

Новоженствѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

1.

Возникнуть Новоженству способными источниками были самые Старообрядцы, Вѣры (мнимо) Дѣвственной, Согласіевъ Безбрачныхъ по Безпоповщинѣ, Пустынниковъ, Поморянъ, Ѳеодосіевыхъ, Филипповыхъ, Бабушкиныхъ и Аристовыхъ.

2.

Отъ Согласій произошло и умножено поженщинское состояніе, которое, подобно большему наводненію, расплодилось по всѣмъ Губерніямъ въ Россіи.

* Статья, важная какъ для подсудности (юрисдикціи), такъ и для управителе

3.

Многіе сочлены Дѣвственныхъ Вѣръ, будучи въ невозможно-
ти содержать Вѣру выше естественную, дѣвственной честности,
и рѣшились перемѣстить себя къ состоянію естественному, но
ь тѣмъ, однако жь, чтобы принадлежать всегда къ Согласіямъ
ѣвственнымъ.

4.

Выходцы Дѣвственныхъ Вѣръ, усвояя себѣ здравомысліе и
естности народныя, облекшись въ благовидности, и въ публикѣ
ародной обнаружили себя въ супружествѣ.

5.

Но супружество ихъ такое, кромѣ обрядовъ Христіанскихъ,
огласіемъ родительскимъ отвергнутое, и святымъ образомъ не
лагословленное, и въ костелахъ Польскихъ полученное.

6.

Но, впрочемъ же, однако, по такимъ обстоятельствамъ избѣ-
ія безобразія и уважая совѣты почтенныхъ людей, нѣкоторые
зъ нихъ соглашались исполнять обряды Христіанскіе. Но дѣй-
вуютъ у кого родственные, а гдѣ и чужіе, люди, и нѣкоторые
оединялись) согласіемъ и волею родительскою, за благослове-
емъ святымъ образомъ, цѣлованіемъ Евангелія и Креста Хри-
това, въ собраніи родственниковъ и друзей.

7.

Но состояніе и такое у нихъ точію подъ видомъ, лицемѣрно,
истинно, притворно и ложно. По тому паче, что они, подъ
крываломъ благообразности, содержатъ Вѣру бракоборную, от-

министрація), описываетъ дѣйствія и отношенія Везбрачниковъ или мнимыхъ
ѣвственниковъ секты Безпоповской къ Новоженамъ, показывая, что первые
носятся къ послѣднимъ въ духѣ крайней нетерпимости, умыслившей противъ
ихъ разнаго рода, неслыханныя вовсе между Православными, внутреннія пре-
ѣдованія.

трицаютъ продолженіе браковъ таинственныхъ всюду (т. е., Православно-церковныхъ) и свое супружество рузумѣютъ явнымъ блудничествомъ, въ таинствѣ такомъ: Жену свою сознать хозяйкою всегда, законной же назвать, по Вѣрѣ, никогда. Они въ публикѣ женатые, по совѣсти въ безбрачіи, по Вѣрѣ въ блудничествѣ.

8.

Дѣвственныхъ Согласіевъ духовныя особы, видя своихъ таковыхъ сочленовъ, кои явились въ толико чудовищномъ безуміи, что у нихъ одна и та же (супружество, т. е.) вещь (т. е., по супружеству жена) законная и незаконная, честная и безчестная, тьма и свѣтъ, различія въ томъ нѣтъ, но уважая толикія злохитрости растлѣнныхъ умовъ, возложили на нихъ почетное званіе Новоженства.

9.

Новожены слово такое знаменуетъ, чтобы разумѣть ихъ явными блудниками, что отрѣшилися супружества законнаго, чуждыми собранія вѣрныхъ, чуждыми церкви Божіей, чуждыми Святыя Троицы, чуждыми Христа и Святыхъ, чуждыми Богослуженія общаго съ Христіанами, чуждыми Православія, чуждыми благочестія, чуждыми и Христіанскаго званія. Знаменованія такія Новожены носятъ на себѣ съ уваженіемъ!

10.

Новоженству, толико значительному, Дѣвственныхъ Согласіевъ уставы соборные и частные приносятъ знаменитыя отличія, въ числѣ коихъ:

1. Съ Новоженами во одной храминѣ Христіанамъ не жити.
2. Въ домахъ Новоженовъ Христа не славити.
3. У Новоженовъ ни какого Богослуженія Христіанамъ не совершати.
4. Съ Новоженами молитвою и пищею Христіаномъ не сообщатися.
5. Изъ Новоженской посуды Христіанамъ не пити и не ясти.
6. Въ домахъ Новоженскихъ Христіанамъ не стряпати.

7. Новоженкамъ у Христіанъ стряпать запретить.

8. Новоженскихъ дѣтей Христіанамъ не пѣстовать.

9. Дѣтямъ Новоженскимъ по крещеніи стряпать самимъ на себя.

10. Въ чадородіяхъ Новоженскихъ Христіанамъ не пособствовати и повиванію не служити.

11. Дѣтей Новоженскихъ здоровыхъ не крестить.

12. Но крестить точію больныхъ, и со обѣщаніемъ, чтобы отцу съ матерью разлучиться.

13. Новоженскаго младенца по крещеніи отдавать на Христіанскія руки (т. е., въ среду или въ кругъ безбрачниковъ).

14. Новоженскаго младенца, крещеннаго матерью, Новоженкѣ своими грудями не кормить, а поить молокомъ коровьимъ и изъ горшка, а не изъ рожка.

15. Младенца Новоженскаго, по крещеніи умершіаго при погребеніи, не отпѣвать, аще отецъ и мать его не разлучилися.

16. Новоженокъ здоровыхъ кающихся примати съ распутствомъ брака (т. е., по разводѣ).

17. Новоженовъ, сотворшихъ покаяніе, разводити въ разныя деревни.

18. Изъ Новоженской храмины отъ иконъ восковыя свѣчи въ компатѣ Христіанской (т. е., у безбрачниковъ) къ святымъ иконамъ не поставляти.

19. Въ Новоженскихъ покояхъ иконъ и Новоженовъ не кадити. *

* Такими запрещеніями, епитиміями и стѣсненіями преслѣдовались Новожены отъ мнимыхъ Дѣвственниковъ, въ страшной ихъ бракоборной ревности....... И замѣчательна сила этого совокупнаго со стороны Ѳеодосіевцевъ, Филипповцевъ и проч. натиска на несчастныхъ Новоженовъ: первые, можно сказать, съѣли послѣднихъ.

20. Во святую Пасху съ Новоженами не христосоватися.

21. Въ продолженіи погребенія по умершемъ Христіанинѣ, Новоженамъ стояти позади всѣхъ, съ Христіанами не молитися и не креститися. И лѣстовки въ рукахъ не держати. Свѣщей возженныхъ восковыхъ Новоженамъ въ рукахъ не имѣти, ко св. иконѣ Новоженамъ не прикладыватися, съ Христіаниномъ умершимъ Новоженамъ по Христіански не прощатися.

22. Христіанина умершаго Новоженамъ запретить до могилы носить.

23. Ко иконамъ, Новоженами писаннымъ, Христіанамъ не молиться.

24. Въ домахъ Новоженскихъ, и къ древнимъ иконамъ, Христіанамъ не поклонятися.

25. Отъ браковъ Новоженскихъ въ семействахъ родство тѣлесное числити токмо по обычаю народному и для полученія имѣнія наслѣдственнаго.

26. Въ семействахъ Новоженскихъ, отъ дѣтей незаконно рожденныхъ произшедшихъ, родства тѣлеснаго по всѣмъ степенямъ не признавать, а почитать ихъ между собою всѣхъ чадами.

27. Различности очевидныя, Новоженамъ присвоенныя по духу Вѣры, образа мыслей и дѣйствій Новоженческихъ (¹).

29. Христіанамъ съ Новоженками въ одной банѣ и шайкѣ не мыться.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Новоженство, отверженное своею хитростію, укрываетъ и охраняетъ незаконное свое супружество отъ упрековъ народныхъ, кои за беззаконіе обличаютъ публично. Новожены постыдное свое сопряженіе заботятся украшать честнымъ порядкомъ, подобно нѣкоего кумира съ духомъ лукавымъ поставити въ храмѣ мрамор-

номъ для украшенія. Новожены, поправъ свою совѣсть, и Вѣру, и благонравіе, не устыдилися обманывать начальство и лукавить предъ Правительствомъ, что, утаивъ свое незаконное Новоженство, называли себя законными и платили пошлину, Указами повелѣнную, за совершеніе браковъ не у церквей. Но собирать съ Новоженовъ не предписано; ибо въ Новоженствѣ законы брака не совершаются, и Указы къ беззаконію Новоженскому не относятся. По тому Новожены не подлежатъ такому платежу; они, заплативъ пошлину, и незаконное свое сочетаніе и дѣтей своихъ незаконнорожденныхъ вводили подъ покрывало законности. И успѣхами такими воспользуясь, торжественно ликовали и пѣсни Езоповы воспѣвали: «И мы яблоки, яблоки, и мы яблоки, яблоки!»

Новожены, разными происками, свое постыдное супружество и дѣтей незаконнорожденныхъ успѣвали соединять къ честнымъ семействамъ. Изобразивъ же хамелеона, коего разноцвѣтностію себя украшали и украшаютъ, отъ перваго Указа Высочайшаго съ 1718 по 1775 въ дѣйствіи 57 лѣтъ. Отъ сего же времени, по уничтоженіи кончины, по 1846 годъ продолжаютъ 71 годъ; до прежде Указовъ въ размноженіи Новоженства 33 года; всего же времени Новоженства отъ рожденія 161 годъ.

XVI.

ИЗВѢСТІЕ О НОВОЖЕНАХЪ.

сочиненіе

Андрея Сергѣева.

Безпоповцы Филипповскаго и Ѳеодосіевскаго Толка научаютъ препровождати время свое въ безженномъ пребываніи, имѣюще извѣтъ, яко нѣсть нынѣ единосогласнаго имъ Священства, и глаголютъ: «Лучше впасти въ каковый грѣхъ, ради утоленія естественныя страсти, нежели безъ согласнаго священнодѣйствителя вступить

въ законное супружество.» Изъ нихъ же нѣкоторые боятся отъ таковыхъ тайно творимыхъ дѣяній, бываемыхъ злосчастій, гдѣ прилучается лишеніе не токмо всего имѣнія, но и самыя жизни. И хотя такожде разсуждаютъ, что, безъ согласнаго имъ Священника, вступити въ законное супружество, глаголютъ, не возможно, однако изобрѣли себѣ новую и отъ начала вѣка въ концѣхъ всея вселенныя во всѣхъ языкахъ никогда же слышимую женитьбу. Отъ коего дѣйствія и наименованіе новое притяжали себѣ нарицатися «Новожены.» Есть бо ихъ (Новоженовъ) состояніе сицевое: когда кто, яко человѣкъ, не возможетъ плотскимъ возмущеніямъ противостати, и восхощетъ прилѣпитися въ ихъ общество, то ищетъ себѣ друговъ подобонравныхъ, и такъ прилѣпляется единомысленнѣй дружинѣ, ищетъ случая, гдѣ бы обрѣсти согласную по своему намѣренію жену, или дѣвицу, съ нею же воспріяти сожитіе. И егда, или чрезъ каковыхъ единонравныхъ ходатаевъ гдѣ обрящетъ, или чрезъ лицезрительное разглагольствіе согласіе возъимѣетъ, или чрезъ написаніе другъ другу намѣренія своя явятъ, тогда и желаніе свое въ конечное дѣйствіе приведутъ.

Имѣютъ же оныи Новожены своему сопряженію соразличныя виды: овіи тайно пришедшіе восхищаютъ отъ родителей дѣвицъ и во своя жилища отводятъ, творятъ же сіе по предсогласному условію и совѣту. Овіи же дѣвицы, восхитивше имѣніе своихъ родителей, тайно къ рачителю своему убѣгаютъ. Иніи же и вѣдущимъ родителемъ ихъ, но яко не знати притворяющимся, и молчанія на уста своя налагающимъ, въ начинаніи таковаго дѣянія послабляютъ. Егда же совокупятся чада ихъ, тогда по малѣ времени, едини о дщери, аки о мертвой, плачутъ, друзіи же аки о впадшемъ въ тяжкій грѣхъ, и великое беззаконіе сотворившемъ сынѣ, притворное рыданіе составляютъ; потомъ обоихъ родители сошедшеся, аки сѣтующе, нѣкій часъ пребываютъ, и по семъ о награжденіи дщери глаголати начинаютъ, и тако окончавши своя совѣты, расходятся во свояси. Иніи же родители совѣтуютъ со сыномъ и дщерію о сопряженіи таковомъ, и когда совѣтъ свой утвердятъ, тогда единъ сынъ идетъ въ домъ той, гдѣ нареченную себѣ любовницу видѣти желаетъ, но родители, страха ради да не будутъ отъ общества за сіе отлучени, не приходятъ. Такъ и въ дому томъ, гдѣ оная любовница жительствуетъ, родители

ея къ таковому дѣйствію, чтобы показати тому свою дщерь, не приступаютъ, но сродницѣ каковой, или пріятельницѣ, оное дѣяніе производити ввѣряютъ. Овіи же родители какъ сыну своему ищутъ таковыя согласницы, такъ и о дщери пекутся, дабы обрѣсти ей любовника, и соглашаются между собою о награжденіи или приданомъ, и приходятъ въ домъ родителей, аще суть, или сродниковъ дѣвицы, не таковымъ образомъ, какъ законнобрачущіися творятъ, смотритя невѣсты сыну своему, но не тако Новоженьи, не тако. Приходятъ бо аще и дѣвицу зрѣти, но притворяются, яко что продати, или купити, или каковыхъ въ домѣ имѣющихся вещей видѣти. И тако усмотряютъ дѣвицу, и совѣтуютъ овіи съ сыномъ, овіи же со дщерью, аще видятся угодни другъ другу. И какъ соизволеніе ихъ узнаютъ, и согласіе возъимѣютъ, тогда родители изъ храмины тоя вонъ исходятъ, оставляя дѣтей своихъ съ нѣкіими чуждими предначати ихъ будущаго сожитія любовническое дѣйствіе и, смотря изъ тоя храмины, сосслаждаются, зряще ихъ дѣянія. Овіи же, по усмотрѣніи любовницы и пó учиненіи согласія, отходятъ съ сыномъ въ домъ свой, и потомъ обоихъ родители пріуготовленія творятъ, едини ради приведенія сыну своему рачительницы, пищу изобильну, и питія многоразлична уготовляютъ, друзіи же, какъ дати дщерь свою любовнику, да лучши красота ея съ прелестьми явится, различными одеждами украшаютъ. Егда же приспѣетъ нареченный день таковаго сопряженія, тогда юноша и дѣвица не требуютъ по обычаю Христіанскому, по подобію сочетавающихся законнымъ бракомъ, отъ родителей благословенія, но какъ незнаеми и чужди ходятъ, пріуготовляющеся къ совершенію предначатаго дѣйствія. Тако и родители будто странни являются, и яко не сопричастни таковаго ихъ дѣянія показуются. И хотя совѣтъ каковый и творятъ, но благословенія сыну по обычаю законнобрачившихся не подаютъ. И тако сынъ, не получивъ благословенія, посылаетъ, да возмется его любовница изъ дому ея родителей, и ожидаетъ оную, гдѣ надѣются сожитію своему, да не будетъ отъ народа зазрѣнія, нѣкую твердость получити. Тако и дѣвица, украсившися свѣтлыми одеждами, къ присланнымъ отъ любовника, такожде не получивши благословенія отъ родителей, исходитъ и въ нареченное мѣсто къ рачителю своему является, откуду, по подобію законнобрачившихся, въ домъ возвращаются. И какъ родители

увидятъ сына своего, приближающагося съ любовницею его къ дому, то немедленно или въ иную храмину входятъ, или на улицу исходятъ, и въ чуждый домъ переходятъ, ожидающе времени, дондеже сынъ ихъ введетъ въ домъ нареченную себѣ, по народному именованію, жену, по ихъ же залогу и намѣренію блудницу. Другіе же хотя и во единомъ дому, но въ иную храмину входятъ и тайно на входящихъ сына и приводимую имъ любовницу смотрятъ, и прилежно взираютъ не на лице токмо, но и одежды стройность, и ступаніе ногъ усматриваютъ и симъ веселящеся услаждаются. Таже по малѣ отъ затвора своего исходятъ, и прилучившихся гостей любезно привѣтствуютъ. На сына же и приведенную, мимо ходяще, аки на незнаемыхъ, и не взираютъ. Но потомъ во второй, или третій, день, аки законную сына своего жену, снохою и невѣсткою называютъ. Овіи же лицемѣрящеся и да не познани будутъ отъ несогласныхъ, творятъ, по подобію законнобрачившихся, вмѣсто своихъ родителей, чуждыхъ нѣкихъ призываютъ, и отъ тѣхъ, яко требующе благословенія, къ рачительницѣ своей отходятъ. И егда приведутъ любовницу въ домъ свой, то отъ тѣхъ своихъ благословителей, яко истинніи супружницы со святою иконою и прочимъ, къ тому принадлежащимъ, срѣтаеми бываютъ, и какъ отъ невѣдущихъ залога ихъ, вопрошаются: чего ради сами родители во время сіе не быша, но чуждимъ срадоватися мѣсто сіе даша? На сія ложная отвѣтословія вымышляютъ, и неудобства и препятія нѣкая предлагаютъ. Нѣцыи же родители, да не приведутъ по гражданству въ стыдъ чадъ своихъ, и сами таковой видимой блудотворной радости пріобщаются, ови подаяніемъ благословенія при отхожденіи къ любовницѣ, ови при введеніи въ домъ срѣтеніемъ со святою иконою и прочими радостовидными дѣяніи. Но за сіе, яко весьма тяжкое, преступленіе, что чадомъ своимъ соизволеніе на явное блудное смѣшеніе подали, приходятъ къ Настоятелемъ, приносятъ покаяніе и требуютъ прощенія. Настоятели же, разсмотряюще качество человѣка, даютъ епитимію въ наказаніе, и бываютъ отлучни общія молитвы и купнояденія. Когда же оная любовница сына ихъ родитъ младенца, тогда, яко осквернившіися отъ единодомовнаго ихъ спребыванія, паки въ общемоленіе до четыредесяти дней и вящше, приходити возбраняются. Младенцы же аще (по многомъ прошеніи, ибо по уставу ихъ старшихъ не велѣно у тако-

выхъ крестити, развѣ страха ради смертнаго) и сподобляются крещенія, но питати (кормить грудью) матери ихъ не повелѣваютъ, скотскимъ же млекомъ напаяти не запрещаютъ; понеже скоты не согрѣшаютъ тако, яко же Новожены, того ради и лучше матерей вмѣняются. Что же творятъ родители оныхъ Новоженъ? Сына своего любовницу, яко законносопряженную ему жену, снохою и невѣсткою парицаютъ, и рожденныхъ отъ нихъ дѣтей, яко законныхъ своихъ внучатъ, вмѣняютъ, о пищи и утѣшеніи ихъ пекутся, на рукахъ своихъ носятъ, всякими привѣтствы ласкаютъ, цѣлуютъ, и тѣмъ увеселяются. Когда же онъ, яко младенецъ немощію объятъ будетъ, тогда съ рождшими ихъ сѣтуютъ, скорбятъ, сожалѣютъ и о здравіи его пекутся, и не токмо сихъ блудорожденныхъ незлобивыхъ младенцевъ любятъ, но и самаго блудодѣятеля, отца ихъ, а своего сына и его любовницу, родители изъ дому своего не отгоняютъ. Но и Настоятели, егда призываемы бываютъ праздества совершати, тогда безъ всякаго отрицанія приходятъ и торжественно церковную службу воспѣваютъ. Приносимыя же свѣщи, и масло, и ѳиміамъ, отъ держащихъ сыновнюю блудницу въ дому своемъ родителей, Настоятели не отметаютъ, но токмо сына и его любовницу молитися купно съ собою не попущаютъ, въ притворѣ же нѣгдѣ стояти и слушати пѣнія и чтенія не возбраняютъ, но токмо ихъ тѣмъ гждше скотовъ вмѣняютъ, яко скоты безсловесные случается каждения ѳиміамнаго сподобляются, яко же кони, въ память святыхъ мучениковъ Флора и Лавра, кропленія святыя воды достоиваются, но Новожены, яко во истину сущіи всѣмъ явніи знаеміи блудники, того лишаются. Иніи же Новожены, не имѣющіе родителей и хотяще празднество каковое торжествовати, тогда сродника каковаго нищаго въ дому имѣти тщатся, или своего служителя, иніи же имуще дѣтей малыхъ, и ни каковаго имѣнія своего не имѣющихъ, призываютъ Настоятелей праздничное составити торжество. Настоятели же и прочіе праздолюбцы, егда услышатъ званіе, идутъ неотложно и, по совершеніи молитвословія, поздравляютъ не сроднику нищему, ниже служителю господина дому, ниже малымъ дѣтямъ, но самому господину дому, блудника наименованіе носящему, и его рачительницѣ, господствующей въ дому, яко женѣ законнѣй.

Такожде и егда по молитвѣ представлена будетъ трапеза, исполнена брашенъ, по окончаніи оныя, паки тому же господину благодареніе приносятъ. Святыхъ же и богопросвѣщенныхъ святыя Церкви истинныхъ пастырей правильная установленія и опредѣленія, которыя, какъ отъ самыхъ блудниковъ, такъ и отъ держащихъ оныя, то есть, родителей, или господій, приносимая приношенія въ церковь, равнѣ отметаютъ и пріимати не повелѣваютъ, донелѣ же блудодѣющіи отъ своего блудодѣянія, родителіе же отъ потаковства, престанутъ, и тако удобрившеся истиннымъ покаяніемъ, и сами и приносимая отъ нихъ пріяти будутъ. Сія нынѣ мнози честніи Настоятели, яко не знающе и не видяще, мимо протекаютъ, и прежнихъ своихъ отцевъ и учителей, аки вторая содержащихъ по Апостолѣхъ, установленія отлагаютъ. Что же къ сему оныхъ Настоятелей и прочихъ празднолюбцевъ, праз нующихъ въ домѣхъ Новоженческихъ и ядущихъ трапезы их приводитъ, недоумѣтися подобаетъ. Но развѣ сіе, о чемъ един аще и не Россійскій, но славный, Архипастырь со удивленіем тако изрече: «О глубокаго срама! О злаго имѣнія! О горькаго сре бролюбія! О ненасыщеннаго брюха! Не отъ сихъ ли соблазн хуленія, укоризны, свары, мятежи и прочая злая прозябаютъ Вси же оніи, именуеміи Новожены, аще и разнообразнѣ соче ваются, но сопряженницъ своихъ единомысленно законными ж нами наименуютъ, но многіе истинными блудницами, яко же суть, нарицаютъ. Другіе же блудницами и наложницами наз вать стыдятся, законными же супружницами именовать боятся, и домостроительницами, попечительницами, госпожами и хозяйка въ дому, а иные прибылыми товарками и стряпухами оныхъ и нуютъ. И любя ихъ, какъ Иродъ Иродіаду, а въ гражданствѣ н зывая женою, на имя ихъ домы, лавки, заводы и фабрики к купаютъ, и прочее имѣніе подписываютъ имъ и утверждаютъ. какъ стыда ради предъ честными гражданы и въ Присутств ныхъ Мѣстахъ женами называютъ, такожде и дѣтей (по ихъ с мыхъ сущему исповѣданію) незаконнорожденныхъ, наслѣдник своего имѣнія, въ противность церковнаго и гражданскаго ус новленія, устрояютъ. Провождаютъ же оніи Новожены жизнь св не такъ, какъ прочія ихъ общества, не связавшіися таковы узами, и отъ общемоленія и купноядѣнія не отлученныя, но к уже явно отторженные отъ сообщества молитвы и трапезы,

отчаявшіеся о своемъ спасеніи, многіе ни каковаго радѣнія о снисканіи душевныя пользы не имѣютъ. Съ Инославными обществуютъ, ядятъ вкупѣ и піютъ, постовъ уставленныхъ не хранятъ, но какъ въ престрашнѣйшую глубину золъ вшедше, увязаютъ въ тинѣ самовольствія. И яко же сами пребываютъ, тако и дѣтемъ своимъ не внушаютъ истиннаго разсужденія. И возрастшимъ сыномъ женъ вводятъ, и дщерей своихъ мужемъ даютъ, съ таковымъ же, не законнаго бракосочетанія, но беззаконнаго (какъ и сами) сожитія, залогомъ; законнобрачившихся же, по ученію своихъ старѣйшинъ, отвращающеся, ненавидятъ, поносятъ и единокупнаго молитвословія и единотрапезнаго вкушенія отбѣгаютъ. Во время же нѣкіихъ приключившихся болѣзней когда, какъ человѣки, въ содѣянныхъ грѣхахъ восхотятъ принести покаяніе, тогда духовные отцы таковымъ болящимъ предлагаютъ, если дадутъ такое обѣщаніе, чтобы оставить по народному именованію женъ, по залогу же и исповѣданію сущихъ блудницъ, тогда въ общеніе съ прочими, не вступившими въ Новоженство, пріяти будутъ. Аще ли умрутъ, то какъ уклонившіеся отъ зла, и восотѣвшіи творити благая, поминовенія сподоблени будутъ. Слышавше же сія болящіе и убоявшеся смерти, давше таковое обѣщаніе, отъ жизни сея отходятъ. Что же творится во время одержащія болѣзни и въ самый часъ разлученія души отъ тѣла? Предстоитъ любовница у одра своего рачителя, и при самыхъ Настоятелехъ сѣтовательная составляетъ вопли, кричитъ неутѣшно, припадаетъ къ персемъ больнаго, цѣлуетъ уста, лобзаетъ руцѣ и, къ себѣ жалостно прижавши, испускаетъ великія слезы, сильно проситъ, да при послѣднемъ издыханіи (аще прежде не строено) распредѣлитъ имѣніе, коликое число чего ради употребити. Здѣ ниже отъ Настоятелей, ниже отъ прочихъ, мнящихъ быти вѣдателей Писанія, ему возбраненіе бываетъ. И когда ходящему отъ жизни долженствуетъ прилежно каятися о прелести, ею же содержимъ былъ, но здѣ предъ очесы его представляется и въ сердцѣ попеченіе о той влагается, и жалостію ѣдаемъ, слезами о разлученіи съ своею любовницею лице свое омываетъ: аще бо и на одрѣ смертнѣмъ лежа, но возводитъ на ую очи, жалостное вѣщаніе испущаетъ и своей именуемой блудницѣ, которую предъ малымъ, или въ самое то время, во исповѣданіи предъ духовнымъ отцемъ, тако нарицати не усомнися,

отъ нея же отлучитися обѣщаніе даде предъ Богомъ, оной о имѣніи я поминовеніи души своея завѣщеваетъ. Сущія же сродницы, яко не имѣющіе участія въ имѣніи того, къ тому не опредѣляются. Егда же оный умретъ, тогда оставшаяся, подъ видомъ жены, оная любовница, безъ всякаго зазрѣнія, такожде при присутствіи самихъ Настоятелей и прочихъ, о разлученіи своего любовника зѣльно плачетъ и нелѣпыя кричанія гласы испускаетъ, другомъ, защитникомъ, надеждою и питателемъ своимъ нарицаетъ, и незаконнорожденныхъ (по самому жь ихъ исповѣданію) чадъ сиротами и беззаступными именуетъ, и такъ какъ законная жена въ наслѣдіе, послѣ своего любимца, вступаетъ, и не токмо сама, но и прочіе къ тому спомоществующими ей бываютъ. Иногда же и сами Настоятели ближнихъ своихъ попечителями о тѣхъ устрояютъ. Аще ли прежде умретъ любовница, тогда сожительствующій ея такожде великія плачи составляетъ, и яко о законной супругѣ поминовеніе творитъ, и надъ гробомъ на камняхъ съ наименованіемъ супруги или сожительницы таковаго надписываютъ. А иные завѣщаваютъ, да положатся и тѣлеса ихъ неразлучно. Аще ли же останутся у таковыхъ Новоженовъ родители, тогда, по смерти сына, оставшую любовницу, яко законную снову, къ себѣ присвояютъ; и чадъ ихъ, аще младолѣтны, подобно законнорожденнымъ внучатамъ, воспитываютъ. Аще ли самимъ имъ прежде сына своего, а ихъ отца, скончаніе жизни пріидетъ, то не токмо сицевыхъ живыхъ незаконнорожденныхъ, но еще и въ чаяніи родитися имущихъ, именуемыхъ внучатъ, святыми иконами благословляютъ, и наслѣдниками (въ противность закону) своего имѣнія устрояютъ. И таковыхъ рожденныхъ такожде (не ихъ залогу) къ блудодѣйственной жизни предопредѣляютъ, а особливо ради дѣвицъ и о приготовленіи приданаго попеченіе имѣютъ. Друзія же Новожены въ приключившихся болѣзнехъ, видя своя юностная лѣта и невоздержное плоти стремленіе, и яко да не отторжени будутъ отъ своихъ любовницъ, убоялися дати таковое, яко же предъявися, обѣщаніе, и тако косою смерти, яко не зрѣлы класы, посѣчени быша и въ иную жизнь не извѣстно же, въ кая мѣста, преселилися, однако сіе вѣстно, яко отъ своихъ бывшихъ пастырей поминовенія не сподобляются. Инии же и давше въ болѣзни своей обѣщаніе, чтобы разрѣшитися съ своими любовницами, но какъ здравіе получили

гражданства ради съ ними единодомовнѣ пребываніе возъимѣли, тако по первой другъ другу прилѣпительности, разрушивши обѣщаніе, аки огнь съ сѣномъ соединившеся и первою узою плоти связавшеся, препровождають дни своя, яко и первѣе, и отъ Настоятелей нѣкогда аще и зазираются, обаче отъ общемоленія не отлучаются, развѣ плодъ ихъ обличникомъ явится, тогда паки они отриновени бываютъ. Друзіи же по своему обѣщанію, сія исполнивше, да пріяти будутъ въ общество, и молитися и единотрапезнаго вкушенія пріобщатися, съ своими любовницами расторглися, и уединенное кромѣ другъ друга житіе провождати изволили. Но пѣцыи отъ таковыхъ, чтобы не впасти во уныніе, а къ тому и ради пріуготовленія пищи, наемницъ себѣ стяжали. Такожде и любовницы ихъ, не могуще чимъ питатися, къ инымъ ю услуженіе себе предаша. И хотя случалося таковымъ отъ единодомовнаго пребыванія и бременоношеніемъ отягчитися, и чадородію тайному быти, но уже не претерпѣваютъ труда, чтобы отъ общемоленія и единотрапезнаго вкушенія отлученнымъ быти. Рожденни же младенцы родителемъ ихъ токмо извѣстно гдѣ сохраняются, и тако необличительни въ вѣцѣ семъ родителемъ своимъ бываютъ. Таковыми и прочими дѣяніи (не осуждая, глаголю) изобилующе славное Новоженство, отъ многихъ слабоумныхъ, или любострастныхъ, человѣковъ похвалено есть и почтено.

XVII.

ПОКАЗАНІЕ

ЯКО ВОЗДЕРЖНОСТІЮ СВОЕЮ ѲЕОДОСІЕВО СОГЛАСІЕ И ПОДОБНІИ ИМЪ ДРЕВНИХЪ ЕРЕТИКОВЪ МНОГІЯ ЕРЕСИ ОБНОВИША.

Братства нашего нѣціи мужіе, а наипаче престарѣлыя жены, Ѳеодосіево Согласіе воздержности зряще, удивляются, сирѣчь, видяще ихъ отъ мясъ воздержаніе, видяще отъ винопитія воздержаніе, видяще отъ сообщенія Внѣшнихъ воздержаніе, видяще отъ браковѣнчанія тѣхъ воздержаніе, видяще подобно же и отъ

сосудовъ и отъ брашенъ и снѣдей торжищныхъ, ихъ воздерживаніе, соблазняются на оныя, а похваляютъ тѣхъ крѣпость, а тая воздержанія неразсудно вмѣняюще, за воздержности ихъ, самыхъ сыновъ Церкве святыя и непорочныхъ блюстителей тая преданій хулятъ и въ Согласіи оныхъ надѣются совершенному спасенію. Но мы правильно о томъ соблазнѣ разсмотривше, познахомъ братія нашея соблазнъ дѣтскаго нѣкоего неразумія преполнъ; ибо дѣти младенческими слабыми умы, зряще блещаемыя имъ вещи, неразсудно къ тѣмъ руцѣ простираютъ, мняще утѣху свою въ тѣхъ, дондеже отъ прикосновенія почувствующе вредное, и абіе на слезы обращаются, то наша братія страждутъ, о чемъ Павелъ Апостолъ увѣщеваетъ, таковая глаголя (Коринѳ. зач. 156): «Братіе, не дѣти бывайте умы, но злобою младенствуйте, умы же совершенни бывайте,» и на иномъ мѣстѣ пишетъ (Евреомъ зач. 312): «Всякъ бо причащаяйся млека, неискусенъ слова правды, младенецъ бо есть; совершенныхъ же есть твердая пища, имущихъ чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла.» И во иномъ (Ефес. зач. 228) каже: «Блюдите убо, како опасно ходите, не яко же не мудри, но яко же премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, по разумѣвайте, что есть воля Божія.» Отъ сихъ Павловыхъ словесъ, азъ вину пріемъ, поносителю ... своему братству глаголю: Зазирая ихъ лѣность и нерадѣніе, како въ толикихъ раздорахъ, въ толико ложнѣ умноженныхъ церквахъ, въ толикихъ соблазнахъ, неопасно, небоязненно, неснискательно разума священныхъ преданій пребываютъ; како не готовятъ слово благодатно разуму вѣдати коемуждо, како любовно о своемъ пованіи отвѣщати, и всѣмъ указати стадо сущее превышняго пастыря душамъ, и отлучено явити отъ прочихъ оно словомъ, и подкрѣпити пасти хотящія сердца, но вси просто сіяютъ безпечально, аки уже въ самое небо достигше, не тщатся о взысканіи истиннаго разума, въ немъ же вся благая и дивная Церкве растетъ, тѣмъ же и многимъ невѣжествомъ одержими пребывающе, едино точію созираютъ, аще кое согласіе внѣшнее воздержаніе имать, то и сущая Христова Церковь. Младенческая се неразумія, зане не вѣдятъ, что и еретицы древле бывшія много бяху высокаго житія, яковыми быша: Воздержницы, Вретищницы, Монтане, Тертулліане, Донатіане, Духоборцы, Естаѳіане

Богомилы, и прочіи еретицы, яко высокаго ради житія их, нѣцыи отъ нихъ и по водамъ ходяху немокренно, и во огни бяху не опаляеми, больнымъ отъ прикосновенія здравіе подаваху, мертвыхъ воскрешаху молитвами, о чесомъ изволяяй да чтетъ во обоихъ книгахъ Никона Черногорскаго и въ Бароніи. Истинная бо Соборная и Апостольская Церковь та есть, которыя люди вся преданія Апостольская и Соборная цѣла соблюдаютъ; * кромѣ же сего нѣсть Церковь истинная Христова, но раздорная и еретическая, яко же и видимъ.

Ѳеодосіево же Согласіе и подобніи имъ людіе великаго воздержанія, но въ томъ ихъ самомъ воздержаніи многія ереси древнихъ еретиковъ оживлени суть, яко же сими показаніи явимъ вамъ.

Показаніе 1-е. Оживленіе ереси Галилейскія.

Во дни Христовы бяше сія ересь Галилейская (Бароній лѣта 1-го), ея же вожди быша Іуда и Садокъ, раздорники Жидовскіе, и многіе народы къ себѣ обратиша, смятенія на власти творяще, дани не хотяху даяти, ниже въ приношеніи жертвъ о Римскихъ Царехъ мольбы творити. Увѣдено же бысть то Кесарю Римскому, посла на нихъ Пилата съ воинствомъ, и изби ихъ во время жертвъ, о ихъ же избіеніи возвѣщено бысть Христу (Луки зач. 70: «И отвѣщавъ имъ, рече: мнители ли, яко Галилеяне сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ Галилеянъ бяху, яко тако пострадаша; ни, глаголю вамъ, но аще не покаятеся, вси такожде погибнете.» Здѣ отъ Христа не вмѣнена быша сіи избіенніи за мучениковъ Божіихъ, но за погибшихъ: «тако же и вы погибнете.» Но ересь сія Галилейская и по смерти Іудиной пребысть.

Іерусалимская же Церковь за Кесарей невѣрныхъ въ жертвоприношеніяхъ мольбы творяще; свидѣтельствуетъ сіе дѣло посла-

* Та, которой основаніе и глава Христосъ, а не Ѳеодосій, или Филиппъ; та, которая пріемлетъ освященіе отъ Духа Святаго, чрезъ священнодѣйствія Таинствъ, и управляется законно поставленными пастырями Церкви, а не чуждымъ святыни духомъ водится, хотя бы и прикрывался онъ писаніемъ Апостольскимъ и Святоотеческимъ.

ніе Іеремія Пророка въ Вавилонъ, къ плѣненнымъ Іудеомъ, въ немъ же писа, да молятъ Бога за Навуходоносора Царя (Четь-Минея 1-го Мая); писа же и Варухъ Пророкъ (Варуха глава 1-я) къ сущимъ: «Серебро собравше, послаша во Іерусалимъ, да купятъ потребная въ жертву, и да молятъ Бога за Царя Вавилонскаго и за сына его, да будутъ дніе ихъ, яко дніе неба.» 2-й книги Ездры глава 6: «Повнегда же Израильтяномъ изъ Вавилона во Іерусалимъ свободитися, уставлено бысть Перскимъ Царемъ отъ даней на жертву Господню во всяко лѣто, елико потребуютъ, да приносятъ Богу Вышнему за Царя и за рабы его, и молятъ Бога за животъ ихъ.» Но оніи Іудейстіи раздорницы ереси Галилейскія вопреки сташа Пророкомъ онымъ и Церкви Іерусалимской, не моляху Бога за Царя и рабовъ ихъ, тѣмъ же и погибоша.

Въ новой благодати, во истинной Церкви, тожде обыкновеніе древнее о богомоліи за властей творяшеся, о чесомъ Павелъ Апостолъ не просто, но аки о великой вещи, всѣхъ вѣрныхъ на то принуждая, проситъ, глаголя: (2 къ Тимоѳ. глава 2, зач. 282): «Молю убо вы прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, за Царя и за всѣхъ же, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ» и проч. Книга: «Завѣщаніе Святыхъ Апостолъ» (книга 8, глава 10). На сія на Павлова слова Святый Златоустъ глаголетъ: «Въ самое то безкровныя жертвы приношеніе за невѣрныхъ Бога молити» (зри о семъ въ бесѣдѣ 2 на послан. къ Тимоѳею). И паки: «Да не мятется Христіанинъ, что же на время Таинъ поминается Царь многащи, и невѣрный суще, являетъ намъ, пріобрѣтеніе сихъ спасеніе.» Послѣдовательнѣ же Апостольскому повелѣнію сему, (Апост. толк. зач. 281) неотложно Восточная Церковь молитвы за невѣрные Цари и рабы ихъ творяше. Свидѣтельствуетъ се Аѳинагоръ, философъ Христіанскій, яко писа ко Аврелію Кесарю Римскому, и сыну его (Барон. лѣто Господне 174): «Мы за державу всегда Бога молимъ, дабы и сынъ отеческое царство воспріялъ отъ Него, всегда умоляемъ; дабы вамъ все благополучно успѣвало, то и намъ полезно есть, да мирно житіе имамы и вамъ доброхотно по повелѣнію служимъ.» Сей философъ объявилъ, яко святая Церковь усердныя молитвы о властѣхъ творяше и творитъ.

Едины сіи новыя Галилеяне, ревнующе ереси древнихъ Галилеянъ, молитвъ си не творятъ, противницы суще Апостольскому повелѣнію и обычаю Всточныя Церкви.

Показаніе 2. Обновленіе ереси Донатскія, Новотіанскія и прочихъ.

Еретики Новотіаны, а наипаче Донатіаны, веліе о себѣ мечтающе, мняхуся быти святымн и блюстительми заповѣдей Христовыхъ, преданій Апостольскихъ, милостивы быша, страннолюбивы, обидимыхъ заступатели, скудныхъ награждатели и смерти не боящеся, и, во знакъ святыни своея, бѣлыя носяще одѣянія, истинныя же Церкве пастырей и собранія Христіанскаго ненавидяще, и аки скверныхъ и грѣшныхъ гнушающеся, и бѣгающе Правовѣрныхъ собесѣдованія, нечестивыми ихъ нарицающе и глаголюще: яко грѣховъ ради Христіанскихъ, во всемъ мірѣ паде Церковь Христова, точію въ нихъ единѣхъ остася; святыя же Церкви пастыріе и учители показоваху имъ, яко грѣховъ ради человѣческихъ не можно Церкви пасти.

Древнихъ еретиковъ обновися сія ересь въ согласіи Θеодосіевомъ и прочихъ, не разумѣющихъ, что ересь и что грѣхъ, о чемъ умалчивати и о чемъ обличати годствуетъ, въ чемъ долготерпѣти и въ чемъ ревностно поступати спасенно бываетъ, не разсуждающихъ, но заравно пріемлющихъ грѣхъ и ересь. Тѣмъ же тако вси вящшіи испытатели грѣховъ человѣческихъ бываютъ глаголюще: «Сей-то согрѣшаетъ!» а другій оно, и бредятъ, какъ и Донаты оніи, яко тако согрѣшающихъ нѣсть Церковь Христова, и не достоитъ съ ними ясти, ни пити, ни молитися; сея ради причины, не токмо оныхъ еретиковъ подражатели, но и противники Христу являются; ибо Христосъ, человѣколюбія ради своего, до смерти дарова покаяніе человѣческому роду. Того ради Петру, верховному ученику своему, глагола (Луки зач. 84, Матθ. зач. 20): «Аще кто и семдесятъ седмерицею согрѣшитъ, но кается, прощати подобаетъ.» А наипаче простому народу запрети Христосъ грѣхи братніе судити. Павелъ бо Апостолъ тако о семъ къ Римляномъ пишетъ (Римл. зач. 114): «Не къ тому убо другъ друга осуждаемъ.» Той же (1 Кор. зач. 134). Аще нѣкій братъ

именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идослужитель, или досадитель, или піяница, или хищникъ, съ таковымъ ниже ясти.» Сіе глаголетъ пользы ради согрѣшающаго, а не ядущихъ ради оскверненія; не положи бо намъ Богъ очи отверзати на грѣхи братнія и судитися, или тѣхъ ради во своемъ спасеніи сомнѣватися и отдѣлятися грѣшныхъ, яко и еретицы, но врачевати болящія и разслабленныя грѣхми, и долготерпѣти брату во грѣхахъ, подражающе долготерпѣливаго Владыку, ждущаго грѣшныхъ раскаянія и обращенія; сего бо ради не пріиде праведныя призывати, но грѣшныя къ покаянію. Ты, о человѣче, что болѣзнуеши, что снѣдаешися скорбію, что сомнѣваешися, что тя отъ собранія отгоняетъ, святилниче? «Братъ согрѣшаетъ, и боюся, да и азъ, со грѣшными пребывая, не погибну.» О слѣпоты! О невѣжества крайняго! Давидъ къ Богу глаголетъ (Псаломъ 129): «Аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ?» Не вси ли предъ Богомъ тьмою талантъ грѣховъ должны есьмы? (Мате. зач. 74). Братняя же грѣхи предъ нами, аки сто пенязь долженствуютъ; обаче Богъ, безгрѣшенъ сый, тьму талантъ грѣховъ прощаетъ, ты же сто пенязь грѣховъ немилостивно тако истязуешь, а своя грѣхи имаши; аще бы ты явѣ преклоненъ былъ во грѣхъ, обаче и тогда просяща и увѣщающа тя послушати подобаетъ (Римляномъ зач. 116): «Вы сильніи немощи немощныхъ носите.» И паки (Галатомъ зач. 213): «Братіе, аще и впадетъ человѣкъ въ нѣкое прегрѣшеніе, вы, духовніи, исправляйте таковаго духомъ кротости, блюдый себе, да не и ты искушенъ будеши. Другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.» Тѣмъ же подобаетъ дивитися по истинѣ слѣпотѣ нынѣшнихъ Фарисеовъ, како не могутъ видѣти и разумѣти онаго словеси Христова, еже глаголетъ (Мате. зач. 86): «Яко мытари и любодѣйцы варяютъ вы въ царствіи Божіи; сынове же царствія изгнани будутъ во тьму кромѣшную.» И пака (зач. 44): «Идите и научитеся, что есть милости хощу, а не жертвы;» и кая сія противность, что Богъ хощетъ, то сіи не хощутъ! Да постыдятся прочее испытающіи испытанія грѣховъ человѣческихъ, и да воспомянутъ притчу оную о Мытари и Фарисеи, а наипаче да чувствуютъ, кому симъ грѣховъ назираніемъ подражатели? Да, Фарисеомъ. Кому противницы во ономъ немилосердіи? Самому милостивому Господу нашему, Іисусу Христу. Сего ради жестокосердія

древніе еретики: Донатіане, Монтане и славнѣйшіи въ мудрости въ и воздержаніи Тертулліане, погибоша.

Показаніе 3. Оживленіе еретиковъ Воздержныхъ.

Древле убо сіи еретицы, воздержающіися яростію нѣкоею, пріобщницы быша Маркаіпитской сектѣ (ереси); обаче, точно намъ, вѣроваху во Святую Троицу и плотскому Сына Божія смо*трѣнію*, но Богомъ повелѣнныхъ снѣдей отвращахуся, скверными мняху быти, яко же и Маркіанъ оный, прежде ихъ бывый еретикъ, кое ихъ еретичество бяше проклято и наречено бысть отраслію Маркіанитскія ереси.

Но сія ересь нынѣ ожила въ согласіи Θеодосіевомъ сицевымъ дѣломъ. Понеже чрезъ Павла Апостола Христосъ повелѣ все, продаемое на торжищѣ, ясти, ни что же сумнящеся; сіи же чрезъ Павла Христу глаголющу не вѣрятъ и продаемое на торжищѣ нарицаютъ скверно быти и нечисто, и всякъ ядый тое оскверняется. Того ради съ торжищъ брашно освящаютъ, полагая по 100 поклоновъ за нь. И кто купитъ брашно кое и, не освятивъ мнимою ихъ молитвою, вкуситъ, таковый осуждается ими скверноядецъ быти и отъ сочлененія ихъ отторгается.

Вонмите о семъ, боголюбивіи: Богъ что повелѣваетъ, то повелѣніе Божіе вѣруемо пріити на вещь освященія и ядомое сообщено съ божественнымъ освященіемъ, и кто есть той, иже освящаемое Богомъ, невѣрствія ради, наречетъ скверно? и нѣсть ли сія противность съ воздержниками еретиками сообщна? ибо равное Божіе повелѣніе, яко же въ снѣдѣхъ животныхъ, такоже и въ торжищныхъ брашнахъ, бысть; но убо въ животныхъ потнушася снѣдяхъ Воздержницы, а въ торжищныхъ снѣдѣхъ Θеодосіевы. Сего ради Павелъ, оглаголуя таковыя, пишетъ сице (Тит. зач. 310): «Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся его, мерзцы суще и непокоривы, и на всяко дѣло благое не искусни.» Тойже и паки (Тим. зач. 284): «Всякое созданіе Божіе добро, и ничто же отметно, со благодареніемъ пріемлемо, освящается бо словомъ Божіимъ и молитвою.» Коимъ словомъ Божіимъ и молитвою освящается, Златоустъ о семъ ясно глаголетъ: «Знаменіемъ

Креста и изреченіемъ молитвы Іисусовы вся освящаются.» И паки: «Яко аще и не чисто было бы, но имамы цѣленія: знаменай, благодари, прослави Бога, и вся нечистота отлетитъ.» Здѣ ясно изобличается богопротивное ученіе, въ Согласіи Θеодосіевомъ: како убо, повелѣвшу Богу чрезъ Павла Апостола, ни что же мнѣти скверно быти, тіи же глаголюще своимъ лжесловіемъ скверно, нечисто? Увы прелесть вражія! Како не устыдишася глаголъ Апостольскихъ, яже вдохну Пресвятый Духъ, глаголюще сице (Римл. зач. 114): «Вѣмъ и извѣщенъ есмь о Христѣ Іисусѣ, яко ни что же скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.» И паки (Тим. зач. 301): «Вся убо чиста чистымъ, оскверненнымъ же и невѣрнымъ ни что же чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.» Златоустъ: «Ни что же бо есть естествомъ нечисто, но отъ совѣсти пріемлющаго бываетъ нечисто, и идѣже егда душа нечиста будетъ, вся нечиста непщуетъ быти; осквернися бо ихъ умъ и совѣсть. Бога исповѣдаютъ вѣдѣти, дѣлы же его отмещутся, мерзцы суще и непокориви и на всяко дѣло благое не искусни.» Оле помраченнаго ума Θеодосіевыхъ, Христу глаголющу и Святымъ его: «Вся чиста;» они же: «Скверно, нечисто, помолиться надобно,—лѣстовка!» Оле блядословія, смѣха преисполненна!

Показаніе 4-е. Обновленіе ереси еретиковъ Водопредстателей.

Еретицы Водопредстатели, или рещи оные же Воздержники, отвращаются вина, мняще и̓ скверно быти, тѣмъ же и въ приношеніи безкровныя жертвы не вливаютъ вина.

Подобнѣ же и Θеодосіевы и прочихъ Сосласій, не за собственное спасеніе свое, но отъ самыя ненависти, того гнушаются, въ нѣкое то оскверненіе вмѣняюще, и симъ подражаютъ Водопредстателей оныхъ воздержныхъ, Церкви Соборной и Апостольской противники являются. Понеже Писаніе Святое не вино хулитъ, но пьянство, не питіе мѣрное, но безмѣрное, самое же то по себѣ вино хулити мерзко вмѣняти, твари Божіей досажденіе, о чемъ и правило Святыхъ Апостолъ (глава 16-я), предлагаю вамъ; глаголетъ бы Писаніе: «Властеріяри суще, вин

да не піютъ, да не, упившися, забудутъ премудрость и право судити не возмогутъ.» И ниже: «Се же рѣхомъ, не яко да не піютъ; еже бо не пити, досажденіе есть бывшей твари отъ Бога на веселіе, но да не упиваются. Не рече бо Писаніе не пити вина, но что рече: не пити вина въ піянство, и паки рече: терніе ростетъ въ руку пьяницы. Се же не о причетникахъ токмо рѣхомъ, но и всѣхъ Христіанѣхъ.» Доздѣ правило. Зри убо, каково средствіе сіе правило о винѣ положи и устави: ниже оно отрину и оскрачи, ниже въ немъ излишествовати остави, но мѣрное пріятіе введе, елико ко здравію и елико къ разгнанію мрачныхъ печалей. Еже бо отрѣвати и гнушатися вещи благословенныя, еретическо есть, а еже мѣру превосходити пріятіемъ тоя, клятвы достойно, мѣру же тоя вѣдати благословенно, и сіе ни во единомъ ищется винѣ, но и во всякой вещи, Богомъ благословенной. Тѣмъ же да слышатъ вси, яко сіе глаголю, не пьянство вводя, ниже въ винное питіе кого принуждаю, но да не будетъ въ насъ оный еретическій недугъ, да, невѣжества нѣкоего ради, впадемъ въ злоумное воздержаніе, чесого ради злохульни и Богомъ отвержени явимся. Благо убо во истину и похваламъ достойно, аще кто, своего ради спасенія, не ястъ мяса и не піетъ вина, не вмѣняючи оскверненія; аще ли же сихъ не ясти и не пити, вмѣняючи тѣхъ естествомъ скверны быти и глаголати о нихъ: «Не коснися, не вкуси, ниже осяжи, да не осквернишися!» сіе умствованіе не есть Православнаго ученія, но оныхъ еретиковъ, иже не точію мясо, но и вино, глаголютъ быти нечисто и отметно: таковы бяху Манихеи, о нихъ же пишетъ Августинъ въ ереси 46, такови суть и нынѣ Магометане, и нынѣ нововозникшіе Раскольщики, на которыхъ Павелъ изощренно глаголетъ (Томъ 254): «яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ Вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ.» О Манихеяхъ, и Енкратитахъ, и Маркіанитахъ, сице Апостолъ глагола; тѣмъ же святая Церковь Православная съ Павломъ Апостоломъ ни что же исповѣдуетъ отметно, съ благодареніемъ пріемлемо, человѣка же гнушающагося вина, или мяса, или брака, яко еретика, отмещутъ по 21-му правилу Апостольскому, сице глаголющему (Кормч. листъ 310): «Всякъ причетникъ и мірскій человѣкъ вина, или мясъ, или брака, гнушаяся, аще токмо не воздержанія ради, аще не исправится, отверженъ.»

Показаніе 5-ое. Обновленіе ереси древнихъ еретиковъ въ бракѣ.

Здѣ показати настоитъ не о новыхъ еще бракахъ, но о тѣхъ, кои, прежде познанія, внѣшнее браковѣнчаніе восприімше, отъ него же Θеодосіевы и подобніи имъ поткнушася и падоша, яко же и древніе еретицы, о нихъ же Духъ Святый явственно предглаголетъ (1 Тим. зач. 284), «яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ Вѣры, внемлюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ, возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ,» и проч. Сіе предглаголаніе Духа Святаго прежде исполнися на еретикахъ Гностикахъ, тоже на Маркіанѣхъ, на Монтанѣ, на Тертулліанѣ, на Манихеяхъ, на Мессаліанѣхъ, на Евстаѳіанѣхъ, послѣдовательнѣе же коснеся и Западныя Страны, аще и инѣмъ образомъ: сіи вси на тайну брака воополчишася и разводы въ браковѣнчанныхъ уставиша, и лучше вмѣниша наложницъ имѣти, нежели браковѣнчаніемъ сопрящися женѣ, а наиболѣе Манихеи въ томъ утвердишася. Объ Евстаѳіи же ересеначальникѣ пишется, яко «бяше великаго житія инокъ и могій иноческое любомудріе прочимъ уставити, и опасно общежительное благочиніе рзчиняти тако, яко и многихъ отъ блудящихъ мужей и женъ на цѣломудренное житіе преложити; но, зане не имяше хитрости, нiже изученъ бяше тоя, пріиде въ сіе, да, хотящіи спастися, браковѣнчанія разводъ сотворятъ, и внимающіи его ученію мнози мужіе жены, а жены мужей, разлучахуся, желающе чисто жити, и потомъ страсти естественныя не терпяще, въ блуды и въ прелюбодѣянія впадоша. Обаче и тако сущимъ имъ, съ браковѣнчанными не ядяху, не піяху, ни къ молитвѣ пріобщахуся. Увѣдано же бысть сіе во иныхъ Церквахъ. Ближніи убо Епископи, собравшеся на нихъ, и чуждихъ Святыя Церкве сотвориша, и 19 правилъ изложиша, но тако умствующихъ, отъ нихъ же нѣкая здѣ предлагаемъ; Собора иже въ Гангрѣ, правило 19-е: «Аще кто дѣвствуетъ или воздержится, яко же се мерзокъ творя бракъ, яко гнусна отшедъ, и не доброты ради и святаго дѣвственнаго пребыванія, да будетъ проклятъ.» Того же правило 12-е: «Аже которая жена оставляетъ мужа и отъити хощетъ, гнушающися брака, да будетъ проклята.»

„Что убо на сіе рекутъ Ѳеодосіева Согласія и подобніи имъ, навѣтницы браковъ и похвальницы подложницъ? Ибо мнѣ здѣ о тѣхъ есть слово, кои до познанія браковѣнчашася, ихже тіи обѣтами обязуютъ, или разводятъ; но Павелъ Еллинскіе браки воспрія, а не расторже. Іоаннъ Богословъ, егда дщерь Мироню крести, потомъ посла ю въ домъ мужа: (чти Житіе его Сентября 26-го). Что же Павелъ о семъ Коринѳяномъ глаголетъ (1 Кор. зач. 136), услышимъ: «а оженившымся завѣщаваю не азъ, но Господь: женѣ отъ мужа не разлучатися, и прочимъ же азъ глаголю, а не Господь, аще который братъ иматъ жену невѣрну, и та благоволитъ жити съ нимъ, да не оставляетъ ся; и жена аще имать мужа невѣрна, и той благоволитъ жити съ нею, да не оставляетъ его. Святитъ бо ся мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ; иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть.» Доздѣ Апостолъ. Да постыдятся вси ненавистницы браковъ, иже, мерзящеся на бракъ, не хощутъ младенцы родственные крестити, да не осквернятъ матери крещеніе младенцевъ. Воимите убо, что Апостолъ здѣ, отъ Еллинъ приступающихъ, глаголетъ: «жена идолослужительница, а мужъ во Христа вѣритъ»: како Апостолъ чадо ихъ нарицаетъ свято; или Апостолъ не вия, яко рожденное дѣтище хощетъ мать идолослужительница по крещеніи питати, и како тое наречетъ свято отъ нечистые питаемо? Колико бо здѣ различіе между сея и иныя жены, коея вы опасны, да не осквернитъ младенца крещеннаго вами: ибо сія идолослужительница, оная же во Христа вѣрная, а имущая въ томъ многую опасность, неже идолослужительница, а наипаче сія и не требуетъ дѣтищу крещенія, оная же съ Вѣрою проситъ того. Но у васъ что? Вѣрная жена пріимше дѣтище, вами крещенное, осквернитъ. Павелъ же и невѣрной матери, питающей дѣтище, не мнитъ скверну нѣкую подати, и мнится, яко Апостольское крещеніе сильнѣйши вашего, яко и нечистыя матери не опасно. Зрите ли, въ коликія вы бабіи басни своимъ мнѣніемъ пріидосте, яко и писати срамно? Вы же въ семъ студномъ ученіи и хвалитеся. О нечувствія вашего и окаменѣнія! И кто васъ не окаетъ, яко въ толикія дебри заблудивше, и въ той путь ходите, его же ни Христосъ, ни Апостолъ, ни вся Святая Церковь, показа! Христосъ женѣ отъ мужа не повелѣ разлучатися, вы же разлучаете мужа отъ жены, а жену отъ мужа. Апостоли вѣр-

ное лице обращающагося къ невѣрной еще привязуютъ, вы же обращенныхъ къ вамъ развязуете. Святая Соборная Церковь отъ еретикъ обращенныхъ сопряженія не распрягаетъ, вы же не рѣшаемые союзы развязуете и своевольно по міру сему влачитися отпущаете. И нѣсть ли се явственнаго обновленія дѣлъ оныхъ Евстаѳіянъ? ибо жены законныя блудницами устрояюще.

Показаніе 6-ое. О новыхъ бракахъ.

Святая убо Церковь аще не предаетъ Правовѣрнымъ, чтобы во Внѣшнихъ браковѣнчатися, обаче случившіяся таковыя браки не отрѣваше, ни расторгаше, ни повторяше своимъ вѣнчаніемъ, о чемъ правила Святыхъ Соборовъ и вси Церковніи исторіи и обычаи Святыя Апостольскія Церкви свидѣтельствуютъ.

Ѳеодосіева же Согласія рабы и подобніи имъ всѣмъ онымъ правиламъ Святыхъ Соборовъ, всѣмъ исторіямъ и всему обычаю Святыя Церкве, вопреки сташа: нарицаютъ сіи новые браки блуднымъ сшествіемъ, но и злѣйше; понеже имъ подложницы не такъ противны, яко же пріявшіи браковѣнчаніе, подражающе Римскаго Костела ученію, въ немъ же аще и не весьма явѣ, обаче предается: лучше есть, рече, Попу имѣти сто наложницъ, нежели едину браковѣнчанную жену (Книга о вѣрѣ, Московск. печати, глава 28-я, листъ 250-й). А у Манихеевъ то бяше и всенародный законъ коемуждо подложницу, а не браковѣнчанную жену, имѣти. Тѣмъ же и повелѣно бяше всѣмъ, доколѣ хощетъ, ю держитъ, а не хощетъ имѣти, отпущаетъ. Таково подражавіе и у Ѳеодосіевыхъ: бракъ не въ бракъ, но блудное сшествіе, подложницу держатъ ненадежно, браки аки блудныхъ разводятъ; подложницъ, аки закономъ необузданныхъ, премѣняютъ. И нынѣ сей ю имѣ, спастися восхотѣвъ, оставляетъ. Другій предъ очима его поемлетъ ю, оный же во спасенную ограду вшедъ, не имѣя оныя подложныя ни для употребленія домовнаго, пріемлетъ себѣ нѣкую дѣвицу, или иную нѣкую подложницу бывшую. жити Бога ради. Что же подъ симъ покрываломъ творится, срамъ есть писати, а наипаче, егда о самыхъ бракахъ, о согласіи юношей ихъ и дщерей глаголати, злѣйшій студъ обрѣтается; ибо дѣти ихъ вѣдятъ извѣстно, что родители превозростшихъ

ихъ бракочиновно не совокупятъ, сынъ самъ о невѣстѣ, а дочь сама о женихѣ, промышляютъ, и тако о себѣ промышляюще, едино изъ трехъ бываетъ: или довольно время прежде блудити, таже связавшеся браковѣнчатися, или подъ именемъ браковѣнчанія такъ жити, или странно чрезъ сходника нѣкоего убѣгомъ брачнѣ съ нѣкоимъ чуждымъ и непристойнымъ лицемъ совокупится: кое дѣло Мордоскаго превосходитъ злодѣйства! Что же же сему вина? Безсовѣстное ихъ ученіе, имъ же добро хотящее быти, злѣ содѣловается; безъ воли бо родителей послѣдующая мужу блудница именуется; той же судъ правильный и на женящимся сынѣ безъ воли родителей святыми Архипастырьми положенъ есть. И сицевыя пакости подъ видомъ воздержанія, вси гнушающіеся браковъ, исполнени, въ коихъ дѣлъ сокровенныхъ перо описати не можетъ, обаче сицеваго святаго воздержнаго согласія нѣкіе изъ насъ являются блажители, по сущей простотѣ своей, къ нимъ же съ Павломъ Апостоломъ печальный оный гласъ приличествуетъ изнести (2 Кор. зач. 191): «Боюся (рече), да не како, яко же змій Еву прелсти лукавствомъ своимъ, тако истлѣютъ и разумы ваша отъ простоты.» Аще бо и мы нынѣ многажды вамъ глаголемъ, и не вѣруете намъ, что же тогда будетъ, егда глаголы сіи умолкнутъ? Тѣмъ же свидѣтельствую о сихъ Согласіяхъ предложенныхъ вамъ, яко аще и ревность имутъ тіи, но не по правому разуму: не разумѣюще бо Божію правду, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася. Но сіе ли въ расчетъ брать намъ, яко воздержаніе веліе имутъ? Того ради, по свидѣтельству моея совѣсти, показанія сія предложихъ вамъ, яко воздержаніемъ своимъ неразсмотрительнымъ, тіи многихъ еретиковъ ереси обновиша, о нихъ же въ показаніяхъ сихъ явихъ вамъ.

Подтверждаетъ же ми сія и Златоустъ на отрѣвающія браки, глаголя (Бесѣды листъ 2164-й): «Сія еретическаго суть ученія, сія вводящихъ блудницы.» Сего ради очистити того хощу, во еже на свое благородіе возвѣсти, лабы еретиковъ заградити уста. Удивляюсь азъ во истину симъ людемъ, каково ожесточенно обыкновеніе свое имутъ, яко толикія хулы народныя на ся дѣлы своими и ученіемъ влекутъ, и такого срамнаго студа не чувствуютъ слышать, яко отрѣвати браки, и прочая предпоказанная

дѣла творить наука есть древних еретиковъ, и не тщатся разума правильнаго о томъ взыскати и извинутися того подобенства еретическаго. По что не ревнуютъ онымъ Берейцамъ, кои, слышавше проповѣдь Павлову, «по вся дни разсуждающе ту, аще тако суть глаголемая Павломъ,» или сія то суть ихъ надежда спасенія. (Дѣяній зач. 39). Святіи Отцы и Архипастыри церковніи иначе творяху: увѣдано бо бысть въ Римѣ, яко Гностики въ студномъ своемъ собраніи, за студная ихъ дѣла, престолы своя покрываху: того ради не повелѣ Папа престолы своя покрывати. Такоже Восточная Церковъ позна время беззаконнаго поста у Арменъ, вопреки тѣхъ, разрѣши Среду и Пятокъ разрѣшати; того же ради 1-й Вселенскій Соборъ, не купно си съ Жидами, но послѣ, Пасху праздновати устави. Бароній пишетъ (лѣто Господне 563): «яко нѣцыи Іереи во Ишпаніи мясъ не ядяху, но дабы въ подозрѣніи въ ереси Приміасіанистовъ не были, повелѣша соборнѣ имъ съ зеліемъ мало мяса вкушати, толь опасны (и о васъ сіе), яко и подозрѣнія терпѣти не можаху, но токмо взирающе тамо, идѣже горитъ, или тамо, идѣже мало дыма является.» Доздѣ Бароній.

Зрите ли, коликая опасность бяше Свытыя Церкви отъ еретиковъ? ибо вся дѣла ихъ вопреки поставляше, да безпорочна предъ всѣми явится, ни единаго дѣла еретическаго имущи. Подобало бы и симъ ревновати обычаю Святыя Церкви, и вся вопреки творити еретикомъ, а наипаче и правила и обычаи святыя о томъ имуще.

Окончивъ убо показанія, се обращаю слово мое ко братіи нашей:

Хвалю убо разумъ вашъ, яко далече отстоите своевольныхъ оныхъ подражаній, и въ томъ собраніе свое непорочно имате. Зазираю же вы, яко образа добродѣтельнаго въ житіи не сохраняете, по чему бы собраніе наше и ваше предъ Внѣшними прославити могло Бога. Павелъ бо Апостолъ учитъ насъ, тако глаголя (1 Кор. 147): «не преткновени бывайте Іудеемъ и Еллиномъ и церкви Божіей.» Но малое ли то претыканіе Внѣшнимъ, егда тіи жительствуютъ добрѣ, аще внутренними развращени, мене же аще слышите человѣка и правыхъ догматъ, но видите житіе растлѣнно

вмуща и благочестія Христіанскаго лишена, чему поревнуете? Како прославите? Къ чему приступите? Что же пользуется и Церковь? Но не аки ли корабль волнами біемъ внутренними помышленіи и потопляемъ сомнѣніи? Не Бога ли взыщетъ сихъ всѣхъ на таковыхъ? ибо повреждаяй совѣсть брата своего, въ того самаго Христа согрѣшаетъ. Блюдите, да не како власть ваша преткновеніе будетъ немощнымъ (Рим. зач. 113): добро не ясти мясъ, не пити вина, ни о немъ же братъ твой претыкается, или изнемогаетъ; нѣсть ли се соблазнъ, или изнеможеніе совѣсти немощныя брата, аще видитъ тя упивающася и безчинно ходяща и возлежаща въ корчемницахъ, и ина стыда исполнена дѣла творяща, и внѣшнимъ смѣхъ и руганіе составляюща? Страшенъ по истинѣ судъ Божій на таковыя (Матѳ. зач. 74): «Иже аще соблазнитъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстѣй.» Что насъ пользуетъ, яко Православными именуемся и еретическихъ догматъ ненавидимъ, и тѣми еретики гнушаемся, а сами еретически живемъ? Не надѣйся ни кто на словеса лжива, глаголюща: «Храмъ Господень, храмъ Господень, храмъ Господень!» Всуе Православными наречемся, егда тако живемъ и творимъ. Тѣмъ же молитъ васъ Апостолъ Павелъ (Римл. зач. 112): «Отложше убо дѣла темная, облечемся во оружіе свѣта, яко во дни благообразно да ходимъ: не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію, но облечемся Господемъ нашимъ, Іисусомъ Христомъ. И (къ Солун. зач. 273): «Молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ, не оставляюще своихъ собраній, но другъ друга въ то подвизающе, пребывайте, и Богъ мира посѣтитъ вы.» Аминь.

XVIII.

ЗАБЛУЖДЕНІЯ ѲЕОДОСІЯНЪ, ФИЛИППОВЫХЪ И АРИСТОВА СОГЛАСІЯ.

Сочиненіе

Павла Онуфріева Любопытнаго.

1. Что зломудренно отвергаютъ въ мірѣ вѣчность брачнаго бытія.

2. Злочестиво вѣруютъ, дабы не молить Бога о благоденствіи Внѣшнихъ.

3. Брачное существованіе, бѣснуясь, не исповѣдуютъ Божіемъ опредѣленіемъ въ мірѣ.

3. Промыслъ Всевышняго о продолженіи человѣчества, не истовствуя, признаютъ быть общимъ духомъ сатаны и всѣхъ нечестивцовъ.

5. Духъ Святый и всю Христову Церковь, утверждающія въ мірѣ вѣчность брака, злохульствуютъ своими адскими устами ярмомъ сатанинской проповѣди.

6. Священныя остатки древней Евхаристіи, нечиствиствуя, не вѣруютъ быть истинною и богомерзко уничижаютъ ее.

7. При святыхъ мощахъ и чудотворныхъ образахъ, находящихся у Внѣшнихъ, богохульствуя, не вѣруютъ быть при нихъ существующей благодати.

8. Въ промыслъ о мірѣ вводятъ нечестиво два начала, первое управляетъ Христовою Церковію, а послѣднее Внѣшними.

9. Зломудрствуя, исповѣдуютъ, что исполненіе отпадшаго лика будетъ изъ числа приходящихъ къ Правовѣрію, а не собственно изъ Христовой Церкви.

10. Таинство законнаго брака нечестиво вѣруютъ быть въ церкви Антихриста.

11. Богомерзко суемудрствуютъ, что въ мірѣ бытіе брака устроено отъ Всевышняго для насыщенія страстей, а не для доношенія отпадшей Денницы чина.

12. Богохульно злохульствуютъ, что благодать Святаго Духа оскудѣваетъ.

12. Нечестивствуютъ, что образъ міра сего существуетъ нынѣ въ иныхъ законахъ естества.

14. Развращенно вѣруютъ, что растлѣнность дѣвства блудомъ паки раждается покаяніемъ дѣвства и дѣвственный вѣнецъ заслуживаетъ отъ Бога.

15. Святаго Пророка Іереміи 29 главу зломудренно по еретически не признаютъ богодухновенной.

16. Безумно вѣруютъ, въ бракѣ быть существо вѣнчаніе, а не вѣчной обѣтъ брачущихся.

17. Литеральный смыслъ Святаго Писанія нечестиво развращаютъ и облекаютъ его въ иносказательный образъ мыслей.

18. Церковь Христову, признающую бытіе истинное брака, сквернословно и безбожно, во всѣхъ обстоятельствахъ, по еретически ругаютъ и поносятъ.

19. Чрезъ совокупные знаки Христіанства со Внѣшними исповѣдывать воскресшаго Христа вѣруютъ суевѣрно быть нечестіемъ.

20. Посредствомъ тропаря, кондака, и проч. признаютъ ослѣпленные Антихристово сонмище Православнымъ, благочестивымъ Христолюбивымъ и проч.

21. Въ отношеніи супружескаго союза въ разныхъ родахъ продолжали свой нечестивый законъ.

22. Уважая нечестиво скверныхъ Циникъ, и лобызая мерзкое Николаитство, слѣдуютъ ихъ стопамъ.

23. Пребывая долговременно во многихъ заблужденіяхъ, и оставя ихъ предъ Христовою Церковію, не извинялись и не хотятъ чистосердечно раскаяться.

24. Въ разныхъ обычаяхъ, нѣкоторыхъ дѣяніяхъ и довольныхъ концахъ, многое суемудренно умствуютъ.

XIX.

ЗАМѢТКИ.

Изложивъ, съ возможною краткостію, очеркъ Мониискаго Согласія, не безполезнымъ находимъ указать на обрядности Старообрядцевъ Безпоповцевъ, совершаемыя при бракосочетаніи, которыя установлены въ Новопоморскомъ, такъ называемомъ, Мониискомъ Согласіи, и сличить оныя съ обрядностями Молоканъ, наблюдаемыми при совершеніи ихъ браковъ.

Съ исхода XVIII вѣка и въ началѣ нашего столѣтія Безпоповцы ожесточенныя вели пренія межъ собою, преимущественно Преображенцы-Филипповцы съ Поморцами о введеніи брачной жизни у Безпоповцевъ. Съ той и съ и другой стороны много было потрачено труда и красноглаголанія за и противъ брака, а плодомъ отъ таковой борьбы за брачную жизнь, было то, что нѣкоторые изъ суровыхъ послѣдователей Ковылинского Толка отдѣлились и образовали изъ себя особый разрядъ людей, на ученіи пріемлющихъ бракъ. Во главѣ этѣхъ послѣднихъ былъ своего рода преобразователь у Безпоповцевъ, Гавріилъ Ларіоновичъ Скачковъ. Онъ, бывши самъ истымъ Ѳедосіевцемъ, благодаря усиленному труду и дѣятельности своей на пользу Старообрядства, дошелъ до того разумѣнія, что постепенно сознавалъ ложное ученіе Ѳеодосіевцевъ о безбрачіи, отдѣлился отъ нихъ и сталъ карающимъ бичомъ Илія Ковылина и его послѣдователей. Старожилы говорятъ, что Ковылинъ, при всемъ могуществѣ своемъ въ свое время, говаривалъ нерѣдко съ горестью: «Нѣтъ у меня злѣе и опаснѣе врага Гаврюшки Скачкова.» Разсматривая собственноручныя письма и писанія Ковылина и Скачкова, мы должны замѣтить, что Илья Алексѣевичъ не ошибался въ опасности своего врага, Гаврила Ларіоновича. Съ отпаденіемъ Скачкова отъ Ѳеодосіевскаго безбрачнаго толка, день ото дня рѣдѣла община Преображенскаго кладбища, такъ какъ люди съ болѣе развитымъ и здравымъ умомъ послѣдовали въ Новопоморское Согласіе, за своимъ учителемъ, Скачковымъ, принявшимъ въ основное ученіе, какъ священное таинство, брачную жизнь. Для переходящихъ изъ Ѳеодосіевщины и Филипповщины въ новое Согла-

іе. Скачковъ написалъ особыя, какъ мы видѣли, правила; къ одому изъ нихъ, именно Уставу, Павломъ Любопытнымъ сочиненъ брядъ для жениха и невѣсты, гдѣ съ подробностію описывается риготовленіе новобрачной четы, смотрины и тѣ обрядности, которыя е извѣстны не только намъ, «Внѣшнимъ» (какъ называютъ насъ тарообрядцы), но большею частію и самимъ Старообрядцамъ не хъ Согласія. Я собралъ по возможности всѣ документы и соіненія Скачкова и его послѣдователей, также письма и сочиненія льи Ковылина и другихъ Безпоповцевъ обоихъ Согласій, Новоэморцевъ и Ѳеодосіевцевъ. По сему, думаю, не безполезно сличить равила и обрядности касательно брачной жизни, изложенныя Скачкоымъ для своихъ послѣдователей, съ Молоканскими. Скачковское эчиненіе можетъ оказать немалую пользу самому Расколу, а именэ тѣмъ самимъ, кои отрицаютъ бракъ и моленіе за предержащую ласть. Брачный обрядъ Духовныхъ Христіянъ или Молоканъ, редлагаемый нами тутъ, для изслѣдователя-историка вообще Раскола ь Россіи можетъ быть богатымъ матеріяломъ касательно брачной изни сектантовъ и ихъ бытовой стороны, построенной на религіозной очвѣ и занесенной съ Запада. Историкъ-изслѣдователь, сличивъ рачный уставъ Скачкова и Молитвословія при совершеніи брака у Іолоканъ съ ученіемъ Протестантовъ о бракѣ и обязанностяхъ браэщихся, спроситъ: кто и отъ кого заимствовалъ брачныя молитвословія (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Св. Писанія весьма сходныя между собою), Іолокане ли у Безпоповцевъ, или Безпоповцы, подобные Скачкову, у Іолоканъ, между тѣмъ какъ Молоканы, по ученію, отъ Безпоповцевъ и а оборотъ, Безпоповцы отъ Молоканъ, стоятъ весьма далеко другъ гъ друга? Не привела ли въ этомъ случаѣ тѣхъ и другихъ такъ лизко другъ къ другу семейная, брачная жизнь? Словомъ, предагаемые нами матеріялы не будутъ лишними и для тѣхъ, кого знимаетъ гражданско-духовный бракъ въ нашемъ Расколѣ, и нѣкоторыхъ Согласій отчасти признанный и самимъ Правиельствомъ. Для повѣрки нашихъ словъ мы просимъ обратить вниманіе на помѣщенное нами въ заключеніе всего разбирательство у Іироваго Судьи Лефортовской Части, невѣнчанныхъ женъ съ ужьями Ѳеодосіевскаго Безбрачнаго Толка, и вообще на наши Заѣтки для Безпоповцевъ Преображенскаго кладбища.

1.

ВРАЧНЫЙ ОБРЯДЪ

ДУХОВНЫХЪ ХРИСТІАНЪ ИЛИ МОЛОКАНЪ.

Мы не будемъ входить сдѣсь въ подробности бытовой и вѣроисповѣдной стороны Молоканъ Самарской Губерніи, но постараемся изложить вкратцѣ ихъ обрядности брачащихся.

Проживающій въ селѣ, или деревнѣ, Молоканинъ прежде всего избираетъ себѣ по сердцу женщину, или дѣвицу, съ которою, по обоюдному согласію, пожелаетъ сойтись на сожительство. Тогда женихъ, въ день своего сочетанія съ невѣстою, разодѣнется в лучшее, приличное своему званію, платье, и съ окончаніемъ, сосѣди, домашніе: мать, отецъ, сестры и прочіе, передъ отпуском жениха за невѣстою, всѣ купно поютъ: «Живый въ помощи Вышняго» (Псал. 90), послѣ коего тоже псаломъ: «Се нынѣ благословите Господа вси раби Господни» и проч. (Пс. 133).

По окончаніи пѣнія и славословія женихъ, при окружающихъ его, кланяется земно въ ноги своему отцу и матери; если же таковыхъ нѣтъ въ живыхъ, то кому либо изъ своихъ старѣйшинъ, и проситъ отъ нихъ благословенія на брачную жизнь; въ это время сказывается имя невѣсты, ея лѣта, родство и проч. Благословляющіе, съ торжественнымъ возложеніемъ рукъ, произносятъ слѣдующее: «Буди, чадо наше, благословенъ Богомъ Вышнимъ, да благословитъ тя Господь отъ Сіона, и узриши благая Іерусалима, и узриши сыны сыновъ твоихъ: миръ на Израиля»....... За тѣмъ женихъ, со всѣми своими и сосѣдями, переходитъ въ домъ, гдѣ находится его невѣста, куда уже къ бракосочетанію сбирается все село, старый и малый. Лице, совершающее обрядъ брачный, избирается изъ самыхъ старѣйшихъ межъ Молоканами, на обязанности коего дѣлать возгласы новобрачнымъ, предварительно поставя ихъ лицомъ къ лицу, передъ окружающими зрителями, съ вопросомъ: «Не родня ли они между собою? Имѣютъ ли совершенныя лѣта? Волею ли соединяются на брачную жизнь?» Получивъ удовлетворительный отвѣтъ на свои вопросы, старѣйшина произноситъ: «Во имя Отца, и Сына, и

Святаго Духа. Аминь! Женихъ съ невѣстою, падая въ ноги старѣйшинѣ и предстоящему народу, говорятъ: «Мы такіе-то (упоминая свои имена), рабы Бога живаго, обѣщаемся и клянемся предъ Всемогущимъ Богомъ и предъ святымъ его Евангеліемъ, и передъ святою его Церковью, что, по повелѣнію Божію, желаемъ совокупиться законнымъ бракомъ, по благословенію и согласію нашихъ родителей и по собственному нашему желанію, съ тѣмъ, чтобъ безъ нарушенія Божіихъ заповѣдей, и между нами наблюдена бы была вѣрность и ложе нескверно, удалятися отъ блуда и прелюбодѣйства до скончанія нашей жизни.» За тѣмъ женихъ, обращаясь къ невѣстѣ и присутствующимъ, произноситъ громко: «Не пойму жены иныя, кромѣ сея, юже поемлю.» Тѣмъ же порядкомъ невѣста отвѣчаетъ: «Не буду имѣть инаго мужа, кромѣ сего, за него же посягаю.» Старѣйшина съ предстоящимъ народомъ, какъ свѣдѣтели сихъ словъ, произносятъ въ одинъ голосъ: «Реченная обоихъ, въ заключеніе нашего обѣщанія, полагаемъ вѣрность и истину во вѣки. Аминь!» Старѣйшина заканчиваетъ слѣдующими словами: «Слышите, мужіе, обѣщаніе ихъ!» повторя ихъ трижды. За тѣмъ, если живъ невѣсты отецъ, выходитъ на средину, взявъ дочь свою за правую руку, и подводитъ ее къ жениху со словами: «Се вдаю дщерь мою тебѣ въ жену. Се, по повелѣнію закона Божія, пойми ю и отведи къ отцу твоему!»

Женихъ, кланяется земно отцу, и взявъ изъ его руки руку невѣсты, и кланяясь пояснымъ поклономъ всему собранію, старѣйшина же начинаетъ читать изреченія изъ Пророчествъ и Апостола, предварительно сказавъ отъ себя, въ видѣ вступленія, слѣдующее: «Богомъ благословенны мужъ и супруга! Слышите сія и разумѣйте Божественное Писаніе: домъ и имѣніе раздѣляютъ отцы чадомъ. Отъ Господа сочетавается жена мужу.» Чтеніе продолжается въ такомъ порядкѣ изъ Божественныхъ книгъ: «Отъ начала же созданія мужа и жену сотворилъ я есть Богъ. Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета оба въ плоть едину. Еже бо Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ; тѣмъ же уже нѣста два, но плоть едина» (Еванг. Св. Марка, глава 10-я, отъ стиха 9-го до 9-го). За тѣмъ рекутся слова Апостола: «Или не разу-

мѣете, братіе; вѣдущимъ бо законъ глаголю: яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ. Ибо мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ; аще-ли же умретъ мужъ ея, разрѣшится отъ закона мужескаго. Тѣмже убо, живу сущу мужу, прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному; аще ли умретъ мужъ ея, свободна есть отъ закона, не быти ей прелюбодѣйцѣ, бывшей иному» (Римляномъ глава 7-я отъ ст. 1-го до 4-й). За тѣмъ старѣйшина переноситъ священнословіе къ посланію того же Апостола Павла къ Ефесеомъ (изъ главы 5-й отъ стиха 5-го до 33-го), до окончанія словъ: «а жена да боится своего мужа.» Молитвословіе переносится къ соборному посланію Св. Апостола Петра: «Тако бо иногда и святыя жены, уповающыя на Бога, украшаху себе, повинующеся своимъ мужемъ, яко же Сарра послушаше Авраама, господина того зовущи. ей же бысте чада, благотворяще и не боящеся ни единаго страха. Мужіе такожде, вкупѣ живуще съ своими женами по разуму, яко немощнѣйшу сосуду женскому воздающе честь, яко и сонаслѣдницы благодатныя жизни, во еже не прекращатися молитвамъ вашимъ» (гл. 3-я отъ ст. 5-го до 8-го).

Съ окончаніемъ славословія женихъ и невѣста кланяются всему собранію и начинаютъ читать молитвы, начиная такъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь! И молитву: «Отче нашъ;» и изъ Псалма: «Помяни насъ, Господи, во благоволеніи людей твоихъ, посѣти насъ спасеніемъ твоимъ» (Псал. 105, ст. 4), и 50-й Псаломъ: «Помилуй мя, Боже;» за тѣмъ молитву: Товіи (глава 8-я, стихъ 5-й): «Благословенъ еси, Боже, отецъ нашихъ, и благословенно имя твое святое и славное во вѣки. Да благословятъ тя небеса и вся созданія твоя. Ты сотворилъ еси Адама, и далъ еси ему помощницу Еву, утвержденіе жену его. Отъ тѣхъ родися человѣческое сѣмя. Ты реклъ еси: не добро быти человѣку единому, сотворимъ ему помощницу, подобную ему! И нынѣ, Господи, не блудодѣянія ради азъ поемлю сестру мою сію (поемлются оба сія между собою), но по истинѣ. Повели помилованну имъ быти и съ нею вкупѣ состарѣтися.» Кн. Товія (гл. 8-я, ст. 5—8, и со стиха 15-го): «Благословенъ еси ты, Боже, во всякомъ благословеніи чистомъ и святомъ; и да благословятъ тя святіи твои, и вся созданія твоя и вся

Ангели твои, и избраннiи твои, да благословятъ тя во вѣки; по многой милости твоей сотвори съ ними, Господи; благословенъ еси, да помилуеши рабовъ Твоихъ (имя рекъ) и нынѣ сочетавшихся; сотвори имъ, Владыко, милость, и соверши животъ нашъ во здравіе съ веселіемъ. И милостію Твоею, спаси насъ, Господи, и помилуй. Аминь!» Съ окончаніемъ оныхъ молитвъ, женихъ кланяется земно въ ноги невѣстину отцу и матери, прося благословенія отъ нихъ на брачную жизнь. Родители новобрачной произносятъ по порядку, начиная съ отца, благословеніе свое, такими словами: «Буди, чады наши, благословены Богомъ Вышнимъ. Да благословитъ васъ Господь отъ Сіона, и узрите благая Іерусалима, и узрите сыны сыновъ вашихъ, миръ на Израиля да почіетъ на главахъ вашихъ во вѣки. Аминь.» За тѣмъ мать невѣсты, или какая либо изъ пожилыхъ женщинъ приступаетъ къ обрядностямъ: повязываетъ голову четы новобрачной темнымъ платкомъ, какъ это носятъ замужнія женщины. Во время этой обрядности все собраніе присутствующихъ начинаетъ пѣть Псаломъ 102-й: «Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя,» и проч. Тѣмъ и заканчивается бракосочетаніе у Молоканъ. По окончаніи, новобрачныхъ вводятъ въ домъ жениха, и снова общимъ собраніемъ принимаются за пѣніе, начиная: «Радуйтеся всегда о Господѣ, и паки реку: радуйтеся! Кротость ваша разумна да будетъ всѣмъ человѣкомъ. Господь близъ. Ни о чемъ же пецытеся» и проч. (Филип. глав. 4-я, отъ 4-го до 10-го ст.). Въ заключеніе всего новобрачные просятъ гостей и родныхъ къ столованію. При этомъ угощеніе у Молоканъ происходитъ безъ вина и пива, довольствуясь одними сладкими пряностями: медомъ, конфектами и другими закусками.

Изложивъ въ краткихъ чертахъ обрядности брачныя Молоканъ, не лишнимъ находимъ указать и на обязанности брачащихся между собою и въ отношеніи своего общества.

Сколько извѣстно, ученіе Молоканъ построено на соціальныхъ теоріяхъ; религіозное вѣрованіе ихъ видимо основано на отсутствіи сложныхъ обрядностей, такъ что Молокане, во всѣхъ своихъ богомоленіяхъ, стараются вести свои богослуженія сообща, купно; старѣйшина ихъ играетъ въ этомъ случаѣ только

роль починателя, но не болѣе. Всѣ ихъ общественныя дѣла, а равно и богомоленія, управляются и ведутся сообща, соборнѣ. И такимъ образомъ самый бракъ Молоканъ, точно какъ и его обрядности, описанныя нами выше, построены на общихъ началахъ равенства человѣка, какъ мужескаго, такъ и женскаго, пола. И хотя у Молоканъ бракъ въ дѣйствительности не введенъ въ ученіе Таинства, но на дѣлѣ признается священнымъ и обязательнымъ для брачащихся, какъ въ отношеніи супружеской вѣрности, такъ и въ отношеніи хозяйства и своего общества; впрочемъ, Молокане допускаютъ и разводъ брачный, но не иначе, какъ предварительно обсудивши, такъ сказать, соборнѣ, вину или причину семейнаго несогласія.

Сдѣсь укажемъ на ихъ постановленія въ отношеніи несогласныхъ, мужа, или жены, своего рода епитиміи. Если мужъ измѣнитъ женѣ своей, или оскорбитъ ее какимъ либо ругательнымъ словомъ, или же нанесетъ женѣ побои, то она немедленно заявляетъ о поступкахъ своего мужа своему обществу, черезъ его старѣйшину, отъ котораго и назначается, на первое же церковное собраніе, разбирательство виновнаго передъ своею общиною. По окончаніи богомоленія, избирается совѣтъ изъ престарѣлыхъ старцевъ, и заявляется жалоба обиженнаго, мужа, или жены. На судебномъ разбирательствѣ находится, въ качествѣ засѣдателей, адвокатовъ и судей, почти что цѣлое село, или извѣстный околотокъ изъ Молоканъ. На столъ, въ видѣ Свода Законовъ, кладется Библія изданія Екатерининскаго времени, большаго формата. По выслушаніи жалобы отъ обиженнаго и оправданія противной стороны, старецъ принимается за изустное чтеніе Библейскихъ текстовъ, относящихся до семейной жизни и супружеской вѣрности: «Мужъ долженъ любить жену, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь,» говоритъ старецъ; «а развѣ Христосъ оскорбляетъ свою Церковь? Союзъ между мужемъ и женою долженъ быть союзомъ любви, союзомъ духовнымъ. Любящій свою жену любитъ самаго себя; зане преступникъ противъ зановѣди Господней тотъ мужъ, кой дурно обращается съ своею женою словомъ, или дѣломъ. Ибо какая можетъ быть любовь и согласіе у враждующихъ? Безъ любви и согласія жена не можетъ быть помощницею своему мужу, какъ завѣщано самимъ

Господомъ, а рабой для плотскаго, тѣлеснаго, только сожительства, понижающаго жену на степень безсловеснаго животнаго, и духъ и образъ подобія уничиженъ и обезчещенъ: зане не любовь соединяетъ узы сочетававшихся, а блудъ и прелюбодѣяніе.»

Такимъ образомъ, истощивши весь запасъ нравственнаго поученія враждующимъ, собраніе всѣми силами старается помирить несогласныхъ, и буде дѣло не дойдетъ до развода, то на нарушителей церковнаго мира отъ общины налагаются особыя наказанія, смотря по степени виновности каждаго. Виновный, въ видѣ епитиміи, проситъ передъ всѣми у обиженнаго прощенія, или обѣщается снести отъ 10 до 40 дней строгій постъ, сотворить щедрую милостыню, сдѣлать пожертвованія на обезпеченіе сиротъ и вдовъ своего округа, раскаяніе и прошеніе прощенія за оскорбленіе своего общества на молитвенномъ собраніи своихъ совѣрцевъ. Въ крайнемъ случаѣ, на виновнаго налагаются тяжкія наказанія, а именно: отлученіе отъ участія при общественномъ богомоленіи, на недѣлю, мѣсяцъ, полгода и годъ. Въ иныхъ случаяхъ, смотря по степени виновности, дозволяется присутствіе при молитвословіи общественномъ, но съ тѣмъ, чтобы обратясь стоять въ уголъ, къ стѣнѣ. Для нѣкоторыхъ бываетъ наказаніемъ и то, когда осуждаютъ преступнаго на лишеніе права братскаго привѣтствія при встрѣчахъ на улицѣ, и недозволеніе пѣть и читать Библію на общемъ братскомъ молитвословіи. Въ случаѣ развода мужа съ женою, имъ дозволяется вступить снова въ брачное сочетаніе по своему выбору. Иногда бываетъ и такъ: разведенные мужъ и жена вступаютъ въ сожительство съ новымъ лицомъ и, по прошествіи нѣкотораго времени, снова разводятся и соединяются по прежнему на брачную жизнь съ прежними мужьями, или женами; но этѣ случаи у Молоканъ бываютъ рѣдкостію, и за это виновные подвергаются строгому наказанію, изложенному нами выше.

Общія богомоленія у Молоканъ происходятъ гдѣ либо: въ лѣтнее время на гумнѣ, въ сараяхъ, а зимою въ домахъ.

2.

БЕЗБРАЧІЕ ѲЕОДОСІЕВЦЕВЪ ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.

Перейдемъ отъ ученія Ѳеодосіевцевъ къ дѣйствительности. Какъ извѣстно, Согласіе Ѳеодосіевцевъ-Преображенцевъ проповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ жизнь безбрачную. Посмотримъ, на сколько это ученіе заняло мѣсто въ дѣйствительности.

2 Мая, 1867 года, происходило разбирательство въ Съѣздѣ Мировыхъ Судей 2 округа города Москвы. Чрезъ повѣреннаго своего мѣщанка Марья Юдина, по Ѳеодосіевскому Согласію, обратилась съ кассаціонною жалобою на Мироваго Судью Лефортовскаго участка, Г. Данилова, за произведенное имъ разбирательство, по ея, Юдиной, жалобѣ на пасквильное письмо (съ угрозами лишить жизни), доставленное изъ дома бывшаго ея сожителя (по Преображенскому обряду), купца Игнатія Виноградова, солдаткою Марьеіі Дамьяновой. Въ сочиненіи пасквильнаго письма падаетъ сильнее подозрѣніе со стороны Юдиной на новую сожительницу купца Игнатія Виноградова, Авдотью Яковлеву, сочетанную съ нимъ по тому же Преображенскому обряду. По чему Мировой Съѣздъ постановилъ: «Поручить произвести дополнительное изслѣдованіе уже Яузскому Мировому Судьѣ, съ вызовомъ купца Игнатія Виноградова, названной его жены Авдотьи Яковлевой, и солдатки Марьи Демьяновой, за тѣмъ снова въ Засѣданіи Съѣзда доложить.»

Теперь обратимся къ жалобѣ того же купца, Игнатія Виноградова, на прежнюю свою сожительницу, Марью Юдину, и къ разбирательству у того же Мироваго Судьи, Г. Данилова; сущность жалобы купца Виноградова въ слѣдующемъ: «Я, купецъ Игнатій Виноградовъ, съ своею (названною) женою, Авдотьею Яковлевою, катался въ селѣ Черкизовѣ (Лефортовской Части) въ саняхъ, въ прошлое Воскресенье, на масляницѣ, сего 1867 года, 6 Февраля; въ это время, мѣщанка Марья Юрина (прежняя его сожительница по Преображенскому обряду) бросила мнѣ въ сани пятилѣтняго мальчика Павла съ словами: «Возьми, покатай и его! Вѣдь, онъ твой!»

По этому дѣлу происходило разбирательство у него же, Г. Данилова, 31 Марта, также въ Маѣ и въ Іюнѣ того же года, и по приговору Г. Судьи Лефортовскаго участка Марья Юдина была присуждена къ двухнедѣльному аресту, или ста рублямъ штрафа.

Вообще съ перваго раза дѣло это само по себѣ не обѣщаетъ широкихъ послѣдствій, но внимательно всмотрясь въ обстоятельства жалобъ, какъ той, такъ и другой, сторонъ, видно, что купецъ Игнатій Виноградовъ нѣкогда принадлежалъ къ Православной Церкви, какъ объ этомъ заявляетъ прежняя его сожительница по Преображенскому обряду, Марья Юдина, такъ какъ родные братья Игнатія Виноградова и до сего времени находятся въ нѣдрахъ Православія; но какими судьбами Виноградовъ и когда именно уклонился въ Расколъ Ѳеодосіевской, Юдина опредѣлить съ точностію не можетъ. Такъ ли, иначе, но Игнатій Виноградовъ уклонился въ Расколъ, чему неопровержимымъ доказательствомъ служатъ какъ его родные братья, рожденные въ Православіи, такъ и самыя Метрики. Если же купецъ Игнатій Виноградовъ не признаетъ своею женою по Преображенскому обряду сочетанную съ нимъ, Марью Юдину, то на какомъ основаніи онъ, какъ сектантъ безбрачнаго толка, не вѣнчанный ни въ какой церкви, и даже въ кладбищенской часовнѣ (гдѣ, какъ извѣстно, сектанты безбрачники брака не совершаютъ и не признаютъ его), признаетъ своею женою послѣднюю свою сожительницу, Ѳедотью Яковлеву? Правда, купецъ Игнатій Виноградовъ ссылается на какое-то заявленіе въ Канцеляріи Г. Московскаго Генералъ-Губернатора, отъ 8 Октября, 1866 года, утверждая, что чрезъ подобныя заявленія сектанты по Преображенскому согласію установляются въ ихъ гражданскомъ бракѣ, т. е., бракъ ихъ признается, говоря словами самаго Игнатія Виноградова, по Высочайшему Манифесту дѣйствительнымъ и законнымъ. На вопросъ Г. Повѣреннаго Маріи Юдиной купцу Виноградову, какой это Манифестъ (?) подразумѣваетъ онъ въ свою пользу? Виноградовъ разъяснить этого вопроса не могъ, но заявлялъ только одно, что у нихъ, на кладбищѣ (Преображенскаго Толка), это всегда ведется такъ. Дальнѣйшихъ же подробностей этого гражданскаго бракосочетанія мы узнать не могли. Впрочемъ, купецъ Виноградовъ обѣщался Г. Лефортовскаго участка Миро-

вому Судьѣ представить изъ Канцеляріи Губернатора болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія по этому Θеодосіевскому безбрачному многоженсву. *

Разскажемъ еще случай изъ недавняго времени, касательно сводныхъ гражданскихъ браковъ у Θеодосіевцевъ.

Въ послѣдній мясоѣдъ, передъ масляницею 1868 года, былъ совершенъ сводный бракъ нѣкоего Θеодосіевца Преображенскаго Толка, Сырцова, съ Московскою мѣщанкою, Пелагеею Михайловою, чрезъ одно родительское, или кого изъ старшихъ своего Толка, благословеніе. Пелагею Михайлову выдавала замужъ тоже Старовѣрка бабка, у коей Михайлова находилась на воспитаніи, какъ пріемышъ. Въ приданое за невѣстою Сырцову было дано 300 руб. денегъ и нѣсколько ткацкихъ становъ, кромѣ извѣстнаго приданаго, состоящаго изъ носильнаго платья и другихъ необходимыхъ вещей для невѣсты. Пелагея Михайлова прожила въ замужствѣ за Сырцовымъ съ масляницы по Θомину недѣлю, и такъ какъ она находилась въ семьѣ свекрови, которая завѣдывала всѣмъ домомъ своего сына, мужа Михайловой, и, въ слѣдствіе какихъ-то житейскихъ расчетовъ, свекровь Сырцова начала тѣснить молодую Михайлову, то дѣло черезъ семейныя непріятности было доведено до развода мужа съ женою. Волею, неволею, Михайлова должна была покинуть слабохарактернаго своего, почти несовершеннолѣтняго, мужа Сырцова, и такимъ образомъ на Θоминой состоялся бразный разводъ при извѣстныхъ свѣдѣтеляхъ.

Изъ дѣла, происходившаго у Лефортовскаго Мироваго Судьи, а равно и изъ свѣдѣтельскихъ показаній, было видно, что Пелагея Михайлова, сбирая всѣ свои приданные пожитки, три раза поклонилась своему мужу, по своему обряду, въ ноги, положивъ началъ передъ иконами, и за тѣмъ стала прощаться со своею свекровью и предстоящими свѣдѣтелями. При этомъ, довольно своеобразномъ и простомъ, разводѣ родственники и сама Михайлова неоднократно обращались къ свекрови Сырцовой за деньгами, данными за нею въ приданое, 300 руб. сер., и за ткацкими

* См. газету «Гласный Судъ,» за 1867 г., № 228.

станами. О первыхъ Сырцова мать отвѣчала, что деньги истрачены на свадьбу, а станы будутъ возвращены ей въ другое время.

Сдѣлка видимо была руководима опытною юридическою рукою, по тому что, какъ шли всѣ этѣ семейные переговоры, мать Сырцова составила особую росписку чрезъ кого-то изъ присутствующихъ, и при возвратѣ приданаго Михайловой велѣла и ей подписать росписку, за нею подписались зрители, въ видѣ свѣдѣтелей сей миролюбовной разводной сдѣлки. Въ роспискѣ, конечно, не было упомянуто ни о деньгахъ 300 руб., ни о станахъ кацкихъ. Но въ скоромъ времени изъ приданыхъ 300 руб. и кацкихъ становъ возникло у Лефортовскаго Мироваго Судьи дѣло, гдѣ мы и были очевидцами безженнаго-многоженства Ѳеосіевцевъ-Преображенцевъ, проповѣдующихъ своимъ послѣдователямъ жизнь безбрачную, но на самомъ дѣлѣ сводящихъ для своихъ парней и дѣвицъ какіе-то браки, не признаваемые, въ случаѣ видимой пользы и нужды, даже самими брачащими. Спрашивается: что же это? Ученіе ли въ жизни, или дѣйствительность въ формѣ Ѳеодосіевскаго развратнаго безженнаго многоженства? Въ судѣ намъ пришлось спросить сторонниковъ Пелагеи Михайловой, что именно заставило мать Сырцова тѣснить молодую чету?» Намъ отвѣтили: «Сдѣсь, отецъ мой, простой житейскій расчетъ. Взять въ приданое за сына деньги и станы, а послѣ молодую прогнать, а тѣмъ подыскать своему сыну другую сводную жену, разумѣется, чтобы была не безъ выгоды, да и не безъ денегъ: это и значитъ у нихъ сводить свадьбу по Ѳеодосіевскому благочестію,» кромѣ паживать капиталецъ. Вѣдь, оно тутъ не завидно для дѣвокъ и бабъ, за то мужикамъ-то добре хорошо и тепло отъ такихъ ихъ браковъ....

20-го Сентября, 1868 г., у Хамовническаго Мироваго Судьи разбиралось слѣдующее дѣло:

Крестьянинъ Владимирской Губерніи, Никита Филипповъ, обвинялъ Верейскую мѣщанку, Глушкову, въ кражѣ у него во время сна, изъ за голенища сапога, 93 р. с.; Глушкова же обвиняла Филиппова въ томъ, что онъ, будучи съ нею обвѣнчанъ по Старообрядчеству, прогналъ ее отъ себя и не хочетъ признавать ее своею женою.

Судья. Такъ вы мужъ и жена?

Филипповъ. Ни какъ нѣтъ, Ваше Благородіе.

Глушкова. Какъ нѣтъ! Чай на свадьбѣ-то всѣ твои родственники и знакомые были, всѣ скажутъ....

Филипповъ. Это точно-съ, что меня поздравляли, только она у меня въ прачкахъ жила, да вотъ и вытащила у меня изъ сапога 93 р. с., когда я спалъ.

Глушкова. Врётъ онъ все, Ваше Благородіе! Никогда у него не была прачкой; для него больно дорога будетъ такая прачка.

Филипповъ. Еще бы не дорога! 93 р. вытащила.

Глушкова. Я свои взяла; ты у меня сколько денегъ-то перетаскалъ?....

Судья снова останавливаетъ спорящихъ и читаетъ обвиненіе Глушковою Филиппова, въ которомъ, между прочимъ, говорится, что вѣнчали ихъ подъ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, гдѣ-то на Нѣмецкой улицѣ; дома она, впрочемъ, не помнитъ; что свадьбу эту устроилъ живущій въ Дорогомиловской Слободѣ, въ своемъ домѣ, мѣщанинъ Петръ Ѳоминъ, который увѣрялъ ее, Глушкову, что Филипповъ подастъ прошеніе о признаніи этого брака законнымъ; а что они дѣйствительно вѣнчаны, о томъ знаютъ всѣ родственники и знакомые Филиппова, бывшіе на свадьбѣ. При этомъ Глушкова приложила, какъ доказательство, выданное Филиппову отъ Волостнаго Правленія дозволеніе на вступленіе во второй бракъ.

Судья (Глушковой): Вы Старообрядка?

Глушкова. Нѣтъ-съ, я Церковная.

Судья. А вашъ мужъ?

Глушкова. Вы видите, Ваше Благородіе, лобъ-то стриженый.

Филипповъ. Никогда я не былъ Раскольникомъ.

Глушкова. Не былъ? Онъ и въ церковь не ходитъ, Ваше Благородіе; сколько лѣтъ уже не говѣлъ.

Судья (Глушковой). За чѣмъ же вы, будучи не Раскольницей, выходили за него замужъ и вѣнчались съ нимъ не въ церкви, а въ какомъ-то домѣ?

Глушкова. Мнѣ сказали, что это все равно, и онъ самъ увѣрилъ меня, что подастъ прошеніе, чтобы насъ считали повѣнчанными.

Судья (Филиппову). А вы обвиняете ее въ похищеніи ею у васъ денегъ?

Филипповъ. 93 р. вытащила изъ за сапога.

Глушкова. Я свои взяла изъ сундука. Онъ и женился-то на мнѣ за тѣмъ, что питейный домъ хотѣлъ открыть, да денегъ на патентъ не было.

Филипповъ. Какая ты мнѣ жена? Моя жена умерла.

Судья (Глушковой). Вы признаетесь, что взяли деньги?

Глушкова. Взяла свои, чтобы онъ ихъ не пропилъ. Онъ пьянствуетъ безъ просыпу, только вотъ нынче маленько очнулся. Мнѣ и родные его говорятъ: «Не давай ему денегъ!» Онъ самъ меня кругомъ обобралъ и дѣтей своихъ отъ первой жены на мою шею бросилъ.

Филипповъ. Я не знаю, какъ ты украла и дѣтей моихъ. А вѣнчанъ съ нею я не былъ: развѣ постомъ вѣнчаютъ? Она, Ваше Благородіе, такая женщина, что когда я пошелъ на нее жалиться, такъ она въ квартиру въ окно влѣзла и самоваръ мой унесла.

Глушкова. Неправда, безстыжіе твои глаза! Я свой самоваръ взяла, чтобы ты и его не пропилъ.

Филипповъ. Бѣлье мое удержала у себя, мѣру картофеля унесла, три подушки (обращаясь къ публикѣ): вотъ какова жена-то!

Глушкова. Онъ все говоритъ неправду; спросите, Ваше Благородіе, Петра Ѳомича: онъ все знаетъ.

Филипповъ. Петръ-то Ѳомичъ самъ хотѣлъ жениться на ней.

Глушкова. И родственниковъ его спросите; всѣ знаютъ что я жена ему, а то передайте дѣло Судебному Слѣдователю.

Судья (Глушковой). Вы говорите, что вынули изъ сундука свои деньги: откуда же вы взяли ихъ?

Глушкова. У меня были 2 коровы, я ихъ и продала: это вся Дорогомиловка знаетъ, да вотъ еще....

Филипповъ. Она путаетъ все (зажмуриваясь): ни какихъ я коровъ у ней отродясь не видалъ.

Судья (Филиппову). Помолчите!

Глушкова. Вотъ еще, Ваше Благородіе: онъ у меня деньги бралъ, вотъ и росписка его (подаетъ Судьѣ росписку).

Судья. Это онъ самъ писалъ?

Глушкова. Нѣтъ-съ. Вонъ тамъ (указываетъ на входныя двери) три пьяницы стоятъ: изъ нихъ кто ни будь.

Судья. Росписка писана на имя Филипповой.

Глушкова. Я и есть Филиппова: какая я Глушкова!

Судья (Филиппову). Какія вы можете представить доказательства, что Глушкова дѣйствительно похитила у васъ 93 р. с.

Филипповъ. Въ дѣлѣ все прописано.

Судья. Постановилъ рѣшеніе: «Глушкову считать по суду оправданною во взведенномъ на нее обвиненіи, а дѣло о бракѣ передать въ Московскую Духовную Консисторію.»

Судья (Глушковой). Довольны ли вы?

Глушкова. Довольна-съ.

Филипповъ. Еще бы не довольна! Возьми еще полтораста рублей, еще довольнѣе будешь.

Судья. Не смѣйте такъ говорить!

Филипповъ. Слушаю, Ваше Благородіе, слушаю!

Судья (Филиппову). А вы довольны?

Филипповъ. Ни какъ нѣтъ-съ, очень недоволенъ даже. *

---

* См. «Петерб. Газету,» 1868 года, № 142.

3.

ДЛЯ СТАРООБРЯДЦЕВЪ БЕЗПОПОВЦЕВЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО КЛАДБИЩА.

«Щадить слабаго есть дѣло человѣчное, когда относятся къ юдямъ; но оказывать пощаду направленіямъ, которыхъ господтво мы допустить не хотимъ и не можемъ, значитъ плодить этѣ аправленія и приготовлять въ будущемъ новую борьбу съ ними, орьбу, которая по необходимости будетъ сопряжена съ новою ибелью людей. Въ борьбѣ съ людьми примиреніе возможно, но ъ борьбѣ съ идеями, какъ замѣчаютъ, не можетъ быть мира: ихъ адобно упразднить до конца; съ ними надобно бороться, пока не исчезнетъ послѣдній слѣдъ ихъ» («Моск. Вѣд.», ъ перед. стат., № 203, за 1864 г.).

Мудрое правило, которое мы сдѣсь выписали, должно составять основную статью каждаго политическаго уложенія. Щадить лабыхъ людей есть святая обязанность человѣка, и для того менно, чтобы щадить ихъ, необходимо не щадить направленія, оторыя ведутъ ихъ неправымъ путемъ. Преслѣдованіе личностей е искореняетъ направленія; мы это видимъ въ Расколѣ.

Мудрое Правительство отмѣнило преслѣдованіе въ отношеіи къ личностямъ Раскола, но нельзя полагать, чтобы оно отазалось отъ борьбы съ Расколомъ, какъ съ идеею, какъ съ нараленіемъ; иначе оно отказалось бы отъ покровительства Праславной Церкви. Общество обязано содѣйствовать Правительву и, чуждаясь гоненій, направленныхъ на личность, должно, днако же, бороться съ идеей и съ направленіемъ. Вотъ предиовіе и вступленіе къ моей премирительной статьѣ противъ сочиителя «Гражданскихъ думъ.» Я легко могъ бы указать на ошибки, на непохвальный умыселъ, на хитрыя намѣренія сочинителя 'ражданскихъ думъ,» но я имѣю дѣло не съ нимъ, а съ его сповѣданіемъ; я завелъ тяжбу не съ Старовѣромъ Преображенкаго кладбища, а съ Расколомъ, и если въ моемъ отвѣтѣ я обащаюсь къ Раскольничьему писателю, то единственно какъ къ редставителю убѣжденій и направленія: до его личныхъ мнѣній нѣ нѣтъ ни какого дѣла.

Въ Замѣткѣ нашей, помѣщенной въ «Сѣверной Пчелѣ,» № 127, за 1863 г., * мы спросили сочинителя «Гражданскихъ думъ: «Отъ себя ли, или отъ своего общества, онъ говоритъ?»

Въ «Отповѣди Старовѣра» дается косвенный отвѣтъ на этотъ вопросъ; онъ выражается такъ: «По собственному призванію и убѣжденію я говорилъ за общество, а общество за себя отвѣчало предъ всѣмъ міромъ» («Совр. Лѣт.,» № 33-й, за 1864 г.).

Не то высказалъ онъ въ «Гражданскихъ думахъ» («Совр. Лѣт.» за 1863 г., № 33); тамъ онъ прямо говоритъ какъ бы за общество; а теперь утверждаетъ, что онъ писалъ за себя, а общество отвѣчало предъ цѣлымъ міромъ. Ужь не въ адресѣ ли? Адресъ, конечно, есть актъ, составленный смѣло и подписанный старшинами общества; но и «Исповѣданія,» представляемыя отъ разныхъ Согласій Правительству, также составлены смѣло, за общимъ подписомъ, какъ акты. Спрашиваемъ теперь послѣдователей Ильи Ковылина и, вмѣстѣ съ нимъ, всѣхъ его единовѣрцевъ, пусть отвѣтятъ они по чистой совѣсти, на сколько слова поданныхъ ими Исповѣданій согласуются съ дѣломъ? Такъ ли они поступаютъ, какъ обѣщаютъ поступать? И жилые бѣгунки (странники), отрасль Θеодосіевская, такъ же какъ и Преображенцы, удостовѣряютъ въ своихъ Исповѣданіяхъ, что они признаютъ предержащія власти и имъ повинуются. Но такъ ли это на дѣлѣ?

Тѣмъ ли Преображенцы признаютъ «предержащія власти,» что признаютъ всѣ дѣла ихъ дѣломъ Антихриста, а исполнителей закона—слугами или поборниками Антихриста? (См. «Сборникъ Н. Попова,» т. 1-й, стр. 4). Вотъ ихъ духовное исповѣданіе, ихъ убѣжденіе, правила, которыми они руководствуются въ жизни. Они присягаютъ быть вѣрными своему Уставу, слѣдовать неуклонно этѣмъ правиламъ (См. т. 1-й: «Польскій Уставъ и Чинъ оглашенія,» стр. съ 1-й по 121). Будутъ ли Θеодо-

---

* Эта «Замѣтка» помѣщена также въ «Сборникѣ для исторіи Старообрядчества,» изд. Н. Попова, т. 1-й, на стр. 143.

сіевцы Преображенцы утверждать послѣ того, что они искренно и нелицемѣрно сознаютъ то, что послѣ этой присяги пишутъ въ «Исповѣданіяхъ» и другихъ завѣреніяхъ, представляемыхъ Правительству, содержаніе которыхъ идетъ въ явный разладъ съ коренными правилами ихъ Вѣры? Но не всѣ такъ смѣло рѣшатся расходиться съ правдой всенародно, какъ смиренный Старовѣръ, сочинитель «Гражданскихъ думъ и Отповѣди;» не всѣ съ такою готовностію рѣшатся отречься отъ Вѣры, въ которой родились и воспитаны. Даже самъ послѣдователь Ковылина не рѣшается сказать всенародно, что онъ пишетъ отъ своего Согласія, что выражаетъ въ думахъ своихъ внутреннія убѣжденія людей его Согласія, хотя во многихъ мѣстахъ этѣхъ думъ говоритъ не своимъ только именемъ: «мы, Старовѣры, насъ, Старообрядцевъ» и т. п. Вотъ по чему я такъ смѣло спросилъ сочинителя «Гражданскихъ думъ:» за себя ли, или и за общину говоритъ онъ въ своихъ писаніяхъ, и вотъ по чему былъ онъ поставленъ въ невозможность опредѣлительно отвѣчать на мои вопросы. Вмѣсто отвѣта, Ѳеодосіевецъ самъ задаетъ мнѣ вопросы о моемъ происхожденіи и проч., какъ это обыкновенно дѣлаютъ Раскольничьи витіи, уклоняясь отъ отвѣтовъ.

Сочинитель «Отповѣди» спрашиваетъ меня: кто я такой, и изъявляетъ какъ будьто сомнѣніе, что я Русскій. Что Николай Ивановъ Поповъ Русскій по происхожденію, это доказываетъ его имя и исповѣдуемая имъ Православная Вѣра, и объ этомъ вопроса быть не можетъ. Русскій ли я по духу, это я по возможности доказывалъ вамъ въ первой моей «Замѣткѣ» на ваши «Гражданскія думы.» Я защищалъ Православіе, одну изъ главныхъ основъ Русской народности, и если намъ свести счеты съ вами, по характеристическимъ отличительнымъ признакамъ Русскаго человѣка, то я болѣе Русскій, чѣмъ вы, и мнѣ предстоитъ уже не только сомнѣваться, точно ли вы Русскій, но рѣшительно сказать, что вы не вполнѣ Русскій, пока вы не Православный. Въ политическомъ отношеніи вы, конечно, Русскій, какъ сынъ общей матери, столько же Русскій, какъ подданные Россіи Поляки, Татары, Чуваши, какъ всѣ дѣти, которыхъ питаетъ Русь Православная; но предъ лицомъ Русской Церкви вы отщепенецъ, такъ какъ вы отщепились отъ нея, а наше единоборство съ вами происходитъ на

почвѣ церковной, а не политической: мы сражаемся съ вами не за Государственное знамя, не за національный флагъ, а за святую хоругвь Православной Церкви, и на этомъ полѣ брани я стою подъ Русскимъ стягомъ, а вы подъ знаменемъ чуждымъ Русской Церкви и, слѣдственно, Русскаго народа.

Сочинитель «Отповѣди,» ссылается на наши извѣстные журналы и газеты, которые съ снисхожденіемъ отзывались о Раскольникахъ: но не полагаетъ ли онъ, перебирая, какъ по лѣстовкѣ, имена всѣхъ литературныхъ дѣятелей, у которыхъ чувство вѣротерпимости вызвало доброе слово за заблудшихъ братій, не полагаетъ ли онъ, что утвердилъ тѣмъ за собою право думать, какъ думалъ доселѣ, поступать, какъ поступалъ доселѣ? Слова этѣхъ литературныхъ заступниковъ только терпимость, а не одобреніе; только снисхожденіе къ заблужденію, а не поощреніе въ заблужденіи.

Будь Старовѣры тѣ исполнителями, какъ гражданскихъ, такъ и общественныхъ, законовъ не на словахъ, какъ въ вашихъ «Исповѣданіяхъ,» или «Гражданскихъ думахъ,» но исполнителями на дѣлѣ, тогда больше и желать нечего, и споръ нашъ прекратился бы, да и не возникъ бы никогда. Не за сладкія рѣчи ваши ратую я противъ васъ, а за лукавое слово въ устахъ вашихъ, за Фарисейство вашей братіи, и не перестану ратовать, пока у меня станетъ силъ. Я не возстаю на учрежденія вашего общества, на уравненіе васъ въ правахъ религіозныхъ и гражданскихъ со всѣми другими подданными Россіи. Этого уравненія я только и желаю; но я, вмѣстѣ съ этѣмъ, желаю и того, чтобы вы не могли безнаказанно дѣлать то, чего другимъ законъ не позволяетъ. Не отъ какого-то фантастическаго общества требую васъ къ отвѣту, какъ вы выражаетесь, а отъ всего Русскаго гражданскаго общества, которое не можетъ допустить, чтобы вы присвоивали какія либо права въ ущербъ этого общества, и чтобы еще утверждали, что религіозная терпимость должна быть распространена и на противозаконныя ваши дѣйствія. Вы пишете, что «не ищете себѣ ни какихъ правъ и преимуществъ, ни государственныхъ, ни политическихъ, ни какихъ льготъ,» а между тѣмъ, въ этой же «Отповѣди» не-

осторожно проговорились, что «вы желаете, чтобы ваши незаконныя жены или любовницы были признаны законными, и незаконнорожденныя дѣти были законными наслѣдниками.» Развѣ это не премущество предъ другими Русскими подданными? За что же вы хотите, чтобы этотъ неумолимый законъ былъ снисходительнѣе къ вамъ, чѣмъ къ другимъ гражданамъ общества? За что долженъ онъ оказывать вамъ это премущестао предъ другими? Не за то ли, что вы Старовѣры?—Но Старовѣрчество есть только терпимое закономъ заблужденіе, и ни какъ не заслуга и не право на то, въ чемъ законъ отказываетъ нестаровѣрамъ.

Да и для какихъ женъ и для какихъ дѣтей просите вы правъ, когда у васъ ни женъ, ни дѣтей быть не можетъ? Вѣнчанныхъ женъ у васъ нѣтъ, по тому что у васъ нѣтъ обряда вѣнчанія; наложницъ у васъ быть не должно, по тому что, по установленнымъ Ильей Ковылинымъ правиламъ, послѣдователи его должны жить безженно и въ цѣломудріи. * А вѣдь вы сами подписались подъ одной изъ вашихъ статей «послѣдователемъ Ильи Алексѣева Ковылина» (Смотр. «Моск. Вѣд.,» № 78-й, за 1863 г.), и опять выходитъ, что не то во устахъ, что въ мысли. **

Теперь сочинителю «Отповѣди» я не лишнимъ считаю объявить коечто о предпринятомъ мною изданіи: «Сборникъ матеріяловъ для исторіи Старообрядчества.» Въ изданіи моемъ помѣщаю всѣ собранныя мною его Толка церковныя правила, и духовный уставъ, и дѣлаю это какъ съ тѣмъ, чтобы этѣ документы могли послужить матеріяломъ для исторіи Раскола, такъ для того, чтобы общество и власти видѣли, что именно въ Ѳеодосіевскомъ Преображенскомъ Согласіи подлежитъ разумной

---

* Ужь не для Новоженовъ ли вы желаете этѣхъ правъ, которые, по ученію Ильи Ковылина, не допускаются даже ни къ вашей общей молитвѣ, ни къ причастію, ни къ дружбѣ и т. п.?

** Желающіе знать въ подробности правила безбрачной жизни Преображенцевъ Ѳеодосіевцевъ, могутъ прочесть ихъ въ нашемъ «Сборникѣ для исторіи Старообрядчества,» т. I, въ отдѣлѣ «Безпоповщина.»

терпимости и что оскорбляетъ законъ. Только высшимъ властямъ извѣстенъ отчасти ихъ Церковный Уставъ и главные ихъ обряды. Властямъ второстепеннымъ, въ управленіи которыхъ находятся и они, ученіе ихъ и религіозные обычаи, или вовсе незнакомы, или извѣстны только по слухамъ, не всегда вѣрнымъ, часто сбивчивымъ и иногда противорѣчивымъ. Для нихъ-то мой Сборникъ будетъ важнымъ пособіемъ при разбирательствѣ случаевъ, гдѣ нерѣдко они, Ѳеодосіевцы, свои гражданскіе проступки оправдываютъ своими религіозными правами. Этѣ власти будутъ знать, съ кѣмъ онѣ имѣютъ дѣло, будутъ видѣть, до какихъ границъ можетъ идти вѣротерпимость безъ нарушенія законовъ и обязательныхъ Правительственныхъ правилъ. Тѣ же лица духовныя, или свѣтскія, которыя примутъ на себя обязанность проповѣдниковъ въ ихъ духовной области, найдутъ въ моемъ Сборникѣ вѣрныя указанія: гдѣ гнѣздится зло, въ чемъ именно состоитъ заблужденіе, и какъ предстоитъ имъ дѣйствовать, чтобы бороться съ этимъ зломъ и образумить заблудшихъ.

Въ заключеніе я беру смѣлость посовѣтовать сочинителю «Гражданскихъ думъ» не писать «Отповѣдей» на то, на что отвѣчать нечего. Ваши слова, какъ бы краснорѣчивы они ни были, никогда не будутъ такъ убѣдительны, какъ данныя, а этихъ данныхъ вы не сотрете своей Раскольничьей діалектикой ни въ исторіи Раскола, ни въ исторіи Преображенскаго кладбища, ни въ вашихъ Церковныхъ Уставахъ. Прочтите «Уставъ Покровской Монинской часовни,» и тогда у васъ пройдетъ охота увѣрять печатно, что вы молитесь за Царя. Тамъ найдете вы явныя улики, что это неправда; кромѣ указаннаго «Устава (Монинскаго), это доказано несомнѣнно также и въ статьѣ «Примиренія Преображенцевъ съ Филипповцами въ 1780 г.» *

---

* См. газету «Современный Листокъ» за 1865 г., № 11 и 12.

4.

ЗАМѢЧАНІЯ

НА СТАТЬЮ «РАСКОЛЪ И ЕДИНОВѢРІЕ» Г. ЮРЬЕВА. *

Въ 1863 году, № 44 «Современной Лѣтописи,» сочинитель «Гражданскихъ думъ Безпоповца,» только что вступившій тогда на литературное поприще и за статьи свои попавшій въ опалу у своего Согласія, упоминаетъ о нѣкоемъ Юрьевѣ, «протянувшемъ руку помощи упадшему духомъ и силами.»

Этотъ Г. Юрьевъ не удовольствовался тогдашнимъ покровительствомъ ему; но та самая рука, которую онъ протянулъ собрату своему, написала теперь длинную статью, съ единственною, кажется, цѣлью, чтобы, въ концѣ ея, сказать нѣсколько словъ въ защиту опальнаго, «претерпѣвшаго безчисленное множество непріятностей и гоненій отъ тѣхъ, за кого онъ ратовалъ—отъ своихъ братій по Вѣрѣ и убѣжденіямъ» (?).

Мы не совсѣмъ согласны съ Г. Юрьевымъ въ томъ, чтобы Преображенское Согласіе было однихъ убѣжденій съ своимъ одновѣрцемъ, сочинителемъ «Гражданскихъ думъ.» Если бы было такъ, за что бы, кажется, подвергать своего защитника непріятностямъ и гоненіямъ? У людей съиздавна заведено отстаивать своихъ единомышленниковъ, и если бы тотъ раздѣлялъ мысли и убѣжденія Преображенцевъ, ему нечего было бы бояться опалы и гоненій; но мы объ этомъ поговоримъ въ другой разъ, а теперь взглянемъ на содержаніе статьи Г. Юрьева.

Въ прошломъ году я возсталъ противъ Ѳеодосіевца за невѣрность его показаній времени и основныхъ правилахъ Преображенской общины (см. «Сборникъ Н. Попова» т. I, стр. 143). Съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ которымъ возражалъ на хвалебно-

* См. «Современную Лѣтопись,» № 8, за 1865 г.

ложныя слова соч. «Гражданскихъ Думъ,» скажу теперь, что Г. Юрьевъ вѣрно очертилъ теперешнее положеніе дѣлъ въ Преображенской общинѣ. Дѣйствительно, тѣ нелѣпые взгляды на браки, которые до сихъ поръ еще существуютъ между Преображенцами внушили имъ ихъ наставники, такіе какъ Илья Ковылинъ и другіе. Аскетизмъ и безбрачіе и строгія правила Согласія, совершенно исключающія не только семейную жизнь, но и общеніе съ людьми, какъ справедливо замѣчаетъ Г. Юрьевъ, непримѣнимы для людей торговыхъ и промышленныхъ, поселившихся въ многолюдныхъ городахъ и селахъ. Распущенность въ нравахъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе безбрачія, явилось очевидною уликой несовмѣстимости этого состоянія съ жизнію, была замѣчена самими Безпоповцами, и вопросъ о бракѣ еще былъ возбужденъ между ними во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Этотъ вопросъ вызвалъ вражду и рознь между защитникомъ брачной жизни, Василіемъ Емельяновымъ, и основателемъ Преображенскаго кладбища, Ильею Ковылинымъ, а послѣдствіемъ этой вражды было отдѣленіе Емельянова съ своими приверженцами отъ Преображенскаго Согласія и основаніе Покровской Монинской молельни.* До сихъ поръ Г. Юрьевъ говорилъ дѣльно, но, въ слѣдъ за этимъ, не знаю, какой враждебный геній внушилъ ему убѣжденіе, что та самая распущенность нравовъ, которая въ Ковылинскомъ Согласіи явилась, какъ неизбѣжное послѣдствіе безбрачной жизни, проникла въ общину Василія Емельянова, какъ слѣдствіе обязательныхъ браковъ. Съ перваго вгляда такое противорѣчіе невольно поражаетъ читателя, но, прочтя раза два съ должнымъ вниманіемъ статью Г. Юрьева, мы видимъ, что онъ сопоставилъ двоякаго рода распущенность нравовъ: общественную у Ковылина, и религіозную у Емельянова. Онъ называетъ развратомъ въ Покровскомъ Монинскомъ Согласіи не то, что мы понимаемъ подъ этимъ словомъ, т. е., не распутную жизнь, не отсутствіе всякихъ супружескихъ и семейныхъ обязательствъ между двумя полами, но онъ называетъ развратомъ и распущенностію нравовъ самые браки по уставу Монинской часовни, по тому только, что обрядъ вѣнчанія, установленный Монинскимъ Уставомъ, не вполнѣ

---

* Подробности о семь см. выше.

согласуется съ обрядомъ вѣнчанія Православной Церкви, И
такъ по мнѣнію Г. Юрьева, всѣ браки, совершенные по обрядамъ Католиковъ, Лютеранъ, Протестантовъ, — также развратъ
и распущенность нравовъ? Слова нѣтъ, что благочестивые ревнители Православной Церкви весьма основательно могутъ сожалѣть
о томъ, что Согласіе, отторгшееся отъ нечестивой ереси и подвинувшееся ближе къ Православію, не вполнѣ приняло обряды
нашей Церкви; но и самое строгое благочестіе не можетъ, и не
должно, называть «распущенностію нравовъ» сочетаніе двухъ супруговъ, обязательное для обоихъ и скрѣпленное обрядомъ Христіанскаго Исповѣданія. И по тому нѣтъ крайней необходимости
налагать съ такого брака «форму религіознаго брака и облекать
только въ форму полнаго брака гражданскаго,» какъ совѣтуетъ
сочинитель статьи.

Еще болѣе странный выводъ дѣлаетъ Г. Юрьевъ изъ одного
знаменательнаго событія, бывшаго, какъ онъ говоритъ, послѣдствіемъ розни и распрей по вопросу о бракѣ между Преображенскими и, отдѣлившимися отъ нихъ, Монинцами. Вотъ что сказано
в статьѣ Г. Юрьева: «Хотя два враждебные стана по вопросу о
бракѣ, каждый остался при своемъ убѣжденіи, но пылъ вражды,
возникшей по поводу этого вопроса, особенно по смерти главныхъ дѣятелей, въ его разрѣшеніи, сталъ мало по малу стихать,
страсти по немногу усмирились: каждая изъ противныхъ сторонъ
видала несостоятельность и ложность началъ, на которыхъ они
защищали и отвергали брачную жизнь; отъ вопроса о бракѣ
перешли и къ другимъ ученіямъ, но и тутъ оказалось, что они во
многомъ ошиблись и далеко отдѣлились отъ общаго духовнаго
и гражданскаго строя. При такомъ сознаніи своихъ заблужденій,
одна часть Безпоповцевъ, болѣе либеральная, тогда же прямо
обратилась къ Православію; а нѣкоторые, кому особенно трудно
было разстаться съ старинною обрядностію, рѣшились искать
твердой опоры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшенія своихъ недоумѣній
въ Единовѣріи.»

Какіе Безпоповцы и когда перешли въ Единовѣріе и Православіе? Читая это, можно подумать, что многіе изъ Преображенцевъ также перешли въ Православіе, или Единовѣріе, а дѣло

было вовсе не такъ. Переходъ въ Единовѣріе и Православіе совершался не въ слѣдствіе распрей о бракѣ, перешли не Преображенскіе Безпоповцы, а исключительно Монинцы. Вотъ какъ это было: Уставъ Монинской часовни (Чинъ пріема Ѳеодосіевца въ часовню, Канонникъ и Епитимейникъ) есть явный протестъ противъ обязательныхъ правилъ Преображенскаго кладбища. Въ этомъ Уставѣ указаны главнѣйшія несообразности ученія Преображенской общины и объяснены поводы, побудившіе Монинцевъ отвергнуть этѣ начала и отдѣлиться отъ Согласія. Въ числѣ отвергнутыхъ Монинцами правилъ были: обреченіе на безбрачіе и не моленіе за предержащія власти, главная основа ученія Преображенской общины. Въ 1827 году одинъ изъ наставниковъ Монинской часовни, Антипъ Андреевъ, самъ прежде Ѳеодосіевецъ, вздумалъ отмѣнить бывшее въ часовнѣ обязательнымъ правиломъ моленіе за предержащія власти, и не признавать браковъ, совершенныхъ въ Православной Церкви... Большинство возстало противъ этого нововведенія, и изъ среды своей далю о томъ знать Правительству; часовня была закрыта, а оставшимся ея послѣдователямъ предстояли двѣ дороги: либо возвратиться къ прежнимъ заблужденіямъ, либо же перейти въ Православіе. Уставъ, которому слѣдовали Монинцы около полувѣка, несравненно ближе подходитъ къ правиламъ Православный Церкви, чѣмъ къ нелѣпымъ ученіямъ Преображенской общины, и понятно, что дѣти разрозненной паствы пошли не назадъ, а впередъ. Отсюда многіе изъ Монинцевъ перешли въ Православіе и Единовѣріе, тѣ же, которые не избрали этой дороги, раздѣлились на кусты и образовали нѣсколько отдѣльныхъ моленъ. И такъ, Г. Юрьевъ, Монинцевъ понудило перейти въ Православіе и Единовѣріе не «сознаніе своихъ заблужденій,» а то, что религіозное ученіе ихъ наставника, Гаврила Ларіонова Скачкова, очищенное отъ многихъ заблужденій Раскола, открыло имъ глаза и дозволило постигнуть святыя истины, проповѣдуемыя Православною Церковью, истины, которыя для закоренѣлыхъ въ ереси Преображенцевъ были непонятны и недоступны. *

---

* Подъ названіемъ Монинцевъ мы сдѣсь разумѣемъ только первоначальныхъ основателей этой молельни, послѣдователей Емельянова и Скачкова, а отнюдь и

Еще въ статьѣ Г. Юрьева есть промахъ. Въ ней говорится о какомъ-то Соборѣ въ 1666 году, но въ этомъ году ни какого Собора не было. Были, правда, одиннадцать пріуготовительныхъ Совѣщаній Русскаго духовенства, безъ участія Восточныхъ Патріарховъ; но на этѣхъ совѣщаніяхъ ни какихъ постановленій не со-

тѣхъ закоренѣлыхъ Раскольниковъ, которые поступили въ это Согласіе изъ Старо-Поморской общины и въ послѣдствіи, предводимые Антипомъ Андреевымъ, своими пагубными нововведеніями довели молельню Скачкова до разрушенія. Похвалы наши относятся исключительно къ разсудительнымъ Старообрядцамъ, сочувствовавшимъ Скачкову въ положенныхъ имъ началахъ новаго вѣрованія у Безпоповцевъ, болѣе всѣхъ другихъ приблизившагося къ Православію. Изъ числа Безпоповцевъ, Скачковъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о томъ, что Православное священство не утратило своей благодати, а Таинства и Православная хиротонія своей священной силы. Общее дѣло о моленныхъ Монина и Владычина въ Канцеляріи Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора хранится за № 106-мъ. Молельня Монина находилась въ Лефортовской Части, а молельня Владычина въ Пятницкой части, на Озеркахъ. Обѣ малельни закрыты въ слѣдствіе предписанія Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Графа Блудова, отъ 10-го Генваря, 1837 года, за № 35. Причины, побудившія къ закрытію помянутыхъ моленныхъ, были слѣдующія: По смерти Монина и Владычина, какъ дома ихъ, такъ равно и находящіяся въ нихъ моленныя, по завѣщанію владѣльцевъ, были переданы въ безраздѣльное владѣніе Раскольничьему обществу Безпоповщинскаго Согласія; но духовныя завѣщанія, какъ Монина, такъ и Владычина, не были утверждены, на томъ основаніи, что новые Раскольническіе монастыри и богадѣльни запрещены закономъ; по чему дома Владычина и Монина, съ принадлежащимъ къ нимъ имуществомъ, переданы законнымъ наслѣдникамъ, а находящійся при моленной Монина иконостасъ и церковныя принадлежности, предписаніемъ на имя Надворнаго Совѣтника, Г. Бороздина (см. докумен. Преображ. клад.), отъ 25-го Іюля, 1838 г., за № 450, разрѣшено передать на Преображенское кладбище. При моленной Монина была устроена богадѣльня, гдѣ проживали 6-ть человѣкъ мужчинъ и 14 женщинъ; лица этѣ переведены частію на Преображенское кладбище, частію же, какъ безпаспортные и предосудительные, высланы изъ Москвы, съ запрещеніемъ возвращаться. Мѣщанинъ Леонтій Гавриловъ и купецъ Гусаревъ подавали просьбы на Высочайшее Имя, чтобы утвердить и исполнить волю завѣщателей, Монина и Владычина касательно ихъ домовъ и общественныхъ моленныхъ, но просителямъ въ семъ было отказано, о чемъ Г. Министръ Внутр. Дѣлъ и сообщилъ Московскому Военному Генералъ-Губернатору, 18 Октября, 1838 года, за № 6101. Дѣйствія по сему дѣлу производились чрезъ Г. Оберъ-Полицеймейстера Цынскаго, Управу Благочинія и Лефортовскую Часть, отъ Канцеляріи же Генералъ-Губернатора былъ командированъ къ сему дѣлу чиновникъ особыхъ порученій, Г. Германъ (смот. объ исполненіи предписанія отъ 10-го Генваря, 1837 года, за

стоялось. Соборъ Русскаго духовенства, съ участіемъ въ немъ Патріярховъ Антіохійскаго и Александрійскаго, былъ въ 1667 году, и на этомъ Соборѣ положено проклятіе, а не клятва, какъ въ статьѣ сказано. Я знаю, слово клятва употребляется иногда въ Русскомъ языкѣ вмѣсто слова проклятіе, но не должно было позволять себѣ этого, говоря о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ Соборное постановленіе по религіозному вопросу; не должно было дѣлать этого, повторяю я, какъ по тому, что выраженіе клятва могло ввести многихъ въ недоразумѣніе и побудить принять Соборъ 1667 г. за другой Соборъ, бывшій въ 1551 году, названный Стоглавымъ, на которомъ составлена была клятва, чтобъ ввести въ Православіе сугубое аллилуіа и двуперстное крестное знаменіе между тѣмъ какъ клятва эта законно отмѣнена именно Соборомъ 1667 года, о которомъ идетъ рѣчь въ этой статьѣ.

Относительно снятія проклятія, произнесеннаго этѣмъ послѣднимъ Соборомъ, мы поговоримъ въ свое время, на своемъ мѣстѣ.

Напрасно опять обвиняетъ меня Г. Юрьевъ, будьто бы я хотѣлъ набросить «неблаговидную тѣнь на Преображенское Согласіе.» Не тѣнь бросилъ я на это Согласіе, но указалъ на немъ неблаговидныя пятна, и теперь самые ревностные послѣдователи Ильи Алексѣевича увидали этѣ пятна и намѣреваются смыть ихъ. Вамъ не безъизвѣстно, что въ концѣ Генваря, 1865 года, поднятъ въ Согласіи вопросъ (въ слѣдствіе моихъ статей) о введеніи моленія за предержащія власти, также объ установленіи браковъ. Объ этомъ собраніи Безпоповцевъ Поморскаго Согласія пріемлющихъ браки, и Ѳеодосіевскаго, послѣдователей Ильи Ковылина, какъ не пріемлющихъ браки, мы сообщимъ краткое свѣдѣніе.

Причиною этого собранія послужили обличительныя статьи сочинителя «Гражданскихъ думъ,» Безпоповца, писанныя издателемъ «Сборника для исторіи старообрядства, Н. И. Поповымъ» (см. Сборникъ т. 1-й, стр. 144), а равно и помѣщенныя въ духовно-

---

№ 35, Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Князя Дмитрія Владиміровича Голицына, и его донесеніе Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 25 Іюля 1838 г., за № 452-мъ).

газетѣ: «Современномъ Листкѣ» (№ 11, 12 и 14, выше нами приведенныя).

Означенныя статьи возбудили въ общинѣ Безпоповцевъ сно-ва старый Раскольничій вопросъ, то есть: о не моленіи за Царя, и о безбрачіи Ѳеодосіевцевъ Преображенцевъ.

Собраніе Безпоповцевъ происходило въ 1865 году, 24 Генаря, въ домѣ Михайла Филиппова Иванова, что въ Преображенскомъ, въ 9-й ротѣ.

Со стороны Поморскаго Согласія представителями были слѣ-дующія лица: Елисей Савичъ Морозовъ, Онисимъ Никифоровъ абушкинъ, Авдѣй Семеновъ Володимирскій, Василій Тимоѳеевъ, лексѣй Михайловъ Мышинъ, Зарайскій, Иванъ Евграфовъ, и ругіе; со стороны Ѳеодосіевцевъ: Власъ Емельяновъ Кулешни-въ, Ѳедоръ Павловъ Ермиловъ, Иванъ Андреевъ Горшечни-въ, Михайло Филипповъ Ивановъ, Мартынъ Степановъ, настав-къ съ Преображенскаго кладбища: и другія лица, всего съ ѣихъ сторонъ до 200 человѣкъ. Къ сожалѣнію, изъ подобнаго бранія Безпоповцевъ не вышло ни чего путнаго. Каждая сто-на осталась при своихъ мнѣніяхъ: Ѳеодосіевцы отрицали брач-о жизнь у своихъ послѣдователей, а до вопроса: моленіе за ря, даже и очередь не дошла. Вы знаете, что противъ этого ювведенія явилось и противодѣйствіе, за которымъ, къ сожа-ію, на первомъ прѣніи осталась побѣда. Впрочемъ, обѣ партіи ти равносильны и упорство безбрачниковъ видимо ослабѣваетъ. протягивайте же имъ «руку помощи,» Г. Юрьевъ, какъ вы, по ротѣ своей, привыкли это дѣлать; предоставьте своей участи ядшихъ духомъ и силами,» и тогда, въ настоящемъ случаѣ, вы гупите, быть можетъ, не такъ великодушно, какъ вы посту-и съ сочинителемъ «Гражданскихъ думъ,» за то честно и до-совѣстно. *

Москва.

. газету «Современ. Листокъ» за 1865 г., № 41.

XX.

НАДГРОБНАЯ НОВОЖЕНУ.

Подъ камнемъ симъ лежитъ
Отличный человѣкъ:
Ни холостъ, ни женатъ,
Онъ былъ во весь свой вѣкъ.
Святой иконой ихъ
Хотя благословляли,
Во скверности пожить
Святыней покрывали.
Онъ звалъ жену свою
Хозяйкою всегда,
Законною жь женой
По Вѣрѣ никогда.
Любовника отцы,
Пѣвцы что отпѣвали,
Съ любовницей его
Друзья здѣсь провожали.

Андреянъ Сергѣевъ.

С.-Петербургъ.
13 Октября, 1836 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Θеодосіевцы Преображенскаго кладбища.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Монинское согласіе въ Москвѣ.

Стр.

О
ЗАПИСКАХЪ
ЮРЬЕВСКАГО АРХИМАНДРИТА ФОТІЯ.[1]

Въ 1-й книгѣ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1868 года (отд. V, стр. 261—272) напечатаны «Извлеченія изъ Записокъ Фотія.» Злорадство и гордыня сочинителя «Записокъ» выразились въ нихъ во всей наготѣ своей. Издатель, впрочемъ, предваряетъ читателей, что слѣдуетъ «осторожно принимать показанія и отзывы такого страстнаго человѣка, сличать ихъ съ показаніями и отзывами другихъ, болѣе хладнокровныхъ и безпристрастныхъ современниковъ, то же не хуже его знакомыхъ съ тѣмъ, что разсказываетъ онъ.» Передаваемое же имъ о Филаретѣ и его о немъ сужденіе онъ совѣтуетъ «сличить и повѣрить съ извѣстіями другихъ и съ разсказами самаго Владыки, какъ извѣстно, справедливѣйшаго человѣка нашихъ дней, сохраненными потомству въ «Запискахъ о жизни и времени Святителя.» Тогда правда выйдетъ наружу, что бы ни говорили нерасположеніе, завистъ и злоба къ мужу, который составляетъ лучшее

---

[1] Сочинитель «Записокъ о жизни и времени М. М. Филарета» приготовляетъ свой трудъ къ посмертному, какъ говоритъ, изданію. Иное изъ пополненій и поясненій онъ помѣщаетъ въ повременныхъ изданіяхъ. Предлагаемая статья войдетъ въ число приложеній, къ стр. 105. Такъ «Замѣтка на замѣтку»—отвѣтъ «Русскому Архиву» во 2 кн. 1868 г. «Чтеній въ Общ. Ист. и Др. Рос.,» относится къ стр. 200; нѣсколько словъ въ 1-й кн. того же года «Чтеній» по поводу занимательныхъ разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ:» «Изъ прошлаго,» къ стр. 223 и т. д. О. Б.

украшеніе и гордость не только современной Россіи, но и всего Православнаго міра....»

Фотій, не столько страстный, сколько властолюбивый, коварный и завистливый, самъ себя обличаетъ передъ судомъ потомства въ своихъ сказаніяхъ на столько же и даже больше, нежели обличился въ своихъ запискахъ Синодскій Оберъ-Прокуроръ Яковлевъ.

Облагодѣтельствованный, по собственному признанію, Филаретомъ, [2] неблагодарный Фотій клевещетъ на него и силится затемнить его свѣтлый путь на земли.

Не возражая на явное безуміе вражды, утверждающей, будто бы Святитель принадлежалъ къ одной изъ масонскихъ ложъ, и даже письменно просилъ начальника секты «включить и считать его въ ложѣ;» не упоминая также и о ненависти клеветника къ Библейскому Обществу, которое, какъ въ зеркалѣ, отражается въ отчетливомъ трудѣ А. Н. Пыпина, [3] приведу разныя попытки Фотія, въ сущности жалкаго, страннаго, смѣшнаго изувѣра-самохвала, [4] запятнать чистое имя своего благодѣтеля.

Вытребовалъ Аракчеевъ съ Дону на Неву Есаула Котельникова, затѣявшаго новую секту Духоносцевъ. Фотій взялся обратить его на путь истины. Хитрецъ хитреца издалека чуетъ. От-

---

[2] «Чтенія въ Моск. Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія,» 1868 г., к. IV, стр. 104—111.

[3] «Вѣстникъ Европы» 1867 г., Авг., Сент., Нояб. и Декабрь.

[4] См. «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ 1868 г., кн. IV, стр. 79—80: объ истребленіи художественной, драгоцѣнной вещицы (каме). Не смѣшно ли, что Архимандритъ кликалъ Графиню А. А. Орлову-Чесменскую и пожилую, дружную съ ней, А. И. Жадовскую, какъ дѣвченокъ: «Анна! Аграфена!..» Самохвальство же его еще недавно выказалось въ ничтожныхъ выпискахъ изъ его Записокъ (6 тетрадь Русскаго Архива на 1869 г.), на примѣръ: «Авва Фотій» — такъ величаетъ онъ себя — «поддержалъ Митрополита Серафима: примирилъ съ нимъ Князя А. Н. Голицына; въ Петербургѣ чествили его знатные и ученые Бояре и Боярыни; Императоръ Александръ Павловичъ кланялся ему въ ноги, стоялъ предъ нимъ на колѣняхъ, цѣловалъ десницу его!» и т. д.

щепенецъ разгадалъ ханжу и удовлетворилъ его тщеславной само-надѣянности: онъ, немного поспоривъ, ударился въ отчаянное раскаяніе, и былъ отпущенъ на родину, да еще и съ наградой. Ему дано 1,000 р., какъ означено въ «Запискахъ Шишкова.»[5] Зная, какимъ богатствомъ распоряжается буйно-строгой и грубо-настойчивый духовникъ Графини Орловой-Чесменской, по ея слѣпой, необъяснимо безпредѣльной, ему послушности, лукавый Казакъ пытался выманить отъ него не одну тысячу, да не удалось. Раздосадованный до неистовства своей неудачей, онъ сбросилъ съ себя личину, ругательно насмѣялся простотѣ повѣрившихъ его мнимому обращенію, въ своемъ еретическомъ сочиненіи: «Острый серпъ,» и послалъ свою рукопись [6] къ разнымъ лицамъ. Московскій Архіепископъ вовсе не заботился о Котельниковѣ. Фотій его обратилъ, Фотій его наградилъ, Фотій же его и управилъ въ Соловки, гдѣ тотъ и умеръ. Однако Юрьевскій самоуправецъ съумѣлъ и тутъ накинуть тѣнь на Святителя: «Филаретъ, сказано въ его Запискахъ, видя въ письмѣ Котельникова (при которомъ присланъ будто бы ему «Острый серпъ»), что онъ до небесъ восхваленъ за терпимость ереси и хладнокровность къ Православію (!), Митрополитъ же Серафимъ весьма очерненъ, а Фотій самыми скверными красками расписанъ, и надѣясь симъ сильнымъ ругательнымъ письмомъ привести въ подозрѣніе Фотія, послалъ въ собственныя руки Его Величества; но Государь принялъ сей поступокъ Филарета Московскаго за весьма дурной, о чемъ изволилъ сказать Аракчееву, и бумагу передалъ для разсмотрѣнія Серафиму, а послѣ Фотію.»

Участь Котельникова рѣшена зимой 1824 г., когда было поднято гоненіе на Филарета, бывшаго въ ту пору въ Москвѣ и отстаивавшаго запрещенный Катихизисъ: могъ ли же онъ, гонимый и въ опалѣ, обратиться къ Императору съ письмомъ и книгой раскольника, уже осужденнаго? Имѣлъ ли онъ право писать къ Государю непосредственно о чемъ и когда вздумается?

---

[5] «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1868 г., кн. 3

[6] По словамъ Шишкова и Фотія «книгу.»

Гдѣ предлогъ войти въ дѣло, чуждое Московской каѳедрѣ? Было ли еще получено имъ письмо Котельникова? Гдѣ же оно, гдѣ и всеподданническое письмо Архіепископа? Согласно ли съ безпримѣрной сдержанностью Александра показаніе, что онъ «принялъ сей поступокъ Филарета Московскаго за весьма дурной?» и таковъ ли былъ Аракчеевъ, чтобъ наединѣ ему сказанное передавать кому бы то ни было? Наконецъ, какъ могло случиться, чтобы «бумага,» послѣ разсмотрѣнія Первоприсутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ, была предоставлена заключенію Юрьевскаго Архимандрита?.... Ограничу предложенными вопросами опроверженіе этого сказанія.

На 108—111 стр. моихъ «Записокъ о М. Филаретѣ» напечатанъ, со словъ его, разсказъ А. Н. Муравьева, повѣренный мною личнымъ вновь, по моей просьбѣ, разсказомъ мнѣ Владыки, о запрещеніи въ 1818 — 1819 г. сочиненія Станевича «Плачъ (бесѣда) надъ гробомъ младенца.» [7] Въ 1824 г. Шишковъ съумѣлъ измѣнить взглядъ на «Плачъ» и исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе на выпускъ въ свѣтъ не безсмертнаго творенія Станевича. [8] Въ 1815 г. оно было одобрено Архимандритомъ Иннокентіемъ. Митрополитъ Михаилъ и Ректоръ Петербургской Духовной Академіи Филаретъ, признали нужнымъ иное въ немъ исправить и перемѣнить; но Князь Голицынъ представилъ свои на него замѣчанія Императору, и оно было запрещено. Цензоръ, однако, тогда же возведенъ въ санъ Епископа Оренбургскаго. Что же говоритъ Фотій? «Дабы удалить его, подъ благовиднымъ предлогомъ, дѣйствовалъ съ Духовной стороны Филаретъ, Ректоръ Академіи. Онъ далъ свое мнѣніе о книгѣ.» Стало быть, Епископство—предлогъ къ ссылкѣ и наказаніе. А какъ же назвать ходатайство Филарета о порученіи Иннокентію «вмѣсто Оренбургской Епархіи, Пензенской, болѣе по климату ему благопріятной?» По логикѣ Фотія это—злоба, ненависть, преслѣдованіе и т. п.

---

[7] Первоначально напечатанъ въ «Чтеніяхъ Общества и Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1861 года, кн. 1, отд. V, стр. 201—202. О. Б.

[8] Напечатано въ первый разъ тоже въ «Чтеніяхъ» 1861 г., кн. 2-й, отд. V, стр. 201—202. О. Б.

«Онъ (Филаретъ) написалъ книжицу: «Разговоръ между испытующимъ и увѣреннымъ,» въ духѣ не Православныхъ, совѣтуя каждому оставаться въ своей Вѣрѣ, въ какой родился (о книжицѣ говорено въ моихъ «Запискахъ,» стр. 82—84 и Приложеніи XVII); переводъ Священнаго Писанія, со своими учениками, новотворилъ (т. е., «Записки на книгу Бытія, Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи и т. п.!!!);» «для повсемѣстнаго распространенія своего духа принаровилъ Катихизисъ пространный и краткій, въ которыхъ Символъ Вѣры, Заповѣди Господни и Молитва Господня изложены на простонародномъ языкѣ.» Вопросъ о Катихизисахъ давно рѣшенъ: на различныхъ языкахъ, въ разныхъ, даже не Православныхъ, Церквахъ, они преподаются и въ Азіи и въ Америкѣ.

«Какъ писаніями своими, такъ и словомъ и дѣломъ (продолжаетъ Фотій), Филаретъ Московскій не сдѣлалъ Православной Церкви и Вѣрѣ ни какой пользы, кромѣ услугъ нововведеніямъ и не Православію и всему, что угодно было тайному обществу!» Филаретъ—безполезный человѣкъ и на словахъ и на дѣлѣ!... Труды его, ученые, историческіе, догматическіе, его проповѣди, извѣстныя на обоихъ полушаріяхъ земли, его честное, до послѣдняго вздоха искренно ревностное, служеніе Церкви, Государству, человѣчеству, его любовь къ просвѣщенію, воспитавшая столько извѣстныхъ служителей, проповѣдниковъ и столповъ Православія, вся долголѣтняя жизнь его, исполненная трудовъ и подвиговъ Вѣры, любви, благочестія, благотворительности, все отринуто неистовой завистью клеветника!... Жалокъ Фотій, невыразимо жалокъ бѣдный Фотій!...

Далѣе идетъ рѣчь о Князѣ Голицынѣ, мелькаютъ нѣкоторыя имена членовъ Библейскаго Общества и Масоновъ, т. е., почтенныхъ дѣятелей почтеннаго Дружескаго Общества, упоминается о Госнерѣ, о Феслерѣ, о Ѳеофилактѣ.

Фотій спуталъ Феслера, о которомъ подробно разсказано въ «Запискахъ» моихъ (стр. 39—41), съ Ансильономъ (стр. 91—94), относитъ извѣстную полемику Ректора Духовной Академіи, Филарета, съ Членомъ Синода, Ѳеофилактомъ, по поводу Эстетики

Ансильона, къ рецензіи справедливыхъ замѣчаній Преосвященнаго[9] на конспектъ Философскихъ наукъ Профессора Феслера, къ рецензіи ужь, конечно, не въ защиту чьихъ либо заблужденій. Что до Госнера, я не упомянулъ по тому объ его преданной огню книгѣ (Толкованіе на Евангеліе отъ Матѳея), что дѣло о переводѣ ея (съ Нѣмецкаго на Русскій) и о напечатаніи давно и достаточно извѣстно по производству суда надъ Поповымъ, [10] а также и надъ привлеченными къ дѣлу Гречемъ и другими, въ Государственномъ Совѣтѣ оправданными.

Довольно. Все, приведенное изъ Записокъ Юрьевскаго Архимандрита, ярко обличаетъ его недобросовѣстность. Въ заключеніе сопоставлю его разнорѣчащіе о Филаретѣ отзывы въ три разныя поры. Одна пора 1814—1817, когда молодой Ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи обратилъ на себя всеобщее вниманіе своими учеными трудами, краснорѣчіемъ глубокомысленныхъ проповѣдей, твердостію догматическихъ свѣдѣній, и слава его росла «не по днямъ а по часамъ.» Вторая пора 1824—1825, когда козни нѣсколькихъ узкомыслящихъ ханжей и низкопоклонниковъ Аракчеева пособили послѣднему охладить Александра I-го къ Князю Голицыну; когда продолжалось еще гоненіе на преподавателей въ С.-Петербургскомъ Университетѣ [11] и на Библейское Общество; когда Московскій Архіепископъ подвергся преслѣдованіямъ. [12] Третья пора 1827 — 1837, когда Фотій догадался, что

[9] Ѳеофилакта, помѣщенной въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г., кн. 2, отд. V, стр. 115—123. О. Б.

[10] См.: «Мнѣніе Сенатора Муравьева-Апостола по дѣлу Д. С. С. Попова о Цензурѣ,» въ защиту Попова, въ 4-ой кн. «Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1859 г., отд. V, стр. 37—42; а противъ Попова и Муравьева тамъ же (стр. 43—48): «Мнѣніе Сенатора Сумарокова,» и Адмирала Шишкова, въ его «Запискахъ,» напечатанныхъ тамъ же, въ «Чтеніяхъ» 18.. г., кн. 3-ей, отд. 2, стр. 88 и слѣд. О. Б.

[11] См. «Дѣло о С-Петербургскомъ Университетѣ въ 1821 году,» въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ» 1866 г., кн. 3, отд. V, с. 61—164. О. Б.

[12] Непримиримымъ гонителемъ его былъ одинъ Фотій. Шишковъ, возставая

Митрополитъ Московскій въ свѣтѣ славы Святительской стяжалъ уваженіе и въ чуждыхъ странахъ; что любовь, довѣріе и благоговѣніе къ нему народа безпредѣльно; что онъ прочень на своей каѳедрѣ.

Отзывы Фотія о Филаретѣ.

1814—1817.

Разсказавъ объ его благодѣяніяхъ, отъ вступительнаго испытанія, своего поступленія въ Духовную Академію, выпуска преподавателемъ въ училищѣ при Семинаріи, а потомъ въ Кадетскомъ Корпусѣ, и до постриженія, Фотій вспоминаетъ, какъ Филаретъ помогалъ ему деньгами, и какъ много заботился объ излѣченіи его отъ болѣзни, пригласивъ къ себѣ знаменитаго О. К. Каменецкаго (а не Каменскаго), позже Лейбъ-Медика. Далѣе онъ превозноситъ его такъ: «Сила, красота, достоинство и слава Духовной Академіи былъ одинъ Филаретъ.» «Когда часы кончались ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе безъ ястія и питія».... «Сердоболенъ, милостивъ... Видъ лица его былъ яко Ангела Божія.... отъ устъ его никогда ни одного слова не слыхалъ напротивъ Вѣры Православной, напротивъ Церкви Восточной Христовой; онъ молчаливъ былъ, кротокъ, тихъ; каждое слово его имѣло вѣсъ и силу; человѣкъ былъ, исполненъ многаго ученія».... «Филаретъ не былъ единаго духа съ лукавыми. Въ оное время былъ союзъ любви между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко друзи были искренніе, искренніе свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо Церкви?...»

Катихизисы, только повторялъ внушенія Фотія; Кикинъ хлопоталъ лишь о «Бесѣдѣ» Станевича; Магницкій не шелъ явно противъ Московскаго Пастыря; Аракчеевъ хотѣлъ только уронить Голицына. Митрополитъ Серафимъ, страдательное оружіе овладѣвшихъ имъ, не прерывалъ возможно добрыхъ сношеній съ Филаретомъ, не порицалъ, хотя и не отстаивалъ, «Катихизисовъ,» уважалъ гонимаго и въ послѣдствіи дорожилъ его совѣтами. Шатка наша бѣдная человѣческая природа! Грустно вспомнить, что такіе честные люди, какъ добродушный Шишковъ и Стасъ-Секретарь Кикинъ, могли поддаться вліянію Фотія!

1824—1285.

Похоже ли въ эту пору сказанное о немъ съ тѣмъ, что говорено въ 1814—1817? Тогда онъ: «витія, писатель, ученнѣйшій мужъ, образователь всѣхъ отличныхъ духовныхъ заведеній» и т. д. Теперь онъ: «человѣкъ вредный Православію—«и ничего-то путнаго не сказалъ, не написалъ, не сдѣлалъ!»..

1827—1830—1837.

Въ 1827 г. Фотій вновь напоминаетъ Филарету объ его благодѣяніяхъ; въ письмѣ, отъ 26 Ноября 1830, онъ радуется его служенію въ Церкви Божіей словомъ и дѣломъ и восклицаетъ: «Всеблагій и дивный во святыхъ своихъ Господь, удивляя въ тебѣ вся хотѣнія своя, благоволилъ тебе сохранить подъ сѣнію покрова своего отъ чуднаго недуга, отъ многихъ лѣтъ въ писаніи явленнаго (отъ холеры). Спасеніе твое отъ летящаго недуга среди паствы твоея есть дѣйствіе перста Божія. Не дивлюся сему въ тебѣ. Кто не видитъ и во всемъ съ тобою перста Божіяго, Святитель Божій!.. Ты нуженъ Церкви Божіей!.. Да свѣтится свѣтъ Господень въ тебѣ всѣмъ и мнѣ, да между всѣми тѣнь сладости свѣтѣнія твоего въ дѣлѣ благодати коснется и гортани сердца моего.» Наконецъ въ письмѣ къ Жадовской, отъ 26 Ноября, 1837 г., онъ говоритъ: «Я за знаменіе Божіей благодати полагаю въ томъ, кто изъ Москвичей своего пастыря, наставника и учителя, Святителя Филарета, почитаетъ, по Бозѣ истинно слушаетъ. Я скажу то, что никогда инаго слова не слышалъ отъ Филарета Митрополита, какъ на пользу души.... Никогда не посылалъ Богъ такого мудраго пастыря граду Москвѣ, какъ Филарета. Жизнь его лучше Платона, какъ сребро олова. Его намѣренія всегда человѣколюбны и превосходны. Пастырь, Ангелъ Господенъ! Есть нѣкая настоятельница въ паствѣ его, и почитаетъ его за святого: и я ее почитаю единственно за праведную въ женахъ, что праведно поступаетъ, такъ почитая своего Святителя. Ея душа не погибнетъ: благословеніе Архіерейское исполнитъ въ ней мѣру совершенства во спасеніе. Правда, не всегда Филаретъ по природѣ разливается въ чувствіяхъ нѣжныхъ, но бываютъ черты

пріемлемыя сердцу въ свѣтлости его лица и очесъ. Я объ одномъ болѣе всего Бога молю, дабы быть ему во Святыхъ.»

Какого же довѣрія заслуживаютъ сказанія Фотія? Какой плодъ принесутъ онѣ? Глумленіе и соблазнъ!... Правда: «не возможно не прійти соблазнамъ, но горе тому, чрезъ кого они приходятъ» (Лук. гл. XVII 2, 5).

Только ничтожность и незавидная посредственность пребываютъ въ мирѣ съ міромъ.... Кого же и преслѣдовать клеветѣ человѣческой и молвѣ людской, какъ не Филарета?

Нельзя, конечно, требовать, чтобы всѣ поняли, оцѣнили и полюбили одинаково кого бы то ни было. Независящія отъ насъ въ жизни встрѣчи, случаи и недоразумѣнія, не рѣдко оставляютъ въ душѣ слѣды непріятныхъ столкновеній. Такъ не любилъ Московскаго Филарета ученый и даровитый ученикъ его, Павскій (мои «Записки» стр. 89 — 91); такъ не отдавалъ ему справедливости просвѣщенный и полезный служитель Церкви, Ѳеофилактъ; [13] такъ извѣстный писатель и дѣятель духовный, Филаретъ, Черниговскій, Ректоръ Московской Духовной Академіи до Архіерейства, порой досадовалъ на него за нѣкоторыя замѣчанія на свои труды (тамъ же стр. 86); такъ и всеуважаемые Іерархи, оба Иннокентія, Пензенскій и Таврическій, не вполнѣ понимали его. Пензенскій, однако, хоть не скоро, да убѣдился въ его правотѣ и искренности: недоразумѣнія съ обѣихъ сторонъ были легко забыты; Филаретъ постоянно отзывался объ Иннокентіѣ дружелюбно; Иннокентій прекратилъ свои сѣто-

[13] А вотъ что сказалъ о немъ незлобивый Филаретъ въ письмѣ къ Гавріилу, Архіепископу Тверскому, отъ 29 Мая, 1824 г.: «Вы помогли мнѣ оплакивать Преосвященнаго Симеона (Ярославскаго), а теперь помогите оплакивать Преосвященнаго Ѳеофилакта. Служилъ, обѣдалъ, почивалъ, проснулся, исповѣдался, скончался. Едва вѣрю, но нельзя не вѣрить: пишутъ оттуда Преосвященному Викарію. Да будутъ блажени умирающіи о «Господѣ! Не должно ли сказать и то, что за тѣми словами слѣдуетъ у тайновидца: «Горе живущимъ на земли?» См.: «Душеполезное Чтеніе» Апр. 1869 г. Не надо смѣшивать писемъ Московскаго Митрополита къ Гавріилу Тверскому, помѣщенныхъ въ «Душепол. Чтеніи,» съ его же письмами къ другому Гавріилу Рязанскому, которыя напечатаны въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1869 г. кн. 1.

ванія на Филарета, особенно же когда не стало тѣхъ лицъ, которыя, по ревности не по разуму, и не понимая послѣдняго, смущали перваго. Правда, они также повинились потомъ въ своей несправедливости къ порицаемому ими туве; но въ то время большое имѣли значеніе опрометчивыя сужденія такихъ особъ, какъ, на примѣръ, Кн. С. С. Мещерская, бывшая въ силѣ при Дворѣ и въ такой милости у Императора, что ей, съ Княгиней Голицыной, пожаловано 100 т. р. изъ Инвалиднаго капитала. Такой слухъ носился по Петербургу. Пусть же теперь литературные сыщики выкапываютъ и ловятъ какую ни будь строчку, намекъ, словцо на безмолвно переносившаго пересуды: не собрать имъ такой обильной пищи злорадству, какую приготовилъ имъ Фотій. Записки послѣдняго хранятся въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ. Внутреннее достоинство ихъ достаточно уже раскрыто отрывками, выше обсуженными и разъясненными. Но какъ бы ни пристрастны, какъ бы ни лживы были онѣ, все же необходимо ихъ огласить вполнѣ, чтобъ отдѣлить все достовѣрное отъ невѣрнаго въ повѣтствованіяхъ Фотія о событіяхъ и лицахъ. Не уже ли Московская Духовная Академія не позаботится о толковомъ изданіи его «Записокъ,» съ изслѣдованіями и поясненіями историческими, біографическими, хронологическими и т. д.? Тогда только окажется, какъ говорилъ Филаретъ, что тутъ правда и неправда. Впрочемъ, если Академія, при другихъ занятіяхъ своихъ, не можетъ приступить къ такому труду вскорѣ, то Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, безъ сомнѣнія, не отказалось бы отъ него, если бы рукопись Фотія была передана Обществу, а также и всѣ, относящіяся къ ней, свѣдѣнія, какія могутъ найтись въ Академіи, бумаги, письма и т. п. Что до Иннокентія Херсонскаго и Таврическаго, нелюбовно отзывался онъ о Московскомъ Митрополитѣ въ письмахъ къ Архіепископу Гавріилу Рязанскому. [14] Онъ пишетъ, на примѣръ: «Москва, по старой привычкѣ своей, не умедлила сдѣлать изъ меня явной оппозиціи своему (къ сожалѣнію, не любимому) Владыкѣ... Онъ самъ принялъ меня, по видимому, съ искреннимъ участіемъ, но съ

[14] Чтенія въ Обществѣ Ист. и Древн. Россійскихъ, 1869 г., кн. 1, отд. V, стр. 57—158.

какимъ то вмѣстѣ замѣшательствомъ и какъ бы стыдомъ. Замѣтилъ, что я не учащаю моихъ посѣщеній къ нему, хотя жилъ въ Москвѣ недѣлю.» Потомъ: «Въ праздникъ Алексѣя Митрополита я имѣлъ удовольствіе въ первый разъ слышать Преосвященнаго Филарета проповѣдающимъ. Слово было написано очень умно, но по всѣмъ правиламъ школы, безъ приспособленія къ понятію слушателей; произнесено хорошо, но такъ, какъ произносятъ по Указу Консисторіи. Такому огромному таланту теряться въ ребяческихъ формахъ!... Истинно жаль!...»

Не уже ли соперничество съ великимъ проповѣдникомъ внушило ему такой странный отзывъ? «Истинно жаль!» его же словами скажу на это. Нелюбимому Владыкѣ великую, однако, любовь обнаружила Москва по кончинѣ его.

Далѣе: Митрополитъ принялъ его «съ замѣшательствомъ и стыдомъ!» Эти слова объясняются мрачнымъ, въ 1841 году, настроеніемъ духа его передъ отъѣздомъ изъ Кіева въ Вологду. Сказавъ, что онъ оставилъ безъ отвѣта поздравительное письмо Оберъ-Прокурора, Графа Протасова, «съ возведеніемъ его на степень Епархіальнаго Епископа;» что «его нагло отрываютъ отъ своего мѣста, любимаго круга занятій и, безъ особенной причины и цѣли, бросаютъ въ отдаленный Сѣверъ,» онъ потомъ разсказываетъ, какъ назначеніе его подѣйствовало на другихъ: «Кіевъ завопилъ противъ него всею силою своего голоса; въ слѣдъ за тѣмъ понеслись со всѣхъ сторонъ сожалѣнія и недоумѣнія. На бѣду этому треволненію содѣйствовали самые столпы Церкви. Владыка Кіевскій пріѣзжаетъ провѣдать больнаго, и при людяхъ заклинаетъ именемъ Божіимъ перенести искушеніе. Владыка Московскій пишетъ съ великимъ сожалѣніемъ о случившемся и съ желаніемъ, чтобы я своею славою (о! о!) озарилъ Вологду. Пишетъ непосредственно въ другой разъ къ Владыкѣ Кіевскому съ увѣдомленіемъ, что они рѣшились единодушно представить меня въ Каменецъ, изъ уваженія къ состоянію моего здоровья. О томъ же пишетъ Преосвященный Іона, и проситъ помолиться объ успѣхѣ предпріятія. Такой жалобный хоръ не могъ не смутить всякаго, а я долженъ былъ слушать его на одрѣ болѣзненномъ.»

Не останавливаясь на восклицаніи: «о! о!»—знакъ явнаго неблаговоленія проповѣдника къ проповѣднику, раскрою источникъ не мирныхъ чувствъ одного къ другому. Кто смолоду, кромѣ развѣ совершенно сухихъ, холодныхъ, лѣнивыхъ умовъ, не увлекался подъ часъ, невольно, безсознательно, новизной смѣлой мысли, пышною на показъ рѣчью (phrase ronflante), даже удачнымъ только выраженіемъ? Многіе ли же изъ юноученыхъ мыслителей вовсе не поддавались порой вліянію современныхъ стремленій той или другой школы Философіи на Западѣ и не ослѣплялись, такъ сказать, космополито-религіозными блестками въ разглагольствованіяхъ мечтателей? Такъ и нашъ молодой ученый Иннокентій, при началѣ своего поприща, увлекался навѣянными со стороны умопредставленіями (идеями). Филаретъ замѣчалъ его увлеченія, и нерѣдко въ бесѣдахъ своихъ съ нимъ обличалъ то или другое уклоненіе его отъ строго Православнаго ученія.

Но обличаемый, или побѣждаемый, едва ли когда бываетъ признателенъ и любовенъ къ своему обличителю и побѣдителю. Не легко призцать себя меньшимъ предъ кѣмъ бы то ни было!

Таковы были ихъ отношенія съ 1826 по 1829. Не менѣе того Митрополитъ, уже извѣстный учитель и проповѣдникъ, цѣнилъ даровитость новаго учителя и проповѣдника, и тѣмъ болѣе, что послѣдній, мужая духомъ и богатѣя свѣдѣніями, чистосердечно отказался отъ заблужденій, въ которыхъ укорялъ его Московскій Первосвятитель. И вотъ какъ это случилось: Синодъ, отдавая справедливость ученой и служебной дѣятельности Архимандрита, желалъ возвести его въ санъ Епископа. Нѣкоторые изъ Членовъ сомнѣвались въ чистотѣ догматическихъ убѣжденій Иннокентія. Первоприсутствующій, при обычной нерѣшительности своей, не могъ дать себѣ отвѣта на возникшій въ душѣ его вопросъ: кого обрѣтетъ въ новомъ Архіереѣ Церковь: пастыря ли добраго, или же колеблемаго вѣтромъ ученія по стихіямъ міра? Онъ прибѣгаетъ къ единственному средству: онъ возлагаетъ на Филарета испытать Иннокентія. Испытатель принялъ испытуемаго уже не какъ гостя и собесѣдника, а какъ Архипастырь монаха, какъ вліятельнѣйшій Членъ Св. Правительствующаго Синода, какъ учитель и просвѣтитель духовенства двухъ столицъ съ ихъ Епархіями.

Онъ повелъ съ нимъ не ту уже мягкую, бережную рѣчь, какою, убѣждая его дотолѣ, щадилъ въ немъ щекотливость самолюбія; онъ потребовалъ отъ него полной, такъ сказать, исповѣди. Иннокентій высказался честно. Филаретъ обратилъ тогда къ нему то мощное и съ тѣмъ вмѣстѣ строго-любовное Апостольское слово, по ученію и догматамъ Восточной Церкви, слово крѣпкое крѣпостію глубокосердечной вѣры проповѣдника, слово самой истины, на которое нѣтъ возраженій.... Иннокентій сознался въ своихъ заблужденіяхъ и былъ тронутъ до того, что, какъ пронесся тогда слухъ, заплакалъ.... Но слезы не потопили человѣческое въ немъ тщеславіе и гордость самолюбія.

Испытатель поручился за него—и онъ былъ возведенъ въ санъ Епископа. Митрополитъ слѣдилъ за нимъ, и радовался его успѣхамъ ученымъ и проповѣдническимъ. А Иннокентій, какъ выше указано, умалялъ, даже уничтожалъ его славу, какъ проповѣдника!.. Филаретъ не хвалилъ только его комунистическія рѣчи (на пр., въ «Москвитянинѣ») и многія мѣста тамъ и самъ черезъ чуръ драматическія и лирическія, на показъ (ефектныя). Нѣтъ искренности въ рисованіи; плохо вѣрится возгласамъ; каѳедра не зрѣлище, проповѣдникъ не актеръ. Такія мѣста встрѣчаются даже и въ «Седмицахъ.»[15] Правда, неожиданныя выходки

---

[15] Въ подтвержденіе сказаннаго и разсказаннаго здѣсь, приведемъ слова самаго Святителя изъ изданія А. Н. М.: «Письма М. М. Филарета. Кіевъ, 1869.» Настоящая статья поступила въ редакцію вскорѣ по выходѣ 2-й кн. нашихъ «Чтеній,» а изданіе Муравьева появилось въ Москвѣ лишь недавно. Вотъ слова Владыки (письмо 10, стр. 21): «Бесѣды Страстной Недѣли получилъ до Вашего письма, а имъ побужденъ былъ прочитать нѣкоторыя. Отлично много способности: но, какъ Вамъ угодно, а я желалъ бы, чтобы спокойный разсудокъ прошелъ по работѣ живаго и сильнаго воображенія, и очистилъ дѣло. Проповѣдь: «Старецъ сказалъ монахамъ: Будемъ плакать!—и мы будемъ плакать при гробѣ Господнемъ,» не знаю, понравится ли разсудку, если не дать себѣ ослѣпиться поверхностными блесками. Какъ малъ примѣръ для самаго великаго предмета! Какъ небрежно, неполно и невѣрно пересказана проповѣдь С. Макарія! На Голгоѳѣ не было, видишь, проповѣди! Какъ легко остроуміе убиваетъ истину! Проповѣдь: «Дщери Іерусалимски, не плачитеся о мнѣ,» и пр., не есть ли точно проповѣдь, и не могла ли быть ближайшимъ образцомъ разбираемой теперь, нежели изреченіе С. Макарія? А: «Совершишася!» не есть ли сіе величайшая

производятъ впечатлѣніе на слушателей, но оно мимолетно, какъ музыка, цвѣты, благоуханіе, ласкающіе чувства: умолкла музыка, увяли цвѣты, испарился запахъ, и—пріятныя ощущенія забыты. Не побѣдилъ онъ Филарета, порываясь дѣйствовать на сердце, и дѣйствуя преимущественно на чувства. Московскій Златоустъ дѣйствуетъ на разумъ, поучаетъ, убѣждаетъ, трогаетъ, укрѣпляетъ, исправляетъ и принятое головой посѣевается въ сердцѣ, и многіе,

---

изъ проповѣдей? И Сотникъ сказалъ свою проповѣдь: «Во истину Божій Сынъ бѣ сей.» Проповѣдь сія не много короче разбираемой, и развѣ по тому только не проповѣдь, что Сотникъ не былъ Докторъ Богословія, и произнесъ ее безъ аналогія и каѳедры.» Издатель въ своихъ поясненіяхъ говоритъ (стр. 23): «Мнѣніе его (Филарета) о проповѣдяхъ Пр. Иннокентія, показываетъ всю глубину и проницательность его критическаго взгляда. Мнѣ случалось присутствовать при бесѣдѣ сихъ двухъ геніальныхъ людей, но Иннокентій казался далеко не въ уровень предъ Филаретомъ, и критическій молотъ сего великаго старца разбивалъ въ пухъ всѣ легкія восторженныя сужденія юнаго Епископа.» Много любопытнаго въ поясненіяхъ А. Н. М., но много же и неудовлетворительнаго, уклончиваго, невѣрнаго, ошибочнаго. На примѣръ (стр. 95): «Община Одигитріева была основана недалеко отъ Новаго Іерусалима благочестивою Княгинею Мещерскою, которая впослѣдствіи была тамъ первою Игуменьею, а послѣ нея, ея племянница, Озерова.» Въ Словахъ и Рѣчахъ (ч. III, стр. 170—172), Бесѣда 19, о дивныхъ судьбахъ Троице-Одигитріевскаго Общежитія, приписывается основаніе его Грузинской Царевнѣ Ѳамарѣ, какъ это видно изъ письма Митрополита къ Муравьеву (стр. 94), названной въ изданіи Тамарой. Княгиня же Мещерская основала Аносинское Борисо-Глѣбское женское общежитіе, гдѣ и теперь Игуменіей внучка ея (Озерова). Княгиня Е. Н. Мещерская названа даже въ оглавленіи Бесѣды при открытіи общежитія (ч. II, стр. 13). Но предоставимъ спеціалистамъ провѣрить и оцѣнить свѣдѣнія, мелькающія въ объясненіяхъ, оговоркахъ, особенно же словопрѣніяхъ и самооправданіяхъ издателя. Мы укажемъ только на важнѣйшія, по своему содержанію, три письма Филарета: «О времени преложенія Св. даровъ.» (Душепол. Чтеніе Сент. 1869). В. П. Нечаевъ, почтенный редакторъ журнала, по истинѣ душѣ полезнаго, помѣстилъ ихъ, вмѣстѣ съ письмами А. Н. М., въ дополненіе къ своей прекрасной статьѣ: «О Св. возношеніи въ Литургіи вѣрныхъ.» Для исторической правды, или хоть ради библіографіи, слѣдовало бы сказать, что эта переписка, за полтора года до изданія писемъ Митрополита къ М., помѣщена въ «Запискахъ Сушкова о жизни и времени Святителя, * и тѣмъ болѣе, что издатель писемъ (стр. 215) говоритъ, что списки

---

* Прилож. стр. 173—149.

конечно, благодатно уразумѣли и уразумѣютъ изреченіе учителя: «Покоренный умъ позналъ и сердцемъ пріялъ вѣчныя истины.»

Такъ и самая «преданность Богу, зачатая отъ убѣжденія ума, перераждается въ живое чувство сердца. См.: «Слова и рѣчи Филарета М. М. ч. 1, стр. 159.

полемики «появились въ печати, но не въ удовлетворительномь видѣ.» Это, впрочемъ, еще вопросъ, который будетъ разъясненъ повѣркой напечатаннаго, какъ въ Запискахъ Сушкова, такъ и въ изданной книгѣ А. Н. М., съ тѣми дополненіями и списками, которые переданы самимъ Филаретомъ въ Московскую Духовную Академію. Во всякомъ случаѣ едва ли можно назвать полемикой (таже 215), съ одной стороны вопросы и защитительныя писанія мірянина, вовсе не богослова, съ другой отвѣты и опроверженія догматика, святителя; проповѣдника; другими словами: заблужденія ученика и назиданія учителя. Странно и непріятно читать въ предисловіи къ полемикѣ: «Началась между нами (между Филаретомъ и Муравьевымъ!) странная и не совсѣмъ пріятная переписка» (таже 215). Видно Іерархъ не убѣдилъ писателя. Не возьметъ ли на себя Московская Духовная Академія разъяснить весь ходъ этой переписки благосклоннаго наставника съ настойчивымъ совопросникомъ? И кому же, какъ не ей, да Обществу Любителей Духовнаго Просвѣщенія слѣдить за всѣмъ, что теперь пишется, печатается и разглагольствуется о Святителѣ, чтобы разгонять тѣни, накидываемыя на свѣтлое имя его, когда завистью и клеветою, когда невѣжествомъ и упрямствомъ, когда спесью и тщеславіемъ? Легко живущему еще на землѣ сказать свое послѣднее слово взятому съ земли: изъ за могилы не боишься обличенія. Такъ и многія, даже очень многія, письма, изданныя Г. Муравьевымъ, нужно разъяснить опредѣлительнѣе, особенно же когда рѣчь идетъ о догматическихъ и церковныхъ вопросахъ, на примѣръ: письма 437—441, гдѣ, между прочимъ, видно, что не радуется Митрополитъ тому, что «свѣтская особа» сочиняетъ Акаѳистъ Апостолу Андрею Первозванному; также отзывы къ вразумленію извѣстнаго Овербека (стр. 640—644) и касательно нѣкоего Аббата Маундреля (657 — 661). Не Мандрюэль ли? А сколько неудовлетворительно объясненныхъ, или пройденныхъ молчаніемъ, событій и случаевъ въ продолженіе 35-лѣтней переписки, совѣтовъ, уроковъ и назиданій въ письмахъ, указаній издателя ихъ, требовавшихъ справокъ, изслѣдованій, опроверженій и т. п., его, наконецъ, недоразумѣній, столкновеній, подозрѣній и жалобъ на мірянъ и на духовныхъ лицъ: на Княжну Циціанову, на Секретаря Владыки Святославскаго, на Економа Троицкаго подворья (пристанище Московскихъ Первосвятителей въ Петербургѣ), на редакторовъ газетъ и журналовъ: Протоіерея Н. А. Сергіевскаго, Аксакова и иныхъ, и на многихъ и на многое!... Все это

И такъ источникъ неблаговоленія Архіепископа къ Митрополиту—ревнивое чувство соперничества..... Но миръ вамъ, понявшимъ и не понявшимъ Московскаго Филарета! Миръ и добрая память!... За могилой нѣтъ недоразумѣній и соперничества. Каждый получитъ заслуженное воздаяніе, каждый обрѣтетъ мѣсто: «Въ дому отца моего обители многи суть» (Іоан. XIV, 2).

Николай Сушковъ.

требуетъ строгой повѣрки и исторической оцѣнки, не только писемъ, но оговорокъ, оправданій, расказовъ, сужденій издателя. «Вся же искушающе добрая держите,» и «отъ всякія вещи злыя отгребайтеся» (1 Солун. 5, 20—21). О. Б.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ОБЪ

ИГОЛЬЧАТЫХЪ РУЖЬЯХЪ.

Разгромъ Австрійцевъ при Кёнигингрецѣ, или Садовой, возбу-
илъ вниманіе всѣхъ военныхъ людей. Каждый, какъ говорится,
ѣлъ на своего конька: Баронъ Жомини приписываетъ успѣхъ
Ірусаковъ стратегическому, мудро составленному, плану, въ слѣд-
твіе котораго обѣ Прусскія арміи (1-я и 2-я), направленныя съ
азныхъ сторонъ, соединились въ данное время для пораженія
еиріятеля; при этомъ знаменитый стратегикъ даетъ игольчатому
ужью второстепенное уже значеніе. Сторонники артиллеріи вы-
ставляютъ ее, какъ могущественно повліявшую на разгромленіе
рміи Бенедека и т. д. Господствующее же мнѣніе приписываетъ
лавный успѣхъ Прусаковъ ихъ игольчатому ружью.

На сколько каждое изъ этѣхъ мнѣній основательно, судить
е буду, но думаю, что главною причиной разгрома едва ли не
ылъ составъ противоборствовавшихъ армій: Прусская, за ма-
ымъ исключеніемъ (Познанцевъ-Католиковъ), была вся состав-
ена изъ одной соплеменной народности, одного Вѣроисповѣда-
я, языка и обычаевъ, между тѣмъ какъ Австрійская представ-
ла изъ себя какъ бы мозаику, сложенную изъ различныхъ пле-
енъ и народовъ, съ рѣзкими противоположностями характери-
ическихъ свойствъ и политическихъ мнѣній, стремленій, на-
еждъ: здѣсь были особенные по областямъ полки Австрійцевъ
другихъ Нѣмцевъ, Венгерцевъ, Итальянцевъ, Тирольцевъ, жи-

телей Баната, Буковины, Трансильваніи, Чехіи, Моравіи, Далмаціи, Хорваціи, Крайны, Хорутаніи, Штиріи, Галиціи, Поляковъ и т. п., что все дѣлало части Австрійской арміи совершенно не похожими одна на другую, иногда же совершенно противоположными, не одинаково сочувствующими славѣ Имперіи; были и такіе, которые тайно вовсе не желали торжества Австрійской арміи, хотя и составляли часть оной, какъ, на примѣръ, Венгерцы, которымъ, для достиженія своего заповѣднаго желанія, предстояло легче справиться съ пораженными, нежели съ торжествующими, Габсбургами, что теперь очень ясно и обнаружилось. За Венгерцами и Чехи начали заявлять свои права несравненно крѣпче, нежели когда либо, и стали домогаться того же, что даровано Венгріи; за ними пробудились и другія Славянскія племена Австріи, чего, повторяю, не могло бы быть, если бы Австрія въ 1866 году вышла побѣдительницей, и тогда силой Нѣмецкаго элемента могла бы подавлять всякія подобныя попытки.

Изъ таковыхъ-то элементовъ была сложена Австрійская армія. Присоединивъ же къ этому еще и то, что въ головѣ Прусаковъ при Садовой стоялъ самъ Король и главными дѣятелями были: одной арміи Наслѣдный Принцъ, другой братъ его; между тѣмъ у Австрійцевъ, какъ въ послѣдствіи оказалось, Фельдмаршалъ Бенедекъ былъ стѣсненъ не вполнѣ еще исчезнувшимъ въ Австріи Гофъ-Кригсъ-Ратомъ, то такое положеніе не могло не имѣть совершенно противоположнаго вліянія на ту и на другую армію. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что, независимо отъ всего выше сказаннаго, Австрійская армія, до начала еще Садовской битвы, была въ половину уже побѣждена, въ особенности нравственно, зная себя вооруженной не тѣмъ оружіемъ, какимъ были вооружены ея противники и о которомъ разсказы, еще болѣе увеличенные, нежели были въ дѣйствительности, заронили въ солдатѣ недовѣрчивость, какъ близкій синонимъ страха. Не всѣ племена обладаютъ тѣми неподражаемыми качествами, которыми одарены Русскіе, кои въ послѣднее время торжественно подтвердили это въ Севастополѣ и вообще въ Крымской кампаніи; ибо въ отношеніи вооруженія мы были противъ союзниковъ въ томъ же положеніи, какъ въ Садовской Австрійцы противъ Прусаковъ, а разобравъ ближе, то, пожалуй, еще и въ худшемъ

Почтенный сочинитель превосходной статьи: «Австро-Прусская война 1866 года» (Воен. Сборн. 1867 г., № 3, 6), разсуждая о томъ, что игольчатое ружье не у каждаго въ рукахъ окажетъ одинаковое дѣйствіе, и исчисляя успѣхи Прусаковъ, съ глубокою практическою точностью (нынѣ столь рѣдкою въ военныхъ сочиненіяхъ) опредѣляетъ ихъ, ставя зависимость отъ предварительнаго приготовленія солдата, его нравственно-политическаго состоянія, и, исходя изъ этой точки, относитъ разгромъ Австрійцевъ не исключительно однимъ только ружьямъ Прусаковъ, дѣлая между прочими слѣдующее заключеніе (№ 6, стр. 215): «Въ военное время долженъ былъ битъ тотъ, кого бьютъ въ мирное время, если онъ только встрѣтится съ небитымъ.» Само собой разумѣется, что это относится къ различію дисциплинарныхъ уставовъ, существовавшихъ, или доселѣ еще существующихъ, въ обѣихъ арміяхъ. Сознаюсь, что я далеко не раздѣляю этого вывода въ общемъ его смыслѣ, и едва ли онъ можетъ быть приложенъ ко всѣмъ, чтобы «битый въ мирное время долженъ быть битымъ въ военное не битымъ.» Въ каждомъ Государствѣ дисциплинарные уставы основываются на общихъ свойствахъ народа и на степени его просвѣщенія. Мы видимъ, что въ настоящее время Англія, въ извѣстныхъ случаяхъ, вновь ввела въ свои законы тѣлесныя наказанія, и даже очень жестокія. На грубаго, нравственно [1] не развитаго, человѣка можетъ дѣйствовать только страхъ физическій; его животная природа не признаетъ иного; всякое другое впечатлѣніе скользитъ на немъ.

У насъ, когда не только что розги и палки, но тесаки и шомпола были въ полномъ ходу, не мѣшало же, однако, намъ, битымъ въ мирное время, бить и въ военное тѣхъ, которые вовсе не подвергались тѣлесному наказанію. Мы громили Прусаковъ, бывшихъ подъ предводительствомъ генія-полководца-Государя, Фридриха Великаго, въ то самое время, когда онъ разбивалъ Австрійцевъ и Французовъ; мы разбивали его и овла-

---

[1] Во флотѣ же тѣлесныя дисциплинарныя взысканія никогда не прекращались, и имъ подвергаются Мичманы, даже часто сыновья Лордовъ!

дѣли столицей Пруссіи. Въ Ларгѣ и Кагулѣ громили Турокъ, никогда въ мирное время не подвергавшихся тѣлесному наказанію, исключая прямаго лишенія жизни. Въ Италіи громили Французовъ, вовсе изъятыхъ отъ такихъ наказаній; въ 1812—1815 тоже и пр. Теперь и мы сдѣлались полунебитыми: смягченіе нравовъ и развивающееся умственное образованіе того требовали.[1]

Но какъ бы то ни было, а общій авторитетъ, повторяю, отнесъ разгромленіе Австрійцевъ скорострѣльному оружію Пруссаковъ, и всѣ Государства поспѣшили вооружать свои арміи по образцу Прусской системы Дрейзена, съ нѣкоторыми измѣненіями, усовершенствованіями и т. п.

До сихъ поръ мы видѣли только Прусаковъ, вооруженныхъ такими скорострѣлками противъ Австрійцевъ, не имѣвшихъ оныхъ, Французовъ, съ «своими шассно,» противъ Гарибальдійцевъ, большею частію босыхъ мальчишекъ съ револьверами и бѣлымъ оружіемъ, и наконецъ въ Абисиніи, гдѣ Непиръ, съ своими Англичанами, испыталъ дѣйствіе скорострѣлокъ противъ арміи, или лучше сказать, сброда, скученнаго Императоромъ Ѳеодоромъ преимущественно вооруженнаго колотушками. Въ этѣхъ трехъ случаяхъ успѣхъ остался на сторонѣ скорострѣлокъ, и Французскій Генералъ, командовавшій при Монтанѣ, въ донесеніи своемъ говоритъ: «Шасспо творилъ чудеса!»[2]

Было бы безразсудно не признавать преимущества скорострѣлокъ, и при томъ еще посылающихъ пули несравненно далѣе противъ ружей прежнихъ системъ, и въ этомъ отношеніи превос-

---

[1] Не слѣдуетъ, однако же, думать, что и тогда палки и т. п. были общеупотребительны и чтобы правило это было общимъ. Были полки одной и той же бригады, изъ коихъ въ одномъ употреблялось тѣлесное наказаніе, а въ другомъ не знали онаго, но знали, что шефъ, или полковой командиръ, были въ правѣ употреблять его, который замѣнялъ его другими дисциплинарными взысканіями, вполнѣ успѣвалъ. Я могъ бы, съ 1807 г., назвать многіе полки и шефовъ такъ дѣйствовавшихъ.

[2] У Французовъ такія выраженія ни по чемъ. Давно ли мы читали рапортъ Французскаго Маршала, начинающійся словами: «Le canon du Votre Majesté a grondé» и т. д?

ходящихъ систему Минье, также, и въ недавнее еще время, надѣлавшей столько шуму, не смотря на важные недостатки свои въ прицѣлѣ на быстро приближающагося непріятеля.[1] Съ другой же стороны безразсудно отвергать общее значеніе скорострѣлокъ въ битвахъ прежде столкновенія двухъ армій, одинаково вооруженныхъ и при одинаковыхъ условіяхъ. Здѣсь уже не теорія, а практика (послѣ опытовъ и разсмотрѣнія предмета со всѣхъ сторонъ, изобразивъ ясно все то, что можно сказать объ этомъ предметѣ «за и противъ)» произнесетъ свой приговоръ. До тѣхъ же поръ превозносить губительное дѣйствіе этого оружія значитъ колебать, пугать тѣхъ, у которыхъ поднесь тверда еще Суворовская поговорка: «Пуля—дура, штыкъ—молодецъ.» Мнѣ случалось уже слышать, какое грустное вліяніе производитъ описаніе убійственнаго дѣйствія этого ружья на молодыя, неопытныя еще, головы; и это очень понятно: имъ представляется только одна лицевая сторона, а взглянувъ на изнанку, увидимъ, что битвы съ этимъ ужаснымъ оружіемъ сдѣлались несравненно менѣе кровопролитными, а по тому, вопреки безусловнымъ сторонникамъ скорострѣлокъ, и жизнь въ битвахъ подвергается меньшей опасности противъ прежнихъ битвъ съ ружьями старыхъ системъ, какъ это увидимъ далѣе.

Неоспоримо, что ружье новѣйшей системы, при оборонѣ тѣснинъ, ущелій, деревень и другихъ строеній, опушки лѣса, словомъ, вездѣ тамъ, гдѣ обороняющійся можетъ быть болѣе или менѣе прикрытъ какимъ либо предметомъ, конечно, губительно, по тому что вооруженные имъ, будучи болѣе или менѣе прикрытыми, такъ сказать, невидимыми, начинаютъ вредить наступающему учащенно, посылая въ него пули на разстояніе, несравненно

---

[1] По теоріи, вооруженные штуцерами Минье, должны были истреблять противника въ нѣсколько минутъ; на практикѣ же вышло совсѣмъ другое. Адмиралъ Нахимовъ, въ продолженіе девяти мѣсяцевъ, служилъ для нихъ цѣлью, на самый вѣрный прицѣлъ, и только послѣ столь долгаго времени, когда въ него послано было, можетъ быть, нѣсколько тысячъ пуль, роковая и, къ отчаянію штуцермановъ, еще не штуцерная, а простая, пуля сложила героя. Въ другомъ мѣстѣ я говорилъ объ этомъ подробно (см. «Матеріялы для Отечественной войны 1812 г. Спб. 1867,» стр. 9).

не нашелся въ батальонѣ человѣкъ, на столько не хладнокровный, чтобы выстрѣлить безъ команды, а за однимъ выстрѣломъ послѣдуютъ сотни, и огонь обратится въ ни что, да и прекратить его становится почти не возможнымъ.» Вообще инструкція пропитана практическими замѣчаніями, основанными на познаніи человѣка въ минуту очевидной опасности. Приведу еще слѣдующее (стр. 60): «Не нужно перестрѣливаться больше, чѣмъ слѣдуетъ, * но ограничиться крайне необходимымъ, такъ какъ при продолжительной перестрѣлкѣ потеря въ людяхъ и потронахъ велика, и перестрѣлка никогда не рѣшитъ дѣла, и только служитъ подготовленіемъ.» И послѣ залповъ отбросить въ штыки. Въ другомъ мѣстѣ: «Если непріятель не будетъ остановленъ залпами и сблизится на 50 — 80 шаговъ, то атаковать его въ штыки;» и еще (стр. 65): «Въ разговорахъ съ солдатами должно растолковать имъ, что съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, ни одна большая побѣда не была выиграна боемъ на большихъ разстояніяхъ. Необходимо схватиться съ врагомъ, т. е., атаковать штыками, если набѣгъ стрѣлковъ недостаточенъ. Въ большей части случаевъ, выраженныхъ атакой, рѣшимость схватиться въ штыки, до того дѣйствуетъ на непріятеля, что онъ поворачиваетъ кругомъ до свалки.» (Стр. 66): «Если непріятель рѣшился насъ атаковать въ штыки, то, предупредивъ людей о нашемъ намѣреніи, открыть дальную и частую стрѣльбу, и въ послѣдній моментъ, на разстояніи отъ 20 до 60 шаговъ, броситься впередъ.»

Изъ сего видно, что Принцъ возлагаетъ въ битвахъ главную надежду на успѣхъ не на игольчатое ружье, котораго такъ безсознательно пугаются, а на Суворовскій штыкъ. Здѣсь заслуживаетъ еще вниманія, какъ это видно изъ послѣдней ссылки, что по непріятелю, предпринявшему атаку въ штыки, начинаетъ производиться съ дальняго разстоянія учащенная стрѣльба, а онъ,

---

* Выраженіе, ни чего не опредѣляющее: взгляды начальниковъ не одинаковы: одинъ будетъ находить, что слѣдуетъ уже прекратить перестрѣлку, другой, что слѣдуетъ еще продолжать оную и т. д.

не смотря на ужасное (предполагаемое) дѣйствіе скорострѣлокъ посылающихъ на весьма дальнее разстояніе свои пули, подходитъ на 20 шаговъ!! Вѣдь теорія должна была давно уже истребить наступающаго до послѣдняго человѣка?

Дѣйствительно, повторяю, при оборонѣ закрытыхъ мѣстностей, огонь изъ такихъ ружей долженъ быть чрезвычайно губителенъ, по тому что, кромѣ учащенности своей изъ прикрытаго мѣста, [7] огонь этотъ обладаетъ и значительною дальностію пораженія, а по тому наступающій, не будучи прикрытымъ, долженъ подвергать себя огню на несравненно большемъ противъ прежняго пространствѣ, которое, при тогдашнихъ условіяхъ, проходилось бѣглымъ напоромъ [8] скорѣе, нежели можно это дѣлать теперь.

Въ линѣйныхъ же генеральныхъ сраженіяхъ, при одинаковомъ вооруженіи противниковъ (чего еще мы не видали), бой уравняется, и тогда за штыкомъ, который и въ Инструкціи Прусскаго Принца занимаетъ первую роль въ битвахъ, окажутся тѣ же самыя послѣдствія, какъ и при прежнемъ вооруженіи, съ тою только разницей, что они будутъ несравненно менѣе кровопролитны, нежели были прежніе, когда снаряды дальняго полета были еще не извѣстны.

Въ прежнихъ битвахъ процентъ потерь былъ несравненно выше настоящаго. Министръ Государственной Печати, Графъ Мельмсбери, въ произнесенной имъ рѣчи, 23 Іюля, 1868 г., въ Палатѣ Лордовъ, между прочимъ сказалъ: «Одинъ изъ Фран-

---

[7] По инструкціи Принца Карла-Фридриха Прусскаго (Воен. Сборн. 1867 г., № 8, стр. 60), войско должно располагаться въ возможно закрытой позиціи, для произведенія залповъ въ наступающаго непріятеля.

[8] Подъ Лейпцигомъ, 6-го Октября, Наслѣдный Принцъ Шведскій, пославъ Графа Воронцова съ его отрядомъ (корпуса Барона Винцегероде), атаковать сильно укрѣпленную и упорно до того времени, съ 5-го Октября, защищавшуюся противъ арміи Блюхера деревню Шёнфельдъ, приказалъ разрядить ружья, чтобы не заниматься перестрѣлкой, замедляющей приступъ. Воронцовъ съ полками Крафовскаго и сводными гренадерами Тимашева мгновенно влетѣлъ въ укрѣпленіе, что въ настоящее время, при дальнихъ полетахъ изъ артиллерійскихъ орудій и ружей, было бы сдѣлано не такъ легко.

цузскихъ Офицеровъ, находящійся въ близкихъ отношеніяхъ съ Парижскимъ Военнымъ Министромъ, вручилъ мнѣ свѣдѣнія, изъ которыхъ оказывается, что въ продолженіе великихъ войнъ въ началѣ нынѣшняго вѣка, жизнь людей истреблялась гораздо болѣе, чѣмъ въ наши дни. Въ битвѣ подъ Фридландомъ Французы лишились 14 процентовъ, Русскіе 30, а Австрійцы 44%, или почти половины арміи. [9] Подъ Ваграмомъ Французы лишились 13%, а Австрійцы 14. Въ Бородинской битвѣ Французы лишились 33%, а Русскіе 44. Подъ Ватерло Французы потеряли 36, а союзники 30. Сорокъ лѣтъ спустя со времени введенія новаго оружія, Французы потеряли подъ Манджентой 7% своей арміи, Австрійцы тоже 7%. Подъ Сольферино Французы и Сардинцы лишились 10%, а Австрійцы только 8%. Объяснить этѣхъ данныхъ я и не берусь, но изъ нихъ оказывается, что процентное содержаніе людей, погибающихъ во время сраженія, уменьшилось введеніемъ новаго оружія почти вдвое.

Взглянувъ съ этой точки на Австро-Прусскую войну 1866 года, оказывается, что у Австріи съ ея союзниками (исключая Италію) выставлено было въ поле противъ Пруссаковъ 360 тыс. человѣкъ, а всей потери (не считая плѣнныхъ), вмѣстѣ съ Кёнигингрецомъ, было только 21,200 человѣкъ, что составляетъ шесть процентовъ. У Пруссаковъ въ 1 и 2, въ Эльбской и Майнцкой арміяхъ было всего дѣйствующихъ 363,109, а потери, считая тоже и Кёнигингрецъ, было 18,469 человѣкъ, т. е., пять процентовъ. Изъ сего слѣдуетъ, что Кёнигингрецкая битва, такъ многихъ напугавшая, далеко не была битвой упорной, каковыми были въ 1812 году, на примѣръ, Смоленская, Малоярославецкая и въ особенности Бородинская, гдѣ потери достигали до 50 проц., [10] а потери составляютъ единственную оцѣнку упорства борьбы; другой оцѣнки и быть не можетъ. Въ Бородинѣ, съ каждой сто-

[9] Должно быть что либо выпущено въ Спб. Вѣдомостяхъ (№ 194, 1868 г.); ибо подъ Фридландомъ Австрійцевъ не было.

[10] Однихъ Генераловъ въ эту послѣднюю битву убито и ранено: у насъ 23, у Французовъ 49. Здѣсь уже не можетъ быть ни какого и приблизительнаго сравненія съ пресловутой Садовой.

роны было по тысячѣ плѣнныхъ, израненыхъ, [11] и такихъ же по одному Генералу, а подъ Садовой Австрійцы взяли у Пруссаковъ 3023 человѣкъ въ плѣнъ, а Пруссаки у нихъ 21,700 человѣкъ и 174 орудія, конечно, несравненно большею частію не защищавшихся, а брошенныхъ. Въ Бородинѣ же съ каждой стороны потеряно 14—18 пушекъ: мы взяли ихъ въ полѣ, а Французы въ люнетахъ или редутахъ (не вполнѣ сооруженныхъ), большею частію подбитыми. Ни съ той, ни съ другой, стороны не было потеряно ни одного знамени.

Но вотъ еще обстоятельство, заслуживающее вниманіе: изъ Прусскихъ отчетовъ видно, что въ кругломъ счетѣ израсходовано во всю кампанію на ружье по семи патроновъ; что по числу дѣйствовавшихъ войскъ, 363,109 человѣкъ, выпущено патроновъ 2,541,763. Изъ этѣхъ цифръ выходитъ, что изъ 118 ружейныхъ пуль только одна достигала своей цѣли; ибо вся потеря Австрійцевъ, какъ видѣли выше, заключается только въ 21,200 человѣкахъ; въ Бородинской же битвѣ Французы израсходовали почти въ половину менѣе, и именно: 1,400,000 ружейныхъ зарядовъ; а изъ этого слѣдуетъ, что тогда не 118, а 25 [12] пуля достигала предмета. Здѣсь не привожу дѣйствія изъ орудій, какъ при Садовой, такъ и при Бородинѣ, не мало содѣйствовавшихъ къ избіенію противниковъ; а принявъ въ расчетъ и ея дѣйствіе, на долю игольчатыхъ ружей достанется немного, въ особенности, когда изъ отчетовъ видно, что артиллерія 1 и 2 только арміи выпустила 37,000 зарядовъ. [13] Слѣдуетъ еще замѣтить, что Прус-

---

[11] Сверхъ того на нашемъ лѣвомъ флангѣ было подобрано около такого же числа умирающихъ.

[12] См.: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?» Спб. 1867, стр. 94.

[13] Въ «Артил. журналѣ» 1866 г., стр. 661, сказано, что «въ Прусской 1-й и 2-й арміяхъ во всю войну израсходовано въ среднемъ числѣ изъ 12 фунт. пушекъ, по 13 зарядовъ, изъ 6 ф. нарѣзныхъ около 40, а изъ 4 ф. нарѣзныхъ же по 88 зарядовъ, что среднимъ числомъ изъ находившихся при этѣхъ арміяхъ 800 орудій и выходитъ 37 т. Газета Время (Tims, стр. 542), заключаетъ, что при Кёнигингрецѣ среднимъ числомъ сдѣлано по 60 выстрѣловъ, что изъ 500 такихъ

сія и Австрія имѣли болѣе орудій въ Кёнигингрецѣ, нежели Русскіе и Французы при Бородинѣ, и при томъ у Австрійцевъ всѣ орудія были нарѣзныя, слѣдовательно, несравненно дальнѣйшаго полета противъ дѣйствовавшихъ въ 1812 г. У Пруссаковъ же нарѣзныхъ было только 500 орудій, а остальныя 300 гладкія.[14]

Такимъ образомъ изъ дѣйствій 1866 года двухъ армій, такихъ громадныхъ размѣровъ (въ которыхъ и во время Наполеоновскихъ войскъ встрѣчается только одинъ разъ, но и то приблизительно, подъ Лейпцигомъ 1813 года, 6 Октября, соединенныхъ на одномъ мѣстѣ), и изъ коихъ одна была вооружена игольчатыми ружьями дальняго полета, другая ружьями старой системы, окузывается итогъ въ потеряхъ почти одинаковый. Принявъ же въ соображеніе, что послѣдняя была составлена изъ множества разнородныхъ племенъ, болѣе или менѣе враждебныхъ между собой, различныхъ языковъ и нарѣчій и трехъ Вѣроисповѣданій, между тѣмъ, какъ составъ Прусской былъ одного народа,[15] языка, Вѣроисповѣданія, въ головѣ которой стоялъ самъ Король съ двумя сыновьями своими, то, при такихъ рѣзкихъ противоположностяхъ обѣихъ армій, потеря почти равная, въ 5 и 6 процентовъ, приводитъ ко многимъ размышленіямъ, которыя объяснятся только тогда, когда двѣ арміи, одинаково вооруженныя, одной народности, схватятся между собой съ одинаковымъ воодушевленіемъ и при одинаковыхъ условіяхъ опытности и знанія дѣла вождей, тогда только военная наука произнесетъ свое мнѣніе, свой приговоръ. Во всякомъ, однако же, случаѣ, по моему крайнему разумѣнію, ни игольчатыя ружья, ни нарѣзныя

орудій и составляетъ 3,000. Слѣдовательно, остальные 7,000 зарядовъ должно отнести къ другимъ дѣйствіямъ этихъ армій. Что же до Эльбской и Майнской арміи, я не встрѣтилъ данныхъ, и если судить объ ихъ численности (141,400) и по встрѣчамъ, которыя опи имѣли, то и здѣсь количество выстрѣловъ должно быть значительно. По свѣдѣніямъ этой же газеты, Австрійцы сдѣлали несравненно болѣе выстрѣловъ изъ своихъ орудій, нежели Прусаки.

[14] Артил. журн. 1866 г., № 12, стр. 624.

[15] Малая часть Католиковъ Познанскихъ.

пушки, ни металлическіе патроны, ни гранаты-шрапнели, ни «mitrailleuse,» которую только обѣщаютъ еще пустить въ ходъ, [16] не произведутъ кореннаго измѣненія въ военной наукѣ или, лучше сказать, нынѣшняго образа дѣйствія. Такое измѣненіе можетъ послѣдовать тогда только, когда воздухъ подчинится волѣ человѣка, подобно тому, какъ пары измѣнили морскую тактику. Тогда, конечно, и общія войны, если и не совершенно прекратятся, то уже, конечно, будутъ явленіемъ необыкновеннымъ, лишеннымъ всякаго здраваго смысла. До того же времени каре Румянцова, колонны Суворова, густыя цѣпи застрѣльщиковъ, «nuées de tirailleurs» Бонапарта, [17] усовершенствованный батальный огонь развернутаго фронта Велингтона, останутся неизмѣнными на полѣ битвъ; а за тѣмъ уже умѣнье сосредоточивать знатную силу огня

---

[16] Пугали же насъ въ 1827 и 1828 годахъ паровою пушкой Перкенса! Да и теперь мало ли говорятъ объ изобрѣтеніи истребительныхъ средствъ, хранимыхъ будто бы въ тайнѣ и т. п.? Все это шарлатанство. Во вновь устроенномъ въ Петербургской Петропавловской крѣпости арсеналѣ, можно видѣть, что многое, почитаемое нынѣ за новоизобрѣтеніе, было давно уже извѣстно, въ особенности заряженіе съ казенной части, но оно не усвоилось, и не усвоилось при томъ въ тѣ времена, когда Государи были геніяльными вождями, а изъ сего слѣдуетъ, что это мнимо-новое изобрѣтеніе ожидаетъ еще испытанія на практикѣ, и тогда, можетъ быть, тоже поступитъ въ арсеналы, какъ кунштикъ для потомства.

[17] Разсыпной строй получилъ рожденіе свое въ борьбѣ съ Шуанами и Вандейцами и усовершенствованъ Наполеономъ. Колонны его почти всегда были предшествуемы густою цѣпью застрѣльщиковъ, производившихъ какъ бы батальный огонь, что съ 1812 года часто употреблялось и нами. У насъ основателемъ егерей (егеря, стрѣлки, штуцерные и т. п., почти одно и тоже) былъ Графъ П. И. Панинъ, видѣвшій легкую пѣхоту въ Семилѣтнюю войну. Начальствуя въ 1763 и 1764 годахъ войсками, расположенными въ Финляндіи, гдѣ мѣстоположеніе страны не дозволяло, въ случаѣ надобности, употреблять легкую конницу, сформировалъ онъ особый егерскій отрядъ въ 300 человѣкъ. Польза была признана всѣми, и число егерей у насъ постоянно увеличивалось, такъ что въ 1812 году у насъ было уже 50 егерскихъ полковъ армейскихъ и два гвардейскіе (конные егеря были основаны Княземъ Потемкинымъ въ 1788 году). Въ 1807 г., когда я началъ службу, въ егерскихъ полкахъ были штуцера или винтовки, слѣдовательно, и это не ново. Нова только коническая пуля, поражающая на болѣе дальнее разстояніе. Впрочемъ, за 200 лѣтъ предъ симъ, въ Европѣ были уже карабинеры, вооруженные винтовыми ружьями.

артиллеріи на данные пункты; умѣнье соединять и строить конныя массы и своевременно направлять ихъ для стремительныхъ атакъ, а штыкъ, одинъ штыкъ, будетъ всегда занимать первое мѣсто и довершать побѣду, что ясно даетъ понимать въ своей Инструкціи арміи передъ походомъ 1866 года и Прусскій Принцъ Карлъ-Фридрихъ, принимавшій блистательное участіе въ этой войнѣ. [18] Нѣкоторые изъ военныхъ теоретиковъ начертываютъ уже тактическія правила, измѣняющія прежнія, такъ какъ игольчатое ружье требуетъ этого; конница не можетъ уже дѣйствовать такъ, какъ она дѣйствовала прежде: теперь, изволите видѣть, нарѣзныя пушки и игольчатыя ружья бьютъ издалека! Но мы видимъ, однако же (Воен. Сб., Австрійско-Прусская война, 1866 года), что подъ Кёнигингрецомъ одинъ кирасирскій Полковникъ, умнымъ распоряженіемъ своимъ, умѣлъ сберегать свой полкъ отъ этихъ ужасающихъ снарядовъ; слѣдовательно, если одинъ умѣлъ, то должны умѣть и другіе, если они достойно предводительствуютъ своими частями. Военное дѣло подъ огнемъ требуетъ прозорливости: тогда всякому губительному огню найдется свое противоядіе.

Искусный и опытный военачальникъ скоро ознакомится съ своимъ положеніемъ и прозритъ все то, чѣмъ непріятель можетъ превосходить насъ въ своихъ дѣйствіяхъ и, конечно, найдетъ, по примѣру предшествовавшихъ великихъ полководцевъ, возможность противопоставить ему преграду преимуществамъ, которыя бы имѣлъ предъ нами, и тѣмъ не только уравнять борьбу, но извлечь еще выгоду. Это доказывается Финляндской войной 1808 года, когда мы, по существу оной, должны были брать шагъ за шагомъ крѣпкія позиціи, занятыя искусными Саволацкими, Карель-

[18] Отмѣны того или другого измѣненія, замѣненія въ военномъ дѣлѣ, были и будутъ всегда; но перемѣны эти не будутъ касаться прямо военныхъ дѣйствій, а только административнаго управленія: снабженія арміи снарядами, продовольствіемъ, одеждой и вообще аммуниціею и т. п. Впрочемъ, и эти измѣненія требуютъ не менѣе практической опытности. Продовольствовать и одѣвать армію во время военныхъ дѣйствій, особенно внѣ границъ, не то, что дѣлать это въ мирное время. Здѣсь останавливаюсь; ибо важный предметъ этотъ потребовалъ бы пространнаго изложенія, основывающагося на примѣрахъ.

скими и Нюландскими стрѣлками, вооруженными ружьями, бившими несравненно на большее разстояніе противъ нашихъ. Атака такихъ позицій днемъ влекла за собой значительныя, часто безполезныя, потери, и по тому, если не представлялось возможности дѣлать обходы,[19] то, по предварительному изученію позиціи и объясненію на мѣстѣ предпріятія лицамъ, которыя предназначались къ передовому дѣйствію, атаковали оную ночью, иногда даже до полуночи, какъ это было въ Гернефорсѣ. Такія ночныя атаки всегда увѣнчивались полнымъ успѣхомъ и не сопровождались тѣми потерями, которыя, и при успѣшномъ исходѣ предпріятія, бывали сильными; ибо ночью наступающіе не представляли изъ себя мишени искуснымъ Финскимъ стрѣлкамъ.[20] Одинаково и Шведы неоднократно атаковывали насъ ночью и, конечно, не изъ опасенія нашего ружейнаго огня, а артиллеріи, которая у насъ была многочисленнѣе непріятельской.

Чтобы игольчатыя ружья оказались на практикѣ столь же губительными, какъ по теоріи, это очень сомнительно, принимая

---

[19] Въ ту пору обходы имѣли весьма сильное вліяніе на духъ нашихъ противниковъ, что скоро было подмѣчено нашими предводителями. Такіе обходы иногда составлялись изъ нѣсколькихъ десятковъ егерей, которые заявляли свое присутствіе въ тылу непріятеля; лѣсистая же мѣстность не дозволяла сему послѣднему видѣть численность, а по тому онъ находилъ всегда благоразумнѣе оставлять позицію и занимать другую.

[20] Большая часть такихъ предпріятій днемъ была неудачна; не говоря уже о Иденсальмскомъ дѣлѣ, 15-го Октября, гдѣ погибъ Князь М. П. Долгорукій, но и самое Оравайское дѣло, содѣлавшее славу Графу Н. М. Каменскому и предпринятое днемъ, было съ огромными потерями отбиваемо нѣсколько разъ до самаго лагеря, и только съ наступленіемъ ночи мы могли занять позицію непріятеля, который при концѣ дня получилъ повелѣніе отступить, чтобы не быть отрѣзаннымъ. Кульневъ, выставляя передовую ночную цѣпь, услышалъ на непріятельской позиціи необычайный стукъ колесъ, донесъ Графу, и атака тотчасъ возобновилась и т. д. Вообще мы приступали къ атакамъ днемъ тогда только, когда не было возможности выжидать ночи. Самая атака главной арміи Шведовъ на Орѣ назначена была по диспозиціи Графа Каменскаго на полночь; но, получивъ извѣстіе о высадкѣ въ тылъ Графа Вахтмейстера, онъ, вмѣсто этого, поспѣшилъ на лѣвый берегъ р. Умео къ Севару, гдѣ уже нельзя было ожидать ночи, а съ ранняго утра предприняли атаку.

во вниманіе Инструкцію Принца Карла-Фридриха Прусскаго, который, указывая на дистанцію, съ которой должно начаться дѣйствіе изъ ружей по наступающему непріятелю, говоритъ, что «стрѣльбы не должно начинать прежде, нежели непріятель не приблизится на 300 шаговъ, и тогда дѣйствовать въ него залпами, и естьли это не остановитъ его, и онъ подойдетъ на 20 шаговъ, тогда принять его въ штыки.» Здѣсь ясно, что огонь изъ игольчатыхъ ружей не такъ смертоносенъ, какъ бы должно было предполагать изъ опытовъ въ мирное время: пройти 280 шаговъ подъ учащеннымъ огнемъ скорострѣлокъ, сохранить себя въ такомъ еще положеніи, чтобы вызвать на атаку въ штыки, не допускаю возможности: наступающіе должны быть всѣ перестрѣлены прежде, нежели достигнутъ 20 шаговъ, а по тому какъ изъ сего, такъ и изъ другихъ мѣстъ помянутой Инструкціи я заключаю, что дѣйствіе такими ружьями, въ особенности, когда и противники будутъ также вооружены, не такъ губительно, какъ по теоріи, что ясно доказывается ничтожною потерей Австрійцевъ подъ Садовой, вооруженныхъ ружьями старой системы, да еще и нанесшихъ Прусакамъ почти одинаковый уронъ.[21]

Допустимъ, наконецъ, что ружья новыхъ системъ имѣютъ большое преимущество предъ ружьями прежнихъ системъ, что очень справедливо и безспорно, и по тому преимущества ихъ, какъ замѣчено выше, едва ли не ограничиваются только обороной тѣснинъ и т. п.; то, что же будетъ мѣшать начинать наступательныя дѣйствія въ ночной темнотѣ, какъ это дѣлалось въ Финляндскую войну? Надо полагать, что мысль эта уже проведена у Французовъ; ибо, мѣсяца три тому назадъ, я встрѣтилъ въ журналахъ, что Французы упражняютъ свои войска въ эволюціяхъ ночью.[22] Мы же, Русскіе, имѣемъ для сего преимущества,

---

[21] Не то ли было и въ Крымскую войну, когда непріятель былъ вооруженъ оружіемъ системы Минье, а у насъ, исключая одного баталіона, всѣ другіе имѣли старыя ружья, между же тѣмъ во всѣхъ дѣлахъ потеря непріятеля, въ особенности Генералами и Офицерами, превышала потери съ нашей стороны, исключая дѣла на Федюхиныхъ горахъ, которое, впрочемъ, имѣло особенный источникъ.

[22] Въ 1857 году, говоря о штуцерахъ Минье, между прочимъ замѣтилъ я (Собраніе

которыхъ лишены всѣ другія Европейскія Государства. Мы обладаемъ пространными степями и болѣе или менѣе открытыми мѣстностями; а извѣстно, что жители такихъ мѣстъ одарены предъ жителями горъ зоркостью глаза и особенностію, по врожденному инстинкту, отличать предметы ночью, а этимъ последнимъ обладаютъ и нѣкоторые изъ жителей нашего Сѣвера, болѣе лѣсистаго, и усвоившіе темноту, гдѣ цѣлевая стрѣльба составляетъ жизненную ихъ необходимость для своего существованія охотой; такой же наставникъ могущественнѣе другихъ. Изъ набора рекрутъ съ помянутыхъ пространствъ могли бы быть составлены исключительно стрѣлковые баталіоны, которые, по предназначенію своему, или защищаютъ тѣснины, или предшествуютъ колоннамъ, прикрывая ихъ фланги и т. п., и въ такихъ случахъ были бы незамѣнимы: природная способность владѣть ружьемъ, видѣть лучше другихъ мѣстность ночью и различать предметы на такомъ разстояніи, что не для всѣхъ доступно, несомнѣнно принесли бы великую пользу, которой отъ другихъ ожидать нельзя. [23] А наши Казаки, и въ особенности Калмыки, обладаютъ такимъ глазомъ,

---

статей о 1812 годѣ, Спб. 1867, стр. 50), что Офицеръ Генеральнаго Штаба «долженъ пріучиться различать мѣстность ночью почти также, какъ и днемъ» и проч., и говорилъ это на основаніи собственнаго опыта. Въ Шведскую войну 1808 г., будучи поставленъ въ необходимость такого изученія, въ началѣ казавшагося весьма труднымъ и почти не возможнымъ, но пріобрѣтая навыкъ и пользуясь данными отъ Казаковъ, мы мало по малу привыкли къ такимъ рекогносцировкамъ, и въ послѣдствіи то, что сперва казалось не возможнымъ, выполнялось удовлетворительно. Помянутыя слова мои въ статьѣ подняли противъ меня теоретистовъ, которые обрушились на всю статью всею силой своего Профессорскаго званія: что я, де, «не образованъ;» что «берусь учить уму-разуму,» и т. д., и т. д., и, не имѣя достаточно силы опровергнуть научно, всѣхъ ветерановъ обозвали «облысившими, оббезубленными, не слѣдящими за развитіемъ человѣческихъ знаній» и пр., и пр., что можно видѣть въ Военномъ Сборникѣ 1858 года, № 1, и въ нѣсколькихъ нумерахъ Русскаго Инвалида. Прошло десять лѣтъ,—и Французы признали полезнымъ то, что было мною слегка только замѣчено.

Не знаю, какъ теперь, а въ мое время изъ рекрутъ Малороссіянъ выбирались люди преимущественно въ конницу. По какимъ достаточно уважительнымъ причинамъ это дѣлалось, до сихъ поръ не могу уяснить себѣ. Изъ всѣхъ Русскихъ крестьянъ Малороссіянинъ менѣе другихъ знакомъ съ лошадью; волы

который не только что днемъ усматриваетъ предметы на изумительно дальнихъ разстояніяхъ, но и ночью видитъ то, чего другой наблюдатель ни какъ замѣтить не можетъ. При всемъ этомъ у Казаковъ вообще столько практическихъ примѣтъ, что невольно подивишься имъ въ минуты, гдѣ теоретическое знаніе совершенно стушевывается. Я имѣлъ случай слегка коснуться всего въ помянутой уже книгѣ.

Итакъ, вотъ у насъ и конница, какой ни одинъ изъ Европейскихъ народовъ имѣть не можетъ. Слѣдовательно, обладая такими элементами и принявъ съ практической точки зрѣнія заблаговременно мѣры, чтобы съ пользой употребить ихъ въ данный моментъ, тогда для насъ ружья Дрейзена, Шасспо и имъ подобныя не будутъ страшны.

Изложивъ вкратцѣ лицевую сторону игольчатыхъ ружей, такъ какъ она представляется съ теоретической точки зрѣнія, а съ практической доселѣ только въ Садовой, въ Монтанѣ и Абиссиніи, [24] противъ непріятеля, не имѣвшаго оныхъ (и еще повторяю,

---

составляютъ все его хозяйство.* Правда, многіе изъ нашихъ легкоконныхъ полковъ формировались въ Малороссіи и носили имена городовъ; но эти полки составлялись преимущественно изъ Сербовъ, Молдовалаховъ и Болгаръ, поселенныхъ со временъ Петра Великаго, Елисаветы и Екатерины II, въ тѣхъ мѣстахъ. Могла попадать малая часть и Малороссійскихъ Казаковъ, которые всѣ по преимуществу были пѣшіе. Замѣчательно тутъ и то, что въ послѣдствіи Малороссовъ выбирали не въ легкоконные полки, а въ тяжелую конницу: въ кирасиры, драгуны. Я говорю это мимоходомъ.

[24] О мишенныхъ данныхъ въ мирное время я умалчиваю; ибо замѣтилъ уже, что въ дѣйствіи противъ непріятеля они не могутъ быть одинаково оцѣниваемы.

---

* По тѣмъ достаточно уважительнымъ причинамъ выбирались и выбираются Малороссіяне въ конницу, что они—природные Казаки. Ни кто изъ 3-хъ Русскихъ народовъ такъ скоро не дѣлается лихимъ наѣздникомъ, какъ Малоруссъ, не смотря на то, что въ мирное время возится онъ по преимуществу съ волами. Степь и степь—его училище въ этомъ случаѣ. Сербы, Болгары и Молдовалахи составляли во время оно [illegible] ничтожную часть въ конницѣ Русской противъ Малороссіянъ, а теперь [illegible] [illegible] двухъ и совсѣмъ не видать въ оной, кромѣ развѣ единицъ. О. Б.

числѣ въ извѣстныхъ случаяхъ преимущество ихъ неоспоримо), для вѣрной оцѣнки слѣдуетъ взглянуть на нихъ и съ противоположной стороны.

Принцъ Карлъ-Фридрихъ Прусскій, въ своей Инструкціи, обращаетъ особенное вниманіе на сбереженіе патроновъ, запрещая производить пальбу съ дальняго разстоянія, хотя полетъ пули и могъ бы достигать до непріятеля; приказываетъ отбирадь патроны отъ убитыхъ и раненыхъ и т. д. Забота эта очень понятна: игольчатое ружье требуетъ въ этомъ отношеніи несравненно болѣе, нежели это было при употребленіи прежняго ружья, и именно вотъ по чему:

Смотрѣть за сохраненіемъ патроновъ въ линейномъ сраженіи представляется еще возможность; здѣсь, нѣкоторымъ образомъ, начальники могутъ имѣть контроль за ихъ расходомъ, въ особенности при выполненіи Инструкціи Принца, которою приказывается, при движеніи линій или колоннъ на непріятеля, идти съ незаряженными ружьями, изъ опасенія, чтобы въ баталіонѣ не нашелся какой малодушный и не выстрѣлилъ прежде команды, и что за такимъ выстрѣломъ неотмѣнно откроется безпорядочная стрѣльба, которую было бы весьма трудно остановить, а приказывается ожидать команды на заряженіе оныхъ въ моментъ, избранный для начала стрѣльбы. Одинаково и стоя на позиціи въ оборонительномъ положеніи ожидать того же приказанія, для открытія дѣйствія залпами. Въ этѣхъ случаяхъ можно еще наблюдать за сохраненіемъ патроновъ; количество употребленія оныхъ обусловливается числомъ залповъ. Въ батальномъ огнѣ будетъ гораздо затруднительнѣе;[23] въ разсыпномъ же строѣ, особенно въ лѣсу, при защитѣ городовъ, селеній и т. п., такой надзоръ не возможенъ. Здѣсь почти безусловно должно подчиниться произволу солдата; глазъ даже взводнаго начальника безсиленъ; въ такихъ случаяхъ каждый дѣйствуетъ по своему темпераменту.

---

[23] Но и здѣсь многое будетъ зависѣть отъ случайностей; такъ, на примѣръ, убитъ баталіонный командиръ—порядокъ разстроивается, пока не примется начальство другимъ, и т. д.

Все это не ново; такъ было и прежде. Но теперь разница въ слѣдующемъ: при прежней системѣ ружей, солдату, при безпрерывной и произвольной стрѣльбѣ, нуженъ былъ, по крайней мѣрѣ, часъ времени, чтобы израсходовать имѣвшіяся при немъ 6[0] патроновъ, между тѣмъ какъ игольчатое ружье можетъ израсходовать такое же число въ 5, 6 минутъ, и остаться безъ патроновъ въ такой моментъ, гдѣ они были бы необходимо ему нужны. Снабженіе патронами въ линіи еще можетъ производиться во время, но въ лѣсу, при оборонѣ деревень, гдѣ люди разсѣяны по разнымъ прикрывающимъ ихъ мѣстамъ, очень трудно, и въ живой перестрѣлкѣ очень часто случается, что солдаты, несущіе къ цѣпи въ сумахъ патроны, на пути бываютъ убиты, ранены, не будучи замѣченными. Удерживать же въ такихъ мѣстахъ людей отъ произвола стрѣльбы, можно только на бумагѣ: здѣсь почти никогда нѣтъ мѣста ни благоразумію, ни хладнокровію; солдатъ предается вполнѣ господству врожденныхъ ему свойствъ: одинъ будетъ выжидать, пока ему не представится удобный случай пустить пулю въ стрѣлка, пускающаго въ него свою; другой, (а такихъ не соразмѣрно болѣе первыхъ), отвѣчаетъ на каждую просвистѣвшую около него пулю, не замѣчая даже, не только что противника, но и мѣста, откуда она пущена. Это было такъ прежде, такъ будетъ и теперь: природный темпераментъ человѣка, повторяю, не измѣняется. Въ мирное время, на ученьяхъ, онъ обуздывается наставленіями, и часто убѣждается въ ихъ пользѣ; но ставъ лицомъ къ лицу со смертію, природное свойство беретъ верхъ: не много людей, которые въ подобныя минуты сохраняютъ присутствіе духа; словомъ, въ разсыпномъ строю, особенно въ лѣсу и при защитѣ селеній, удерживать людей отъ произвольнаго расходованія патроновъ не возможно. При прежнихъ ружьяхъ такой произвольный расходъ могъ продолжаться болѣе часа, при настоящихъ же не продолжится и десяти минутъ. Къ этому слѣдуетъ еще присоединить и то, что, какъ это бывало прежде, и нѣтъ причины полагать, чтобы не было и нынѣ, что люди выбрасывали изъ сумъ патроны, съ цѣлію быть замѣненными свѣжею цѣпью, что, по необходимости, конечно, и будетъ дѣлаться. А это должно будетъ дѣлаться чаще, нежели дѣлалось прежде, по тому уже одному, что, какъ утверждаютъ, стволъ скорострѣлки, послѣ двадцати выстрѣловъ, разгорячается до того, что рука

отказывается держать его, и что для охлажденія его потребно довольно времени, въ продолженіе котораго стрѣлокъ остается безъ ружья, и, чтобы избавить себя отъ такого положенія, естественно, онъ прибѣгнетъ къ освобожденію сумы отъ остающихся патроновъ, чтобы быть замѣненнымъ свѣжею цѣпью.[26] Прежнія ружья разогрѣвались не такъ скоро, по тому, что между выстрѣлами проходило болѣе времени, нежели между выстрѣлами нынѣшней системы. Сверхъ того утверждаютъ, что игольчатыя ружья часто портятся въ казенной части и требуютъ особеннаго вниманія стрѣлка, чтобы оградить себя отъ обратнаго движенія пули и т. д.; но это техника, которой я достаточно не понимаю, а по тому ограничиваюсь только замѣчаніемъ, которое я слышалъ отъ лицъ, болѣе съ этимъ предметомъ знакомыхъ. Съ своей же стороны замѣчу только то, что кратковременная Садовская кампанія недостаточно еще доказала прочность скорострѣлокъ, а что для сего нужно будетъ кампаній, подобныхъ прежнимъ, продолжавшихся годами и лѣто и зиму. Обращусь къ предмету.

Быстрота расходованія патроновъ изъ скорострѣлокъ доказывается, какъ свидѣтельствуетъ Артиллер. Журналъ (1866, № 12, стр. 682), тѣмъ, что послѣ сраженія при Садовой, всѣ парковыя колонны, а послѣ дѣла при Пресбургѣ, нѣкоторыя колонны 4-го корпуса, должны были отходить назадъ на нѣсколько переходовъ «для пополненія себя изъ колоннъ полеваго резервнаго парка, и за тѣмъ опять догонять армію.» Значитъ, два раза расходовался запасъ зарядовъ[27] въ столь непродолжительную кам-

---

[26] Графъ Кутайсовъ, предъ Бородинскимъ дѣломъ, издалъ безсмертное приказаніе по артиллеріи, на счетъ сохраненія зарядовъ до послѣдней минуты, присовокупивъ при томъ, чтобы орудія не снимались, какъ бы непріятель ни былъ близокъ отъ нихъ; что послѣдній картечный выстрѣлъ, пущенный въ него, далеко выкупаетъ потерянное орудіе и т. д. Храбрые артиллеристы свято выполняли это завѣщаніе, и погибали на своихъ орудіяхъ, что свидѣтельствуется всѣми иноземными писателями (см.: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня?» Спб. 1867 г.).

[27] Здѣсь встрѣчается какъ бы недоумѣніе. Изъ общаго отчета видно, что среднимъ числомъ на каждое ружье израсходовано около шести патроновъ, а солдаты при себѣ имѣли почти въ десять разъ болѣе. Если же корпусныя парковыя

ванію и такъ мало кровопролитную, какъ это доказывается у-былью людей отъ огня. Изъ этого какъ-то невольно заключаешь, что въ эту войну было болѣе трескотни, нежели цѣлевой стрѣльбы, какъ изъ нарѣзныхъ пушекъ, такъ и изъ игольчатыхъ ружей, блистательно отличающихся на смотрахъ силъ, послѣднихъ иногда всаживающихъ въ отдаленную мишень все выпускаемые заряды. Впрочемъ, относительно ружей, здѣсь ни чего нельзя прибавить къ тому, что сказано о дѣйствіи оными Г. Драгомировымъ (Русск. Инвал. № 13, 1809 г.). Мнѣніе его основано на вѣрномъ практическомъ заключеніи, которое и я вполнѣ раздѣляю.

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ о металлическихъ патронахъ, которые, по моему разумѣнію, едва ли оправдаютъ ожиданія теоретиковъ и экзерциръ-мейстеровъ, выводящихъ заключеніе изъ опытовъ, почерпаемыхъ въ мирномъ упражненіи, или, какъ теперь принято, основывать все на Садовской кампаніи, продолжавшейся нѣсколько дней, пожалуй, въ сущности только нѣсколько часовъ. Принявъ же въ соображеніе войны продолжительныя, въ которыхъ огромныя массы войскъ находятся въ безпрерывныхъ схваткахъ, какъ, на прим., безостановочно въ 1812, 1813 и 1814 годахъ, крайне сомнительно, чтобы металлическіе патроны, требующіе въ приготовленіи особой точности, безъ которой, по многимъ отношеніямъ, не только что не окажутъ ожидаемой пользы, но и могутъ быть пагубны, могли быть самыми лучшими. Трудно изготовлять тѣ миліоны безпрерывно потребныхъ патроновъ, съ соблюденіемъ той математической точности, которая для сего требуется, какъ то видно изъ описаній (Русск. Инв., №, ст. В. Чебышева).

колонны отправлялись снабжать себя за нѣсколько переходовъ назадъ пушечными снарядами, то изъ этого ясно, что количество выпущенныхъ зарядовъ было громадно и не могло не поразить значительнаго числа непріятеля; стрѣляли же на вѣтеръ! Въ такомъ случаѣ, пораженныхъ изъ игольчатыхъ ружей приходится немного изъ показанной во всю войну потери, какъ это видно выше. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что отправлявшіеся парки въ резервный паркъ снабжали себя и ружейными снарядами. Во всякомъ случаѣ замѣчательно такое движеніе назадъ, для пополненія себя, когда у непріятеля убыль [illegible] значительна.

Нѣсколько же несчастныхъ случаевъ въ баталіонѣ, во время битвы (а такіе случаи бываютъ и на ученьяхъ, гдѣ есть возможность тщательно сохранять оружіе), будетъ достаточно, чтобы поселить въ солдатѣ недовѣріе къ своему оружію и породить въ немъ то, чего должно всячески избѣгать; ибо ни что не роняетъ столько духа, какъ недовѣріе вообще и въ частности.[*] Здѣсь я разсуждаю не такъ, какъ спеціалистъ и теоретикъ, но какъ практикъ; вывожу, можетъ быть, заключеніе и очень странное, но вполнѣ убѣжденъ въ ономъ: въ кратковременномъ столкновеніи, при всѣхъ удобствахъ путей, не далеко отдѣляющихъ дѣйствующія войска отъ своихъ запасовъ, такіе патроны могутъ быть еще употреблены съ пользой; но въ долговременную войну, продолжающуюся нѣсколько лѣтъ въ частыхъ битвахъ, въ отдаленіи отъ своихъ арсеналовъ, думаю, что «армія съ прежними патронами получитъ неминуемую поверхность надъ той, которая будетъ продолжать дѣйствовать металлическими патронами.»

Сдѣлавъ краткій очеркъ послѣдствіямъ дѣйствій игольчатыхъ ружей и личное мое о нихъ заключеніе по тѣмъ даннымъ, которыя приводятся при начертаніи войны 1866 года, я прихожу, во первыхъ, къ тому, что такъ какъ до сихъ поръ мы не видѣли еще двухъ армій, вступавшихъ въ борьбу, одинаково вооруженныхъ, то и положительнаго заключенія о губительномъ дѣйствіи игольчатыхъ ружей сдѣлать нельзя. Во вторыхъ, что и самое это заключеніе тогда только можетъ быть основательно, когда каж-

[*] Гдѣ-то я читалъ, что латунь, употребляемая для металлическихъ патроновъ, будучи не надлежащаго достоинства, можетъ прильнуть въ стволѣ, и что, не очистивъ онаго, слѣдующій зарядъ можетъ подвергнуть оный разрыву, но что это устраняется тѣмъ, что ружье, заряжающееся съ казенной части, представляетъ всю возможность замѣтить это, такъ какъ стволъ сквозной! Изъ этого слѣдуетъ, что послѣ каждаго выстрѣла солдатъ долженъ будетъ заглядывать въ стволъ. Что же онъ сдѣлаетъ, замѣтивъ засѣвшую оболочку патрона въ стволѣ? Вѣдь онъ долженъ имѣть при себѣ необходимый для очищенія онаго какой-либо инструментъ? Ну, пусть его снабдятъ имъ, а время ли ему будетъ заниматься симъ въ цѣпи и вообще въ строю? Сознаюсь въ невѣжествѣ по части теоретической и технической, но съ точки практической не допускаю полезной возможности даже и въ употребленіи на все количество патроновъ для долговременной войны необходимаго достоинства латуни и т. д., и. т. д.

дая сторона окажетъ упорство; ибо Садовская битва, относительно разсматриваемаго предмета, ни чего не доказываетъ: обѣ арміи были въ равныхъ силахъ, съ многочисленною артиллеріей; одна изъ армій была вооружена игольчатыми ружьями и представляла болѣе единства въ своихъ частяхъ, другая же, имѣя ружья прежней системы, лишенная всякаго единства, а между тѣмъ каждая изъ оныхъ понесла почти равныя потери, совершенно ничтожныя относительно громадныхъ политическихъ послѣдствій, а именно, убыли изъ наличнаго бывшагося числа въ 5, 6 процентовъ! Изъ сего слѣдуетъ, что между ними не было ни упорства, ни натиска: большое число плѣнныхъ Австрійцевъ и потеря ими множества орудій есть обычное явленіе въ рядахъ ихъ, что отнюдь нельзя приписывать игольчатымъ ружьямъ.

Въ третьихъ, ближайшее наблюденіе покажетъ, какой народъ способенъ болѣе или менѣе владѣть такимъ ружьемъ, которое менѣе, чѣмъ въ десять минутъ можетъ остаться безъ патроновъ, а на этомъ, по моему мнѣнію, основывается все: народы различныхъ свойствъ въ мирныхъ упражненіяхъ всѣ почти одинаковы, но предъ наводимымъ въ него дуломъ—далеко не одинаковы.

И наконецъ, въ четвертыхъ, положительно уже доказано, что битвы, по окончаніи великой эпохи въ 1815 году, постепенно дѣлаются менѣе кровопролитными, не смотря на безпрерывно изобрѣтаемыя усовершенствованія смертоносныхъ орудій, съ того времени увеличившихъ свой полетъ вчетверо и болѣе прежнихъ, равно какъ не смотря и на дѣйствіе снарядовъ въ битвахъ, рѣшающихъ участи Государствъ потерей только пяти, шести процентовъ съ выставленной рати на защиту ихъ. [20] Я воздержусь опредѣлять причины тому, и отнесу ихъ къ появившемуся нынѣ выраженію: «гуманности, прогрессу человѣчества.»

И дѣйствительно, эта гуманность, этотъ прогрессъ человѣчества, заявляютъ себя постепенно. Такъ сначала явились забавники

---

[20] Можно предполагать, что если изобрѣтенія оружія дальняго полета пойдутъ впередъ тою же пропорціей, то столицы могутъ перестрѣливаться между собой, не сходясь на полѣ другихъ битвъ.

изъ граждан, составившихъ общество для проповѣданія всеобщаго мира, между тѣмъ какъ съ заводовъ своихъ снабжали всѣхъ желающихъ оружіемъ, снарядами и всѣми принадлежностями войны, и своихъ и иноземцевъ; таковы, на примѣръ, въ Англіи члены Общества Мира, съ 1821 по 1827 годъ, снабжали снарядами и т. п. въ одно время и своихъ Грековъ и Турокъ, словомъ, всѣхъ желавшихъ подраться, и въ помянутое время часто одинъ и тотъ же корабль, отправлявшійся изъ Англіи съ оружіемъ, заказаннымъ возставшими противъ Турокъ Греками, сдавалъ его симъ послѣднимъ, и тутъ же продолжалъ плаваніе въ Константинополь съ частью, заказанною Турками и т. п. Мысль о возможности внушенія владыкамъ Государствъ миролюбія не удалась; начали образовываться еще болѣе смѣшные «Конгрессы мира,» на которые стекались со всѣхъ сторонъ лица, болѣе другихъ извѣстныя за ярыхъ демагоговъ и республиканцевъ, по существу своему жаждущихъ смутъ, крови, чтобъ трактовать о всеобщемъ мирѣ! Послѣдствіемъ этѣхъ съѣздовъ было, съ одной стороны, развитіе самыхъ демагогическихъ и республиканскихъ идей и, рядомъ съ ними, забавный проектъ о неприкосновенности раненыхъ, попадающихся въ плѣнъ и т. п. Къ такому размышленію могли прійти только люди, коимъ война и ея случайности извѣстны лишь изъ романовъ, да и то самыхъ плохихъ. Желательно было бы видѣть, какія мѣры приняло бы Женевское общество о неприкосновенности раненыхъ [30] противъ Наполеона, который въ Смоленскѣ и въ Москвѣ буквально выбрасывалъ, иногда даже чрезъ окна, изъ госпиталей и обывательскихъ домовъ, оставленныхъ нами тяжело раненыхъ, и, такъ очистивъ мѣсто, помѣщалъ своихъ. Впрочемъ, взглянувъ на это съ настоящей точки зрѣнія, то, независимо отъ нѣкоторыхъ жестокихъ мѣръ, безъ которыхъ можно было бы обойтись, Наполеонъ иначе и не могъ поступить: не своихъ же раненыхъ оставлять безъ крова и призрѣнія, когда другихъ помѣщеній не было! Иное дѣло общее распоряженіе, сдѣланное имъ по занятіи Москвы, о пристрѣливаніи плѣн-

---

[30] Къ начертанному этѣмъ Обществомъ проекту приступили нѣкоторыя Государства, конечно, по тому только, что дѣло благонамѣренное, хотя и недостижимое, въ чемъ едва ли кто можетъ сомнѣваться.

нихъ, безъ чего очень бы можно было обойтись.[24] Но что же остановило бы Наполеона въ принятіи помянутыхъ мѣръ относительно раненыхъ, и, конечно, встрѣчаемые его арміею непріятельскіе раненые въ фургонахъ, украшенныхъ значками и т. п. по образцамъ Женевскимъ, были бы сохранены и несомнѣнно бы служили раненымъ Французамъ. Мы видѣли ихъ поступки и прежде войны 1812 года въ мѣстахъ, гдѣ, не считая Русскихъ, было достаточно помѣщеній, но и это не соблюдалось, какъ, напр., въ Фридландѣ, гдѣ не только раненые солдаты и Офицеры были вытащены изъ своихъ помѣщеній, но и Генералъ Каменскій вынесенъ былъ на улицу, гдѣ и умеръ. Не правила Женевскаго Общества о неприкосновенности раненыхъ могутъ быть могущественнымъ двигателемъ къ состраданію; это лежитъ въ сердцѣ человѣка, какъ это доказалъ Императоръ Александръ I-й и Великій Князь Константинъ Павловичъ въ Вильнѣ, заваленной непріятельскими ранеными: никто не былъ позабытъ, напротивъ Государь и Великій Князь посѣщали сіи Госпитали, не смотря на развившійся тифъ, заботились объ оказаніи чужимъ помощи, точно также, какъ и своимъ; сами Французы говорятъ о семъ и свидѣтельствуютъ, что многіе изъ нихъ, по выздоровленіи, были еще и облагодѣтельствованы. Слѣдовательно, облегченіе раненыхъ зависѣло, и будетъ зависѣть, отъ лицъ, управляющихъ войной, и отъ ея случайностей.

Къ этому же разряду благопожеланій принадлежитъ еще и другое: «изъятіе употребленія въ битвахъ разрывныхъ пуль.» Конечно, и эта мысль то же человѣчная и своевременно выраженная почином и, конечно, искренно. Но будетъ ли она безусловно соблюдаться всѣми Державами? Я позволяю себѣ думать, что положительно нѣтъ. Развѣ только одна Россія искренно послѣдуетъ, согласно съ заключеніемъ. Другіе, если признаютъ неупотребленіе разрывныхъ снарядовъ, то не остановятся употреблять ихъ золотникомъ, или нѣсколькими, ниже опредѣленнаго вѣса, что

[24] Предметъ этотъ вполнѣ разсмотрѣнъ въ книгѣ: «Кому и въ какой степени принадлежитъ честь Бородинскаго дня» Спб. 1867 г.

будетъ столь же, если не болѣе, ужаснымъ. Вѣдь, не притянуть же такого нарушителя къ Мировому Судьѣ!

Оставивъ тридцать семь лѣтъ тому назадъ военную службу, что мнѣ, однако же, не мѣшало, по привычкѣ и пристрастію къ оной, слѣдить за всѣмъ, совершающимся на этомъ поприщѣ, я, въ изложенныхъ мною, преимущественно практическихъ, взглядахъ и сужденіяхъ о нынѣшнемъ развитіи теоретическихъ предположеній, могъ, конечно ошибиться, какъ и каждый. Всякая наука, и въ особенности военная, есть дѣло общее; оно можетъ вырабатываться одною только полемикой, людьми, въ своихъ мнѣніяхъ независимыми отъ вліянія тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ ихъ настоящее и будущее. Опровергать, или даже только обсуждать, планы такихъ лицъ, какъ говорится, не приходится, а между тѣмъ въ такомъ дѣлѣ «одинъ человѣкъ сдѣлать всего не въ состояніи и можетъ заблуждаться; гдѣ нѣтъ критики, тамъ нѣтъ ни искуства, ни науки; въ такихъ случаяхъ похвала—злая насмѣшка,» какъ это сказалъ Полковникъ Астафьевъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи: «О современномъ военномъ искуствѣ.»

И. Липранди.

1869 г. Май.

ЗАПИСКА

Министра Финансовъ, Графа Е. Ф. Канкрина, для Генералъ-Фельдмаршала Графа И. И. Дибича-Забалканскаго,

ВЪ НАЧАЛѢ ВОЙНЫ СЪ ПОЛЯКАМИ 1830 ГОДА.

Довѣренный чиновникъ, прибывшій изъ обѣихъ Литовскихъ Губерній, объясняетъ:

1. Шляхты и высшее дворянство въ дурномъ духѣ.

2. На бывшій Литовскій корпусъ нельзя полагаться: офицеры, самъ сынъ **Влодека**, говорятъ дурно, полки увлечены на мѣстахъ разными заведеніями, и прежде дошли свѣденія, что артиллерія не держала положенныхъ лошадей, что полковые командиры, неопытные, только по фронту отличившіеся офицеры, мало обѣщаютъ.

3. Управленіе въ Вилнѣ такъ дурно, что повѣрить нельзя; **слабый Корсаковъ** былъ окруженъ какъ бы корою плутовъ. Духъ въ Вилнѣ очень дуренъ. Вицегубернатора Листовскаго нздобно остерегатся.

О семъ будетъ представлено Его Величеству.

Прокуроръ Ботвинко не хорошъ.

Отъ препонъ сихъ людей и Комисія Скурыдина не имѣла успѣховъ.

4. Казаки на Голиденскомъ кордонѣ всѣ взяты въ пленъ.

Я долгомъ счелъ уведомить о семъ Ваше Сіятельство, присовокупляя свидѣтельство моего отличнаго почтенія.

Канкринъ.

СП. 16 Дек. 1830.

Это собственноручная записка Канкрина, съ сохраненіемъ его правописанія. Напечатанное разрѣдкой подчеркнуто краснымъ карандашемъ.

ПИСЬМО

А. Н. Оленина къ Григорію Ивановичу Спаскому.*

23 Маія, 1821. Понедѣльникъ.

Премного, чувствительно, благодаренъ любезному и досужему моему Григорію Ивановичу за любопытную выписку изъ Китайской Исторіи. Но этого теперь не довольно, а надобно по пословицѣ: «Кормилъ до бороды, корми же до усовъ.» Это по нашему называется глухая исповѣдь. Наша братья, древностей копальщики, любили во всякомъ случаѣ знать всю подноготную, а по тому прошу вамъ сказать: 1-ое, что это за Китайская Исторія, въ Китаѣ ли Китайцами она писана, или здѣсь Европейцами? 2-е Напечатана ли она, или нѣтъ, и на какомъ языкѣ? 3-е. Если напечатана, то гдѣ? когда? въ какомъ форматѣ? и какой ей точно данъ титулъ? и наконецъ, четвертое, на какой страницѣ сказано то, что въ выпискѣ написано? Вотъ что надобно знать преданному вамъ

Алексѣю Оленину.

Его Высокоблагородію

Григорію Ивановичу Спаскому.

На конвертѣ письма:

От Оленина.

Прошу отвѣта, а если свободны, то прошу ко мнѣ обѣдать въ три часа.

---

* Нѣкогда издателю Сибирскаго (1818—1825 г.), и Азіатскаго (1825—1828) Вѣстника, Горнаго Словаря (М. 1841—43), 3 тома, Книги большому чертежу (по порученію Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1846 г., коего былъ Дѣйствительнымъ Членомъ), Босфора Киммерійскаго (М. 1846), Археолого-Нумизматическаго Сборника (М. 1850), и т. д.; сконч. 1864 г., Апрѣля 29, и похороненъ въ Московскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ. О. Б.

ПИСЬМО
И. И. Дмитріева къ тому же.

Милостивый Государь мой,

Григорій Ивановичъ!

Съ чувствомъ искренней благодарности, я имѣлъ удовольствіе получить послѣднюю книжку Сибирскаго, и первую Азіятскаго Вѣстника.

Нѣтъ сомнѣнія, чтобы послѣдній не имѣлъ успѣха, равнаго успѣхамъ его предшественника, даже можно обѣщать еще и большаго: съ нѣкоторыхъ лѣтъ Азія обращаетъ на себя вниманіе всей ученой Европы. Вы можете много заимствовать изъ актовъ Азіятическаго Общества, существующаго въ Парижѣ, и изъ записокъ объ Азіи Г. Клапрота, въ коихъ находятся двѣ довольно любопытныя статьи: 1, О границахъ Руской и Китайской, и 2 Описаніе Россіи; переводы съ Китайскаго.

Относительно сего Государства, желательно было бы, чтобъ вы могли воспользоваться выписками изъ записокъ и переводовъ бывшаго Архимандрита нашего Іакинѳа.

Простите меня, естьли я вмѣшался не въ свое дѣло. Одно только живѣйшее участіе во всемъ служитъ къ пользѣ и чести Отечества заставило меня сказать, можетъ быть больше, нежели сколько требовало приличіе.

Между тѣмъ прошу васъ принять искреннее увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и уваженіи, съ коими навсегда имѣю честь быть,

Милостивый Государь мой,
покорнѣйшимъ вашимъ слугою

Иванъ Дмитріевъ.

Москва.
1825,
Февраля 4 дня.

ПИСЬМО

Рижскаго Епископа Филарета къ Гаврiилу, Архiепископу Рязанскому, о нуждахъ Православiя.

Высокопреосвященнѣйшiй Владыко,

Милостивѣйшiй Архипастырь!

Давно хотѣлось писать къ Вашему Высокопреосвященству съ изъявленiемъ душевнаго уваженiя и благодарности къ любви Вашей и съ объясненiемъ нуждъ своихъ: но отъ сихъ послѣднихъ такъ тѣсно, что оставлялъ нѣсколько разъ возбуждавшееся намѣренiе. Что дѣлать? Видно, такова воля Господня о мнѣ грѣшномъ. Ваше Высокопреосвященство изволите уже частiю знать обстоятельства мои, а разсказывать о нихъ обстоятельно означало бы писать толстую исторiю. Да и на душѣ нѣтъ расположенiя касаться горькаго предмета. Такъ онъ истомилъ душу! Благодаренiе Господу и за то, что меня грѣшнаго не вывезли точно также, какъ вывезли предшественника; * пока держусь кое какъ милостiю Божiею. Что будетъ, Господу извѣстно. Лучшаго себѣ не ожидаю; далъ бы Богъ, чтобы не было хуже. Тотъ, кто ходитъ по пожару среди пламени, счастливымъ себя считаетъ, если самъ не сгорѣлъ: точно также и я. Все дѣло въ томъ, что не хотятъ, ни за что не хотятъ, чтобы было здѣсь Православiе. Отселѣ чего не дѣлаютъ? Но Господь—Судiя.

Какъ бы много я сталъ молить Господа за тѣхъ, кто назначилъ бы мнѣ другое мѣсто служенiя! Но надежды нѣтъ, и остается молчать.

---

* Иринарха въ 1841 году, нынѣ Архiепископа Рязанскаго на покоѣ съ Августа 1867 въ Рязанскомъ Спасскомъ монастырѣ. О. Б.

Нѣсколько представленій препровождено мною къ Высокопреосвященѣйшему Наѳанаилу, * которыя, по содержанію ихъ, должны бы быть и въ виду Вашего Высокопреосвященства. Но не знаю, достигли ли они до Васъ, или же укрылись въ смиренномъ мѣстѣ? Одно касается Раскольниковъ; въ немъ заключается нѣсколько донесеній объ открытіи новыхъ моленъ Раскольниками и о буйствѣ ихъ; желалъ бы, чтобы возвращена была милость угнетенному здѣсь Православію—посылать со стороны духовной депутата при слѣдствіяхъ о Раскольникахъ, безъ чего здѣсь нѣтъ ни какой возможности имѣть какое либо дѣло въ Судѣ. Другимъ испрашивается разрѣшеніе: можно ли присоединять къ Православію дѣтей, когда отецъ, или мать, присоединяясь къ Православію, желаетъ присоединить ихъ? Здѣсь это рѣшительно запрещаютъ. Третіе съ предположеніемъ о прибавленіи, или назначеніи, окладовъ причтамъ. Съ своей стороны я старался о томъ только, чтобы причты не боролись съ нуждами и не казались такимъ образомъ низкими въ глазахъ Иновѣрцевъ; о достаткѣ, или избыткѣ, забылъ я думать. Положеніе здѣшнихъ причтовъ по двумъ причинамъ бѣдственно: во первыхъ, и болѣе всего, по тому, что дороговизна здѣсь на всѣ жизненныя потребности необыкновенная: на нѣкоторые предметы цѣны гораздо выше даже тѣхъ, какія существуютъ въ Петербургѣ; о другихъ городахъ и говоритъ нечего; во вторыхъ, по тому, что въ большей части приходовъ прихожанъ Православныхъ весьма мало, или же живутъ въ отдаленности. По тому-то за грѣхъ совѣсти считалъ я не предположить назначеніе увеличенія окладовъ въ томъ видѣ, въ какомъ препровождено назначеніе къ Его Высокопреосвященству. Но Высокопреосвященный, какъ слышно, уменьшаетъ, и очень уменьшаетъ, оклады. Онъ, конечно, судитъ по тому, какъ идутъ дѣла во Псковѣ. Но грѣшно, именно грѣшно, такъ судить. По двумъ другимъ предметамъ (по Благочинію и Правленію) доселѣ не представлено мною предположеній собственно по тому, что безъ Священниковъ, доселѣ недостающихъ въ Ригѣ, нѣтъ возможности представить, или составить, предположенія. Нужды есть, и большія, сдѣлать, или точнѣе, предположить перемѣны въ

---

* Архіепископу Псковскому съ 1834 года, скончавшемуся 1848. О. Б.

равленіи и завѣдываніи Благочиніемъ: людей рѣшительно нѣтъ, омѣ уже извѣстныхъ по дѣяніямъ своимъ. Остается молчать и рпѣть. Не знаю, кого-то Господь дастъ въ Ректора, или Смоителя Училищъ? Или кто будутъ наставники? Для меня все о не извѣстно.

Желалъ бы услышать, что дѣлается съ «Исторіею Отцевъ еркви,» * которой часть Ваше Высокопреосвященство читали? ранствуетъ ли она гдѣ ни будь, или лежитъ на покоѣ? Что съ ю думаютъ дѣлать? Куда ее назначаютъ? Много было трудовъ, съ намѣреніемъ принесть посильную пользу. А по тому призюсь, жалко будетъ, если придется сказать: «Oleum perdidi et borem.» Окажите вспоможеніе, въ чемъ можно будетъ.

Изъявляя искреннее душевное уваженіе, имѣю честь быть,

Вашего Высокопреосвященства,

Милостивѣйшаго Архипастыря,

покорнѣйшій слуга

Викарій Псковскій и Епископъ Рижскій Филаретъ.

P. S. Много скорбей ждалъ, когда ѣхалъ въ Ригу: но далеко больше увидалъ, прибывъ въ Ригу. Не оставьте въ Архипасторской молитвѣ Вашей.

---

* чиненіе самаго Филарета, иначе Патристика. О. Б.

ТРИ ПИСЬМА

ІОСИФА, МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО,

къ

ГАВРІИЛУ, АРХІЕПИСКОПУ РЯЗАНСКОМУ.

I.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Государь!

Почтенный Графъ Павелъ Дмитріевичъ * вручилъ мнѣ на дняхъ письмо Вашего Высокопреосвященства и приложенную при немъ подлинную Грамоту. Не знаю, имѣетъ ли моя фамилія какую связь съ упоминаемымъ въ Грамотѣ Иваномъ Симашкомъ: но мнѣ пріятно видѣть, что одинъ изъ моихъ однофамильцевъ удостоился вниманія Русскаго Царя за сто восемдесятъ лѣтъ тому назадъ;** а еще пріятнѣе, что этимъ свѣдѣніемъ обязанъ я благосклонному о мнѣ памятованію Вашего Высокопреосвященства, за которое искреннѣйше благодарю. Въ торопяхъ я забылъ спросить Графа, гдѣ онъ здѣсь остановился и когда возвращается на Бѣлорусь; и если не случится видѣться съ нимъ, то не премину Грамоту препроводить обратно къ Вашему Высокопреосвященству по почтѣ.

Примите увѣреніе въ чувствахъ истиннаго почтенія и преданности, кои питаю къ вамъ съ перваго знакомства и съ коими пребуду на всегда

Вашего Высокопреосвященства
покорнѣйшій слуга
Іосифъ, Епископъ Литовскій.

22 Декабря,
1836 года.

---

* Киселевъ? О. Б.

** Гавріилъ былъ съ 1831 по 1837 годъ на Епархіи Могилевской. О. Б.

II.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Прошу Ваше Высокопреосвященство принять отъ меня девять Словъ, при семъ прилагаемыхъ, не какъ литературное произведеніе, но какъ добрую вѣсть о воскресшемъ и утвердившемся уже, Божіею милостію, въ Литовскомъ краѣ древнемъ Православіи. Другой экземпляръ этихъ Словъ прошу передать въ Библіотеку Рязанской Семинаріи. Я душевно желалъ бы, чтобы всѣ края Руси Православной сроднились съ ново-возстановленною Литовскою паствою, и чтобы паства сія занимала не одно только мѣсто по списку Православныхъ Епархій, но была съ цѣлою Православною Церковью въ тѣснѣйшемъ духовномъ и молитвенномъ общеніи. Вашему Высокопреосвященству въ особенности не чужда наша страна; * и надѣюсь, Вы болѣе другихъ примете къ сердцу добрыя о ней вѣсти.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ и братской любви, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высокопреосвященства

сослужитель о Господѣ,

Іосифъ, Митрополитъ Литовскій и Виленскій.

29 Апрѣля,
1852 года.
Вильна.

Его Высокопреосвященству,
Гавріилу,
Архіепископу Рязанскому.

---

* Сличите съ симъ мое 6-ое примѣчаніе къ статьѣ Н. В. Сушкова: «Воспоминанія о Литовскомъ Митрополитѣ Іосифѣ,» помѣщенной въ 1-ой книгѣ «Чтеній» 1869 г., отд. V, стр. 162—164. О. Б.

III.

Ваше Высокопреосвященство,

Милостивый Архипастырь!

Въ знакъ добраго памятованія, примите отъ меня, Ваше Высокопреосвященство, два Слова, въ послѣднее время напечатанныя; только не осудите, если что покажется рѣзкимъ;—тридцать пять лѣтъ стою я лицемъ къ лицу противу неправдъ Запада, и естественно долженъ говорить иначе, какъ другіе.

Поручая себя памяти и молитвамъ Вашимъ, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію

Вашего Высопреосвященства

покорнѣйшій слуга,

Іосифъ, Митрополитъ Литовскій.

13 Іюня,
1855 года.

Вильна.

Сообщ. Св. Н. Гумилевъ.

ПРИВѢТСТВІЕ

ЧЕХАМЪ ВЪ ПЯТИСОТЛѢТІЕ РОЖДЕНІЯ

ІОАННА ГУСА.

Чешскому Распорядительному Комитету для празднованія 500-лѣтней памяти рожденія Іоанна Гуса 4—7-го Сентября, 1869 года.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ спѣшитъ привѣтствовать братьевъ Чеховъ съ свѣтлымъ празднествомъ 500-лѣтней годовщины рожденія своего Іоанна Гуса, безсмертнаго борца за свободу людей во всѣхъ ея законныхъ проявленіяхъ, и желаетъ всѣми силами души, да отнынѣ всѣ предначертанія, стремленія и мѣропріятія Чеховъ, направленныя къ охраненію и утвержденію народной самобытности и самодѣятельности, вѣнчаются на всѣхъ путехъ своихъ благопоспѣшеніемъ и совершеніемъ, къ счастію, радости и славѣ необъятнаго и могучаго отечества Славянскихъ племенъ.

Августа 17-го дня,

1869 года.

Москва.

ПРИВѢТСТВІЕ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ,

ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕЯ ПО ПРЕОБРАЗОВАНІИ,

28-го СЕНТЯБРЯ, 1869 ГОДА,

ОТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ

ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ привѣтствуетъ Кіевскую Духовную Академію съ торжественнымъ празднованіемъ Пятидесятилѣтія ея по преобразованія, отъ всей души желая, да, въ матери градомъ Роусьскимъ, колыбели Православія и Царства Русскаго, первоисточникъ и разсадникъ Русскаго просвѣщенія и ученія, воззванный къ жизни братскимъ согласіемъ и любовію къ своему роду, Вѣрѣ и самобытію, никогда не оскудѣваетъ и неприкосновенно охраняетъ сіи основы Руси и въ грядущія времена и лѣта, въ своей многополезной и примѣрной дѣятельности производя намъ новыхъ Захаріевъ, Исаіевъ, Іоанникіевъ, Димитріевъ, Стефановъ, Ѳеофановъ, Сильвестровъ, Рафаиловъ, Георгіевъ, Самуиловъ, Іоанновъ, Иринеевъ, Иннокентіевъ на служеніи Церкви; Хмельницкихъ, Безбородьковъ, Заводовскихъ, Трощинскихъ на полѣ ратномъ и полѣ мирномъ; Барскихъ, Сковородъ, «измѣрившихъ стопами своими и пядію удолій глубину и горъ знатныхъ высоту», вѣдѣнія ради и размноженія его между братіей; Прокоповичей-Антонскихъ, Сохацкихъ, Тимковскихъ, Веланскихъ въ храмѣ научномъ; Березовскихъ, Ведедей въ храмѣ славословія Божія и духовныхъ пѣснопѣній; да цвѣтетъ и процвѣтаетъ онъ,

какъ цвѣтутъ и процвѣтаютъ вертограды Южнорусскіе; да обилуетъ и преизобилуетъ всѣмъ, яже на потребу, какъ обилуютъ и преизобилуютъ пажити окрестъ его; да висится и превозносится имя Могило-Заборовской Академіи, какъ висятся и превозносятся тополи Кіевскихъ вершинъ надъ всѣми сорастущими древесами; да та, отъ коей, «аки съ преславныхъ оныхъ Аѳинъ, вся Россія источникъ премудрости почерпала, и вся своя новозаведенныя училищныя колоніи напоила и израстила,» согласно предсмертному желанію виновника своего бытія, старшаго брата въ Богоявленскомъ Братствѣ, благодѣтеля и попечителя Кіевскихъ высокихъ школъ, «вѣчно пребываетъ, ради умноженія славы Божіей и воспитанія дѣтей Православно-Русскихъ!»

Сентября 25, 1869 г.
Москва.

ОПЕЧАТКИ.

Въ 1-й кн. «Чтеній» 1869 г., отд. V.

Напечатано:				Читайте:
Стран.	Строк.			
154	5 снизу:	19,		18

Въ 3-й книгѣ, отд. V:

116,	6 сверху:	Андрея	Андреяна
126,	6 —	Андрея	Андреяна

This table of contents is for preceeding pages - Pt. 3

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

II.

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ.

III.

МАТЕРІЯЛЫ СЛАВЯНСКІЕ.

IV.

МАТЕРІЯЛЫ ИНОСТРАННЫЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

V.

СМѢСЬ.

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

I

[illegible]

I

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

I

[illegible]

НОВГОРОДЪ САМЪ ВЪ СЕБѢ.

Новгородъ своею исторіей представляетъ сильное, живое стремленіе вымолить благословеніе Неба на жизнь земную! Новгородецъ высоко цѣнитъ эту жизнь, дорожитъ ею, и лѣтописи его наполнены свѣдѣніями о постройкѣ храмовъ, объ основаніи монастырей; чувство религіозное было единственнымъ утѣшителемъ Новгородца въ минуты неотразимаго несчастія, во время междоусобныхъ споровъ, внѣшнихъ войнъ, голода, мора, пожаровъ. Съ другой стороны жизнь его печатлѣется необыкновенною дѣятельностію и мощью. Какъ воинъ и торговецъ, двигался онъ впередъ и впередъ по безконечности пустынь, которыя идутъ отъ нынѣшней Финляндіи къ горамъ Уральскимъ, пустынь непріютныхъ, покрытыхъ вѣковыми, въ иныхъ мѣстахъ еще доселѣ дѣвственными, лѣсами, не видавшими внутри себя человѣка, богатыхъ озерами, болотами, тундрами, изрѣзанныхъ значительными рѣками, а въ зимнее время еще менѣе пріютныхъ, когда обымутъ ихъ трескучіе морозы, и завоетъ вьюга, и засыплютъ глубокіе снѣга. И эти пустыни, съ ихъ полудикими народами, признаютъ въ немъ своего хозяина властителя, который, не снимая оружія, бродитъ посреди этой безпріютности, собираетъ богатства, серебро и дорогіе мѣха, и уноситъ ихъ чрезъ эти пустыни къ своей родинѣ. Народы южныхъ и сѣверныхъ береговъ Чудскаго залива были знакомы съ оружіемъ Новгородца и отчасти признавали надъ собою власть его: этого требовала безопасность сообщенія Новгорода съ Западомъ. Море Бальтійское съ своими бурями, берега теперешней Пруссіи и Даніи, были также знакомы Новгородцу: онъ долго [illegible]

зилъ по нимъ свои богатства, въ замѣнъ которыхъ получалъ богатства новыя. Не разъ также видѣла его Сѣверо-Восточная и Южная Русь у себя въ гостяхъ, какъ воина, и, испробывая силы свои съ нимъ, признавала его воиномъ достойнымъ, смѣлымъ, отважнымъ; а какъ богатаго торговца онѣ видѣли его у себя постоянно и въ палатахъ Княжескихъ, и въ палатахъ Боярскихъ, и въ хижинѣ мужика; продолжительной кровавой борьбой завязалъ онъ знакомство свое съ Нѣмцами, когда они отказывались отъ признанія какихъ либо правъ его на страны, прилегающія къ южному берегу Чудскаго залива... Была же мечта въ жизни Новгородца, которая влекла его въ предпріятія опасныя и отдаленныя; была же вѣра сильная, которая поддерживала его посреди кровавой борьбы; былъ же въ душѣ его живой храмъ, котораго онъ былъ мощнымъ стражемъ и за который онъ готовъ былъ положить свою голову.

Но странно: кругъ стремленій его, какъ будьто бы, былъ тѣсенъ: холодно относился Новгородъ къ судьбѣ другихъ частей Руси, хотя постоянно обращался къ нимъ съ просьбою о помощи, и никогда не встрѣчалъ отказа для борьбы съ врагами внѣшними; его силы, его дѣятельность—для области Новгородской; его цѣль—въ предѣлахъ его области. Что же плѣняетъ его сдѣсь? Что поддерживаетъ, живитъ, придаетъ ему силу, мощь? Къ чему стремится онъ?

Внутренная жизнь Новгорода, религіозная съ одной стороны, съ другой тревожна, исполнена ссоры, вражды, безпокойства, расхищенія, грабительства, убійствъ, въ которыхъ играютъ главныя роли то та, то другая сторона, то какіе-то концы, то улицы, наконецъ даже частныя лица, и ни начала, ни исхода всѣхъ этѣхъ безпорядковъ и тревогъ; гдѣ жь тутъ мечта Новгородца? Или обольщая его, увлекая за тысячи верстъ въ опасности, лишенія, она смѣялась надъ нимъ и раскрывала обманъ свой уже тогда, какъ онъ, совершивъ свое странствованіе, свой бѣгъ за нею, думалъ, что онъ уже владѣлецъ ея, думалъ испить чашу истиннаго счастливаго забытія на родинѣ?

Противорѣчіе страшное, и мы не выйдемъ изъ него до тѣхъ поръ, пока не ознакомимся съ мѣстностію Новгорода и составныхъ его частей.

Главнѣйшія изъ этѣхъ составныхъ частей были: сторона Софійская и сторона Торговая. Оба этѣ названія еще до сихъ поръ сохраняются въ памяти народной и, сверхъ того, мы имѣемъ въ лѣтописяхъ достаточныя данныя, чтобъ повѣрить современныя понятія о той и другой сторонѣ: первая составляла поселеніе по лѣвому берегу широкаго Волхова, другая по правому, и та и другая были защищены стѣнами, и первая еще не одной, а тремя, какъ это видно изъ древняго изображенія Новгорода, хранящагося въ Знаменскомъ соборѣ, подъ образомъ Знаменской Божіей Матери. [1] Растягиваясь по самому берегу р. Волхова, гордо смотритъ и теперь каменный высокій Дѣтинецъ Софійской стороны на сторону противоположную, почти утратившую уже свои внѣшнія ограды, существованіе которыхъ доказываетъ сказанное изображеніе. Обѣ части соединялись только мостомъ, который примыкалъ какъ съ той, такъ и съ другой, стороны къ башеннымъ воротамъ, и который иногда, во время вражды между двумя сторонами, разбирался, и сообщеніе, такимъ образомъ, пресѣкалось. Каждая сторона имѣла свое вѣчевое сборное мѣсто: Софійская около храма Софіи, а Торговая на Ярославовомъ Дворищѣ, около Никольскаго собора. [2] Первая изъ этѣхъ сторонъ, какъ положительно видно изъ лѣтописей, была средоточіемъ начала патріархально-военнаго или боярскаго, правительственнаго, вторая—средняго сословія, или втораго гражданскаго, которое можно было бы назвать началомъ денежнымъ. Отдѣльно отъ поселенія двухъ главныхъ частей Новгорода, лежало Городище, мѣсто котораго сохраняетъ доселѣ свое древнее наименованіе. Оно находится за малымъ Волховцемъ, на сторонѣ Торговой, по отношенію къ самому Волхову, отстоя отъ ближайшаго стараго поселенія сей сто-

---

[1] Г. Вельтманъ, обращая вниманіе на содержаніе изображенія, вырѣзаннаго на мѣди и представляющаго осаду Новгорода полчищами Андрея Боголюбскаго, полагалъ, что оно относится къ тому же времени, какъ и самое содержаніе его, но, безъ сомнѣнія, оно вырѣзано нѣсколько позднѣе. Самый соборъ, въ которомъ оное хранится, устроенъ въ 1354 году, т. е., 185 лѣтъ спустя послѣ осады. Нов. I, стр. 228.· О Госп. Вел. Новгородѣ. А Ѳ. Вельтмана. Москва, 1834 г.

[2] Общія вѣча, гдѣ собирался весь Новгородъ, были около этѣхъ же храмовъ, при чемъ Софійская, или Торговая, сторона переходила съ своего вѣча на вѣче стороны противуположной. См. ниже.

роны, которое обозначается древнимъ валомъ и рвомъ, въ версту, или около того.

Городище, какъ это видно изъ Новгородскихъ лѣтописей, было собственно мѣстомъ пребыванія Князя и его двора и, безъ сомнѣнія, какъ это мы можемъ заключать изъ его наименованія, было укрѣплено. Такимъ боразомъ, какъ двѣ главныя части раздѣлены между собою самою мѣстностію, и это раздѣленіе упрочено еще болѣе искуствомъ, такъ представляется совершенно отдѣльнымъ и укрѣпленнымъ поселеніе Княжеской дружины и самаго Князя. Принимая въ соображеніе положеніе его въ отношеніи каждой изъ сторонъ въ отдѣльности, совокупно съ другими предметами, входящими въ составъ мѣстописнаго описанія древняго Новгорода, мы приходимъ къ очень важному выводу, который объясняетъ намъ главную ткань внутренней жизни Новгорода, и одно изъ самыхъ темныхъ, самыхъ важныхъ мѣстъ исторіи Новгородской.

Въ періодъ, отдаленный отъ насъ восемью столѣтіями, совершилось событіе, которое, опредѣливъ на цѣлые вѣка особенность исторіи Великаго Новгорода, судьбу частную Новгородца, скрылось само отъ наблюдателя не только въ подробностяхъ явленія, но даже по своимъ прямымъ началамъ. Сами Новгородцы, въ отношеніяхъ своихъ къ Князьямъ, ссылаются на это событіе, какъ на законъ, какъ на основу своей гражданской жизни, и этотъ голосъ вторится въ продолженіе всей ихъ исторіи, а начала событія все таки нѣтъ ни въ исторіи, ни въ разсказахъ лѣтописцевъ, ни въ преданіи. Самый годъ, когда оно именно совершилось, остается не извѣстнымъ для насъ; ни одна изъ лѣтописей, ссылаясь не разъ на него, не упоминаетъ даже о томъ, чтобъ оно когда ни будь совершилось; но тѣ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась дальнѣйшая судьба Новгорода, которые даже явно стремились противоборствовать основамъ быта Новгородскаго, знали это событіе, не безъ благоговѣнія взирали на него, и потомъ утверждали сами за Новгородомъ тѣ права, которыя положились въ этомъ же событіи, въ той же общей основѣ.

Событіе это стоитъ въ рѣзкой противоположности съ событіями однородными по предмету, совершившимися въ другихъ частяхъ Руси и опредѣлившими ея современный характеръ, складъ и фор-

му гражданственности. Когда въ этѣхъ частяхъ идея Князя, какъ сердце, сосредоточивала вокругъ себя жизненныя государственныя силы, въ Новгородѣ она, напротивъ, соприкасаясь всюду къ жизни оставаясь главнымъ покровомъ ея, сама добровольно снимала съ себя священное право власти свободной, неограниченной, какъ будто не вѣря въ возможность, не желая развиться до подобнаго предѣла, согласнаго своимъ собственнымъ основамъ, основамъ чисто народнымъ для остальной Руси. Такъ поступилъ съ Новгородомъ Ярославъ Великій. Когда, въ слѣдствіе какихъ соображеній, или обстоятельствъ, и какъ именно, объ этомъ молчатъ всѣ лѣтописи. Конечно, Князь такого свѣтлаго ума не могъ не имѣть къ подобному распоряженію какихъ ни будь важныхъ основаній. Что касается да самаго распоряженія Ярослава, то, каковы бы ни были подробности его, сущность остается все та же: Ярославъ низвелъ имъ въ предѣлы неограниченную, какъ жизнь, власть Княжескую, и предоставилъ Новогородцамъ право хранить свое распоряженіе, какъ святыню, какъ скрижаль ихъ жизни. [1] Каждый Князь, управлявшій Новогородомъ, дѣлался уже по этому не Княземъ въ томъ значеніи, въ какомъ онъ былъ для другихъ частей Руси: водя жизнь Новогородскую за предѣлы, очер-

---

[1] Г. Соловьевъ сдѣлалъ вѣрный перечень всѣхъ случаевъ, гдѣ упоминается объ Ярославовыхъ грамотахъ прямо, какъ и грамотахъ, которыми Князья должны были руководствоваться при управленіи Новгородомъ (Объ отношеніяхъ Нов. къ Вел. Князьямъ, стр. 32). Этѣ случаи относятся къ 1228, 1229, 1230 и 1339 г. Тѣ случаи, гдѣ косвенно упоминается о предоставленныхъ этѣми грамотами болѣе обширныхъ правахъ, мы приведемъ ниже, подъ княженіемъ Всеволода. Въ Ипатьевской лѣтописи мы имѣемъ еще болѣе раннее свидѣтельство, подтверждающее за Новгородцами этѣ права, которыя признавалъ за ними Всеволодъ и современные ему Князья: «Пишеть бо, глаголя, Давидъ: наказая накажи мя, рече, Господи, смерти не предай мене. Тако и сія люди Новьгородьскыя: наказавъ, и смири я дозѣла, за преступленіе крестьное и за гордость ихъ наведе на ня, милостью своею избави градъ ихъ. Не глаголемъ же: прави суть Новьгородци, яко издавна суть свобожени прадѣды Князь нашихъ; но злое невѣрьствіе въ нихъ створешлося, крестъ къ Княземъ преступати, и Князѣ внукы и правнукы обезчествовати и соромляти, а крестъ честный къ нимъ цѣловавши переступати. То доколѣ Господеви терпѣти надъ нимъ? За грѣхи навелъ и наказа, по достоянью, рукою благовѣрнаго Князя Андрея.» Такъ разсуждаетъ южный лѣтописецъ объ ужасѣ, въ который Боголюбскій поставилъ Новгородъ осадою его, и о совершенномъ наконецъ пораженіи полчищъ Андрея подъ стѣнами Новгорода. Пол. Собр. Р. Л. т. II, стр. 105.

ченные Ярославомъ, онъ дѣлался оскорбителемъ святости правъ, нарушителемъ скрижалей, дарованныхъ Новгородцамъ предкомъ его. По этому-то Новгородцы, какъ хранители скрижалей своихъ, должны были быть старшими надъ Княземъ, судьями его, не позволяя добровольно ни малѣйшаго нарушенія въ распоряженіяхъ Ярослава: Князь правитъ Новгородомъ не иначе, какъ по Ярославовымъ грамотамъ Новгородцы требуютъ этого, готовые, во имя грамотъ Ярослава, на все. Вотъ отношенія, въ которыхъ Ярославъ поставилъ потомковъ своихъ къ Новгороду. Чрезъ все это ясно проглядываетъ недовѣрчивость къ той идеѣ, которой остальная Русь, и Кіевская, южная, и Владимирская, сѣверная, непреклонно, мощно стремились подчинить жизнь. Гдѣ же крылось начало этой недовѣрчивости: въ самой ли душѣ Ярослава, или въ отсутствіи основныхъ условій идеи Князя, въ отсутствіи любви, вѣры и довѣрія въ самомъ бытѣ Новгородскомъ и въ глубокой прозорливости Ярослава?... Жизнь этого Князя, какъ Князя Кіевскаго, печатлѣется полною довѣренностью къ основной гражданской идеѣ быта Русскаго: жизнь Новгорода, напротивъ, какъ увидимъ ниже, постоянно была исполнена недовѣрія ко всѣмъ и ко всему. Она, лишенная широкаго, величаваго полета, которымъ неслась жизнь и Кіева и Владимира на Клязьмѣ, искала постоянно заключиться въ извѣстные, ограниченные предѣлы, назначенные ей еще язычествомъ и страстною привязанностію къ земному: вѣра ея не знала безпредѣльности благъ Божественныхъ, высшихъ, духовныхъ: знала одни блага земныя. По этому разстаться съ земными, ограниченными благами значило для Новгородца то же, что разстаться съ жизнію. Бѣдность ли и дикость природы не успѣла развернуть въ душѣ Новгородца думы о безконечности ея жизни, о безконечности, красотѣ и величіи жизни мірозданія, о безконечности благъ всемогущей, вѣчной, живой воли Всеблагаго, или отсутствіе въ исторіи Новгородской событій, которыя бы заставили Новгородца радостно встрепенуться душой, разорвать грани, въ которыя заключалась она съ своимъ земнымъ, и броситься съ религіознымъ восторгомъ, съ полною вѣрою, на встрѣчу знакомаго, родного ей, по ея первобытной чистотѣ и безгранности, забывая въ этомъ восторгѣ, въ своемъ глубокомъ религіозномъ убѣжденіи, земное жилье свое, кто рѣшитъ это? Но какъ бѣдна, уныла и дика природа Новгородская, такъ безцвѣтна, дика, безъ живой вѣры, безъ живыхъ порывовъ любви, исторія Новгорода. Какая же идея

безгранности могла иметь сдѣсь прочное примѣненіе? Жизнь Новогородца закидывала ее земнымъ прахомъ, подавляла ее этѣмъ прахомъ, заглушала, и безгранное не возникало тамъ, а прозябало подъ прахомъ, подобно самой природѣ, принимая иногда даже формы болѣе, нежели грубой дикости, формы ужаса и безобразія. Настоящій трудъ нашъ представитъ вполнѣ достаточныя къ тому доказательства. Самое указанное нами событіе, самое распоряженіе Ярослава, говоритъ уже много въ настоящемъ отношеніи, и отмѣчаетъ исторію Новгорода недовѣріемъ, или довѣріемъ, смятымъ въ земной личности, въ земныхъ страстяхъ Новогородца: это двѣ крайнія точки, между которыми улегаются всѣ подобныя историческія событія этой области. Идея Князя, возродившись, пребывала въ жизни; но жизнь не сосредоточивалась въ ней окончательно: идея эта была въ Новгородѣ только плодомъ недовѣрія въ старую идею жизни, въ идею докняжескихъ Бояръ, или древнихъ правителей области, и по тому та и другая, идея согласно самому распоряженію Ярослава, существуютъ рядомъ въ исторіи Новогородской, находятся въ совершенномъ противоположеніи другъ къ другу, и жизнь безсильна преобразиться въ новой идеѣ, которая въ другихъ частяхъ Руси смѣняла собою всюду идею старую, находится въ внутреннемъ бореніи и, не находя исхода, безпрерывно волнуется. Ни что возвышенное не выноситъ Новогородца изъ этой внутренной разладицы. При отсутствіи внутренняго мира, высокія чувства тѣмъ болѣе уже были безсильны перенесть Новогородца въ жизнь, совершавшуюся внѣ, за предѣлами его области, и одни только разсчеты, однѣ выгоды, могли выводить его за этѣ предѣлы; а по этому Новгородъ съ своею исторіею является какъ бы совершенно обособленнымъ отъ другихъ частей Руси: онъ какъ будьто замкнутъ для остальной Руси, какъ будьто остальная Русь составляетъ для него нѣчто особое, стороннее, не привлекающее его къ себѣ душой, не вызывающее на любовь, на братство, не возбуждающее въ немъ дѣятельнаго, безкорыстнаго участія. Въ дѣйствительности это было и не со всѣмъ такъ. Но говоря вообще, духъ Новогородца пребываетъ въ предѣлахъ области какъ воина, защитника: однѣ нужды, одно вещественное, могутъ вызвать его за этѣ предѣлы; а въ нихъ Новгородецъ почти полный господинъ-судья всякаго, кто нарушитъ его права, утвержденныя самимъ Ярославомъ, слѣдовательно, и всякаго движенія въ этѣхъ предѣлахъ новой Княжеской идеи. Отношенія Новгорода, по его внутренному областному быту, къ

Князьямъ другихъ частей Руси, не могли не быть послѣ этого, согласно тѣмъ же грамотамъ, еще болѣе самобытными.

Князь Новгородскій, по симъ грамотамъ, не вотчинникъ Новгорода, не глава Православія и Православныхъ, не законъ, а только исполнитель самихъ грамотъ и верховный блюститель вновь установленнаго порядка, и по этому въ Новгородѣ не утверждается ни одна Княжеская вѣтвь, а, напротивъ, Князья разныхъ системъ безпрерывно смѣняются тамъ одни другими. При такомъ положеніи, конечно, уже ни одинъ изъ Новогородскихъ Князей, какъ Князь Новгородскій, не могъ найти въ Новогородцахъ постояннаго, твердаго отвѣта, опоры на поддержаніе думы его о томъ, что онъ можетъ быть отчинникомъ всей Руси, или главою Православія и Православныхъ. Физическія нужды могутъ требовать расширенія областныхъ предѣловъ, и достигнуть этого, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, но нравственнаго требованія на это, при выше изложенныхъ условіяхъ быта Новогородскаго, быть не можетъ, или оно составитъ одно чистое исключеніе, и тѣ же нужды, привычка, областная щекотливость честолюбія, сторожатъ цѣлость областнаго жилья; но оторванная часть области, порабощеніе ея, не тронетъ души Новогородца, не поразитъ его нравственнымъ страданіемъ, не поведетъ его на дѣла самоотверженія, нѣтъ, даже не оторветъ его отъ наслажденія его вещественными и бѣдными нравственными благами, по тому что Новогородецъ порабощенъ вещественными, заключилъ въ тѣсные предѣлы духъ свой и не имѣетъ требованія вырваться изъ нихъ, остается въ нихъ покойнымъ и довольнымъ, защищая только, подобно звѣрю, берлогу свою и, оставляя иногда дѣтей своихъ въ добычу силѣ, не тревожится потомъ жизнію въ берлогѣ новой. Все это, какъ увидимъ ниже, не преувеличеніе, а горькая истина. Ни внутри, ни внѣ, по этому, не могло быть стройности жизни при подобномъ нравственномъ безсиліи, а, напротивъ, всюду должно было обнаруживаться неотвратимое отсутствіе мира, разладица: чувство любви было безсильно въ немъ и къ собрату и къ отечеству; вѣра его пресмыкалась въ прахѣ, не раскрывала въ немъ безконечныхъ благъ въ безконечно благомъ Всемогуществѣ, не влекло его испить этѣ блага на лонѣ Зиждителя настоящаго, прошедшаго и будущаго всей негаемой вѣчности, полной красотъ, величія и любви, полной жизни.

и жизни въ безконечно разнообразныхъ формахъ. [1] Прахъ земли былъ для него садъ Едема. Грамоты Ярослава, по этому уже, были не плодомъ случайности, не плодомъ стремленія Ярослава къ югу, а великимъ плодомъ геніяльности Князя, объявшей бытъ Новгорода на цѣлыя вѣка впередъ. Подробности, переданныя лѣтописью, о событіяхъ, сопровождавшихъ княженіе Ярослава въ Новгородѣ, при приведеніи въ извѣстность топографіи этого города, ведутъ насъ къ тому же, и сами, послѣ того, выходятъ изъ мрака, въ которомъ они оставались погруженными до сихъ поръ, въ слѣдствіе неполноты разсказа стараго лѣтописца.

Какъ мы уже сказали, городище лежитъ отдѣльно и отъ Софійской и отъ Торговой сторонъ; отъ первой отдѣляется оно, однако жь, самимъ Волховомъ, весьма широкимъ и глубокимъ, отъ второй же только рукавомъ его, имѣющимъ въ ширину не болѣе 30, или 40, саженъ, и при томъ находится на Торговой сторонѣ, въ отношеніи Волхова. Вотъ топографическое отношеніе Княжескаго начала къ двумъ другимъ главнымъ частямъ, и оно обозначилось такимъ образомъ исключительно въ Новгородѣ: Княжеское начало не въ средѣ, вокругъ котораго скучиваются остальныя части города; оно имѣетъ совершенно отдѣльное поселеніе, и эта отдѣльность указываетъ, что оно составляетъ собою въ Новгородѣ особое, не тѣсно связанное съ сторонами, начало; но такъ какъ, въ отношеніи Волхова, онъ лежалъ на сторонѣ Торговой, то послѣдняя, по всѣмъ вѣроятіямъ, преимущественно опиралась на него: вотъ самое естественное заключеніе, которое мы можемъ сдѣлать изъ мѣстоположенія Городища въ отношеніи двухъ другихъ составныхъ частей Новгорода; по этому въ Софійской и Торговой сторонахъ противопоставлялись два совершенно особыхъ начала: начало новое, которое искало преображенія жизни въ новой идеѣ, идеѣ о Княжеской власти, и начало старое, поддерживавшее, въ лицѣ своихъ докняжескихъ Бояръ, бытъ патріярхальной старины, отъ которой всѣ безъ исключенія составныя части древней Руси стремились оторваться во имя идеи Князя. Къ то-

[1] Дума, которая высказывалась не разъ въ нашей Исторіи, по этому она для насъ событіе, а не мысль отвлеченная религіознаго мечтателя.

му заключенію ведутъ насъ еще слѣдующія данныя. Ярославовъ дворъ или Ярославово дворище, которое существуетъ до сихъ поръ, хотя, по разсказамъ старожиловъ, несравненно въ меньшемъ размѣрѣ противъ того, какъ оно было въ прежнее время, находится посреди самой Торговой стороны, и, слѣдовательно, было окружено поселеніемъ младшихъ, тогда какъ, по общему порядку вещей, Княжескому двору было бы приличнѣе быть среди поселенія старѣйшинъ Новгородскихъ, т. е., на сторонѣ Софійской. Замѣтьте, сверхъ того, что дворище Ярославово лежитъ почти на самомъ мѣстѣ соединенія Торговой стороны съ Софійскою, такъ что, прямыкая къ самому берегу р. Волхова, около моста, оно смотритъ и теперь съ своей башни, какъ какой ни будь стражъ первой изъ нихъ. Мало этого: Ярославовъ дворъ служитъ сборнымъ мѣстомъ для Торговой стороны, а колокольня Княжескаго храма, устроеннаго посреди дворища Мстиславомъ, во имя Св. Николая Чудотворца—вѣчевоіі башней для той же стороны. [5] Такимъ образомъ мы не можемъ не признать въ Ярославѣ представителя собственно одной только стороны, и, слѣдовательно Варяги, призванные имъ для защиты Новгорода, были стражами того же начала, которое прислонялись къ самому Ярославу. При этомъ взглядѣ, основанномъ на неоспоримыхъ данныхъ, становятся ясными всѣ дальнѣйшія отношенія Ярослава къ Новгороду, которыя, признаюсь откровенно, были для меня до сихъ поръ совершенной загадкой. Ярославъ избиваетъ на Ракомѣ множество, какъ говоритъ лѣтописецъ, Новгородскихъ нарочитыхъ мужей, и на другой же день, по разсказу лѣтописца, Новгородцы готовы были пожертвовать своимъ имуществомъ, своею жизнію, чтобъ только доставить ему Кіевскій престолъ. Не таковы были Новгородцы: всякое нарушеніе ихъ вольности волновало ихъ и влекло за собою изгнаніе; а сдѣсь вдругъ нѣтъ слѣдовъ подобнаго; напротивъ, они преданы Ярославу всей душой: вооружаются за него противъ Святополка, идутъ съ нимъ къ землямъ Кіевскимъ и жестокою битвою успѣваютъ преодолѣть врага, и замѣтьте, врага не ихъ, а единственно Ярослава. Вглядитесь же теперь ближе въ событія, и опять въ самую мѣстность Новгорода. Ракома, [6] гдѣ были избиты Новгородцы, находится, въ отношеніи

[5] См. ниже.

[6] О Великомъ Новгородѣ, А. Ѳ. Вельтмана (планъ окрестностей Новгорода).

Волхова, на Софійской сторонѣ, верстахъ въ 8 отъ города: въ Ракому, по показанію лѣтописца, Ярославъ удалился гнѣвный, немедленно же послѣ избіенія Варяговъ. [7] Имѣя при этомъ въ виду, что какъ Городище, такъ и Ярославовъ дворъ, находились на сторонѣ Торговой, мы не можемъ не предполагать, что удаленіе Ярослава на сторону Софійскую было плодомъ гнѣва его на сторону Торговую, и въ то же время было сближеніемъ его съ стороною противной, и, слѣдовательно, не можемъ не допустить, что въ избіеніи Варяжской дружины учавствовала только Торговая сторона, а Боярская поддерживала послѣ того Ярослава и, быть можетъ, даже пробуждала въ немъ еще большій гнѣвъ противъ своихъ младшихъ, которые собственно и были представителями новаго начала. Гнѣвъ Ярослава высказался, по этому, на сихъ послѣднихъ, а не на Боярахъ; но казнь многихъ изъ нихъ была ни что, въ сравненіи съ тою, которая могла бы угрожать Новгородцамъ, если бы Ярославъ отказался отъ нихъ и предоставилъ ихъ вполнѣ на произволъ Боярскій, а тѣмъ болѣе если бъ, вмѣстѣ съ докняжескими Боярами, налегъ на нихъ. Слѣды подобной думы въ Ярославѣ замѣтны въ его распоряженіяхъ относительно Новгорода. Грамоты, данныя имъ Новгородцамъ, если онѣ и не дошли до насъ, по крайней мѣрѣ вездѣ, гдѣ Новогородцы ссылаются на нихъ, говорятъ намъ положительно, что Ярославъ сдѣлалъ значительныя уступки Боярамъ, утвердилъ за ними исключительно права вотчинныя или помѣстныя, судъ и расправу по всей землѣ Новогородской, оставаясь, однако жь, главнымъ судьею между ними и подсудимыми, какъ этого конечно желала Торговая сторона, избѣгая неограниченности и произвола въ судѣ Боярскомъ. [8] Это-то примиреніе взаимныхъ притязаній двухъ враждебныхъ сторонъ, утвер-

---

Варязи бяху мнози у Ярослава въ Новѣградѣ, и насиліе творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. И возставше Новгородцы, и побиша Варягъ во дворѣ Парамони, и разгнѣвася Ярославъ, и шедъ на Ракомъ, сѣде во дворѣ, и посла къ Новгородцемъ и рече: «Уже мнѣ ихъ не воскресити.» И призва нарочитыя мужи къ себѣ, и же бяхусѣкли Варяги, и, обльстивъ ихъ, изсѣче 1000 мужей.» Новг. III, стр. 209.

Замѣчательно, что сами иностранцы, которые вели дѣла въ Новгородѣ, въ одномъ изъ договоровъ выразили ту же мысль, требуя, въ замѣнъ суда Боярскаго, суда Княжескаго. Та же мысль выражена иностранцами въ одномъ изъ договоровъ съ Смоленскимъ Княземъ.

жденіе докняжескихъ Бояръ снова въ обширныхъ правахъ и изъявленіе готовности быть посредникомъ въ ихъ взаимныхъ неудовольствіяхъ, тяжбахъ и распряхъ, дало Ярославу возможность найти между всѣми Новгородцами ревностныхъ поборниковъ своего права, заставивъ ихъ забыть казнь многихъ собратій. Софійская сторона торжествовала надъ Торговою; и изъ чувства благодарности, даже изъ прямаго разсчета, могла быть готовою поддерживать права Ярослава на Княжескій престолъ; ибо если бъ Ярославъ не достигъ сего престола, не сдѣлался старшимъ Княземъ и не утвердилъ за своимъ родомъ Кіева, его грамоты, данныя Новгородцамъ, не имѣли бы въ послѣдствіи ни какого значенія; между тѣмъ сторона Торговая, вѣчно ревнивая къ сторонѣ Боярской, избавившись, сверхъ того, отъ вліянія Варяжскаго начала, не могла не поревновать въ семъ случаѣ, дабы заставить Ярослава забыть ея своевольство и склонить его дѣйствовать въ ея выгодахъ. Слѣдовательно, въ этомъ живомъ содѣйствіи Новгородцевъ Ярославу нѣтъ теперь для насъ ни чего удивительнаго. Новгородцы остаются и въ этомъ явленіи тѣми же Новогородцами. Они готовы были положить за Ярослава животъ свой, подобно тому, какъ хотѣли положить свои головы за Мстислава Мстиславича, освободившаго ихъ изъ подъ тягостной опеки Всеволодовой и на котораго они единственно разсчитывали въ борьбѣ своей съ Владимірскимъ Княземъ и съ его сыномъ: «Мстиславъ началъ звать Новгородцевъ къ Кіеву противъ Всеволода Чермнаго... Куда, Князь, поведешь ты очима своими, тамъ положимъ головы свои,» былъ отвѣтъ ихъ Мстиславу; и они выступили ополченіемъ по его призыву; правда, колебаніе, которое обозначаетъ всю внутреннюю исторію Новгорода, не могло не высказаться и сдѣсь: они пошли, а изъ подъ Смоленска чуть, чуть не вернулись домой; за всѣмъ тѣмъ слова Посадника возвратили ихъ къ обѣту положить головы свои за Князя и великій подвигъ, къ которому призвалъ ихъ Мстиславъ, былъ ими совершенъ: вмѣстѣ съ Смолянами и дружинами внуковъ Ростислава, Новгородцы повоевали земли Князей Черниговскихъ, взяли нѣсколько Черниговскихъ городовъ на щитъ, взяли и Вышгородъ, принудивъ, наконецъ, Всеволода Святославича оставить престолъ Кіевскій для Мстислава Мстиславича. [9] Такъ лили Новогородцы кровь за Князей

---

[9] Нов. I, стр. 32. И дондоша Смольньска, и бысть распря Новгородьцемъ съ

и въ XIII столѣтіи, когда духъ колебанія и безвластія рѣзко запечатлѣлъ уже ихъ исторію. По этому живое содѣйствіе Новгородцевъ въ тяжбѣ Ярослава за Кіевъ само по себѣ, послѣ всего изложеннаго, говоритъ не много и ни сколько не можетъ придать другой окраски Новогородскому характеру, который ясно и опредѣлительно высказался въ послѣдствіи. Но велика должна была быть благодарность Новгородцевъ, съ одной стороны, и ревность съ другой, когда Ярославъ единственно только въ Новгородѣ черпаетъ всѣ средства противъ враговъ своихъ для достиженія и удержанія за собою Кіевскаго престола. Разбитый Святополкомъ, или Болеславомъ, онъ во второй разъ, совершенно безъ всякихъ собственныхъ средствъ, собираетъ въ Новгородѣ побѣдоносныя полчища противъ врага своего, и наконецъ, въ третій разъ, при содѣйствіи же Новгородцевъ, получаетъ войско, чтобъ противодѣйствовать Мстиславу Тмутараканскому, и, разбитый имъ, снова бѣжитъ въ Новгородъ и поддерживается Новгородцами. Замѣчательное событіе въ исторіи Новгорода подобной преданности, и значеніе его другое, нежели какое можно было бы дать ему съ перваго взгляда: Ярославъ купилъ у нихъ эту преданность, и заплатилъ за нее дорого. [10] Что жь касается до внутренней борьбы между Софійской и Торговой сторонами, между докняжескими Боярами и вторымъ гражданскимъ началомъ, борьбы, которую мы допустили, для объясненія отношеній Ярослава къ Новгороду, основываясь лишь на топографическомъ положеніи составныхъ частей Новгорода, то, для доказательства въ дѣйствительномъ существо-

---

Смолняны, и убиша Новгородци Смолнянина, а по Князи не поидоша... Князь же чѣловавъ всѣхъ, поклонивъся, поиде. Новгородьци же, створивъше вѣче о собѣ, почаша гадати; и рече Тьрдиславъ Посадникъ: «Яко, братье, страдали дѣды наши и отчи за Русьскую землю, тако, братье, и мы поидемъ по своемъ Князи;» и тако поидоша изъ Смольньска, и постигъше Князя, и начаша воевати по Днѣпрю городѣ Черниговьскеѣ, и възяша Рѣчицѣ на щитъ и иные городѣ мнозѣ Черниговьскыя, и поидоша подъ Вышегородъ, и начашася бити, и одолѣ Мьстиславъ съ братьею и съ Новогородьци... а Всеволодъ изъ Кіева выбѣжа за Днѣпрь... и въземьше дары, придоша Новугороду вси здрави....

[10] Не отрицаемъ, что желаніе имѣть сильнаго покровителя обширной торговли съ Кіевомъ могло имѣть значительное вліяніе на участіе Новгорода въ дѣлахъ Ярослава за Кіевскій престолъ.

ванія этой борьбы, мы имѣемъ множество данныхъ, которыя будутъ изложены ниже, въ своемъ мѣстѣ.

Таковъ нашъ взглядъ на отношенія Ярослава къ Новгороду: онъ образуется естественнымъ образомъ, при соображеніи всѣхъ историческихъ данныхъ, миритъ ихъ между собою, и объясняетъ одно изъ самыхъ темныхъ мѣстъ исторіи Новогородской, необъяснимыхъ до сихъ поръ и рѣзко противорѣчащихъ всѣмъ другимъ даннымъ исторіи Новгорода.

Въ исторіи Ярослава по настоящему событію мы замѣчаемъ два главнѣйшихъ мгновенія: первое, когда онъ является представителемъ новаго Новогородскаго начала, въ несогласіи сего послѣдняго съ началомъ старобоярскимъ; второе, когда Новгородцы, представители того же новаго начала, показали Ярославу полную невозможность твердо опереться на сіе начало. Первое изъ этихъ мгновеній было для Ярослава не чѣмъ инымъ, какъ наслѣдіемъ старины: Городище, это мѣстопребываніе Князей и собственныхъ Княжескихъ силъ, [11] конечно, древнѣе [12] Ярослава, и на

[11] Нов. I, стр. 36: И бысть на зиму побѣже Матеи Душельцевиць, съвязавъ Моисеиця бирицъ ябетницъ. Новгородци же, угонивъше, и яша и ведоша и на Городище, и въниде лжа въ городъ, выдалъ Твърдиславъ Князю Матея. Тамъ же стр. 38: Приде Князь Всеволодъ изъ Смоленска.... въ Новъгородъ, и възвади вьсь городъ, хотя убити Твърдислава, а Твърдиславъ бяше больнъ, и поиде Князь Всеволодъ съ Городища съ всѣмъ дворомъ своимъ, искрутися въ бърнѣ (бронѣ) якы на рать, и пріѣха на Ярославль дворъ. Тамъ же 57: Александръ Невскій пріѣхалъ въ Новгородъ съ Татарскими послами, чтобъ, безъ кровопролитія, согласить Новгородцевъ платить Татарамъ поголовную дань, но это произвело въ низшемъ слоѣ сильное движеніе, и Александръ рѣшился было съ Татарскими послами оставить Новгородъ. Это рѣшеніе заставило чернь замолчать и согласиться на требованіе Татаръ: и бысть заутра съѣха Князь съ Городища, и окаяніи Татары съ нимъ. Ипатьев. стр. 97 подъ 1169 годомъ: Томъ же лѣтѣ начаша Новгородьци вѣче дѣяти въ тайнѣ по дворомъ на Князя своего на Святослава на Ростиславича. И пріѣхавше на Городище пріятели его начаша повѣдати: «Княже, дѣють людье вѣче ночь, а хотять тя яти, а промышляй о собѣ.» Подъ 1384 годомъ въ IV Новогородской: Той зимы пріѣхаша отъ Князя Дмитрія съ Москвы Бояре его черный боръ брати по Новгородцкимъ волостемъ: Ѳедоръ Свиблю и иные Бояре, и тогда ѣздиша Бояре Новогородцкіи на Городище тягатися съ Княжими Бояры о обидахъ, и побѣгоша съ Городища на Москву Свиблова чадь...

него опиралась, какъ мы выше объяснили изъ самаго мѣстоположенія, Торговая сторона; Ярославъ хотѣлъ, кажется, сдѣлать шагъ далѣе и думалъ слить въ едино Княжеское начало съ началомъ, которое выразила тогда Новогородская жизнь въ Торговой сторонѣ, а по тому передвинулъ было мѣстопребываніе Княжескаго начала внутрь самаго Новгорода, утвердивъ его посреди Торговой стороны, на грани съ стороною Софійской (Ярославово дворище); [13] но

Въ договорной грамотѣ 1471 г. съ Іоаномъ III (Пол. Соб. Г. г. и д. т. I, № 20, 2). Повелѣхомъ судъ дати на Городищѣ: отъ Великихъ Князей Бояринъ судьею, а отъ Великаго Новагорода Бояринъ; судити имъ Князей Великихъ человѣка съ Новогородцомъ... А оже ся сопрутъ о каковѣ дѣлѣ, а не возмогутъ управити; и коли будетъ Князь Великій въ Новгородѣ, или Великаго Князя сынъ, или Великаго Князя братъ, и тому дѣлу тогда учинить на Городищѣ съ Посадникомъ конецъ. Подъ 1476 годомъ во II Новогородской лѣтописи: Пріиде Князь Велики Иванъ Васильевичъ въ Новгородъ, и стоялъ на Городищи на миру 9 недѣль. Иванъ IV, пріѣхавъ въ Новгородъ для того, чтобъ окончательно осудить его, остановился тоже на Городищѣ. Нов. II, стр. 256. Пріѣхалъ въ Великой Новгородъ Государь Царь и Великій Князъ Іоаннъ Васильевичъ всея Руссіи, а съ нимъ сынъ его, Іоаннъ Іоанновичъ, и Князей, и Бояръ, и Дѣтей Боярскихъ многіе полки, и прочихъ воинскихъ людей множество, да съ нимъ же Государемъ тысячъ пятсотъ стрельцовъ Московскихъ; и пріѣхавъ, сталъ совсѣми силами на Торговой сторонѣ, на Городищи, отъ града отъ посаду два поприща.

[12] Объ основаніи Городища лѣтописи не сохранили свѣдѣній, чего, кажется, не могло бы случиться, если бъ оно было основано уже во времена чисто историческія. Въ первый разъ объ немъ упоминается подъ 1103 годомъ. Нов. I, стр. 3. Мы считаемъ его древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ Князя и Княжеской дружины. Самыя укрѣпленія его, на которыя указываетъ наименованіе «Городище», говорятъ о другихъ отношеніяхъ между началомъ Княжескимъ и Новогородцами, а не о тѣхъ, въ которыя поставилъ Ярославъ Князей къ Новгороду и которыя дали Новогородцамъ право обезсилять Княжеское военное начало до того, что оно лишено было всякой возможности на открытую борьбу противъ Новгорода, дали право, воспользовавшись которымъ, Новгородцы сгладили, уничтожили и всѣ древнія укрѣпленія Городища, такъ что въ настоящее время нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ, чтобъ когда ни будь они и существовали.

[13] О Ярославовомъ дворищѣ въ первый разъ упоминается подъ 1029 годомъ. Того же лѣта Ярославъ иде въ Новгородъ, и посади въ Новѣгородѣ сына своего, Владимира 14 лѣтъ; и жилъ Великій Князь, Ярославъ, на Торговой странѣ, близъ рѣки Волхова, гдѣ нынѣ церковь каменная Николая Чюдотворца, яже и до нынѣ сло-

избіеніе Новгородцами-торговцами его Варяжской дружины показало невозможность подобнаго сліянія. Замѣтивъ подобную кичливость въ самихъ представителяхъ новаго начала, и отыскивая опоры въ этомъ колебаніи жизни, Ярославъ легко нашелъ ее въ докняжескихъ Боярахъ, когда своимъ именемъ, именемъ Князя, снова ввелъ ихъ въ многія утраченныя ими права, относительно всей земли Новгородской, а въ томъ числѣ и въ отношенія Новгородскихъ представителей новаго начала, т. е., въ отношеніи Торговой стороны. Старина повторилась во имя самаго Князя. Пусть кичливость новаго начала, обнаружившаяся въ избіеніи Варяжской дружины, тогда же бы смолкла, но вредъ, нанесенный ею, палъ уже тяжелымъ недугомъ на Новгородъ, исцѣленіе котораго требовало новыхъ усилій, новой борьбы, особыхъ условій, обстановки, не возможныхъ для того времени: Бояре докняжескіе опирались уже теперь въ своихъ притязаніяхъ не на одну старину, а на имя Ярослава, на имя самаго Князя, на распоряженіе главы самаго новаго начала. Уступка Ярослава, въ слѣдствіе недостаточнаго сознанія новой жизни Торговою стороною, или введеніе имъ Бояръ въ старинныя, утраченныя ими, права, совершенно разрушило равновѣсіе въ Государственной жизни Новгорода, отбросило ее назадъ на цѣлыя столѣтія и грозило даже гибелью. Идея Княжеской власти, въ слѣдствіе этого распоряженія, этой уступки, должна была все болѣе и болѣе терять свои опорныя точки. То, отъ чего спасалъ Новгородцевъ покровъ Княжескій, должно было снова разить ихъ свободно: Князья не могли уже рѣшительно дѣйствовать противъ докняжескихъ Бояръ, по тому что Бояре господствовали по прежнему въ Новгородскихъ земляхъ уже не по старинѣ, а отъ имени предка сихъ Князей, отъ имени самой власти Княжеской. Два совершенно противоположныхъ стремленія, одно къ новой жизни, другое къ жизни старины, не находили теперь миротеля себѣ, не смотря на то, что та и другая по формѣ опирались на одно и то же начало, на идею Княжеской власти: жизнь должна была сильно всколебаться; должна была, при этомъ условіи, заговорить открытая вражда, открытая борьба, борьба безысходная, по тому что новое начало, начало Государственное, которое должно было повести Нов-

---

ветъ Ярославле Дворище. Нов. III, стр. 210. Не забудемъ, что Ярославово Дворище было мѣстомъ вѣчевыхъ сходокъ для Торговой стороны.

городъ по тому же пути, на которомъ мы видимъ другія области древней Руси, оказалось въ Новгородѣ слабо развитымъ, недостаточно сознаннымъ, а потомъ юридически обезсиленнымъ, въ слѣдствіе распоряженія Ярослава; а старое начало, отрицаемое уже самою жизнію и облеченное теперь для господства тѣмъ же распоряженіемъ въ форму законную, не могло, между тѣмъ, не искать удержаться въ своемъ положеніи, и даже не дать себѣ еще большой просторъ, просторъ незаконный въ жизни Новгородской. Да, открытая и безысходная борьба должна была заговорить между двумя жизнями, старою и новою, а въ этой борьбѣ разрушаться всѣ законныя формы новой жизни, преобразуясь въ формы совершеннаго произвола, и этотъ произволъ долженъ былъ вести Новгородъ къ окончательной гибели; ибо продолжительная открытая борьба не могла не развить въ Новогородцахъ духа непокорности, не сдѣлать этой непокорности общею чертою ихъ свойствъ, не могла не переносить этѣхъ свойствъ уже свободно отъ старины на всю жизнь, и, слѣдовательно, на всю жизнь новую, не проявлять его въ большей и большей кичливости противъ самой Княжеской власти, и, такимъ образомъ, идея Князя не могла не ослабѣвать все болѣе и болѣе въ этой борьбѣ противоположныхъ началъ, и жизнь Государственная гаснуть все больше и больше, съ большимъ проявленіемъ стариннаго общиннаго начала, съ постепеннымъ развитіемъ произвола. Къ несчастію, еще, какъ это мы увидимъ ниже, распаденіе Новгорода было болѣе обширно, представители начала новаго, по своей сущности, еще менѣе способны для новой жизни, нежели представители начала стараго, и по тому водвореніе мира въ жизни должно было дѣлаться еще болѣе затруднительнымъ, даже почти невозможнымъ, безъ особеннаго и сильнаго внѣшняго вліянія.

Нѣтъ мгновенія въ исторіи Новогородской, гдѣ бъ идея Князя достигала въ сознаніи народномъ до такого развитія, что составляла бы полную, внутреннюю потребность къ осуществленію и утвержденію себя въ жизни дѣйствительной; по этому Новогородцы не удержали у себя ни одной изъ Княжескихъ вѣтвей, какъ это сдѣлали остальныя части Государства. [4] Напротивъ, жизнь Новгорода, какъ

[14] Объясненіе, что Князья, плѣняемые болѣе роскошными странами, лучшими областями, не хотѣли сами быть постоянными властителями Новгорода, ошибочно

увидимъ ниже, никогда не настаивала на этомъ, и, отрицая старое правительственное начало, не стремилась сосредоточиваться въ идеи Князя, сопротивопоставляя лишь жизни старой жизнь новую. Были мгновенія, благопріятнѣйшія для подобнаго сосредоточенія, Новгородъ пугался ихъ еще болѣе, нежели старины. Самое распоряженіе Ярослава могло ли бы состояться, если бъ жизнь Новгорода благоговѣла предъ идеею Князя? Сила его основывалась единственно

исторически; столь же ошибочно и предположеніе, что самыя распри между Князьями за Новгородъ были другою главнѣйшею причиною, что ни одна изъ Княжескихъ вѣтвей не утвердилась въ Новгородѣ. Новгородская область, дикая по природѣ, была богатѣйшею областью, и этѣ-то богатства Новгородскія возбуждали ссоры Князей между собою изъ за Новгорода; слѣдовательно, область эта была лестною для Князей, и они были бы не прочь получить ее въ наслѣдственное достояніе своей вѣтви, въ особенности когда Княжескія вѣтви не избѣгали утверждать наслѣдственно за собою даже области бѣднѣйшія и столь же дикія по своей природѣ, какъ, на прим., Бѣлозерскую, или Устюжскую. Нѣтъ сомнѣнія, что та или другая Княжеская вѣтвь не могла утвердиться въ Новгородѣ безъ борьбы съ другими вѣтвями; но сильная борьба Князей противъ Ростиславичей, какъ мы видѣли уже, не помѣшала симъ послѣднимъ утвердиться прочно и наслѣдственно въ земляхъ Галицкихъ: Галичане напрягали свои силы, отражали своею грудью всѣ покушенія Кіева отнять отъ нихъ Ростиславичей; то же напряженіе во всѣхъ другихъ частяхъ древней Руси — отстоять свою Княжескую вѣтвь, и ни чего подобнаго въ области Новгородской. Новгородцы не сливаются между собой, подобно Владимірцамъ на Клязьмѣ, въ думѣ: добудемъ такую-то Княжескую вѣтвь себѣ, или голову свою сложимъ за нее, не выступаютъ, подобно тѣмъ же Владимірцамъ, грознымъ ополченіемъ противъ всѣхъ враговъ той завѣтной думы, съ полною готовностію за утвержденіе у нихъ желанной ими вѣтви, за уничтоженіе стараго порядка вещей и утвержденіе власти Княжеской, сложить свои головы; они не борятся, подобно Полоцкой области, до послѣдняго, противъ громадныхъ ополченій, бывшихъ въ распоряженіи Кіева и которыя громили не разъ и страшно Полоцкія земли, уничтожали благосостояніе ихъ, разрушали ихъ военныя силы, уводили Князей ихъ въ плѣнъ, заточали ихъ въ Кіевѣ и Константинополѣ, но не могли только поколебать Полочанъ въ любви ихъ къ своей Княжеской вѣтви, къ своимъ Князьямъ, разбитымъ, поруганнымъ, заточеннымъ, поколебать ихъ въ новой готовности стоять грудью, лить кровь, за этѣхъ Князей, бѣжавшихъ изъ плѣна и заточенія. Говорить ли уже послѣ этого, что Новгородцы не были готовы, для удержанія за собою той или другой Княжеской вѣтви, принять на себя удары страшно кровавой войны, какую выдержали Кіевляне послѣ смерти Всеволода Ольговича, для того, чтобъ отстоять за собой собственную Княжескую вѣтвь въ лицѣ Изяслава, сына покойнаго ихъ Князя, Мстислава Великаго?

на томъ же безсиліи Новгорода преобразиться въ идеи новой жизни, какъ мы ясно замѣтимъ это въ послѣдующей исторіи, на его отрицаніи и жизни новой и жизни старой, на его стремленіи къ произволу. Новгородъ, какъ увидимъ ниже, не могъ быть другимъ. Ни какого нравственнаго движенія ни къ какой Государственной формѣ вы въ немъ не замѣчаете. Всѣ формы для него не нравственная потребность, а только орудіе для частныхъ цѣлей. Старая форма существуетъ въ немъ по тому, что существовала прежде на силѣ, и не разрушается по тому, что существуетъ сила; по тому что Новгородъ не ищетъ новой формы, не способенъ выразиться въ ней. Онъ не Государство, онъ община, которая ищетъ только довольства, и еще община нестройная, не сдерживаемая ни чѣмъ, гдѣ борьба между составными частями лишаетъ сочленовъ единомыслія и порождаетъ личный произволъ.

И до Ярослава и при немъ Новгородцы были тѣми же самыми Новгородцами, которыхъ представляетъ намъ дальнѣйшая исторія, хотя, безъ сомнѣнія, сила сдерживала ихъ. Распоряженіе Ярослава и раздоры между Князьями дали только Новгородцамъ большій просторъ и узаконили за ними тѣ неправильныя отношенія къ Княжеской власти, какія мы замѣчаемъ во всей ихъ исторіи до Ивана III, и даже послѣ того, иначе: дали Новгороду областную самобытность совершенно на особыхъ условіяхъ, гдѣ отживающая старина, не встрѣчая въ противоположной сторонѣ достаточныхъ силъ для новой формы, сохранила права свои, облеклась въ законную форму и противодѣйствовала власти Княжеской, по волѣ самаго же родоначальника тѣхъ Князей, которые владѣли Новгородомъ или Новогородскимъ престоломъ.

Уже при внукѣ Рюрика Новгородцы говорили, что, если Кіевскій Князь, Святославъ, не дастъ имъ на княженіе котораго либо изъ сыновей, то они найдутъ себѣ Князя и внѣ дома Рюрика [15] (970).

---

[15] Придоша людье Ноугородьстіе, просяще Князя собѣ: «Аще не поидете къ намъ, то налѣземъ (найдемъ, добудемъ) Князя собѣ». — П. С. Р. Л. Лавр., стр. 49. Замѣчателенъ отвѣтъ Новогородцамъ Святослава: «Абы пошелъ кто къ вамъ»; и еще замѣчательнѣе, что двое изъ сыновей Святослава отказались отъ управленія Нов-

При правнукѣ перваго нашего Князя, Владимирѣ Великомъ, они вооружали сына противъ отца, Князя своего противъ Князя Великаго, и отказались отъ той дани, которую они обязались платить Князьямъ Великимъ [16] (1014). По смерти Владимира Великаго они произвели движеніе, посреди котораго погибла Княжеская наемная дружина [17] (1015). Отношенія ихъ къ Святополку Михаилу (1102) были проникнуты дерзкой строптивостію противъ распоряженій Великаго Князя и ряда его съ Владимиромъ Мономахомъ, строптивостію, тѣни которой мы не встрѣчаемъ въ другихъ частяхъ Государства: «Если двѣ головы у твоего сына, то посылай его къ намъ княжить,» говорили послы отъ лица всего Новогорода Святополку, когда, согласно ряду своему съ Владимиромъ, Святополкъ назначалъ въ Князья Новогородскіе своего сына. [18] При Владимирѣ Мономахѣ, въ 1118 году, т. е., 64 года спустя послѣ смерти Ярослава (въ это время власть Кіевскихъ Князей была въ полной силѣ), замѣтно было броженіе между докняжескими Новгородскими Боярами: Мономахъ вытребовалъ всѣхъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, взялъ съ нихъ вновь клятву, и отпустилъ послѣ того большую часть въ Новгородъ, заточивъ остальныхъ въ Кіевѣ, виновныхъ въ томъ, какъ сказано въ лѣтописи, что грабили Даньслава и Ноздрьчю; въ чемъ именно винилъ Мономахъ другихъ, кои отпущены были въ Новгородъ, или въ чемъ именно заставлялъ ихъ присягать вновь, это не извѣстно, но, за всѣмъ тѣмъ, необходимость въ этой присягѣ говоритъ положительно, что Новгородскіе докняжескіе Бояре выходили уже тогда изъ законнаго порядка, нарушали дѣйствія воли Княжеской. [19] Съ смертью сына

городомъ: «и отпрѣся Ярополкъ и Олегъ». Домъ Рюрика заключался въ это время въ семьѣ Святослава.

[16] Ярославу же сющу Новѣгородѣ, и урокомъ дающу Кыеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года... а тако даяху вси Посадници Новъгородьстіи, а Ярославъ сего не даяше отцю своему. Тамъ же стр. 56.

[17] Тамъ же, стр. 61.

[18] Тамъ же, стр. 128.

[19] Новг. I, стр. 4: Приведе Володимеръ съ Мьстисловомъ вся Бояры Новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честьному кресту, и пусти я домовь, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю, и на Сотьскаго на Ставра, и затоци я вся.

Мономахова, Мстислава, [20] немедленно же обнаружилось въ Новгородѣ сильное движеніе. Лѣтописецъ замѣтилъ его слѣдующими словами: «Ходилъ въ это лѣто Всеволодъ (изъ Новгорода), согласно повелѣнію Ярополка (Великаго Князя) на княженіе въ Переяславль, цѣловавъ между тѣмъ крестъ къ Новгородцамъ, что хочетъ быть у нихъ Княземъ до смерти, [21] но Георгій и Андрей (дяди Всеволода), подозрѣвая, что Ярополкъ думаетъ послѣ своей смерти отдать Всеволоду и Кіевъ, выгнали сего послѣдняго изъ Переяславля. Тогда Всеволодъ снова пришелъ въ Новгородъ, и было сильное открытое волненіе между Новгородцами; тогда же пришли Псковичи и Ладожане въ Новгородъ, и Князь Всеволодъ былъ изгнанъ изъ Новгорода; но вскорѣ потомъ Новгородцы одумались и возвратили Всеволода съ пути. [22] Это было въ 1132 году. Чрезъ четыре года послѣ этого открылось новое, и еще болѣе сильное, движеніе противъ Всеволода же: приведены были дружины Псковскія и Ладожскія, и Всеволодъ былъ задержанъ, впредъ до прибытія Святослава Ольговича, посланнаго къ нимъ Княземъ Черниговскимъ. Въ слѣдующемъ 1137 году открылось опять смятеніе въ Новгородѣ, и опять за того же Князя, Всеволода. Его уже не было въ Новгородѣ, а нѣкоторые изъ Бояръ, даже самъ Посадникъ, держали его сторону и желали видѣть его на Новгородскомъ престолѣ. Псковъ стоялъ за него даже цѣлымъ городомъ; между тѣмъ сторона, противная Всеволоду, была по прежнему сильна. Борьба этѣхъ сторонъ не могла окончиться миромъ. Тогда Посадникъ, Константинъ, и нѣкоторые изъ добрыхъ мужей бѣжали изъ Новгорода къ Всеволоду, а другіе изъ Новгородцевъ, приверженные къ нему, вмѣстѣ съ Псковитянами, тайно послали звать Всеволода на Новогородскій престолъ, увѣряя, что это— общее желаніе Новгорода. Когда, въ слѣдствіе этого, Всеволодъ пріѣхалъ въ Псковъ, какъ Князь Новогородскій, въ Новгородѣ откры-

---

[20] Княженіе Мстислава относится также къ той порѣ, когда власть Великихъ Князей не была ослаблена междоусобіями.

[21] Подобныя оговорки, косвенно снимающія вину съ Новогородцевъ, допускаются Новогородскими лѣтописцами часто, и вводятъ ихъ, какъ и въ настоящемъ случаѣ, при описаніи отношеній Новгорода къ Всеволоду, въ страшныя противорѣчія и съ ходомъ событій и съ самими собою.

[22] Новгор. I, стр. 6.

лась разладица: одни обнаружили явное, открытое нерасположеніе къ нему, другіе оставили Новгородъ и бѣжали къ Всеволоду въ Псковъ, подобно самому Посаднику, Константину, и другимъ добрымъ мужамъ, о которыхъ мы сказали выше. Между оставшимися даже въ самомъ Новгородѣ были приверженцы Всеволода. «И взяты были тогда на разграбленіе дома Константиновъ (Посадникъ), Нѣжатинъ (положительно Боярскій) и иныхъ многихъ, да еще кто изъ Бояръ (конечно, остававшіеся внутри Новгорода) былъ на сторонѣ Всеволода, съ тѣхъ взыскали болѣе полуторы тысячи гривенъ и отдали этѣ деньги купцамъ на вооруженіе къ войнѣ противъ Пскова, при чемъ нѣкоторые подверглись пенѣ и невинно.» Псковъ, эта составная часть Новогородскихъ владѣній, между тѣмъ не хотѣлъ слушать воли главной или сильнѣйшей стороны Новогородцевъ, относительно Всеволода: онъ признавалъ въ послѣднемъ по прежнему Князя Новогородскаго, и былъ готовъ на открытую борьбу за него противъ Новгорода; даже по смерти Всеволода призналъ своимъ Княземъ брата его, Святослава, не обращаясь уже къ Новгороду за совѣтомъ, и не признавая, конечно, въ избранномъ сильнѣйшею стороною Князѣ властителя Новогородскаго. [23]

Изъ какихъ именно стихій образовывалась противная Всеволоду сторона, это оставлено лѣтописцемъ безъ прямаго объясненія; но указаніе, что пенныя деньги съ Бояръ, приверженныхъ Всеволоду, были отданы купцамъ, какъ средство на вооруженіе ихъ для войны противъ Всеволода же, за всѣмъ тѣмъ ясно говоритъ, что главнодѣйствующая сторона, распоряжавшаяся дѣлами противъ Всеволода, была не Торговая сторона, не купцы, по тому что, въ противномъ случаѣ, лѣтописецъ не могъ бы сказать: «людье отдали деньги купцамъ на вооруженіе», а сказалъ бы, что купцы употребили этѣ деньги на вооруженіе. И такъ ясно, что сторона, противная Всеволоду, состояла изъ самихъ же докняжескихъ Бояръ: раздоръ шелъ между ними, и въ немъ скрывалась, изъ него исходила

---

[23] Нов. I, стр. 7 и 8.—Ипатьев., стр. 14. Лѣтописецъ Южной Руси говоритъ, что Всеволода вызвали Псковитяне, слѣдовательно, сторона слабѣйшая въ самомъ Новгородѣ, державшаяся Всеволода, прислонялась въ своемъ дѣлѣ къ Пскову, и терялась въ личности сего послѣдняго.

въ настоящемъ случаѣ несостоятельность Княжеской власти. Торговая сторона могла играть только страдательную роль, подобную той, какую играли Псковитяне за годъ передъ тѣмъ въ дѣйствіяхъ Новгорода противъ того же Всеволода, и это предположеніе подтверждается тѣмъ, что мысль удалить Всеволода силою изъ предѣловъ области Новогородской, т. е., силою заставить Псковитянъ отказаться отъ Всеволода, не нашла живаго отвѣта между Новогородцами: вспомоществуемые Половцами и дружинами, вызванными Княземъ Святославомъ изъ области Курской, Новогородцы выступили въ походъ противъ Пскова, но съ дороги безъ всякаго боя вернулись опять въ Новгородъ. На другой годъ Новогородцы изгнали и Святослава, а жену его заставили скрыться въ монастырь Св. Варвары. Въ 1139 оду Святославъ былъ снова призванъ въ Новгородъ, и чрезъ два юслѣ того года обнаружилось въ отношеніи его то же раздвоеніе, дна вѣсть о которомъ заставила его тайно бѣжать. [24] Посадникъ Якунъ, какъ сказано въ лѣтописи, и иные держали сторону Святолава, а всѣ остальные были противъ него; трое же изъ Бояръ, изъ коихъ два были явно искателями Посадничества, находились до такой степени въ дурныхъ отношеніяхъ къ Князю и Посаднику, что еще до бѣгства Святослава сами скрылись изъ Новгорода, и озвратились только съ удаленіемъ Святослава; [25] остальная же часть ротивной стороны Святославу, не извѣстно, изъ кого именно состояла, но была столь сильна, что безъ всякаго сопротивленія дала жестоко распорядилась судьбой Посадника, его брата, и остальыхъ. [26] Сверхъ того, должно замѣтить, что въ продолженіи же кня-

---

Нов. I, стр. 9: Онъ же, убоявъся Новгородьць, чи прельстивъше мя имуть, и бѣжа отаи въ нощь. Ипат. стр. 17: И съпрьяя ему кумъ Тысячкой его: «Княже! хотять тя яти»; онъ же, убоявъся, и бѣжа, и съ женою и съ дружиною своею, на Полтескъ, Смоленску.

Судило, Нѣжата: оба они были въ послѣдствіи Посадниками, и первый назначенъ былъ въ эту важную должность немедленно же по возвращеніи своемъ въ Новгородъ, послѣдовавшемъ въ слѣдъ за удаленіемъ Святослава. Нов. I, стр. 9. Призваху изъ Суждаля Судилу, Нѣжату, Страшка, оже бяху бѣжали изъ Новагорода, Святослава дѣля и Якупа.

Нов. I, стр. 9: И Якупа (Посадника) яша на Плисѣ, и приведъше и сѣмо съ

женія Всеволода и Святослава совершились три такихъ дѣла, которыя свѣдѣтельствуютъ о дикомъ произволѣ суда Новогородскаго: подъ 1134 годомъ мы читаемъ въ лѣтописи, что Новгородцы, толкуя на вѣчѣ о войнѣ противъ Суздальскаго Князя, вооружились вдругъ противъ нѣкоторыхъ своихъ собратьевъ (мужи), убили ихъ и свергли съ моста въ Волховъ; въ самомъ началѣ княженія Святослава Новгородцы также убили какого-то Георгія Жирославича, [27] и бросили тѣло его съ моста въ Волховъ. Тогда же раненъ былъ одинъ изъ дружинниковъ изгнаннаго уже Всеволода. Подъ 1156 годомъ лѣтописецъ передаетъ намъ важное свѣдѣтельство о совершенномъ отсутствіи единства нравственныхъ убѣжденій Новогородцевъ въ дѣлѣ Государственномъ, или о распаденіи Новгорода въ двухъ основныхъ Государственныхъ началахъ, распаденіи на сторону докняжескихъ Бояръ и сторону небоярскую: обѣ онѣ стояли во враждебномъ положеніи, и Княжеская власть не только не могла водворить мира между двумя сторонами, но, потерявъ всякую возможность на посредничество, она, сама при этомъ общемъ волненіи, требовала физической опоры себѣ въ сторонѣ небоярской противъ стороны боярской, которая открыто дѣйствовала противъ Князя (Мстислава): «Бысть котора зла въ людѣхъ, и возсташа на Князя Мьстислава на Гюргевица, и начаша изгонити изъ Новагорода; търговыи же полъ сташа въ оружіи по немъ,» мостъ, раздѣлявшій двѣ враждующія стороны, былъ разобранъ; по концамъ моста стояли караулы, такъ что все готово было къ явной борьбѣ и кровопролитію; въ это время между тѣмъ вошли въ Новгородъ двое Князей Ростиславичей, Святославъ и Давидъ, напередъ высланные Ростиславомъ Смоленскимъ, который, безъ сомнѣнія, по просьбѣ Новогородцевъ, готовъ былъ взять Новгородъ подъ свое управленіе, т. е., безмолвно согласился на изгнаніе Мстислава. Князь Мстиславъ бѣжалъ послѣ того, а чрезъ три дня, посреди Новгород-

---

братомъ его Прокопьею, мало не до смерти убиша, и обнажьвше, яко мати родила, и съвергоша и съ моста; но Богъ избави, прибрьде къ берегу, и болѣ его не биша, нъ възяша у него 1000 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ, такоже и у инѣхъ имаша; и затоциша Якуна въ Чюдь съ братомъ, оковавъше и руцѣ къ шьи.

[27] Не сынъ ли Посадника Жирослава?

цевъ явился самъ Ростиславъ (отецъ Святослава и Давида), Князь Смоленскій, и только съ приходомъ его враждебное положеніе двухъ сторонъ прекратилось. Событіе замѣчательное, вполнѣ обозначающее бытъ Новгорода: одна часть его требуетъ одного, другая другого; не совѣщаніемъ, а силой рѣшится споръ; такъ во всемъ; такъ и въ отношеніи къ власти: ни что не имѣетъ въ немъ нравственной опоры, все колеблется, подобно тому, какъ колеблется въ немъ и вѣра о Княжеской власти. Убѣжденіе Новгородцевъ говоритъ, что нѣтъ мира въ жизни безъ сосредоточенія власти въ помыслѣ о Князѣ; по чему двѣ враждующія за Мстислава стороны, до явленія новаго Князя, Ростислава, не мирятся и стоятъ другъ противъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, и съ явленіемъ Ростислава представляютъ собою опять единое, какъ будьто бы лицо Князя облечено было общимъ довѣріемъ къ себѣ и могло водворить между ними миръ; а въ то же время сами же разрушаютъ это убѣжденіе: святотатствуютъ, поругаются надъ властію, позорно преслѣдуя ее теперь въ лицѣ Мстислава, а въ 1132 г. въ лицѣ Всеволода.

Но если стремленіе докняжескихъ Бояръ сохранить свои старинныя права, пользоваться ими безъ стѣсненій, стремленіе къ поддержанію своего доисторическаго значенія, освященнаго самимъ Ярославомъ, понятно, то непонятною остается для насъ разладица въ самой Боярской сторонѣ, безъ соображенія другихъ данныхъ, которыя будутъ изложены ниже и уяснятъ обширный смыслъ этой разладицы; непонятно также для насъ, Русскихъ, какъ слабо было развито понятіе о Княжеской власти въ остальной толпѣ, представительницей которой являлась въ Новгородѣ торговая сторона. Вотъ она вооружается за Князя Мстислава Георгіевича, подобно тому, какъ Владимирцы на Клязмѣ вооружались за Князей Михаила и Всеволода противъ докняжескихъ Ростово-Суздальскихъ Бояръ, стремившихся и сдѣсь къ поддержанію своего древняго значенія, въ ущербъ власти Княжеской; но не вступаетъ, однако, подобно имъ, въ кровавую, мощную борьбу за Мстислава, а остается покойною и довольною, получивъ, вмѣсто Мстислава, другого Князя. Очевидно, что она противоборствовала докняжескимъ Боярамъ лишь на столько, чтобъ не быть, какъ прежде, подъ властію ихъ однихъ, чтобъ для нея судъ былъ выше Боярскаго, былъ правитель выше Боярина, чтобъ былъ Князь, а будетъ тотъ или другой

Князь, это было для нея безразлично; однимъ словомъ, эта слабость дѣйствій, въ поддержаніи Мстислава Георгіевича, говоритъ, что даже въ пору, близкую къ Ярославу, между Князьями и новымъ Княжескимъ началомъ не было въ Новгородѣ того святаго союза, которымъ связывались Владимирцы съ своими Князьями: «Вы отцы наши, нашихъ семей; мы желаемъ вамъ всякаго добра; и чтобы видѣть васъ, дѣтей вашихъ, своими Князьями, готовы положить за васъ свои головы: нѣтъ мира между нами и старыми докняжескими, господствовавшими доселѣ началами; вѣра наша въ него иссякла; въ господствѣ его погибнемъ мы, жены и дѣти наши, погибнетъ жизнь: вы только можете спасти насъ; мы вѣруемъ въ васъ, мы любимъ васъ, какъ любимъ жизнь свою, какъ любимъ своихъ женъ, дѣтей, и мы бьемся за васъ противъ всѣхъ враговъ, какъ за вѣру нашу и жизнь нашу, за свои родныя семьи, какъ за отцевъ спасителей нашихъ. Любите же вы насъ, какъ мы преданы вамъ, какъ мы вѣруемъ въ васъ, и не миритесь съ врагами жизни нашей; преслѣдуйте ихъ строго и неизмѣнно, какъ неизмѣнно преслѣдуетъ отецъ враговъ семьи своей; будьте отцами намъ, дѣтямъ нашимъ!» Слѣдовъ подобнаго вѣчнаго святаго союза Владимирцевъ съ своими Князьями мы не замѣчаемъ въ Исторіи Новогородской даже въ пору, близкую Ярославу: Новогородцы чувствуютъ только нужду въ посредничествѣ Князя, а святаго союза между ними и ихъ Князьями нѣтъ.

Вотъ по чему говоримъ мы, ни одна изъ Княжескихъ вѣтвей и не могла утвердиться въ Новгородѣ. Это подтверждаютъ и всѣ выше приведенныя явленія, въ особенности изгнаніе и захватъ Всеволода и бѣгство Святослава. Не та ли же безжизненность и шаткость въ нравственныхъ убѣжденіяхъ Новгородцевъ относительно всего, въ томъ числѣ и власти Княжеской, и необходимо истекавшая отсюда шаткость самой жизни, были причиною удаленія изъ Новгорода Олега, и не преданность ли Кіевлянъ къ своимъ властителямъ съ самыхъ раннихъ временъ приковала первыхъ Князей нашихъ къ Кіеву? Да, если даже не подъ этѣмъ, а подъ особымъ, вліяніемъ Олегъ удалился изъ Новгорода на Югъ, то за всѣмъ тѣмъ колебаніе Новогородской жизни и свойство кичливости Новгородцевъ относительно Князей отталкивали отъ нихъ другихъ потомковъ Рюрика.

Святославъ Ольговичъ, замѣтивъ движеніе противъ себя на вѣчахъ, и готовясь тайно скрыться изъ Новгорода, послалъ сказать брату своему Всеволоду, Великому Кіевскому Князю: «Тягота, брате, въ людѣхъ сихъ; а не хочю въ нихъ быти; а кого тобѣ любо, того и посли въ онь (Новгородъ)». [28] Подобныхъ словъ изъ устъ самого Князя не раздавалось во всей нашей древней Исторіи ни объ одной изъ составныхъ частей тогдашней Руси, за исключеніемъ Новгорода. Таково было здѣсь положеніе Князей чрезъ восемь лѣтъ послѣ смерти Мстислава Великаго, принадлежавшаго къ цвѣтущей порѣ власти Великокняжеской, и спустя восемдесять семь лѣтъ послѣ смерти Ярослава I-го. Уже строптивость Новгородцевъ высказалась въ это время не только противъ Святослава Ольговича, но и противъ самого Великаго Князя: призваны лучшіе мужи изъ нихъ, принявъ отъ Великаго Князя къ себѣ на княженіе сына его, Святослава, и отправившись уже съ нимъ въ Новгородъ, вдругъ на дорогѣ передумали, и явились снова къ Великому Князю съ словами, что Новгородъ не хочетъ имѣть у себя Княземъ его сына, а хочетъ Святополка Мстиславича; и Новгородцы были столь настойчивы въ своемъ требованіи, что таки не приняли Святослава Всеволодовича, и до назначенія желаемаго ими Князя, котораго они потомъ также назвали злобнымъ, приняли къ себѣ на княженіе сына Суздальскаго Князя, Ростислава Георгіевича, [29] поступивъ съ

---

[28] Ипат. 17.

[29] И прислаша Новгородци Епископа съ мужи своими къ Всеволоду, рекуче: «Дай намъ сынъ твой, а Святослава, брата твоего, не хочемъ!» И посла къ нимъ сынъ свой, Святослава. И бывшю ему въ Черниговѣ, Новогородци сдумавше, рекоша Всеволоду: «Не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимеря». Всеволодъ же се слышавъ, посла по нихъ, вороти Епископа съ ними и удержа ѣ со Епископомъ, рекоша бо тако: «Дай ны шюрина своего, Мьстиславича!» Всеволодъ же, не хотя перепустити Новагорода Володимерю племени, призва шюрина своя, да има Берестій, река: «Новагорода не березѣта, ать сѣдять сами о своей силѣ, кдѣ Князя не налѣзуть!» (замѣчательное выраженіе!); а Новогородци же держа у себе зиму же и лѣто, и съ Епископомъ.... Слышавше Новогородци, оже пріялъ Всеволодъ братью ихъ, и не стерпяче безъ Князя сѣдити, и ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣ же, и послаша Гюргеви мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша Новогородьци съ великою честью Новѣгородѣ на столѣ своего ему отца. Ипатьев. стр. 17.—И сѣдѣша Новгородци безъ Князи 9 мѣсяць.... Епископъ, и купьцѣ Новгородьскыя, и

нимъ, при назначеніи Всеволодомъ желаннаго ими Святополка, точно такимъ же образомъ, какъ поступили они и съ Всеволодомъ Мстиславичемъ, т. е., захватили его до прибытія Святополка. Положеніе новаго начала замѣчательно также и сдѣсь. Если нѣтъ положительныхъ данныхъ, которыя бы доказывали, что само новое начало принимало какое ни будь участіе въ захватѣ Ростислава, по крайней мѣрѣ оно явилось столь безцвѣтнымъ, столь безжизненнымъ, что даже не обнаружило ни малѣйшаго движенія противъ докняжескихъ Бояръ въ пользу Ростислава. Столь же безцвѣтнымъ, столь же безжизненнымъ, явилось новое начало въ 1160 году, когда въ глазахъ его Князь Святославъ Ростиславичъ, сынъ Великаго Князя, насильно былъ высланъ въ Ладогу, когда жена этого Князя принуждена была искать покрова въ монастырѣ Св. Варвары, а дружина Княжеская заточена. [30] Въ слѣдующій за тѣмъ годъ Святославъ Ростиславичъ снова введенъ былъ въ Новгородъ на княженіе, но чрезъ шесть лѣтъ онъ увидалъ полную невозможность безъ постороннихъ силъ имѣть сдѣсь твердую себѣ опору, и по тому, думая застращать Новгородцевъ и заставить ихъ открыть въ средѣ своей болѣе сильную, хотя временную, опору для власти Княжеской, удалился въ Луки, и оттуда прислалъ сказать имъ, что не хочетъ у нихъ болѣе княжить; но эта тактика, вмѣсто желаннаго, произвела совершенно обратное дѣйствіе. Новогородцы сами послѣ того не только не хотѣли видѣть Святослава своимъ Княземъ, но, вооружившись, выгнали его силою и изъ Лукъ, и въ то же время отрядили посольство въ Кіевъ просить къ себѣ на княженіе сына Кіевскаго Великаго Князя, Романа Мстиславича: союзъ Ростиславичей, Святослава и Романа, съ Княземъ Ростово-Суздальскимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, и съ Князьями Полоцкими, опустошеніе пограничныхъ частей Новогородской области, занятіе пути Новогородскимъ посламъ къ Кіеву на всемъ пространствѣ, начиная отъ Полоцка до Москвы и Ростова, не измѣнили свойства первоначальнаго движенія, а напротивъ еще пробудили въ Новгородцахъ неиа-

---

слы не пущаху изъ Руси, и они не хотяху иного Князя, развѣ Святопълка; и вьда имъ Святопълка изъ своею руку. Нов. I, стр. 9.

[30] Нов. I, стр. 13.

висть противъ Посадника Захарія и двухъ другихъ лицъ, именно Неревина и Нѣзды, изъ коихъ первый, т. е., Неревинъ, какъ и самъ Посадникъ принадлежалъ къ Боярамъ,—[31] ненависть, которая развернулась дикимъ произволомъ и повлекла за собою гибель всѣхъ этѣхъ трехъ лицъ, [32] которыя или заподозрѣны были въ готовности дѣйствовать за Святослава, или дѣйствительно дѣйствовали въ пользу его. [33] Такъ Новгородъ былъ ревнивъ къ опорѣ, которую Князь могъ найти себѣ посреди его, и такъ было безжизненно, безцвѣтно въ Новгородѣ новое начало. Романъ Ростиславичъ явился на княженіе тоже для того лишь, чтобы видѣть одно колебаніе жизни Новгородской и невозможность открыть посреди этого колебанія прочныя основы для закона и порядка: онъ былъ главою Новгорода въ то время, когда Андрей Боголюбскій устремилъ противъ того города огромное ополченіе, чтобъ силой стѣснить кичливость Новгородцевъ и совершенно подчинить ихъ своей волѣ. Князь Романъ кончилъ эту борьбу въ пользу Новгорода, и Новгородцы, въ благодарность за это, въ слѣдующій же за тѣмъ годъ, указали ему путь изъ Новгорода и послали къ Андрею за миромъ; и потомъ послѣ двухъ лѣтняго княженія въ немъ Рюрика Ростиславича, смѣнившаго Романа, просили опять у Андрея же Боголюбскаго на княженіе сына его.

Это обращеніе къ Боголюбскому, при неполномъ знакомствѣ съ Исторіею Новгорода, не можетъ не поражать насъ, какъ, при знакомствѣ съ нею, открываетъ съ перваго же взгляда истинное свойство внутренней Новгородской жизни и отношеній Новгорода къ Князьямъ. Романъ, противоборствовавшій покушенію Андрея, гибельному для старины Новгородской, изгнанъ Новгородцами; мало

---

[31] Кто былъ Нѣзда—положительно не извѣстно. Легко быть можетъ, что онъ былъ родоначальникъ богатѣйшей Боярской фамиліи — отецъ Посадника Мирошки Нѣздинина и дѣдъ Посадника Дмитрія Мирошкинича.

[32] Всѣ они были убиты. Тамъ же, стр. 14.

[33] Въ годъ вторичнаго приглашенія Святослава на княженіе въ Новгородъ былъ Посадникомъ Нѣжата, коего тогда же уволили отъ должности и вмѣсто него назначили Захарія. Тамъ же стр. 13.

того, Новгородцы сами же обращаются къ пораженному врагу съ предложеніемъ о мирѣ, и сынъ Боголюбскаго, врагъ Новгорода, живетъ въ немъ, по просьбѣ самихъ же Новгородцевъ. Что же значитъ въ дѣйствительности подобный оборотъ дѣла? Объ побѣдѣ Романа Мстиславича мы уже не говоримъ: оно прямо указываетъ, какъ и другія выше приведенныя наши происшествія, на ту же безжизненность новаго начала; но отношенія къ Боголюбскому, послѣ его пораженія, объясняютъ весь внѣшній бытъ Новгорода, и мы остановимся на нихъ съ большимъ вниманіемъ.

По всѣмъ даннымъ въ основаніи ихъ лежитъ денежная нужда, и не болѣе. Мы увидимъ скоро, на какую низшую ступень эта зависимость отъ вещественныхъ выгодъ, это стремленіе къ стяжанію ихъ, къ ихъ сохраненію, низведутъ всѣ думы о законности, порядкѣ и власти. Это-то стремленіе къ поддержанію вещественныхъ выгодъ заставляетъ и теперь Новгородцевъ обратиться къ Андрею съ просьбою о дарованіи имъ Князя, въ лицѣ его сына, и принять отъ Владимирскаго Князя въ Посадники Жирослава, котораго Рюрикъ лишилъ посадничества и изгналъ изъ Новгорода.

И трудно было не соблазниться холодному Новгороду вещественными выгодами. Этѣ выгоды были велики. Кто не будетъ стараться приблизить къ себѣ прекрасные, чудные дары, которыми Богъ исполнилъ міръ нашъ? Новгородецъ тѣмъ болѣе. Его собственная природа была бѣдна, его богатства были внѣ и далеко отъ его страны. Земли самого Новгорода не изобиловали ни чѣмъ, развѣ только рыбой, и до такой степени были неплодородны, что областѣ Новгородская всегда нуждалась въ продовольствіи. Лѣтописи ея часто говорятъ о недостаткѣ въ продовольственныхъ произведеніяхъ, о высокой цѣнѣ на нихъ, наконецъ о голодѣ и морѣ. Этотъ недостатокъ въ продовольствіи рѣзко выдается, когда мы сравнимъ сказанія Новгородскихъ лѣтописцевъ съ сказаніями лѣтописцевъ другихъ частей Руси. Въ семъ отношеніи Новгородъ имѣлъ большое сходство съ Англіей, и въ этомъ же отношеніи былъ въ сильной зависимости отъ другихъ частей нашего Государства. Безъ торговли Новгородская область была одна изъ бѣднѣйшихъ областей, и одичала бы въ нищетѣ, или значительная часть ея жителей выселилась бы въ другія области. Между

тѣмъ торговля приблизила къ ней богатства Западной Европы, отдаленныхъ лѣсныхъ пустынь нынѣшней сѣверной Россіи, еще болѣе отдаленныхъ богатыхъ Государствъ средней Азіи и наконецъ Римской Восточной Имперіи. Золото, серебро, многоразличныя украшенія изъ нихъ: браслеты, серги, ожерелья, пуговки, бусы, бляшки для платья, бляшки для оружія, самое оружіе, дорогія сѣдла, вещи разнаго рода изъ мѣди, вещи изъ разноцвѣтнаго стекла, драгоцѣнные каменья, янтарь, издѣлія изъ слоновой кости, дорогіе мѣха: чернобурыя лисицы, песцы, горностаи, бобры, и мѣха не столь цѣнные, какъ, на прим., бѣличьи, разныя лакомства: финики, орѣхи и. т. п., вина, парчи, шелковыя бумажныя матеріи, пергаменъ, а въ послѣдствіи и многіе другіе товары. Еще теперь подобныя богатства потревожатъ болѣе или менѣе каждаго, а тогда, во время полнаго нашего невѣжества въ дѣлѣ искусства и ремесла, во время бѣдности нашей въ богатствахъ природы, во время малаго знакомства нашего съ роскошью жизни..... «Дайте хоть частичку этѣхъ богатствъ, говорили одни, и добивались!» [34] другіе только и мечтали объ этѣхъ богатствахъ. А Новгородъ пользовался ими еще рано, въ IX, X столѣтіяхъ, богатѣя потомъ еще болѣе этотъ Новгородъ, посреди бѣдной и немощной природы, окруженный болотами и болотами. Онъ, бѣднякъ—богачъ! Одинъ только Кіевъ могъ превосходить, и конечно превосходилъ, его своими богатствами. Положеніе Новгорода въ торговомъ отношеніи было самое выгодное. Онъ опять, подобно Англіи, успѣлъ рано двинуть свои поселенія къ сѣверу и сѣверо-востоку, успѣлъ рано завладѣть до береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана и до горъ Уральскихъ, въ томъ числѣ землями Печоры, Югры, [35] и вмѣстѣ съ этѣмъ присвоить себѣ главнѣйшій родникъ нашихъ древнихъ богатствъ.

---

[34] Припомнимъ, какъ въ X столѣтіи дружина Великаго Князя хвалилась, что она ѣстъ за столомъ Княжескимъ не деревянными ложками, а серебряными; припомнимъ договоръ XII столѣтія Риги съ Смоленскомъ, гдѣ особой статьей выговаривается у купцовъ заграничныхъ Княгинѣ кусокъ полотна, а Тіуну — перчатки (руковицы съ перстами).

[35] Обонежьемъ и землями Двинской области — въ X столѣтія; Емью и Корелоїі— въ XI, Пермью—то же не позже XI столѣтія; Печорой — то же; Югрой — не позже XII столѣтія.

Послѣ этого огромнаго пріобрѣтенія пушной товаръ, который расходился по высокимъ цѣнамъ между самыми отдаленными странами Азіи, продавался въ значительномъ количествѣ въ Византійской Имперіи, отправлялся въ Западную Европу, даже украшалъ собой богатые наряды властителей Испаніи и переходилъ оттуда, тожъ какъ предметъ роскоши, въ самую Африку. Ни города, передававшіе наши товары въ Среднюю Азію, ни города, имѣвшіе торговыя сношенія съ Византійской Имперіей, наконецъ и города, имѣвшіе сношенія съ Западомъ, не могли снабжать ихъ пушнымъ товаромъ безъ Новгорода: они, безъ малѣйшаго сомнѣнія, получали его главною частію изъ Новгорода, въ особенности самые дорогіе мѣха. [36] Полоцкъ, Смоленскъ и Псковъ, чрезъ которые также шелъ торговый путь изъ Азіи и Восточной Имперіи въ Западную Европу, не могъ представить ни какихъ равноцѣнныхъ съ пушнымъ товаромъ богатствъ своихъ въ обмѣнъ чужестранныхъ, переходившихъ чрезъ наше Отечество и останавливавшихся въ нихъ для нуждъ мѣстныхъ. Кромѣ того, съ сказаннымъ пріобрѣтеніемъ Новгородъ пріобрѣлъ источники серебра, которыхъ не имѣла ни одна изъ составныхъ частей тогдашней Руси.

Нашъ Новгородъ богачъ, и, какъ богачъ, онъ спесивъ, онъ кичливъ: общая черта наша, размягченная, сглаженная слёзами и кровію въ другихъ частяхъ Россіи въ продолженіи долгихъ невзгодъ, и развившаяся во всей силѣ, со всей рѣзкостію, въ Новгородѣ. Въ спеси и кичливости теряется чувство семейное и религіозное. Вся цѣль жизни: стяжая богатства, стать выше другихъ по внѣшней обстановкѣ. Это направленіе воспитывало и ставило дѣтей въ подобное же ложное положеніе къ семьѣ и къ обществу: теряя изъ виду ихъ душевное истинное счастіе, отцы только удовлетворяли тщеславію, хлопотали, чтобы только поставить ихъ повиднѣе въ обществѣ. Боярство гордилось передъ низшими; [37]

[36] До подчиненія Новгороду, конечно, Югра могла имѣть прямыя торговыя сношенія съ Азіятскими торговцами, о чемъ сохранились темныя сказанія у Аравитянъ.

[37] Этотъ характеръ Боярскій ниже будетъ очерченъ подробно, на основаніи довольно богатыхъ историческихъ данныхъ.

не руководя ихъ ни въ семейномъ, ни въ религіозно-гражданскомъ чувствѣ; болѣе низшій слой, въ своемъ глубокомъ невѣжествѣ, тупѣлъ въ этѣхъ чувствахъ, терялъ сознаніе въ нихъ и, сосредоточиваясь на думахъ старшихъ, искалъ самъ только стяжаній и внѣшней, болѣе видной, обстановки; каждый честный и благородный гражданинъ, при этѣхъ условіяхъ, долженъ былъ пугаться общей насмѣшки, общаго пренебреженія, въ случаѣ своей бѣдности, или измѣнить честности и благородству, жертвуя ими для стяжанія богатствъ, или же, раздражаясь уклоненіемъ жизни отъ истиннаго пути, возставать противъ ея ложности, являться одинокимъ борцомъ истины, и сдѣлаться, наконецъ, при общемъ ложномъ убѣжденіи, Новогородскимъ Донкихотомъ, юродивымъ, примѣръ чего и представляетъ намъ Новогородская Исторія. [38] Той же спесью и кичливостію Новгородецъ долженъ былъ выражаться и въ отношеніи къ другимъ частямъ Руси: отсюда холодность его къ судьбамъ сихъ частей. Въ этой спеси и кичливости, какъ въ глубокомъ корнѣ страшныхъ золъ, крылась и неправильность отношеній къ власти: власть должна была питать только эту спесь, поддерживать внѣшнюю обстановку жизни, раскрывать большій просторъ къ стяжаніямъ, какъ къ первому условію для этой обстановки, и по этому жертвовать истинными, здравыми, требованіями жизни семейной и религіозной, жертвовать порядкомъ общественнымъ, дающимъ просторъ и свѣтъ симъ двумъ основнымъ чувствамъ для жизни всякаго общества, Государства. Кичливость помогала этому внутреннему разстройству.

Но Провидѣніе, давъ Новгороду обширное поле для торговыхъ предпріятій, давъ возможность стяжать несмѣтныя, по тогдашнему времени, богатства, положило предѣлъ гибельнымъ чувствамъ, исполнявшимъ Новгородъ, и нашъ богачъ и гордецъ, не хотѣвшій знать никого, могъ умереть иногда съ голоду безъ подвоза продовольственныхъ припасовъ изъ земель сосѣднихъ.

Были случаи, когда онъ съ уничиженіемъ, какъ милостыни, долженъ былъ просить кусокъ хлѣба. Недостатокъ въ продовольствіи

---

[38] См. ниже Жизнь Угодниковъ Новгородскихъ, Николы и Θеодора.

проглядываетъ чрезъ всѣ сказанія Новогородскихъ лѣтописцевъ. Не разъ голодъ, съ своимъ непремѣннымъ спутникомъ, повальной болѣзнью, пустошилъ его съ его областями страшнымъ образомъ, когда мертвыхъ не успѣвали хоронить, когда псы терзали человѣческіе трупы на улицахъ и площадяхъ. Постигали Новгородъ и такія несчастія, что родители отдавали Богъ знаетъ въ чьи руки дѣтей своихъ, отказывались отъ нихъ, разставались съ ними на вѣки, чтобъ только спасти ихъ отъ голода. Постигало и то страшное несчастіе, когда человѣкъ, томимый гододомъ, терялъ разсудокъ и поѣдалъ своихъ собратій живыхъ и мертвыхъ. Страшно подумать!...

Въ этомъ отношеніи Новгородъ былъ въ сильной зависимости отъ богатствъ Владимиро-Ростовскаго Княжества. Торговыя выгоды по другимъ предметамъ связывали его еще тѣснѣе съ этими землями: онъ не могъ оторваться отъ нихъ. Но онъ долженъ былъ ладить и со всѣми другими частями Руси, желая сохранить тѣ же торговыя выгоды. Его торговые дѣльцы, его богатства, были разбросаны повсюду: ссора съ властителями другихъ частей Руси, какъ ссора съ Княземъ Владимиро-Ростовскимъ, могла остановить за разъ всѣ огромные торговые обороты его, завладѣть двигавшимися всюду его товарами, захватить самихъ дѣльцовъ и купцовъ, и поразить, такимъ образомъ, всѣ жизненныя силы его: онъ богатъ и силенъ только этѣми обширными, почти повсемѣстными, торговыми оборотами своими. Его политическое положеніе въ отношеніи другихъ частей Руси было по этому опять подобно настоящему положенію Англіи, которой всѣ богатства и силы тѣсно, неразрывно, связаны почти съ судьбою цѣлаго міра. Но со второй половины XII столѣтія его зависимость отъ Владимиро-Ростовского Князя сдѣлалась болѣе рѣшительною. Тремя главнѣйшими путями шла его обширная торговля: однимъ чрезъ Кіевъ, съ Византійской Имперіей, другимъ чрезъ земли Владимиро-Ростовскія, съ Азіятскими народами, и третьимъ чрезъ Чудскій заливъ и Балтійское море, съ Западомъ. Съ паденіемъ Тмутараканскаго Княжества Азіятская торговля должна была сосредоточиться на пути чрезъ Владимиро-Ростовское Княжество. Сверхъ того, мы должны припомнить, что Князья Владимиро-Ростовскіе, начиная съ Георгія, Андреева отца, и до самаго нашествія Татаръ, имѣли по временамъ обширное вліяніе на всѣ южныя системы нашего Государ-

ства, оставаясь постоянно внѣ всякой зависимости отъ Великихъ Кіевскихъ Князей, и замѣтить, что во второй половинѣ XII столѣтія торговля Кіева съ Византійской Имперіею и съ землями, входящими нынѣ въ составъ Восточной части Австрійскихъ владѣній, должна была много пострадать отъ усиленія Половцовъ въ степяхъ нынѣшней Южной Россіи: суда и караваны съ товаромъ не могли свободно подходить къ Кіеву, безъ содѣйствія значительныхъ военныхъ силъ. [39] Самое паденіе вліянія Кіева на Князей Полоцкихъ, Черниговскихъ, Владиміро-Волынскихъ и на земли Галицкія, равно какъ безпрерывныя смуты на Югѣ и отдаленность Кіева, для содѣйствія Новгороду военными силами, все это заставляло Новгородцевъ еще болѣе заискивать и по возможности поддерживать добрыя отношенія къ Князьямъ Владиміро-Ростовскимъ.

Новгородъ, подобно Англіи, долженъ былъ высматривать всюду выгоды свои, и онъ поддерживалъ ихъ, жертвуя, подобно же Англіи, для этого выгодами другихъ областей на столько, чтобъ не накликать на себя опаснаго врага. Да, нашъ Новгородъ была наша Англія. Вещественныя, а не нравственныя, выгоды опредѣляли его внѣшнія отношенія: нравственнаго начала въ внѣшнихъ дѣлахъ не существовало для Новгорода. Самая религія была, подобно какъ въ Англіи, орудіемъ вещественныхъ выгодъ, и по тому лѣтописи всѣхъ частей Руси, даже лѣтописи самаго Новгорода, относятся о Новгородцахъ, какъ объ людяхъ, для которыхъ клятва — игрушка: они постоянные клятвопреступники; клянутся, по тому что этого

[39] Ипатьев. стр. 93, подъ 1167 годомъ: Се же увѣдавши Половци, оже Князи не въ любви живуть, шедше въ порогы (Днѣпровскіе), начаша пакостити Гречьникомъ; и посла Ростиславъ Володислава Ляха съ вои, и възведоша Гречникы (суда изъ Греціи съ товаромъ). Тамъ же, стр. 94, подъ 1168: Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвъкупитися у себе съ всими полки своими, и приде (такой и такой-то Князь, всего 11 Князей и Галичане)... и стояша у Канева долго время, дондеже взыде Гречникъ и Залозникъ, и оттолѣ възвратишася въ своясн. Тамъ же, стр. 98, подъ 1170: И нача молвити Мьстиславъ братьи своей: «Се, братье, Половцемъ есме много зла створили, вѣжѣ ихъ поимали есмы, дѣти ихъ поимали есмы, и стада и скоть, а тѣмъ всяко пакостити Гречнику нашему и Залознику; а быхомъ вышли противу Гречнику.» И люба бысть рѣчь всеѣ братьѣ, и рекоша ему братья: «Тако буди!...»

увѣряетъ неизмѣнность, но въ душѣ таятъ другое, и при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нарушаютъ эту клятву.[40] Всѣ обстоятельства, всѣ порождавшіе тревогу и опасеніе въ другихъ частяхъ Руси, находили пріютъ въ Новгородѣ, если только пребываніемъ у нихъ лицъ онъ могъ грозить за свои выгоды тревогой остальной Руси. Въ противномъ же случаѣ онъ преслѣдовалъ и гналъ бѣглецовъ изгнанныхъ, даже людей благороднѣйшихъ и дѣтей, даже казнилъ собственныхъ своихъ собратій, совершенно невинныхъ въ нравственномъ отношеніи: «Въ нихъ выгоды наши гибнутъ!» вотъ и все обвиненіе для казни. Конечно, его политика не могла быть такъ изворотлива, такъ тонка, какъ Англійская, но и Новогородцы умѣли искусно прикрывать себя личиной великодушія, безкорыстія, высокой лицемѣрной благонамѣренности, глубочайшаго себялюбія; отсюда, въ основаніи жизни Новгорода лежали тѣ же вещественныя выгоды, какъ и въ политикѣ Англіи, и правило одного изъ первыхъ мыслителей Англіи,[41] что отношенія должны быть опредѣляемы степенью выгодъ, а не тѣмъ другимъ, т. е., ни чувствомъ любви, ни чувствомъ религіознымъ, ни чувствомъ благородства и самодостоинства, было весьма знакомо и въ Новгородѣ.

Съ этой точки зрѣнія объясняются совершенно достаточно отношенія Новгорода къ Князьямъ. Напрасно Новгородъ говоритъ Святославу: «Не дашь намъ своего сына на княженіе, такъ мы сыщемъ Князя въ другихъ земляхъ;» напрасно Новгородцы показывали видъ, что не очень дорожатъ назначеніемъ къ нимъ Князя-правителя тѣмъ или другимъ изъ Князей нашихъ; напрасно они показывали видъ, что, въ случаѣ несогласія относительно условій управленія, они имѣютъ еще передъ собою множество другихъ Князей, которые согласятся править ими на условіяхъ, ими предложенныхъ; ихъ Князь-правитель долженъ былъ принести съ собою для Новгорода право торговли въ другихъ частяхъ Руси: это было одно изъ первыхъ условій прочности его власти въ Новгородѣ. По этому ни одинъ изъ Князей Рязанскихъ, кото-

[40] См. выше. Голосъ этотъ вторился по всей Руси.

[41] Блакстонъ.

рые совершенно ни чего не значили въ семъ отношеніи, не сидѣлъ на престолѣ Новгородскомъ. Князья Полоцкіе также не приглашались никогда править Новгородомъ, по тому что Полоцкъ былъ соперникомъ Новгорода по торговлѣ съ Западомъ, и Князья Полоцкіе, сѣвъ на престолѣ Новогородскомъ и покровительствуя торговцамъ Новгорода, измѣнили бы родной области: Новгородъ не могъ отъ него ожидать ни чего подобнаго; кромѣ того, Князья Полоцкіе не имѣли власти, которая сколько ни будь отражалась бы въ другихъ частяхъ Руси и которая могла бы покровительствовать ихъ торговлѣ, выгодамъ Новгородскимъ. Расчетъ Новгорода въ настоящемъ отношеніи былъ вѣренъ. Безполезно было ему призывать къ себѣ на престолъ Князей Полоцкой системы и Рязанской области. Тотъ же расчетъ указывалъ Новгородцамъ на Князя Кіевскаго, когда подъ рукой его, въ его волѣ, ходили Князья остальныхъ частей Руси: отъ него Новгородъ принималъ себѣ Правителя, даже Посадниковъ. Заискавши въ Князѣ Кіевскомъ, ставши подъ его руку, Новгородъ свободно могъ вести торговлю во всѣхъ областяхъ Русскихъ: Князя Кіевскаго слушаютъ всѣ области, и ослушниковъ онъ имѣетъ силу смирить. Князь Кіевскій, сверхъ того, даетъ вспомогательныя дружины и для подчиненія Причудскихъ народцевъ, которые тревожили и на сухомъ пути и на морѣ торговцевъ Новгорода, и обезопасываетъ такимъ образомъ путь этотъ, по которому стремились богатства къ Новгороду и изъ Новгорода. И Правители, назначаемые Новгороду Кіевомъ, остаются тамъ на долго: имъ не указываютъ пути, пока Кіевъ силенъ своимъ Княземъ. Такъ Владимиръ Великій оставался въ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока смерть отца не призвала его на Югъ; Ярославъ тоже, и обоимъ еще Новгородъ даетъ силу, для завладѣнія Кіевскимъ престоломъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе еще обязываетъ ихъ, расчитывая, конечно, на болѣе вѣрное покровительство своей торговлѣ во всей тогдашней Руси съ ихъ стороны; Владимиръ, сынъ Ярослава, правилъ Новгородомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самой своей смерти, безсмѣнно. Безсиліе Великаго Князя надъ Князьями другихъ частей Руси, его отношенія къ нимъ, отражаются и въ отношеніяхъ къ нему Новгорода: онъ слабъ, онъ не господствуетъ надъ Князьями, есть другой Князь, хотя и не Великій, но который въ дѣйствительности имѣетъ большое вліяніе на другихъ, имѣетъ вліяніе нравственное, или опирающееся на его личныя достоинства и

требуетъ необходимость, но въ душѣ таятъ другое, и при первыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нарушаютъ эту клятву. [40] Всѣ обломки отъ жизни, всѣ порождавшіе тревогу и опасеніе въ другихъ частяхъ Руси, находили пріютъ въ Новгородѣ, если только пребываніемъ этѣхъ лицъ онъ могъ грозить за свои выгоды тревогой остальной Руси; въ противномъ же случаѣ онъ преслѣдовалъ и гналъ безъ изъятія, даже людей благороднѣйшихъ и дѣтей, даже казнилъ собственныхъ своихъ собратій, совершенно невинныхъ въ нравственномъ отношеніи: «Въ немъ выгоды наши гибнутъ!» вотъ и все объясненіе для казни. Конечно, его политика не могла быть такъ изворотлива, такъ тонка, какъ Англійская, но и Новогородцы умѣли искусно замаскировывать себя личиной великодушія, безкорыстія, высокой образованной благонамѣренности, глубочайшаго себялюбія; отсюда, въ основаніи жизни Новгорода лежали тѣ же вещественныя выгоды, какъ и въ политикѣ Англіи, и правило одного изъ первыхъ мыслителей Англіи, [41] что отношенія должны быть опредѣляемы степенью выгодъ, и ни чѣмъ другимъ, т. е., ни чувствомъ любви, ни чувствомъ религіознымъ, ни чувствомъ благородства и самодостоинства, было весьма знакомо и въ Новгородѣ.

Съ этой точки зрѣнія объясняются совершенно достаточно отношенія Новгорода къ Князьямъ. Напрасно Новгородъ говоритъ Святославу: «Не дашь намъ своего сына на княженіе, такъ мы сыщемъ Князя въ другихъ земляхъ;» напрасно Новгородцы показывали видъ, что не очень дорожатъ назначеніемъ къ нимъ Князя-правителя тѣмъ или другимъ изъ Князей нашихъ; напрасно они показывали видъ, что, въ случаѣ несогласія относительно условій управленія, они имѣютъ еще передъ собою множество другихъ Князей, которые согласятся править ими на условіяхъ, ими предложенныхъ; ихъ Князь-правитель долженъ былъ принести съ собою для Новгорода право торговли въ другихъ частяхъ Руси: это было одно изъ первыхъ условій прочности его власти въ Новгородѣ. По этому ни одинъ изъ Князей Рязанскихъ, кото-

---

[40] См. ниже. Голосъ этотъ вторился по всей Руси.

[41] Блакстонъ.

рые совершенно ни чего не значили въ семъ отношеніи, не сидѣлъ на престолѣ Новгородскомъ. Князья Полоцкіе также не приглашались никогда править Новгородомъ, по тому что Полоцкъ былъ соперникомъ Новгорода по торговлѣ съ Западомъ, и Князья Полоцкіе, сѣвъ на престолѣ Новогородскомъ и покровительствуя торговцамъ Новгорода, измѣнили бы родной области: Новгородъ не могъ отъ него ожидать ни чего подобнаго; кромѣ того, Князья Полоцкіе не имѣли власти, которая сколько ни будь отражалась бы въ другихъ частяхъ Руси и которая могла бы покровительствовать ихъ торговлѣ, выгодамъ Новгородскимъ. Расчетъ Новгорода въ настоящемъ отношеніи былъ вѣренъ. Безполезно было ему призывать къ себѣ на престолъ Князей Полоцкой системы и Рязанской области. Тотъ же расчетъ указывалъ Новгородцамъ на Князя Кіевскаго, когда подъ рукой его, въ его волѣ, ходили Князья остальныхъ частей Руси: отъ него Новгородъ принималъ себѣ Правителя, даже Посадниковъ. Заискавши въ Князѣ Кіевскомъ, ставши подъ его руку, Новгородъ свободно могъ вести торговлю во всѣхъ областяхъ Русскихъ: Князя Кіевскаго слушаютъ всѣ области, и ослушниковъ онъ имѣетъ силу смирить. Князь Кіевскій, сверхъ того, даетъ вспомогательныя дружины и для подчиненія Причудскихъ народцевъ, которые тревожили и на сухомъ пути и на морѣ торговцевъ Новгорода, и обезопасываетъ такимъ образомъ путь этотъ, по которому стремились богатства къ Новгороду и изъ Новгорода. И Правители, назначаемые Новгороду Кіевомъ, остаются тамъ на долго: имъ не указываютъ пути, пока Кіевъ силенъ своимъ Княземъ. Такъ Владиміръ Великій оставался въ Новгородѣ до тѣхъ поръ, пока смерть отца не призвала его на Югъ; Ярославъ тоже, и обоимъ еще Новгородъ даетъ силу, для завладѣнія Кіевскимъ престоломъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе еще обязываетъ ихъ, расчитывая, конечно, на болѣе вѣрное покровительство своей торговлѣ во всей тогдашней Руси съ ихъ стороны; Владиміръ, сынъ Ярослава, правилъ Новгородомъ въ продолженіи многихъ лѣтъ, до самой своей смерти, безсмѣнно. Безсиліе Великаго Князя надъ Князьями другихъ частей Руси, его отношенія къ нимъ, отражаются и въ отношеніяхъ къ нему Новгорода: онъ слабъ, онъ не господствуетъ надъ Князьями, есть другой Князь, хотя и не Великій, но который въ дѣйствительности имѣетъ большое вліяніе на другихъ, имѣетъ вліяніе нравственное, или опирающееся на его личныя достоинства и

уже колеблется менѣе, и изгоняетъ Всеволода, принявъ къ себѣ Князя правителя изъ рукъ Всеволода Ольговича. [46] Но вотъ этотъ Всеволодъ, послѣ смерти Ярополка, дѣлается самъ Великимъ Княземъ, и Новгородъ знаетъ, что, съ достиженіемъ Великокняжескаго престола, онъ утратилъ совершенно свое вліяніе на дѣла Юга; знаетъ, что онъ не въ ладахъ съ Князьями Черниговскими; знаетъ, что онъ обсажался кругомъ Мономаховичами; что сіи послѣдніе и удаленные отъ Великокняжескаго престола составляютъ кормчихъ Юга, имѣютъ даже съ Сѣверовосточными областями связи; слѣдовательно, также могутъ покровительствовать ихъ торговымъ дѣламъ; предвидятъ, что родъ Всеволода не можетъ утвердить за собою Великокняжескаго престола; что этотъ престолъ принадлежитъ по областному праву Мономаховичамъ, которымъ, въ лицѣ Ярополка, они измѣнили уже; предвидятъ, что Мономаховичи снова займутъ его, удерживая за собой до того времени одно нравственное вліяніе; знаютъ все это, и дерзко, съ пренебреженіемъ, минуя властителя корабля, предъ которымъ только что кланялись, дружатъ съ кормчими, заискиваютъ въ нихъ! И напрасно Великій Князь захватываетъ всѣхъ ихъ пословъ, ихъ Епископа, ихъ гостей, чтобъ заставить ихъ почтить свое назначеніе: онъ самъ долженъ уступить, по тому что былъ въ рукахъ кормчихъ, и, просидѣвши 9 мѣсяцевъ безъ Князя, Новгородцы, минуя Великаго Князя, получаютъ въ правители роднаго кормчихъ (Ростислава Георгіевича), а потомъ и самъ Великій Князь согласился дать имъ въ правители Князя, котораго они желали и который, чрезъ значеніе своего рода, могъ легче покровительствовать ихъ торговлѣ на Югѣ и на Сѣверѣ (Святополкъ, одинъ изъ Мономаховичей). Таковы отношенія между Новгородомъ и Великимъ Княземъ. Новгородъ не благоговѣетъ передъ главою Руси; поклоняется передъ Великимъ Княземъ, пока онъ имѣетъ силы и можетъ покровительствовать обширной торговлѣ Новгорода по всему Государству, или можетъ грозить ему; но едва вліяніе его поколебалось, Новгородъ тотчасъ, замѣчая это, измѣняетъ ему и дѣйствуетъ противъ него дерзко и смѣло. Новгородъ не можетъ дать опоры для развитія средоточной власти, которую сознала и лелѣяла древняя Русь, осуществляя въ ней идею нашего Самодержавія, на

---

[46] Святославъ Ольговичъ, братъ Всеволода.

которую, какъ мы видѣли, полагались предки, какъ на твердыню, о которую сокрушится спесь старыхъ докняжескихъ Бояръ, попиравшая благосостояніе общественное, и объ которую сокрушились внутреннія крамолы, междоусобія, подъ вліяніемъ которой зрѣло семейное чувство до чувства любви Государственной, которая сосредоточила въ себѣ силы народа и сокрушила силы сильныхъ враговъ нашихъ, которая олицетворила въ себѣ высоко нравственное значеніе власти и дала великій образъ самому народу Русскому. Новгородъ самъ полонъ этой спеси, и поддерживаетъ ее всѣми силами; полонъ себялюбія, которое поражаетъ самыя семьи и поселяетъ между членами семьи раздоръ. Новгородъ противникъ новой жизни, и признаетъ ее на столько, сколько указываетъ нужда, для того, чтобъ покровительствовать чувству общественнаго себялюбія, выгодамъ вещественнымъ, обширной торговлѣ, связывавшей его со всѣми остальными частями Государства. Ставши подъ руку Великаго Князя, онъ не думалъ быть вѣренъ ему: поколеблютъ обстоятельства силу Великаго Князя,—и Новгородъ измѣнитъ ему: правитель, назначенный Великимъ Княземъ, не будетъ его правителемъ. Неопредѣленность или колебаніе въ исходѣ борьбы Великаго Князя съ противниками, заставляетъ также дѣйствовать неопредѣленно и выжидать, на которой сторонѣ будетъ побѣда.[17] Положительное колебаніе власти, вліянія Великаго Князя, какъ мы уже выше объясняли, даетъ теперь Новгородцамъ рѣшимость дерзко дѣйствовать противъ воли Великаго Князя, въ назначеніи правителя для Новгорода. Идея жизни, общая для цѣлаго Государства, идея патріотизма, національности, однимъ словомъ, жизнь духа порабощается въ Новгородѣ думою о выгодахъ вещественныхъ. Матеріяльный расчетъ опредѣляетъ въ Новгородѣ тѣ или другія отношенія его къ Великому Князю, къ власти, блюдущей жизнь, цѣль, порядокъ и стройность жизни.

[17] Не зная, чѣмъ кончится возобновившаяся въ 1139 году война между Великими Князьями, Ярополкомъ и Всеволодомъ, Новгородъ отказался отъ брата Всеволодова, Святослава, но и не просилъ къ себѣ правителя отъ Великаго Князя, «ждуще», какъ сказано въ лѣтописи, «оправы Ярополку съ Всеволодомъ»; до рѣшенія же спора ими правитъ правитель отъ Князя Суздальскаго; но когда Всеволодъ незаконнымъ образомъ завладѣлъ Кіевскимъ престоломъ, Новгородъ немедленно же признаетъ въ удаленномъ, можно сказать, за часъ правителѣ своемъ, опять своего правителя.

Вотъ по чему Новгородъ, поразивъ полчища Андрея, самъ же первый ищетъ въ немъ, самъ же первый хлопочетъ стать подъ его руку: гордыня склонялась предъ выгодами вещественными. Между тѣмъ Новгородъ отлично хорошо понимаетъ сокрушительное для себя значеніе Великихъ Князей Сѣверо-Восточной Руси; онъ видѣлъ, какъ и на чемъ возсоздавалась сила и могущество этихъ Князей; онъ зналъ, что въ основаніяхъ этой силы, этого могущества, лежитъ помыслъ преобладанія духа надъ жизнію матеріальною, помыслъ правды, порядка, лежитъ духъ, мощно сокрушающій въ внутренней жизни преграды, опиравшіяся на матеріализмъ, на матеріяльную силу и богатства, на духъ язычества, отяжелѣвшій надъ жизнію, на себялюбіе, на преданность земному; духъ, сокрушающій грубую, холодную спесь, не знавшую благородныхъ, высокихъ движеній духа, поработившую любовь собрата къ собрату, помыслъ правды, исполненную однихъ черныхъ козней и кичащуюся величіемъ праха надъ жизнію любви, правды, надъ жизнію вѣчной духа. Предъ глазами Новгорода совершилась эта борьба въ Сѣверо-Восточной Руси, предъ глазами же его помыслъ любви и правды восторжествуетъ разомъ надъ матеріализмомъ и воздвигнетъ силу и могущество этой Руси. Онъ слышалъ отъ перваго самобытнаго сдѣсь Князя рѣчь властительную къ себѣ; сынъ этого Князя еще рѣзче выразился къ Новгороду: ни тотъ, ни другой не могли помирить въ духѣ своемъ благородныя, высокія требованія, которыми напитывала ихъ новая жизнь и давала имъ силу, крушила сопротивленія съ кичливостію Новгорода. Боголюбскій объявилъ Новгородцамъ, что онъ, во что бы то ни стало, поставитъ ихъ подъ свою волю: это требованіе было требованіемъ новой жизни, имѣвшимъ мощную и громадную опору во внутренней борьбѣ области Андрея. Одна мощь новой жизни въ этой части Руси пугала Новгородъ и заставляла искать мѣръ спастись отъ вліянія ея. Два рода этѣхъ мѣръ представлялись Новгороду: одними противодѣйствовать, выставляя въ противодѣйствіе областное несогласіе между Князьями, выставляя Князей другихъ частей Государства противъ властительства Князей Сѣверовосточной Руси; другими заискивать въ сихъ послѣднихъ, стараясь по возможности почтить требованія, желанія, уклоняясь однако жь, отъ ихъ непосредственнаго вліянія па внутреннюю Новгородскую жизнь. Тѣ и другія мѣры, при приведеніи ихъ въ исполненіе, были до чрезвычайности сложны и затруднительны. Новго-

родъ долженъ былъ весьма искусно рѣять. Удовлетворяя требованіямъ и желаніямъ Князей одной системы, онъ могъ возбудить противъ себя недовольство другихъ; а его Богъ, его душа, выгоды вещественныя, требуютъ мира и согласія со всѣми; [48] нужно было, при неизбѣжномъ недовольствѣ съ той или другой стороны, водворить миръ со стороны болѣе выгодной въ матеріяльномъ отношеніи, и сдѣсь Новгородъ, съ постепеннымъ ослабленіемъ вліянія Кіева и съ возрожденіемъ Владиміро-Ростовкаго Княжества, становится опять лицомъ къ лицу съ новой жизнію: выгоды вещественныя заставляли заискивать миръ преимущественно со стороны Князей Сѣверо-Восточной Руси. И акъ нужно было враждовать всѣми силами противъ требованій гой Руси, и нужно, въ то же время, всѣми силами заискивать въ ей, чтобъ осуществить главнѣйшую цѣль своего существованія. А га Русь, съ своей стороны, стремилась, при управленіи Новгородомъ, ь осуществленію въ немъ своихъ основъ. Сдѣсь завязывалось у овгорода дѣло не о 2 тысячахъ гривенъ, которыя онъ платилъ іеву мира дѣля, или за покровительство.

Небосклонъ всей политики и отношеній между Князьями различ-ихъ системъ былъ открытъ предъ Новгородомъ. Всѣ измѣненія въ ой политикѣ и отношеніяхъ, имѣвшія вліянія на Новгородскія выды, отражались ясно въ политикѣ и отношеніяхъ Новгорода къ имъ Князьямъ. Раздвоеніе выгодъ Новгорода на двѣ главнѣйія вѣтви, на вѣтвь торговли съ Югомъ и на вѣтвь торговли Восточй, и соперничество между Князьями Южной Россіи и Владиміростовскимъ за первенство въ распоряженіи судьбами Руси и сама Новгорода, выражалось въ Новгородѣ тѣмъ же раздвоеніемъ меу Новогородцами: одни въ этомъ соперничествѣ ясно держались га, другіе Сѣверо-Востока, сохраняя главную цѣль Новгородской

По сему мы находимъ даже примѣры, что Новгородцы вмѣшивались въ ссоры Князей, и старались о прекращеніи войны между ними: такъ они посылали цѣлую почетную депутацію для прекращенія войны между Ярополкомъ и Всеволодомъ Черниговскимъ. Война эта, конечно, страшно вредила торговымъ предпріятіямъ Новгорода. Кіевъ игралъ тогда важную роль для Новгорода въ этѣхъ предпріятіяхъ, передавая послѣднему товары Восточной Имперіи и принимая отъ него сырые товары Сѣвера и товары Западной Европы.

политики — пользоваться покровительствомъ власти, правившей жизнію Руси, и удержать за собою разрушительную старину. Раздвоеніе это выразилось смѣною Посадниковъ, бѣгствомъ и изгнаніемъ, наконецъ казнями и убійствами. Обращая вниманіе на равнодушіе, съ которымъ Новогородцы смотрѣли, правитъ ли ими тотъ или другой Князь, мы, кажется, съ достовѣрностію можемъ сказать, что стороны Юга держались Юга по тому, что имѣли свои главнѣйшія торговыя выгоды на Югѣ, а стороны Владиміро-Ростовскія въ земляхъ Владиміро-Ростовскихъ. Впрочемъ, на раздвоеніе въ семъ отношеніи Бояръ могли имѣть также вліяніе, какъ увидимъ ниже, и личныя враждебныя отношенія, и духъ соперничества между Боярскими родами.

Послѣ этого очерка положенія Новгорода въ отношеніи различныхъ частей Государства становятся ясными и странныя съ перваго взгляда отношенія его къ Андрею Боголюбскому: Владиміро-Ростовскій Князь могъ однимъ своимъ словомъ разстроить ихъ Азіятскую торговлю и торговлю съ собственными своими землями; могъ и не пропустить къ Новгороду жизненныхъ припасовъ. Къ этому мы должны прибавить еще два важныя обстоятельства, ставившія Новгородъ еще въ большую зависимость отъ Князей Владиміро-Ростовскихъ. Отряды, посылаемые изъ Новгорода, для собранія дани съ разныхъ областей теперешней Сѣверо-Восточной Руси, не были столь сильны, чтобъ въ состояніи были выдерживать сколько ни будь значительную битву: Князь Владимирскій могъ задерживать, или перехватывать, ихъ. Сверхъ того, какъ сосѣдъ Новогородскихъ владѣній, онъ могъ дѣлать вторженія въ ближайшія пограничныя части этѣхъ владѣній, въ случаѣ недовольства своего на Новгородъ, и защита этѣхъ областей отъ подобныхъ вторженій была почти всегда для Новгорода невозможною, по причинѣ значительной растянутости его владѣній и отдаленности средоточія военныхъ силъ отъ границъ. [49] Между тѣмъ духъ Сѣверо-Восточной Руси, разрушавшей

[49] Въ 1273 году изъ этѣхъ мѣръ были приведены въ исполненіе противъ Новгорода за разъ три: Василій выжегъ Торжекъ, и посадилъ тамъ своего Тіуна, а братъ его, Святославъ, «съ Тферичи начаша воевати волость Новогородскую, Волокъ, Бѣжичи, Вологду, а въ Новѣгородѣ хлѣбъ бысть дорогъ, а у гостинниковъ по Низовьской земли товаръ отъимаша.» Нов. I, стр. 63.

мощно старину, былъ исполненъ вражды противъ быта Новгородскаго, и этѣмъ духомъ могли свободно пользоваться Князья Владиміро-Ростовскіе: обстоятельство важное, которое, конечно, также обращало на себя вниманіе политиковъ Новгородскихъ.

Андрей не могъ не знать всѣхъ сихъ средствъ, которыя были въ его власти противъ Новгорода. Уже подъ 1141 годомъ южный лѣтописецъ замѣтилъ, что Новгородъ не можетъ обойтись безъ подвоза хлѣба изъ другихъ областей, а въ 1179 году отецъ Андрея, Георгій, желая стѣснить Новгородцевъ, употребилъ противъ нихъ еще другое изъ сказанныхъ средствъ. Въ 1169 году самъ Андрей высылалъ дружину для задержанія Новгородскихъ данниковъ. [50] Послѣ неудачнаго своего похода на Новгородъ, онъ, кажется, прибѣгнулъ къ другому способу заставить Новгородцевъ поклониться себѣ, именно не пускалъ, сколько можно догадываться, къ нимъ хлѣба, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, быть можетъ, стѣснилъ вообще всю ихъ торговлю въ своихъ владѣніяхъ. По крайней мѣрѣ, изъ лѣтописи видно, что въ слѣдующемъ же году, послѣ претерпѣннаго войскомъ Андрея пораженія, обнаружилась въ Новгородѣ дороговизна на жизненные припасы: «была дороговизна въ Новгородѣ: покупали кадь ржи по 4 гривны, а хлѣбъ по 2 ногаты, а медъ по 10 кунъ за пудъ;» слѣдовательно, можно предполагать, что торговля съ владѣніями Андрея не была возстановлена съ

---

[50] Нов. I, стр. 14. Иде Даньславъ Лазутиницъ за Волокъ даньникомъ съ дружиною, и присла Андрей пълкъ свой на нь, и бишася съ ними; и бѣше Новгородьць 400, а Суждальць 7000, и пособи Богъ Новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а Новгородьць 15 мужь; и отступиша Новгородьци, и опять воротивъшеся взяша всю дань. Подъ 1149 годомъ въ Новогородской Лѣтописи отмѣчено: Идоша даньницы Новогородьстіи въ малѣ, и учювъ Гюрги, оже въ малѣ шли, и посла Князя Берладьскаго съ вои, и, бивъшеся мало нѣгдѣ, сташа Новгородьци на островѣ, а они противу ставше, начаша городъ чинити; въ лодьяхъ идоша Новогородьци къ нимъ на третій день, и бишася; и много леже обоихъ, нъ Суждальцъ безъ числа. П. С. Р. Л., стр. 11. При семъ не можемъ не сказать, что самохвальство составляетъ одну отличительную черту Новгородскихъ лѣтописей. Подъ 1141 годомъ въ Ипатьевской Лѣтописи: и не стерпяче безъ Князя сѣдити, и ни жито къ нимъ не идяше ни отколѣ же, и посла Гюргеви (отецъ Андрея) мужи своя, и пояша Ростислава Гюргевича, и посадиша Новогородьци съ великою честью Новѣгородѣ на столѣ своего ему отца. П. С. Р. Л. стр. 17.

окончаніемъ военныхъ дѣйствій. Нельзя не замѣтить также, что, въ слѣдъ за разсказомъ о дороговизнѣ, лѣтописецъ дѣлаетъ немедленно же слѣдующій переходъ: «и вздумали Новогородцы, показали путь Князю Роману, а къ Князю Андрею послали за миромъ на всей волѣ своей.»

Такова была связь между враждою Новгорода къ Андрею и поклономъ его предъ тѣмъ же Княземъ. Ключъ отъ воротъ, чрезъ которыя шла обширная торговля Новгорода съ Сѣверо-Восточною Русью и Азіей, и чрезъ которыя Новгородъ получалъ жизненные припасы, былъ въ рукахъ Боголюбскаго: сей послѣдній могъ затворить и, кажется, затворилъ этѣ ворота, по крайней мѣрѣ, для подвоза въ Новгородъ жизненныхъ припасовъ, и поставилъ тѣмъ Новгородъ въ затруднительное положеніе. [51] Это обстоятельство по-

[51] Въ самыхъ договорныхъ грамотахъ, относительно свободнаго вывоза хлѣба и другихъ произведеній изъ Восточной Руси въ Новгородъ, мы встрѣчаемъ выраженіе «затворить, или отворить ворота.» Такъ, въ договорной грамотѣ 1318 года: «А гости всякому гостити безъ рубажи, а ворота ти отворити, и хлѣбъ ти пустити, и всякой ти гость пустити въ Новгородъ.» № 14. Въ договорной грамотѣ 1426 года (№ 18) встрѣчаемъ то же самое выраженіе. Въ грамотѣ 1317 года: «А какъ возмешь Князь и двѣстѣ, тако ему пустиши хлѣба и всякой гость.» Въ 1215 году недовольство Сѣверо-Восточной Руси и остановка чрезъ то подвоза жизненныхъ припасовъ повлекли за собою страшныя послѣдствія— голодъ и моръ: «Тои же осени много зла ся сотвори, поби мразъ обилье по волости, а на Тържьку все цѣло бысть. И зая Князь вършь на Тържьку, не пусти въ городъ ни воза; и послаша по Князя (Ярослава, который удалился изъ Новгорода, недовольный на него, и который теперь дѣйствовалъ въ отношеніи Новгорода, какъ врагъ, и не пускалъ туда ни воза хлѣба).... и кого послаша, и Князь прія. А Новѣгородѣ зло бысть вельми: кадь ржи купляхуть по десяти гривенъ, а овса по три гривнѣ, а рѣпѣ возъ по 2 гривьнѣ; ядяху люди сосновую кору, и листъ липовъ, и мохъ. О горе тогда, братье, бяше! дѣти своѣ даяхуть одьрень. И поставиша скудельницю, и наметаша полну. О горе бяше! По търгу трупіе, по улицямъ трупіе, по полю трупіе, не можаху пси изъѣдати человѣкъ; а Вожане помроша, а останъкѣ разъидеся. И тако, по грѣхомъ нашимъ, разъидеся власть наша и градъ нашь.... И бысть Новѣгородѣ печаль и въпль.» Пол. Соб. Р. Л., т. III, стр. 33. Ниже мы приведемъ еще нѣсколько данныхъ, которыя показываютъ, что Новгородъ не могъ обойтись безъ хлѣба Восточной Руси. Между другими товарами, получаемыми Новгородомъ для себя и заграничной торговли изъ Владимиро-Ростовскихъ земель, были: медъ, воскъ, ленъ и хмель.

рождало страшное противорѣчіе въ самихъ Новгородцахъ: они хотѣли высвободить свои выгоды изъ подъ вліянія Великаго Князя, а между тѣмъ ихъ важный интересъ былъ совершенно въ волѣ сего Князя, и они видятъ невозможность полнаго высвобожденія, — и кланяются Князю. Вотъ отношенія ихъ къ Боголюбскому, когда они обратились къ нему съ просьбою о назначеніи имъ Князя. Мощно и всѣми силами они борятся противъ Владиміро-Ростовскаго Князя, когда Боголюбскій стремится силою подчинить Новгородцевъ волѣ своей, стремится заставить ихъ признать въ себѣ главу свою, и одерживаютъ надъ Андреемъ верхъ; но, поставивъ себя въ положеніе независимое отъ Князя Владимирскаго въ этомъ отношеніи, доказавъ ему на дѣлѣ, что не страшатся силъ его и могутъ бороться съ нимъ успѣшно; однимъ словомъ, лишивъ Андрея надежды подчинить ихъ силою, они приносятъ все остальное на жертву: сами же первые обращаются къ Князю Владимирскому съ предложеніемъ о мирѣ; принимаютъ изъ рукъ его въ Князья-правители сначала Рюрика, потомъ сына его, Георгія, а въ Посадники, своего бѣглеца, Боярина Жирослава. [52] Роля новаго начала замѣчательна во всѣхъ этѣхъ отношеніяхъ Новгорода къ Боголюбскому. Нѣтъ сомнѣнія, что,

[52] Первый поклонъ Новгорода (1170 г.) не могъ удовлетворить Андрея. По Софійской Лѣтописи, условіемъ мира Новгородцы предложили Андрею—назначить имъ Князя, который бы правилъ Новгородомъ, по волѣ самого Новгорода: подобнаго условія духъ новой жизни, съ которымъ такъ согласовался природный мощный характеръ Андрея, не могъ вынести, и Новгородцы видимо ошиблись въ своемъ расчетѣ: Андрей отказался отъ Новгорода въ пользу Рюрика, который, не пробывъ въ Новгородѣ и двухъ годовъ, тайно оставилъ его. * Посылая вторичный поклонъ (1172 г.) Владиміро-Ростовскому Князю, Новгородцы уже видимо дѣлаютъ уступку, отказываются отъ права на назначеніе Посадника, соглашаясь, вопреки своему желанію, принять въ Посадники Боярина, назначеннаго Андреемъ, вмѣсто бывшаго у нихъ тогда, Ивана Захарьевича: Присла (Андрей) Жирослава посадницать съ мужи своими. Послѣ того только Андрей далъ имъ въ правители сына своего, Георгія, и Новогородцы, успокоивъ такимъ образомъ Андрея, чтобъ примириться вполнѣ съ нимъ и имѣть Посадникомъ желаннаго ими, отправляютъ для переговоровъ самаго Архіепископа Илію Ходи Арьхіепископъ... къ Андрею на вьсю правьду. Тъгда же и даша опять посадницьство Иванькови Захарінцу.

* Соф. I, стр. 164, и Лавр. 155: выбѣже Рюрикъ изъ Новгорода. Новгор. I: иде Рюрикъ изъ Новгорода. Ипатьев: выйде Рюрикъ изъ Новгорода.

имѣя представителемъ своимъ въ Новгородѣ сторону Торговую, онъ въ самомъ началѣ войны съ Андреемъ долженъ былъ ясно видѣть, что война сія повлечетъ разстройство въ торговлѣ Новгородской, въ торговлѣ его собственной, но, не смотря на то, онъ является въ этой войнѣ совершенно слитымъ съ началомъ старымъ, и вмѣстѣ съ нимъ мощно борется противъ полчищъ Андрея. Ясно, что дума о Княжеской власти, отъ которой онъ не могъ оторваться, не достигала того развитія, чтобъ онъ призналъ въ этой власти волю полную, независимую, и уничтожилъ бы въ этой волѣ древній порядокъ, подчинилъ бы ей докняжескихъ Бояръ, чего онъ, по видимому, такъ добивался, какъ добивались и достигали этого другія части Государства.

Да, подобнаго развитія, до котораго достигали другія наши области, не было въ Новгородѣ; въ противномъ случаѣ минута войны Боголюбскаго была бы благопріятнѣйшею для новаго начала: недовольство на старый порядокъ вещей должно бы было соединиться тогда съ видами на утвержденіе порядка новаго, находившаго могучую опору себѣ въ силахъ Князя Владиміро-Ростовскаго; ибо онъ походомъ своимъ желалъ только установить въ Новгородѣ такой же порядокъ въ помыслѣ о Князѣ, какой утверждался въ Сѣверо-Восточной Руси, желалъ подчинить жизнь высшему началу, а съ тѣмъ вмѣстѣо граничить докняжескихъ Бояръ въ ихъ произволѣ, и, ограничивъ этотъ произволъ, давъ силу новому помыслу, онъ, конечно, далъ бы просторъ новому началу и въ его торговыхъ предпріятіяхъ. Новое начало въ Новгородѣ ни сколько не походитъ на новое начало развившееся въ Сѣверо-Восточной Руси, въ лицѣ Володимирцевъ, а потомъ въ лицѣ Москвитянъ; онъ не стремится сдѣсь подъ покровъ

---

[53] Замѣчательно, что образъ Знаменской Божіей Матери, которому Новогородцы приписали все торжество побѣды своей надъ дружинами Андрея, составляетъ святыню торговой стороны, гдѣ и устроенъ, въ память побѣды, Знаменскій храмъ (въ настоящее время великолѣпный соборъ), въ которомъ и нынѣ этотъ образъ находится. Пол. Соб. Рус. Лѣт. т. III, стр. 228: Поставлены быша двѣ церкви каменныхъ: Знаменіе Пресвятѣй Богородицы, на Ильинѣ улицы, повелѣніемъ Владыки Моисея и всего Новогородскаго сонмища людей, послѣ чудеси спустя 185 лѣтъ и тогда, молитвами Пресвятыя Богородицы, веліе чудо сотворися въ Великомъ Новѣградѣ, что Новгородскіе людіе рыбу руками имаша у брега, сколко кому надобно...

Князя, а, напротивъ, встрѣчаетъ полчища Андрея съ чувствомъ страшно враждебнымъ. И по чему? По чему онъ забываетъ при этомъ и недовольство свое противъ стараго порядка, и временныя выгоды торговли своей съ землями Владимиро-Ростовскими? И чего жь онъ искалъ? Онъ искалъ, по видимому, новаго порядка, и теперь не только не поддерживаетъ этотъ порядокъ, а самъ мощно противодѣйствуетъ утвержденію его: онъ кичливъ и въ отношеніи новаго порядка, какъ кичливъ въ отношеніи порядка стараго; онъ ищетъ не покрова жизни, а вождя, который утвердилъ бы его въ исключительныхъ торговыхъ выгодахъ, и для этого готовъ жертвовать какъ старымъ, такъ и новымъ, порядкомъ; ему нуженъ не порядокъ, а исключительныя выгоды, и въ Князьяхъ своихъ онъ хочетъ видѣть не болѣе, какъ вождей къ достиженію этой-то исключительности. Утвердивъ власть свою надъ Новгородомъ, Андрей не могъ бы допустить этой исключительности, какъ совершенно несогласной съ народнымъ помысломъ о Княжеской власти, и въ выгоды Новгородскихъ торговцевъ вошли бы другіе подданные Князя Владимирскаго. Сего-то всего больше страшится Торговая Сторона. Чтобъ избѣжать этого столкновенія областныхъ выгодъ, вообще дорогихъ и для другихъ частей древней Русіи, Новгородъ имѣлъ другой путь заикнуться отъ прямаго вліянія срединной Княжеской власти утвержденіемъ на престолѣ своемъ одной Княжеской вѣтви: это былъ общій путь древней Руси; но и этотъ путь требовалъ жертвъ, а Новгородъ, увлекаясь выгодами, не хотѣлъ ни чѣмъ жертвовать. Въ этомъ направленіи своемъ, въ періодъ Татарскій, онъ высказался яснѣе; тогда онъ ревнуетъ къ своимъ выгодамъ не только подданныхъ Великаго Князя, но и самаго Великаго Князя: обязываетъ его особой договорной статьей не имѣть, для продажи собственныхъ лавокъ въ Новогородскомъ Нѣмецкомъ гостинномъ дворѣ, а весь товаръ, привозимый отъ него для заграничнаго сбыта и складываемый въ этомъ дворѣ, продавать посредствомъ ихъ же, Новогородскихъ торговцевъ; [54] далѣе не имѣть при этомъ дворѣ своихъ собственныхъ полицейскихъ чиновниковъ (приставовъ), не вмѣшиваться въ

---

[54] А въ Нѣмечкомъ дворѣ тебѣ, Княже, торговати нашею братьею.—Въ первый разъ это условіе появляется въ договорной грамотѣ 1270 г., и потомъ постоянно повторялось въ грамотахъ до самаго паденія Новгорода. Пол. соб. гр. и дог. т. I, №№ 3, 6, 7, 8, 15, 20.

назначеніе времени, въ которое можетъ, и въ которое не можетъ, производиться въ ономъ торговля, т. е., поставить наблюденіе за порядкомъ въ этомъ дворѣ за самими же Новгородцами. [55] Въ этихъ видахъ Торговая Сторона выговариваетъ у Князя также другое условіе, именно, чтобъ пошлины, которыя онъ получалъ съ земли Заволоцкой натурой, были отвозимы не прямо въ Великое Княжество, а чрезъ Новгородъ, т. е., продавались не кому другому, какъ ей же, или, по крайней мѣрѣ, чтобъ Князь не могъ свободно располагать продажею пошлинныхъ произведеній и, продавая ихъ въ другомъ городѣ, гдѣ могло бы быть болѣе соперничества при покупкѣ, возвышать этѣмъ соперничествомъ цѣны на произведенія; наконецъ, даже прямо выговариваетъ за собою право на исключительную покупку этѣхъ произведеній. [56] Мало этого: пользуясь владычествомъ Монголовъ, Сторона эта успѣла ограничить власть Великихъ Князей по торговлѣ своей не только въ Новгородѣ, но и въ самомъ Великомъ Княжествѣ: свобода и выгода ея торговли опредѣлена была сдѣсь Ханскою грамотою, которую Новгородскіе торговцы исходатайствовали себѣ у враговъ нашей родины. [57] Вотъ чего страшится

---

[55] А двора (Нѣмечькаго) ти не затворяти, и Приставовъ не приставливати.—Тамъ же. Въ договорной съ Иваномъ III, 1471 года, это условіе уже выражено ограниченнѣе, и первая половина его: «а дворъ ти не затворити», выпущена.

[56] А за Волокъ ти слати своего мужа изъ Новгорода въ дву насаду по пошлинѣ, а опять ѣхать туды же на Новгородъ, и съ пизу ти не слати, такоже и въ Бѣжицѣ. Тамъ же №№ 6, 7, 8 (съ Мих. Яросл. 1305 г). Въ слѣдующей за тѣмъ (№ 9), заключенной съ Михаиломъ же Ярославичемъ въ томъ же 1305 г.: А за Волокъ ти своего мужа не слати, слати Новогородца; а тебѣ серебро взяти. Въ договорѣ съ тѣмъ же Княземъ 1307 г.: А за Волокъ ти, Княже, своего мужа не слати, продаяти дань своя Новогородцю (№ 10). Въ 1317 г. это условіе замѣнено слѣдующимъ: А за Волокъ ѣздити судьи, како пошло, по Новогородской пошлинѣ (Тамъ же, съ Мих. Ярос.).

[57] А гости нашему гостити по Суждальской землѣ безъ рубежа, по Царевѣ грамотѣ (тамъ же №№ 6, 7, 8, 15). Въ 1375 уже иначе: А гости гостити съ обѣ половинѣ безъ рубежа. Еще прежде того, въ 1327 году, прибавлено: А Суждальскому гости гостити въ Новгородѣ безъ рубежа, безъ пакости. Уже смиренный предъ Иваномъ III, Новгородъ все еще напоминаетъ ему о Ханской грамотѣ. Въ договорѣ съ нимъ, 1471 года, говоритъ: А гостемъ гостити безъ рубежа по Царевой грамотѣ. См. П. собр. грам. и дог. т. IV, стр. 107 и 108.

и вотъ чего добивается Торговая Сторона, эта представительница въ Новгородѣ новаго начала. Вещественныя выгоды—ея жизнь, цѣль жизни, цѣль всѣхъ желаній, всей дѣятельности, ея Богъ. Она противодѣйствуетъ старому порядку по тому, что, какъ будьто бы, надѣется на возстановленіе новаго; между тѣмъ противодѣйствуетъ и новому порядку, какъ противодѣйствуетъ порядку старому: она кичлива, она дѣйствуетъ беззаконно, она разрушаетъ всякій порядокъ въ стремленіи своемъ къ стяжаніямъ, къ вещественнымъ выгодамъ: и порядокъ старый, продолженіе существованія котораго утверждено было самимъ Ярославомъ, и порядокъ новый, который долженъ бы былъ водвориться въ Новгородѣ въ помыслѣ о Князѣ, двигавшемъ событіями во всѣхъ остальныхъ частяхъ тогдашней Руси.

По этому, старое докняжеское начало, казалось, по основнымъ своимъ стремленіямъ, находилось въ враждебныхъ отношеніяхъ къ началу новому, между тѣмъ въ дѣйствительности почти совершенно сливалось съ нимъ въ отношеніи Княжеской власти: новое начало, въ лицѣ Торговой Стороны, видимо стремилось придать помыслу о Князѣ только такое значеніе, чтобъ подъ покровомъ его хранить однѣ вещественныя выгоды отъ стѣсненій со стороны докняжескихъ Бояръ. То и другое начало, та и другая сторона, добиваются, хлопочутъ, напрягаются, чтобъ поддержать исключительное свое господство, одна въ торговлѣ, другая въ управленіи, и только тогда, какъ выгоды ихъ сталкиваются, онѣ становятся въ враждебныя отношенія между собою; во всемъ остальномъ онѣ остаются безразличными другъ къ другу, и каждое начало идетъ, въ этомъ отношеніи, свободно къ осуществленію своихъ цѣлей. По этому новое начало, ревнуя страшно всѣхъ въ стремленіи овладѣть сколько ни будь его вещественными выгодами, не думаетъ обнаруживать ни малѣйшей ревности къ докняжескимъ Боярамъ, когда сіи послѣдніе, какъ живой еще обломокъ отъ древняго патріархальнаго военнаго быта, всюду преобразовывавшагося въ помыслѣ о Княжеской власти, стремятся поддержать древнее свое значеніе, узаконенное за нимъ самимъ Ярославомъ, и уничтожаютъ слѣды новой жизни въ Новгородѣ, которая искала ихъ внѣ вновь подчинить ихъ помыслу о Княжеской власти. По этому, рядомъ съ упомянутыми статьями, коими Торговая Сторона обезпечивала за собою исключительность торговли, мы читаемъ въ договорахъ Новгород-

цевъ съ Великими Князьями статьи, коими утверждалось исключительное господство докняжескихъ Бояръ по пользованію выгодами, сопряженными съ господствомъ надъ всею Новгородскою областью, исключительное господство, которое ревнуетъ Князей къ этѣхъ выгодахъ, подобно торговцамъ, до самого ничтожнаго. Согласно этѣмъ статьямъ, ни Князь Великій, ни Княгиня, ни Бояре и Дворяне Великаго Князя, не имѣли права пріобрѣтать въ Новгородской области селъ, какимъ бы то ни было образомъ, даже не имѣли права удерживать ихъ за собою, если бъ получили ихъ въ даръ: этѣмъ правомъ собственно пользуются одни Бояре Новгородскіе, а Князь не можетъ имѣть даже Дворянской собственности посреди земель Новгородскихъ: Бояре исключаютъ его въ семъ случаѣ со всѣми его Великокняжескими Боярами и Дворянами.[58] Князь пользуется лишь опредѣленными дарами, судебными пошлинами; онъ не имѣетъ даже права свободно охотиться въ земляхъ Новгородскихъ, или разъѣзжать по онымъ;[59] самое мѣсто для сѣнокосовъ ему опредѣлено[60] и проч. Уступая требованіямъ новой жизни, старое начало столь же мало раскрылось для воспріятія помысла о Князѣ въ другихъ отношеніяхъ: правда, не спорило съ Княземъ, не могло спорить о верховности КняжескагоСуда, но, стремясь сохранить свое древнее значеніе въ землѣ Новгородской, оно явилось подлѣ Князя-Судіи, въ лицѣ избраннаго своего старшаго Боярина, подъ именемъ Посадника, и Князь безъ этого Посадника не могъ

[58] Основная форма этого исключенія выразилась въ договорныхъ грамотахъ слѣдующимъ образомъ: А въ Бѣжичахъ тебѣ, Княже, ни твоей Княгинѣ, ни твоимъ Боярамъ, ни твоимъ слугамъ, селъ не держати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новогородской. Пол. соб. гр. и догов. томъ 1. Новогор. догов. 1265, 1270 и 1305 гг. По особымъ случаямъ эта форма измѣнялась, но сущность ея оставалась та же: Князья отказывались за Княгинь и за всѣхъ своихъ подданныхъ и отъ земель уже пріобрѣтенныхъ въ области Новогородской. Тамъ же №№ 6, 7, 8, 9, 12 и др.

[59] А въ Русу ти, Княже, ѣздити на третьюю зиму, по грамотѣ дѣда твоего, Ярослава; а лѣтѣ на озвадъ звѣрій гонитъ. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара, по грамотѣ дѣда своего, Ярослава, а въ Ладогу, Княже, ѣздити на третьее лѣто. Пол. соб. грам. и дог. томъ 1, №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8 и др. Это условіе встрѣчается даже въ договорныхъ грамотахъ съ Иваномъ III, 1471 года.

[60] Соб. госуд. гр. и дог. т. 1, №№ 1, 2 и 3, 1265 и 1270 гг.

дать рѣшенія ни по какому дѣлу. Новое начало не ревновало докняжескихъ Бояръ и въ этомъ, допустивъ вносить его торжественно въ договоръ съ Великими Князьями. Оно свободно допускало также докняжескихъ Бояръ устранять волю Князей въ назначеніи для разныхъ частей Новгородской области правителей изъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу Новгородцевъ, когда, въ видахъ вліянія своего вообще на назначеніе этѣхъ правителей даже изъ Новгородцевъ, старое начало сопротивоставило и сдѣсь волѣ Князя своего Боярина Посадника, который могъ дать и не дать согласіе на таковое назначеніе. Вотъ начала, которыми опредѣлялись отношенія Новгорода къ Андрею Боголюбскому и вообще къ Великокняжеской власти.

Всеволодъ, братъ Андрея, заступившій его мѣсто и престолъ на Сѣверѣ, какъ мы уже замѣтили, геніяльно пользуется своимъ выгоднымъ положеніемъ. Онъ не думаетъ назначать походовъ противъ Новгорода: это значило бы сосредоточить ихъ вокругъ ихъ языческаго божества, заставить ихъ дать клятву умереть за это божество; нѣтъ, онъ только показалъ Новгородцамъ, что ихъ божество въ его рукахъ, что онъ не позволитъ имъ поклоняться этому божеству, пожать богатыя даянія его прежде, чѣмъ не поклонятся ему самому и, въ лицѣ его, самой новой жизни; дѣйствовалъ въ исполненіи этого плана искусно, мощно, — и Новогородцы кланялись ему, склоняли главу свою предъ новою жизнію, чтобъ имѣть только счастіе узрѣть языческое божество свое и приблизить къ себѣ его высокія даянія.

Подобной искусной политики Новгородъ, очевидно, не ожидалъ, по чему долго не хотѣлъ вѣрить ей: не было кругомъ ни какой вещественной силы, которая стѣсняла бы его: онъ былъ господиномъ самаго себя у себя дома, и Всеволодъ утверждалъ за нимъ это право правительственно. Стоя въ подобномъ положеніи, какъ Русскій необразованный человѣкъ, какъ Русскій мужичекъ, Новгородъ думалъ кичиться по прежнему, торговаться съ Великимъ Княземъ.

Принявъ отъ Всеволода Князя Ярослава Владимировича, Новгородцы, какъ хозяева, какъ хранители грамотъ, дарованныхъ имъ предкомъ нашихъ Князей, удалили его на слѣдующій же годъ въ Волокъ Ламскій, и призвали къ себѣ на престолъ врага и соперника

Великаго Князя по Великокняжескому престолу, а послѣ смерти его, послѣдовавшей не далѣе какъ черезъ годъ, признали своимъ Княземъ его брата, Ярополка, тоже врага Великаго Князя. Они, конечно, ждали, что Всеволодъ, изъ духа соперничества въ назначеніи для Новгорода Князей, также какъ изъ опасенія видѣть на Новгородскомъ престолѣ врага своего, будетъ искать въ Новгородцахъ, и сдѣлаетъ имъ уступки въ тяжелыхъ для нихъ требованіяхъ новой жизни, если не откажется отъ этѣхъ требованій почти совершенно. Попытка, однако жь, не удалась. Всеволодъ не предъявилъ своихъ притязаній на назначеніе въ Новгородъ Князя, не вошелъ даже въ сношенія съ Новымъ Городомъ, а захватилъ торговцевъ, бывшихъ по своимъ дѣламъ, въ Великомъ Княженіи, и въ то же время двинулъ силы для занятія Торжка, этого ключа Новгородской торговли съ Восточными областями Россіи.

Одна первая мѣра заставила уже Новгородцевъ сдѣлать въ торгу съ Великимъ Княземъ немедленно же уступку: прежде, чѣмъ Торжокъ былъ взятъ, врага Великаго Князя не было уже на Новгородскомъ престолѣ: Новгородцы указали ему путь, остановившись, однако жь на мысли, что одно соперничество, по назначенію въ Новгородъ Князей правителей, дастъ имъ возможность удержать Всеволода въ своей волѣ; и по этому ожидаютъ подобнаго предъявленія со стороны Всеволода, сами не шлютъ къ нему пословъ о назначеніи имъ правителя Князя, а призываютъ къ себѣ, сначала Романа Смоленскаго, потомъ Мстислава, изъ земель Кіевскихъ, наконецъ сына Князя Черниговскаго, Владимира. Въ семъ послѣднемъ призваніи видимо мелькаетъ у Новгородцевъ снова мысль застращать Всеволода связью своей съ Княземъ Черниговскимъ, его сильнымъ врагомъ. Въ этѣхъ же, конечно, надеждахъ и видахъ, они снова приняли къ себѣ въ Торжковскіе правители помянутаго Ярополка, врага Великаго Князя; въ этѣхъ же надеждахъ и видахъ они высылали помощь Князю Черниговскому, когда онъ пошелъ войною противъ Великаго Князя. Но Всеволодъ выдержалъ себя и здѣсь, какъ нельзя лучше: не входилъ въ сношенія съ Новгородцами, не притязалъ на назначеніе отъ себя Князя въ Новгородъ; уклонился отъ рѣшенія ссоры своей съ Княземъ Черниговскимъ битвою; сохранилъ силы свои, свое значеніе, какъ сосѣда сильнаго въ отношеніи Новгорода, и потомъ, когда Князь Черниговскій, за разли-

тіемъ рѣкъ, долженъ былъ удалиться, Всеволодъ началъ сосредоточивать свои силы, и въ слѣдующій за тѣмъ годъ осадилъ Торжокъ, и, послѣ пятинедѣльной осады, взялъ его приступомъ, сжегъ, и Князя Ярополка и Торжковскихъ обывателей увелъ съ собою въ плѣнъ. Вторая попытка — торговаться съ Великимъ Княземъ также, не удалась, и Новгородцы, указавъ отъ себя путь сыну Князя Черниговскаго, просили уже Всеволода о назначеніи къ нимъ Князя; мало того, приняли [61] отъ него на Княженіе того же самого Ярослава, котораго далъ имъ Всеволодъ въ 1176 году и котораго они не хотѣли держать у себя въ Новгородѣ, отославъ его въ слѣдующій же за тѣмъ годъ въ Волокъ Ламскій. Теперь Новгородцы полно торговаться съ Великимъ Княземъ: они послушны волѣ его; теперь они, не довольные снова Ярославомъ, не смѣютъ указать ему путь, дѣйствуютъ чрезъ самаго Великаго Князя: самъ Всеволодъ выводитъ его изъ Новгорода; но эта уступчивость, со стороны Всеволода, основанная, какъ видно изъ всего, на томъ глубокомъ соображеніи, что Новгородцы не могутъ выйти изъ подъ руки его, что ихъ стремленіе къ вещественнымъ выгодамъ возвратитъ ихъ снова и добровольно подъ его руку, эта уступчивость перетолкована была, какъ это очевидно, не настойчивостію Всеволода удерживать Новгородъ въ зависимости отъ себя, въ случаѣ, если Новгородцы будутъ наружно высказываться къ нему покорностію и уваженіемъ; и по тому съ выводомъ Ярополка, не просятъ у Всеволода назначить имъ новаго Князя, а призываютъ Мстислава, сына Смоленскаго Князя, Давида. [62] Какъ дѣйствовалъ при этомъ случаѣ Всеволодъ, лѣтописцы не оставили ни какихъ свѣдѣній; но что онъ въ кругу своего Княжества дѣйствовалъ, и дѣйствовалъ сильно, противъ ихъ вещественныхъ выгодъ, въ томъ нѣтъ ни какого сомнѣнія: это было бы не согласно съ свойствами сего Князя, съ его взглядомъ на отношенія къ Новгороду; и спустя четыре года послѣ

---

[61] 1182 года.

[62] 1184. Нов. I, стр. 18: Выведе Всеволодъ, приславъ, своякъ своя изъ Новгорода Ярослава Володимирица; негодовахуть бо ему Новгородьци, зане много воряху пакостиволости Новогородстѣй; и съдумавъше Новогородьци, послашася Смольньску къ Давидови, просяще сына у него; и вда имъ Мьстислава, и приведоша й Новугороду, и посадиша й на столѣ.

того Новогородцы указали путь Мстиславу Давидовичу, и снова поклонились Всеволоду, съ просьбою о назначеніи къ нимъ Князя; но что замѣчательнѣе, снова приняли изъ рукъ его того же Ярослава Владимировича, два уже раза оставлявшаго ихъ; и въ продолженіи десяти лѣтъ держали его на престолѣ, и только въ 1195 году искали смѣны его; однако жь не смѣли указать ему путь изъ Новгорода, боясь, конечно, Всеволода, котораго уклончивость поняли теперь, убѣдившись, что эта уклончивость только есть орудіе политики твердой и неуклончивой. Ходатайствуя чрезъ особое посольство о смѣнѣ Ярослава, они уже не думали теперь искать себѣ Князя мимо Всеволода: чрезъ то же посольство они просятъ Великаго Князя дать имъ на княженіе сына. Нужно еще при этомъ замѣтить, что Новогородцы дѣйствовали столь смиренно въ то время, когда шла вражда между Великимъ Княземъ и Князьями Черниговской системы, т. е., что Новгородцы, имѣя возможность, однимъ призваніемъ на свой престолъ котораго ни будь изъ Князей Черниговской системы, противоставить этихъ Князей Князю Великому и по собственнымъ своимъ выгодамъ, и соединить силы свои съ силами Князей Черниговскихъ противъ Всеволода. Новгородцы испытали уже подобное средство для освобожденія себя изъ подъ вліянія Всеволода, и знали, что оно безуспѣшно: по этому-то они не только не думаютъ воспользоваться теперь враждою Черниговскихъ Князей къ Князю Великому, но даже, по требованію Всеволода, выводятъ силы свои, для поддержанія выгодъ Великаго Князя противъ Князя Черниговскаго. Такъ хитро умѣлъ Всеволодъ опутать Новгородцевъ ихъ же собственной политикой, устремленной къ вещественнымъ выгодамъ и жертвующей всѣмъ для этѣхъ выгодъ: онъ зналъ, что этѣ выгоды — душа Новгорода въ его рукахъ, и маня ими Новгородцевъ, заставлялъ ихъ исполнять свою волю, смиряться предъ ней. Самое удержаніе пословъ Новгородскихъ, ходатайствовавшихъ у Великаго Князя о выводѣ изъ Новгорода Ярослава и о присылкѣ на княженіе одного изъ сыновей Великокняжескихъ, Новгородцы перенесли, по видимому, съ полнымъ смиреніемъ. Ярославъ оставался у нихъ по прежнему Княземъ; новое посольство ихъ не тревожило уже Великаго Князя просьбою о смѣнѣ Ярослава, а ходатайствовало только объ освобожденіи первыхъ пословъ своихъ; мало того, въ это же время они не смѣли отказать Великому Князю въ высылкѣ дружинъ сво-

ихъ, для поддержанія его въ войнѣ противъ Князей Черниговской системы; [63] только послѣ того, какъ Всеволодъ, возвратившись изъ Черниговскаго похода, не удовлетворилъ и въ послѣдней ихъ просьбѣ, давъ лишь свободу одному изъ бывшихъ въ первомъ посольствѣ, а другихъ, въ томъ числѣ Посадника, по прежнему удерживая у себя, только тогда Новгородцы рѣшаются дѣйствовать въ отношеніи назначеннаго Всеволодомъ Князя, какъ они дѣйствовали въ отношеніи другихъ Князей, и указали ему путь; но и это было однимъ невыдержаннымъ порывомъ затаенныхъ настоящихъ отношеній Новгорода къ Великому Князю: они увидали послѣдствія, и преклонились снова предъ волею Всеволода, безъ борьбы противъ нихъ со стороны сего послѣдняго. Великій и на этотъ разъ не выводилъ дружинъ своихъ противъ самого Новгорода, для возстановленія пріобрѣтеннаго имъ на самомъ дѣлѣ права: онъ закрылъ только Новгородцамъ входъ въ ихъ языческій храмъ, и этого было достаточно вполнѣ для того, чтобъ Новгородцы явились предъ нимъ съ смиреніемъ. [64] Просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ безъ Князя, они хотя и обращались съ просьбою къ Князю Черниговскому о назначеніи къ нимъ сына Ярополка, но едва только успѣлъ прибыть къ нимъ Ярополкъ, какъ они указали ему путь, и сами же просили Всеволода о назначеніи къ нимъ того же Ярослава, отъ котораго они не разъ старались избавиться. Сдѣсь мы не можемъ не замѣтить, что хитрая по наружности политика Всеволода имѣла въ сущности другой характеръ, сливаясь совершенно съ покойнымъ, величавымъ, полнымъ сознанія, державствомъ Русскаго властителя, и была ни чѣмъ инымъ, какъ необходимымъ плодомъ полной увѣренности въ незыблемости и величіи власти державно-княжеской. [65] Всеволодъ не удовлетворился

---

[63] А Новогородцемъ повелѣ (Всеволодъ) ити на Лукы. Идоша съ Ярославомъ, и сѣдевъше на Лукахъ, воротишася домовь. Нов. I, стр. 23.

[64] Иде Князь Ярославъ (послѣ изгнанія своего изъ Новгорода) на Новый Торгъ, и пріяша й Новоторжьцы съ поклономъ... княжяше на Търъжьку въ своей волости, и даци поима по всему Върху, л Мьстѣ и за Волокомъ възьма дань, а Новгородцѣ измавъ Всеволодъ за Волокомъ и по всей земли своей, держаше у себе, не пустя ихъ Новугороду.

[65] Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что жизнь Восточной Руси невольно налагала на Всеволода этотъ величавый характеръ.

однимъ посольствомъ, назначеннымъ для испрошенія на престолъ Ярослава, и не послалъ Ярослава въ Новгородъ, а, напротивъ, вызвалъ его изъ самаго Торжка, и, какъ видно изъ Лѣтописи, не-требовалъ, или ждалъ, посольства болѣе торжественнаго. Это посольство, состоя изъ первыхъ Новгородскихъ Вельможъ, и прибыло вскорѣ за первымъ во Владиміръ, для того, чтобъ торжественно принять изъ рукъ Великаго себѣ Князя въ Новгородъ. Съ той же торжественностію, согласно волѣ Всеволода, Новгородъ долженъ былъ, въ 1199 году, принять къ себѣ на княженіе малолѣтняго сына его, Святослава. [66] Всеволодъ дѣйствуетъ покойно, величаво, не выходитъ изъ своей роли; его власть священна и истинна; онъ не увлекается радостію при первой возможности распространить эту власть; не принимаетъ покорности, просто изъявленной, и требуетъ, ожидаетъ, чтобъ признаніе его воли, его власти, было изъявлено со всею торжественностію, чтобъ покорность предъ нимъ была покорностію предъ властію истинною и священною; не прихоть, не гордость, требуетъ этого торжественнаго изъявленія покорности, а самая власть, которую новая жизнь земель Ростово-Владимірскихъ стремится окружить величіемъ, торжественностью; здѣсь говоритъ сознаніе, вѣра новой жизни, о незыблемости, святости Княжеской власти: понятія незнакомыя, чуждыя жизни Новогородской, которая стремится обратить всякую власть въ орудіе своихъ вещественныхъ выгодъ, составляющихъ божество для Новгорода. И Новгородъ, удовлетворяя Всеволода торжественнымъ признаніемъ его надъ собою власти, противорѣчитъ самому себѣ, дѣйствуетъ противъ начала своей жизни, вводится насильно въ начало новой жизни. Его призваніе къ себѣ на престолъ Князя уже не честь теперь для самого Князя; напротивъ, дарованіе Новгороду Князя составляетъ теперь милость, особую честь самому Новгороду, оказываемую со стороны Великаго Князя, милость и честь, которыя снискиваются Новгородомъ торжественною покорностію предъ волею Великаго Князя. Уступая времени, Всеволодъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ Нов-

[66] За Святославомъ, согласно волѣ Великаго Князя, были посланы самъ Архіепископъ и Новогородскій Посадникъ, съ лучшими Новогородскими мужами. Нов. I, стр. 24: Прислав Всеволодъ, выведе Ярослава изъ Новагорода, и веде й къ собѣ; и изъ Новгорода возва Владыку и Посадника Мирошку и вячьшіи мужи по сынъ...

городу является въ полномъ смыслѣ властителемъ новой жизни, Княземъ съ неограниченною властію; и покорность Новгорода предъ нимъ была покорностію предъ новою жизнію, хотя и исходила совершенно изъ другого начала, нежели изъ какого развивалась она въ остальныхъ частяхъ Руси. Князь Новогородскій былъ теперь не болѣе, какъ Намѣстникъ Великаго Князя, который могъ смѣнить его во всякое время, по собственному своему желанію, не спрашиваясь Новогородскаго вѣча, и Новгородъ безмолвно покоряется въ этомъ отношеніи предъ Всеволодомъ. Назначивъ въ 1197 году въ Новгородъ Ярослава, Всеволодъ чрезъ два года вызвалъ Ярослава, и на его мѣсто назначилъ малолѣтняго своего сына, Святослава; въ 1205 году, на мѣсто Святослава, послалъ въ Новгородъ старшаго своего сына, Константина; въ 1208 году онъ далъ Новгороду правителемъ опять Святослава. При такомъ положеніи дѣлъ воля Всеволода не могла не быть закономъ Новгороду и въ другихъ отношеніяхъ: она дѣйствительно была такова. Это положительно подтверждаютъ слѣдующія данныя. Въ 1208 году, тамъ, гдѣ раздавались шумныя вѣча, разрѣшавшіяся часто, въ думахъ своихъ, дикостію, кичливостію противъ порядка и всякой власти, тамъ Новгородцы, покорные волѣ Великаго Князя, казнятъ одного изъ своихъ собратовъ, по ихъ понятіямъ невиннаго, и виновнаго, по понятіямъ только новой жизни. [67] Изъ разсказа лѣтописца подъ 1209 годомъ видно также, что Всеволодъ облагалъ Новгородцевъ даже данями и повинностями по своей волѣ. [68] Участіе Новгородцевъ въ походахъ Великаго Князя противъ враговъ его говоритъ совершенно согласно съ двумя приведенными событіями, именно о томъ, что Всеволодъ сдѣлалъ волю свою закономъ для Новгорода. [69]

Приде Лазорь, Всеволожь мужъ, изъ Володимиря, и Борисе Мирошкиниць: повелѣ убити Ольксу Сбыславиця на Ярославли дворѣ, и убиша й безъ вины, въ суботу, Марта въ 17, на Святого Альксія, а заутра плака Св. Богородиця у Св. Якова, въ Неревьскѣмъ конци. Нов. I, стр. 30.

См. ниже.

Кромѣ двухъ походовъ, о которыхъ мы упоминали выше, Новгородцы, исполняя волю Великаго Князя, участвовали въ походѣ противъ Рязанскихъ Князей.

Опутанный своими вещественными выгодами, Новгородъ низко клонилъ тогда главу свою предъ Великимъ Княземъ; но бесѣдуя съ самимъ собою, онъ то утопалъ въ горѣ, то скрежеталъ зубами и терзалъ въ какомъ-то отчаяніи самаго себя: стремленіе къ вещественнымъ выгодамъ, подавленное Всеволодомъ, смиряясь предъ Княземъ Великимъ, искало простора, а новая жизнь для Новгорода была только извнѣ, чуждая, тягостная ему, подчиняющая страсти, коими исполнена была душа Новогородца, какому-то высшему покойному и строгому началу; жизнь, подавляющая ихъ. Разсказавъ о казни Алексѣя Сбыславича, совершенной Новогородцами, какъ мы выше замѣтили, въ исполненіе воли Великаго Князя, казни несправедливой, по понятіямъ, свойственнымъ началамъ жизни Новогородской, лѣтописецъ выразилъ тревогу души Новогородской, пробужденную этѣмъ событіемъ, слѣдующими словами: «а заутра плака Святая Богородиця у Святого Якова, въ Неревьскѣмъ конци.» [70] Вотъ какъ глубоко трогательно было тогда положеніе Новогородцевъ, по разсказу ихъ лѣтописца, что самое небо изронило слезу надъ ними! Въ 1209 году эта внутренная тревога Новгорода высказалась движеніемъ, въ которомъ не виднѣлось уже слѣдовъ религіознаго созерцанія и чаянія, а напротивъ слѣды одной неводдѣльной, дикой страсти, столь разрушительно колебавщей постоянно жизнь Новгорода. Сдѣсь Новгородъ является опять самимъ собою, и подавленная Всеволодомъ страсть исходитъ дико и бурно на просторъ. Не смѣя коснуться прямо стѣснительной для нея власти Всеволода, она разразилась страшною, всеразрушающею грозою надъ Посадникомъ, надъ его дѣтьми и братьями-приверженцами, или друзьями. Она буйно кричала на вѣчѣ, что не самъ Всеволодъ виноватъ въ томъ, что стѣсняетъ ихъ въ вещественныхъ выгодахъ, облагаетъ ихъ податями и повинностями, а виноваты Посадникъ и его братья-приверженцы, обуяла собой всѣхъ Новгородцевъ, бросилась съ вѣча къ жилищу этѣхъ виновныхъ, разграбила домы приверженцевъ Посадника, испепелила его отцовскій домъ, испепелила

---

[70] Въ лѣтописи разсказъ о казни отдѣленъ отъ сего послѣдняго разсказа точкою, но первое слово послѣдняго разсказа начинается не большою буквою, слѣдовательно, точка сдѣсь поставлена вмѣсто точки съ запятой, какъ и въ другихъ мѣстахъ; самый противоположный союзъ: «а», соединяющій оба разсказа, указываетъ на внутреннюю связь ихъ.

его собственный домъ; отчудила отъ его отца, отъ него самаго недвижимыя имѣнія, самую челядь; захватила всюду принадлежащія имъ несмѣтныя движимыя имущества, раздѣливъ оныя между Новогородцами; конфисковала всѣ богатства ихъ, состоящія въ долгахъ, представивъ оныя своему Князю, сыну Всеволода; готова была броситься на мертвое тѣло Посадника, привезенное въ родную сторону изъ Владимира, [71] для того, чтобъ свергнуть его въ волны Волхова, но была удержана отъ этого Архіепископомъ; далѣе, изгнала изъ Новгорода дѣтей и двухъ друзей, или родственниковъ, Посадника, заточивъ ихъ, чрезъ своего Князя, въ землѣ Великокняжеской; наказала другихъ приверженцевъ Дмитрія несмѣтнымъ количествомъ денегъ. Буйно гуляла тогда страсть Новогородская, долго задерживаемая въ самой себѣ. Она разразилась надъ семьей Посадника и близкими ему, но въ сущности направлена была противъ распоряженій, которыя выносили сокровища изъ языческаго храма Новагорода, принося ихъ въ жертву новой жизни Христіанской. [72] Власть Всеволода надъ Новгородомъ явно держалась извнѣ, и не могла найти мѣста въ жизни Новогородской, гдѣ бы она прочно бросила корень свой: двѣ жизни, исходившія совершенно изъ противоположныхъ началъ, начала языческаго и начала Христіанскаго, ни сколько не мирились между собою, а, напротивъ, при видимомъ наружномъ единствѣ, стояли другъ къ другу въ страшно враждебныхъ отношеніяхъ. Явленіе Мстислава Мстиславича въ земляхъ Ново-

---

[71] Посадникъ Дмитрій Мирошкинскій умеръ во Владимирѣ на Клязьмѣ, отъ раны, полученной во время похода съ Новогородцами противъ Рязанскихъ Князей.

[72] Нов. I, стр. 30. Новгородьци же, пришьдъше Новугороду (изъ Рязанскаго похода), створиша вѣче на Посадника Дмитра и на братью его: яко ти повелѣша на Новгородьцихъ сребро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую и повозы возити, и все зло. Идоша на дворы ихъ грабежьмъ, а Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша, а житіе ихъ поимаша, а села ихъ распродаша и челядь, а скровища ихъ изъискаша и поимаша безъ числа, а избытъкъ раздѣлиша по зубу, по 3 гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потаи похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаеть, и отъ того мнози разбогатѣша; а что на дъщькахъ, а то Князю оставиша. Того же лѣта привезоша Дмитра Мирошкинича мьрътвого изъ Володимиря, и погребоша й у Св. Георгія въ манастыри, подьлѣ отчя; а Новгородьци хотяху съ мѣста съврещи, нъ възбрани имъ Архіепископъ Митрофанъ.

городскихъ вполнѣ подтверждаетъ это. Пусть Мстиславъ не былъ тайно призванъ самими Новогородцами, пусть самъ онъ вызвался на борьбу противъ Всеволода, это совершенно все равно: съ его явленіемъ вся многолѣтняя покорность Новогородцевъ предъ Всеволодомъ исчезла, какъ сонъ. Новгородъ явно ждалъ Князя-витязя, который бы далъ просторъ ихъ страстямъ, избавилъ бы отъ стѣснительныхъ, для страстей, началъ новой жизни, избавилъ бы ихъ отъ власти Всеволода. Мстиславъ только воспользовался этѣмъ настроеніемъ. По этому-то прежде, нежели сѣлъ на Новгородскій престолъ, прежде даже, нежели явился въ Новгородъ, онъ могъ такъ легко задержать въ Торжкѣ дружину Святослава. [73] Вотъ по чему, когда онъ изъ Торжка послалъ сказать Новогородцамъ: «Кланяюся Святой Софіи и гробу отца моего и всѣмъ Новогородцамъ: пришелъ я къ вамъ за тѣмъ, что слышалъ о насиліи вамъ, и этотъ слухъ пробудилъ ко мнѣ сожалѣніе,» Новогородцы немедленно же отрядили почетное за нимъ посольство съ словами: «Поиде, княже, на столъ!» по этому же они немедленно послѣ того задержали самаго Святослава въ домѣ Архіепископа на все время, какъ сказано въ лѣтописи, «пока будетъ продолжаться управа съ отцемъ его,» т. е., Всеволодомъ; по этому же весь Новгородъ обрадовался прибытію Мстислава, слился вокругъ него, составилъ мгновенно огромное ополченіе противъ Великаго Владимирскаго Князя; [74] вотъ по чему опять до самой смерти Всеволода Мстиславъ такъ легко устранялъ всякое вліяніе Великаго Князя на Новгородъ. Напрасно, по этому же, думаютъ, что какой-то небывалый духъ южной Руси отразился, въ лицѣ Мстислава, въ этой борьбѣ: она вся двигалась въ духѣ самаго Новгорода, а Мстиславъ дѣйствовалъ здѣсь въ томъ же духѣ, какъ дѣйствовали всѣ тогдашніе Князья, въ томъ числѣ и самъ Всеволодъ, т. е., въ духѣ областномъ, который, развиваясь, преображалъ другія части Руси, готовя ихъ свободнѣе войти въ составъ Государства самодержавнаго. Если бы это было иначе, то не только самостоятельность Новогородской области, но и всѣхъ

---

[73] Сынъ Великаго Князя, правившаго въ это время Новгородомъ.

[74] Приде Мьстиславъ въ Новъгородъ, и посадиша и на столѣ отци; и ради быша Новъгородьци; и поиде Мьстиславъ съ всѣмъ пълкомъ на Всеволода.... Новгород. I, стр. 31.

безъ исключенія областей, на которыя распадалась тогдашняя Русь, даже самостоятельность Великокняжескихъ Владимиро-Ростовскихъ земель, должна бы была считаться незаконною; но законность ея для всѣхъ областей признавалъ неразвитый еще духъ всей тогдашней Руси, и Всеволодъ приводилъ не въ повиновеніе отшатнувшихся Новогородцевъ, а, пользуясь выгодными обстоятельствами, только мало по малу покорялъ ихъ, и по этому нигдѣ и никогда онъ самъ не намѣкалъ на то, что они обязаны повиноваться ему вполнѣ, какъ своему настоящему законному Государю-властителю, а, напротивъ, не разъ показывалъ имъ, что они, подобно другимъ областямъ, пользуются своею самостоятельностію. По этому-то онъ, когда Новогородцы, въ 1184 году, просили его о выводѣ изъ Новгорода назначеннаго имъ Князя, онъ вывелъ его, оставивъ имъ свободу просить себѣ властителя у другихъ областныхъ Князей; точно также онъ призналъ эту самостоятельность Новогородской области при заключеніи, въ 1197 году, мира съ Черниговскимъ Княземъ, ни сколько не присвоивая себѣ правъ властителя надъ Новгородскою областію, а, напротивъ, утверждая за нею право на призваніе къ себѣ Князей изъ той или другой области, по ея собственному желанію; [15] въ 1209 году, послѣ участія Новогородцевъ въ его походѣ на Князей Рязанской системы, Всеволодъ высказался къ нимъ точно такимъ же образомъ, одаривъ ихъ за участіе въ походѣ безъ числа: онъ далъ имъ волю всю и уставы старыхъ Князей, такъ что предоставилъ имъ управляться самими собою, задержавъ въ то же время ихъ Князя, сына своего, Константина, у себя, во Владимирѣ, какъ будьто бы уже ненужнаго для Новогородской воли; [16] по этому же, когда въ 1210 году Новогородцы воспользовались этою областною самостоятельностію и, вмѣсто власти Всеволода, признали надъ собою власть Мстислава, Всеволодъ не думалъ поддерживать обшир-

---

[15] Нов. I, стр. 23... Новгородъ выложиша вси Князи въ свободу, кдѣ имъ любо, ту же собѣ Князя поимають.

[16] Нов. I, стр. 30. А Новогородьци пусти съ Коломна Новугороду, одаривъ безъ числа, и вда имъ волю всю и уставы старыхъ Князь, его же хотѣху Новогородьци, и рече имъ: «Кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните!» а со собою поя сына своего, Костянтина, и Посадника Дъмитра, стрѣлена подъ Проньскомъ а вятьшихъ 7.

ныя права свои, вынужденныя имъ у Новгородцевъ къ тому времени, или права на исключительную покорность Новгорода Князьямъ Владимиро-Ростовскимъ; а, ясно видя необходимость враждебнаго столкновенія двухъ областныхъ самостоятельностей въ случаѣ подобныхъ настояній, искалъ лишь, чтобъ временное, добровольное отреченіе, сдѣланное было Новгородцами отъ этой самостоятельности, въ слѣдствіе его искусной политики, не потревожило самостоятельности его собственной области; по чему, высвободивъ своего сына, задержаннаго въ Новгородѣ, онъ безъ малѣйшей борьбы оставилъ Новгородъ за Мстиславомъ и захваченнымъ торговцамъ Новгородцамъ предоставилъ свободу.[77] Кромѣ того, какъ Мстиславъ, такъ и другіе Князья, при тогдашнихъ, неразвитыхъ, еще Государственныхъ порядкахъ, не могли смотрѣть[78] на неправильное движеніе Новгорода къ исключительности, какъ на движеніе противугосударственное и незаконное, когда самъ же предокъ ихъ, Ярославъ, даровалъ Новогороду особыя права и преимущества, которыя и поддерживали это движеніе. Да, въ настоящемъ дѣйствіи Мстислава мы не можемъ видѣть ни чего особеннаго: оно исходило изъ общаго начала, было въ полномъ смыслѣ своевременно, а по тому законно, какъ своевременно и законно было признаніе его своимъ Княземъ со стороны Новгорода. Но куда шелъ Новгородъ, пользуясь въ настоящемъ случаѣ своими правами и опираясь на военный талантъ Мстислава, это другое дѣло, другой вопросъ, который мы и постараемся разрѣшить далѣе, въ настоящемъ же трудѣ; а теперь повторимъ только, что Новгородъ шелъ туда подъ полнымъ вліяніемъ собственныхъ своихъ началъ, а не подъ вліяніемъ Мстислава, не подъ вліяніемъ ободреній Мстислава противъ жизни новой, которая зародилась и поддерживалась для всего Государства, для всѣхъ областей, долго и долго въ думахъ и жизни Южной Руси, которую

[77] И поиде Мьстиславъ съ всѣмь пълкомь на Всеволода, и быша на Плесків, и присла къ нему Всеволодъ: «Ты ми еси сынъ, а азъ тебѣ отець: пусти Святослава съ мужи и все, еже засѣдпалъ, исправи, азъ гость (гостей, купцевъ) пускаю и товаръ;» и пусти Мьстиславъ Святослава и мужи его, а Всеволодъ пусти гость съ товары, хрестъ цѣловаста и миръ възяста. И приде Мьстиславъ въ Новъгородъ. Новгород. I, стр. 31.

[78] См. ниже.

винятъ современные изслѣдователи въ развитіи ложнаго направленія въ думахъ Мстислава. *)

Такъ Всеволодъ не произвелъ внутренняго преобразованія въ жизни Новогорода, а политикою своей умѣлъ заставить Новогородцевъ невольно подчиниться началамъ новой жизни и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ признавать этѣ начала законными для Новгорода. Дѣйствовалъ онъ такимъ образомъ не во имя Великаго Князя, а единственно какъ сильный сосѣдъ и какъ властитель тѣхъ земель, чрезъ которыя скоплялись въ Новгородѣ огромныя богатства и связь съ которыми была Новгороду необходима даже для устраненія голода въ своей области. Одно и то же начало скрывалось какъ въ самой покорности Новогородцевъ предъ Всеволодомъ, такъ и въ движеніи ихъ противъ него, съ прибытіемъ въ Торжокъ, а потомъ и въ самый Новгородъ, Мстислава Мстиславича—начало вещественныхъ выгодъ. Новогородцы уступали Всеволоду, по тому что они не имѣли у себя Мстислава, и по тому, что неудовлетвореніе ими Всеволода, ссора съ нимъ, повлекли бы за собой совершенное разстройство торговли ихъ съ землями Владимиро-Ростовскими и чрезъ этѣ земли; получивъ же теперь возможность попользоваться всѣми выгодами сей торговли, безъ всякихъ уступокъ, они немедленно воспользовались этѣмъ, отказавшись не только отъ дальнѣйшихъ уступокъ въ пользу новой жизни, но даже отъ сдѣланныхъ же ими. Вещественныхъ выгоды теперь—единственный живой двигатель ихъ жизни, ихъ властитель, ихъ богъ. Торговая Сторона, которая сначала, по видимому, была представительницею новой жизни въ Новгородѣ, развившись въ своемъ финансовомъ началѣ, страстно стоитъ теперь около стяжанныхъ ею сокровищъ, трепетно смотритъ вдаль на сокровища, которыя она можетъ сдѣлать своими, и, въ напряженной думѣ о сокровищахъ, гаснутъ въ ней думы о новой жизни; она врагъ новой жизни, если новая жизнь усиливается прикоснуться къ ея сокровищамъ, хотя сдерживаетъ себя въ порывахъ вражды, если эта вражда можетъ нанести еще болѣе сильный ударъ ея любимой думѣ, страстно любимому ея дѣтищу. Въ движеніи противъ Посадника, его родныхъ и близкихъ, въ дви-

---

*) Таковъ Г. Соловьевъ.

ніи противъ Всеволода, вы не различаете ни сколько Торговой Стороны отъ стороны Софійской: новое начало и начало старое совершенно сливаются сдѣсь и дѣйствуютъ, какъ при Андреѣ, чрезвычайно страстно противъ новой жизни, одушевляемые духомъ о сокровищахъ. Такъ положительно было въ минуты критическія; но въ минуты болѣе покойныя слѣдъ думы о новой жизни, однако жъ, обозначается еще въ жизни Торговой Стороны, даже въ Княженіи Всеволода. Въ 1195 году, когда Всеволодъ потребовалъ, чтобъ Новогородцы выступили походомъ на помощь къ нему противъ Князей Черниговскихъ, это требованіе нашло отвѣтъ въ Торговой Сторонѣ: докняжескіе Бояре не ополчились, по этому требованію, а одна только Торговая Сторона, вмѣстѣ съ гридьбою и огнищанами. [80] Правда, и эта видимая покорность предъ волей Всеволода, по соображенію всѣхъ данныхъ, могла исходить не изъ сочувствія къ новой жизни, а изъ страха, въ которомъ держалъ Всеволодъ весь Новгородъ, и который могъ сильнѣе дѣйствовать на корыстолюбивыхъ торговцевъ, нежели на докняжескихъ Бояръ; за всѣмъ тѣмъ движеніе противъ Ярослава въ 1196 году и указаніе ему пути изъ Новгорода, по сказанію лѣтописца, не для всѣхъ Новогородцевъ было радостнымъ событіемъ; напротивъ, одни только злые радовались этому, а люди добрые изъявляли сожалѣніе. [81] Не забудемъ при семъ, что это былъ тотъ Ярославъ, о которомъ, подъ 1184 годомъ, лѣтописецъ говоритъ, что на него негодовали Новогородцы, за сіе (по тому что) много пакости творяху области Новогородской; который оставлялъ уже Новгородъ и возвратился въ него единственно по волѣ Всеволода: удаленіе этого-то Князя, явно дѣйствовавшаго несогласно съ старыми началами Новогородской жизни, поддерживаемаго только политикою Всеволода, пробуждаетъ сожалѣніе между извѣстною частію Новогородцевъ, которую лѣтописецъ отличаетъ отъ другой именемъ добрыхъ: это событіе замѣчательное въ исторіи Новогородской, кто бы ни входилъ въ составъ этѣхъ добрыхъ

[80] Позва Всеволодъ Новгородьцѣ на Чьрниговъ... и не отпьрѣшася ему, идоша съ Князем Ярославъмь, огнищане и гридьба, и купци...

[81] И съдумавше Новгородьцѣ, и показаша путь изъ Новагорода, и выгнаша и на Гюргевъ день, осень, Ярослава Князя; иде Князь Ярославъ... и желяху по немъ въ Новѣгородѣ добріи, а зліи радовахуся. Тамъ же.

юдей, т. е., лица ли Софійской, или лица Торговой, Стороны, или ѣ и другіе вмѣстѣ, и вотъ настоящее значеніе его. Одни не люіятъ Ярослава, но не за то, что онъ стѣснялъ добро въ области Іовогородской; нѣтъ, люди добрые жалѣютъ объ его удаленіи: онъ е давалъ простора злу старины, и злые настояли на изгнаніи его, акъ показываетъ самъ лѣтописецъ. Теперь мы понимаемъ, въ каомъ родѣ надѣлалъ много зла Ярославъ и въ 1184 году, когда не отѣли его видѣть правителемъ Новогородскимъ. Ясно изъ этого бнаруживается, что въ Княженіи Всеволода требованія новой жизни находятъ еще себѣ отвѣтъ между извѣстною частію Новогородевъ, или, по выраженію лѣтописца, между людьми добрыми. Не будемъ, по этому, отвергать, что этѣ-то люди добрые имѣли вліяніе а то, что Новгородъ долгое время уступалъ волѣ Всеволода; однао жь вліяніе ихъ вообще должно было быть слабо: они не предпринимали ни чего, не противодѣйствовали злымъ, не высказывались противъ злыхъ мощно въ минуты рѣшительныя: въ этѣ минуы господствовала дума однихъ злыхъ. Мѣра, принятая Всеволоомъ, въ слѣдъ за изгнаніемъ Ярослава въ 1196 году, для того, чтобы снова возвести его на Новогородскій престолъ и удержать такимъ бразомъ Новогородцевъ въ своей волѣ, была его общею мѣрою и жазываетъ, что Торговая Сторона, если не вся, то значительнѣйею частію входила въ части злыхъ или готова была уже войти: ъ захватилъ Новогородцевъ въ землѣ своей, которые не за чѣмъ угимъ находились тамъ, какъ по дѣламъ торговымъ, и, слѣдовально, принадлежали къ Торговой Сторонѣ. Дѣйствовать же такимъ разомъ Всеволодъ не могъ, если бъ Торговая Сторона была за вую жизнь, состояла бы изъ однихъ добрыхъ, которые сожалѣли ъ изгнаніи Ярослава и о нарушеніи чрезъ это воли самаго Всеюда. И такъ есть полное основаніе предполагать, что этѣ люди брые, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, составляли собой особе отъ самой Торговой стороны, по чему мы и смотримъ на исполніе Торговою Стороною воли Всеволода, вызвавшей ихъ на подъ противъ Черниговскихъ Князей, какъ на плодъ страха, а не ъ на стремленіе къ поддержанію новой жизни.

Напряженіе, въ которомъ держалъ выгоды Новогородцевъ Всеюдъ, или лучше духъ и политика срединной Россіи въ княжеі Всеволода, а потомъ сына его, Георгія, какъ это мы объ-

ясним ниже, было, однако жъ, не по силамъ Новгороду, хотя Новгородъ и выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ. Оно-то, по нашему мнѣнію, играло одну изъ важныхъ ролей въ странномъ, уродливомъ, раздвоеніи Новгорода въ 1215 году. Ярославъ, братъ Георгія, князя тогда въ Новѣгородѣ, дѣйствовалъ въ духѣ отца своего, и вдругъ, по желанію, или только при содѣйствіи брата своего, Георгія, задумалъ заставить Новогородцевъ силою подчиниться требованіямъ новой жизни. Въ это время на его сторонѣ мы видимъ многихъ Новогородцевъ, которые, вмѣстѣ съ дружинами Ярослава и брата его, Георгія, ополчились противъ своихъ же братьевъ, Новогородцевъ. Что же заставляетъ ихъ дѣйствовать такимъ образомъ? Были ли это добрые, которые, наконецъ, подобно Владимирцамъ, воспрянули и стали подъ знамена новой жизни, развернуться Ярославомъ и Георгіемъ, давши обѣтъ утвердить власть Княжескую въ Новгородѣ, или положить за нее свои головы, лѣтописецъ умалчиваетъ объ этомъ. Пораженный страшной картиной враждебнаго стремленія Новгородцевъ противъ Новгородцевъ же, враждебнаго стремленія, выступившаго за предѣлы вѣроятности даже для воображенія пріобыкшаго къ враждѣ Новогородскихъ началъ, лѣтописецъ не оправдываетъ ни ту, ни другую сторону, останавливаясь всѣмъ вниманіемъ на самой картинѣ: «Страшное и дивное чудо совершается тогда, о братія! Сынъ идетъ на отца, братъ на брата, рабъ на господина, господинъ на раба!» [42] Что было причиною такого страшнаго внутренняго раздора, какія желанія и думы оживляли обѣ враждующія стороны, объ этомъ лѣтописецъ не говоритъ ни слова. Подробности же этого поразительнаго явленія заключались въ слѣдующемъ:

---

[42] Новгор. I, стр. 34. Ярославъ же поиде съ Торжку, поимавъ старѣйшіе му[жи] съ собою Новгородьстіи и молодыхъ изборомъ, а Новотържьци вси, и при[де] Переяславлю, и скопи волость свою всю, а Гюрги свою, Володимеръ так[оже], а Святославъ такоже, и выиде изъ Переяславля съ пълкы, и съ Новгород[ьци] и съ Новотържьци. Оле страшно чюдо и дивно, братье! Поид[оша] сынове на отця, братъ на брата, рабъ на господина, господ[инъ] на рабъ... Мьстиславъ же,... узрѣша пълки стояща, и посласта Ла[рю] Сочьскаго къ Гюргю... посласта къ Ярославу, глаголюще: «Пусти мужи [наши] Новгородьци и Новотържьци!»

Ярославъ, братъ Георгія, какъ видно изъ всего, не мирился душей съ жизнью Новгорода; и не мудрено: онъ взросъ въ другой обстановкѣ, напитался въ этой духомъ новой жизни. Дальнѣйшія отношенія его къ Новгороду положительно говорятъ, что онъ стремился стѣснить докняжескихъ Бояръ въ правѣ суда, и дать въ этомъ дѣлѣ просторъ новой жизни; но держался ли онъ вообще Стороны Торговой, противобоярской, или принялъ свои мѣры противъ Бояръ уже въ послѣдствіи, когда занимающій насъ раздоръ оконченъ былъ битвою, этого рѣшить не возможно, хотя первое предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, судя по дурнымъ отношеніямъ его къ Боярамъ. Въ самомъ началѣ перваго вступленія его на Новгородскій престолъ, онъ былъ пораженъ нѣкоторыми явленіями, вызвавшими его къ строгимъ мѣрамъ: онъ задержалъ какого-то Якуна Зуболомца и Новоторжковскаго Посадника, Ѳому, заковалъ ихъ и сослалъ въ Тверь; тогда же онъ собиралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ противъ Тысяцкаго Якуна, и въ слѣдствіе сего вѣча былъ разграбленъ домъ сего чиновника и задержана его жена; явленіе на другой день къ Князю самаго Тысяцкаго повлекло за собою еще новое задержаніе, именно и самаго Тысяцкаго. Въ слѣдъ за тѣмъ обыватели извѣстной части города, входившей въ составъ Софійской Стороны, убили какого-то Овстріата и, сына его, Луготу, бросивъ трупы ихъ въ греблю, извѣстіе о чемъ Князь принялъ съ прискорбіемъ, и былъ, какъ будьто бы, не въ состояніи даже выносить этой душной, вѣчно напряженной, враждующей среды: онъ оставилъ Новгородъ и удалился въ Торжокъ, съ твердымъ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, утвердить оттуда господство новой жизни надъ дикою и необузданною жизнью Новгорода. При отъѣздѣ онъ взялъ съ собою многихъ Бояръ: въ Торжкѣ онъ обласкалъ, одарилъ ихъ, и потомъ отпустилъ въ Новгородъ.[83] Три посольства къ нему Новгородцевъ, съ призваніемъ въ Новгородъ, не только остались безуспѣшными, но всѣ, участвовавшіе въ сихъ посольствахъ, были задержаны Ярославомъ, въ томъ числѣ и Новгородскій Посадникъ, Георгій Ивановичъ, съ братомъ своимъ, Георгіемъ,

---

[83] Не сомнѣваемся, что дѣйствуя такимъ образомъ, Ярославъ надѣялся на разладицу, въ которой жили между собою Новгородскіе Бояре, и расчетъ его, какъ увидимъ ниже, былъ не совершенно ошибоченъ.

онъ готовилъ Новгороду рѣшительную борьбу. Чѣмъ разрѣшилась бы эта тяжба двухъ противоположныхъ жизней, безъ явленія своего посреди Новогородцевъ Мстислава, мы не будемъ догадываться; но съ явленіемъ Мстислава жизнь старая мгновенно стала подъ его знамя. Тогда Намѣстникъ и дружина Ярослава, остававшіеся въ Новгородѣ, были схвачены и закованы. Въ то же время самимъ Ярославомъ была принята крутая мѣра противъ Новгородскихъ торговцевъ, которыхъ онъ, вмѣстѣ съ другими, захваченными имъ въ Торжкѣ, оковалъ и разослалъ по городамъ земли Владимиро-Ростовской, а товары ихъ, вмѣстѣ съ конями, велѣлъ раздать. Въ это же самое время братъ измѣняетъ тайно брату, сынъ отцу, отецъ сыну, господинъ слугѣ и слуга господину. Противорѣчіе жизни видимо ищетъ благопріятнѣйшаго исхода, и возможность этого исхода находитъ единственно въ открытой, кровавой борьбѣ. Между тѣмъ, можно сказать, за минуту до сей борьбы Новгородцы какъ будьто полны единомыслія. Сторона злыхъ сильнѣе въ нихъ стороны добрыхъ, и послѣдніе безмолвствуютъ, опасаясь, и весьма основательно, безъ совѣщаній и суда быть казнеными за свои мнѣнія, когда въ то же время сами были полны недовольства и готовы были на открытую борьбу противъ злыхъ. Споръ Новгорода долженъ былъ рѣшиться подъ вліяніемъ сторонней силы, и стойкость Георгія и Ярослава даетъ Новогородцамъ, готовымъ скорѣе подчиниться требованіямъ новой жизни, мощь, и, безсильные въ Новгородѣ, они, опираясь на силы внѣшнія, становятся въ открытомъ полѣ лицомъ къ лицу противъ своихъ собратовъ, державшихся старины, рѣшая мечемъ тайную тяжбу свою съ ними. Одна сила, не убѣжденіе, можетъ дѣйствовать въ Новгородѣ, и это положеніе вещей дѣлаетъ изъ Новогородцевъ, стоявшихъ въ открытомъ полѣ друзьями новой жизни, нравственно гнусныхъ рабовъ внутри Новгорода. Они здѣсь обманъ и лицемѣріе: даже дѣти обманываютъ отцовъ и отцы дѣтей, братья братьевъ; всѣ полны согласія съ общимъ движеніемъ Новгорода, а между тѣмъ стараются возмутить это согласіе; * они торжественно клянутся даже именемъ Божіимъ въ единомысліи, въ дружбѣ къ тѣмъ лицамъ, противъ которыхъ и-

* Сто Новгородцевъ отправились отъ Ярослава въ Новгородъ, для того, чтобы тайно дѣйствовать противъ Мстислава и указать ему путь изъ Новгорода.

ять гибель въ душѣ. [85] И это свободные Новгородцы! И это свободный Новгородъ, гдѣ убѣжденіе или дума прячется, какъ тать, лицемѣритъ, обманываетъ, клятвопреступничаетъ. Нѣтъ! Послѣ этого мы положительно можемъ сказать, что эти Новгородцы, скопившіеся подъ знамя новой жизни, не могли быть истинными сынами ея. Но не рѣшаемъ теперь, раздѣляли ли они внутренно ея требованія, состояли ли они изъ однихъ добрыхъ: для насъ и безъ точнаго разрѣшенія этого важнаго вопроса, которымъ мы займемся въ своемъ мѣстѣ, настоящее событіе имѣетъ обширнѣйшее значеніе. Новгородъ напрягаетъ теперь всѣ свои силы, всю мощь, для поддержанія старины, которую новая жизнь извнѣ старается смять, уничтожить: старина для него дорога, старина для него жизнь; и въ то же время самъ же Новгородъ, по видимому, до такой степени тяготится плодами этой старины, или до такой степени враждуетъ противъ нея, или измѣняетъ ей, что разрываетъ религіозно-святыя узы, клянется быть за старину, и—подымаетъ мечъ противъ нея, разрушаетъ семейную и гражданскую связь: братъ идетъ противъ брата, сынъ противъ отца, слуга противъ господина. Внутреннее недовольство противъ старины, или измѣна ей, достигаетъ въ настоящемъ событіи, можно сказать, ужасающаго размѣра. Въ это же время, обращая вниманіе на государственную форму, вы замѣчаете, что помыселъ о Князѣ высится надъ всѣмъ этимъ раздоромъ, и онъ-то одинъ роднитъ между собою противорѣчащія начала Новгорода: обѣ стороны—и враждующая противъ новой жизни, противъ идеи о господствѣ Княжеской власти, и возстающая противъ старины, обѣ онѣ примкнули къ помыслу о новой жизни, и та и другая имѣютъ во главѣ своей Князя—одна Мстислава, другая Георгія; безъ Князя та и другая, враждующія другъ противъ друга, готовыя на страшную, безпримѣрную борьбу, остаются въ видимомъ покоѣ, не предпринимаютъ другъ противъ друга ни чего: мгно-

[86] Лѣтописецъ упоминаетъ о четырехъ Боярахъ, которые дали клятву стоять за старину, и тайно бѣжали въ станъ Георгія и Ярослава. «Побѣгоша къ Ярославу преступницы кресту, цѣловали бо бяху хрестъ честьный къ Мьстиславу съ всѣми Новгородьци, яко всѣмъ одинакымъ быти: Володиславъ Завидаць, Гаврила Игоревиць, Гюрьги Ольксиниць, Гаврильць Милятиниць, и съ женами и съ дѣтьми.» По имени и отчеству называются въ лѣтописяхъ этого времени одни Бояре; въ XIV столѣтіи уже встрѣчаются исключенія, и то рѣдко.

веніе открытой вражды совпадаетъ непосредственно съ мгновеніемъ, когда та и другая примкнули къ помыслу о Княжеской власти, когда та и другая отдали споръ свой на рѣшеніе Князя. [86] Только при непосредственномъ содѣйствіи помысла о Князѣ, только при восприятіи формы новой жизни, Новгородъ признаетъ въ настоящій мгновеніе возможность исхода страшной внутренней борьбы. Такъ онъ дѣйствуетъ вездѣ безъ исключенія: безъ помысла о Князѣ жизнь не можетъ найти въ немъ исхода; безъ помысла о Князѣ Новгородъ безъ воли, мертвъ; но въ то же время какъ здѣсь, такъ и вездѣ и всегда обнаруживается въ немъ недостаточность нравственныхъ силъ для полнаго сознанія и утвержденія помысла новой жизни: онъ самъ чувствуетъ, что одинъ только Князь можетъ водворить миръ въ его жизни, по чему, теряя одного Князя, онъ шлетъ съ призывомъ къ другому; но въ то же время не вѣритъ Князю, слѣдитъ за каждымъ шагомъ его, и этѣмъ недовѣріемъ возбуждаетъ полное недовольство въ самихъ Князьяхъ, заставляя ихъ пренебрегать бытомъ Новгорода и самимъ Новогородскимъ престоломъ, такъ что пребываніе въ Новгородѣ, посреди душной нравственной среды, дѣлалось для Князей невыносимымъ, и они бѣжали изъ нея, а одинъ, раздраженный недовольствомъ Новгорода на его распоряженія, даже далъ клятву бросить Новгородъ на произволъ его собственныхъ страстей, такъ что Новогородцы должны были просить, чтобъ онъ не отказывался отъ правъ своей Княжеской власти. [87] Не завоеваній искала новая

---

[86] Между державшимися старины не обнаруживалось слѣдовъ борьбы противъ новой жизни до тѣхъ поръ, пока не появился между ними Мстиславъ; напротивъ, до того времени они старались показать полную готовность къ миру (три посольства къ Ярославу); между тѣмъ какъ съ явленіемъ Мстислава они дерзко и немедленно же возстали противъ новой жизни; точно тотъ же покой обнаруживала сторона противная до тѣхъ поръ, пока Ярославъ и братъ его, Георгій, не возстали съ своими силами за новую жизнь.

[87] Такъ сдѣлалъ Ярославъ Всеволодовичъ въ 1228 году. Трудно рѣшить, Софійская, или Торговая, Сторона, или обѣ вмѣстѣ, были недовольны судомъ Ярослава; но Ярославъ не вынесъ этого недовольства, и далъ себѣ клятву предоставить Новгородцевъ ихъ же собственному суду и отказался рѣшить дѣло ихъ чрезъ своихъ судей, что, въ свою очередь, встревожило Новогородцевъ и заставило ихъ просить, чтобъ Ярославъ снялъ съ себя эту клятву; ибо, въ противномъ случаѣ, онъ не можетъ быть ихъ Княземъ. Нов. 1, стр. 44. Въ 1222 году Всеволодъ

жизнь въ борьбѣ съ Новгородомъ: она нравственно страдала въ бытѣ его, и невольно вооружалась противъ него мечемъ. Новгородъ былъ родильница, которая мучилась и не могла разрѣшиться отъ бремени: ребенокъ могъ быть спасенъ помощію извнѣ, съ пожертвованіемъ жизнію матери,—и его спасала новая жизнь, увѣренная вполнѣ, что, не пожертвовавъ матерью, она погубитъ и ребенка. Провидѣнію, однако жь, угодно было дать родильницѣ силы еще долго и долго бороться съ этѣми страданіями и надѣяться на спасеніе.

Исходъ настоящей борьбы извѣстенъ: старина взяла верхъ; Георгій и Ярославъ были разбиты на голову, и Новгородъ далъ при этомъ возможность восторжествовать еще старому началу даже въ

Георгіевичъ, котораго Новогородцы старались удержать своимъ Княземъ, тайно бѣжалъ отъ нихъ: «Князь Всеволодъ побѣже въ ноць, утаивъся, изъ Новагорода... Новогородьци же печальни быша о томъ.» Тамъ же, стр. 38. Въ слѣдующій за тѣмъ годъ отказался отъ управленія Новгородомъ Ярославъ Всеволодовичъ, не смотря на просьбы Новгородцевъ, чтобъ онъ продолжалъ править ими: «Поиде Князь Ярославъ, съ Княгынею и съ дѣтьми, Переяславлю; Новгородци же кланяхуться ему: «Не ходи, Княже!» онъ же поиде по своей воли.» Вновь прибывшій послѣ того Князь, помянутый Всеволодъ Георгіевичъ, въ слѣдующій же годъ снова тайно бѣжалъ отъ нихъ: «Поиде Князь Всеволодъ другое изъ Новагорода, въ ноць, утаивъся»... Михаилъ Всеволодовичъ, занявшій послѣ того престолъ Новогородскій, не пробылъ на немъ и года, объявивъ Новгородцамъ торжественно на вѣчѣ, что онъ не хочетъ у нихъ княжить: «Не хочю у васъ княжити... иду Цьрнигову... Новгородци же много умиаша й, молячеся, и не могоша его умолити.» Нов. I, стр. 39 и 41. Припомнимъ при этомъ впечатлѣніе, которое испытывалъ Князь Святославъ Ольговичъ, правя Новгородомъ: «Тягота, брате, въ людѣхъ сихъ; а кого хочешь, того и посылай править ими,» и слова Всеволода Ольговича къ Святополку: «Новгорода не удержать тебѣ; пусть управляются своей силой, или ищутъ себѣ Князя, гдѣ хотятъ;» припомнимъ отвѣтъ внука Рюрика, когда Новогородцы просили у него дать имъ въ Князья котораго ни будь изъ сыновей его: «А развѣ кто можетъ согласиться княжить у васъ?».. припомнимъ и отношенія Новогородцевъ къ Ярославу Великому, когда онъ княжилъ у нихъ. Сдѣсь мы снова замѣтимъ, что, послѣ всего сказаннаго, легко можно понять, по чему Олегъ и потомки Рюрика утвердили постоянное мѣстопребываніе внѣ Новгорода, и оттуда уже правили имъ: почва Новгорода для новой жизни была неплодородная; такъ за чѣмъ же было и сѣять на ней, когда для новой жизни предлагались поля богатѣйшія и въ племенномъ смыслѣ роскошныя?

самомъ Великомъ Княжествѣ. Ростовскіе Бояре, докняжескіе старинные правители значительной части земель, вошедшихъ въ послѣдствіи въ составъ Московской Руси, вспомоществуя Новогородцамъ въ ихъ дѣлѣ, нашли себѣ и въ нихъ отвѣтъ по дѣлу собственному, и, при помощи ихъ, возведя своего Князя, Константина, представителя, подобно Мстиславу, старины, на Великокняжескій престолъ, сдѣлались по прежнему господами земель Владиміро-Ростовскихъ. Старина торжествовала теперь въ Новгородѣ, молилась и преклонялась предъ промысломъ Божіимъ, которому и приписала свое торжество.[88] Теперь она свободнѣй могла итти въ своемъ развитіи, успѣвъ уже въ третій разъ открыто противоборствовать жизни новой, стремившейся на нее изъ Сѣверо-Восточной Руси. Нравственно-мощныя силы новой жизни въ земляхъ Владиміро-Ростовскихъ быстро уничтожили успѣхъ старой жизни среди Великаго Княжества, и снова, въ лицѣ того же Георгія, сына Всеволодова, повели нападеніе на старую жизнь самаго Новгорода; но Новгороду, какъ будьто суждено было испить, для примѣра цѣлой Руси, горькую чашу старины до самаго дна. Прежде нежели новая жизнь успѣла одержать какой ни будь рѣшительный верхъ надъ Новгородомъ, Великій Князь, Георгій, палъ въ неравной битвѣ съ врагами новыми, невѣданными, и думы и силы Великихъ Владимірскихъ Князей должны были надолго послѣ того сосредоточиться не на утвержденіи новой жизни въ Новгородѣ, а на поддержаніи самостоятельности земель Русскихъ, которымъ грозила бѣда со всѣхъ сторонъ: и со стороны Монголовъ, и со стороны Нѣмцевъ, и со стороны Литвы.

Еще въ самомъ началѣ владычества Монголовъ, съ величіемъ и торжественностью раскрылась предъ Новгородцами жизнь новая, въ лицѣ Ярослава Всеволодовича и сына его, Александра Невскаго: жизнь эта могла воспользоваться гибельнымъ положеніемъ, въ ко-

---

[88] По показанію Новогородскаго лѣтописца, не Новогородцы, а сила Божественная поразила, рукою Новогородцевъ, Ярослава и Георгія. По этому же, говоря о такой потери со стороны Новогородцевъ и о множествѣ павшихъ со стороны Ярослава и Георгія, этотъ же лѣтописецъ восклицаетъ: «О великъ, братье, промыслъ Божій!» Нов. I, стр. 35.

торое поставили Новгородъ Нѣмцы, завладѣвшіе уже всѣми Новгородскими землями, лежавшими по ту сторону Чудскаго озера, самимъ Псковомъ, Изборскомъ, Водьскою землею, Лугою, Тесовымъ и передовыми отрядами достигавшими уже самаго Новгорода; однако жь она не думала воспользоваться этѣмъ опаснымъ мгновеніемъ, а, напротивъ, устремила собственныя свои дружины, подъ предводительствомъ Александра, на спасеніе самобытности земель Новгородскихъ, одушевила этѣ дружины силою и бодростію, и спасла самобытность Новгороду и Пскову. Но не великодушіе, не нравственное сознаніе, а преимущественно физическая необходимость склоняла Новгородъ предъ новою жизнею: это благородное и мощное движеніе новой жизни не нашло сколько ни будь живаго отвѣта въ душѣ Новогородца, не оторвало его думъ отъ его идола — выгодъ вещественныхъ, какъ это мы увидимъ ниже въ отношеніяхъ Новгорода къ Невскому, не пробудило въ немъ чувства благоговѣнія предъ свѣтлымъ, благороднымъ движеніемъ Владимирской области. Напротивъ, строптивость младшихъ Новогородцевъ дошла къ сему времени до того, что предъ новою жизнію охотнѣй преклонялись теперь докняжеекіе Бояре, нежели Сторона Торговая, нежели чернь.

Характеръ недовѣрія ни къ кому и ни къ чему, какое-то разложеніе жизни въ отсутствіи всякаго нравственнаго начала, печатлѣются теперь въ Сторонѣ Торговой рядомъ явленій. Ни Василій, сынъ Невскаго, княжившій въ это время въ Новгородѣ, ни Бояринъ, ни Посадникъ, ни высокая личность самаго Невскаго, спасителя Новгородской Руси, ни какая власть не могутъ дать покоя волнующейся страстями Сторонѣ. Не вѣримъ ни кому, не вѣримъ и себѣ: вотъ ея дѣйствительное теперь положеніе. Въ этомъ недовѣріи разрѣшаются узы семьи и религіи, исчезаетъ всякое нравственное единство. Не опережаемъ, однако жь, событія.

Первый предметъ, на который пало недовѣріе, былъ самъ Князь Василій: личность Невскаго не сдержала въ этомъ отношеніи Новгородцевъ Торговой Стороны. Они даже не обратились къ Невскому въ этомъ дѣлѣ; не довѣрили и ему посредническаго рѣшенія между его сыномъ и ими; устранили даже Бояръ въ этомъ рѣшеніи и изгнали Василія. Мало того, Невскій не только не могъ остановить на

себѣ довѣрія мятущихся, но даже самъ заподозрѣнъ былъ ими, какъ лицо, ищущее гибели Новгородцамъ: онъ врагъ ихъ. Противъ Невскаго они выставляютъ брата его, Ярослава, развивая такимъ образомъ семейную ссору послѣдняго до вражды гражданской и дѣлаютъ его главой своей. [80] Когда же Невскій рѣшился силою обуздать ихъ страсти и двинулся къ Новгороду съ войскомъ, Новгородцы сами вооружились, стали около города полками, и въ то же время на вѣчѣ Торговой Стороны раздалися клятвы, стоять до смерти на своемъ, не выдавать Князю никого изъ главныхъ супротивниковъ. Въ этѣхъ клятвахъ, въ этомъ рѣшеніи, младшіе являются совершенно отдѣльными отъ старшихъ: и это рѣшеніе, и этѣ клятвы, принадлежатъ единственно имъ, а Бояре, напротивъ, держатъ сторону Невскаго, хотя, въ ожиданіи Невскаго, наружно сохраняютъ согласіе съ младшими и, вмѣстѣ съ ними, становятся тоже подъ оружіе, какъ будьто бы желая поддерживать ихъ рѣшеніе. Младшіе не обманываются этою наружностію и знаютъ, что въ старшихъ былъ совѣтъ золъ, «яко побити меньшіи, а Князя ввести на своей волѣ.» Еще далеко отъ Новгорода встрѣтилъ Александра перевѣтчикъ Новогородецъ, который, объяснивъ, что Ярославъ бѣжалъ изъ Новгорода, и что Новгородцы остаются безъ Князя, понуждалъ его наступать на Новгородъ быстрѣе. При приближеніи Невскаго къ городу, одинъ изъ Бояръ сдѣлалъ движеніе въ его пользу. Младшіе замѣтили это тотчасъ, пришли въ ярость и готовы были мгновенно стереть съ лица земли этого Боярина и расхитить имущество его: эта дума и рѣшеніе ихъ вызываютъ благороднѣйшую самотверженность со стороны бывшаго въ то время Посадника Ананія: «Братье, аже

---

[80] Во время ссоры съ Великимъ Княземъ, Новгородъ постоянно останавливаетъ вниманіе на Князѣ, находящемся съ Великимъ Княземъ, какъ и здѣсь, при Невскомъ, въ разладѣ. Странно, что ни Карамзинъ, ни спеціально занимавшійся опредѣленіемъ отношеній между Князьями Рюрикова Дома, Г. Соловьевъ, не замѣтили этой разладицы, въ которой былъ Ярославъ съ своими братьями. Въ І-й Новгор. лѣтописи, подъ 1253 годомъ, мы встрѣчаемъ положительное свѣдѣніе объ этой разладицѣ: «Того же лѣта, на зиму, выбѣже Князь Ярославъ Ярославичъ изъ Низовскоѣ земли (Владимиро-Ростовской области), и посадиша его въ Пльсковѣ.» Въ этой же лѣтописи, подъ 1255 годомъ: «Выведоша Новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича, и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша вонъ.» Стр. 55.

того (Михалка Твердиславича) убіете, убійте мене переже!» возразилъ имъ Посадникъ Ананія. Такимъ образомъ младшіе, раздражаясь въ своемъ киченіи сопротивленіями, переходили за предѣлы, въ которыхъ они могли сохранить при себѣ послѣдняго вождя-правителя. Твердая рѣчь Посадника яснѣй обозначала предъ ними ихъ совершенное одиночество и заставила отказаться отъ исполненія рѣшенія или, лучше сказать, отсрочить его, какъ это мы объяснимъ вскорѣ.

При этомъ внутреннемъ разъединеніи, при этомъ одиночествѣ, порывъ страсти младшихъ началъ стихать и въ отношеніи Невскаго, въ особенности, когда Невскій умѣрилъ свое требованіе. Но въ то время, когда стихалъ порывъ, когда Новгородцы отказывались отъ открытой битвы съ Невскимъ, смирялись передъ нимъ, ихъ клятва стоять до смерти и не выдавать Князю главныхъ сопротивниковъ, сдѣлалась игрушкою, и они, не обнаживъ меча, отказались отъ дальнѣйшей защиты Ананіи, когда Невскій, не согласившись на ихъ просьбу—отдать гнѣвъ Ананія, потребовалъ удаленія его съ Посадническаго мѣста: Ананія былъ удаленъ, Ананія, который за нѣсколько, можно сказать, минутъ предъ симъ такъ благородно и твердо высказался предъ ними и слова котораго послушали они даже въ минуту страстнаго своего киченія. За отсутствіемъ нравственнаго начала, страсти и страхъ распалагаютъ жизнію Новгородцевъ Торговой Стороны въ отношеніи къ власти: порывъ остылъ, страхъ взялъ верхъ, и Ананія—не глава ихъ: они отказались отъ него. При подобномъ состояніи ни какая власть Княжеская, или не Княжеская, не могла устояться въ Новѣгородѣ. Опора, которую предлагала теперь власти Софійская Сторона, какъ мы увидимъ ниже, не могла имѣть, и не имѣла, достаточнаго нравственнаго развитія. Даже открытое движеніе въ пользу Невскаго должно быть заклеймено, согласно съ сказаніемъ лѣтописца, именемъ измѣны къ Новгороду, по тому что въ основѣ его лежала не любовь къ порядку, къ стройности, а нелюбовь къ Князю. Но какъ значителенъ, какъ чувствителенъ сталъ перевѣсъ младшихъ въ Новгородѣ, какъ дика, необузданна сдѣлалась ихъ строптивость, этому могутъ служить доказательствомъ еще слѣдующія данныя. Михаилъ Твердиславичъ, о которомъ мы сейчасъ говорили и который рѣшительнѣе другихъ дѣйствовалъ въ пользу Невскаго, по утвержденію снова власти сего Князя въ Новгородѣ, немедленно же былъ назначенъ Посадникомъ, и младшіе, кото-

рые готовы были во время борьбы съ Невскимъ, погубить его, какъ измѣнника, теперь исполняютъ его волю, преклоняются предъ нимъ. Что жь они довѣряютъ теперь Невскому, довѣряютъ Михаилу Твердиславичу? Ни мало! Въ нихъ нѣтъ довѣрія ни къ кому, и Михаилъ Твердиславичъ, спустя два года послѣ своего назначенія, погибъ таки насильственною смертію, во время движенія младшихъ. Не эти ли же младшіе до такой степени вооружили юнаго Князя, Василія, что онъ въ томъ же году, какъ убитъ былъ Твердиславичъ, бѣжалъ предъ отцомъ своимъ? Чего боялся сей юноша Князь, когда шелъ къ Новгороду Александръ съ благою цѣлію удалить угрожающее Новгородской области опустошеніе со стороны Монголовъ, шелъ обложить Новгородцевъ мирнымъ образомъ поголовною данію въ пользу властителей родины? Этому юношѣ Князю, кажется, нечего было бояться, но онъ бѣжалъ въ Псковъ. Какія же причины могли побудить его къ этому? Противъ обложенія поголовною данью сильно воставали младшіе въ Новгородѣ, волновались, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ отказывались отъ послушанія въ этомъ отношеніи волѣ Александра, заставляли его два раза пріѣзжать въ Новгородъ съ послами Монгольскими, для окончанія этого дѣла мирнымъ образомъ, вооружались, готовы были на бой, а въ 1259 году поставили даже въ такое опасеніе самихъ пословъ, что Боярскія Дѣти, сколько ихъ ни было въ Новгородѣ, подъ начальствомъ сына Посадника, должны были, согласно просьбѣ этѣхъ пословъ, охранять ихъ; но страхъ и невозможность борьбы съ Монголами взяли, наконецъ, верхъ, и они согласились на дань. Обращая на это вниманіе и имѣя въ виду, что Василій бѣжалъ предъ отцомъ, въ первый, по настоящему дѣлу, пріѣздъ его въ Новгородъ, кажется, не остается сомнѣнія, что этѣ младшіе настроили думы юнаго Василія на свою сторону, представивъ предъ нимъ волю его отца волею насилія и тиранства, и что Василій, вооруженный этѣмъ противъ отца, не смѣлъ прямо, открыто, дѣйствовать противъ Невскаго, а избралъ средній путь — удалился, чтобъ не быть, вмѣстѣ съ младшими Новгородцами, судьею того, предъ которымъ онъ долженъ былъ благоговѣть, по естественному порядку вещей, или чтобъ, вмѣстѣ съ отцомъ, тираномъ не судить несчастныхъ Новогородцевъ. Такъ попирались святыя семейныя отношенія въ страстной привязанности Новогородцевъ къ земному. Какую же власть, какой порядокъ, какую святыню, младшіе Новогородцы не принесли бы послѣ

этого въ жертву своимъ страстямъ, если они готовы были чернить отца въ глазахъ сына, брата вызывать на брата, изъ клятвы дѣлать игрушку?.. Въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи исторіи Новогородской мы положительно убѣдимся и въ этомъ безсиліи семейнаго чувства, и въ томъ, что клятва была для Новогородцевъ игрушка, т. е., въ религіозно-нравственномъ безсиліи Новгородцевъ.

Въ дополненіе отношеній Новгорода къ Невскому, мы передадимъ еще одно ничтожное, по видимому, но весьма многознаменательное, въ настоящемъ нашемъ изслѣдованіи, событіе. Князь, спаситель Новгорода и подвластнаго ему Пскова отъ порабощенія Нѣмцами, занялъ было въ Новгородѣ сѣнокосы, которыми не пользовались прежніе Князья: Новгородцы оставили за нимъ пользованіе этѣми сѣнокосами; но это занятіе они назвали потомъ насильнымъ завладѣніемъ, и въ договорныхъ грамотахъ съ наслѣдниками Невскаго выговорили, чтобъ этѣ сѣнокосы были отданы обратно въ пользу Новгорода... [90] Какую страшную противоположность представляетъ во всемъ этомъ жизнь новая и жизнь старая! Новгородъ, истинный представитель старой жизни, дрожитъ за малѣйшее пожертвованіе своихъ выгодъ, и въ этомъ чувствѣ ревнуетъ даже Князя-спасителя до бездѣлицы, не довѣряетъ ему, считаетъ его врагомъ своимъ, когда онъ думаетъ мѣрами мирными предупредить опустошенія земли Новгородской; не довѣряетъ ему, когда онъ думаетъ наказать виновныхъ въ изгнаніи сына его, высказываетъ явную нелюбовь къ нему самымъ этѣмъ изгнаніемъ и призваніемъ къ себѣ на Княженіе брата его, Ярослава, отпадшаго въ то время отъ семьи и, слѣдовательно, бывшаго въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Александру. Другой совершенно голосъ слышится со стороны новой жизни; она не говоритъ Новгороду языкомъ Новгорода: область Владимиро-Ростовская сама по себѣ; ей нѣтъ дѣла до твоего опаснаго положенія, въ отношеніи Нѣмцевъ нѣтъ основанія, нѣтъ ни малѣйшей выгоды, дѣлать огромныя пожертвованія для твоего спасенія, тѣмъ болѣе, что она сама пала подъ гнетъ Монголовъ; нѣтъ, языкъ новой жизни другой, и дѣла другія: она исполнила Ярослава и Невскаго любовію, кото-

---

[90] Пол. Соб. Госуд. гр. и дог. т. I, № 1 и 2.

рая не могла умѣститься въ тѣсныхъ рамкахъ областныхъ цѣлей, переливалась чрезъ этѣ грани и дѣлала изъ Новгородцевъ и Псковитянъ для Владимиро-Ростовскихъ земель братьевъ по языку и Вѣрѣ, подвигла Великаго Князя на спасеніе Новгорода и Пскова, исполнила силы и мужества самаго Невскаго при спасеніи имъ этого чуждаго роднаго, исполнила дружины великаго Княжества полною преданностію, полною довѣренностію, къ волѣ своихъ властителей, понесла ихъ бодро въ слѣдъ за Невскимъ на кровавую битву, на смерть, и, жертвуя любимыми сынами своими, при совершеніи святаго долга, спасая Новгородъ и Псковъ отъ порабощенія, не требовала возмездія, не кичилась, а благовѣйно преклонилась предъ исполнителями великаго, и въ этомъ чувствѣ благовѣнія, причла самаго Невскаго къ лику Святыхъ. Сдѣсь, при разсмотрѣніи событій, относящихся до Александра, мы стоимъ уже на той высотѣ, съ которой будущность Новгорода и отношенія его къ Великому Владимиро-Ростовскому Княжеству довольно ясно обозначаются сами собой. Монголы, задержавъ физически развязку этѣхъ отношеній сначала, разовьютъ потомъ въ Сѣверо-Восточной Руси огромныя нравственныя силы для уничтоженія даже самыхъ слѣдовъ жизни старой: рѣшительное столкновеніе ея съ Новгородомъ неизбѣжно. Уже отвѣтъ, который Новгородцы нашли въ земляхъ Владимиро-Ростовскихъ, при совершенномъ стѣсненіи Нѣмцами, отвѣтъ живой, братскій, безкорыстный, благородный, опредѣлялъ взглядъ Князей этой части Россіи на земли Новгородскія, показывалъ, что, не смотря на стремленіе Новгородской области къ областному разрыву съ областію Владимиро-Ростовской, сія послѣдняя единитъ ее съ собою и нравственно уничтожаетъ этотъ разрывъ. При усиленіи Владимиро-Ростовской области, Князья ея не могли не привести этой нравственной живой думы въ дѣйствительное исполненіе. Дума объ этомъ единствѣ живетъ въ Восточной Руси, и въ дальнѣйшей исторіи печатлѣетъ себя въ отношеніи Новгорода дѣйствіями, подобными тѣмъ, которыми высказался къ Новгороду Александръ. Болѣе блистательное дѣло этой думы совершено было сыномъ Невскаго, Дмитріемъ, въ обстоятельствахъ, схожихъ съ обстоятельствами, въ которыхъ находился Новгородъ къ своимъ новымъ сосѣдямъ, Нѣмцамъ, при самомъ Александрѣ, и точно такимъ же образомъ: живое содѣйствіе Сѣверо-Восточной Руси въ продолженіе спора Новгородцевъ и Псковитянъ съ Нѣмцами доказало послѣднимъ всю трудность

въ исполненіи покушеній ихъ на самобытность Сѣверо-Западныхъ нашихъ областей, даже на борьбу съ ними. Новгородъ между тѣмъ въ это же время ни сколько не измѣняетъ основаній своей политики въ отношеніи Владимиро-Ростовскихъ земель. Вещественныя выгоды, какъ мы выше замѣтили, тѣсно связываютъ его съ сими землями: Князья этихъ земель—Князья Новгорода. Слѣдя за духомъ его дѣйствій, мы ни сколько не сомнѣваемся, что онъ готовъ былъ по прежнему призывать къ себѣ на княженіе Князей и изъ другихъ частей Россіи: изъ Кіева, Смоленска, Владимира Волынскаго, или Галича; но всѣ эти Князья были теперь безсильны подать помощь Новгороду, въ случаѣ, если бы онъ вызвалъ къ открытой ссорѣ Великихъ Князей области Владимиро-Ростовской, а эта открытая ссора была бы неизбѣжна, при одномъ призваніи Новгородцами къ себѣ Князя изъ другой части Россіи. Быть можетъ, даже они готовы бы были еще, въ семъ отношеніи, итти на подобную ссору, если бъ выгоды еще болѣе важныя не приковывали ихъ къ Князьямъ Великимъ:—это помощь, которую они получили отъ Владимиро-Ростовскихъ земель въ борьбѣ съ сосѣдями, поставлявшей, или грозившей поставить, ихъ не разъ въ крайне затруднительное положеніе; подобной помощи, во время владычества Монголовъ, они ни откуда не могли получить, кромѣ великаго Княжества. Вотъ по чему Князья Владимиро-Ростовскихъ земель теперь ихъ Князья. Не смотря, однако жь, на эту зависимость отъ Князей Владимиро-Ростовскихъ, Новгородъ по прежнему стремится всѣми силами не допустить ихъ до своихъ областныхъ выгодъ. Сообщенное нами дѣло о занятыхъ Александромъ Невскимъ сѣнокосахъ достаточно опредѣляетъ положеніе Князей къ Новгороду въ этомъ отношеніи. Поддерживая свои выгоды противъ Князей, Новгородцы, согласно съ тѣмъ, дѣйствуютъ иногда и при Ханахъ, противопоставляютъ этихъ Князей одинъ другому, пробуждаютъ между ними ревность. Теперь-то они достигаютъ той исключительности въ отношеніи Князей, черты которой мы представили при объясненіи сихъ отношеній въ княженіе Боголюбскаго. Теперь, въ живомъ стремленіи къ этой исключительности, Новгородцы думаютъ поставить самое Духовенство свое въ отношеніи къ центральной Духовной власти въ ту же, или еще большую, независимость, въ которой стояла уже Софійская и Торговая Стороны къ Князьямъ, и по этому, признавая эту средоточную власть главою своего Духовенства, не хотятъ,

11

однако же, чтобъ эта власть вмѣшивалась въ суды ихъ собственнаго Архіепископа, желаютъ, стараются, поставить его въ семъ отношеніи внѣ власти Митрополита, и только послѣ открытой борьбы отказываются отъ этихъ намѣреній, приведенныхъ ими было въ исполненіе съ торжественнымъ составленіемъ для сего особой грамоты и съ клятвою стоять за это дѣло.[91] Когда же Сѣверо-Восточная Русь обнаруживаетъ твердыя Государственныя начала новой жизни, по которымъ ни какая подобная исключительность не можетъ быть допускаема, и пойдетъ рѣшительно и неуклонно къ утвержденію началъ своихъ во всѣхъ областяхъ, которыя она нравственно единила съ собою, къ утвержденію этихъ началъ въ самомъ Новгородѣ, тогда тщетно ищетъ Новгородъ противопоставить кого ни будь сему открытому движенію Сѣверо-Восточной Руси: Князья удѣльные, которые выручали Новгородъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, исчезли совершенно съ силами своими въ Думѣ Государственной Москвы. Тогда-то стремленіе къ исключительности поставитъ Новгородъ въ послѣднее отчаянное противорѣчіе съ самимъ собою, съ тѣми думами, которыя улеглись, почти безъ его вѣдома, въ основаніе его жизни, съ которыми онъ несознательно цѣлыми столѣтіями сживался, и которыя теперь, когда исключительность Новгородская, для поддержанія своего существованія, посягнула и на нихъ, не могли не встрепенуться, не возмутить душъ болѣе благородныхъ Новгородцевъ, не поставить ихъ въ такое положеніе, въ которомъ бы они сознали нравственную смерть въ собственномъ своемъ исключительномъ началѣ. Но подробное описаніе окончательной борьбы Новгорода съ Сѣверо-Восточною Русью мы сдѣлаемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же обозримъ подробно, что дѣлается въ самомъ Новгородѣ, при этомъ стремленіи его къ исключительности; посмотримъ, какъ онъ пользуется плодами ея и въ какихъ отношеніяхъ, подъ ея вліяніемъ, онъ становится къ своимъ областнымъ частямъ; но прежде всего мы необходимо должны сдѣлать дополнительное описаніе составныхъ частей, изъ которыхъ состоялъ самъ Новгородъ.

Раздѣляясь на три главныя части: на Софійскую и Торговую Стороны и Городище, Новгородъ подраздѣлялся еще на, такъ на-

---

[91] См. ниже.

зываемые, концы. По тому значенію, которое дается иногда этому слову Новгородскими лѣтописцами, могло быть въ Новгородѣ, какъ во всякомъ другомъ городѣ, неопредѣленное число концовъ: это были части города, простиравшіяся отъ Дѣтинца или срединной крѣпости къ границамъ городскимъ въ различныхъ направленіяхъ, а также тѣ части, которыя простирались отъ сихъ концовъ, когда оныя вошли въ составъ города или въ городское укрѣпленіе, далѣе, но не всѣ, а вѣроятно тѣ лишь, которыя были болѣе обстроены. Въ семъ обширнѣйшемъ значеніи словомъ конецъ Новогородцы называли какія-то три части города также концами: Загороднимъ, Никольскимъ и Гончарскимъ; это по свѣдѣніямъ, случайно сохраненнымъ намъ Новогородскими лѣтописцами; [92] въ дѣйствительности же, можетъ быть, и многія части носили то же наименованіе. Отъ этихъ концовъ, въ обширнѣйшемъ значеніи, отличались концы, которые насъ занимаютъ. Наименованіе свое они получили, конечно, по тому же, что составляли цѣлое обывательскихъ построекъ, тянувшееся въ различныхъ направленіяхъ отъ крѣпости; но, при этомъ физическомъ раздѣленіи своемъ, они отдѣлились другъ отъ друга гражданcки, составляя собою въ Новгородѣ какія-то status in statu. Ихъ было пять: три на Софійской Сторонѣ, а два на Сторонѣ Торговой. [93] Одинъ изъ первыхъ назывался Неревскимъ, [94] и лежалъ по правую

---

[92] Нов. I, II и III, стр. 87, 145, 234 и 241.

[93] Г. Соловьевъ упоминаетъ о Онниполовицкомъ концѣ, и заставляетъ его играть даже роль въ исторіи Новгорода. Перечитавъ всѣ Новогородскія лѣтописи, мы не нашли нигдѣ ни малѣйшаго намека на существованіе въ Новгородѣ подобнаго конца, не только о какой ни будь роли его въ исторіи Новгорода. Нѣтъ сомнѣнія, что Г. Соловьевъ принялъ здѣсь нарицательное наименованіе Софійской, или Торговой, Стороны, за имя собственное, и при своемъ общемъ обычаѣ, поступать съ историческими данными произвольно, придалъ этому нарицательному наименованію одной изъ Сторонъ наименованіе конца; ибо дѣйствительно выраженіе: Онниполовицы встрѣчается не разъ въ Новогородскихъ лѣтописяхъ, какъ встрѣчается и при описаніи того событія, гдѣ является у Г. Соловьева Онниполовицкой конецъ, но всегда въ значеніи обыватели оной (другой) половины, живущіе на иной половинѣ,» т. е., принадлежащіе къ Софійской, или Торговой, Сторонѣ, и безъ прибавленія слова конецъ.

[94] Наименованіе, до сихъ поръ сохраняющееся.

сторону нынѣшняго шоссе изъ Москвы въ С. Петербургъ къ Волхову, захватывая, быть можетъ, небольшое пространство и по лѣвую сторону шоссе; другой Людинымъ, который обнималъ противоположную часть крѣпости; и третій Прускою улицею; [95] населеніе сего послѣдняго конца занимало узкую полосу между двумя первыми концами и выходило на старую дорогу въ Русу. Концы Торговой Стороны: Словѣнскій и Плотницкій. [96] Каждый изъ этихъ концовъ составлялъ собою цѣлое, дѣйствовалъ при внутреннихъ несогласіяхъ совокупно, [97] и имѣлъ свое управленіе, свою казну и своихъ представителей даже въ дипломатическихъ сношеніяхъ, даже свою печать, которая прикладывалась къ Государственнымъ договорнымъ актамъ. [98] Какъ ни занимательно бы было знать, на чемъ основывалась видимая самобытность Новгородскихъ концовъ, но всѣ заключенія по этому предмету, за совершеннымъ отсутствіемъ прямыхъ положитель-

---

[95] Наименованіе до сихъ поръ сохраняющееся. О томъ, что Пруская улица, а не Загородній конецъ, играла роль status in statu, считаю излишнимъ распространяться.

[96] Не существуетъ уже въ современномъ Новгородѣ наименованія: «Словѣнскій конецъ,» наименованія столь громкаго когда-то; но наименованіе: «Славянскій,» чуждое для простаго народа другихъ частей Россіи, знакомо простолюдину Новгородцу, и тайнымъ значеніемъ составляетъ въ его понятіяхъ какую-то особенность: одинъ изъ питейныхъ домовъ, устроенныхъ на Торговой Сторонѣ, противу городища, отличался, во время моего пребыванія въ Новгородѣ, надписью: «Славянскій.» Невольно вспомнишь стихъ Пушкина:

Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ!
Скажи мнѣ, что такое слава?
Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

[97] Цѣльность и самобытность концовъ во время внутреннихъ движеній Новгорода будутъ ниже изложены подробно.

[98] Депутаты отъ концовъ назначались только въ случаѣ важныхъ переговоровъ, на пр., въ 1363 г., для заключенія мира съ Нѣмцами, въ 1386 г., для переговоровъ съ Донскимъ, объ условіяхъ примиренія съ нимъ и для заключенія

ныхъ данныхъ, должны остаться не чѣмъ инымъ, какъ предположеніями. Потому мы не вошли бы въ соображеніе объ основаніяхъ, которыя дѣлали обывателей каждаго конца цѣлымъ особымъ, съ гражданскою значимостію, если бъ нѣкоторыя изъ предположеній, по сему предмету, не получили у насъ довѣрія, и если бъ самыя соображенія наши не служили необходимымъ дополненіемъ къ очерку Новогородской исторіи и не разъясняли бы историческій бытъ Новгорода въ другихъ отношеніяхъ.

Въ началѣ настоящаго труда мы сказали, что Новогородцы отличались религіозностію: все, сказанное нами, послѣ того, по видимому, стоитъ въ странномъ противорѣчіи съ этимъ показаніемъ; въ дальнѣйшемъ разсказѣ мы представимъ Новогородцевъ еще болѣе въ невыгодномъ видѣ въ этомъ отношеніи, т. е., въ отношеніи страстной привязанности ихъ къ земному; но, за всѣмъ тѣмъ, наше показаніе о религіозности Новогородцевъ справедливо.

Въ томъ смыслѣ, въ какомъ, подъ вліяніемъ чувства любви, нераздѣльнаго съ религіозностью истиннаго Христіанина, мы считаемъ человѣка истинно религіознымъ, конечно, вы не можете найти религіозности въ Новогородцѣ: онъ былъ религіозенъ по своему, сообразно съ общимъ духомъ своей жизни. Чтобъ яснѣе понять нашу мысль, мы бы просили читателя представить себѣ изъ исторіи болѣе близкой къ намъ человѣка, обаяннаго сребролюбіемъ: его

самаго міра. Сколько можно заключить изъ концевыхъ печатей, приложенныхъ къ договорной грамотѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ (1317 г.), каждый конецъ Софійской стороны имѣлъ во главѣ своей особаго Посадника (по печатямъ 4 Посадника одинъ общій и три концевыхъ), а каждый конецъ Торговой своего особаго Тысяцкаго (три одинъ общій, а два концевыхъ). Пол. соб. Рус. Лѣт. т. III, стр. 93 и т. V, стр. 229. Соб. Гос. грамотъ и договоровъ т. I, стр. 16, № 13. К. О. Малковскій опредѣляетъ значеніе Новогородскаго конца слѣдующимъ образомъ: «Каждый конецъ составлялъ въ извѣстномъ смыслѣ одно политическое цѣлое; самъ управлялъ своими дѣлами, имѣлъ вліяніе на дѣла одной изъ Новогородскихъ пятинъ, словомъ въ Государственномъ отношеніи конецъ имѣлъ точно такое же значеніе, какъ нынѣ каждый Губернскій городъ, но съ болѣе обширною властію.» Критическія изслѣдованія о происхожденіи Великаго Новгорода, въ XII № Временника изд. Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

сокровища,—стяжаніе неправды, пота, слезъ и страданій ближняго; для этихъ стяжаній онъ превращалъ всёхъ въ орудіе своей страсти, дѣлалъ изъ нихъ машины, съ утра и до вечера палимыя огнемъ страсти, чтобы получить отъ нихъ только то, что было бы цѣнно для него, т. е., цѣнно на вѣсъ золота; перегорѣвшія машины онъ бросалъ, какъ никуда негодныя, и замѣнялъ ихъ новыми машинами; и скажите, если вамъ случалось встрѣчать подобныхъ людей, пусть ихъ страсть была и другого рода, не замѣчали ли вы, до какой степени нѣкоторые изъ нихъ проникнуты страхомъ къ Господу: онъ пожиралъ благосостояніе людское, чтобъ удовлетворить своей страсти, и, счастливый въ этомъ удовлетвореніи, онъ думалъ, что это самъ Богъ содѣйствовалъ ему въ зломъ дѣлѣ, и онъ молился, благодарилъ Господа; изъ стяжаній страсти дѣлалъ пожертвованія въ пользу храма, созидалъ самые храмы; грозилъ ли ударъ его стяжаніямъ, онъ надѣялся на Господа, дѣлалъ обѣты, подобные своимъ пожертвованіямъ, въ полной надеждѣ на безконечныя милы Всевышняго, въ полной вѣрѣ, что Господь Богъ можетъ покровительствовать его злому дѣлу. Такова, а не другая, должна была быть и религіозность Новогородца, говоря вообще; исключеній не могло не быть, и исключеній, можетъ быть, довольно рѣзкихъ. Новогородцы наперерывъ другъ передъ другомъ основываютъ церкви: церквей въ Новгородѣ было множество. Страхомъ и трепетомъ проникалась душа Новогородца къ Господу, когда какая ни будь сила безъ образа, не одѣянная видимымъ, когда какая ни будь повальная болѣзнь разверзала обширныя могилы и наполняла ихъ трупами Новогородцевъ: это-то чувство страха заставляло ихъ тогда бросать ежедневныя свои занятія, бѣжать въ лѣса, валить тамъ деревья, готовить ихъ для постройки новаго храма; и, при дружномъ усиліи, однимъ днемъ воздвигать его. Такихъ однодневно устроенныхъ храмовъ было не мало въ Новгородѣ. [99] Какъ ни основ-

---

[99] «Той же осени бысть моръ силенъ вельми въ Новѣгородѣ.... Великое множество Христіанъ умре по всимъ улицамъ.... и въ то время поставиша церковь древяну Святыхъ Святителей Аѳанасія и Кирилла во единъ день, и бревна возиша изъ лѣсу того же дни, и срубиша и освятиша единаго дне, и служиша (1390 г.). Нов. I стр. 95. и Нов. III стр. 233. Подъ 1417: «За всякъ день умираху тако, яко не успѣваху погребати ихъ.... Владыка Симеонъ, съ всею седміею съборовъ и съ Хри-

но, какъ ни мощно было религіозное настроеніе Новгорода, но подобное одушевленіе, живое движеніе Новгородца подъ покровъ Господа, не могло не быть не умилительнымъ и не трогательнымъ. Самый истинный, высокій Христіанинъ, невольно задумался бы предъ нимъ. Въ минуты гражданскихъ ссоръ, когда Новогородцы, движимые страстями, съ вооруженною рукою шли другъ противъ друга, когда весь городъ былъ въ страшномъ смятеніи, и приносились въ жертву благосостояніе, самая кровь человѣческая; въ этѣ минуты общаго смятенія и раздора, торжественное явленіе Архіепископа съ соборомъ духовенства посреди враждующихъ, его воззваніе къ нимъ о мирѣ, водворяло миръ между ними. Готовились ли Новгородцы предпринять войну, они шли къ своему Архіепископу, и испрашивали его благословенія; получивъ благословеніе, ополчались, и когда выступали, уже готовые на битвы, шли снова принять благословеніе Архіепископа, на успѣшное окончаніе войны. Миръ, сколько можно догадываться, Новгородцы заключали не иначе, какъ съ благословенія Архіепископа, или, по крайнѣй мѣрѣ, положительно можно сказать, что Архіепископъ принималъ дѣятельное участіе въ заключеніи мира и въ окончаніи внѣшнихъ ссоръ и несогласій. [100] Кончалась ли

стіаны, съ кресты, обходи окело всего города, молися Богу и Пречистѣи его Матери о престатіи гнѣва Божіа. А Христіане овы на конѣхъ, овы пѣши, изъ лѣса бревна привозивъ, поставиша церковь Св. Анастасію, въ память ея, и свяща ю Архіепископъ Симеонъ, того же дни и святи ю и литургію съвърши; а въ остаточныхъ бревнахъ поставиша церковь Св. Илію конець Пруской улици, а Новоторжане такоже единѣмъ утромъ Св. Аеанасія, и литургію съвършиша.» Нов. I, стр. 107. Подъ 1552: «Архіепископъ Серапіонъ, повелѣніемъ Царя Государя и Великаго Князя Іоанна Васильевича всея Росіи, помолився вкупѣ со всѣмъ священнымъ соборомъ и съ вельможи грады и со всѣмъ Христолюбивымъ народомъ, и поставиша двѣ церкви единаго дни древяныхъ, Св. Преподобнаго Кирилла, Бѣлозерскаго Чудотворца, и Св. мученика Христофора.» Нов III, стр. 251.

[100] Въ 1359 году четыре конца стояли подъ оружіемъ, готовясь на бой, другъ противъ друга; «и пріиде Владыка Моисѣи изъ манастыря, а Олексѣй, поемя съ собою и Архимандрита и Игумени, и благослови ихъ, рекъ имъ: «Дѣти! не доспѣйте себѣ брани, а поганымъ похвалы, а святымъ церквамъ и мѣсту сему пустоты; не съступайтеся на бои»—и пріяша слово его и разидошася.» Въ 1342 году, когда весь Новгородъ, раздѣлившись на двѣ враждебныя части, стоялъ подъ оружіемъ: «и Владыка Василей, съ Намѣстникомъ Борисомъ, до-

сокровища,—стяжаніе неправды, пота, слезъ и страданій ближнихъ; для этихъ стяжаній онъ превращалъ всѣхъ въ орудіе своей страсти, дѣлалъ изъ нихъ машины, съ утра и до вечера палимыя огнемъ страсти, чтобы получить отъ нихъ только то, что было бы цѣнно для него, т. е., цѣнно на вѣсъ золота; перегорѣвшія машины онъ бросалъ, какъ никуда негодныя, и замѣнялъ ихъ новыми машинами; и скажите, если вамъ случалось встрѣчать подобныхъ людей, пусть ихъ страсть была и другого рода, не замѣтили ли вы, до какой степени нѣкоторые изъ нихъ проникнуты страхомъ къ Господу: онъ пожиралъ благосостояніе людское, чтобъ удовлетворить своей страсти, и, счастливый въ этомъ удовлетвореніи, онъ думалъ, что это самъ Богъ содѣйствовалъ ему въ зломъ дѣлѣ, и онъ молился, благодарилъ Господа; изъ стяжаній страсти дѣлалъ пожертвованія въ пользу храма, созидалъ самые храмы; грозилъ ли ударъ его стяжаніямъ, онъ надѣялся на Господа, дѣлалъ обѣты, подобные своимъ пожертвованіямъ, въ полной надеждѣ на безконечныя силы Всевышняго, въ полной вѣрѣ, что Господь Богъ можетъ покровительствовать его злому дѣлу. Такова, а не другая, должна была быть и религіозность Новогородца, говоря вообще; исключеній не могло не быть, и исключеній, можетъ быть, довольно рѣзкихъ. Новогородцы наперерывъ другъ передъ другомъ основываютъ церкви: церквей въ Новгородѣ было множество. Страхомъ и трепетомъ проникалась душа Новогородца къ Господу, когда какая нибудь сила безъ образа, не одѣянная видимымъ, когда какая нибудь повальная болѣзнь разверзала обширныя могилы и наполняла ихъ трупами Новогородцевъ: это-то чувство страха заставляло ихъ тогда бросать ежедневныя свои занятія, бѣжать въ лѣса, валить тамъ деревья, готовить ихъ для постройки новаго храма и, при дружномъ усиліи, однимъ днемъ воздвигать его. Такихъ однодневно устроенныхъ храмовъ было не мало въ Новгородѣ. [99] Какъ ни ошибоч-

[99] «Той же осени бысть моръ силенъ вельми въ Новѣгородѣ.... Великое множество Христіанъ умре по всимъ улицамъ.... и въ то время поставиша церковь древяну Святыхъ Святителей Аѳанасія и Кирилла во единъ день, и бревна возиша изъ лѣсу того же дни, и срубиша и освятиша единаго дне, и служиша (1390 г.). Нов. I стр. 95, и Нов. III стр. 233. Подъ 1417: «За всякъ день умираху тако, яко не успѣваху погребати ихъ.... Владыка Симеонъ, съ всею седміею съборовъ и съ Хри-

въ память и въ благодарность Господу храмъ.[101] Ихъ вѣча, сословныя, какъ мы уже замѣтили, около храма Св. Софіи и Св. Николая Чудотворца. Самъ Великій Новгородъ съ своею областію былъ не что иное, какъ отчина и городъ Св. Софіи, по выраженію самихъ

ложскую, на Двинѣ вся погости на щитъ». Такъ въ 1406 году, пришедши на помощь Псковитянамъ, Новогородцы отказались отъ похода на Литву, говоря: «Намъ Великій Новгородъ не указалъ, ни Владыка благословилъ на Литву, идемъ съ вами на Нѣмци.» Впрочемъ, подъ 1398 годомъ, лѣтописецъ подробно объясняетъ порядокъ, какимъ испрашивалось благословеніе Архіепископа на войну противъ Великаго Князя, Василія Дмитріевича: «По Велицѣ дни, на веснѣ, Новогородци ркоша своему господину Владыцѣ, отцу Іоанну: «Не можемъ, Господине отче, сего насилія трьпѣти отъ своего Князя Великого, Василіа Дмитреевича, что у насъ отнялъ, у Святѣи Софіи и у Великого Новогорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, но хотимъ поискати Св. Софіи пригородовъ и волостей, своей отчины и дѣдины,» и цѣловаша крестъ за единъ братъ, како имъ Святѣй Софіи и Великого Новагорода пригородовъ и волостей поискати, и биша челомъ Посадникъ Тимоѳей Юрьевичь, Посадникъ Юрьи Дмитреевичь, Василій Борисовичь, и Бояре, и Дѣти Боярьскія, и житьи люди, и купетскія дѣти, и вси ихъ вои: «Благослови, Господине отче Владыко, поискати Святѣй Софіи пригородовъ и волостей; или паки изнайдемъ свою отчину Святѣи Софіи и къ Великому Новугороду, паки ли свои головы положимъ за Святую Софію и за своего Господина, за Великій Новъгородъ,» и Владыка Іоаннъ благослови своихъ дѣтей, и Воеводъ Новогородскыхъ, и всѣхъ вои; а Новогородци отпустиша свою братію, а рекъ имъ тако: «Поидѣте, Святѣй Софіи пригородовъ и волостей поищите, а своеи отчины.» Новгор. I, стр. 88.

[101] Такъ, въ память побѣды надъ Андреемъ Боголюбскимъ, побѣды, которую Новогородцы приписали чудному заступничеству Знаменской Божіей Матери, устроенъ былъ, въ 1355 году, храмъ: «поставлены были двѣ церкви каменныхъ въ имя Святого Знаменія Пресвятѣй Богородицы, на Ильинѣ улицы, повелѣніемъ Владыки Моисея и всего Новгородскаго сонмища людей, послѣ чудеси спустя 185 лѣтъ.» Нов. III, стр. 228. Въ 1412 году, въ память и въ благодарность Господу, за удачный походъ противъ Шведовъ, другой храмъ: «Того ради Архіепископъ Іоаннъ Великаго Новограда и Пскова, съ Воеводами Новогородскими и съ ихъ воинствомъ, како быша у Выбора, пометомъ Христіанскимъ, поставиша церковь каменну Соборъ Св. Архангела Гавріила.» Тамъ же, стр. 236. О случаяхъ, по которымъ устроены эти храмы, изъ 4-хъ собственно Новогородскихъ лѣтописей, упоминаетъ только одна; по этому, можетъ быть, были устрояваемы въ Новгородѣ и другіе храмы, по подобнымъ же случаямъ, но лѣтописцы, упоминуть о постройкѣ ихъ, умолчали о случаяхъ, подавшихъ поводъ къ постройкѣ.

Новогородцевъ, хотя страсти разрывали эту Новогородскую душу между небомъ и землею, не позволяли сосредоточиться въ ней, и это раздвоеніе замѣтно: и Новгородъ и Св. Софія то сливаются въ думѣ Новогородцевъ и обозначаются однимъ наименованіемъ Св. Софіи, то распадаются опять на два представленія, такъ что желаніе соединить ихъ вновь въ одно представленіе показываетъ въ Лѣтописцѣ иногда явное усиліе. [102]

Такъ стремленіе Новогородца стать подъ покровъ Божій замѣтно всюду.

Обращаемся теперь къ объясненію происхожденія концовъ, съ ихъ какою-то цѣлостію, самобытностію, съ ихъ гражданскою значимостью.

---

[102] Въ 1215 году Новогородцы выразили свою думу о томъ, что Новгородъ не что иное, какъ городъ Св. Софіи, слѣдующимъ образомъ: «Кьдѣ Святая Софія, ту Новгородъ.» Новг. I, стр 83. Чтобъ яснѣе представить себѣ эту думу въ настоящемъ выраженіи, нужно замѣтить, во первыхъ, что подъ словомъ городъ въ древности разумѣется срединное мѣсто, изъ котораго происходили всѣ Правительственныя распоряженія, или которое сосредоточивало въ себѣ Правительственную власть, а иногда цѣлую область, состоящую подъ этой властью; во вторыхъ, что Ярославъ, оставаясь въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ Торжевцами и нѣкоторыми изъ Новогородцевъ, думалъ оттуда располагать дѣлами Новогородскими доброволько, или силой; и въ третьихъ, что главный храмъ Новгорода былъ устроенъ во имя Св. Софіи, и что, по этому, Св. Софія была главнымъ религіознымъ покровомъ Новогородцевъ. Въ 1201 году, Князь Мстиславъ привѣтствовалъ Новогородцевъ слѣдующими словами: «Кланяюся Святѣи Софіи, и гробу отца моего, и всѣмъ Новогородьцемъ.» Въ 1215 г., вызывая Ярослава на княженіе въ Новгородъ, Новгородцы говорили ему: «Поиди въ свою отцину, къ Святѣй Софіи!» Въ 1224 году, когда Великій Князь, Георгій, грозился двинуть противъ Новгорода ополченіе, Новгородцы приготовились къ отпору, готовые, какъ сказано въ Лѣтописи, умереть за Св. Софію: «Хотѣша умрети за Св. Софію.» Въ 1259 году, младшіе Новогородцы готовясь къ открытому возмущенію противъ поголовной дани Монголамъ, говорили другъ другу: «Умремъ честно за Св. Софію и за домы Ангельскыя..... положимъ главы своя у Св. Софьи» ..... Это выраженіе: «Умремъ за Св. Софію!» и подобные тому, разсыпаны всюду по Новогородскимъ Лѣтописямъ. Какъ примѣръ раздвоенія этой думы, я представилъ уже читателямъ въ концѣ 100-го примѣчанія на 89-й страницѣ. Такъ Новогородцы считаютъ пригороды и волости,

При несуществованіи въ Новгородѣ Государственной думы общественное единство его должно было обусловливаться одною внѣшностію, не внутреннимъ, духовнымъ единствомъ; а по этому единства сего въ строгомъ смыслѣ не могло быть въ немъ, такъ какъ этому единству недоставало единства нравственнаго. Боярство могло составить цѣлую общину, но только въ отношеніи Торговой Стороны, и выразило это единство общимъ своимъ вѣчемъ около храма Св. Софіи; Торговая Сторона представляла изъ себя единое тоже въ отношеніи лишь Софійской, и цѣлость свою въ этомъ отношеніи высказала подобнымъ общимъ вѣчемъ своимъ около храма Св. Николая Чудотворца: здѣсь отдѣльныя выгоды одной Стороны противъ другой удерживаютъ каждую Сторону, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ цѣлости; каждая Сторона представляетъ единство при внѣшнемъ противоположномъ вліяніи одной на другую. Отнимите теперь у нихъ это взаимное противоположеніе, и каждая изъ Сторонъ въ отдѣльности потеряетъ связь, не будетъ имѣть условія, которое бы соединяло ее въ цѣлое: каждая Сторона, преслѣдуя свои вещественныя выгоды, жертвуя для этѣхъ выгодъ всѣмъ, не можетъ, въ этомъ общемъ своемъ стремленіи къ вещественнымъ выгодамъ, въ этомъ часто внѣшнемъ условіи жизни, имѣть начала внутренняго единства, внутренней цѣлости; напротивъ, подобное стремленіе, въ каждомъ изъ сочленовъ Стороны, ставитъ его, въ отношеніи къ другимъ, въ положеніе ревности, соперничества, противоборства; каждый изъ сочленовъ, при стремленіи своемъ единственно къ вещественнымъ выгодамъ, посреди котораго забывается совершенно голосъ нравственнаго начала, голосъ любви къ храму, къ согражданамъ, къ родинѣ, видитъ въ своемъ сочленѣ только врага своимъ выгодамъ, соперника своему стремленію. Къ такому положенію, дѣйствительно, какъ мы увидимъ ниже, приходила жизнь Новгорода, хотя тяготѣніе между Сторонами не позволяло ей дойти до совершеннаго распаденія. Но безъ нравственнаго начала ни какое общество, однако жь, не можетъ существовать, и оно, какъ мы замѣтили сейчасъ, было въ Новгородѣ, выразившись страннымъ образомъ — общностію храма, религіознымъ единствомъ и общимъ совѣ-

---

отнятые Великимъ Княземъ, то достояніемъ Св. Софіи, то достояніемъ Св. Софіи и Великаго Новгорода.

щаніемъ вокругъ этого храма, когда въ то же время раздвоеніе основной религіозно-государственной думы отразилось тѣмъ же раздвоеніемъ и въ храмѣ и въ общемъ совѣщаніи, такъ что Софійскій храмъ, видимо первенствующій въ Новгородѣ, [103] долженъ былъ уступать первенство свое храму Св. Николая Чудотворца, главному вѣчевому храму младшихъ, и общія совѣщанія, вмѣсто того, чтобъ происходить единственно около храма Св. Софіи, за которую и старшіе и младшіе, какъ они сами говорили, готовы были положить свои головы, должны были, по духу ревности и неуваженія младшихъ къ старшимъ, происходить почти единственно около храма младшихъ. [104] Но, за всѣмъ этѣмъ видимымъ раздвоеніемъ храма, ре-

---

[103] Изъ сказаннаго нами выше о первенствѣ Софійскаго храма или о главномъ покровѣ Новгорода въ Св. Софіи, мы просимъ читателя остановить особенное вниманіе на событіи 1259 года, когда младшіе, которые имѣли свой собственный вѣчевой храмъ, вокругъ котораго они заставляли собираться большею частію и общія вѣча, теперь, будучи въ затруднительномъ положеніи и готовые умереть, чтобъ только не платить поголовной дани Монголамъ, этѣ младшіе, не смотря на явную нелюбовь ихъ въ то время къ старшимъ, не смотря на то, что старшіе были противъ ихъ, этѣ младшіе забыли тогда храмъ своихъ вѣчъ и стремились думой къ храму Св. Софіи: «Умремъ за Св. Софію» «Перейдемъ на ту сторону (Софійскую или Боярскую), и положимъ главы свои около Св. Софіи!»

[104] Гдѣ лѣтописецъ положительно указываетъ мѣсто совѣщаній, мы вездѣ видимъ вѣча Боярскія около храма Св. Софіи, а младшихъ Новгородцевъ—около храма Св. Николая Чудотворца. Такъ подъ 1384 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что три конца Боярской Стороны собирались для совѣщанія около Св. Софіи; подъ 1388 г. мы видимъ Боярское совѣщаніе тоже около храма Св. Софіи. Вѣча младшихъ мы видимъ около храма Николая Чудотворца въ 1218, 1220, 1255, 1384 и 1417 годахъ. Общія вѣча всего Новгорода, Софійской и Торговой Сторонъ, около того же храма въ 1214, 1215, 1225, 1345, 1359. Изъ показанія лѣтописца подъ 1345 годомъ ясно видно, что предварительно общему совѣщанію, Софійская Сторона имѣла частныя совѣщанія, послѣ которыхъ она цѣлымъ вѣчемъ, подъ предводительствомъ Посадника, переходила на совѣщаніе общее, бывшее около храма Николая Чудотворца. Подъ 1289 годомъ лѣтописецъ замѣтилъ, даже описываетъ, когда еще двѣ Стороны не сходились на общее совѣщаніе, а только что открыты были по одному и тому же предмету ихъ частныя совѣщанія, одно около храма Святой Софіи, другое около храма Николая Чудотворца. Такимъ образомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Софійская Сторона, имѣя свои собственныя совѣщанія по общему дѣлу,

лигіозное начало соединяетъ распадающіяся части. Задумывалъ кто, силой посягнуть противъ общихъ выгодъ Новогорода, Новогородцы тотчасъ же ополчались противъ этого врага, не во имя выгодъ, а съ благословенія своего Духовнаго Главы, и, какъ будьто, не за выгоды: «За храмъ Св. Софіи!» кричали они единодушно. И кипѣли ли вѣча раздоромъ за выгоды, но все таки вокругъ храма, и явленіе того же Главы смиряло раздоръ.

Такъ, когда выгоды стремятся противодѣйствовать всѣмъ нравственнымъ началамъ, грозятъ Новгороду совершеннымъ распаденіемъ, религіозное начало сосредочиваетъ Новогородцевъ вокругъ храма, вокругъ Главы Духовенства, и задерживаетъ это распаденіе. Между этѣми противоположными началами вращается вся жизнь Новогородца, живится ими попеременно и находится въ безпрерывномъ странномъ противорѣчіи сама съ собой, губя самое

сходилась для совѣщанія съ младшими около храма младшихъ. Замѣчательно также, что всѣ совѣщанія, касались ли они однихъ младшихъ, или младшихъ и старшихъ, это все равно, но гдѣ присутствовалъ самъ Князь, всѣ этѣ совѣщанія были около храма младшихъ. (Нов. I, стр. 32, 33, 38, 41, подъ годами 1214, 1215, 1220, 1225). Это событіе, вмѣстѣ съ свѣдѣніемъ о переходѣ старшихъ, для общаго совѣщанія, на Сторону младшихъ, отлично хорошо очерчиваетъ отношеніе трехъ началъ—Княжескаго, Боярскаго и Городскаго, между собою, и вполнѣ подтверждаетъ наше предположеніе, высказанное въ началѣ настоящаго труда, о томъ, что къ Княжескому началу прислонялась Торговая Сторона, и что если Бояре и правительствовали въ Новгородѣ, то эта власть опредѣлялась за ними на вѣчахъ младшихъ, обсуживалась младшими, или иначе, что младшіе, опираясь на Княжескую власть, дѣлались, какъ бы не участниками совѣщаній старшихъ, а болѣе судьями ихъ, заставляя ихъ вторично объяснить свои мнѣнія, высказанныя уже на Боярскихъ вѣчахъ около храма Св. Софіи, передъ вѣчемъ собственнымъ, около главнаго храма своей Стороны, храма Св. Николая. Общія вѣча около Софійскаго храма были безвластныя тамъ, гдѣ собирались Новогородцы не для того, чтобъ судить о дѣлахъ, а чтобъ только слышать судъ самого Бога, предварительно сдѣлавъ рѣшеніе об обращеніи къ суду Божіему на общемъ вѣчѣ около храма Николая Чудотворца (1415—1420); эти общія Софійскія вѣча касались выбора Архимандрита посредствомъ жребіевъ, положенныхъ на престолъ храма Св. Софіи: сонмище ожидало только рѣшенія, чей жребій будетъ угоденъ Господу.

себя. При началѣ разрушающемъ, Новгородъ долженъ былъ распадаться физически на составныя свои части, и при этомъ распаденіи каждая изъ Сторонъ представитъ изъ себя общины, по купамъ поселенія, такъ что каждая купа могла быть самостоятельна, представлять изъ себя цѣлость, подобно тому, какъ отдѣльность каждой деревни, входящей въ составъ извѣстной волости, даетъ особенность и цѣлость обывателямъ ея, въ отношеніи обывателей другихъ деревень той же волости: «Это мы, это вы, наши и ваши,» непремѣнно и постоянно будетъ высказываться между обывателями разныхъ деревень, хотя бъ они всѣ принадлежали къ одной волости. Здѣсь случайность свела людей въ купы, и каждая купа уже послѣ того отдѣляетъ себя отъ другихъ купъ. Особность, при богатствѣ деревни, выразится у насъ непремѣнно устройствомъ ея обывателями своего собственнаго храма, во имя извѣстнаго, избраннаго общимъ голосомъ въ покровители того, или другого, Святаго, и тогда «наше и ваше» облечется въ религіозной покровъ, а деревня представитъ изъ себя еще большую особность и большее единство въ религіозномъ началѣ. Свѣча не понесется теперь мужичкомъ этой деревни въ храмъ другой деревни, онъ не принесетъ пожертвованія въ другой храмъ, какъ только по особенному случаю: онъ, въ отношеніи другихъ обыкновенныхъ храмовъ, не пользующихся особымъ почитаніемъ народа, всегда отличительно чтитъ свой собственной храмъ. Такъ всякая, случайно образовавшаяся, купа Русскихъ всегда выразитъ своею цѣлостью особность, хотя бы не было ни малѣйшаго семейнаго родства въ ней, и выраженіе: «наше и ваше» отдѣлитъ ее отъ другихъ купъ, а при продолжительности существованія ея и при достаточныхъ средствахъ, эта особность выразится и храмомъ. Въ этомъ отношеніи каждый нашъ полкъ,— вѣрный образчикъ Русской жизни: какъ цѣлое, онъ имѣетъ свой полковой храмъ, а какъ раздѣляющійся на ротныя купы, — онъ имѣетъ столько образовъ, замѣняющихъ въ семъ случаѣ храмъ, сколько ротъ: свѣча солдата преимущественно ставится къ образу его роты, и рота съ своимъ образомъ составляетъ въ этомъ отношеніи уже отдѣльную нравственную купу, а не купу, случайно сложившуюся, согласно раздѣленію полка. Въ Новгородѣ деревнѣ, ротѣ соотвѣтствовала: улица, и религіозное, связующее, начало соединяло улицу въ храмѣ. По этому-то народный разсказъ и самыя Новогородскія лѣтописи говорятъ намъ, что были въ Новго-

родѣ храмы уличные, т. е., устроенные общими средствами обывателей той и другой улицы, и что въ немъ были храмовыя общины. Такъ, подъ 1392 г. мы читаемъ въ Новгородской лѣтописи, что Посадникъ, Богданъ Авакумовичъ, съ своею братіею и съ уличанами, устроилъ каменную церьковь Св. Симеона, на Чюдинцевѣ улицѣ; [105] подъ 1402, что обыватели той же Чюдинцевой улицы устроили церковь во имя усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи; [106] подъ 1377, что Бояринъ Василій Даниловичъ съ обывателями Ильинской улицы на свой счетъ расписали церковь во имя Спаса. [107] Выраженіе встрѣчаемое въ Новгородскомъ народномъ разсказѣ, о которомъ мы будемъ говорить со всею подробностію ниже: «Никольская братчина» несомнѣнно свидѣтельствуетъ о раздѣленіи Новгорода на купы по храмамъ, такъ что каждый извѣстный храмъ сосредоточивалъ вокругъ себя извѣстную купу, которая составляла храмовую братчину; братчина сія, по тому же разсказу, имѣла, отдѣльно отъ другихъ Новгородцевъ, свои потѣхи, совершавшіяся, вѣроятно, вокругъ сихъ же храмовъ, лицомъ, не принадлежащимъ къ братчинѣ; можно было сдѣлаться участниками этѣхъ потѣхъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія Церковнаго Старосты (который, безъ сомнѣнія, избирался изъ среды же братчины), которая, кажется, опредѣлялась самимъ Старостою. [108] Переходимъ теперь къ значенію концовъ.

Между этѣми небольшими купами по храмамъ и громадными купами по Сторонамъ, не могли не быть купы болѣе обширныя, нежели первыя, и менѣе обширныя, нежели вторыя, сложившіяся на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ тѣ и другія, т. е., по поселеніямъ и вокругъ храма: этѣ-то среднія купы, по нашему мнѣнію, были концы. Отдѣльность каждаго конца, по поселенію,

---

[105] Пол. Собр. Рус. Лѣт. т. IV, ст. 99, и т. III, стр. 96.

[106] Тамъ же т. III, стр. 102.

[107] Тамъ же, стр. 231.

[108] Въ собраніи Русск. пѣсенъ, изд. Сахарова, т. V: былины Русскаго народа, стр. 64 и 65.

неоспорима; каждый изъ нихъ занимаетъ, какъ мы замѣтили, отдѣльное пространство; эта отдѣльность ихъ въ физическомъ отношеніи была въ древнія времена, можетъ быть, еще болѣе значительна; сдѣсь: «наше и ваше» могло выразиться между ними столь же легко, какъ между улицами, а къ этому присоединялось религіозное связующее начало, — общій храмъ, которыхъ въ болѣе отдаленное время было въ Новгородѣ, безъ сомнѣнія, несравненно менѣе, нежели въ послѣдствіи, такъ что каждый конецъ могъ имѣть тогда не болѣе одного храма, и единство конца было полное; конецъ представлялъ тогда подобіе особнаго полка, подобіе общества обывателей одной деревни. Игрища и сходки вокругъ общаго храма соединяли конецъ въ одну братчину: «наше и ваше» отдѣляло его отъ другихъ концовъ, и, при увеличеніи храмовъ, при распаденіи Новгорода на меньшія братчины, держало его въ единствѣ противъ другихъ концовъ. Единство въ самомъ себѣ и эта относительная отдѣльность, вмѣстѣ съ силою массы по народонаселенію, дали концу гражданскую значимость, выразились, въ слѣдствіе отсутствія болѣе живаго Государственнаго начала, единствомъ и относительною отдѣльностію въ жизни гражданской. Что концы дѣйствительно имѣли свой общій храмъ, и что сей храмъ былъ сборнымъ мѣстомъ для конца, въ подтвержденіе этого мы имѣемъ положительное свѣдѣтельство, случайно переданное намъ Новогородскимъ лѣтописцемъ, при описаніи одного внутренняго раздора, подъ 1218 годомъ. По сему свѣдѣтельству мы узнаемъ, что общимъ храмомъ для Неревскаго конца былъ храмъ Сорока Мучениковъ; и мало того: что этотъ храмъ былъ вѣчевымъ храмомъ сего конца, подобно тому, какъ храмъ Св. Софіи и храмъ Св. Николая Чудотворца были вѣчевыми храмами для Софійской и Торговой Сторонъ. [109] Однимъ словомъ, по нашему мнѣнію, конецъ былъ та же Никольская братчина въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, и, по значительности своего населенія, могъ дѣйствовать самобытно, согласно рѣшенію братчины, опираясь на свою физическую силу, что совершенно согласно съ вѣчевымъ бытомъ Новгорода. Голосъ конца, предварительно выраженію себя на общемъ

---

[109] И [illegible] у Святого Николы [illegible] черезъ ночь; а Неревьскый коньчь у Святыхъ Сорока, тако же копяче люди на Твьрдислава. Пол. соб. Русск. лѣт. т. III, стр. 36.

вѣчѣ, выражался въ вѣчѣ частномъ, и какъ голосъ братчины, долженъ былъ носить на себѣ печать единства, цѣлости на общемъ вѣчѣ, и это же единство выражаться въ самихъ дѣйствiяхъ конца въ отношенiи другихъ концовъ. Дальнѣйшимъ же развитiемъ сего устройства Новгорода было прiобрѣтенiе каждымъ концомъ голоса въ дѣлахъ дипломатическихъ. Не только концы, но даже улицы, въ слѣдствiе уличной братчины, могли получить въ глазахъ Новгородцевъ видъ какого-то гражданскаго единства, какой-то цѣлости: это вполнѣ подтверждается, во первыхъ, тѣмъ, что Пруской конецъ былъ не что иное, какъ улица; во вторыхъ, въ слѣдствiе уличнаго братства, которое лѣтописецъ замѣтилъ намъ, по крайней мѣрѣ, при разсказѣ о постройкѣ церквей.

По этому же, хотя нѣтъ слѣдовъ, что улицы, подобно концамъ, имѣли на вѣчахъ одинъ голосъ, и отдѣлялись имъ отъ другихъ улицъ того же конца, но все таки въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться, хотя улицы и принуждены бывали уступать большинству голосовъ старшей братчины, выражая, однако жь, особое свое мнѣнiе при случаѣ на дѣлѣ.

Мнѣнiе Г. Соловьева, [110] что единство и значенiе концовъ было темнымъ отдаленнымъ выраженiемъ родства между обывателями каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, выраженiемъ общаго происхожденiя отъ одного родоначальника, мнѣнiе, которое прiобрѣло вѣру, до такой степени поразительно своею несообразностiю, что мы должны отвергнуть его, какъ чистую теорiю, рѣзко противорѣчащую всей Новгородской исторiи, всѣмъ основамъ Новгородскаго быта. Ни къ одному изъ областныхъ городовъ древней Руси мнѣнiе Г. Соловьева не можетъ имѣть меньшаго примѣненiя, какъ къ Новгороду; ибо ни въ одномъ изъ нихъ семейное начало не имѣло болѣе жалкаго развитiя, нигдѣ оно не было такъ забито, подавлено, какъ въ Новгородѣ. Сдѣсь семья не только не достигла до понятiя о родѣ, но даже, какъ мы видѣли уже, и какъ мы увидимъ ниже, не имѣла достаточныхъ силъ, чтобъ скрѣпиться единствомъ самой

[110] Въ сочиненiи: «Объ отношенiяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ.» М. 1845.

въ себѣ; но если бъ даже мы не имѣли подобныхъ важныхъ св-тельствъ, то одни уже событія, по которымъ Новгородцы въ дв-движеніи своемъ, дѣйствуя противъ виновнаго въ ихъ глаз-дѣйствовали, съ тѣмъ вмѣстѣ, противъ членовъ одной семьи ви-го, включая сюда и братьевъ его, но никогда противъ цѣлаго р-одни уже этѣ событія говорятъ намъ о тѣхъ ограниченныхъ пр-лахъ, въ которыхъ развивалось семейное начало въ Новгор-какъ же огромная масса народонаселенія Новогородскаго к-могла связаться въ одно цѣлое семейнымъ началомъ и предста-единство чрезъ единство родоначальника? Самъ Г. Соловьевъ и-гаетъ мнѣніе свое, на которомъ строитъ огромное зданіе, ми-свое совершенно какъ предположеніе, не подкрѣпляя его ни как-доказательствами, которыхъ онъ, конечно, и не могъ отыскать въ Н-вогородской исторіи. При томъ, если мы и примемъ мнѣніе Г. С-ловьева, что каждый конецъ въ древности представлялъ собою о-бый родъ, то, при условіи, которое Г. Соловьевъ считалъ необ-димымъ прибавить въ дополненіе своего мнѣнія, это мнѣніе пр-ставляется уничтоженнымъ въ самомъ себѣ, безъ силы, значені-приложенія къ дальнѣйшему развитію Новгорода, когда концы я-ются живыми, дѣйствующими. Г. Соловьевъ, не отыскавъ въ истори-ческомъ бытѣ Новгорода родоваго начала, самъ говоритъ, что воспо-минанія о родовомъ единствѣ, объ единствѣ происхожденія, какъ нача-ло живое, погасло въ концахъ въ пору доисторическую; но, выразив-шись уже разъ въ единствѣ каждаго изъ нихъ, оно удерживалось да-лѣе въ своемъ существованіи самимъ единствомъ каждаго конца.[111] Что жь это такое? На чѣмъ же поддерживалось единство конца, когда погасло въ немъ начало, породившее это единство? Отлетаетъ душа, и если тѣло наше сохраняется въ прежней формѣ, то не долго, и дѣй-ствовать, тѣмъ болѣе, какъ движимое одной живой особой волей, не можетъ: концы же дѣйствуютъ и представляютъ изъ себя живое цѣлое. Что же теперь даетъ имъ цѣлость? Привычка? Но привычка не родство; ибо привыкнуть другъ къ другу могутъ люди и не свя-занные собой ни какимъ родствомъ, когда въ то же время связанные

---

[111] Подлинныя слова Г. Соловьева: «Съ теченіемъ времени родовыя отношенія здѣсь исчезли; но пять концовъ съ своими старостами напоминали о пяти родахъ, изъ которыхъ составилось первоначальное народонаселеніе.»

ствомъ могутъ враждовать между собою, какъ это было въ Новгородѣ. И такъ единство и цѣлость концовъ во времена историче- у самаго Г. Соловьева держатся уже не на родовомъ началѣ, не воспоминаніи объ единствѣ происхожденія, а на привычкѣ; слѣд., знавая живымъ началомъ единства концовъ уже не родовое на- о, а привычку, намъ кажется, Г. Соловьевъ совершенно безпо- но утверждаетъ, что въ доисторическія времена живымъ началомъ инства концовъ было родовое начало, а не привычка, тѣмъ бо- е, что онъ не имѣетъ для этого ни какихъ доказательствъ; ибо казательства, что если было единство и цѣлость конца, въ слѣд- віе привычки, то въ прежнее время оно было въ слѣдствіе родова- начала, конечно не доказательство: въ такомъ случаѣ каждая изъ ревень нашихъ, каждая рота, каждый полкъ, въ отдѣльности, же будутъ состоять изъ однихъ только родственниковъ. Однимъ ловомъ, разбирая мнѣніе Г. Соловьева по настоящему предмету, ы невольно приходимъ къ мысли, что это мнѣніе, въ сущности, е мнѣніе, а какой-то странный оборотъ мысли, который можно ыразить точнѣе слѣдующимъ образомъ: «каждый Новгородскій ко- нецъ представлялъ изъ себя единое и цѣлое по тому, что былъ динъ и цѣлъ;» и на вопросъ: по чему концы сопротивопоставляются динъ другому? Г. Соловьевъ отвѣчаетъ, что это происходитъ отъ того, что въ древности конецъ составлялъ родъ, состоялъ изъ однихъ родственниковъ, и по тому имѣетъ свое отдѣльное существованіе; когда же вопросъ измѣняется, и вы спрашиваете: а по чему онъ думаетъ, что въ древности каждый конецъ составлялъ особый родъ? На это Г. Соловьевъ дастъ вамъ одинъ отвѣтъ, что такъ какъ были въ Новгородѣ концы и имѣли отдѣльное существованіе, то, слѣд., каждый изъ нихъ представлялъ собою особый родъ. Вотъ оно что и какъ!!

И такъ, было ли первоначальное значеніе концовъ съ ихъ самобытностію и цѣлостію, родовое, или не родовое, для разрѣшенія этого вопроса въ пользу родоваго быта нѣтъ данныхъ; но во времена историческія эта самобытность, цѣлость ихъ, уже держалась на другомъ началѣ. Принимая же въ соображеніе чрезвычайную способность Новгорода дробиться на братчины, подобнео храмовымъ, уличнымъ и другимъ, о коихъ будетъ сказано ниже, мы считаемъ самый Новгородскій конецъ не чѣмъ инымъ, какъ братчиною, соединенною въ самой себѣ и отдѣленною отъ братчинъ другихъ концовъ особымъ

поселеніемъ и особымъ храмомъ, общимъ для цѣлаго конца. Такимъ образомъ Новгородъ, въ основахъ своей жизни, не представляетъ собою ни чего особаго отъ другихъ частей Россіи, выражаетъ собою общій народный духъ, общій народный Русскій складъ: основы этѣ тѣ же, какъ всюду у насъ, и различіе не въ нихъ, а въ ихъ силѣ, въ силѣ вліянія ихъ другъ на друга.

Новгородъ страдалъ безсиліемъ начала семейнаго; самъ сознавалъ болѣзнь свою, мучился и съ жалобами высказывался о своихъ страданіяхъ, объ этомъ отсутстствіи любви въ жизни его, объ этомъ себялюбіи, сребролюбіи, зависти, объ этомъ братоненавидѣніи, которыя наполняли собой жизнь его. Жалобы этѣ проходятъ чрезъ всю Новогородскую исторію и придаютъ ей какой-то пустынный, могильный отпечатокъ. Вотъ образчики этѣхъ жалобъ: Подъ 1230 годомъ, послѣ описанія открытой борьбы между частями въ самомъ Новгородѣ и предъ разсказомъ о страшномъ голодѣ и морѣ, мы читаемъ въ 1-й Новогородской лѣтописи: «и Богъ, видя наше беззаконіе и братоненавидѣніе, и строптивость (непокореніе) другъ передъ другомъ, и зависть, и обращеніе крестной клятвы въ орудіе лжи, навелъ на насъ поганыхъ и обратилъ въ пустыню землю нашу.» Подъ 1268 годомъ, послѣ описанія кровавой Раковорской битвы, лѣтописецъ обращается къ своимъ братьямъ Новогородцамъ съ слѣдующими, весьма замѣчательными, въ настоящемъ отношеніи, словами: «Мы, видѣвши весь этотъ ужасъ, кажется, должны бы были покаяться въ грѣхахъ своихъ, но мы еще на большое зло воздвигаемся: братъ брату завидуетъ, и изъ зависти готовы другъ друга съѣсть; даемъ мы крестную клятву, и снова преступаемъ ее.» Съ подобными же словами онъ обращается къ нимъ и по описаніи зари побѣды нашей надъ Монголами, въ 1383 году: «Въ лицѣ иноплеменниковъ, которые вооружаются на насъ, вооружаются грѣхи наши, да отступимъ отъ неправдъ, отъ братоненавидѣнія, и отъ сребролюбія, и отъ насилія»... Гласъ вопіющаго въ безмолвной, мертвой пустыни! Нѣтъ отклика ему; жизнь, терявшая печать жизни, не сдерживается имъ, волнуемая страстями, несется своимъ токомъ; сребролюбіе и строптивость стираютъ слѣды любви къ собрату, будятъ зависть, ведутъ къ насилію, клятвопреступленіямъ, и братоненавидѣніе царитъ въ жизни Нов-

города. Семейное чувство любви, очевидно, не выводило Новгородца изъ его тѣснаго семейнаго круга въ жизнь гражданскую, не согрѣвало, не развивало ее въ себѣ до чувства народности и отечестволюбія. Выступая за предѣлы семейнаго круга, Новогородецъ являлся себялюбомъ, сребролюбцемъ, или, какъ Бояринъ, надменнымъ. Этѣмъ-то отсутствіемъ живаго проявленія семейнаго чувства въ жизни гражданской объясняются дико жестокія преслѣдованія Новгородцами и братчинами, также какъ частными лицами, своихъ согражданъ, преслѣдованія безъ всякихъ формальныхъ изслѣдованій, по проискамъ, по одному подозрѣнію, справедливому, или несправедливому, преслѣдованія явныя и тайныя. Примѣровъ подобнаго жестокаго преслѣдованія Новгородская исторія представляетъ множество. Мы уже видѣли, какъ жестоко преслѣдовали Новгородцы своего Посадника Димитрія, съ его двумя братьями и съ дѣтьми, и все это было безъ формальнаго суда, по проискамъ съ одной стороны, и въ месть съ другой, за то, что Посадникъ, поставленный Новгородомъ подъ два удара, или со стороны сильнаго Князя, или со стороны Новогородцевъ, сопротивопоставленный нарочно Князю, не пошелъ подъ ударъ Князя и не воспротивился волѣ его, когда онъ облагалъ Новогородцевъ, въ пользу Владимиро-Ростовской области, податями и повинностями, на которыя Новогородцы, изъ страха къ Великому Князю, сами же согласились, имѣя полную возможность, какъ отдѣльная область, не состоящая въ прямомъ подданствѣ къ Князю Владимиро-Ростовскому, отказаться, по вѣчевому рѣшенію, отъ исполненія этой воли. Они согласились при этой возможности отказаться, а Посадникъ, лишенный ихъ же согласіемъ всякихъ средствъ для противодѣйствія и лежащій теперь на смертномъ одрѣ отъ ранъ, полученныхъ имъ во время Рязанскаго похода, виноватъ, что они согласились, виноваты двое его братій приверженцевъ, виноваты дѣти его, и всѣ они лишены огромнаго своего достоянія, даже самому праху Посадника, тѣмъ двумъ приверженцамъ и дѣтямъ его, нѣтъ мѣста въ Новгородѣ. Безъ суда, безъ формальнаго изслѣдованія, убитъ былъ, въ княженіе Андрея, другой Посадникъ, Захарій; при Невскомъ третій (Михаилъ Степановичъ); въ 1220 году такая же участь грозила Посаднику Твердиславу, но онъ имѣлъ много приверженцевъ на своей сторонѣ, которые силой спасли его отъ смерти. Такъ жестоко поступали Новгородцы съ лучшими своими согражданами: какъ же они

дѣйствовали въ отношеніи лицъ менѣе значительныхъ? Многіе примѣры говорятъ, что жизнь гражданина Новогородскаго не имѣла ни малѣйшей законной обезпеченности противъ произвола страстей. Убить своего согражданина для Новгородца значило не много; а разграбить открытымъ, какъ будьто бы какимъ ни будь законнымъ, нападеніемъ, домъ и имущество согражданина, это была вещь обыкновенная. Нашъ исторіографъ задумывается надъ введеніемъ смертной казни въ XIV ст. и вообще надъ жестокостію наказаній, появившихся тогда въ Москвѣ, и приписываетъ это вредному вліянію Монголовъ на наши нравы, одичавшія и остраствившіяся, въ слѣдствіе ига Монголовъ: до какой степени справедливо сіе предположеніе, мы выскажемъ объ этомъ свое мнѣніе въ исторіи Москвы; но эта натуральная одичалость, эта звѣрская страсть, наполняетъ, въ настоящемъ отношеніи, всю исторію Новгорода, начиная съ первыхъ временъ до XVI столѣтія включительно, составляя собой общую черту ея. Самое избіеніе Варяжской дружины Ярослава, и избіеніе тогда же самимъ Ярославомъ многихъ Новгородцевъ, не дѣти ли этой одичалости и страсти, какъ и дѣло грабежа, совершеннаго Новгородцами Боярами около 1118 году? Чувство семейное, говоримъ мы, было такъ слабо въ Новгородѣ, что не выступало почти за предѣлы семьи. Не братскія объятія простиралъ Новгородецъ своему согражданину, не брата видѣлъ въ немъ: они были чужды между собою, и встрѣча ихъ была холодна, полна недовѣрчивости; отношенія политически расчетливы: ибо каждый Новгородецъ безъ участія смотрѣлъ на гибель своего согражданина, хладнокровно готовилъ ему самъ эту гибель. Это еще поразительнѣй подтверждается измѣнами Новгородцевъ въ отношеніи къ Новгороду, ихъ посягательствомъ, изъ личныхъ своихъ видовъ, на благосостояніе родины, и самими подозрѣніями въ подобнаго рода измѣнахъ Новгорода въ отношеніи Новгородца даже цѣлаго Новгорода. По подозрѣнію въ измѣнѣ, въ 1167 году, погибъ Посадникъ Захарій съ двумя другими Новгородцами. Въ 1193 году выступилъ изъ Новгорода небольшой отрядъ подъ начальствомъ Ядрея, въ землю Югорскую, для собранія дани. Югра встрѣтила его съ оружіемъ въ рукахъ; однако жь, не смѣя дѣйствовать наступательно, заключалась въ городахъ и искала хитростію изгубить дружину Новогородскую. Уже одинъ изъ городовъ ея взятъ Ядреемъ, другой осажденъ; осажденные не сдаются, но обѣщаютъ

въ дань серебро, соболи и другія дорогія вещи, увѣряя, что они покорны, но что не могутъ заплатить дани, по тому что ея нѣтъ въ сборѣ; просятъ отсрочки, и Ядрей медлитъ приступомъ; довѣряется имъ до того, что, по приглашенію ихъ, отправился даже въ осажденный городъ съ двѣнадцатью человѣками своей дружины и съ Священникомъ... Ядрей со всѣми вошедшими погибъ подъ мечами осажденныхъ. Между тѣмъ дружина Новогородская не знаетъ о гибели своего вождя, и 80 человѣкъ изъ нихъ вдаются въ тотъ же обманъ, какъ и самый вождь: заманивъ въ городъ, Югра всѣхъ почти ихъ избила, и только нѣкоторымъ готовила плѣнъ, или требовала отъ нихъ выкупа. Какая же сцена раскрывается между свѣдѣтелями гибели своихъ собратій! Ищите подобной между событіями другихъ частей Россіи, и вы не найдете; самое воображеніе ваше не можетъ представить подобнаго: «послѣ сего,» говоритъ лѣтописецъ, т. е., послѣ избіенія коварнымъ образомъ многихъ Новогородцевъ, «Савка (одинъ изъ дружинниковъ Новогородскихъ) сказалъ Князю Югорскому: «Если ты, Князь, не убьешь Якова Прокшинича (боевой сотоварищъ Савки), и отпустишь его въ Новгородъ живымъ, то онъ опять приведетъ сюда дружины, для опустошеній земли твоей;» и Князь Югорскій далъ приказаніе умертвить Якова, при чемъ сей послѣдній, обратившись къ Савкѣ, сказалъ: «Братъ, да судитъ тебя Богъ въ твоей злой измѣнѣ своимъ братьямъ, Новогородцамъ, и станешь предъ лицомъ Божіимъ и дашь отвѣтъ за кровь нашу!» сказавъ это, онъ немедленно, въ слѣдъ за тѣмъ, былъ умерщвленъ. Сей Савка прежде того тайнымъ образомъ сносился съ Княземъ Югорскимъ противъ братій своихъ, Новогородцевъ.[118] Вотъ образчикъ внутренняго распаденія Новгорода! Можно ли послѣ сего имѣть къ кому либо довѣренность, когда, измѣняя своей родинѣ, предательски выдавая дружину Новогородскую, соединясь съ врагами, губителями роднаго, самъ же Новогородецъ острить вражескій мечь на сотоварища своей боевой жизни и остается непокойнымъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не палъ подъ ударами меча и не забрызгалъ его кровію своею?

---

[118] Нов. I, стр. 21.

И духъ недовѣрія исполняетъ дѣйствительно остатки этой небольшой дружины Новгородской: она не объемлется ужасомъ, не проникается чувствомъ негодованія при слухѣ о подобномъ предательствѣ; для нея, какъ будьто бы, это вещь обычная, и каждый дѣлается только осторожнѣе, ожидая подобнаго же предательства со стороны другихъ своихъ сотоварищей; и вотъ на самомъ дѣлѣ находятъ новыхъ предателей, мнимыхъ, или дѣйствительныхъ. «Въ то время возвратилоя остатокъ дружины изъ Югры, убивъ тогда же Сбышку Волосовича, Давида Нѣгоцевича и Моислава Поповича, а остальнымъ изъ обвиняемыхъ дозволивъ откупиться отъ наказанія деньгами: на тѣхъ и другихъ товарищи имѣли подозрѣніе въ измѣнѣ и въ тайныхъ сношеніяхъ съ Княземъ Югорскимъ; но справедливо ли было это подозрѣніе — одинъ Богъ знаетъ.» [113] Въ 1219 году посланные за данью въ сѣверовосточныя части Новгородскихъ владѣній держали путь свой чрезъ Владимиро-Ростовскія земли; но тамошніе Князья не пропустили ихъ чрезъ свои владѣнія и они принуждены были возвратиться въ Новгородъ безъ дани: эта неудача въ исполненіи ими порученія произошла отъ измѣны Посадника и Тысяцкаго. Сіи послѣдніе, Твердиславъ и Якунъ, измѣнили Новгороду и нарочно посылали къ Великому Владимирскому Князю съ просьбою, чтобъ онъ не пропускалъ данниковъ Новогородскихъ чрезъ свои земли; весь Новгородъ вѣритъ этому, сильные сторонники Посадника, защищавшіе его постоянно, безмолвствуютъ теперь, и Посадникъ и Тысяцкій смѣнены за свою измѣну, [114] которой никогда не было, не могло быть; ибо задерживать данниковъ Новогородскихъ на пути было столь же обыкновеннымъ орудіемъ Владимирскихъ Князей противъ Новгорода, во время неудовольства ихъ на него, какъ и взятіе подъ стражу въ это время всѣхъ Новогородскихъ торговцовъ въ предѣлахъ Великаго Княжества; да и сами Новогородцы въ тотъ же годъ явно признали свое по-

---

[113] Тамъ же.

[114] И не пусти ихъ Гюрги, ни Ярославъ, сквозѣ свою землю, и придоша Новугороду въ лодьяхъ. И ста по полю шатры на зло. И замыслиша Твердиславъ и Якунъ Тысячьскый, заслаша къ Гюргу не пустити ихъ туда, и възводиша городъ. Тогда отъяша посадничьство у Твьрдислава и даша Семену Борисовичю, а тысяцьское у Якуна, и даша Семьюну Емину. Нов. I, стр. 37.

дозрѣніе неосновательнымъ, выразивъ это признаніе введеніемъ, вскорѣ за тѣмъ, и Твердислава и Якуна въ должности, потерянныя ими. Въ 1233 году бѣглецы Новогородскіе, составлявшіе простую дружину Новогородскаго изгнанника, Боярина Бориса Нѣгоцевича, скрывшагося, вмѣстѣ съ другими Боярами, въ землѣ Чюдской, соединились съ Нѣмцами и, вмѣстѣ съ ними, устремились на одинъ изъ городовъ Новогородскихъ владѣній (Изборскъ), думая овладѣть имъ при внезапномъ нападеніи. Въ 1240 году Нѣмцы овладѣли Псковомъ, и начали тамъ господствовать: не завладѣніе предъ тѣмъ передовою крѣпостію, Изборскомъ, не гибель дружинъ самаго Пскова, стремившихся вырвать эту крѣпость изъ рукъ Нѣмцевъ, ввели Нѣмцевъ во владѣніе Пскова, а измѣна Твердила Ивановича и другихъ Псковитянъ, которые имѣли тайныя сношенія противъ роднаго своего города, для того, чтобъ тамъ господствовать, вмѣстѣ съ Нѣмцами. Такъ говорятъ всѣ Новогородскія лѣтописи; такъ говоритъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ Новогородскихъ, и одна изъ лѣтописей Псковскихъ; но вѣрить ли этому? Изборскъ былъ взятъ не измѣною, а силою; не измѣна, а сила, поразила Псковитянъ подъ Изборскомъ; не измѣна, а сила, уничтожила посадъ Пскова, и если Твердило считалъ послѣ того необходимымъ уклониться отъ дальнѣйшей борьбы съ Нѣмцами, явно высказывался по этому предмету, даже согласно съ этѣмъ убѣжденіемъ и дѣйствовалъ, то была ли тутъ съ его стороны какая ни будь измѣна? Въ чемъ же заключалась его измѣна? не въ томъ ли же, въ чемъ заключалась измѣна Новогородскаго Посадника, Дмитрія? Говорятъ, что онъ измѣнилъ Пскову для того, чтобъ, вмѣстѣ съ Нѣмцами, господствовать въ немъ; но если онъ не былъ правителемъ Пскова, то переговоры съ Нѣмцами велъ не онъ, и, слѣдовательно, сдача города сдѣлана была не имъ; а если онъ былъ правителемъ, то господство Нѣмцевъ на столько же стѣснило его, на сколько стѣснило оно самихъ Псковитянъ, по чему ему не было ни малѣйшей выгоды въ семъ случаѣ согласиться, безъ крайней надобности, на сдачу города. И такъ городъ сданъ былъ Нѣмцамъ по необходимости, и въ этой сдачѣ не могло быть измѣны со стороны Твердила Ивановича; а если Твердило, при этой вынужденной сдачѣ, успѣлъ достигнуть того, что Нѣмцы подѣлились съ нимъ властію надъ Псковомъ, то подобное вниманіе къ нему Нѣмцевъ не можетъ служить сколько ни будь достаточнымъ основаніемъ къ

подозрѣнію, что Твердило воспользовался этѣмъ видимымъ вниманіемъ въ слѣдствіе услугъ, оказанныхъ имъ до того времени Нѣмцамъ противъ родины: между побѣдителями и невполнѣ побѣжденными долженъ былъ быть посредникъ, и имъ могъ быть и не Твердило, а другой кто либо изъ представительныхъ Псковитянъ. Тѣ же лѣтописи, говоря объ освобожденіи Пскова Невскимъ, разсказываютъ только о Нѣмцахъ и Чюди, которые засѣли уже къ тому времени въ Псковѣ, разсказываютъ о заточеніи ихъ Александромъ, и не говорятъ ни слова, какую при этомъ имѣлъ участь Твердило Ивановичъ съ своими соумышленниками; но, конечно, ни Александръ, ни Новогородцы, ни сами Псковитяне не пощадили бы ихъ, если бъ дѣйствительно была съ ихъ стороны какая либо измѣна, и о подобной гибели не умолчали бы лѣтописцы. Самый духъ исторіи Пскова, какъ увидимъ ниже, заставляетъ считать это подозрѣніе въ измѣнѣ Твердила неосновательнымъ, какъ неосновательно было подозрѣніе Новогородцевъ въ измѣнѣ будьто бы Новгороду со стороны Твердислава въ 1219 году. Молчаніе другого Псковскаго лѣтописца относительно этой измѣны со стороны Твердила еще болѣе подтверждаетъ неосновательность сего подозрѣнія. Тѣнь сильнаго подозрѣнія въ измѣнѣ, наброшенная Новогородскимъ лѣтописцемъ на Псковитянъ подъ 1348 годомъ, была, какъ увидимъ ниже, то же одною лишь тѣнью настроенія самаго Новгорода видѣть всюду измѣны, или лучше тѣнью давней и продолжительной измѣны самаго Новгорода въ отношеніи Пскова, а не тѣнью дѣйствительной измѣны со стороны Псковитянъ.. Въ 1270 году Новгородскій Тысяцкій, Ратиборъ, явно измѣнилъ Новгороду и, дѣйствуя за Князя Ярослава Ярославича, успѣлъ было вооружить полчища Монголовъ на свою родину и двинуть ихъ противъ нея. [115] Самое бѣгство, въ 1137 году, Посадника Константина и другихъ Новогородцевъ къ Князю Всеволоду, котораго не хотѣли видѣть у себя Новгородцы, въ сущности было не что иное, какъ та же измѣна Ратибора. Также измѣнилъ Новгороду Посадникъ Якунъ, бѣжавшій съ

---

[115] Уже бо бяше Царь отпустилъ рать на Новъгородъ, по Ратиборову лживому слову; рече бо Ратиборъ Царю: «Новогородци тебе не слушаютъ; мы дани прошали тобѣ, и они насъ выгнали, а инѣхъ избили, а домы наши разграбили, и Ярослава безчьствовали.» Новг. I, стр. 62.

Святославомъ, вооружившимъ уже противъ себя Новгородцевъ. Что значитъ и бѣгство, въ 1216 году, четырехъ Бояръ къ Ярославу, когда они дали уже клятву Новгороду стоять за одно съ нимъ противъ Ярослава? Всѣ этѣ явленія—дѣти одной и той же шаткости Новгородца въ отношеніи своей полной шаткости родины, и иначе быть не могло при этомъ противорѣчіи началъ, въ коихъ думала успокоиться жизнь Новгородская, при этой привязанности къ вещественному, при этѣхъ страстяхъ, которыя обращали всякое нравственное начало въ оруіде собственное. Да не будемъ обманываться долѣе: не ясная, отчетливая привязанность всѣхъ этѣхъ Новгородцевъ къ новой жизни влекла ихъ за Князьями противъ родины, а духъ сторонъ, ихъ личныя выгоды, стѣснительное положеніе въ Новгородѣ: они инстинктуально чувствовали необходимость въ превозобладаніи новаго начала, но это начало было для нихъ не болѣе какъ орудіемъ къ простору страстей, подавляемыхъ страстями другихъ. Да и въ явленіяхъ послѣдняго рода мы видимъ не нравственную борьбу Новогородской жизни въ самой себѣ, не нравственную привязанность этѣхъ бѣглецовъ Новгородцевъ къ новой жизни, а также дѣйствительную измѣну ихъ своей области. Подозрительность въ измѣнѣ, самую измѣну, Новгородъ носилъ въ нѣдрахъ своихъ: въ своемъ своекорыстномъ направленіи, въ отсутствіи любви къ родинѣ, въ духѣ партій и подозрѣнія въ измѣнѣ въ дѣлахъ черныхъ, какъ самая измѣна, возникали въ немъ безпрерывно, какъ на почвѣ родной имъ. Ни одна изъ частей Россіи въ семъ отношеніи не представляетъ своею исторіею такого страшнаго разъединенія между гражданами, такого поразительнаго отсутствія нравственныхъ началъ, какъ исторія Новгорода. Отсюда-то истекало недовѣріе вообще, равно какъ и недовѣріе въ помыслъ новой жизни, отсюда и несостоятельность Новгорода, его гибель. Это зло проникало всюду и отравляло всю жизнь. Въ 1316 году Новгородцы убили своего собрата, и трупъ его свергли съ Волховскаго моста: они обвиняли этого собрата въ измѣнѣ. [116] Тогда же одинъ

---

[116] Князь Михаилъ идетъ съ войскомъ противъ Новгорода: Еще не дошедшю Князю Михаилу до города, яша (Новогородци) Игната Бѣска, и биша й на вѣчи, и свергоша й съ моста въ Волховъ; творяхуть бо его перевѣтъ державша къ Михаилу, а Богъ то вѣсть. Нов. I, стр. 71.

холопъ убилъ въ полѣ своего господина, и оправдывался предъ Новгородомъ тѣмъ, что его господинъ былъ измѣнникъ Новгороду, сносился чрезъ него, холопа, съ врагомъ Новгорода, Михаиломъ, Княземъ Тверскимъ. [117] Въ 1342 году Бояринъ Лука Вареоломѣевичъ отправился изъ Новгорода громить землю Заволоцкую. Онъ успѣлъ поставить тамъ городокъ Орлецъ, забрать на щитъ всѣ Подвинскіе погосты, и вдругъ въ одной схваткѣ съ Заволочанами былъ убитъ. Но Заволочане ли, однако жь, во время битвы убили его? Лѣтописецъ говоритъ—да; чернь же Новогородская, самъ сынъ Луки, Онцифоръ, бывшій Посадникъ Матвѣй и другіе Бояре, что происки Посадника, своя же братья, избили Луку. [118] При этѣхъ измѣнахъ, при этѣхъ происках, при этомъ общемъ себялюбіи, Новгородецъ долженъ былъ потерять сочувствіе къ благородному, потерять вѣру въ людей; самый достойный могъ являться уже въ глазахъ его себялюбомъ недостойнѣйшимъ; и онъ рано уже началъ страдать этою болѣзнію подозрительности и недовѣрія къ благородству людей. Разсказъ лѣтописца подъ 1156 годомъ заслуживаетъ въ этомъ отношеніи особаго вниманія. Новогородцы, по этому разсказу, винили тогда главу своего Духовенства, Архіепископа Ни-

---

[117] Данилко Писцевъ убьенъ бысть, на рли, отъ своего холопа; обадилъ бо его бяше къ горожаномъ, тако река: «Посылалъ мя съ грамотами къ Михаилу Князю.» Тамъ же.

[118] И взя всю землю Заволоцкую по Двинѣ и вся погосты на щитъ. Въ то же время сынъ его Онцифоръ отходилъ на Вагу, Лука же въ дву сту выѣха воевать, и убиша его Заволочане; а пріиде вѣсть въ Новъгородъ: «Лука убіенъ бысть,» и въсташа чръныи люди на Ондрѣшка, на Өедора, на Посадника на Данилова, а тако ркущи: яко тѣ заслаша на Луку убити, и пограбиша ихъ домы и села; а Өедоръ и Ондрюшко побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдѣша зиму всю и до великаго говѣнья. И въ то время пріиде Онцифоръ, и би челомъ Новугороду на Өедора и на Ондрѣшка: «Тѣ заслаша моего отца убити;» и Владыка и Новъгородъ послаша Архимандрита Есипа съ Бояры въ Копорью по Өедора и по Ондрѣшка, и они пріѣхаша и ркоша: «Не думали есмы на брата своего, на Луку, что его убити, ни засылали на него;» и Онцифоръ съ Матөѣемъ възвониша вѣче на Ярославлѣ дворѣ; и посла Онцифоръ съ Матөѣемъ Владыку на вѣче, и не дождавши Владыки съ того вѣча, и удариша на Ярославль дворъ, и яша ту Матөея Коску и сына его, Игната, всадиша въ церковь, а Онцифоръ убѣже съ своими пособники. То же бысть въ утрѣ, а по обѣдѣ доспѣша весь градъ, ся сторона собѣ, а она собѣ.

фонта, въ томъ, что онъ, будьто бы, воспользовался богатствами Софійскаго храма, обобралъ этотъ храмъ, и съ богатствами, такимъ образомъ добытыми, удалился изъ Новгорода; между тѣмъ, по свидѣтельству лѣтописца, подтвержденному событіями, только одна подозрительность клеветала сдѣсь на Святителя заботливаго о нуждахъ своей паствы, на Святителя истиннаго въ дѣлахъ своихъ, бывшихъ уже предъ лицомъ самихъ же Новогородцевъ, на Святителя, [119] котораго, по выраженію того же лѣтописца, Новогородцы не достойны были имѣть.

Это-то неразвитіе семейнаго начала, эта холодность и жестокость отношеній, это себялюбіе и, непремѣнный плодъ ихъ, недовѣрчивость, рано поразили Новгородъ даже въ самомъ главномъ жизненномъ его мѣстѣ, раздвоивъ два начала, необходимыхъ для жизни Государственной и сдѣлавъ изъ нихъ начала враждебныя между собою. Мы говоримъ о распаденіи Новгорода на Софійскую и Торговую Стороны.

Начальный раздоръ между этѣми Сторонами относится ко временамъ доисторическимъ. Народный разсказъ сохранилъ, однако жь, преданіе объ немъ. Пусть лица этого разсказа и вымышлены, за всѣмъ тѣмъ содержаніе, нѣтъ ни какого сомнѣнія, взято изъ древней жизни Новогорода, принадлежитъ ей, и до такой степени было народно, что, переживая столѣтія, видоизмѣнялся вмѣстѣ съ измѣненіями Новогородскаго быта, дополнялся, и съ однимъ изъ своихъ измѣненій и дополненіемъ дошелъ до нашихъ временъ. Первая черта, которою означается въ этомъ разсказѣ древній Новогородскій Бояринъ, это—отсутствіе всякаго нравственнаго начала, кромѣ перваго начала семейной жизни—послушанія воли родительской и при.

[119] Тои же веснѣ преставися Архепископъ Нифонтъ, Априля въ 21. Шьлъ бяше Кыеву противу Митрополита, иніи же мнози глаголаху, яко полупивъ Св. Софію, пошьлъ Царюграду; и много глаголаху на нь, нъ собѣ на грѣхъ. О семъ бы разумѣти комуждо насъ: который Епископъ тако украси Св. Софію? Притворы испьса, кивотъ створи и всю извъну украси, а Пльсковѣ Св. Спаса церковь създа каменну, другую въ Ладозѣ Св. Климента. Мьню бо, яко не хотя Богъ, по грѣхомъ пашимъ, дати намъ на утѣху гроба его, отведе й Кыеву, и тамо преставися. Нов. I, стр. 12.

томъ не всегда; погруженіе жизни въ самыхъ грубѣйшихъ матеріяльныхъ наслажденіяхъ, страшный запасъ матеріяльныхъ силъ и стремленіе этѣхъ силъ къ простору; второю чертою Новогородскаго Боярина разсказъ представляетъ надменность или пренебреженіе къ низшимъ, которые обезразличиваются предъ нимъ всѣ въ имени мужика; третьею чертою Новогородскаго Боярина является стремленіе господствовать. Этѣ же мужики, въ свою очередь, являются уклончивыми, хитрыми, но въ то же время готовыми на открытый бой, на кровопролитіе, готовыми жить своимъ умомъ. Между Боярами и этѣми мужиками находятся особыя лица, особаго рода богатыри. Вотъ основы, изъ которыхъ развивается разсказъ. Подробности его заключаются въ слѣдующемъ: Василій Буслаевичъ, сынъ одного изъ правителей Новогородскихъ, потерявъ отца, живетъ и воспитывается у своей матери, матерой вдовы Амельфы Тимофѣевны; но, почувствовавъ силу, онъ, какъ звѣрь, начинаетъ выходить на самобытный промыслъ, и общество довоспитываетъ уже его совершенно. Это окончательное воспитаніе состоитъ въ томъ, что онъ пьетъ и гуляетъ съ молодцами, удальцами Новогородскими, и вмѣстѣ съ ними потѣшается надъ младшими братьями, мужиками: колотитъ ихъ на игрищахъ по улицамъ, ломаетъ имъ руки и ноги, забиваетъ до смерти. Мужики Новогородскіе все люди Посадскіе, богатые, соединяются противъ нашего удальца Боярина: но что имъ дѣлать? Между удалымъ Бояриномъ и ими нѣтъ мирителя, кромѣ матери вдовы, Амельфы Тимофѣевны: и вотъ они несутъ жалобу на молодаго Боярина къ матерой вдовѣ, которая и увѣщеваетъ сына не пить вина до пьяна, не шутить шутокъ до смерти съ мужиками Новогородскими; что если онъ и побьетъ изъ тысячу, а за тысячью имъ смѣты нѣтъ; но сынъ не страшится бѣды со стороны мужиковъ-то Новогородскихъ: ему страшнѣй слово материнское, и онъ, кланяясь ей до сырой земли, даетъ ей слово не ходить для потѣхъ на улицу на Рогатицу, [120] не сводить тамъ дружбы со удалыми молодцами, и перестать шутить шутки богатырскія; но, въ свою очередь, замѣчаетъ, однако жь, что не таланъ же ему сидѣть дома, не таланъ истратить силы, не испробовавъ ихъ; что прідетъ время, и возметъ онъ въ руки мужи-

[120] На Торговой сторонѣ, въ Плотницкомъ Концѣ.

ковъ Новогородскихъ, и придутъ они къ нему съ покореніемъ; и въ то же время проситъ у матери позволенія потѣшиться съ мужиками Новогородскими дома, а для этого, да прикажетъ она родимая; своимъ словомъ, накурить зелена вина, наварить меду пьянаго. И вотъ Василій Буслаевичъ готовитъ потѣху мужикамъ Новогородскимъ у себя дома; для чего сейчасъ же, послѣ объясненія съ матерью, онъ отправляется во высокъ теремъ и пишетъ ярлыки зазывные словами мудрыми, и разсылаетъ ихъ съ бирючими по городу. Уже у него предъ домомъ чаны съ медомъ пьянымъ, съ зеленымъ виномъ, уже на зазывныя его грамотки, коими онъ приглашалъ къ себѣ на пиръ всю удаль молодецкую, идутъ къ нему, что ни лучшіе, что ни могучіе богатыри Новогородскіе, пьютъ однимъ духомъ огромныя чары зелена вина не спрашиваючи, а молодой нашъ хозяинъ, согласно обѣщанію, испробывая въ слѣдъ за тѣмъ ихъ богатырскую силу ясеновою палочкою, налитою свинцомъ, всего въ двѣнадцать пудъ, на ихъ богатырскомъ тѣлѣ, не нарадуется и не натѣшится ихъ могучей силѣ, принимаетъ ихъ какъ дорогихъ гостей, величаетъ ихъ названными братцами, прибавляя, что они лучше для него братцевъ родимыхъ; носитъ съ ними платье съ одного плеча, пьетъ, гуляетъ съ ними отъ утра до вечера, отъ ранней утренней зари до свѣту бѣлаго; между ними—лица разнаго рода, есть и мужики, есть и дѣти Боярскіе. Наши Посадскіе мужики все люди богатые, между тѣмъ догадываются, къ чему клонятся потѣхи молодаго Боярина, опасаются удалыхъ намѣреній и думаютъ узнать ихъ положительно посредствомъ одной хитрости. Объясненіе ихъ между собою, по сему предмету, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Оно было сдѣлано на сходкѣ или вечѣ, гдѣ господствовалъ голосъ одного старика, съ мнѣніемъ котораго они всѣ согласились. Одинъ старецъ говорилъ про Буслаевича: «Прежде шутилъ онъ шутки великія: сиротилъ людей, смѣты нѣтъ; а теперь задумалъ дѣло злое: прибираетъ насъ подъ свои руки крѣпкія, владѣть нами на своей волѣ. Не дѣтищу ругатися надъ мужиками Посацкими; поживемъ мы, люди посацкіе, своимъ умомъ. Созовемъ пиръ на цѣлый міръ для Василія Буслаевича. Будетъ онъ на пиру, ударимъ ему отъ всей поземщины, поднесемъ ему братину вина заморскаго. Будетъ станетъ пить, во хмѣлю промолвится; будетъ пить не станетъ, онъ зло на насъ мыслитъ. Будетъ не кормилецъ нашъ, сорвемъ ему буйну голову со могучихъ плечь. Насъ бѣлый

свѣтъ не охулитъ, не положитъ намъ остуды. Не одинъ онъ въ Новгородѣ: промыслимъ добраго молодца по сердцу.» Чрезвычайно какъ живо, въ этѣхъ немногихъ словахъ, обрисованъ бытъ Новгородскій, даже историческій; но онъ еще живѣй въ развязкѣ почетнаго пира, который былъ сдѣланъ для нашего молодаго Боярина. Мать, умная, предупредила сына, чтобъ онъ на пиру не пилъ много, не величался бы похвальбами предъ мужиками Новогородскими и держалъ себя скромно. Сынъ долго выдерживалъ этотъ характеръ, но, принужденный наконецъ выпить братину зелена вина, въ слѣдствіе общаго воззванія: «Кто хочетъ дружить Новгороду, тотъ пей зеленое вино до суха!» нашъ Бояринъ невольно высказалъ предъ мужиками свою думу тайную, завѣтную. «Заиграла въ немъ хмѣлинушка, закипѣла кровь молодецкая, и сталъ Васька похвалятися: «Глупые вы, неразумные мужики Посацкіе! Возметъ Василій Буслаевичъ Новгородъ за себя; править онъ будетъ мужиками Посацкими по своей волѣ; брать будетъ пошлины даточныя со всей земли: съ лову заячьяго и гоголинаго, съ заѣзжихъ купцевъ пошлины мытныя, а мужикамъ Посацкимъ лежать у ногъ моихъ.» Не пондравилась нашимъ мужикамъ рѣчь эта, и закричали они всѣ во едино слово: «Младъ еще ты, дѣтище: незрѣлъ твой умъ; не бывать за тобой Новогороду; потерять тебѣ буйну голову! Не честь тебѣ съ нами жить; нѣтъ про тебя съ нами земли!» Разгорается при этѣхъ словахъ сердце молодецкое пуще прежняго, распаляется голова буйная: «Не честь мнѣ съ вами жить,» говоритъ тогда Буслаевичъ мужикамъ Новогородскимъ: «Иду съ вами перевѣдаться.» Встаетъ онъ изъ за стола дубоваго, встаетъ—не кланяется, да только и видѣли его. Дѣло должно было рѣшиться открытымъ боемъ. Мужики Посадскіе положили между собою: «битися, дратися со всею дружиною» (т. е., всѣми силами). Мольбы матери, испуганной за сына, не тронули ихъ; они отринули самые дары, принесенные ею, и хотѣли одной только гибели ея сына: «Намъ не надобно злата и серебра и каменья самоцвѣтныя: дорога похвальба Буслайченкова; намъ надобна его буйная голова!» говорили они въ отвѣтъ на ея моленія и дары, и собиралися ратью сильною противъ Буслаева. Тогда мать, чуя бѣду, возвратившись домой, догадалася, схватила Ваську въ беремище, кидала въ погреба бѣлокаменные, задвигала двери засовами желѣзными, засыпала песками сыпучими. Бой долженъ былъ завязаться съ удалыми добрыми мо-

одцами, которыхъ поилъ и кормилъ Василій Буслаевичъ, т. е., съ го названными братцами, хотя и не всѣ они могли участвовать ъ дѣлѣ, по тому что нѣкоторые въ это время были совершенно ьяны. Посадскіе мужики, разломавши ворота дома Буслаевыхъ, ыли, однако жь, оттѣснены въ улицу, гдѣ, послѣ долгаго боя и отступленія, наконецъ начали брать верхъ надъ стороной Василія; но, знавъ о положеніи дѣла и, вѣроятно, проспавшись, Василій однимъ огатырскимъ напоромъ сокрушаетъ погреба бѣлокаменные, въ оторые заключила его мать, и своимъ явленіемъ вдохновляетъ своихъ молодцевъ, ломитъ силу Посадскихъ мужиковъ, устилаетъ ими лицы. Мужики Посадскіе тогда кинулись съ богатыми дарами къ атери, чтобъ она остановила свое милое дѣтище, да не побьетъ нъ ихъ всѣхъ, а оставитъ хоть на сѣмена; но мать, въ свою очередь, не хочетъ ни принять отъ нихъ даровъ, ни слушать моленій и отсылаетъ ихъ съ нечестіемъ. Бой между тѣмъ продолжается, и мужики Посадскіе пишутъ крѣпки записи: «Быть Новгороду а Ваською Буслаевичемъ.» Насыпаютъ чашу чистаго серебра, а ругую чашу краснаго золота съ каменьями самоцвѣтными, идутъ ъ матерой вдовѣ, къ честной женѣ, Амельфѣ Тимофѣевнѣ. Пришли ни къ терему высокому, бьютъ челомъ, покланяются. «О сударыня атушка! прими ты дороги подарочки, и уйми свое чадо милое, молода Василія со дружиною? А и ради мы платить на всякъ годъ о три тысячи, на всякъ годъ будемъ носить съ хлѣбниковъ по лѣбику, съ калачниковъ по калачику, съ молодицъ повѣнечное, ъ дѣвицъ повалешное, со всѣхъ людей съ ремесленныхъ, опричь Іоповъ и Дьяконовъ.» И на томъ ставили рѣчь свою мужики Посадскіе; на томъ окончился споръ между ними и Буслаевичемъ: мать ловомъ своимъ и посланнымъ извѣстіемъ къ сыну о покорности ужиковъ, прекратила бой, а Василій принялъ условія и началъ равить Великимъ Новгородомъ.[1] Здѣсь духъ произвола Бояр-

[1] Совѣтуемъ Г. Соловьеву обратить вниманіе на этотъ народный разсказъ, чтобъ точнѣе выразумѣть свою думу о родовомъ бытѣ въ Новгородѣ, о родовомъ бытѣ, изъ котораго онъ хочетъ развить Новогородскую исторію. Напрасно мы въ памятникахъ ищемъ слѣдовъ родоваго быта въ Новгородѣ; ихъ нѣтъ, а въ замѣнъ ихъ всюду слѣды распаденія болѣе нежели до семьи. Еще въ 1848 году мнѣ разсказывали въ Новгородѣ о существованіи тамъ двухъ церквей, рядомъ стѣна объ стѣну, основанныхъ во имя одного и того же Святаго; церкви

скаго, стремленіе къ господству не находятъ, какъ мы уже замѣтили, ни какой преграды, какъ только въ чувствѣ семейномъ, въ волѣ матери; а гдѣ эта воля не является посредникомъ, тамъ все опредѣляетъ сила физическая: перевѣсъ ея на сторонѣ Боярина.

Водвореніе власти Княжеской стѣснило этотъ раздоръ между Сторонами, обвозжавъ докняжескихъ Бояръ въ ихъ произволѣ и лишивъ ихъ прежняго вліянія на область; но движеніе Торговой Стороны противъ новой жизни лишило область раскинувшагося надъ нею Княжескаго покрова, и заставило Ярослава ввести докняжескихъ Бояръ въ ихъ прежнія права, съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что Князь оставался главнымъ судьею и правителемъ въ области. Усиліе нѣкоторыхъ Князей, потомковъ Ярослава, поставить

этѣ недавно разрушились, а были основаны, по разсказу, двумя частными лицами, принадлежавшими къ Неревскому Концу и не хотѣвшими бывать въ церкви одинъ другого, хотя этѣ церкви и не были ихъ домашнія. Принимая въ соображеніе, что въ разсказѣ о Буслаевичѣ нѣтъ помину о вмѣшательствѣ въ дѣла Буслаевича какой либо Правительственной или Княжеской власти, мы относимъ все главное содержаніе этого разсказа къ временамъ древнѣйшимъ; и замѣчая въ то время слѣды быта новаго въ упоминаніи о Попахъ и Дьяконахъ, въ самомъ имени богатыря разсказа, равно какъ и въ грамотности его, а также въ постройкѣ каменныхъ зданій (бѣлокаменны погреба), мы считаемъ настоящій разсказъ однимъ изъ видоизмѣненій разсказа древнѣйшаго. Вмѣстѣ съ этимъ мы не можемъ не замѣтить здѣсь, что выраженія Нестора: «Возсташа родъ на родъ, быша въ нихъ усобицы, и начаша воевати между собою,» имѣетъ, кажется, простѣйшій смыслъ, нежели какой думаютъ отыскать въ немъ новѣйшіе изслѣдователи: разсказъ о Буслаевичѣ есть вѣрный, хотя не полный, вѣрообразъ быта Новогородскаго, даже историческаго. Въ Боярствѣ Буслаевича мы не можемъ сомнѣваться: во первыхъ, онъ стремится быть правителемъ въ Новгородѣ, и подъ конецъ успѣваетъ въ этомъ, а правителя (Посадники) избирались въ Новгородѣ изъ однихъ только Бояръ; во вторыхъ, его отецъ былъ самъ надѣльнымъ правителемъ въ Новѣгородѣ; въ третьихъ, личность его противополагается всему сонмищу людей Посадскихъ, т. е., Торговой Сторонѣ, точно также какъ противоставлялись этой Сторонѣ Бояре; въ четвертыхъ, народный разсказъ позднѣйшаго времени, видоизмѣняя похожденія Буслаевича, причисляетъ его къ высшему сословію—къ Дворянству, въ составъ котораго, съ присоединеніемъ Новгорода къ Москвѣ, вошли и Новогородскіе Бояре; слѣдовательно, въ самомъ народномъ сознаніи даже позднѣйшаго времени онъ представлялся лицомъ высшаго сословія. Былины Руск. народа, въ Собр. пѣсенъ Руск. народа, т. V, стр. 59, 73, 77, 424, 433, 434, 435, 437, 438, 443, и 456.

полную отъ себя зависимость старое докняжеское начало, итно, но оно, по выше изложеннымъ причинамъ, осталось безоднымъ: грамоты, данныя Ярославомъ, торжествовали надъ этѣмъ влiемъ, и, при ослабленiи въ Государствѣ средоточной Великожеской власти, при явныхъ движенiяхъ Новгорода противъ новой зни, при движенiи его къ исключительности, власть Княжеская находила уже себѣ опоры въ Новгородѣ и, слѣдовательно, неставась внѣ состоянiя поддерживать равновѣсiе правды между двумя ждующими Сторонами, а тѣмъ болѣе поставлялся въ это положенiе Посадникъ, игравшiй только вторую судебно-правительственную роль въ Новгородѣ. Каждая сторона, при этомъ положенiи дѣлъ, жна была открыто сопротивоставляться другой. Такъ дѣйствительно и было; и какъ управленiе, судъ и расправа сосредоточены и во власти Князя и Посадника, то и раздоръ между Сторонами могъ не выразиться около этѣхъ точекъ. Мы видѣли уже, какъ ъ 1157 годомъ Стороны стояли открыто въ враждебномъ положенiи нѣсколько дней, готовые другъ противъ друга на бой, за зя Михаила Георгiевича, при чемъ Торговая поддерживала зя, а Софiйская была противъ него. Между 1257 и 1259 годами дшiе изъ Новогородцевъ сильно волновались, не хотя платить оловной дани Татарамъ, а въ то же время обвиняя Бояръ сво-, что они, соглашаясь на эту дань, думаютъ только избыть тять ея на младшихъ, и въ продолженiи этого времени убитъ адникъ, Михаилъ Степановичъ, и какой-то Миша. Пусть лѣтоецъ молчитъ о виновныхъ въ совершенiи убiйства и о томъ, что iство совершилось открыто при самомъ волненiи младшихъ, но я въ виду открытое тогда волненiе младшихъ противъ распоряiя Невскаго, готовность ихъ на насилiя и на бой, сдерживае только страхомъ, и принимая въ соображенiе, что Михаилъ вывался въ пользу Невскаго, мы не можемъ сомнѣваться, что Поникъ погибъ въ слѣдствiе тайнаго, или открытаго, движенiя младъ, какъ стоявшiй во главѣ Софiйской Стороны и принадлежавкъ одной изъ самыхъ значительныхъ фамилiй ея. Въ 1333 обѣ Стороны, вооружившись, стали одна противъ другой, овые на междусобiе, но, къ счастiю, подшедшiй къ этому времени ь, разломалъ Волховскiй мостъ и разобщилъ, такимъ образомъ, ждующихъ: о причинахъ вражды лѣтописецъ молчитъ. Въ 1342 открытая вражда Боярина Онцифора противъ Посадника по-

ставила снова подъ оружіе одну Сторону противъ другой. Подъ 1388 годомъ мы читаемъ въ Новогородской лѣтописи: «Востали три конца Софійской Стороны (слѣдовательно, вся Сторона) на Посадника Осипа Захарьича, ударили въ вѣчевой колоколъ у Св. Софіи, и съ вѣча въ полномъ оружіи, какъ какая ни будь сильная рать, отправились къ дому Посадника, взяли и разнесли по бревнамъ домъ его, самъ же Посадникъ бѣжалъ въ Плотницкій Конецъ. Вся Торговая Сторона (т. е., Концы Плотницкій и Славянскій) поднялась за него, начали грабить и бить людей (конечно, принадлежавшихъ къ противной Сторонѣ), отгоняли силой перевощиковъ отъ берега, барки и суда изсѣкли. Это враждебное положеніе двухъ Сторонъ продолжалось двѣ недѣли, наконецъ водворился опять миръ между ними, и Посадникомъ, вмѣсто Осипа, избранъ былъ Василій Иванвичъ. Въ 1418 году, въ открытомъ общемъ внутреннемъ волненіи обнаружились явные слѣды полнаго недовѣрія и ненависти между Сторонами: «Нѣкто Степанко, по внушенію дьявола, схватилъ Болрина, Данила Ивановича, Божина внука, и, держа его, закричалъ (вопіяше) къ бывшимъ подлѣ него людямъ: «Ой, друзья, помогите мнѣ противъ этого злодѣя!» Люди же, услышавши его вопль, бросились на Боярина, повлекли его, какъ злодѣя къ вѣчу; избили его до полусмерти (казнили его ранами близъ смерти); [122] потомъ утащили его полумертваго съ вѣча и бросили въ Волховъ съ моста. Нѣкто же людинъ, сынъ Лычковъ, соболѣзнуя объ участи Боярина, схватилъ его и втащилъ его къ себѣ въ челнъ. Преслѣдовавшіе Боярина закипѣли тогда негодованіемъ противъ этого рыбника, и разграбили домъ его. Спасенный Бояринъ, желая потомъ истить безчестіе, нанесенное ему Степанкомъ, захватилъ его и началъ мучить, хотя (желая) «вредъ изцѣлити, паче большую язву въздвиже»... ибо какъ скоро услышали, что Степанко захваченъ, то ударили въ вѣчевой колоколъ на Ярославовомъ Дворѣ: толпы стекались со всѣхъ сторонъ, крича дикимъ голосомъ (кричаху, вопіюще): «Н

---

[122] Во II Новогородской лѣтописи (стр. 136) здѣсь сдѣлано слѣдующее замѣчательное добавленіе: Баше же и се дивно, или на укореніе богатымъ, обидящимъ убогія, или казнь діавола; жена нѣкая, отвергши женскую немощь, вземіе мужскую крѣпость, выскочивъ посреди сонмища, даетъ ему раны (Боярину), и неистова глаголющи, «яко обидима есми имъ.» И свезши его (Боярина же сонма, срииуша его съ мосту, яко разбойника и зло дѣюща людемъ много.

идемъ на того Боярина, да и домъ его расхитимъ,» и въ этомъ крикѣ слились толпы, всѣ вооружились, и, взявши знамя, хлынули на Козьмодемьянскую улицу (Софійская Сторона), [123] разграбили домъ помянутаго Боярина и много другихъ домовъ; а также на Яневѣ (то же Софійская) [124] улицѣ весь берегъ пограбили. Тогда Козьмодемьянцы [125] (жившіе на Козьмодемьянской улицѣ Бояре), опасаясь, чтобъ сторона противная не рѣшилась на что ни будь худшее («да негорѣе будетъ на нихъ»), отняли Степанка у Боярина, чтобъ выдать его своимъ врагамъ, и для этого отправились къ Архіепископу съ мольбою, да перешлетъ его, Степанка, Архіепископъ къ собранію людскому, отъ себя. Святитель же, послуша моленія ихъ, послалъ его съ Попомъ да съ своимъ Бояриномъ; но когда противная сторона выручила Степанка, то какъ безумная («аки пьяны») вскипѣла гнѣвомъ на другого Боярина, на Ивана Невлича, жившаго на Чюдинцевѣ улицѣ (Софійская), [126] разграбила домъ его, а, вмѣстѣ съ нимъ, и много другихъ домовъ Боярскихъ, даже монастырь Св. Николая, что на полѣ, подъ предлогомъ, что будьто бы въ этомъ монастырѣ находятся житницы Боярскія. Потомъ, въ то же утро, разграбила множество дворовъ на Легощѣ улицѣ, [127] говоря: «Намъ супостаты суть;» когда же, въ слѣдъ за тѣмъ, она бросилась на Прускую улицу (Софійская Сторона), то встрѣтила уже отпоръ; «и оттолѣ нача злоба множитися:» прибѣжавъ на свою Торговую Сторону, кричали (рѣша), что Софійская Сторона хочетъ на нихъ вооружиться и разграбить дома ихъ; Софійцы, въ свою очередь, опасались нападенія со стороны противной: тогда начали звонить по всему городу; всѣ вооружились, и Софійцы и Торговцы; обѣ Стороны устремились къ, раздѣлявшему ихъ, Волховскому мосту, какъ на битву («аки на рать»); стрѣлы засвистали; раздался стукъ оружія и падали мертвые, какъ

---

[123] Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 136 и 230.

[124] Тамъ же.

[125] На Софійской сторонѣ. Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 136 и 230.

[126] Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 79 и 136.

[127] На Софійской сторонѣ. Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 136 и 233.

на войнѣ, и отъ возмущенія того великаго «встрясеся весь градъ, и нападе страхъ на обѣ стороны. Слыша же Владыко Симеонъ междоусобную рать промежи своими дѣтьми, и повелѣ предстоящимъ събрати сборъ (соборъ) свой... и бысть тишина въ градѣ.» [121]

Такъ двѣ Стороны враждовали одна противъ другой; но каждая изъ нихъ, въ свою очередь, не могла сохранить единства, и трещина въ Государственномъ зданіи проходила отъ Сторонъ Боярской и Торговой къ Концамъ, отдѣляя Конецъ отъ Конца одной и той же Стороны.

Славянскій Конецъ, отдѣляясь два раза отъ Плотницкаго, дѣйствовалъ одиноко: въ первый разъ противъ Стороны Софійской, во второй противъ нея же и Плотницкаго Конца. Первое отдѣленіе Славянскаго Конца относится къ 1359. Эту одиноко веденную имъ тогда борьбу противъ Стороны Софійской лѣтописецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Богъ за грѣхи наши попустилъ дьяволу и злымъ людямъ воспроизвесть свое злое дѣло, сильно взмясти весь Новгородъ. Славянскій Конецъ отнялъ тогда Посадничество у Андрея Захаровича собственную своею волею, а не волею цѣлаго города, и тоже своею волею назначилъ въ Посадничество Селиверста Левонтѣевича. Все это дѣлалъ онъ на общемъ вѣчѣ, на Ярославовѣ Дворѣ. Обыватели его явились туда съ оружіемъ, и послѣ сильнаго спора съ обывателями Софійской Стороны, сшедшимися на Ярославовъ Дворъ какъ на совѣщаніе, а не на бой, безъ оружія, бросились на сихъ послѣднихъ, разогнали ихъ, и били и пограбили многихъ Бояръ, а Ивана Борисовича даже до смерти убили. Возвратившись на свою Сторону, Софійцы вооружились, чтобъ мстить безчестіе своихъ; обыватели Славянскаго Конца, съ своей стороны не выпускали оружія, думая открытою силою защищать противъ Софійцевъ и свое достояніе и свои головы; слѣдующіе за тѣмъ три дня ни сколько не измѣнили враждебнаго положенія другъ къ другу, Софійской Стороны и Славянскаго Конца; послѣдній даже разметалъ въ это время Волховскій мостъ, чтобъ задруднить нападеніе на него Софійцевъ. Тогда посреди враждующихъ яви-

---

[120] Нов. II-я, стр. 136.

оставившій было, по своему желанію, Архіепископство, Владыка Моисей, съ вновь избраннымъ Архіепископомъ, Алексѣемъ, окруженный Архимандритами и Игуменами, и, благословивъ, сказалъ имъ: «Дѣти! не подвигайтесь на междоусобную брань, не ослабляйте ею, раздоромъ своимъ, силы ваши, нужныя противъ поганыхъ (Шведовъ, Нѣмцовъ и Литвы), да не похвалятся поганые запустѣніемъ святыхъ храмовъ и всего Новгорода!» и Новогородцы приняли слово его, и оставили вражду свою; за всѣмъ тѣмъ села Сильвестровы взяты были на щитъ и много иныхъ селъ Славянскихъ, а и невиноватыхъ людей тогда много погибло; и дали Посадничество Никитѣ Матвѣевичу, и тако смиришася; не попустилъ Богъ до конца дьяволу порадоватися, но возвеличенъ былъ Крестъ въ роды родовъ. [129] Второе отдѣленіе Славянскаго Конца было въ 1384 году. Открыто враждебное положеніе его и четырехъ другихъ Концевъ продолжалось уже не три дня, а цѣлыя двѣ едѣли; вѣча не умолкали ни у Софійцевъ, ни въ Славянскомъ онцѣ. Дѣйствуя за Литовскаго Князя, Патрикѣя, которому Новородцы было представили во владѣніе Орѣховъ, Кексгольмъ и ловину Копорья, обыватели отдѣльнаго Конца сдѣлали попыткъ насилію, бросившись съ вѣча на домъ Тысяцкаго Осипа; обыватели другого Конца Торговой же Стороны (Конецъ Плотцкій) сдѣлали имъ отпоръ и поколотили ихъ. Сей послѣдній нецъ, вмѣстѣ съ Софійскою Стороною, поддерживалъ Орѣховъ и Корельцевъ, жаловавшихся на злоупотребленія и притѣсне- Патрикѣя. 9-го Февраля, для поддержанія своего дѣла, Софій- Сторона отъ обѣдни до вечерни стояла подъ оружіемъ. 10-го раля положено было ею, съ Плотницкимъ Концомъ, ударить на цъ Славянскій, и принудить его согласиться съ ихъ собствен- желаніемъ или рѣшеніемъ, но Плотницкій Конецъ отказался ъ отъ сего нападенія, не обнаруживая, однако жь, желанія дѣйать за одно съ Концомъ Славянскимъ. Сей послѣдній между , готовый на междоусобіе, вмѣстѣ съ Княземъ Патрикѣемъ, лъ нападенія съ оружіемъ въ рукахъ. Тогда Софійская Сторо- въ своемъ новомъ вѣчевомъ собраніи, сдѣлала единогласное рѣ- относительно Патрикѣя, и выразила это рѣшеніе въ фор-

---

и. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 87.

мальномъ актѣ. Въ чемъ оно именно заключалось, намъ не извѣстно, также какъ остается не извѣстнымъ весь дальнѣйшій ходъ дѣла до окончательной развязки его. 11 числа, однако жь, Славянскій Конецъ все еще ожидалъ нападенія со стороны Софійцевъ, и, желая затруднить его, разобралъ часть Волховскаго моста. Наконецъ только послѣ двухнедѣльной тревоги всѣ Концы согласились на томъ, чтобъ дать во владѣніе Патрикѣя, вмѣсто помянутыхъ городовъ, Ладогу, Русу и Наровскій берегъ. [130]

Разъединеніе Боярской Стороны, какъ увидимъ ниже, обнаруживалось почти постоянно; но лѣтописцы положительно отмѣтили только шесть случаевъ, глѣ тотъ, либо другой, Конецъ этой Стороны уже явно отпадалъ отъ другихъ Концовъ, не желая дѣйствовать съ ними за одно, или дѣйствуя противъ ихъ рѣшенія враждебно, или наконецъ дѣйствуя самобытно, безъ ихъ участія, и тѣмъ вызывая ихъ противъ себя. Этѣ явныя отпаденія Концовъ отъ своей Стороны принадлежатъ къ 1215, 1218, 1220, 1289, 1350 и 1421, и всѣ касаются или Неревскаго, или Прускаго, Концовъ.

Прускій Конецъ не вступалъ въ борьбу открытую противъ другихъ Концовъ и, по своему незначительному населенію, не могъ вступать въ нее: онъ дѣйствовалъ, какъ строптивый слабый противъ неумолимаго сильнаго, употребляя мѣры, которыя никогда и нигдѣ не могутъ быть признаны ни законными, ни нравственными. Такъ, подъ 1215 годомъ лѣтописецъ обвиняетъ обывателей Прускаго Конца въ убійствѣ Овстрата и сына его, Луготы. [131] Въ 1289 году тайнымъ убійствомъ, совершеннымъ на дворѣ самаго Архіепископа, подлѣ церкви Рождества Христова, Прускій Конецъ, отдѣлилъ себя отъ другихъ Концовъ Софійской и Торговой Сторонъ, такъ что сіи послѣднія, мстя за убійство, облеклись въ оружіе, собрались на вѣчѣ около храмовъ Св. Софіи и Св. Николая Чудотворца, двинулись потомъ всѣ вмѣстѣ на сказанный Конецъ,

---

[130] Полн. собр. Рус. лѣт. т. III, стр. 93, и IV, стр. 90.

[131] Нов. I, стр. 33: убиша Пруси Овъстрата и сынъ его, Луготу, и въвьргоша я въ греблю мьртвъ.»

разграбили его, пожгли дома, при чемъ сгорѣла и церковь во имя Св. Богородицы. [132] Такую же страдательную ролю игралъ Прускій Конецъ съ своими Боярами въ 1350 году: Новогородцы отняли тогда Посадничество у Ѳедора Даниловича, принадлежавшаго, безъ малѣйшаго сомнѣнія, къ Прускому Концу; но, не остановившись на этомъ, они, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выгнали помянутаго Боярина изъ города, вмѣстѣ съ братомъ его, Михайломъ, и какими-то двумя другими лицами, и при этомъ разграбили не только дома всѣхъ сихъ преслѣдуемыхъ, но и весь Прускій Конецъ. [133] Отпаденіе Неревскаго Конца имѣло другой совершенно характеръ. Онъ два раза открыто измѣнялъ своей Сторонѣ, когда эта Сторона съ оружіемъ въ рукахъ стояла противъ Торговой Стороны, и одинъ разъ соединился съ сей послѣдней для того, чтобъ самовольно, безъ согласія двухъ другихъ Боярскихъ Концовъ, отмѣнить постановленіе общаго вѣча и сдѣлать, въ замѣнъ его, постановленіе новое, отъ собственнаго своего лица и отъ лица Торговой Стороны.

Подробности борьбы, въ которой Неревскій Конецъ соединялся въ 1218 году съ Торговою Стороною противъ двухъ Концовъ своей Стороны, разсказаны лѣтописцемъ слѣдующимъ образомъ: »Это было къ зимѣ. Биричъ Ябедничъ связалъ Матвѣя Душильцевича. Матвѣй между тѣмъ успѣлъ было убѣжать; но нѣкоторые изъ самихъ же Новогородцевъ, догнавъ его и схвативъ, привели на городище. Вдругъ разнеслась ложь по городу, что Твердиславъ выдалъ Матвѣя Князю. Въ ночь Торговая Сторона ударила въ вѣчевой колоколъ у Св. Николая (Ярославово Дворище), а Неревскій Конецъ у Св. Сорока мучениковъ, и сбирались люди на Твердислава. Когда же наступило утро, Князь, услышавъ шумъ и волненіе въ городѣ,

[132] Тамъ же, стр. 65. Убиша Самойла Ратьшиничa, на владычьнѣ дворѣ, у въсхода у Рожества Христова, по заутрени. Новогородци же съзвониша вѣче у Св. Софѣи и у Св. Николы, и снидошася въ доспѣсѣ: взяша улицу Прускую и домы ихъ разграбиша, пожгоша улицу всю, и церковь Св. Богородица сьгорѣ.

[133] Тамъ же, стр. 85. Выгониша Новагородци изъ Новгорода Ѳеодора Посадника, и брата его, Михайла, и Юрья и Андрѣяна, а домы ихъ разграбиша и Прускую улицу всю пограбиша.

велѣлъ отпустить Матвѣя на свободу. Между тѣмъ жители Торговой Стороны, даже самые недоросли (дѣти) облеклись въ брони, двинулись какъ на брань; точно также поступилъ и Неревскій Конецъ: что жь касается до Загородцевъ, то они не приступили ни къ той, ни къ другой сторонѣ.[134] Тогда Твердиславъ, воззрѣвъ на образъ Св. Софіи (значитъ на Софійскомъ вѣчѣ), сказалъ: «Естьли я только виноватъ, да погибну здѣсь же! Если же я правъ, то ты, Господи, докажешь предъ людьми правду мою,» и съ Концами Людинымъ и Прускимъ двинулся на встрѣчу мятущихся. У городскихъ воротъ, подлѣ Волховскаго моста, встрѣтились враждующія стороны и открылась сѣча. Торговая Сторона и Неревляне не выдержали: послѣдніе побѣжали въ свой Конецъ, а первые на свою Сторону, разметавъ за собою мостъ. Людинъ и Прускій Конецъ, предводительствуемые Твердиславомъ, переправились на Сторону Торговую въ лодкахъ. «О, великое, братіе, чюдо съвади оканьный дьяволъ,—«продолжаетъ послѣ сего лѣтописецъ;»—къгда бяше брани быти на поганыя, тъгда ся начаша бити межу собою, и убиша мужь Прусъ, а Концянъ другій, а оныхъ половиць Ивана Душильцевиця, братъ Матеевъ, а въ Неревьскѣмъ концѣ Къснятина Прокопійниця, иныхъ 6-ть мужь; а раненыхъ много (обѣихъ сторонъ);» и такъ въ вѣчахъ прошла цѣлая недѣля.—Въ 1220 году Торговая Сторона снова возстала, дѣйствуя отъ лица правителя-Князя, и двинулась противъ того же Посадника Твердислава, желая изгубить его; за Посадника поднялись помянутыхъ два Конца, Людинъ и Прускій, и Загородцы; но Неревскій Конецъ отпалъ отъ своей Стороны, хотя не извѣстно, дѣйствовалъ ли онъ открыто съ Торговою Стороною противъ своей Стороны, или, проученный въ 1218 г., отказался на этотъ разъ отъ подобнаго открытаго движенія.[135] Въ 1421 году тотъ же Неревскій Конецъ не вошелъ въ совѣщаніе съ двумя дру-

---

[134] Поселеніе, вѣроятно, позднѣйшее, бывшее за Людинымъ Концемъ и внѣ города.

[135] Опредѣливъ точно, какія части Новгорода отстаивали Посадника, лѣтописецъ не разъяснилъ составныхъ частей партіи противной, сказавъ только, что, вмѣстѣ съ Княземъ, вооружились противъ Твердислава Новогородцы; или же подъ словомъ: «Новогородцы» лѣтописецъ разумѣетъ однихъ обитателей Торговой Стороны. Мѣсто соединенія партіи, противной Посаднику, было около храма младшихъ.

гими Концами своей Стороны, по дѣлу, касавшемуся главнаго народнаго правителя Новгорода, а соединившись съ однимъ изъ Концевъ Торговой Стороны, сдѣлалъ съ симъ послѣднимъ самъ рѣшеніе по этому дѣлу. Лѣтописецъ описалъ это распаденіе слѣдующимъ образомъ: «Возстали два Конца, Неревскій и Славянскій, за Клементія Артемьина про землю, на Посадника Андрея Ивановича, и вооруженной рукой разграбили жилище его, и домы другихъ Бояръ напрасно; и при этомъ было убито Посадниковыхъ двадцать человѣкъ до смерти, а Неревлянъ два человѣка, и смиришася.» [136]

Такъ издалека уже видны значительныя трещины въ Государственномъ зданіи Великаго Новгорода, трещины, которыя, разваливъ сводъ на двѣ части, разошлись потомъ по всѣмъ пяти угламъ зданія. Меньшія трещины, издали не замѣтныя, при приближеніи становятся замѣтными—зданіе покрыто ими; на самомъ сводѣ еще болѣе трещинъ... Зданіе рухнется непремѣнно!... Но будемъ смѣлѣе, подойдемъ поближе, войдемъ внутрь его....

Мы уже замѣтили, что Софійскую Сторону составляли докняжескіе Бояре. Исключительность въ ея господствѣ имѣла одну внѣшнюю цѣль—не допускать никого до нарушенія этого господства, или иначе: мысль о самомъ господствѣ была и основою и конечною цѣлію сего стремленія къ исключительности; ни какой дальнѣйшей нравственной цѣли оно не имѣло. При этомъ положеніи нравственнаго развитія Новгородскаго Боярства, духъ себялюбія и личнаго соперничества долженъ былъ опредѣлять ихъ отношеніе другъ къ другу и ихъ пути къ достиженію этого господства. Бояринъ не могъ гордиться высокими нравственно-гражданскими достоинствами, высказывавшимися на дѣлѣ въ его собратѣ, какъ Бояринѣ, а напротивъ этѣ достоинства пробуждали въ немъ духъ недовольства, духъ вражды, по тому что мысль его о господствѣ не облекалась въ нравственныя принадлежности, имѣла, какъ мы уже сказали, конечною цѣлію самое же господство, удовлетвореніе честолюбія, а достоинства, выдвигавшія его собрата предъ толпою впередъ, заслоняли ему дорогу къ господству. По этому же Новгородскій Бояринъ не

---

[136] Новг. II, стр. 140.

могъ оставаться довольнымъ при одномъ господствѣ своей Стороны, всего Боярства, въ лицѣ его представителей, если онъ не входилъ въ число этѣхъ представителей прямо, или посредствомъ связей. Въ стремленіи къ завладѣнію дѣйствительнымъ господствомъ должны были сталкиваться Боярскія семьи другъ съ другомъ, и, при отсутствіи нравственнаго начала, развязка въ этѣхъ столкновеніяхъ должна была опредѣляться однимъ лишь стремленіемъ къ господству, а не помысломъ о благѣ, не чувствомъ благоговѣнія къ религіознымъ истинамъ, къ храму, порядку, къ власти, къ судьбамъ родины: ни храмъ, ни порядокъ, ни судьбы родины, не могли найти опоры себѣ въ Новогородскомъ Боярствѣ; и храмъ, и порядокъ, и власть, и судьбы родины, должны были кружиться въ его страшно грубомъ, невѣжественномъ стремленіи къ власти, къ господству, къ удовлетворенію тщеславія. Такими послѣдстіями должна была обнаружиться жизнь Новогороскаго Боярина, искавшаго власти не для чего другого, какъ только для власти, для удовлетворенія своихъ страстей.

Оно такъ и было.

Въ продолженіи долгаго времени, въ XII и XIII столѣтіяхъ, играетъ важную роль въ этомъ господствѣ одна и та же семья, въ лицѣ отца, сына, внука и правнука. Прадѣдъ Михаилъ Степаницъ назначенный Посадникомъ въ 1180 году, на мѣсто Давида Неревиница, смѣненъ былъ потомъ симъ же послѣднимъ, но когда именно, не извѣстно; съ 1186 по 1190 онъ снова является Посадникомъ; сдѣсь выступила противъ него другая семья, въ лицѣ Мирошки Нездиница, который, смѣнивъ Михайла Степановича, [137] сидѣлъ на Посадничествѣ 13 лѣтъ, именно по 1203 годъ; и только добровольное его Постриженіе предъ смертію открыло Михайлу снова возможность сѣсть на Посадничество, [138] но не надолго; въ 1205 онъ потерялъ опять мѣсто Посадника, уступивъ его сыну

[137] Томъ же лѣтѣ отяша Посадницьство у Михаля, и вдаша Мирошки Нездиницю.

[138] Томъ же лѣтѣ преставися Мисошька Посадникъ Новъгородскый, постригъся у Святого Георгія; и потомъ даша посадницьство Михалку Степаницю.

помянутаго Мирошки Нездинича Дмитрію, [139] противъ котораго такъ дико возсталъ Новгородъ въ 1209 году.

Послѣ смерти Дмитрія является на Посадничествѣ опять семья Михайла, въ лицѣ его сына, Твердислава. Противъ него было нѣсколько соперниковъ Бояръ, но онъ торжествовалъ надъ всѣми ими. Дмитръ Якуничъ, который въ 1211 году, принявъ Посадничество отъ Твердислава, уступленное ему симъ послѣднимъ добровольно, какъ старѣйшему, отправленъ былъ Мстиславомъ немедленно же въ Луки, для устройства тамъ крѣпости; послѣ того объ немъ не упоминается въ лѣтописяхъ Новгородскихъ, а между тѣмъ въ 1214 году на Посадничествѣ мы видимъ снова Твердислава; Георгій Иванковиць посадничалъ только въ 1215 и 1216 годахъ, а потомъ уступилъ свое мѣсто тому же Твердиславу; Семенъ Борисовиць, который былъ на Посадничествѣ только нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1219 году, уступивъ оное опять таки Твердиславу. Послѣ Твердислава, съ 1220 по 1230, мы видимъ Посадниками: Ивана Дмитровиця, сына, какъ кажется намъ, бывшаго въ 1211 году Посадникомъ Дмитрія Якунича и внука того Якуна, который бѣжалъ изъ Новгорода съ Княземъ Святославомъ и на дочери котораго былъ женатъ Мстиславъ Ростиславичъ, внукъ Юрія Долгорукаго: [140] потомъ Внѣзда Водовика; съ бѣгствомъ же Водовика въ Черниговъ, послѣдовавшимъ за движеніемъ противъ него въ Новгородѣ, появляется опять та же семья въ лицѣ Степанка, внука Михайла и сына

---

[139] Тогдаже отяша посадницьство у Михалка, и даша Дмитру Мирошкиницю.

[140] Замѣчая изъ исторія Михайла Степановича какую-то послѣдовательность въ сохраненіи права на Посадничество, мы не можемъ не допустить, что Посадничество сохранялось только между значительнѣйшими семьями, по крайней мѣрѣ, въ XII и XIII столѣтіяхъ. По этому, для возстановленія въ исторіи связи между лицами сихъ семей, намъ можетъ служить отечество Посадниковъ. Этѣмъ способомъ мы бы безошибочно возстановили для исторія весь родъ Михайла Степановича, тогда какъ, въ противномъ случаѣ, потеряли бы связь между лицами и этѣхъ родомъ, если бъ лѣтописцу, уже при погребеніи послѣдняго ея члена, не вздумалось сказать, что всѣ этѣ лица одна семья, или лучше еще, не вздумалось ему тронуться картиною могилъ прадѣда, дѣда, отца и правнука, правившихъ долгое время Новгородомъ и послѣ кровавой борьбы улегшихся покойно и рядомъ другъ подлѣ друга въ безмолвныхъ могилахъ.

Слава: Степанъ безсмѣнно посадничалъ до самой своей смерти, съ 1230 по 1243 годъ. Далѣе мы видимъ Посадникомъ Ананія, а за нимъ, еще при жизни его, въ 1255 году, является сынъ Степанка, Михайло, убитый въ 1257 году, во время движенія меньшихъ въ Новгородѣ противъ поголовной дани Монголамъ. Это покойное, по видимому, возвращеніе Посадничества въ руки одной и той же семьи было въ дѣйствительности плодомъ сильной внутренней борьбы между сей семьей и другими Боярскими семьями, борьбы, тѣсно связывающейся съ борьбою двухъ Новгородскихъ Сторонъ и съ борьбою Новгорода противъ враговъ его исключительности. Въ первый разъ борьба эта дѣлается очевидною въ началѣ XIII ст. и находится въ тѣсной связи съ борьбою противъ Всеволода: сказанная семья явно держала сторону противъ Великаго Владимирскаго Князя. Со утвержденіемъ власти сего послѣдняго она появлялась на первомъ мѣстѣ недолго (1203—1205), и ее заступала другая семья, въ лицѣ Мирошки Нездинища и сына его, Дмитрія, посадничавшихъ 17 лѣтъ, съ 1189 по 1203, когда умеръ отецъ Дмитрія, и съ 1205 по 1209. Несвоевременность и паденіе власти Всеволода въ Новгородѣ предвозвѣстились гибелью представителя сей послѣдней семьи и вывели снова на первое мѣсто семью Михаила. Точно въ томъ же противодѣйствіи къ Владимирскому Великому Князю находится эта семья и въ княженіи Георгія, сына Всеволода Георгіевича. Когда Новгородцы стали подъ руку Георгія и, не смотря на всѣ препятствія, старались удержать у себя брата его, Ярослава, въ это время Посадничество не въ рукахъ сказанной семьи имъ владѣетъ Иванъ Георгіевичъ; но коль скоро Новгородцы, подъ предводительствомъ Мстислава, одержали верхъ надъ Князьями Владимирской области (1116 г.), тогда на Посадничествѣ является опять та же семья. Замѣчательно еще, что Иванъ Георгіевичъ былъ, при своей смѣнѣ, удаленъ Мстиславомъ, вмѣстѣ съ двумя другими Боярами, въ Кіевъ. Послѣднее обстоятельство, какъ бы оно, по видимому, ни было совершенно случайнымъ, зависѣвшимъ будьто бы единственно отъ собственной воли Мстислава, говоритъ много. Безъ особенно важныхъ причинъ, Ивана Георгіевича не удалили бы изъ Новгорода: какія же они могли быть? Борьба Новгорода въ самомъ себѣ, за новое и старое начало, за подчиненность Великому Владимирскому Князю и за исключительность, отражалась въ особенности на главномъ его

чиновникѣ-правителѣ, т. е., на Посадникѣ. Противныя стремленія имѣли разныхъ представителей: столкновеніе этѣхъ стремленій влекло за собою неизбѣжно столкновеніе между самими представителями, и это столкновеніе должно было происходить преимущественно около Посадника, какъ главнѣйшей середы этой представительности, тѣмъ болѣе, что Посадникъ могъ быть кто ни будь одинъ, а отъ занятія Посадническаго мѣста ни кто изъ Бояръ не былъ прочь: это льстило ихъ честолюбію и сопряжено было съ обширными преимуществами. При сильномъ и безпрерывномъ иногда колебаніи жизни между двумя противоположными стремленіями, Посадникъ, представитель одного изъ этѣхъ стремленій, постоянно себялюбивыхъ, долженъ былъ опасаться вліянія на подвижную народную толпу представителя стремленія противоположнаго, и чѣмъ болѣе могло быть это вліяніе, тѣмъ болѣе должно было пробуждаться опасеніе: каждый представитель видѣлъ въ другомъ личнаго и опаснаго себѣ врага, такъ какъ оба могли употребить другъ противъ друга подвижность толпы. Но если одна сторона успѣвала взять верхъ надъ другою, то представитель первой легко измѣнялъ орудіе гражданской тревоги на орудіе политики, коимъ была для Новогородцевъ воля Князя, за которою они прятались съ своими опасеніями и видами, и которая, при торжествѣ одной стороны надъ другою, являлась сама представительницею торжествующей же стороны и, слѣдовательно, дѣйствующею въ видахъ и въ духѣ ея. Нѣкоторые изъ Бояръ и самихъ Посадниковъ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій отъ подобнаго столкновенія, сами удалялись изъ Новгорода: Иванъ Георгіевичъ, послѣ смѣны своей, когда Великій Князь Георгій, коего сторону онъ держалъ, потерялъ уже противъ Новгорода битву, оставался все еще въ Новгородѣ, и это не могло не тревожить Твердислава, принадлежавшаго, какъ видно изъ выше изложеннаго, къ семьѣ значительной и честолюбивой, тѣмъ болѣе, что Новогородцы понимали уже, что, одержавъ въ рѣшительной битвѣ верхъ надъ силами Ростово-Владимирскихъ Князей, они не освобождались отъ власти сихъ Князей. [141] Но Твердиславъ, достигая цѣли и вы-

---

[141] Одержавъ верхъ надъ Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 году, Новгородцы склоняли потомъ главу свою и предъ самимъ Андреемъ, и предъ братомъ его, Всеволодомъ, отцемъ Георгія.

проваживая соперника изъ Новгорода, скрылся за волею Князя Мстислава, который былъ самъ представителемъ той же стороны, къ которой принадлежитъ Твердиславъ. Теперь понятно намъ и то неистовое гоненіе, которое воздвигъ Новгородъ противъ Посадника Дмитрія, его приверженцевъ-братьевъ [142] и дѣтей. Семья къ которой принадлежалъ Твердиславъ, какъ мы уже замѣтили, не встрѣчала въ Новгородѣ болѣе опаснаго соперничества, какъ въ семьѣ, къ которой принадлежалъ Дмитрій Мирошкиничь; ибо сей послѣдній было вытѣснилъ его совершенно изъ Посадничества: очевидная сила вліянія на Новгородцевъ не могла быть поколеблена, какъ особыми страшными мѣрами, которыя, въ случаѣ неудачи, могли быть гибельны и для семьи соперничествующаго, какъ они были гибельны, на пр., въ 1230 году, для Посадника Водовика, о коемъ подробнѣе мы будемъ говорить ниже. Не взволновавъ толпы, не возможно было достичь этого, при силѣ, какую имѣла семья Мирошки Нездинича, и не воспользовавшись особенно благопріятною къ тому минутою. Оно такъ и было. Задѣта была живая струна жизни—исключительность Новогородская, и Дмитрій виноватъ въ стѣсненіи Всеволодомъ этой исключительности; безъ его содѣйствія Всеволодъ никогда не успѣлъ бы достигнуть того, чего онъ достигъ въ отношеніи Новгорода; виноватъ во всемъ этомъ онъ, его семья, его братья, приверженцы, и толпа, жадная къ вещественнымъ выгодамъ, всколыхалась, и совершилась цѣль, желанная соперникомъ, а не толпой: семья Дмитрія погибла, но узда, накинутая Всеволодомъ, еще три года правила Новгородомъ совер-

---

[142] Да не покажется читателю выраженіе это, которое мы уже не разъ употребляли, страннымъ: оно очерчиваетъ яснѣе объемъ круга семейныхъ связей въ гражданской жизни Новогорода. Приверженцы Дмитрія названы въ лѣтописи его братьею, и по отечеству они очевидно не были ему родные братья. Быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ были родственниками его, но вообще названы братіею въ томъ смыслѣ, въ какомъ слово братья употребляютъ Новгородскіе лѣтописцы часто, т. е., въ смыслѣ свои, составляющіе одно. Такъ, на прим., подъ 1193 годомъ одинъ изъ дружинныхъ, посланныхъ для собранія дани съ Югры, именуетъ своихъ содружниковъ братіею: «яко подумалъ еси на свою братію» (Нов. I, стр. 26, 30 и 31); такъ Посадникъ Θедоръ и Бояринъ Андрей, обвиняемые въ подосланіи убійцы на Боярина Вароломея, въ отвѣтной рѣчи своей называютъ этого Боярина братомъ: «не думали есмы на брата своего, Луку, что его убити, не засылали на него.»

шенно въ прежнемъ духѣ. Замѣчательно, какъ замыслъ этого ужаснаго дѣла былъ хорошо обдуманъ: при уничтоженіи семьи Димитрія достались огромныя богатства сыну Великаго Князя, Святославу, и при томъ не въ наличности, а въ долгахъ, которые нужно было еще взыскать, такъ что скорое возвращеніе изъ ссылки приверженцевъ и дѣтей Дмитрія необходимо повлекло бы за собою и для Святослава, а, слѣдовательно, и для Великаго Князя, потерю всѣхъ этѣхъ богатствъ. Новгородъ пробуждалъ и подкупилъ сребролюбіе въ самомъ Великомъ Князѣ. Самая минута для приведенія въ исполненіе замысла избрана была благопріятнѣйшая: Дмитрія въ это время не было въ Новгородѣ, и, слѣдовательно, личнымъ вліяніемъ онъ не могъ задержать направленнаго противъ его семьи движенія въ самомъ началѣ, не могъ оправдаться передъ Новгородомъ въ взведенной на него клеветѣ. Вотъ куда влекли надменность и честолюбіе Новгородскаго Боярина, и вотъ какой обширный объемъ они могли имѣть въ жизни Новогородской, внутренней и внѣшней. Мы говоримъ и внѣшней; ибо, послѣ движенія противъ Дмитрія, оставался одинъ шагъ до движенія, совершеннаго Новгородомъ три года спустя подъ предводительствомъ Мстислава, противъ самаго Великаго Князя. Но семья Твердислава, оставаясь долгое время вѣрною самой себѣ, наконецъ, въ лицѣ одного изъ своихъ представителей, какъ мы увидимъ сейчасъ же, нашла сама ту же гибель, которую изготовляла для другихъ Боярскихъ семей. Какъ ни запутаны обстоятельства, какъ ни глубоко молчаніе лѣтописца, о новыхъ явленіяхъ подобнаго рода, послѣдовавшихъ за гибелью семьи Дмитрія и удаленіемъ изъ Новгорода Посадника Георгія Ивановича съ двумя другими Боярами, но мы не можемъ не видѣть въ отдѣленіи Неревскаго Конца отъ другихъ Концовъ Софійской Стороны, подъ 1218 и 1220 годами, мести, которую Концевая братчина воздвигла за себя противъ Твердислава. Борисъ Семеновичъ, избранный въ 1219 году Посадникомъ на мѣсто Твердислава, и чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ смѣненный снова симъ послѣднимъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежалъ къ Неревскому Концу. Еще въ 1218 году, какъ мы уже сказали, весь Новгородъ былъ въ тревогѣ, раздѣлившись на двѣ стороны, изъ коихъ одна открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, требовала смѣны Твердислава, или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовала противъ него, а другая, столь же открыто и боемъ, его отстаивала. Сія послѣдняя состояла изъ Прускаго и Людина

Конца, а первая изъ Конца Неревскаго и Торговой Стороны. Въ томъ же самомъ открытомъ раздвоеніи мы видимъ Новгородъ послѣ смѣны Семена Борисовича, или въ слѣдъ за новымъ назначеніемъ Твердислава въ Посадники (1220). Людинъ и Пруской Концы съ Загородцами стояли за Твердислава, готовые на бой, а Неревской Конецъ отказывался отъ поддержанія его, или, вѣроятнѣе, дѣйствовалъ еще открыто противъ него за одно съ Торговою Стороною, когда сія послѣдняя, съ оружіемъ въ рукахъ, искала, вмѣстѣ съ Княземъ, гибели Твердислава. Такимъ образомъ Людинъ и Пруской Концы выражаютъ себя въ представительствѣ Твердислава, когда въ то же время Неревскій Конецъ держитъ сторону противную, или, взявши самое крайнее, не раздѣляетъ мнѣнія Прускаго и Людина Концовъ о представительствѣ Твердислава. Въ продолженіи этой борьбы Семенъ Борисовичъ смѣнялъ въ 1219 г. Твердислава, и эта смѣна, успокоивъ Новгородъ, не возбудила недовольства ни въ Торговой Сторонѣ, ни въ Неревскимъ Концѣ, а только въ Прускомъ и Людинѣ, которые въ 1220 г. силою отстаиваютъ вновь показавшагося на Посадничествѣ Твердислава. Сдѣсь мы видимъ, что какъ Твердиславу противоставляется Семенъ Борисовичъ, точно также и въ то же время противоставляются Концы Людинъ и Пруской Концу Неревскому и Торговой Сторонѣ, и если Твердислава поддерживаетъ въ продолженіи этого времени, съ 1218 по 1220, только открытая сила Людина и Прускаго Концовъ, если эта сила постоянно направлена къ одному, именно къ сохраненію Посадничества за Твердиславомъ, то по тому назначеніе Семена Борисовича въ 1219 году на Посадничество было минутною уступкою со стороны помянутыхъ Концовъ, и, слѣдовательно, Семенъ Борисовичъ не былъ ихъ представителемъ, а былъ представителемъ Неревскаго Конца и Торговой Стороны. Но такъ какъ изъ Концовъ Торговой Стороны не избирались Посадники, слѣдовательно, Семенъ Борисовичъ принадлежалъ къ Концу Неревскому, былъ его представителемъ и поддерживался преимущественно имъ. Самыя враждебныя отношенія Семена Борисовича къ семьи Твердислава, о которыхъ мы скажемъ ниже, говорятъ положительно о непринадлежности его ни къ Людину, ни къ Прускому Концамъ, державшимъ, какъ мы видѣли сейчасъ, сильно сторону семьи Твердислава. И такъ отпаденіе Неревскаго Конца, въ 1218 и 1220 году, отъ другихъ Концовъ Софійской Стороны было плодомъ стремленія

этого Конца возвести на Посадничество одного изъ своихъ представительныхъ семей, плодомъ соперничества этѣхъ представительныхъ семей съ семьей Твердислава. Самыя казни, основанныя на клеветѣ и вызвавшія часть толпы противъ порядка, въ слѣдствіе которыхъ, въ 1220 году, Твердиславъ былъ сведенъ съ Посадничества и на его мѣсто назначенъ Семенъ Борисовичъ, по этому, принадлежатъ также Неревскому Концу. Не замѣчая, однако жь, чтобъ который ни будь изъ Концовъ Софійской Стороны, въ томъ числѣ и Неревскій, рѣшился открыто отпадать отъ Концевъ своей Стороны, съ цѣлію возведенія на Посадничество своей представительной семьи, мы, кажется, должны предположить болѣе уважительную причину отпаденія Неревскаго Конца, въ 1218, 1220 годахъ, нежели одно стремленіе сего Конца возвести на Посадничество Семена Борисовича, или кого либо изъ Бояръ, входившихъ въ составъ Конца, и этой причиной могли быть гибель Дмитрія Мирошкинича съ своей семьей и удаленіе изъ Новгорода Георгія Ивановича, или иначе сильныя казни и насилія, употребленныя со стороны самой семьи Твердиславовой, чтобъ удержать за собой Посадничество. Это предположеніе дѣлается несомнѣннымъ послѣ того, какъ мы замѣтили, что и Дмитрій Мирошкиничъ съ своимъ отцемъ, и Григорій Ивановичъ, были выставлены явно противъ семьи Твердиславовой, опиравшейся единственно на Людинъ и Пруской Концы. Пусть послѣ этого Твердиславъ клянется предъ образомъ Св. Софіи въ своей невинности, когда Торговая Сторона съ Неревскимъ Концомъ сдѣлали, въ 1218 году, открытое противъ него обвиненіе и движеніе; но обвиненіе было, и, быть можетъ, справедливое, хотя справедливое въ отношеніи только неправды и жестокости семьи Михайла Степановича, высказавшихся къ семьи Дмитрія. Честолюбіе его семьи, ея готовность на дѣла кровавыя, для удовлетворенія этого честолюбія, при всей бѣдности разсказовъ, которые мы имѣемъ о соперничествѣ между семьями, высказались невольно подъ перомъ Новгородскихъ лѣтописцевъ. Послѣ удаленія Твердислава изъ Посадничества, въ 1220 году, и послѣдовавшей ему въ томъ же году смерти, семья его сошла съ первой сцены: на Посадническомъ мѣстѣ мы видимъ съ того времени, въ продолженіи почти десяти лѣтъ, двѣ другихъ Боярскихъ семьи, въ лицѣ Иванки Дмитріевича и Вгнѣзда Водовика, но въ 1230 году сынъ Твердисла-

за, Степанъ, пользуясь однимъ частнымъ, совершенно ничтожнымъ случаемъ, развилъ свою вражду противъ соперничествующихъ съ его семьей другихъ Боярскихъ семей, въ общее волненіе Новгорода, принесъ на алтарь ея кровавыя человѣческія жертвы: погубивъ семью Посадника Водовика, погубилъ и бывшаго соперника его отца, Семена Борисовича. Это событіе Новгородскій лѣтописецъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: Возникла ссора между Степаномъ Твердиславичемъ и Водовикомъ Посадникомъ. За перваго изъ нихъ стоялъ Иванко Тимошкиничъ, и били сего Иванка ребята Посадника. Это случилось на Городищѣ. Утромъ же ударили въ вѣчевой колоколъ, толпы собрались на Ярославовомъ Дворѣ (Торговая Сторона), и съ вѣча хлынули на домъ Посадника и разграбили его. Посадникъ въ свою очередь поднялъ весь городъ. Семенъ Борисовичъ держалъ его сторону противъ помянутаго Иванка, а также противъ Якима Влунковича и Прокопія Ліашева. Уже на вѣчѣ, собравшемся вновь, стороны Посадника убила Влунковича, подъ предлогомъ, что онъ будьто бы хотѣлъ сжечь домъ Посадника; другимъ послѣдствіемъ этого вѣча было сожженіе дома Прокшинича и разграбленіе многихъ другихъ домовъ; послѣ чего сторона противная искала только какъ бы укрыться отъ преслѣдованія: помянутый Якимъ бѣжалъ къ Князю Ярославу Всеволодовичу, другіе же и прятались, но ихъ отыскали и порядкомъ поколотили и ободрали (уративше). Послѣ того Иванко, виновникъ всей тревоги и убійства, былъ пойманъ Водовикомъ Посадникомъ и брошенъ въ Волхов. Такъ сторона Посадника торжествовала; но не долго, однако же продолжалось ея торжество. 8 Декабря того же года, Князь Ростиславъ, управлявшій тогда Новгородомъ отъ имени отца, Князя Черниговскаго, выѣхалъ въ Торжокъ; 9-го же Декабря убили Семена Борисовича, разграбили домъ и село его, захвативъ и его жену; вмѣстѣ съ тѣмъ разграбили домъ и село Посадника Водовика, бывшаго въ это время въ Торжкѣ съ Княземъ Ростиславомъ, домъ и село брата Посадникова, Михайла; дома Даньслава, Бориса Тысяцкаго и многихъ другихъ. Самъ Тысяцкій успѣлъ убѣжать въ Черниговъ, куда бѣжали также Посадникъ Водовикъ, сынъ его, Петръ, и брат Михаилъ. На мѣсто Водовика назначенъ Посадникомъ Степанъ Твердиславичъ; Тысяцкаго мѣсто также занялъ другой. Все имущество Посадника Водовика и убитаго Семена Борисовича было раз-

лено. [142] Сынъ Степана, Михаилъ, достигъ до мѣста Посадническаго точно такимъ же путемъ, какъ и его отецъ, готовый пожертвовать своимъ товарищемъ Бояриномъ, благородно ставшимъ въ 1255 году между имъ и младшими Новогородцами, съ словами: «Братія! убейте меня прежде, чѣмъ вы убьете Михайла!» когда сіи послѣдніе, полные гнѣва и ярости противъ сына Степанова, готовы были устремиться на гибель его. [143]

Вотъ дѣла лучшихъ Новгородцевъ. Но оглянемся назадъ, повторимъ вкратцѣ, для ясности, исторію соперничествующихъ за Посадничество семействъ, съ 1180 по 1255 годъ. [144]

---

[142] Полн. собр. Руск. лѣт. т. III, стр. 46.

[143] Отношенія Посадника Михайла къ Посаднику Ананію лѣтописецъ объяснилъ въ двухъ мѣстахъ и слѣдующимъ образомъ: подъ 1255 годомъ: Онаній «не вѣдяще бо, аже о немъ мысль злу свѣщаша самого яти, а Посадничьство дати Михалку;» подъ 1257 г.: «и къ Госпожину дни умре Онанья Посадникъ, а на зиму убиша Михалка Посадника Новогородци; аще бы кто добро другу чинилъ, то добро было, а копая подъ другомъ яму, самъ ся въ ню ввалитъ. Тамъ же стр. 55 и 56.

[144] Мы не имѣемъ возможности слѣдить за всѣмъ размѣромъ этѣхъ козней Боярскихъ семей другъ противъ друга; во первыхъ, по тому, что мы отклонились бы подробнымъ изслѣдованіемъ этого предмета отъ главной своей цѣли; во вторыхъ, по тому, что лѣтописцы, без всякаго сомнѣнія, передали намъ свѣдѣнія не обо всѣхъ тревогахъ, порождавшихся этѣми казнями, * и разсказывая о другихъ тревогахъ, или вовсе не разъясняютъ причинъ ихъ, или разъясняютъ только кратко, намекомъ, или же указывая, что именно клевета породила тревогу, не доходятъ до источника, откуда эта клевета истекла и съ какою именно цѣлію была распущена. Но мы можемъ положительно сказать, что и страдательное положеніе Прускаго Конца въ 1350 г. было чистымъ плодомъ казней Боярина Онцифора Лукина. Событіе сіе стоитъ въ видимой связи съ событіемъ 1342 г. Еще и въ семъ послѣднемъ году Онцифоръ подымалъ тревогу въ цѣломъ городѣ и искалъ гибели главнаго изъ лицъ, пострадавшихъ въ 1350 г. Онъ еще тогда, какъ это мы объяснили, требовалъ отъ

---

* Это можно заключить изъ сравненія одной лѣтописи съ другой. На прим., движеніе Неревскаго Конца съ Торговою Стороною противъ Посадника въ 1321 году, когда дома Посадника и другихъ Бояръ были разграблены и двадцать два человѣка убиты; это движеніе оставлено безъ вниманія составителями 1-й Новогородской лѣтописи, весьма, однако жь, богатой подобнаго рода свѣдѣніями. Тревога, грабежъ, убійство—были обычны въ Новгородѣ.

Этѣхъ соперничествующихъ семей съ 1180 по 1257 годъ мы видимъ восемь: 1, семья Михайла Степановича; 2, Давида Нереневича; 3, Мирошки Нездинича; 4, Дмитрія Якунича; 5, Семена Борисовича; 6, Ивана Георгіевича; 7, Водовика, и 8, Ананія. Главная изъ нихъ была семья Михайла Степановича: въ продолженіи 77 лѣтъ она торжествуетъ своимъ первенствомъ надъ

Новгорода мести за отца, будьто бы погибшаго въ слѣдствіе коварства со стороны Посадника Θедора Даниловича, подославшаго, какъ онъ показывалъ, убійцъ погубить его отца, хотя положительно извѣстно, и онъ самъ объ этомъ не могъ не знать, что его отецъ погибъ въ слѣдствіе своей отваги въ битвѣ съ Заволочанами. Но клевета, взволновавъ Новгородъ, не вполнѣ удовлетворила его; ибо если Θедоръ Даниловичъ и не удержался тогда на Посадническомъ мѣстѣ, однако жь чрезъ два года снова занялъ его (1347). Въ 1350 году Онцифоръ достигъ уже желаннаго вполнѣ: столкнувъ Θедора Даниловича, занялъ его мѣсто самъ, и, преслѣдуя соперника, окончательно погубилъ его, выгнавъ его изъ Новгорода, вмѣстѣ съ братомъ его и двумя другими Боярами, расхитивъ и разоривъ ихъ имущество, пограбивъ и весь Конецъ, къ которому принадлежалъ Θедоръ Даниловичъ и который, конечно, поддерживалъ послѣдняго, какъ своего представителя. Мы даже можемъ объяснить себѣ, за что именно Онцифоръ рѣшился такъ дѣйствовать противъ Θедора и Прускаго Конца, если соберемъ разбросанныя въ лѣтописи краткія свѣдѣнія о положеніи Θедора Даниловича въ Новгородѣ и о ролѣ, которую онъ игралъ тамъ. Съ 1332 по 1350 онъ вытѣснялъ всѣ Боярскія семьи съ Посадническаго мѣста, четыре раза смѣняясь ими и четыре раза вытѣсняя ихъ. Личность Онцифора задѣта была этѣмъ страшно: еще дѣдъ Онцифора, въ 1332 году, долженъ былъ уступить Посадническое мѣсто Θедору; Θедоръ смѣнилъ въ томъ же году и пріятеля Онцифора, Матвѣя Коску, который, быть можетъ, въ честь за то, такъ усердно помогалъ Онцифору противъ Θедора въ 1342 году; Θедоръ смѣнилъ наконецъ и дядю Онцифора, Матвѣя Варѳоломеевича, уже послѣ того, какъ Онцифоръ было успѣлъ одержать надъ нимъ временный верхъ, посадивъ на мѣсто его помянутаго дядю, Матвѣя. Вотъ кто былъ Θедоръ Даниловичъ, и вотъ что тревожило Онцифора и заставляло его клеветать на Θедора еще въ 1342 году. Но и здѣсь не начало казней: начало скрывалось далѣе. Онцифоръ не очень льстился Посадническимъ мѣстомъ: онъ добровольно потомъ отказался отъ него. Бояринъ этотъ былъ человѣкъ отважный, неразсудительный, простой, религіозный, однимъ словомъ, былъ вполнѣ, какъ увидимъ ниже, сказочный герой Василій Буслаевичъ XIV столѣтія, и въ дѣйствіяхъ своихъ противъ Θедора былъ, какъ мы полагаемъ, орудіемъ козней своей стороны, которая воспользовалась только семейными отношеніями Онцифора къ Θедору и потревожила больное мѣсто души Онцифора. Θедоръ Даниловичъ, какъ увидимъ ниже, былъ представителемъ Торговой Стороны.

всѣми остальными Боярскими семьями. На семьи Давида Нереневича и Димитрія Якунича она не смотритъ, какъ на лично соперничествующія, и онѣ въ дѣйствительности, достигая Посадническаго мѣста, остаются на немъ самое короткое время, какъ будьто бы для того только, чтобъ другія семьи успѣли въ это время повѣрить свои силы и опредѣлить, которой изъ нихъ должно располагать дѣлами Новгорода. Напротивъ семьи Мирошки Нездинича, Семена Борисовича и Водовика были въ кровавой враждѣ съ нею и надолго вытѣсняли ее изъ Посадничества. Она сама открываетъ эту вражду, и въ этой враждѣ Бояре раздваиваются: одни поддерживаютъ всѣми силами семью Михайла Степановича, другіе не хотятъ подчиняться ей, и выставляютъ, въ лицѣ сказанныхъ трехъ семей, своихъ представителей. Въ этой же борьбѣ принимаетъ самое живое участіе и Торговая Сторона. Семья Михайла Степановича до конца остается вѣрною самой себѣ. Вездѣ, гдѣ только лѣтописцы представляютъ достаточныя данныя, она является представительницею Новгородскаго вельможества. Противъ Твердислава, сына Михайла Степановича, въ 1218 и 1220 году, Торговая Сторона два раза подымалась открыто. Внукъ Твердислава, соименникъ своего прадѣда, открыто враждовалъ съ Стороною Софійской противъ Стороны Торговой. Другія данныя, сообщаемыя по сему предмету лѣтописями, ведутъ насъ къ тому же самому заключенію. Мы видѣли, что Семенъ Борисовичъ были выставленъ противъ Твердислава; а какъ Твердиславъ, безъ малѣйшаго сомнѣнія, былъ представителемъ стороны вельможеской, по этому Семенъ Борисовичъ былъ представителемъ стороны, въ которой главную дѣйствующую роль играетъ Торговая Сторона, враждовавшая противъ Твердислава. Семенъ Борисовичъ не устоялъ въ этой борьбѣ, и въ томъ же году уступилъ Посадническое мѣсто опять Твердиславу, но, сходя на второй планъ, онъ остается вѣрнымъ себѣ и продолжаетъ борьбу противъ сына Твердиславова, Степана Твердиславича. Его тѣсная связь при этомъ съ Посадникомъ Водовикомъ указываетъ положительно на однородность Стороны, которой держался и тотъ и другой изъ нихъ, т. е., и Семенъ Борисовичь и Водовикъ; по этому нельзя не допустить, что самъ Водовикъ былъ представителемъ Торговой Стороны, а сынъ Твердислава, открытый врагъ того и другого, стороны противной. Этотъ выводъ подтверждается еще тѣмъ, что Тысяцкій держалъ

также сторону Семена Борисовича и Водовика; ибо извѣстно, что Тысяцкіе были представителями средняго сословія. Такимъ образомъ несомнѣнно, что сынъ Михайла, Степановича, Твердиславъ, внукъ Степанъ и правнукъ Михайло стояли во главѣ думъ Новгородскаго вельможества, были представителями его. Припоминая, при семъ выше сдѣланное нами замѣчаніе, что сія же семья была вмѣстѣ съ тѣмъ представительницею Новгорода въ борьбѣ сего послѣдняго съ Всеволодомъ и Георгіемъ, стремившимися сломать старину Новгородскую, мы не можемъ сомнѣваться, что самая эта борьба была преимущественно борьбою Новгородскаго вельможества противъ новой жизни. Древніе правители, по этому, располагаютъ дѣлами Новгорода въ XII и даже XIII столѣтіяхъ: постоянное и продолжительное поддержаніе сказанною семьею своего вельможескаго правительственнаго значенія подтверждаетъ это несомнѣнно. Во второй же половинѣ XIII столѣтія борьба между Сторонами, измѣняетъ характеръ внутренняго и внѣшняго быта Новгорода. Софійская Сторона, послѣ продолжительной борьбы, начинаетъ сознавать силу Стороны Торговой, и дальнѣйшая борьба Новгорода противъ новой жизни, съ своими безобразными явленіями жестокости и безвластія, принадлежитъ уже преимущественно Торговой Сторонѣ, которая долгое время опиралась на помыслъ о Князѣ, единственно для того, чтобъ только сломать вельможество, и дать за тѣмъ просторъ своимъ собственнымъ користолюбивымъ цѣлямъ и страстямъ. Гибель сказанной семьи, въ лицѣ правнука Михайла, полагаетъ начало этому торжеству для Стороны Торговой. Выводъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, совершенно совпадаетъ съ предшествующими и дальнѣйшими явленіями исторіи Новгорода, и событія, разъединенныя временемъ и, по видимому, основаніями, сливаются въ немъ въ одно живое цѣлое.

Теперь становится намъ нѣсколько яснымъ и безпримѣрное разложеніе Новгорода въ основныхъ началахъ при Георгіѣ Всеволодовичѣ, когда сынъ возсталъ на отца, отецъ на сына, господинъ на раба, и рабъ на господина, когда сами Бояре, эти представители старины, давали клятву держаться за старину, и измѣняли клятвѣ и держались за новую жизнь. [145] Это было не

---

[146] См. выше.

избѣжно во всякомъ случаѣ для Новгорода при быстротѣ рѣшенія вопроса, касающагося общихъ выгодъ. Жизнь новая извнѣ настаивала на своемъ, требуя отъ Новгорода преобразованія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, пожертвованій; старое правительственное начало боролось противъ нея; Торговая Сторона, какъ мы видѣли въ движеніи ея противъ вельможества, не могла не употреблять мѣръ, противорѣчащихъ основамъ ея финансоваго быта, чтобъ только защитить свои выгоды отъ вреднаго вліянія стараго порядка, не могла не желать содѣйствія извнѣ противъ этой старины, и она во имя Князя открыто возставала противъ старины, противъ Бояръ; личныя отношенія между вельможескими родами раздвоивали при этомъ самую Боярскую сторону, и часть ея, въ лицѣ Неревскаго Конца, какъ мы видѣли уже, соединялась съ Торговой Стороной. При Всеволодѣ и вельможество и Торговая Сторона дѣлали многія уступки въ пользу новой жизни? значитъ, видѣли необходимость въ этѣхъ уступкахъ; но дѣлая ихъ, они противорѣчили себѣ, и внутренно были полны недовольства, если исключимъ изъ этого добрыхъ Новгородцевъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ; по чему нужно было только явиться между ними военному генію Мстислава, чтобъ они бросились вырвать изъ рукъ Всеволода сдѣланныя уже ими уступки; но тщетно! Геній Мстислава далъ имъ возможность достигнуть этой цѣли, даже почти безъ битвы; а между тѣмъ, по своимъ торговымъ дѣламъ, по жизненнымъ припасамъ, однимъ словомъ, по своимъ важнымъ вещественнымъ выгодамъ, Новгородъ оставался и послѣ того въ полной зависимости отъ великихъ Владимирскихъ Князей. Этѣ выгоды заставляютъ Новгородцевъ снова преклониться предъ Владимирскими Князьями, ставятъ ихъ снова въ противорѣчіе съ самими собою, раздвояютъ ихъ на двѣ части, изъ коихъ каждая можетъ имѣть своихъ Дмитріевъ и своихъ Твердиславовъ изъ среды Бояръ разныхъ Концовъ.[146] Новая жизнь, между тѣмъ, въ лицѣ Георгія и брата его, Ярослава, полная силы и мощи, опережая народное развитіе, задумала снова нежданно уничтожить сторону Твердислава, и заставить, такимъ образомъ, Новгородъ под-

---

[146] Дмитрій представитель Новгорода по уступкамъ; Твердиславъ сосредоточивалъ въ себѣ партію противную. См. выше.

чиниться ея требованіямъ. Это рѣшеніе было выражено Георгіемъ и Ярославомъ со всею твердостію; и обращенія исключительности съ поклономъ и просьбами къ новой жизни были тогда напрасны: подъ знамена Георгія и Ярослава собирались силы цѣлаго Великаго Княжества. Въ столь затруднительномъ положеніи Новгородъ не могъ не раздвоиться: одни изъ Новгородцевъ, избѣгая во всякомъ случаѣ вредной тяжбы съ Княземъ Владимирскимъ, даже вредной и въ случаѣ удачи, могли быть готовы, какъ и при Всеволодѣ, покориться требованіямъ новой жизни; другіе, напротивъ, во что бы то ни стало, держались старины, или отрицали требованія новой жизни. Зависимость въ вещественномъ отношеніи отъ Князей Владимирскихъ Новгородъ со временъ Всеволода сознавалъ ясно. Тяжба съ нимъ съ каждымъ, можно сказать, днемъ становилась затруднительнѣе, съ большимъ и большимъ утвержденіемъ помысла о Князѣ и съ большимъ и большимъ сосредоточеніемъ въ ней всѣхъ началъ, потерявшихъ было всякую связь, стоявшихъ даже во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Порабощеніе нравственнаго начала началомъ выгодъ вещественныхъ не давало возможности рѣшить предложенный жизнію вопросъ общимъ покойнымъ совѣщаніемъ, взаимными уступками, нравственнымъ убѣжденіемъ, а вопросъ между тѣмъ предложенъ былъ къ разрѣшенію слишко быстро и круто, и подъ угрозами, опиравшимися на силу: трудно было опредѣлить, при какомъ рѣшеніи выгоды Новгорода болѣе пострадаютъ. Личныя отношенія между семьями порождали еще большее раздвоеніе. Въ такомъ положеніи долженъ былъ находиться Новгородъ, когда новая жизнь, въ лицѣ Георгія и Ярослава, рѣшилась однимъ ударомъ сломать старину его: рѣшеніе Новгорода двоилось. Но было еще одно важное обстоятельство, которое окончательно разрывало связи семейно-религіозно-гражданскія: это матеріальныя силы стороны, державшейся стараго порядка, или отрицавшей порядокъ новый. Тѣ, которые готовы были на уступку, въ случаѣ предъявленія своихъ мнѣній на вѣчахъ, были бы избиты и потоплены въ Волховѣ, какъ это обыкновенно дѣлалось въ Новгородѣ, въ такихъ случаяхъ, съ людьми, не опиравшимися на силу, и они не надѣются въ семъ отношеніи ни на отца, ни на сына, ни на раба, ни на господина, ни на самое Небо, предъ которымъ клянутся и лгутъ, чтобъ только затаить свои мнѣнія предъ противниками и не погибнуть, но надѣятся на силу,

которою располагаютъ Георгій и Ярославъ, и устремляются въ станъ ихъ. При семъ мы не можемъ не замѣтить, что къ этому времени могло уже быть сознаніе въ вельможествѣ о близкомъ торжествѣ средняго сословія. Оно само теперь, Новгородское вельможество, могло искать опоры противъ Стороны Торговой. По этому борьба между думой объ угрожающемъ паденіи и думой о матеріяльной необходимости въ новой жизни для того, чтобъ, опираясь на силы ея, сохранить за Боярствомъ правителвственное значеніе, возмущаетъ вельможескія семьи. Имъ грозитъ бѣда съ двухъ сторонъ: они должны признать полнымъ господиномъ своимъ Князя чуждаго, если уступитъ первенство свое Торговой Сторонѣ. Вельможеству та и другая мысль была чуждою и страшною; но для размышленія объ этомъ оставался одинъ моментъ: отцы не согласились съ дѣтьми, а дѣти съ отцами, изъ одной и той же семьи одни стали подъ знамя новой жизни, другіе подъ знамя старины. Вельможеству Новгородскому видимо было не по силамъ разрѣшеніе всѣхъ Государственныхъ вопросовъ, которые предлагала жизнь: съ одной стороны, какъ мы замѣтили, въ немъ недоставало для этого нравственныхъ началъ; съ другой, не ограниченныя требованія и кичливость Торговой Стороны не позволили покойнаго сужденія, и даже возможности удовлеторить эту Сторону, по тому что удовлетвореніе одного требованія, при грубой, невѣжественной заносчивости Стороны, должно было пораждать новыя требованія, какъ это было въ отношеніяхъ ея къ Князьямъ.

Раздвоеніе, въ которомъ мы не разъ находимъ Софійскую Сторону, положительно говоритъ, что она въ самой себѣ не была единомысленна, а средства, къ которымъ ея сторонники прибѣгали, доказываютъ, что она была не разборчива на этѣ средства и, не удерживая ни сколько вражды между семьями, сама создавала орудія, гибельныя для ея собственнаго значенія, гибельныя для жизни всего Новгорода, орудія разрушительныя для порядка. Мы знаемъ теперь, что семьи выставляли соперниковъ предъ толпою народа измѣнниками, и своею клеветой страшно колебали толпу народную, и безъ того уже слишкомъ подвижную. Мы знаемъ, что клевета противъ Посадника Дмитрія до такой степени взволновала массу народную, что она не хотѣла даже дать мѣста для погребенія этого Посадника, и бросила бы трупъ его въ Волховъ, если бъ

не задержалъ ее Архіепископъ. Мы знаемъ, что вражда между семьями не удержалась, чтобъ не взволновать толпу народную противъ Твердислава, и для этого въ 1219 году распущены были объ немъ ложные слухи, что будьто бы онъ измѣнилъ Новгороду. Мы знаемъ теперь, что вражда между семьями два раза волновала толпу народную при Посадникѣ Водовикѣ, и въ этомъ волненіи убитъ Бояринъ Семенъ Борисовичъ, убитъ Внуковичъ и какой-то Иванко съ братомъ брошены въ Волховъ. Мы знаемъ, какъ при этѣхъ волненіяхъ жглись и грабились дома и села Бояръ Новгородскихъ; мы знаемъ, что личности между семьями разоряли въ конецъ семьи Посадника Дмитрія, Посадника Семена Борисовича, Посадника Водовика, Посадника Ѳедора и брата его Михайла; знаемъ, наконецъ, какъ семьи, увлекаясь личной враждой, выбрасывали изъ среды Новгорода собственныхъ своихъ собратій и заставляли скитаться на чужбинѣ. Не припоминаемъ уже другихъ черныхъ явленій жизни Новгородской, которыя, по нашему мнѣнію, были плодомъ тѣхъ же личностей между семьями, если и совершались не безъ участія въ нихъ взаимной вражды между сторонами.[147]

И при этомъ свойствѣ дѣйствій вельможество Новгородское думаетъ сохранить свое значеніе! Нѣтъ, старшіе въ Новгородѣ,

---

[147] Гибель нѣсколькихъ Новогородцевъ въ 1134 году: «Почаша мълъвити о Суждальстѣй войнѣ Новъгородци, и убиша мужь свой, и съвергоша й съ моста;» гибель Георгія Жирославича въ 1136 г.: «убиша Гюргя Жирославиця и съ моста съвергоша;» позорное и жестокое преслѣдованіе Посадника Якуна съ братомъ его, Прокопіемъ, въ 1138 году: «мало не до смерти убиша, обнаживше яко мати родила, и съвергоша й съ мосту; но Богъ избави—прибреде къ березу, и болѣ его не биша, но взяша у него 100 гривенъ, а у брата его 100 гривенъ,— и заточиша Якуна въ Чюдь съ братомъ, сковавъше и руцѣ къ шьи;» гибель Посадника Захарія, Боярина Неревина и Нѣзды въ 1167 году: «убиша Захарію Посадника, и Неревина, и Нѣзду бирица, яко творяхуть е перевѣтъ держаще къ Святославу;» бѣгство Посадника Константина и преслѣдованіе единомышленныхъ Бояръ еще въ 1137 году; гибель Боярина Миши въ 1257 году, державшаго въ 1230 г. сторону Торговой Стороны: «тоя же зимы убиша Мишю;» убійство совершенное въ 1289 году, и послѣдовавшее за тѣмъ разоренье Прусскаго Конца, вооруженное нападеніе въ 1421 г., когда разграбленъ былъ домъ Посадника Андрея Ивановича съ домами другихъ Бояръ, и убито двадцать два человѣка, и проч.

наставники и руководители его, были слишкомъ горды, слишкомъ безжалостны, лживы, слишкомъ привязаны къ земнымъ выгодамъ. Они должны были пасть: ихъ Вѣра была безъ дѣлъ, или, напротивъ, была полна дѣлъ, не согласныхъ съ духомъ истинной Вѣры, съ духомъ нравственности.

Да, соперничество между Боярскими семьями, съ его ковнями, вызывавшими толпу народную на самыя безпорядочныя движенія, съ его убійствами, тайными и явными, съ клеветами, съ измѣнами общимъ выгодамъ Новгорода, какъ отдѣльной, подобно Чернигову, Полоцку, Галичу, общинѣ, не могло не колебать все болѣе и болѣе значенія Боярскаго, уваженія къ Боярамъ со стороны младшихъ Новгородцевъ, и наконецъ не сдѣлать изъ нихъ тѣхъ супостатовъ, какими объявили ихъ младшіе Новогородцы, при движеніи своемъ противъ нихъ въ 1418 году.

Съ постепеннымъ паденіемъ Боярскаго значенія должно было послѣдовать и паденіе значенія самаго Посадника, какъ представителя Бояръ, и постепенное усиленіе младшихъ на избраніе Посадника. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ то и другое.

Паденіе значенія Посадника ясно уже обнаруживалось безващитностію его положенія, въ случаѣ неудовольства на него и преслѣдованія или со стороны Сторонъ, или Концовъ, или частныхъ лицъ. Примѣровъ этому мы имѣемъ уже много. Вспомнимъ только Михайла Степановича, убитаго безъ суда и изслѣдованія въ 1257 году младшими; или положеніе Ѳедора Климовича, въ 1342 и 1350 годахъ, три раза уже избираемаго въ Посадники, а потомъ, когда вздумалось Боярину Онцифору погубить его, бросившаго отправленіе своей должности и бѣжавшаго отъ глупой толпы, возбужденнаго противъ него самаго низшаго народонаселенія Новгорода, въ Копорье, и наконецъ вытребованнаго оттуда для оправданій противъ обвиненія бездоказательнаго, или лучше еще, противъ явной козни, и безъ вины смѣненнаго, а потомъ, послѣ назначенія его снова въ Посадники (въ 1347 г.), раззореннаго и изгнаннаго изъ Новгорода. Такимъ же точно образомъ и другъ Ѳедора, Андрей Захарьевичъ, раздѣлявшій съ нимъ и бѣгство въ Копорье, и грабежъ со стороны черни, не нашелъ себѣ, въ 1369 году, за-

щитниковъ, когда одинъ изъ Концовъ Торговой Стороны вздумалъ его смѣнить, и конечно, по тому не нашелъ защитниковъ, что одинъ изъ членовъ той же соперничествовавшей съ Θедоромъ семьи, [148] за смѣною его, занялъ его мѣсто.

Постепенное усиленіе вліянія младшихъ на избраніе Посадника выразилось такими рѣзкими и многозначительными дѣлами, что мы считаемъ нужнымъ сказать объ немъ нѣсколько подробнѣе.

Данныя по этому предмету почти всѣ уже нами переданы, и намъ остается только разсмотрѣть ихъ въ совокупности, разъяснить связь ихъ между собою.

Если мы сравнимъ младшихъ Новогородцевъ начала XIII ст. съ тѣмъ, чѣмъ они являются потомъ, ровно черезъ два столѣтія, мы не можемъ не поразиться разностію въ положеніи тѣхъ и другихъ, въ отношеніи Посадника. Въ 1218 году Торговая Сторона, при живомъ содѣйствіи даже одного изъ Боярскихъ Концовъ (Неревскаго), не имѣла столько силы, чтобъ удалить не желаннаго ею Твердислава съ Посадническаго мѣста; въ 1219 году, уже послѣ смѣны Твердислава, ея голосъ съ голосомъ Неревскаго Конца ни чего не значилъ противъ голоса двухъ другихъ Боярскихъ Концовъ, и не могъ ни удержать отъ удаленія Посадника, Семена Борисовича, представителя ея и Неревскаго Конца, ни уничтожить назначеніе въ Посадники, противъ ея воли и воли сего послѣдняго Конца, снова не желаннаго ими Твердислава. Въ 1220 году борьба окончилась также торжествомъ двухъ Боярскихъ Концовъ, которые силою поддерживали своего представителя и заставили Торговую Сторону отказаться отъ открытаго противодѣйствія ея избранію: ибо только послѣ этого формальнаго торжества двухъ, поддерживавшихъ его избраніе, Концовъ, Твердиславъ самъ добровольно отказался отъ своего Посадничества и удалился въ монастырь. Такъ безсильно, по видимому, было тогда вліяніе Торговой Стороны

[148] Двоюродный братъ Онцифора, Никита Матвѣевичъ, назначенный въ Посадники послѣ уничтоженія открытою силою Софійской Стороны избранія, сдѣланнаго Концомъ Стороны Торговой.

на избраніе Посадника, и при этомъ безсиліи, въ отношеніи до-Княжескихъ Бояръ, она дѣйствуетъ еще не отъ себя, даже, какъ будьто, не за себя, а отъ лица Князя, въ исполненіе воли его, для поддержанія его (въ дѣйствительности это было обратно), или если дѣйствуетъ и отъ себя, но не одна, а имѣя на своей сторонѣ цѣлую Концевую братчину Бояръ и волю самаго Князя. Князь стоитъ тогда во главѣ ея и, требуя исполненія ея думы, онъ выдаетъ только эту думу за думу собственную. [149] Но что жъ мы видимъ въ 1418 году? Посадникъ Боярской Стороны уже не ея Посадникъ: она сама, безъ Князя, противоставляетъ Бояротву своего собственнаго, въ лицѣ Боярина Василія Осиповича; она съ этѣмъ Посадникомъ требуетъ отъ Бояръ господства ея голоса, господства ея суда, судитъ ихъ силою; мало того, заставляетъ Софійскую Сторону поклониться измѣнившему своей сторонѣ Боярину-Посаднику, чтобъ онъ съ Торговой Стороной оставилъ только открытую вражду противъ Стороны Софійской. Перемѣна страшная, хотя не избѣжная!

Уже и въ XIII столѣтіи можно было предвидѣть подобную развязку. Уже тогда Софійская Сторона стояла въ оборонительномъ положеніи, подобно тому, какъ въ 1157 году стояла въ оборонительномъ положеніи сама Торговая Сторона; [150] и пусть себѣ Твердиславъ добровольно отказался отъ Посадничества и удалился въ монастырь, но три года безпрерывныхъ опасеній предшествовали его добровольному удаленію, а внукъ его, тоже Посадникъ, во вто-

[149] Такъ, въ 1220 году, она дѣйствовала, противъ Посадника Твердислава, непосредственно отъ лица Князя Всеволода. За два года передъ тѣмъ обѣ Стороны стояли въ тѣхъ же отношеніяхъ къ тому же самому Посаднику, и хоха Торговая Сторона обнаружила движеніе не отъ имени Князя, но она смѣло и безошибочно могла полагаться на него, потому что Князь открыто на вѣчѣ объявилъ, чрезъ своего чиновника, требованіе, совершенно согласное съ думой движенія Торговой Стороны; сверхъ того, Торговая Сторона открыла движеніе не одна, а съ однимъ изъ близкихъ Концовъ. См. выше.

[150] Бысть котора зла въ людьхъ, и въсташа на Князя Мьстислава на Гюргевиця, и начаша изгонити изъ Новагорода; търговый же полъ сташа въ оружіи по немъ и съвадишася братья...... мало же кръви не прольяша межи собою....... и...., бѣжа Мьстиславъ изъ города. Новг. I, стр. 12.

рой половинѣ XIII столѣтія, погибъ уже при волненіи младшихъ насильственною смертію. Исторія XIV столѣтія была продолженіемъ дальнѣйшихъ успѣховъ Торговой Стороны и съ тѣмъ вмѣстѣ усиленіемъ признаковъ внутренняго разрушенія Новгорода. Козни и соперничество между Боярскими семьями уже въ XIII ст. раскрывали возможность для Торговой Стороны найти между Боярами такія лица, которыя готовы были вести ее, или итти съ ней противъ своихъ же братій-Бояръ, противъ главы Боярства и всего Новгорода противъ Посадника; мало того, давали возможность Торговой Сторонѣ найти себѣ естественную опору въ цѣлой толпѣ Бояръ—въ цѣломъ Концѣ. [151] И не уже ли Торговая Сторона не понимала, что одно соперничество заставляетъ Бояръ измѣнять Боярству и соединиться съ нею противъ Боярства? Со временемъ Торговая Сторона въ каждую минуту могла расчитывать на эту измѣну, и, съ помощію Конца, или даже сама по себѣ, выставлять противъ главы Боярства, а, съ тѣмъ вмѣстѣ, и главы Новгорода, того или другого Боярина, державшагося ея собственныхъ выгодъ и потакавшаго страстямъ и произволу ея, не изъ любви къ ней, не по нравственной связи съ нею, а единственно по духу соперничества Боярскаго, и облекать это лицо властію Посадника. Въ 1359 году Торговая Сторона сдѣлала даже попытку возвести въ званіе главы своей и Боярства, въ званіе Посадника, одного выходца изъ среды своей, Боярина—новаго.

Въ дѣйствительности, кто такой былъ Сильвестръ Леонтьевичъ, котораго Славянскій Конецъ назначилъ тогда въ Посадники Великаго Новгорода? Лѣтописецъ не называетъ его Бояриномъ; говоря о разореніи селъ, принадлежавшихъ партіи Конца, онъ именуетъ ихъ также не Боярскими, а просто Славянскими; въ противоположности же лицамъ, принадлежавшимъ къ Концу и поддерживавшимъ Сильвестра, мы видимъ лица однихъ Бояръ, массу Бояръ, а не извѣстныя какія ни будь Боярскія семьи; самое выраженіе лѣтописца: «и доспѣша тогда обѣ стороны противу себѣ, Софійская сторона хотя мьстити безчестье братіи своей (т., е., Бояръ, которыхъ

---

151 Неревскій, въ 1218 г.

принадлежащіе къ Славянскому Концу побили и полупили), [132] а Славянская отъ живота и отъ головъ», явно говоритъ также о различномъ гражданскомъ положеніи лицъ двухъ враждебно столкнувшихся сторонъ: одни стоятъ за честь, другіе только за состояніе и жизнь. Отъ чего также Софійская Сторона, послѣ уже того, какъ Славянскій Конецъ отказался отъ назначенія въ Посадники Сильвестра и согласился на избраніе Никиты Матвѣевича, или лучше еще послѣ того, какъ Архіепископъ склонилъ враждующихъ прекратить открытую вражду, отъ чего Софійская Сторона не удержалась въ предѣлахъ мира, а бросилась на села Сильвестровы и иныя села Славянскія, разорила ихъ, погубивъ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и села не виноватыхъ? Отъ чего это? Отъ чего такое яростное открытое преслѣдованіе Софійскою Стороною Сильвестра и иныхъ, изъ принадлежавшихъ къ Славянскому Концу и владѣвшихъ селами, преслѣдованіе, какого ни разу не обнаруживала доселѣ Сторона Софійская противъ Стороны Торговой? Время объяснить положительно значеніе Софійской и Торговой Сторонъ.

Всѣ безъ исключенія данныя говорятъ, что Софійская Сторона была стороною Боярскою, а Торговая Сторона—младшихъ Новогородцевъ. Вездѣ, гдѣ только лѣтописецъ говоритъ о Боярахъ и младшихъ Новогородцахъ, первые являются у него на Софійской Сторонѣ, вторые на Торговой; и тѣ и другіе представляются именно въ тѣхъ же враждебныхъ отношеніяхъ, въ какихъ представляется Торговая Сторона въ отношеніи Софійской. Говоря о Торговой, онъ не оставляетъ нигдѣ ни малѣйшаго намека о пребываніи среди ея Бояръ; но говоря о Софійской, онъ всюду видитъ тамъ Бояръ. Въ 1255 году, когда младшіе сосредоточились на Торговой Сторонѣ подъ предводительствомъ Ананія, и когда Бояре, по разсказу самихъ Новогородцевъ, измѣнили младшимъ, мы видимъ послѣднихъ на Сторонѣ Софійской: оттуда они думаютъ «измясти» сторону младшихъ, Сторону Торговую. Въ борьбѣ Софійской Стороны съ Торго-

[132] И сътворися каторжъ не мала на Ярославли дворѣ, и сѣча бысть, понеже Славляне въ доспѣхѣ подсѣли и разгониша Зарѣчанъ, а они безъ доспѣха были, и бояръ многихъ били и полупили, а Ивана, сына Борисова, до смерти убили.

вою, подъ 1418 годомъ, мы видимъ уже положительно, что Торговая Сторона дѣйствуетъ не отъ лица Бояръ, толпой, и противъ толпы Бояръ, сосредоточившихся на Софійской Сторонѣ. Выраженіе: «намъ супостаты суть», употребленное тогда противъ Софійской Стороны, при разграбленіи ея открытыми нападеніями, не могло бы падать на всю Софійскую Сторону, если бъ она состояла не изъ однородныхъ началъ. Другое выраженіе Торговой Стороны, когда она грабила въ то же время Никольскій монастырь: «сдѣсь, вѣдь, житници Боярскія», указываетъ ясно, противъ кого именно было тогда движеніе ея. Самый начальный поводъ къ этому открытому возстанію Стороны на Сторону подтверждаетъ тоже: одинъ изъ поссорившихся былъ Бояринъ, другой не Бояринъ, и Бояринъ скрылся на Софійской Сторонѣ, а не Бояринъ на Торговой, и за послѣдняго-то возстала Торговая Сторона на Сторону Софійскую. Сравнивая сказанія одной изъ Новгородскихъ лѣтописей съ другими, мы вполнѣ убѣждаемся въ нашихъ соображеніяхъ: тамъ, гдѣ, по другимъ лѣтописямъ, дѣйствуетъ Сторона Софійская, лѣтопись Софійская положительно называетъ эту Сторону Боярской, а гдѣ дѣйствуетъ Торговая, называетъ Стороною купеческою или чернаго народа. Такъ, когда подъ 1157 годомъ другія лѣтописи показываютъ, что Сторона Торговая вооружилась противъ другой Стороны на защиту князя Мстислава Георгіевича, помянутый лѣтописецъ говоритъ, что за Князя Мстислава Георгіевича вооружились противъ другой стороны купцы. [153] Точно также открытую борьбу 1418 года, названную, по другимъ лѣтописямъ, борьбою между Софійскою и Торговою Сторонами, тотъ же лѣтописецъ называетъ борьбою между Боярами и младшими Новгородцами (чернью). [154] Такъ наше предположеніе, опирающееся сначала на однихъ общихъ соображеніяхъ, было въ Новгородѣ живою былью, даже по разсказу самихъ

---

[153] Бысть котора въ людяхъ, и въсташа на Князя Мстислава Юріевича Новгородци, и начаша ѝ изгонити изъ Новгорода; купцы же послаша по немъ въ оружіи, Зарѣчьская сторона со другою стороною мало крови не пріяша межи собою.» Соф. I, стр. 160.

[154] И изыма Бояриня того Степанка, и хотя творити отмщеніе; и за то сташа чернь съ одной стороны, а съ другой Бояры, и учинися пакости людемъ — много мертвыхъ. Тамъ же, стр. 261.

же Новогородцевъ. [155] Послѣ того не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, что вездѣ, гдѣ Новгородскія лѣтописи говорятъ о Софійской Сторонѣ, тамъ они разумѣютъ Боярство.

По этому-то ни Сильвестръ Лентѣевичъ и никто изъ обывателей Славянскаго Конца, которыхъ села были разграблены, не могли принадлежать къ числу Новогородскихъ Бояръ и не названы лѣтописцемъ Боярами. Но эти Бояре не Бояре пользуются уже однимъ изъ Боярскихъ правъ—владѣютъ селами; мало того, Торговая Сторона, къ которой они принадлежатъ, рѣшается теперь открытою силою вдвинуть ихъ въ самое важное изъ правъ Боярскихъ—въ право посадничать, въ право быть главнымъ послѣ Князя судьею и правителемъ Новгородской области; слѣдовательно, быть главою и самихъ Бояръ. Вотъ куда шагнула Торговая Сторона, подъ вліяніемъ себялюбія, разъединявшаго самихъ Бояръ, и подъ вліяніемъ собственнаго своего стремленія къ исключительности: выставляя Князей противъ Бояръ и скрывая страстно свои выгоды отъ малѣйшаго соприкосновенія къ нимъ тѣхъ же Князей, она рѣшилась силою освободиться отъ столѣтняго господства надъ ней тѣхъ Бояръ, которыхъ права утвердилъ самъ Ярославъ Великій. Могли ли же послѣ этого Бояре оставаться въ обыкновенномъ своемъ положеніи, при подобномъ явномъ нарушеніи ихъ правъ? Конечно, нѣтъ; и вотъ по чему они, въ свою очередь, такъ страстно преслѣдовали Сильвестра и всѣхъ Бояръ не Бояръ, поддерживавшихъ его право на посадничество.

Пусть не совершенно удачна была эта попытка, пусть Софійская Сторона торжествовала еще, но мысль выразилась уже положительно, жила и, въ слѣдствіе сильнаго и дружнаго противодѣйствія, приняла только другое направленіе: Торговая Сторона старается послѣ того, по прежнему, найти главу для своей исключительности въ одной изъ старыхъ Боярскихъ же семей, и ей не трудно было сдѣлать это. Еще больше: за ней оставался выборъ между тѣми Боярскими семьями, которыя, по духу себялюбія и соперничества, готовы были дѣйствовать въ ея видахъ. Вглядитесь, какія дѣйствительно Боярскія семьи, съ половины XIII ст. и далѣе высятся надъ Новгородомъ, и вы увидите Посадническое мѣсто открытымъ

---

[155] Софійская лѣтопись составлялась въ Новгородѣ.

для семей, поддерживавшихъ Торговую Сторону. Одна изъ этихъ послѣднихъ семей боролась, при Посадникѣ Водовикѣ, въ 1230 г., противъ семьи Твердислава, постоянно защищавшей вельможеское начало, и была тогда же вытѣснена изъ Новгорода. Родоначальникъ ея былъ Бояринъ Миша. Съ 1257 по 1418 годъ она появлялась восемь разъ на Посадническомъ мѣстѣ: въ лицѣ двухъ сыновей Миши, въ лицѣ внука, правнука и двухъ праправнуковъ.[156] Вторая изъ сихъ семей въ самомъ началѣ второй половины XIII столѣтія стояла во главѣ Торговой Стороны, противъ Александра Невскаго, когда всѣ остальныя Боярскія семьи поддерживали Александра противъ сказанной Стороны; тогда она потеряла тоже и отодвинута была отъ Посадническаго мѣста. Родоначальникомъ ея былъ Ананій. Она мѣнялась съ первой Посадническимъ мѣстомъ, соперничала и тогда съ ней за это, и девять разъ стояла во главѣ Новгорода въ теченіи сказанаго времени (съ 1257—1418).[157]

---

[156] Михаилъ Мишиничъ, избиравшійся два раза; Юрій Мишиничъ; Вареоломей Юрьевичъ, избиравшійся два раза и умершій въ званіи Посадника; Матвѣй Вареоломѣевичъ; Никита Матвѣевичъ, Онцифоръ Лукиничъ (Лука былъ сынъ Вареоломея и родной братъ Матвѣя). О Посадникѣ Вареоломѣѣ лѣтописецъ говоритъ подъ 1342 годомъ: «Преставися рабъ Божій Вареоломѣй, Посадникъ Новогородскій и сынъ Юрія Мишинича.» Народность родоначальника этой семьи удерживаетъ за нимъ въ лѣтописи вездѣ имя Миши, безъ всякихъ прибавленій, и переноситъ даже это прониметованіе на потомство. «Юрій Мишиничъ (вмѣсто Михайловичъ), сынъ Юрія Мишинича, Мишиничи — потомки Миши.» Изъ лѣтописей не видать, чтобъ кто ни будь изъ Михайловъ пріобрѣталъ въ Новгородѣ подобное народное ласковое наименованіе.

[157] Сынъ Ананія, Павша, избранъ былъ въ Посадники въ 1268 г., и посадничалъ въ продолженіи пяти лѣтъ; въ 1273 году смѣнялся на короткое время Михаиломъ Мишиничемъ, но въ томъ же году снова утвержденъ на Посадническомъ мѣстѣ, на которомъ и оставался до смерти, послѣдовавшей въ 1274 г. Внукъ Ананія, Михаилъ Павшиничъ, избранъ былъ въ Посадники въ 1309 году и оставался на немъ два года, а въ 1315 году погибъ въ сраженіи противъ Михаила Тверскаго. Захарій Михайловичъ, правнукъ Ананія, возводился на Посадничество крамольниками въ 1332 году, и въ томъ же году былъ смѣненъ лишенъ, имѣвшимъ тѣсную связь съ семьей, дѣйствовавшей въ послѣдствіи (1345 г.) согласно съ Стороною Софійскою, именно въ то самое время, когда соперница этого рода приняла подъ свое покровительство Торговая Сторона. * Сыновья Захарія, Ан-

---

* Матвѣй Коска, столь усердно помогавшій въ 1345 г. Онцифору Лукичу противъ Посадника Θедора Даниловича. См. Полн. Собр. Р. Л. т. III, стр. 76, и т. IV, стр. 53.

Торговая Сторона въ этотъ періодъ времени видимо господствуетъ въ избраніи Посадника. Не на думу, а на силу невѣжественной многочисленной толпы опирается теперь власть правителя. Потакая ей, ей же на гибель, и развашивая ее, Посадникъ могъ самъ же расчитывать на ея покровительство. Неоднократно упоминаемый нами Посадникъ Θедоръ Даниловичъ отлично хорошо понималъ это положеніе дѣлъ въ Новгородѣ, и жертвуя началами высшими, дѣйствовалъ совершенно въ духѣ своего времени, и Торговая Сторона видимо поддерживала его: такъ, въ 1345 году, когда, въ слѣдствіе козней, Новгородъ раздвоился на двѣ стороны, Боярскую и небоярскую, первая была противъ него, вторая за него, и этотъ Θедоръ, смѣняемый въ должности Посадника другими лицами, четыре раза выходилъ на Посадническое мѣсто и долгое время управлялъ Нов-

---

дреянъ и Іосифъ были тоже Посадниками, и если первый возбудилъ противъ себя чѣмъ-то Торговую Сторону и былъ смѣненъ, то вторый, явный поборникъ Торговой Стороны, имѣлъ сильную опору себѣ въ Новгородѣ, и, смѣняясь не разъ, снова, какъ это мы объяснимъ ниже подробнѣе, показывался на Посадническомъ мѣстѣ. Степенный Посадникъ Василій, который въ XV ст. играетъ важную роль въ борьбѣ Сторонъ, былъ внукъ Захарія. Мы возстанавливаемъ эту семью на принятомъ нами основаніи. Имена: Ананій, Павелъ, какъ встрѣчающіяся такъ же рѣдко въ исторіи Новогородской, какъ и теперь между народомъ, могутъ въ настоящемъ случаѣ дать положительныя доказательства о принадлежности къ одному роду, къ одной семьѣ какъ Ананія, такъ и Павши Ананьевича, равнымъ образомъ и Михайла Павшинича. Слишкомъ же общее имя послѣдняго можетъ подать поводъ усомниться, дѣйствительно ли Захарій Михайловичъ былъ сынъ именно Михайла Степановича, а не другого какого Боярина, носившаго имя Михайла, и мы не можемъ положительно уничтожить это сомнѣніе, а сдѣлаемъ только два замѣчанія, именно: что исторія трехъ Боярскихъ семей XII, XIII и XIV столѣтій представляетъ достаточныя доказательства о переходѣ Посадничества отъ отца къ сыну, къ внуку и т. д.; и во вторыхъ, что если, при явномъ покровительствѣ Торговой Сторонѣ въ 1255 году, Ананій, не смотря на потерю въ томъ году Посадничества, именно за это покровительство, успѣлъ сохранить расположеніе Новогорцевъ до того, что сынъ и внукъ сохранили за собою семейное право на Посадничество, то по чему же не могъ сохранить этого права и правнукъ? Во всякомъ случаѣ, положеніе наше о торжествѣ фамилій, поддерживавшихъ Торговую Сторону, ни сколько не пострадаетъ, если мы будемъ видѣть въ Захаріи съ его потомствомъ и особую семью отъ семьи Ананья; по тому что потомки Захарія, какъ увидимъ ниже, высились надъ Новгородомъ именно въ слѣдствіе того, что держались Торговой Стороны.

городомъ. Сынъ Посадника Захарія, Осипъ, бывшій тоже явнымъ поборникомъ Торговой Стороны, вооружилъ противъ себя, въ 1388 г., всѣ три Конца Софійской Стороны, къ которой онъ самъ принадлежалъ и нашелъ открытую защиту для себя въ Торговой Сторонѣ, которая отстаивала его въ продолженіи двухъ недѣль, и хотя уступила Сторонѣ Софійской, согласясь на назначеніе въ Посадники, вмѣсто Осипа, Василія Θедоровича, но уступка эта была временная, по формѣ, по тому что въ 1390 году Осипъ снова является Посадникомъ, и въ 1394 году, вторично лишившись Посадничества, онъ въ 1398 году показывается вновь въ званіи Посадника.[156] Внукъ Захарія и сынъ Осипа, Василій, какъ мы видѣли, уже стоялъ во главѣ Торговой Стороны, въ противодѣйствіи Сторонѣ Софійской, и законность его положенія утверждена была тогда самою же Софійской Стороной.

Какъ ни занимательна была бы для насъ дальнѣйшая исторія, въ которой находятся Стороны въ отношеніи Посадниковъ, но, за совершенною недостаточностію свѣдѣній по этому предмету, какъ и вообще свѣдѣній, относящихся до назначенія и смѣны Посадниковъ, эта исторія скрывается отъ насъ. Не можетъ быть, однако жъ, чтобъ лѣтописцы не сообщили намъ подобныхъ свѣдѣній, если бы были сильныя столкновенія или между Сторонами, или между Концами, относительно назначенія, или смѣны Посадника. Замѣтивъ же, какія огромныя уступки сдѣлала до этого времени Софійская Сторона въ пользу Торговой по настоящему предмету, могло бъ показаться вѣроятнымъ, что мысль, выраженная Торговою Стороною подъ 1359 годомъ и которой такъ сильно противодѣйствовала тогда Сторона Софійская, въ XV столѣтіи наконецъ осуществилась, уже безъ борьбы, послѣ уступки, сдѣланной Софійскою Стороною въ 1418 году; но Бояринъ Борецкій, двигавшій младшими Новогородцами въ послѣднія минуты существованія Новгорода, былъ не новый Бояринъ

---

[156] Въ 1-й разъ, какъ мы видѣли, онъ былъ смѣненъ въ 1388 году; когда именно Осипъ избирался во второй и въ третій разъ въ Посадники, лѣтописецъ не говоритъ положительно, упоминая лишь о вторичной смѣнѣ его въ 1394 году, и называя его послѣ того опять Посадникомъ, при описаніи посольства къ Василію Дмитріевичу въ 1398 году. Нов. I, стр. 96 и 100.

Новгорода, не Бояринъ, выходецъ, вдвинутый въ число Бояръ, въ слѣдствіе своего богатства, Торговою Стороною: онъ былъ Бояринъ старой семьи, принадлежавшей къ Неревскому Концу, [159] но Бояринъ, котораго Боярская Сторона должна была считать въ отношеніи себя измѣнникомъ, по тому что вся она была противъ думы и дѣйствій Борецкаго: Борецкій воздвигнулъ свой планъ, полагаясь на Торговую Сторону.

Какъ бы то ни было, всѣ данныя по предмету, которымъ мы занимались въ эту минуту, показываютъ, что старое правительственное начало въ XIV ст. угасало уже въ своемъ значеніи, и что въ началѣ второй половины XIII столѣтія выступало уже начало новое, которое, разрушая Боярскую власть, еще сильнѣе, нежели самые Бояре, стремилось разрушить всякую попытку утвержденія власти Княжеской въ Новгородѣ, ревнуя Князей въ своихъ выгодахъ, до бездѣлицы, ограничивая, какъ мы уже выше замѣтили, даже въ свободномъ сбытѣ дани натурой: богатства, составляющія цѣль и основу жизни этого сословія, опредѣляютъ ихъ отношенія къ власти, и власть остается безвластною, дѣлается посмѣшищемъ, когда думаетъ соприкоснуться къ его выгодамъ. И этотъ духъ былъ не новый для Новгородца Торговой Стороны, не былъ плодомъ особыхъ событій: онъ лежалъ, повторяемъ еще разъ, въ основѣ быта средняго сословія. Таково было это начало и прежде, даже при Ярославѣ, уничтожая Княжескую Варяжскую наемную дружину; но тогда ему нужно было еще бороться съ сильнымъ Боярствомъ, и оно, безсильное для этой борьбы, сдерживало себя, затаивало свою главную думу, пряталось за Князьями, пользовалось значеніемъ Князей, ихъ силами, показывало, что оно будьто бы желало утвержденія въ жизни помысла Княжескаго; но, ослабивъ Боярскую силу, оно объявило себя и въ отношеніи Князей началомъ открыто враждебнымъ, и въ этомъ духѣ, какъ мы увидимъ ниже, воспитывается ему наслѣдникомъ еще другое начало, которое попираетъ уже все святое, разрушаетъ всякій порядокъ въ дѣйствительности, начало чисто противугосударственное.

---

[159] Нов. IV, стр. 130, подъ 1477 годомъ, и Нов. I, стр. 70, подъ 1311 годомъ. Чудесный домъ (дворъ) Мареы Борецкой былъ въ Неревскомъ Концѣ.

Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія гражданскія связи между двумя Сторонами, въ слѣдствіе многостолѣтней безъисходной борьбы ихъ между собою, являются уже почти совершенно разрушенными. Себялюбіе Торговой Стороны безжалостно торжествовало тогда надъ себялюбіемъ Стороны Софійской, и, какъ начало мертвое, не нравственное, не могло дать Торговой Сторонѣ, при этомъ торжествѣ, исхода правильнаго, не могло сдѣлать возвышенія ея надъ Стороною Софійскою возвышеніемъ нравственнымъ, и по этому, отдѣляясь отъ вліянія Софійской Стороны, Торговая Сторона не имѣетъ дальнѣйшей цѣли, кромѣ своей исключительности. По этому же Софійская Сторона, даже послѣ торжества Торговой Стороны, продолжаетъ прежнее свое существованіе, съ прежнею своею исключительностію во всѣхъ тѣхъ точкахъ, гдѣ эта исключительность не столкнулась еще съ исключительностію денежной Торговой Стороны. Она господствуетъ надъ Новгородскою областію, но только не въ отношеніи Торговой Стороны, или во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, по основамъ своего денежнаго быта, Торговая Сторона не хочетъ принимать участія; только выгоды собственныя, а не области, Сторона Торговая вывела изъ подъ вліянія Стороны Софійской; въ ней думы объ области нѣтъ, какъ нѣтъ этой думы и въ Сторонѣ Софійской. Та и другая погружены въ собственныя свои выгоды, и смотрятъ на все остальное, какъ на орудіе своей исключительности, не мѣшаютъ другъ другу итти отдѣльными путями къ своимъ корыстнымъ цѣлямъ. Въ продолженіи многостолѣтней исторіи вы ни разу не слышите голоса любви Софійской Стороны къ (Сторонѣ) Торговой, старшихъ Новгородцевъ къ младшимъ. Сдѣсь нѣтъ ни Вышаты, который бы жертвовалъ собой, для того, чтобъ или вывести младшихъ изъ гибели, или погибнуть вмѣстѣ съ ними, ни тѣхъ думцевъ Кіева, которые отклоняли Святополка-Михаила отъ весенняго похода на Половцевъ, указывая, что этотъ походъ можетъ повлечь за собою разореніе для поселянъ; ни думцевъ, которые потомъ, присутствуя при торжественномъ совѣтѣ Святополка и Мономаха по этому же предмету, съ Христіанскимъ восторгомъ приняли мысль о необходимости этого похода для благосостоянія же поселянъ, когда Мономахъ раскрылъ передъ ними, что если походъ этотъ оставитъ поля не обработанными, то спасетъ села и деревни отъ совершеннаго опустошенія, не допуститъ Половцевъ перебить, или расхитить

самую семью поселянина, спасетъ жизнь и нравственное благосостояніе его. Сдѣсь нѣтъ и тѣхъ думцевъ, которые улеглись костями въ степяхъ Половецкихъ, принявъ высокую думу Игоря, своего витязя-Князя, что спасеніе собственное, съ выдачею на гибель младшихъ, хуже гибели отъ меча вражескаго. Сдѣсь, отъ начала до конца Новогородской исторіи, со стороны старшихъ слышится всюду совершенно противуположная дума. Когда, стремясь спасти отъ гибели и порабощенія свои родныя земли, отразить силы врага неодолимаго, нахлынувшаго на насъ въ лицѣ Монголовъ, старшіе въ цѣлой Руси сомкнулись въ ряды вмѣстѣ съ младшими, и вмѣстѣ съ младшими нисходили въ обширныя могилы, разверзаемыя предъ ними силою врага, въ это время Новогородскіе старшіе измѣняютъ младшимъ, или еще болѣе радуются, что иго Монгольское преимущественно ложится на младшихъ. Пусть Новогородскіе Бояре могли бы оправдывать себя передъ потомствомъ, что самое благоразуміе заставило ихъ уклониться отъ примѣра, который имъ дали старшіе всѣхъ другихъ частей тогдашней Руси въ борьбѣ съ Монголами, и добровольно безъ борьбы принять иго Монгольское; что это страшное тогда волненіе младшихъ, ихъ готовность погибнуть въ битвѣ открытой, но не быть данниками Монголовъ, было плодомъ безумія и отчаянія; что одно только сребролюбіе заставило младшихъ обвинять тогда своихъ старшихъ въ томъ, что послѣдніе возлагаютъ на младшихъ, не столь богатыхъ, какъ сами, тяжесть дани, равную съ собою; ибо подобнаго ропота не было въ другихъ частяхъ Руси, при введеніи въ нихъ точно такой же дани и на тѣхъ же основаніяхъ. Пусть виноваты сами младшіе во многомъ, но одни слова не могутъ оправдать и старшихъ, когда они не представляютъ намъ ни одного дѣла, въ которомъ бы они высказались великодушіемъ къ младшимъ. Ихъ дѣла не дѣла великодушія, а дѣла надменности; въ этомъ честолюбіи и жадности къ выгодамъ они полны раздора въ самихъ себѣ, другъ противъ друга; сѣютъ этотъ раздоръ въ цѣломъ Новгородѣ, выводятъ его и за предѣлы Новогородскіе; вооружаютъ младшихъ одни противъ другихъ; раздуваютъ кичливость ихъ все болѣе и болѣе противъ порядка и власти, чтобъ удержать эту власть въ рукахъ той или другой изъ своихъ семей, или чтобъ только не дать возможности перейти ей въ руки Князей. Монгольское владычество не лишило ихъ власти, а рабство области, положеніе младшихъ, не требо-

жать ихъ. Они были храбры, отважны, въ этомъ мы должны отдать имъ справедливость; но въ нихъ семейное началю, началю любви было подавлено страстями, было слабо, не развилось въ любовь къ ближнему, въ любовь къ согражданину, а недовѣріе къ нимъ младшихъ, ихъ собственныя другъ противъ друга козни подавляли въ нихъ окончательно эту любовь: они пренебрегали младшихъ, и опасались ихъ, а младшіе, въ свою очередь, сперва не довѣряли имъ, а потомъ ненавидѣли ихъ, и грозили имъ или гибелью, или раззореніемъ. Какъ же послѣ того они могли стоять грудью за Новгородъ, когда половина Новгорода не хотѣла признавать ихъ защитниками, мало того—еще грозила имъ? И вотъ по чему они измѣняютъ младшимъ въ эту опасную минуту. Вотъ по чему они и послѣ отступаются отъ борьбы съ Литвою и съ Московскими Великими Князьями; вотъ по чему они и прежде отпадали отъ младшихъ въ княженіе Невскаго; отпадали наконецъ отъ нихъ и въ тѣ минуты, когда рѣшалась судьба Новгорода: причины видоизмѣнялись, но въ сущности оставались тѣми же. Не любовь къ родинѣ, даже не слава руководили ихъ поступками, а частное себялюбіе. Сдѣсь не слышится ни разу дума, высказанная Изяславомъ предъ битвой противъ Владимира Галицкаго, воинству Кіевской земли, старшимъ и младшимъ: «Братья и дружина! Никогда Русской земли и Русскихъ сыновъ Господь Богъ не забывалъ въ битвѣ, не обезславливалъ оружія ихъ; гдѣ Русскіе ни являлись, какъ воины,—честь была неразлучна съ ними; да поревнуемъ же, братья, въ сдѣшнихъ земляхъ, предъ чуждымъ воинствомъ [160] добыть честь, которою Господь Богъ благословляетъ насъ!» [161] И эта дума не одушевила бы Новогородца, какъ она вдохновила собой воинство Кіевское, смявшее почти однимъ ударомъ сильныя дружины Князя Галицкаго. Отъ славы, сопряженной съ возможностію гибели, Новогородцы откупаются, жертвуютъ даже языческимъ божествомъ своимъ. Таковъ характеръ взгляда на жизнь въ старшемъ Новогородцѣ въ подобныхъ случаяхъ.

---

[160] Венгерцы: они были въ битвѣ какъ союзники Изяслава.

[161] Ипат., стр. 67.

Холодность старшихъ къ положенію младшихъ, выразившаяся положительно разъ, разорвала связи между сословіями, поставила неправильно ихъ другъ къ другу, и младшій, какъ мы выразились, своею недовѣренностію и неуваженіемъ оскорбилъ старшаго, а старшій, полный силъ и отваги, взглянулъ послѣ того на младшаго, какъ на строптиваго. Любовь къ родинѣ не задержала ихъ въ этѣхъ неправильныхъ отношеніяхъ; власть Княжеская была безсильна въ Новгородѣ водворить миръ между поссорившимися сословіями, тѣмъ болѣе, что она преимущественно покровительствовала здѣсь младшимъ. И вотъ первоначальное чувство перешло наконецъ въ ненависть. «Онъ только думаетъ», говорятъ младшіе въ 1259 году, «какъ бы только ему было легко, а не думаетъ, какъ то, что облегчаетъ его и даетъ просторъ ему въ жизни, ложится зломъ на младшихъ...». [162] Старшіе составляютъ злой совѣтъ, какъ бы избить младшихъ, толковали они еще въ 1255 году, [163] когда Александръ пришелъ къ Новгороду ополченіемъ, чтобъ наказать строптивость его. «Они супостаты намъ»! [164] кричали младшіе въ минуту волненія въ 1418 году. «Нѣтъ въ нашихъ старшихъ ни милости, ни правды»! раздавалось въ 1446 году по всей области Новогородской, и «младшіе кляли тогда старшихъ», прибавляетъ къ тому лѣтописецъ. [165] До какой степени унизились нравственно старшіе въ первой половинѣ XV столѣтія, даже трудно представить себѣ. Они поддерживали не только ябедниковъ, но даже спаивали честныхъ людей, чтобъ они, подъ пьяную руку, говорили отъ себя, при формальныхъ слѣдствіяхъ, выдуманную ими же, старшими, кле-

---

Нов. I, стр. 57, подъ 1259: «творяху бо Бояре себѣ легко, а меншимъ зло».

Тамъ же 55, подъ 1255: «и бысть въ вятшихъ совѣтъ золъ, яко побити меншіи, а Князя ввести на своей воли».

Смотр. выше.

Нов. IV, стр. 124. «А въ то время не бѣ въ Новгородѣ правды, и праваго суда, и возсташа ябедници, изнарядиша четы, и обѣты, и цѣлованіе на неправду, и начаша грабити по селомъ, и по волостемъ, и по городу, и бяхомъ въ поруганіе сосѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ, и бѣ по волости изъѣжа велика, и боры частыя, кричь, и рыданіе, и вопль, и клятва всѣми людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ, зане не бѣ въ насъ милости и суда права».

вету противъ людей, которыхъ они хотѣли изгубить, пользовались этою клеветою споеннаго ими, и бросали съ моста невинно оклеветанныхъ, разграбливали домы ихъ и захватывали имущество ихъ всюду, гдѣ только могли отыскать, даже въ самихъ церквахъ, гдѣ, по быту Новогородцевъ, имущество каждаго должно было оставаться неприкосновеннымъ.[166] Къ этому мы должны еще прибавить, что исторія XIV столѣтія встрѣчаетъ Новогородскихъ старшихъ, принадлежавшихъ къ самымъ представительнымъ семьямъ, во главѣ, какъ увидимъ ниже, удалыхъ разбойничьихъ, противогосударственныхъ шаекъ, и этѣхъ старшихъ Новгородъ послѣ того признаетъ не атаманами разбойниковъ, а своими примѣрными дѣтьми, выдвигая ихъ на поприщѣ гражданской значительности. Вотъ правители Новгорода въ XIV и XV столѣтіяхъ! Въ немъ нѣтъ и не было ни правителей, ни власти: власть въ Новгородѣ не облечена нравственною неодолимою силою, за которую Новогородцы и старшіе и младшіе, т. е., Софійская и Торговая Стороны, готовы положить свои головы, властію для той и другой Стороны была сила физическая. Одна эта-то власть, одна физическая сила, сжимающая ихъ общія непозволительныя выгоды, миритъ обѣ Стороны въ ихъ борьбѣ между собою: Архіепископъ, во имя Божіе, можетъ только просить ихъ о мирѣ, склонять ихъ къ миру, и успѣваетъ склонять ихъ только на временный миръ; но жизнь бѣжала далѣе основнымъ своимъ токомъ, выбиваясь изъ подъ вліянія религіозныхъ думъ и бушуя страстями своими. Что значитъ сила въ Новгородѣ, этому служитъ разительнымъ доказательствомъ страдательное положеніе, въ 1289 и 1350 годахъ Прускаго Конца, ю

---

[166] Тамъ же и стр. 126. Того же лѣта выведе Сокира Посадникъ ливца и [illegible] серебриного Θедора Жеребца на вѣче, напоивъ его нача сочити: «На кого [illegible] лилъ рубли»? Онъ же оговори 18 человѣкъ, и по его рѣчемъ иныхъ съ мосту сметаша, а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вывозиша животы ихъ, [illegible] преже того по церквамъ не искивали. И еще того же Θедора начаша бо[illegible] правдивыи Бояре научати говорить на многихъ людей, претяще ему смертію; онъ же протрезвився рече: «На всѣхъ есмь лилъ, и на всю землю, и [illegible] своею братьею ливцы». Тогда бѣ весь градъ въ сѣтованіи мнозѣ, а [illegible] и ябедники, и посульники радовахуся, только бы на кого выговорилъ; и того [illegible] мого смерти предаша, а животъ его въ церкви раздѣли и разграбиша. И бы[illegible] во градѣ мятежъ великъ.

торый, по своему населенію, былъ самый бѣдный изъ Новогородскихъ Концовъ, или положеніе Конца Славянскаго, въ 1348 году, при защитѣ имъ Литовскаго Князя, Патрикѣя, противъ четырехъ другихъ Концовъ Великаго Новгорода. Рѣшенія самаго вѣча утверждаются и разрушаются силой. Въ исполненіи своемъ оно почти постоянно покойно, не проникнуто увѣренностію, что ни кто не можетъ перерѣшить его рѣшенія; что нравственной силѣ его нѣтъ сопротивленія, или всякое сопротивленіе, какъ безнравственное и беззаконное, будетъ преслѣдоваться строго. Этой увѣренности нѣтъ въ Новогородцахъ; и не мудрено: силѣ всегда можетъ противопоставиться сила, какъ это и было въ Новгородѣ. Поразительно видѣть это недовѣрчивое волненіе Новгорода въ отношеніи собственнаго своего рѣшенія. Въ 1287 году, на пр., Новгородцы признавали бывшаго своего Посадника, Семена Михайловича, въ чемъ-то-виновнымъ; но, не потребовавъ отъ него объясненія, не судивъ его, Бояре и младшіе Новогородцы, облекшись въ оружіе, двинулись къ его жилищу изъ всѣхъ Концовъ, какъ на битву, по сказанію самаго Новогородскаго лѣтописца: и жалостная была картина, прибавляетъ онъ, приступая къ описанію, какъ толпы Бояръ и народа нахлынули на домъ Семена Михайловича съ шумомъ и завладѣли имъ. При этомъ нужно замѣтить еще, что Семенъ Михайловичъ или вовсе не былъ виноватъ въ винѣ, взведенной на него Новгородомъ, или же вина его была совершенно ничтожна, по тому что Архіепископъ, къ которому онъ скрылся, принялъ его сторону, и сами Новогородцы на другое же утро, послѣ своего движенія, приняли его снова въ любовь, которою Семенъ Михайловичъ однако жь не долго пользовался, по тому что чрезъ нѣсколько дней слегъ въ постель и умеръ. [167] Но подобныхъ примѣровъ мы имѣемъ уже много: не считаемъ нужнымъ увеличивать ихъ новыми. При общемъ внутреннемъ распаденіи власть не могла иначе удержаться, какъ на силѣ, въ отношеніи Торговой Стороны. Въ основѣ жизни послѣдней развивались еще болѣе гибельныя начала для гражданственности, нежели въ первой: надежда на возможность преображенія жизни съ этой стороны гаснетъ со временемъ совершенно.

---

[167] Бысть мятежъ великъ въ Новѣгородѣ на Семена Михайловича: въѣха на него

Мы уже замѣтили, что голосъ Торговой Стороны получилъ значительную силу не въ слѣдствіе нравственнаго возвышенія Торговой Стороны надъ Стороною Софійской; что по этому голосъ сей направленъ былъ не на поддержаніе нравственныхъ началъ и порядка въ жизни Новгорода, а сосредоточивался на поддержаніе вещественныхъ выгодъ за Стороною; что исключительное господство надъ этѣми выгодами составляло конечную цѣль для Торговой Стороны; показали также, какъ, въ стремленіи къ этой исключительности, она ревностно, подобно Сторонѣ Софійской, отклоняетъ самую власть Княжескую отъ прямаго вліянія на ея выгоды и, съ тѣмъ вмѣстѣ, на цѣлую область. Теперь мѣсто разсказать еще одно событіе, которое опредѣлитъ съ большею положительностію, какое именно нравственное, гражданское положеніе занимала она въ жизни Новгорода. Въ то самое время, когда Торговая Сторона видимо получила уже сильное вліяніе на дѣла общественныя, рѣшался вопросъ о злоупотребленіяхъ Литовскаго Князя, Патрикѣя. Мы видѣли, какъ крѣпко Славянскій Конецъ отстаивалъ силою этого Князя противъ Стороны Софійской, и настоялъ на томъ, что Патрикѣй остался владѣтелемъ Новогородскихъ пригородовъ, если и не тѣхъ, которые даны были ему прежде, по крайней мѣрѣ, соотвѣтственныхъ имъ. Что жь давало Славянскому Концу эту крѣпость? Конечно, уже не чувство правды, не нравственное движеніе! Лѣтопись говоритъ, что, дѣйствуя вооруженною рукою противъ своихъ сограждан за Патрикѣя, онъ былъ подкупленъ симъ Княземъ. [100] Какая же неправда, какія же злоупотребленія не нашли бъ послѣ сего себѣ отвѣта, если этѣ зло-

---

весь Новъгородъ, безъ исправы, пойдоша на него изъ всѣхъ Концевъ, яко сильная рать, всякый въ оружіи, силою великою. Жалостно видѣніе! И тако поидоша на дворъ его, и взяша весь домъ его съ шумомъ, а Семенъ прибѣжа къ Владыцѣ, и Владыка провади въ Святую Софію, и тако ублюде Богъ, и заутра снидошася въ любовь. Симеонъ же, по малѣхъ днѣхъ, разболѣвся болѣзнію, лежавъ нѣколико днiй, преставися. Нов. I, стр. 65.

[100] Бысть жалоба на Патрикѣя Князя къ Новгороду отъ городчанъ, и выѣха Князь въ Новгородъ, и подня посуломъ Славянскій Конецъ, и смути Новгородъ. И стояху Славлянѣ по Князѣ, и звонили вѣче на Ярославли дворѣ по двѣ недѣли, и проч.

употребленія имѣли только средства къ подкупу? Посредническая роль, которую по этому дѣлу взялъ другой Конецъ Торговой Стороны, послѣ всѣхъ дружескихъ сношеній съ Стороною Софійской, уже окончательно говоритъ, что начало вещественныхъ выгодъ господствовало надъ правдой и совѣстью въ Торговой Сторонѣ; что эта Сторона готова была отдавать на жертву Литовскому Князю своихъ же собратовъ, проживавшихъ въ пригородахъ и въ деревняхъ, за вещественныя выгоды, которыя Князь Литовскій могъ предложить ей за подобную жертву; что сила физическая была властію для Новгорода, и что нравственныя начала исчезали въ его общественной жизни предъ произволомъ страстей, коими исполнены были та и другая Сторона. Но чтобъ яснѣе видѣть всю справедливость, всю торжественность суда въ Новгородѣ, мы разскажемъ о судьбѣ Боярина Остафія Дворянинца. Бояринъ этотъ былъ Посадникомъ. Въ 1346 году нагрянулъ на Новогородскія владѣнія Ольгердъ съ огромными силами, опустошилъ берегъ Шелони, взялъ на щитъ Лугу, угрожалъ тою же участію Порхову и Опочкѣ, но этѣ послѣдніе города откупились отъ него. Врагъ торжествовалъ надъ Новогородцами, но это торжество было далеко еще не полное. Ольгердъ, выступивъ походомъ противъ Новгорода, винилъ помянутаго Боярина, Остафія Дворянинца, въ томъ, что будьто бы онъ поругался надъ нимъ, называлъ его псомъ, и Новогородское ополченіе, вступившее противъ врага, безъ битвы возвратившись въ Новгородъ, излило свою ярость не на полчищахъ Литовскихъ, опустошившихъ Новогородскую область, а на своемъ же собратѣ, помянутомъ Бояринѣ: ударили въ вѣчевой колоколъ, собралися на вѣчѣ, осудили Дворянинца на казнь, и безъ палача тутъ же на вѣчѣ убили его, объяснивъ ему предъ казнію: «Ты причиной, что Литовскій Князь опустошилъ нашу область». [169] Какое глубокое уваженіе со стороны Новогородцевъ къ Княжескому достоинству, оскорбленному въ лицѣ Ольгерда! Знаемъ мы уваженіе Новгорода къ ихъ Князьямъ-правителямъ, и даже къ Великому Князю. И за чѣмъ же немедленно послѣ сдѣланнаго Ольгердомъ обвиненія, Новгородъ не

[169] Нов. I, стр. 83. А Новогородци выидоша противу ему (противу Ольгерда) въ Лугу и въспятившееся въ городъ (Новгородъ), позвониша вѣче и убиша Дворянинца Посадника на вѣчѣ, а рекъ ему тако: «Яко въ тебѣ волости наша взяша».

судилъ своего Посадника и не удовлетворилъ тѣмъ Ольгерда? За чѣмъ онъ, зная уже объ обвиненіи, высылалъ дружину противъ Ольгерда, оставляя совершенно въ покоѣ Остафія? И Новгородъ ли казнилъ Остафія потомъ? Нѣтъ, его казнила дружина, назначенная для битвы съ Ольгердомъ и безъ битвы возвратившаяся въ Новгородъ, когда Ольгердъ грозною силою подвигался противъ нея, «взявъ уже» Шелону и Лугу на щитъ, а съ Порховскаго городка и со Опокы взя окупъ. Самая брань, позволенная Посадникомъ, въ отношеніи Ольгерда, показываетъ глубое уваженіе Новогородцевъ къ Властителямъ!... Себялюбіе и недовѣріе снимали въ Новгородѣ покровъ святости, торжественности и благородства съ жизни дѣйствительной. Нѣтъ ни кому и ни къ чему чувства благоговѣнія. Все можетъ быстро перейти въ предметъ подозрѣнія, клеветы, насилія, грабительства; и этѣ подозрѣнія, этѣ насилія, грабительства, не будятъ ни въ Софійской, ни въ Торговой Сторонѣ чувства негодованія до тѣхъ поръ, пока дѣло не коснется въ частности которой ни будь изъ нихъ самихъ. Мы видѣли, какъ въ 1418 году Софійская Сторона съ своимъ Посадникомъ позволила хладнокровно поругаться Торговой Сторонѣ надъ однимъ изъ своихъ собратовъ, и избить Боярина Данилу чуть-чуть не до смерти, а потомъ полумертваго бросить въ Волховъ; хладнокровно допустила разграбить домъ рыбника Лычка, выхватившаго Данила изъ Волхова; хладнокровно допустила раздраженнымъ на этого Боярина собраться вновь на вѣче для того, чтобъ буйно грянуть съ этого вѣча на Козьмодемьяновскую улицу, на которой былъ домъ Данила, потомъ ударить на Янову улицу, далѣе на Чудинцеву, Легощу, и разграбить всѣ этѣ улицы, разграбить даже Никольскій монастырь; хладнокровно допустила Торговую Сторону буйствовать такимъ образомъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и наконецъ только, когда Пруская улица дала отпоръ неистовой толпѣ, когда Торговая Сторона слилась вся въ одно и облеклась въ оружіе, тогда только Софійская Сторона представила изъ себя единое одушевленное, воспрянула и сама вооружилась. Но гдѣ опять въ ней и здѣсь можно и благородная любовь къ порядку и уваженіе къ самой себѣ? Вооружилась, бьется, какъ на кулачномъ бою, страшится потомъ силы, проситъ мира, остается вполнѣ довольною, получивши отъ буйной толпы этотъ миръ, и главные виновники буйства остаются не наказанными.

И эта ли, скажемъ послѣ сего, страстно расчетливая, безъ благороднаго стремленія, распадшаяся община Новогородская могла дать отпоръ бодрымъ, благодарнымъ, слитымъ во едино дружинамъ Князя Московскаго XV столѣтія? Полное нравственное безсиліе обезоруживало буйныхъ Новогородцевъ предъ Иваномъ III. Каждый стремился сохранить свои выгоды, и онъ, какъ торгашамъ, предоставилъ имъ ихъ, лишивши общину свободы, права собираться на вѣче, заставивъ признать въ себѣ державнаго властителя своего. Не мощно-нравственный отпоръ разсыпалъ и полчища Андрей Боголюбскаго подъ Новгородомъ, какъ это мы объяснимъ ниже; не дружины Новогородскія удержали разливъ Нѣмцевъ по землямъ Славянскимъ, не онѣ спасли земли этѣ отъ постепеннаго порабощенія: и Новгородъ, съ своими землями, сдѣлался бы добычею Нѣмцевъ, какъ и наши Западные собраты, занимавшіе земли по всему южному берегу Балтійскаго моря, если бъ не спасли его дружины Сѣверо-Восточной Руси. Низовскія полчища, приведенныя сначала Александромъ Невскимъ, потомъ сыномъ его, Дмитріемъ, рѣшили въ XIII столѣтіи споръ съ Нѣмцами двумя кровавыми битвами, при Чудскомъ озерѣ и Раковорскою; они, роняя духъ на покореніе Славяно-Руссовъ и угрожая жестокими битвами и побѣдами, спасли Новгородъ, Псковъ, спасли Православіе въ Новгородѣ, Псковѣ, и сохранили ихъ для великихъ судебъ Россіи. Дружины и Кіевскія, и Черниговскія, и Суздальскія, и Владимирскія, и Смоленскія, и Московскія лили кровь свою за Новгородъ, и спасли самобытность его; но Новгородъ ревнуетъ ихъ, хочетъ побрататься съ ними, исключаетъ ихъ рѣшительно изъ своихъ выгодъ, и считаетъ ихъ даже врагами своими за малѣйшее требованіе, за всякое настояніе войти въ малѣйшія выгоды, коими пользуется община, или члены ея.

Конечно, послѣ этого Новогородская область не могла найти ни внутри, ни внѣ себя, искреннихъ защитниковъ, которые, изъ любви собственно къ ней, готовы бы были за нее погибнуть. Изъ личныхъ выгодъ младшіе Новогородцы возставали даже противъ спасителя Новгорода, Александра Невскаго, и въ тѣхъ же видахъ смѣнили Посадника Ананія, боясь упорствомъ своимъ собрать надъ собою гнѣвъ Невскаго. Мало того, въ тревогѣ о потерѣ богатствъ, сама же община, какъ мы выше объяснили, предательски

казнитъ, въ лицѣ Посадника Дворянинца, своихъ достойныхъ защитниковъ, въ угодность отъявленнымъ своимъ врагамъ. Послѣ Раковорской побѣды, дрожа за свои выгоды, Новогородцы не измѣнили ль другому спасителю своему, Дмитрію, сыну Невскаго, и когда же? когда онъ велъ ихъ противъ ихъ же врага, Василія Ярославича! И сохраняя свои выгоды, не признали ли они этого же самаго врага своимъ Княземъ, смѣнивъ имъ Дмитрія Александровича? Не сами они опять добровольно стали подъ руку Георгія Даниловича, и приняли отъ него правителемъ брата его, Аѳанасія, чтобъ имѣть возможность держать противъ двоюроднаго брата его, Михайла Ярославича, а потомъ разбитые, заключившись въ Торжкѣ, не кричали ль шумно, что не выдадутъ врагамъ своего Князя: и что же въ слѣдъ за тѣмъ? Выдаютъ таки Князя Аѳанасія, вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ вельможей Князя Московскаго, признавъ въ то же время врага своего своимъ Княземъ!

Такъ не удивительно послѣ сего, что въ Новгородѣ не могли образоваться тѣ благороднѣйшія начала воинской силы, подобныя дружинамъ Кіевскимъ, Черниговскимъ, Владимирскимъ, даже Ростовскимъ, или дружинамъ, окружавшимъ престолы Тверской, Московскій, дружинамъ, которыя отстояли самобытность земли Русской, въ борьбѣ съ Печенѣгами, Болгарами, Мордвою, Половцами и Татарами, которыя, одушевляемыя любовію и полною довѣренностію къ своимъ властителямъ, двигались всюду и лили кровь для защиты разныхъ частей Государства. Отсюда ли могли изойти Минины и Пожарскіе, приносившіе на жертву достояніе, жизнь, чтобъ только спасти свою родину, свою Вѣру, благоденствіе своихъ соотечественниковъ? Она ли, эта холодная, себялюбивая община, могла взлелѣять Великаго Петра, исполнить душу его безграничною любовію къ своему народу, какою исполненъ былъ самъ народъ срединной Россіи, или земель Кіевскихъ, Владимиро-Волынскихъ, къ своимъ властителямъ? Она ли могла, съ вѣчнымъ подозрѣніемъ и кознями, вѣчно кичливая, буйная, а для правды и порядка не сильная, игравшая и достойнымъ и великимъ, она ли, говоримъ мы, дрожащая за малѣйшія выгоды, могла приковать къ себѣ душею Великаго, это солнце родины, эту живую правду, эту полную самоотверженности любовь?... Новгородъ требуетъ жертвъ

отъ родины, — и не хочетъ ни чѣмъ пожертвовать для нея; хочетъ, чтобъ благородныя дружины, движимыя любовію и преданностію къ Князьямъ, лили кровь свою за него, — и не хочетъ признать ихъ своими братьями, подѣлиться съ ними своими сокровищами, страшится близко допустить къ своимъ богатствамъ даже самихъ Князей, слѣдитъ за каждымъ шагомъ ихъ съ какимъ то-подозрѣніемъ, торгуется, какъ мы уже видѣли, о малѣйшей бездѣлицѣ съ ними, торгуется даже съ Иваномъ III, когда сей держалъ уже въ рукахъ своихъ судьбу всего Новгорода. Духъ исключительности царитъ, и онъ, какъ мы уже замѣтили, такъ силенъ въ Новгородѣ, что Новгородцы не только хотятъ совершенно отдѣлиться отъ другихъ частей Руси въ дѣлахъ Государственныхъ, но даже въ дѣлахъ, касающихся Церкви, хотя попытка эта имъ и не удалась [170] (1385 года).

---

[170] А той зимы бысть цѣлованіе..... цѣловаша крестъ... Посадникъ... Тысяцкій... на вѣчи, на Княжи дворѣ, и всѣ бояре и дѣти боярскія, и житьи, и черныя люди, и вся пять Концовъ, что не зватися къ Митрополиту, а на судъ подняти двумя концемъ по два Боярина съ сторинѣ, и по два житья человѣка; тако же Посаднику и Тысяцкому судити право по цѣлованью. Пол. Соб. Р. Л. т. IV, стр. 91; 1391 г.: Пріиде Митрополитъ Кипріанъ въ Новъградъ..... и много глаголаша Новугороду, чтобы грамота подрати, что Новъгородъ покончавше, яко не зваться къ Митрополиту на Москву; и Новогородци слова его не пріяща, а грамоты не подраша, и Митрополитъ поиде изъ Новогорода, а на Новогородцевъ великое нелюбіе удержа.... 1393 г.: Взя розмиры Князь Великій Василій Дмитріевичъ съ Великимъ Новымъгородомъ про грамоту, что записалъ Великій Новъгородъ грамоту къ Митрополиту не зватися на Москву, а повѣтствуя тако: «Чтобы есте къ Митрополиту грамоту отослали; а есте цѣловали, а той грѣхъ Митрополитъ съ васъ снимаетъ», и великій Новъгородъ того не восхотѣша. И Князь Великій взя у Новогорода пригородъ Тръжекъ съ волостьми, и Волокъ Ламскій и Вологду, и волости много повоева, а Новогородцы взяша у Князя Великаго Устьюгъ городъ, Устюжну, и много волости поимаша; и въ то время съ обѣ стороны кровопролитія много учинилося, и Новогородци, не хотя видѣти болшаго кровопролитія въ крестьянѣхъ (какая сострадательность съ одной стороны, и готовность постоять за истину съ другой, а съ третьей какая обдуманность и какое сознаніе въ вѣчевыхъ рѣшеніяхъ вообще, какъ и въ рѣшеніи объ отпаденіи Новгорода отъ власти Митрополита!) послаша къ Великому Князю съ челобитьемъ по старинѣ, а къ Митрополиту послаша грамоту цѣловальную; и Митрополитъ словомъ повѣтствовавше: «Азъ у васъ грамоту цѣловальную взялю, а грѣхъ съ васъ снимаю, а васъ благословляю», а Князь Великій Новогородское челобитье пріялъ, и взя миръ по старинѣ.....

Да, не въ средѣ Новогородской могла образоваться благородная Русская дружина, опора Вѣры, Престола и Государства, дружина, требующая довѣрія, любви и уваженія къ себѣ, и всегда готовая положить голову свою за Вѣру, Государя и Отечество. Если мы и видимъ, что вокругъ Князей скучивались люди, принадлежавшія къ Новогородской же общинѣ и дѣйствовавшія согласно волѣ Князя, но личныя выгоды заставляли ихъ рано, или поздно оставлять Князей, и они опять сливались съ общиною, или были избиваемы, или же, наконецъ, уничтожались политически. Княжеская дружина хотя постоянно показывается посреди Новгорода, но, безъ всякаго сомнѣнія, она образовалась изъ основъ другихъ частей Руси, а во всякомъ случаѣ была какъ тѣнь, безъ силы и значенія, безъ всякаго вліянія на общину. Посреди всѣхъ внутреннихъ раздоровъ между Сторонами, Концами и партіями, нигдѣ не слышится мирительный, или властительный голосъ ея; да и иначе быть не могло, по тому что, среди разгара страстей Новгорода, не было слышно мирительнаго, или властительнаго голоса даже самаго Князя. Въ покойныхъ совѣщаніяхъ вѣча нѣтъ со стороны Княжеской дружины также совѣщательнаго голоса. Въ продолженіи всей исторіи Новогородской мы видимъ ее только разъ на мѣстѣ вѣчей, но не съ совѣщательнымъ голосомъ, а съ оружіемъ въ рукахъ, и не для возстановленія немедленнаго же порядка, а ополчившеюся на бой вмѣстѣ съ Торговою Стороною противъ стороны Боярской. [171] Мы встрѣчаемъ ее не разъ посреди ратнаго поля; [172] видимъ, что она

[171] И възвади весь городъ (Всеволодъ Князь), хотя убити Твердислава..... и поиде Князь Всеволодъ съ Городища съ всѣмъ дворомъ своимъ, и съступиша въ брони акы на рать, и пріѣха на Ярославль дворъ; и снидоше Новгородци (какъ видно изъ дальнѣйшаго разсказа, Торговая сторона, и, можетъ быть, Неревскій Конецъ) къ нему въ оружіи, и сташа полкомъ на Княжи дворѣ.

[172] Подъ 1192 г... Князь Ярославъ... дворъ свой пославъ съ Пльскопици воевать; и шьдъше, възяша городъ Мѣдвѣжю Голову, и пожьгоша Новг. I, стр. 20. Подъ 1225: Князь же Ярославъ и Володимиръ съ сыномъ и съ Новотържьци, Княжь дворъ, Новгородцевъ мало, Торопцяне съ Княземъ своимъ Давыдомъ, поидоша по нихъ (на Литовцевъ, сдѣлавшихъ впаденіе)... и тако, Божіею помочью и Святыя Софія, отъимаша весь полонъ, а самѣхъ избиша 2000. Тамъ же, стр. 42. Подъ 1245: «Заутра приспѣ Александръ съ Новгородци, и отъя полонъ весь, а Княжиць исѣче или болѣ 8; и оттолѣ Новгородци въспятиша, а

въ лицѣ самаго Князя, или въ лицѣ заступающаго его мѣсто Боярина, вмѣстѣ съ Новогородскимъ Посадникомъ, принимаетъ участіе въ высшихъ рѣшеніяхъ дѣлъ тяжебныхъ и уголовныхъ;[173] видимъ ее блюдущею за порядкомъ и властительницею городской темницы.[174] Но она судья, а голосъ Посадника можетъ отнять всю силу у ея рѣшенія. Князь рѣшаетъ дѣло не иначе, какъ по согласію съ Посадникомъ, и открытыя ими злоупотребленія и неправды не могутъ преслѣдоваться Княземъ безъ воли Новогородскаго Посадника. Дружина Княжеская видимо обязана блюсти за порядкомъ,—а въ областные города Князь назначаетъ постоянныхъ судей правителями изъ своихъ друзей. Но имъ сопротивоставляются судьи-правители Новогородскіе, въ лицѣ областныхъ Посадниковъ, и этѣ двѣ власти безъ сомнѣнія стояли другъ къ другу въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ стояла Княжеская власть къ Посаднику Новгородскому; Князь разсылаетъ, сверхъ того, временно изъ своей дружины судей для наблюденія за правдой въ самой области, но вѣчевыя сходки между тѣмъ, безъ суда и изслѣдованія, грабятъ, разоряютъ, преслѣдуютъ, забиваютъ гражданъ до смерти, и трупы ихъ бросаютъ въ Волховъ. Она судья и блюститель порядка, но не можетъ правдой и силой вырвать изъ произвола вѣча кого либо изъ преслѣдуемыхъ сходкою, взять его подъ покровительство закона, и покойно осудить его, если онъ виноватъ, или оправдать, если не виненъ; не имѣетъ права и преслѣдовать виновныхъ въ этомъ произволѣ. Сходки дѣлаютъ ее какимъ-то страдательнымъ властителемъ-суді-

---

Князь погонися по нихъ съ своимъ дворомъ, и би я и не упусти ихъ ни мужа;.... а самъ поима сына своего изъ Витебьска, поѣха въ малѣ дружинѣ, и срѣте иную рать... и тѣхъ изби. Тамъ же стр. 54. И нѣтъ сомнѣнія, что дружина Новогородскихъ Князей участвовала постоянно въ походахъ Новгорода, въ которыхъ были сами Князья.

[173] Высшую судебную инстанцію составляли въ Новгородѣ сперва одинъ Князь, а въ послѣдствіи Князь съ Посадникомъ; вторую—Княжескій Бояринъ съ Бояриномъ Новогородскимъ.

[174] Под. 1136. Новогородци вининша Князя Всеволода, что онъ не блюдетъ смердовъ; въ 1218 г.: взявъ подъ стражу одного изъ своихъ собратовъ, Новогородцы привели его на Городище, и тамъ отдали его подъ стражу; подъ 1231 г.: Князь... изъима Плъсковици, и посади я на Городищѣ въ Гридницѣ. П. С. Р. Л. т. III, стр. 7, 36 и 48. См. также Лаврентьевск. подъ 1071 г., стр. 77 и 78.

ею, который и видитъ несправедливость, а долженъ молчать и подчиняться произволу въ дѣлахъ, касавшихся жизни и достоянія гражданъ, безмолвно подчиняться этому произволу и тогда, когда онъ вздумаетъ сдѣлать и ее самое своей игрушкой. Она видимо также блюстительница порядка; но когда, въ враждѣ Сторонъ, Концовъ, семей и партій, нарушаются страшнымъ образомъ права личности и собственности, когда отправляютъ на тотъ свѣтъ Новогородцы другъ друга, она не имѣетъ права остановить этѣ беззаконія, возстановить порядокъ даже именемъ Князя; мало того, поставляется сама въ такое положеніе, что лица, представленныя ей самими же Новогородцами, какъ нарушители закона и порядка, и захваченныя во время этѣхъ тревогъ, выдаются ею, изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ и преслѣдованіе той или другой Стороны; [175] отъ наблюденія за сохраненіемъ внѣ закона и порядка въ гостиномъ дворѣ совершенно устраняется. [176] Безъ голоса правительнаго, безъ голоса совѣщательнаго на вѣчахъ, безъ права защищать силой, или судомъ, отъ смерти и разоренія гражданина, преслѣдуемаго произволомъ, она лишена была даже того права, которымъ пользовался послѣдній Новогородскій Дворянинъ. лишена была права пріобрѣтать, какимъ бы ни было способомъ, Дворянскую недвижимую собственность: для нея нѣтъ подобной собственности въ земляхъ Новогородскихъ. [177] Мало того, лишивъ ее всѣхъ правъ лица нравственнаго Государственнаго, и заставляя ее исполнять только волю Сторонъ, Концовъ и партій, Новгородъ сохранилъ еще за собою право штрафовать ее, [178] сажать въ цѣпи, или подъ стражу, [179] или поставлять въ такое положеніе, что она тайно, какъ

---

[175] Пол. Соб. Р. Л. т. III, стр. 36.

[176] См. выше.

[177] См. выше.

[178] А на Ярославлихъ любъвницѣхъ поимаша Новгородци купъ много, и на Гориднщанѣхъ (Кн. дружинѣ), а дворовъ ихъ не грабяче и даша на великий мостъ. Подъ 1229 г. Новг. I, стр. 45.

[179] Такъ, 1210 г., Новогородцы не только дозволили Князю пришельцу заковать въ цѣпи Княжескую дружину Князя своего, Святослава, бывшую въ Торжкѣ, но и

какой ни будь преступникъ, скрывается отъ него.[180] Вотъ роль Княжеской дружины. Дружинникамъ своимъ Князь не имѣетъ права раздавать какія ни будь административно-полицейскія мѣста въ области: этѣ мѣста могутъ занимать только одни Новогородцы.[181] Роль дружины областной, напротивъ, при постепенномъ ослабленіи срединной правительственно-военной власти (Посадникъ), при явномъ часто недовѣріи, даже при явномъ принебреженіи къ ней, при этомъ буйномъ произволѣ суда вѣчеваго, гдѣ попирались достоинства, санъ и заслуга, должна была запечатлѣться полнымъ произволомъ, въ отношеніи обѣихъ Сторонъ, т. е., Стороны Боярской и Стороны Торговой. Такъ стремленіе къ исключительности, духъ себялюбія, братоненавидѣнія, заградили пути къ образованію Государственной личности въ Княжеской дружинѣ, и къ правильному формированію военнаго элемента, постоянно необходимаго для каждаго Государства. По этому, въ замѣнъ Княжеской дружины и независимо отъ дружины областной, должна была образоваться въ Новгородѣ дружина особаго рода, которая, отдѣляясь отъ толпы народной, не могла найти въ средѣ Новгорода, съ одной стороны, срединно-нравственной точки, вокругъ которой она могла бы правильно собираться, съ другой нравственнаго и физическаго противодѣйствія въ случаѣ своего уклоненія, дружина непокойная, и, при ложномъ направленіи самой общины, страшно опасная. Объяснимся подробнѣе.

Когда въ другихъ частяхъ Россіи вездѣ оброзовывалась Княжеская дружина, эта школа, этотъ разсадникъ высшихъ Государ-

---

сами посадили подъ стражу дружину его, бывшую въ Новгородѣ, заставивъ и самаго Святослава раздѣлить участь ея. Нов. I, стр. 31.

[180] На пр. подъ 1141: Святославъ же убоявъся и бѣжа, и съ женою и съ дружиною своею (Ипатьев. стр. 17); подъ 1224: поиде Князь Всеволодъ другое изъ Новагорода, въ нощь, утаивъся, съ всѣмъ дворомъ своимъ (Нов. I, стр. 41); и пр.

[181] Что волостей всѣхъ Новогордьскыхъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, нъ держати муже Новогородьскыми. Догов. гр. 1265, 1270, 1305 и др. до самого паденія Новгорода. Тоже въ договорной гр. 1471 г., съ Иваномъ III тоже условіе.

городъ не имѣлъ сердца, которое бы могло сознать высшія религіозно-нравственныя требованія. Въ слѣдствіе непризнанія [illegible], или признанія слабаго, этѣхъ требованій, идея Князя, олицетворявшая собою покровъ этѣхъ требованій, не могла бросить корня въ жизни Новогородской; а въ слѣдствіе безсильнаго сознанія этой идеи, Новгородъ не могъ дать Князю слугъ, для осуществленія въ жизни народной этого помысла, не могъ возродить въ средѣ своей Княжеской дружины; и по этому же Княжеская дружина оставалась въ Новгородѣ до самаго паденія его отдѣленною отъ другихъ сословій. Ни то, ни другое, ни третье, сословіе не отдѣляло въ Новгородѣ передовыхъ вождей жизни, по тому что жизнь не имѣла высшихъ цѣлей, кромѣ сословныхъ выгодъ, выгодъ Сторонъ, Концовъ, семей и партій. Военная младшая дружина отдѣлялась, безъ сомнѣнія, отъ всѣхъ сословій: нужно было защищать общинныя выгоды; но кончилась война, и эта дружина разсыпалась по Сторонамъ, Концамъ и болѣе малымъ общинамъ и семьямъ, какъ членъ этѣхъ общинъ, или какъ прислужница, и дума объ общихъ выгодахъ, пробужденная извнѣ, какъ бы случайно, общею опасностію, не находила отраженія въ жизни мирной, и по малу погасала. Между тѣмъ продолжительныя войны, поддерживая думу объ этѣхъ выгодахъ, образовывали людей не мирныхъ, людей, пріобучавшихся къ жизни Казацкой, къ жизни лихихъ набѣговъ, къ жизни хищничества. Кромѣ того, не во имя высшихъ духовныхъ требованій подымалась община и войною, и не высшія духовныя требованія опредѣляли свойство войны. Бояринъ и не Бояринъ, представители Сторонъ, оставались и посреди войны съ тѣмъ же свойствомъ, съ тѣмъ же взглядомъ, какъ и во время мира: а ихъ свойство было или дикая надменность, или строптиво-безжалостная сила, взглядъ ихъ взглядъ себялюба; и эта дико-надменная, или строптиво-безжалостная, сила, это себялюбіе, не могли скрыться и во время войны и были вождями младшихъ Новгородскихъ воиновъ. Образовавшаяся въ этомъ духѣ младшая дружина не находила мѣста себѣ въ обычной жизни Новгорода и слабо входила съ своими воинскими привычками въ большія и малыя общины, какъ членъ, принадлежащій къ нимъ; либо, оставаясь безъ всякаго значенія и смысла, должна была служить орудіемъ страстей, которыя оживляли и тревожили общину, губили законъ, правду, попирали всѣ высшія Государственныя религіозно-нрав-

ственныя требованія; между тѣмъ духъ удальства и хищничества, возращаемый войною, не могъ не искать себѣ предметовъ для дѣятельности, согласныхъ съ его природой. Такъ образуются въ Новгородѣ молодцы; которые, съ позволенія и безъ позволенія Новгорода, ходили въ чужія земли, для опустошенія ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для добычи. Продолжительное мирное время грозило Новгороду другой бѣдой—разъединеніемъ по сословіямъ, по Концамъ, по партіямъ и совершеннымъ паденіемъ думы объ общей пользѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ образованіемъ толпы людей съ негражданскими качествами, еще въ большомъ размѣрѣ, нежели образовывала ихъ война. Соперничество между Боярскими семьями и кичливость младшихъ Новогородцевъ, сопутствуемые постоянно насиліемъ, убійствами, грабежами и разореніемъ, было страшною школою для отдѣлившейся отъ сословій толпы народной и прислонявшейся въ Новгородѣ къ привилегированнымъ сословіямъ, а въ другихъ частяхъ Руси входившихъ въ составъ дружинниковъ. Выкинутые изъ сословныхъ выгодъ, къ которымъ духъ исключительности Софійской и Торговой Сторонъ, пріурочивалъ ихъ, и дѣйствуя, какъ орудія Сторонъ, Концовъ, партій и семей, эта толпа проникалась духомъ кичливости, насилія, убійствъ, грабежа и хищничества, духомъ неправды, козней, духомъ беззаконія; и этотъ духъ негражданственности порождалъ изъ нихъ крамольниковъ, вѣчниковъ, поджигателей, грабителей, ябедниковъ, лжесвидѣтелей и вообще лихихъ людей, людей подкупныхъ, готовыхъ всегда помогать открытою силою или Боярскимъ семьямъ въ враждѣ ихъ между собою, либо Сторонамъ, Концамъ, партіямъ, даже готовыхъ постоянно поддерживать и раздувать внутренній раздоръ и безпорядки для того, чтобъ дать пищи своему крамольному стремленію къ грабежамъ и хищничеству. Даже въ средѣ самыхъ дружинниковъ, получившихъ гражданскую значимость (Дѣти Боярскія) и употреблявшихся на верную службу, въ должности судей, полицейскихъ чиновниковъ, въ должности сборщиковъ, не могли не образовываться подобнаго рода люди, зараженные общимъ духомъ себялюбія, неправды, жестокости Сторонъ, Концовъ, семей и партій. Какой правды можно было ожидать отъ подобнаго рода людей, когда могъ подкупаться цѣлый Конецъ? Какую защиту отъ чиновника, когда Стороны, Концы и партіи могли въ самомъ же Новгородѣ безнаказанно бить людей, грабить и разорять ихъ?... Можно себѣ пред-

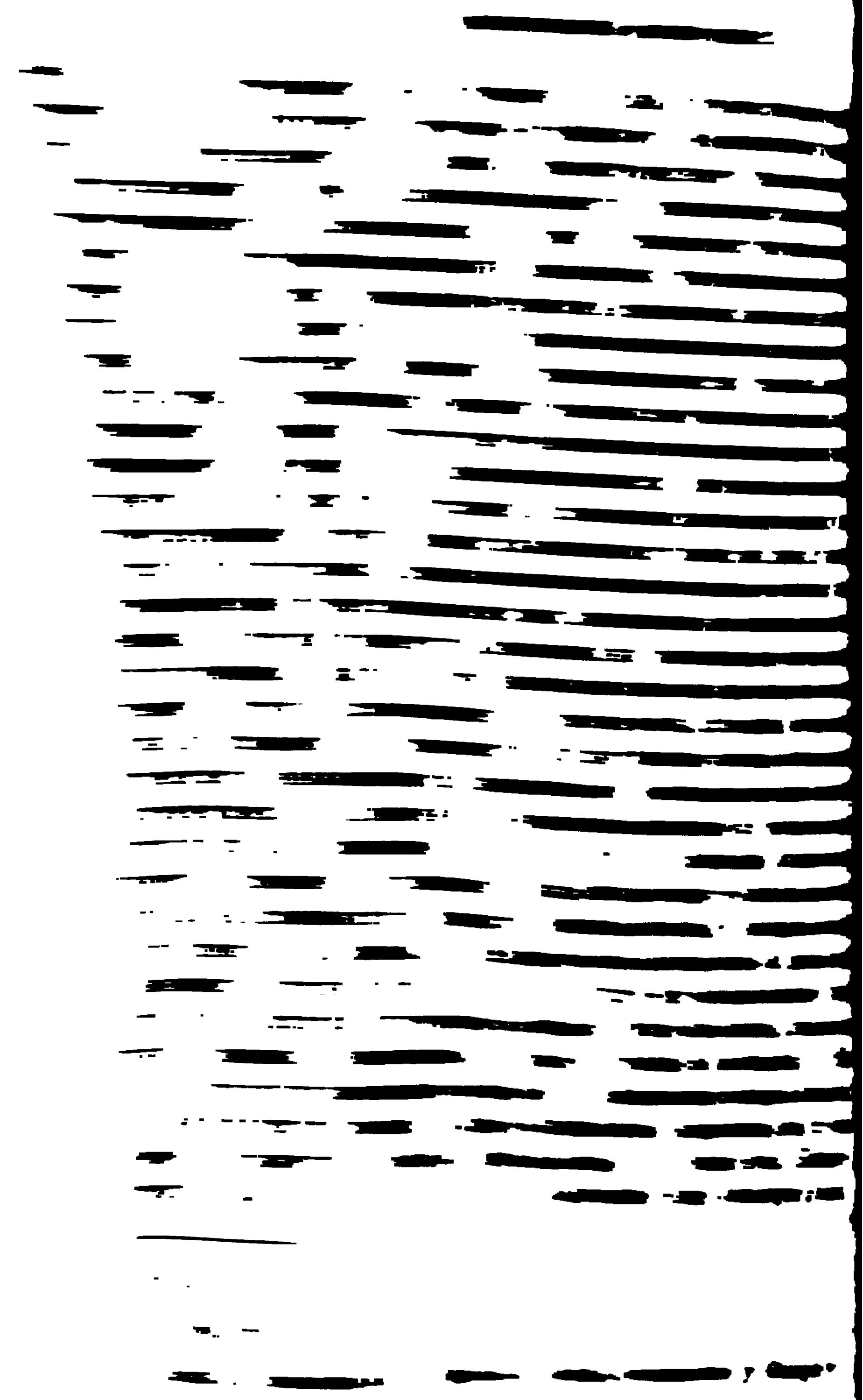
ставить, какимъ грабежемъ знаменовали себя подобнаго духа дружинники-чиновники вдали отъ Новгорода, въ особенности сборщики въ земляхъ Югры и Печоры: и этѣмъ-то однимъ духомъ хищничества и насилія мы объяснимъ неоднократную гибель этѣхъ дружинниковъ-сборщиковъ? Съ другой стороны, былъ ли Посадникомъ Бояринъ, державшійся своей Стороны, и всѣ судьи, всѣ чиновники, разсыпанные по области, какъ подчиненные ему, конечно, поддерживали выгоды Боярскія на счетъ выгодъ двухъ другихъ сословій. Былъ ли Посадникомъ Бояринъ, представитель Торговой Стороны, онъ, чрезъ чиновниковъ, поддерживалъ въ области выгоды средняго сословія на счетъ выгодъ высшаго и низшаго сословій. Чиновникъ, дѣйствовавшій въ выгодахъ одной стороны, не могъ не преслѣдоваться стороною противной, если эта послѣдняя одерживала верхъ въ самомъ Новгородѣ, а свойство Новгородскаго преслѣдованія извѣстно намъ: избить до полусмерти, или даже до смерти, бросить мертваго, или полумертваго, въ Волховъ, а имѣніе разорить и расхитить; но если преслѣдованіе дарило жизнь преслѣдуемому, то куда могъ обратиться съ своею дѣятельностію дружинникъ, такимъ образомъ разоренный? Куда могли обратиться его сыновья?... Приставать ли къ сторонѣ Буслаевчей, поиться и кормиться у нея, или къ сторонѣ молодцевъ и лихихъ людей, грабителей, ябедниковъ, пьяницъ, кулачныхъ бойцевъ? Такъ, когда въ другихъ частяхъ Руси отдѣлялся отъ сословій лучшій сокъ, лучшій цвѣтъ, для высшихъ цѣлей Государства, складываясь въ Княжескую дружину и образуя собой передовыхъ вождей въ религіозно-нравственномъ развитіи, въ Новгородѣ, напротивъ, все, что могло стать впереди и воззвать Новгородцевъ къ высшимъ цѣлямъ, воззвать ихъ, по крайней мѣрѣ, къ думѣ объ общинномъ благоденствіи, было преслѣдуемо, и, въ замѣнъ начала благороднѣйшаго, ростилось начало въ полномъ смыслѣ предательское, продажное, безнравственное, противозаконное, мятежное. И Новгородъ ни сколько не пугался его!

Явленія тревожныя рано уже начали обнаруживаться въ исторіи Новгородской съ этой стороны. Уже подъ 1228 годомъ мы читаемъ въ исторіи Новгородской: «Окаянный дьяволъ... воздвигъ крамолу великую со стороны простой чади; и собрались вѣчемъ на Ярославовомъ Дворѣ, а съ вѣча двинулись на дворъ Владыки, толкуя между

собой, что по тому долгое время стоитъ теплая погода, что Архіепископъ Арсеній, будто бы, пріобрѣлъ Архіепископство происками, ковами противъ прежняго, смѣненнаго имъ, Архіепископа Антонія, и мздою за свое возвышеніе самому Князю. Пришедши къ Антонію, они схватили его, словно какого ни будь злодѣя, вытащили изъ палатъ, даже со двора, и заставили его скрыться въ церкви Св. Софіи, что на Хутынѣ, а на другой день снова посадили (прежняго) Архіепископа Антонія.» [183] Это дикое движеніе со стороны простой чади имѣетъ видимую связь съ послѣдовавшими, въ слѣдъ за тѣмъ, не менѣе странными, событіями, и мы остановимся еще нѣсколько мгновеній на немъ. Оно случилось во время отсутствія Князя Ярослава, на котораго Софійская Сторона и частію даже Торговая были недовольны. Принимая при этомъ въ соображеніе, что, во первыхъ, въ слѣдъ же за мятежомъ простой чади противъ Архіепископа открылась тревога въ цѣломъ городѣ, подъ вліяніемъ думы, что нѣкоторые изъ Новгородцевъ съ намѣреніемъ руководятъ Князя противъ общины, и слѣдствіемъ этой тревоги было новое вѣче, съ котораго Новгородцы двинулись съ оружіемъ на Тысяцкаго Вячеслава, и разграбили дворъ его, а также другіе дворы, принадлежавшіе брату Тысяцкаго, Богуславу, Владычему Стольнику Андрейчу, Давиду и Судимиру, отрядивъ въ то же время часть своихъ на Старосту Душильца, съ тѣмъ, чтобъ имѣніе его разграбили, а самаго схватили и повѣсили; во вторыхъ, Новгородцы вновь звали тогда жь Князя Ярослава, съ тѣмъ только, чтобъ онъ не стѣснялъ ихъ въ судѣ; въ третьихъ, что тогда же, продѣ бѣгства, оставленнаго Ярославомъ, Боярина, съ малолѣтными дѣтьми сего Князя изъ Новгорода, Новгородцы толковали, что Богъ знаетъ, за что разсердился этотъ Бояринъ; ибо они наказали только дурныхъ совѣтниковъ Князя, своихъ же братій, а не замышляли ни чего противъ самаго Князя; принимая въ соображеніе все это, и недовольство Софійцевъ и Торговцевъ, ихъ движеніе противъ лицъ, стоявшихъ близко къ Ярославу, и ихъ не желаніе видѣть Ярослава своимъ Княземъ иначе, какъ подъ сказаннымъ условіемъ, мы, кажется, не безъ основанія можетъ предполагать, что самое движеніе простой чади противъ Архіепископа Антонія было плодомъ коз-

---

[183] Новг. I, стр. 44.

являются судьями Посадника и какого-то другого Боярина, разграбили ихъ домы и села, заставивъ ихъ самихъ бѣжать изъ Новгорода. [186] Потомъ же, когда Бояринъ Онцифоръ и бывшій Посадникъ, Матвѣй, потребовали отъ Новгорода формальнаго суда надъ Посадникомъ Өедоромъ, Софійская Сторона приняла рѣшеніе черни или, по крайней мѣрѣ, дѣйствовала противъ Посадника Өедора, а Торговая, возставшая за Өедора противъ Софійской, не возстановила правъ его на Посадничество: судъ крамольниковъ былъ судомъ окончательнымъ для Новгорода по настоящему дѣлу. Пожары очень часто пустошили Великій Новгородъ, и, при описаніи ихъ, лѣтописецъ не рѣдко упоминаетъ о злыхъ людяхъ, которые занимались грабительствомъ, даже разбоемъ, въ это время. Такъ, на пр., говоря о двухъ страшныхъ пожарахъ, бывшихъ въ 1311 году, онъ, послѣ описанія перваго, прибавляетъ: «а злые люди и не добрые, Бога не боясь, видя общее несчастіе—людямъ погибель, пограбили чужія имущества...» Послѣ описанія втораго: «а окаянные человѣцы, такоже Бога не боячеся, не помнящи суда Божьяго, не сожалѣя братій своихъ, пограбили чужыя имущества.» Въ 1340 году, когда почти весь Новгородъ былъ уничтоженъ пожаромъ, подобное грабительство сопровождалось убійствами и, между прочимъ, вторженіемъ въ храмъ, расхищеніемъ частныхъ богатствъ, снесенныхъ туда на сохраненіе, и покушеніемъ на святыни самаго храма: крамольники не допускали уже оныхъ выносить; но одно лишь быстрое распространеніе пламени, одна физическая невозможность, не позволила имъ дойти до сего крайняго предѣла святотатства: «а то злые люди.... не токмо у человѣка, у своего брата, Христіянина, пограбили, а иныхъ надъ своимъ имуществомъ побили, а имущество овладѣли, но грабили и въ святыхъ церквахъ.»

Алмыла, и даша Захарьи Михаиловичу, и пограбиша дворъ Смена Судокова, а брата его, Сенефонта, села пограбиша. Тамъ же, стр. 76.

[186] И въсташа чръныи люди на Ондрѣшка, на Өедора на Посадника на Данилова, а тако ркущи: яко тѣ заслаша на Луку убити, и пограбиша ихъ домы и села; а Өедоръ и Ондрюшка побѣгоша въ Копорью городокъ, и тамо сѣдьша зиму всю и до великаго говѣніа. Тамъ же, стр. 82. Что сдѣсь подъ словомъ чернь лѣтописецъ разумѣетъ не Торговую Сторону, это положительно видно изъ дальнѣйшаго разсказа его о настоящемъ же предметѣ.

Вотъ каковъ страхъ Божій въ насъ: тамъ, гдѣ мы видимъ казнь Божію надъ собою, тамъ, гдѣ всякому Христіанину слѣдовало бы бросить домъ свой, чтобъ спасать отъ гибели храмъ святой; тамъ мы, вмѣсто сокрушенія сердцемъ, вмѣсто слезъ, вмѣсто покаянія, еще на худшее зло подвизаемся! Загорѣлась церковь Святыхъ сорока Мученниковъ, отлично устроенная и украшенная иконами, и стѣннымъ писаніемъ, и кованіемъ и крутою; многіе предъ тѣмъ перетаскали въ нее изъ домовъ все свое имущество; церковь была заперта, и при ней было двое сторожей: сторожа были убиты, снесенныя имущества разграблены, а иконъ и книгъ грабители не допустили выносить, и оставили грабительство только тогда, когда пламя готово уже было объять весь храмъ. Около пепелища храма Св. Богородицы найденъ мертвымъ Священникъ; конечно, онъ могъ погибнуть посреди пламени, но иные разсказываютъ, что его убили надъ имуществомъ, надъ товарами, поелику церковь съ иконами и книгами совершенно сгорѣла, но не было замѣтно, чтобъ къ сему Священнику пламя прикоснулось даже сколько нибудь: «сего же ни власѣ огнь прикоснуся,» а между тѣмъ все имущество, весь товаръ, было разграблено. Мудрено ли же было, послѣ этого Новгородцамъ, въ 1443 году, заподозрить своихъ же собратій въ поджигательствѣ: «въ тайнѣ ходите и людемъ не являетеся, и зажигаете градъ, и люди губите,» хотя лѣтописецъ и прибавляетъ къ этому разсказу, что Богъ одинъ знаетъ, откуда нисходятъ на людей испытанія, и что Новгородцы не могли быть въ это время судьями, по тому что были «въ скорби великіи пожарныя и отъ ярости смущени.» Въ 1230 году, при описаніи страшнаго голода и мора, когда мертвецы «по улицамъ, на площадяхъ и на великомъ мосту, были пожираемы псами», когда три скудельницы были наполнены безчисленнымъ множествомъ мертвыхъ тѣлъ, когда «бяше туга и печаль,» когда встрѣча на улицахъ съ пріятелями не разсѣявала скорби, и эта скорбь гнала человѣка домой, а дома одолѣвала тоска при видѣ, какъ дѣти одни плачутъ, прося хлѣба, другія умираютъ съ голода, лѣтописецъ представляетъ намъ, съ одной стороны, всю отвратительную холодность Новгородской общины: братъ надъ братомъ не сжалится, ни отецъ надъ сыномъ, ни мать надъ дочерью, ни сосѣдъ сосѣду не уломять хлѣба», съ другой—дикость и звѣрство простой чади: «иніи простая чадь рѣзала людей живыхъ и пожирали, а другія пожирали трупы, обрѣ-

зывая мясо съ нихъ, а иные злые люди начали также добрыхъ людей домы зажигать, гдѣ узнавали, что есть хлѣбъ, и разграбливали имѣніе ихъ.» [187] Такъ эта простая чадь, появившись рано въ Новгородѣ, проходитъ чрезъ XII, XIII, XIV и XV столѣтія съ своимъ характеромъ противогражданскимъ и печатлѣетъ свое существованіе во внутренной исторіи рѣзче, самобытнѣе, нежели младшіе дружинники этѣ въ другихъ частяхъ Руси, дѣтцки, отроки, а молодцы въ великомъ Новгородѣ. Но когда Новгородъ, славя въ своихъ младшихъ дружинникахъ удальство, молодечество въ ратныхъ подвигахъ, не хотѣлъ облагородить этѣ подвиги именемъ Вѣры, Отечества, не хотѣлъ почтить облагороженной храбрости дарованіемъ младшимъ дружинникамъ соотвѣтственной гражданской и общественной значимости и въ настоящемъ и въ будущемъ, не хотѣлъ этого по тому, что подобный даръ потребовалъ бы пожертвованій со стороны Бояръ и промышленниковъ, ведшихъ безпрерывную борьбу именно только за сохраненіе своихъ богатствъ и привилегій, тогда младшіе дружинники, этѣ молодцы, подобно простой чади извергаемые изъ жизни гражданской, обратились съ своимъ удальствомъ и молодечествомъ на подвиги также противогражданскіе, въ которыхъ клеймилось позорнымъ клеймомъ и имя Христіянина и имя гражданина. Сдѣсь простая чадь, кулачные бойцы и этѣ молодцы, пользовавшіеся правами гражданскими только временно, обезразличиваются между собою. До какой степени эта новая жизнь нашихъ молодцовъ была въ духѣ Новгородской общины, ясно видно изъ тѣсной связи ея съ жизнію самой общины. Мы сейчасъ видѣли, какую тревожную роль играла въ Новгородской исторіи простая чадь: произволъ, беззаконіе этой чади находили источникъ и силу въ самомъ же бытѣ, въ самомъ духѣ Новгорода. Молодцы, соединяясь съ простою чадью, съ кулачными бойцами, теперь увлекли эту тревожную толпу за предѣлы Новгорода, и тѣмъ же самымъ произволомъ, тѣмъ же беззаконіемъ, какъ и простая чадь, какъ и Стороны, гуляли на просторѣ внѣ Новгорода, и Новгородъ безъ суда и гнѣва смотрѣлъ на ихъ беззаконныя дѣла, онъ даже видимо уважалъ своихъ разбойниковъ и грабителей за ихъ похожденія. Въ числѣ лицъ, предводительство-

---

[187] Нов. I, стр. 47.

вавшихъ молодцами на грабежи и разбои, были лица, принадлежавшія, безъ малѣйшаго сомнѣнія, къ высшему сословію. Самое наименованіе подобныхъ вождей грабежа и разбоя по имени и отчеству говоритъ положительно объ уваженіи, которымъ они пользовались въ своей общинѣ: «ходиша, говоритъ, на пр., лѣтописецъ, люди молодые на Волгу для грабежа и разбоя», какъ увидимъ ниже, безъ Новгородскаго слова, «а Воеводою Есипъ Варфоломеевичъ, Василій Ѳедоровичъ, Александръ Обаконовичъ.» Мы знакомы также съ личностію Боярина Василія Буслаевича, который, послѣ разныхъ потѣхъ, успѣлъ подчинить своей волѣ мужиковъ Новгородскихъ. Съ измѣненіемъ положенія Боярина измѣнялся и разсказъ народный о Буслаевичѣ. По этому измѣненію,[188] Буслаевичъ хотя и окруженъ тѣми же послушными ему удальцами-молодцами, но въ немъ уже нѣтъ сословной борьбы, и жизнь раскрыла предъ нимъ, вмѣсто Новгорода, болѣе широкое поле для этого удальства-молодечества;[189] теперь онъ просто грабитель и разбойникъ, кото-

---

[188] Разночтеніе напечатано въ изданіи Г. Сахарева Русскихъ пѣсенъ, часть V, стр. 72—93. Мы считаемъ это разночтеніе произведеніемъ того времени, когда Новгородъ состоялъ уже подъ властію Москвы; но самыя похожденія героя разсказа взяты, безъ сомнѣнія, изъ преданій о подобныхъ похожденіяхъ Новгородцевъ въ XIV и XV столѣтіяхъ.

[189] Мы считаемъ дошедшее до насъ разночтеніе отрывкомъ или второю половиною разсказа, котораго первая часть остается намъ еще не извѣстною. Считать же этотъ отрывокъ продолженіемъ разсказа древнѣйшаго нѣтъ ни какой возможности: видимо, цѣлыя столѣтія готовили, изъ древняго первообраза Буслаевича, Буслаевича новаго, жизнь котораго изображается въ отрывкѣ, и только одно воображеніе народное могло схватывать однородность первообраза, олицетвореннаго въ томъ и другомъ богатырѣ разсказовъ, обозначивъ эту однородность общимъ наименованіемъ обоихъ богатырей. Буслаевичъ и того и другого разсказа, правда, оба удальцы, оба потѣшаются надъ человѣчествомъ, но Буслаевичъ древняго первообраза не былъ разбойникомъ и грабителемъ и весь сосредоточенъ на сословной, внутри Новгорода, борьбѣ, на думѣ о господствѣ надъ младшими Новгородцами; въ Буслаевичѣ же позднѣйшемъ этой сословной борьбы мы уже не замѣчаемъ: очевидно, онъ принадлежитъ ко времени паденія значенія Посадниковъ, и онъ, сверхъ того, думой сосредоточенъ не въ Новгородѣ, а внѣ Новгорода, и, по намеку его матери и по его собственному прямому показанію, былъ однимъ изъ тѣхъ разбойниковъ-грабителей, которыхъ представляетъ намъ исторія XIV и начало XV столѣтій. Дошедшій до насъ отрывокъ изъ разночтенія изобра-

рый разъѣзжаетъ на своемъ корабликѣ вдоль широкихъ рѣкъ и по озерамъ; теперь онъ, Новгородскій Бояринъ, Василій Буслаевичъ, потѣшается уже внѣ Новгорода, посреди міра крещенаго и не крещенаго; тамъ онъ калечитъ людей, забиваетъ ихъ до смерти и присвоиваетъ себѣ, съ своими удальцами, чужія богатства, а потомъ, на старости лѣтъ, отправляется, съ своими молодцами-удальцами, тѣмъ же путемъ, гдѣ производились обыкновенно молодецкіе Новгородскіе разбои, помолиться Богу въ Іерусалимъ, чтобъ, подъ старость, душу спасти отъ грѣховъ молодости, которая пограбила и изгубила много людей.[190] Этотъ первообразъ Новгородскаго Боярина, по народному разсказу, находитъ полное олицетвореніе въ самой исторіи.—Бояринъ Лука Варѳоломеевичъ принадлежалъ къ одной изъ самыхъ значительныхъ фамилій. Самого его мы видимъ подъ 1333 годомъ однимъ изъ дипломатическихъ дѣятелей Новгорода;[191] сынъ его, Онцифоръ, является въ 1348 году начальникомъ отдѣльной Новгородской дружины, а въ 1350 году Посадникомъ; внукъ Луки, Юрій, также былъ два раза дипломатическимъ дѣятелемъ.[192] И этотъ Бояринъ, Лука, съ сыномъ своимъ, Онцифоромъ, были также, какъ это мы объяснимъ ниже, вождями вольницы, которая не хотѣла знать слова Новгородскаго; прибавьте къ сему, что Онцифоръ, подобно Василію Буслаевичу, съ своими молодцами-удальцами, въ 1345 году, прокладывалъ дорогу къ Посадничеству дядѣ своему силою, а въ 1350 году, сѣвъ самъ на Посадничество, загубилъ, силой же, всѣхъ соперниковъ и супостатовъ своихъ, допустивъ разгра-

---

жаетъ жизнь Буслаевича съ ту пору, когда онъ уже рѣшился оставить свои разбои и грабежи для жизни мирной, и съ этой цѣлію возвратился въ Новгородъ, гдѣ задумалъ о спасеніи души своей и о путешествіи въ Іерусалимъ.

[190] Гой еси вы, гости корабельщики!
Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти......
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго пути
Къ святому граду Іерусалиму.

Пѣсн. Нар. Русск., собр. Сахарева, т. V, стр. 79.

[191] Нов. I, стр. 76.

[192] Тамъ же, стр. 84, 85, 91, 92 и 105.

бить и ихъ имущество; прибавьте къ этому еще, что онъ потомъ добровольно отказался отъ Посадничества, какъ будьто бы скучая безцѣльностью сословной борьбы, и что сыновья его, Юрій и Исаакъ, устроили въ Новгородѣ, на свой счетъ, три церкви, [193] и мы въ исторіи Боярской семьи Луки будемъ имѣть тотъ же самый первообразъ, который изображаетъ предъ нами народной разсказъ въ лицѣ Василія Буслаевича. Замѣчательно также, что удалыя похожденія Луки и Онцифора, отрицавшія волю Новгорода, не помѣшали послѣднему слиться снова съ общиной и стать даже во главѣ ея, сдѣлаться Посадникомъ.

Разорвавъ связи съ молодцами своими въ отношеніи правъ и привилегій гражданскихъ, не допуская ихъ до семейныхъ связей съ собой, до общественнаго сближенія съ привилегированными сторонами, надменно высясь надъ ними своимъ Боярствомъ и богатствами, Новгородская община видимо не думала чуждаться противогражданскаго, не Государственнаго, не Христіянскаго, характера, съ которымъ являются потомъ этѣ молодцы, и если иногда противодѣйствовала имъ, хотя слабо, то все таки въ видахъ выгодъ сторонъ. Общину не пугаетъ этотъ характеръ: она сочувствуетъ ему, отдѣляетъ отъ себя силы для развитія, осуществленія, его, но съ безмолвнымъ только условіемъ—не прикасаться къ ея собственнымъ выгодамъ. Отталкивая отъ выгодъ своихъ, не давая по этому ни какой гражданской значимости, не освѣщая воинскихъ подвиговъ ни именемъ Вѣры, ни именемъ отечества, она сама своимъ негражданскимъ, себялюбивымъ, характеромъ низводитъ младшихъ дружинниковъ на степень самую низкую, сближаетъ ихъ съ кулачными бойцами и простою чадью, обращаетъ ихъ воинское молодечество въ дикій произволъ, въ дикое удальство, и, отразивъ въ ихъ новомъ направленіи свой собственный противогражданскій, не Государственный, характеръ, характеръ разрушительный; община сторожитъ, по прежнему, свои выгоды и, указывая другія земли Русскія, какъ обширное поле для ихъ дикаго произвола и удальства, въ лицѣ же своихъ Бояръ, или, по крайней мѣрѣ, значительныхъ лицъ, ведетъ ихъ, вмѣстѣ съ кулачными бой-

---

[193] Тамъ же, стр. 97, и Нов. III, стр. 233 и 236, подъ 1395 и 1417 годами.

нами и простою чадью, на родныя Православныя Русскія земли, для убійствъ, разбоя и грабежа.

Какое странное противорѣчіе въ надеждахъ, желаніяхъ общины! Ростить въ себѣ начало противогосударственное и, указывая ему, для временнаго осуществленія его произола, другія земли Русскія, думать спастись самой, съ своими привилегированными частями, отъ этого произвола! Что можетъ быть тщетнѣй, безумнѣй подобнаго ожиданія! Корень злу завязался глубоко внутри самой общины; уже взросло изъ него вѣтвистое дерево, съ обширной семьей своей, оплодотворявшееся съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе, и Новгородъ надѣялся, что плоды этого противозаконнаго дерева онъ караванами будетъ разсылать по другимъ частямъ Руси, не давая имъ возможности скопляться внутри области такъ, чтобъ имѣть на благосостояніе ея разрушительное вліяніе. Онъ забывалъ, что самый ядъ, которымъ растится дерево, скрывается въ самой общинѣ, и что этотъ ядъ изъѣстъ по составамъ всю общину, съ большею и большею жизненною дѣятельностію и, развѣтвленіемъ и разрастаніемъ самаго дерева. Новгородъ долженъ былъ готовить сильный экстрактъ нравственнаго противоядія, но мы знаемъ его исторію, знаемъ его нравственныя силы: онъ не могъ этого сдѣлать. Въ XV ст. вся Новогородская область поражена была мучительнымъ изгнаніемъ дѣйствія этого яда и разрушенія. Тогда болѣе страшные насилія и грабежи производило противогосударственное начало внутри самой Новогородской области, нежели какія производились имъ въ другихъ частяхъ Руси. Боярство и сдѣсь стояло въ главѣ его и, подобно Василію Буслаевичу, съ названными братцами, калечило людей, забивало ихъ до смерти: собирало, какъ мы увидимъ скоро, лжесвидѣтелей, научало ихъ говорить на вѣчахъ противъ людей невинныхъ, грозя смертію въ случаѣ ослушанія, и люди голодные, ябедники и посульники, радовались, если кого можно, оговаривали, и оговоренный предавался смерти, а имущество его, даже то, которое сохранялось въ церквахъ, доставалось имъ въ добычу и расхищеніе. Нѣтъ, если бъ Новгородъ не склонилъ главы передъ Москвой, если бъ онъ продолжилъ существованіе своего общиннаго устройства, то, въ разрушительномъ основномъ началѣ бытія, онъ обратилъ бы, перевоспиталъ бы, всѣхъ удалыхъ дѣтей своихъ въ исчадія полнаго произвола, пол-

ной безурядицы. Но обращаемся къ изслѣдуемому нами предмету: къ новой жизни младшихъ дружинниковъ Новгорода, къ кулачнымъ бойцамъ и простой чади, изъ которыхъ образуются цѣлыя шайки вольницы, грабителей и разбойниковъ, которыя законно пребываютъ въ самомъ Новгородѣ, открыто исходятъ изъ него на свой промыселъ, и столь же открыто требуютъ утвержденія правъ своихъ на вольность, безпорядки, грабежи и разбои.

Мы не будемъ въ настоящемъ случаѣ останавливаться на одномъ весьма замѣчательномъ явленіи исторіи Новгородской, именно на завоеваніи толпою Новгородскою земель Вятскихъ, и на основаніи ею тамъ особаго, ни сколько независимаго ни отъ Новгорода, ни отъ Княжеской власти другихъ частей Руси, владѣнія. Объ этомъ предметѣ дошли до насъ темныя данныя, и мы не можемъ утверждать, что этѣми завоевателями была вольница, которая не хотѣла слушать Великаго Новгорода и дѣйствовала въ завоеваніи совершенно независимо отъ митрополіи, хотя намъ кажется страннымъ допустить и то, чтобъ этѣ завоеватели дѣйствовали отъ лица митрополіи, когда мы не находимъ слѣдовъ, что или они сами или основанное ими владѣніе въ земляхъ Вятскихъ, состояли когда ни будь и въ какой ни будь зависимости отъ Новгорода. Мы не будемъ разъяснять предположенія, что отдаленныя части самыхъ Новгородскихъ владѣній могли заселиться также вольницею. Не станемъ разъяснять и того, совершены ли походы Новгородскихъ молодцовъ въ 1186 году на Емь, въ 1338 году на Устюжну, по волѣ Великаго Новгорода, или же самими молодцами, только въ видахъ Великаго Новгорода. Безъ сомнѣнія, скрылись отъ потомства многія случаи вольности этѣхъ тревожныхъ шаекъ, а другія дошли до насъ, по Новгородскимъ лѣтописямъ, въ слишкомъ краткомъ, или темномъ изложеніи, такъ что изъ разсказа собственно Новгородскихъ лѣтописцевъ трудно сдѣлать сколько ни будь положительное заключеніе о характерѣ быта Новгородскихъ молодцевъ. Это вполнѣ подтверждается изъ сравненія Новогородскихъ лѣтописей съ лѣтописями другихъ частей Руси, когда исторія Новгородскихъ молодцевъ соприкосается съ исторіею сей послѣдней. По разсказу лѣтописцевъ другихъ частей Руси, сильныя шайки Новгородской вольницы въ продолженіи десяти лѣтъ, съ 1369 по 1379, являлись за предѣлами Новгородскими, въ Сѣверо-Восточныхъ областяхъ

нынѣшней Россіи, для разбоя и грабежа самаго дерзкаго и открытаго. Въ 1369 году, по этому разсказу, вышли изъ Новгородскихъ владѣній, для подобнаго промысла, двѣ шайки. Онѣ появились, одна на десяти судахъ или большихъ лодкахъ (ушкуи) на Волгѣ, а другая, не извѣстно, сколь значительная, на Камѣ: обѣ этѣ шайки сошлися въ предѣлахъ Казанской, или Нижегородской, Губерніи, и были разбиты уже подъ Болгарами. Въ 1370 году тоже подобныя шайки Новогородской вольницы два раза являлись на Волгѣ для грабежа, и причинили много зла: «и много зла створиша.» Въ 1371 году они напали на Ярославль и Кострому, и взяли оба этѣ города. Въ 1374 году они отправились Волгою, разграбили земли Вятскія и Болгарскія; думали взять самыя Болгары, но жители откупились отъ нихъ деньгами, заплативъ 300 рублей; въ слѣдъ за тѣмъ, раздѣлившись на двѣ части, двинулись одни (на 50 ушкуяхъ) внизъ по Волгѣ къ Сараю, а другіе (на 40 ушкуяхъ) вверхъ по Волгѣ: послѣдніе, вѣроятно, домой съ добычею, а первые продолжали разбой и грабительство въ земляхъ Засурскихъ и въ Марквашахъ, а потомъ изсѣкли суда, сѣли на коней и двинулись по направленію къ Вяткѣ, разграбили многія села по рѣкѣ Ветлугѣ. Въ 1375 году подобная шайка Новгородской вольницы явилась опять около Костромы, разбила пятитысячную дружину изъ мѣстныхъ обывателей, и вторично овладѣла городомъ, грабила и опустошала его въ продолженіи цѣлой недѣли, и, забравъ съ собой все драгоцѣнное и удобное для перевозки, сжегши и потопя въ Волгѣ все остальное, полонивъ множество народа, этѣ разбойники отправились за добычею еще далѣе, внизъ по Волгѣ, напали на Нижній Новгородъ, взяли, разграбили и сожгли его; оттуда спустившись Каму, «на много пограбиша по Камѣ,» вернулись опять въ Волгу и, остановившись въ Болгарахъ, распродали Татарамъ всѣхъ заполоненныхъ ими въ Костромѣ и Нижнемъ Новгородѣ женъ и дѣвицъ, потомъ направились къ Сараю и къ самой Астрахани, «вездѣ гостей Христіанъ грабяще, а Бесерманъ грабяще и убивающе;» наконецъ попались обманомъ въ сѣти Монгольскаго Хана, Сальчея, и были всѣ перебиты. Въ 1379 году снова появились этѣ разбойники въ предѣлахъ нынѣшней Казанской Губерніи и Вяткѣ: Вятчане должны были двинуться на нихъ ратью, успѣли поразить ихъ, даже захватить ихъ Воеводу, по имени Рязана, котораго тогда же и казнили. Такъ разоблачаютъ передъ

нами внутренній быть Великаго Новгорода лѣтописцы другихъ частей Руси. Что же сказали объ этѣхъ и подобныхъ разбояхъ лѣтописцы Новогородскіе? [194] Прямо ни слова; а говоря о походѣ противъ Новгорода Василія Дмитріевича, замѣтили только, что походъ этотъ предпринятъ былъ Великимъ Княземъ въ слѣдствіе того, что онъ держалъ гнѣвъ про Волжанъ на Новгородъ, и что, обязавшись вознаградить за всѣ причиненные «тѣми Волжанами» убытки, Новгородцы пять тысячъ положили взыскать съ Заволочанъ, по тому что Заволочане были также на Волгѣ. Столь же хладнокровно и въ столь же скромныхъ чертэхъ лѣтописецъ Новогородскій передаетъ намъ объ одной изъ этѣхъ, какъ будьто бы, законныхъ для Новгорода шайкахъ разбойниковъ, которые грабили купеческія суда по Волгѣ въ 1366 году, выступивъ изъ Новгорода, для этого грабежа, открыто и торжественно: «ходили изъ Новгорода люди молодые на Волгу безъ Новогородскаго слова,» т. е., не по распоряженію Правительства, «безъ благословенія Архіепископа, а Воеводами у нихъ были Осипъ Варфоломеевичъ, Василій Федоровичъ и Александръ Абаконовичъ, и въ то же лѣто возвратились всѣ здоровы въ Новгородъ.» Этотъ тонъ разсказэ, это наименованіе продводителей разбойниковъ по отчеству, этотъ формальный выходъ на грабежъ, и столь же формальное возвращеніе съ разбоя, все это показываетъ, до какой степени сіи похожденія удальцовъ-разбойниковъ были для Новгорода дѣломъ обычнымъ, противъ котораго нравственная сторона ни сколько не возставала. Мы бы могли еще предположить, что лѣтописцу не совершенно были извѣстны похожденія Новогородской вольницы; но онъ самъ, въ слѣдъ за сказаннымъ описаніемъ, говоритъ: «и за то Князь Дмитрій Ивановичъ разгнѣвался и развергнулъ

---

[194] Всѣ свѣдѣнія объ этѣхъ разбояхъ почерпнуты изъ лѣтописей Ростовской (И. Г. Р. т. V, стр. 106, и IV-й Новогородской (Пол. Собр. Р. Л. т. IV). При семъ мы должны имѣть въ виду, что лѣтопись, названная Археографическою Коммиссіей четвертою Новогородскою, составлена изъ лѣтописей разныхъ частей Россіи, слѣдовательно, въ настоящемъ отношеніи она можетъ быть названа столько же Новогородскою, сколько Псковскою, или Московскою. Археологическая Коммиссія сама замѣтила это (Предисловіе къ IV т., стр. VII), и, конечно назвала ее Новогородскою не по тому, что она составлялась постепенно въ Новгородѣ, а единственно въ томъ отношеніи, что изложенныя въ ней данныя болѣе важны для объясненія Новогородской, нежели для объясненія исторіи другихъ частей Россіи.

миръ съ Новымъ Городомъ, сказавъ Новгородцамъ: «За чѣмъ вы ходили на Волгу и пограбили многихъ изъ моихъ купцовъ гостей?» [195] Подъ 1388 годомъ лѣтописецъ говоритъ еще: «Приходилъ Великій Князь Дмитрій войною на Новгородъ, держа гнѣвъ про Волжанъ... [196] и заключилъ миръ... а за Волжанъ взялъ Князь Великій у Новгорода 8000 рублей.» Вотъ что только отмѣтили Новогородскіе лѣтописцы о своихъ разбойничьихъ шайкахъ. Такъ, эта скромность Новгородскаго лѣтописца не вольно представила Великій Новгородъ еще болѣе съ дикой, противогосударственной, стороны, нежели какъ представляетъ ее Ростовскій лѣтописецъ: первый, умалчивая о многихъ похожденіяхъ вольницы или разбойниковъ, говоритъ о другихъ, какъ о дѣлѣ обычномъ для цѣлаго Новгорода, ни сколько не преслѣдуемомъ со стороны Правительства; второй же говоритъ только, что изъ среды Новогородской являлись огромныя шайки разбойниковъ, не опредѣляя отношеній этѣхъ разбойниковъ къ самой общинѣ. Мимоходомъ замѣтимъ сдѣсь также, что всѣ этѣ разбои Новгородцевъ, описанные и Ростовскимъ и Новогородскимъ лѣтописцами, совершались около того времени, когда Восточная Русь, подъ знаменемъ Москвы, во имя Вѣры и Отечества, готовилась на кровавую торжественную борьбу съ Мамаемъ, борьбу, для которой Новгородъ не далъ ни одного воина. Вотъ нравственно-ужасное положеніе Новгорода! Разсказъ Новогородскаго лѣтописца подъ 1442 годомъ о Лукѣ Варѳоломеевичѣ говоритъ еще болѣе и отчетливѣе о внутреннемъ распаденіи Новгорода: уже слово и воля Новгорода къ первой половинѣ XV ст. рѣшительно не была закономъ для его вольницы, такъ что община является нравственно парализованною относительно этой вольницы, или вольница успѣваетъ достигнуть къ своему времени такого развитія, что беретъ верхъ надъ всѣмъ порядкомъ, устройствомъ, надъ волею самаго Новгорода, и духъ вольности, не знающей ни какого порядка, составляетъ уже духъ самой общины, хотя и встрѣчаетъ въ ней нѣкоторое сопротивленіе, нѣкоторую незрѣлость для подобной жив-

---

[195] Нов. I, стр. 88.

[196] Выраженіе: «держа гнѣвъ про Волжанъ» объяснено въ Ростовской лѣтописи такъ: «держа гнѣвъ за то, что Новогородцы взяли разбоемъ Кострому.»

ни. Этотъ Лука Вареоломеевичъ (замѣтьте опять вичъ, и вичъ положительно не простой), не смотря на запрещеніе вѣча, на неблагословеніе со стороны Митрополита и Новгородскаго Архіепископа, скопилъ съ собою холопей съ боевъ, и пошелъ съ ними за Волокъ, устроилъ тамъ городъ Орлецъ, увеличилъ свою шайку Емчанами, и предалъ грабежу и опустошенію всѣ погосты земли Заволоцкой; наконецъ, въ одной схваткѣ съ Заволочанами, этотъ молодецъ погибъ, и мы видѣли, какъ, подозрѣвая Посадника и двухъ другихъ своихъ собратій, въ подосланіи на этого Вареоломеевича убійцъ, сами же Новгородцы, не участвовавшіе въ походѣ Луки, или, правильнѣе сказать, чернь, сдѣлали открытое движеніе противъ Посадника и этѣхъ двухъ лицъ, разграбивъ при семъ дома и села ихъ. Такъ неповиновеніе, нарушеніе всякаго порядка, грабительство и разбой, находятъ покровительство въ самомъ Великомъ Новгородѣ, и самое покровительство безнаказанно безчинствуетъ, разбойничаетъ. [188] Что же еще сказать, въ дополненіе къ описанію подобнаго паденія всѣхъ нравственныхъ началъ въ Новгородской общинѣ? Еще многое и многое; но утомителенъ разсказъ о черной сторонѣ жизни, какъ утомительно, я думаю, и самое чтеніе этого разсказа. Позвольте жь подышать чистымъ воздухомъ и перенестись въ область болѣе свѣтлыхъ созерцаній: совѣтую и вамъ, почтенные читатели, сдѣлать то же и оставить на время чтеніе дальнѣйшаго разсказа, къ которому я долженъ буду приступить, отдохнувъ нѣсколько душей.

Не завидно же было внутреннее состояніе Новгорода. Все исполнено въ немъ духа безначалія, вольности, буйства, насилія, начиная отъ главныхъ общинъ до самыхъ низшихъ слоевъ. Сосредоточиваемая на личныхъ выгодахъ Софійская Сторона давитъ Торговую; Торговая, выставляя противъ нея Князей, не поддерживаетъ ихъ, а, напротивъ, при малѣйшемъ еще кичится предъ ними и съ радостію оставляетъ однихъ и принимаетъ другихъ Князей, боясь утратить часть своихъ богатствъ; изъ той и другой общины исходятъ лица, на коихъ падаетъ подозрѣніе Стороны или Софійской, или Торговой, или той и другой вмѣстѣ, что они, для личныхъ своихъ выгодъ, измѣняютъ, продаютъ выгоды Сторонъ, и этѣ лица, быть можетъ, преслѣдуемыя лишь кознями сильныхъ семей и партій, гибнутъ безъ суда, по одному подозрѣ-

нію и имущество ихъ расхищается. Себялюбіе и отсутствіе истинныхъ гражданскихъ и Государственныхъ началъ въ той и другой Сторонѣ низводятъ, полныхъ дѣятельности и мощи, младшихъ сыновъ Новогорода до вольницы, которая готовится повергнуть самую общину въ совершенный произволъ и безурядицу. Недовѣріе и вражда, развившіяся въ слѣдствіе слабости семейнаго начала, поразивъ собою отношенія между двумя Государственными началами, между Боярствомъ и среднимъ сословіемъ, отразились оттуда снова въ жизнь частную и окончательно разрушили послѣднія связи жизни Новгородской. Тогда отсутствіе любви, замѣченное Новгородскими лѣтописцами въ жизни своей родины, не могло не дѣлаться еще болѣе замѣтнымъ и не вызывать новыя жалобы о зависти, сребролюбіи, строптивости, клятвопреступленіи, насиліи, объ этомъ разрушенномъ чувствѣ—братоненавидѣніи. Жизнь гибла въ самой себѣ безъ внѣшняго вліянія. Въ личныхъ выгодахъ все забыто: и любовь къ родинѣ, любовь и уваженіе къ старшему, къ достойному и великому, и святость сана, и святость гражданскихъ и семейныхъ отношеній.

Василій Пассекъ.

II

МАТЕРІЯЛЫ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ

СВАДЕБНЫЯ.

I.

Свадебный обрядъ въ деревнѣ Подъяковлевой, Тульской Губерніи Новосильскаго Уѣзда.

(Разсказъ очевидца.)

Женился въ этой деревнѣ крестьянскій парень на крестьянской же дѣвушкѣ. Пропой невѣсты или, что то же, предварительная помолвка, происходитъ у нихъ обыкновенно, какъ и вездѣ почти въ крестьянскомъ быту. Наконецъ, на канунѣ ихъ свадьбы, въ домѣ невѣсты было празднество, подъ названіемъ Дѣвичникъ. Празднество это состояло въ слѣдующемъ: Невѣста, убравшись еще въ сумеркахъ, * во ожиданіи своего жениха, сѣла на лавкѣ верхняго пола. Подлѣ нея усѣлись: мать ея и замужняя сестра, которыя, до прибытія жениха, при появленіи какого либо посѣтителя голосили, оплакивая дѣвичью жизнь своей дочери, невѣсты. Между тѣмъ подруги невѣсты, разряженныя также въ сарафанахъ, сидя за накрытымъ бѣлою скатертью столомъ, пѣли слѣдующее:

* Убранство ея состояло: въ головной повязкѣ платкомъ по лбу и части головы такъ, что макушка вся бѣла открыта. Изъ подъ платка того виднѣлась на лбу мишурная узкая бахрама, а заплетенная коса, оканчивающаяся вплетенною въ нее широкою шелковою, коричневаго цвѣта, лентою, лежала вдоль спины. Одѣта была въ пунцовомъ, съ большими цвѣтами, сарафанѣ, а посверхъ него теплая, на ватѣ, нанковая, синяго цвѣта, поддѣвка съ фалдами, съ сборками назади и отъ лифа и, сверхъ сего, накрыта бѣлымъ полотномъ.

1.

Пыль, пыль по дорожкѣ, 2
Туманъ, туманъ по дубравкѣ;
Да по этой-то дорожкѣ, 3
Да по этой-то широкой, 3
Андреянъ сударь ѣдетъ; 3
Онъ плеткою машетъ: 3
Догадайся, Авдотья! 3
Промети дороженьку, 3
Выстели полотнами, 3
Шитыми ручниками! 3
Заглянь во чисто поле, — 3
Андреянъ сударь ѣдетъ: 3
Подъ нимъ конь играетъ, 3
Что соколъ летаетъ; 2
На емъ кунья шуба 2
Слѣды заметаетъ, 3
На емъ сафьянъ сапогъ, 2
Что травушка вянетъ, 2
На рукѣ золотъ перстень. 3

2.

Не во трубушку трубить,
Рано по зари, 2
Авдотьюшка плачетъ
По русой косѣ: 2
Ой свѣтъ, моя косушка,
Коса русая! 2
Да вечеръ мою косушку
Дѣвушки плели, 2
Золотомъ, серебромъ,
Косу обвили, 2
Алую ленточку
Въ косу уплели. 2

Богъ судья Андреянъ Васильичу,
Васильевичу, Васильичу:
Прислалъ ко мнѣ свашеньку,
Не милосливу, не жалосливу:
Стала мою косушку
Чесать и трепать, 2
Золото, серебро,
Рвать и бросать, 2
Алую ленточку
У ногахъ топтать. 2

3.

Тихая Волга на Дунай течетъ,
Смирная Авдотья на думахъ сидитъ,
Думаетъ Авдотья думу крѣпкую,
Думаетъ Никитична думу крѣпкую:
Какъ-то мнѣ быть, 2
Во чужи люди итить! 2
Какъ привыкать 2
Ко чужой семьѣ! 2
Какъ назвать 2
Свекра батюшкой! 2
Какъ назвать 2
Свекры матушкой! 2
Свекоромъ назвать, — 2
Будетъ гнѣвъ держать, 2
Батюшкой звать, — 2
Мнѣ не хочется;
Быть склонить 2
Сердце дѣвичье: 2
Быть назвать 2
Свекры матушкой. 2

4.

Соловьюшка, соловей,
Отлетная пташечка,
И ой яли, али лай,*
Али, али, али лай!
Куда леталъ, отлеталъ? —
Я изъ саду да у садъ,
Зеленый садъ, виноградъ.
Да кто жь у насъ не женатъ?
Да кто жь у насъ холостой? —
Андреянъ сударь не женатъ,
Васильевичъ холостой.
Онъ и ѣздилъ, отъѣзжалъ,
Отъ села до села,
До тестина до двора,
До тестина терема,
До дѣвичьей комнатки,
До Авдотьиной кроватки:
Авдотьюшка, выди вонъ!
Никитична, выступи! —
Я бы рада вышла вонъ,
Мово батюшки дома нѣтъ, 2
А матушка во пиру, 2
А братъ съ сестрой во торгу,
Золотыхъ ключей не найду.
Андреянъ сударь поѣхалъ,
Поѣхавши, заплакалъ.
Авдотьюшка вышла вонъ,
Никитична выступила:
Андреянъ, сударь, воротись!
Васильевичъ, оглянись! —
Я бы радъ бы воротился:
Мой воронъ конь не стоитъ,
Буенъ вѣтеръ шляпу рветъ,
Ясно солнце лицо жжетъ, 2
Дробенъ дожжикъ въ лицо бьетъ.

---

* Послѣ каждаго двустишія повторяется.

5.

Рано въ Воскресенье 3
Синее море играло, 3
Авдотья потопала, 3
Ручки подавала: 3
Да кто жь меня вынеть, 3
Изъ синяго моря,
Изъ великаго горя? 3
Кидался, бросался, 3
Старый старичища, 3
Сѣдая бородища: 3
На дно моря тону, 3
За тебя замужъ не йду.
Рано въ Воскресенье и т. д.
Кидался, бросался, 3
Андреянъ съ поѣздомъ, 3
Васильевичъ со большимъ: 3
Съ дна моря выду, 3.
За тебя замужъ пойду. 3

6.

Андреянъ ѣхалъ мимо тестева двора,
Онъ ударилъ копьемъ въ ворота:
Дома ль, дома ль, Авдотьюшка душа?
Если спить—не будите вы ее!
А не спить—высылайте ко мнѣ!
Вышла, выходила, Авдотьюшка душа,
Вышла, выходила, Никитична душа,
Становилась на новое на крыльцо,
Простудила свое бѣлое лицо,
Воскричала громкимъ голосомъ своимъ:
Вы сестрицы, подруженьки,
Ужь вы бѣлыя голубушки!

Вы берите мои золоты ключи,
Отпирайте кованные сундуки,
Вынимайте разноцвѣтное сукно,
Вы и сшейте Андреяну кафтанъ,
Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
Во подолѣ не разширистый,
Ретиву сердцу прижимистѣй!

Наконецъ послышался звонъ колокольчиковъ: это былъ поѣздъ жениха со своею роднею и вообще съ поѣзжанами, въ томъ числѣ съ отцомъ и матерью крестными жениха и сватомъ; послѣдняго величаютъ еще и дружкомъ. Сватомъ выбирается лицо распорядительное, на обязанность котораго возлагается угощать виномъ гостей.

Услышавши звонъ колокольчиковъ, посторонніе зрители, находившіеся въ домѣ и сѣняхъ, вышли посмотрѣть на поѣздъ жениха, всѣ же остальные остались въ горницѣ. Мать обняла невѣсту руками и громче прежняго начала голосить и причитывать; ей вторила замужняя дочь: Отецъ невѣсты, сидя на скамьѣ, задомъ къ столу, погрузился въ какую-то думу, а подруги, по прежнему, пѣли пѣсни.

Три только человѣка изъ числа родственниковъ невѣсты вышли на дворъ.

Наконецъ подъѣхалъ и весь поѣздъ жениха къ воротамъ дома невѣсты. Изъ числа поѣзжанъ дружка, съ кнутомъ въ рукѣ, сталъ крѣпко стучать въ ворота, крича: «Хозяинъ, отвори! Пусти ночевать! Мы перемерзли.» Стоящіе на дворѣ, не отворяя воротъ, спрашивали: «Да кто же вы такіе?»—«Мы (отвѣчаетъ сватъ)—охотники: ѣздили ловить лисицъ, перпелицъ и красныхъ дѣвицъ, да вотъ и запоздали, а между тѣмъ намъ показалось, что сюда будьто бы шарнула лисичка, вотъ подъ этѣ ворота, въ этотъ дворъ!»—«Мы (отвѣчаютъ стоящіе на дворѣ), хотя и давно стоимъ въ этомъ урочищѣ, но ни какой лисички не видали: поищите скорѣй у сосѣдей!»—«Нѣтъ (говоритъ сватъ), за чѣмъ у сосѣдей? Мы хорошо видѣли, что сюда маргнула.»—«Ну, да пожалуй, мы пустимъ васъ ночевать: не будетъ ли отъ васъ что ни будь за это?»—«Я (говоритъ сватъ) за цѣною не постою, лишь бы отыскать краснаго звѣрка; будетъ при этомъ и выпивка и закуска.»

При этѣхъ словахъ ворота немного отворились, и стоявшіе на дворѣ высунулись впередъ и потребовали обѣщанной платы. Сватъ вынулъ изъ одного кармана своего дубленаго полушубка бутылку вина, а изъ другого стаканъ, и сталъ ихъ угощать: поднесъ имъ по два стакана, ворота отворились настежь, и поѣздъ двинулся на дворъ и остановился при входѣ въ сѣни. Сватъ отправился въ домъ осматривать помѣщеніе, а женихъ и всѣ, при немъ находившіеся, остались на своихъ мѣстахъ. Сватъ, войдя въ домъ и видя, что дѣвицы поютъ пѣсни, ударилъ по столу кнутовищемъ и загорланилъ: «Это что за народъ? Пошли вонъ изъ за стола! Да гдѣ же хозяинъ?» Хозяинъ, отецъ невѣсты, сталъ передъ сватомъ: «Для чего я тебѣ, голубчикъ, нуженъ?»—Какъ, для чего? Развѣ ты не понимаешь? Пустилъ насъ ночевать; говорилъ, что будетъ просторно и покойно, а между тѣмъ у тебя полонъ домъ народу?»—«Кто (отвѣчаетъ хозяинъ) обѣщалъ тебѣ просторъ и покой, съ того и взыскивай, а я тебѣ о томъ ни чего не говорилъ. Да, впрочемъ, что о томъ толковать? Попроси-ка лучше вотъ ихъ (указывая на дѣвицъ): онѣ тоже народъ заѣзжій, можетъ быть и уступятъ вамъ свои мѣста, и тогда вамъ будетъ просторно и спокойно.»—А что (говоритъ сватъ): и впрямь, не лучше ли съ ними обойтися поласковѣе и поторговаться, а натурой, пожалуй, ни чего не возьмешь.» Въ слѣдъ за тѣмъ, обратясь къ дѣвицамъ, онъ сказалъ: «Красны дѣвицы, перепелицы, сладкія пѣвицы! Уступите намъ свои мѣста: мы народъ заѣзжій, перезябли и нуждаемся въ покоѣ.»—«Пожалуй (отвѣчаютъ дѣвицы): что же намъ за это будетъ?»—«За цѣною (говоритъ сватъ) не постою и, кромѣ того, будетъ выпивка и закуска.»—«Если все это будетъ, то мы тотчасъ же и уступимъ.» Сватъ, вышедши къ поѣзжанамъ, взялъ у нихъ все, что нужно для угощенія дѣвицъ и, возвратясь, поставилъ на столъ три ржаныхъ пирога на деревянномъ блюдѣ, часть убоины, крупяной каравай на деревянной тарелкѣ и гривну денегъ; потомъ, доставши изъ за пазухи стаканъ и штофъ вина, сталъ подносить имъ вино (Всѣхъ дѣвицъ за тремя столами сидѣло 20 человѣкъ, между ними было 5 молодыхъ женщинъ). Это угощеніе продолжалось довольно долго, такъ какъ ни одна изъ дѣвицъ не отказывалась отъ вина и, кромѣ того, взявши стаканъ, кланялась свату. Выпивши, дѣвицы взяли пироги и убоину, каравай и деньги, и пошли черезъ сѣни на другую половину дома. Сватъ же отправился на дворъ за женихомъ и, взявши за руку, ввелъ его въ домъ, гдѣ они вмѣстѣ помолились Богу, по-

клонились присутствующимъ и прошли въ кутъ, гдѣ женихъ сѣлъ на лавкѣ. Мать жениха и прочіе родственники принесли въ коробкахъ съѣстные припасы, которые поставили на лавку, гдѣ сидѣлъ женихъ. Потомъ мать поставила на столы два крупичатыхъ круглыхъ пирога, служащихъ для украшенія стола и вмѣстѣ символомъ соединенія жениха и невѣсты. Этѣ пироги всегда должны стоять для украшенія, а съѣдаются только на 2-й день брака, на Княжомъ обѣдѣ. Когда пироги были поставлены, сватъ выдвинулъ жениха впередъ и усадилъ его на скамью, задомъ къ 1-му столу, а невѣсту свела съ верхняго пола замужняя сестра и поставила ее противъ жениха. Отецъ невѣсты заговорилъ: «Ну, дѣти! васъ слѣдовало бы свести чрезъ благословеніе отца духовнаго, но какъ его сдѣсь нѣтъ, а образомъ вы уже благословлены, то повѣдайтесь вы между собою, и Богъ васъ тѣмъ благословитъ!» Послѣ этого они поклонились другъ другу въ поясъ, поцѣловались и опять поклонились. Потомъ женихъ, взявши за руку невѣсту свою, отправился на другую половину дома, такъ называемую холодную, гдѣ они и усѣлись на весь вечеръ, до самаго разъѣзда гостей. За тѣмъ начались обѣды, которыхъ бываетъ обыкновенно на Дѣвичникѣ три: 1-й столъ отъ жениха, для угощенія родственниковъ и гостей невѣстиныхъ; 2-й столъ отъ невѣсты, для угощенія родственниковъ и гостей жениха, и 3-й общій, для угощенія общихъ родственниковъ и почетныхъ лицъ. Столъ у нихъ состоялъ большею частью изъ навареннаго разныхъ сортовъ мяса: начинался студнемъ и оканчивался крупянымъ караваемъ. За столомъ сѣли въ слѣдующемъ порядкѣ: по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины, а въ вышкахъ, подъ божницею, крестные отецъ и мать невѣсты. Когда всѣ усѣлись, зажгли передъ образами 2 восковыхъ свѣчи, и за тѣмъ всѣ встали, помолились и опять сѣли. Между тѣмъ сватъ началъ подносить гостямъ вино, поочередно, начиная съ крестовыхъ отца и матери. Дѣвицы, стоя посередъ избы, величали, сначала сидящихъ за столомъ, а потомъ находящихся въ избѣ. При каждой перемѣнѣ блюда сватъ обязанъ былъ подносить вино всѣмъ, сидящимъ за столомъ, а иначе они и не приступили бы къ ѣдѣ поданнаго блюда; на каравайцы же, которыми оканчивается столъ, ставятъ стаканы съ виномъ, каковое непремѣнно, не въ очередь, долженъ выпить рѣзака, безъ чего онъ и не смѣетъ приступить къ расчествованію.

Величальныя пѣсни поются за столомъ слѣдующія:

7.

ЖЕНАТОМУ ВЕЛИЧАНІЕ. *

А кто жь у насъ большой, набольшой,
И кто жь у насъ Воеводою?
Лёхъ, али, али лёй **
Али, али, али, лёй!
Вадимъ сударь большой, набольшой,
Васильевичъ Воеводою,
Собирается въ свою вотчину,
Въ свою вотчину, во приданую.
Ой, Авдотьюшка, убирай меня!
Дочь Григорьевна, снаряжай меня!
Ой Авдотьюшка поупрямилась,
Дочь Григорьевна поспесивилась.
Ты напой коня изъ ведерочки,
Накорми коня изъ кошолочки!
Ой, Авдотьюшка поупрямилась,
Дочь Григорьевна поспесивилась.
Повели коня на сине море:
Синее море сколыхалося,
Бѣлая рыбица встрепенулася,
Вороны кони испужалися,
Во чисто поле разбѣжалися.

---

* Поющія «Величальныя пѣсни» во время столовъ на Дѣвичникѣ, въ домѣ невѣсты, называются: «Дѣвицами пѣвицами,» а на Княжемъ обѣдѣ въ домѣ жениха: «Женщинами игрицами.»

** Повторяется послѣ каждаго двустишія.

8.

Ой во садику, садику,
Во зеленомъ винограднику,
Ой ля, ой ля, ой ля,*
Али ля, али ля, али ля!
Тутъ ходила, погуливала,
Молодая Боярыня, 2
Авдотья Григорьевна,
Сорывала два яблочка,
Два яблочка садовыхъ медовыхъ;
Она клала на блюдечко,
Возносила на высокій на теремъ,
Становила на дубовый столъ;
Дубовый столъ раскачается,
Два яблочка разшатаются.
Вадимъ сударь величается
Надъ своею молодой женой,
Надъ своею Боярыней,
Надъ Авдотьею Григорьевной:
Авдотьюшка, разобуй, разодѣнь,
Григорьевна, распояшь ты меня!
Не хотѣлось бѣлыхъ ручекъ валять,
Не хотѣлось золотыхъ перстней ломать,
Ужь я роду купеческаго,
Я люблю сына отеческаго, 2
Вадима Васильевича!

9.

Ой на горкѣ, на горочкѣ,
На правой на сторонушкѣ,
Ой ля! (3) **
Али ля! (3)

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

** Повторяется послѣ каждаго двустишія.

Тутъ сидѣли два голубя,
Два голубя, да всѣ сизые,
Промежъ себя рѣчи говорять,
Про такого удалого молодца, 2
Михайла Өедотовича.
Онъ богатъ, онъ богатый человѣкъ,
Да богатѣй его нѣтути.
Онъ съ гривенки на гривенку ступалъ,
Полтинами по городу шибалъ, 2
Рублемъ ворота запиралъ, 2
Изъ неволи сиротъ выпускалъ:
Вы сироты, сироты мои,
Помолите Христа Бога обо мнѣ,
Обо мнѣ, объ удалой головѣ,
Объ Михайлѣ Өедотовичѣ!

10.

У насъ въ городѣ конопля росла, конопелюшка,
Ля али, али, али,
Али, ля, али, али! *
Конопелюшка—красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Гарафенушка,
Гарафенушка, дочь Васильевна.
Она звала братца играть на улицу:
Братецъ миленькій, голубчикъ бѣленькій!
Мы пойдемъ съ тобой играть на улицу:
Вы съ гуслями, а я съ ладонями.
Да не быть гуслямъ звончѣй ладоней,
Не быть свекру милѣй батюшки,
Не быть свекры милѣй матушки.

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

11.

Стелется, вьется,
По лугамъ травка зеленая:
Андрей жену цѣлуеть,
Васильевичъ милуеть:
Душа моя, Авдотьюшка,
Сердце мое, Никитична!
Роди жь ты мнѣ сыночка,
Роди сына у меня,
А дочерю у себя!
Учи сына грамотѣ,
А дочерю шелкомъ шить!

12.

А и кто жь у насъ на коню проѣзжалъ?
А и кто жь у насъ на ворономъ коню?—
Кузьма сударь на коню проѣзжалъ,
Пантелѣевичъ на ворономъ коню,
Авдотьюшка у верeюшки стоить,
Дочь Ивановна по правой сторонѣ:
Ой, Авдотьюшка, прими мово коня,
Ивановна коня воронова!—
Не примаю, не примаю, другъ, коня,
За великую за грубость за твою:
Часто ѣздишь ты у гости безъ меня,
А постелюшка простыла безъ тебя,
Возголовице заиндивѣло,
Подушечки потонули у слезахъ!

13.

Александръ Петровичъ, свѣтъ,
Не ходи кругъ бережку!
Ли, али, али, али, *
Али, ля, али, али!
Не ходи кругъ бережку,
Не срони съ себя шапочку!
Во твоей во шапочкѣ
Да семьсотъ золотничковъ, 2
Во четыре ягодки, 2.
Дорогія каменья!
Александръ Петровичъ, свѣтъ!
Кто тебя шапкой дарилъ, 2
Кто тебя пожаловалъ?—
Ужь я самъ въ войну ходилъ,
Ужь я самъ Царю служилъ,
Царскаго дитя качалъ
Въ золотой у люлечкѣ, 2
Въ шелковой пеленочкѣ.

14.

У воротъ орѣшина,
У воротъ зеленая,
Ля, али, али, али, **
Али, ля, али, али!
А на той орѣшинѣ
Колыбель повѣшена;
Во той колыбели
Качался Боярскій сынъ, 2
Михаилъ Ѳедоровичъ.

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

** Повторяется послѣ каждаго двустишія,

Вы, братцы родные,
Ступите поближе, 2
Смахните повыше, 2
Чтобъ видно было далече!
Въ зеленомъ садочку
Татьяна гуляла, 2
Цвѣты сорывала, 2
Вѣночекъ свивала,
На головку вздѣвала,
Себя украшала.

15.

Подъ калинкою,
Подъ малинкою,
Ай, али, али, али *
Али, ля, али, али!
Спить, покоится
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ.
У ногахъ стоять
Слуги вѣрные, 2
Дѣвки сѣнныя.
Будють, побужають,
Добраго молодца, 2
Александра Петровича:
Ты устань, устань,
Добрый молодецъ, 2
Александръ Петровичъ!
Ты охочъ ходить
Во чисто поле, 2
На синее море,
За куницами,
За лисицами,
Все за красными
За дѣвицами.

---

* Повторяется послѣ каждаго двустишія.

16.

Спасибо, Александру Петровичу,
На твоемъ большомъ дару, *
На твоемъ большомъ дару,
На твоемъ на жалованьи!
Ой да спасибо тому,
Кто хозяинъ въ дому.
Спасибо Михайлу Өедоровичу,
За хлѣбъ за соль, за привѣтъ его!
То-то пили, то-то ѣли,
Душа сахарилась;
А закусочки у него
Да все сахарныя!

По окончаніи стола женихова и по выходѣ изъ за стола родственниковъ невѣстиныхъ, заняли ихъ мѣста родственники жениха, а столъ пошелъ отъ невѣсты.

Обстановка стола одна и та же. Разница только въ томъ, что, при послѣднемъ блюдѣ, отецъ невѣсты вызвалъ ее съ женихомъ передъ всѣми и сказалъ: «Дочь! Когда-то ты будешь хозяйкой, а теперь иди-ка ты торговать виномъ и собирать на мохорчики!» При этомъ онъ далъ жениху штофъ вина, а невѣстѣ тарелку съ поставленнымъ на ней стаканомъ; женихъ наливалъ вино въ стаканъ, а она подносила гостямъ, какъ сидящимъ за столомъ, такъ и всѣмъ, находящимся въ домѣ, и гости, выпивши вина, клали на тарелку деньги.

По окончаніи стола невѣстина, пошелъ столъ общій, послѣ котораго начались со стороны невѣсты подарки родственникамъ жениха, за что тѣ отдаривали ее деньгами. Подарки этѣ состояли въ полотенцахъ и бумажныхъ носовыхъ платкахъ.

Послѣ подарковъ послѣдовалъ разъѣздъ гостей. Провожая жениха, дѣвицы запѣли:

---

* Припѣвъ тотъ же, что и въ предыдущей пѣсни.

17.

Ой поецъ, пропоецъ, 2
Авдотьинъ батюшка!
Пропилъ свою дочку 2
За винную бочку;
Пропилъ свою чаду 2
За винную чару;
Проѣлъ свою дочку 2
На сладкомъ кусочку.

НА ДРУГОЙ ДЕНЬ ПО ДѢВИЧНИКѢ.

Часовъ въ 9 утра дружка отправляется со штофомъ вина опохмѣлять невѣстиныхъ родителей, а между тѣмъ на дворѣ жениха начинается приготовленіе къ поѣзду въ церковь для вѣнчанія.

Передъ отъѣздомъ всѣ садятся, потомъ встаютъ, молятся Богу, отправляются въ пуньку купать жениха. Сватъ съ образомъ идетъ впереди, потомъ дядька, держа за руку жениха, а потомъ и прочія лица. По окончаніи купанья пьютъ вино. Потомъ возвращаются въ хату и садятся на прежнихъ мѣстахъ. Отецъ жениха, съ образомъ въ рукахъ, выходитъ на средину избы; женихъ дѣлаетъ три земныхъ поклона, цѣлуетъ образъ и говоритъ: «Благослови, батюшка, въ Божій Судъ пойти, златъ вѣнецъ получить!» Отецъ отвѣчаетъ: «Богъ тебя благословитъ!» и за тѣмъ благословляетъ его образомъ, который, для той же цѣли, передается всѣмъ роднымъ жениха.

За тѣмъ слѣдуетъ, такъ называемый, отпускной столъ. Разсаживаются, какъ и при прежнихъ обѣдахъ; потомъ, на чайномъ блюдечкѣ, подносятъ свахѣ масло коровье. Она встаетъ и говоритъ: «Батюшка родной, матушка родная! Благословите молодому Князю голову помаслить!» и, не ожидая отвѣта, продолжаетъ: «Батюшка крестный и матушка крестная! Благословите молодому Князю голову помаслить! Дружка, поѣзжане и всѣ званые и незваные! Благословите молодому Князю голову помаслить! И вы игрицы-пѣвицы! Благословите молодому Князю голову помаслить!» растираетъ масло и мажетъ имъ голову жениха. При этомъ поетъ:

Благослови, Господи, Кузьма Демьянъ!
Ладо мое! *
По сѣнямъ ходила,
На гвозди сбирала,
А на свадьбу ковала,
Для двухъ молодцевъ:
Первый молодецъ — Андреянъ сударь,
Другой молодецъ — Авдотьюшка.
У нашего Андреяна да три сестры:
Первая сестра голову маслить,
Вторая сестра голову чешеть,
А третья сестра хмелемъ осѣваеть.

За тѣмъ сваха мажетъ волосы всѣмъ сидящимъ за столомъ оѣзжанамъ, но не поетъ, а поютъ ту же самую пѣсню игрицы.

Помазавши волосы, беретъ гребень и причесываетъ жениха, а отомъ и прочихъ поѣзжанъ.

Послѣ того начался столъ. Всѣ, кромѣ жениха, ѣли и пили, а ениxъ только приподнималъ поданное блюдо и просилъ гостей куать. Кромѣ того, женихъ и дядька кланялись въ поясъ каждому, ому отецъ подносилъ вино.

По окончаніи стола всѣ вышли на дворъ. Впереди сватъ съ бразомъ, за нимъ сваха съ хмелемъ, далѣе женихъ, дядька, поэжане и родственники. Всѣ поѣзжане стали около своихъ лошадей, ержа въ рукахъ шапки. Сватъ, съ образомъ въ одной и съ кнуомъ въ другой рукѣ пошелъ около приготовленныхъ въ путь лоадей, а за нимъ шла сваха и осыпала ихъ хмелемъ, а поѣзжамъ клала хмель въ шапки. Этотъ обрядъ повторялся три раза. отомъ всѣ разсѣлись и поѣхали къ невѣстѣ. Невѣста, уже пригововленная къ отъѣзду, сидѣла на перинкѣ; съ нею рядомъ сѣлъ и енихъ. Посидѣвши немного, они встали, вышли на дворъ, чтобы ѣсть на повозки и ѣхать въ церковь. Дѣвицы схватили перинку и несли ее на верхній полъ, гдѣ и запѣли:

«Ладо мое» повторяется послѣ каждаго стиха.

19.

Дружки, подружки,
Забыли подушки.
Дружокъ безтолковый,
Подай намъ цѣлковый!
Дружокъ дубинникъ,
Подай намъ полтинникъ!
Постой-ка кобыла,
Постой, голубая;
На грядкѣ другая;
Постой ты третья,
На грядкѣ веретья.

Услыхавъ это, сватъ вернулся въ домъ и, возвратясь къ игрицамъ, сталъ съ ними торговаться за подушку. Онѣ сперва требовали рубль, потомъ полтинникъ, сошлись на двугривенномъ и штофѣ вина. Получивши перину, сватъ положилъ ее въ повозку невѣсты.

Потомъ всѣ сѣли по своимъ мѣстамъ и поѣхали въ церковь.

Послѣ бракосочетанія женихъ съ невѣстой зашли въ церковную караулку. Тамъ сваха сняла съ невѣсты головной уборъ, и заплела ей волосы на двѣ косы; при этомъ показала, какъ надобно повязывать платокъ.

По пріѣздѣ домой жениха съ невѣстою, слѣдовалъ обѣдъ. Обрядъ обѣденный одинъ и тотъ же; разница только въ томъ, что женихъ съ невѣстой цѣлуются каждый разъ, когда отецъ подноситъ кому либо изъ гостей рюмку вина. Иногда пьющій говоритъ: «Горько!» и это значитъ, женихъ долженъ поцѣловаться съ невѣстой.

По окончаніи стола молодыхъ ведутъ въ клѣть. При чемъ игрицы поютъ:

20.

Меня младу у клѣтку ведуть,
Меня младу отъ стѣнки кладуть;
Не шелкова нитка къ стѣнкѣ льнеть
Андреянъ Авдотьюшку къ сердцу жметь,
Андреянъ Авдотьюшку успрашиваеть:
Кто тебѣ, Авдотьюшка, изъ роду милъ? —
Милъ мнѣ, милешенекъ, батюшка,
Мила мнѣ, милешенька, матушка.

Въ клѣти устроена для молодыхъ постель, передъ постелью толикъ. Туда имъ подаютъ разныя яства и питья, но предвари-ельно подается зажаренная курица, у которой одно крылышко надѣзано. Эта курица назначена «къ разорву.» Молодые берутся уками за крылышко и разрываютъ курицу. При этомъ у молодой стается только одно крылышко, а у молодаго остальная часть куицы, которая ими и съѣдается. Потомъ имъ подаются и другія люда. Послѣ стола дядька и сваха выходятъ изъ клѣти, а дружка стается укласть молодыхъ въ постель, приказывая имъ раздѣваться акъ слѣдуетъ. Потомъ кладетъ молодую къ стѣнкѣ, а молодаго ряомъ съ нею, но такъ, чтобы молодая легла на руку молодаго, и а оборотъ, переплетаетъ имъ ноги и выходитъ изъ клѣти. При томъ дѣвицы, стоящія у входа въ клѣть, поютъ:

21.

Куры на насѣсточку хочуть
Пѣтушокъ распѣваеть,
Туда жъ поспѣваеть.

Пропѣвши это, всѣ уходятъ въ домъ, оставивъ молодыхъ въ лѣти. На другой день, утромъ, дружка и сваха поднимаютъ молоыхъ съ постели и, одѣвши ихъ, приводятъ въ домъ, гдѣ ихъ подравляютъ съ благополучнымъ препровожденіемъ ночи. Молодая даитъ гостямъ полотенца.

Потомъ слѣдуетъ «Княжой обѣдъ,» послѣ котораго всѣ гости разъѣзжаются по домамъ.

На другой день, молодая, вставши съ постели, беретъ вѣникъ и мететъ избу. Мать молодаго при этомъ говоритъ:

Избу мети,
И соръ подъ порогъ гнети,
И въ сору добра гляди!

толкуя ей, чтобы она не выносила на улицу (не разсказывала людямъ) того, что дѣлается въ домѣ.

Прежде метенія пола кто либо изъ семейства бросаетъ въ соръ деньги и вещи, чтобы узнать характеръ невѣсты: объявитъ ли она о своей находкѣ, или нѣтъ?

Если невѣста объявляетъ о своей находкѣ, то все найденное остается въ ея пользу, по тому что всѣ отказываются отъ потери, говоря, что это ея счастье.

Въ первые дни послѣ бракосочетанія занятіе невѣсты состоитъ въ метеніи пола и принесеніи воды и дровъ. Далѣе жизнь молодыхъ идетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

Зап. А. П. Чулковскій.

22.

Матушка! Да что въ полѣ пыльно?
Сударыня моя! Да что запылилось?—
Дитятко! Кони разыгрались,
Свѣтъ, милая моя! Вороные разыгрались. —
5 Матушка! Да чьи жъ это кони?
Сударыня! Да чьи вороные? —
Дитятко! Ивановы кони,
Свѣтъ, милая моя! Его вороные. —
Матушка! Коней-то, вѣдь, ловять,

Сударыня моя! Вороныхъ-то, вѣдь, ловять. —
Дитятко! Не бось, не пугайся!
Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ въ чужи люди. —
Матушка! По дорожкѣ ѣдуть,
Сударыня моя! По широкой ѣдуть.
Дитятко! Не бось не пугайся!
Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
Матушка! На дворъ, вѣдь, въѣзжають,
Сударыня моя! На широкій въѣзжають! —
Дитятко! Не бось, не пугайся!
Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
Матушка! Въ горницу входять,
Сударыня моя! Во новую входять!
Дитятко! Не бось, не пугайся!
Свѣтъ, милая моя! Не отдамъ тебя въ чужіе люди! —
Матушка! За столъ ужь садятся,
Сударыня моя! За дубовой садятся! —
Дитятко! Садися, крестися!
Свѣтъ, милая моя! Господь надъ тобою!

Сообщ. А. И. Павловой, Т. Г. Новосильскаго У.

23.

НА СГОВОРѢ.

Ты стой, верба, стой, развейся!
Ахъ ранымъ рано!
Ранымъ рано стой, развейся!
Душа ль моя!
Къ нашей вербы будуть гости,
Ахъ ранымъ рано!
Семьсотъ Дворянъ, семьсотъ Бояръ,
Все большіе.
Стануть вербу сѣчь, рубити,

Ахъ ранымъ рано!
Станутъ вербу всѣмъ дѣлити,
Душа ль моя!
Обдѣлили свѣтъ Ивана,
Ахъ ранымъ рано!
Обдѣлили Петровича,
Душа ль моя!
Приходила къ вербѣ Марья,
Ахъ ранымъ рано!
Приходила Антоновна,
Душа ль моя!
Не досталось тебѣ вербы,
Ахъ ранымъ рано!
Доставалась красавица,
Душа ль моя!

Сообщ. И. В. Павловымъ.

II.

Свадебный обрядъ Тульской Губерніи Епифанскаго Уѣзда.

(Со словъ крестьянки деревни Ѳедосовки.)

На пропоѣ и на дѣвичникѣ невѣсту посадятъ отдѣльно одну куда ни будь; дѣвушки сидятъ за столомъ, приходитъ женихъ. Жениховые родные и гости кланяются на всѣ четыре стороны и сваты жениховы говорятъ: «Что вы сказали: просторная квартира, а потомъ занятая?» Сваха, или сватъ, невѣсты отвѣчаетъ: «Можно съ нимъ садиться: онѣ пустятъ!» Тутъ гости скажутъ дѣвушкамъ: «Пустите насъ! Вы ужь согрѣлись, здѣсь давно, а мы иззябли.» Тѣ говорятъ: «Намъ самимъ нужна квартира!» Гости: «Мы васъ кнутомъ!» Тутъ запоютъ:

Ты дуракъ, дружко,
Ты дуракъ, курвинъ сынъ!
Голова гладка
Какъ у выблядка,
А зубы рѣдки
Какъ у чорта дѣтки!
Дѣвки дружка били,
Подъ печкой забили, 2
Ступой завалили, 2
Толкачами забили.

«А у насъ скалка готова!» (постукивая ею). «Нельзя ли намъ, дѣвушки, сойтиться?» и съ этѣми словами ставятъ имъ на столъ водку, пирогъ и говядину. Дѣвушки тотчасъ ототкнуть полштофъ и бросаютъ пробку.

Гости тутъ кладутъ денегъ на всѣ четере угла стола и посередъ стола.

Полштофъ они закрываютъ деньгами. Дѣвушки собираютъ со стола все и уходятъ, благодаря, въ другую комнату. Тамъ онѣ пьютъ и ѣдятъ принесенное гостьми. Сваты между тѣмъ садятся за столъ, сажаютъ родныхъ невѣсты.

Тутъ они подносятъ вино хозяевамъ и роднымъ невѣсты. Начинается обѣдъ.

Послѣ обѣда выводятъ къ нимъ невѣсту. Она здоровается съ женихомъ и со всѣми его родными. Немного посидѣвъ, женихъ съ невѣстой выходятъ изъ за стола. Жениху даютъ штофъ вина въ руки, невѣстѣ подносъ и рюмку. Женихъ наливаетъ въ рюмку вина, а невѣста обноситъ такимъ образомъ всѣхъ гостей, изъ которыхъ каждый кладетъ на подносъ деньги, а родные невѣсты дарятъ родныхъ жениховыхъ платками, полотенцами, за что тѣ опять дарятъ деньгами. Женихъ съ невѣстой выходятъ въ другую горницу, тамъ ихъ сажаютъ за столъ и ставятъ имъ закуску. Посидѣвъ немного, гости разъѣзжаються по домамъ, женихъ тоже уходитъ, прощаясь и цалуясь съ невѣстою и со всѣми родными, и уѣзжаютъ домой. Дѣвушки остаются ужинать у невѣсты, но, поужинавши, и онѣ уходятъ домой.

На сговорѣ, когда прiѣдетъ женихъ, дѣвушки поютъ:

1.

Какъ при вечерѣ было, вечерѣ,
У Настасьи было на сговорѣ,
Прилеталъ къ ней младъ ясменъ соколъ,
Ясменъ соколъ, добрый молодецъ,
Ясменъ соколъ залетный,
Добрый молодецъ прiѣзжiй:
Онъ садился на окошечко,
На хрустальное аа стеклышко,
На серебряну рѣшеточку,
На золотую на прицѣлиньку;
Какъ увидѣла родна маменька:
Ахъ, дитё мое, дитятко, дитё мое милое!
Ты прими яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца прiѣзжаго!

2.

Какъ у насъ по саду рѣка текла,
По изюму разливалася,
Берега были хрустальные,
Желты пески виноградные.
Какъ у насъ въ городѣ Епифани,
Въ каменныхъ было палатахъ,
Противъ столика убраннаго,
Противъ дерева краснаго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Сдѣсь чесалъ молодецъ русые кудри,
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
Прилегайте, мои кудри,
Къ моему лицу къ бѣлому!
Привыкай, Авдотья Михайловна,
Къ моему уму, разуму,
Ко нраву молодецкому!

3.

На маковкѣ соловей,
Онъ весь макъ притолокъ;
Миколай Александровичъ,
Онъ по зарѣку гулялъ, 2
Передъ зеркаломъ стоялъ, 2
Волоса свои чесалъ;
Расчесамши свои волоса,
Заставлялъ ихъ цѣловать:
Палагея Ивановна, поцѣлуй, радость моя! —
Миколай Александровичъ! Когда жь тебя цѣловать?
Меня милыя подружки
Въ садъ гулять меня зовутъ,
Подъ грушицей зеленой
Оставляютъ меня одное;
Не шуми ты, груша зеленая,
Не шуми ты надо мной!
Ежели будешь ты шумѣть,
Засушу, груша, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Куплю лентъ алыхъ, голубыхъ,
А по ленточкамъ жемчугу,

4.

Кустикъ, кустикъ, кустовой,
Ракитовой, листовой!
А кто у насъ холостой,
Да кто жь у насъ не женатъ? —
Андрей сударь холостой,
Ивановичъ не женатъ,
На ёмъ кафтанъ голубой,
Шапочка плисова,
Въ шапочки три узла:
Первый узелъ — гардамонъ,

Другой узелъ—любъ цвѣтокъ,
Третій узелъ,—василекъ,
На что жь тебѣ гардамонь? —
Чтобы мальчикъ горденъ былъ.
На что жь тебѣ василекъ? —
Чтобы мальчикъ веселъ былъ;
На что жь тебѣ любъ цвѣтокъ! —
Чтобы дѣвки любили,
Молодушки хвалили.

5.

Подари, Алексѣй сударь, подари!
Аль у тебя, сударь, денегъ нѣтъ?
Займи у товарища, друга милова,
Займи у свѣтъ Марьюшки!
Аль тебя деньга родила?
Аль тебя полушка вскормила?
Подари, сударь Алексѣй, подари,
Не рублемъ, полтиною,
Полтиною, золотою гривною,
Отъ гривны, что пожалуешь!

6.

У насъ на горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ свѣтъ Марьюка сидитъ.
Приходитъ къ ней батюшка,
Онъ звалъ свѣтъ Марьюшку съ собой:
Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной! —
Я не йду, не слушаю тебя:
Ночи темныя, не мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула нѣтъ,
Рѣки быстрыя, перевозу нѣтъ.

У насъ и т. д.
Приходила къ ней матушка,
Она звала свѣтъ Марьюшку съ собой:
Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка, со мной! —
Я не йду, не слушаю тебя, и пр.

У насъ и т. д.
Приходилъ къ ней Алексѣй государь,
Онъ звалъ Марьюшку съ собой:
Пойдемъ, пойдемъ, Марьюшка со мной!—
Я иду, иду, послушаю тебя:
Ночи видныя, мѣсячныя,
Лѣса глухіе, караула есть,
Рѣки быстрыя, перевозу есть.

7.

Когда пріѣдеть женихъ, онъ закупаетъ у дѣвушекъ мѣсто, за оторое кладеть на столъ отъ двухъ до трехъ рублей. Всѣ разядутся вокругъ стола: женихъ съ невѣстой сядуть рядомъ и наинается угощеніе. Потомъ дѣвушки поютъ:

Какъ во горенкѣ пластовой
Сидять дѣвушки съ покоемъ,
Сидить молодецъ съ дѣвицей,
Какъ молоденькій паренекъ,
Точно ясный соколокъ,
Какъ Иванъ у насъ дѣтинка,
Точно ягодка малинка:
По горенькѣ пройдеть,
Точно пава проплыветь,
Станеть рѣчи говорить,
Точно лебедь прокричить:
Встань, Авдотьюшка, душа,
Встань, Михайловна, душа!
Я впервой въ гости пришелъ,

Семь подарочковъ принесъ:
Я принесъ тебѣ подарокъ,
Штучно платье со каймой,
Съ золотою бахромой,
Какъ во ушки сережки жемчужные,
А на шею-то платокъ,
Точно аленькій цвѣтокъ.

8.

Стелется, вьется,
По лугамъ трава шелковая,
Цѣлуеть, милуеть,
Иванъ душку женушку,
Семеновичъ подушку:
Душка моя, женушка!
У насъ съ тобой животы
Съ тоски недѣлены.
Какъ пойдемъ мы съ тобой,
Во зеленъ садъ гулять,
Сорвемъ мы съ тобою
Два аленькихъ цвѣточка,
Пошлемъ мы съ тобою
Ко батюшкѣ гостинцы:
Ужь эти ли наши гостинцы
Въ честь пошли и въ славу!

9.

Какъ у рюмочки у серебряной,
Золотой у нея вѣнчикъ,
Какъ у Михайла у Ивановича,
Дорогой у него разумъ:
Гдѣ ни пьеть, гдѣ ни кушаеть,
Ночевать домой ѣдеть,

Какъ сказали Авдотьѣ,
Какъ сказали Михайловнѣ,
Сердечный другъ ѣдетъ,
Авдотья встрѣнь!
Михайловна встрѣнь! —
Мнѣ нѣкогда встрѣть:
Я сына качаю, 2
Дорогова качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю,
Я дочерю качаю,
Дорогую качаю, 2
Перемѣны себѣ чаю:
Куда я ни поѣду,
Все къ дочери заѣду;
Ужь откѣда ни поѣду,
Невѣстка встрѣчаетъ.

10.

Какъ у Авдотьи во горенкѣ,
У Михайловны во спаленкѣ,
Розанъ, во горенкѣ,
Очень рано на зарѣ,
Сдѣсь игралъ, гулялъ,
Молодецъ въ гусли,
А дѣвушки подпѣвали,
Очень рано на зарѣ,
Авдотья танцовала,
Михайловна танцовала,
Танцовала, пріустала,
Розанъ, розанъ, пріустала,
Очень рано на зарѣ,
Пріустала, пріустала,
У Ивана на колѣна,
У Семеновича на колѣна,
Розанъ, розанъ, на колѣна,

Очень рано на зарѣ,
Иванъ Авдотью пробуждалъ,
Михайловичъ пробуждалъ:
Встань, Авдотья, проснись!
Встань, Михайловна, проснись!
Отецъ и мать не чужіе,
А все таки же родные;
Розанъ, розанъ, родные,
Очень рано на зарѣ:
Они хотя увидять,
Никому не скажуть,
Они хоть побранять,
Да опять примолвять,
Розанъ, розанъ, примолвять,
Очень рано на зарѣ!

11.

Какъ на дубчикѣ два голубчика сидять,
Межъ собою разговариваютъ:
Кто жь у насъ молодчикъ молодой?
Кто жь у насъ удалая голова?»—
Алексѣй у насъ молодчикъ молодой,
Петровичъ у насъ удалая голова:
Онъ съ гривны на гривну переступаеть,
Онъ рублемъ ворота запираеть,
Онъ полтинникомъ отпираеть,
Сотнями по городу швыряеть,
Изъ неволи сиротъ выпущаеть:
Вы сироты, вы мои сироты!
Помолите Христу Богу обо мнѣ,
Объ моей объ удалой головѣ!

12.

Кто жь у насъ лебединъ?
Кто жь у насъ соколинъ? —
Лебединъ мой, лебединъ,
Лебедушка бѣлая. — *
Иванъ у насъ лебединъ,
Семеновичъ соколинъ:
Онъ по садику гулялъ,
Сапожкомъ травку топталъ, 2
Путь дорожку искалъ,
Путь дорожки не нашелъ, 2
Самъ заплакалъ да пошелъ, 2
Къ Авдотьѣ зашелъ,
Къ Михайловнѣ зашелъ:
Постой часикъ у воротъ,
Я сбѣгаю въ огородъ,
Не поспѣлъ ли виноградъ,
Не пора ли его брать,
На серебряный подносъ класть?
Какъ Иванъ Михайловичъ,
Да Авдотьѣ Семеновнѣ,
На серебряномъ подносѣ, 2
Виноградъ ей поднесъ.

13.

Соловейка моя молодая
Весь макъ притоптала,
Какъ Ив. В. передъ зеркаломъ стоялъ,
Русы кудри чесалъ,
Онъ, расчешамши русы кудри,
Просилъ Авдотью цѣловать,

---

* Этотъ припѣвъ повторяется гдѣ черезъ 2, гдѣ черезъ 3, стиха.

Михайловну миловать. —
Ив. В.! мнѣ не время цѣловать:
Мои милыя подружки
Отпросили меня въ садъ гулять.
Во зеленомъ во саду,
Оставляли меня одною
Подъ грушей зеленой.
Ахъ ты груша зеленая!
Не шуми ты надо мною:
Если будешь ты шумѣть,
Засушу, грушу, тебя;
А не будешь ты шумѣть,
Снаряжу, грушу, тебя:
Три аршина лентовъ алыхъ,
По вѣточкамъ жемчугомъ.
Сударыня моя маменька!
Ты построй мнѣ новъ высокій теремъ
Со тремя окошками,
Съ окошками прекрасными:
Какъ первое окошечко
На чистое поле смотрѣть,
А второе окошечко
На зеленый садъ смотрѣть,
А третье окошечко
На синее море смотрѣть;
Какъ на синемъ морѣ.
Три корабли плыли:
Какъ первый корабь
Съ дорогими съ товарами,
А второй корабь
Съ брульянтами, конями,
А какъ третій корабь
Съ удалымъ молодцомъ, 2
Съ Иваномъ Семеновичемъ.
Сударыня маменька!
Поймай ты мнѣ тотъ корабь
Со удалымъ молодцомъ,
Съ Иваномъ Семеновичемъ! —

Дитё ль мое, дитятко, дитё мое милое!
Когда пора, время, придеть,
Самъ корабь къ берегу приплыветь,
Иванъ Семеновичъ съ корабля долой сойдеть,
Съ корабля долой сойдеть,
Во высокъ теремъ зайдеть,
И тебя за ручку возьметь.

14.

На комъ, на комъ, кудри русы,
На комъ, на комъ, по плечамъ лежать,
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, словно полымя?
Со Москвы купцы соѣзжалися,
Они тѣмъ кудрямъ дивовалися:
Ужь чье это дитя, чье пороженo? *
Въ чистотѣ дите все положено.—
На Алексѣѣ кудри русые,
На Михайловичѣ по плечамъ лежать,
По плечамъ лежать, словно жаръ горять,
Словно жаръ горять, словно полымя.

Зап. мною въ Рязанской Губерніи.

---

* Ужь и гдѣ эти кудри уродилися?
Ужь кому эти кудри чесать, гладить будеть?—
Что свѣтъ Агаѳьѣ Ѳаддѣевнѣ.
Ужь брала кудри на бѣлыя руки,
На бѣлыя руки, на златыя перстни.

15.

Какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу,
Ходилъ голубь, ходилъ сизый, со голубушкой:
Какъ у голубя сизова золотая голова,
У голубушки головушка серебрянная; *
У Алексѣя молодая жена,
Молодая жена, что честная госпожа,
Всѣ товарищи его позавидовали:
Кабы это да моя, братцы, жена **
Я не билъ бы, не журилъ,
Я бѣлилъ, румянъ, купилъ, 2
На бѣлиться бъ ей велѣлъ:
Набѣлись, моя милая.
Нарумянься, душа! 2 ***
Тогда будешь хороша;
Я бы лѣтомъ, я бы лѣтомъ
Во колясочкахъ возилъ,
А зимою на расписанныхъ саняхъ,
На расписанныхъ саняхъ,
На ямскихъ лошадяхъ:
Кони, кони, вороные,
Извощички молодые, 2
Въ рукахъ плети шелковые:
Они ѣдуть, погоняють,
Сами пѣсенники поють, 2
Молоду жену везуть.

---

* У голубушки золотая голова,
У голубушки позолоченная,

** Какъ пришелъ къ нему товарищь,
Позавидовалъ ему.

*** Нарумянься, Василиса,
Набѣлися, Ивановна!

16.

Не красенъ день безъ краснаго солнышка,
Не красна свадьба безъ родимой маменьки.
Родимый ты мой батенька!
Выйди на широкую улицу,
Посмотри на всѣ четыре стороны:
Не идеть ли, не летить ли, моя родимая маменька?
Родимый мой батенька!
Родимая моя маменька!
На великое вы меня горе зародили,
Худою долей меня надѣлили,
Худымъ счастьемъ наградили:
Ни въ чемъ мнѣ счастья нѣтъ.
Что жь я такая за горькая,
Что жь я такая за несчастная зародилася?
Ужь куда я ни повернуся,
Ужь куда я ни оглянуся,
Все вокругъ меня никого нѣту,
Ни кто около меня не увивается,
Ни кто около меня не убивается.
Кабы ты была, моя родимая маменька,
Ты бы вокругъ меня увивалася,
Ты бы вокругъ меня убивалася,
А то безъ тебя мнѣ плохо,
А то безъ тебя мнѣ худо!
Разступися, мать, сыра земля,
Расколися, гробова доска,
Ужь вы раскройтесь, бѣлыя полотна
Возстань-ка, моя родимая маменька,
Ты возстань, пробудись,
Приди, приди, провѣдай
Меня горькую, несчастную!
Ужь какъ я сдѣсь горе терплю,
И больше перетерплю.

17.

Когда начнуть убирать невѣсту къ вѣнцу, отецъ беретъ образъ; невѣста, на колѣняхъ, молится Богу и голоситъ:

Благослови меня, родимый батенька!
Я не прошу у васъ ни злата, ни серебра,
Я васъ только прошу благословеньица.

Потомъ мать беретъ образъ: тѣ же самыя слова и передъ матерью; тѣ же и отцу крестному; потомъ сажаютъ ее за столъ съ дѣвушками, которыя запоютъ:

18.

Во полѣ лебедушка кричала,
Въ теремѣ Авдотья плакала,
Во высокіимъ Михайловна рыдала,
Жалобу на батюшку клала:
Богъ судья тебѣ, родимый батенька!
Вы меня молоду въ чужія руки отдаете,
Счастье съ любовью со двора вы долой шлете;
Засохнеть, заблекнеть, зеленый садъ безъ меня,
И засохнуть два аленькихъ свѣточка.
Родимый мой братецъ, ты вставай пораньше,
Ты вставай пораньше, поливай ихъ почаще:
Какъ первый-то свѣтъ—родимый мой батенька,
А другой-то свѣтъ—родимая моя маменька.

19.

Не тѣсенъ ли теремъ, не тѣсенъ,
Только хорошо теремъ сокрашенъ,
Разными красками расписанъ.
Не ученъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, не ученъ,

Только хорошо снаряженъ:
Снарядила его матушка,
Отпускала его къ тещѣ въ домъ,
Чтобы его теща приняла,
Большимъ подаркомъ подарила:
Я тотъ подарокъ принимала,
Низкой я поклонъ отдавала.

20.

Заря ли моя, зорюшка,
Ой ляли, ой ляли! *
Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее,
Высоко восходило,
Далеко свѣтило,
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море, 2
Черезъ быструю рѣчку, 2
Положи, милый, дощечку,
Чтобъ по той дощечкѣ
Ни кто не хаживалъ, 2
Никого не важивалъ.
Перешелъ Ѳедоръ сударь,
Перешелъ Алексѣевичъ,
Перевелъ невѣсту, свѣтъ Мирьюшку,
Перевелъ Васильевну,
Переведемши онъ ее цѣловалъ, миловалъ,
Цѣловамши, миловамши,
Крѣпко къ серецу прижималъ:
Другъ ты мой, свѣтъ Марьюшка,
Радость моя, Васильевна!
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Отца съ матерью забыла,

* Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха.

Меня молодца полюбила,
Во высокъ теремъ водила,
Чаемъ, кофеемъ, поила,
Всѣ конфекты становила,
Рубашечкой подарила:
Рубашечка полотняна,
Моя Марьюшка молодая.

21.

Зеленая сосенка, желтый цвѣтъ!
По что тебя, Ѳедора Алексѣевича, долго нѣтъ?
Ждала я тебя день—тебя нѣтъ,
Ждала я другой—не бывалъ.
Писала бъ я письмо—не умѣю,
Писарей просить—не смѣю,
Сама бъ я пошла—боюся,
Роднаго батюшки стыжуся,
Родной матушки боюся.

22.

Не разливайся, мой милый Дунай,
Не выливай ручья въ чистомъ полѣ!
Въ чистомъ полѣ ковыль трава,
Во той ли травушкѣ бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
Мимо тутъ ѣхалъ Алексѣй Ѳедоровичъ,
Стегнулъ оленюшку плеточкою,
Что ему возговорить бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
Не стегай ты меня плеточкою,
Не въ кое время пригожусь я тебѣ:
Станешь жениться, на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣчу,

Весь дворъ освѣчу, гостей твоихъ взвеселю,
Какъ большую гостью Марью твою,
Чтобъ Марья не плакала,
Чтобъ не слезила бѣлаго лица.

23.

На морѣ утушка купалася, полоскалася,
Всполоскнувши, сѣрая утка вскрикнула:
Придуть морозы крѣпкіе, снѣга глубокіе,
Выгонять утушку изъ синя моря,
Изъ синя моря, изъ крутыхъ береговъ.
Какъ мнѣ съ синимъ моремъ разстаться?
Съ крутыхъ бережковъ подыматься?
Въ теремѣ Марьюшка убиралася,
Въ теремѣ Васильевна снаряжалася,
Снаряжалась Марьюшка, восплакнула:
Какъ мнѣ съ дѣвушками разстатися,
Разстатися, распроститися?
Пріѣдеть Алексѣй сударь съ большимъ поѣздомъ.

24.

Катилися игрушки съ верхушки,
Покинули подружки Марьюшку:
Ворочусь я, игрушки подберу,
За подружками побѣгу.
Некогда игрушекъ подбирать,
Некогда подружекъ догонять.

25.

Какъ у насъ въ бору на клену
Висить колыбель на шелку,
На золоченомъ на крюку,
На серебрянномъ на кольцу;
Въ той колыбели Алексѣй спить,
Спать не спить, только такъ лежить:
Размахните меня, братцы,
Во Лотовинскую улицу,
Прямо къ Марьюшкѣ въ горницу!
Что моя Марьюшка дѣлаетъ?
Подъ окномъ сидить, чванится,
Мною молодцомъ хвалится!

26.

Городомъ я шла зарею,
Ко бору пришла тучею,
Ударила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама я поплыла уткою,
На крыльцо я взошла павою,
Во новыя ворота лебедкою,
Во высокъ теремъ дѣвушкой,
Садилась за столъ съ молодцемъ,
Съ молодцомъ, содружникомъ,
Съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ,
Махнула платкомъ черезъ столъ:
Встаньте, Бояре, къ одной сторонѣ!
Слушайте, Бояре, что я стану говорить:
Сулилъ ты мнѣ, батюшка, семь городовъ,
Потомъ, родимый, не далъ одного.

27.

Охъ ты елка, ты елка, сосенка!
Всѣ ли на тебѣ, елка, сучья, вѣточки?
Всѣ ли на тебѣ тросточки?—
Всѣ ли на мнѣ сучья, вѣточки,
Только нѣтъ одной макушечки.
Всѣ ли у Марьи Васильевны,
Всѣ ли у тебя гости созваны?
За столомъ посажены.—
(Если нѣтъ отца:)
Нѣтъ у меня батюшки,
Благословить меня некому,
А снарядить меня есть кому
Вы дружки, полудружки,
Запрягайте своихъ вороныхъ коней!
Вы ступайте ко Божьей церкви:
Вы взойдите на высокую паперть,
Ударьте въ большой колоколъ,
Пробудите моего батюшку:
Разступись, мать, сыра земля!
Расколися, дубовая доска!
Ты встань, проснись, мой батюшка!
Или сударыня, моя матушка!
Благословите меня горькую,
Меня горькую къ суду Божьему,
Къ суду Божьему—золотому вѣнцу!

28.

Во горенкѣ во новой
Стоитъ столикъ дубовой,
На столикѣ, на столѣ,
Стоитъ чара золота,

Полна меда налита:
Кому жь эту чару пить?
Кому ее подносить? —
Тимоѳѣю чару пить,
Егоровичу подносить. —
Роди сына, что въ меня,
А дочерю во себя!
Учи сына лапти плесть,
А дочерю шелкомъ шить;
Она у насъ золото.

29.

ПЛАЧЬ НЕВѢСТЫ.

Красота ль моя, красота, красота дѣвичья!
Родимый мой батюшка, родимая моя маменька?
Заключили вы мою головушку во чужіе люди,
Во чужіе люди, во незнамые,
Къ чужому отцу и къ чужой матери:
Какъ чужой отецъ—не родимый батюшка,
Какъ чужая мать—не родимая матушка.

30.

КОГДА РАСПЛЕТАЮТЪ КОСУ.

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ,
Авдотья плачетъ Михайловна по русой косѣ:
Коса ли моя, косынька, русая коса!
Вечеръ эту косу дѣвушки плели;
Пріѣхала сваха немилосливая,
Начала эту косу рвать и метать,
И рвать и метать, на двѣ заплетать.

31.

Расплеталась руса коса, руса коса Софьина,
Выпадала лента алая, 2
Тутъ шли, прошли, два молодца,
Подымали эту ленту алую,
Подавали свѣтъ Софьюшкѣ:
Ты прими, свѣтъ Софьюшка!
Не твоя ли лента алая?

32.

Когда расплетутъ невѣстѣ косу, ее сейчасъ же посадятъ за столъ, гдѣ стоитъ хлѣбъ-соль. Посидѣвши немного, она выходитъ помолиться Богу и идетъ въ баню съ дѣвушками.

КОГДА ВЕДУТЪ ВЪ БАНЮ, ПОЮТЪ:

У воротъ банюшка стояла,
Жарко каменка горѣла,
Ай люли, люли, горѣла! *
Тутъ расплакалась Марьюшка,
Передъ батюшкой стоючи:
Государь ты, мой батюшка!
Подержи меня хоть годокъ,
Подержи меня хоть другой:
Я по улицѣ похожу,
Травку муравку потопчу,
И золотъ перстень положу,
Ненавистниковъ подражню,
Ненавистниковъ молодыхъ,
Все ребятушекъ холостыхъ.

---

* Этотъ припѣвъ, съ повтореніемъ послѣдняго слова предыдущаго стиха, повторяется послѣ каждаго двустишія.

33.

Въ деревнѣ Бучалкахъ, когда женихъ подъѣдетъ ко двору, дѣвушки поютъ:

Долго, долго, соколъ не летитъ,
Долго, долго, Иванъ не ѣдетъ,
Долго, долго, Михайловичъ не ѣдетъ:
Знать нашъ соколъ за лѣса залетѣлъ,
За лѣса залетѣлъ, за лѣса дремучіе,
Иванъ пріѣхалъ, Михайловичъ подъѣхалъ.
(Входитъ въ горницу:)
Не сбуи вѣтры понавѣяли,
Не званые гости на дворъ взъѣхали,
Подломили сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами,
Раздавили чару золоту,
Выпугнули соловья изъ тепла гнѣзда.

34.

КОГДА ПОВЕЗУТЪ НЕВѢСТУ КЪ ВѢНЦУ, ДѢВУШКИ ПОЮТЪ:

Какъ передъ нашими широкими воротами
Разлилося, разлелѣялось, синее море,
Унесло, улелѣяло, со двора три корабля:
Какъ первый то корабль съ красной дѣвицей душой,
А другой-то корабль съ перинами, съ подушками,
А третій-то корабль съ кованными сундуками.
Какъ выходила ея родимая маменька,
Какъ вскричала громкимъ голосомъ своимъ:
Дитё мое, дитятко, дитё мое милое!
Позабыла ты у меня, дитятко,
Позабыла ты трое ключей, три золотыхъ,

Позабыла ты у меня три волюшки:
Какъ первая-то воля—дѣвичья,
А другая воля—родимаго батеньки,
А третья воля—родимой маменьки.

35.

КОГДА ПРИВЕЗУТЬ ОТЪ ВѢНЦА:

Какъ шелковая ниточка къ стѣночкѣ льнеть,
Какъ Иванъ Авдотью къ сердцу крѣпко жметь:
Ты скажи мнѣ, Авдотья, ты скажи мнѣ, Михайловна!
Кто жь тебѣ, мой свѣть, изъ руду милъ?—
Мнѣ милъ, милехонекъ, родимой батенька,
Родимый мой батенька и родная маменька.—
Ты неправду говоришь и не рѣчь ты кажешь.—
Какъ шелковая ниточка и пр.
Ужь мнѣ милъ, милехонекъ,
Ужъ мнѣ милъ мой милый другъ,—
Ты, Авдотья, правду говоришь и рѣчь ты сказываешь.

36.

Дунули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролилися слезы по бѣлому лицу,
Что по бѣлому по Прасковьину;
Взговорила Прасковья душа:
Съ кѣмъ же мнѣ думушку думать и гадать?
Вздумаю-ка думушку съ родимымъ батюшкою—
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю думушку съ родимой матушкою—
Та ль мнѣ дума не вѣрна, не мила;
Вздумаю-ка думушку съ Иваномъ Михайловичемъ—
Та мнѣ дума и вѣрна и крѣпка.

37.

КОГДА ПОДРУГИ БУДЯТЪ МОЛОДЫХЪ:

Дѣвушки, подружки мои!
Вы вставайте ранехонько,
Умывайтесь вы бѣлехонько,
Вы чешите голову гладехонько,
Надѣвайте вы платья цвѣтныя,
Вы берите ведра новыя дубовыя,
Вы ступайте на Дунай рѣку,
Вы поливайте крутыя горы,
Чтобъ Ивану не пройти,
Семеновичу не проѣхати!

38.

Въ чужихъ людяхъ живучи,
Много горя напримаешься:
День деньской на работѣ,
А ноченьки не доспишь,
Но на холоду и на голоду,
А пуще бойся тещи:
Носи платье, не снашивай,
Терпи горе, не сказывай!
Надо быть покорливой,
Головкѣ поклончивой,
Ко всѣмъ людямъ привѣтливой,
И на всяко дѣло смѣтливой.

Зап. все мною.

III.

Свадебныя пѣсни Калужской Губерніи, Малоярославецкаго Уѣзда, въ селѣ Костинѣ.

1.

На канунѣ свадьбы, на Дѣвичникѣ, въ домѣ невѣсты ставятъ елку, обвѣшанную лентами, шелкомъ и свѣчами, и поютъ:

Ужь ты ель моя, елушка,
Зеленая сосенушка!
Всѣ ли на тебѣ сучки, вѣточки,
Всѣ ли на тебѣ верхушечки,
Золотыя макушечки?
Всѣ на мнѣ сучки, вѣточки,
Одного сучка нѣтути,
Самой верхушечки,
Золотой макушечки.
Ты Ѳедосья Никифоровна!
Всѣ ли они у тебя гости собраны?
Всѣ ли они у тебя посажены? —
Всѣ у меня гости собраны,
Всѣ у меня посажены,
Одного гостя нѣтути,
Что родимой матушки.

2.

Что летѣлъ соколъ изъ Новагорода,
А другой летѣлъ изъ Кіева,
А третій летѣлъ изъ каменной Москвы,
Три крылушка машутъ: Оттворяй ворота!
Ѳедосья по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Шелковымъ платочкомъ помахиваетъ:
Бояре, вы Бояре, вы Ѳедотовы!

Станьте, Бояре, вы къ одной сторонѣ!
Слушайте, Бояре, что я буду говорить:
Сулилъ мнѣ батюшка семь деревень,
Повыдамши батюшка,—нѣтъ ни чего!

3

Ай на морѣ утушка умывалася,
Свѣтъ сѣрая полоскалася,
Что чернилами начернилася,
Что смуглилами насмуглилася.
Во теремѣ дѣвушка полоскалася,
Свѣтъ красная полоскалася,
Что бѣлилами набѣлилася,
Что румянами нарумянилась,
Нарумянившись, слезно плакала,
По новымъ сѣнямъ похаживала:
А и свѣтъ-то мой, сѣни новыя!
Сѣни новыя съ переходами!
А и свѣтъ-то моя, воля вольная,
Воля вольная, нѣга нѣжная,
Воля батюшкина, нѣга матушкина!
А и свѣтъ-то, мой соловей въ саду,
Соловей въ саду, онъ рано вставалъ,
Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ.

4.

Ты рѣка ли моя, рѣчинька!
Ты рѣка ли моя быстрая!
Ты что жь течешь—не сколыхнешься?
Ты что жь течешь—не возмутишься,
Желтымъ пескомъ не оборотишься?
Ты душа ли, красная дѣвушка,
Красная дѣвушка, Өедосьюшка!

Ты что жь сидишь, не улыбнешься,
Не улыбнешься, не усмѣхнешься,
Со дружками рѣчь не сговоришь? —
Вы сестрицы, вы подруженьки!
Мы возмемъ-те по ведерочки,
Мы ульемъ-те горы крутыя,
Чтобъ нельзя было ни пройти, ни проѣхати,
Чтобъ ни пѣшему, да ни ѣзжему,
Ни тому сыну гостинному,
Ни Θедоту Акимову. —
Ужь вы братцы, вы товарищи!
Мы возмемъ-те по топорику,
Мы и срубимъ гору крутую,
Чтобы льзя пройти, проѣхати.

5.

КОГДА ЖЕНИХЪ И НЕВѢСТА ПРІѢДУТЪ ИЗЪ ЦЕРКВИ:

Гдѣ селезень былъ?
Гдѣ утка была?
Богъ васъ снесъ
За единый столъ;
Богъ вамъ велѣлъ
Одинъ хлѣбъ-соль ѣсть;
Богъ вамъ велѣлъ
Изъ одной чары пить.

6.

Какъ Θедотъ Акимычъ матушкѣ разсказывалъ:
То-то я, матушка, понаѣздился,
Божьяго звона понаслышался,
Дѣвичьей кротости понавидѣлся!
Богъ васъ снесъ за единый столъ.

7.

Какъ по рѣчушкѣ утенушка плаваеть,
Напередъ ея селезенюшка восплывалъ,
Во глазушки утенушкѣ зазиралъ:
Куды же моя утенушка хороша!
Куды же моя свѣтъ сѣрая уборна!—
Не тобой я, селезенюшка, хороша,
Не тобой я, селезенюшка, уборна:
Меня матушка хорошею вывела,
Государыня хорошею убрала.
Какъ по сѣнюшкамъ Ѳедосьюшка ходила,
Какъ по новенькимъ Никифоровна гуляла,
Напередъ ея Ѳедотъ сударь выступалъ,
Во глазушки Ѳедосьюшѣ зазиралъ:
Куды жь моя Ѳедосьюшка хороша!
Куды жъ моя Ѳедосьюшка уборна! —
Не тобой я, Ѳедоръ Алексѣевичъ, хороша,
Не тобой я, Ѳедосьюшка, уборна:
Меня матушка хорошею родила,
Государыня хорошею убрала.

Поется и въ Тульской Губ., Новосильскомъ Уѣздѣ.

8.

Какъ по сѣнямъ, по сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ рѣшетчатымъ,
Ходила, похаживала, молодая Боярыня,
Будила, побуживала, сваво друга милова:
Ты возстань, возстань, мой милый другъ!
Пробудися, мой ладушка!
Оторвался твой воронъ конь
Отъ столба, столба точенаго,
Отъ колечка позолоченаго.—
Не тужи, моя Ѳедосьюшка,
Не тужи, моя Никифоровна!
Заберу я железный тынъ,
Посажу я въ саду вишенья,
Черну ягоду, смородину.

Записаны всѣ Е. Г. Дурново.

IV.

адебныя пѣсни Рязанской Губерніи, въ деревнѣ Красной слободкѣ и Урусовѣ.

Не было вѣтру, вдругъ навѣнуло,
Не было гостей, вдругъ наѣхало,
Полонъ дворъ, полна горница:
Наступили на новы сѣни,
Обломили сѣни новыя,
Раздавили чару золоту,
Упустили соловья изъ саду.
Восплакалась свѣтъ Марьюшка:
Свѣтъ-то мои, сѣни новыя!
Свѣтъ-то моя, чара золота!
Свѣтъ-то, мой соловей изъ саду!
Кто жь меня рано будить буде?
Рано будить, поздно утѣшать,
Да я у тебя, соловей, на рукѣ,
Я у тебя, Иванъ Васильевичъ!
Я тебя буду рано будить,
Я буду поздно утѣшать!

2.

Подплывали гуси, лебеди,
Подъ крутые береги:
Мы думали, гуси, лебеди,
Иванъ сы Боярами,
Авдотьюшка со свахами;
Иванъ сталъ на бережки,
На бѣломъ на камушки,
Онъ пишетъ письмо-грамоту,
Ни перомъ и не чернилою,
Своей горючей слезой;

Онъ и шлетъ къ своему батюшки,
Къ родной матушки:
Государь ты батюшка!
Государыня ты матушка!
Люба ль вамъ невѣстушка?
Дитё ли, мое дитятко,—
Дитё ли мое милое!
Намъ давно полюбилася,
За тебя взять хотѣлося,
За такого за Барина,
За Ивана Павловича.

3.

Растопись, банька,
Разгорись, каменка,
Разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Не по атласу, не по бархату,
По серебряномъ блюдечку!
Ты расплачься, Марьюшка,
Передъ своимъ роднымъ батюшкой,
Передъ своей родной матушкой:
Ты, родимый мой батюшка,
На что ты пиво варишь? 2
На что зелено вино куришь?
Али хочешь себѣ сына женить? —
Ты дитё ли, мое дитятко!
Я хочу тебя замужъ отдать,
Ни за Князя, ни за Барина,
За такова же крестьянина,
За Василья Васильевича.

4.

Что въ вечеру, при вечерѣ,
Что при Марьинѣ дѣвичничкѣ,
Что и Марьѣ сонъ привидѣлся:
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На золотой причалинѣ;
Что и увидѣла, усмотрѣла,
Марьина матушка:
Ты дитя ли, мое дитятко!
Ты сойди со высокаго терема,
Ты привѣть-ко яснаго сокола,
Яснаго сокола залетнаго,
Добраго молодца прїѣзжаго! —
Я бы рада его привѣтила:
Мой языкъ не воротится,
Животъ кровью обольется,
Сердце камнемъ оборотится,
Рѣзвы ноги подломятся,
Бѣлы рученьки опустятся,
Изъ глазъ слезы покатятся.

5.

Какъ Марья у матушки дорогая гостила,
Золотой метелочкою мела, повымела,
Мела, повымела, трое сѣни повыя,
Только одной не вымела,
Гдѣ сидитъ люта свекровь,
Съ тремя своимъ дочеремъ:
Ёны судили, баили,
Про чужую дитятку, 2
Про свою невѣстушку:
А не толь ёна сонливая,
А не толь ёна дремливая:

Солнышко еще за лѣсомъ,
А невѣстка спать идетъ;
Солнышко на уходѣ,
А невѣстка со спальни идетъ.

6.

Вѣнули вѣтры по чисту полю,
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому лису:
Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку съ батюшкой —
Та ли мнѣ дума, не крѣпка, не вѣрна,
Тѣ ли мнѣ словеса не побычились.
Вѣнули вѣтры по чисту полю;
Заиграли гусли во высокомъ терему,
Пролили слезы по бѣлому лису:
Съ кѣмъ мнѣ будетъ думушку эту думать?
Думать мнѣ думушку со милымъ дружкомъ —
Та мнѣ дума и крѣпка и вѣрна.

7.

Не бушуй, холоденъ вѣтеръ!
Не расшатай во бору сосну,
Не разбуди у Ивана жену!
Какъ вечоръ во пиру была,
Съ полуночи сына родила:
Кумъ былъ Долгоруковъ сынъ,
Кума была Шереметьева двора.

8.

Ужь вы сборы, мои сборы!
Собирала дѣвушка къ себѣ въ домъ,
Сажала дѣвушка за свой столъ,
Сама сѣла выше всѣхъ,
Сконила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпше всѣхъ:
Думаю, подумаю: какъ мнѣ быть?
Какъ къ свекору, въ чужой домъ, притить?
Какъ мнѣ будетъ свекра назвать?
Назову я свекра батюшкой;
Назову я молодова: милый другъ!
Спеси, сгордости, убавлю,
А ума-то, разума прибавлю.

9.

Ай, рано, рано, по зарѣ,
Поймалъ соловей кукушечку,
По ей дѣвушки плакали;
Не сизу кукушечку, красну дѣвицу,
По ей дѣвушки плакали,
По ей красныя плакали:
Вы не плачьте, красны дѣвушки!
Мы давно соловья знаемъ:
Ёнъ не сизой соловей,
Ёнъ удалый молодецъ;
Мы въ одномъ садикѣ гуляли, 2
Мы въ одномъ теремѣ сиживали, 2
Мы за однимъ столикомъ кушивали, 2
Мы съ одной рюмочки водку пили.

НА ДѢВИЧНИКѢ ДѢВУШКИ ПОЮТЪ НЕВѢСТѢ:

10.

Куковала кукушечка,
Во сыръ боръ летаючи:
Плакала Марьюшка,
Къ столику припадаючи,
Батюшку величаючи,
Матушки причитаючи:
Государь мой батюшко!
Напиши мое личико
На дубовомъ столикѣ!
Государыня матушка!
Набери мою красоту,
На бранной скатерти,
Когда столикъ подвините,
Про меня вспомяните,
А скатерть ускросте,
Три раза восплакните:
Какъ-то наше дитятко
На чужой сторонукѣ,[2]
У чужова батюшки!

11.

Въ отхожей новой горенкѣ
Восковая свѣча топится,
А Константинъ свѣтъ Богу молится,
Самому Христу печалится.
Приходила къ ему матушка:
Сердечное ты мое дитятко!
Ты о чемъ Богу молишься,
Самому Христу печалишься? —
Родимая моя матушка!
Какъ же мнѣ Богу не молиться,

Самому Христу не печалится?
Какъ по утру вставать мнѣ ранешенько,
Свою головку чесать гладешенько,
За своей-то мнѣ ѣхать суженой,
За своей за снаряженой.
Растеряють мою молодость
По ухабамъ и раскатамъ,
У насъ кони будутъ ренскіе, *
А поѣзжане будутъ пьяные.

12.

Много, много, у сыраго дуба,
Много листья и палистья,
Только нѣтъ у сыраго дуба
Золотой его вершиночки.
Много, много, у Пелагеи души,
Много сродцевъ и пріятелевъ,
Только нѣтъ у Пелагеи у души,
Что кормилица, свово батюшки,
И родимой своей матушки.

13.

Какъ Марьюшка въ добрый часъ породилась,
Межъ обѣдней и заутреней,
Вы саду подъ яблонькой,
Въ зеленомъ подъ кудрявенькой:
Малиной банила,
Калиной парила,
Рѣчью приговаривала:
Будь ты, мое дитятко,

---

* Очень бойкіе.

Безъ учбы будь умнешенько,
Безъ бѣлилъ будь бѣлешенько,
Безъ сурмянъ брови черныя,
Безъ румянъ румянешенька!

14.

Звонили звоны въ Данковѣ городѣ,
Звончѣй того въ селѣ Знаменскомъ;
Звонила звоны свѣтъ Марья душа,
Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ;
Звону ея онъ заслушался,
Красоту ея онъ засмотрѣлся,
Пріѣхалъ домой, выхваляться сталъ:
Матушка! Видѣлъ я свою суженную,
Свою суженную, свою ряженную:
Ростомъ она и тонка и высока,
Лицомъ она бѣла и румяна,
Бровью она и черна и сурмяна.

15.

Я не знала млада, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Молодая, спесивая,
Гордая, ломливая:
На сѣнюшки ступила,
Ни чего не молвила,
Подумамши, молвила:
Собирайся ты, умница,
Снаряжайся, разумница,
Ко суду Божію ѣхати,
Ко суду Божію, ко златому вѣнцу! —
Поди прочь, свашенька,
Отступись, подговорщица:
Мнѣ безъ тебя-то грустнехонько!

16.

Кого это величаемъ?
По отечеству величаемъ?
Дари игрецъ, не скупися,
Золотой гривной раззтупися!
Намъ игрицамъ много надо,
На бѣлые на бѣлилы,
На черные на сурмилы.
(Тутъ гости кладутъ деньги на тарелку.)
Спасибо, дружья братья!
Мы пиво твое выпили,
Золотую гривну вынули.

17.

Иванъ ходи по двору,
Кунья на немъ шуба до земи,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку.
Какъ люди скажуть: Чей это такой?
Дарьюшка скажеть: Мой господинъ!
Да мнѣ съ господиномъ вѣкъ вѣковать,
Да мнѣ съ господиномъ домъ наживать,
Да мнѣ съ господиномъ дѣтей воспитать.

18.

Угрюмъ, угрюмъ, ходить
Марьинъ батюшка:
Угрюма, угрюма, ходить
Марьина матушка:
Мела свой высокъ теремъ,
Потеряла свой золотъ перстень,

Не золотъ перстень потеряла,
Потеряла свое дитятко,
Потеряла свое милое,
Марья Андреевна.

19.

Веселъ, веселъ, ходитъ
Васильевъ батюшка;
Весела, весела, ходитъ
Васильева матушка:
Мела свой широкій дворъ
И свою новую горницу,
Нашла золотъ перстень
Съ дорогимъ съ камешкомъ:
Не золотъ перстень нашла,
Нашла себѣ дитятко,
Нашла себѣ милую,
Марью Андреевну.

20.

Летѣли голуби черезъ теремъ,
Вдарили крылами объ теремъ,
Думали думушку: дома ли Марьюшка?—
Ея дома нѣтъ.— Мы бъ ей сказали добрую вѣсть,
Что у Ивана въ домѣ есть:
У него въ домѣ кони вороные,
Онъ самъ собрался на коню,
Собрался на коню какъ соколъ;
Его батюшка спрашиваетъ:
Ты куда, дитё, собрался? —
Въ дорогу, батюшка, собрался:
Ты пожалуй-ко, батюшка, подмогу:

Тридцать человѣкъ пѣшковыхъ,
Пятьдесять коней верховыхъ,
Двѣ каретушки золотыя,
Двѣ свашеньки молодыя.

21.

Вечеръ, сы вечеру,
Да трое куръ пѣли,
Четвертая вскрикнула:
Иванъ сударь въ теремѣ,
Русы кудри чеше!
Про свою Авдотьюшку
Онъ и трехъ пословъ послалъ,
Четвертый самъ пошелъ:
Я не йду и не слушаюсь,
Я теперича не твоя:
Судьба Божья, батюшкина,
Порожденьице, матушкина.

22.

Марьи пѣсенку небезчестно слышати,
На дѣвичьемъ вечерѣ съ Князьями, со Боярами,
Со любовными свашеньками.

23.

Какъ сказали Иванъ съ Москвы ѣдеть!
Не успѣла свѣтъ Марьюшка кунью шубу вздѣть,
За рукавъ шубы схватила,
Середи двора вздѣла,
За воротами устрѣла,
И цалуеть, и милуеть,
А правды не скажеть;
Скажу тебѣ правду,

Рожу тебѣ сына,
Какъ бѣлаго сыра;
Рожу тебѣ дочку,
Какъ бѣлаго груздочка.
Какъ сына то качаю,
Перемѣны себѣ чаю;
Какъ дочерю качаю,
Перепутье себѣ чаю.

24.

Соколъ соколовичъ,
Иванъ Андреевичъ,
Онъ гулялъ по садику,
Гулялъ по зеленому,
Искалъ себѣ соколушку,
Лебедушку бѣлую,
Марью Андреевну;
Взялъ ее за рученьку,
Взялъ ее за правую,
Повелъ ее по садику,
Повелъ ее по зеленому,
Сталъ ее выспрашивать,
Изъ ума вывѣдывать:
Гдѣ же ты, Марьюшка, была?
Гдѣ же ты, Андреевна, росла! —
Росла-то я, росла, у батюшки,
Лелѣялася у матушки.—
Да что жь ты пила, ѣла? —
Я медъ, вино пила,
Сахаръ, изюмъ ѣла.

25.

Соколы, соколы, куда жь летали? —
Мы летали съ моря на море. —
Да что жь вы видѣли? —
Мы видѣли утену на морѣ. —
Да что жь вы ее не взяли? —
А крылушки ощипали,
Горячу кровь пролили.

26.

Какъ за нашими широкими воротами
Синее море разливалось,
Бѣлорыбица встрепехталась;
Рыболовцы по бережку ходили,
Бѣлой рыбицѣ говорили:
Бѣлорыбица, берегись!
Ужь и хочуть тебя, бѣлорыбица, уловить,
Ужь и хочуть на мелкія части разрубать,
На серебряной тарелкѣ раскладать,
Во высокъ теремъ носить,
На дубовой столъ становить,
Свѣтъ Марьюшку кормить
Какъ за нашими широкими воротами
Разыгралися ребята молодые,
Расшутились купцы холостые,
А свѣтъ Марьюшки подружки говорили:
Берегись, свѣтъ Марьюшка!
Ужь и хочеть тебя Иванъ сударь поцѣловать.
Догадалась, подруженьки, догадалась.

27.

Надъ рѣкою сосенька зелена стоить,
По той сосенки бѣлая лава лежить,
На той лавицѣ Марья сидить,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится, русу косу плететь;
Вымося шелъ, вымося шелъ, родной батюшка.
Дитятко Марьюшко, пойдемъ домой!
Дитятко Ивановна, пойдемъ домой! —
Охти мнѣ, батюшка, я не хаживала,
Охти мнѣ, родной, я не хаживала:
Ноть темная, да не мѣсячна,
Рѣки глыбоки—переходу нѣтъ,
Горы высоки, да юсхода нѣтъ,

Надъ рѣкой сосенка зелена стоить,
По той сосенки бѣлая лава лежить,
На той лавицѣ Марья сидить,
На той лавицѣ да Ивановна,
Чешется, гладится, русу косу плететь;
Вымося шелъ, вымося шелъ, милый другъ:
Душечка Марьюшка, пойдемъ домой! —
Охти мнѣ, готовешенька:
Ноть видна и мѣсячна,
Рѣки мелки и переходъ есть,
Горы высоки и юсходъ есть.

28.

Какъ по погребу боченочекъ катается,
Какъ Иванъ сударь надъ женою надругается:
Ты и Марьюшка разуй, ты Егоровна разуй! —
Я бы рада разула, я не знаю, какъ назвать; 2
Я къ сосѣдушкѣ пойду, я спрошу, какъ назвать. 2
Я и ноженьку разула, я Иваномъ назвала, 2
Я другую-то разула, я Степановичемъ назвала.

V.

Свадебный обрядъ Тверской Губерніи, Новоторжскаго Уѣзда, въ селѣ Селиховѣ и деревнѣ Кардовѣ.

На канунѣ брака, когда съѣдутся всѣ гости, бываетъ выборъ поѣзжанъ, который происходитъ слѣдующимъ образомъ: женихъ съ Подкнязьемъ, стоя за столомъ, кланяется, а отецъ, подноси вино и пиво, выбираетъ въ Тысяцкіе, потомъ сватью (мать крестную), Большаго Барина, Меньшаго Барина, двухъ Дружковъ.

Должность Тысяцкаго или отца крестнаго состоитъ въ томъ, что онъ выкупаетъ невѣсту и раздаетъ за нее дѣвушкамъ орѣхи. Бояре только занимаютъ одно званіе, а Дружки обязаны раздавать орѣхи, мыло и проч., принимать молодыхъ и класть въ постель. Послѣ выбора готовятся къ поѣзду. Садятся за столъ, молятся Богу; отецъ стоитъ съ образомъ, а мать съ хлѣбомъ и солью.

Женихъ молится Богу и кланяется отцу въ ноги, а Дружки поддерживаютъ его за руки и не даютъ кланяться до земли; отецъ благословляетъ его. Послѣ этого отецъ выходитъ на дворъ, запрягаетъ лошадей. Запрягши лошадей, выѣзжаютъ со двора въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва ѣдутъ Дружки, потомъ Тысяцкій съ женихомъ, далѣе Бояре. Отъѣхавъ нѣсколько саженъ, Дружки ворочаются назадъ, благодарятъ отца и мать за угощенье и доносятъ имъ, что Князь выѣхалъ со двора благополучно. Отправивши поѣздъ, въ домѣ жениха, трутень или кормовой идетъ въ конюшню къ овцамъ и готовитъ постель для молодыхъ. Подъѣзжая къ дому невѣсты, Дружки ѣдутъ къ невѣстѣ и спрашиваютъ отца: «Готова ли невѣста?» Если готова, принимаютъ ихъ въ домъ, а если не готова, то ворота будутъ заперты и отвѣчаютъ имъ: «Невѣсты дома нѣтъ: ушла въ лѣсъ по грибы.» Поѣздъ же стоитъ весь на дорогѣ и дожидается отвѣта Дружекъ. Дружки подъѣзжаютъ къ поѣзду и говорятъ, что все готово. Тогда весь поѣздъ ѣдетъ къ воротамъ невѣстинаго дома на дворъ, сватья невѣсты почтуетъ пивомъ женихову сватью, и, вошедши въ избу, здороваются съ сватомъ и со всѣми родными; невѣста же сидитъ въ заднемъ углу, окруженная дѣвицами. Тысяц-

кій подходитъ къ дѣвкамъ и проситъ у нихъ невѣсты, но дѣвки не даютъ; Тысяцкій даетъ имъ денегъ; если мало дадутъ, дѣвки бросаютъ ихъ назадъ, и Тысяцкій съ ними торгуется и прибавляетъ денегъ. Потомъ невѣсту сдаютъ жениху; женихъ же, взявъ ее за руку, топчетъ ей три раза ногу (чтобы не была сердита). Послѣ этого, Тысяцкій беретъ за руку жениха, ведетъ за столъ и сажаетъ его на нарочно приготовленномъ мѣстѣ, т. е., на подушку; три раза молодыхъ поднимаетъ и опять сажаетъ на подушку: тутъ бываетъ угощеніе веліе и дары со стороны жениха. Угостившись, выходятъ изъ за стола и ѣдутъ въ церковь, дружки опять ворочаются въ домъ невѣсты, благодарятъ свата за угощеніе и зовутъ къ себѣ въ гости. Сватъ же, т. е., отецъ невѣсты, сажаетъ ихъ на мѣсто, но Дружки не садятся. Сватъ угощаетъ Дружекъ пивомъ и даетъ имъ пирогъ. Дружки отломятъ край пирога, но не ѣдятъ, а между тѣмъ, во время этого угощенія, запираются ворота. Дружки выходятъ изъ избы, глядятъ — ворота заперты; входятъ въ избу, и просятъ у свата пива; тогда всѣхъ, кто стоитъ около воротъ, угощаютъ пивомъ и даютъ закусить пирогомъ. Послѣ того отпираютъ имъ ворота: они выѣзжаютъ изъ воротъ, догоняютъ поѣздъ и, вмѣстѣ съ нимъ, ѣдутъ въ церковь.

Сообщено отцемъ Священникомъ Церкви [illegible]
Погоста, Георгіемъ.

1.

Разшаталась грушица,
Разшаталась зеленая,
Передъ яблонькой стоючи:
Расплакалась Лизавета душа,
Расплакалась Тимоѳѣевна,
Передъ батюшкой стоючи,
Передъ матушкой возрыдаючи:
Государь, родимый батюшко!
Государыня, родимая матушка!
Нельзя ли думу отдумати,

Чтобъ меня замужъ не выдати?—
Ты дитя ли, мое дитятко,
Ты дитя ли мое милое!
И нельзя думу отдумати,
Чтобъ тебя замужъ не выдати:
По рукамъ у насъ ударено,
На словахъ у насъ положено.

2.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садика зеленаго,
Вылетало стадо лебедевъ,
Позади лети гусиное;
Отставала лебедушка
Отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ,
Не умѣла лебедушка
По гусиному кликати,
Ино стали гуси щипати:
Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Что погодою, невзгодою.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садика зеленаго,
Выходила толпа дѣвушекъ,
Позади идутъ молодушки
Отставала Акулинушка
Отъ толпа, отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Акулинушка
Ко толпы, ко молодушкамъ,
Не умѣла Акулинушка
На головушку управиться;

Ино стали люди журити:
Не журите, люди добрые!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня добры кони,
Что добры кони, Захаровы.

3.

Подите, мои родные,
На батюшкинъ на широкій дворъ,
Во матушкинъ во высокъ теремъ,
На мою свадьбу на младую,
На младую, на глупую!
Тихо соряжалися,
Тяжело подымалися.

4.

Какъ чесалъ Тимоѳѣй кудерушки
Костяной новой гребеночкой;
Онъ чесалъ, приговаривалъ:
Прилегайте, кудры русые,
Ко моей буйной головушкѣ,
Ко моему-то лицу бѣлому!
Привыкай-ка, любовь душа,
Къ мому уму, разуму,
Къ мому-то роду, племени! —
Тяжело мнѣ привыкать будетъ
Къ чужому отцу, матери,
Къ чужому роду племени.

5.

Ну, погоди-ко, мой свѣтелъ мѣсяцъ!
Затепляйте свѣцу воска бѣлова,
Подвигайте столы дубовые,
Растилайте-ко скатерти браныя,
Становите ѣства сахарныя,
Нацѣдите пива пьянаго,
Наносите вина зеленаго!

Деревня Карцова.

6.

Не всѣ-то у насъ гости въ собраньицѣ,
Не всѣ они въ съѣзжаньицѣ,
Не тамъ ли родной матушки (батюшки),
Авось ли онъ не подойдетъ ли,
Не подойдетъ ли, не подъѣдетъ ли,
На мою-то свадьбу на младую,
На младую, на сиротскую?
Благослови ты меня, сиротушку,
Ко суду-то Божьему ѣхати!
У суда то Божья тяжело стоять:
Подломятся мои скоры ноги,
Опустятся мои бѣлы руки,
Ужахнется мое сердце,
Ужахнется, испужается!

7.

Ты рѣка ль, моя рѣценька,
Рѣка ли моя быстрая!
Что ты стоишь, не колыхнешься,
Съ берегомъ ты не сравняешься,
Съ желтымъ пескомъ не смѣшаешься?
Что ты, Аннушка, сидишь, не усмѣхнешься?

Говоришь ты, не промолвишься? —
На что глядя, мнѣ смѣяться?
Полонъ дворъ каретъ наѣхавши,
Полна горница гостей сидя.
Нарядиться мнѣ кое есть во что,
Отпустить-то мнѣ есть кому,
Благословить-то меня не кому.
Ты, желанный братецъ, батюшка!
Ты выйди на широкій дворъ,
Ты возьми узду тесменную,
Что тесменную, ременную,
Обротай коня что ни лучшаго,
Что ни лучшаго, хорошаго:
Ты съѣзди къ Божьей церкви,
Ты ударь трожды во колоколъ,
Ты пусти гулъ по всѣмъ церквамъ,
Что по всѣмъ церквамъ, по сырымъ землямъ,
Разбуди кормилица батюшку,
Екима-то Софроновица:
Благослови ты меня, сиротинушку,
Къ суду мнѣ Божьему ѣхати,
У суда мнѣ Божьяго стояти;
У суда мнѣ тяжело стоять:
Какъ подломятся у меня скоры ноги,
Опустятся у меня бѣлы руки,
Ужахнется мое ретиво сердце,
Ужахнется, испугается,
У суда-то Божьяго стоючи!

8.

Какъ леталъ-то, леталъ, соколъ,
Съ горы на гору леталъ;
Какъ искалъ-то, искалъ, соколъ,
Стадо лебединое;
Какъ нашелъ-то, нашелъ, соколъ,

Стадо лебединое,
Ёнъ все стадо разогналъ,
Одное лебедушку ухваталъ,
Ахъ, что лебедушку душу,
Златокрыльцату свою.
Возмолилася лебедка
Свому ясну соколу:
Ты пусти, пусти, соколъ,
Въ стадо лебединое! —
Я тогда тебя пущу,
Сизы перышки ощиплю,
Златы крылушки обобью,
Горяцую кровь пролью.

Какъ и ѣздилъ-то Захаръ Князь,
По Слопихину по селу,
Какъ искалъ-то, искалъ, Князь,
Красныхъ дѣвушекъ толпу,
Какъ нашелъ-то, нашелъ, Захаръ Князь,
Красныхъ дѣвушекъ толпу;
Онъ всѣхъ дѣвушекъ распустилъ,
Только ее одну ухватилъ,
Свѣтъ Акулинушку свою,
Тимоѳѣевну свою.
Взмолилася Акулинушка,
Взмолилася Тимоѳѣевна,
Свому милому дружку:
Ты пусти, пусти, Захаръ Князь,
Ты пусти, пусти, Ѳедоровицъ,
Къ краснымъ дѣвушкамъ въ толпу! —
Я тогда тебя пущу,
Ко вѣнчаньицу свезу,
У вѣнчаньица постоимъ,
Косу русу расплету,
Ее на двое заплету.

Деревня Карцова.

9.

Свѣтъ ты, коса дѣвитья, 2, коса русая,
Расплелась моя коса, коса русая,
Развился мой шелковой гонтай, 2
Шелковый гонтай съ алой ленточкой,
Свалилась ты съ меня, съ младешеньки,
Вся цесть, хвала, воля батюшкина,
Воля батюшкина, нѣга матушкина.
Бывало я, младешенька, на гулянье пойду,
На гулянье пойду—не спрашиваюсь,
Съ гулянья приду—не сказываюсь;
А теперь мнѣ, младешенькѣ,
На гулянье-то итить—спрашиваться,
Со гулянья-то итить—все сказываться.
У новыхъ- то воротъ настоишься,
У дубовыхъ дверей понаслухаешься,
И на степеньку-то ступнешь—оступнешься,
Слово молвишь—обмолвишься.

10.

Подите вы, подружки ластушки,
Провѣдайте про мое горе,
Про моѐ горе про великое:
Какъ-то будетъ мнѣ, младешенькой,
Итить будеть во чужи люди:
Во чужихъ во людюшкахъ
Надо жить умѣючи,
Умѣючи, разумѣючи:
У сѣней-то настоишься,
У дверей наслухаешься,
За скобку возьмешься—попятишься,
Не про меня ли, молодешеньку,
Чужой отецъ съ матерью говоритъ?
Не про меня, ли говорятъ,
Не меня ли бранятъ?

11.

Недолго вѣночку на столбикѣ висѣть,
Недолго Ульянушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть;
Не трубушка трубила рано по зари,
Плакала Ульяна по русой по косѣ:
На свѣтъ моя косынька, русая коса!
Сегодня тебя, косыньку, дѣвки плетутъ,
Назавтра, моя косынька, сватья станутъ плесть,
Не та ли сватьюшка пріѣзжая,
Пріѣзжая сватьюшка, немилосливая,
Станутъ мою косыньку рвать, порывать,
Станутъ мою русую на двѣ заплетать;
Заплетутъ мою косыньку на двѣ косы
И весь крупенъ жемчугъ поразсыплется.

12.

Что были за гости, за пріятели?
Пропилъ ты меня, родной батюшка,
За стаканъ пива пьянаго,
За рюмку вина зеленаго;
Продумалъ ты меня, родной батюшка,
Продалъ во чужіе люди,
Во чужіе люди, незнакомые:
Ужь какъ-то мнѣ жить будетъ?
Ужь какъ-то мнѣ упаковать будетъ
На чужого отца съ матерью?
Что чужой отецъ съ матерью
Безъ желаньица уродилися:
Въ вечеру кладутъ спать позднехонько,
По утру будютъ вставаць ранехонько:
Вставай-ко, дитя не милое,
Не милое, не родное,
Не роженоне, не хоженное!
Ступай-ко на работушку!
А работушка мнѣ не подъ силушку:
Обольюсь-то я, младешенька,
Своимъ горючимъ слезамъ!

13.

Соколъ, соколенка,
Залетная пташецка,
Леталъ по вишенья,
Залетѣлъ въ зеленый садъ,
Ухватилъ лебедушку,
Лебедушку бѣлую,
Привелъ ее къ батюшку:
Желанный мой батюшка!
Люба ль тѣ невѣстушка?—
Родимо мое дитятко!
Любо бъ тебѣ было,
А мнѣ послѣ тебя.—

Соколъ, соколенька,
Залетная пташецка
Леталъ по вишенья,
Залетѣлъ въ зеленый садъ,
Ухватилъ лебедушку,
Лебедушку бѣлую,
Привелъ ее къ матушкѣ:
Родимая матушка!
Люба ль тѣ невѣстушка?—
Родимое мое дитятко!
Любо бъ тебѣ было,
А мнѣ послѣ тебя.

14.

Ѣхалъ зять мимо тестева двора,
Онъ стучится у новыхъ у воротъ:
Дома ль тесть, дома ль теща моя,
Дома ль душенька, невѣста моя?
Услыхала Анисья душа,
Побѣжала по новымъ по сѣнямъ,
Закричала громкимъ голосомъ своимъ:
Ужь вы, матушки, нянюшки мои!
Вы берите золоты ключи мои,
Отпирайте кленовые сундуки,
Вынимайте подгребцовое сукно,

Ужь вы кройте Степану на армякъ,
Чтобъ не дологъ, не коротокъ ему былъ,
Чтобъ пошире, поразмашистѣе,
Чтобъ было ему можно на ворона коня вскочить,
Чтобъ было можно въ стремя ногу положить,
Поскорѣй душу невѣсту увидать,
Да Анисью, да милую свою!

15.

Растопися, банeнька!
Разгорися, каменька!
Ты разсыпься, крупенъ жемчугъ,
Что по атласу, да по бархату!
Ты расплачься, невѣстушка,
Мареа, душа Тимоеѣевна,
Передъ батюшкой стоюци,
Передъ матушкой плакуци,
Благословенья просюци:
Благослови, родимый батюшка,
Еще родима матушка!
Благослови меня во цужи люди,
Ко цужому роду, племени,
Ко цужому отцу съ матерью;
Какъ цужой отецъ съ матерью
Безъ жалости уродилися,
Что безъ жалости, безъ милости:
Въ вецеру кладутъ спать позднехонько,
По утру будятъ ранехонько:
Ты вставай-ко, дитя не милое,
Ты вставай-кось, не роженное!
Ты вставай, сноха приведеная!
Кидай, кидай, волю батюшкину,
Бросай, бросай, нѣгу матушкину!
Привыкайко работушкѣ,
Ко великой ко заботушкѣ!

Дер. Карцово. Зап. мною.

VI.

Свадебный обрядъ Новгородской Губерніи, Валдайскаго Уѣзда, села Гоголева.

Въ сваты выбирается братъ, или ближній родственникъ жениха. Онъ отправляется въ домъ невѣсты; при входѣ въ избу крестится, поклонится на всѣ четыре стороны. Тутъ отецъ невѣсты, или кто другой изъ старшихъ въ домѣ, проситъ свата садиться, и онъ отвѣчаетъ:

Садиться не годится,
И стоять не хорошо,
Пришелъ я не кумиться,
Пришелъ я не свататься,
5 А пришелъ побрататься:
У тебя есть невѣста,
А у меня женихъ.

Нельзя ли свесть ихъ въ одно мѣсто?

Если согласны отдать дѣвушку замужъ, то отвѣчаютъ:

—«Невѣста согласна, и мы отдаемъ.»

Черезъ нѣсколько дней назначаются Смотрины. Женихъ къ этому времени приготовляетъ невѣстѣ въ подарокъ чулки, чуни, мыло и связку кренделей.

Когда начинаются смотрины, то при входѣ жениха въ избу, его встрѣчаетъ невѣста: онъ отдаетъ ей выше сказанные подарки, а она ему даритъ платокъ и тотчасъ же уходитъ за занавѣсъ. Женихъ и сватъ входятъ, садятся за столъ, на который ставятъ съ собой принесенную водку и крендели; потомъ сватъ, стоя за столомъ, начинаетъ выкликать къ водкѣ и закускѣ, сначала всѣхъ родственниковъ невѣсты, словами:

Повыди, повыступи,
По новой по горенкѣ,
По свѣтлой свѣтлицѣ,
Къ винной чарѣ!»

(Имя того, кого выкликаетъ.)

Послѣ того, какъ всѣ родственники будутъ вызваны, женихъ самъ начинаетъ выкликать невѣсту:

Повыди, повыступи,
По новой по горенкѣ,
Изъ за задняго угла,
Изъ за занавѣси круглой,
Изъ за молодыхъ молодицъ,
Изъ за красныхъ дѣвицъ,
Ко винной чарѣ,
Къ золотой казны!
Сама себя покажи,
И насъ посмотри!

Невѣста молча выходитъ изъ за занавѣса, поклонится жениху, поцалуетъ образа и уходитъ опять за занавѣсъ. Женихъ и сватъ уходятъ въ сѣни, и черезъ нѣсколько минутъ возвращаются въ избу. Ихъ встрѣчаетъ невѣста съ умывальникомъ и полотенцами, и подаетъ имъ мыться. Жениху и свату она даритъ по полотенцу. Послѣ женихъ, сватъ и другіе гости садятся за столъ, начинается ужинъ, а невѣста уходитъ за занавѣсъ. Послѣ ужина сватъ и гости уходятъ въ сѣни, а женихъ къ невѣстѣ за занавѣсъ и окончательно ее сговариваетъ. Потомъ беретъ невѣсту за руку, прощается съ ней, она его провожаетъ до сѣней и онъ уходитъ. По уходѣ жениха дѣвушки начинаютъ пѣть:

1.

Ужь какъ Марѳушка измѣнщица,
Измѣнила всѣмъ подруженькамъ,
Ужь сказала, что я замужъ не пойду,
А сама-то спохваталася.

Невѣста отвѣчаетъ:

2.

«Сестрицы, голубушки!
Отъ чего же мнѣ не йти замужъ?
Снарядиться мнѣ есть во что,
Благословить-то меня есть кому.»

Обнимая мать, начинаетъ плакать въ голосъ:

Пропила меня, родима матушка,
Что за винную за чарочку!

Съ этѣми же словами она обращается ко всему своему семейству, садится на лавку и причитаетъ:

3.

Ужь я сяду, молодешенька,
На свою тесову лавочку,
Подъ круглое окошечко;
Я пущу-то гулы звонкіе,
Недалеко, по поднебесью:
Вы слетите, гулы звонкіе,
Вы слетите въ чужу сторону,
Ко моимъ-то ко милымъ сестрамъ!
Пусть постоскнутся, посгрустнутся,
Пусть прилетятъ на легкихъ крылушкахъ,

Что ко мнѣ-то, молодешенькѣ,
Со чужой-то со сторонушки;
Поразмыкайте кручинушку!
Я спрошу у милыхъ сестеръ:
Какъ мнѣ жить будетъ, молодешеньки,
Во чужой во сторонушкѣ,
Со чужимъ со чужаниномъ,
У чужаго отца съ матерью?
Какъ упаковать, улаживать на ихъ,
На своего-то супостателя?

Замужнія сестры невѣсты, если находятся тутъ, то поютъ:

4.

Ужь мы не будемъ тебѣ сказывать,
Какъ жить на чужой сторонушкѣ,
Какъ упаковать, улаживать,
На чужаго отца съ матерью:
Ты узнаешь, мила сестра,
Какъ поживешь сама съ ними.
Не держи, наша мила сестра,
Ни подружекъ, ни милыхъ сестеръ:
Какъ подруженьки и милы сестры
Поосудятъ и осмѣютъ тебя;
А коль задумаешь, мила сестра,
Крѣпку думушку подумати,
Ужь ты выйди во чисто поле,
Припади ты къ бѣлу камушку:
Бѣлый камушекъ не просудливый,
Не просудливый, не насмѣшливый.»

Этѣмъ кончаются смотрины. Дѣвушки прощаются съ невѣстой и расходястя по домамъ. Во время смотринъ, съ общаго согласія, назначается день свадьбы. Невѣсту въ продолженіе этого времени навѣщаютъ всѣ знакомые. Дѣвушки помогаютъ ей шить приданое, утѣшаютъ ее, и всегда поютъ пѣсни, болѣе обыкновенныя, на примѣръ, слѣдующія:

5.

Дочь отъ матери уѣхала,
Уѣхала, не простилася,
Съ соловьями думу думала:
Соловьи ли вы, соловьюшки!
Не съ одной ли вы сторонушки?
Вы снесите моей матушкѣ,
Моей матушкѣ низкой поклонъ,
Моему батюшкѣ челобитьице:
Не ждала бы меня родна матушка,
Ни къ обѣду бы меня, ни къ ужину,
Ни къ поздому меня завтраку,
Ни къ честному меня празднику.

6.

Много, много, у сыраго у дуба,
Много листьевъ, много подлистьевъ,
Только нѣту у сыраго у дуба,
Золотой его вершиночки.
Много, много, у Анны души,
Много сродства и пріятелей,
Только нѣтъ у Анны души,
Что кормильца, родна батюшки,
Благословить-то ее некому
На чужую на сторонушку,
Ко чужому, ко чужанину,
Ко чужому отцу, матери,
А проводить-то ее есть кому,
Есть и братья, и милы сестры,
Есть и милыя подруженьки.

7.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало лебедей стадо,
А другое стадо гусиное;
Отставала лебедушка
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ;
Не умѣла лебедушка,
По гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати:
Не щиплите меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Выходила толпа дѣвушекъ,
А другая шла молодушекъ;
Отставала Марья душа
Отъ толпы отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала Марья душа
Ко толпы ли да молодушекъ,
Не умѣла Марья душа
На головушкѣ оправити,
Ее стали люди хаити,
Ужь какъ Марья стала плакати:
Вы не хайте, люди добрые!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезли меня кони добрые, 2
Что Василья Аѳанасьевича.

8.

Охъ ты волюшка вольная,
Воля вольная, не заемная!
Не на вѣкъ ты намъ доставалася!
Доставалась волюшка, доставалась вольная,
Краснымъ дѣвушкамъ до замужества!
Замужъ вышедши, ни въ чемъ воли нѣтъ,
Ни въ житьѣ-бытьѣ, ни въ богатествѣ,
Только есть она во тяжелой работушкѣ;
А одинокимъ добрымъ молодцамъ до женитьбы,
А женатымъ, семейнымъ, до солдатчины.

9.

По борамъ, по борамъ, по борочкамъ,
Убита дорожка коврочкомъ:
Кто жь эту дорожку ковромъ убивалъ?
Убивалъ эту дорожку Арсеній Князь,
Ходючи и смотрючи Аграфену душу.
На бору, на бору, на клену,
Виситъ колыбелька на шелку,
Въ колыбельки лежитъ Аграфена душа,
Аграфена душа, свѣтъ Максимовна;
Приходилъ къ ей Арсеній Князь,
Возговорилъ ей Михайловичъ:
Слуги мои, слуги мои, дѣвушки,
Мои вѣрныя служаночки!
Качайте колыбель позыбчѣй,
Чтобъ увидѣть ей свекровъ дворъ
И свекровушкинъ теремъ!
Какъ увидѣла Аграфена душа,
Очень она возрадовалась,
Увидавши свекровъ дворъ;
А еще она возрадовалась,
Что увидѣла она Князя Арсенія,
Арсенія свѣтъ Михайловича.

На канунѣ свадьбы назначаются Вечерины. Передъ вечеринами ведутъ невѣсту въ баню; за невѣстой приходятъ дѣвушки и начичинаютъ звать ее въ баню:

Просимъ милости пожаловать,
Во парну во баенку,
Подъ шелковый вѣничекъ,
Подъ бумажный листочекъ!

Невѣста обращаясь къ отцу:

10.

Благослови-ко, родной батюшка,
Мою ластошку, милу сестру,
Порасплесть мою русу косу,
По единому по волосу,
По могучимъ моимъ плечикамъ!

Сестра начинаетъ расплетать, а невѣста не даетъ ей и говоритъ:

11.

Погоди, моя мила сестра,
Расплетать мою русу косу:
Пусть моя коса покрасуется,
Что во красной во мнѣ, дѣвушкѣ!

Послѣ этого невѣста сама же начинаетъ просить, чтобы ей расплели косу, причитая въ голосъ:

12.

Попрошу я, вамъ покланяюсь:
Расплетите мою русу косу,
Что русу косу, красу дѣвичью;
Вы возьмите, мои подруженьки,
Что мою ли косу дѣвичью,
И все красное дѣвичество!

Та, которая заплетаетъ ей косу, отвѣчаетъ:

13.

Мнѣ не надоть, моя подруженька,
Мнѣ не надоть твоя руса коса:
Я возьму, снесу, русу косу,
Что во полюшко во чистое,
Во лужки-то во зеленые,
Да во травушки шелковыя,
Во цвѣты-то во лазоревы:
Всѣ алы цвѣтики алѣются,
А моя коса увивается,
Во лазоревыхъ цвѣтахъ заплетается:
Какъ пойдетъ твоя родима матушка!
Во поля-то да во чистыя,
Во луга-то во зеленые,
Да увидитъ твою русу косу,
Позавернется ейно ретиво сердце,
Позавернется крѣпче камушка.

Невѣста остается съ распущенными волосами, пока не обвѣнчается. Только что расплетутъ косу, къ невѣстѣ пойдетъ ли сестра, или подруга, звать ее въ баню, и причитаетъ:

14.

Подымись, моя родна сестра,
Что ити-то въ парну баенку,
Что смывать-то волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Невѣста встаетъ, подходитъ къ отцу и причитаетъ:

15.

Благослови, кормилецъ батюшка,
Что ити-то въ парну баенку,
Что смывать свою волю вольную,
Да красу-то свою дѣвичью!

Съ этѣми же словами она обращается и къ матери.

Сейчасъ же послѣ этого дѣвушки покрываютъ невѣсту платкомъ, ведутъ ее въ баню и поютъ:

16.

Растопися, парна баенка,
Раскалися въ банѣ каменка,
Поразсыпься крупной жемчугъ,
По столамъ, столамъ дубовымъ;
Порасплачься, невѣста душа,
Передъ своимъ кормильцемъ батюшкой:
Ты кормилецъ, родной батюшка,
Для чего ты рано по утру встаешь,
Для чего ты пиво пьяное варишь?—
Для того я по утру рано встаю,
Для того я пиво пьяное варю,
Что твоихъ-то поѣзжанъ поить,
Что твоего-то свѣта суженаго,

Невѣста въ это время тихо плачетъ. Въ банѣ она угощаетъ подругъ лакомствами. По выходѣ изъ бани, только что невѣста станетъ подходить къ дому, не входя въ него, останавливается со своими подругами и начинаетъ плакать въ голосъ:

17.

Я иду, родимый батюшка,
Со своимъ милымъ подруженькамъ,
Ужь по новымъ-то по сѣнечкамъ;
Я вхожу, кормилецъ батюшка,
Что во новую во горенку,
Что во свѣтлую во свѣтлицу
Я изъ парной только баенки,
Пообмывши волю вольную,
Порастерявши красу дѣвичью,
По полямъ-то да почистымимъ,
По лужкамъ-то по зеленымимъ.

Входя въ избу, вмѣстѣ съ подругами, невѣста, поклонившись отцу, причитаетъ:

18.

Тебѣ спасибо, родимый батюшка,
Что за парную баенку;
Лишь попеняю тебѣ, батюшка.
Какъ здынулись твои рученьки,
Благословить меня молодешиньку!
Теперь благослови меня, родный батюшка,
Что садиться за дубовый столъ,
Со своимъ милымъ подруженькамъ!

ВЕЧЕРИНЫ.

Невѣста входитъ за столъ и опять причитаетъ:

Благослови, родный батюшка,
За столы-то за дубовые,
Что за скатерти за бариныя!

Отецъ благословляетъ невѣсту и столъ, и всѣ садятся. Передъ каждой перемѣной блюдъ невѣста говоритъ:

19.

Вы покушайте, мои подруженьки,
Что со мной-то, молодешинькой,
Мои послѣднія послѣдушки,
Мои остатніе остаточки!

Послѣ ужина невѣста обращается къ отцу и матери и благодаритъ ихъ словами:

20.

Тебѣ спасибо, родный батюшка,
И родимая моя матушка,
Что накормили меня сытешинько,
Что напоили меня пьянешинько,
Да со милымъ подружинькамъ!

За тѣмъ дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни. Невѣста садится въ передній уголъ, т. е., подъ образа, и задумывается. Немного погодя, дѣвушки ей запоютъ:

21.

Не печалься, Мароа душа,
Не печалься, свѣтъ Ивановна!
Мы тебя не полонить хотимъ:
Не одну тебя во чужи люди отдаемъ,
А дадимъ тебѣ еще свашеньку,
Да еще-то дадимъ кучера.

На эту пѣсню невѣста молчитъ, а дѣвушки за нея отвѣчаютъ:

22.

Всѣ кучера поразъѣдутся,
Всѣ свашеньки поразойдутся,
Одна я, млада, останусь,
У чужого у чужанина,
У чужого отца матери.

Тутъ дѣвушки начинаютъ пѣть разныя пѣсни, и въ числѣ ихъ слѣдующую: «Теща про зятя пирогъ пекла, и пр. См. Плясовыя пѣсни.

При пѣніи этой пѣсни дѣвушки пляшутъ. Невѣста же ходитъ по избѣ и приговариваетъ:

23.

Похожу я, молодешинька,
Что по новой своей горенкѣ,
Что по новой своей свѣтлицѣ,
Поищу я красы дѣвичьей,
А еще погляжу я, молодешинька,
На своихъ милыхъ подруженекъ:
У ихъ буйны головы причесаны,
Алымъ лентамъ пріувязаны,
Золотымъ булавкамъ пріукολοты,
А у меня, у молодешиньки,
Алы ленточки растеряны,
Булавочки пораскиданы,
Буйна головушка растрепана,
Краса дѣвичья порастеряна.
Какъ поищу я своей красы дѣвичьей,
Что по всѣмъ ли четыремъ угламъ,
Да во новой нашей горенкѣ:
Не нашла я красы дѣвичьей,
Ни въ которомъ-то уголушкѣ!

Въ это время пріѣзжаетъ женихъ. Его встрѣчаетъ невѣста. Они садятся рядомъ въ передній уголъ, а дѣвушки запоютъ:

24.

Кто же у насъ умный,
Кто жь у насъ разумный?
Арсеній у насъ умный,
Михайловичъ разумный:
На коня садится,
Подъ нимъ конь веселится,
Къ саду подъѣзжаетъ,
Садикъ разцвѣтаетъ:
Аграфена, выходи,
Свѣтъ Максимовна, выходи!
За бѣлы руки Арсенія брала,
За дубовый столъ сажала,
Чару водки наливала,
Арсенію подавала,
Усердно просила:
Выкушай, Арсеній Князь!—
Я не пью вина хмѣльнаго,
Я не пью вина зеленаго;
Я дарую, семь разъ поцѣлую,
Что ни свѣтъ душу, Аграфенушку.

По окончаніи этой пѣсни женихъ и невѣста встаютъ, благодарятъ дѣвушекъ за пѣсню. Дѣвушки поздравляютъ невѣсту съ женихомъ, а жениха съ невѣстой. Женихъ прощается и уходитъ. Дѣвушки тоже начинаютъ расходиться, а невѣста имъ причитаетъ:

25.

Погодите, мои подруженьки,
Погодите, мои голубушки!
Мнѣ не долго, молодешинькѣ,
Провести часы, минуточки,
Что со вамъ, милы подруженьки,
Что со вамъ, мои голубушки;

Мнѣ не годикъ съ вами годовати,
Одну ночку темну ночевати,
У своего кормильца, батюшки,
У своей ли родимой матушки.

Этѣмъ кончаются вечерины. Дѣвушки расходятся по домамъ, а невѣста плачетъ въ голосъ:

26.

Охъ, рожденна моя матушка!
Какъ на чужой дальней сторонушкѣ,
Налетятъ ли черны вороны,
Забодутъ быки не кладеные,
По утру станутъ будить ранешенько,
Въ вечеру будутъ класть позднешенько;
Я не знаю, молодешинька,
Ни обыча его, ни норову,
Ни ума его, ни разума.
Я о чемъ, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да вамъ покланяюсь:
Какъ пойдете вы, подруженьки,
На веселое гуляньице,
А моя ли то краса дѣвичья,
За вами погонится,
За тонкой рукавъ ухватится,
А возьмите, да мои подруженьки,
Да мою-то красу дѣвичью,
И ввяжите въ алы ленточки,
Пускай съ вами покрасуется!
А еще, мои подруженьки,
Попрошу васъ, да покланяюсь:
Какъ пріѣдутъ мои недруги,
Мои недруги, разлучники,
Не мечитесь вы, подруженьки,
Что на ихну золоту казну,
Не отдавайте меня, молодешиньку!

На другой день назначается Свадьба. Невѣста встаетъ раньше всѣхъ, приготовляется къ вѣнцу, а совсѣмъ одѣвшись, садится и плачетъ въ голосъ:

27.

Я встаю-то, молодешинька,
Что ранымъ-то ранешинько,
Что умоюся бѣдешинько,
Что умоюся не ключевой водой,
А умоюся горючимъ слезамъ;
Я спрошу-ко, молодешинька,
Поспалось ли родной матушки,
Проспала ль она эту ноченьку?
А какъ мнѣ ли, молодешинькѣ,
Не спалась мнѣ темна ночинька,
Не спала я, думу думала:
Подошли-то морозы лютые,
Ознобили мое ретиво сердце.

Тутъ къ невѣстѣ начинаютъ собираться дѣвушки. Мать приготовляетъ столъ, такъ называемый «Княжій.» Когда дѣвушки соберутся, то запоютъ:

28.

Вереюшки пошатнулися,
Вороточки распахнулися,
Къ намъ наѣхалъ полонъ дворъ гостей;
А ужь Мароушка не вѣрила,
Свѣтъ Ивановна не чаяла,
Какъ женихъ-то въ мову горенку вошелъ,
Ужь какъ Мароушку за рученьку беретъ,

Свѣтъ Ивановну за правенькую:
У ней ножки подкосилися,
Бѣлы ручки опустилися,
Ужь Какъ Мароа ужахнулася,
Свѣтъ Ивановна испужалася.

Въ это время пріѣзжаютъ Дружки и, не входя въ избу, останавливаются у дверей, а невѣста, завидѣвъ ихъ, начинаетъ причитать, обращаясь къ брату:

29.

Попрошу я тебя, мой родимый братъ,
Ты возми-сь-ко-ся саблю вострую,
Засѣки пути, дороженьки,
Чистымъ ельничкомъ, березничкомъ,
Да еще горькимъ осинничкомъ,
Чтобы не напали мои недруги:
Разлучатъ они меня, молодешиньку,
Со всѣмъ роднымъ со племенемъ,
Да и съ милымъ подруженькомъ.

Братъ идетъ къ порогу, за которымъ стоятъ Дружки, и спрашиваетъ:

«Что вы за люди?»

Дружки.

Мы дружки,
Вѣрные служки,
Отъ Князя молодаго,
Отъ Арсенія Михайловича.

Братъ.

Просимъ милости войти!

Дружки.

Намъ некогда: мы пріѣхали узнать, готова ли невѣста?

Братъ.

Готова.

Дружки прощаются и уѣзжаютъ, а черезъ нѣсколько времени пріѣзжаютъ со всѣмъ поѣздомъ и, не входя въ избу, останавливаются у порога, а дѣвушки въ это время стоятъ около стола.

Дружки.

Есть ли въ этомъ домѣ хозяинъ?

Дѣвушки.

Есть.

Дружки.

Дайте намъ дубоваго стола,
Поставить нашего Князя подъ святые образа.»

Обращаясь къ дѣвушкамъ:

Чтó вы за люди?

Дѣвушки.

Молодой Кинягиньи вѣрныя служаночки.

Дружки.

Гдѣ же Княгинья? Отъ чего она не снаряжена и за столъ не посажена?

Дѣвушки.

Наша Княгинья въ парной баенкѣ, подъ шелковымъ вѣничкомъ

Дружки.

Опростайте намъ квартиру: что надо, то и заплатимъ.

Дѣвушки.

Дайте намъ золотой казны!

Дружки.

Кидаютъ мѣдныя деньги.

Дѣвушки.

Наша Княгинья больше этого стоитъ. Выкиньте намъ хоть меленькихъ да бѣленькихъ: мы баню топили, сто паръ башмаковъ из-

носили, косу Княгиньи расплетали. Если у васъ сыщется золотой казны, тогда и невѣсту возьмите; а коли не сыщется, то ваша невѣста въ зеленый дубъ посажена, золотыми ключами замкнута; этѣ ключи далеко спрятаны: намъ не сыскать, и вамъ не найти.

Дружки.

Высыпаютъ на столъ серебро.

Дѣвушки.

Нашей Княгиньи руса коса стоитъ больше этѣхъ стеколъ (выкидывая золотую монету, или мѣдную пуговицу); у нашей Княгиньи вотъ какія деньги есть, а за этѣ ваши стеклы не отдадутъ невѣсты.

Дружки прибавляютъ еще серебра. Дѣвушки, поблагодаривъ, спрашиваютъ: покажите намъ

Кто краснѣя красна солнышка,
Кто свѣтлѣя свѣтла мѣсяца!

Дружки.

Выводятъ жениха на середину избы.

Дѣвушки.

Дайте намъ море воды, кучу ржи, да коня ѣхать со двора!

Дружки даютъ пирогъ, чашку пива и мѣдную деньгу и говорятъ:

Дайте намъ стола,
У насъ хлѣбъ-соль своя.

Дружки посадятъ жениха за столъ въ передній уголъ, вмѣстѣ съ невѣстой, поставятъ на столъ съ собой принесенную закуску и водку, угощаютъ тѣхъ, которые съ ними въ поѣздѣ, а потомъ невѣстиныхъ родныхъ. Когда они кончатъ, то невѣста говоритъ:

Невѣстина хлѣбъ-соль тоже не поганая!»

и подаетъ три какія ни будь блюда, а четвертое: пряженники, которые раскладываютъ каждому, и всякій, кто ихъ ѣстъ, обязанъ положить денегъ на блюдо. Дѣвушки, выйдя изъ за стола, поютъ пѣсни жениху, который съ невѣстой и съ поѣзжанами сидитъ за столомъ. Женихъ и невѣста сами ни чего не ѣдятъ, а просятъ другихъ кушать.

30.

Да ужъ кто жь тебѣ, Арсеній Князь,
Чесалъ буйну голову,
Завивалъ тебѣ русы кудри? —
Чесала родная матушка,
Завивала кудри мила сестра,
Что во путь-то, во дороженьку,
По свою ѣхать по сужену,
Что по сужену, снаряжену,
По Аграфену-то Максимовну. —
Съ Богомъ, съ Богомъ, мое дитятко,
Со Христомъ, мое рожденное!

Женихъ благодаритъ дѣвушекъ за пѣсню, и даетъ имъ денегъ. Онѣ опять запоютъ:

31.

Вдоль по улицѣ молодецъ идетъ,
Вдоль по широкой удаленькій,
Онъ загуливалъ во высокій во теремъ,
Да за занавѣсь заглядывалъ,
Все за шитую, за бранную,
Онъ высматривалъ, выглядывалъ,
Душу красну дѣвушку, Аграфенушку;

Онъ сталъ ей бѣлы рученьки сжимать,
Онъ сталъ ей золоты перстни ломать;
Говорила Аграфена душа,
Говорила свѣтъ Максимовна:
Ты Арсеній, свѣтъ Михайловичъ,
Не сжимай моихъ бѣлыхъ ручекъ;
Не ломай моихъ золотыхъ перстней!
Вѣдь не ты мнѣ золоты перстни купилъ,
Да не ты и золотые золотилъ:
Мнѣ купилъ ихъ родной батюшка,
Золотила родна матушка.

Женихъ опять благодаритъ дѣвушекъ, и онѣ запоютъ:

32.

Тебѣ спасибо, Князь молодой!
Тебѣ спасибо, Михайловичъ!
Не успѣли мы слова выговорить,
Не успѣли мы пѣсни спѣть —
Отъ тебя дары пошли,
Отъ тебя великіе,
Съ поклономъ съ низкіимъ,
Съ словомъ со ласковымъ.

Послѣ этой пѣсни сваха вкладываетъ руку невѣсты въ руку жениха и ноги жениха въ ноги невѣстѣ. Это дѣлается для того, чтобы свадьбу не могли испортить.

Когда отобѣдуютъ, дружки говорятъ отцу и матери невѣсты:

33.

Умѣли дитя воскормити,
Умѣйте и благословити!

Дружки, обращаясь ко всѣмъ:

Званные и бранные, благословите!

Невѣста заплачетъ въ голосъ:

34.

Не прошу, кормилецъ батюшка,
Я ни злата у тебя, ни серебра,
Ни имѣнія, ни богатества;
Попрошу я, кормилецъ батюшка,
Что великаго благословеньица:
Благослови, кормилецъ батюшка,
Что во путь-то, во дороженьку,
На чужую на сторонушку,
Ко чужому отцу матери!

Невѣста и женихъ становятся передъ отцомъ на колѣни: отецъ благословляетъ и даетъ цѣловать образъ.

Послѣ благословенія, женихъ поведетъ невѣсту въ сани, чтобы ѣхать въ церковь, а дѣвушки запоютъ:

35.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!

Ударь во колоколъ
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Аграфена матушка,
Услышавши, заплакала:
Ко мнѣ сваты ѣдутъ,
Мое дитю берутъ,
Дитю рожденную;
Отъ меня дары везутъ,
Да дары все шитые,
Скатерти бранныя.

Не спи, не лежи,
Поповъ сынъ въ городѣ!
Пріударь во колоколъ
Да во звончастый,
Чтобы услыхала
Арсеньева матушка,
Услыхавши, возрадовалась:
Ко мнѣ сноху везутъ,
Ко мнѣ ларцы несутъ,
Со златомъ, со серебромъ,
Со крупнымъ со жемчугомъ,
Со шитымъ шитьемъ,
Со браннымъ со скатертямъ.

По окончаніи этой пѣсни поѣздъ отправляется въ путь: впереди ѣдутъ Дружки, потомъ женихъ съ посаженымъ отцомъ, который называется Тысяцкимъ, въ третьихъ саняхъ ѣдутъ Бояре, а сзади всѣхъ невѣста со свахой. Невѣсту везетъ кучеръ, который называется возилой. Когда выѣдутъ за ворота, возила говоритъ: «У саней завертки лопнули: привязать не чѣмъ!» Невѣста даетъ ему полотенце, что повторяется нѣсколько разъ, и каждый разъ невѣста должна дарить полотенца. Мальчишки, и даже большіе мужики, загораживаютъ путь поѣзду, и Дружки, чтобы ихъ пропустили, бросаютъ орѣхи.

Обвѣнчавшись, молодые ѣдутъ въ домъ жениха. Ихъ сейчасъ же сажаютъ на лавку. Невѣста въ это время находится все еще подъ покрываломъ; тутъ выходитъ теща съ пирогомъ, которымъ закрываютъ молодую. Бабы, поспоривъ нѣкоторое время съ мужиками: кто лучше: женихъ, или невѣста, запоютъ извѣстную уже пѣсню:

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Вылетало лебедей стадо,
А другое стадо гусиное,
Отставала лебедушка,
Что отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что къ стаду сѣрымъ гусямъ,
Не умѣла лебедушка
По гусиному кричати,
Ее стали гуси щипати:
Не щипите меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетала:
Занесло меня погодою,
Что погодою осеннею, и проч.

Послѣ этой пѣсни запоютъ:

36.

Не шелкова ниточка къ стѣнкѣ льнетъ,
Михайлычъ Максимовну къ сердцу жметъ:
Ты скажи, скажи, Аграфенушка,
Кто жь тебѣ отъ роду милъ? —
А милъ мнѣ, миленекъ, родный батюшка,
Помилѣе того родна матушка. —
А это, Аграфенушка, неправда твоя,
А это, Максимовна, не истинная;
Скажу, скажи, Аграфенушка, правду всю,

Скажи, скажи, Максимовна, истинную! —
Я скажу, младешинька, правду всю:
Только мнѣ милъ одинъ Арсеній свѣтъ,
Милъ, милешенекъ, Михайловичъ!

Послѣ этого молодыхъ сейчасъ же поведутъ спать, а сваха и свекровь начинаетъ смотрѣть сундукъ съ дарами молодой. Дары состоятъ изъ шитыхъ полотенецъ, скатертей и т. п. Когда молодые воротятся, то свекровь начинаетъ изъ сундука дарить дары роднымъ, а невѣста, кланяясь, проситъ ихъ принять.

Тутъ начинается пиръ, какъ обыкновенно бываетъ вездѣ. На другой день, утромъ, свекровь печетъ блины; молодую посылаютъ за водой, и всѣ ее провожаютъ до воротъ. Когда она принесетъ воды, то всѣ родные стараются этой водой облить другъ друга три раза, и молодая должна сходить за водой три раза же. Когда она принесетъ въ послѣдній разъ воду, ее заставляютъ месть избу, и въ это время бросаютъ деньги.

Этѣмъ кончается свадьба.... Всѣ разъѣзжаются.

Всѣ записаны К. М. Шишкинымъ.

Stanford University Libraries
3 6105 007 335 131

DATE DUE

